This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

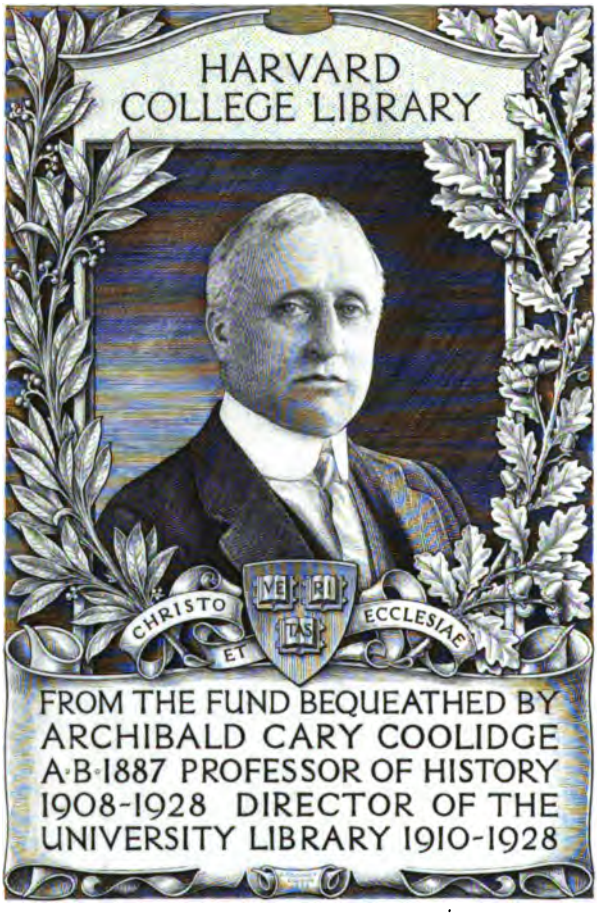
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slar 777.100


HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE RI TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

Д. И. ИЛОВАЙСКАГО

МЕЛКІЯ СОЧИНЕНІЯ, СТАТЬИ И ПИСЬМА.

1857—1887 гг.

[вып. 1]

По вопросамъ о преподаваніи исторіи.
Путевыя замѣтки и воспоминанія.
Публицистика по Восточному вопросу.
Публицистика по внутреннимъ дѣламъ.
О послѣднемъ фазисѣ Восточнаго вопроса.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°).
Леонтьевскій пер., д. Лаврова.
1888.

Slav 777.100

HARVARD COLLEGE LIBRARY
COOLIDGE FUND
april 29, 1938

Въ 1884 году изданіемъ перваго тома сочиненій я началъ подведеніе нѣкоторыхъ итоговъ своей научной и литературной дѣятельности. Изданіе втораго тома собственно историческихъ моихъ трудовъ по обстоятельствамъ замедлилось. Надѣюсь выдать его въ скоромъ времени; а пока выпускаю въ свѣтъ настоящую книгу, заключающую въ себѣ выборъ изъ того, что въ теченіе тридцати лѣтъ было написано мною по другимъ отдѣламъ литературы и общественности. Тутъ на первомъ мѣстѣ собраны мои рецензіи и статьи, относящіяся къ преподаванію исторіи; изъ совокупности ихъ выясняются и опредѣляются взгляды и мнѣнія автора на этотъ предметъ, тѣсно связанный съ нѣкоторыми спеціальными его трудами (т.-е. съ системою историческихъ руководствъ). На второмъ мѣстѣ идутъ путевыя замѣтки и воспоминанія о разныхъ лицахъ. Кромѣ своей непосредственной задачи этотъ отдѣлъ отчасти заключаетъ въ себѣ и элементъ автобіографическій. Вся вторая половина книги посвящена публицистикѣ, т.-е. моимъ политическимъ письмамъ, разсѣяннымъ по разнымъ изданіямъ и относящимся преимущественно къ Восточному вопросу, а отчасти къ вопросамъ внутреннимъ. Эти письма обнимаютъ періодъ послѣднихъ 12—13 лѣтъ, и заключаютъ въ себѣ результаты моихъ наблюденій надъ событіями современными или отзывы на нѣкоторые вопросы, выдвинутые на очередь нашей общественной жизнію. Отчасти онѣ имѣютъ интересъ уже прошлый, слѣдовательно могутъ быть провѣрены исторической критикой, а отчасти сохраняютъ пока свое современное значеніе.

Москва. Декабрь 1887 г.

ПО ВОПРОСАМЪ

о

ПРЕПОДАВАНІИ ИСТОРІИ.

Прежде всего предлагаю вниманію читателей нѣсколько моихъ рецензій на историческія руководства. Рецензіи написаны въ тѣ годы, когда я былъ гимназическимъ преподавателемъ исторіи, и выражаютъ мои тогдашніе взгляды на ея преподаваніе, въ основныхъ чертахъ сохраненные мною и доселѣ. Эти разборы навели потомъ меня на мысль: самому приняться за составленіе историческихъ руководствъ и попытаться отвѣтить на тѣ требованія, которыя я предъявлялъ къ другимъ.

I.

РУССКІЕ УЧЕБНИКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

Учебная книга всеобщей исторіи. 3 части. Составлена Н. Зуевымъ. 1-я часть 1856 г., изданіе четвертое. 2-я и 3-я части 1855 г., изданіе третье. Краткая всеобщая исторія въ простыхъ разсказахъ для дѣтей. Составилъ Н. Берте. 1858 г., изданіе пятое. *

Книги, на которыя мы хотимъ обратить вниманіе читателей, уже не новость въ нашей учебной литературѣ; одна изъ нихъ достигла четвертаго изданія (1-я часть), а другая пятаго. И та и другая назначаются какъ руководство молодымъ людямъ для изученія всеобщей исторіи; посмотримъ насколько онѣ удовлетворяютъ своей задачѣ и настоящимъ требованіямъ Русскаго общества.

Никто конечно не будетъ отрицать того вліянія, которое учебники вообще оказываютъ на образованіе молодаго поколѣнія. Не только наша рѣчь письменная и изустная носитъ часто слѣды тѣхъ книгъ, по которымъ мы учились; но это вліяніе иногда отражается и на самомъ складѣ нашего мышленія, и чѣмъ дитя воспріимчивѣе, чѣмъ оно прилежнѣе, тѣмъ это вліяніе сильнѣе; руководство, какъ извѣстно, бываетъ часто виною нелюбви ученика къ тому или другому предмету, если только тяжелое впечатлѣніе, производимое руководствомъ, не будетъ уничтожено или смягчено наставникомъ.

Трудна въ настоящее время сдѣлалась задача писать книги для дѣтей; много условій требуется отъ хорошо составленнаго руководства. Возмемъ, напримѣръ, руководство по всеобщей исторіи. Прежде всего оно должно заключать результаты или приблизительно послѣднее слово науки въ эпоху

* Московскія Вѣдомости 1858 г. № 67.

своего появленія на свѣтъ,—въ этомъ состоитъ научное достоинство руководства; но мы будемъ говорить преимущественно объ его учебной сторонѣ, о его отношеніяхъ къ поколѣнію учащихся. Въ послѣднемъ случаѣ отъ него требуется, во-первыхъ, легкаго правильнаго языка, т. е. авторъ долженъ владѣть даромъ разсказа. Потомъ ему необходимо искусство группировать событія въ извѣстную эпоху такимъ образомъ, чтобы въ душѣ ученика рисовалась ясная и по возможности полная картина этой эпохи; слѣдовательно, главная задача тутъ заключается въ выборѣ фактовъ, въ рѣшеніи вопроса, какія событія можно пройти молчаніемъ, какія упомянуть слегка, и на какихъ остановиться подолѣе, какъ на событіяхъ, наиболѣе характеризующихъ эпоху или обильныхъ результатами; руководство не должно быть загромождено мелочными фактами.

Далѣе въ настоящее время отъ историческаго учебника требуется, чтобы онъ давалъ почти столько же мѣста исторіи образованія, сколько и политическимъ событіямъ. До сихъ поръ наши историческіе учебники главнымъ образомъ представляли перечень, болѣе или менѣе подробный, военныхъ походовъ и безконечныхъ битвъ отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшихъ; на каждой страницѣ можно было встрѣтить рѣзню, страшныя убійства, насилія и прочіе ужасы. Мы очень хорошо помнимъ, какъ въ дѣтствѣ намъ наскучало частое повтореніе словъ: разбилъ, убилъ, умертвилъ, измѣнилъ, низвергъ и пр., безъ которыхъ не обходилось ни одного урока. О другихъ сторонахъ народной жизни говорилось обыкновенно вскользь, мимоходомъ. Мы никакъ не думаемъ отвергать огромнаго вліянія войнъ на судьбы человѣчества; но онѣ не должны однако наполнять собою всю исторію; бытовая сторона народной жизни, особенно государственныя учрежденія, торговыя сношенія, успѣхи наукъ, искусствъ и литературы имѣютъ столько же правъ на вниманіе исторіи, какъ и военныя событія. Конечно юное воображеніе вообще способнѣе увлекаться геройскими подвигами на полѣ брани, нежели слѣдить за успѣхами мирнаго труда; но въ этомъ случаѣ на увлеченіе дитяти часто дѣйствуетъ собственнымъ увлеченіемъ авторъ руководства. Мы увѣрены, что даровитый разскащикъ и картиною мирной дѣятельности точно также заинтересуетъ юношу, какъ и описаніемъ военныхъ подвиговъ.

Руководство должно отличаться еще соразмѣрностію и гармоніею своихъ частей; народы и событія занимаютъ мѣста сообразно ихъ всемірно-историческому значенію. Интересные эпизоды, по нашему мнѣнію, непремѣнно должны время отъ времени пополнять разсказъ, напр., мелкимъ шрифтомъ или внизу страницы. Впрочемъ какъ это послѣднее условіе, такъ и расположеніе частей, т.-е. вопросъ, отдѣлять ли исторію циви-

лизаціи отъ политическихъ событій или развивать ихъ въ непрерывной связи, конечно зависитъ отъ степени удобства воззрѣній автора на предметъ. Кромѣ того мы еще въ правѣ ожидать отъ руководства, чтобы исторіи народовъ оно предпосылало наглядное изображеніе мѣстности и народный бытъ связывало съ физическими условіями страны. Мы остановимся на этихъ главныхъ требованіяхъ, и посмотримъ теперь, въ какой степени удовлетворяютъ имъ двѣ книги, обозначенныя въ началѣ нашей статьи.

Всеобщая исторія г. Зуева не отличается легкостію и простотою слога. Попытки избѣгать сухости въ изложеніи и писать языкомъ пріятнымъ и выразительнымъ встрѣчаются иногда въ его сочиненіи; но это только попытки; авторъ безпрерывно попадаетъ на торжественный тонъ и пишетъ часто темнымъ, высокопарнымъ слогомъ. Вотъ образчики его выраженій: «Аристотель—примѣчательнѣйшее явленіе въ лѣтописяхъ образованія народовъ» (ч. I, изд. 4-е, 1856 г., стр. 116); «Наконецъ настала рѣшительная минута. При Эдингтонѣ закипѣла страшная битва». (Ч. II, изд. 3-е, стр. 39); «Таковымъ буйнымъ поступкомъ самоуправства рушился всякій порядокъ». (Ч. III, изд. 3-е, стр. 81) и т. д. Мы открыли страницы наудачу; а подобныя выраженія можете встрѣтить почти на каждомъ шагу.

Еще менѣе удовлетворяетъ авторъ другимъ требованіямъ руководства: напрасно было бы искать у него картиннаго изображенія эпохи, искусной группировки событій, соразмѣрности и гармоніи частей; у него нѣтъ даже опредѣленной системы; встрѣчаются иногда повторенія; факты набросаны вообще съ замѣчательною небрежностію и безъ всякой органической связи. Не спасаютъ автора многочисленныя раздѣленія и подраздѣленія на періоды, главы и параграфы. Напримѣръ:

«Исторія Швейцаріи».

§ 314. Швейцарія, зависѣвшая отъ Франціи, возстановила свою самостоятельность; она увеличена тремя кантонами: Валлисомъ, Невшателемъ и Женевою и состоитъ нынѣ изъ 25 кантоновъ». (Новой исторіи періодъ 3-й, глава XXVI).

Не правда ли, какъ коротко и ясно изобразилъ авторъ исторію Швейцаріи послѣ Вѣнскаго конгресса. Но касательно Швейцаріи это еще неважно; гораздо важнѣе, что подобная характеристика помѣщена и подъ заглавіемъ: «Исторія Пруссіи»: впрочемъ съ небольшимъ прибавленіемъ, а именно: «Такимъ образомъ эта держава начала благоденствовать еще подъ скипетромъ покойнаго короля Фридриха Вильгельма III, скончавшагося въ 1841 г., и благоденствуетъ по сіе время при преемникѣ его

Фридрихѣ Вильгельмѣ IV». Причина такого лаконическаго изложенія для насъ очень понятна: это отсутствіе значительныхъ войнъ.

Посмотримъ теперь, сколько мѣста дано въ книгѣ г. Зуева исторіи образованія. Естественно, что прежде всего мы спѣшимъ къ древней Греціи, къ той самой Греціи, которой цивилизація имѣетъ громадное значеніе во всемірной исторіи. Раскрываемъ. И что же? Находимъ только «Краткое обозрѣніе образованности Грековъ», разсказанное на 4-хъ страничкахъ (113—117, 4-е изд.), и притомъ, какъ разсказанное!

Приводимъ начало этого обозрѣнія: «Образованіе Грековъ, также какъ и жизнь ихъ, проявилось въ 2-хъ характерахъ: Іоническомъ и Дорическомъ. Веселые, богатые, изнѣженные Іоняне жили внѣшнею жизнію, старались разнообразить ее и услаждать всѣми удовольствіями. Напротивъ суровые, нравственные Доряне жили внутреннею жизнію. Посему сочиненія первыхъ принимаютъ характеръ пластическій, реальный, а вторыхъ—созерцательный, идеальный. Музы нашли себѣ впервые поклонниковъ во Ѳракіи; здѣсь появились символическіе обряды, посредствомъ которыхъ жрецы дѣйствовали на народъ; изъ нихъ прославились: Орфей, Музей и другіе; но слава ихъ меркнетъ съ появленіемъ знаменитаго поэта героическихъ временъ, Омира» и пр. За тѣмъ идетъ перечень поэтовъ, художниковъ, философовъ и ихъ произведеній, съ громкими эпитетами и безъ эпитетовъ. Обозрѣніе это оканчивается слѣдующими фразами: «Таково было состояніе наукъ и искусствъ въ цвѣтущія времена Грековъ. Съ ослабленіемъ силъ нравственныхъ ослабли и силы умственныя. Развращенная и изнѣженная жизнь, кровавыя междоусобія мало-по-малу истребили сѣмена прекраснаго, и всѣ лучшія произведенія ума человѣческаго и рукъ достались Римлянамъ вмѣстѣ съ покоренною страною.»

О религіи Греческой и объ отношеніи къ ней античнаго искусства г. Зуевъ въ 4-мъ изданіи своей древней исторіи умалчиваетъ; совѣтуемъ читателю заглянуть въ одно изъ предъидущихъ изданій; онъ откроетъ тамъ на этотъ счетъ удивительныя вещи. О цивилизаціи Римлянъ г. Зуевъ говоритъ еще менѣе; онъ только дѣлаетъ «Краткій очеркъ исторіи Римской литературы до временъ имперіи», на двухъ страничкахъ (182—184). Чѣмъ же наполнена исторія Греціи и Рима? спроситъ кто-нибудь, не читавшій книги г. Зуева. Странный вопросъ, отвѣчаемъ мы: какъ будто древніе народы воевали менѣе, чѣмъ новые.

Не болѣе удовлетворителенъ отдѣлъ цивилизаціи и въ средней исторіи. Изъ 233 страницъ второй части г. Зуевъ посвящаетъ 16 страницъ на «Краткое обозрѣніе наукъ и художествъ въ средніе вѣка» (171—186. 3-е изд.) съ приличнымъ раздѣленіемъ на 4 періода, съ предпосланіемъ

общаго обозрѣнія и съ прибавленіемъ открытій, изобрѣтеній компаса, пороха, писчей бумаги и книгопечатанія. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ мимоходомъ касается знаменитыхъ ученыхъ, художниковъ и поэтовъ, предоставляя собственному воображенію молодыхъ людей рисовать картину средневѣковаго быта; на торговлю и государственныя учрежденія онъ не обратилъ никакого вниманія. Остальныя 217 страницъ средней исторіи наполнены по обыкновенію войнами, династіями, хронологическими таблицами и алфавитнымъ географическимъ указателемъ. Собственныя имена и годы разсѣяны почти на каждой строкѣ, такъ что у бѣднаго мальчика навѣрно заломитъ голову послѣ первой же выученной страницы (ибо просто читать эту книгу невозможно). Выводя на сцену страшное количество рыцарей и бароновъ, авторъ не позаботился очертить сколько нибудь наглядно феодально-рыцарскій бытъ. Конечно мы не можемъ принять за очерки этого быта нѣсколько словъ, которыя онъ приводитъ подъ заглавіемъ: «О феодальной системѣ». Представляемъ на судъ читателей напримѣръ слѣдующее мѣсто, въ которомъ авторъ довольно наивнымъ образомъ объясняетъ молодому человѣку, что такое были домены, феодалы, феоды, лены, вассалы и сюзрены. «Когда войны мало-по-малу стихли, и Германцы стали болѣе обращать вниманія на улучшенія своего быта, то имъ естественно пришла мысль объ осѣдлости и отдѣльности владѣній, свойственной семейной жизни. Они потребовали раздѣла фиска, и король съ палатнымъ меромъ, по общему приговору, одѣлили всѣхъ членовъ гелейта, смотря по ихъ достоинству и заслугамъ, *доменами* или *аллодіумами;* при чемъ король себѣ бралъ большой и лучшій участокъ; палатный меръ также не упускалъ случая обезпечить свое состояніе. За тѣмъ палатный меръ дѣлался уже только управляющимъ королевскими помѣстьями. Но такъ какъ подобный раздѣлъ фиска могъ разрушить всякую связь между членами гелейта и разстроить грозное положеніе завоевателей провинціи, то аллодіальные владѣльцы обязывались присягою въ вѣрности королю и гелейту и назывались въ этомъ отношеніи *феодалами* (fides), а участокъ ихъ *феодомъ*. Такимъ образомъ раздѣленіе фиска, на первый разъ, казалось равно выгоднымъ для членовъ гелейта и для предводителя онаго. Въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ феодальныя отношенія мало-по-малу становились тягостными и для гелейта и для короля. Пользуясь своимъ превосходствомъ и разъединеніемъ интересовъ гелейта, король, подъ предлогомъ охраненія общаго блага, присвоилъ себѣ, такъ сказать, власть цензора, въ отношеніи къ службѣ своихъ феодаловъ: за вѣрность и усердіе награждалъ увеличеніемъ феода. Общій порядокъ владѣнія былъ таковъ, что, какъ

въ новѣйшее время жалованье, феодъ принадлежалъ феодалу до тѣхъ поръ, пока продолжалась его служба; съ окончаніемъ оной, король присвоилъ себѣ право распорядиться феодомъ и оставлялъ его за наслѣдникомъ умершаго, или передавалъ тому, кто замѣнялъ феодала, выбывшаго изъ службы. А чтобы еще болѣе подчинить себѣ феодаловъ, онъ удѣлялъ имъ участки изъ своего собственнаго домена подъ названіемъ *бенефицій* или *леновъ*, и за то обязывалъ ихъ уже личною къ себѣ вѣрностію: аллодіальный свободный владѣлецъ становился *вассаломъ* своего леннаго владыки *сюзрена* (souverain). Условія обладанія леномъ были еще стѣснительнѣе для вассала, нежели условія владѣнія аллодіумомъ» (44—45-ая, 2-я часть, 3-е изд.).

Упоминая безпрерывно о битвахъ, г. Зуевъ даже не почелъ за нужное надѣть на господъ рыцарей ихъ тяжелое вооруженіе, такъ что передъ глазами учениковъ они мелькаютъ подобно тѣнямъ. Что же касается до новыхъ вѣковъ, то здѣсь исторія Европейской цивилизаціи проходится совершеннымъ молчаніемъ (за исключеніемъ краткаго вступленія), или, выражаясь языкомъ прежнихъ историковъ, она покрывается у него мракомъ неизвѣстности.

Г. Зуевъ не указываетъ на источники своего труда; мы догадываемся однако, что въ основаніе его книги легли: Всемірная исторія Беккера, Руководство ко всеобщей исторіи Лоренца, разказы Ламе Флери, учебникъ г. Смарагдова и собственныя идеи автора. Не хотимъ утомлять вниманіе читателей дальнѣйшими выписками изъ книги г. Зуева, которыя могли бы показать, какъ неудачно вообще онъ пользовался своими источниками; это увлекло бы насъ слишкомъ далеко; да притомъ достаточно и тѣхъ мѣстъ, которыя мы привели, чтобы судить о достоинствѣ «учебной книги». Изъ разсказовъ Ламе Флери г. Зуевъ заимствовалъ исторію Англіи въ XVII-мъ и XVIII-мъ вв., и заимствовалъ очень добросовѣстно, такъ что его исторія Англіи почти переводъ краснорѣчиваго разскащика. Жаль только, что г. Зуевъ не пользовался имъ гораздо чаще: картинныя описанія быта, живыя характеристики многихъ историческихъ лицъ и интересные эпизоды Французскаго писателя могли бы сообщить его книгѣ несравненно болѣе интереса въ глазахъ юнаго поколѣнія. Авторъ впрочемъ отдаетъ полную справедливость многимъ знаменитымъ историкамъ новыхъ временъ; такъ напримѣръ, приступая къ исторіи Рима, онъ говоритъ, что «изъ новѣйшихъ сочиненій преимущественно уважаются сочиненія Нибура и Вальтера» (стр. 117).

Не помогаютъ г. Зуеву составленныя имъ и приложенныя въ концѣ каждой книжки алфавитные указатели географическихъ названій и до-

стопамятныхъ лицъ, хронологическія и генеалогическія таблицы, и историческія карты; напротивъ онѣ еще яснѣе обнаруживаютъ спекулятивный характеръ его труда.

Послѣ всего сказаннаго нами, можетъ быть нѣкоторые изъ читателей сдѣлаютъ вопросъ: зачѣмъ же мы видимъ въ книгѣ г. Зуева только одни недостатки и не хотимъ указать на ея достоинства? и должна же наконецъ она представить какой-нибудь шагъ впередъ сравнительно съ своими предшественниками. Мы рѣшительно затрудняемся отвѣчать на подобный вопросъ; можетъ быть, въ исторіи г. Зуева найдутся и достоинства; но пусть отыскиваютъ ихъ другіе болѣе насъ счастливые рецензенты. Замѣтьте при этомъ, что мы имѣли въ виду собственно послѣднія, исправленныя книжки (т.-е. 4-е изданіе древней исторіи и 3-е изд. средней и новой); можете себѣ вообразить, въ какомъ видѣ явились онѣ на свѣтъ въ предыдущихъ изданіяхъ. Тамъ вы нашли бы между прочимъ древнія государства, падающія отъ роскоши, и много другихъ интересныхъ фактовъ.

Гораздо болѣе утѣшительнаго должны мы сказать о книгѣ г. Берте. «Главная цѣль моя, говоритъ авторъ въ предисловіи, состояла въ томъ, чтобы, соображаясь съ потребностями обученія домашняго и въ низшихъ училищахъ, представить дѣтямъ полный обзоръ Всеобщей Исторіи, въ ясныхъ, простыхъ и возможно занимательныхъ, но краткихъ разсказахъ, изъ которыхъ каждый составлялъ бы отдѣльный, легкій урокъ». Всякій, прочитавшій нѣсколько главъ изъ этой книги навѣрно согласится, что авторъ почти достигаетъ своей скромной цѣли. Языкъ его легокъ и пріятенъ; въ этомъ заключается главное достоинство книги г. Берте. Далѣе, событія выбраны имъ наиболѣе рельефныя и характеристичныя. Мы желали бы однако найти у него болѣе мѣста для внутренней, бытовой исторіи народовъ; тѣ же немногія главы, которыя посвящены авторомъ объясненію народнаго быта, сообщаютъ дѣтямъ приблизительно вѣрныя понятія и способны заинтересовать его съ этой стороны. Въ примѣръ приведемъ то, что, говорится здѣсь о религіи Грековъ:

«Религія древнихъ Грековъ была совершенно отлична отъ религіи прочихъ народовъ: Евреевъ, Египтянъ, Вавилонянъ и Персовъ. У нихъ не было ни общаго народнаго божества, ни общаго храма, ни священныхъ книгъ, ни господствующей и сильной касты жрецовъ. Они признавали своими божествами разные предметы вселенной и природы, напр. небо, солнце, луну, землю и представляли ихъ въ образѣ людей. Царь и отецъ всѣхъ боговъ былъ *Зевесъ (Юпитеръ)*, богъ неба и земли. Греки изображали его въ видѣ почтеннаго мужа съ длинными распущенными воло-

сами. Въ одной рукѣ онъ держалъ земной шаръ (?), а въ другой скипетръ. Прочія изъ божествъ были родственники Зевеса или Юпитера. *Гера (Юнона)*—жена Юпитера, была царица неба и земли; *Аполлонъ*, сынъ Юпитера, былъ богъ солнца; а *Діана*, его сестра, богиня луны. *Посейдона* (Нептуна), бога моря, представляли сидящимъ верхомъ на лошади съ тройнымъ копьемъ въ рукѣ. Такихъ боговъ и богинь у Грековъ было множество.—Притомъ эти боги, по мнѣнію Грековъ, не только представляли предметы природы, но и выражали разныя качества и добродѣтели людей. Напримѣръ, была богиня любви и красоты (*Афродита*), богиня мудрости (*Паллада*), богъ краснорѣчія (*Гермесъ, Меркурій*) и др.

Греки обожали также многихъ людей, особенно героевъ, которымъ, по смерти ихъ, жрецы приносили въ жертву на красивыхъ алтаряхъ быковъ, увѣшанныхъ цвѣтами. Нѣкоторые сочиняли стихи, въ которыхъ хвалили дѣла боговъ, а народъ публично пѣлъ эти стихи.

Главнымъ божествамъ Греки строили красивые храмы въ тѣнистыхъ рощахъ и мрачныхъ долинахъ; а въ этихъ храмахъ ставили статуи боговъ и богинь изъ дерева или изъ камня, золота или серебра. Въ лѣтнемъ саду нашей столицы и въ другихъ публичныхъ садахъ въ окрестностяхъ Петербурга, особенно въ Царскосельскомъ, Петергофскомъ и Павловскомъ, много мраморныхъ статуй разныхъ Греческихъ боговъ и богинь.

Суевѣрные Греки думали, что боги могутъ говорить съ людьми и что въ нѣкоторыхъ, особенно въ таинственнымъ мѣстахъ, боги открывали людямъ будущее разными знаками, которые объясняли жрецы. Эти предсказанія назывались *оракулами*. Болѣе прочихъ прославился оракулъ въ Дельфійскомъ храмѣ Аполлона у подошвы *Парнаса*, горы музъ. Здѣсь жрица *Пиѳія*, въ извѣстные дни, садилась на треножномъ стулѣ, надъ пещерой, изъ которой выходили сильные, удушливые, сѣрные пары. Отъ этихъ паровъ съ Пиѳіей дѣлались разные припадки, и она начинала произносить отрывистыя, непонятныя слова, которыя жрецы записывали и потомъ объясняли народу, какъ отвѣты на его вопросы. Другой знаменитый оракулъ былъ въ городѣ *Додонѣ*, въ Эпирѣ. Тамъ жрецы по шелесту листьевъ священнаго дуба, по журчанію ручья и по звуку мѣдныхъ сосудовъ предсказывали людямъ будущую ихъ участь; народъ же твердо вѣрилъ этимъ предсказаніямъ» (стр. 32—33).

Мы выбрали именно это мѣсто съ намѣреніемъ показать, какъ просто и наглядно передаетъ авторъ дѣтямъ тѣ стороны народной жизни, которыя или совсѣмъ обойдены или такъ неудачно представлены у г. Зуева. Въ научномъ отношеніи въ книгѣ г. Берте найдутся и нѣкоторые промахи; встрѣчаются, напримѣръ, разсказы, давно заподозрѣнные истори-

ческою критикою, въ родѣ того, что Ликургъ отмѣнилъ золотыя и серебряныя деньги и ввелъ желѣзныя; что Порсена отступилъ отъ Рима, устрашенный подвигами Горація Коклеса и Муція Сцеволы и пр.; хотя въ отношеніи къ учебнику, назначенному для дѣтскаго возраста, эти промахи не очень важны; но все-таки гораздо лучше, еслибы ихъ совсѣмъ не было и дѣти не получали бы никакихъ ложныхъ понятій и впечатлѣній. Кромѣ того мы желаемъ обратить вниманіе автора на отдѣлъ новой исторіи, который у него слишкомъ отрывоченъ и вообще изложенъ менѣе удовлетворительно, нежели первые два.

Курсъ Всеобщей Исторіи для воспитанницъ благородныхъ институтовъ и воспитанниковъ гимназій, составленный В. Шульгинымъ. Исторія среднихъ вѣковъ. Кіевъ. 1858 г. *.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили объ учебникахъ по всеобщей исторіи гг. Зуева и Берте, и при этомъ случаѣ упомянули о тѣхъ условіяхъ, которыя, по нашему мнѣнію, требуются въ настоящее время отъ хорошо составленнаго историческаго руководства. Авторъ означенной въ заглавіи книги, въ предисловіи къ ней, излагаетъ свой взглядъ на тотъ же предметъ, и мы думаемъ, что наше мнѣніе въ главныхъ чертахъ подходитъ къ его взгляду. Поэтому, говоря о книгѣ г. Шульгина, мы будемъ преимущественно имѣть въ виду имъ самимъ изложенныя правила, которыхъ онъ держался при составленіи своего *Курса*.

Первое необходимое условіе всякаго руководства заключается въ томъ, чтобы оно стояло въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки. Съ этой стороны книга г. Шульгина составлена вообще добросовѣстно и притомъ съ очевиднымъ знаніемъ предмета. Конечно найдутся мѣста, за которыя иной спеціалистъ могъ бы поспорить съ авторомъ; но они, по нашему мнѣнію, рѣдки и не важны. Въ настоящей статьѣ мы будемъ говорить собственно о качествахъ этой книги, какъ учебника для Русскихъ гимназій. Отдавая должную справедливость труду автора и прекраснымъ правиламъ, которыя легли въ основаніе этого труда, мы позволимъ себѣ въ то же время сдѣлать указаніе на недостатки его книги. Хотя эти недостатки и выкупаются отчасти ея достоинствами, однако же нѣкоторые изъ нихъ настолько замѣтны, что требуютъ серьезнаго обсужденія.

«Въ исторіи первостепенныхъ народовъ, говоритъ авторъ въ предисловіи, составитель учебника старался съ особенною, переходящею пре-

---

* Московскія Вѣдомости. 1858 г. № 137.

дѣлы большей части руководствъ, полнотою развить главные историческіе моменты въ жизни этихъ народовъ и изобразить личность главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей, приводя для этого иногда подробности и даже легенды, повидимому ничтожныя, но нерѣдко рисующія эпоху. За то исторія второстепенныхъ народовъ и событій изображена въ учебникѣ слегка, въ общихъ характеристическихъ очеркахъ, какъ необходимая связь между капитальными явленіями».

«Во-вторыхъ: убѣжденный въ безполезности излишней сухой систематики и всѣхъ табличныхъ хронологическихъ методъ въ исторіи, составитель учебника старался по возможности избѣгать дробнаго дѣленія на періоды особенно исторіи второстепенныхъ государствъ, чтобы не быть вынужденнымъ наполнять происходящія въ слѣдствіе такого дѣленія рубрики голыми именами и числами». И нѣсколько ниже: «*Какъ можно менѣе голыхъ числъ и безличныхъ именъ и какъ можно болѣе живыхъ людей*—вотъ главное правило историческаго преподаванія и изученія».

«Въ-третьихъ: изложеніе такъ называемыхъ внѣшнихъ политическихъ событій въ учебникѣ отодвинуто на второй планъ, и особенное вниманіе обращено на внутреннюю жизнь народовъ въ ея юридическихъ, экономическихъ, нравственно-религіозныхъ, умственныхъ и художественныхъ проявленіяхъ,— впрочемъ опять безъ всякихъ подраздѣленій на періоды, но въ одномъ цѣломъ очеркѣ, проникнутомъ одною идеею».

Относительно перваго пункта, что авторъ «съ особенною, переходящею предѣлы большей части руководствъ, полнотою старался развить главные историческіе моменты въ жизни первостепенныхъ народовъ», мы думаемъ, что г. Шульгинъ недостаточно знакомитъ ученика съ характеромъ и первоначальнымъ бытомъ нѣкоторыхъ главныхъ народовъ, т.-е. съ этнографическимъ элементомъ исторіи. Въ средніе вѣка выступаютъ на сцену преимущественно племена новыя, молодыя; а потому характеръ этихъ племенъ, ихъ религія, обычаи, общественныя отношенія, средства существованія въ юношескую эпоху должны обратить на себя особое вниманіе руководства. Авторъ по справедливости остановился преимущественно на Германцахъ и довольно подробно описываетъ нѣкоторыя черты ихъ быта; за то онъ совсѣмъ почти не говоритъ объ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Что же касается до Кельтическаго племени, то оно представлено въ очеркѣ слишкомъ сжатомъ, и притомъ совсѣмъ не показано отношеніе къ нему Римской цивилизаціи. Впрочемъ, и то уже шагъ впередъ, что г. Шульгинъ даетъ Кельтамъ мѣсто въ своемъ *Курсѣ*; въ прежнихъ руководствахъ это племя, игравшее такую видную

роль въ исторіи западной Европы, обыкновенно проходилось молчаніемъ. Еще менѣе говорится у г. Шульгина о Славянскихъ племенахъ; онъ слегка упоминаетъ о нихъ по поводу Польской исторіи. Имѣя въ виду преимущественно первостепенныя государства, авторъ между западными Славянами выбираетъ однихъ Поляковъ, какъ представителей Славянской народности, и разсказываетъ ихъ исторію. Мы думаемъ однако, что на ряду съ Поляками заслуживаютъ вниманія руководства другое западно Славянское племя— Чехи. Гусситскія войны, гдѣ особенно сильно сказалась Славянская народность въ отношеніи къ Германской, могли бы подать автору прекрасный поводъ къ очерку предыдущей Чешской исторіи. Въ то время какъ восточные Славяне составляютъ въ Русскихъ школахъ предметъ особой науки, наши западные соплеменники, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остаются въ тѣни. А между тѣмъ быстрое возрастаніе нѣкоторыхъ Славянскихъ государствъ, ихъ кратковременный блескъ и трагическая судьба представляютъ одинъ изъ интересныхъ отдѣловъ въ исторіи среднихъ вѣковъ, особенно для насъ Русскихъ; но пока, вслѣдъ за Нѣмецкими учебниками всеобщей исторіи, мы упоминаемъ о нихъ мимоходомъ. Недостаточно также очерчены или совсѣмъ не очерчены въ книгѣ г. Шульгина и другіе народы, игравшіе значительную роль въ средніе вѣка, напр. Монголы, Турки и пр. На ряду съ этнографіей замѣтна слабость и географическаго элемента. Извѣстно, какая тѣсная связь существуетъ между народнымъ бытомъ и географическими условіями страны; поэтому болѣе подробныя характеристики мѣстностей далеко были бы нелишними въ курсѣ средней исторіи.

Относительно дальнѣйшаго развитія цивилизаціи у разныхъ народовъ мы укажемъ на нѣкоторые пробѣлы въ руководствѣ г. Шульгина. Эти пробѣлы тѣмъ замѣтнѣе, что въ книгѣ, по словамъ автора, «изложеніе такъ называемыхъ внѣшнихъ политическихъ событій отодвинуто на второй планъ, и особенное вниманіе обращено на внутреннюю жизнь народовъ въ ея юридическихъ, экономическихъ, нравственно религіозныхъ, умственныхъ и художественныхъ проявленіяхъ». Такъ напримѣръ, здѣсь почти ничего несказано о распространеніи христіанства въ собственной Германіи, и апостольскіе подвиги св. Бонифація упомянуты только мимоходомъ, по поводу возвышенія папской власти; а именно: «Григорій II вознаградилъ потерю Пиринейской паствы, покоренной магометанами, пріобрѣтеніемъ новой въ сѣвер. Германіи, которая была обращена въ христіанство и подчинена Римской церкви его миссіонеромъ Бонифаціемъ» (66 стр.). Вообще религіозному отдѣлу въ *Курсѣ* г. Шульгина дано слишкомъ мало мѣста. Не вездѣ удовлетворителенъ и юридическій

отдѣлъ: о салическихъ и другихъ Германскихъ законахъ, напримѣръ, здѣсь совсѣмъ не упоминается. Такимъ же скупымъ является авторъ и тамъ, гдѣ онъ говоритъ о памятникахъ словесности. Выписываемъ здѣсь весь послѣдній отдѣлъ. «Благороднѣйшимъ произведеніемъ христіанства и Германско-Романской народности была средневѣковая *поэзія*. Первыя столѣтія средневѣковой жизни мало были благопріятны развитію поэзіи: бурное время переселеній, разрушеніе старыхъ и основаніе новыхъ государствъ мало давали простора для мирнаго творчества. Проповѣдническая ревность миссіонеровъ и вообще духовенства въ числѣ другихъ остатковъ язычества, преслѣдовала и уничтожала народныя языческія пѣсни и саги, замѣняя ихъ церковными пѣснями и легендами. Отсюда поэзія первыхъ пяти вѣковъ этого періода была чисто церковная и по преимуществу выражалась на языкѣ церкви—Латинскомъ. Но врожденный Германскому племени даръ поэзіи не могъ быть вполнѣ искорененъ: и народная пѣсня, и народная сага сохранились отъ гибели и продолжали жить на отдаленномъ сѣверѣ въ устахъ Скандинавскихъ *скальдовъ* и Кельтическихъ *бардовъ*. Съ XI в. начинается новая эпоха. Образованіе новыхъ языковъ, особенно Романскихъ, удалые набѣги Норманновъ, борьба съ невѣрными въ Испаніи, крестовые походы съ ихъ религіознымъ воодушевленіемъ, рыцарство и обожаніе женщины, и наконецъ улучшеніе народнаго благосостоянія въ торговыхъ городахъ, всѣ эти обстоятельства сильно способствовали развитію и процвѣтанію поэзіи, которая сложилась изъ трехъ элементовъ: христіанскаго, Германскаго и восточно-Мавританскаго. Въ поэзіи, какъ и вообще во всѣхъ проявленіяхъ феодальной жизни, встрѣчаемъ разладъ и раздвоеніе: *поэзія рыцарская* рѣзко отличается отъ *поэзіи горожанъ*. Первая процвѣтала особено въ XII и XIII вѣкахъ. Роды ея *лирика* и *эпосъ*; въ ней дѣйствуютъ и воспѣваются только герои и сословіе феодаловъ; содержаніе ея любовь и слава. Къ рыцарской лирикѣ относятся: во Франціи пѣсни *трубадуровъ* на югѣ и *труверовъ* на сѣверѣ, въ Англіи пѣсни *минестрелей*, въ Германіи пѣсни *минезенгеровъ*, въ Испаніи цѣлый рядъ *романсеровъ*, герой которыхъ Сидъ. Характеръ этихъ пѣсенъ—нѣжность и задушевная теплота, форма—риѳмическая звучная; онѣ сопровождались музыкою; какъ рыцари на турнирахъ, схоластики на диспутахъ, такъ поэты состязались на особенныхъ поэтическихъ битвахъ (Вартбургская война). Рыцарскій народный *эпосъ* развился изъ Германскихъ и Кельтическихъ сагъ, чудесныхъ сказаній Востока, изъ обломковъ классическихъ преданій и изъ религіозныхъ христіанскихъ легендъ. Главнѣйшіе памятники его: *Нибелунги*, саги о рыцаряхъ *круглаго сто-*

ла, пѣснь о *Роландѣ*. Гораздо позднѣе, съ XIV в. процвѣла, среди *городскаго* населенія, своего рода литература, непріязненная феодализму. Здѣсь развилась поэзія цеховыхъ мейстерзенгеровъ, замѣнившихъ пѣвцовъ любви; здѣсь родились и *сказки* (fabliaux), въ которыхъ язвительный горожанинъ осмѣялъ идеи и доблести феодальнаго рыцаря и всю поэтическую обстановку среднихъ вѣковъ и которыя были предвѣстниками Донъ-Кихота. Грандіозная эпопея *Данта* (1265—1321) — Divina Comedia, отразившая въ себѣ всю сумму вѣрованій и убѣжденій, выработанныхъ въ концѣ среднихъ вѣковъ и враждебныхъ папству и феодализму, достойнымъ образомъ завершаетъ средневѣковую поэзію. Сонеты *Петрарки* (1304—1374) и Decameronе Боккачіо (1313—1375) были уже предвѣстниками новаго направленія въ поэзіи, образовавшагося подъ вліяніемъ возрожденнаго древне-классическаго образованія» (228—230). Мы видимъ здѣсь почти одну номенклатуру разныхъ видовъ средневѣковой поэзіи и нѣкоторыхъ замѣчательныхъ произведеній. Въ головѣ ученика послѣ подобнаго реэстра не можетъ образоваться никакого опредѣленнаго представленія о характерѣ этихъ видовъ и произведеній; ему остается только заучить на память ихъ названія. А между тѣмъ краткое содержаніе или изящная характеристика такихъ произведеній словесности, какъ Пибелунги, Эдда (о которой тутъ совсѣмъ не говорится; о ней упоминается вскользь на 14 стр.), пѣсни Шотландскихъ бардовъ и эпопея Данта могли бы возбудить самый живой интересъ въ юномъ поколѣніи.

Далѣе обратимъ вниманіе на характеры историческихъ лицъ въ книгѣ г. Шульгина. Приведемъ слова, сказанныя имъ въ предисловіи: «*Какъ можно менѣе голыхъ числъ и безличныхъ именъ и какъ можно болѣе живыхъ людей*—вотъ главное правило историческаго преподаванія и изученія!» Къ сожалѣнію, авторъ не вездѣ остается вѣренъ своему правилу. Выводя на сцену новыя личности, онъ нерѣдко отмѣчаетъ ихъ только посредствомъ сильныхъ эпитетовъ. Напримѣръ: «Католики сѣверной Франціи, подкрѣпляемые властью короля Филиппа II Августа, были предводимы графомъ Симономъ де Монфоромъ, *страшнымъ* героемъ этого похода» (125), или: «Герцоги Орлеанскій, Бургундскій, братья, даже дѣти короля и жена его—*ужасная* Изабелла Баварская, города и бароны, все это раздѣлилось на партіи, которыя вели между собою кровавую и жестокую войну» (135). Изъ разсказа ученику едва ли будетъ понятно, почему эти лица названы страшными или ужасными. Для поясненія нашихъ словъ продолжимъ первую выписку: «Вся южная Франція была опустошена огнемъ и мечемъ; жители ея скрылись въ горахъ

и лѣсахъ. Неистовства и жестокости католическихъ войскъ превосходятъ всякое описаніе. По взятіи города Безіера, военачальники спросили у папскаго легата, что сдѣлать съ множествомъ плѣнниковъ, между которыми было много не еретиковъ. —«Убить», хладнокровно отвѣчалъ легатъ. Но какъ отличить между ними еретиковъ отъ католиковъ? спросили его.— «Бейте всѣхъ, на томъ свѣтѣ Богъ распознаетъ невинныхъ!» было отвѣтомъ легата». Читатель конечно согласится съ нами, что если кто и является въ этомъ разсказѣ *страшнымъ* лицомъ, такъ это именно папскій легатъ. Маргариту Анжуйскую, супругу Генриха VI Англійскаго, авторъ характеризуетъ слѣдующими словами (взятыми изъ Юма): она «неотличалась добродѣтелями своего пола, но не имѣла его слабостей» (145). Подобная отрицательная характеристика тогда только хороша, когда на самомъ дѣлѣ показано, какими добродѣтелями Маргарита не отличалась и какихъ слабостей она не имѣла; въ противномъ случаѣ эти слова не даютъ о ней никакого яснаго представленія. Нѣкоторые первостепенные характеры выходятъ у г. Шульгина слишкомъ блѣдны, напримѣръ, самые знаменитые изъ Гогенштауфеновъ, Фридрихъ Барбаруcса и Фридрихъ II. Другія видныя личности совсѣмъ неочерчены, между прочимъ: Вильгельмъ Завоеватель, Ричардъ Львиное Сердце и Бертранъ дю Гескленъ; тогда какъ удачная характеристика одного изъ нихъ (а еще лучше всѣхъ троихъ) въ глазахъ ученика можетъ освѣтить средневѣковой бытъ гораздо ярче, нежели всѣ отвлеченныя изображенія феодализма и рыцарства. Къ числу неудавшихся характеровъ мы должны отнести и высокую личность среднихъ вѣковъ—Григорія VII, вмѣстѣ съ его соперникомъ Генрихомъ IV.

Перейдемъ теперь къ четвертому правилу, котораго г. Шульгинъ держался при составленіи своего учебника. «Не увлекаясь притязаніемъ на званіе автора—говоритъ онъ—и имѣя въ виду главнымъ образомъ пользу учащихся, составитель предлагаемаго руководства помѣщалъ въ своемъ курсѣ почти безъ измѣненій тѣ статьи изъ иностранныхъ и отечественныхъ монографій и учебниковъ, которыя, по его мнѣнію, вполнѣ удовлетворяютъ назначенію руководства. Поэтому въ немъ встрѣтитъ читатель статьи изъ сочиненій обоихъ Тьерри, Мэколея, Мишле, Лео, Грановскаго, Кудрявцева, Лоренца и другихъ.—Составителю настоящаго курса принадлежитъ главнымъ образомъ выборъ, планъ и наконецъ общая идея, лежащая въ основѣ всего сочиненія». Повидимому, мысль прекрасная: чего же лучше, какъ передать молодому поколѣнію науку посредствомъ извлеченій изъ лучшихъ историческихъ писателей? Однако въ дѣйствительности это выходитъ не такъ удобно, какъ кажется съ

перваго взгляда. Доказательствомъ нашего мнѣнія служитъ тотъ же *Курсъ* средней исторіи. Приводя въ исполненіе свою мысль, г. Шульгинъ не взялъ въ разсчетъ одного важнаго обстоятельства, именно, степени развитія тѣхъ, для кого онъ составилъ руководство; а потому многія страницы его книги нелегко могутъ уклыдываться въ голову ученика. Кромѣ того, что авторъ недостаточно упростилъ свои заимствованія изъ историческихъ писателей, онъ, по нашему мнѣнію, не всегда выбиралъ изъ нихъ именно то, что дѣтскому возрасту наиболѣе доступно. Для примѣра укажемъ на одного изъ упомянутыхъ историковъ, на Грановскаго. Изящный выразительный стиль Грановскаго способенъ увлечь за собою вниманіе юноши и особенно подѣйствовать на его эстетическое чувство но по своей сжатости и глубинѣ воззрѣній его изложеніе требуетъ иногда значительной степени развитія и предварительныхъ познаній въ исторіи. По поводу втораго крестоваго похода авторъ довольно подробно говоритъ о Бернардѣ Клервальскомъ (114—116 стр. внизу), и тутъ, между прочимъ, приводитъ извѣстную характеристику этой личности изъ *Аббата Сугерія*. Весь этотъ очеркъ сосредоточивается около одной, главной черты проповѣдника—неотразимой силы его краснорѣчія; а между тѣмъ г. Шульгинъ изъ художественной характеристики, нарисованной Грановскимъ, выпускаетъ именно то мѣсто, которое можетъ произвести сильное впечатлѣніе на юное воображеніе, и долѣе всего остальнаго удержаться въ его памяти. Вотъ это мѣсто: «Сочиненія его (Бернарда) не даютъ, впрочемъ, понятія о томъ краснорѣчіи, которое, по словамъ его біографа, исходило изъ его устъ огненнымъ потокомъ. Всѣ современные памятники свидѣтельствуютъ о неодолимой силѣ его рѣчей. Однажды онъ встрѣтилъ ѣхавшихъ на турниръ рыцарей. Бернардъ началъ имъ доказывать грѣхъ, сопряженный съ этою кровавою игрою. Рыцари смѣялись, потомъ стали внимательнѣе слушать и кончили тѣмъ, что сложили съ себя оружіе и перешли изъ рати земной «въ рать небесную», т.-е. «постриглись». (Пропущены также и эти замѣчательныя слова: «Тайна его могущества заключалась въ непреклонномъ, невѣдавшемъ уступокъ убѣжденіи»): Если бы авторъ стѣснялся объемомъ книги, то одного этого факта, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ словъ, было бы достаточно, чтобы дать ученику понятіе о личности св. Бернарда. Укажемъ еще на превосходную характеристику феодальныхъ усобицъ (въ томъ же сочиненіи Грановскаго), которую мѣстами можно было бы привести слово въ слово, и которою авторъ почти не воспользовался. Вообще способъ, употребленный г. Шульгинымъ, вредитъ единству цѣлаго и гармоніи между отдѣльными частями; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сшивы довольно замѣтны.

Вопросъ о способѣ составленія *Курса* находится въ непосредственной связи съ его изложеніемъ. Мы указали на неполноту нѣкоторыхъ отдѣловъ въ книгѣ г. Шульгина; можетъ быть намъ замѣтятъ, что авторъ многое долженъ былъ опускать или сокращать, имѣя въ виду умѣренный объемъ книги и желая такимъ образомъ облегчить поколѣніе учащихся. На это мы отвѣтимъ слѣдующее. Во-первыхъ, давая болѣе мѣста предметамъ первостепенной важности, можно было бы соблюсти экономію въ изображеніи нѣкоторыхъ предметовъ менѣе важныхъ. Мы только что говорили о св. Бернардѣ; приведемъ еще примѣры. По поводу войны Карла Великаго съ Саксонцами, авторъ разсказываетъ о пришествіи къ Саксамъ священника Лабуина; а между тѣмъ о личности гораздо болѣе замѣчательной, о св. Бонифаціи, едва упоминаетъ; нападеніе на Англію Рагнара Лодброка и его сыновей передается у него полнѣе, нежели завоеваніе Англіи Вильгельмомъ и т. д. Во-вторыхъ, *главное затрудненіе для учениковъ по большей части заключается нестолько въ объемѣ руководства, сколько въ его изложеніи. На эту-то сторону въ книгѣ г. Шульгина мы всего болѣе хотимъ обратить вниманіе, потому что она менѣе всѣхъ другихъ сторонъ удовлетворяетъ требованіямъ историческаго руководства.*

Изложеніе г. Шульгина замѣтно страдаетъ излишнею отвлеченностью рѣчи и *стремительностію* (позволимъ себѣ такъ выразиться). Мы желали бы встрѣтить въ его книгѣ болѣе простыхъ, общепонятныхъ разсказовъ; менѣе *быстрыхъ очерковъ* и громкихъ фразъ, которыя не даютъ яснаго, опредѣленнаго понятія о предметѣ. Встрѣчаются мѣста, которыя едва ли доступны пониманію ученика и которыя онъ съ трудомъ можетъ усвоить себѣ только памятью. Такія мѣста особенно часты тамъ, гдѣ дѣло идетъ о внутренней жизни народовъ; сюда, напримѣръ, относится сдѣланная нами выпйска о средневѣковой поэзіи. Въ подтвержденіе нашихъ словъ приведемъ еще одно мѣсто. Сказавъ о происхожденіи университетовъ и привилегіяхъ, которыми они обладали, авторъ продолжаетъ: «Но, не смотря на всѣ эти обстоятельства, и въ университетахъ наука мало получила независимости, ибо профессорами въ нихъ были монахи, большею частію доминиканцы, преподаваніемъ руководили папы. Только въ Оксфордскомъ и въ XV столѣтіи въ Пражскомъ обнаруживается оппозиція противъ Рима. Кромѣ ига, наложеннаго на умы авторитетомъ Рима, кромѣ сроднаго средневѣковому времени преобладанія воображенія и чувства надъ мышленіемъ, много вредилъ распространенію просвѣщенія недостатокъ въ средствахъ къ быстрой и дешевой передачѣ произведеній ума человѣче-

скаго.—Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ просвѣщеніе въ средніе вѣки шло не правильно, медленно и было доступно только немногимъ ученымъ по званію. Конечно мысль не могла не работать и въ средніе вѣка, но наука будто во снѣ строила какія-то мечты (!), не заботясь о вѣроятности и непримѣняя своихъ результатовъ къ жизни.—Не смотря на разнаго рода запрещенія и препятствія, мыслящій духъ не могъ отказаться вовсе отъ природы своей и обратился къ *философствованію* о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ. Это философствованіе имѣло характеръ богословскій. Плодомъ его было одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій среднихъ вѣковъ,— такъ называемая *схоластическая философія*. Главная задача ея состояла въ томъ, чтобы изъ разума доказать истину ученія и вѣрованій Римской церкви. Открывать новыя истины собственнымъ умомъ философъ не смѣлъ; онъ долженъ былъ объяснять и доказывать изъ ума только то, во что вѣритъ Римъ. Правда, являлись люди, посягавшіе дѣлать самостоятельные результаты и выводы, но они назывались еретиками. Схоластика господствовала долго во всей области знанія; сообразно воинственному духу вѣка, и она приняла характеръ воинственный и сдѣлалась ученымъ рыцарствомъ; турнирами ея были диспуты, оружіемъ— живое слово и перо, бойцами — монахи (особенно доминиканцы), главными мѣстами битвъ Парижъ и Оксфордъ. Рядомъ съ схоластикою возникаетъ *мистика*, находившаяся въ постоянной враждѣ съ нею, а потомъ съ Римскою церковью. Еще менѣе схоластики она въ началѣ похожа была на самостоятельную философію, потому что не опытомъ и размышленіемъ стремились мистики узнать истину; но посредствомъ умерщвленія страстей и изможденія тѣла постомъ, уединеніемъ и молитвою, приводили себя въ восторженное состояніе и полагали, что при такомъ состояніи сердцу человѣка открывается истина. Схоластика построена была главнымъ образомъ на аристотелевой философіи. Аристотель сдѣлался извѣстнымъ Европѣ частію посредствомъ Арабскихъ переводовъ и объясненій, а частію чрезъ Еврейскихъ раввиновъ, только съ XIII в. онъ едва проникъ въ Европу въ оригиналѣ. Уваженіе къ нему было неограниченное. Вліяніе Аравійской философіи и бѣдность, тѣснота содержанія, дозволеннаго и предоставленнаго философствованію Римскимъ авторитетомъ, отразились на схоластикѣ тѣмъ, что при всемъ остроуміи, пытливости и громадной учености схоластиковъ, она дала въ результатѣ большею частію безсодержательныя, непримѣняемыя къ жизни и наукѣ словопренія. Заслуга схоластики заключается именно въ ея молодой отвагѣ и пытливости, которая не дала уму уснуть въ рабствѣ (!). Положительнаго знанія въ огромныхъ накопленныхъ ею фоліантахъ не «ищите (221—222).

Громкія фразы, слишкомъ энергическія выраженія и безъ нужды частое употребленіе иностранныхъ словъ, также едва ли способствуютъ болѣе ясному пониманію предмета. Нѣкоторыя фразы напоминаютъ манеру историческаго (или скорѣе реторическаго) изложенія въ руководствахъ г. Смарагдова, какъ напр. «Порокъ и развратъ утвердили свои оргіи подъ сводами Ватикана» (60), или: «Дикая поэзія согрѣвала душу Норманна; онъ пѣлъ, идя на битву, пѣлъ, умирая въ сраженіи» (190). Есть мѣста, очень похожія на соотвѣтствующія у г. Смарагдова. Для примѣра сличимъ характеристику Григорія VII. У г. Шульгина: «По чувствамъ пылкій и увлекающійся, онъ вполнѣ былъ человѣкъ средневѣковой; по уму, онъ перешагнулъ свой вѣкъ и глубоко изучилъ его на опытѣ, переходя изъ низкаго званія всѣ степени жизни, наблюдая ее при дворахъ королей и въ замкахъ вассаловъ, и въ чертогахъ прелатовъ, и въ кельѣ отшельника; по волѣ, онъ былъ твердъ и непоколебимъ, когда дѣло шло о достиженіи того, что онъ почиталъ добромъ. Самъ строго нравственный, онъ былъ неумолимо строгъ къ себѣ и другимъ. Таковъ былъ сынъ угольщика, монахъ Гильдебрандъ, бывшій въ теченіе 25 лѣтъ руководителемъ пяти папъ, пока самъ не сдѣлался папою. Зрѣлище глубокаго униженія—нравственной порчи тогдашняго духовнаго и свѣтскаго общества, должно было сильно поразить душу этого человѣка, и онъ рѣшился совершить преобразованіе средствами, какими бы то ни было и во что бы то ни стало. Цѣль Гильдебранда состояла въ томъ, чтобы очистить духовенство отъ нравственной порчи, освободить его отъ всякой зависимости свѣтской власти, подчинить его папѣ и поставить папу верховнымъ главою всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ властей и всего христіанскаго міра: «да будетъ едино стадо и единъ пастырь» (70—71). У г. Смарагдова: «Наконецъ явился мужъ судебъ. Это былъ ученикъ Григорія VI, великій *Гильдебрандъ*. Изъ низкаго состоянія, пройдя всѣ ступени жизни и осмотрѣвъ и изучивъ ее при дворахъ и въ замкахъ свѣтскихъ вассаловъ, богатыхъ и праздныхъ и буйныхъ, и въ чертогахъ гордыхъ прелатовъ, не менѣе праздныхъ, не менѣе преданныхъ чувственности и выгодамъ мірскимъ, и воспитавъ и укрѣпивъ свой великій духъ обширною ученостію и строгою нравственностію, и передумавъ, перечувствовавъ все въ тишинѣ монастырскаго уединенія, съ симъ умомъ, съ сею опытностію и познаніемъ свѣта и людей, Гильдебрандъ предпринялъ преобразованіе церкви во главѣ и членахъ, въ цѣли и составѣ, т.-е. предпринялъ преобразованіе духовнаго званія *освобожденіемъ папы и всего духовенства отъ вліянія императора и королей; постановленіемъ церкви Христовой выше всякой свѣтской власти;*

ибо, по его убѣжденію, только симъ средствомъ могла она достигнуть своего высокаго назначенія: ввести въ міръ нравственность и правосудіе и распространить въ немъ Царство Божіе» (159—160, по изданію 1841 г.). О Карлѣ Мартелѣ, по поводу Арабскаго нашествія, у г. Шульгина сказано: «И нуженъ былъ въ это время для Европы такой могучій властитель» (31); у г. Смарагдова: «И нуженъ былъ въ это время могучій геній для Европы» (68). Далѣе, встрѣчаются выраженія не совсѣмъ точныя, въ родѣ слѣдующихъ: «Врагъ чужеземецъ, подходя къ землѣ ихъ (Славянъ), видѣлъ предъ собою вѣковѣчные густые лѣса, изъ-за которыхъ (?) Славянинъ, чуя (?) приближеніе непріятеля, мгновенно (?) скрывался, зарывая въ землю скудное свое имущество» (194). Бросается также въ глаза въ книгѣ г. Шульгина слишкомъ частое повтореніе словъ *ужасный* и *страшный*, особенно послѣдняго; есть мѣста, въ которыхъ оно встрѣчается по нѣскольку разъ сряду. Напримѣръ: читатель помнитъ, что графъ Симонъ де Монфоръ при самомъ появленіи своемъ въ исторіи отмѣченъ эпитетомъ *страшный;* продолжимъ еще далѣе приведенную о немъ выписку: «Раймундъ Тулузскій погибъ въ борьбѣ; графствомъ его завладѣлъ Симонъ де Монфоръ; но и этотъ *страшный* человѣкъ вскорѣ погибъ. Мѣсто Раймунда заступилъ сынъ его. Война продолжалась съ *страшнымъ* ожесточеніемъ во все правленіе Филиппа Августа и его наслѣдника Людовика VIII» (125). Или вотъ отрывокъ изъ войны Алой и Бѣлой розъ: «Война продолжалась почти полвѣка; въ ней погибъ среди *страшныхъ* злодѣяній почти весь царственный родъ Плантагенетовъ, погибли тысячи рыцарей и безчисленное множество народа. Злодѣйствомъ открывается эта *страшная* трагедія Англійской жизни, такъ поэтически возсозданная Шекспиромъ въ его историческихъ драмахъ, злодѣйства сопровождаютъ весь ходъ ея и *страшная* личность цареубійцы Ричарда III заключаетъ ее» (144). И опять на слѣдующей страницѣ: «Чтобы достигнуть своей цѣли, Эдуардъ совершилъ *страшныя* злодѣйства. Между тѣмъ въ нѣдрахъ самой Йоркской фамиліи возросталъ *страшный* человѣкъ, который впослѣдствіи былъ палачемъ для своего преступнаго рода. Это Ричардъ, герцогъ Глостерскій, младшій братъ Эдуарда IV. Трудно вообразить себѣ что-нибудь свирѣпѣе этой мрачной личности: всѣ пороки гнѣздились въ ней. *Страшный* наружностію, онъ былъ еще чудовищнѣе и *страшнѣе* душею» (145).

Но мы были бы несправедливы, обращая вниманіе читателя на однѣ только слабыя стороны въ книгѣ г. Шульгина. Въ какой же книгѣ ихъ не найдетъ придирчивая критика? Повторяемъ опять, что недостатки «Курса», какъ учебника, выкупаются отчасти его достоинствами—научными:

по своимъ выводамъ онъ стоитъ почти въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки. Надобно также отдать справедливость автору и въ томъ отношеніи, что онъ, при довольно умѣренномъ объемѣ своей книги (230 страницъ), дѣлаетъ *очерки* почти всѣхъ главныхъ сторонъ средневѣковаго быта. Въ этомъ отношеніи руководство г. Шульгина представляетъ большой шагъ впередъ сравнительно съ его предшественниками. При такихъ достоинствахъ книги и при настоящемъ состояніи нашихъ учебниковъ, нѣкоторые ея недостатки, пожалуй, могутъ считаться довольно неважными; съ однимъ только изложеніемъ, по нашему мнѣнію, очень трудно помириться, особенно послѣ «Краткой всеобщей исторіи» г. Берте.

Страницы, отличающіяся простотою и ясностію разсказа или описанія, къ сожалѣнію, не часто попадаются въ «Курсѣ средней исторіи». Мы съ удовольствіемъ приводимъ, въ заключеніе нашей статьи, то мѣсто, которое служило камнемъ преткновенія для предшественниковъ г. Шульгина, и которое въ его книгѣ относится къ наиболѣе удачнымъ. Вѣроятно читатель уже догадывается, что дѣло идетъ о происхожденіи феодальной системы. «Начало феодальной системы скрывается въ общественномъ быту древнихъ Германцевъ, а основаніемъ ея служилъ раздѣлъ завоеванныхъ земель западной Римской имперіи между дружинниками или членами гелейтовъ и вольными людьми Германіи, съ помощью которыхъ Германскіе короли завоевывали эти земли. (Завоеватели обыкновенно оставляли туземцамъ $^1/_3$, а себѣ брали $^2/_3$ покоренныхъ земель). Раздѣлъ совершался по жребію, и каждый воинъ смотрѣлъ на доставшійся ему участокъ какъ на добычу, которую онъ пріобрѣлъ своею кровію и которою могъ располагать какъ ему угодно. Такіе участки назывались *аллодіальными* (отъ Нѣмецкаго слова Loos жребій), владѣтели ихъ, получивъ земли, выходили изъ гилейта и назывались *баронами* (отъ древне-Нѣмецкаго слова baro, свободный). Короли сверхъ аллодіальныхъ участковъ получали земли, принадлежавшія прежде Римскимъ императорамъ, которыя теперь получили названіе *доменовъ* королевскихъ и которыми завѣдывали во Франціи палатные меры. Это такъ называемая *аллодіальная* система; изъ нея постепенно развилась *феодальная* слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ по окончаніи завоеванія новымъ владѣльцамъ грозила опасность и отъ прежнихъ жителей и отъ нападенія другихъ варваровъ, то каждый менѣе сильный аллодіальный владѣлецъ нашелъ необходимымъ для себя имѣть какого-нибудь могущественнаго защитника, чтобы не подвергаться грабежу и притѣсненіямъ. Но сильнѣе королей не было первоначально никого, и потому многіе аллодіальные владѣльцы искали ихъ покровительства. Короли охотно

давали имъ защиту съ тѣмъ условіемъ, чтобы аллодіальные владѣльцы въ замѣнъ того являлись на войну по первому призыву короля или отправляли извѣстныя службы при его дворѣ и въ его провинціяхъ. Чѣмъ вѣрнѣе были эти владѣльцы и чѣмъ усерднѣе исполняли свою службу, тѣмъ болѣе наградъ давали имъ короли; награды эти состояли въ участкахъ земель, которые короли давали своимъ сподвижникамъ изъ своихъ королевскихъ доменовъ — такіе участки назывались *бенефиціями* (награда), *феодами* или *ленами* (жалованье). Отсюда и произошла *феодальная* или *ленная система*. Получавшіе отъ короля феоды назывались въ отношеніи къ нему *вассалами*, а самъ король въ отношеніи къ нимъ *сюзереномъ* (suzerain). Сначала лены давались вассаламъ только на время, потомъ, особенно со 2-й половины IX в., послѣ смерти Карла В., короли стали отдавать своимъ вассаламъ земли на цѣлую жизнь; а наконецъ, волею или неволею должны были уступить въ потомственное наслѣдственное владѣніе. Тогда королевскіе вассалы, присоединивъ къ прежнимъ аллодіальнымъ участкамъ еще новыя жалованныя или феодальныя земли, сдѣлались такъ сильны, что вынудили у государей наслѣдственное производство въ самыя должности государственныя, получили власть верховнаго суда въ своихъ земляхъ, право наказывать смертью своихъ крестьянъ, право чеканить монету и вести войну противъ своихъ непріятелей отъ своего имени и своими силами. Вассалы, въ свою очередь, дѣлили свои земли между менѣе знатными людьми, которые назывались подвассалами» (47—49).

Неудобства нашихъ учебниковъ вызываютъ преподавателей на постоянную борьбу съ ними. Въ этомъ отношеніи можно встрѣтить разнообразныя системы и различные оттѣнки, начиная отъ простаго и буквальнаго заучиванія всего того, что заключается въ руководствахъ, до совершеннаго отрицанія руководствъ или до полныхъ записокъ учителя. Средину между этими двумя крайностями занимаетъ метода тѣхъ наставниковъ, которые выбираютъ изъ руководства то, что въ немъ изложено болѣе удовлетворительно, а остальные отдѣлы, особенно по исторіи внутренняго быта, дополняютъ своими записками. По нашему мнѣнію, записки оправдываются только необходимостію; къ нимъ надобно прибѣгать съ умѣренностію и осторожностію, потому что списываніе и переписываніе тетрадей есть трудъ болѣе или менѣе непроизводительный, и время, потраченное на переписку, можетъ быть употреблено съ большею пользою. Успѣхъ упомянутой борьбы, конечно, зависитъ отъ личнаго искусства и рвенія учителя, а также и отъ той степени свободы, которою онъ пользуется въ дѣлѣ преподаванія, т.-е. смотря по-

тому, нѣтъ ли постороннихъ вліяній, которыя могутъ парализовать его трудъ и усердіе. Потомъ, въ дѣлѣ образованія, какъ и вездѣ, качество имѣетъ предпочтеніе передъ количествомъ. Хорошій учитель исторіи заботится не о томъ преимущественно, чтобы пройти предметъ какъ можно подробнѣе, и какъ можно болѣе фактовъ сообщить ученикамъ. Прежде всего онъ старается передать имъ сущность науки, заставляетъ ихъ усвоивать самые видные факты, останавливаетъ ихъ вниманіе на главныхъ фазахъ въ исторіи общечеловѣческаго развитія, также какъ и въ исторіи отдѣльныхъ народовъ, и при этомъ мало-помалу пріучаетъ дѣтей къ оцѣнкѣ, къ пониманію фактовъ, насколько это возможно при извѣстной степени ихъ развитія. Такимъ образомъ учитель прежде всего долженъ приготовить канву, по которой въ послѣдствіи молодымъ людямъ легко было бы продолжать дѣло при помощи университетскихъ лекцій или собственныхъ занятій, и въ приготовленіи этой канвы онъ долженъ быть точенъ и требователенъ. Поэтому очень ошибаются тѣ, которые на учителя исторіи смотрятъ, какъ на ходячій сборникъ всѣхъ возможныхъ фактовъ, и количествомъ послѣднихъ, не обращая вниманіе на ихъ относительную важность, опредѣляютъ достоинство преподаванія. Равнымъ образомъ устарѣлъ и другой взглядъ на преподавателя исторіи—какъ на пріятнаго разскащика анекдотовъ. Впрочемъ, преподаваніе получило бы слишкомъ сухой и безжизненный характеръ, если бы ограничивалось только изученіемъ главныхъ фактовъ въ связи съ умѣренною хронологіею и географическими обзорами. Необходимо останавливаться на эпохахъ наиболѣе интересныхъ или обильныхъ послѣдствіями, и тутъ знакомить учениковъ съ подробностями, преимущественно характеристическими. Такое изученіе исторіи возможно при помощи разсказовъ и чтенія. Первый способъ (устный разсказъ) зависитъ отъ большей или меньшей начитанности, дара слова или другихъ личныхъ качествъ учителя; разумѣется, никто не въ правѣ требовать отъ него профессорскихъ лекцій; но, какъ извѣстно, степенью его собственныхъ познаній обусловливается большее или меньшее уваженіе къ нему учениковъ. Болѣе легкимъ и удобнымъ представляется второе средство (чтеніе). Иногда во время урока,—если время позволяетъ, а болѣе при повтореніи предмета—учитель выбираетъ лучшія книги и образцовыя статьи (образцовыя по изложенію, здравомыслію и патріотичному направленію) для обозрѣнія извѣстной эпохи или для ближайшаго знакомства съ историческими дѣятелями; читаетъ ихъ вмѣстѣ съ учениками, останавливается, заставляетъ ихъ повторять, дѣлаетъ свои замѣчанія, однимъ словомъ бесѣдуетъ съ ними о прочитанномъ. Можетъ иногда случиться

при этомъ, что ученики и самъ учитель нѣсколько ошибаются въ своихъ сужденіяхъ; это еще небольшая бѣда, и записные историки часто несогласны между собою во взглядѣ на событіе, въ оцѣнкѣ эпохи или историческаго дѣятеля. Здѣсь важно то, что молодой человѣкъ вызывается на размышленіе; онъ принимаетъ болѣе живое участіе въ наукѣ, нежели при однихъ только отвѣтахъ заученнаго; онъ развивается легче и свободнѣе. Чтеніе образцовыхъ статей, кромѣ ихъ содержанія, знакомитъ и съ лучшими историческими писателями; оно скорѣе всего можетъ заохотить молодыхъ людей къ болѣе самостоятельнымъ занятіямъ наукою и отвлечь ихъ отъ легкаго и безполезнаго чтенія. Для всеобщей исторіи мы преимущественно укажемъ на переводы изъ Маколея, Прескотта, Тьери, Шлоссера, Тацита, на сочиненія Грановскаго, Кудрявцева, на «Пропилеи» и пр. По русской исторіи преподаватель можетъ обратить вниманіе своихъ учениковъ на нѣкоторые источники, напримѣръ, хотя въ отрывкахъ познакомить ихъ съ лѣтописями и записками, а, если возможно, съ важнѣйшими грамотами и законодательными актами; кромѣ того укажемъ на монографіи гг. Соловьева, Устрялова, отчасти Костомарова, на статьи въ родѣ «Идеальные женскіе характеры въ древней Россіи» г. Буслаева, и другіе. Конечно, тутъ мы подразумѣваемъ собственно высшіе классы гимназіи; въ среднихъ учитель выбираетъ для чтенія по возможности простые историческіе разсказы. (Въ двухъ низшихъ классахъ исторія не преподается). Мы особенно остановились на второмъ способѣ потому, что встрѣчали умныхъ и дѣятельныхъ педагоговъ, которые иначе смотрятъ на чтеніе историческихъ статей въ классѣ исторіи. Добросовѣстные преподаватели, конечно, стараются дѣйствовать при помощи и того, и другаго средства.

Говоря о преподаваніи исторіи въ нашихъ гимназіяхъ, считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Нерѣдко вы встрѣтите молодаго человѣка, только что окончившаго гимназическій курсъ, который отчетливо разскажетъ вамъ, напримѣръ, о первой Пунической войнѣ или о походѣ Карла VIII въ Италію; но ничего не можетъ сказать о томъ, какія событія совершались въ послѣднее время въ Европѣ или въ Америкѣ. Вообще исторія XIX столѣтія послѣ Вѣнскаго конгресса рѣдко бываетъ извѣстна ученикамъ, по той простой причинѣ, что существующія теперь (въ 1858 году) руководства далѣе почти нейдутъ.

---

*Курсъ Всеобщей Исторіи доктора Георга Вебера. Томъ I. Переводъ съ нѣмецкаго Е. и В. Корша (686 стр.). Москва. 1859—1860 г.—Курсъ Исторіи Древняго міра, составленный В. Шульгинымъ (286 стр.). Кіевъ. 1859 г. *.*

Вопросъ о руководствахъ, еще недавно поднятый въ русской литературѣ, уже приноситъ обществу свои существенные плоды; по крайней мѣрѣ, можемъ это сказать объ исторической наукѣ. Передъ нами двѣ книги, предлагающія свѣжую, здоровую пищу нашему молодому поколѣнію. Гг. Коршъ предприняли трудъ, къ которому естественнѣе всего должна обращаться теперь наша бѣдная педагогическая литература: они выбрали для перевода на русскій языкъ одно изъ лучшихъ историческихъ руководствъ въ Германіи, и выборъ, по нашему мнѣнію, сдѣланъ довольно удачно. Если взять сочиненія, соотвѣтствующія по времени и по объему, то рядомъ съ Веберомъ можно поставить развѣ: Вернеке «Die Geschichte der Welt» (своимъ популярнымъ изложеніемъ послѣдній впрочемъ превосходитъ Вебера), и отчасти Цейса Lehrbuch der allgemeinen Geschichte.

Главное достоинство Веберовой исторіи составляетъ многосторонній и добросовѣстный сводъ фактовъ, и съ этой, т.-е. съ фактической, стороны она можетъ служить прекраснымъ пособіемъ тому, кто хочетъ приготовить себя къ дальнѣйшимъ занятіямъ историческою наукою, и въ особенности тому, кто желаетъ пополнить, обобщить свои скудныя, первоначальныя свѣдѣнія. Авторъ очевидно владѣетъ вполнѣ нѣмецкою ученостью и любитъ въ важныхъ случаяхъ опираться на самые заслуженные авторитеты. Встрѣчаются однако мѣста, о которыхъ повидимому нельзя сказать, чтобъ онѣ были въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки; для примѣра укажемъ на разсказы о знаменитыхъ греческихъ законодателяхъ. Но вѣроятно онъ считаетъ пока невполнѣ доказанными, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, мнѣнія новѣйшихъ историковъ. Книга Вебера не можетъ похвалиться картинностью и живостью разсказа, мѣстами онъ даже слишкомъ сухъ, какъ у большей части Нѣмцевъ; но изложеніе вообще отличается строгою отчетливостію и благородствомъ языка. Нельзя также сказать, чтобы Веберъ былъ большой мастеръ группировать и распредѣлять событія; онъ очень дробитъ свои отдѣлы, старается по возможности не пропустить ни одной важной сто-

* Московскія Вѣдомости. 1860 № 18.

роны народнаго быта, ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго факта или историческаго имени, но не всегда останавливается на событіяхъ или лицахъ, исполненныхъ драматической жизни; общій обзоръ конечно выигрываетъ отъ этого въ полнотѣ, за то части теряютъ иногда въ интересѣ и легкости чтенія. Подобная система изложенія вытекаетъ отчасти изъ строгаго, научнаго воззрѣнія автора на свой предметъ. «Нельзя требовать, говоритъ онъ въ предисловіи, чтобъ всѣ стороны исторической жизни трактовались въ какомъ нибудь руководствѣ съ исчерпывающею подробностью: это превышало бы его назначеніе; но необходимо, чтобъ исторія представлялась живымъ, цѣлостнымъ организмомъ, чтобы при всемъ ограниченіи частностей, каждое проявленіе духовной и практической жизни народа было въ немъ оцѣнено». И нѣсколько далѣе: «Руководство не можетъ быть ни голымъ реэстромъ собственныхъ именъ, годовъ и событій, ни книжкою для легкаго чтенія». Впрочемъ эпизодическій элементъ и характеристика отдѣльныхъ личностей занимаютъ довольно видное мѣсто въ руководствѣ доктора Вебера. Для примѣра возьмемъ лицо Катона Младшаго (567—568):

«Катонъ (род. 95 до Р. Х.), справедливѣйшій человѣкъ въ Римѣ», выпросилъ себѣ порученіе обратить въ *римскую провинцію* островъ *Кипръ*, который, за участіе его въ морскомъ разбоѣ Критянъ, рѣшено было по народному приговору отнять противузаконно у его владѣльца, брата царя египетскаго (57). Узнавъ объ этомъ, кипрскій царь самъ лишилъ себя жизни, а Катонъ захватилъ всѣ имѣнія и сокровища богатаго и скупаго государя (почти на 12 мил. руб. сер.), и все это честно и добросовѣстно передалъ въ государственную казну. *Моммсенъ* также видитъ въ Катонѣ человѣка въ высшей степени благонамѣреннаго и усерднаго, честнаго и стойкаго въ намѣреніяхъ и поступкахъ, преданнаго отечеству, и кореннымъ его учрежденіямъ, но не обладавшаго быстротой ума и притомъ чувственно и нравственно безстрастнаго. При всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ, онъ представляется ему однимъ изъ «самыхъ странныхъ и неутѣшительныхъ явленій», и вотъ въ какихъ оригинальныхъ чертахъ рисуетъ онъ его характеристику: «На бѣду онъ рано попалъ подъ иго фразы, и отчасти подъ владычествомъ стоическихъ сентенцій, въ той отвлеченной наготѣ и безмысленной отрывочности, какъ онѣ обращались тогда между знатью, отчасти подъ вліяніемъ примѣра своего прадѣда, которому онъ непремѣнно хотѣлъ во всемъ подражать, началъ разгуливать по многогрѣшной столицѣ въ видѣ образцоваго гражданина и ходячаго зеркала добродѣтели; принялся, подобно старшему Катону, бранить свое время; вмѣсто того, чтобъ ѣздить на

конѣ, сталъ ходить пѣшкомъ; не бралъ ни подъ какимъ видомъ процентовъ, отказывался отъ военныхъ почестей и вздумалъ начать возстановленіе доброй старины именно съ того, что, по примѣру царя Ромула, ходилъ безъ рубашки. Странною каррикатурой своего предка, маститаго поселянина, изъ котораго ненависть и гнѣвъ сдѣлали витію, который такъ же мастерски владѣлъ плугомъ, какъ и мечемъ, и, при своемъ ограниченномъ, но оригинальномъ и здравомъ умѣ, рѣдко въ чемъ-нибудь давалъ промахъ,—странною каррикатурой Катона Старшаго являлся этотъ молодой, но холодный ученый, у котораго школьная премудрость постоянно капала изъ устъ, и который вѣчно гдѣ-нибудь сидѣлъ за книгой,—этотъ философъ, ничего не смыслившій ни въ военномъ дѣлѣ, ни въ какомъ бы то ни было другомъ ремеслѣ, этотъ заоблачный скиталецъ въ царствѣ отвлеченной морали. И при всемъ томъ, онъ достигъ однакожъ нравственнаго значенія. Въ эту жалкую, слабодушную эпоху, его мужество, его отрицательныя добродѣтели внушали невольное уваженіе толпѣ.—Почти на томъ же держалось и его политическое вліяніе. Онъ все-таки былъ единственный консерваторъ, бравшій если не талантомъ и умомъ, то по крайней мѣрѣ честностью и мужествомъ, и всегда готовый, когда нужно и даже безъ нужды, становиться лицомъ къ лицу съ опасностью; вотъ почему онъ скоро былъ признанъ главою аристократической партіи, хотя ни лѣта, ни санъ, ни умъ не давали ему на это права. Гдѣ можно было взять настойчивостью одного рѣшительнаго человѣка, тамъ онъ обыкновенно имѣлъ успѣхъ».

О переводѣ читатели могутъ судить по отрывку, приведенному нами; съ своей стороны прибавимъ, что переводъ вообще точенъ и близко передаетъ характеръ подлинника. Это капитальное руководство въ нашей учебной литературѣ вѣроятно будетъ имѣть такое же значеніе, какое въ свое время имѣла книга доктора Лоренца, теперь уже значительно устарѣвшая. Для русскихъ гимназій древняя исторія Вебера можетъ принести существенную пользу въ VII классѣ при повтореніи предмета, особенно тамъ, гдѣ предстоитъ нужда пополнить его подробностями бытовыхъ сторонъ, пониманіе которыхъ мало доступно ученику III и IV класса.

«Курсъ» г. Шульгина представляетъ довольно отрадное явленіе въ ряду русскихъ, оригинальныхъ руководствъ по всеобщей исторіи. Научныя достоинства «Курса» несомнѣнны: чтобъ убѣдиться въ нихъ, стоитъ прочесть въ началѣ книги длинный списокъ сочиненій, которыми пользовался авторъ. По своему внутреннему содержанію, книга г. Шульгина соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ учебника. Въ

настоящемъ случаѣ мы только укажемъ опять на недостатокъ, замѣченный нами, при появленіи перваго изданія его Средней Исторіи, именно на недостатокъ простоты и ясности въ изложеніи (имѣя прежде всего въ виду умственное развитіе возраста, для котораго назначается книга). Впрочемъ нашъ упрекъ теперь долженъ быть нѣсколько слабѣе, чѣмъ прежде, потому что въ Древней исторіи (также какъ во второмъ изданіи Средней) означенный недостатокъ господствуетъ уже не въ такой степени. Для доказательства своего замѣчанія, приведемъ одну изъ живыхъ, блестящихъ, но все еще слишкомъ витіеватыхъ характеристикъ, которыя нерѣдко можно встрѣтить въ курсѣ г. Шульгина. Авторъ описываетъ состояніе римскаго общества въ эпоху имперіи, и между прочимъ говоритъ:

«При видѣ общества, исполненнаго старческаго безсильнаго разврата и истощенія, гадкаго въ своемъ циническомъ раболѣпіи предъ заживо обоготвореннымъ цезаремъ, люди того времени, не находя утѣшенія въ религіи, искали утѣшенія въ философіи. У большинства тогдашнихъ Римлянъ господствовали понятія философа Эпикура, поставлявшаго верховное благо въ наслажденіяхъ. Богачи предавались роскоши и чувственнымъ удовольствіямъ самымъ изысканнымъ и утонченнымъ, на которые тратили богатства, награбленныя во время управленія провинціями или нажитыя посредствомъ откуповъ. Къ тому же, думали они, жизнь коротка и можетъ быть не сегодня, такъ завтра отнята насиліемъ цезаря; что жъ дѣлать, какъ не пировать? И вотъ, одинъ завтракъ какого-нибудь богача, въ родѣ Лукулла, стоилъ столько денегъ, что на нихъ можно было прокормить цѣлый годъ 10,000 народа. Появились соусы изъ соловьиныхъ языковъ, рыбы, откормленныя живыми рабами. Императоръ Виттелій едва не проѣлъ цѣлаго государства. Лучшіе и самые благородные Римляне усвоили себѣ ученіе стоиковъ. Отчаявшись спасти отъ гибели все общество, стоики полагали, что мудрецу оставалось скрестить руки на груди, мужественно, громко обличать позоръ общественный и употреблять всѣ силы, чтобы спасти нѣсколько лицъ, оторвать ихъ отъ зараженной среды и пробудить нравственное чувство въ ихъ душѣ. Но такое ученіе было печально, угрюмо: оно учило умирать, быть непреклонно твердымъ въ несчастіяхъ, побѣждать страданія, пренебрегать наслажденіями. На смерть стоики смотрѣли, какъ на успокоеніе отъ тревогъ бытія. «Она есть конецъ и разрѣшеніе печалей». «Взгляни на старыхъ ратниковъ, говоритъ учитель Нерона Сенека, они тверды подъ ножемъ врага, который касается ихъ ранъ и рѣжетъ ихъ члены... Будь же ратникомъ несчастія. Къ чему жалобы, вопли, приличное женамъ горе! Твои бѣдствія были безплодны, если ты не научился стра-

дать». При господствѣ такихъ мнѣній, самоубійство сдѣлалось обыкновеннымъ поступкомъ. Къ нему приводило однихъ людей отчаяніе, а другихъ тоска, равнодушіе къ жизни (taedium vitae), пресыщеніе жизнію. Знатный Римлянинъ, рѣшаясь на добровольную смерть, не скрывалъ своего намѣренія: онъ торжественно прощался съ друзьями и семействомъ, отворялъ себѣ въ ихъ присутствіи жилы и продолжалъ бесѣдовать съ ними до послѣдняго вздоха. Такъ умеръ Сенека, Петусъ, Тразея и др. Впрочемъ и изнѣженные, роскошные эпикурейцы умѣли умирать съ неменьшимъ равнодушіемъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, глубоко презирали современную дѣйствительность и отчаявались въ лучшемъ будущемъ. Различіе между ними было въ томъ, что одни утѣшали себя безотрадною мыслію, что долгъ человѣка страдать, а другіе предавались оргіямъ и необузданному разгулу чувственнаго наслажденія, думая утопить въ немъ отчаяніе и безнадежность на лучшее. Много было въ этомъ разгулѣ циническаго, оскорбляющаго нравственное чувство, но подъ женоподобными формами, подъ невольною праздностію молодой аристократіи, часто скрывались могучія страсти и глубокія скорби. Рядомъ съ этимъ чувствомъ равнодушія и презрѣнія къ жизни, вызывавшимъ на самоубійство, развитъ былъ въ большинствѣ аристократіи чудовищный *эгоизмъ:* всякій губитъ другаго, чтобы сохранить самого себя. Отсюда унизительная система шпіонства и доносовъ. Часто, среди задушевной бесѣды друзей или шумной оргіи развратниковъ, являлись страшныя лица съ циническою улыбкою на губахъ, съ выраженіемъ ненависти и презрѣнія во взорѣ. Это извѣстные въ то время *обвинители* или *доносчики*. Между ними были не только рабы, но и люди родовитые, талантливые, образованные. Доносы свои и обвиненія они совершали всенародно. Изъ личной мести, изъ-за денегъ, изъ желанія выслужиться предъ цезаремъ или спасти себя отъ гнѣва цезаря, они, въ полномъ присутствіи сената, обвиняли гражданъ въ нечестіи или оскорбленіи величества».

Имѣя въ виду заявить появленіе этихъ двухъ учебниковъ, мы ограничиваемся на сей разъ краткою ихъ характеристикою.

II.

ЗАМѢТКИ О НѢМЕЦКИХЪ ШКОЛАХЪ. *

При живомъ интересѣ къ педагогическимъ вопросамъ, который начинаетъ проникать въ наше общество, надѣюсь, не лишнимъ будетъ подѣлиться съ читающею публикой моими немногими замѣтками о нѣмецкихъ школахъ. Свѣдѣнія объ этихъ школахъ, кажется, до сихъ поръ еще мало распространены въ нашемъ педагогическомъ мірѣ. Впрочемъ я не беру на себя задачи трактовать объ организаціи общественнаго воспитанія въ Германіи: я только сообщаю свои наблюденія надъ учебными пріемами въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ школахъ, и замѣтки свои предлагаю въ видѣ простыхъ выдержекъ изъ моего дневника.

Берлинъ.

27 августа 1861 года. Въ назначенное время, то-есть около 8 часовъ утра, явился я въ квартиру одного изъ директоровъ (который наканунѣ очень обязательно согласился на мою просьбу о дозволеніи посѣщать гимназическіе уроки). Онъ отправился со мною въ зданіе гимназіи. На небольшомъ гимназическомъ дворѣ толпами расхаживали ученики, въ ожиданіи звонка: Тутъ же, въ сторонѣ, стояла группа учителей, разговаривавшихъ между собою. Директоръ (онъ же и преподаватель греческаго языка) представилъ меня учителю исторіи и сообщилъ о моемъ желаніи присутствовать у него на урокѣ. Учитель слегка поморщился; впрочемъ поспѣшилъ любезно заговорить со мной, и объявилъ, что у него въ тотъ день репетиція средней исторіи, по случаю приближавшихся экзаменовъ. Дѣйствительно, весь урокъ прошелъ въ вопросахъ

---

* Современная Лѣтопись 1861 г. № 52.

и отвѣтахъ. Все время учитель не умолкалъ, варіируя на разные способы свои вопросы. Ученики отвѣчали только по одному или по нѣскольку словъ; отвѣчали преимущественно голыя имена или хронологическія числа. При этомъ исторія постоянно связывалась съ географіей. Напримѣръ, учитель спрашивалъ: при подошвѣ какихъ горъ лежитъ такое-то (мелкое) княжество? или наоборотъ: между такими-то рѣками лежатъ какія владѣнія? и т. п. (Дѣло шло по преимуществу о Германіи). При случаѣ упоминались также нѣкоторыя произведенія литературы, выводившія на сцену историческія лица, напр. драмы Шекспира, романы Бульвера; а заговоривъ о Маріи Лещинской, учитель привелъ даже драму *Нарцизъ*. Ученики отвѣчали бойко, отрывисто (и притомъ не вставали съ своихъ мѣстъ).

Слѣдующій за тѣмъ часъ я присутствовалъ у того же учителя на урокѣ географіи, въ одномъ изъ низшихъ классовъ. Опять та же форма спрашиванья. Дѣло шло южной Африкѣ. Къ своимъ вопросамъ учитель привязывалъ извѣстія о странствіяхъ Ливингстона и другихъ путешественниковъ. Говоря о Мадагаскарѣ, онъ упомянулъ о неудачныхъ попыткахъ Французовъ завести тамъ колоніи, и о полякѣ Беньевскомъ, который во время Екатерины II былъ сосланъ въ Камчатку, бѣжалъ оттуда, плылъ мимо Мадагаскара и описалъ видѣнныя имъ страны. Урокъ оживлялся иногда намеками и на современное состояніе Пруссіи. Напримѣръ, говоря объ одномъ путешественникѣ изъ прусскихъ аристократовъ, учитель замѣтилъ, что онъ не сдѣлалъ какъ другіе аристократы, не сталъ тратить свое состояніе на разные пустяки въ гарнизонной службѣ, а употребилъ его на полезное дѣло, на ученую экспедицію. По временамъ однако учитель сердился и довольно жостко покрикивалъ на учениковъ, не вдругъ отвѣчавшихъ на его вопросы. Третій и четвертый часъ я пробылъ на урокахъ греческаго языка въ высшихъ классахъ; слушалъ переводы, сначала одного изъ діалоговъ Платона, потомъ Иліады. Ученики переводили отчетливо и скоро; по временамъ на прочитанное бросался общій взглядъ. Учитель классическаго языка отличался бо́льшимъ спокойствіемъ и ровностію духа нежели историко-географъ; между учениками господствовали замѣчательный порядокъ и вниманіе.

28 августа. Реальная школа, состоящая подъ руководствомъ того же директора. Первый урокъ—ботаника. Квинта (низшій классъ). Учитель предупредилъ меня, что онъ только временно замѣняетъ настоящаго преподавателя, который поѣхалъ на Альпы съ ученою цѣлью. Ученики положили передъ нимъ разныя растенія, преимущественно цвѣты. Онъ

бралъ ихъ по одиночкѣ, показывалъ и спрашивалъ названія нѣмецкія и латинскія; иногда называлъ только признаки и спрашивалъ по нимъ имена рода и вида, или чертилъ на доскѣ листья и заставлялъ отгадывать цѣлое растеніе. Въ этомъ прошелъ почти весь урокъ, впрочемъ очень живо; учитель переспросилъ большую часть учениковъ (число всѣхъ простиралось до 40 или болѣе); отвѣты ихъ почти всегда ограничивались однимъ или двумя словами. Несовсѣмъ пріятное впечатлѣніе производила только излишняя нервность учителя: чуть кто запнется въ отвѣтѣ, онъ приказывалъ старшему ученику записать къ наказанію, и такихъ набралось до 10. До начала урока учитель показался мнѣ веселымъ, разговорчивымъ молодымъ человѣкомъ, а тутъ или крикнетъ, или сдѣлаетъ страшные глаза. Въ заключеніе онъ продиктовалъ вкратцѣ описаніе слѣдующаго отдѣла растеній.

Второй урокъ — исторія. Секунда (соотвѣтствуетъ приблизительно нашему пятому классу гимназіи). Учитель пожилой господинъ съ суровымъ видомъ. Когда директоръ подошелъ со мною къ группѣ учителей, стоявшей также на дворѣ, и передалъ ему мое желаніе быть у него гостемъ, онъ слегка поклонился, поморщился и, ничего не сказавъ, продолжалъ разговоръ съ другимъ учителемъ; потомъ смягчился, и заговорилъ со мною. Въ классѣ онъ заставилъ четырехъ или пятерыхъ учениковъ разсказать заданный урокъ, и перешелъ къ объясненію слѣдующаго. Содержаніемъ его была судьба послѣднихъ Гогенштауфеновъ и преемники Магомета. Ученики записывали сокращенно его объясненія въ тетрадки. Учитель впрочемъ не вдавался въ подробности. Передъ нимъ лежалъ раскрытый учебникъ (Делица), также не отличающійся подробнымъ изложеніемъ; наставникъ посматривалъ въ него время отъ времени, и перефразировалъ его содержаніе съ небольшими поясненіями. Говорилъ онъ громко, съ пониженіями и повышеніями въ голосѣ, съ различными тѣлодвиженіями, такъ что ловко поддерживалъ вниманіе учениковъ; часто останавливался, и спрашивалъ у того или другаго ученика имена предшествующихъ членовъ династіи, хронологическія числа, или географическое положеніе страны, при чемъ обращался къ висѣвшей за нимъ картѣ. Напримѣръ, говоря о періодѣ арабскихъ завоеваній, онъ спросилъ, какія государства сосѣдили съ Арабами, изъ какихъ частей состояла тогда Византійская имперія и Персія, и т. п. Вообще изложеніе его отличалось чисто фактическимъ характеромъ; въ немъ преобладали: хронологія, собственныя имена, географія и общія мѣста въ разсказѣ или при объясненіи событій.

Третій урокъ—физическая географія. Кварта (соотвѣствуетъ нашему

третьему классу). Преподаватель тотъ же самый. Первая половина урока была занята вопросами въ родѣ слѣдующихъ: сколько милліоновъ миль отъ солнца до той или другой планеты, во сколько времени та или другая планета, совершаетъ свой путь вокругъ солнца? и т. п., или наоборотъ, учитель скажетъ число, ученикъ долженъ отгадывать собственное имя. Потомъ учитель объяснялъ слѣдующій урокъ, именно о лупѣ. Онъ чертилъ фигуры на доскѣ или обращался къ прибору, который показываетъ движеніе земли вокругъ солнца одновременно съ движеніемъ луны вокругъ земли. Вообще методъ объясненій очень наглядный. При этомъ учитель старался, чтобъ ученики сами подвигались впередъ: онъ часто останавливался и заставлялъ ихъ отгадывать слѣдующее; напримѣръ, при такомъ-то положеніи луны какая часть ея должна быть освѣщена, и какую форму приметъ для насъ эта освѣщенная часть? Въ случаѣ неудачныхъ отвѣтовъ онъ сердился. Впрочемъ отпускалъ иногда и шуточки; напримѣръ, замѣтивъ, что сутки на лунѣ продолжаются цѣлый мѣсяцъ, прибавилъ, что жить тамъ было бы неудобно, потому что отъ завтрака до обѣда надобно ждать 8 дней, отъ обѣда до ужина тоже 8 дней. Эти шуточки, сколько я могъ замѣтить, полезны для поддержки вниманія между дѣтьми.

29 августа. Гимназія. Терція. Послѣ обѣда. Два часа сряду латинскій урокъ. Первый часъ былъ занятъ переводомъ съ нѣмецкаго на латинскій изъ хрестоматіи, которая приспособлена къ упражненіямъ въ разныхъ формахъ языка, начиная съ легчайшихъ. Методъ тотъ же, то-есть учитель старается, чтобъ ученики всѣ вмѣстѣ сами подвигались впередъ. Каждаго онъ спрашивалъ не болѣе одной, много двухъ минутъ; иногда одинъ начнетъ переводить точку, другой ее продолжаетъ или кончаетъ; въ случаѣ запинки сейчасъ другаго, третьяго и т. д. Также нѣсколько учениковъ спроситъ по поводу одной фразы, какъ ее можно сказать иначе, какое другое слово можно употребить, и т. п. Почти то же было и во время втораго часа, при переводѣ съ латинскаго на нѣмецкій. Переводили комментаріи Цезаря о Галльской войнѣ. Учитель между прочимъ разспрашивалъ географическія подробности древней Галліи (карта которой приложена къ книгѣ). Вообще онъ старался, чтобы каждое слово было ясно мальчику, чтобы переводъ былъ вполнѣ отчетливъ, и обыкновенно на каждой фразѣ нѣсколько учениковъ, сами вызываясь, подыскивали свои выраженія. Переводили вообще хорошо и довольно бѣгло, въ пріисканіи словъ, въ ихъ порядкѣ и формахъ мало затруднялись (что неудивительно если замѣтимъ, что латинскій языкъ проходится во всѣхъ 8 классахъ гимназіи, и въ одной терціи на него

полагается 10 уроковъ въ недѣлю). Учитель показался мнѣ мягче и гостепріимнѣе другихъ; на учениковъ онъ почти не сердился.

31 августа. Унтеръ-прима (соотвѣтствуетъ нашему шестому). Опять два часа на латинскомъ языкѣ (отъ 10 до 12). Первый часъ прошелъ въ томъ, что учитель дѣлалъ свои замѣчанія на письменныя латинскія упражненія учениковъ, и при этомъ очень хорошо объяснялъ, почему то или другое слово или выраженіе нейдетъ къ дѣлу. Въ слѣдующій часъ переводили оды Горація, переводили бѣгло и хорошо. Учитель (не тотъ, у котораго я былъ наканунѣ) имѣетъ очень размашистыя манеры; онъ часто острилъ, строилъ мины, ходилъ, садился, и вообще все время былъ въ движеніи. Повидимому добродушный человѣкъ; однако, когда ученикъ ошибался въ чтеніи стиховъ, онъ громовымъ голосомъ вскрикивалъ тѣ же слова; а одного юношу не захотѣлъ спрашивать, когда тотъ началъ читать неправильно.

Дрезденъ.

6 сентября. Гимназія. 10—11 часъ. Унтеръ-кварта. Географія. Урокъ о формѣ поверхности Азіи. Учитель вызывалъ ученика къ картѣ и спрашивалъ: гдѣ лежитъ такой-то хребетъ или низменность или степь, между какими градусами, сколько миль имѣетъ пространства? и т. п. Въ то же время онъ переспрашивалъ и другихъ. Потомъ заставилъ одного читать урокъ дальше. Тотъ прочелъ около страницы по учебнику Фойта—сухая книга, наполненная короткими опредѣленіями, номенклатурой и числами. Затѣмъ вызванъ былъ другой ученикъ къ картѣ, чтобы показывать по ней все прочитанное; при этомъ учитель безпрерывно обращался къ воспитанникамъ съ вопросами, касавшимися прежде-пройденнаго. Ни въ какія подробныя описанія онъ не вдавался.

2—3 часъ. Оберъ секунда. Исторія. Урокъ о Елизаветѣ Англійской. Сначала шло спрашиваніе урока точно также какъ въ Берлинѣ, т.-е. каждому ученику приходилось отвѣтить одно или два слова. Потомъ преподаватель (пожилой человѣкъ, говоритъ очень скоро) объяснялъ далѣе, именно отношенія Елизаветы къ Маріи Стюартъ; но не разсказывалъ ихъ исторію, а говорилъ болѣе общими мѣстами, касаясь преимущественно династическихъ отношеній, протестантизма и католицизма. Натягивалъ на оправданіе Елизаветы въ казни Маріи, съ которою будто находились въ связи всѣ заговоры и попытки католиковъ. Замѣтилъ о различіи въ характерахъ двухъ королевъ, упомянулъ и о томъ, что Шиллеръ невѣрно ихъ изобразилъ. Потомъ перешелъ къ Іакову I, сказалъ о его отношеніяхъ къ католической

партіи и о Пороховомъ заговорѣ. Остальное время посвятилъ спрашиванію учениковъ изъ уроковъ прежде-пройденныхъ; прошелся по вѣку Реформаціи, въ слѣдующихъ вопросахъ: какія главныя лица характеризуютъ этотъ вѣкъ, какія второстепенныя, сколько было религіозныхъ войнъ во Франціи? и т. п. Отъ реформаціи пошелъ далѣе назадъ, спросилъ о первоначальномъ населеніи Англіи, о происхожденіи англійской конституціи, но коротко, напримѣръ: въ какомъ году дана великая хартія, какимъ королемъ? и пр.

3—4 часъ. Квинта. Урокъ древней исторіи. Сначала шли вопросы объ Аѳинахъ, преимущественно объ ихъ географическомъ положеніи. Потомъ учитель (не тотъ, у котораго я былъ въ предыдущій часъ) разсказывалъ греко-персидскія войны. Разсказывалъ только самые яркіе факты и почти всѣ тѣ анекдоты, которые встрѣчаются въ книгѣ Ламе-Флери. Можетъ быть, учитель главнымъ образомъ имѣлъ въ виду заинтересовать своихъ малолѣтнихъ слушателей, и потому не обращалъ вниманія на недостовѣрность многихъ анекдотовъ. При этомъ онъ часто смотрѣлъ въ лежавшую передъ нимъ толстую книгу. Разсказъ его вообще былъ простъ и ясенъ, сопровождался географическими указаніями, и перерывался иногда вопросами о томъ, что̀ должно быть извѣстно изъ прежнихъ уроковъ, или о томъ, что̀ могло быть ученикамъ непонятно, напримѣръ: зачѣмъ Персы во второмъ походѣ везли съ собой цѣпи, зачѣмъ везли прекрасную мраморную колонну? и пр. Онъ окончилъ описаніемъ Мараѳонской битвы, остановился на наградѣ, которую получилъ Мильтіадъ, и обратилъ на нее особенное вниманіе учениковъ. Учитель— молодой человѣкъ; держитъ себя ровно и спокойно; онъ не выходилъ изъ себя, если два-три и болѣе учениковъ сподрядъ не могли отвѣтить на какой либо вопросъ. Вообще дрезденскіе педагоги смотрятъ добродушнѣе и привѣтливѣе берлинскихъ. Съ учениками они обращаются мягче; по крайней мѣрѣ при мнѣ никто не сердился; но при малѣйшемъ шумѣ строго замѣчали: ruhig!

7 сентября. Унтеръ-секунда. Исторія. Дѣло шло о Германской имперіи. Учитель (первый, т.-е. пожилой человѣкъ) разсказывалъ о Генрихѣ IV, о его воспитаніи. Тутъ онъ понемногу касался очень многаго, спрашивая учениковъ по всѣмъ прежде царствовавшимъ династіямъ. Коснулся и раздробленія Германіи, о которомъ замѣтилъ, что оно было выгодно для цивилизаціи, но невыгодно въ политическомъ отношеніи, и что централизованная Франція въ послѣдствіи много обижала Нѣмцевъ. Потомъ коротко сказалъ объ отношеніяхъ Генриха къ саксонскимъ феодаламъ и о войнѣ его съ Саксами.

9 сентября. Пришелъ въ реальную школу. Ректоръ и учители, стоявшіе на дворѣ, встрѣтили меня очень привѣтливо, и тотчасъ представили одного русскаго ученика (изъ Петербурга), который сообщилъ мнѣ, что здѣсь ему гораздо лучше чѣмъ дома; что учителя обходятся очень гуманно и пр.

10—11 часъ. Секунда. Ариѳметика. Учитель (онъ же и ректоръ училища) задалъ изъ книги задачу, по части капитала, нарастающаго посредствомъ процентовъ. Одинъ ученикъ дѣлалъ ее на доскѣ, другіе писали въ своихъ тетрадкахъ. Когда первый ошибался, кто-нибудь изъ товарищей вставалъ и замѣчалъ ему ошибку. Потомъ учитель задалъ другую задачу изъ своей головы, на уравненіе со многими неизвѣстными. Нѣсколько учениковъ вызваны были одинъ за другимъ, чтобы продолжать рѣшеніе; но и другіе также принимали участіе, такъ что рѣшали задачу, можно сказать, общими силами.

10 сентября. 9—10 часъ. Нѣмецкій языкъ. Урокъ былъ о разныхъ циклахъ германскихъ сагъ. Учитель преимущественно спрашивалъ подробности о Нибелунгахъ, содержаніе которыхъ повидимому хорошо извѣстно ученикамъ; потомъ перешелъ къ Св. Гралю и другимъ сагамъ и заставлялъ вкратцѣ разсказывать ихъ содержаніе.

10—11 часъ. Урокъ геометріи. Учитель чертилъ разныя фигуры въ кругѣ, секторы, сегменты и пр. Выводилъ отношенія угловъ и линій; но онъ только начиналъ; что̀ слѣдуетъ далѣе, должны были говорить ему сами ученики. Въ этой школѣ также никто изъ наставниковъ при мнѣ не сердился и не кричалъ на учениковъ. Послѣдніе держатъ себя свободно, но тихо и прилично; только изрѣдка учитель напоминалъ кому-нибудь о вниманіи.

11 сентября. Былъ въ бюргеръ-шуле (въ родѣ нашего уѣзднаго училища), и прослушалъ урокъ исторіи. Учитель началъ свои вопросы съ самаго опредѣленія исторіи и ея раздѣленія на части. Оказалось, что она раздѣляется на пять частей: древнѣйшая, древняя, средняя, новая и новѣйшая. Потомъ онъ перешелъ къ средне-вѣковой германской исторіи, и спрашивалъ преимущественно о Генрихѣ Птицеловѣ. Вторую половину урока онъ разсказывалъ объ Оттонѣ I, при помощи также лежавшей передъ нимъ толстой книги; разсказывалъ краснорѣчиво, возвышеннымъ слогомъ, съ различными интонаціями въ голосѣ.

Изъ всѣхъ уроковъ, прослушанныхъ мною въ берлинскихъ и дрезденскихъ школахъ, я привелъ здѣсь до 20. Этого числа, надѣюсь, достаточно будетъ для того, чтобы дать читателямъ понятіе о характерѣ преподаванія. Теперь, на основаніи приведенныхъ мною данныхъ, я позволю себѣ сдѣлать нѣкоторые общіе выводы.

Господствующій методъ, какъ видите, репетиціонный, и преподаваніе стремится по возможности къ нагляднымъ формамъ. Выгоды этой системы очевидны. Помощію ея поддерживается постоянное, напряженное вниманіе въ массѣ учениковъ; при безпрерывныхъ репетиціяхъ волей-неволей они твердо усваиваютъ себѣ основу или остовъ науки. Знанія распредѣляются довольно равномѣрно между учениками, товарищами по классу, и не существуетъ такого огромнаго различія, какое вы можете встрѣтить, напримѣръ, въ нашихъ гимназіяхъ между обитателями первой и послѣдней скамьи какого-нибудь слишкомъ многочисленнаго класса. Съ другой стороны нельзя не замѣтить и нѣкоторой односторонности метода, ограничивающагося общими мѣстами и отвлеченными фактами. Относительно математики и языковъ, конечно, онъ болѣе удовлетворителенъ, нежели относительно такихъ предметовъ, какъ исторія и географія. Въ послѣднемъ случаѣ онъ отзывается излишнею сухостію и заставляетъ работать почти одну память (нѣкоторое исключеніе представляютъ впрочемъ низшіе класы). Учитель исторіи заботится только о томъ, чтобъ ученикъ усвоилъ хронологію, главные факты и общіе на нихъ взгляды. Но исторія одна изъ тѣхъ наукъ, которыя непрерывно идутъ впередъ и которыя не легко уживаются съ догматическимъ изложеніемъ *. Всякій согласится, что было бы далеко не лишнимъ, еслибъ учитель, стараясь объ усвоеніи учениками фактовъ, заботился также о развитіи въ нихъ стороны мыслительной и художественной. Для достиженія этой цѣли могутъ служить изустные разсказы преподавателя и чтеніе образцовыхъ произведеній исторической литературы или чтеніе самыхъ памятниковъ (конечно въ старшихъ классахъ); при чемъ ученики могутъ быть вызываемы на собственныя разсужденія о прочитанномъ. Такимъ образомъ, заставляя ихъ задумываться надъ историческими вопросами, преподаватель мало-по-малу вводитъ своихъ слушателей въ область исторической литературы, знакомитъ съ источниками самой науки, съ бытомъ и характеромъ извѣстной эпохи, извѣстнаго лица и пр. А разъ возбужденный интересъ къ чтенію дѣльныхъ книгъ приноситъ болѣе обильные плоды нежели самое добросовѣстное изученіе учебника **.

---

* Но есть ли какая-нибудь возможность дѣлать предметомъ гимназическаго преподаванія тѣ стороны исторіи, которыми она „непрерывно идетъ впередъ“ и которыя не уживаются съ догматическимъ изложеніемъ? Потому-то и слѣдуетъ преподавать исторію въ гимназіяхъ какъ можно короче, что она трудно уживается съ догматическимъ изложеніемъ. Примѣчаніе редакціи Современной лѣтописи.

** Нѣтъ спора, что чтеніе дѣльныхъ книгъ полезно даже въ гимназіи и не должно быть устраняемо изъ программы гимназическихъ занятій. Но главная цѣль гим-

Впрочемъ односторонность учебной рутины въ нѣмецкихъ школахъ обусловливается отчасти самымъ распредѣленіемъ уроковъ. Обыкновенно каждый учитель преподаетъ по нѣскольку предметовъ. Напримѣръ, учитель исторіи въ то же время преподаетъ географію и еще какой либо языкъ. Между тѣмъ штатъ учителей отъ этого не сокращается, и на каждый предметъ въ гимназіи приходится обыкновенно по нѣскольку преподавателей. При такомъ условіи невозможно требовать, чтобы каждый преподаватель былъ спеціалистомъ по какой либо наукѣ. Отсюда по всей вѣроятности вытекаетъ привычка перефразировать учебникъ или разсказывать событія, держа передъ собою книгу для чтенія. Итакъ мы приходимъ къ тому заключенію, что для русскихъ школъ было бы очень полезно усвоеніе репетиціоннаго метода Нѣмцевъ, но безъ сухости и односторонности ихъ преподаванія ***.

Обращаю вниманіе читателей на примѣчанія, которыми редакція Современной Лѣтописи (Катковъ-Леонтьевъ) снабдила мои выводы. Хотя молодому человѣку и свойственно было нѣсколько увлекаться своею спеціальностью; не думаю однако, чтобы въ данномъ случаѣ я предъявилъ неумѣренныя требованія. Редакторскія примѣчанія или точнѣе возраженія были бы вполнѣ справедливы, если бы частію не были основаны на недоразумѣніи, а частію не вдавались въ крайность. Напримѣръ, если я говорю, что возбужденная въ школѣ любовь къ чтенію хорошихъ книгъ принесетъ впослѣдствіи бо́льшіе плоды, чѣмъ самое добросовѣстное изученіе учебника; то это только извѣстный оборотъ рѣчи, и отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что въ школѣ, по моему мнѣнію, не нужно добросовѣстно изучать учебникъ; само собой разумѣется, что онъ долженъ быть положенъ въ основу школьныхъ уроковъ. Точно также я менѣе всего совѣтую преподавателямъ среднеучебныхъ заведеній подражать университетскимъ профессорамъ и читать лекціи. Напротивъ, и въ данныхъ замѣткахъ я рекомендую усвоеніе нѣмецкаго репети-

---

зическаго преподаванія исторіи и географіи состоитъ все-таки въ изученіи учебника при пособіи картъ. Примѣч. редакціи Совр. лѣт.

*** Считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ гимназіяхъ нельзя еще считать такого метода одностороннимъ, хотя онъ и кажется такимъ съ русской точки зрѣнія. У насъ гимназическіе учителя рѣдко удерживаются въ предѣлахъ того, что доступно понятію учениковъ, и черезчуръ стараются походить на профессоровъ университета. Въ корпусахъ даже стыдятся называть урокъ урокомъ, а величаютъ его лекціей. Понятно какую пользу можетъ принести дѣтямъ лекція, продолжающаяся иногда болѣе получаса въ низшихъ классахъ. Такой неестественный методъ причиняетъ страшный вредъ ученикамъ. Примѣч. редакціи Совр. лѣт.

ціоннаго метода и въ другихъ своихъ статьяхъ о преподаваніи исторіи въ гимназіяхъ постоянно на передній планъ выдвигаю строго фактическій методъ, опирающійся на географію и хронологію. Слѣдовательно, вопросъ могъ идти только объ *излишней* догматичности, сухости и односторонности въ историческомъ преподаваніи. Относительно догматичности, можетъ быть, я выразился не совсѣмъ точно, и тѣмъ далъ поводъ къ возраженію; ибо для средней школы изложеніе исторіи до извѣстной степени должно быть догматично. Но гг. редакторы, настаивая на томъ, чтобы исторія преподавалась въ гимназіяхъ «какъ можно короче» и безъ устраненія вытекающей отсюда сухости, въ свою очередь вдались въ нѣкоторую крайность. Очевидно, готовясь выступить съ энергичною проповѣдью о преобладаніи древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, они желали нѣкоторые предметы преподаванія, и въ томъ числѣ исторію, отодвинуть на задній планъ; въ чемъ потомъ и успѣли.

Утро въ вѣнской Академической гимназіи.*

Въ ноябрѣ прошлаго 1868 года, остановясь въ Вѣнѣ на нѣсколько дней и знакомясь съ городомъ, я между прочимъ посѣтилъ Академическую гимназію, на которую мнѣ указали какъ на лучшую. Однажды утромъ передъ началомъ классовъ я зашелъ къ директору, и просилъ позволенія прослушать въ его заведеніи нѣсколько уроковъ исторіи и географіи. Директоромъ этой гимназіи оказался Hochegger, извѣстный въ педагогической литературѣ своими брошюрами объ учебныхъ заведеніяхъ въ Швейцаріи, Бельгіи и Россіи. Онъ принялъ меня любезно, и тотчасъ провелъ въ VII, т. е. старшій классъ, на урокъ исторіи. На этотъ разъ происходила репетиція. Предметомъ урока служила интересная для вѣнскихъ учениковъ эпоха, именно переходъ разныхъ земель въ руки Габсбургскаго дома. Отвѣчали по учебнику Всеобщей исторіи Пютца, курсъ старшихъ классовъ. Тутъ было и неизбѣжное Tu, Austria, felix. Но главную роль играла родословная Габсбурговъ; все предлагались вопросы, кто кому приходился племянникъ, или сынъ, или братъ и т. п. Система спрашиванія та же, что и въ другихъ нѣмецкихъ гимназіяхъ. Учитель кого-нибудь вызываетъ къ картѣ, но при этомъ безпрерывно обращается и къ другимъ ученикамъ съ вопросами, отвѣтъ на которые заключается въ двухъ, трехъ словахъ. Система эта до того вошла въ нравы, что нѣкоторые не могли спокойно дожидаться своей очереди, и часто сами

---

* Педагогическое Обозрѣніе при циркулярѣ Москов. Учебн. Округа. 1869 г. № I.

поднимали руки, выражая желаніе быть спрошенными,—что не совсѣмъ согласовалось съ достоинствомъ старшаго класса. Но вообще отвѣчали не очень бойко, а въ родословной постоянно путались. Такъ какъ ученикамъ не приходилось отвѣчать хотя бы и небольшими связными разсказами, то и нельзя было судить, въ какой степени способны они отчетливо и логично передать усвоенное ими изъ курса, и насколько развитъ у нихъ механизмъ языка. Нѣкоторыя замѣчанія учителя мнѣ бросились въ глаза, напримѣръ: завоеваніе Константинополя Турками было полезно для Западной Европы, потому что многіе ученые и художники удалились туда изъ Византіи. Едва ли можно выражаться такъ категорически: для европейской цивилизаціи было бы еще полезнѣе, еслибы на мѣстѣ варварской орды продолжало существовать образованное государство; притомъ эпоха Возрожденія началась гораздо ранѣе завоеванія Константинополя.

На слѣдующій урокъ, именно на урокъ географіи, директоръ представилъ меня другому учителю; я отправился въ низшій классъ, гдѣ географія только начинается. Тутъ также оказалась репетиція. Учитель вызывалъ по нѣскольку учениковъ къ столу, на которомъ стоялъ глобусъ, составленный изъ прутьевъ, обозначающихъ, меридіаны, экваторъ и прочіе круги. Рѣчь все шла о томъ, чтобы опредѣлить, что такое меридіанъ, широта, долгота и т. п. Эти опредѣленія, особенно широта и долгота мѣста, видимо затрудняли мальчиковъ. Они часто сбивались; а учитель иногда дѣлалъ имъ строгія внушенія. Учебникъ географіи, употребляемый въ этомъ классѣ, составленъ тѣмъ же самымъ учителемъ (Leitfaden für die erste Stufe erkundlichen Unterrichts. Von Dionys Grün.). Замѣтивъ, что во время урока я просмотрѣлъ его книгу, по окончаніи урока Грюнъ попросилъ меня сказать свое мнѣніе. Я сказалъ, что книга составлена хорошо, но что, если говорить откровенно, она заключаетъ въ себѣ слишкомъ много отвлеченныхъ опредѣленій, непрерывно слѣдующихъ одно за другимъ; усвоеніе ихъ въ такомъ количествѣ трудно для дѣтскаго возраста. На это замѣчаніе Грюнъ отвѣчалъ, что онъ проходитъ не все сподрядъ, а выбираетъ изъ книги только самое главное. Далѣе я похвалилъ въ ней соединеніе географіи съ элементарными свѣдѣніями изъ ботаники, зоологіи, минералогіи и физики (при общемъ обозрѣніи частей свѣта). На вопросъ мой о начальномъ преподаваніи исторіи, онъ сообщилъ, что исторія начинается у нихъ со втораго класса, а руководствомъ служитъ сокращенный учебникъ Всеобщей исторіи того же Пютца, т. е. курсъ младшаго возраста. При этомъ Грюнъ высказалъ такое мнѣніе, что исторію не слѣдуетъ преподавать

младшему возрасту, который не способенъ понимать значеніе великихъ событій, учрежденій и т. п. Я возразилъ ему, что, напротивъ, исторія со стороны фактической и повѣствовательной очень доступна этому возрасту и нѣтъ никакой нужды хлопотать, чтобы мальчики сразу проникали въ смыслъ историческихъ явленій; къ этому должно стремиться впослѣдствіи; самое пониманіе событій и ихъ связи обусловливается предварительнымъ фактическимъ знакомствомъ; это знакомство важно для успѣховъ и по нѣкоторымъ другимъ предметамъ, напримѣръ по классическимъ языкамъ; но конечно такіе сокращенные курсы, какъ Пютца, слишкомъ сухи и неудобоваримы; притомъ со втораго класса начинать исторію рано, а лучше, какъ у насъ, съ третьяго.

Затѣмъ Грюнъ повелъ меня въ V-й классъ на свой урокъ исторіи. Онъ объяснилъ ученикамъ географическое состояніе древняго Египта. Но замѣчательно, что объясненія происходили не по историческому учебнику, а просто по учебнику географіи. Послѣ онъ сообщилъ мнѣ, что это его собственный, личный методъ (т. е. необщепринятый), соединять такимъ образомъ исторію съ географіей. Методъ его мнѣ показался неудобнымъ: частые переходы то къ настоящему состоянію страны, то къ прошедшему, должны спутывать учениковъ и мѣшать цѣльности представленій; знакомство съ настоящимъ географическимъ состояніемъ должно предшествовать знакомству историческому, и ученику потомъ легче будетъ представить себѣ страну въ ея прошедшемъ. Въ объясненіяхъ своихъ учитель мало удалялся отъ книги; но говорилъ вообще дѣльно и толково; при этомъ часто останавливался, чтобы предлагать ученикамъ вопросы. Послѣ урока я продолжалъ съ нимъ разговоръ объ историческомъ преподаваніи въ австрійскихъ школахъ и спросилъ, въ какія отношенія ко всеобщей исторіи поставлена собственно Австрійская исторія? Отношенія эти, какъ и слѣдовало ожидать при отсутствіи національнаго единства, при разнородномъ составѣ государства, и вмѣстѣ сложной внѣшней политикѣ, довольно запутанны и неопредѣленны. Учебникомъ служитъ книга пражскаго профессора Томека (Geschichte des Oestereichischen Kaiserstaates); но проходятъ ее какъ-то урывками, въ перемежку со всеобщей исторіей, т. е. тамъ, гдѣ встрѣчается Австрія, оставляютъ Пютца и обращаются къ Томеку.

III.

ФРАНЦУЗСКОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ ИСТОРІИ СРАВНИТЕЛЬНО СЪ РУССКИМЪ *.

Давно хотѣлось мнѣ проникнуть во французскіе лицеи (соотвѣтствующіе нашимъ гимназіямъ), чтобы ознакомиться съ ихъ системою преподаванія исторіи на самой практикѣ; ибо знакомство съ французскою учебною литературою по этой части не давало полнаго понятія о цѣлой системѣ. Но проникнуть туда оказывалось не такъ легко, какъ это дѣлается въ Германіи и даже въ Австріи. Въ нѣмецкихъ гимназіяхъ я, обыкновенно, относился къ директору заведенія, и почти всегда безъ затрудненія получалъ радушное позволеніе прослушать нѣсколько уроковъ. (Мои замѣтки о нихъ приведены выше). Во Франціи же весьма развитая централизація даетъ себя знать и въ этомъ отношеніи. Тамъ для посѣщенія уроковъ какого либо низшаго или средне-учебнаго заведенія требовалось высшее разрѣшеніе, а за такимъ разрѣшеніемъ, конечно, не всегда удобно обращаться. Лѣтомъ, 1880 года, въ бытность мою въ Парижѣ, я, наконецъ, досталъ это разрѣшеніе, благодаря извѣстному историку Альфреду Рамбо, который занималъ постъ правителя канцеляріи при министрѣ народнаго просвѣщенія Жюль Ферри. Мнѣ предоставлено было выбрать, примѣрно, два лицея. Я выбралъ, вопервыхъ, лицей Людовика Великаго, помѣщающійся близь Сорбонны, во вторыхъ, лицей Фонтанъ, въ сторонѣ Grand Opera; куда и получилъ рекомендательную записку отъ г. Греаръ, вице-ректора университета (соотвѣтствующаго нашему попечителю учебнаго округа). Ректоромъ университета считается министръ.

Прежде чѣмъ перейти къ своимъ замѣткамъ о прослушанныхъ урокахъ, сообщу читателю общій учебный планъ преподаванія исторіи во

* Русская Старина. 1880 г. Декабрь.

французскихъ лицеяхъ. Весь лицейскій курсъ простирается на 10 лѣтъ. Недавно произведенными учебными реформами курсъ этотъ раздѣленъ на три отдѣла, такимъ образомъ, чтобы каждый отдѣлъ представлялъ нѣкоторую законченность въ общемъ образованіи. Отдѣлы эти суть: элементарный, граматическій и высшій. Возрастъ учащихся предполагается отъ 8 лѣтъ до 17 включительно.

Отдѣлъ элементарный (division élémentaire) состоитъ изъ трехъ классовъ: приготовительнаго, осьмаго и седьмаго. Въ каждомъ классѣ на исторію полагается два часа въ недѣлю или одинъ урокъ, такъ какъ уроки въ лицеяхъ обыкновенно двухчасовые. Въ приготовительномъ классѣ учебная программа назначаетъ: «біографіи знаменитыхъ людей древняго и новаго времени,—небольшіе разсказы, сдѣланные учителемъ и повторяемые наизусть ученикомъ». Въ осьмомъ классѣ: «сокращенная исторія Франціи до смерти Генриха IV,—простые разсказы, коротко изложенные учителемъ и повторенные наизусть ученикомъ». Въ седьмомъ классѣ: «исторія Франціи, отъ Франциска I до нашихъ дней—изложеніе учителя, воспроизведенное ученикомъ наизусть или письменно». Итого въ элементарномъ отдѣленіи заключаются три недѣльныхъ урока или шесть часовъ, съ законченнымъ сокращеннымъ курсомъ французской исторіи, которой предшествуетъ маленькій біографическо-эпизодическій очеркъ исторіи всеобщей.

Граматическій отдѣлъ (division de grammaire) заключаетъ въ себѣ классы: шестой, пятый и четвертый. На исторію также назначено по два часа въ недѣлю. Въ шестомъ классѣ полагается «древняя исторія восточныхъ народовъ» и, кромѣ того, «древняя географія». Въ пятомъ—«исторія Греціи» и «древняя географія». Въ четвертомъ—«исторія римская». И такъ въ этомъ отдѣлѣ на исторію отводится также шесть часовъ или три недѣльные урока, которые назначены на подробный, систематическій курсъ древней исторіи.

Высшій отдѣлъ (division supérieure) заключаетъ въ себѣ четыре класса: третій, второй, риторическій и философскій. На исторію въ каждомъ классѣ отведено три часа. Но такъ какъ уроки двухчасовые, то по одному часу въ недѣлю, сверхъ того, полагается на географію. Преподаваніе исторіи и географіи, обыкновенно, находится въ однѣхъ рукахъ, и учитель располагаетъ такимъ образомъ, что половину одного двухчасоваго урока посвящаетъ исторіи, а другую половину — географіи, или чередуетъ ихъ, т.-е. одну недѣлю всѣ два часа исторіи, а другую недѣлю — географіи. Въ третьемъ классѣ полагается «исторія Европы и преимущественно Франціи, отъ 395 г. до 1270 г.». Во второмъ: «исто-

рія Европы и преимущественно Франціи, отъ 1270 г. до 1610. Обращать особое вниманіе на учрежденія». Въ классѣ риторики: «исторія Европы и преимущественно Франціи, отъ 1610 г. до 1789». Въ классѣ философіи: «исторія Франціи и современная исторія, отъ 1789 до конституціи 1875 г.».

Слѣдовательно, высшій отдѣлъ отводитъ 12 часовъ на систематическій курсъ средней, новой и новѣйшей исторіи; при чемъ центръ тяжести лежитъ въ преподаваніи отечественной исторіи. Въ теченіе же всего лицейскаго десятилѣтняго курса отведено на исторію 24 часа или 12 двухчасовыхъ уроковъ. Надобно замѣтить, что при послѣдней реформѣ среднеучебнаго образованія, система преподаванія исторіи, хотя и вызвала нѣкоторыя замѣчанія и проэкты, но была оставлена почти нетронутою. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ системою уже довольно твердо установившеюся, въ теоріи и на практикѣ.

Теперь обращусь къ своей записной книжкѣ.

Лицей Людовика Великаго. 10-го (22) іюня 1880 г.

$2^1/_2$ — $4^1/_2$ часа пополудни. Въ четвертомъ классѣ. Урокъ римской исторіи. Преподаватель вошелъ въ классъ первый, а за нимъ вошли ученики, которые собрались и дожидались на гимназическомъ дворикѣ. Преподаватель началъ съ того, что продиктовалъ вкратцѣ содержаніе слѣдующаго урока (sommaire)—родъ конспекта, заключающаго собственныя имена и хронологическія данныя и обнимающаго эпоху отъ Нерона до Коммода. Это содержаніе обязательно для заучиванія наизусть. Потомъ онъ занялся спрашиваніемъ предыдущаго урока — эпохи тирановъ, отъ Августа до смерти Нерона. Все отрывочные, короткіе отвѣты, связнаго разсказа почти не было. Обратилъ вниманіе учениковъ на римскія имена, прозвища и фамиліи. Напримѣръ: Кай Калигула; послѣднее слово— это прозвище, а родовое или фамильное его имя было Клавдій, потому что онъ принадлежалъ къ роду Клавдіевъ. Неронъ, по происхожденію, принадлежалъ къ фамиліи Нероновъ, а по усыновленію императоромъ Клавдіемъ къ роду Клавдіевъ, и т. п.

Затѣмъ преподаватель продиктовалъ урокъ изъ географіи о настоящемъ состояніи Франціи, именно статистическія данныя о ея администраціи, войскѣ, флотѣ и учебной части. Послѣ онъ мнѣ объяснилъ, что это была случайная вставка, такъ какъ въ прошлый разъ онъ не успѣлъ окончить урокъ изъ географіи. На послѣднюю полагается въ 4-мъ классѣ одинъ часъ въ недѣлю; преподаватель исторіи и географіи тотъ же самый; вотъ онъ и улаживаетъ ихъ какъ знаетъ.

Послѣ того онъ перешелъ къ болѣе подробному объясненію слѣдующаго урока, который въ началѣ продиктовалъ въ видѣ конспекта. Онъ очертилъ возстаніе легіоновъ противъ Нерона, охарактеризовалъ личности Гальбы, Оттона, Вителлія и династію Флавіевъ. Нѣкоторые ученики сокращенно записывали эти объясненія. Но для всѣхъ нихъ было обязательно къ слѣдующему разу приготовить письменное изложеніе урока. Эти работы называются redactions. Преподаватель показалъ мнѣ массу ученическихъ тетрадокъ, заключавшихъ изложеніе прошлаго урока и снабженныхъ его отмѣтками. Я заглянулъ также въ книги, лежавшія передъ учениками. Оказалось значительное разнообразіе: у кого былъ краткій курсъ Башле, у кого учебникъ Дюрюи Histoire Romaine, у кого третій томъ полной римской исторіи того же Дюрюи. Послѣ учитель мнѣ объяснилъ, что онъ не придерживается одного опредѣленнаго учебника, а указываетъ ученикамъ лучшія руководства и предоставляетъ имъ выбирать по ихъ усмотрѣнію. Такъ какъ отъ учениковъ требуется знаніе того, что сообщилъ и объяснилъ имъ учитель, то руководство скорѣе играетъ тутъ роль пособія. Однако, если учитель не успѣлъ объяснить урокъ до конца, то ученикъ необходимо долженъ обращаться къ руководству, чтобы приготовить весь урокъ, что, по бо̀льшей части, и бываетъ. Такъ именно случилось и въ этотъ разъ. Едва преподаватель въ своихъ объясненіяхъ дошелъ до Траяна, какъ пробилъ барабанъ, обозначающій конецъ урока. Ученики даже не дождались окончанія фразы, и тотчасъ повскакали съ своихъ мѣстъ. Учитель, первымъ вошедшій въ классъ, вышелъ изъ него послѣднимъ. Ученики лицея собрались опять на дворикѣ, гдѣ за ними смотритъ надзиратель (censeur); но это, сколько я замѣтилъ, не то, что у насъ надзиратель, а скорѣе соотвѣтствуетъ нашему инспектору; онъ непосредственно слѣдуетъ за директоромъ лицея, т.-е. его помощникъ. Дѣти не остаются безъ надзора. Рекреаціонный залой служитъ для нихъ гимназическій дворъ. Пошелъ дождь; но часть двора находится подъ кровлею, гдѣ ученики и столпились. Хотя само зданіе лицея, можно сказать, монументальное, но внутри классныхъ комнатъ обстановка простая, даже бѣдная. Скамьи, заключающія четыре или пять мѣстъ, идутъ постепенно возвышаясь отъ передней лавки, въ три ряда. Всѣхъ учениковъ въ четвертомъ классѣ на лицо было до 50.

Послѣ урока преподаватель (Пижоно) любезно предложилъ мнѣ отвѣчать на всѣ мои вопросы и разъяснить мнѣ все, что меня интересовало относительно ихъ системы преподаванія. Мы сдѣлали вмѣстѣ прогулку по бульвару St. Michel, забрели въ Люксамбургскій садъ, и посидѣли тамъ нѣсколько, все бесѣдуя объ исторіи и ея преподаваніи. Г. Пижоно

не только давалъ мнѣ разъясненія, но и распространился о своемъ собственномъ взглядѣ на систему преподаванія исторіи во французскихъ лицеяхъ. Это уже не молодой человѣкъ и, очевидно, опытный преподаватель. Взглядъ его на систему нѣсколько пессимистическій. По его мнѣнію, она страдаетъ существенными недостатками; главный изъ нихъ это— растянутость и отрывочность. Исторія проходится отъ низшаго класса до самаго высшаго, и при томъ такими обособленными частями и такъ мало повторяется, что ученикъ, дойдя до послѣдняго класса, забываетъ почти все, что онъ училъ прежде; такъ что свѣдѣнія оканчивающихъ курсъ, бо́льшею частію, неудовлетворительныя. Напримѣръ, спросите ученика риторическаго или философскаго класса, что такое римскій консулъ, онъ затруднится вамъ объяснить. Да оно и естественно: онъ училъ римскую исторію года четыре тому назадъ и потомъ ее не повторялъ; при томъ, когда онъ училъ ее, то былъ мальчикомъ 12—13-ти лѣтъ, такъ что онъ не могъ отчетливо понимать учрежденія Рима, и приходилось ограничиваться болѣе внѣшней исторіей. По мнѣнію г. Пижоно, слѣдуетъ проходить исторію два раза: въ сокращенномъ видѣ, т.-е. болѣе съ внѣшней стороны, и въ болѣе подробномъ, гдѣ можно было бы распространиться объ учрежденіяхъ. При послѣдней реформѣ среднеучебныхъ заведеній были заявлены нѣкоторыя желанія въ этомъ смыслѣ; но при окончательной ея редакціи планъ историческаго преподаванія оставленъ почти въ прежнемъ видѣ.

Г. Пижоно того мнѣнія, что какую систему ни вводи, а все-таки личныя качества преподавателя играютъ главную роль въ преподаваніи. Далѣе онъ объяснилъ мнѣ, что система, которую я видѣлъ на его урокѣ, хотя общепринятая въ лицеяхъ, но не обязательная въ своихъ подробностяхъ. Преподаватель можетъ разнообразить ее по своему усмотрѣнію; напримѣръ, начать урокъ объясненіемъ или спрашиваніемъ, а кончить конспектомъ и даже совсѣмъ обойтись безъ конспекта (sommaire).

На слѣдующій день, въ тѣ же часы, я присутствовалъ на урокѣ другаго преподавателя того же лицея, г. Хюбо. Классъ былъ составленъ изъ воспитанниковъ 16—18 лѣтъ, готовящихся въ военную Сенсирскую школу. Но какое это отдѣленіе и въ какомъ отношеніи оно стоитъ къ лицею, осталось для меня не совсѣмъ ясно изъ словъ преподавателя, а излишними разспросами я не желалъ наскучать. Урокъ прошелъ, бо́льшею частію, въ спрашиваніи и отвѣтахъ изъ разныхъ прежде пройденныхъ эпохъ, особенно изъ времени Семилѣтней войны, которая представлена распадающеюся на три періода. Коснулись также по какому-то поводу сочиненій Фенелона и его системы воспитанія дофина. Между тѣмъ одинъ

изъ воспитанниковъ начертилъ на доскѣ карту Алжира. Преподаватель продиктовалъ краткій очеркъ завоеванія Алжира, раздѣливъ его на два періода и подраздѣливъ ихъ на меньшія части; такъ что очеркъ получился въ видѣ таблицы, изображенной имъ на той же доскѣ. (Историческія таблицы составляютъ вообще систему г. Хюбо, и онъ сообщилъ мнѣ свое изданіе въ этомъ родѣ). Затѣмъ нѣсколько минутъ было посвящено собесѣдованію о Восточной политикѣ и Крымской войнѣ, къ каковому разговору и я былъ привлеченъ. Потомъ преподаватель заставилъ воспитанниковъ читать изъ какой-то книжки свѣдѣнія о взаимномъ положеніи Россіи и Англіи въ средней Азіи, объ Афганистанѣ, Туркестанѣ, Персіи и т. п. Очевидно, это была любезность по отношенію къ гостю, т.-е. говорилось преимущественно о вопросахъ, могущихъ быть для меня интересными. Г. Хюбо обращался при этомъ ко мнѣ съ разными вопросами или спрашивалъ мое мнѣніе. Между прочимъ, онъ пожелалъ узнать что-нибудь о вновь предпринимаемой нашей экспедиціи противъ Туркменъ; но я не могъ удовлетворить его любопытству, потому что тогда и самъ о ней не имѣлъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Посреди этихъ разговоровъ мнѣ бросилось въ уши замѣчаніе воспитанника о какомъ-то баронѣ Николаи, который взялъ въ плѣнъ Шамиля, а потомъ сдѣлался французскимъ траппистомъ.

Лицей Фонтанъ. 13-го (25) іюня.

2—4 часа пополудни. Четвертый классъ. Римская исторія. Молодой преподаватель началъ спрашиваніемъ урока, который заключалъ въ себѣ періодъ Антониновъ. Слѣдовательно, онъ только на одинъ урокъ ушелъ впередъ противъ лицея Людовика. Изъ этого можно видѣть, какъ добросовѣстно исполняются учебные планы и какъ согласно идетъ преподаваніе въ лицеяхъ. Вопросы учителя особенно останавливались на Маркѣ Авреліѣ и его философскихъ сочиненіяхъ. Кромѣ того, они касались и источниковъ для исторіи Римской имперіи, напримѣръ, Тацита, Плинія, Діона Хризостома и др. Отвѣты учениковъ, вообще, были порядочные; но трудно было судить объ ихъ свѣдѣніяхъ по этимъ слишкомъ отрывочнымъ вопросамъ и отвѣтамъ. Между тѣмъ учитель далъ мнѣ посмотрѣть нѣсколько ученическихъ тетрадокъ съ изложеніемъ урока (redactions). Всѣ онѣ были снабжены его поправками и отмѣтками. Потомъ онъ поручилъ одному воспитаннику раздать ихъ по принадлежности. Послѣ чего продиктовалъ содержаніе (sommaire) слѣдующей эпохи, отъ смерти Марка Аврелія до отреченія Деоклетіана. А за тѣмъ перешелъ къ объяснительному толкованію этой эпохи, что также было записываемо уче-

никами, но, конечно, въ сокращеніи. Объясненія преподавателя касались болѣе внутренней стороны, т.-е. причинъ паденія имперіи, а также характеристики нѣкоторыхъ императоровъ. Главными причинами онъ представилъ недостатокъ военныхъ силъ, что-бы сдержать напоръ варваровъ, и разнообразіе составныхъ частей имперіи. Отсюда онъ вывелъ политику Деоклетіана, старавшагося поднять императорскую власть внѣшними знаками почитанія, и его раздѣлъ имперіи сначала на двѣ части, а потомъ на четыре, ради большихъ удобствъ защищать ее и управлять ею. Охарактеризовалъ также его гоненіе на христіанъ. Фактической сторонѣ преподаватель мало отводилъ мѣста, какъ будто предполагалъ ее извѣстной. Объясненія давались умныя и дѣльныя, но отзывались университетской лекціей, и, кажется, были слишкомъ сухи и отвлеченны. Этимъ можно отчасти объяснить, что во время второй половины урока, особенно къ концу, классъ велъ себя довольно неспокойно, такъ что преподаватель принужденъ былъ дѣлать внушенія, а нѣкоторыхъ даже отмѣтить на бумажкѣ для передачи ея цензору (censeur), т.-е. для наказанія. Объясненія, кромѣ того, страдали отрывочностью, такъ что не выходило сколько-нибудь полной картины эпохи. Лица выбирались для характеристики, повидимому, безъ строгой системы. Александръ Северъ, Каракалла и Геліогабалъ были совсѣмъ пропущены. И все-таки преподаватель не успѣлъ довести свои объясненія до конца эпохи. А въ такомъ случаѣ, какъ онъ мнѣ сообщилъ, ученикамъ предоставляется изложить свои редакціи съ помощію руководствъ. Изъ руководствъ, конечно, они должны почерпать и фактическія свѣдѣнія о заданной эпохѣ.

Суббота. 14-го (26) іюня.

$8^1/_2$—$10^1/_2$ часовъ утра. Третій классъ. Урокъ средней исторіи.

Преподаватель продиктовалъ sommaire о муниципіяхъ и коммунахъ западной Европы. Потомъ перешелъ къ объяснительному толкованію. Онъ очертилъ происхожденіе муниципій въ южной Франціи подъ чисто римскимъ вліяніемъ, т.-е. какъ слѣдствіе ея романизаціи. А въ сѣверной Франціи явились коммуны съ пришествіемъ германскихъ завоевателей, принесшихъ съ собою любимое ихъ учрежденіе гильдіи, которыя первоначально означали складчину или товарищество для застольныхъ пиршествъ (родъ нашихъ братчинъ). Далѣе онъ говорилъ объ ихъ отношеніяхъ къ королевской власти, и указалъ на то, что не Людовикъ VI первый ихъ основалъ; коммуны существовали до него, а король поощрялъ ихъ, но не въ своихъ владѣніяхъ, а въ чужихъ, и

притомъ за деньги. (Кажется, упустилъ сказать о значеніи въ данномъ случаѣ борьбы короля съ сильными вассалами). Сдѣлалъ при этомъ ссылку на Гизо «Исторія цивилизаціи во Франціи», и указалъ, какія, именно, страницы нужно прочесть. Указалъ также на тяжелое положеніе крестьянскаго сословія. Впослѣдствіи, королевская власть, подчинивъ себѣ муниципіи и коммуны, сравняла ихъ съ остальными своими подданными; но онѣ, перемѣнивъ форму, дали основаніе для tiers état. Очеркъ муниципій въ Англіи, Италіи и Германіи онъ отложилъ до слѣдующаго раза, обѣщая сказать о нихъ вкратцѣ.

Оставшіеся за тѣмъ полчаса преподаватель посвятилъ спрашиванію учениковъ изъ Англійской исторіи въ эпоху первыхъ Плантагенетовъ и начала парламента. Особенно его разспросы касались Великой хартіи, отношеній Іоанна Безземельнаго къ Франіи, судьбы принца Артура, Ѳомы Бекета, хартій короля Стефана и Генриха I, брака Генриха II и Элеоноры, лиги бароновъ при Генрихѣ III. Все это коротко, отрывочно, въ разбивку. Нѣкоторые ученики отвѣчали хорошо, и показались мнѣ довольно развитыми для мальчиковъ 14—15 лѣтъ. Преподаватель или, какъ ихъ называютъ, профессоръ самъ роздалъ ученикамъ тетрадки; при чемъ нѣкоторымъ устно сообщалъ свои замѣчанія. Это еще молодой человѣкъ, по всѣмъ признакамъ, ревностно относящійся къ своему дѣлу. Какъ я сказалъ, преподаватель, обыкновенно, первымъ входитъ въ классъ и послѣднимъ изъ него выходитъ; по окончаніи урока онъ оставался еще нѣсколько минутъ со мною въ пустомъ классѣ. Изъ разговора съ нимъ я убѣдился, что онъ оптимистически смотритъ на свою систему преподаванія и, вообще, доволенъ ея результатами. Письменное изложеніе урока или такъ наз. «редакціи» онъ считаетъ не только полезными, но и необходимыми, потому что онѣ заставляютъ работать всѣхъ учениковъ, заставляютъ ихъ лучше вникать въ урокъ и закрѣплять его въ ихъ памяти. Этотъ молодой профессоръ сообщилъ мнѣ, что въ старшихъ классахъ онъ иногда позволяетъ себѣ такую вещь: задаетъ кому-либо изъ учениковъ приготовить слѣдующій отдѣлъ по нѣкоторымъ учебникамъ и пособіямъ; сажаетъ его на кафедру и заставляетъ объяснять урокъ, вмѣсто учителя. А потомъ онъ дѣлаетъ свои замѣчанія на эти объясненія, хвалитъ то, что было удачно, и указываетъ слабыя стороны.

2—4 часа пополудни. Классъ риторическій. Урокъ новой исторіи.

Профессоръ началъ съ разбора ученическихъ тетрадокъ или «редакцій»; при чемъ о нѣкоторыхъ сдѣлалъ довольно подробныя замѣчанія. Содержаніемъ ихъ служило царствованіе Людовика XV и министерство Шуазёля. Особенно онъ останавливался надъ старыми французскими пар-

ламентами и изгнаніемъ іезуитовъ; при чемъ иногда цитовалъ Токвиля. Затѣмъ онъ прямо перешелъ къ объясненію слѣдующаго урока. Предварительно объявилъ, что, по недостатку остающагося до ваканцій времени, задаетъ всю начальную исторію американскихъ Соединенныхъ штатовъ и войну за независимость до президентства Вашингтона включительно. Для составленія редакцій онъ предложилъ воспитанникамъ прочесть всѣ три части книги Лабуле; назвалъ и еще два сочиненія. А самъ предложилъ общую характеристику отношеній американскихъ колоній къ Англіи, возстанія и войны, Вашингтона и вмѣшательства Франціи. Онъ объяснилъ сильное моральное вліяніе этой войны и юной Американской республики на Французскую революцію и Французскую республику. (Американскую республику онъ назвалъ матерью Французской). Правительство Людовика XVI, уступая общественнымъ симпатіямъ, вмѣшалось въ пользу возставшихъ, и тѣмъ само работало противъ себя. Учрежденіе американской республики произвело во Франціи восторгъ. Лафайетъ, Рошамбо и другіе участники были только представителями общественнаго стремленія въ пользу свободныхъ учрежденій. Профессоръ указалъ на разницу народныхъ характеровъ, французскаго и англо-американскаго: французы тотчасъ взялись бы за оружіе, а колонисты, предварительно, десять лѣтъ спорили съ метрополіей о податяхъ, и требовали для себя представительства въ парламентѣ; когда же всѣ усилія были истощены, тогда только взялись за оружіе. Для характеристики наемныхъ нѣмецкихъ войскъ привелъ анекдотъ о томъ, что Фридрихъ II за нѣсколько тысячъ гессенскихъ солдатъ, проведенныхъ чрезъ его владѣнія, взялъ съ гессенскаго герцога такую пошлину, которая была установлена съ головъ рогатаго скота.

Благодаря оживленному изложенію и нѣкоторымъ ораторскимъ пріемамъ, эта лекція слушалась внимательно, не смотря на то, что она длилась болѣе часу. Минутъ за пятнадцать до конца класса, профессоръ обратился ко мнѣ, и предложилъ дать воспитанникамъ нѣсколько вопросовъ изъ Русской исторіи, напримѣръ, изъ исторіи Петра Великаго. Но прежде, нежели я собрался исполнить это неожиданное предложеніе, живой французъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о современномъ состояніи русской исторіографіи, и завязавшійся отсюда разговоръ былъ прерванъ барабаномъ.

Какой же выводъ изъ моихъ наблюденій?—спроситъ читатель. Хороша или нѣтъ французская система преподаванія исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ? На это я отвѣчу, что вообще преподаваніе произвело на меня пріятное впечатлѣніе, но что, конечно, система имѣетъ свои сла-

бья стороны. Между самими преподавателями, какъ мы видѣли, встрѣчаются по отношенію къ ней и пессимисты, и оптимисты. Нельзя не согласиться съ г. Пижоно, что историческій курсъ слишкомъ растянутъ, такъ какъ онъ понемногу распредѣленъ на всѣ десять классовъ лицея. Кромѣ его растянутости, я указалъ бы и на недостаточное соотвѣтствіе нѣкоторыхъ частей цѣлому. Напримѣръ, новѣйшей исторіи, т.-е. послѣднему столѣтію, которому отводится весь высшій классъ (философскій) дано, можетъ быть, болѣе обширный объемъ, чѣмъ слѣдуетъ. Еще несоразмѣрнѣе поставлена исторія древняго востока, на которую полагается также годовой курсъ, именно VI классъ. Древняя географія составляетъ особый отдѣлъ, тогда какъ въ этомъ нѣтъ большой нужды; между тѣмъ всеобщая средняя и новая исторія не имѣетъ самостоятельнаго значенія; она группируется около исторіи Франціи. Поэтому ближайшіе къ ней народы: нѣмцы, англичане, итальянцы, испанцы еще кое-какъ изучаются; но другіе, особенно славянскіе народы, не имѣвшіе прежде тѣснаго отношенія къ французской исторіи, почти игнорируются; хотя для современныхъ поколѣній знакомство съ ними было бы далеко не лишнимъ, даже для французовъ. Россія до XIX вѣка упоминается слегка по поводу Великой Сѣверной войны и раздѣловъ Польши; поэтому воспитанники еще кое-что узнаютъ о Петрѣ I и Екатеринѣ II-й; но, вообще, имѣютъ о нашей исторіи смутное понятіе. Этотъ недостатокъ, несомнѣнно, играетъ важную роль въ политическихъ отношеніяхъ обоихъ великихъ народовъ, а, слѣдовательно, отражается и на общей французской политикѣ. (О подробностяхъ учебныхъ курсовъ можно судить по наиболѣе распространеннымъ руководствамъ, каковы, напримѣръ, Дюрюи и Дюкудрей). Недостатокъ системы заключается и въ томъ, что совсѣмъ не полагается времени на повтореніе для оканчивающихъ курсъ. На сколько правъ г. Пижоно относительно ихъ крайне неудовлетворительныхъ свѣдѣній, я, конечно, не могу судить безъ провѣрки; но во всякомъ случаѣ думаю, что, если онъ и преувеличиваетъ, то немного. Но я съ нимъ вполнѣ согласенъ въ томъ отношеніи, что система важна, а еще важнѣе качество преподавателей. И если прослушанные мною уроки произвели на меня, вообще, пріятное впечатлѣніе, то, главнымъ образомъ, потому, что мнѣ пришлось познакомиться едва ли не съ лучшими преподавателями. Много ли таковыхъ же найдется въ другихъ лицеяхъ и особенно въ провинціяхъ, я, конечно, остался въ неизвѣстности.

При всѣхъ хорошихъ качествахъ этихъ преподавателей, я все-таки думаю, что не слишкомъ ли они иногда бываютъ отвлеченными, не слишкомъ ли удаляются отъ фактической почвы. Въ старшихъ классахъ объ-

ясненія преподавателя получаютъ окончательно характеръ университетскихъ лекцій; а «редакціи» учениковъ являются уже чисто компилятивною работою. При послѣдней имѣется въ виду, чтобы ученики знакомились съ важнѣйшими историческими писателями, каковы Гизо, Токвиль, Лабуле и пр., что несомнѣнно очень полезно. Но все это хорошо, когда связано съ предварительнымъ фактическимъ изученіемъ исторіи.

Главный же мой выводъ заключается въ томъ, что система историческаго преподаванія у всякой великой націи должна имѣть свои особенности. Исторія не математика, которая не имѣетъ дѣла съ разными народными условіями. Уже то обстоятельство, что историческое преподаваніе должно отводить наибольшее мѣсто исторіи отечественной и непремѣнно знакомить съ сосѣдями, мѣняетъ условія преподаванія въ каждой странѣ. Слѣдовательно, каждое общество вырабатываетъ, такъ сказать, собственную систему. Когда я посѣщаю иноземныя школы, то, разумѣется, не изъ пустаго любопытства, а съ цѣлью сравненія и поученія. Отсюда неизбѣжный вопросъ: въ чемъ мы не уступаемъ французамъ и чему можно намъ у нихъ поучиться относительно преподаванія исторіи?

Мы видѣли, что на растянутость и отрывочность своего курса жалуются сами преподаватели лицеевъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, и повидимому справедливо. Въ этомъ отношеніи нашъ гимназическій планъ преподаванія несомнѣнно лучше. Тамъ исторія распредѣлена на всѣ 10 лѣтъ. У насъ она идетъ съ третьяго класа до восьмаго включительно, слѣдовательно распредѣлена на шесть лѣтъ. При томъ у насъ она распадается на два курса, младшій и старшій, слѣдовательно болѣе сосредоточена. Мы видѣли самый процессъ преподаванія во французскихъ лицеяхъ, видѣли систему диктовки, спрашиванія и объясненія урока. Къ сожалѣнію, не имѣя случаевъ лично наблюдать этотъ процессъ въ нашихъ гимназіяхъ настоящаго времени, я, пока не получу къ тому возможности, долженъ воздержаться отъ сравнительнаго вывода. Затѣмъ, что составляетъ особенность французскихъ лицеевъ и чего я дотолѣ нигдѣ не встрѣчалъ—это еженедѣльныя письменныя работы учениковъ, извѣстныя подъ именемъ «редакцій». Французы, повидимому, довольны этой принадлежностью ихъ системы: такія работы волей-неволей заставляютъ всѣхъ учениковъ напрягать свои мыслительныя способности, пріучаютъ ихъ схватывать сущность слышаннаго и прочитаннаго, толково излагать эту сущность и, наконецъ, способствуютъ утвержденію ея въ памяти. Но, съ другой стороны, не слишкомъ ли онѣ обременяютъ и учениковъ, и учителей, однихъ заставляя постоянно писать и компилировать изъ руководствъ и пособій, а другихъ постоянно читать всѣ эти писанія. Мо-

жетъ быть, часть этого времени могла бы быть употреблена съ большею пользою, напримѣръ, просто на историческое чтеніе; да и фактическая сторона ученія, какъ я замѣтилъ, кажется, развита недостаточно. Я предложилъ бы, однако, если не усвоить вполнѣ, то хотя отчасти подвергнуть опыту систему редакцій въ нашихъ гимназіяхъ. Напримѣръ, заставлять учениковъ раза два или три въ теченіе учебнаго года составить родъ краткаго отчета о пройденныхъ эпохахъ и особенно это дѣлать при повтореніяхъ. Но подобныя работы, чтобы не обременить учениковъ, необходимо согласовать съ количествомъ письменныхъ упражненій по предмету русскаго языка и словесности, то-есть нѣсколько уменьшивъ въ такомъ случаѣ количество послѣднихъ. Необходимо, также, было бы учредить и нѣкоторое вознагражденіе преподавателю за лишній трудъ или уменьшить нормальное количество его часовъ. Сколько я могъ замѣтить, всѣ эти соображенія принимаются въ расчетъ во французскихъ лицеяхъ.

Реформа, произведенная въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ въ началѣ 70-хъ годовъ, предоставивъ господствующее положеніе древнимъ языкамъ, коснулась между прочимъ исторіи. Въ отношеніи послѣдней она установила дѣленіе на два концентрическіе курса, младшій (3 и 4 классы) и старшій, что несомнѣнно хорошо. Но затѣмъ она сократила общее количество часовъ, которое и прежде было не велико. А еще болѣе чувствительный ударъ исторической системѣ она нанесла новыми программами, въ которыхъ неискусно и неудобно исторія отечественная была перемѣшена со всеобщею, точнѣе сказать, съ нѣкоторыми отрывками изъ послѣдней. Понятно стараніе французовъ или нѣмцевъ сдѣлать отечественную исторію центромъ, около котораго группируются важные факты изъ исторіи общеевропейской, средней и новой. Исторіи главныхъ народовъ западной и средней Европы такъ переплетаются между собою, что ихъ даже трудно и выдѣлить. Однако и тамъ эта система имѣетъ свои неудобства; между прочимъ, при ней почти пропадаетъ исторія восточной Европы. У насъ, наоборотъ, при такой системѣ должна сильно страдать исторія западноевропейскихъ, т.-е. самыхъ культурныхъ народовъ. Намъ, конечно, необходимо знакомиться съ судьбами своихъ сосѣдей; но нельзя же Швеціи и Польшѣ давать въ преподаваніи болѣе мѣста, нежели Франціи и Англіи. Въ сущности такъ называемая Всеобщая исторія, Средняя и Новая, помянутыми программами была почти уничтожена въ старшемъ историческомъ курсѣ; тогда какъ въ этомъ именно курсѣ она и должна получить самостоятельное значеніе. Такимъ образомъ, новыя программы произвели реформу и тамъ, гдѣ никакой реформы не требовалось и гдѣ успѣла было установиться своя система, отвѣчающая нашимъ собствен-

нымъ условіямъ и потребностямъ. Разумѣется, внесенныя ими неудобства скоро дали себя знать на практикѣ, и произвели разныя замѣшательства. Впрочемъ, въ послѣдніе годы какъ будто сдѣланъ поворотъ къ лучшей прежней системѣ нѣкоторыми поправками въ программахъ.

Да не подумаетъ читатель, что я представляю свои возраженія противъ оффиціальной исторической программы только теперь, т.-е. послѣ извѣстной перемѣны въ сферѣ, руководящей министерствомъ народнаго просвѣщенія. Нѣтъ, то же самое, только съ большими подробностями, было мною еще прежде напечатано въ почтенномъ изданіи извѣстнаго московскаго педагога г. Поливанова (Учебно-воспитательная библіотека. М. 1876 г. Т. I). Точно также мнѣ нѣтъ нужды пользоваться этою перемѣною, чтобы говорить теперь противъ крайностей классической реформы въ нашихъ гимназіяхъ. Въ свое время я возражалъ противъ нихъ въ цѣломъ рядѣ статей (см. Русскій Архивъ за 1874 г.).* Мнѣ приходится только напомнить о высказазанныхъ мной предостереженіяхъ, которыя сбылись даже скорѣе, чѣмъ можно было думать. Но, оставаясь все-таки поклонникомъ классическаго образованія, я въ настоящее время рѣшительно присоединяюсь къ тѣмъ, которые высказываются противъ новой ломки и желаютъ только нѣкотораго ограниченія и смягченія классической системы. Не могу, однако, не указать на тѣ послѣдствія, которыя повлекло за собою нѣкоторое пренебреженіе къ исторіи, какъ предмету преподаванія. Это пренебреженіе выразилось, между прочимъ, и въ той тенденціи, по которой только преподаватели древнихъ языковъ получали движеніе по службѣ. Извѣстно, что въ силу такой тенденціи инородческій элементъ (хотя бы славянскій) во многихъ заведеніяхъ занялъ начальственное положеніе по отношенію къ отечественному, русскому элементу.

Во время своихъ поѣздокъ въ ту или другую область Россіи (связанныхъ, бо́льшею частію, съ работами по предпринятой мной Исторіи Россіи) я имѣлъ возможность, между прочимъ, наблюдать и за постепеннымъ упадкомъ интереса къ отечественной исторіи и древностямъ, по преимуществу тамъ, гдѣ инспекторскія и директорскія мѣста перешли въ руки славянъ-классиковъ или гдѣ являлось сочетаніе западнаго славянина съ нѣмцемъ. Въ прошломъ (1879) году, напримѣръ, житомірская гимназія произвела на меня отрадное впечатлѣніе своимъ удачнымъ чисто русскимъ составомъ. Наоборотъ, въ нѣкоторыхъ другихъ чисто русскихъ и даже древнерусскихъ городахъ, извѣстныхъ своими замѣчательными па-

* То и другое см. дальше, въ настоящей книгѣ.

мятниками, имѣвшихъ въ прежнее время въ своемъ педагогическомъ составѣ людей научно занимающихся этими памятниками, теперь я не встрѣчалъ никакого къ нимъ интереса. Отъ заведеній вѣяло какимъ-то инымъ, чуждымъ духомъ. Здѣсь совѣтъ и указанія я находилъ уже въ другихъ кружкахъ общества, преимущественно, въ мѣстномъ духовенствѣ.

По этому поводу напомню слѣдующій фактъ. Послѣ Наполеоновскаго погрома Германіи, нѣмцы начали свое національное возрожденіе, главнымъ образомъ, съ того, что принялись усердно изучать свое прошлое и въ самыхъ школахъ сильно подняли историческое преподаваніе. Какихъ результатовъ они достигли, всѣмъ извѣстно.

Стараясь обратить надлежащее вниманіе педагогическаго міра на школьное преподаваніе исторіи, я, однако, нисколько не желаю выставлять какія либо преувеличенныя требованія, напримѣръ, относительно количества часовъ, отводимыхъ этому предмету. Прибавка двухъ или трехъ часовъ къ настоящему числу, т.-е. возвращеніе прежняго количества я считаю достаточнымъ для гимназическаго курса. Общій же планъ историческаго преподаванія, по моему мнѣнію, слѣдуетъ оставить тотъ же, какой дѣйствуетъ и въ настоящее время, но съ окончательнымъ исправленіемъ программъ. А именно: во-первыхъ, сокращенный, эпизодическій курсъ русско-всеобщей исторіи въ третьемъ и четвертомъ классѣ. Затѣмъ идетъ систематическій и болѣе подробный курсъ: древней исторіи въ пятомъ, средней въ шестомъ и новой въ седьмомъ. Весь пятый классъ можно посвятить древней исторіи, а шестой и седьмой только отчасти; здѣсь параллельно съ средней и новой должно вести отдѣльный курсъ отечественной исторіи. Осьмой же классъ хорошо было бы посвятить повторенію; при чемъ факты внѣшней исторіи проходить коротко, а останавливаться преимущественно на учрежденіяхъ. Не дурно было бы въ этомъ классѣ или въ седьмомъ сдѣлать обязательнымъ для каждаго воспитанника хотя одно историческое сочиненіе компилятивнаго характера, но самостоятельной работы. Что касается до количества времени, отводимаго на исторію въ нашихъ гимназіяхъ, то достаточно было бы назначить для того 15, въ крайнемъ случаѣ—14 уроковъ, распредѣливъ ихъ, примѣрно, такимъ образомъ: въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ по 2 урока, а въ шестомъ, седьмомъ и осьмомъ классахъ по 3. (Это при 15 урокахъ, а при 14 въ осьмомъ 2).

Мнѣ остается, хотя въ русскомъ изданіи, извиниться передъ г. Греаръ, который, давая письменную рекомендацію для доступа въ лицеи, просилъ зайти послѣ къ нему и сообщить ему мои наблюденія и замѣчанія о французской системѣ. Отчасти потому, что пришлось уѣхать тот-

часъ за посѣщеніемъ лицеевъ, а можетъ быть я отнесъ такую просьбу просто къ любезности, но только потомъ я не видался съ вице-ректоромъ. Повторяю, мнѣ желательно было ознакомиться съ иностранными системами преподаванія, главнымъ образомъ, не въ видахъ ихъ критики, а въ видахъ того, что можно найти въ нихъ полезнаго и удобопримѣнимаго къ нашему собственному преподаванію. Во всякомъ случаѣ, надобно отдать справедливость лицамъ, руководящимъ народнымъ образованіемъ въ передовыхъ странахъ Европы: *они интересуются мнѣніями спеціалистовъ и находятъ время ихъ выслушивать.*

Только что описанное посѣщеніе парижскихъ лицеевъ возбудило во мнѣ желаніе, по возвращеніи въ отечество, побывать на урокахъ исторіи и въ Московскихъ заведеніяхъ, въ видахъ сравненія; на что и было получено мною разрѣшеніе г. попечителя учебнаго округа. Въ 1881 году я посѣтилъ три классическихъ гимназіи и одно городское трехклассное училище. Кромѣ того посѣтилъ одно училище военнаго вѣдомства, именно Третью военную гимназію. Я нашелъ, что нѣкоторые наши преподаватели нисколько не уступаютъ лучшимъ парижскимъ. Къ сожалѣнію я не велъ дневника всѣмъ прослушаннымъ мною урокамъ и экзаменамъ; а отмѣтилъ вкратцѣ только два свои посѣщенія, показавшіяся мнѣ наиболѣе удачными, которыя и привожу теперь (впервые) изъ своей записной книжки.

Третья Московская военная гимназія. 23 января 1881 г.

Съ 11 часовъ до $3^1/_2$. Прослушалъ четыре урока у преподавателя А. Н. П—нова. Въ V классѣ онъ объяснялъ слѣдующій урокъ, именно исторію Пиринейскаго полуострова въ Средніе вѣка; при чемъ въ разбивку распрашивалъ главные факты изъ предыдущей исторіи этого полуострова, т.-е. Кельтическое населеніе, колоніи Финикіянъ и Грековъ, Римское владычество, Готское государство, завоеваніе Маврами. Разсказалъ о возникновеніи христіанскихъ владѣній, о королевствахъ Аррагонскомъ и Кастильскомъ, о происхожденіи Португальскаго королевства. Затѣмъ остановился на дѣятельности Фердинанда Католика, паденіи Гренады, особенно на дѣятельности инквизиціи и ея значеніи для усиленія королевской власти. Разсказывалъ очень толково и ясно, постоянно указывая на стѣнную карту.

III классъ. Урокъ изъ Греческой исторіи. Преподаватель спрашивалъ урокъ о началѣ Грекоперсидскихъ войнъ и походѣ Ксеркса; при чемъ каж-

дое движеніе войскъ заставлялъ показывать на картѣ; распрашивалъ также разныя подробности, очевидно сообщенныя имъ при объясненіи урока. Ученики отвѣчали вообще хорошо, за исключеніемъ самыхъ плохихъ. Видно, что учитель умѣетъ возбудить интересъ къ предмету. Онъ требуетъ точнаго знанія главныхъ хронологическихъ чиселъ; въ спрашиваніи держится смѣшанной системы, т.-е. требуетъ связнаго расказа, но время отъ времени перебираетъ классъ въ разбивку.

VII классъ. Урокъ изъ Русской исторіи. Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему объясненію, именно къ участію Екатерины въ судьбахъ Польши, учитель въ разбивку распросилъ учениковъ важнѣйшіе факты изъ исторіи отношеній Польши къ Россіи, начиная преимущественно съ XVI вѣка. Затѣмъ приступилъ къ изложенію слѣдующаго урока, начиная съ избранія короля Станислава Понятовскаго. Очертилъ его характеръ и отношенія къ современному либеральному движенію во Франціи, затѣмъ вопросъ о правахъ диссидентовъ и образованіе конфедерацій въ связи съ этимъ вопросомъ, характеры главныхъ партій и дѣйствія Рѣпнина, потомъ Барскую конфедерацію, возстаніе гайдамакъ и Уманьскую рѣзню. Тутъ прервалъ его звонокъ. Разсказъ толковый, ясный и довольно подробный. Въ этомъ классѣ полагается только исторія Россіи и Европы въ XVIII вѣкѣ; поэтому она проходится съ подробностями.

IV классъ. Переходъ отъ Древней исторіи къ Средней. Послѣ предварительныхъ распросовъ предыдущаго, учитель говорилъ о Германцахъ. Очертивъ ихъ страну и обычаи, особенно остановился на ихъ языческой религіи; при чемъ краснорѣчиво изобразилъ ихъ преданія о богахъ Одинѣ, Торѣ, Бальдурѣ, о Валгалѣ и валькиріяхъ. Такой живой разсказъ очевидно увлекъ вниманіе учениковъ. Въ III классѣ полагается исторія Востока и Греціи, а въ IV-мъ исторія Римская. Но преподаватель успѣлъ уже пройти сію послѣднюю, и теперь рѣшилъ захватить часть Средней, чтобы въ слѣдующемъ классѣ имѣть болѣе времени и пройти Среднюю исторію обстоятельно.

Пятая Московская гимназія. 1 апрѣля 1881 г.

10—11 часовъ. Классъ VII. Урокъ Новой исторіи. Павелъ I, походъ Суворова, консульство Бонапарта и провозглашеніе его императоромъ. Преподаватель (И. А. Л—девъ) спрашивалъ по одиночкѣ довольно основательно, заставляя разсказывать, причемъ иногда дѣлалъ вопросы изъ прежде пройденнаго. Знанія и отвѣты учениковъ хороши. Назначивъ слѣ-

дующій урокъ по учебнику, остававшуюся четверть часа онъ употребилъ на объясненіе этого урока и сообщеніе нѣкоторыхъ подробностей. Особенно остановился на коалиціи 1805 года, сдачѣ Мака, отступленіи Кутузова и Багратіонѣ при Шенграбенѣ; успѣлъ довести свой разсказъ до битвы Аустерлицкой. Разсказъ этотъ былъ такъ плавенъ и интересенъ по подробностямъ, что очевидно овладѣлъ всѣмъ вниманіемъ учениковъ. Учитель успѣлъ уже пройти и повторить то, что полагается въ этомъ классѣ, именно до конца XVIII вѣка; а теперь проходилъ нѣсколько далѣе, для того (какъ онъ мнѣ объяснялъ), чтобы въ VIII классѣ ученики имѣли болѣе времени для другихъ работъ.

11—12 ч. Классъ V. Древняя исторія. Повтореніе перваго, т.-е. Героическаго періода Греціи и ея географическаго обзора. Опять довольно обстоятельное спрашиваніе. Учитель особенно останавливался на религіи и миѳологіи, на изображеніи боговъ и ихъ значеніи. Въ отвѣтахъ болѣе всего требовалъ точности и логики. Послѣднія десять минутъ употребилъ на объясненіе того, какъ увеличились источники для исторіи древняго Востока съ открытіемъ клинообразныхъ письменъ, и вошелъ въ подробности о самомъ этомъ открытіи. Преподаватель, какъ онъ мнѣ потомъ объяснялъ, позволяетъ себѣ эту роскошь при повтореніи просто для того, чтобы не заниматься однимъ спрашиваніемъ и пополнить свѣдѣнія учениковъ о древнемъ востокѣ, который они проходили только въ третьемъ классѣ и очень кратко.

12½—1½ ч. Классъ IV. Повтореніе сокращенной исторіи Европы и Россіи въ XVI вѣкѣ. Преподаватель очевидно отличается точностію и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу, такъ что успѣваетъ не только пройти все, что предполагается по программѣ, но и все повторить своевременно. Классъ прошелъ въ переспрашиваніи урока, и хотя учитель предупредилъ меня, что это вообще выдающійся по своей посредственности составъ класса (такъ что на золотой доскѣ никого не оказалось записаннымъ), однако отвѣты учениковъ мнѣ показались вообще удовлетворительны.

1½—2½ ч. Классъ VIII. Урокъ географіи. Повтореніе. Обзоръ русскихъ губерній по группамъ и полосамъ. Отвѣты учениковъ я нашелъ очень удовлетворительными. Говорили не только о характерѣ каждой полосы по ея природѣ, а также промышленности и торговли, но отвѣчали и на вопросы о сравнительномъ значеніи нашихъ промышленныхъ или торговыхъ пунктовъ съ западноевропейскими. Вообще направленіе преподаванія И. А. Л—ва главнымъ образомъ фактическое, серьезное. Онъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ особымъ умствованіямъ о характерѣ и за-

дачахъ преподаванія исторіи или географіи; о чемъ у насъ часто такъ любятъ разглагольствовать молодые, неопытные преподаватели; а въ результатѣ ихъ разглагольствій нерѣдко получаются весьма плохія знанія учениковъ. Онъ ограничивается простыми, элементарными объясненіями относительно значенія фактовъ; а главное вниманіе устремляетъ на усвоеніе самихъ фактовъ *.

---

* Это записанное мною въ 1881 году впечатлѣніе любопытно было потомъ, года три, четыре спустя, сравнить съ отзывомъ одного изъ университетскихъ профессоровъ исторіи, командированнаго въ сію гимназію для присутствія на экзаменахъ. Какъ мнѣ извѣстно, онъ аттестовалъ означенное преподаваніе хотя удовлетворительнымъ вообще въ фактическомъ отношеніи, но якобы *мало осмысленнымъ*. Очевидно, профессоръ этотъ, со школьной скамьи сѣвшій на университетскую кафедру, недостаточно вникалъ въ характеръ и задачи гимназическаго преподаванія исторіи, и смѣшивалъ его съ университетскими лекціями. Тѣ его слушатели, которые не запаслись достаточно фактами въ гимназіи, едва ли что поймутъ изъ его лекцій. Подобныя преувеличенныя требованія особенно бросаются въ глаза рядомъ съ другими явленіями, доказывающими, что удовлетворительныя фактическія свѣдѣнія по исторіи не часто встрѣчаются между оканчивающими гимназическій курсъ. Напримѣръ, въ недавнее время въ другой гимназіи другой контролирующій на выпускныхъ экзаменахъ профессоръ при чтеніи одного латинскаго писателя, гдѣ упоминались *консулъ* и *преторъ*, вздумалъ спросить, что это были за сановники, и не получилъ отвѣта. Выходитъ любопытное совпаденіе съ тѣмъ, на что сѣтовалъ французскій преподаватель (см. выше, на стр. 47).

IV.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ О ПРИМѢРНОЙ ПРОГРАММѢ ИСТОРИЧЕСКАГО КУРСА *.

Конечно всѣмъ понятно нѣсколько щекотливое отношеніе къ данному вопросу лично для меня, какъ одного изъ конкуррентовъ въ нашей учебно-исторической литературѣ. Тѣмъ не менѣе, вполнѣ сочувствуя задачѣ настоящаго изданія (т. е. Учебновоспит. библіотеки), я рѣшился высказать свой взглядъ на примѣрную программу, приложенную къ планамъ Мин. Народ. Пр. (См. Журн. Министерства за 1872 г. іюль).

Уже самое названіе программы «примѣрною» показываетъ, что учебное вѣдомство не считало ее чѣмъ-то законченнымъ, безусловно утвержденнымъ разъ навсегда. Оно дѣйствовало въ этомъ случаѣ съ должною осторожностью. Обративъ главную свою энергію и главное вниманіе на предметы, составлявшіе сущность учебной реформы, оно предоставило времени окончательную обработку системы преподаванія относительно другихъ предметовъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ и исторія. Со времени обнародованія упомянутой программы прошло четыре года, слѣдовательно ея достоинства и слабыя стороны могли уже обнаружиться на самой практикѣ.

Примѣрной программѣ предшествуетъ очеркъ учебнаго плана исторіи. По этому плану въ мужскихъ гимназіяхъ полагается два курса: краткій, *эпизодическій* въ III и IV классахъ, и полный или *систематическій* въ V—VII класахъ. Въ обоихъ курсахъ отечественная исторія излагается параллельно со всеобщею. Я ничего не имѣю сказать противъ такого общаго распредѣленія; напротивъ, считаю его вполнѣ основательнымъ; о чемъ и прежде не разъ заявлялъ свое мнѣніе. Переходя къ

---

* Учебновоспитательная библіотека. Изд. Учебнаго Отдѣла Москов. Общества Распростр. технич. знаній. М. 1876. Т. I.

распредѣленію частному, замѣчу слѣдующее. Въ третьемъ классѣ должна быть пройдена исторія древняя и небольшая часть средней, а въ четвертомъ остальная средняя, новая и русская. Такое распредѣленіе, мнѣ кажется, не совсѣмъ равномѣрно. Удобнѣе было бы назначить для третьяго класса курсъ древней и средней исторіи, а для четвертаго курсъ новой и русской, начавъ послѣдній приблизительно съ славянскихъ народовъ и паденія Византіи. Затѣмъ обращу вниманіе на слѣдующее положеніе объяснительной записки: «Исторія Евреевъ, извѣстная уже ученикамъ изъ курса священной исторіи, служитъ средоточіемъ для всей древней исторіи Востока. Это сдѣлано между прочимъ и съ цѣлію, чтобы дать возможность учителю рѣзче представить тѣ духовныя преимущества, которыми отличался народъ Еврейскій въ средѣ другихъ народовъ древняго міра». Во-первыхъ, уже по тому самому, что исторія Евреевъ подробно проходится въ отдѣлѣ такъ наз. священной исторіи, нѣтъ никакой нужды давать ей много мѣста въ исторіи всеобщей; а во-вторыхъ, попытка сдѣлать изъ нея, вопреки дѣйствительности, центръ для исторіи древняго Востока ведетъ къ весьма искусственному и запутанному построенію послѣдней, что̀ отразилось и въ первомъ параграфѣ примѣрной программы, и въ тѣхъ руководствахъ, которыя съ нею согласны. Какимъ образомъ, благодаря этому построенію, учитель можетъ рѣзко представить духовныя преимущества Еврейскаго народа предъ другими народами древняго міра, намъ неизвѣстно. Наоборотъ, мы знаемъ, что въ дѣлѣ гражданственности другіе культурные народы имѣли вліяніе на Евреевъ; такъ напримѣръ, для построенія своего храма послѣдніе призвали финикійскихъ художниковъ. Евреи не были центромъ въ исторіи древняго Востока ни въ политическомъ, ни въ культурномъ отношеніи; а рѣчь объ ихъ высокихъ духовныхъ качествахъ, объ ихъ великомъ значеніи для христіанскаго міра конечно должна быть отнесена болѣе къ курсу старшаго возраста, чѣмъ младшаго. Съ своей стороны я полагаю болѣе удобнымъ при обозрѣніи исторіи восточныхъ народовъ (въ курсѣ младшаго возраста) помѣстить въ ея центрѣ Кира и основанную имъ монархію, которая обнимала почти всѣ эти народы, и заканчивать это обозрѣніе Евреями, которые съ утратою политической независимости вошли въ составъ другихъ монархій, но въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи продолжали стоять какъ бы особнякомъ.

«Въ отдѣлъ исторіи Греціи и Рима должно войти связное обозрѣніе всѣхъ главныхъ внѣшнихъ событій». Такъ говоритъ объяснительная записка; слѣдовательно она какъ бы устраняетъ изъ младшаго курса внутреннюю исторію двухъ классическихъ народовъ. Но возможно ли это?

т.-е. возможно ли связное обозрѣніе внѣшнихъ событій, минуя внутреннія? Дѣйствительно, въ примѣрной программѣ мы не находимъ почти ничего, указывающаго, напримѣръ, на смѣну монархическихъ формъ республиканскими въ Греціи и особенно въ Римѣ; при обзорѣ Римской исторіи программа не дѣлаетъ никакого намека на борьбу патриціевъ съ плебеями. Основывая этотъ курсъ преимущественно на біографическихъ чертахъ, она пропускаетъ такія лица какъ Периклъ, Эпаминондъ, Камиллъ, Лициній, цензоръ Катонъ, Гракхи, Марій и Сулла (Октавій Августъ упомянутъ только въ хронологіи). Весь періодъ Римской имперіи до Константина В. обозначенъ только «паденіемъ Іерусалима и гоненіемъ на христіанъ». А періодъ, послѣдующій за Константиномъ, обозначенъ «началомъ монашества, Амвросіемъ и Іоанномъ Златоустомъ», безъ упоминанія о Юліанѣ Отступникѣ и Ѳеодосіи Великомъ.

Принятіе христіанства новыми народами безспорно составляетъ предметъ первостепенной важности; но едва ли на этомъ основаніи необходимо въ младшемъ курсѣ среднюю исторію сосредоточить преимущественно на церковныхъ событіяхъ и лицахъ, какъ это вытекаетъ изъ примѣрной программы. Напримѣръ, вторая глава состоитъ изъ слѣдующихъ параграфовъ: «Крещеніе Франковъ, Григорій I и Августинъ. Самоотверженіе и мученическая смерть Бонифація». Въ третьей главѣ борьба Гераклія съ Хозроемъ упоминается какъ бы по поводу «Возвращенія Честнаго Креста Господня». Въ пятой главѣ, замѣчу мимоходомъ, встрѣчается особый параграфъ о «сношеніяхъ Карла В. съ Византійскою имперіей», хотя о нихъ извѣстно очень мало и онѣ не настолько важны, чтобы входить въ составъ младшаго курса. Шестая глава посвящена христіанству у славянскихъ народовъ: «Свв. Кириллъ и Меѳодій. Крещеніе Болгаріи. Свв. Кириллъ и Меѳодій въ Моравіи и въ Римѣ. Паденіе Славянскаго богослуженія въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ». Слѣдовательно въ младшемъ курсѣ долженъ быть даже особый разсказъ о паденіи Славянскаго богослуженія въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ, хотя исторія этого паденія еще далеко не разъяснена и составляетъ пока предметъ ученыхъ изслѣдованій, а исторія Славянскаго богослуженія въ Польшѣ намъ пока положительно неизвѣстна. Замѣчательно, что этимъ гадательнымъ паденіемъ Славянскаго богослуженія въ Польшѣ примѣрная программа повидимому и ограничиваетъ то, что можетъ войти въ младшій курсъ изъ Польской исторіи среднихъ вѣковъ. Между тѣмъ относительно Кирилла и Меѳодія она не довольствуется шестою главой. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ, посвященной Гусу, мы опять встрѣчаемъ: «Слѣды дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ Чехіи въ XIV и XV вѣкахъ», хотя

эти слѣды опять-таки не настолько выдающіеся и не настолько разъясненные, чтобы сдѣлать изъ нихъ предметъ особаго разсказа въ младшемъ курсѣ. Затѣмъ идетъ исторія Гуса, а непосредственно за Гусомъ въ той же главѣ слѣдуютъ: «Лютеръ, протестантизмъ, іезуиты и Варѳоломеевская ночь». Едва ли согласно съ требованіями историческаго преподаванія совмѣщать въ одну главу столь разнообразныя и многозначительныя лица и событія.

Вообще мы иногда совсѣмъ не понимаемъ, чѣмъ руководствовались составители программы въ своей группировкѣ и распредѣленіи отдѣловъ при обзорѣ средней и новой исторіи. Первая глава изъ Отечественной исторіи, по обычаю, начинается баснею о призваніи Варяговъ и кончается крещеніемъ Владиміра. Легенда о нападеніи Печенѣговъ на Кіевъ въ отсутствіе Святослава сочтена настолько важною, что составляетъ здѣсь предметъ особаго параграфа. Но замѣчательно, что этою первою главою прерывается курсъ третьяго класса, а курсъ четвертаго класса открывается Борисомъ и Глѣбомъ, т.-е. злодѣяніями Святополка. Чтобы сообщить болѣе освѣщенія событіямъ изъ отечественной исторіи, надобно излагать прежде предшествовавшія имъ событія изъ исторіи всемірной, а здѣсь мы видимъ наоборотъ. Напримѣръ: глава о Григоріи VII и первомъ Крестовомъ походѣ помѣщена между Андреемъ Боголюбскимъ и битвою при Калкѣ; Гутенбергъ и Колумбъ между Ермакомъ и Гусомъ; Тридцатилѣтняя война между Алексѣемъ Михайловичемъ и Петромъ Великимъ. Эпоха Русской исторіи между Петромъ В. и Елизаветою Петровною совсѣмъ пропущена. Вообще чѣмъ далѣе, тѣмъ событія и лица берутся все отрывочнѣе, такъ что не видно между ними никакой связи. Въ программѣ младшаго курса совсѣмъ не нашли себѣ мѣста: Оттонъ Великій, Альфредъ Великій, Вильгельмъ Завоеватель, Фридрихъ Барбаруса, Жанна д' Аркъ, Людовикъ XI, Карлъ V, Филиппъ II, Вильгельмъ Оранскій, Генрихъ IV, Ришельё, Елизавета и Марія Стюартъ, Кромвель, Людовикъ XIV; не говоримъ уже о Вильгельмѣ Телѣ (т.-е. началѣ Швейцарскаго союза), Густавѣ Вазѣ, Янѣ Собескомъ и т. п. Повидимому, составители программы считали ненужнымъ для учениковъ IV класса имѣть какое либо понятіе о главнѣйшихъ династіяхъ Западной Европы, каковы: Гогенштауфены, Габсбурги, Стюарты и Бурбоны. Не упомянуто ни о какихъ событіяхъ въ Англіи и даже о Французской революціи. При такихъ условіяхъ младшій курсъ является весьма слабою подготовкою для старшаго, а въ какомъ либо самостоятельномъ значеніи, въ какой либо степени законченности ему приходится отказать совершенно.

Укажемъ также на выборъ хронологическихъ данныхъ для изучаю-

щихъ этотъ курсъ. Такія гадательныя цифры, какъ годъ выхода Евреевъ изъ Египта (и еще съ варіантомъ), или годы построенія Іерусалимскаго храма и Троянской войны, по моему мнѣнію, излишни. Годъ сраженія при Каннахъ также излишенъ, если уже поставлены предѣлы Второй Пунической войны. Начало монастырей обозначено невѣрно, и притомъ оно совсѣмъ не требуетъ такого числоваго точнаго обозначенія въ младшемъ курсѣ. А между тѣмъ въ отдѣлѣ Греціи и Рима не встрѣчаемъ такихъ хронологическихъ данныхъ, какъ 1100 (начало Историческаго періода въ Греціи), 776 (начало греческой эры), 366 (уравненіе патриціевъ съ плебеями), 44 (смерть Цезаря; при чемъ годъ Фарсальской битвы могъ бы быть опущенъ). Въ отдѣлѣ средней и новой исторіи не встрѣчаемъ нѣкоторыхъ годовъ первостепенной важности; впрочемъ оно и понятно, если не упомянуты и самыя событія, къ которымъ они относятся, напримѣръ: 1066, 1204, 1215, и т. д. Въ то же время годъ Бѣлогорской битвы обозначенъ особо, хотя тутъ же указаны предѣлы Тридцатилѣтней войны; годы сраженій при Цорндорфѣ и Кунерсдорфѣ также особо обозначены, хотя указаны предѣлы Семилѣтней войны. Годъ сраженія съ Половцами у р. Сальницы могъ бы быть опущенъ; а время перваго извѣстія о Москвѣ пропускать не слѣдовало. Точно также, начиная по крайней мѣрѣ съ Ивана III, время царствованія русскихъ государей должно быть обязательно заучено при прохожденіи этого курса. Обязательнымъ хронологическимъ даннымъ въ младшемъ курсѣ я придаю большую важность; эти данныя должны быть твердо усвоены, и выборъ ихъ долженъ быть сдѣланъ тщательно. Они служатъ гвоздями, закрѣпами, на которыхъ должно быть утверждено усвоеніе всего гимназическаго курса исторіи.

Я вполнѣ раздѣляю мысль, что историческій курсъ младшаго возраста долженъ отличаться по преимуществу эпизодическо-біографическими чертами; но такого большею частію отрывочнаго, безсвязнаго, подъ часъ случайнаго, выбора и распредѣленія матеріала для этого курса я, признаюсь, не вполнѣ понимаю.

Перейдемъ теперь къ курсу старшаго возраста. Главное мое возраженіе примѣрной программѣ относится къ попыткѣ слить и въ этомъ курсѣ изложеніе отечественной исторіи со всеобщею, и сдѣлать изъ первой центръ, около котораго вращалась бы исторія важнѣйшихъ культурныхъ народовъ новаго міра. Но такое слитіе оказывается весьма неудобнымъ въ старшемъ курсѣ, который въ учебномъ планѣ названъ «систематическимъ». Съ одной стороны становится почти невозможнымъ стройное систематическое обозрѣніе исторіи этихъ народовъ; она является не

болѣе, какъ чѣмъ-то придаточнымъ, вставленнымъ случайно тамъ-сямъ между событіями отечественной исторіи. Съ другой стороны систематичное изложеніе этой послѣдней прерывается разсказами о народахъ и лицахъ, не имѣющихъ съ нею никакой видимой связи; она лишается своей цѣльности и послѣдовательности. Слитіе, возможное и полезное въ младшемъ курсѣ при его эпизодичности и краткости, въ старшемъ становится неудобно. Въ западноевропейской учебной практикѣ отечественная исторія у всѣхъ народовъ, особенно пользующихся національнымъ единствомъ, составляетъ особый предметъ преподаванія, хотя она съ самыхъ древнихъ временъ тѣсно переплетается съ исторіей другихъ народовъ. Въ нашей исторіи нѣтъ такого сплетенія. Участіе въ политическихъ событіяхъ Европы мы стали принимать только съ Петра Великаго, а болѣе тѣсныя отношенія начались еще позднѣе. Но съ Петра же Великаго началось постоянное и непосредственное вліяніе на насъ западно-европейской цивилизаціи, вліяніе вполнѣ продолжающееся и въ наши времена; уже это одно обстоятельство обязываетъ насъ серьезно и внимательно изучать исторію культурныхъ народовъ новаго міра, а слѣдовательно дать ей самостоятельное мѣсто. Правильно поставленный курсъ младшаго возраста между прочимъ имѣетъ то значеніе, что послѣ него должно быть удобно и легко усвоеніе полныхъ курсовъ отечественной и всемірной исторіи, т.-е. усвоеніе не перемѣшанное, а параллельное, способствующее цѣльности впечатлѣнія, а не разбивающее его.

Уже первый взглядъ на примѣрную программу «курса отечественной исторіи въ связи съ среднею и новою» убѣждаетъ насъ, что съ малыми отличіями она есть повтореніе той же программы эпизодическаго курса, о которой мы говорили выше, только въ бо́льшемъ объемѣ. То же случайное распредѣленіе частей и еще болѣе важные пропуски. Напримѣръ, глава о феодализмѣ и папствѣ попала между удѣльнымъ періодомъ на Руси и покореніемъ ея Монголами; столѣтняя Англо-Французская война и Жанна д'Аркъ слѣдуютъ за казнями Ивана Грознаго, а Тридцатилѣтняя война за Славяно-греко-латинскою академіей. Опять обойдено всякое обозрѣніе собственно Польской исторіи; о ней мимоходомъ упоминается только по поводу соединенія съ Литвою и столкновеній съ Россіей. Едва упомянуто о Карлѣ Великомъ и о такомъ великомъ всемірно историческомъ явленіи, какъ Крестовые походы. Есть глава объ эпохѣ Возрожденія; но при этомъ совершенно опущена политическая исторія Италіи въ эту эпоху. А исторія Англіи, Франціи и Германіи вмѣсто какого либо связнаго обозрѣнія представлена въ видѣ немногихъ тамъ-сямъ разсѣянныхъ отрывковъ. Но Пруссіи посчастливилось. Курсъ VI-го класса

оканчивается царствованіемъ Елизаветы Петровны; затѣмъ курсъ VII-го класса начинается главою о «Возвышеніи Пруссіи»; причемъ онъ возвращается къ XVI столѣтію или ко времени болѣе раннему, смотря по тому, что здѣсь надобно разумѣть подъ параграфомъ «Начало Пруссіи». Отличаясь такою скупостью въ отношеніи къ западно-европейскимъ народамъ, что, напримѣръ, вся исторія Англіи XVIII столѣтія упомянута въ одномъ параграфѣ подъ неопредѣленнымъ заглавіемъ «Могущество Англіи въ XVIII вѣкѣ», примѣрная программа вдругъ становится весьма щедрою на европейскія событія съ 1830 года; такъ что Англія является здѣсь съ своею «парламентскою борьбою, Ирландско-католическимъ вопросомъ, биллемъ о реформѣ и отмѣною хлѣбныхъ законовъ». Обозрѣніе новѣйшей исторіи доводится до Франко-Прусской войны и возстановленія Германской имперіи включительно. По нашему мнѣнію, не слѣдуетъ въ учебномъ курсѣ дѣлать обязательнымъ прагматическое обозрѣніе новѣйшей исторіи до самаго настоящаго времени. Исторія послѣднихъ лѣтъ слишкомъ обильна матеріаломъ и еще не можетъ быть достаточно оцѣнена, чтобы постоянно, чуть ли не ежегодно поступать въ составъ систематическаго учебнаго курса. Необходимо останавливаться на какомъ либо пунктѣ, уже находящемся отъ насъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, а затѣмъ о дальнѣйшихъ событіяхъ сообщать въ хронологическомъ перечнѣ или частію въ эпизодическихъ очеркахъ. Упомянутый пунктъ можно передвигать только черезъ достаточный промежутокъ времени. Еще недавно такимъ предѣломъ для историческаго курса служилъ Вѣнскій конгрессъ 1815 года. Въ настоящее время этотъ предѣлъ конечно устарѣлъ, и мы можемъ его передвинуть лѣтъ на сорокъ впередъ. Утвержденіе Второй имперіи во Франціи и Восточная война вмѣстѣ съ началомъ новаго царствованія въ Россіи—вотъ тѣ грани, до которыхъ, по нашему мнѣнію, можетъ пока простираться систематическій учебный курсъ исторіи. *

Что касается до примѣрной программы собственно Русской исторіи, то, если выдѣлить вторгающіеся въ нее отрывки изъ исторіи западной Европы, она не представитъ никакихъ особыхъ неудобствъ. Здѣсь мы могли бы сдѣлать только кое-какія указанія второстепенной важности. Точно также программа подробной исторіи классическихъ народовъ, отнесенной къ послѣднему году гимназическаго курса, составлена довольно тщательно. Замѣчу только слѣдующее: очеркъ римской литературы и вообще образованности временъ Имперіи я считаю въ учебномъ отношеніи

* Это замѣчаніе относилось къ тому времени, когда написана данная статья т.-е. къ 1876 году. Въ настоящее время указанная мною грань конечно уже можетъ быть передвинута нѣсколько далѣе, для изложенія *систематическаго*.

удобнѣе соединить въ одну особую главу, а въ примѣрной программѣ онъ разбитъ при самомъ политическомъ обозрѣніи императорскаго періода. Впрочемъ подобное обстоятельство не особенно важно. Кромѣ того можно пожалѣть, что изъ этого курса исключены культурные народы древняго Востока; хотя въ виду небольшаго количества уроковъ трудно было бы дать имъ надлежащее мѣсто.

Въ заключеніе позволю себѣ высказать, что система историческаго курса настолько уже выработалась въ европейской учебной практикѣ, что отступленія отъ нея и примѣненія къ условіямъ каждой національности должны производиться весьма осмотрительно и обдуманно. Переставить нѣкоторыя рубрики, смѣшать вмѣстѣ два невяжущіяся между собою содержанія, расположить нѣкоторые отдѣлы иначе, нежели они были расположены прежде, исключить нѣкоторые важные факты и прибавить нѣсколько параграфовъ, безъ которыхъ можно было бы обойтись—все это еще не значило бы содѣйствовать лучшей постановкѣ предмета въ русской школѣ, усвояющей себѣ общій европейскій типъ.

Въ прошломъ 1887 году изданы «Учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія». Въ этихъ «пересмотрѣнныхъ» планахъ сдѣланы нѣкоторыя улучшенія сравнительно съ только что разобранною нами «примѣрною программою» по исторіи. Но эти улучшенія указаны въ предисловіи. А именно: въ старшемъ или систематическомъ курсѣ «установляется хотя и параллельное для каждаго класса, но отдѣльное преподаваніе Всеобщей и Русской исторіи до времени Петра Великаго, съ котораго начинается изложеніе Русской исторіи въ связи со Всеобщею, и расширяется нѣсколько курсъ общей исторіи среднихъ вѣковъ, въ особенности внесеніемъ въ оный фактовъ изъ исторіи восточныхъ и западныхъ Славянъ и Византійской имперіи по естественной связи съ Русской исторіей». Что касается до плановъ курса эпизодическаго, то они остались безъ перемѣны, слѣдовательно со всѣми тѣми недостатками, которые мною только что указаны, и съ тѣми излишне клерикальными чертами, которыя не подходятъ къ исторіи собственно *гражданской*. Улучшенія же въ планахъ систематическаго курса все еще недостаточны, и на практикѣ эти планы конечно обнаружатъ разныя неудобства. Вѣроятно сознавая ихъ недостатки, учебное вѣдомство и въ семъ изданіи называетъ программу исторіи *примѣрною*, и сопровождаетъ ее слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Предлагаемыя программы имѣютъ въ виду точнѣе обозначить количество фактовъ, усвоеніе коихъ считается необходимымъ, и никакъ не могутъ быть считаемы

обязательными относительно своей системы и порядка расположенія въ нихъ учебнаго матеріала».

Въ Учебныхъ планахъ ничего не говорится о снабженіи руководствъ разными рисунками. Но, судя по одобренію нѣсколькихъ такихъ руководствъ, можно подумать, что это спекулятивное направленіе какъ бы допускается въ ущербъ здравой педагогикѣ. «Подобныя книги, подъ предлогомъ наглядности, представляютъ безпорядочное смѣшеніе пособія съ руководствомъ; текстъ отходитъ на второй планъ, а на первомъ является иллюстрація. При этомъ условіи главная и конечно нелегкая задача руководства—послѣдовательное, научное, хорошо обработанное изложеніе—уступаетъ мѣсто спекулятивному изготовленію плохихъ картинокъ». «Посмотрите, напримѣръ, на Нѣмцевъ: историческое преподаваніе у нихъ процвѣтаетъ, вмѣстѣ съ нимъ процвѣтаютъ иллюстрированныя пособія; но руководства для среднеучебныхъ заведеній тамъ не испещряются картинками. Тамъ понимаютъ, что главнымъ орудіемъ для образованія юношества всегда останется слово, и что наглядность должна имѣть свое мѣсто и значеніе». Это было мною сказано въ одной статьѣ полемическаго свойства (*Новое Время*. 1882 г. 7 Апрѣля). Въ отвѣтѣ своемъ противная сторона указала мнѣ на одинъ *австрійскій* учебникъ съ рисунками, тогда какъ я ссылался на Германію. Примѣры французскихъ книгъ, въ родѣ изданій Дюрюи, сюда нейдутъ. Выше мы видѣли, что во Франціи совсѣмъ другая система преподаванія, и тамъ эти книги играютъ скорѣе роль пособія, а не учебниковъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Нѣсколько мыслей о преподаваніи исторіи *.

Въ виду нерѣдко встрѣчающихся разнорѣчивыхъ мнѣній объ исторіи какъ предметѣ преподаванія, я пользуюсь настоящимъ изданіемъ, чтобы сказать нѣсколько общихъ положеній объ этомъ предметѣ и о той системѣ, которой я держался при составленіи своихъ историческихъ руководствъ.

Исторія уже съ древнихъ временъ составляетъ неотъемлемую часть общаго образованія. Въ наше время, болѣе чѣмъ когда либо, образованный человѣкъ немыслимъ безъ знакомства съ исторіей, т.-е. съ прошедшимъ. Знакомство съ прошедшимъ нужно для пониманія настоящаго, для того, чтобы общество сознательно относилось къ важнѣйшимъ яв-

* Сокращенное руководство ко Всеобщей и Русской исторіи. Изданіе второе. 1868 г. Предисловіе. Привожу эти мысли именно здѣсь, тотчасъ послѣ разбора примѣрной программы, чтобы дополнить его собственными исходными точками зрѣнія.

леніямъ своей жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ своимъ потребностямъ и стремленіямъ. Для примѣра, укажу на столь часто поднимающіеся вопросы о различіи той или другой отрасли общественнаго быта у насъ и въ Западной Европѣ. Отвѣтъ на всѣ эти вопросы можетъ дать только исторія. На самый характеръ людей, на ихъ нравственную сторону исторія должна оказывать гуманизующее вліяніе. Примѣры великихъ людей и великихъ подвиговъ, изображеніе дурныхъ или хорошихъ нравовъ, замѣчательная судьба какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ—все это должно оказывать сильное дѣйствіе на впечатлительное воображеніе молодаго поколѣнія. Настойчивость, энергія, гражданская доблесть, торжество или страданіе историческихъ дѣятелей возбуждаютъ въ немъ сочувствіе; эгоизмъ, жестокость, слабость и другіе пороки вызываютъ чувство противоположное. А изъ суммы симпатій и антипатій, какъ извѣстно, слагается характеръ человѣка, его наклонности и направленіе. При этомъ конечно не должно упускать изъ виду, что исторія есть только одинъ изъ образовательныхъ органовъ, хотя и самыхъ важныхъ, что на развитіе ума и сердца дѣйствуютъ другіе предметы и множество условій, посреди которыхъ воспитывается человѣкъ.

Перейду теперь къ тому матеріалу, который долженъ составлять сущность историческаго преподаванія въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, т.-е. въ заведеніяхъ, имѣющихъ своею задачею общее образованіе.

Лѣтъ 20 или болѣе тому назадъ въ педагогическомъ мірѣ начали сознавать и говорить, что система, господствовавшая дотолѣ въ преподаваніи исторіи, отличается излишнею сухостію и односторонностію: оно почти исключительно наполнялось обзорами фактовъ политическихъ въ тѣсномъ смыслѣ (войны, дѣла государей, полководцы, государственные люди, придворныя событія и т. п.); причемъ факты излагались безъ органической связи и являлись недостаточно осмысленными. Началась реакція противъ этой системы; заговорили о культурѣ, о знакомствѣ съ бытомъ и образованностью, о внутренней связи событій. Рѣчь идетъ о движеніи заграничной, преимущественно нѣмецкой педагогики; но оно вскорѣ отразилось и у насъ. Это движеніе въ свою очередь было вызвано успѣхами самой науки исторіи, т.-е. тѣми великими историческими трудами, которыми былъ такъ обиленъ періодъ, наступившій за эпохою Французской революціи. Движеніе въ пользу культуры и внутренней связи событій потомъ не избѣжало нѣкоторыхъ крайностей. У насъ нерѣдко приходилось слышать и читать, съ одной стороны, такія разсужденія о преподаваніи исторіи, которыя очевидно увлекаются, и исторію человѣческой культуры низводятъ къ простому знакомству съ бытовыми

формами, т.-е. съ обыденными явленіями жизни (постройки, одежда, пища, обычаи и т. п.); а съ другой, встрѣчаются требованія такихъ тонкостей, такого анализа фактовъ и ихъ соотношеній, которые далеко выходятъ за предѣлы учебнаго курса.

Для исторіи въ обширномъ смыслѣ интересенъ всякій фактъ изъ прошедшаго, къ какой бы отрасли быта онъ ни принадлежалъ; онъ интересенъ для науки какъ средство разъяснить ту или другую сторону прошлой жизни. Все можетъ служить матеріаломъ для научно-историческаго изслѣдованія или монографіи. Но въ преподаваніи выборъ матеріала долженъ быть ограниченъ. Только наиболѣе существенныя, наиболѣе важныя явленія народной жизни должны имѣть въ ней мѣсто.

Тутъ безспорно первое и господствующее мѣсто принадлежитъ *государству*. Государство есть необходимое условіе для развитія цивилизаціи, такъ какъ въ понятіи о государствѣ заключается понятіе объ общественномъ порядкѣ. Оно является также необходимымъ условіемъ для развитія національности. Ни одна нація не выработалась внѣ государственныхъ формъ. Всемірная исторія есть собственно исторія государствъ. Народы, недостигшіе государственнаго быта, находятся въ дикомъ состояніи, и исторіи не имѣютъ. Вотъ почему изученіе исторіи начинается съ тѣхъ народовъ, которые прежде другихъ сложились въ болѣе или менѣе значительныя государства. Формы государственнаго быта довольно разнообразны. Во-первыхъ, патріархальный или родовой бытъ, который собственно представляетъ переходную ступень къ быту государственному; далѣе встрѣчаются: ѳеократія, монархія, демократія, феодализмъ, централизація, федерація и пр. Всѣ великіе народы болѣе или менѣе переживали разныя ступени государственнаго быта, и, когда старыя формы не удовлетворяли ихъ потребностямъ, переходили къ формамъ болѣе развитымъ. Такіе переходы вездѣ сопровождаются борьбою новыхъ формъ со старыми; у великихъ историческихъ народовъ эта борьба обыкновенно получаетъ высокій интересъ, и занимаетъ самое видное мѣсто въ ихъ исторіи. Для примѣра, возьмемъ борьбу демократическихъ началъ съ аристократическими въ Греціи и Римѣ. Нигдѣ у другихъ народовъ мы не встрѣчаемъ такой послѣдовательности, такой логики и вмѣстѣ такого драматическаго развитія борьбы какъ тамъ; вотъ почему классическіе народы всегда будутъ служить образцами и въ исторіи политической. Въ государствахъ монархическихъ на первомъ планѣ стоятъ династіи и дворъ. Около двора обыкновенно сосредоточивались всѣ интересы, всѣ нити внутренней политики, и потому естественно то значительное мѣсто, которое отводится при изложеніи исторіи придворнымъ

событіямъ и отношеніямъ. Мало того, около двора часто сосредоточивались и лучшія, самыя энергичныя силы народа; не говоря уже о политическихъ дѣятеляхъ, сюда обыкновенно примыкали представители наукъ, искусствъ и литературы. Сосредоточивая вокругъ себя лучшія силы народа, дворъ въ то же время являлся обыкновенно центральнымъ пунктомъ, откуда въ свою очередь распространялись въ другіе классы общества результаты извѣстной цивилизаціи.

Рядомъ съ этой внутренней стороной государственной исторіи идетъ другая столь же важная внѣшняя исторія, т.-е. отношенія къ другимъ народамъ, къ другимъ государствамъ. Отношенія эти главнымъ образомъ вращаются около вопроса о независимости и самобытности, о границахъ и владѣніяхъ. Самобытность является въ числѣ необходимыхъ условій для развитія всякой націи, т.-е. всякаго государства; она достается недаромъ; ее всегда надобно отстоять оружіемъ и кровью. Отсюда такое значеніе внѣшнихъ войнъ въ исторіи. Только тѣ народы, которые успѣли сложиться въ сильныя государства, съ успѣхомъ отстаиваютъ свою самобытность или подчиняютъ себѣ другіе народы; они-то собственно и являются главными дѣятелями во всемірной исторіи. Вопросъ о войнахъ, какъ извѣстно, осложняется еще войнами междоусобными и религіозными; но вообще раздѣленіе ихъ на внѣшнія и гражданскія весьма условное; тѣ и другія равно оказывали важное вліяніе на развитіе государственной жизни. Мѣсто, отводимое войнамъ въ наукѣ, конечно зависитъ отъ степени ихъ важности, т.-е. отъ ихъ вліянія на дальнѣйшую судьбу народовъ. Такія войны, какъ Грекоперсидскія, Пуническія, Крестовые походы, Тридцатилѣтняя, Наполеоновскія, по своему всемірноисторическому значенію, всегда будутъ сохранять великій интересъ при изученіи исторіи, а слѣдовательно и при ея преподаваніи. Факты, взятые изъ другихъ отраслей международныхъ или внѣшнихъ отношеній (дипломатія, торговля, родственныя связи династій и пр.), входятъ въ преподаваніе исторіи, смотря по степени своего значенія.

Отводя государству или политикѣ господствующее мѣсто въ Исторіи какъ предметѣ преподаванія, никоимъ образомъ однако не должно исключать изъ него и другихъ сторонъ народной жизни, и именно тѣхъ, которыя имѣютъ наибольшее цивилизующее или культурное значеніе, каковы: церковь, искусства, науки и литература. Но мы видимъ, что всѣ эти стороны болѣе или менѣе примыкаютъ къ исторіи государственной и находятся съ нею въ органической связи. Считаю излишнимъ говорить о цивилизующемъ значеніи религіи; укажу только на ея внѣшнюю сторону, т.-е. на церковныя учрежденія, которыя вездѣ болѣе или менѣе

суть и учрежденія государственныя; духовная іерархія находится въ соотвѣтствіи съ іерархіей гражданской; власти духовная и свѣтская обыкновенно другъ друга дополняютъ и поддерживаютъ; а въ государствахъ ѳеократическихъ онѣ соединяются въ одномъ лицѣ. Распри религіозныя всегда имѣли и великое политическое значеніе. Если перейдемъ въ сферу искусствъ, то опять увидимъ ихъ тѣсную связь съ государственнымъ бытомъ. Храмъ и дворецъ—вотъ предметы, около которыхъ съ самаго начала всемірной исторіи сосредоточивалась художественная дѣятельность и развивались образовательныя искусства. Развитіе наукъ и литературы также вездѣ болѣе или менѣе тѣсно связано съ государственнымъ бытомъ. Другія стороны народной жизни, каковы: промышленность, домашній бытъ, одежда, характеристическіе обычаи и пр., также должны находить мѣсто въ преподаваніи; но ихъ мѣсто второстепенное. Общественное устройство, общественные дѣятели и событія всегда сохраняли и сохранятъ за собою первенствующее значеніе и первенствующій интересъ въ жизни цивилизованныхъ народовъ, а слѣдовательно и въ преподаваніи ихъ исторіи. Остальныя стороны излагаются эпизодически, при удобномъ случаѣ (или подъ особой рубрикой внутренняго быта), и не могутъ быть проводимы въ такой непрерывной послѣдовательности какъ факты политическіе *.

Итакъ, исторія политическая или государственная, представленная въ органической связи съ главными дѣятелями и важнѣйшими сторонами быта, и есть въ сущности исторія цивилизаціи или культуры. Но въ учебной практикѣ къ этой органической связи надобно относиться осторожно и не упускать изъ виду извѣстнаго возраста, извѣстной степени развитія. Самый простой и доступный для юнаго возраста способъ изложенія—это группировать факты около историческихъ дѣятелей. Напримѣръ, борьба аристократіи и демократіи въ Аѳинахъ выясняется изъ дѣя-

---

* Такое отношеніе обусловливается и самою обработкою исторической науки, въ которой сторона собственно политическая несравненно болѣе развита и закончена, нежели другія стороны. А это явленіе въ свою очередь опять-таки зависѣло отъ того, что политическія событія и лица всегда имѣли первенствующій интересъ; въ чемъ убѣждаетъ насъ простой взглядъ на источники исторіи, отъ древнѣйшихъ лѣтописей до ежедневныхъ газетъ нашего времени.

Излишне говорить о важности географическаго элемента въ преподаваніи исторіи. Но не надобно забывать, что къ изученію исторіи невозможно приступать безъ предварительнаго знакомства съ географіей современной. На основаніи этого знакомства въ преподаваніи исторіи можно ограничиваться небольшими географическими обзорами и входить въ подробности только при географіи классическихъ народовъ.

тельности Солона, Пизистрата, Ѳемистокла и Перикла; переходъ отъ республики къ монархіи въ Римѣ обозначается цѣлымъ рядомъ такихъ лицъ, какъ Марій, Сулла, Помпей, Юлій Цезарь и Октавій; о развитіи парламентарнаго правленія въ Англіи даетъ понятіе знакомство съ Вильгельмомъ Оранскимъ, Вальполемъ и Питтомъ *. При оцѣнкѣ лицъ и вообще фактовъ надобно ограничиваться возможно простыми, несложными чертами, и не запутывать изложеніе отвлеченными выводами и т. наз. критическими взглядами. Учебный курсъ долженъ прежде всего дать достаточный запасъ фактовъ, осмысленныхъ только въ возможной степени. Критическіе взгляды, отвлеченные выводы, сравненія и сближенія могутъ имѣть мѣсто только впослѣдствіи, т.-е. на основаніи фактической подготовки. Нѣкоторые отдѣлы въ исторіи цивилизаціи по трудности ихъ пониманія входятъ въ преподаваніе почти одною біографической стороной. Это особенно относится къ области наукъ и литературы. Напримѣръ, невозможно требовать, чтобы изъ учебнаго курса достаточно уяснилось значеніе Сократа или Софокла, Бекона или Шекспира и т. п. Но, во-первыхъ, біографическія черты такихъ лицъ большею частію сами по себѣ поучительны; во-вторыхъ, вмѣстѣ съ этими чертами проникаютъ и нѣкоторыя понятія о значеніи ихъ дѣятельности; а въ-третьихъ, всѣ великія имена, которыми дорожитъ цивилизованный міръ, не должны остаться неизвѣстными молодому поколѣнію. Уже одно усвоенное имя, произносимое съ уваженіемъ, возбуждаетъ интересъ къ лицу и сферѣ его дѣятельности; а этотъ интересъ принесетъ плодъ впослѣдствіи.

«Сокращенное Руководство» назначается для младшаго возраста учащихся (т.-е. для того возраста, который соотвѣтствуетъ третьему и четвертому классу гимназій). Сокращеніе главнымъ образомъ должно состоять въ уменьшеніи количества фактовъ и количества именъ. Изложеніе фактовъ должно быть возможно простое, ясное, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно сжатое. Сокращенное руководство не должно имѣть видъ сухаго перечня; для освѣщенія эпохи и личностей полезно при удобномъ случаѣ сообщать нѣкоторыя подробности; однако въ этомъ отношеніи также

---

* Такимъ образомъ біографическій элементъ занимаетъ въ преподаваніи исторіи самое видное мѣсто. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы въ учебной практикѣ систематическое изложеніе исторіи можно было замѣнить рядомъ біографій въ родѣ Плутарха. Безъ предварительнаго знакомства съ общимъ ходомъ событій, съ народами и государствами, о которыхъ идетъ рѣчь, біографіи историческихъ лицъ не имѣли бы почвы.

надобно соблюдать умѣренность. Это не есть книга для чтенія; руководство назначается для усвоенія, которое должно быть возможно твердое и отчетливое *. Такое усвоеніе особенно важно при изученіи сокращеннаго, т.-е. первоначальнаго курса. Оно даетъ возможность впослѣдствіи съ бо́льшею свободою относиться къ слѣдующему курсу, уже менѣе стѣсняться объемомъ и вообще легко пріобрѣтать дальнѣйшія свѣдѣнія. Для твердости и отчетливости историческихъ знаній, какъ извѣстно, необходимы хронологическія данныя. Поэтому важнѣйшіе годы, усвоеніе которыхъ должно быть обязательно, я выставляю впереди каждой главы. Въ настоящемъ изданіи во Всеобщую исторію я включилъ и Русскую. Отечественная исторія почти у всѣхъ образованныхъ народовъ (особенно у народовъ, пользующихся національнымъ единствомъ) составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія; что совершенно естественно: этотъ предметъ необходимъ для народнаго самопознанія. Но самые способы преподаванія и связь, въ которую поставлена въ учебной практикѣ Отечественная исторія со Всеобщей, довольно разнообразны; на это разнообразіе между прочимъ не мало вліяютъ характеръ и отношенія данной націи къ другимъ народамъ. Мы, Русскіе, поставленные на рубежѣ двухъ міровъ, западнаго и восточнаго, все еще ученики Запада, но уже сознающіе потребность въ самобытномъ направленіи своей цивилизаціи, мы должны прилежно изучать исторію не только классическихъ, но и новыхъ культурныхъ народовъ, и своихъ ближайшихъ сосѣдей, чтобы возможно болѣе сознательнымъ образомъ относиться къ своему положенію и къ своимъ условіямъ Для успѣшнаго, отчетливаго знакомства съ судьбами

---

* Въ нашей педагогической литературѣ не разъ приходилось встрѣчать неодобрительные отзывы о подобномъ усвоеніи и замѣну слова „выучить“ презрительнымъ „вызубрить“. Зубреніемъ должно быть называемо буквальное только заучиваніе безъ всякаго пониманія и смысла. Хорошо, если ученикъ можетъ отчетливо передать все содержаніе урока, не держась выраженій книги. Но такая передача по большей части не по силамъ и не по развитію юнаго возраста. Преобладающая способность въ этомъ возрастѣ есть память. Языкъ его имѣетъ еще недостаточный запасъ матерьяла, чтобы быть развязнымъ, точнымъ и логичнымъ. Самое заучиваніе наизусть въ дѣтскомъ возрастѣ должно не мало способствовать развитію дара слова. На практикѣ упомянутое выше направленіе обыкновенно даетъ плохіе результаты: отвѣты учениковъ вялы, запутанны и непослѣдовательны, языкъ пріучается не къ точности и ясности, а къ качествамъ противуположнымъ, и самыя свѣдѣнія, поверхностно, наскоро схваченныя, потомъ быстро испаряются. Чтобы требовать хорошаго усвоенія, уроки должны быть не велики и расчитаны на способности посредственныя, а не отличныя; обязательныя свѣдѣнія должны быть строго опредѣлены; а дополненія къ нимъ пусть предоставляются лучшимъ способностямъ или большей любознательности.

собственнаго отечества, надобно опредѣлить его мѣсто въ общемъ ходѣ Всемірной исторіи. Поэтому при первоначальномъ преподаваніи Русскую исторію надобно начинать собственно тогда, когда изученіе Всеобщей исторіи достигло второй половины Среднихъ вѣковъ, и далѣе вести эти два предмета параллельно. Въ курсѣ младшаго возраста полезно не отдѣлять Русскую исторію отъ Всеобщей; тѣмъ съ бо̀льшимъ удобствомъ въ слѣдующемъ курсѣ можно проходить ее особо и съ достаточною полнотою.

Судя по нѣкоторымъ печатнымъ отзывамъ, мое «Сокращенное руководство» для младшаго возраста считается не болѣе какъ простымъ сокращеніемъ моего же курса, назначеннаго для старшаго возраста. Хотя въ иностранной учебной литературѣ подобное взаимное отношеніе курсовъ даже въ обычаѣ; однако въ данномъ случаѣ такое представленіе не совсѣмъ вѣрно. При семъ забываютъ обыкновенно постепенное возникновеніе моей системы руководствъ. По Всеобщей исторіи мною сначала былъ изданъ тотъ курсъ, который потомъ названъ «среднимъ». Такъ какъ онъ оказался для старшихъ классовъ гимназіи малъ, а для младшихъ великъ, то для первыхъ онъ былъ распространенъ въ объемѣ и дополненъ въ прагматическомъ отношеніи; а для вторыхъ не только сокращенъ, но и *приспособленъ*. Такъ, напримѣръ, въ младшемъ курсѣ встрѣчаются нѣкоторые эпизоды, которыхъ нѣтъ въ старшемъ. Кромѣ того въ него вошло «Руководство къ Русской исторіи», спеціально написанное для младшаго возраста и по изложенію совсѣмъ отличное отъ моихъ «Краткихъ очерковъ Русской исторіи». Впослѣдствіи нѣсколько распространенное это «Руководство» составило средній курсъ Русской исторіи, соотвѣтствующій выше помянутому среднему курсу Всеобщей исторіи.

V.

КУЛЬТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ УЧЕБНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ *.

Der Geschichtsunterricht auf Schulen nach Kulturgeschichtlicher Methode. Von Karl Biedermann. Wiesbaden, 1885.

Deutsche Volks und Kulturgeschichte für Schule und Haus. Von Karl Biedermann. 3 Theile. Wiesbaden, 1885—1886.

Методика исторіи по Кригеру. Составили И. Виноградовъ и А. Никольскій. Москва, 1885.

Обзоръ главныхъ явленій Средней исторіи по вѣкамъ. Я. Гуревича. Спб. 1885.

Толки о томъ, что въ преподаваніи исторіи надобно выдвинуть на передній планъ культурный элементъ и дать ему преобладаніе надъ политическимъ, уже давно слышатся у насъ и въ словесной бесѣдѣ, и въ литературѣ. Эти толки явились конечно подъ вліяніемъ разныхъ заграничныхъ теорій и ими же до сихъ поръ питаются; справедливость однако требуетъ замѣтить, что прежде отличались они болѣе крайнимъ характеромъ, а въ послѣднее время пріобрѣли тонъ поумѣреннѣе; разумѣется, причиной тому были не совсѣмъ удачные результаты попытокъ примѣнить означенныя теоріи на практикѣ.

Горячимъ и несомнѣнно даровитымъ поборникомъ сего направленія является извѣстный историческій писатель и профессоръ Лейпцигскаго университета Карлъ Бидерманъ. Болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ онъ началъ проповѣдывать свою культурно-историческую теорію, и на выраженное нѣкоторыми ея сторонниками желаніе, чтобъ онъ же осуществилъ ее на дѣлѣ, отвѣчаетъ въ настоящее время изданіемъ названнаго выше учебника (раздѣленнаго на три части), то-есть, *Нѣмецкой народной и культурной исторіи для школы и семьи.* Изданію этой книги

* Русскій Вѣстникъ. 1886 г. Февраль.

Бидерманъ предпослалъ особую, также названную выше, брошюру, то-есть, *Преподаваніе исторіи въ школахъ по культурно-историческому методу.* Здѣсь онъ группируетъ свои доказательства въ пользу сего метода и противъ стараго или «повѣствовательнаго», который также находитъ своихъ защитниковъ и отнюдь не думаетъ уступать мѣсто противнику, какъ въ томъ и сознается самъ авторъ, указывая на возраженія Егера, Кампе, Витмана и др.

Бидерманъ высказываетъ много вѣрныхъ замѣчаній, но несомнѣнно въ своемъ направленіи доходитъ до крайностей и нѣкоторыхъ несообразностей. Надѣюсь, опытному историку-педагогу, чуждому увлеченія всякою новизной и безпристрастно относящемуся къ дѣлу, не трудно отличить плевелы отъ пшеницы въ подобныхъ теоріяхъ. Для доказательства авторъ нерѣдко прибѣгаетъ къ преувеличенію, то-есть къ крайностямъ противнаго метода. Напримѣръ, онъ спрашиваетъ: «Должно ли историческое преподаваніе въ школѣ изображать только *дѣла* и, какъ ихъ совершителей, *великія личности*, или оно должно заниматься *совокупностію условій извѣстнаго времени, извѣстнаго народа?* Итакъ, должно ли оно по своему содержанію имѣть въ виду исключительно или преимущественно *внѣшнюю*, такъ-называемую *политическую* исторію (войны, битвы, мирные трактаты, завоеванія, территоріальные раздѣлы, правителей, полководцевъ, дипломатовъ и т. д.) или также исторію *внутренней народной жизни?*» (9 стр.). Далѣе, при повѣствовательномъ методѣ онъ изображаетъ ученика совершенно пассивнымъ, лишеннымъ всякой самостоятельной работы мысли, механически повторяющимъ сообщенное ему, а это сообщенное будто бы есть рядъ хронологически нанизанныхъ другъ на друга происшествій, внутренне не связанныхъ между собою (10 стр.). Понятно, что, рисуя такую картину метода, легко доказывать его несостоятельность. Не трудно спорить и съ тѣми противниками, которые, какъ напримѣръ Эгеръ, вдаваясь въ крайности повѣствовательно-біографическаго метода, совсѣмъ отвергаютъ культурно-историческій и для высшихъ классовъ гимназіи, называя его «совершенно безсмысленнымъ» (23). А Кампе и Гербстъ, ради патріотизма, прямо допускаютъ вытекающее иногда изъ біографической системы невѣрное понятіе объ эпохѣ, предоставляя его исправленіе дальнѣйшимъ занятіямъ исторіей. Для примѣра указывается споръ двухъ историковъ, Зибеля и Фикера, о томъ: была ли италіянская политика Оттоновъ и послѣдующихъ императоровъ полезна или вредна для собственно германскихъ интересовъ? По мнѣнію Гербста, рѣшеніемъ этого спора пусть занимается наука, а средневѣковыхъ императоровъ Германскихъ преподаватель исто-

ріи въ школѣ долженъ во всякомъ случаѣ изображать не участниками національныхъ ошибокъ и недостатковъ, а «представителями нѣмецкаго величія» (14).

Съ другой стороны и самъ Бидерманъ впадаетъ въ крайности и односторонность, постоянно толкуя о необходимости брать совокупность народа или обстоятельствъ при изображеніи эпохи; а между тѣмъ не уясняетъ, какимъ образомъ эта совокупность (Gesammtheit) можетъ быть изображена помимо историческихъ личностей. На возраженіе Кампе: «не въ народной массѣ, не въ формахъ и учрежденіяхъ, а въ личностяхъ является исторія», авторъ отвѣчаетъ, что она является въ томъ и другомъ, и что самыя сильныя личности ничего не могутъ сдѣлать, если за ними не стоитъ народная масса, то-есть нація. И въ доказательство того что прошли времена войнъ и битвъ, времена аристократіи, героевъ, завоевателей и т. п., а настала эпоха народной массы, ссылается—на кого же? На германскаго канцлера князя Бисмарка и императора Вильгельма, который послѣ разгрома Франціи и принятія императорской короны сказалъ, что теперь онъ хочетъ помышлять не о завоеваніяхъ, а о благахъ мира, о національной свободѣ, благосостояніи и образованности (16—17). Но вѣдь исторія занимается не фразами, а событіями. Любопытно знать какъ же она будетъ изображать послѣднюю фазу въ развитіи Нѣмецкой націи, не выводя на передній планъ политическихъ дѣяній Бисмарка, войнъ, веденныхъ Вильгельмомъ, объединенія и европейскаго положенія Германіи, созданнаго именно этими войнами, положенія не одной Германіи, а также Австріи и особенно Франціи?

Вторая половина данной брошюры посвящена довольно подробному изложенію той программы, по которой Бидерманъ составилъ свою культурную исторію Нѣмецкаго народа какъ руководство для школы и семьи. Вмѣсто того, чтобы заниматься этою программой, обратимся къ самому руководству и посмотримъ какъ авторъ на практикѣ обходится съ историческимъ матеріаломъ ради своей задачи.

Первое отдѣленіе, занимающее болѣе трети первой части и озаглавленное *Die Urzeit*, наполнено описаніемъ «страны и народа», образа жизни Германцевъ, ихъ пищи, одежды, жилища, сословій, судопроизводства, религіи, вооруженія и пр. Разумѣется, это описаніе основано главнымъ образомъ на книгѣ Тацита о Германіи съ присоединеніемъ разныхъ разсужденій и толкованій, заимствованныхъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій. При семъ цѣлая страница посвящена весьма гадательному объясненію именъ «Германцы» и «Тевтоны». Напримѣръ: «по мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей, Тунгры (напавшіе на Галлію) назвали себя Гер-

манцами, потому что по-кельтски gairm означаетъ *кричать*, а германскія племена устрашали своимъ военнымъ кликомъ» (13). Авторъ въ особенности напираетъ на воинственный характеръ нѣмецкихъ предковъ и не чуждъ преувеличенія, изображая ихъ гигантами въ 6 и даже 7 футовъ вышины, вырывающими съ корнемъ деревья и бросающими въ непріятеля обломки скалъ. Стараясь во что бы то ни стало расширить отдѣлъ культурный въ тѣсномъ смыслѣ (собственно бытовой) и не находя для того достаточно ясныхъ, положительныхъ свидѣтельствъ, авторъ поневолѣ прибѣгаетъ къ натяжкамъ и предположеніямъ ученыхъ и по нѣскольку разъ иногда принимается говорить объ одномъ и томъ же предметѣ. При томъ онъ слишкомъ часто прибѣгаетъ къ слову *кажется* и къ разнымъ подробностямъ сомнительной важности. Напримѣръ: «обычай носить панталоны Германцы, кажется, сначала заимствовали при ближайшемъ знакомствѣ съ Галлами и Римлянами (?). Такъ одѣты германскіе плѣнники на римскихъ побѣдныхъ колоннахъ. То же относится къ обуви и головной покрышѣ. Первоначально ходили они, кажется, съ непокрытою головой» (стр. 19). Нельзя сказать, чтобы въ этихъ немногихъ словахъ авторъ обнаружилъ близкое археологическое знакомство съ предметомъ, о которомъ говоритъ. Далѣе, по поводу разныхъ способовъ прически, онъ прибавляетъ и такую, лестную для національнаго нѣмецкаго самолюбія, подробность: «Свѣтлые волосы германскихъ женщинъ были предметомъ зависти для *замужнихъ* Римлянокъ и служили для нихъ предметомъ подражанія, то съ помощію окрашиванья собственныхъ волосъ золотою пылью, то посредствомъ накладки фальшивыхъ волосъ» (Ibid).

Второе отдѣленіе первой части занято Франкскимъ государствомъ. Очертивъ вкратцѣ исторію Великаго переселенія народовъ и основаніе Франкской монархіи, Бидерманъ переходитъ къ довольно подробному разсмотрѣнію его внутренней стороны, то-есть разсматриваетъ его границы, племена, отношенія Германской группы къ Романской; разсуждаетъ о королевской власти и началѣ феодализма, описываетъ хозяйство, ремесла, торговлю и судопроизводство, преимущественно по Салическому и другимъ варварскимъ законамъ; толкуетъ объ умственной, нравственной, церковной сторонѣ и состояніи военнаго дѣла. Все это излагается замѣчательно сухо и мѣстами со ссылками на новѣйшихъ писателей. Изъ франкскихъ королей авторъ останавливается только на Карлѣ Великомъ и, слегка перечисливъ его походы, распространяется о его дѣятельности какъ правителя и законодателя, о его мѣрахъ по отношенію къ войску, судопроизводству, сельскому хозяйству, торговлѣ, ремесламъ, образованности и искусствамъ. Не ограничиваясь тѣмъ, онъ

помѣщаетъ еще особую главу подъ заглавіемъ: «Культурное состояніе Франкскаго государства при Карлѣ Великомъ», опять въ томъ же нѣсколько резонирующемъ и не всегда удобопонятномъ изложеніи. Напримѣръ: «Что нравственное образованіе народа при Карлѣ Великомъ не стояло на высокой степени, это вытекаетъ изъ многочисленныхъ и повторительныхъ увѣщаній, съ которыми онъ обращается то къ высшему и низшему, бѣлому и монастырскому духовенству, то къ своимъ чиновникамъ и графамъ, то ко всѣмъ подданнымъ. Къ сожалѣнію, рядомъ съ древне-германскими нравами, особенно излишнею склонностію къ рысканію и бражничанію, повидимому и тѣ гораздо худшіе пороки, которыми заразила германскихъ насельниковъ нравственная порча умирающаго Римскаго царства, и которые впервые замѣчены во времена Меровинговъ, еще не исчезли, ибо Карлъ неоднократно указываетъ на нихъ въ своихъ капитуляріяхъ» (107). Ученикъ навѣрно затруднится понять о какой римской заразѣ тутъ говорится, ибо выше мимоходомъ упоминается только о скоморохахъ и шутникахъ, будто бы унаслѣдованныхъ отъ римскихъ временъ (стр. 100).

Въ томъ же родѣ изложена и вторая часть *Нѣмецкой Культурной Исторіи*, распадающаяся также на два отдѣленія: время отъ Вердэнскаго договора до паденія Гогенштауфеновъ и время Габсбургской династіи до Карла V. Тутъ точно также видимъ, что въ объемѣ дано сильное преобладаніе описанію внутренняго состоянія и быта надъ исторіей политическою или государственною; напримѣръ, въ первомъ отдѣленіи сей послѣдней исторіи посвящено 38 страницъ, а помянутому описанію 65 страницъ, хотя на эту эпоху падаютъ такія крупныя историческія лица и событія какъ Оттонъ I и Фридрихъ Барбаруса, борьба императоровъ съ папами, Италіянскіе и Крестовые походы. Но сухіе перечни политическихъ событій и лицъ у Бидермана какъ бы являются только для внѣшней связи между разными отдѣлами такъ называемой культурной исторіи. Причемъ онъ иногда впадаетъ въ противорѣчія съ собственнымъ методомъ; напримѣръ, въ помянутой своей брошюрѣ онъ говоритъ: «Какъ возможно объяснить ученику настоящее значеніе патріотическаго поступка Конрада I, который, умирая, проситъ своего брата не принимать королевской короны, а передать ее могущественному Саксонскому герцогу, если не изобразить ему (т.-е. ученику) тогдашнее совокупное состояніе (Gesammtzustand) нѣмецкой націи, временный антагонизмъ отдѣльныхъ племенъ, обостреніе этого антагонизма вновь оживившеюся системою племенныхъ герцогствъ, соперничество Саксовъ съ Франками» и т. д. (стр. 11). Справляетесь съ руководствомъ того же автора

въ ожиданіи найти тамъ картину этого Gesammtzustand'a, и находите не болѣе того, что̀ нами сейчасъ приведено изъ брошюры, только еще въ менѣе рельефной формѣ. (Часть II, стр. 8.)

Въ какой степени факты культурноисторическіе (въ тѣсномъ смыслѣ) собираются механически и съ помощью разныхъ натяжекъ нагромождаются другъ на друга, представимъ слѣдующіе примѣры изъ второй части. Въ главѣ о «хозяйственной дѣятельности народа» значится: «Межъ тѣмъ какъ во времена Карла Великаго *населеніе*, казалось, отставало отъ побудительныхъ мѣръ императора и только медленно слѣдовало за ними, теперь видимъ его болѣе и болѣе выступающимъ самостоятельно и пролагающимъ себѣ путь собственными руками. Это прежде всего относится къ *городскому* населенію, но его возрастающая дѣятельность скоро увлекаетъ за собою и *сельское*. Мы узнаемъ это изъ разныхъ фактовъ. Возрастающая потребность городовъ (а равно королевскихъ, епископскихъ, герцогскихъ и прочихъ дворовъ) въ хлѣбѣ, молокѣ, мясѣ и т. п. имѣла благодѣтельное воздѣйствіе на поднятіе земледѣлія и скотоводства, какъ это слѣдуетъ изъ возвышенія цѣнъ на разные сельскохозяйственные продукты. Такъ, курица въ X столѣтіи стоила еще полпфеннига, а въ XI уже цѣлый пфеннигъ. Ту же цѣну имѣли полтора десятка яицъ (въ монастыряхъ съ ихъ *гинтерзасовъ* взимался большой оброкъ курами и яйцами), а гусь стоилъ вдвое и втрое дороже. Жирная свинья стоила 20—24 пф., овца 10 пф». и т. д. (83). Въ главѣ о «борьбѣ городскихъ патриціевъ и ремесленниковъ» читаемъ: «Открытая борьба между *родами* (патриціевъ) и *цехами* началась уже въ началѣ XIV столѣтіи. Въ Шпейерѣ цехи въ 1304 году ввели въ ратъ нѣкоторыхъ изъ своей среды; но они были вновь оттуда вытѣснены. Также и возстаніе цеховъ въ 1327 году не имѣло прочныхъ послѣдствій; но въ 1349 году патриціи («денежное товарищество») принуждены уступить. Въ Майнцѣ, цехи послѣ долгой борьбы впервые въ 1430 году добились того, что рядомъ съ 24 патриціанскими членами получили мѣсто въ *ратѣ* (думѣ) 29 цеховыхъ (по одному изъ каждаго цеха). Въ Кельнѣ отъ 1269 до 1396 борьба возобновлялась съ перемѣннымъ счастіемъ. Наконецъ «цехъ богачей» (патриціанскій) былъ уничтоженъ, а *ратъ* составленъ изъ 36 членовъ отъ цеховъ и 13 членовъ ими избранныхъ. Въ Ахенѣ въ 1470 году была отмѣнена наслѣдственность мѣстъ въ *ратѣ*, и онъ составленъ изъ 22 членовъ цеховыхъ. Въ Страсбургѣ въ 1332 году побѣдили цехи; но въ 1349 году произошла реакція; однако за цехами оставлено участіе въ управленіи; въ особенности изъ ихъ среды долженъ былъ выбираться одинъ бюр-

термейстеръ (Ammeister), тогда какъ другой (Stättemeister) могъ свободно выбираться изо всѣхъ сословій. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, къ «скамьѣ шэфеновъ» въ XIII вѣкѣ присоединяется «скамья ратмановъ», въ XIV вѣкѣ «скамья цеховъ» и т. д. (153). Цѣлая страница занята подобнымъ перечнемъ. Все это само по себѣ не безынтересно; но вопросъ: насколько въ такомъ видѣ оно приложимо къ небольшому руководству и насколько удобно для усвоенія учениками? И нужно ли до крайности сокращать отдѣлъ событій государственныхъ, чтобы на мѣсто ихъ расширять отдѣлъ приведенныхъ фактовъ? А между тѣмъ такому предмету какъ величественныя сооруженія средневѣковаго зодчества вмѣстѣ съ характеристикою *базилики*, *романскаго и готическаго* стилей—характеристикою очень поверхностною—въ книгѣ посвящена ровно одна страница съ четвертью (96—97). Подобное распредѣленіе матеріала, не соотвѣтствующее его культурно-исторической важности и педагогическому значенію, невольно бросается въ глаза.

Но беремъ третью часть Нѣмецкой культурной исторіи, и убѣждаемся, что авторъ не выдержалъ своего метода до конца. Эта часть мало чѣмъ отличается отъ общепринятыхъ учебно-историческихъ курсовъ. Тутъ находимъ полное преобладаніе внѣшне-политическихъ фактовъ надъ внутреннимъ состояніемъ и исторіей образованности. Какъ и во всѣхъ нѣмецкихъ руководствахъ, значительное мѣсто отводится Реформаціи и ея послѣдствіямъ, съ Тридцатилѣтнею войной включительно. Затѣмъ идетъ отчетъ о войнахъ временъ Лудовика XIV, Фридриха II и Наполеона I, перемежающійся весьма краткими, сухими очерками фактовъ изъ исторіи культуры и высшаго образованія. А послѣдняя глава, обнимающая эпоху 1815—1871 годовъ (эпоху блестящаго развитія нѣмецкой образованности), въ особенности бѣдна такими очерками, если не относить къ нимъ отчеты объ успѣхахъ парламентеризма, каковые въ сущности принадлежатъ исторіи государственной или политической и находятъ себѣ мѣсто во всѣхъ общепринятыхъ руководствахъ. Повидимому эти успѣхи и даютъ автору поводъ заключить характеристику послѣдняго періода такими словами: «Изъ исторіи династій и кабинетовъ, чѣмъ она прежде была по преимуществу, нѣмецкая исторія становится болѣе и болѣе чисто народною и культурною исторіей». Строго говоря, изъ его изложенія такой выводъ самъ собою не вытекаетъ.

Итакъ, попытка профессора Бидермана отвергнуть обыкновенную гражданскую исторію и на мѣсто ея поставить какую-то другую, подъ именемъ культурно-исторической, по нашему крайнему разумѣнію, даетъ пока результаты не особенно блистательные. Конечно, можно съ нѣко-

торымъ успѣхомъ возражать противъ крайностей внѣшней исторіи, наполняемой войнами и династіями. Но, съ одной стороны, эти крайности давно уже начали сглаживаться въ историческихъ руководствахъ; а съ другой, невозможно отрицать важнаго значенія войнъ и династій, то-есть ихъ огромнаго вліянія на судьбы народовъ *. Давно уже сознана необходимость ввести въ руководство важнѣйшіе факты изъ исторіи образованности, то-есть наукъ, искусствъ, литературы, и обзоры внутренняго состоянія, съ указаніями на успѣхи или упадокъ промышленности и торговли. Но этимъ фактамъ отнюдь нельзя давать рѣшительное преобладаніе надъ исторіей государственною или политическою. Мы видѣли, что и самъ Бидерманъ не могъ до конца выдержать провозглашенной имъ системы. Точно также не трудно оспаривать крайности біографическо-повѣствовательнаго метода; но едва ли состоятельнѣе его является то перечневое, никакими эпизодами не оживляемое изложеніе, образчикъ коего представилъ Бидерманъ въ своемъ руководствѣ и которое на практикѣ должно оказаться весьма тяжелымъ и неудобнымъ для усвоенія. Онъ очевидно упускаетъ изъ виду простую истину, что какая-либо біографическая черта, какой либо историческій эпизодъ или подробность, во время и кстати приведенные, нерѣдко освѣщаютъ ученику личность или эпоху или культурное состояніе народа лучше и понятнѣе нежели цѣлый рядъ отвлеченныхъ описаній и разсужденій. Слѣдовательно, рѣшеніе вопроса заключается въ томъ, чтобы всякому отдѣлу историческаго руководства дать надлежащіе, то-есть наиболѣе цѣлесообразные, мѣсто и объемъ. Для этого нужно сообразоваться какъ съ главными цѣлями и задачами, такъ и со средствами школьнаго историческаго преподаванія. Въ недостаточномъ уясненіи этихъ задачъ и средствъ, повидимому, и кроется источникъ разныхъ крайностей, противорѣчій и недоумѣній.

Два русскіе преподавателя, гг. Виноградовъ и Никольскій, взяли на себя далеко не лишній трудъ составить «методику исторіи», то-есть выяснить учебное и практическое значеніе исторіи, ея связь съ другими науками въ школѣ, методы и пріемы ея преподаванія, пособія и пр. Въ основу своего труда они положили трактатъ Кригера Der Geschichtsunterricht in Volks-Bürger-und Vorbildungsschulen, и обставили его заим-

---

* Любопытна эта тенденція—оттѣснить войны и политику на самый задній планъ въ историческомъ курсѣ—въ эпоху всеобщей воинской повинности, лихорадочнаго развитія дальнобойныхъ орудій и рѣшительнаго преобладанія политико-національныхъ интересовъ.

ствованіями изъ другихъ статей по методикѣ, какъ нѣмецкихъ, такъ и отечественныхъ.

Въ началѣ своей книги авторы высказываютъ нѣсколько положеній вполнѣ справедливыхъ и болѣе или менѣе извѣстныхъ. «Кто желаетъ пріобрѣсти вѣрное пониманіе и вѣрный взглядъ на современность, тотъ долженъ необходимо перенестись мыслію къ прошедшему». «Только при освѣщеніи старины можно изучить и понять современныя, политическія, соціальныя и экономическія формы государственной жизни народовъ, ясно представить ихъ взаимнодѣйствіе и развитіе» (стр. 1). «Исторія представляется намъ какъ *вѣрная руководительница въ жизни практической*» (3) «Если изучать исторію необходимо съ практической точки зрѣнія, то тѣмъ больше съ *національной*. Времена, когда очень многіе съ точки зрѣнія космополитизма съ презрѣніемъ смотрѣли на воспитаніе въ національномъ духѣ, какъ на слишкомъ узкое, ограниченное, теперь, слава Богу, прошли. *Юношество должно быть воспитываемо въ національномъ духѣ*» (4). «Исторія учитъ насъ, что счастіе какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлаго народа тѣмъ прочнѣе чѣмъ болѣе каждая отдѣльная личность, стремясь стать выше случайныхъ бѣдствій, добивается высокихъ цѣлей человѣчества, *и свое личное благо добровольно приноситъ въ жертву общему благосостоянію, чтобъ оказаться дѣйствительно полезнымъ членомъ великаго цѣлаго*» (6) *. «Исторія развиваетъ нашъ разумъ» (Ibid). «*Исторія облагораживаетъ наше сердце*. Основательное изученіе исторіи ведетъ къ смягченію нравовъ, потому что дѣлаетъ сердце впечатлительнымъ ко всѣмъ нравственнымъ доблестямъ» (7). «Исторія укрѣпляетъ и волю» (вырабатывая убѣжденія) и пр. Но затѣмъ, когда авторы переходятъ къ самимъ задачамъ и методамъ историческаго преподаванія въ народныхъ школахъ, начинается нѣкоторая сбивчивость и путаница въ понятіяхъ. Они выступаютъ поборниками того же культурно-историческаго метода, который проповѣдуетъ Бидерманъ, и ратуютъ противъ политической исторіи (а въ сущности тоже противъ крайностей) за какую-то «истинную исторію». «Преподаваніе исторіи ни въ какомъ случаѣ не должно быть исключительно разсказомъ о войнахъ и государственныхъ дѣятеляхъ; оно должно быть скорѣе разсказомъ о событіяхъ мирной народной жизни, указывать какъ эти событія проявились въ наукѣ, искусствѣ, языкѣ, литературѣ, экономической, торговой, соціальной и религіозной жизни народовъ; должно достигать при сообщеніи историческаго матеріала въ элементарномъ видѣ, чтобъ у ученика

* Все это курсивы подлинника.

ясно и живо отпечатлѣлся законченный образъ извѣстной эпохи. На это и доселѣ не обращено должнаго вниманія при преподаваніи исторіи въ народныхъ школахъ. Обращается болѣе вниманія на самыя знаменитыя личности чѣмъ на ихъ дѣла, болѣе останавливаются на мимолетныхъ явленіяхъ историческихъ чѣмъ на долговременныхъ результатахъ и состояніяхъ» (13). Весьма любопытно было бы узнать: какими способами въ народной школѣ малограмотные мальчуганы уразумѣютъ проявленія наукъ, искусствъ, экономической и соціальной жизни народовъ, и какъ въ ихъ головахъ помимо знакомства съ государственными дѣятелями, благодаря какому-то *элементарному виду*, ясно отпечатлѣется образъ эпохи съ «результатами и состояніями?» Кампе конечно впадаетъ въ крайность, ограничивая преподаваніе исторіи изложеніемъ лишь внѣшнихъ событій. Но онъ ближе къ истинѣ чѣмъ его противники, когда говоритъ: «Если мы спросимъ что̀ воодушевляетъ историка, что̀ влагаетъ жизнь въ историческое сочиненіе, то отвѣтъ—факты, а не состоянія и положенія» (18). И Кригеръ нисколько не опровергъ этого положенія своею ссылкою на извѣстный романъ XVII вѣка *Симплициссимусъ*, чтеніе котораго заинтересовало учениковъ и дало имъ живую картину эпохи. (Ibid). Но дайте этотъ романъ въ руки мальчика, который незнакомъ ни съ какимъ и самымъ элементарнымъ курсомъ исторіи и ничего не знаетъ о Тридцатилѣтней Войнѣ, какъ онъ пойметъ его исторически и куда пріурочитъ представленія, вынесенныя изъ чтенія? Притомъ развѣ можно провести подобную систему интереснаго, но случайнаго чтенія чрезъ всѣ важныя эпохи?

Въ другомъ мѣстѣ, однако, гг. Виноградовъ и Никольскій указываютъ практическія неудобства и противорѣчія въ методѣ Бидермана. «Прежде всего въ жизни народовъ и политическая, и общественная, и умственная жизнь идутъ рука объ руку, постоянно соприкасаясь и другъ друга обусловливая. Иногда и знакомство, напримѣръ, съ національными войнами имѣетъ не меньше образовательнаго вліянія на учащихся чѣмъ знакомство съ какими-нибудь бытовыми сторонами внутренней жизни народа» (58). Не останавливаемся далѣе на данной брошюрѣ, тѣмъ болѣе что она трактуетъ преимущественно о преподаваніи исторіи въ низшихъ или народныхъ школахъ, а мы имѣемъ въ виду собственно среднее образованіе. Вообще въ «Методикѣ исторіи», при нѣкоторыхъ увлеченіяхъ ея и недосмотрахъ, разсѣяно довольно много дѣльныхъ замѣчаній и практическихъ наблюденій. Притомъ отъ сочиненія заимствованнаго и съ компилятивнымъ характеромъ нельзя требовать строгаго согласованія разнообразныхъ мнѣній и устраненія всѣхъ противорѣчій. Можно однако желать болѣе правильнаго литературнаго изложенія.

Перейдемъ теперь къ книгѣ г. Гуревича. Но этой книгѣ предшествовала и въ тѣсной связи съ нею находится его статья «*О постановкѣ курса исторіи въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ*» (помѣщенная въ майскомъ № *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1884 годъ); а потому прежде скажемъ нѣсколько словъ о сей статьѣ. Тутъ рядомъ съ замѣчаніями вполнѣ вѣрными (напримѣръ, о неудачной попыткѣ слить въ старшемъ систематическомъ курсѣ изложеніе отечественной исторіи со всеобщею) встрѣчаемъ не мало разсужденій и положеній весьма сомнительныхъ. Такъ авторъ почти съ ожесточеніемъ нападаетъ на элементарный курсъ, проходимый въ III и IV классахъ гимназіи. По его мнѣнію, этотъ курсъ надобно начинать не съ древней исторіи, а съ отечественной «въ живыхъ *подробныхъ* (?) біографическихъ разсказахъ, такъ какъ родное прошлое своего народа и отечества способно живѣе заинтересовать дѣтей, начинающихъ учиться исторіи, и благотворнѣе подѣйствовать на ихъ развитіе, чѣмъ знакомство съ чуждымъ, малопонятнымъ классическимъ міромъ» (5—6). И это говорится въ отношеніи къ классическимъ гимназіямъ, гдѣ ученики рано начинаютъ знакомиться съ классическими писателями! А нѣсколько страничекъ элементарнаго курса изъ исторіи древняго Востока г. Гуревичъ отвергаетъ на томъ основаніи, что «пониманіе главнѣйшихъ явленій, именно религіозныхъ воззрѣній древне-восточныхъ государствъ, всего менѣе можетъ считаться по силамъ мало развитымъ еще дѣтямъ, начинающимъ учиться исторіи». О какомъ это «пониманіи религіозныхъ воззрѣній» говоритъ авторъ? Тутъ пожалуй можно предъявить такія требованія, что не только 12—13-лѣтніе мальчики, но и мы съ г. Гуревичемъ получимъ неудовлетворительную отмѣтку на строгомъ экзаменѣ. Ветхозавѣтную исторію на такомъ основаніи придется тоже вычеркнуть изъ курса младшихъ классовъ. Полагаю, что небольшіе разсказы о Кирѣ и Крезѣ, о Камбизѣ и Псамменитѣ и т. п. легко могутъ быть усвоены учениками III класса и не затруднятъ, а скорѣе помогутъ имъ войти въ сферу историческаго курса вообще.

Авторъ ссылается на весьма «незначительные результаты, достигаемые преподаваніемъ элементарнаго курса» (4). Но гдѣ и у кого? Невозможно и ожидать какихъ либо отчетливыхъ свѣдѣній тамъ, гдѣ преподаваніе не уяснило себѣ простыхъ, здравыхъ требованій, а пытается усвоеніе важнѣйшихъ фактовъ замѣнить чтеніемъ такихъ «занимательныхъ разсказовъ какъ очерки Грубе» (6), или разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Какъ часто приходится слышать отъ начинающихъ учиться исторіи: «эта исторія мнѣ не нравится; въ ней такъ мало говорится о та-

кихъ-то личностяхъ, о такомъ-то *явленіи*». «Дайте ребенку о томъ же предметѣ подробный и живо изложенный разсказъ и онъ также живо *проглотитъ* его, *сотни подробностей безъ труда удержатся* въ его памяти, и онъ охотно передастъ вамъ *въ связномъ разсказѣ* то, что удержалось въ его воображеніи» (10). Въ такомъ случаѣ роль школьнаго преподавателя сводится къ исполненію желаній 12—13-лѣтняго *ребенка*, который самъ и будетъ руководить своего учителя. Давайте мнѣ интересное чтеніе о такомъ-то явленіи, скажетъ онъ. Дайте сотню подробностей о такой-то личности; я ихъ проглочу безъ труда. Бѣдный же учитель едва ли *безъ труда* будетъ въ состояніи удовлетворять расходившійся аппетитъ своихъ учениковъ. Развѣ посовѣтовать ему, чтобъ онъ приготовилъ знатную коллекцію историческихъ повѣстей и романовъ, отечественныхъ и переводныхъ, въ которыхъ ученики найдутъ не только сотни, но и тысячи интересныхъ подробностей о разныхъ личностяхъ. Разумѣется, при повѣрочномъ испытаніи эти ученики, не потрудившіеся усвоить себѣ какой либо элементарный курсъ, представятъ образцы самыхъ «поверхностныхъ и крайне сбивчивыхъ знаній» и полное отсутствіе хронологіи, за то они будутъ знать «non multum sed multa»; каковое выраженіе, по мнѣнію г. Гуревича, почему-то «имѣетъ особенно сильное примѣненіе по отношенію къ элементарному курсу» (10). Только почему онъ эту фразу называетъ «мудрымъ римскимъ изреченіемъ», тогда какъ перевернулъ его по своему?

Далѣе г. Гуревичъ трактуетъ о старшемъ, такъ называемомъ систематическомъ курсѣ исторіи въ гимназіяхъ и находитъ его положеніе также весьма неудовлетворительнымъ. «Выйти изъ такого положенія можно, помимо увеличенія числа уроковъ, уменьшеніемъ объема систематическаго курса и введеніемъ въ VIII классѣ *повторительнаго курса съ обобщающимъ характеромъ*» (12). А такъ какъ всего труднѣе для учениковъ средневѣковая исторія, будто бы «всегда представлявшая камень преткновенія», то авторъ, переходя отъ теоріи повторительнаго курса къ исполненію его, издалъ въ прошломъ 1885 году книгу подъ заглавіемъ: «*Обзоръ главныхъ явленій средневѣковой исторіи по вѣкамъ*».

Не беремъ на себя входить въ подробный разборъ этого учебно-историческаго опыта. Передадимъ вкратцѣ свое мнѣніе о немъ. Самую мысль расположить обзоръ и характеристику событій по вѣкамъ мы не находимъ вполнѣ удачною; хотя авторъ увѣряетъ, что «почти каждый вѣкъ имѣетъ свою особую физіономію, особенныя типическія явленія, рѣзко отличающія его отъ другихъ вѣковъ», и что «нѣкоторыя изъ самыхъ выдающихся историческихъ явленій могутъ быть легко прослѣжены по

вѣкамъ (стр. VIII—IX предисловія). Въ дѣйствительности, когда онъ переходитъ къ изложенію, оказывается, что рѣдкое изъ крупныхъ явленій укладывается въ извѣстный вѣкъ. Напримѣръ, великое переселеніе народовъ обнимаетъ IV и V вѣка (можно прибавить и VI), возрастаніе папства тоже длится нѣсколько вѣковъ, борьба императоровъ съ папами начинается въ XI, а кончается въ XIII вѣкѣ, Крестовые походы—тоже самое и т. д. Средняя исторія обнимаетъ одиннадцать вѣковъ, извольте во что бы то ни стало составить одиннадцать такихъ характеристикъ (а съ частію IV вѣка двѣнадцать), чтобы каждый вѣкъ рельефно отдѣлялся отъ другихъ. Потребуются разныя натяжки и мѣры, такъ сказать, искусственныя. Да г. Гуревичъ и не сочиняетъ таковыхъ характеристикъ, а просто въ концѣ каждой главы, посвященной отдѣльному вѣку, перечисляетъ главныя его событія и явленія. Если сложить ихъ количество (4+5+5+7+8+10+15+16+15+23+22+30), въ суммѣ выходитъ 160 событій и явленій — количество, въ которомъ очень не легко разобраться ученику гимназіи. Полагаю, для учениковъ вмѣсто этихъ 160 заглавій, подраздѣленныхъ на 12 отдѣловъ и сопровождаемыхъ большею частію хронологическими цифрами, легче просто усвоить себѣ важнѣйшія хронологическія данныя средневѣковой исторіи. Правда, нѣкоторыя явленія, приводимыя г. Гуревичемъ, не имѣютъ точныхъ датъ, но за то едва ли удобно излагать ихъ по столѣтіямъ. Напримѣръ, въ числѣ главныхъ явленій VI вѣка читаемъ: «5) Начало измѣненія всѣхъ особенностей національной жизни древнихъ Германцевъ подъ вліяніемъ римской цивилизаціи». И опять то же въ главѣ о VII вѣкѣ: «7) Цѣлый рядъ важныхъ перемѣнъ въ жизни Германцевъ, утвердившихся въ различныхъ провинціяхъ Западной Римской имперіи, подъ вліяніемъ римской образованности и новыхъ условій жизни». Въ текстѣ таковыхъ перемѣнъ приведено девять, а съ подраздѣленіями болѣе; онѣ относятся къ сферѣ языка, поземельныхъ и сословныхъ отношеній, судопроизводства, феодализма и пр. Подобныя явленія изъ внутренняго общественнаго строя могутъ составить особыя рубрики, пріуроченныя скорѣе къ извѣстной исторической эпохѣ нежели къ извѣстному столѣтію, въ которое онѣ тоже не всегда укладываются, какъ показываетъ и данный примѣръ. Да и вообще разсмотрѣніе событій и явленій Всеобщей Исторіи по эпохамъ или періодамъ мы считаемъ несравненно удобнѣе чѣмъ по столѣтіямъ.

Отдавая справедливость труду, потраченному г. Гуревичемъ на составленіе повторительнаго курса, мы думаемъ что, кромѣ не совсѣмъ удачнаго плана, онъ и несоразмѣрно великъ. Своимъ объемомъ онъ почти превосходитъ обыкновенный учебный курсъ Средней Исторіи, перепол-

ненъ массой фактовъ и сентенцій, и, при сухомъ, даже тяжеломъ изложеніи, скорѣе можетъ служить вообще небезполезнымъ пособіемъ чѣмъ средствомъ повторенія.

Подъ курсомъ повторительнымъ, практически удобопримѣнимымъ къ школьному преподаванію, мы разумѣемъ въ сжатомъ видѣ представленную сущность того, что̀ было пройдено, пожалуй съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ объяснительныхъ замѣчаній прагматическаго характера, а никакъ не особый, иначе составленный курсъ, который пришлось бы ученику проходить вновь. Даже едва ли есть надобность въ такомъ курсѣ для школы, гдѣ преподаваніе немыслимо безъ преподавателя, которому надо же предоставить роль активную, а не пассивную. Его дѣло сопровождать руководство нужными объясненіями, а при повтореніи дополнять его вышеуказанными замѣчаніями; причемъ весьма полезно входить въ нѣкотораго рода бесѣды, прибѣгая къ системѣ вопросовъ и наведеній, то-есть заставляя работать собственную память и соображеніе учениковъ.

Книга г. Гуревича, при нѣкоторомъ знакомствѣ его съ литературой предмета, не чужда однако разныхъ фактическихъ и прагматическихъ промаховъ, особенно въ отдѣлѣ Византійско-Славянскомъ. Напримѣръ: «Съ 455 года и до 476 года *восемь* человѣкъ носили императорскій титулъ, но *всѣ они* были возводимы на престолъ и низводимы Свевомъ Рицимеромъ» (7). Рицимеръ властвовалъ съ 456 до 472 года; при немъ было до пяти императоровъ; изъ нихъ четверо были возведены имъ или съ его помощію, а трое имъ низложены. Не совсѣмъ вѣрно объясненіе, почему «Славянамъ не удалось подчинить себѣ Восточную Римскую имперію, подобно тому какъ Германцы подчинили себѣ Западную Римскую имперію». А именно: «Славяне вторгались въ Византійскую имперію не цѣлыми племенами какъ Германцы, а сравнительно небольшими массами, которыя, поселясь среди Грековъ, скоро съ ними сливались, подчиняясь превосходству ихъ культуры, усвоивая себѣ языкъ и нравы Грековъ» (14). Во-первыхъ, не одни Славяне, Германцы также не могли одолѣть Восточную Римскую имперію; извѣстно, что и Вестъ-Готы и Остъ-Готы въ полномъ своемъ составѣ пытались утвердиться на Балканскомъ полуостровѣ; но были отбиты Византійцами, и ушли одни въ Италію, другіе въ Испанію. Славяне поселились здѣсь цѣлыми большими племенами (Болгары и Сербы), которыя вполнѣ сохранили свою народность, и даже ославянили самыя южныя области полуострова, какъ жалуется на то въ X вѣкѣ Константинъ Багрянородный. Восточная Римская имперія пережила на десять вѣковъ Западную не потому, что Славяне были слабѣе Германцевъ, а потому главнымъ образомъ, что сюда перенесено было (Діокле-

тіаномъ и Константиномъ Великимъ) государственное средоточіе или главнѣйшая жизненная сила имперіи, источникъ ея централизаціи. Этой силѣ помогало также превосходное въ оборонительномъ отношеніи положеніе столицы: всѣ варвары осаждали ее поочереди (Германцы, Славяне, Авары, Персы, Арабы), но никто изъ нихъ не могъ взять ее до временъ Крестоносцевъ и Османовъ. Межъ тѣмъ западныя области имперіи, лишенныя крѣпкаго средоточія и прочнаго центральнаго правительства, слабо связанныя между собой, безъ особаго труда, по частямъ, отрывались варварами или сами отпадали отъ общаго цѣлаго. Впрочемъ, подобныя истины не уразумѣлись доселѣ и писателями болѣе авторитетными чѣмъ авторъ разбираемой нами книги. Далѣе: Юстинъ «по сверженіи императора Анастасія былъ избранъ гвардіей въ императоры» (14). Императоръ Анастасій не былъ сверженъ и умеръ на престолѣ. «Будучи самъ человѣкомъ невыдающихся талантовъ, Юстиніанъ отличался умѣніемъ выбирать себѣ даровитыхъ и дѣятельныхъ помощниковъ» (15). Можно ли говорить о Юстиніанѣ какъ о посредственности? Напротивъ, его административный и организаторскій таланты не подлежатъ сомнѣнію. А умѣнье выбирать хорошихъ помощниковъ развѣ это не великій талантъ? «Слабую сторону правленія Юстиніана представляетъ слишкомъ сильное стремленіе къ централизаціи и игнорированіе мѣстныхъ національныхъ особенностей различныхъ входившихъ въ составъ имперіи провинцій» (ibid). Наоборотъ, стремленіе къ централизаціи составляетъ не слабую сторону правленія Юстиніана, а его важнѣйшую заслугу въ отношеніи къ Византійской имперіи. Выше мы сказали, что долговѣчность ея обусловливалась прежде всего силою централизаціи, и въ развитіи этой силы едва ли не первая роль принадлежитъ именно Юстиніану. Еслибъ онъ, въ противность интересамъ государственнымъ, заботился о развитіи мѣстныхъ и національныхъ особенностей, то едва ли Византійская имперія пережила бы его нѣсколькими столѣтіями. По поводу Алексѣя Комнена замѣчено, что его «отецъ началъ собою въ Византіи новую династію Комненовъ въ 1057 году» (76). Исакъ Комненъ былъ не отецъ, а дядя Алексѣя Комнена. Не совсѣмъ справедливо отнесено къ XI вѣку «наибольшее развитіе рыцарства, рыцарскаго служенія женщинѣ, рыцарской поэзіи трубадуровъ» (67). Все это достигло наибольшаго развитія много позднѣе. Или: «Григорій же VII нашелъ себѣ убѣжище въ южной Италіи, гдѣ утвердились въ первой половинѣ XI вѣка норманскіе искатели приключеній подъ предводительствомъ знаменитаго вождя своего, Роберта Гюискара» (72). Робертъ Гюискаръ явился предводителемъ Норманновъ въ южной Италіи послѣ цѣлаго ряда предшественниковъ, и дѣятельность

его тамъ относится собственно не къ первой, а ко второй половинѣ XI вѣка. «Изобрѣтеніе славянской азбуки Св. Кирилломъ въ 855 году» (52). О несостоятельности этой легендарной даты много было говорено въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ. Не выписываемъ другихъ неточностей, встрѣчающихся въ книгѣ, которыхъ впрочемъ не легко избѣжать въ подобныхъ трудахъ. Важнѣе то обстоятельство, что въ книгѣ г. Гуревича вообще элементъ славянскій слабъ; о миссіонерской дѣятельности Свв. Кирилла и Меѳодія, напримѣръ, упоминается въ трехъ строкахъ.

Г. Гуревичъ хотя и не вдается въ указанныя выше крайности метода культурноисторическаго въ тѣсномъ смыслѣ, однако едва ли та форма и та степень прагматизма, которыя онъ развиваетъ въ своей книгѣ, соотвѣтствуютъ условіямъ и требованіямъ нашей средней школы. Въ связи съ этимъ прагматизмомъ, и выборъ матеріала у него сдѣланъ слишкомъ односторонне въ извѣстномъ направленіи. Папство и феодализмъ, вотъ два преобладающія явленія, постоянно выдвигаемыя на передній планъ. Въ нихъ многіе полагаютъ центръ тяжести Средневѣковой исторіи. Но вѣрно ли это?

Всеобщая исторія есть по преимуществу исторія народовъ и государствъ, причемъ внѣ государственной формы никакихъ историческихъ народовъ мы не знаемъ. Чтобы сознательно относиться къ современности, намъ необходимо изучать судьбы собственнаго народа и въ то же время ознакомиться съ исторіей главныхъ европейскихъ націй, сильныхъ и своею культурой, и своимъ политическимъ могуществомъ. А происхожденіе и возрастаніе этихъ націй относится именно къ Среднимъ Вѣкамъ. Кромѣ того, мы должны дать надлежащее мѣсто въ школьномъ курсѣ судьбамъ Славянскаго міра и Византіи, съ коей долгое время находились въ тѣсной духовной связи и великое вліяніе которой на всю европейскую культуру еще недостаточно оцѣнено западно-европейскою исторіографіей. Наконецъ, мы должны имѣть свѣдѣнія вообще о нашихъ историческихъ сосѣдяхъ. Слѣдовательно, условія и требованія отъ историческаго курса въ русскихъ школахъ далеко не тѣ же самыя какъ въ школахъ нѣмецкихъ, французскихъ и т. д. И вообще давать рѣшительное преобладаніе исторіи европейскихъ учрежденій надъ исторіей главныхъ европейскихъ государствъ и національностей я считаю направленіемъ не совсѣмъ вѣрнымъ. Задача преподаванія состоитъ въ томъ, чтобы по возможности всему важному дать надлежащее мѣсто и надлежащій размѣръ. Несомнѣнно пересаливаютъ тѣ, кто хотятъ, чтобъ ученики русской гимназіи усваивали себѣ чуть ли не всѣ подробности чуждыхъ нашей жизни западноевропейскихъ феодальныхъ отношеній и подраздѣленій, съ ихъ недостаточно яснымъ

происхожденіемъ и довольно запутанною терминологіей. Чтобы понять преувеличенность подобныхъ требованій, надобно между прочимъ имѣть въ виду чрезвычайную сложность и спорность самаго вопроса о происхожденіи западно-европейскаго феодализма. Такъ, въ Германіи борятся по этому вопросу двѣ системы: *Рота*, относившаго появленіе феодализма ко временамъ Каролинговъ, и *Вайтца*, возводившаго начало феодализма къ гораздо болѣе раннему времени. Рядомъ съ этими политическими системами, выступаетъ третья теорія, *Маурера*, теорія, такъ сказать, экономическая; къ ней примыкаютъ въ Англіи Менъ, у насъ отчасти проф. Васильевскій. Въ то же время, во Франціи и Италіи идутъ свои, романскія, теоріи феодализма, напримѣръ, Гизо и Поджи, и т. д. Любопытно, что Бидерманъ, при всемъ его увлеченіи культурнымъ отдѣломъ и сословными отношеніями, не даетъ много мѣста въ своемъ курсѣ разсужденіямъ о феодализмѣ и даже совсѣмъ отрицаетъ введеніе спорныхъ его подробностей въ школьное преподаваніе (см. 26 стр. его брошюры).

Въ заключеніе, позволю себѣ выразить желаніе, чтобы въ нашемъ педагогическомъ дѣлѣ возобладали простыя, здравыя и удобоисполнимыя теоріи, и чтобы практика не слишкомъ съ ними расходилась. А то въ дѣйствительности не рѣдко бываетъ такъ, что рядомъ съ высокими, обширными и подчасъ противорѣчивыми требованіями уживается въ нашемъ обществѣ недостатокъ самыхъ необходимыхъ, элементарныхъ свѣдѣній.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ

и

ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

ПРОГУЛКА ПО БЕРЕГАМЪ ОКИ.*

Желая посѣтить историческія мѣстности Рязанской губерніи и въ тоже время ближе ознакомиться съ характеромъ какъ природы, такъ и обитателей этого во многихъ отношеніяхъ интереснаго края, я воспользовался свободою лѣтнихъ вакацій, и немедленно составилъ себѣ планъ предположеннаго путешествія.

Всѣмъ извѣстно, что нѣкогда этотъ уголокъ Россіи жилъ своею особенною жизнію, оставаясь въ сторонѣ отъ главныхъ средоточій древней Русской исторіи и пребывая на рубежѣ огромныхъ степей. Много любопытнаго для насъ заключалось въ этой жизни. Съ одной стороны наше вниманіе привлекаютъ многочисленная вѣтвь воинственныхъ князей, постоянное напряженіе въ борьбѣ съ сильными сосѣдями и безпрерывныя битвы съ хищными кочевниками; съ другой замѣчательны дѣвственная, богатая природа страны, оригинальный характеръ населенія и особенности его внутренняго быта. Рязань позднѣе другихъ древнихъ городовъ выступила на сцену исторіи; за то послѣднимъ изъ великихъ удѣловъ вошла она въ составъ Московскаго государства.

Къ сожалѣнію, эта область представляетъ еще почти terram incognitam въ Русской исторической литературѣ, особенно со стороны ея внутренней жизни. Письменныя источники чрезвычайно скудны; въ лѣтописяхъ Рязанцы являются эпизодически и притомъ довольно рѣдко; замѣчательныхъ остатковъ страны также немного. Между послѣдними главное мѣсто безспорно занимаютъ слѣды древнихъ укрѣпленій или такъ называемые городки, городища и курганы; ихъ можно встрѣтить на всемъ простран-

* Московскія Вѣдомости. 1857 г. №№ 149—152. Это пѣшеходное путешествіе происходило лѣтомъ 1856 года, ради задуманной и потомъ исполненной диссертаціи „Исторія Рязанскаго Княжества". Я былъ тогда преподавателемъ исторіи въ Рязанской гимназіи, въ которой прежде и самъ учился.

ствѣ Рязанской губерніи, какъ и въ остальной Россіи; конечно, не всѣ они восходятъ къ эпохѣ самостоятельнаго княжества. Наибольшее склоненіе городищъ замѣчается въ той полосѣ, которая лежитъ между Окою и двумя ея притоками съ правой стороны, Пронею и Осетромъ, преимущественно по ихъ берегамъ. Это пространство было первоначальнымъ ядромъ, откуда въ послѣдствіи Рязанскія владѣнія далеко распространились во всѣ стороны. Поэтому я предположилъ прежде всего изслѣдовать берега Оки и Прони между городами Рязанью, Спасскомъ и Пронскомъ. Прекраснымъ руководствомъ при моихъ поискахъ служили мнѣ изслѣдованія Калайдовича * и статья покойнаго Надеждина: «Городъ Зарайскъ въ старину и нынѣ **».

Въ одно ясное іюльское утро я надѣлъ на себя ягдташъ, наполненный георафическими картами, брошюрами, чаемъ, сахаромъ и прочими принадлежностями путешествія; перекинулъ черезъ плечо ружье и плащъ, скатанный на манеръ военныхъ, и съ зонтикомъ въ рукахъ вышелъ на большую Спасскую дорогу. Воинственный костюмъ мой, конечно, вводилъ всѣхъ въ заблужденіе, и никто не подозрѣвалъ встрѣтить во мнѣ самаго мирнаго путешественника. А между тѣмъ я вспоминалъ о западныхъ туристахъ и старался доказать себѣ, что путешествіе пѣшкомъ по внутренней Россіи можетъ быть также пріятно, какъ по Германіи; что берега Оки для насъ должны быть также интересны, какъ для Нѣмцевъ берега Рейна.

Утро было въ самомъ дѣлѣ прекрасное; чистый прохладный воздухъ и улыбающіяся окрестности вызывали спокойно-веселое настроеніе духа. Направо отъ меня разстилались поля съ разноцвѣтными полосами хлѣба; по лѣвую сторону шли огороды, луга, а за ними виднѣлись берега Оки, нѣсколько отлогіе вначалѣ и потомъ постепенно поднимавшіеся. Пройдя версты три, я нагналъ двухъ бабъ, у которыхъ за плечами висѣли пустыя корзины, и немедлено вступилъ съ ними въ разговоръ, начавши съ вопросовъ, изъ какой онѣ деревни и есть ли тамъ дикія утки. Путницы, еще довольно молодыя, сначала посматривали на меня подозрительно, пересмѣивались между собою, и не хотѣли отвѣчать на томъ основаніи, что если я иду охотиться, то долженъ знать, гдѣ водятся дикія утки; по мало по малу разговоръ сдѣлался откровеннѣе. Оказалось, что онѣ носили въ городъ свѣжую рыбу. За тѣмъ я вошелъ въ подробности ихъ быта; распросилъ, давно ли онѣ замужемъ, много ли дѣтей и добрые ли у нихъ мужья.

---

* Письма къ А. Ѳ. Малиновскому объ археологич. изслѣд. въ Рязан. губ. 1823 г.
** Журн. М. В. Д. 1848. мартъ.

Распространяясь на счетъ послѣдняго пункта, я имѣлъ случай убѣдиться что понятіе о безусловной покорности и подчиненіи жены мужу господствуетъ на Руси еще въ полной силѣ. При этомъ невольно пришелъ мнѣ на память анекдотъ почтеннаго барона Герберштейна объ одномъ Нѣмцѣ въ Москвѣ, у котораго была Русская жена: бѣдняжка вообразила, что мужъ совсѣмъ не любитъ ее, потому что никогда не бьетъ. Крестьянки мои пренаивнымъ образомъ подсмѣивались надъ мужьями цивилизованнаго класса. Между прочимъ одна изъ нихъ, которая была по бойчѣе, разсказала слѣдующій случай.

— Носила я тоже рыбу въ городъ, купилъ у меня какой-то баринъ. Прихожу я съ нимъ: жена сидитъ такъ-то, чай пьетъ; а онъ подошелъ къ ней, да прямо чмокъ ее въ руку; я, говоритъ вамъ, душенька, рыбы купилъ. Вотъ тебѣ чортъ! думаю я, вишь ты какія нѣжности!

Въ подобныхъ разговорахъ я не замѣтилъ, какъ миновалъ еще нѣсколько верстъ. Дошедши до поворота въ свою деревню, крестьянки, утомленныя, потому что всю ночь проловили рыбу, сѣли отдохнуть, вынули по краюхѣ хлѣба и начали завтракать. Черезъ полчаса я уже проходилъ мимо деревушки Рубцово. Вотъ и глубокая лощина, по которой пробирается въ Оку маленькій ручеекъ (рѣчка Гусевка); за нимъ на вершину спуска ползетъ частый кустарникъ; а тутъ и Ольговъ монастырь, совсѣмъ потонувшій въ темной зелени лѣса; только двѣ, три главы съ крестами выглядываютъ изъ-за деревьевъ. Солнце уже высоко поднялось надъ горизонтомъ, и жаръ становился чувствителенъ, когда я свернулъ съ большой дороги и вошелъ въ лѣсную просѣку. Нужно замѣтить, что монастырь только въ 12 верстахъ отъ Рязани и часто посѣщаемъ горожанами, особенно лѣтомъ; тогда благочестивыя цѣли соединяются съ пріятною прогулкой, и вы нерѣдко встрѣтите довольно многочисленныя, живописныя группы пилигримовъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ. Поэтому возлѣ монастырской ограды устроена гостинница, всегда открытая для странниковъ.

Ольговъ монастырь замѣчателенъ по своимъ историческимъ воспоминаніямъ и по красотѣ мѣстоположенія. Одинъ изъ любителей старины довольно удачно схватилъ главныя черты этой мѣстности *. Повторю его слова: «Удиненная обитель сія, закрытая съ большой дороги лѣсомъ, виситъ надъ Окою и составляетъ разительную противуположность съ торговою дѣятельностію, которая видна особенно весною на рѣкѣ». И далѣе: «Здѣсь самый крутой берегъ Оки; отъ времени земля, особенно въ полую

* Ольговъ монастырь. Ж. М. В. Д. 1835 г. іюль, въ Смѣси.

воду, обвалилась, и строительскія деревянныя кельи могли обрушиться; но теперь посаженныя ветлы укрѣпили берегъ; немного далѣе отъ берега старинный храмъ Усненія Пресвятыя Богородицы. Новый же соборъ во имя Св. Троицы и каменный корпусъ братскихъ келій, изъ опасенія отъ обвала, отодвинутый на середину монастыря. Изъ-за рѣки видъ на обитель чрезвычайно хорошъ». Прибавлю къ этому, что берегъ, къ сожалѣнію, не перестаетъ осыпаться, обрывы подошли къ самой оградѣ; не такъ давно обвалилась и нижняя половина крутой деревянной лѣстницы, по которой мы бывало въ дѣтствѣ сбѣгали внизъ, чтобы искупаться или покататься на лодкѣ.

По древности своей обитель занимаетъ, кажется, первое мѣсто между существующими теперь монастырями въ Рязанской губерніи. Это доказываетъ грамота, данная монастырю знаменитымъ княземъ Олегомъ Ивановичемъ, соперникомъ Димитрія Донскаго. Изъ него видно, что основаніе обители восходитъ къ началу XIII вѣка *, и что Рязанскіе князья надѣлили ее помѣстьями и разными угодьями. Теперь этотъ монастырь имѣетъ во владѣніи не болѣе 20 десятинъ земли и вообще довольно скудныя средства; но поддерживается въ приличномъ состояніи.

Памятники старины, сохранившіеся здѣсь, не древнѣе XVII столѣтія. Кромѣ ветхаго каменнаго храма Успенія Богородицы, построеннаго во второй половинѣ XVII в. княземъ Щетининымъ, замѣчательны, во-первыхъ, два колокола. Одинъ изъ нихъ, какъ показываетъ Славянская надпись, пожертвованъ въ 1644 г. княземъ М. И. Щетининымъ, въ память по отцѣ своемъ и по родственникамъ, вѣсомъ въ 19 пудъ. Другой, поменьше, имѣетъ не совсѣмъ понятную надпись на Голландскомъ языкѣ: «Int laerontes Heeren cbbcxl III (1643 г.) heefemy iacob noteman in Leewaerden Gegotent». Изображенія херувима и двуглаваго орла заставляютъ думать, что этотъ колоколъ вылитъ въ Россіи; въ монастырѣ же онъ слыветъ подъ именемъ Шведскаго.

Далѣе заслуживаютъ вниманіе археолога шесть надгробныхъ камней съ надписями также XVII в. Изъ нихъ три камня принадлежатъ фамиліи князей Щетининыхъ, а остальные фамиліи стольниковъ Кобяковыхъ. «Годъ отъ году камни сіи болѣе и болѣе опускаются въ землю,—сказано въ упомянутомъ описаніи Ольгова монастыря,—а надписи также изглаживаются и камень крошится; съ большимъ трудомъ можно было нынѣ прочесть, а чрезъ нѣсколько времени и этого уже сдѣлать нельзя будетъ». Слова любителя старины вполнѣ оправдываются: прошло съ небольшимъ

* Акты Историч. Т. I, №2.

20 лѣтъ, а большая часть камней уже скрылась подъ землею; теперь показываютъ только два, но и на тѣхъ почти нѣтъ возможности разобрать надписи безъ помощи его снимковъ.

Было уже три часа, когда я вышелъ изъ монастыря. Дошедши до перевоза противъ селенія Казарь, я оставилъ большую дорогу и продолжалъ путь по правому берегу Оки. Жаръ начиналъ замѣтно упадать; съ рѣки вѣялъ прохладный вѣтерокъ; взоръ постоянно отдыхалъ на живописной панорамѣ береговъ. Нужно замѣтить, что своимъ непостоянствомъ Ока чуть ли не превосходитъ всѣ значительныя Русскія рѣки: она недовольствуется тѣмъ, что часто мѣняетъ свое главное направленіе и течетъ можно сказать, во всѣ стороны; но и въ подробностяхъ своихъ эта рѣка чрезвычайно прихотлива; то дѣлаетъ она крутой поворотъ, то изгибается какъ змѣя; кромѣ того отъ нея безпрестанно отдѣляются рукава, заливы и озера. Представьте себѣ широкую долину, по которой извиваются синія полосы воды; берега этой долины то идутъ параллельно другъ другу, то расходятся на большое разстояніе, оставляя мѣсто привольнымъ лугамъ, то опять начинаютъ сближаться. Правый берегъ постоянно господствуетъ надъ лѣвымъ (отъ Коломны до Касимова); онъ выше и круче своего противника; имѣетъ волнообразную, холмистую поверхность, и потому представлялъ нашимъ предкамъ много мѣстъ, удобныхъ для укрѣпленія. Въ старину оба берега покрыты были дремучими, непроходимыми лѣсами, слѣды которыхъ замѣтны еще до сихъ поръ. Деревни, идущія непрерывнымъ рядомъ по обѣимъ сторонамъ долины, рисовались между зеленью маленькихъ рощъ и кустарниковъ. Рѣка въ настоящее время представляетъ мало жизни, и едва замѣтно ея движеніе; только у противоположнаго берега двѣ три барки съ обычною медленностію плыли вверхъ по рѣкѣ; несчастныя лошади, которыя ихъ тащили, вытянувъ шею и напрягая всѣ мускулы, карабкались по отлогости. Подобное судоходство, конечно, не можетъ сообщить живость торговлѣ и плохо способствуетъ дешевизнѣ товаровъ, потому что обходится довольно дорого. Какова должна быть скорость доставки при соединеніи такого медленнаго движенія съ безпрестанными извилинами рѣки и неизбѣжными препятствіями со стороны берега. Прибавьте еще къ тому довольно частыя отмели. Все это заставляетъ жалѣть объ отсутствіи на Окѣ благодѣтельной силы пара, который съ большимъ успѣхомъ могъ бы замѣнить несчастныхъ животныхъ. Пароходы до сихъ поръ были только рѣдкими явленіями въ нашихъ краяхъ *.

* Я не говорю о тѣхъ пароходахъ, которые иногда бѣгаютъ отъ Нижняго до Касимова. Впрочемъ, какъ я слышалъ, благодаря предпріимчивости нѣкоторыхъ

Между тѣмъ странствованіе мое по деревнямъ не обходилось безъ маленькихъ эпизодовъ. Мальчики, замѣтивъ меня издали, постоянно принимали за ратника, возвращающагося на родину, и цѣлою толпою бросались на встрѣчу; но, подошедши ближе, тотчасъ разочаровывались, и съ разинутыми ртами, молча, разсматривали странную для нихъ наружность; а въ слѣдъ за мною обыкновенно поднимали гомерическій смѣхъ, вѣроятно на счетъ моего коротенькаго пальто. Молодыя дѣвки со всѣми признаками сельской наивности просили меня поиграть на трубѣ, потому что кожаная дробница, съ мѣднымъ цилиндромъ на концѣ, казалась имъ какимъ-то музыкальнымъ инструментомъ. Мужики и старухи, собравшіеся группами гдѣ-нибудь на травѣ или на бревнахъ, также выражали недоумѣніе на мой счетъ, и съ разстановкой произносили слова: «кто это? солдатъ не солдатъ, ратникъ не ратникъ!» Женщины высказывались живѣе, и многія изъ нихъ прямо встрѣчали меня вопросомъ: «откуда ты, почтенный?»

— Изъ Рязани.

— Ну, что, родимый, не слыхалъ, скоро ли ратники наши придутъ?

Я по возможности старался успокоить ихъ нетерпѣливое ожиданіе и обѣщалъ скорое прибытіе ополчившихся родственниковъ, о чемъ уже было извѣстно оффиціально.

Болѣе прочихъ обратило на себя мое вниманіе помѣщичье село Вышгородъ, раскинувшееся по холмамъ на значительное пространство. Это одна изъ тѣхъ историческихъ мѣстностей, которыя утратили остатки старины, но положеніемъ своимъ или названіемъ продолжаютъ еще указывать на мѣста древнихъ городовъ. Крестьяне показались мнѣ очень зажиточными въ сравненіи съ другими селеніями; кромѣ земледѣлія здѣсь замѣтна была и торговая дѣятельность. Въ то же время меня пріятно поразилъ новый типъ, заключавшій въ себѣ много хорошихъ особенностей. Большая часть молодыхъ женщинъ, попадавшихся мнѣ, были стройны, и отличались тонкими, почти аристократическими чертами лица; ихъ волосы и глаза преимущественно были темнаго цвѣта. Костюмъ, хотя не представлялъ ничего необыкновеннаго, показывалъ однако присутствіе нѣкотораго вкуса, именно: на головѣ платокъ въ видѣ повязки, потомъ шушпанъ бѣлый какъ снѣгъ; красный цвѣтъ не бросался въ глаза и употреблялся очень умѣренно; но юбка, по какому-то кокетливому обычаю, была слишкомъ коротка, и значительно открывала босыя ноги. Между моло-

---

частныхъ людей, скоро будетъ положено начало постоянному пароходству между Нижнимъ и Коломною, главнымъ образомъ для того, чтобы буксировать барки.

дыми парнями также нерѣдко встрѣчались красивыя лица съ полными румяными щеками и прямымъ носомъ; но вообще сравнительно съ женскимъ поломъ мущины менѣе разнились отъ простонародія нашей средней полосы *. Происхожденіе встрѣченнаго мною типа я отнесъ, кромѣ мѣстныхъ причинъ, къ удачной смѣси Славянской крови съ однимъ изъ Финно-Монгольскихъ народцевъ. Въ этомъ предположеніи еще болѣе утвердила меня слѣдующая деревушка Гавердово, гдѣ встрѣченныя мною женщины носили тотъ же обликъ; но при темныхъ волосахъ имѣли глаза замѣтно съуженные и большею частію совершенно черные. Имя этого селенія сдѣлалось для меня памятнымъ еще потому, что было для меня какимъ-то неуловимымъ словомъ; я безпрестанно спрашивалъ его по дорогѣ и постоянно забывалъ. Въ языкѣ жителей, однако, незамѣтно было никакихъ отличій отъ общерязанскаго нарѣчія.

Изъ Гавердова дорога спускалась внизъ и шла по лугамъ возлѣ рѣки. Жажда заставила меня подойти къ какой-то баркѣ, которую въ то время около сотни бабъ и дѣвокъ проворно нагружали бѣлымъ камнемъ. Необыкновенно смѣлыя при такой многочисленности, онѣ тотчасъ осыпали меня цѣлымъ потокомъ вопросовъ и острыхъ замѣчаній. Я принужденъ былъ отшучиваться, и въ тоже время внимательно разсматривалъ ихъ веселыя физіономіи: все тотъ же красивый типъ; однако число румяныхъ блондинокъ въ этотъ разъ преобладало надъ смуглыми брюнетками.

Дошедши до Пальнаго, я поспѣшилъ спастись отъ кровожадныхъ комаровъ и поднялся на гору; но тутъ уже опять пошли писать мордовскіе образцы. Какой-то старецъ, сгорбленный и сѣдой какъ лунь, устремилъ на меня свои мутные глаза съ красными бѣлками и раза два или три произнесъ слово «неузнаю!» Наружность его обѣщала самаго древняго старожила; поэтому въ надеждѣ услыхать интересные разсказы о прошедшемъ времени или что-нибудь въ родѣ преданій, я подошелъ къ нему, и, назвавъ дѣдушкою, завелъ съ нимъ разговоръ. Но старикъ только произносилъ протяжное «а?» и на мои повторенія отвѣчалъ: «не слышу».

Когда же я надъ самымъ ухомъ закричалъ: «сколько тебѣ лѣтъ?»— «До сотни будетъ», проговорилъ онъ. Болѣе я не могъ ничего добиться и хотѣлъ продолжать путь, какъ вдругъ явилось препятствіе. Цѣлая толпа бабъ загородила мнѣ дорогу съ словами:

— Постой, родимый! куда же ты уходишь? Дай на тея поглядѣть-то, да поспросить.

---

* На особенности Вышегородцевъ обратилъ вниманіе и г. Калайдовичъ. Письма къ А. Ѳ. Малинов., стр. 51.

Это мнѣ напомнило древнихъ Кельтовъ, которые имѣли обыкновеніе останавливать путешественниковъ и распрашивать ихъ, что новаго въ чужихъ земляхъ. Но интересъ обитательницъ Пальнаго имѣлъ опредѣленную цѣль: опять начались разспросы о возвращеніи дорогихъ ратниковъ. Между ними какая-то высокая пожилая женщина особенно горевала о двухъ сыновьяхъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ ополченіи, а другой въ солдатахъ. Послѣдній, какъ она разсказывала, прислалъ ей недавно письмо.

«Ты, матушка, должно очень плачешь обо мнѣ,—писалъ онъ.—Не дѣлай этого; меня пуще тоска беретъ, лучше Богу молись».—Вотъ живое оправданіе прекраснаго повѣрья о томъ, что въ разлукѣ сердце сердцу вѣсть подаетъ.

Бѣдный старожилъ, понуривъ голову, казалось, внимательно слушалъ нашу болтовню, и по временамъ, показывая на меня, опять повторялъ слово: «неузнаю». Бабы хотѣли вывести его изъ заблужденія и начали кричать ему, что онъ меня никогда не видалъ; но усилія ихъ остались тщетными. На вопросъ мой, работаетъ ли старикъ что-нибудь или ужъ пересталъ?—«Ии,—отвѣчали онѣ—гдѣ ему старому хрѣну работать! — вотъ сидитъ тутъ, да анбаръ стережетъ».

Солнце садилось; до Половскаго, гдѣ я заранѣе предположилъ ночевать, оставалось еще верстъ пять; поэтому, отказавшись отъ гостепріимства жителей Пальнаго, я продолжалъ путь ускореннымъ шагомъ.

Было уже совершенно темно, когда я пришелъ въ Половское и отыскалъ себѣ ночлегъ. Пока хозяинъ,—бойкій малый лѣтъ тридцати-пяти въ красной рубахѣ и черномъ жилетѣ,—хлопоталъ около самовара, я вышелъ на крыльцо, подсѣлъ къ его отцу, старику лѣтъ шестидесяти, и завелъ съ нимъ дружескій разговоръ объ ихъ деревнѣ, объ его походахъ, потому что онъ когда-то служилъ въ гусарахъ, и о старинѣ вообще. Потомъ, какъ будто нечаянно зашла рѣчь объ остаткахъ древности. На вопросы мои о томъ, нѣтъ ли по близости какихъ-нибудь насыпей, кургановъ, или, какъ они называютъ, городковъ, старикъ сначала объявилъ, что ничего такого нѣтъ; но тотчасъ вспомнилъ, что прежде дѣйствительно было два городка, одинъ въ лѣсу надъ Окою повыше деревни, а другой пониже, и что лѣтъ тридцать тому или сорокъ они были еще видны, а теперь отъ нихъ и слѣдовъ не осталось.

Значеніе этихъ городковъ онъ объяснилъ такимъ образомъ: давно, когда еще насъ не было, на нихъ жили богатыри, которые разбойничали и съ одного кургана на другой перебрасывали другъ другу топоры; эти богатыри жили по 400, по 500 лѣтъ и болѣе; иной изъ нихъ въ 300 лѣтъ ходилъ еще не женатымъ и считался молодымъ человѣкомъ. То были перво-

бытные люди, а потомъ уже Богъ создалъ нынѣшнее поколѣніе. Разъ мужикъ пахалъ землю; богатырь взялъ его, посадилъ на ладонь совсѣмъ съ лошадью и хотѣлъ прихлопнуть другою рукою; но мать остановила его, сказавъ: «не трогай ихъ, сынъ мой; это теперь такіе люди будутъ». Нужно замѣтить, что преданіе о богатыряхъ, жившихъ на курганахъ и бросавшихъ топоры, очень распространено по Рязанской губерніи; не знаю, встрѣчается ли оно и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

На крыльцѣ присутствовало еще двое постороннихъ крестьянъ, которые занимались ужиномъ и по временамъ вставляли свои замѣчанія въ нашу бесѣду. Между прочимъ одинъ изъ нихъ разсказалъ, что въ Киструсѣ (село Спасскаго уѣзда) рыбаки вытащили изъ воды богатырскую кость, именно верхнюю часть ноги аршина въ полтора; что она лѣтъ пять стояла у воротъ какого-то крестьянина; а потомъ онъ погорѣлъ, и кость неизвѣстно куды пропала. Товарищъ его, однако, тутъ же замѣтилъ, что онъ про эту кость не слыхивалъ *.

Вслѣдъ за тѣмъ Половскій старожилъ вспомнилъ, что когда онъ былъ еще мальчикомъ, кто-то изъ ихъ деревни отрылъ въ землѣ огромный топоръ, весь желѣзный, т.-е. и ручка была изъ желѣза. Я спросилъ, куда же дѣвался этотъ топоръ?

— Не знаю, сказалъ онъ, — должно быть передѣлали на сохи, да на вилы.

— А кто такой топоръ можетъ передѣлать?—съ оттѣнкомъ ироніи замѣтилъ одинъ изъ Кистровцевъ.

— Кузнецъ! отвѣчали въ одинъ голосъ его товарищъ и старикъ. Тотъ, вѣроятно не ожидавшій подобнаго отвѣта, не нашелся, что возразить.

Вскорѣ собесѣдники мои разошлись спать. Сидя за самоваромъ, я долго еще толковалъ съ молодымъ хозяиномъ, и въ то же время старался набросать конспектъ того, что видѣлъ и слышалъ въ продолженіе дня. Кругомъ господствовала мертвая тишина, когда я отправился на сѣно, и утомленный прогулкою, погрузился въ глубокій сонъ.

Отъ Половскаго Ока дѣлаетъ поворотъ прямо на югъ, и потомъ, изогнувшись дугою, течетъ опять на сѣверъ мимо Спаска; поэтому на другой день я оставилъ слѣдованіе по правому берегу, предполагая коснуться

* Не могу не замѣтить при этомъ случаѣ, что кости допотопныхъ или по крайней мѣрѣ неизвѣстныхъ для насъ животныхъ попадаются нерѣдко въ Рязанской губерніи; онѣ обыкновенно слывутъ подъ именемъ мамонтовыхъ. Въ губернскомъ городѣ можно найти собраніе подобныхъ костей; въ рукахъ ученаго зоолога онѣ, безъ сомнѣнія, могли бы пролить свѣтъ на древнѣйшую исторію нашего края. Что касается до костей великановъ, то хотя случается иногда о нихъ слышать, но самъ я, признаюсь, еще до сихъ поръ ихъ не видалъ

его на возвратномъ пути, и, нанявъ одноколку, нѣчто въ родѣ кабріолета, рѣшился переѣхать въ прямомъ направленіи двѣнадцативерстное разстояніе до города. Во время переправы черезъ Оку перспектива береговъ была очень живописна. Характеръ природы на лѣвой, или такъ называемый Мещорской, сторонѣ рѣки представлялъ уже значительную разницу: почва была низменная, песчаная и мѣстами болотистая, растительность скудная. Изобиліемъ песковъ объясняется здѣсь исключительное употребленіе двухколесныхъ телѣгъ для облегченія лошадей.

Остановившись въ первой попавшейся гостинницѣ, я отправился осматривать городъ. Наружность Спаска вообще бѣдна и непривлекательна; впрочемъ есть городской садъ, въ которомъ иногда можно помечтать. Изъ построекъ обращаютъ на себя вниманіе только соборъ довольно красивой архитектуры съ чрезвычайно высокою колокольнею, и еще обгорѣлыя стѣны какого-то каменнаго зданія, которыя угрюмо возвышаются надъ городомъ и напоминаютъ развалины стариннаго зàмка.

Часовъ въ шесть я отыскалъ квартиру исправника. Меня встрѣтилъ средняго роста, полный, но еще бодрый старикъ съ сѣдыми усами. Вмѣсто длинныхъ объясненій, я показалъ ему открытый листъ, которымъ снабдилъ меня начальникъ губерніи. Разговоръ, сначала неклеившійся, мало-по-малу оживился. Исправникъ служилъ нѣкогда въ военной службѣ, и въ послѣднюю войну одна изъ битвъ въ Малой Азіи похитила у него единственнаго сына. Статистическія свѣдѣнія, сообщенныя имъ, касательно жителей Спаска и его уѣзда, были неутѣшительны. Обращенный окончательно въ городъ Императоромъ Александромъ I-мъ, Спаскъ до сихъ поръ еще вѣренъ прежнему патріархальному быту.

— Посмотрите, замѣтилъ мнѣ исправникъ, вѣдь это совершенная деревня!

Я взглянулъ въ окно: дѣйствительно деревня. Народъ все бѣдный, не смотря на выгодное положеніе на берегу Окскаго залива, который въ этомъ мѣстѣ могъ бы служить прекрасною стоянкою для барокъ; оптовая торговля почти не существуетъ, потому что нѣтъ капиталовъ. Былъ только одинъ богатый откупщикъ Мелешкинъ, но и тотъ обанкрутился и умеръ; ему принадлежалъ обгорѣлый каменный домъ, онъ же соорудилъ и соборъ. Большая часть мѣщанъ занимается хлѣбопашествомъ, и жены ихъ продолжаютъ одѣваться по-крестьянски; песчаная почва, конечно, плохо вознаграждаетъ труды земледѣльцевъ. За то рыба ловится въ изобиліи.

Для меня собственно главный интересъ города заключался въ сосѣдствѣ его съ Старо-Рязанскимъ городищемъ, которое находится верстахъ въ трехъ отъ Спаска и въ пятидесяти отъ Рязани. Я попросилъ исправ-

ника указать на одного изъ мѣстныхъ старожиловъ, который могъ бы служить мнѣ руководителемъ. Послѣ нѣкотораго размышленія, выборъ его палъ на засѣдателя; засѣдатель вскорѣ явился и выразилъ готовность сопровождать меня на городище. Обязательный хозяинъ предоставилъ въ наше распоряженіе лошадь и бѣговыя дрожки.

Переправившись черезъ Оку, мы стали подниматься на крутизну посреди села Старая-Рязань, которое въ безпорядкѣ разбросано по уступамъ высокаго берега. Оно ведетъ небольшую торговлю хлѣбомъ. По случаю наступавшей ярмарки сюда стекались крестьяне изъ ближнихъ деревень; замѣтная дѣятельность уже начиналась кругомъ домика, украшеннаго извѣстною надписью и какимъ-то зеленымъ навѣсомъ.

Старо-Рязанское городище лежитъ на краю обрывистаго спуска; оно имѣетъ форму прямоугольной площади, немного болѣе $^3/_4$ версты въ длину и немного менѣе въ ширину; съ трехъ сторонъ еще цѣлы остатки валовъ, а надъ рѣкою видна только небольшая насыпь въ одномъ углу; за валами до сихъ поръ замѣтны слѣды рвовъ. По бокамъ идутъ глубокіе овраги: они постоянно увеличиваются и теперь уже врѣзались въ самую площадь бывшаго города; часть боковыхъ валовъ осыпалась въ эти овраги.

Имя Рязани въ первый разъ встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1095 годомъ. Послѣ того, въ продолженіе почти трехъ столѣтій, она считалась столицею Рязанскаго княжества, но вѣроятно частые пожары и разоренія, особенно причиненныя войнами Всеволода III и нашествіемъ Батыя, заставили князей обратить вниманіе на болѣе надежныя укрѣпленія Переяславля Рязанскаго, гдѣ въ концѣ XIV вѣка знаменитый Олегъ Ивановичъ окончательно утвердилъ княжеское мѣстопребываніе. Съ тѣхъ поръ прежняя столица стала называться Старою Рязанью, но и потомъ въ исторіи встрѣчаются извѣстія о неоднократномъ разореніи этого города Татарами. Въ началѣ XVIII вѣка Старая Рязань уже не упоминается въ числѣ Русскихъ городовъ; къ тому же столѣтію относится ея запустѣніе. Въ настоящее время обитаемъ только югозападный уголъ площади, гдѣ находится старинная деревянная церковь во имя Бориса и Глѣба; подлѣ нея живутъ церковнослужители.

Съ нѣкоторыхъ поръ Старо-Рязанскій городокъ сталъ обращать на себя вниманіе археологовъ драгоцѣнными находками и замѣчательными открытіями, которыя живо напомнили его минувшую славу. Въ 1792 году здѣсь была выпахана золотая корона, изломанная потомъ и распроданная по частямъ. Далѣе, время отъ времени попадались различныя вещи изъ благородныхъ металловъ съ драгоцѣнными каменьями *. Но самая важ-

* Письма Калайд. къ А. Ѳ. Малин., стр. 27.

ная находка относится къ 1822 году, а именно: близь того мѣста, гдѣ растутъ двѣ уединенныя березы, на участкѣ помѣщика Стерлигова, три крестьянина, распахивая землю подъ большую дорогу, отрыли до 28 вещицъ, принадлежавшихъ, какъ видно, къ украшеніямъ княжеской одежды. Онѣ заключали въ себѣ до 6 футовъ чистаго золота и 283 драгоцѣнныхъ камня *. Государь Императоръ Александръ I, которому вещи были представлены, пожаловалъ за нихъ 10,000 р. счастливымъ крестьянамъ.

Вправо отъ большой дороги, которая пролегаетъ чрезъ городокъ, въ 1823 г., почтенный изслѣдователь Рязанскихъ древностей Калайдовичъ видѣлъ два холма, изъ которыхъ одинъ, по увѣреніямъ окрестныхъ старожиловъ того времени, заключалъ въ себѣ развалины княжескаго терема; а другой, ближайшій къ Борисоглѣбской церкви, скрывалъ остатки древняго собора. Въ 1836 г. показанія стариковъ относительно послѣдняго кургана вполнѣ были оправданы. Спасскій купеческій сынъ Д. Тихомировъ, страстный любитель древностей, при содѣйствіи нѣкоторыхъ патріотовъ (въ томъ числѣ и покойнаго Мелешкина) и подъ покровительствомъ губернскихъ властей цѣлое лѣто производилъ здѣсь археологическія изысканія. Снесенный курганъ дѣйствительно обнаружилъ каменное основаніе церкви; открыты были остатки стѣнъ, полъ изъ каменныхъ плитъ, кирпичный склепъ; каменныя и деревянныя гробницы, наполненныя скелетами; нѣсколько металлическихъ вещей, лоскутья шелковыхъ и парчевыхъ одеждъ **. Ясно было, что предполагаемый соборъ служилъ мѣстомъ погребенія Рязанскихъ князей, вѣроятно до перенесенія столицы въ Переяславль. Теперь эти руины опять заволокло щебнемъ и землею; но мѣстахъ въ трехъ еще выглядываютъ углы бѣлыхъ каменныхъ гробовъ. Спутникъ мой копнулъ въ одномъ изъ нихъ, и обнаружилъ черепъ, покрытый влажнымъ мохомъ ***. Къ сожалѣнію, обстоятельства помѣшали Тихомирову продолжать изслѣдованія, и другой холмъ, т.-е. такъ называемый княжескій теремъ, до сихъ поръ остается нетронутымъ въ ожиданіи новыхъ Рязанскихъ патріотовъ.

Когда на обратномъ пути мы подъѣхали къ рѣкѣ, паромъ былъ уже заставленъ крестьянскими телѣгами. Между ними отличалась какая-то

---

* Подробное описаніе ихъ и рисунки въ статьяхъ: „Письма Калайд. къ А. Ѳ. Малин.“ и „Извѣстіе о старин. убранствахъ, найденныхъ въ 1822 г. близь села Ст. Рязань“. А. Оленина. Спб. 1831 г.

** Описаніе этихъ открытій и рисунки можно найти въ книгѣ Тихомирова: „Историч. свѣд. объ археологич. изслѣд. въ Ст. Рязани. Москва 1844 г.“.

*** Здѣсь, какъ мнѣ сказали, предполагалось выстроить новую церковь въ память древняго Борисоглѣбскаго собора. Желательно было бы видѣть осуществленіе этого предположенія или по крайней мѣрѣ сооруженіе приличнаго памятника.

рогожная повозка, запряженная тройкой, и любопытство, свойственное всѣмъ путешественникамъ, тотчасъ подстрекнуло меня заглянуть во внутренность повозки. Тамъ на цѣломъ возу перинъ и подушекъ сидѣла пожилая женщина и подлѣ нея молоденькая брюнетка; черная коса, запрятанная въ бѣлый чепчикъ, и скромное, мечтательное выраженіе физіономіи конечно не могли не произвести пріятнаго впечатлѣнія. Наблюдательность моя, однако, замѣтно приводила въ смущеніе незнакомку.

Паромъ уже готовился отчалить отъ берега, какъ на горѣ появилась другая тройка, которая съ громомъ бубенчиковъ приближалась къ перевозу. Оказалось, что подъѣхавшій тарантасъ, также какъ и повозка, заключалъ въ себѣ романтическій элементъ, только въ другомъ родѣ, именно блондинку лѣтъ двадцати въ голубомъ платьѣ и бѣлой шляпкѣ. Эта личность заинтересовала меня особенно потому, что она сидѣла въ тарантасѣ совершенно одна. Взгляды, которыми мы обмѣнялись, тотчасъ обнаружили въ ней кокетку; дѣйствительно она скоро покинула спокойную важную позу и съ большимъ жаромъ принялась разсказывать что-то кучеру, не переставая бросать мимоходомъ взгляды въ мою сторону, на что обратилъ вниманіе даже мой почтенный чичероне. Кучеръ, въ красной рубахѣ и черной плисовой поддевкѣ, слушалъ ее полуоборотясь, и время отъ времени флегматически дѣлалъ свои замѣчанія. На вопросъ мой, кто эта интересная особа? спутникъ отвѣчалъ, что рѣшительно не знаетъ ея.

Потомъ я отвлекся отъ загадочной барышни, остальное время смотрѣлъ или на скромную брюнетку, или на пейзажъ, который въ эту минуту былъ дѣйствительно недуренъ. Съ одной стороны холмистый берегъ, по которому жмутся крестьянскія хижины; а на самомъ высокомъ мѣстѣ красивый каменный домъ помѣщика, окруженный яркою зеленью сада; далѣе въ перспективѣ еще нѣсколько деревень и церквей; на другой сторонѣ песчаная отлогость, и за нею городъ Спаскъ. Тамъ и сямъ по водѣ скользили челноки рыболововъ; двѣ лодки, биткомъ набитыя женскимъ поломъ съ красными платками на головахъ, на встрѣчу намъ пересѣкали рѣку; оттуда неслись веселыя пѣсни; мнѣ сказали, что это Старо-Рязанскія крестьянки, которыя ѣздили въ луга доить коровъ и теперь возвращаются домой. Картина, какъ водится, освѣщалась послѣдними лучами заходящаго солнца.

Когда мы пристали къ берегу, тройка съ тарантасомъ вскорѣ исчезла изъ виду. Я бросилъ послѣдній взглядъ на брюнетку, на пейзажъ, и помѣстился опять за спиною почтеннаго засѣдателя.

— А вѣдь я узналъ, что эта была за штука въ тарантасѣ!—сказалъ онъ между прочимъ.

Хотя подробности, сообщенныя мнѣ, и были интересны; однако я опускаю ихъ изъ уваженія къ прекрасному полу.

Услыхавъ, что отецъ Тихомирова еще живъ, я отыскалъ его домъ; въ темнотѣ взобрался на лѣстницу, и вошелъ прямо въ комнату.

— Кто это? спросилъ хозяинъ, напрягая свое ослабѣвшее зрѣніе.

Я заговорилъ о покойномъ сынѣ и его трудахъ. Старикъ замѣтно оживился, посадилъ меня и началъ о немъ разсказывать; вскорѣ вошла мать и также охотно приняла участіе въ нашемъ разговорѣ. Какъ неотразимо вліяніе науки даже и на окружающія лица! Занятія молодаго археолога наложили особенную печать и на его близкихъ. Старикъ, хотя безпрестанно упоминалъ о томъ, что онъ человѣкъ неученый, однако очень дѣльно пересказалъ мнѣ исторію своего сына, его страсть къ ученію и археологическія изслѣдованія. Школьное образованіе покойнаго Тихомирова ограничилось только приходскимъ училищемъ, потому что уѣзднаго въ Спаскѣ нѣтъ; онъ началъ заниматься науками по собственной охотѣ, много читалъ, нѣкоторое время даже писалъ стишки; но потомъ исключительно обратился къ исторіи и древностямъ; собиралъ и разбиралъ рукописи; скупалъ медали, монеты и другія старинныя вещи, которыя большею частію отсылалъ въ Общество Исторіи и Древностей. Ему было не болѣе 19 лѣтъ отъ роду, когда онъ предпринялъ свои археологическія изысканія на мѣстѣ Старой-Рязани. Торговыя обстоятельства въ послѣдствіи отвлекли его отъ любимыхъ занятій; онъ уѣхалъ въ Сибирь, и тамъ умеръ на золотыхъ пріискахъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

На другой день, часовъ въ десять утра, я оставилъ Спаскъ и еще разъ посѣтилъ Старо-Рязанскій городокъ. Такъ какъ этотъ день приходился въ канунъ ярмарки, то вся улица села и часть городка были уже загромождены палатками и возами съ различными произведеніями сельской промышленности, между которыми главную роль играло большое количество глиняной посуды. По этому пространству взадъ и впередъ сновали толпы бабъ и мужиковъ; шуму и брани было, какъ говорится, вдоволь; громче всѣхъ кричали цыгане на своемъ непонятномъ языкѣ. Тутъ же нерѣдко можно было натолкнуться на двухъ или трехъ пріятелей, которые съ смутными глазами, съ шапками на бекрень или совсѣмъ безъ шапокъ, обнявъ другъ друга, качались изъ стороны въ сторону; они или произносили несвязныя рѣчи въ родѣ увѣренія въ дружбѣ, или хриплымъ голосомъ затягивали начало то той, то другой пѣсенки. Между прочимъ мнѣ встрѣтилось десятка два крестьянокъ, которыя несли въ рукахъ по кувшинчику съ земляникой. Купивъ ягодъ у одной изъ нихъ, я полюбопытствовалъ узнать, изъ-за чего имъ было тащиться на ярмарку

съ такимъ ничтожнымъ товаромъ. Оказалось, что товаръ для нихъ не составляетъ главнаго интереса; что они пришли собственно на людей посмотрѣть и себя показать, потому что ихъ дѣло бабье, и онѣ въ своей деревнѣ живутъ, свѣта Божьяго не видятъ.

Полюбовавшись опять далекимъ горизонтомъ съ высокаго берега, я направилъ свои стопы въ селеніе Исады, которое также относится къ историческимъ мѣстностямъ нашего края. Оно лежитъ верстахъ въ 7 отъ Старой-Рязани, славится своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ, и какъ говорятъ, служило чѣмъ-то въ родѣ загороднаго увеселительнаго пріюта для Рязанскихъ князей.

Со мною поравнялся мальчикъ съ двумя крестьянскими клячами; на одной онъ сидѣлъ верхомъ, а другую держалъ въ поводу. Мнѣ тотчасъ пришла счастливая мысль — сократить время путешествія до Исадъ; я остановилъ мальчика и за небольшое вознагражденіе вскарабкался на свободную лошадь. Это путешествіе верхомъ заключало много комическаго. Неосѣдланная кляча имѣла очень тряскую рысь, такъ что я, сгорбившись, подпрыгивалъ на ея спинѣ какъ мячикъ, придерживая одною рукою ружье и ягдташъ, а другою распущенный зонтикъ, потому что имѣлъ обыкновеніе снимать фуражку и защищаться имъ отъ солнечнаго зноя. Въ то же время я долженъ былъ крѣпко тянуть поводъ и никакъ не опускать его свободно; въ противномъ случаѣ мой Россинантъ тотчасъ повертывалъ въ сторону, и преспокойно начиналъ щипать траву, не обращая ни малѣйшаго вниманія на своего всадника. Меня очень забавляла мысль, въ какой странной формѣ можно иногда встрѣтить путешественника, имѣющаго археологическія цѣли.

Невдалекѣ отъ Исадъ, въ полѣ до сихъ поръ видно нѣсколько деревьевъ, которыя можно принять за остатки нѣкогда густой рощи. Здѣсь-то, говоритъ преданіе, совершилось самое черное дѣло въ древней Рязанской исторіи. Въ 1217 г. 20-го іюля восемь молодыхъ князей, всѣ братья родные или двоюродные, съ многочисленною свитой собрались попировать въ шатрахъ, раскинутыхъ подъ тѣнью вязовъ; но веселье кончилось потоками крови: шестеро князей вслѣдствіе заговора двухъ остальныхъ, были изрублены со множествомъ своихъ слугъ. Преступленіе однако оказалось напраснымъ: убійцы не достигли своей цѣли.

Мѣстоположеніе самаго селенія, потонувшаго въ зелени садовъ, дѣйствительно очень красиво, особенно съ другаго берега Оки. Край холма, на которомъ расположены церковь и помѣщичій домъ, показалось мнѣ, имѣетъ не совсѣмъ естественную форму, и я думалъ видѣть въ этомъ слѣды насыпи или искусственнаго обрыва; впрочемъ, болѣе нѣтъ

никакихъ причинъ утверждать, будто здѣсь существовали нѣкогда укрѣпленія.

Исады были крайнимъ пунктомъ моей прогулки внизъ по Окѣ. Отсюда я повернулъ назадъ, миновалъ Старую-Рязань, и вышелъ на большую дорогу въ Пронскъ, чтобы коснуться праваго берега Оки, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ она образуетъ упомянутую дугу. Вправо отъ дороги, въ полѣ замѣтенъ небольшой курганъ съ довольно страннымъ названіемъ «Чалая Могила». Съ этимъ именемъ связано слѣдующее преданіе: въ древности какой-то князь—а по расказамъ крестьянъ богатырь,—ѣздившій обыкновенно на чалой лошади, близь этого мѣста вышелъ на поединокъ съ своимъ соперникомъ; но вслѣдствіе хитрости врага онъ былъ побѣжденъ и убитъ вмѣстѣ съ конемъ. Мѣсто, гдѣ погребенъ его конь, съ того времени стало называться «Чалая Могила». Это преданіе, вѣроятно, имѣетъ историческую основу и указываетъ на какой-нибудь эпизодъ изъ княжескихъ междоусобій.

Далѣе, верстахъ въ пяти отъ Старой-Рязани, между селами Клименты и Никитино, при самомъ впаденіи въ Оку рѣки Прони, сохранилась еще значительная часть вала. Это мѣсто извѣстно въ окрестностяхъ подъ общимъ названіемъ городка или городца. Со стороны берега площадь его почти вся осыпалась внизъ.

Имѣя цѣлію отдохнуть, и въ надеждѣ услыхать еще кое-какія подробности относительно означенныхъ мѣстъ, я зашелъ въ деревню Никитино. На этотъ разъ судьба мнѣ явно покровительствовала. Проходя по деревнѣ, вижу на одномъ крыльцѣ сидящаго старика съ длинною бѣлою бородой, и подлѣ него молодую женщину съ маленькою дѣвочкой на рукахъ. Я тотчасъ обратился къ женщинѣ съ вопросомъ, не можетъ ли она принести мнѣ молока. Крестьянка изъявила готовность исполнить мое желаніе, и, посадивъ дѣвочку на колѣна своего сосѣда, отправилась за молокомъ. Отвѣтивъ на вопросы почтеннаго старца, откуда и куда меня Богъ несетъ, я въ свою очередь перешелъ въ наступательное движеніе, и прежде всего спросилъ:

— Сколько тебѣ, дѣдушка, лѣтъ?

— Да ужь забылъ, мой свѣтъ, не помню сколько,—отвѣчалъ онъ;— я былъ еще при царицѣ, и женился, она еще, матушка, была жива.

Потомъ онъ вспомнилъ, что бѣгалъ мальчикомъ, когда большіе разсказывали другъ другу, «какъ Пугачева поймали»; далѣе про Суворова замѣтилъ, что онъ «дѣйствовалъ черезъ святъ духъ». На вопросъ мой, когда же лучше жили, тогда или теперь, старикъ, подумавъ немного, отвѣчалъ, что тогда было хлѣба больше, а теперь денегъ больше; что въ ста-

рину были воеводы и они на все налагали пошлины, даже на ворота,— поэтому мужики дворовъ изъ пятнадцати ѣздили въ однѣ ворота; тогда, напримѣръ, соль никто не смѣлъ продавать, кромѣ лакеевъ воеводы, и они продавали бузунъ по 40 коп. за пудъ, и т. д.

Между тѣмъ какъ мы такимъ образомъ бесѣдовали о давноминувшихъ дняхъ, внучка сползла съ колѣнъ дѣдушки, незамѣтно очутилась въ сѣняхъ, и тамъ, ударившись обо что-то, закричала благимъ матомъ. Прибѣжала женщина съ молокомъ въ рукахъ, поставила его передо мною, и, съ сердцемъ замѣтивъ старику вѣчную небрежность, принялась утѣшать дѣвочку. Дѣдъ однако не обратилъ, повидимому, вниманія на этотъ случай и продолжалъ разсказывать мнѣ со всѣми подробностями какую-то непонятную исторію о его прежнемъ баринѣ, въ родѣ того, что, оставшись наслѣдникомъ послѣ отца, онъ собралъ мужиковъ и произнесъ къ нимъ рѣчь, въ которой обѣщалъ разныя льготы; но потомъ уѣхалъ въ Петербургъ, и, кажется, ничего не исполнилъ. Когда же я навелъ разговоръ на времена болѣе отдаленныя, то узналъ, что первый царь былъ Давидъ; а когда зашла рѣчь о Петрѣ Великомъ, оказалось, будто и онъ былъ также «съ первоначала вѣку».

Относительно городца, лежащаго при впаденіи Прони, старикъ сообщилъ мнѣ, что лѣтъ 40 тому назадъ охотники отыскивать клады копали тамъ землю и нашли каменный сводъ, совершенно пустой. Преданіе о богатырѣ, ѣздившемъ на чалой лошади, въ этотъ разъ связывалось съ тремя сосѣдними мѣстностями, а именно: жилъ онъ въ Старо-Рязанскомъ городкѣ и тамъ зарывалъ свои сокровища, а городецъ, въ которомъ найденъ каменный сводъ, былъ не что иное какъ кладбище, которое онъ для себя приготовилъ; конь же его погребенъ, какъ извѣстно, подъ Чалою Могилой.

Около пяти часовъ я простился съ словоохотливымъ старожиломъ и продолжалъ свой путь по Пронской дорогѣ.

Вечеромъ того же дня судьба устроила для меня любопытное стеченіе обстоятельствъ. Когда я спускался съ одного пригорка возлѣ берега Прони, на встрѣчту мнѣ шагомъ поднималась тройка вороныхъ коней, запряженныхъ въ легкую пролетку. Въ пролеткѣ сидѣлъ господинъ, наружность котораго показалась мнѣ довольно замѣчательною, хотя онъ былъ уже не первой молодости. Длинные черные волосы и огромные усы прекрасно оттѣняли блѣдныя, выразительныя черты лица; на немъ надѣты были темный чекмень въ родѣ тѣхъ, которые носятъ ратники, и фуражка такого же цвѣта. Несмотря на траурный характеръ костюма и меланхолическое выраженіе физіономіи, живые черные глаза обнаруживали присутствіе еще пылкой натуры.

Пройдя версты двѣ лугами, я опять встрѣтилъ пригорокъ, по которому лежала небольшая деревенька; на концѣ ея стоялъ хорошенькій помѣщичій домикъ. Окна были растворены; вѣтеръ свободно игралъ малиновыми занавѣсками; но въ домѣ незамѣтно было ни одной живой души. Я спросилъ какъ называется деревенька, и кому она принадлежитъ? Едва крестьянинъ успѣлъ произнести фамилію помѣщика, какъ вдругъ мнѣ пришли на память только-что встрѣченный господинъ и вчерашняя блондинка.

Отъ устья Прони я повернулъ на югозападъ прямо къ городу Пронску. Осмотрѣвъ этотъ древній городокъ, я отсюда воротился въ губернскій городъ Рязань, перерѣзавъ полосу земли между Окою и Пронею. Но эта часть пути не была мною своевременно записана: такъ какъ главное свое вниманіе я посвятилъ берегамъ Оки.

*

Отдохнувъ съ недѣлю послѣ первой прогулки, я снова собрался въ путь, предполагая обойти остальную часть полосы, заключенной между берегами Оки, Осетра и Прони.

Въ этотъ разъ я оставилъ дома ружье и всѣ охотничьи снаряды, какъ излишнее бремя; прикрѣпилъ къ поясу небольшую кожаную сумку, наполненную только самыми необходимыми вещами, перекинулъ опять черезъ плечо свой плащъ, и съ неизмѣннымъ зонтикомъ въ рукахъ направилъ шаги черезъ Троицкую слободу по старой Зарайской дорогѣ. На концѣ слободы я миновалъ небольшой Троицкій монастырь, расположенный возлѣ рѣчки Павловки, впадающей въ Трубежъ. Объ этомъ монастырѣ исторически извѣстно только то, что въ 1685 г. онъ былъ возобновленъ стольникомъ Вердеревскимъ. Впрочемъ существуетъ еще преданіе будто преподобный Сергій Радонежскій, приходившій въ 1385 г. въ Переяславль-Рязанскій, чтобы помирить Димитрія Донскаго съ злѣйшимъ его врагомъ Олегомъ, не явился прямо въ княжескій дворецъ, а переночевалъ въ Троицкой обители, которая въ то время была еще деревянная.

Съ мостика, который прямо за монастыремъ перекинутъ черезъ Павловку, я повернулъ направо, и пошелъ берегомъ Трубежа. Луга за рѣкою кипѣли народомъ, потому что сѣнокосъ былъ въ полномъ разгарѣ: косцы дружными размахами рѣзали высокую траву, а бабы и дѣвки проворно сгребали въ копна свѣжее сѣно. За лугами виднѣлись песчаные бугры, окружающіе селеніе Борки; послѣднее замѣчательно въ историческомъ отношеніи тѣмъ, что оно стоитъ на мѣстѣ Богоявленскаго монастыря,

который встрѣчается въ письменныхъ памятникахъ XV вѣка *. Далѣе тропинка шла вдоль рѣчки Быстрицы, которая впадаетъ въ Оку,— но только весною; тогда по ней бываетъ даже значительный сплавъ лѣса, а теперь она представляла не болѣе какъ рядъ маленькихъ озеръ. Быстрица течетъ по самому краю широкой Окской долины и омываетъ подошву ея праваго берега, который у села Конищева, т.-е. верстъ за пять отъ Рязани, круто поднимается и идетъ далѣе почти не прерываясь. По окраинѣ этой возвышенности лежитъ рядъ деревень, какъ-то: Конищево, Семчино, Недостоево, Малое Городище и пр. Съ луговъ, по которымъ я шелъ, видъ на эти селенія былъ довольно живописенъ. Ненадежный песчано-глинистый грунтъ заботливо укрѣпленъ деревьями, которыя въ одиночку разбѣгаются по всему спуску, а мѣстами собираются въ маленькія рощи.

Начало новаго путешествія, также какъ и перваго, произвело на меня пріятное впечатлѣніе: ясная, но не знойная погода, веселая дѣятельность на лугахъ, и въ добавокъ легкость костюма, теперь нисколько не стѣснявшаго моихъ движеній,— все это сообщало моему странствованію характеръ загородной прогулки. Любуясь то тою, то другою стороной горизонта, я не замѣтилъ времени, какъ прошелъ десяти или двѣнадцативерстное разстояніе и повернулъ въ село Малое Городище. Читатель, конечно, уже догадался, почему именно этотъ пунктъ былъ избранъ мѣстомъ перваго отдыха. Я напередъ зналъ, что кромѣ названія не найду здѣсь никакихъ остатковъ старины, но питалъ надежду подслушать какое-нибудь преданіе, связанное съ этимъ названіемъ; поэтому я поднялся на холмъ, и, очутившись посреди села, спросилъ, есть ли тутъ постоялые дворы. Мнѣ указали единственный домъ, гдѣ пускаютъ проѣзжающихъ.

Я прямо вошелъ въ избу, и обратившись къ двумъ бабамъ, сидѣвшимъ на лавкѣ, попросилъ поставить самоваръ. Одна изъ нихъ, женщина лѣтъ тридцати на видъ, съ угловатыми чертами лица, имѣвшаго довольно суровое выраженіе, оказалась хозяйкою, и молча, какъ бы нехотя, стала разводить неуклюжій, почернѣвшій отъ времени самоваръ. Между тѣмъ сосѣдка ея, бойкая, маленькая старушка, тотчасъ же напала на меня съ распросами: кто? куда? откуда? за чѣмъ? Я сказалъ, что иду въ Радовицкій монастырь; но неудовлетворенная уклончивыми отвѣтами, она пустилась въ различныя предположенія на мой счетъ, напрасно стараясь вызвать болѣе откровенныя объясненія съ моей стороны. Особенно

* Рязан. Вѣд. 1855 г., № 43.

ей казалось неестественнымъ то, что я отправлялся пѣшъ и притомъ совершенно одинокъ, между тѣмъ какъ богомольцы обыкновенно путешествуютъ туда во множествѣ. Тутъ же разсказанъ былъ довольно не забавный анекдотъ о томъ, какимъ образомъ въ Мещерскомъ лѣсу недавно ограбили одного, подобнаго мнѣ, странника. Къ счастію, вниманіе докучливой разскащицы отвлекла отъ меня одна маленькая шалунья, которая начала играть холстами ея, разостланными на улицѣ на травѣ, и старуха опрометью бросилась изъ избы. Хозяйка вообще мало принимала участія въ нашемъ разговорѣ; на счетъ упомянутаго анекдота она, однако, выразила сомнѣніе, и очень дѣльно замѣтила, что прежде такіе случаи бывали, а теперь, какъ пошли вездѣ становые, не только разбойникамъ, но и ворамъ негдѣ завестись.

Кромѣ означенныхъ лицъ въ избѣ находилось еще одно существо— маленькая дѣвочка лѣтъ двухъ или трехъ, которая сидѣла на лавкѣ и нѣсколько разъ принималась плакать. Хорошенькія черты ея личика и грустное, болѣзненное выраженіе возбудили во мнѣ живое участіе. Мать по временамъ подходила къ дѣвочкѣ, совала ей въ руку какую-нибудь игрушку въ родѣ ключей, и вообще занималась ей какъ-то отрывочно. Малютка схватывала предметъ, вертѣла его нѣсколько минутъ, и опять начинала плакать своимъ слабымъ голосомъ.

— Дѣвочка-то совсѣмъ околѣваетъ! проговорила мать, нахмуривъ брови и принимаясь за какое-то шитье.

— Что она, больна чѣмъ-нибудь? спросилъ я.

— Да, больна.

— Что жъ такое у ней?

— Да и сама не знаю что; тоскуетъ все, должно умереть собирается.

— А жаль ее, дѣвочка-то славная.

— И! ну ихъ къ Богу.

— Развѣ тебѣ не жалко?

— Что въ нихъ толку! Ишь нонче времена какія! Хлѣбъ сталъ дорогой, а дѣвкамъ еще приданое надо готовить.

— Сколько у тебя всѣхъ дѣтей?

— Да вотъ всѣ тутъ.

Она указала еще на двухъ бѣлокурыхъ мальчиковъ, которые за минуту передъ тѣмъ вбѣжали въ избу и съ веселымъ смѣхомъ продолжали возиться въ углу, стараясь ухватить другъ друга за волосы.

— Какъ будто это много!

Потомъ, приближаясь по возможности къ образу выраженія и къ понятіямъ простонародія, я началъ усовѣщевать хозяйку; говорилъ, что

немного нужно для того, чтобы дѣти были сыты; что о приданомъ заботиться совсѣмъ излишнее; что дѣти мрутъ у нихъ отъ плохаго присмотра; что надобно ихъ держать опрятнѣе.

— Вотъ дѣвочка-то какая у тебя чумазая! прибавилъ я въ заключеніе. Ты развѣ не знаешь, что отъ нечистоты у маленькихъ скорѣе всего зарождаются болѣзни.

Женщина слушала меня молча и, повидимому, съ большимъ вниманіемъ.

Съ той минуты, какъ предо мною былъ поставленъ самоваръ, маленькая Варя—такъ звали дѣвочку—затихла, и внимательно стала смотрѣть въ мою сторону. Я позвалъ ее пить съ собою чай. Малютка тотчасъ встрепенулась и побѣжала ко мнѣ по лавкѣ. Мать менѣе суровымъ голосомъ замѣтила при этомъ, что она большая охотница до чаю. И дѣйствительно, благодѣтельный напитокъ сблизилъ насъ очень скоро; чрезъ нѣсколько минутъ я совершенно подружился съ дѣвочкой, и хозяйка посматривала на насъ уже съ улыбкой.

Что касается до преданій, которыя я надѣялся подслушать, то за отсутствіемъ мужчинъ, занятыхъ сѣнокосомъ, поневолѣ приходилось обращаться къ бабамъ. Но оказалось, что изъ этого источника можно почерпнуть очень немногое. Сидя за чаемъ, я разговорился съ хозяйкою объ ихъ селѣ, и между прочимъ спросилъ, не знаетъ ли она, отъ чего ему дано такое странное названіе: «Городище».

— Да мужики говорятъ, что въ старину тутъ городъ былъ, отвѣчала она.

— Ну что же они еще разсказываютъ объ этомъ?

— Я, признаться, сама не знаю что. Бываетъ на-пору мужики соберутся, болтаютъ, что тутъ былъ городъ; а наше бабье дѣло, мы не слушаемъ, что они тамъ болтаютъ.

Далѣе я узналъ только, что Малое Городище называется почему-то Перекальскимъ; а болѣе ничего не могъ добиться отъ своей собесѣдницы. Спустя нѣсколько минутъ, въ избу вошла прежняя старуха. Хозяйка, какъ видно недовольная тѣмъ, что не могла удовлетворить моему любопытству, тотчасъ сдѣлала ей вопросъ:

— Ѳедотьевна! ты не слыхала? вотъ баринъ хочетъ знать, что мужики разсказываютъ про наше село? какой въ старину тутъ городъ былъ?

— Ии нашла у кого спрашивать! Мало ли, что мужики врутъ! Да вотъ Лука Иванычъ. Спроси у него, можетъ онъ знаетъ, прибавила старуха, указывая на вошедшаго вслѣдъ за нею высокаго мужчину въ длиннополомъ кафтанѣ. Подъ затылкомъ у него торчала маленькая коса, которая тотчасъ обнаруживала присутствіе сельскаго пономаря.

Но оказалось, что и Лука Иванычъ ничего не знаетъ.

Услыхавъ, что въ томъ же селѣ становой имѣетъ квартиру, я отправился къ нему, и нашелъ огромнаго роста полнаго господина въ бѣломъ парусинномъ пальто; Русскій разговоръ его немедленно обличилъ Нѣмецкое происхожденіе. Этотъ господинъ сообщилъ мнѣ, что въ его стану древностей, кажется, нѣтъ, исключая одного стариннаго Евангелія; что онъ, впрочемъ, служитъ здѣсь недавно, и потому не могъ еще всего хорошенько развѣдать.

Когда я воротился на постоялый дворъ, хозяйка оправляла чистую рубашечку на маленькой Варѣ, у которой по волосамъ еще струилась влага; а личико сдѣлалось гораздо бѣлѣе, чѣмъ прежде. Эта перемѣна съ удовольствіемъ была замѣчена мною.

— Да что же, вода-то горячая осталась! проговорила мать сквозь зубы, впрочемъ безъ прежней суровости.

«Добрый знакъ!» подумалъ я, мои слова не пропали даромъ, и началъ собираться въ путь. Малютка подбѣжала ко мнѣ и устремила на меня свои большіе темные глаза. Не имѣя съ собою никакикъ красивыхъ бездѣлокъ, я подалъ ей монету съ словами: «Вотъ тебѣ игрушка на память обо мнѣ». Она взяла молча, и пошла показывать Ѳедотьевнѣ, которая замѣтила при этомъ, что дѣвка совсѣмъ было слегла, а теперь какъ будто оживѣла.

— Авось и совсѣмъ поправится съ вашей легкой руки,—заключила старуха.

— Заходите оттуда опять чайку попить съ нею! сказала хозяйка уже смягченнымъ голосомъ.

— Зашелъ бы, да я назадъ пойду другою дорогой.

— Эко горе какое наше! прибавила она, обращаясь къ дочери и гладя ее по головѣ.

— Прощай, Варя, будь здорова! сказалъ я, цѣлуя дѣвочку.

Крошка продолжала стоять на томъ же мѣстѣ, поднявъ немного руки, и молча смотрѣла мнѣ вслѣдъ.

Изъ Малаго Городища я направилъ путь чрезъ Ходынино и Раменки на деревню Ѳедякино, и такимъ образомъ миновалъ изгибъ Оки въ томъ мѣстѣ, гдѣ она течетъ между двумя монастырями, Богословскимъ и Солотчинскимъ. Монастыри эти, замѣчательные въ историческомъ и археологическомъ отношеніи, я посѣтилъ въ прошломъ году, и потому они не входили въ планъ моего настоящаго путешествія.

Солотчинская обитель, лежащая на лѣвой сторонѣ Оки, верстахъ въ 20 отъ Рязани, основана въ 1390 г. великимъ княземъ Рязанскимъ Олегомъ

Ивановичемъ; здѣсь же онъ принялъ схиму и окончилъ свою бурную жизнь въ 1402 г. Недалеко отъ Солотчинской обители существовалъ прежде женскій Зачатейскій монастырь, въ которомъ также постриглась и скончалась супруга Олега, Евпраксія. Останки князя и княгини, какъ говоритъ преданіе, были впослѣдствіи положены въ одну гробницу, которая стояла въ Покровской церкви Солотчинскаго монастыря. Но въ 1770 г. церковь эта отъ обвала песчаной земли обрушилась подъ гору къ рѣкѣ Солотчѣ, и по указу Св. Сѵнода гробница перенесена въ храмъ Рождества Пресвятыя Богородицы. Здѣсь и теперь еще сохраняется кольчуга или рубашка Олега, сдѣланная изъ стальныхъ колецъ прекрасной работы. Эта рубашка составляетъ предметъ особеннаго почитанія для окрестныхъ поселянъ, которые до сихъ поръ совершаютъ панихиды по князѣ и княгинѣ. Въ такомъ уваженіи отдаленнаго потомства къ памяти Олега, конечно, нельзя не видѣть его важнаго значенія въ исторіи Рязанскаго края *.

Что касается до Богословскаго монастыря на правомъ берегу Оки, въ 25 верстахъ отъ Рязани,—то, судя по преданію, связанному съ нимъ, онъ существовалъ еще въ началѣ XIII столѣтія. Это преданіе разсказываетъ, что здѣсь находилась икона Іоанна Богослова, написанная въ Царьградѣ какимъ-то Гусаремъ, что въ 1237 г. Батый, приближаясь къ обители, былъ устрашенъ видѣніемъ Іоанна Богослова, и, приложивъ къ его образу свой гербъ и золотую печать, оставилъ монастырь неприкосновеннымъ. Отъ образа уцѣлѣла только ручка, потому что онъ былъ запрестольный; а золотая печать употреблена въ XVII вѣкѣ архіепископомъ Мисаиломъ на позлащеніе водосвятной чаши, которая въ настоящее время хранится въ ризницѣ Успенскаго каѳедральнаго собора.

Солнце уже садилось, когда я пришелъ въ Ѳедякино. Мѣстность этого селенія мнѣ чрезвычайно понравилась; оно расположено на двухъ высокихъ холмахъ, раздѣленныхъ глубокою лощиною и оврагами, которыхъ бока поросли большимъ кустарникомъ. Когда я спустился на дно лощины и посмотрѣлъ вверхъ, то мнѣ показалось, что я вдругъ очутился посреди какихъ-то горъ: подобное увлеченіе, конечно, свойственно жителю равнинъ, который почти никогда не покидалъ внутренней Россіи, и видѣлъ только такъ называемыя Воробьевы горы. Отсюда я поспѣшилъ въ ближнее село Вакино, гдѣ предположилъ мѣсто своего почлега, потому что недалеко отъ него долженъ былъ находиться запустѣвшій городокъ. Сумерки уже налегли на окрестности; вправо отъ меня едва можно было

* Солотчинскій монастырь богаче всѣхъ другихъ въ Рязанской губерніи своими письменными памятниками. См. „Акты Историч.“, „Рязан. Вѣд. 1844 г.“, и „Собраніе древнихъ Актовъ Рязанскаго края“. Пискарева. 1854 г.

различить долину Оки, а за нею неизмѣнный берегъ, по которому чернѣлся безконечный лѣсъ.

Вакино—верстъ 35 отъ Рязани—лежитъ въ сторонѣ отъ всѣхъ проѣзжихъ дорогъ, и потому мнѣ невдругъ удалось отыскать себѣ ночной пріютъ. Судя по одной, дошедшей до насъ грамотѣ 1649 г., жители Вакина не отличались прежде миролюбивымъ характеромъ въ отношеніи къ своимъ сосѣдямъ; а именно, рыболовы ближняго села Сельцы приносили жалобу Царю Алексѣю Михайловичу на то, что Вакинскіе крестьяне напали на нихъ, прибили и отняли у нихъ рыбу со всѣми рыболовными снастями. Жалоба оканчивается просьбою не оставить безъ вниманія ихъ челобитье, «чтобы намъ сиротамъ твоимъ отъ тѣхъ крестьянъ впредъ въ конецъ непогибнуть и твоей государевой рыбной ловли неотбыть, Царь Государь смилуйся, пожалуй!» *.

Переступивъ околицу, я увидалъ нѣсколькихъ стариковъ и старухъ, сидѣвшихъ на завалинкѣ, и спросилъ у нихъ, кто тутъ пускаетъ ночевать. Освѣдомившись предварительно, откуда я, и подивившись моему пѣшему хожденію, они показали мнѣ на одинъ домъ. На мой стукъ изъ окна высунулась какая-то толстая баба, посмотрѣла на меня нѣсколько времени, и потомъ объявила, что хозяинъ пьянъ. Противъ этого я не могъ ничего возразить, и подошелъ къ колодцу, около котораго собралась толпа крестьянокъ съ ведрами. Одна изъ нихъ вошла въ мое положеніе, и отправила со мною мальчика, который долженъ былъ указать ея дворъ.

Когда я вошелъ въ ворота, меня встрѣтило довольно непріятное впечатлѣніе. Представьте себѣ тѣсный, нечистый дворикъ съ полураскрытыми сараями; посреди его на перекладинѣ висѣлъ за заднія ножки только что зарѣзанный баранъ, около котораго съ ножемъ въ рукахъ возился рыжій приземистый мужикъ; внутренности барана распространяли вокругъ самый тяжелый запахъ.

— Что надо? спросилъ мужикъ, нахмуривъ брови и продолжая свою работу.

— А вотъ, любезный, пришелъ къ тебѣ ночевать. Что, есть ли у тебя сѣно?

— Какое сѣно?

— Гдѣ бы можно было спать.

— Начальству надо доложить, пробормотала рыжая борода, помолчавъ немного. А такъ у насъ не велѣно пускать.

— Кто же у васъ тутъ начальникъ?

---

* Рязан. Вѣд. 1853 г., № 30.

— Бурмистръ.

Счастливая мысль мелькнула у меня въ головѣ.

— Гдѣ бурмистръ?—сказалъ я рѣшительнымъ тономъ—ведите меня къ нему.

Отыскавъ домъ начальника, я постучалъ въ окно, и громкимъ голосомъ спросилъ: «Дома ли бурмистръ?» Нѣсколько секундъ спустя, въ калиткѣ показался средняго роста мужикъ съ темнорусою бородкой въ синей клѣтчатой рубахѣ и въ сапогахъ на подобіе ботфортъ.

— Ты бурмистръ?

— Я бурмистръ. Что вашей милости будетъ угодно?

Послѣ краткаго объясненія, въ которомъ очень кстати было упомянуто объ открытомъ листѣ, я потребовалъ, чтобы онъ указалъ мнѣ, гдѣ можно найти сѣно для ночлега и чашку молока для подкрѣпленія силъ. Бурмистръ тотчасъ же предложилъ къ моимъ услугамъ барскій домъ, остававшійся пустымъ, потому что помѣщикъ живетъ постоянно въ Петербургѣ. Я, разумѣется, не имѣлъ причинъ отказаться отъ этого предложенія, и мы отправились.

Минутъ пять спустя, ко мнѣ явился конторщикъ — человѣкъ очень почтенной наружности, съ головой, обнаженною отъ волосъ, и съ чрезвычайно учтивымъ выраженіемъ физіономіи. Прочитавъ мой листъ, онъ попросилъ позволенія его списать, очинилъ перо и тщательно занялся исполненіемъ своего желанія *. Между тѣмъ я утолялъ голодъ прекраснымъ густымъ молокомъ, и распрашивалъ бурмистра, есть ли тутъ подлѣ городокъ, въ какомъ видѣ и что о немъ разсказываютъ? Оказалось, что дѣйствительно есть, верстахъ въ трехъ отъ Вакина; но больше этого онъ ничего не могъ мнѣ сообщить.

Когда все было устроено для моего отдохновенія, и я выразилъ готовность перейти въ объятія Морфея, начальство села Вакина удалилось изъ комнаты со всѣми признаками глубокаго уваженія. У дверей однако остался для услугъ какой-то мальчикъ съ мѣдною бляхой на груди. На вопросъ мой:

— Ты что за человѣкъ?

— Я соцкій,— отвѣчалъ онъ.

— Какъ соцкій! Сколько же тебѣ лѣтъ.

— Да ужъ годовъ двадцать пять будетъ.

---

* Этотъ открытый листъ, оказавшій мнѣ на сей разъ немалую услугу, былъ выданъ мнѣ графомъ Д. Н. Толстымъ, временно управлявшимъ тогда Рязанской губерніей. Извѣстно, что покойный графъ самъ съ любовью занимался Русской археологіей. *Позднѣйшее примѣчаніе автора.*

— Что жъ ты женатъ?

— Нонче передъ масляной только женился.

— Ну хорошо, любезный, ступай спать.

Когда кругомъ водворились мракъ и тишина, до меня стали долетать звуки какого-то неяснаго разговора. Я подошелъ къ растворенному окну, и увидалъ группу изъ нѣсколькихъ мужчинъ, собравшихся на дворѣ, которые съ жаромъ о чемъ-то разсуждали. Можно было разобрать только слова: «спрашивалъ.... городокъ.... завтра.... графъ....» Ясно, что бѣдные Вакинцы были очень озадачены моимъ посѣщеніемъ и рѣшительнымъ желаніемъ видѣть городокъ, а судя по нѣкоторымъ примѣтамъ, едва ли они не приняли меня за инкогнито, имѣющее къ нимъ болѣе близкое отношеніе, нежели простой путешественникъ.

На другой день, часовъ въ шесть утра, я оставилъ гостепріимный барскій домъ. Бурмистръ и конторщикъ проводили меня съ тѣми же признаками глубокаго уваженія, къ которому, впрочемъ, примѣшивалось удивленіе относительно моего образа путешествія.

Отошедши версты двѣ отъ села Вакина, изъ опасенія пройти мимо городка и не замѣтить его, я свернулъ вправо къ рѣкѣ и сталъ пробираться по буграмъ сквозь частый кустарникъ. Наконецъ я набрелъ на три холма, которые были свободны отъ кустовъ и имѣли не совсѣмъ естественную форму. Около одного изъ нихъ, самаго высокаго, лежитъ овальное, обрытое кругомъ, кладбище, теперь уже оставленное; на камняхъ здѣсь не нашлось ни одной надписи. Парень, косившій по близости траву, сообщилъ мнѣ, что за нѣсколько десятковъ лѣтъ тутъ стояла еще ветхая церковь; но потомъ ее перевели въ Вакино.

Отсюда я направилъ шаги къ деревнѣ Перевитску, подлѣ которой надѣялся видѣть остатки города того же имени, нѣкогда одного изъ самыхъ значительныхъ удѣловъ Рязанскаго княжества. Проселочная дорога шла постоянно зигзагами; она или терялась между полями, покрытыми высокою жатвой, или подходила къ берегу и пролегала по его окраинѣ. Тогда передо мною на далекое пространство открывались живописные виды: внизу синею лентой извивалась красавица Ока, все такая же кокетливая и непостоянная: то нѣжится она посреди зеленыхъ луговъ; то подбѣгаетъ къ самой подошвѣ праваго берега, такъ что крутой спускъ прямо падаетъ въ воду, и кусты киваютъ надъ ней своими кудрявыми верхушками; а по той сторонѣ все чернѣетъ безконечный лѣсъ, и все бѣлѣютъ церкви села Бѣлаомута. Но вотъ встрѣтился оврагъ, или глубокая трещина, дорога вильнула въ сторону, и путникъ снова затерялся между колосьями спѣющей ржи.

Миновавъ нѣсколько деревень, я приблизился наконецъ къ Перевитску, и увидѣлъ вправо отъ дороги огромный курганъ. Несмотря на усталость, я почти бѣгомъ отправился осматривать его, потому что успѣлъ уже пріобрѣсти нѣкотораго рода манію къ подобнымъ памятникамъ. Курганъ оказался частью вала, которымъ съ трехъ сторонъ обнесена площадь городка; а съ четвертой она оканчивается вертикальнымъ обрывомъ. Валы и вся площадка въ настоящее время довольно круто понижаются къ рѣкѣ отъ упомянутаго кургана, и вѣроятно спустились уже въ позднѣйшія времена. Направо берегъ чрезвычайно холмистъ, и потому довольно живописенъ; налѣво идетъ глубокій длинный оврагъ; а за нимъ деревня, расположенная на значительной возвышенности, которая не даромъ пользуется названіемъ Перевитской горы.

Войдя въ деревню, я отыскалъ постоялый дворъ и, по обыкновенію, прежде всего позаботился о самоварѣ, потому что въ жаркое время и особенно послѣ большой прогулки чай лучше всего утоляетъ жажду. Мнѣ прислуживала молодая женщина, около которой вертѣлась цѣлая толпа маленькихъ дѣтей. Смотря на нихъ, я задавалъ себѣ вопросъ, отъ чего изъ миловидныхъ дѣвочекъ, которыя попадались мнѣ по деревнямъ въ большомъ количествѣ, выходятъ въ послѣдствіи такія некрасивыя бабы. Ясно, что черная работа, особенно полевая, искажаетъ ихъ черты и наводитъ на лице преждевременныя морщины.

Мужики, какъ извѣстно, были въ лугахъ, и опять приходилось обратиться къ женскому полу съ распросами о городкѣ. Но и въ этотъ разъ я встрѣтилъ такую же неудачу, какъ наканунѣ, и узналъ только, что прежде на томъ мѣстѣ стояла церковь.

— Развѣ старики больше ничего не разсказываютъ?—спросилъ я.

— Да у насъ старики всѣ померли.

Этотъ наивный отвѣтъ, признаюсь, показался мнѣ довольно забавнымъ, и я оставилъ дальнѣйшую попытку узнать какія либо преданія, потому что старики унесли ихъ съ собою въ могилу.

Было уже за полдень, когда я переправился чрезъ Оку и по широкимъ лугамъ направилъ шаги къ Бѣлаомоту. Въ лугахъ кипѣла самая живая дѣятельность; скошенное и собранное въ копна сѣно клали на телѣги и перевозили въ деревню. Между прочимъ мнѣ бросилось въ глаза нѣсколько женщинъ, одѣтыхъ въ какіе-то бѣлые, длинные балахоны, которые издали можно было принять за татарскія блузы; но этотъ эффектный костюмъ на самомъ дѣлѣ оказался не болѣе, какъ облегченіе, которое крестьянки позволили себѣ ради сильнаго жару; при моемъ приближеніи проказницы обыкновенно со смѣхомъ прятались за сѣно.

На лѣвой сторонѣ Оки, какъ и прежде, начиналось низменное песчаное пространство, и путешествіе становилось здѣсь довольно неудобнымъ. При входѣ въ село я нагналъ двухъ бабъ, которыя съ трудомъ плелись по глубокому песку. «О Господи! воскликнула одна изъ нихъ, спасибо, что я не лошадь! а то бы меня, гдѣ песокъ, били, били, просто забили бы до смерти; мочи нѣтъ, везти бы не могла». Ея подруга слегка подсмѣивалась надъ подобнымъ замѣчаніемъ. «Да еще хорошо, продолжала первая, если бы лошадью-то была у богатаго мужика; все бы когда овсецомъ покормилъ; а у бѣднаго, просто наказанье Божіе» и т. д.

Наружность большаго села Бѣлаомутъ (до 2,000 душъ) показывала однако, что мужики здѣсь большею частію народъ зажиточный. Такова вообще характеристика селъ, которыя мнѣ случилось видѣть въ этотъ разъ на лѣвомъ берегу Оки. Во-первыхъ, онѣ встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ на правомъ, за то представляютъ болѣе значительныя массы населенія; во-вторыхъ, при недостаткѣ пахатной земли они владѣютъ обширными поемными лугами, а иногда и большимъ количествомъ лѣса; но главное—между ними замѣтно развита промышленная дѣятельность; особенно это относится къ селамъ: Бѣлаомуту, Ловцамъ, Любицамъ и Дѣднову.

Хозяинъ дома, въ который я зашелъ, имѣлъ мясную лавку, и отличался необыкновеннымъ проворствомъ; мѣдный поясъ, на которомъ висѣлъ широкій ножъ, обличалъ его спеціальность. Въ то же время, какъ я узналъ, онъ снималъ луговые участки у бѣдныхъ мужиковъ, и выручалъ барыши за сѣно. У него же я взялъ лошадь, и въ ночь пустился къ Радовицкому монастырю, верстъ за 20 отъ Бѣлаомута. Извощикъ мой оказался добрый, откровенный парень, который охотно разсказывалъ мнѣ все, что зналъ о сосѣднихъ мѣстахъ. Онъ нанялся въ работники къ мяснику только на время покоса; а семейство его жило въ селѣ Радовицахъ, вслѣдствіе чего эта поѣздка приходилась ему, кажется, по сердцу.

— Что жъ ты заѣдешь домой, съ женой повидаться? спросилъ я.

— Да быть, каже не заѣхать! отвѣчалъ онъ съ улыбкою.

Дорога почти все время шла лѣсомъ; небо еще съ вечера стало хмуриться; поэтому мы ѣхали въ совершенной темнотѣ. Я закрылся плащемъ отъ несносныхъ комаровъ и, убаюканный медленною ѣздою по мягкому песчаному грунту, мало-по-малу погрузился въ сладкую дремоту. Было два часа утра, когда извощикъ разбудилъ меня и объявилъ, что мы пріѣхали.

Начало Николо-Радовицкаго монастыря относится къ царствованію Іоанна Грознаго. Монастырскія вкладныя записки показываютъ, что въ XVII и XVIII вѣкахъ его щедро надѣляли какъ члены царской фамиліи,

такъ и частныя лица всѣхъ сословій *. И въ наше время эта обитель во множествѣ посѣщаема не только жителями ближнихъ Рязанскихъ уѣздовъ, но даже богомольцами изъ сосѣднихъ губерній. Монастырскія постройки, иконы и церковная утварь вообще отличаются богатствомъ своихъ украшеній, и во многомъ сохранили старинныя формы **. Мѣстоположеніе обители на берегу Радовицкаго озера, въ тѣни зеленыхъ рощъ, славится своею живописностію; но пасмурное небо въ этотъ день придавало окрестностямъ видъ довольно печальный.

Часовъ въ двѣнадцать я оставилъ монастырь и направился къ Дѣднову на двухконной телѣгѣ съ однимъ Ловецкимъ крестьяниномъ. Пошелъ дождь, сначала мелкій какъ изъ сита; но потомъ онъ становился все крупнѣе и крупнѣе. Когда мы доѣхали до деревни Нудоши, за шесть верстъ отъ Радовицъ, спутникъ мой, чтобы переждать ливень, завернулъ въ одинъ знакомый ему дворъ. Насъ радушно встрѣтила высокая худая старуха и дочь ея, не менѣе высокая женщина съ мужественною физіономіею. Несмотря на бѣдную внѣшность дома, внутри его меня пріятно поразила опрятность и признаки довольства. Хозяйка тотчасъ вынула изъ печи яичницу и что-то въ родѣ ватрушекъ, поставила самоваръ и принялась подчивать своихъ гостей. За чаемъ давно невидавшіеся знакомые вступили въ дружный откровенный разговоръ о людяхъ, мнѣ конечно неизвѣстныхъ; поэтому я исключительно занялся наблюденіемъ ихъ физіономій. Ловецкій крестьянинъ былъ небольшаго роста коренастый старикъ съ полнымъ широкимъ лицемъ, окаймленнымъ круглою бородкою; маленькіе сѣрые глаза и постоянная улыбка придавали ему очень добродушное выраженіе. Но вниманіе мое особенно привлекала наружность старухи: черные съ просѣдью волосы, смуглый цвѣтъ кожи, римскій носъ, черные углубленные глаза, впалыя щеки и большой ротъ—все это вмѣстѣ съ перваго взгляда представлялось чѣмъ-то отталкивающимъ и даже зловѣщимъ; но при ближайшемъ знакомствѣ черты ея замѣтно смягчались и принимали только умное, энергическое выраженіе. Мать и дочь одѣты были не по-крестьянски, а такъ, какъ одѣваются у насъ мѣщанки, съ фартуками, подпоясанными выше груди, что при высокомъ ростѣ дѣлало ихъ чрезвычайно неграціозными. Глядя на тощую, странную фигуру хозяйки, я уже думалъ, что открылъ какой-нибудь древній выраждающійся типъ въ этомъ Мещерскомъ захолустьѣ, и за подобное открытіе готовъ былъ помириться

---

* Рязан. Вѣд. 1851 г., №№ 9 и 10.

** Подробное описаніе этого монастыря помѣщено въ Рязан. Вѣд 1855 г., №№ 49, 50, 51 и 52.

съ дурною погодой. Впрочемъ, собесѣдники говорили чистымъ Рязанскимъ нарѣчіемъ.

Между тѣмъ дождь, хотя сдѣлался опять мельче, однако нисколько не унимался; потому, выпивъ чашекъ двадцать теплой воды, мой старикъ простился съ пріятною компаніей, и мы потащились далѣе. Дорогою, въ надеждѣ подтвердить свои наблюденія, я спросилъ у спутника, часто ли въ здѣшнихъ мѣстахъ встрѣчаются женщины, похожія на упомянутую старуху. Но старикъ тотчасъ же разочаровалъ меня, сказавъ, что только одна такая и есть.

— Они вѣдь наши Ловецкіе,—прибавилъ онъ: мужъ ея тутъ въ кузнецахъ живетъ. А это вотъ, что старуха-то, вы говорите, ей всего сорокъ пять годовъ будетъ; она у насъ испоконъ вѣку все такая худая, да желтая, и Богъ ее знаетъ, въ кого такая сухая выродилась!

«Вотъ тебѣ и Мещерскій типъ!» подумалъ я. Не дурно, по крайней мѣрѣ, что дѣло объяснилось вовремя.

— Они, кажется, хорошо живутъ, въ достаткѣ? продолжалъ я распрашивать.

— Оно не то чтобы въ достаткѣ, да хозяйка-то, выходитъ, умѣлая баба, знаетъ все какъ сдѣлать; а ужъ если кто пріѣдетъ, то подастъ всего въ волю, и любитъ угостить во какъ! Тутъ онъ поднялъ вверхъ бороду и провелъ пальцемъ по горлу.—А живутъ они не добре чтобы хорошо.

Часамъ къ шести мы оставили за собою скучную лѣсистую мѣстность, и выбрались на широкую поляну, на концѣ которой, по самому берегу Оки, раскинулось селеніе Ловцы. Самое названіе его указываетъ на старинный промыселъ жителей; въ одной грамотѣ 1626 г. онъ даже прямо называется село «Рыбные Ловцы» *.

На открытомъ мѣстѣ дулъ сильный вѣтеръ, и рѣка находилась въ большомъ волненіи, такъ что не безъ труда можно было переправиться на другую сторону. Послѣ того я пустился по лугамъ, и сдѣлавъ еще верстъ десять, весь измокшій пришелъ наконецъ въ Дѣдново. Это огромное и богатое село (болѣе 3,000 душъ) лежитъ по обоимъ берегамъ Оки верстахъ въ 60 отъ губернскаго города. Главный источникъ его богатства заключается въ значительномъ отпускѣ сѣна, которое вверхъ по Окѣ сплавляется до Коломны, а оттуда идетъ въ Москву. И дѣйствительно, сѣнокосъ еще не кончился, а уже видно было, что нѣсколько барокъ, задавленныхъ громадами сѣна, смиренно жались вдоль лѣваго берега. Въ историческомъ отношеніи имя села Дѣднова тѣсно связано съ воспоминаніями

* Рязан. Вѣд. 1853 г., № 18.

о началѣ Русскаго флота: въ 1667 г., въ царствованіе Алексѣя Михайловича, здѣсь былъ построенъ Голландскими мастерами первый Русскій корабль о трехъ мачтахъ «Орелъ», который по Окѣ и Волгѣ спущенъ въ Астрахань. Но эта попытка завести флотъ на Каспійскомъ морѣ, какъ извѣстно, кончилась неудачно: «Орелъ» былъ сожженъ Стенькою Разинымъ.

На постояломъ дворѣ я нашелъ опять одинъ только женскій полъ; мужчины по обыкновенію находились на промыслахъ. Вслѣдъ за мною сюда явилось еще нѣсколько проѣзжихъ, между которыми главную роль играли двоз Коломенцевъ, именно—хозяинъ одной барки и его прикащикъ.

Хозяинъ барки—маленькій человѣкъ съ плутоватою физіономіей и съ порядочною лысиной на головѣ — былъ значительно на-веселѣ, и весь вечеръ подтрунивалъ надъ старою толстою работницей, требуя отъ нея удовлетворенія за нанесенную ему обиду. Сидя за ужиномъ, онъ безпрестанно возвращался къ тому же предмету, и такъ безсвязно повторялъ исторію этой обиды, что я только часа чрезъ полтора едва могъ понять, въ чемъ она заключалась. Года два тому назадъ пришлось ему стоять на томъ же дворѣ; вдругъ за нимъ прискакалъ нарочный съ извѣстіемъ, что барка остановилась на Бѣлоустьѣ. Онъ хотѣлъ тотчасъ же ѣхать и давалъ старухѣ какую-то бумажку; но та отвѣчала, что сдачи у нея нѣтъ, а въ то же время безъ уплаты денегъ не соглашалась его отпустить.

— Что ты будешь дѣлать съ бабой!... Я въ кабакъ... выпилъ... Вдругъ приходитъ племянникъ и говоритъ мнѣ: это, дяденька, вздоръ, что барка остановилась на Бѣлоустьѣ; по моему не надо ихъ баловать... Я вижу, племянникъ говоритъ правду.... На повѣрку-то вышло, что я и на Бѣлоустье не поѣхалъ, и денегъ не заплатилъ, а поѣхалъ въ Коломну....

Тѣмъ не менѣе чудакъ приставалъ теперь къ старухѣ, какъ она могла не повѣрить ему и оцѣнить его въ четыре съ полтиною; а для мировой требовалъ, чтобы виновная поклонилась ему въ ноги и купила косушку вина; въ противномъ случаѣ грозилъ ей, что она не умретъ. «И проживешь ты еще 120 лѣтъ, и будешь мучиться, прибавлялъ онъ,—потому что не будетъ тебѣ развязки!»

Всю эту болтовню Коломенскій краснобай сопровождалъ различными поговорками, прибаутками и уморительными гримасами, такъ что почтенная компанія помирала со смѣху, разумѣется, исключая бѣдной старухи, которая сначала пыталась отшучиваться; но уничтоженная неистощимостію своего противника, потомъ лишь только хлопала глазами. Когда мнѣ порядкомъ наскучило повтореніе все той же исторіи, я отправился на сѣновалъ—любимое мѣсто моего отдохновенія, и заснулъ подъ мирный, тихій стукъ падавшаго дождя.

Представьте себѣ мое огорченіе, когда, проснувшись на другой день, я услыхалъ все тотъ же мѣрный стукъ на крышѣ, подъ которою вчера такъ сладко заснулъ. На верху не было видно ни неба, ни солнца, ни даже облаковъ; и вмѣсто всего этого, на горизонтъ налегла какая-то сѣрая, влажная масса, изъ которой вода безпрерывно сыпалась то мелкими, то крупными каплями.

Когда я вошелъ въ избу, тамъ господствовала тихая домашняя дѣятельность: старая работница суетилась около печки; другая старуха, мать хозяина, качала въ люлькѣ маленькое дитя; молодая хозяйка шила ситцевую рубашку, вѣроятно, мужу; а подлѣ нея бѣлокурая дочка лѣтъ десяти занималась письмомъ съ одной церковной книги. Послѣднее обстоятельство, конечно, пришлось мнѣ по сердцу; но стыдливая дѣвочка никакъ не хотѣла показать своего писанья чужому человѣку и тотчасъ убѣжала за перегородку. Я сѣлъ у окна, и въ раздумьѣ сталъ смотрѣть на рѣку, по которой плескались мутныя волны. Нѣсколько минутъ спустя, послышались веселые звуки свадебной пѣсни, и по улицѣ прошла небольшая толпа бабъ и дѣвокъ; изъ среды ихъ время отъ времени выбѣгала впередъ маленькая женщина въ желтой душегрѣйкѣ, оборачивалась назадъ, и, поднявъ вверхъ одну руку съ платкомъ, а другую съ полштофомъ, выдѣлывала по грязи какіе-то па. Это пьяное веселье сливалось въ довольно дикую гармонію съ печальнымъ ненастьемъ.

Прошло еще нѣсколько времени колебанія. Ясно было, что «па́водокъ» (продолжительный дождь) разыгрался на долго, можетъ быть на недѣлю и болѣе. Нечего дѣлать, пришлось уступить врагу всѣхъ загородныхъ прогулокъ и отложить до лучшихъ дней окончаніе предпринятаго путешествія. Нѣсколько верстъ я брелъ по липкой глинистой грязи, пока не выбрался на Московско-Рязанское шоссе. Это шоссе значительно облегчило мнѣ обратный путъ.

II.

ДАВНІЯ И НЕДАВНІЯ ПОМИНКИ.

Изъ воспоминаній студента. *

Недавнія потери, понесенныя Московскимъ Университетомъ, не могли не отозваться печалью въ различныхъ уголкахъ Россіи; но въ сердцѣ многихъ бывшихъ студентовъ на ряду съ чувствомъ тихой грусти воскресли свѣтлыя воспоминанія о годахъ счастливой юности. Изъ такихъ воспоминаній вотъ что особенно живо сохранилось въ моей памяти.

Тому уже лѣтъ восемь. Былъ солнечный іюльскій день. Къ Москвѣ по одному изъ шоссе, съ южной стороны, тихо подъѣзжала кибитка, запряженная тройкой какихъ-то несчастныхъ клячъ. Возлѣ кибитки шагалъ высокій, сухощавый парень съ рыжею бородою въ синемъ, нанковомъ чекменѣ; въ зубахъ у него торчала коротенькая трубка; изрѣдка онъ помахивалъ кнутомъ на своихъ клячъ, когда онѣ слишкомъ низко опускали свои головы, и заставлялъ ихъ идти бодрѣе. Въ кибиткѣ лежало четверо молодыхъ людей въ разнообразныхъ пальто, всѣ бокомъ и довольно плотно прижавшись другъ къ другу: это было единственное положеніе, въ которомъ они всѣ разомъ могли предаться отдохновенію. Молодые люди только что окончили гимназическій курсъ, и теперь, какъ видите, душою и тѣломъ стремятся въ Московскій Университетъ на долгихъ. Всѣ они болѣе или менѣе дѣти бѣдныхъ, но . . . не знаю право какъ сказать, благородныхъ или неблагородныхъ родителей. Вотъ эти двое бѣлокурыхъ—сыновья мѣщанъ; этотъ сынъ мелкаго помѣщика, а четвертый, красивый брюнетъ, происходитъ отъ бѣднаго чиновника. У каждаго изъ нихъ

* Московскія Вѣдомости. 1858. № 64. Написано по поводу послѣдовательной кончины трехъ московскихъ профессоровъ: Грановскаго, Кудрявцева и Рулье.

въ карманѣ по нѣскольку рублей серебромъ; они сами еще не могутъ опредѣлительно сказать, какими средствами будутъ существовать въ Москвѣ, да впрочемъ и мало о томъ заботятся.

Наши молодые люди ничего не хотятъ знать кромѣ того, что они теперь уже господа студенты, и дорогою при удобномъ случаѣ даютъ это замѣтить всѣмъ и каждому. Боже храни, если кто вздумаетъ съ ними повздорить; пылкое юношество начинаетъ тотчасъ волноваться; особенно страшенъ становится тогда сынъ помѣщика, высокій плотный парень съ богатырскою грудью; онъ давно составилъ себѣ репутацію необыкновеннаго силача; а потому въ его словахъ и движеніяхъ замѣтна невозмутимая самоувѣренность. Въ сущности, какъ и бываетъ большею частію, онъ очень добрый малый, довольно талантливый, но, къ сожалѣнію, весьма лѣнивый и безпечный; подобные люди обыкновенно пользуются большою популярностью въ кругу своихъ товарищей и знакомыхъ.

Путешествіе впрочемъ совершалось безъ особенныхъ приключеній. Днемъ, во время долгихъ остановокъ на постоялыхъ дворахъ, между тѣмъ какъ усталые кони жуютъ свой кормъ, молодежь не теряетъ времени даромъ: она осматриваетъ мѣстность, купается, дѣлаетъ нѣкоторыя попытки къ приключеніямъ, болѣе или менѣе неудачныя, или сидитъ за самоваромъ и ведетъ одушевленную бесѣду; разсказамъ, пѣснямъ и остротамъ нѣтъ конца. Но вотъ пришла послѣдняя станція. Господа студенты, вдоволь находившись по лугамъ и кустарникамъ, черезъ которыя пролегаетъ дорога, улеглись въ повозку, опустили рогожу, чтобы защитить себя отъ лучей солнца, которые припекаютъ ихъ довольно сильно, и задремали.

Москва! Москва! воскликнулъ одинъ изъ путешественниковъ, приподнявъ край рогожи. Товарищи его вскочили съ своихъ мѣстъ и начали протирать глаза. Сердца ихъ сильно бились при видѣ города, который широкою полосою разстилался по горизонту; концовъ его никакъ нельзя было охватить взоромъ: они убѣгали за темнозеленыя рощицы и пригорки. Въ глазахъ запестрѣли безчисленныя главы и колокольни. «Вотъ это долженъ быть Иванъ Великій!»—единодушно провозгласили молодые люди, указывая на колокольню Симонова монастыря, которая казалась выше всѣхъ другихъ. «Что это за облако, которое повисло надъ серединою города? странно, что оно не мѣняетъ своей симметрической формы и остается неподвижно»;—говорили они, смотря на храмъ Спасителя, который въ то время, окутанный лѣсами, издали дѣйствительно походилъ на облако. Ямщикъ сѣлъ на козлы, взялъ возжи и быстро замахалъ кнутомъ, съ разными побудительными восклицаніями. Спустя часъ или полтора, повозка съ торжествомъ (какъ намъ казалось) въѣхала въ заставу и застучала по

мостовой; путешественники едва успѣвали бросать любопытные взгляды на разные предметы, которые замелькали передъ ними.

Какимъ образомъ наши молодые люди водворились въ Москвѣ, нанявши маленькую комнатку у какого-то портнаго, и какими приключеніями ознаменовалось у нихъ первое время студенчества,—этого я не берусь описывать. Перехожу прямо къ лекціямъ.

—

На третьемъ этажѣ университетскаго зданія въ Малой юридической аудиторіи толпятся студенты перваго курса юридическаго и словеснаго факультета, большею частію новички. Они собираются и расходятся небольшими группами; только нѣкоторые, еще не успѣвшіе познакомиться съ товарищами, сидятъ отдѣльно и съ большимъ любопытствомъ смотрятъ на все окружающее. Но вотъ тѣ, которые стояли на верху чугунной лѣстницы и, опершись на рѣшетку, смотрѣли внизъ, поспѣшили войти. «Грановскій, Грановскій!» послышалось со всѣхъ сторонъ; студенты бросились занимать мѣста и стѣснились вокругъ каѳедры. Въ дверяхъ аудиторіи показался человѣкъ, наружность котораго съ перваго взгляда приковывала къ себѣ вниманіе молодаго поколѣнія. Высокій лобъ, темныя кудри, спускавшіяся почти до плечъ; особенно большіе каріе глаза съ оттѣнкомъ задумчивости сообщали физіономіи Грановскаго очень умное и вмѣстѣ величавое выраженіе. «Милостивые государи», началъ онъ своимъ тихимъ, симпатичнымъ голосомъ, «мы собрались для того, чтобы прослѣдить судьбы историческаго міра; но прежде всего намъ предстоитъ рѣшить вопросъ, что такое самая исторія, и какое мѣсто занимаетъ она въ области человѣческихъ наукъ...» Въ нѣсколько минутъ профессоръ совершенно овладѣлъ вниманіемъ юныхъ слушателей, и его художественная, нѣсколько отрывистая рѣчь дѣйствительно была увлекательна. Очень сожалѣю, что у меня не сохранилось начало курса, и я не могу привести собственныхъ словъ профессора, словъ, къ которымъ мы прислушивались съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ. Помню только, что онъ говорилъ о томъ, какія мнѣнія въ разныя времена существовали объ исторіи, какъ наукѣ; какъ отъ самыхъ узкихъ понятій писатели переходили къ болѣе и болѣе широкимъ воззрѣніямъ. Нѣсколько лекцій посвящено было этому вопросу, и мнѣ очень хорошо помнится, что послѣ каждой изъ нихъ я съ возрастающимъ интересомъ задавалъ себѣ вопросъ: да что же такое наконецъ исторія и гдѣ искать настоящую точку зрѣнія?

Я былъ слушатель Грановскаго, но иногда посѣщалъ лекціи Кудрявцева. Когда я пришелъ послушать его въ первый разъ, Большая словесная аудиторія была почти наполнена студентами; особенно густою толпою

окружали они самую каѳедру. Кудрявцевъ говорилъ о религіозномъ движеніи въ XVI столѣтіи. Высокое чело профессора, обнаженное сверху и оттѣненное по бокамъ прядями русыхъ волосъ, его крупный римскій носъ, худыя щеки, кроткое, задумчивое выраженіе глазъ—заключали въ себѣ что-то невольно внушающее уваженіе. Вся фигура Петра Николаевича наклонилась впередъ; мелодическій, очень тихій голосъ его едва былъ слышенъ для меня, несмотря на глубокую тишину, которая господствовала въ аудиторіи. Сочувствіе профессора къ великому человѣку, и уваженіе, съ которымъ онъ отзывался о его личности, придавали лекціи особенную занимательность.

И Грановскій, и Кудрявцевъ принадлежатъ теперь исторіи Московскаго университета. Интересно сравнить эти двѣ свѣтлыя личности; но мы говоримъ не о томъ сравненіи, которое удовлетворяется только рѣшеніемъ вопроса: кого изъ нихъ надобно поставить выше и кого ниже? По личнымъ свойствамъ, эти два человѣка походили другъ на друга развѣ только своею кротостію, благодушіемъ и равною любовью къ наукѣ; но какъ историки и профессоры они имѣли совершенно различный характеръ. Узнавая ближе Тимофея Николаевича, вы читали на его лицѣ крупными буквами начертанное слово: «сильный талантъ», между тѣмъ какъ физіономія Петра Николаевича носила на себѣ печать «великаго труда». Да не подумаетъ кто-либо, что наши слова заключаютъ въ себѣ намекъ на недостатокъ труда у Грановскаго или таланта у Кудрявцева. Нѣтъ, мы хотимъ только указать на ихъ характеристическія, преобладающія стороны.

Ходилъ я слушать иногда и незабвеннаго Рулье, подобно другимъ студентамъ, непринадлежавшимъ математическому факультету, которыхъ привлекало популярное изложеніе Карла Францовича. Какъ теперь вижу передъ собою одну изъ математическихъ аудиторій и полную, добродушную фигуру профессора. Откинувъ голову нѣсколько назадъ, Карлъ Францовичъ съ удивительною ясностію и простотою разсказываетъ своимъ слушателямъ о полетѣ птицъ. Объяснивъ физическія условія полета, заключающіяся въ самой организаціи пернатаго царства, въ томъ, что все ихъ тѣло и оконечности устроены какъ нарочно для плаванія по воздуху, онъ перешелъ къ болѣе неуловимой сторонѣ этого явленія—къ энергіи, къ увѣренности, съ которою птицы стремятся впередъ, и въ этомъ видѣлъ главное условіе полета. Звучный голосъ, безъискусственное свободное краснорѣчіе профессора, легкая улыбка, почти никогда не покидавшая его лица, уничтожали совершенно обычную сухость и оффиціальность лекцій. Это скорѣе была откровенная бесѣда, которую умный, словоохотливый хозяинъ ведетъ съ своими гостями. Если кто изъ гг. профессоровъ, извѣстныхъ мнѣ, и

походилъ характеромъ своего таланта на Тимофея Николаевича Грановскаго и во многомъ напоминалъ его образъ изложенія, такъ это по преимуществу Карлъ Францовичъ Рулье. *

Воспоминаніе объ А. Н. Костылевѣ. **

Всякій, кому дороги успѣхи нашего развитія, не можетъ не порадоваться тому направленію, которое принимаетъ Русская литература въ послѣднее время. Отъ робкихъ, неясныхъ теорій, отъ туманныхъ грёзъ и неестественныхъ идеаловъ мы переходимъ къ вопросамъ жизни, въ область дѣйствительности; отъ общихъ мѣстъ (если можно такъ выразиться) къ полному, всестороннему изученію самихъ себя. А извѣстно, какъ бы ни были прекрасны идеалы, украшенные цвѣтами воображенія, сочувствіе, возбуждаемое ими, никогда не можетъ сравниться съ тѣмъ интересомъ, который встрѣчаетъ живая дѣйствительность. Разумѣется, мы говоримъ о преобладающемъ характерѣ, о большинствѣ замѣчательныхъ явленій въ литературѣ нашего времени сравнительно съ предыдущимъ. Не входимъ въ подробное исчисленіе тѣхъ вопросовъ и тѣхъ сторонъ настоящей литературы, которыми она непосредственно связываетъ себя съ нашею жизнію; всѣ эти вопросы болѣе или менѣе извѣстны читающей публикѣ. Укажемъ только на воспоминанія о многихъ чистыхъ личностяхъ, по большей части рано похищенныхъ смертію. Вмѣсто сухихъ, оффиціальныхъ некрологовъ, вмѣсто одностороннихъ, похожихъ одна на другую біографій или, лучше сказать, формулярныхъ списковъ, въ которыхъ перечислялись служебные подвиги покойниковъ, мы начинаемъ встрѣчать теплыя, искреннія слова о людяхъ, жизнь которыхъ протекла тихо и скромно, но которыхъ дѣятельность имѣла неотразимое и благотворное вліяніе на ту или другую часть современнаго общества.

---

* Нелишнимъ считаю сообщить о судьбѣ помянутыхъ выше трехъ своихъ товарищей. Всѣ они поступили на медицинскій факультетъ. Одинъ давно уже умеръ бѣднымъ военно-флотскомъ медикомъ въ какомъ-то Петербургскомъ гошпиталѣ; красивый брюнетъ былъ небезъизвѣстнымъ въ Москвѣ аккушеромъ, и нетакъ давно отошелъ въ вѣчность. Третій, сынъ помѣщика, кончилъ трагически. По лѣности своей онъ застрялъ на первомъ же курсѣ, оставилъ университетъ, и потомъ сдѣлался провинціальнымъ актеромъ, имѣя нѣкоторое сценическое дарованіе. Однажды гдѣ-то въ клубѣ или трактирѣ онъ поссорился съ мѣстнымъ помѣщикомъ-буяномъ, и въ происшедшей дракѣ поколотилъ его. Тотъ не вытерпѣлъ своего позора, и застрѣлилъ несчастнаго актера изъ-за угла. *Позднѣйшее прим. автора.*

** Моск Вѣдом. 1858. № 109.

Александръ Николаевичъ Костылевъ не принадлежалъ къ виднымъ дѣятелямъ общественнаго развитія: онъ слишкомъ мало жилъ для этого. Онъ относится къ тѣмъ личностямъ, которыя не займутъ мѣста ни въ исторіи наукъ и литературы, ни въ біографическомъ словарѣ знаменитыхъ мужей, и которыя оставили послѣ себя только свѣтлыя воспоминанія у людей, коротко съ ними знакомыхъ. Но Костылевъ былъ однимъ изъ благороднѣйшихъ представителей современнаго намъ молодаго поколѣнія—представителей, на которыхъ общество возлагаетъ лучшія свои надежды. Къ этому-то молодому поколѣнію (преимущественно студентовъ Московскаго университета) да позволено будетъ намъ обратиться съ своими воспоминаніями *.

Всѣхъ, знавшихъ Александра Николаевича Костылева, особенно привлекали двѣ характеристическія черты его личности: съ одной стороны жажда знанія и полезной дѣятельности, а съ другой неисчерпаемый запасъ веселости и добродушія. То была натура, щедро одаренная отъ природы: прекрасная память и быстрое соображеніе давали ему возможность работать очень скоро и въ то же время основательно; а всегда ровное, веселое настроеніе, при значительной степени остроумія, дѣлало его товарищемъ и собесѣдникомъ неоцѣненнымъ. Относительно занятій научныхъ въ немъ преобладало столь свойственное молодымъ людямъ направленіе энциклопедическое. Почти всѣ науки, всѣ отрасли литературы болѣе или менѣе имѣли для него живой интересъ, или, лучше сказать, онъ увлекался ими поочереди и постепенно. Въ самой ранней юности, какъ обыкновенно бываетъ у людей талантливыхъ, съ живымъ воображеніемъ, Александръ Николаевичъ сочувствовалъ болѣе всего поэзіи и писалъ стихи (нѣкоторыя изъ его стихотвореній помѣщены въ «Звѣздочкѣ»). Потомъ онъ перешелъ къ занятіямъ классическою литературою: въ то время, когда я съ нимъ познакомился, т.-е. при началѣ университетскаго курса, онъ съ увлеченіемъ читалъ Гомера и умѣлъ наслаждаться его красотами. Лекціи Ѳ. И. Буслаева пробудили въ немъ интересъ къ сравнительному языковѣдѣнію. Къ изученію языковъ онъ вообще имѣлъ рѣдкую способность и охоту: кромѣ языковъ классическихъ, а изъ новѣйшихъ Французскаго и Нѣмецкаго, основательное знаніе которыхъ принесъ съ собою въ университетъ,—впослѣдствіи онъ выучился читать по-Англійски, по-Итальянски и по-Шведски. Языки конечно составляли для него не цѣль,

* Мы хотимъ только пополнить то, что было сказано объ А. Н. Костылевѣ въ двухъ нумерахъ Моск. Вѣд. 1856 г.: одна статья—извѣстіе о его смерти съ краткою характеристикою, отъ редакціи; другая—письмо кн. Голицына (если не ошибаюсь изъ Кіева), также вызванное его смертію.

а средство расширить кругъ писателей, доступныхъ ему въ подлинникѣ; такъ онъ прочелъ въ подлинникѣ «Божественную Комедію» и отчасти «Донъ-Кихота». За тѣмъ мало-по-малу вниманіе его начало останавливаться преимущественно надъ науками, которыя непосредственно изслѣдуютъ законы общественныхъ явленій. Въ послѣдніе годы своей короткой жизни онъ остановился на политической экономіи и статистикѣ, и этимъ двумъ наукамъ готовился посвятить свои силы. Пріуготовительныя работы уже приходили къ концу; экономическая литература прочтена и усвоена въ лицѣ своихъ представителей; въ газетахъ уже было напечатано объявленіе объ отъѣздѣ за границу, гдѣ Александръ Николаевичъ предполагалъ закончить свое университетское образованіе и собрать матеріалы для своей диссертаціи; казалось, уже недалеко было до университетской каѳедры,—но судьба рѣшила иначе. Въ маѣ 1856 года онъ скончался въ Петербургѣ, послѣ непродолжительной болѣзни, 23-хъ лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ Москвѣ на Даниловскомъ кладбищѣ. Друзья и родные приписали его смерть вліянію непривычнаго Петербургскаго климата. Богъ знаетъ, была ли то главная причина; можетъ быть, это одна изъ жертвъ слишкомъ ранняго развитія и напряженной дѣятельности.

Относительно литературной дѣятельности Александра Николаевича мы можемъ указать на цѣлую массу переводовъ и извлеченій, помѣщенныхъ въ литературномъ отдѣлѣ «Московскихъ Вѣдомостей» 1852 — 1856 гг. Въ этихъ трудахъ нельзя не замѣтить легкости и искусства, съ которыми покойный передавалъ на Русскій языкъ смыслъ или сущность подлинника. Изъ оригинальныхъ его статей напомнимъ читателямъ «Московскихъ Вѣдомостей» въ особенности два письма къ редактору: «Переѣздъ изъ Москвы въ Новочеркаскъ» и «Городъ Новочеркаскъ», въ которыхъ видна наблюдательность, остроуміе и умѣнье подмѣтить характеристическую сторону предмета.

Какъ мы сказали, не одна жажда полезной дѣятельности вызывала сочувствіе и уваженіе въ людяхъ, знавшихъ покойнаго Костылева; другая сторона этой личности была еще болѣе привлекательна. Кротость, сообщительность характера и постоянная готовность оказать услугу ближнему, и притомъ оказать ее самымъ деликатнымъ образомъ, конечно пріобрѣтали ему много искреннихъ друзей. Но что особенно заставляло его любить — это почти никогда непокидавшая его веселость, соединенная съ умѣньемъ поселить вокругъ себя миръ и доброе настроеніе. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ сангвиниковъ, у которыхъ серьезное практическое направленіе находится въ гармоніи съ душевною ясностію и теплотою, которые способны отыскать вездѣ хорошія стороны

и подмѣтить что-нибудь забавное даже въ своихъ собственныхъ неудачахъ. Я никогда не видалъ, чтобы онъ пришелъ въ уныніе отъ какой-нибудь несбывшейся мечты или обманутаго ожиданія, если дѣло касалось только его личныхъ интересовъ. Его остроуміе не имѣло въ себѣ ни капли горечи, а добродушная веселость была самаго заразительнаго свойства: оставаться нахмуреннымъ кому-нибудь изъ товарищей въ его присутствіи не было никакой возможности. Почти на всякій случай у него готово было острое замѣчаніе, легкая шутка или забавный анекдотъ. Это былъ единственный человѣкъ, извѣстный мнѣ, который откровенно сознавалъ себя вполнѣ счастливымъ и который всегда готовъ былъ на пожертвованія для счастія другихъ. Конечно личность, очерченная нами, еще не успѣла вполнѣ сложиться; въ ней было еще много недозрѣлаго, не совсѣмъ опредѣлившагося, много чисто юношескихъ порывовъ и увлеченій; но странно было бы найти совершенно законченный характеръ и сложившіяся вполнѣ убѣжденія въ 23-хъ лѣтнемъ юношѣ. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы всѣ привлекательныя качества у покойнаго Костылева были только слѣдствіемъ его счастливаго темперамента и тщательнаго воспитанія: нѣтъ, близкіе люди ясно могли замѣтить, какъ онъ боролся съ своими недостатками, и развивалъ свою волю; совершенствованіе его происходило на нашихъ глазахъ. Мы увѣрены, что для тѣхъ, кто хорошо зналъ Александра Николаевича (а такихъ людей найдется довольное число не только въ Москвѣ, но и въ другихъ уголкахъ Россіи), нашъ очеркъ не покажется пристрастнымъ или преувеличеннымъ. А. Н. Костылевъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ отзывы не отличаются разногласіемъ.

Просимъ позволенія у читателей привести нѣсколько строкъ изъ дружеской, задушевной переписки покойнаго для того, чтобы ближе познакомить молодое поколѣніе съ однимъ изъ лучшихъ его представителей.

*„Мыза Трескенда *, 5-го іюня 1855 г.“*

«.....пишу къ тебѣ стоя, къ чему долженъ былъ прибѣгнуть въ слѣдствіе боли въ спинѣ. Окно мое отворено, вѣтеръ колышетъ шелестящія вѣтви березъ; передо мною на комодѣ, исправляющемъ должность бюро, благоухаютъ пучки сирени и ландышей, которыхъ въ Рязани вѣроятно уже съ мѣсяцъ нѣтъ и въ поминѣ. Я не описываю стѣнъ моей комнаты—

* Недалеко отъ Гельсингфорса. Покойный проводилъ тамъ лѣто въ семействѣ Карамзиной, по первому браку Демидовой, въ качествѣ гувернера при ея сынѣ (потомъ извѣстномъ князѣ Санъ Донато.)

это обыкновенный мезонинный покой, въ которомъ помѣщаютъ на дачахъ гувернера съ его питомцемъ: зелененькіе обои, два дѣвственныя ложа и проч. въ этомъ родѣ. Но гувернеръ на сей разъ составляетъ исключеніе изъ правила: *это счастливѣйшій смертный*, какимъ не перестаетъ быть нигдѣ: ни въ Петербургѣ, ни въ Финляндіи, ни подъ тропиками, ни подъ полярнымъ кругомъ (впрочемъ, послѣдніе два случая только въ будущемъ *)». Нѣсколько ниже онъ мимоходомъ дѣлаетъ замѣтки о Финляндской природѣ и населеніи, которыя, надѣемся, не безъ интереса прочтутъ люди, незнакомые съ тѣмъ краемъ: «Характеръ страны, на сколько я ее видѣлъ, сумрачный и суровый. Всюду скала, низменная растительность, по дорогѣ песокъ (впрочемъ дороги великолѣпны: это естественное шоссе); мало селеній и ни одного многолюднаго. Но болѣе всего прочаго сообщаютъ ландшафту мрачный колоритъ валуны, засѣевающіе собою землю въ невообразимомъ множествѣ. Древнѣйшіе изъ земныхъ путешественниковъ, какъ называетъ ихъ Шлейденъ, оторванные нѣкогда отъ Скандинавскихъ горъ, они были разнесены льдинами по направленіямъ теченій моря, покрывавшаго нѣкогда сѣверъ нашего материка. Между ними есть множество такихъ, которые больше знаменитаго валуна, служащаго подножіемъ статуѣ Петра Великаго въ Петербургѣ. Прочіе также были нѣкогда больше въ объемѣ, чѣмъ теперь, но скатываясь съ горъ и разбиваясь, нерѣдко даже разбиваемые людьми, напр. для легчайшаго снятія ихъ съ дорогъ, наконецъ трескаясь отъ сырости,— они должны были значительно уменьшиться въ размѣрахъ. Нѣкоторые ранѣе другихъ подверглись дѣйствію всесокрушающаго времени и раскрошились или крошатся теперь, принимая видъ кучъ щебня (участь ожидающая и пьедесталъ Мѣднаго Всадника). Мхи и лишаи покрываютъ ихъ въ большей или меньшей степени. Деревья и кустарники лѣпятся только по цѣльнымъ скаламъ, едва вымогая у почвы для себя пищу. Обнаженный корень пускаетъ отъ себя мочки во всѣ щелки, въ которыхъ собралось сколько-нибудь земли, и дерево живетъ, но непродолжительность лѣта не даетъ ему достигнуть значительной величины. Суровость климата дѣйствуетъ непріязненно и на человѣка. Финское племя некрасиво; успѣхи гражданственности и смѣсь съ Шведскимъ племенемъ мало подѣйствовали на его безобразный сѣверный типъ. Впрочемъ, по мѣрѣ приближенія къ границамъ Шведской національности, около Ловизы, гдѣ жители принадлежатъ къ обѣимъ націямъ, типъ Финляндца примѣтно улучшается. На-

---

* Путешествія съ этнографическою и статистическою цѣлью составляли его любимую мечту.

чиная съ Борго, по всему южному берегу живутъ одни Шведы, и здѣсь ни отъ кого не услышишь слова по-Фински. Это племя, которому страна обязана своею цивилизаціею, составляетъ $^1/_8$ часть ея населенія. Оба племени одинаково отличаются опрятностію своихъ жилищъ. Въ частныхъ домахъ, въ гостинницахъ, на станціяхъ, ничего не сдѣлано для внѣшности и все для внутренняго посильнаго комфорта. Города смотрятъ чрезвычайно чисто и представляютъ несравненно больше признаковъ умственной жизни, чѣмъ самое громадное большинство нашихъ городовъ. Въ ресторацiи маленькаго Борго получаются Шведскія и Финляндскія газеты и «Русскій Инвалидъ». Гельсингфорсъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе: это маленькій городъ, но въ немъ университетъ, нѣсколько превосходныхъ книжныхъ магазиновъ, четыре или пять журналовъ (въ томъ числѣ Literatur Bladet, издаваемый Снэльманомъ, человѣкомъ замѣчательно талантливымъ,—нѣчто въ родѣ Литер. Отдѣла Моск. Вѣдом.), все это непривычно и тѣмъ болѣе должно быть пріятно для насъ Русскихъ. Я былъ у профессора Барановскаго, котораго видѣлъ въ Москвѣ, и у ректора Рейно, написавшаго статистику Финляндіи. Послѣдній отличный человѣкъ. Я настолько успѣлъ въ Шведскомъ языкѣ, что прочелъ двѣ статьи Барановскаго: Статистику народонаселенія и Уголовную статистику Финляндіи—составляющія существенное пріобрѣтеніе въ статистической литературѣ. Окрестности Трескенды живописны: много воды, потому что всюду озера, надъ ними отвѣсныя или спускающіяся ступенями скалы, съ которыхъ открываются виды на прихотливо очерченные берега съ купами деревьевъ, въ глубинѣ ландшафта домъ, въ которомъ мы живемъ, надъ водою рыбачья хижина, и цѣлая цѣпь солдатъ, удящихъ рыбу; молодые ястреба, берущіе на болотѣ первые уроки летанья; во всю ночь свѣтъ, отъ котораго не скроешься ни за какими шторами,—вотъ что я здѣсь вижу. Не знаю, что увижу впослѣдствіи».

Выпишемъ теперь то, что говоритъ онъ (отъ 28 августа 1855 г.), по поводу своихъ занятій, между прочимъ о Джонѣ Стюартѣ Миллѣ: «Какъ бы то ни было, этотъ писатель заслуживаетъ не только чтенія, но и изученія. Въ немъ есть тысяча благородныхъ стремленій и ему нельзя не сочувствовать, когда онъ говоритъ объ эманципаціи женщины въ гражданскомъ смыслѣ, объ улучшеніяхъ быта поселянъ и т. п. Онъ также и съ большимъ знаніемъ дѣла говоритъ объ эксцессахъ конкурренціи между Ирландскими коттеджерами, доказывая, что обычное право иногда дѣйствуетъ благодѣтельно на общество. Но онъ въ то же время умѣетъ показать и всѣ выгоды, какія тѣ же бѣдные классы имѣютъ и могутъ имѣть отъ конкурренціи. Вообще онъ обнаруживаетъ симпатію къ побуж-

деніямъ и даже системамъ новѣйшихъ соціалистовъ, но съ другой стороны поставляетъ имъ на видъ, что они еще не видали, что такое современный экономическій режимъ, основанный на личныхъ правахъ собственности, если его очистить отъ всѣхъ злоупотребленій; что, возведенный на степень идеальнаго улучшенія и совершенства, онъ, можетъ быть, заслуживалъ бы предпочтенія передъ всякими другими системами. Но и онъ не можетъ рекомендовать рабочимъ классамъ другихъ средствъ для улучшенія ихъ участи кромѣ воздержанія отъ размноженія, которое ставитъ ихъ все въ большую и большую зависимость отъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Признаюсь, что у меня кружится голова, когда я читаю о положеніи поселянъ въ Ирландіи. Какое же впечатлѣніе должна была бы производить вѣрная картина того, что дѣлается ближе! О, если бы можно было привести въ цыфры всю сумму силъ, отнимаемыхъ отъ душъ и тѣлъ, всю сумму лѣтъ, отнимаемыхъ отъ жизни милліоновъ, то читатели этой кровавой статистики падали бы въ обмороки. Когда подумаешь о народныхъ массахъ, въ которыхъ элементъ умственнаго движенія, т.-е. классъ дѣйствительно образованный, далеко не хватаетъ и до 1%, то не знаешь, что и подумать послѣ того. Придется ли порадоваться существеннымъ успѣхамъ хотя на закатѣ дней?» (ему не суждено было дожить и до ноября 1857 г., т.-е. до извѣстнаго рескрипта Виленскому генералъ губернатору объ улучшеніи крестьянскаго быта).

Къ сказанному прибавимъ еще нѣсколько словъ, которыя одни могли бы освѣтить передъ нами теплое сердце и благородные помыслы покойнаго: «У К. (одинъ изъ его многочисленныхъ пріятелей) умеръ отецъ: дѣла ихъ, по всему вѣроятію, ужасно запутаны. Я крайне боюсь, чтобы И. не пришлось оставить университета. Теперь онъ покуда ѣдетъ въ отпускъ къ своему семейству. Это меня глубоко поразило. Вотъ почему я не въ состояніи болтать съ тобою». Въ другомъ письмѣ между прочимъ говорится: «Да, мы должны дѣйствовать энергически на томъ или на другомъ поприщѣ—это все равно,—только не спать. Д. м., я крѣпко жму твою руку и не сомнѣваюсь, что ты видишь въ этихъ словахъ не пустую фразу. Я самъ служу тебѣ плохимъ примѣромъ: *до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ, умѣлъ быть только счастливымъ; но это для себя, а для другихъ ничего*».

Приведенныхъ строкъ, мы думаемъ, будетъ достаточно для того, чтобы дать понятіе читателямъ, незнакомымъ съ личностію А. Н. Костылева, о томъ, чего общество могло ожидать отъ него, какъ будущаго дѣятеля и какъ человѣка; надѣемся, что никто изъ нихъ не откажется вмѣстѣ съ нами помянуть его добрымъ словомъ.

Упомянемъ еще о послѣднемъ распоряженіи покойнаго: свое довольно полное собраніе экономическихъ писателей онъ завѣщалъ передать тому изъ студентовъ Московскаго университета, который посвятилъ себя занятіямъ тѣми же науками.

Павелъ Ивановичъ Мельниковъ *.

Ровно 35 лѣтъ тому назадъ, въ Ноябрьской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ за 1839 годъ, въ отдѣлѣ Смѣси, появилась статья подъ заглавіемъ «Дорожныя записки на пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь». Записки эти потомъ продолжались и во многихъ послѣдующихъ номерахъ того же журнала. Сжатое, но обстоятельное описаніе городовъ, селъ, монастырей, заводовъ, типовъ мѣстнаго населенія и мѣстной природы, трезвыя сужденія, начитанность и даже нѣкоторые признаки учености, обнаруженные въ ссылкахъ на историческія свидѣтельства, въ статистическихъ указаніяхъ, въ этнографическихъ и даже филологическихъ объясненіяхъ—все это должно было обратить на автора вниманіе читающей публики, по крайней мѣрѣ наиболѣе просвѣщенной ея части, и дѣйствительно обратило. Мало того, означенныя записки не потеряли своего научнаго интереса и для нашего времени. Интересъ этотъ возрастаетъ еще болѣе, когда мы узнаемъ, что авторомъ записокъ былъ 20-лѣтній молодой человѣкъ, успѣвшій впрочемъ уже два года тому назадъ окончить свой университетскій курсъ и подвизавшійся въ то время на педагогическомъ поприщѣ. Конечно мы напрасно стали бы искать здѣсь тѣхъ художественныхъ картинъ, которыми авторъ прославился впослѣдствіи. Талантъ литературный, какъ и всякій другой, крѣпнетъ и развивается постепенно; онъ не рождается во всеоружіи, какъ Аѳина изъ головы Юпитера.

П. И. Мельниковъ родился 22 Октября 1819 года, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Отецъ его, небогатый помѣщикъ Семеновскаго уѣзда, служилъ по дворянскимъ выборамъ и по дѣламъ службы жилъ нѣкоторое время въ уѣздномъ городѣ Семеновѣ. Здѣсь-то, въ этомъ глухомъ Заволжскомъ краю, провелъ свое дѣтство будущій писатель. Онъ росъ посреди лѣсовъ Керженскихъ и Чернораменскихъ, знаменитыхъ своими раскольничьими скитами; онъ съ раннихъ лѣтъ напитался впечатлѣніями той природы и того быта, которыя впослѣдствіи изобразилъ намъ съ такимъ мастерствомъ.

---

* Русскій Архивъ 1875. № I. Читано въ Публичномъ Засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности 10 Ноября 1874 г., на 35-лѣтнемъ литературномъ юбилеѣ П. И. Мельникова. Это было за 8 лѣтъ до его кончины.

Въ 1830 году онъ поступилъ въ Нижегородскую гимназію; а спустя четыре года, перешелъ въ Казанскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ кандидатомъ словеснаго факультета въ 1837 году. Изъ кандидатскаго диплома видно, что кромѣ обязательныхъ предметовъ онъ выслушалъ на восточномъ отдѣленіи факультета исторію Востока по восточнымъ авторамъ, а также исторію Арабской и Персидской литературъ у профессора Эрдмана. Въ слѣдующемъ году онъ назначенъ учителемъ исторіи и статистики въ Пермскую гимназію; лѣтомъ этого года предпринималъ по Пермской губерніи путешествіе, которое и дало ему матеріалъ для упомянутаго выше перваго печатнаго труда его. Черезъ годъ онъ, по желанію своему, былъ переведенъ въ Нижегородскую гимназію на преподаваніе тѣхъ же предметовъ, и въ должности этой оставался до 1846 года.

Семилѣтняя педагогическая дѣятельность Павла Ивановича обнаружила, что онъ не имѣлъ къ ней призванія, т.-е. не владѣлъ потребными для нея качествами, въ чемъ онъ самъ добродушно сознается.

Одинъ изъ его учениковъ по Нижегородской гимназіи, теперь профессоръ Петербургскаго университета, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ біографическомъ очеркѣ другаго его ученика, покойнаго Ешевскаго, слѣдующими словами характеризуетъ эту дѣятельность:

«Пав. И. Мельниковъ мало занимался самымъ преподаваніемъ, рѣдко говорилъ въ классѣ, никогда не слушалъ отвѣтовъ учениковъ, не исполнялъ самыхъ основныхъ началъ педагогіи. Говорятъ, что въ началѣ своей педагогической дѣятельности онъ усиленно работалъ для классовъ, но по неопытности требовалъ слишкомъ многаго съ учениковъ. Египетскія династіи по Шамполіону, философскіе взгляды на паденіе Западной Римской имперіи (составленныя для этого свои записки онъ напечаталъ тогда же въ «Литературной Газетѣ»), Персидская исторія въ эпоху Сассанидовъ входили въ его преподаваніе. Неудача этихъ требованій охладила его: онъ впалъ въ рутину; но если случалось ему замѣчать, что кто-нибудь изъ учениковъ интересуется историческими вопросами, онъ говорилъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ, звалъ его къ себѣ на домъ, давалъ книги, спрашивалъ о прочитанномъ, толковалъ и, такимъ образомъ, поддерживалъ интересъ. Говорилъ онъ всегда превосходно, книги выбиралъ интересныя. Оттого многіе ему чрезвычайно обязаны, а между этими многими въ особенности Ешевскій и я». (См. Сочиненія Ешевскаго, т. I стр. VI).

Для самаго П. И. эта педагогическая эпоха его жизни нисколько не пропала даромъ: онъ много работалъ, онъ постоянно продолжалъ учиться.

Въ этомъ отношеніи на него имѣло счастливое вліяніе одно знакомство. Въ началѣ 1840 года въ Нижній, на мѣсто директора ярмарки, назначенъ былъ графъ Д. Н. Толстой, владѣющій блестящимъ образованіемъ, впослѣдствіи извѣстный знатокъ и любитель отечественныхъ древностей. Онъ немедленно пожелалъ познакомиться съ авторомъ Дорожныхъ записокъ на пути въ Сибирь, сблизился съ нимъ, предоставилъ въ его распоряженіе свою обширную библіотеку и вообще поддерживалъ въ немъ живой научный интересъ. П. И. съ признательностію вспоминаетъ объ этомъ знакомствѣ. Въ связи съ тѣмъ же знакомствомъ издана была имъ въ 1845 г. особая книга о Нижегородской ярмаркѣ; трудъ этотъ немедленно обратилъ на себя вниманіе Географическаго Общества, которое избрало его въ число своихъ членовъ.

Между тѣмъ важнымъ побужденіемъ для П. И. къ занятіямъ мѣстной исторіей и археологіей послужило по Высочайшей волѣ возложенное на него въ 1843 году порученіе изслѣдовать вопросъ о потомствѣ Козьмы Минина. Въ слѣдствіе этого порученія онъ долженъ былъ ознакомиться съ Нижегородскими архивами, а это знакомство дало ему матеріалы для разработки Нижегородской исторіи и древностей. Историческія статьи его, относящіяся къ эпохѣ Суздальско-Нижегородскаго княжества и къ событіямъ Смутнаго Времени, помѣщаемы были отчасти въ Отеч. Зап. и Москвитянинѣ, а главнымъ образомъ въ Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, которыхъ онъ состоялъ редакторомъ съ 1845 по 1850 годъ. Кромѣ собственно статей по гражданской и церковной исторіи края, онъ печаталъ здѣсь грамоты и другіе документы, извлеченные изъ разныхъ архивовъ, описанія старинныхъ церквей и монастырей, матеріалы этнографическіе и статистическіе; далѣе, статьи о фабричной и заводской промышленности, о хлѣбной торговлѣ и т. п. Надобно замѣтить, что въ то же время онъ былъ и секретаремъ Статистическаго Комитета. Вообще неоффиціальный отдѣлъ Губернскихъ Вѣдомостей за упомянутые годы, можно сказать, переполненъ работами П. И-ча; вы ихъ найдете почти въ каждомъ номерѣ, рядомъ съ разными хозяйственными и медицинскими замѣтками, которыми также изобиловало это почтенное, сѣрое изданіе, въ родѣ, напримѣръ, способовъ: «охранять зерновой хлѣбъ отъ мышей», «сохранять молодыхъ индѣекъ отъ болѣзней», «улучшать прогорклость въ маслѣ» и т. п. Тутъ же мы встрѣчаемъ и такія заявленія, которыя указывали на старанія П. И-ча поддерживать въ губернскомъ обществѣ высшіе, научные интересы не однимъ перомъ, но и живымъ словомъ. Такъ въ № 7-мъ за 1847 годъ читаемъ слѣдующее:

«Въ продолженіе наступающаго великаго поста, разныхъ ученыхъ об-

ществъ дѣйствительный членъ и корреспондентъ надв. сов. *Мельниковъ*, съ разрѣшенія начальства Казанскаго Учебнаго Округа, въ залѣ Александровскаго Дворянскаго Института будетъ читать публичныя лекціи о Россіи и въ особенности о Нижнемъ Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка. За входъ въ залу ничего не платятъ».

Изъ дальнѣйшихъ объясненій видно, что таковыхъ лекцій было прочтено пять; а по словамъ автора, на нихъ собиралось все лучшее общество Нижняго; обширная зала была полна каждый разъ, и особенно много присутствовало дамъ. Это были едва ли не первыя въ Россіи публичныя лекціи по отечественной исторіи въ не-университескомъ городѣ.

Въ это именно время П. И., оставившій учебное вѣдомство, былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при Нижегородскомъ военномъ губернаторѣ, князѣ Мих. Александр. Урусовѣ. По устнымъ разсказамъ П. И-ча, князь Урусовъ въ свои чиновники по особ. поруч. умѣлъ отыскивать даровитыхъ и образованныхъ молодыхъ людей. Удачный выборъ его подтвердился и тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ эти бывшіе молодые люди занимаютъ теперь высокія мѣста въ служебной іерархіи, за исключеніемъ развѣ одного только нашего юбиляра. Губернаторъ и супруга его Екатерина Петровна, урожденная Энгельгардтъ, относились къ нимъ такъ радушно, что они принадлежали какъ бы къ членамъ его семьи.

Въ салонѣ княгини Урусовой не только имѣли мѣсто обыкновенныя свѣтскія удовольствія, но у нея нерѣдко происходили литературныя чтенія; такъ въ 1848 году П. И-чъ прочелъ здѣсь избранному кружку нѣсколько лекцій изъ исторіи Русской литературы. По его словамъ это именно былъ періодъ въ его прошломъ, когда онъ увлекался свѣтскою жизнію.

Въ продолженіи своей службы при Нижегородскомъ губернаторѣ П. И., не переставая быть редакторомъ Губерн. Вѣдомостей и секретаремъ Статист. Комитета, исполнилъ по предписаніямъ начальства до 87 порученій, какъ гласитъ его послужной списокъ. Порученія касались разнообразныхъ предметовъ, но наибольшею частію онѣ относились къ дѣламъ раскола. Между прочимъ, по желанію начальства, онъ составилъ подробное описаніе раскольничьихъ скитовъ Нижегородской губерніи. Въ эту именно эпоху онъ и началъ свое основательное изученіе раскола съ его разныхъ сторонъ, вооружаясь кромѣ того разнообразными научными свѣдѣніями, сюда относящимися. Такъ въ томъ же послужномъ спискѣ приводится между прочимъ и слѣдующій фактъ: «При знаніи каноническаго права и раскольничьихъ сочиненій, содѣйствовалъ своими убѣжденіями къ обращенію въ единовѣріе раскольничьихъ скитовъ Керженскаго и Осиновскаго».

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ графъ Перовскій, который также былъ извѣстенъ своимъ умѣніемъ находить и выдвигать талантливыхъ людей, прямо, безъ всякой просьбы со стороны П. И-ча, причислилъ его къ своему министерству чиновникомъ особыхъ порученій, оставивъ его на первое время при Нижегородскомъ военномъ губернаторѣ впредь до окончанія начатыхъ имъ статистическихъ работъ. Это было въ 1850 году. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени, слѣдовательно около 25 лѣтъ, онъ состоитъ въ этомъ сравнительно-скромномъ званіи, т.-е. чиновникомъ при Министерствѣ Внут. Дѣлъ. За гр. Перовскимъ послѣдовалъ Бибиковъ, за Бибиковымъ гр. Ланской, за гр. Ланскимъ Валуевъ и т. д.; но при перемѣнѣ лицъ служебное положеніе П. И-ча, повидимому, не подвергалось важнымъ измѣненіямъ, и повышеніе его совершалось не особенно быстро. Участвуя въ разныхъ комитетахъ и исполняя возлагаемыя на него разнообразныя порученія, онъ изъѣздилъ значительную часть Россіи, продолжая при этомъ изученіе Русскаго раскола и вообще Русскаго народнаго быта, при чемъ главнымъ поприщемъ его дѣятельности по прежнему оставался родной край, т.-е. Нижегородская и смежныя съ ней губерніи.

Между прочимъ въ 1852—53 гг. онъ состоялъ начальникомъ статистической экспедиціи, отправленной Министерствомъ В. Д. въ Нижегородскую губернію, при чемъ ему поручено было собрать свѣдѣнія преимущественно о числѣ раскольниковъ, которое такъ далеко расходилось съ оффиціальными данными, а кромѣ того, на сколько возможно, уяснить и самый духъ раскола. Понятно, что подобныя порученія принадлежали къ числу не только т. наз. секретныхъ, но и самыхъ секретнѣйшихъ. Плодомъ этихъ работъ явился обширный трактатъ, представлявшійся правительству частями въ теченіе 1853—54 гг. подъ заглавіемъ «О современномъ состояніи раскола». Трактатъ этотъ во многихъ копіяхъ ходилъ по рукамъ между высшими лицами гражданскаго и церковнаго вѣдомства и производилъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе. Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этомъ впечатлѣніи, приведу одинъ примѣръ. Пока появлялись тѣ части трактата, въ которыхъ изображался расколъ съ разныхъ неблагопріятныхъ для него сторонъ, одно высокопоставленное духовное лицо показывало П. И-чу лестное вниманіе; но когда появилась послѣдняя часть, въ которой указаны отношенія къ расколу со стороны сельскаго духовенства, означенное лицо отвернулось отъ автора и, съ свойственнымъ ему остроуміемъ, замѣтило, играя именами: «Было время, когда изъ Савла вышелъ Павелъ, а нынѣ изъ Павла вышелъ Савлъ». Отрывки изъ означеннаго трактата появились потомъ въ нѣкоторыхъ духовныхъ журналахъ, впрочемъ безъ ссылки на автора. Къ эпохѣ того же тракта-

та относится и сближеніе его съ двумя замѣчательными людьми, служившими въ Министр. В. Д. Это были: Николай Ивановичъ Надеждинъ и Николай Алексѣевичъ Милютинъ, которые также имѣли свою долю хорошаго вліянія на нашего писателя.

Графъ Ланской, назначенный министромъ В. Дѣлъ въ первый годъ новаго царствованія, оказывалъ П. И-чу особое благорасположеніе, такъ что избралъ его редакторомъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ о внутреннемъ состояніи государства. Отчеты эти не были похожи на предшествующіе, въ которыхъ, какъ извѣстно, съ замѣчательнымъ постоянствомъ возвѣщалось о неуклонномъ гражданскомъ преуспѣяніи. Отчетъ за 1855 годъ, написанный блестящимъ перомъ нашего юбиляра, въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ представилъ правдивую картину внутренняго положенія Россіи. На поляхъ этого отчета начертано много Высочайшихъ резолюцій, и въ нихъ уже высказывались зачатки тѣхъ реформъ, которыми Государь Императоръ вскорѣ потомъ осчастливилъ свой народъ. Отрывки изъ этихъ первыхъ отчетовъ были напечатаны въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ началѣ 1858, года, Государь Императоръ, при разсмотрѣніи представленныхъ Ему дѣлъ о раскольникахъ, изволилъ замѣтить, что, не смотря на обиліе печатныхъ и рукописныхъ трактатовъ, исторія, статистика и законодательство раскола еще весьма мало обработаны и что незнаніе всѣхъ обстоятельствъ затрудняетъ правительство не только при рѣшеніи частныхъ случаевъ о раскольникахъ, но въ особенности при избраніи правильной и твердой системы дѣйствія въ отношеніи къ расколу вообще. Посему Государь Императоръ повелѣлъ министру внутреннихъ дѣлъ употребить особыя, чрезвычайныя мѣры для составленія подробнаго и основательнаго изслѣдованія о расколѣ и о всѣхъ раскольничьихъ толкахъ съ изложеніемъ ихъ исторіи, статистики, догматовъ, относившагося къ нимъ законодательства и пр., употребивъ на этотъ *важный государственный трудъ* самыхъ способныхъ чиновниковъ и лицъ, спеціально-знакомыхъ съ предметомъ. Графъ С. С. Ланской вскорѣ доложилъ Государю, что исполненіе Высочайшей воли возложено на двухъ спеціально-занимающихся сею работою чиновниковъ. Это были: П. И. Мельниковъ и его университетскій товарищъ, недавно похищенный смертью, извѣстный нашъ статистикъ Александръ Ивановичъ Артемьевъ. Они успѣли собрать новую массу разныхъ архивныхъ матеріаловъ и издать три тома Сборника постановленій, относящихся къ расколу; но когда въ 1861 году перемѣнилось лицо, управлявшее министерствомъ, работы эти прекратились.

Указавъ вкратцѣ на важнѣйшія работы П. И-ча, сопряженныя съ его

служебною дѣятельностію, перейдемъ къ его трудамъ на поприщѣ собственно-изящной словесности.

Я упомянулъ, что первое напечатанное произведеніе сблизило его съ графомъ Д. Ник. Толстымъ, въ то время только что воротившимся изъ Славянскихъ земель. Между прочимъ П. И. учился у него по польски и перевелъ въ стихахъ изъ Мицкевича поэтическое произведеніе его, озаглавленное *Великій Мастеръ* (Arcy-mistrz). Переводъ этотъ былъ напечатанъ въ Литер. Газетѣ 1840 года, издававшейся, также какъ и Отеч. Зап., А. А. Краевскимъ. Стихъ перевода былъ хотя и гладокъ, но не выразителенъ; двадцатилѣтній переводчикъ понялъ, что поэзія ритмическая не его призваніе и далъ себѣ слово не писать болѣе стиховъ, каковое и исполнилъ. Въ томъ же 1840 году онъ сдѣлалъ попытку написать повѣсть изъ уѣзднаго быта въ сатирическомъ родѣ, подражая извѣстному произведенію Основьяненки «Панъ Халявскій». Повѣсть была озаглавлена «Ельпидорфъ Перфильичъ» и напечатана тамъ же, въ Литературной Газетѣ. Хотя издатель ея, вмѣстѣ съ извѣстнымъ нашимъ критикомъ Бѣлинскимъ, просили П. И-ча продолжать въ томъ же родѣ; но молодой авторъ созналъ свою житейскую неопытность, свое еще слишкомъ малое знакомство съ народомъ и невыработанность самаго языка. Послѣ того онъ занимался только статьями научнаго содержанія и въ теченіи одинадцати лѣтъ не повторялъ своей попытки писать повѣсти.

Въ 1849 году переѣхалъ въ Нижній-Новгородъ В. И. Даль, въ качествѣ управляющаго Удѣльною Конторою. П. И. познакомился съ нимъ еще года четыре назадъ, во время своей первой поѣздки въ Петербургъ; а теперь они сблизились окончательно. Юбиляръ нашъ приписываетъ Далю весьма большое вліяніе на свою литературную дѣятельность, считаетъ себя его ученикомъ и сохраняетъ о немъ благоговѣйную память. Онъ бывалъ у Даля чуть ли не каждый день и помогалъ ему въ первоначальныхъ трудахъ по составленію Толковаго Словаря, о чемъ Даль и заявляетъ въ предисловіи къ словарю. Онъ-то послѣ многихъ настояній и убѣдилъ своего Нижегородскаго друга писать повѣсти. Первою изъ нихъ была «Красильниковы», напечатанная въ Москвитянинѣ 1852 года. Здѣсь авторъ хотѣлъ изобразить столкновеніе молодаго, образованнаго, но еще слабаго силою поколѣнія съ старою, раскольничьею средою, при чемъ первое гибнетъ подъ ударами суроваго, непреклоннаго характера. Эта небольшая повѣсть обнаруживаетъ еще нѣкоторую неопытность, а также излишнюю густоту и яркость красокъ; но въ ней уже видѣнъ будущій художникъ. Она явилась подъ псевдонимомъ: Андрей Печерскій. По своимъ служебнымъ отношеніямъ авторъ считалъ нужнымъ скрыть свое

настоящее имя, съ чѣмъ соглашался и Даль. Послѣдній придумалъ для него и самый псевдонимъ, избравъ для того названіе Печерской улицы, на которой въ то время они оба жили.

За Красильниковыми послѣдовалъ цѣлый рядъ повѣстей, каковы: *Поярковъ*, *Дѣдушка Поликарпъ*, *Старые Годы*, *Медвѣжій Уголъ*, *Непремѣнный*, *Имянинный Пирогъ*, помѣщенные въ Русскомъ Вѣстникѣ; *Бабушкины Росказни и Гриша* — въ Современникѣ. Повѣсти эти совпали съ тѣмъ оживленнымъ періодомъ нашей литературы, который мы обыкновенно называемъ «обличительнымъ». Почти всѣ наши писатели, съ большей или меньшей энергіей, устремились на изображеніе пошлыхъ и темныхъ сторонъ быта. П. И-чъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые при этомъ изображеніи съумѣли остаться въ предѣлахъ художественности и осмыслить многія явленія, казавшіяся безсмысленными для поверхностнаго взгляда. Здѣсь почти въ каждомъ его произведеніи видна тонкая наблюдательность, основательное и разностороннее изученіе Русской жизни, соединенныя съ добросовѣстнымъ, теплымъ отношеніемъ къ дѣлу и съ тѣмъ чувствомъ мѣры, которое дается только художественному чутью. Напримѣръ, изъ упомянутыхъ его повѣстей особенно сильное впечатлѣніе на читающую публику, если не ошибаюсь, произвели *Старые годы*. Наканунѣ уничтоженія крѣпостнаго права, авторъ изобразилъ намъ ту степень безобразія, до котораго могли доходить люди, злоупотреблявшіе этимъ правомъ. Онъ взялъ нѣкоторыя отдѣльныя черты отъ извѣстныхъ деспотовъ и самодуровъ прошлаго времени, каковы: Измайловъ, Баташовъ, кн. Грузинскій и др., и создалъ рядъ картинъ, которыя, при чрезвычайной своей рельефности, все-таки не выступаютъ за предѣлы изящнаго. Другой его разсказъ «Медвѣжій уголъ» произвелъ весьма сильное впечатлѣніе въ томъ вѣдомствѣ, къ которому онъ относится. Авторъ, не имѣя въ виду никакой особой личности, изобразилъ здѣсь просто типъ инженера-эксплуататора. Но изображеніе попало такъ мѣтко, что нѣсколько лицъ, находившихся въ разныхъ губерніяхъ, приняли его на свой счетъ и грозили или послать автору вызовъ, или учинить ему какую-нибудь другую непріятность. Относительно повѣстей П. И-ча надобно поставить ему въ заслугу и то обстоятельство, что въ эту обличительную эпоху, когда въ нашей литературѣ выступили на сцену разныя направленія, онъ не увлекся духомъ времени, не злоупотреблялъ словами «народъ», «община» и т. п., не вводилъ въ свои произведенія никакихъ искусственныхъ тенденцій, а просто изображалъ добро и зло, какъ они представляются большинству образованныхъ людей. Онъ относился къ своему предмету, такъ сказать, эпически и, ярко изображая

темныя стороны нашего быта, оставался человѣкомъ порядка и послѣдовательнаго прогресса.

Наиболѣе граціозный, наиболѣе поэтичный разсказъ изъ этой эпохи безспорно составляетъ *Гриша*, заимствованный изъ того быта, который сдѣлался такъ близокъ сердцу автора, т.-е. изъ быта раскольничьяго. Къ этому быту и къ исторіи раскола онъ возвращается при всякомъ удобномъ случаѣ. За Гришей послѣдовалъ цѣлый рядъ литературно-историческихъ статей, посвященныхъ раскольничьему вопросу. Таковы, во первыхъ, *Письма о расколѣ*, явившіяся въ 1862 г. Онѣ написаны въ отпоръ мнѣнію, первоначально высказанному нѣкоторыми представителями нашей іерархіи, а потомъ подхваченному соціально-демократическимъ элементомъ въ нашей литературѣ, будто расколъ составляетъ готовую почву для переворота, такъ какъ онъ хранитъ въ себѣ демократическія стремленія, имѣетъ не церковное только, но и политическое значеніе. Далѣе явились *Старообрядческіе архіереи* и *Историческіе очерки поповщины* (въ Рус. Вѣстникѣ), обработанные по неизвѣстнымъ дотолѣ источникамъ, извлеченнымъ изъ архивовъ Синода и Министерства В. Д., потомъ *Тайные Секты*, *Бѣлые Голуби*. Кромѣ того, въ Чтеніяхъ Общ. И. и Древн., П. И-чъ началъ было печатать обширные матеріалы для исторіи Хлыстовской и Скопческой ересей; но печатаніе это по нѣкоторымъ обстоятельствамъ онъ прекратилъ.

Литературныя работы его, относящіяся къ расколу, уже начали приносить свой плодъ. Онѣ пролили много свѣта въ одинъ изъ самыхъ темныхъ угловъ Русской жизни, ослабили то отчужденіе, которое мы питали къ этому углу и вызвали болѣе сознательный интересъ къ нему въ Русскомъ обществѣ. Начинающаяся эпоха новыхъ мѣропріятій по этой части находится въ непосредственной связи съ дѣятельностію П. И-ча, о чемъ прямо на дняхъ заявилъ ему въ своей поздравительной телеграммѣ г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.

Чтобы пополнить списокъ наиболѣе замѣчательныхъ литературныхъ работъ его, я долженъ упомянуть еще о прекрасныхъ этнографическихъ *Очеркахъ Мордвы* (помѣщ. въ Рус. Вѣст.), въ которыхъ изображены религіозныя вѣрованія и обряды этого племени. Упомяну также о томъ, что въ 1859 г. онъ издавалъ въ Петербургѣ ежедневную и очень дѣльную газету *Русскій Дневникъ*. Газета эта прекратилась, говорятъ по недостатку матеріала, такъ какъ она не имѣла иностраннаго отдѣла; но я полагаю, она прекратилась прежде всего потому, что ежедневная публицистика была не въ духѣ ея редактора и не соотвѣтствовала процессу его литературныхъ работъ.

Перейдемъ теперь къ послѣднему и самому замѣчательному труду нашего юбиляра. Съ 1868 года началъ печататься въ Р. Вѣст. его этнографическій романъ «За Волгой», который потомъ продолжался подъ другимъ заглавіемъ: «Въ лѣсахъ». Вотъ что разсказываетъ авторъ о происхожденіи этого труда.

Уже графъ Ланской, съ большимъ вниманіемъ слѣдившій за литературной его дѣятельностію, не разъ говорилъ П. И-чу, чтобы онъ, при обширномъ знакомствѣ своемъ съ народнымъ бытомъ, описалъ его во всѣхъ подробностяхъ. Далѣе, въ 1861 г., ему выпала честь сопровождать покойнаго Цесаревича Николая Александровича въ первомъ путешествіи послѣдняго на Нижегородскую армарку и за тѣмъ по Волгѣ до Казани и обратно. Извѣстно, что Цесаревичъ очень любилъ Русскія преданія, повѣрья, пѣсни и вообще все, что̀ относится до нашего народнаго быта. Во время этой поѣздки, на пароходѣ, П. И-чъ указывалъ ему на разныя мѣста нагорнаго и луговаго береговъ Волги и передавалъ сказанія объ этихъ мѣстахъ. Однажды, когда они плыли около Лыскова, онъ распространился о жизни за Волгой, о тамошнихъ лѣсахъ, скитахъ и т. п. Наслѣдникъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ и сказалъ:

«Чтобы вамъ Павелъ Ивановичъ, все это написать, изобразить повѣрья, преданія и весь бытъ Заволжскаго народа». Передъ тѣмъ онъ только что прочелъ Гришу, въ томъ году отдѣльно изданнаго. П. И-чъ уклонялся, а Наслѣдникъ настаивалъ.

—«Нѣтъ; непремѣнно напишите; я за вами буду считать въ долгу повѣсть о томъ, какъ живутъ *въ лѣсахъ, за Волгой*».

На отговорки, что это большой трудъ и что при служебныхъ занятіяхъ не достанетъ на него времени, Великій князь продолжалъ повторять

—«Нѣтъ вы у меня въ долгу».

Прошло нѣсколько лѣтъ, и разговоръ этотъ былъ почти забытъ. Но когда П. И-чу пришлось присутствовать на погребеніи Царственнаго Юноши, ему живо припомнились слова покойнаго, и онъ тогда же рѣшилъ привести въ исполненіе его желаніе. Вскорѣ потомъ онъ почти удалился отъ служебнаго поприща, переѣхалъ въ Москву и здѣсь принялся за свой трудъ.

Я не намѣренъ войти въ разборъ этого труда: мы находимся еще подъ слишкомъ живымъ впечатлѣніемъ, да онъ и не оконченъ. Я желалъ только главнымъ образомъ обратить ваше вниманіе, м. гг. и. м. г-рыни, на то, съ какимъ запасомъ творческихъ силъ, съ какою громадною подготовкою, съ какою степенью зрѣлости приступилъ авторъ къ своему послѣднему произведенію (т.-е. послѣднему относительно настоящей мину-

ты). Мы видимъ счастливое соединеніе многихъ обстоятельствъ, обусловившихъ огромный успѣхъ этого произведенія, успѣхъ вполнѣ заслуженный. Авторъ рисуетъ передъ нами край, который онъ знаетъ съ самаго дѣтства и который наблюдалъ всю свою жизнь. Кромѣ близкаго нагляднаго знакомства съ своимъ предметомъ, онъ вооруженъ еще обширными научными свѣдѣніями, историческими и этнографическими. Онъ основательно изучилъ богатую Русскую рѣчь и мастерски ею пользуется. Онъ принадлежитъ и къ первымъ знатокамъ Русскаго народнаго быта вообще. Владѣя сильнымъ литературнымъ талантомъ, онъ изощрилъ этотъ талантъ долговременнымъ упражненіемъ и усвоилъ себѣ привычку подвергать свои произведенія вполнѣ добросовѣстной и тщательной обработкѣ, прежде нежели выпустить ихъ на свѣтъ Божій—привычку, которой, къ сожалѣнію въ послѣднее время слѣдуютъ очень немногіе изъ нашихъ писателей.

Надѣюсь, всѣ кто знакомъ съ произведеніями нашего юбиляра, согласятся, что слова мои не реторика, что я отдаю ему только должное. Предлагающій эту характеристику вообще не желалъ бы никогда ставить на ходули героя своей бесѣды, кто бы онъ ни былъ. А кто знаетъ лично П. И-ча, его скромный, непритязательный характеръ, его простые и чрезвычайно-общительные пріемы, тотъ знаетъ также, какъ не шла бы къ его изображенію какая либо реторика или ходульность.

Конечно строгая критика впослѣдствіи можетъ быть найдется сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія и на послѣднее произведеніе; но таже критика должна будетъ сознаться, что замѣчанія эти съ избыткомъ выкупаются неоспоримыми достоинствами. Обыкновенно указываютъ на излишнее обиліе романическаго элемента въ данномъ трудѣ, который можно назвать собственно художественной этнографіей. Но и тутъ, въ этомъ романическомъ содержаніи, сколько живыхъ, мастерски очерченныхъ типовъ рисуется передъ нами. Для примѣра, приведу вамъ на память слабодушную, эгоистичную натуру Алексѣя, сладкоглаголиваго и крайне падкаго на искушенія Василія Борисова, деспотичный, но не лишенный нѣкоторыхъ теплыхъ сторонъ характеръ Потапа Максимыча—этотъ образчикъ великорусскаго тысячника, привыкшаго все гнуть по своему. Еще болѣе удачны по нашему мнѣнію нѣкоторые женскіе типы; передъ нами, напримѣръ, строгая, по наружности, какъ бы застывшая, фигура матери Манефы, въ дѣйствительности однако не успѣвшая совсѣмъ погасить своего внутренняго пламени; далѣе, бойкая, энергичная, во все путающаяся Фленушка, сантиментальная Настя, сонная Параша и нѣсколько идеальная Дуня Смолокурова. Послѣдняя представляетъ поэтическій, хотя еще блѣд-

ный образъ, но отъ котораго, также какъ отъ другихъ, вѣетъ знакомыми, національнымими чертами *. Однимъ словомъ, «Въ лѣсахъ» послужило для Русской читающей публики обильнымъ источникомъ эстетическаго наслажденія и завоевало своему автору полное право на ея признательность.

Мнѣ остается заявить наше безспорно общее горячее желаніе, чтобы П. И-чъ и по окончаніи этого труда какъ можно долѣе дарилъ насъ подобнымъ наслажденіемъ и продолжалъ бы въ такихъ же изящныхъ картинахъ раскрывать передъ нами разнообразные тайники Русской жизни и Русскаго духа.

Памяти С. М. Соловьева **.

Я не буду исчислять вамъ всѣ прекрасныя стороны покойнаго Сергѣя Михайловича Соловьева, всѣ стороны его дѣятельности и характера; не буду говорить о великости и незамѣнимости утраты, которую съ его кончиною понесло Русское общество; все это очень хорошо всѣмъ извѣстно. Я желаю сказать только немногія слова о немъ, какъ о научномъ дѣятелѣ, остановить ваше вниманіе на нѣкоторыхъ типичныхъ чертахъ изъ этой дѣятельности.

Прежде всего объ его отношеніи къ настоящему нашему Археологическому Обществу.

Сергѣй Михайловичъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые очень сочувственно привѣтствовали возникновеніе этого общества; онъ немедленно примкнулъ къ его составу и съ большимъ интересомъ слѣдилъ за его первыми шагами. Если впослѣдствіи онъ только изрѣдка принималъ участіе въ нашихъ засѣданіяхъ, то это обстоятельство совершенно понятно при его многочисленныхъ обязанностяхъ и непрерывныхъ занятіяхъ. Но главная причина, какъ я полагаю, заключалась въ томъ, что около этого времени, его обширный трудъ, извѣстный подъ именемъ «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», уже переступилъ ту хронологическую грань, которая отдѣляетъ древнюю или до-Петровскую Русь отъ послѣдующей эпохи. Слѣдовательно, его вниманіе и его работы главнымъ об-

---

* Дуня Смолокурова появилась потомъ въ третьей части его труда, которая называется: „На горахъ“.

** „Древняя и Новая Россія“ 1880—январь. Сказано въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества, 27 ноября 1879.

разомъ были устремлены уже на XVIII вѣкъ, который только отчасти входилъ въ сферу археологическихъ интересовъ.

Если Сергѣй Михайловичъ иногда обнаруживалъ даже нѣкоторый скептицизмъ по отношенію къ выводамъ археологіи, то нельзя сказать чтобы и въ этомъ случаѣ онъ не былъ правъ. Археологія есть наука молодая; я говорю конечно о методѣ, о системѣ, а не объ археологическомъ матеріалѣ, который накопляется съ незапамятныхъ временъ.

Какъ молодая, еще неустановившаяся наука, археологія нечужда увлеченій и нѣкоторой неопредѣленности по отношенію къ своимъ задачамъ и предѣламъ. Поэтому скептицизмъ историка тутъ является для насъ естественнымъ, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени. Скажу болѣе: увлеченіе и скептицизмъ, эти двѣ противоположности суть обычныя и необходимыя условія научнаго прогресса; эти два явленія вы найдете въ исторіи каждой науки.

Для историка нашего времени археологія представляется важнѣйшею изъ вспомогательныхъ наукъ. Описывая событія или состояніе какого либо общества или народа въ данную историческую эпоху, историкъ долженъ стремиться къ раскрытію и разъясненію того матеріальнаго быта, той обстановки, той степени культуры, посреди которыхъ дѣйствовалъ человѣкъ въ эту эпоху, и слѣдовательно историческіе выводы должны быть провѣрены археологическими данными; въ свою очередь, и выводы археологіи должны провѣряться достовѣрными историческими извѣстіями и несомнѣнными фактами. Необходимо еще при этомъ имѣть въ виду, что исторія есть одна изъ наукъ старѣйшихъ по времени и обработкѣ; что ею уже выработаны нѣкоторыя черты или законы общественнаго развитія, которые неизмѣнно дѣйствуютъ при самой разнообразной обстановкѣ, при самыхъ повидимому различныхъ внѣшнихъ условіяхъ.

Сергѣй Михайловичъ по своимъ занятіямъ и интересамъ былъ вполнѣ историкъ.

Исторіографія въ свою очередь распадается на весьма разнообразные оттѣнки, которые обусловливаются по преимуществу личными свойствами и наклонностями историческаго писателя. Въ этомъ отношеніи мы можемъ указать примѣры: историковъ-бытописателей, историковъ-мыслителей, историковъ-художниковъ или историческихъ живописцевъ, историковъ-библіографовъ и т. д., смотря по чертамъ, преобладающимъ въ произведеніяхъ даннаго писателя. С. М. Соловьева можно отнести къ первой категоріи, т. е. къ историкамъ-бытописателямъ, и, конечно, въ самомъ благородномъ значеніи этого слова. Подъ бытописаніемъ я разумѣю строго послѣдовательное историческое описаніе событій и эпохъ. Древніе

хронисты или лѣтописцы суть тѣ первообразы, изъ которыхъ постепенно развились потомъ научно-подготовленные историко-бытописатели, принимавшіе на себя задачу изобразить цѣльную исторію какой либо страны или націи. Къ описанію событій историческая наука присоединяетъ по возможности раскрытіе ихъ внутренняго смысла, объясненіе ихъ причинъ и послѣдствій, обобщеніе аналогичныхъ явленій и т. п. (Это такъ называемый «прагматизмъ»). Такимъ успѣхамъ науки болѣе всего способствовали историко-мыслители или наблюдатели. Къ таковымъ же историкамъ-мыслителямъ мы должны причислить и Сергѣя Михайловича, столь удачно разъяснившаго намъ нѣкоторыя явленія древне-Русской исторіи, напримѣръ: междокняжескія отношенія, соперничество старыхъ и новыхъ городовъ, притязанія боярства въ царскій періодъ и т. д. Отличая историковъ по ихъ направленіямъ, мы конечно беремъ только преобладающія черты, что̀ не исключаетъ возможности соединенія съ этими преобладающими и другихъ чертъ исторіографіи въодномъ и томъ же лицѣ. Такъ, въ большомъ трудѣ Сергѣя Михайловича и его отдѣльныхъ монографіяхъ вы найдете многія художественныя страницы. Вы найдете также въ его цитатахъ и ссылкахъ обширную историческую библіографію.

Обращаясь къ исторіографу со стороны его симпатій и убѣжденій, имѣющихъ связь съ различными теченіями современной политической жизни, мы опять встрѣчаемъ разнообразные оттѣнки, консервативный, прогрессивный и т. п. Мы видимъ также историковъ государственниковъ, общинниковъ и т. д. Подобное разнообразіе оттѣнковъ въ сущности не только не вредитъ успѣхамъ исторической науки; напротивъ, оно способствуетъ этимъ успѣхамъ уже потому, что препятствуетъ излишнему развитію какой-либо крайности и односторонности. По отношенію къ первому дѣленію, Сергѣй Михайловичъ именно отличался умѣренностью; онъ чтилъ консервативныя начала въ жизни народовъ; вѣрилъ въ прогрессъ, но только постепенный, и былъ ревностнымъ сторонникомъ великихъ реформъ Петровскихъ и нашего времени. За то, по отношенію ко второму дѣленію, онъ былъ рѣшительный государственникъ. Сколько мнѣ извѣстно изъ его сочиненій и устнаго обмѣна мыслей, внѣ государственнаго быта онъ не признавалъ исторической жизни и національнаго развитія. Въ этомъ случаѣ онъ былъ совершенно правъ и стоялъ на гораздо болѣе твердой почвѣ, нежели тѣ Европейскіе и отечественные писатели, которые проповѣдывали какую-то собственно-народную исторію, и однако до сихъ поръ еще таковой исторіи не создали; сами они описывали большею частью дѣянія все тѣхъ же историческихъ личностей, которыми исторіографія занимается

издавна. Какъ извѣстно, нѣкоторое время у насъ проповѣдывались довольно легкомысленныя теоріи о какихъ-то общинахъ и федераціяхъ, теоріи, недоживщія такимъ великимъ благомъ, какъ государственное и вмѣстѣ съ тѣмъ національное единство, добытое нашими предками съ огромными трудами и жертвами. (Нельзя сказать, чтобы время подобныхъ теорій уже кончилось и для настоящей минуты). Сергѣй Михайловичъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ по этой части. Правда, по своему обыкновенію, онъ уклонялся отъ всякой непосредственной, раздражающей полемики по жгучимъ текущимъ вопросамъ; но за то умѣлъ убѣжденія свои проводить спокойно и обстоятельно въ своихъ историческихъ произведеніяхъ.

Само собой разумѣется, сфера историческихъ вопросовъ такъ обширна и разнообразна, что полнаго согласія или тождества мнѣній по всѣмъ этимъ вопросамъ невозможно требовать, да въ видахъ научныхъ и не слѣдуетъ требовать отъ всѣхъ членовъ той исторической школы, которую оставилъ послѣ себѣ нашъ незабвенный профессоръ. Имѣя честь принадлежать къ его школѣ, я также позволяю себѣ въ нѣкоторыхъ частностяхъ отступать отъ его воззрѣній. По этому поводу приведу только одинъ примѣръ.

Вскорѣ послѣ Петровской реформы заправленіе государственными дѣлами Россіи, какъ извѣстно, очутилось въ рукахъ Нѣмцевъ. Сергѣй Михайловичъ объяснялъ такое анормальное явленіе довольно просто: по его мнѣнію, между Русскими людьми неоказывалось тогда такихъ свѣдущихъ, ловкихъ, неутомимыхъ дѣльцовъ, которымъ можно было бы поручить высшую администрацію въ трудное послѣреформенное время, и вотъ поневолѣ приходилось обращаться къ Нѣмцамъ, въ родѣ Остермана. Можетъ быть, я и не правъ, но признаюсь, не могу успокоиться на этомъ объясненіи; ибо въ томъ же трудѣ покойнаго историка мы находимъ цѣлый рядъ даровитыхъ и энергичныхъ дѣятелей чисто-Русскихъ; а сколько было еще такихъ, которымъ не дали хода. Я полагаю, что Русскій человѣкъ въ то время былъ такимъ же, какимъ онъ является прежде и послѣ, т. е. весьма способнымъ къ дѣятельности государственной, и не только государственной, но и ко всякому упорному труду и непреклонному преслѣдованію своихъ высшихъ цѣлей. Блистательный примѣръ такого Русскаго человѣка представилъ намъ именно самъ покойный историкъ, который неутомимостью въ работѣ, неослабною энергіею и обширностью своего главнаго произведенія едва ли не превзошелъ самихъ Гиббоновъ и Шлоссеровъ. Благодаря желѣзной энергіи, онъ уже близокъ былъ къ предѣлу своего огромнаго труда, который, какъ из-

вѣстно, онъ намѣревался довести до кончины Екатерины II. Ему оставалось пройти періодъ только съ небольшимъ въ двадцать лѣтъ, когда преждевременная смерть прервала эту неусыпную работу.

М.м. Г.г., сохранимъ всегда въ сердцѣ своемъ благоговѣйное уваженіе къ памяти этого великаго труженика и подвижника Русской науки, который оставилъ намъ высокій образецъ для подражанія.

Памяти графа А. С. Уварова *.

Мое знакомство съ графомъ А. С. Уваровымъ восходитъ къ 1858 г. Я былъ въ то время преподавателемъ въ рязанской гимназіи и въ этомъ году представилъ свою магистерскую диссертацію, т.-е. «Исторію Рязанскаго княжества». Алексѣй Сергѣевичъ, бывшій тогда помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа, отнесся сочувственно къ моему труду, оказалъ всякое содѣйствіе при его печатаніи въ находившейся подъ его вѣдѣніемъ университетской типографіи, и вслѣдъ затѣмъ, вѣроятно, не безъ его участія, состоялся мой переводъ изъ Рязани въ Москву, подписанный попечителемъ округа А. Н. Бахметевымъ, другимъ прекраснымъ человѣкомъ, уже давно отошедшимъ въ вѣчность **. Изъ однихъ этихъ фактовъ понятно, что благодарная память о покойномъ графѣ для меня обязательна.

Въ 1864 или 1865 году я вступилъ въ число членовъ только что основаннаго имъ Московскаго археологическаго общества, и съ той поры началось постоянное научное съ нимъ общеніе, продолжавшееся цѣлыя двадцать лѣтъ и прерванное только безвременною его кончиною. Учрежденіе это, какъ извѣстно, было не только его твореніемъ, но и сдѣлалось какъ бы вторымъ его существомъ; такъ что нельзя было представить себѣ ни археологическое общество безъ графа Уварова, ни графа Уварова безъ Московскаго археологическаго общества. Мои сочлены также какъ и сторонніе посѣтители, конечно, еще находятся подъ живымъ впечатлѣніемъ той любезности и вмѣстѣ тѣхъ внушительныхъ пріемовъ, съ которыми онъ велъ засѣданія этого общества, т.-е. его умѣнья съ дружественнымъ, семейнымъ тономъ ихъ соединять серьезный, строго

---

* Русская Старина. Апрѣль. 1885 г. Сказано 28 февраля 1885 г. въ соединенномъ засѣданіи трехъ московскихъ ученыхъ обществъ, посвященной памяти графа А. С. Уварова, который скончался 29 декабря 1884 г.

** Та же диссертація потомъ удостоена малой *Уваровской* преміи, по отзыву покойнаго академика Н. Г. Устрялова.

научный характеръ. О себѣ могу сказать откровенно, я приходилъ сюда и отдыхать, и учиться; а потому былъ однимъ изъ самыхъ постоянныхъ посѣтителей. Можно представить себѣ, какъ много всякаго рода крупныхъ и мелкихъ вопросовъ, чисто археологическихъ или имѣющихъ связь съ археологіей, было отчасти поставлено на видъ, отчасти обслѣдовано, отчасти рѣшено въ теченіе минувшаго двадцатилѣтія. Все это нашло мѣсто въ неперіодическомъ изданіи «Древности», которое представляетъ точное отраженіе жизни и дѣятельности нашего археологическа общества и которое, главнымъ образомъ, наполнено трудами все того же незабвеннаго предсѣдателя и основателя этого общества. Разнообразіе разсмотрѣннаго здѣсь научнаго матеріала обусловливалось главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что покойный графъ Алексѣй Сергѣевичъ, при своемъ классическомъ и широкомъ научномъ образованіи, умѣлъ привлекать къ участію въ обществѣ кромѣ знатоковъ вещественныхъ памятниковъ, нумизматовъ и историковъ, также филологовъ, этнографовъ, антропологовъ, юристовъ, естествовѣдовъ, архитекторовъ и т. д., однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, которые заявили себя прикосновенными сюда учеными трудами или просто обнаруживали научный интересъ къ какому либо отдѣлу древностей. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, имъ были почти исчерпаны тѣ наличныя силы, которыя представляетъ городъ Москва. И теперь, т.-е. по прошествіи 20 лѣтъ, когда нѣкоторые члены отошли уже въ вѣчность, другіе болѣютъ, третьи не могутъ болѣе удѣлять своего времени или съ годами ослабѣли въ своей энергіи, четвертые уклоняются по какимъ-либо другимъ причинамъ, чувствуется потребность освѣжить археологическое общество новыми дѣятелями; но это сдѣлать не легко, именно потому, что покойнымъ графомъ, какъ я сказалъ, были до нѣкоторой степени исчерпаны наши наличныя силы. Придется, можетъ быть, ждать, пока подготовится новое поколѣніе людей, безкорыстно преданныхъ наукѣ древностей, какъ отечественныхъ, такъ и всемірныхъ; а самое главное, нѣтъ болѣе того авторитетнаго, энергическаго и страстно любившаго эту науку руководителя, который все одушевлялъ, объединялъ и всѣхъ направлялъ къ одной общей цѣли.

Заботливость его объ отечественныхъ древностяхъ и распространеніи археологическаго интереса въ русскомъ обществѣ, какъ извѣстно, не ограничивалась однимъ городомъ Москвою, а обнимала почти всѣ области Европейской Россіи. Прекраснымъ средствомъ для этой цѣли послужили устроенные имъ періодическіе съѣзды. И тутъ въ полномъ блескѣ обнаруживался его организаторскій талантъ. Онъ умѣлъ найти финансовыя средства, привлечь къ участію и вызвать къ усиленной дѣятельности

мѣстныя ученыя силы; снаряжалъ экспедиціи для произведенія научныхъ раскопокъ, а нерѣдко производилъ ихъ лично, вообще такъ усердно трудился и такъ искусно направлялъ всѣ подготовительныя работы, что археологическіе съѣзды являлись замѣчательно хорошо обставленными. Они накопляли обыкновенно столько матеріала, что, не смотря на довольно продолжительный срокъ засѣданій, не хватало времени, чтобы исчерпать весь этотъ матерьялъ. Стоитъ только просмотрѣть оглавленіе изданныхъ потомъ Трудовъ этихъ съѣздовъ или одни ихъ бюллетени, чтобы получить понятіе о массѣ собраннаго матеріала и его разнообразіи (къ сожалѣнію, доселѣ далеко не всѣ Труды съѣздовъ изданы вполнѣ). И надобно было видѣть, сколько научнаго интереса и оживленія вносили эти съѣзды въ мѣстное населеніе, конечно въ наиболѣе интеллигентную его часть. Доселѣ для нихъ избирались преимущественно университетскіе города. Съѣзжавшіеся съ разныхъ сторонъ русскіе ученые здѣсь входили въ дружеское взаимное общеніе, мѣнялись своими мыслями и свѣдѣніями, и въ то же время ближе знакомились съ разными краями нашего обширнаго отечества.

Начались они въ самомъ археологическомъ и національномъ русскомъ центрѣ, т.-е. въ Москвѣ. Продолжались въ центрѣ нашей современной цивилизаціи и администраціи, т.-е. въ Петербургѣ, съ его обширнымъ сѣверо-западнымъ раіономъ, который, между прочимъ, важенъ для археологіи своими многочисленными сопками и жальниками, или могильными курганами. Потомъ мы перешли въ древнѣйшее средоточіе Руси, въ Кіевъ, съ его драгоцѣнными памятниками до-татарской эпохи, и тамъ совершили экскурсію внизъ по Днѣпру. Далѣе слѣдовала Казань съ ея восточными инородцами и арабско-татарскими воспоминаніями, и съ экскурсіей по Волгѣ на развалины древнихъ Болгаръ. Потомъ выступилъ на очередь Тифлисъ, съ неизгладимыми впечатлѣніями отъ величественной кавказской природы, съ интересной поѣздкой по желѣзной дорогѣ въ Мцхетъ и Кутаисъ. Любопытно, что закавказское общество, хотя и не университетское, а только жаждущее имѣть университетъ, отнеслось къ съѣзду самымъ радушнымъ и симпатичнымъ образомъ, и оставило въ его участникахъ наиболѣе свѣтлую память. Въ заключеніе явилась Одесса съ ея меркантильнымъ характеромъ и Припонтійскими степями, въ которыхъ постоянно открываются безчисленные памятники древней Скиѳіи и греческихъ колоній, и съ поѣздкой по Черному морю въ Севастополь на мѣсто знаменитаго Херсонеса. Все это сообщало не только обширный матеріалъ для научнаго изученія, но и давало массу разнообразныхъ, освѣжающихъ впечатлѣній. Лично я долженъ относиться съ особою признатель-

ностію къ этой сторонѣ дѣятельности покойнаго, потому что воспользовался ею болѣе другихъ; ибо послѣ графа Алексѣя Сергѣевича въ настоящее время, судя по спискамъ, я представляю единственное лицо, которое принимало непосредственное участіе во всѣхъ бывшихъ шести съѣздахъ. Если выше заявлены мною нѣкоторыя опасенія за дальнѣйшую судьбу основаннаго имъ археологическаго общества, то еще сильнѣе возникаетъ теперь вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ заведенныхъ имъ періодическихъ съѣздовъ, такъ какъ на этомъ поприщѣ онъ окончательно незамѣнимъ.

Изъ сказаннаго мною вы видите, мм. гг., что въ научномъ отношеніи я считаю себя много обязаннымъ покойному графу. Не берусь опредѣлять степень вліянія его археологической дѣятельности на моихъ товарищей по спеціальности, т.-е. на занимающихся Русской исторіей, хотя нисколько въ этомъ вліяніи не сомнѣваюсь; для меня же лично оно было весьма осязательно.

Въ послѣдніе годы жизни покойный связалъ свое имя еще съ замѣчательнымъ государственнымъ сооруженіемъ, въ которое онъ по обыкновенію вложилъ свою душу и на которое положилъ много своихъ силъ и здоровья. Я разумѣю Историческій музей въ Москвѣ. Но о его трудахъ въ этомъ дѣлѣ предоставляю говорить другимъ, ближе съ нимъ знакомымъ. (Въ процессѣ этого сооруженія не все было для меня ясно).

Выдающагося дѣятеля науки можно уподобить свѣтильнику, озаряющему болѣе или менѣе яркимъ пламенемъ среду, его окружающую. Прекратилось земное существованіе; но вмѣстѣ съ нимъ еще не погасъ свѣтильникъ. Его отрадный свѣтъ еще долго будетъ разливаться посредствомъ его ученыхъ трудовъ, его учениковъ и послѣдователей, а въ данномъ случаѣ также посредствомъ научныхъ учрежденій, имъ основанныхъ, и интересовъ, имъ возбужденныхъ.

III.

ПОѢЗДКА ПОДЪ ПЛЕВНУ *

и приключеніе въ Галиціи.

Послѣ третьей Плевны, т.-е. несчастнаго приступа 30 августа 1877 года, нервное настроеніе русскаго общества достигло крайней степени. Я не выдержалъ и поѣхалъ на театръ войны, чтобы собственными глазами посмотрѣть положеніе дѣла. Не буду описывать длинной дороги отъ Москвы до Яссъ. Начиная приблизительно отъ станціи Раздѣльной, движеніе впередъ все болѣе и болѣе замедлялось скопленіемъ поѣздовъ, военныхъ и встрѣчныхъ санитарныхъ, которые были наполнены ранеными. Въ Кишиневѣ, гдѣ между приходомъ и отправкою поѣзда прошло часа два или три, я успѣлъ навѣстить генерала Драгомірова, который лежалъ тамъ съ больною ногою, прострѣленною на Шипкѣ. Супруга его вручила мнѣ ящикъ съ чаемъ для Зимницкаго госпиталя.

Въ Яссахъ пришлось ждать цѣлый день слѣдующаго поѣзда. Тутъ на вокзалѣ я встрѣтилъ знакомаго мнѣ полковника Сытенка, начальника желѣзно-дорожнаго батальона. Благодаря его любезности, я успѣлъ не только посѣтить огромный баракъ-госпиталь, расположенный близь станціи и биткомъ набитый ранеными и больными, подлежавшими дальнѣйшей отправкѣ, т.-е. въ Россію, но и осмотрѣть весь городъ Яссы съ его окрестностями. Къ вечеру выѣхалъ Бухарестскій поѣздъ.

По утру, когда взошло солнце и вагоны катились по широкой Румынской равнинѣ, невдалекѣ, почти параллельно съ нами, показалась шоссированная дорога, по которой двигалась русская походная колонна. Погода была ясная и сухая; солнечные лучи играли на штыкахъ; люди шли бодро; офицеры верхами составляли группы впереди и позади колонны. Не хочу скрывать своего тогдашняго ощущенія: какая-то сле-

---

* Русская Старина, 1883 г. Февраль

за умиленія стояла въ глазахъ при видѣ роднаго войска, шедшаго на святое дѣло. Но на театрѣ войны или вблизи его однѣ ощущенія должны часто смѣняться другими. Вспоминаю иную картину, уже при моемъ возвращеніи, въ той же Румыніи, на дорогѣ между Зимницею и Журжевомъ. Небо покрыто тучами, моросить дождь; посреди глубокой вечерней темени лошади медлепно тащатъ телѣжку, а возница едва разбираетъ дорогу. На встрѣчу стали попадаться группы какихъ-то тѣней, которыя все спрашивали, далеко ли до ближней деревни. Это были русскіе солдаты, усталые, промокшіе; они въ потьмахъ плелись по грязи до слѣдующаго привала. Но вернемся къ Бухарестскому поѣзду. Помянутое впечатлѣніе, произведенное русскою колонною, было вслѣдъ затѣмъ нѣсколько испорчено шумнымъ обществомъ русской молодежи, которая ѣхала въ сосѣднемъ вагонѣ; но, будучи, какъ говорится, на-веселѣ, не ограничивалась имъ, а посѣщала и другіе вагоны. Оказалось, что это были юнкера или воспитанники юнкерской школы, выпущенные въ офицеры и отправлявшіеся въ дѣйствующую армію. Источникомъ ихъ шумной веселости послужило жалованье, выданное впередъ или не въ зачетъ (хорошо не помню). Передъ румынскою публикою, конечно, было нѣсколько неловко; приходилось говорить своимъ сосѣдямъ-Румынамъ о крайней молодости, о томъ, что всѣ эти юноши будутъ храбро драться и, вѣроятно, далеко не всѣ вернутся на родину (что безъ сомнѣнія буквально потомъ исполнилось). Изъ разговоровъ съ сосѣдями-Румынами, равно дамами и мущинами, я узналъ, что всѣ они сильно побаиваются, какъ бы Турки не прорвались на эту сторону Дуная и не произвели всякаго рода опустошеній и плѣненій.

Въ Бухарестѣ, при въѣздѣ въ городъ, таможенные чиновники обшарили мои вещи и едва пропустили помянутый ящикъ съ чаемъ. Затѣмъ долго пришлось разъѣзжать по городу, отыскивая какой-нибудь пріютъ; такъ все было полно русскимъ офицерствомъ, преимущественно штабнымъ или нестроевымъ, интендантствомъ и множествомъ агентовъ, особенно изъ Евреевъ по продовольствію войскъ и другимъ статьямъ военной надобности. Со станціи я взялъ извощика изъ русскихъ скопцевъ, которыхъ тамъ очень много, и, благодаря возможности объясняться съ нимъ по-русски, наконецъ нашелъ себѣ какую-то полусвѣтлую комнатку въ одной гостинницѣ средней руки, чистотою конечно не отличавшейся.

Въ этомъ городѣ, съ которымъ былъ уже прежде знакомъ, на сей разъ пробылъ полтора сутокъ. Прежде всего я отправился въ русское генеральное консульство. Когда спросилъ г. консула, нужно ли запастись отъ него бумагою для пропуска за Дунай, онъ отвѣчалъ, что это необ-

ходимо, а иначе меня, какъ частное лицо, не пропустятъ. На слѣдующій день къ 12 часамъ онъ обѣщалъ приготовить мнѣ нужную бумагу. Услыхавъ, что въ томъ же домѣ консульства, въ сосѣднихъ комнатахъ, проживаетъ русскій канцлеръ, я пожелалъ воспользоваться случаемъ, чтобы видѣть и слышать одного изъ крупныхъ дѣятелей нашей современной исторіи, котораго никогда прежде не видалъ. Но на посланную карточку получилъ отвѣтъ, что князь сейчасъ уѣзжаетъ на прогулку и принять меня не можетъ *.

Въ этотъ день, не встрѣтивъ никого изъ знакомыхъ или благопріятелей, я не собралъ никакихъ свѣдѣній о театрѣ войны; а могъ только наблюдать движеніе и жизнь на улицахъ, въ магазинахъ и ресторанахъ. Видѣлъ какъ русское золото и серебро сыпалось вездѣ щедрою рукою. На другой день въ назначенный часъ явился въ генеральное консульство; но тамъ никто и не думалъ приготовить мнѣ какую либо бумагу; консулъ былъ съ кѣмъ-то занятъ, и очевидно ему было не до меня въ такое суетливое время. Я рискнулъ ѣхать безъ бумаги, и часа черезъ три сѣлъ на Журжевскій поѣздъ, отправлявшійся до Фратешти. Это былъ поѣздъ преимущественно военный и вѣроятно оплачиваемый русскимъ правительствомъ. Билетовъ никто не спрашивалъ; различія между классами тутъ не существовало. Всѣ садились куда и какъ попало. Поѣздъ шелъ медленно съ большими остановками на какихъ-то бѣдныхъ станціяхъ съ буфетами, предлагавшими незатѣйливыя явства и напитки, въ родѣ водки и колбасы. Уже поздно вечеромъ добрались мы до Фратешти. Журжево въ то время страдало отъ бомбъ, прилетавшихъ съ

* По этому поводу припомню подобный же случай. Въ 1868 году я былъ въ Варшавѣ и осматривалъ ея древности. Главную достопримѣчательность ея составляетъ старый королевскій дворецъ, въ которомъ жилъ намѣстникъ графъ Бергъ. Думаю: въ 1864 году былъ въ Вильнѣ, и случайно попалъ на утренній пріемъ къ Муравьеву; теперь посмотрю на другаго усмирителя польскаго мятежа и вмѣстѣ одного изъ главныхъ германизаторовъ Привислянскаго края. Прошу доложить обо мнѣ и посылаю свою карточку. Не тутъ-то было. Ко мнѣ вышелъ адъютантъ, очевидно также изъ нѣмцевъ, и спросилъ, что мнѣ нужно отъ графа? Я отвѣчалъ, что ничего болѣе какъ позволеніе осмотрѣть дворецъ и преимущественно его старину. Адъютантъ пошелъ, и принесъ мнѣ это позволеніе; при чемъ далъ въ провожатые служителя-поляка. (Русскій элементъ во дворцѣ существовалъ только въ видѣ военнаго караула). Графъ Бергъ уже умеръ; такъ я его и не видалъ. Напомню и еще нѣчто подобное. Въ 1878 году въ Москвѣ я пожелалъ присутствовать на одномъ торжественномъ раутѣ, чтобы поближе взглянуть на главныхъ современныхъ правителей; но не могъ добиться приглашенія отъ чиновниковъ, щедро разсылавшихъ его налѣво и направо. Я тогда возропталъ печатно, что вызвало недоумѣніе со стороны нѣкоторыхъ органовъ нашей прессы, которые, конечно, заподозрили во мнѣ честолюбивыя стремленія.

другой стороны Дуная, изъ Рущука; а потому поѣздъ невсегда доходилъ до конца желѣзнаго пути. У станціи ожидала толпа извощиковъ. Я выбралъ одного румынскаго болгарина съ легкой телѣжкой (каруццой), запряженной тремя маленькими лошадками, и сторговалъ его за сколько-то полуимперіаловъ отвезти меня въ Болгарію, именно въ Горный Студень, гдѣ тогда находилась главная квартира. Мы ѣхали всю ночь; передъ утромъ остановились въ какомъ-то довольно большомъ румынскомъ селеніи, названія котораго не помню. Тутъ болгаринъ, никуда не заѣзжая, на улицѣ покормилъ своихъ лошадокъ, и затѣмъ продолжалъ путь. Наружный характеръ страны, по крайней мѣрѣ въ этой части Румыніи, не показывалъ ни значительной культуры, ни довольства или густоты населенія. По мѣрѣ движенія впередъ сказывалась близость театра войны, особенно въ видѣ павшихъ воловъ и лошадей, которые были только отодвинуты немного въ сторону отъ дороги и почему-то оставались неубранными.

Часовъ въ десять или одиннадцать утра я пріѣхалъ въ румынское селеніе или городокъ Зимницу, лежащій на лѣвой сторонѣ Дуная, насупротивъ болгарскаго города Систова. Около Зимницы въ открытомъ полѣ расположенъ былъ довольно обширный госпитальный лагерь Краснаго Креста, состоявшій изъ разной величины палатокъ. Тутъ я провелъ часа два. Благодаря помянутому ящику съ чаемъ, назначенному для этого госпиталя, мнѣ было оказано нѣкоторое вниманіе; сестры милосердія даже напоили меня чаемъ; а смотритель госпиталя сводилъ меня въ кухонный баракъ, гдѣ въ огромныхъ котлахъ кипѣли щи или борщъ, варившійся для больныхъ, и предложилъ отвѣдать горячаго борщу. Принимая меня за корреспондента, онъ выразилъ надежду, что я одобрительно отзовусь о хозяйственной сторонѣ госпиталя; охотно даю этотъ отзывъ въ настоящее время, хотя и нѣсколько поздно. (Смотритель носитъ историческую фамилію: Собѣсскій). Больные, наполнявшіе палатки, несомнѣнно пользовались свѣжимъ воздухомъ; но наступало осеннее время и я полагаю, что по ночамъ они страдали отъ холоду. Изъ большаго барака, гдѣ производились хирургическія операціи и накладывались гипсовыя повязки, раздавались стоны и вопли, съ непривычки наводившіе не малую тоску.

Спустившись съ высокаго берега къ понтонному мосту, наведенному черезъ Дунай, я былъ остановленъ часовымъ, который потребовалъ мой видъ и пропускъ. У меня оказалось письмо князя В. А. Черкасскаго (теперь уже покойнаго), начальника временнаго гражданскаго управленія въ Болгаріи. Письмо, написанное на печатномъ бланкѣ мѣсяцевъ

за пять назадъ, заключало въ себѣ отвѣтъ на мое желаніе прибыть въ главную квартиру,—желаніе, которое въ то время не было приведено въ исполненіе. Этого письма оказалось достаточно и меня пропустили.

Городъ Систово, съ его каменными домиками, лѣпившимися на высокомъ берегу Дуная, на сей разъ я миновалъ, потому что спѣшилъ въ тотъ же день добраться до Горнаго Студня. Благодаря сухой погодѣ, дорога не представляла трудностей, и мы ѣхали довольно скоро. Только время отъ времени мой болгаринъ останавливался, набиралъ стеблей и листьевъ кукурузы, остававшейся неубранною въ поляхъ, и давалъ ее пожевать своимъ лошадкамъ; при чемъ считалъ непремѣнною обязанностію подергать или потянуть ихъ за уши. Очевидно это былъ гигіеническій пріемъ, общеупотребительный въ тѣхъ краяхъ. Въ какой-то деревенькѣ мы сдѣлали маленькій привалъ на улицѣ или на площади, чтобы покормить лошадокъ. Тутъ я нагналъ одну изъ частей гвардіи, двинутой тогда на театръ войны, именно Измайловскій полкъ. Я сѣлъ на пригоркѣ возлѣ дороги, и смотрѣлъ на растянувшіяся полковыя колонны. Солдаты имѣли спокойный, бодрый видъ; только полковой обозъ, повидимому, представлялъ нѣкоторыя затрудненія, и большія неуклюжія повозки, нагруженныя разнымъ добромъ, иногда застрѣвали въ какихъ-нибудь ямкахъ, такъ что доставляли не мало возни людямъ. Между тѣмъ недалеко отъ меня присѣла группа офицеровъ, и изъ долетавшихъ до меня разговоровъ я могъ убѣдиться въ ихъ воинственномъ настроеніи. Такъ, по поводу какого-то замѣчанія о Туркахъ, одинъ юноша сказалъ, что онъ на ихъ счетъ запасся хорошей шашкой, и ударилъ по ея рукояти. Но когда полкъ прошелъ, и я приблизился къ другой группѣ, которая собралась неподалеку отъ моей телѣжки и состояла повидимому изъ лицъ, расквартированныхъ въ этой деревенькѣ, то здѣсь убѣдился, что армейскіе чины безъ особаго удовольствія встрѣчали шедшую къ нимъ на помощь гвардію. Она, молъ, воспользуется плодами нашихъ трудовъ и нашей крови; ей достанутся и главная слава, и главныя награды. Извѣстно, какъ впослѣдствіи гвардія геройскими и кровопролитными подвигами стяжала свои лавры. Но пусть тѣ, отъ кого зависитъ, на будущее время постараются устранить этотъ недостатокъ дружбы между войскомъ простымъ и привиллегированнымъ.

Время уже близилось къ вечеру, когда я добрался до Горнаго Студня, селенія, расположеннаго посреди лощинъ и овраговъ. Разыскавъ мѣсто, гдѣ былъ отдѣльный небольшой лагерь чиновниковъ временнаго гражданскаго управленія, я остановился подлѣ хижины, которую занималъ князь Черкасскій. Онъ куда-то отъѣхалъ и еще не возвращался.

Я разсчиталъ своего возницу, и сталъ дожидаться князя. Низенькая хижина, въ которой онъ помѣщался, по мѣстному обычаю, была наполовину выкопана въ землѣ; но она отличалась отъ другихъ чистотою и опрятностію, и глиняный полъ ея былъ устланъ свѣжею соломою. Причисленные къ нему офицеры и чиновники его канцеляріи располагались кругомъ въ простыхъ холстинныхъ палаткахъ. Спустя полчаса, послышался конскій топотъ, и на сѣромъ пожиломъ конѣ подъѣхалъ князь Черкасскій, въ полувоенномъ костюмѣ и въ невысокихъ сапогахъ со шпорами. Послѣ того, какъ мы видѣлись въ Москвѣ, онъ замѣтно посѣдѣлъ и похудѣлъ; усиленные труды и заботы уже наложили свою печать на его умную физіономію. Когда я ему сообщилъ о своемъ намѣреніи ѣхать подъ Плевну, онъ отвѣчалъ, что безъ особаго спеціальнаго разрѣшенія изъ главной квартиры меня туда не пропустятъ; на этотъ счетъ тамъ очень строго; слѣдовательно мнѣ нужно ждать возвращенія Великаго князя главнокомандующаго, который только что уѣхалъ туда же, подъ Плевну, и вернется неизвѣстно когда, во всякомъ случаѣ не ранѣе трехъ, четырехъ дней. Такое препятствіе меня нѣсколько озадачило, ибо въ Горномъ Студнѣ, какъ оказалось, дѣлать было нечего, и ожиданіе представлялось довольно тягостнымъ.

Разумѣется, тотчасъ возникъ вопросъ, куда меня пріютить. Нашлась свободная койка въ одной палаткѣ, именно у г. Станишева, родомъ болгарина, съ которымъ я былъ нѣсколько знакомъ еще въ Москвѣ. По сосѣдству съ нашимъ лагеремъ оказался довольно сносный ресторанъ, устроенный въ довольно большой палаткѣ маркитантомъ главной квартиры, гдѣ и можно было утолить голодъ. Хотя днемъ солнце даже пекло, но ночи были уже холодныя, и я порядкомъ зябъ въ небольшой легкой палаткѣ, снизу продуваемой вѣтромъ. Слѣдующее утро провелъ въ прогулкахъ по Горному Студню и его окрестностямъ; видѣлъ издали Государя Императора, какъ онъ на дворѣ занимаемаго имъ домика завтракалъ окруженный свитою; съѣздилъ на помянутой верховой лошади князя Черкасскаго въ одну деревеньку, въ которой нѣкоторое время находилась квартира Государя Цесаревича; посѣтилъ съ княземъ калмыцкія кибитки Краснаго Креста, гдѣ между прочимъ полюбовался на студентовъ-медиковъ, добровольно отправившихся на театръ войны. Раза два заходилъ въ ресторанъ; нѣсколько разъ припимался пить чай съ хозяиномъ своей палатки или съ обитателями сосѣднихъ палатокъ. Вскорѣ я убѣдился, что для русскихъ людей на театрѣ войны главная отрада— это чай.

Во время чаепитій я, между прочимъ, сталъ собирать свѣдѣнія о томъ,

какія же существуютъ тамъ средства сообщенія. Оказалось, что для меня собственно никакихъ средствъ не представлялось, и что эта часть есть самая затруднительная даже для военныхъ чиновъ. Надобно было или купить себѣ лошадь, которую содержать было очень не легко, или ждать такъ называемой оказіи, а иначе путешествовать пѣшкомъ или на волахъ съ какимъ либо обозомъ. Подобная перспектива, съ возможностію на неопредѣленное время быть отрѣзаннымъ отъ возвращенія въ Россію, конечно, не мало меня встревожила. Я побѣжалъ разыскивать своего вчерашняго возницу-болгарина и нашелъ его совершенно готовымъ уѣхать. Онъ стоялъ подлѣ своей запряженной телѣжки, и поджидалъ, не найметъ ли кто его на обратный путь, т.-е. въ Румынію. Такое замедленіе оказалось для меня счастливою случайностію. Я постарался остановить болгарина, и поспѣшилъ къ князю Черкасскому, которому сообщилъ о своемъ рѣшеніи ѣхать немедленно подъ Плевну, хотя бы это и было сопряжено съ рискомъ. В. А. не сталъ болѣе меня удерживать, и тотчасъ написалъ для меня нѣсколько рекомендательныхъ записокъ къ разнымъ лицамъ, окружавшимъ Великаго князя главнокомандующаго. Пока онъ писалъ, я пригласилъ болгарина въ палатку, и, съ помощію г. Станишева, сначала убѣдилъ его везти меня подъ Плевну, и оттуда обратно въ Румынію, а затѣмъ столковался въ цѣнѣ, которую онъ запросилъ было сверхъ всякой мѣры. Но за сколько золотыхъ я его нанялъ, теперь въ точности не помню.

Было уже часовъ пять пополудни, когда я простился съ кн. Черкасскимъ, и выѣхалъ по направленію къ Плевнѣ, до которой отъ Горнаго Студня приблизительно верстъ пятьдесятъ. Почти на половинѣ этого разстоянія находится селеніе Булгарени, въ которомъ я долженъ былъ остановиться на ночлегъ, имѣя записку отъ князя Черкасскаго къ капитану Паули, завѣдывавшему здѣсь питательнымъ пунктомъ. Нужно замѣтить, что эти благодѣтельные пункты были учреждены отъ Краснаго Креста по главнымъ путямъ на театрѣ войны для того, чтобы доставлять отдыхъ, пищу, перевязки и вообще медицинскую помощь раненымъ и больнымъ, которые постоянно эвакуировались съ мѣста дѣйствія. Они находились въ вѣдѣніи князя Черкасскаго, а онъ для административныхъ потребностей имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣкоторое количество гвардейскихъ офицеровъ.

Помнится, въ сумеркахъ мы проѣзжали чрезъ какое-то большое селеніе, исключительно турецкое; возвращавшійся съ пастьбы скотъ столпился у деревенскаго колодца; тутъ же лѣниво и апатично копошились люди, повидимому не обращавшіе никакого вниманія на проѣзжихъ. На

этой дорогѣ къ Булгаренямъ я имѣлъ непріятное приключеніе, окончившееся, впрочемъ, благополучно. Такъ какъ уже смерклось, и мой возница спѣшилъ добраться до ночлега, то онъ началъ усердно погонять своихъ лошадокъ; мы ѣхали по неровной мѣстности, изрытой долинами и оврагами. Телѣжка подпрыгивала на ямкахъ и кочкахъ и иногда неслась по крутой извилистой дорожкѣ, которую едва можно было различить въ полутьмѣ. Разъ спустились мы вскачь съ какой-то покатости въ тинистую лощину, черезъ которую былъ наброшенъ хворостъ. Но едва лошади ступили на эту обманчивую настилку, какъ по самую грудь ушли въ трясину. Туда-сюда, но, какъ говорится, ни съ мѣста. При наступившей абсолютной темнотѣ положеніе оказалось критическимъ. Мой болгаринъ почти плакалъ, и отчаянно суетился около лошадей, проклиная свое согласіе везти меня подъ Плевну. Я рѣшилъ идти впередъ пѣшкомъ, и, если можно, найдти какую либо помощь. Перебравшись кое-какъ по настланному хворосту, ощупью пошелъ по дорогѣ. Вдругъ гдѣ-то налѣво отъ нея мелькнулъ огонекъ; я направился въ ту сторону. Огонекъ исчезъ; но я продолжалъ идти, и скоро могъ различить въ темнотѣ какую-то широко раскинувшуюся массу. Затѣмъ услыхалъ людской говоръ. Черезъ минуту все объяснилось. Безформенная масса обратилась въ ряды артиллерійскихъ фургоновъ и лафеты съ орудіями. Это была слѣдовавшая куда-то артиллерійская бригада, остановившаяся на ночлегъ въ открытомъ полѣ. Говоръ происходилъ отъ группы солдатъ, которая лежала на привалѣ и еще не успѣла заснуть; а огонь мелькнулъ тогда, когда они закуривали свои трубки. Разумѣется, я разсказалъ имъ о своемъ приключеніи, и просилъ помощи. Тотчасъ отобралось десятокъ молодцовъ, и, съ разрѣшенія офицера, отправились со мною, захвативъ фонарь.

Когда мы подошли къ мѣсту событія, на немъ не оказалось ни лошадей, ни телѣжки; а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него болгаринъ снова запрягалъ свою каруццу. Пока я ходилъ за помощью, ему какъ-то удалось всѣхъ лошадей по очереди вытащить изъ трясины. Потомъ, будучи не въ состояніи повернуть увязшую телѣжку, онъ привязалъ къ ея задку хвосты своихъ коней, и они вытащили ее на сухую почву. Находчивость, достойная греческаго Одиссея. Но оставалось разрѣшить вопросъ: какимъ образомъ переправиться на другую сторону тинистой лощины? Мы пошли по ея берегу, отыскивая болѣе сухое мѣсто для переправы. Дѣйствительно, дно ея становилось суше; но чѣмъ далѣе мы шли, тѣмъ болѣе превращалась она въ безконечный оврагъ съ крутыми берегами. Тогда пришлось снова выпрячь лошадей и перевести ихъ въ поводу; солдаты на рукахъ спустили телѣжку на дно оврага и втащили

ее на другую сторону. Выѣхавъ снова на дорогу, я поблагодарилъ артиллеристовъ и продолжалъ путь. Разумѣется, нельзя было не посѣтовать при этомъ, что въ районѣ расположенія русскихъ войскъ пути сообщенія были такъ неисправны.

Спустя около часу, мы достигли Булгарень.

Большой полотняный баракъ и нѣсколько маленькихъ палатокъ подлѣ него тотчасъ обнаружили мѣсто питательнаго пункта. Я заглянулъ въ баракъ; онъ былъ разгороженъ на разныя отдѣленія, но казался пустъ; рѣзкій вѣтеръ съ шумомъ колебалъ его холстинныя или клеенчатыя стѣны и покрышку. Въ одномъ углу, отдѣленномъ пологомъ, горѣла свѣча: какой-то молодой писарь сидѣлъ тамъ за столомъ и составлялъ отчетныя вѣдомости. Отъ него я узналъ, что капитанъ Паули перебрался изъ палатки въ деревню вслѣдствіе наступившихъ холодовъ, такъ какъ онъ заболѣлъ лихорадкою. По указанію писаря, я нашелъ дворъ и ту избу, гдѣ помѣщался капитанъ, и здѣсь присталъ съ своей каруцкой. Запретивъ будить больнаго хозяина, я поручилъ деньщику отдать ему письмо Черкасскаго по утру, когда онъ встанетъ; а себѣ попросилъ послать соломы въ сѣняхъ или въ передней избѣ, и скоро заснулъ довольно крѣпко.

По утру, когда я всталъ, хозяинъ уже былъ предупрежденъ обо мнѣ помянутымъ письмомъ, и любезно упрекнулъ меня за то, что я не велѣлъ его разбудить. У него въ это время былъ еще его товарищъ по гвардіи, капитанъ Владиміровъ, тоже командированный въ распоряженіе князя Черкасскаго и состоявшій административнымъ начальникомъ того болгарскаго округа или уѣзда, въ которомъ мы находились. Онъ собирался объѣзжать свой округъ и направлялся также въ сторону Плевны; поэтому предложилъ ѣхать вмѣстѣ. Мало того, онъ радушно предоставилъ въ мое распоряженіе свою верховую лошадь для поѣздки собственно въ Плевненскій лагерь, чѣмъ значительно облегчилъ мнѣ эту поѣздку. Хозяинъ угостилъ насъ пріятною бесѣдою, чаемъ и завтракомъ; послѣ чего мы отправились въ путь. Я сѣлъ съ капитаномъ Владиміровымъ въ его телѣжку, запряженную парою бойкихъ лошадокъ, которыхъ онъ пріобрѣлъ на мѣстѣ; сзади была привязана верховая лошадь, а далѣе за нами слѣдовалъ мой болгаринъ съ своей каруцкой. Разумѣется, я пользовался случаемъ узнать все, что меня интересовало, и что могли мнѣ сообщить оба капитана.

Часа черезъ два или два съ половиною мы достигли селенія Порадима, въѣхали на какой-то дворъ, и вошли въ избу. Тутъ сидѣла группа офицеровъ, которые, употребляя техническое выраженіе, рѣзались въ

карты. Мой спутникъ обратился къ одному изъ нихъ, хозяину избы, молодому человѣку съ польской фамиліей, и рекомендовалъ ему меня, по порученію капитана Паули. Молодой офицеръ кивнулъ мнѣ головой; сказалъ что-то въ родѣ того, что онъ учился по моимъ книгамъ; затѣмъ повернулся спиною, и продолжалъ игру. Мы вышли на дворъ, посидѣли на крыльцѣ; но, не видя никакихъ знаковъ вниманія, перебрались съ своими телѣжками на какой-то другой дворъ, гдѣ, помнится, стояла команда жандармовъ, и тутъ пристали. Здѣсь я долженъ былъ оставить своего болгарина, и отсюда уже верхомъ ѣхать къ Плевнѣ, отстоявшей верстъ на семь.

Спутникъ мой досталъ откуда-то мѣдный или жестяной чайникъ, тутъ же на дворѣ вскипятилъ воду и сдѣлалъ чай. Напившись и съѣвъ по куску сыру, который у насъ обоихъ оказался въ запасѣ, мы распрощались. Оставивъ дорожный сакъ въ телѣжкѣ и привязавъ свои пледы къ сѣдлу, я выѣхалъ изъ деревни. Капитанъ показалъ мнѣ дорогу. Ѣхать приходилось между полями и нивами, съ которыхъ былъ снятъ хлѣбъ. Часть пути я сдѣлалъ съ какимъ-то гусаромъ, проѣзжавшимъ не помню куда. Потомъ взъѣхалъ на какое-то возвышеніе, и передо мною открылась часть русскихъ линій, облегавшихъ Плевну съ сѣверовосточной стороны. Мѣстность имѣетъ здѣсь весьма неровную, волнообразную поверхность. Переѣзжая съ пригорка на пригорокъ, я попалъ въ какое-то лагерное расположеніе, состоявшее изъ палатокъ и землянокъ. Одни солдаты носили воду изъ ближняго ручья, другіе варили пищу, третьи копали землю для своихъ землянокъ, четвертые сооружали новое укрѣпленіе въ видѣ люнета. Однимъ словомъ, шла обыденная лагерная дѣятельность въ тылу передовыхъ траншей, откуда изрѣдка слышались выстрѣлы, которыми сторожевыя цѣпи обмѣнивались съ непріятелемъ.

Я, наконецъ, подъ Плевной, куда такъ стремился. Но пока не вижу никакой Плевны, не вижу непріятеля. Любопытно то, что всѣ разговоры о строгомъ воспрещеніи являться сюда кому либо постороннему, безъ особаго пропуска, оказались напрасными. У меня не только никто не потребовалъ пропуска, но и просто никто не полюбопытствовалъ узнать, что я за человѣкъ.

Продолжая шажкомъ объѣзжать разбросанные тамъ-сямъ лагери, устроенные большею частію по скатамъ или въ глубинѣ долинъ и слѣдовательно скрытые отъ глазъ непріятеля, я вдругъ очутился передъ батареей изъ восьми пушекъ довольно большаго калибра. По сторонамъ ея виднѣлись траншеи со стрѣлками, а впереди довольно крутой обрывъ. Я слѣзъ съ лошади и попросилъ артиллерійскую прислугу вызвать началь-

ника батареи. Ко мнѣ вышелъ небольшаго роста блондинъ, назвавшій себя капитаномъ Ивановымъ. Я отрекомендовался. Но прежде нежели успѣлъ сказать, зачѣмъ пріѣхалъ подъ Плевну, капитанъ, очевидно неусмотрѣвшій ничего необыкновеннаго въ моемъ любопытствѣ, любезно повелъ меня на свою батарею и тотчасъ принялся все объяснять и показывать. Оказалось, что я попалъ на центральную или одну изъ центральныхъ батарей. Солнце уже садилось, и капитанъ поспѣшилъ воспользоваться его послѣдними лучами, чтобы показать мнѣ Плевну и непріятельскія укрѣпленія.

Съ этого возвышеннаго пункта, на разстояніи верстъ пяти, шести, открывался небольшой городъ Плевна, расположенный въ долинѣ между обнаженными холмами, посреди которыхъ оттѣнялись его бѣлые домики и минареты, съ нѣсколькими зелеными деревьями. Плевну я разсмотрѣлъ при помощи бинокля, сообщеннаго мнѣ начальникомъ батареи. Только при той же помощи могъ я различить сѣрыя линіи невысокихъ валовъ, обозначавшихъ непріятельскіе ложементы и редуты, расположенные на скатахъ возвышенностей по другую сторону разстилавшейся у нашихъ ногъ долины. Кромѣ этихъ валовъ не было видно никакихъ признаковъ непріятеля.

Узнавъ о томъ, что я еще не имѣю никакого пріюта на ночь, г. Ивановъ тотчасъ предложилъ мнѣ мѣсто въ своей землянкѣ, гдѣ онъ помѣщался съ своимъ помощникомъ. Я конечно съ удовольствіемъ принялъ предложеніе; но предварительно желалъ представиться въ главной квартирѣ. Распросивъ о направленіи пути, который велъ къ мѣсту расположенія Великаго князя, я скоро нашелъ это мѣсто. Помню, что мнѣ пришлось проѣзжать мимо лагеря того корпуса, которымъ командовалъ генералъ Криднеръ, и я увидалъ прохаживающуюся около палатокъ высокую, нѣсколько сгорбленную фигуру этого генерала, покрытаго лаврами Никополя и терніями второй Плевны.

Великій князь главнокомандующій съ своею свитою и казацкимъ конвоемъ занималъ особый пригорокъ. Меня направили къ дежурному офицеру, которому я и вручилъ свои двѣ или три рекомендательныя записки отъ князя Черкасскаго, для передачи кому слѣдуетъ. Но оказалось, что и записки эти не были необходимы. Едва въ главной квартирѣ узнали о моемъ пріѣздѣ, какъ мнѣ было оказано всякое радушіе.

Сначала вышелъ ко мнѣ сѣдовласый генералъ съ черными, еще сохранявшими свой блескъ, глазами. Это оказался Непокойчицкій, начальникъ главнаго штаба. Онъ же доложилъ обо мнѣ Великому князю главнокомандующему, который пожелалъ немедленно меня видѣть и рас-

просилъ о цѣли моего пріѣзда. Межъ тѣмъ уже смерклось. На свѣжемъ воздухѣ, посреди палатокъ, стояли накрытые столы, поставленные въ одинъ рядъ. Великій князь милостиво пригласилъ меня отобѣдать и указалъ мнѣ мѣсто недалеко отъ себя, посреди своей свиты. Я и прежде слышалъ о его привѣтливости и простотѣ обращенія; а теперь на самомъ себѣ испыталъ эти привлекательныя качества, благодаря которымъ за столомъ господствовали непринужденность и даже веселость. Бесѣду, помнится, особенно оживляли сидѣвшіе насупротивъ Великаго князя генералъ Д. И. Скобелевъ (отецъ) и князь Имеретинскій.

Послѣ обѣда Великій князь ушелъ въ свою палатку. Общество разбилось на группы. Мнѣ случилось тутъ вести разговоръ какъ съ военными генералами, такъ и съ лицами другихъ профессій, состоявшихъ при главномъ штабѣ, напримѣръ съ медикомъ его высочества (не помню фамиліи) и драгоманомъ Макѣевымъ. Между прочимъ Непокойчицкій замѣтилъ мнѣ, что Плевна не представляетъ большаго интереса; что мнѣ лучше было бы съѣздить на Шипку, гдѣ можно любоваться великолѣпной горной природой.

«Ахъ, генералъ, до живописныхъ ли видовъ намъ теперь! Сокрушили вы насъ троекратной Плевной»—думалъ я въ эту минуту. Но, конечно, не отвѣтилъ такъ откровенно.

Межъ тѣмъ на обѣденныхъ столахъ былъ поданъ чай, и большая часть общества снова усѣлась вокругъ нихъ, безъ соблюденія ранговъ, а гдѣ кому пришлось, такъ какъ Великій князь тутъ не присутствовалъ. Разговоры касались самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Между прочимъ кто-то къ слову дружески-шутливо посовѣтовалъ юному дежурному офицеру жениться тотчасъ по окончаніи войны. Тотъ серьезно началъ увѣрять, что ни за что не женится такъ рано. По этому поводу бесѣда незамѣтно склониласъ на женщинъ и на любовь—вѣчно всѣмъ близкіе и общедоступные вопросы, которые всегда занимали и будутъ занимать человѣчество, особенно въ долгіе вечерніе часы лагернаго досуга. Разговоръ этотъ, какъ и подобаетъ хорошему обществу, велся въ весьма приличной, даже изящной формѣ, со всѣми признаками рыцарственныхъ отношеній къ прекрасному полу.

Вечеръ былъ довольно теплый и тихій. Небольшое пространство, тускло освѣщенное нѣсколькими свѣчами, со всѣхъ сторонъ ограничивалось густою темнотою; такъ что, сидя въ пріятномъ обществѣ, на минуту можно было забыть бѣдствія войны и самое сосѣдство губительной Плевны. Но она о себѣ напомнила.

Вдругъ посреди ночной тишины послышалось нѣсколько выстрѣловъ

гдѣ-то въ правой сторонѣ русскихъ линій. Выстрѣлы начали учащаться и скоро перешли въ горячую перестрѣлку, такъ что приковали къ себѣ общее вниманіе. Самъ Великій князь вышелъ изъ палатки, и, помѣстясь на краю пригорка на складномъ стулѣ, прислушивался къ пальбѣ. Позади сгруппировалась его свита, кто стоя, кто присѣвъ на землю. Громъ непрерывной пальбы нѣкоторое время шелъ crescendo; происходившіе отъ выстрѣловъ огоньки подобно молніямъ рѣзали мглу и разсыпались искрами. И слухъ, и зрѣніе поражались грандіознымъ впечатлѣніемъ. Можно было подумать, что въ той сторонѣ кипѣла ожесточенная битва. Но вотъ пальба постепенно стала ослабѣвать, и наконецъ затихла. Снова водворились мракъ и тишина. Послѣ оказалось, что никакого серьезнаго столкновенія въ ту ночь не было; а на Гривицкомъ редутѣ, занятомъ Румынами, произошла ложная тревога, и открылась пальба, на которую Турки отвѣчали изъ своего ближняго редута. Нужно замѣтить, что Гривицкій редутъ былъ отнятъ у Турокъ же, и что они нѣсколько разъ пытались воротить его внезапными ночными нападеніями. Слѣдовательно означенная тревога, можетъ быть, въ сущности имѣла основаніе, и предупредила новую попытку непріятеля.

Меня оставили ночевать въ лагерѣ Великаго князя. Притомъ же такъ поздно, въ потьмахъ, отыскивать батарею Иванова было весьма неудобно. Когда я разсказалъ въ главномъ штабѣ о своей встрѣчѣ съ нимъ, то узналъ, что этотъ скромный и по наружности невидный капитанъ пользовался репутаціей весьма храбраго и превосходнаго артиллериста. Тогда мнѣ невольно припомнился типъ артиллериста Тушина, прекрасно очерченный въ романѣ графа Толстаго «Война и миръ».

Меня поручили начальнику конвоя, казацкому полковнику, и онъ на ночь далъ мнѣ пріютъ въ палаткѣ одного изъ своихъ офицеровъ. Палатка была хотя и очень легкая, но хорошо прилажена, и когда мы улеглись, казакъ какъ-то наглухо приметалъ веревочкой ея дверку, такъ что вѣтеръ почти въ нее не проникалъ. Лошадь моя между тѣмъ пользовалась обществомъ конвойныхъ казацкихъ коней.

Съ восходомъ солнца конвойный лагерь былъ уже на ногахъ. Наканунѣ полковникъ обѣщалъ нарядить одного молодаго хорунжаго (или корнета), хорошо знавшаго мѣстность и расположеніе войскъ, чтобы проводить меня по русскимъ линіямъ и объяснить все, что можно. Но въ это утро, какъ нарочно, на хорунжаго пало дежурство при главной квартирѣ. Мнѣ дали въ провожатые двухъ казаковъ. Передъ выѣздомъ изъ лагеря я обратился къ Скобелеву-отцу съ вопросомъ, гдѣ и какъ могу видѣть его сына. Димитрій Ивановичъ отвѣчалъ, что съ этимъ вопросомъ лучше

обратиться къ князю Имеретинскому, извѣстному другу Михаила Димитріевича. Князь Имеретинскій сообщилъ мнѣ, что въ это утро должна происходить рекогносцировка генерала Тотлебена, по окончаніи которой онъ будетъ обѣдать у Скобелева-сына. Князь именемъ сего послѣдняго любезно пригласилъ меня явиться къ тому же времени, т.-е. къ пяти часамъ, въ главную квартиру Шестнадцатой дивизіи, которою командовалъ Михаилъ Димитріевичъ Скобелевъ.

Сначала я поѣхалъ съ своими казаками на лѣвый флангъ нашей арміи. Мы пробирались пашнями, лугами, мелкимъ кустарникомъ по пересѣченной мѣстности мимо нашихъ линій, которыя шли ломаною дугою параллельно съ земляными укрѣпленіями турецкой арміи и впереди состояли изъ ровиковъ со стрѣлками или такъ называемыхъ ложементовъ, далѣе люнетовъ, батарей и проч.; а за этими передовыми линіями и за этими пригорками, какъ я сказалъ, были мѣстами расположены лагери отдѣльныхъ частей. Солнце спряталось и небо покрылось облаками. Поэтому непріятельскія земляныя укрѣпленія я едва могъ различать. Но за то время отъ времени слышалъ рѣзкій непріятный свистъ турецкихъ гранатъ, которыя большею частію перелетали черезъ переднія линіи и ударялись въ землю между ними и лагерями. На одной батареѣ я остановился и по приглашенію ея начальника вошелъ въ его землянку, гдѣ тотчасъ мнѣ былъ предложенъ кусокъ колбасы и стаканъ чаю—этой, какъ я сказалъ, неизмѣнной отрады русскихъ людей на театрѣ войны. Начальникъ батареи (къ сожалѣнію—не помню его фамиліи) охотно далъ мнѣ всѣ объясненія, о которыхъ я просилъ, и въ качествѣ очевидца-участника разсказалъ нѣсколько печальныхъ эпизодовъ изъ битвы 30-го августа.

Нужно замѣтить, между прочимъ, что день этой битвы и канунъ ея были ненастны. Русскимъ солдатамъ, штурмовавшимъ высоты, приходилось взбираться по чрезвычайно вязкой глинѣ; понятно, что такое обстоятельство оказывало весьма неблагопріятное для насъ вліяніе на ходъ дѣла. Непріятель имѣлъ всѣ средства знать заранѣе о предстоявшемъ штурмѣ и приготовиться. Уже одно движеніе санитарныхъ повозокъ и устройство перевязочныхъ пунктовъ не могли скрыться отъ его вниманія, т.-е. отъ вниманія его шпіоновъ. Затѣмъ планъ атаки и общее ею руководство остались для меня неясны, не смотря на всѣ разспросы. Это можно объяснить только тѣмъ, что они не были ясны и для самихъ участниковъ боя. Разумѣется, если бы мы одержали побѣду, то побѣдители нашлись бы немедленно. Общественное мнѣніе свалило главную вину пораженія на втораго начальника штаба, генерала Левицкаго. Но дѣйствительная степень этой вины, кажется, осталась невыясненною. Я спра-

шивалъ, между прочимъ, зачѣмъ поспѣшили приступомъ 30-го августа, имѣя недостаточныя для того силы? Зачѣмъ не подождали гвардіи, которая была уже на пути въ Болгарію? На эти вопросы также не получилъ удовлетворительныхъ объясненій.

Побывъ нѣсколько минутъ на скатѣ холма, на которомъ была устроена батарея, и посмотрѣвъ на Плевну, которую тутъ видѣлъ ближе, чѣмъ наканунѣ, я продолжалъ объѣздъ. Но, помнится, казаки не повели меня далѣе на крайній пунктъ лѣваго фланга, отзываясь, что тамъ слишкомъ близко отъ турецкихъ траншей, и что непріятельскіе стрѣлки какъ разъ снимутъ (съ сѣдла) мое благородіе *. Мы повернули назадъ, т.-е. къ центру и правому флангу; но поѣхали туда другими, кратчайшими тропинками.

Около центра русскаго расположенія на одномъ возвышеніи я увидалъ снова Великаго князя главнокомандующаго и его свиту; сошедши съ коней, они въ бинокли наблюдали за парламентернымъ отрядомъ, который медленно двигался гдѣ-то вдали по шоссейной дорогѣ, пролегавшей въ долинѣ. Въ этотъ день драгоманъ Макѣевъ съ нѣсколькими кавалеристами и трубачами, подъ парламентернымъ флагомъ, былъ посланъ для переговоровъ съ Османъ-пашею о заключеніи на нѣсколько часовъ перемирія, нужнаго для уборки труповъ, лежавшихъ между двумя воюющими арміями. Когда отрядъ скрылся изъ виду, главнокомандующій и его свита сѣли на коней и отъѣхали. Тутъ опять попалъ я на батарею Иванова. Но его въ эту минуту на ней не было; меня встрѣтилъ помощникъ его князь Вадбольскій и попенялъ мнѣ за то, что я не пріѣхалъ ночевать, а они соорудили было для меня и постель.

Во время своего объѣзда, на нѣкоторыхъ пунктахъ я останавливался, сходилъ съ лошади и вступалъ въ разговоръ съ офицерами, которые отвѣчали мнѣ не только охотно, но и любезно. Наконецъ я добрался до Гривицкаго редута, гдѣ кончались русскія войска и начинались румынскія. Этотъ редутъ, названный отъ имени близъ лежавшей и тогда разоренной деревни, представлялъ круглое земляное укрѣпленіе въ два или три яруса, вооруженное пушками. Внутренность его была занята Румынами. Ихъ большія бараньи шапки только издали придавали имъ воинственный видъ; вблизи же они отличались апатичными, задумчивыми физіономіями. Впрочемъ въ эту войну ихъ небольшая армія вела себя очень недурно. Наружный валъ редута составлялъ третій, самый нижній его ярусъ, внутри котораго оказался уже не румынскій, а русскій гарнизонъ, какъ бо-

* При началѣ объѣзда старшій казакъ вѣжливо освѣдомился о томъ, какъ слѣдуетъ ко мнѣ обращаться: „ваше благородіе“ или „ваше высокоблагородіе?“

лѣе надежный. Тутъ я остался нѣсколько минутъ, такъ какъ могъ говорить съ русскими солдатами. Валъ, съ помощью фашинника, былъ устроенъ съ амбразурами или бойницами для стрѣльбы. Посмотрѣвъ въ эти отверстія, я увидалъ въ близкомъ разстояніи (шаговъ за двѣсти) турецкій редутъ. Отсюда постоянно слышались выстрѣлы, пули безпрерывно ударялись въ обшивку Гривицкаго укрѣпленія. Очевидно Турки не жалѣли патроновъ; съ русской стороны, наоборотъ, при мнѣ совсѣмъ не было выстрѣловъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ за валомъ лежали тамъ-сямъ кучи какихъ-то разноцвѣтныхъ тряпокъ. Это были трупы Турокъ, отбитыхъ при какомъ-то ихъ нападеніи, оставшіеся непогребенными. Самихъ труповъ уже нельзя было разсмотрѣть, а виднѣлись только клочья ихъ одежды.

Въ Гривицкій редутъ, расположенный на возвышеніи, вела снизу траншейная дорога, т.-е. защищенная со стороны непріятеля невысокимъ валомъ, мѣстами менѣе чѣмъ въ ростъ человѣческій. Я посѣтилъ редутъ въ сопровожденіи одного казака; другой казакъ оставался съ лошадьми. Во время двукратнаго прохожденія по этой дорогѣ непріятельскія пули часто свистѣли надъ головою, и тутъ я на себѣ испыталъ невольныя подергиванія головы, какія, по разсказамъ, бываютъ у людей непривычныхъ, еще необстрѣленныхъ.

Этимъ редутомъ я закончилъ свой объѣздъ русскихъ линій, начатый часовъ въ 8 утра, и вернулся въ лагерь главной квартиры часамъ къ 4-мъ пополудни. Въ палаткѣ, гдѣ я ночевалъ, вокругъ складнаго стола сидѣли нѣсколько конвойныхъ офицеровъ и сокращали свою скуку съ помощью картъ—какъ извѣстно весьма распространенное времяпровожденіе въ лагерной или военной жизни. Не знаю, насколько это занятіе распространено въ другихъ европейскихъ арміяхъ. Едва я присѣлъ, чтобы немного отдохнуть, какъ казацкій ротмистръ уже досталъ откуда-то бутылку шампанскаго и принялся угощать случайнаго гостя; сему послѣднему, чтобы не обидѣть радушныхъ хозяевъ, пришлось пить шипучее вино натощакъ. Затѣмъ я распростился съ доброю компаніей, и поѣхалъ въ лагерь Скобелева, куда мнѣ дали провожатаго.

Я нашелъ Михаила Дмитріевича уже за столомъ посреди довольно многочисленнаго общества въ просторной, обитой коврами палаткѣ; вблизи ея играла военная музыка. Прежде чѣмъ войти, попросилъ о себѣ доложить, и ко мнѣ тотчасъ вышелъ молодой, худощавый, стройный генералъ, съ коротко остриженными русыми волосами и длинными бакенбардами. Я не утерпѣлъ, и заключилъ его въ объятія, выразивъ удовольствіе, что вижу героя, на котораго обращено вниманіе цѣлой Россіи. Онъ любезно усадилъ меня за столъ. Кромѣ Э. И. Тотлебена и князя Ими-

ретинскаго, тутъ присутствовали полковники, адьютанты и вообще штабъ Шестнадцатой дивизіи. Центромъ общества въ данную минуту очевидно былъ Тотлебенъ, только что прибывшій подъ Плевну въ качествѣ начальника осадной арміи, хотя номинальное начальство оставалось за румынскимъ княземъ Карломъ. Не знаю, всегда ли Эдуардъ Ивановичъ былъ такъ словоохотливъ; но на этотъ разъ его рѣчи, можно сказать, лились рѣкою; а остальное общество, и въ особенности Скобелевъ, съ глубокимъ почтеніемъ внимало его занимательнымъ разсказамъ и умнымъ разсужденіямъ. Разсказы его касались бо́льшею частію Севастопольскихъ воспоминаній. Между прочимъ онъ сообщилъ свое свиданіе и разговоръ съ Омеръ пашею въ Вѣнѣ, по поводу того, какъ генералъ, стяжавшій себѣ репутацію, потомъ обыкновенно боится потерять ее и дѣлается поэтому нерѣшителенъ и медлителенъ. Далѣе почему-то рѣчь зашла объ Углицкомъ полку, и тутъ онъ заговорилъ о духѣ русскихъ солдатъ, о желательной способности генераловъ поддерживать этотъ духъ умѣньемъ сказать, при случаѣ, что-либо ободряющее или напоминающее боевую славу полка. Затѣмъ разговоръ склонился на дѣйствіе нашей артиллеріи. По этому поводу Эдуардъ Ивановичъ распространился о сосредоточенномъ огнѣ, т.-е. о совокупномъ дѣйствіи всѣхъ батарей, направленныхъ въ извѣстный моментъ на какой-либо одинъ непріятельскій пунктъ; что должно производить страшно-разрушительное дѣйствіе.

Тутъ князь Имеретинскій, вообще произведшій на меня впечатлѣніе симпатичнаго генерала, обратился къ Скобелеву; припомнилъ, какъ они недавно брали вмѣстѣ Ловчу, и прибавилъ, что хотя дѣло кончилось полною удачею, но что ему казалось, чего-то въ ихъ дѣйствіяхъ недоставало, и только теперь онъ понялъ, что недоставало именно сосредоточеннаго артиллерійскаго огня.

Интересная и поучительная бесѣда Тотлебена продолжалась нѣкоторое время и послѣ обѣда, удерживая все общество въ томъ же почтительномъ вниманіи вокругъ стола. Очутившись случайно въ этомъ обществѣ, я тотчасъ почувствовалъ, что попалъ въ самый военный нервъ нашей арміи, и что тутъ люди живутъ и дышатъ своей спеціальностью. Всегда какъ-то пріятно встрѣчать офицера, который не исполняетъ только повинность, а отъ души преданъ военному искусству; моряка, который любитъ море; преподавателя, который одушевленъ своимъ предметомъ, и т. д.

Уже наступилъ темный вечеръ, когда Тотлебенъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Имеретинскимъ, который назначенъ былъ начальникомъ его штаба. Вслѣдъ за ними большею частію разошлись полковники и другіе штабъ офицеры.

М. Д. Скобелевъ, дотолѣ державшій себя скромно и чинно, теперь далъ волю своимъ впечатлѣніямъ; а онъ очевидно былъ очень впечатлителенъ. Онъ принялся расточать похвалы Тотлебену, разсказывалъ какъ они поутру дѣлали рекогносцировку позицій, какъ непріятели обратили на нихъ вниманіе и начали посылать имъ гранаты, и какъ при этомъ держалъ себя новый начальникъ, шутливо замѣтившій, что Турки его привѣтствуютъ. Да, j'ai trouvé mon maitre—повторялъ Михаилъ Дмитріевичъ извѣстную фразу генерала Массены о Наполеонѣ I. Сохранились ли у него эти первыя впечатлѣнія до конца войны, мнѣ неизвѣстно *.

Кто-то вошелъ и что-то доложилъ генералу. Выслушавъ докладъ, Скобелевъ громко выразилъ неудовольствіе на то, что полтораста вновь прибывшихъ солдатъ часа два стояли въ ожиданіи распоряженій, потому что никто не рѣшался безпокоить генераловъ во время обѣда. Онъ немедленно вышелъ, и вѣроятно личною заботливостію о солдатахъ спѣшилъ, такъ сказать, загладить невольную передъ ними вину. Съ полчаса онъ былъ въ отсутствіи, занятый какими-то хлопотами. «Куропаткинъ! Куропаткинъ!» раздавался время отъ времени голосъ Скобелева, который призывалъ къ себѣ начальника штаба своей дивизіи.

Вернувшись въ палатку, онъ продолжалъ разговоръ со мною о послѣднихъ событіяхъ и о войнѣ вообще; причемъ отдавалъ справедливость турецкой арміи; а Османъ-пашу просто называлъ великимъ полководцемъ за то, что онъ ловко «остановилъ наше нашествіе».

— «Когда окончится война, поѣду съ нимъ знакомиться, непремѣнно поѣду!» восклицалъ Скобелевъ.

Съ своей стороны я пытался противорѣчить, и замѣтилъ, что эта величина создана нашими ошибками. Опять не знаю, сохранилъ ли впечатлительный генералъ свое высокое мнѣніе объ Османѣ до конца войны. Однако въ отзывахъ о русскомъ предводительствѣ онъ со мною былъ сдержанъ, и не позволялъ себѣ никакого злословія о личностяхъ. Я спросилъ, между прочимъ, зачѣмъ 30 августа, если у насъ были недостаточныя силы, мы серьезно атаковали непріятеля почти на всѣхъ пунктахъ, вмѣсто того, чтобы всю силу удара сосредоточить на одномъ или двухъ, а на остальныхъ ограничиться демонстраціями. Онъ согласился, что такъ было бы лучше; но воздержался отъ дальнѣйшихъ объясненій; такъ что я на этотъ счетъ не пріобрѣлъ отъ него болѣе подробныхъ свѣдѣній. Замѣчу мимоходомъ, что въ послѣднее время я мало слѣдилъ за

---

* Судя по нѣкоторымъ, читаннымъ потомъ мною, очеркамъ изъ прошлой войны,— не сохранились. *Поздн. прим.*

военной литературой о компаніи 1877 года. Можетъ быть, эти обстоятельства, которыя тогда были для меня неясны, теперь уже достаточно разъяснены.

Но за то, когда зашла рѣчь о приходѣ гвардіи, Скобелевъ откровенно высказался противъ ея привиллегированнаго отношенія къ арміи, и вообще говорилъ въ томъ же смыслѣ, о которомъ замѣчено выше. Я было попытался напомнить о томъ, что теперь не время возбуждать пререканія, что въ виду непріятеля надобно забыть домашніе счеты и т. п., но встрѣтилъ со стороны присутствующихъ такой отпоръ, что долженъ былъ прекратить разговоръ на эту тему. Снова обращаю вниманіе кого слѣдуетъ на этотъ щекотливый предметъ, на сей разъ имѣя за себя авторитетъ Скобелева. Особенно обращаю вниманіе на систему назначенія армейскихъ полковыхъ командировъ изъ гвардіи.

Мы продолжали сидѣть маленькимъ кружкомъ; на столѣ стояло нѣсколько недопитыхъ за обѣдомъ бутылокъ съ виномъ и пивомъ. Обѣдъ и напитки повидимому доставлены были какимъ-то маркитантомъ нѣмцемъ или евреемъ, судя по тому, что хозяинъ обращался къ нему по-нѣмецки. Скобелевъ предложилъ еще выпить шампанскаго, и, несмотря не мою оппозицію, уже позвалъ было маркитанта. Но вдругъ перемѣнилъ намѣреніе, и сказалъ:

— «Нѣтъ, не надо. Убрать прочь все это со стола! Вы, пожалуй, подумаете, что мы тутъ занимаемся пьянствомъ. А мы сегодня просто праздновали прибытіе Тотлебена».

Весьма подвижный, генералъ мало сидѣлъ, а болѣе разговаривалъ, стоя или ходя по палаткѣ. Иногда онъ выходилъ, чтобы присмотрѣть за чѣмъ-нибудь или сдѣлать какое-либо распоряженіе. Тогда снова въ ночной тишинѣ раздавался кликъ: «Куропаткинъ, Куропаткинъ!» И капитанъ Куропаткинъ, если былъ въ палаткѣ, бѣжалъ на зовъ своего начальника. Это былъ небольшаго роста красивый брюнетъ, съ живыми черными глазами и несомнѣнными признаками даровитости. Очевидно генералъ и его начальникъ штаба, состоявшій еще въ чинѣ капитана, умѣли какъ-то во взаимныхъ отношеніяхъ соединять служебную дисциплину съ дружескимъ товарищескимъ чувствомъ, которое возникло между ними еще въ Туркестанѣ.

Относительно меня, впрочемъ, капитанъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Куропаткинъ обнаружилъ, если не подозрительность, то нѣкоторое недоумѣніе. Онъ все интересовался знать, зачѣмъ я пріѣхалъ и не имѣю ли я отъ кого-нибудь спеціальнаго порученія. Особенно съ этими вопросами обращался онъ ко мнѣ, когда Скобелевъ уходилъ изъ палатки. Очевидно онъ

не довѣрялъ тому, чтобы можно было частному человѣку, хотя бы спеціалисту по Русской исторіи, пріѣхать въ армію по собственному побужденію, безъ особыхъ заднихъ мыслей. Такое недовѣріе мнѣ нѣсколько не понравилось; но само по себѣ оно не представляло ничего страннаго.

Узнавъ, что я уѣзжаю въ ту же ночь, Михаилъ Димитріевичъ нѣсколько разъ предлагалъ мнѣ остаться въ его лагерѣ и побыть съ ними дня три четыре. Но я былъ связанъ условіями и сроками о своихъ лошадяхъ, какъ верховой, такъ и троичныхъ, и опасался за свои сообщенія, т.-е. за скорое возвращеніе въ отечество, если отдамся въ этомъ отношеніи на произволъ случая. Да и вообще не желалъ никого обременять своей особой. При томъ же никакого дѣла въ слѣдующіе дни не предвидѣлось. Была только обычная лагерная жизнь. Въ ближайшемъ будущемъ предстояло полное обложеніе Плевны, и паденіе ея считалось дѣломъ времени, о чемъ съ увѣренностію говорилось въ данномъ кружкѣ.

Время шло уже за полночь. Въ палаткѣ кромѣ меня оставались только Скобелевъ и Куропаткинъ. Я сталъ собираться въ дорогу, когда вошелъ полковникъ Тихменевъ, на сей разъ въ партикулярномъ платьѣ, повидимому также внѣ службы стоявшій съ Скобелевымъ на товарищеской ногѣ. Онъ началъ сообщать сему послѣднему по-французски о какихъ-то слухахъ на счетъ имѣющихъ быть перемѣнъ въ командованіи, и между прочимъ сказалъ, что Михаилу Димитріевичу хотятъ поручить четвертый корпусъ. Я потому и запомнилъ этотъ разговоръ, что, если не вскорѣ, то впослѣдствіи онъ дѣйствительно получилъ названный корпусъ.

Генералъ велѣлъ дать мнѣ казака въ провожатые до Порадима, и я распрощался съ дорогимъ хозяиномъ. Это было единственное мое съ нимъ свиданіе. Ни прежде, ни послѣ я съ нимъ не встрѣчался, хотя онъ бывалъ въ Москвѣ; также какъ не встрѣчался потомъ ни съ однимъ изъ тѣхъ военныхъ, которые названы въ моемъ разсказѣ. Нигдѣ люди такъ легко не знакомятся и не сближаются какъ на театрѣ войны. Но во время мира мы всѣ сидимъ по своимъ угламъ; тутъ разныя спеціальности рѣдко сообщаются другъ съ другомъ.

Небо совершенно заволоклось тучами. Ночь была очень темная, накрапывалъ дождикъ. Слѣдуя за своимъ провожатымъ, я шагомъ пробирался по лощинамъ, пашнямъ и пригоркамъ. Часамъ къ тремъ утра мы добрались до Порадима, гдѣ ожидалъ меня болгаринъ. Соснувъ немного въ какомъ-то углу на соломенной постели, которую мнѣ уступилъ одинъ жандармъ, я съ своимъ болгариномъ выѣхалъ въ обратный путь.

Въ Булгарени я воротился въ то же утро, и опять нашелъ у капитана Паули его товарища Владимірова, которому съ благодарностію воз-

вратилъ верховую лошадь. Тутъ случился одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, которые можно подстроить развѣ только на сценѣ. Едва мы начали бесѣду, какъ дверь хижины отворилась, и на порогѣ появился тотъ самый молодой офицеръ, которому Паули адресовалъ насъ въ Порадимѣ. Не отвѣчая на его поклонъ (товарищъ конечно успѣлъ передать о помянутомъ пріемѣ), хозяинъ встрѣтилъ молодаго человѣка суровымъ упрекомъ, чѣмъ не мало сконфузилъ и его, и меня. Офицеръ немедленно исчезъ. Я нашелъ, что невозможно требовать отъ Поляковъ какихъ либо любезныхъ намъ пріемовъ; если они честно исполнятъ свой служебный долгъ, и то было бы славу Богу.

Часа черезъ два я распростился съ этими добрыми людьми, и отправился по дорогѣ, ведущей прямо въ Систово, т.-е. минуя Горный Студень. Ясная, сухая погода кончилась какъ разъ наканунѣ, и началось ненастье; такимъ образомъ я еще до выѣзда изъ Болгаріи имѣлъ случай убѣдиться, какъ тяжелы и затруднительны были тамъ сообщенія въ дождливое время. Отъ Булгарень до Систова, приблизительно верстъ тридцать, моя тройка ѣхала по крайней мѣрѣ часовъ десять: до того сдѣлалась дурна дорога. Послѣднія пять верстъ пролегали по низменному берегу Дуная; тутъ колеса и копыта лошадей такъ глубоко уходили въ рыхлую размокшую почву, что эти пять верстъ мы тащились ровно пять часовъ. Въ Систово мы взобрались уже за полночь. Городокъ былъ погруженъ въ глубокій сонъ. Нѣсколько разъ мы застрѣвали въ грязныхъ ямкахъ его неровныхъ извилистыхъ улицъ; а одинъ разъ такъ основательно, что вылѣзли только съ помощью проходившихъ мимо троихъ солдатъ. Никуда не заѣзжая, мой возница остановился на какой-то рыночной площади, распрегъ лошадей и тутъ ихъ покормилъ, пока я дремалъ въ полусидячемъ положеніи, укрываясь зонтикомъ и пледами отъ мелкаго моросившаго дождя.

Когда разсвѣло, мы спустились опять внизъ, на берегъ Дуная, и поѣхали къ понтонному мосту; но тутъ скоро очутились въ критическомъ положеніи. Недалеко было до моста, какихъ-нибудь версты полторы или двѣ, но низменная полоса, заключенная между рѣкою и крутымъ, почти отвѣснымъ берегомъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе съуживалась. Дорога, пролегавшая по этой полосѣ, оказалась сплошь загроможденною перепутавшимися военными обозами на лошадяхъ и на волахъ, которые стояли неподвижно, глубоко погрузясь въ вязкій илъ. Мы попробовали было объѣхать эти обозы, но тутъ же застряли и остановились въ недоумѣніи, что предпринять. Наконецъ, кто-то надоумилъ насъ, что лучше проѣхать къ мосту вѐрхомъ, т.-е. горою. Съ большими усиліями вылѣзли мы изъ

грязи и повернули назадъ: поднялись опять въ городъ, проѣхали по его неправильнымъ, волнообразнымъ улицамъ, отчасти замощеннымъ острымъ булыжникомъ, и выѣхали на другую сторону. Отсюда мы вновь спустились къ берегу и, наконецъ, добрались до того моста, который велъ изъ Болгаріи. Другой, рядомъ наведенный, мостъ велъ въ Болгарію. Долго послѣ того меня преслѣдовала картина завязшихъ на берегу Дуная обозовъ, съ безконечною вереницею рогатыхъ воловъ и измученныхъ, тощихъ коней, нервно вздрагивающихъ подъ ударами бича. Мнѣ чудилось, что эти обозы и доселѣ не выбрались на просторъ изъ вязкой тѣснины.

Только къ полудню мы перебрались на другой берегъ, въ Зимницу; на сей разъ проѣхали ее не останавливаясь; а потомъ сдѣлали привалъ опять въ томъ же большомъ румынскомъ селеніи, котораго названіе я забылъ. Какъ въ этомъ селеніи, такъ и вообще по дорогѣ, я все встрѣчалъ разныя части гвардіи, двигавшіяся на театръ войны. Ночью, пом- , мы остановились передохнуть на дорогѣ въ открытомъ полѣ посреди густой темени и опять подъ мелкимъ дождемъ. А на слѣдующее утро добрались, наконецъ, до Журжева, и такъ удачно, что пріѣхали за пять минутъ до отхода желѣзнодорожнаго поѣзда въ Бухарестъ. Иначе пришлось бы ждать до слѣдующаго дня. Тутъ я простился съ своимъ болгариномъ; надо полагать, что мы разстались довольные другъ другомъ; на прощаньѣ онъ крѣпко пожалъ мою руку и пожелалъ счастливаго дальнѣйшаго пути. Мы имѣли теперь полное право выразить взаимное удовольствіе: онъ заработалъ хорошія деньги, а я, благодаря ему, успѣлъ скоро и благополучно исполнить свое намѣреніе, т.-е. побывать подъ Плевною. Вообще мой возница представлялъ любопытный болгарскій типъ, выработанный долгими и тяжкими страданіями подъ варварскимъ игомъ. Трудолюбіе, умѣренность и экономность его замѣчательны. Какъ онъ прокармливалъ своихъ лошадей и чѣмъ самъ питался все это время— я, право, не могъ хорошо понять. Изъ того, что заработалъ, едва ли онъ истратилъ хотя десятую долю.

Разъ добравшись до желѣзнаго пути, я конечно могъ уже безъ особыхъ препятствій и приключеній воротиться въ отечество. Но на бѣду (о которой впрочемъ теперь не сожалѣю), мнѣ вздумалось направить это возвращеніе не чрезъ Бессарабію и югозападную Россію, а чрезъ Галицію. Во-первыхъ, уже испытавъ въ той сторонѣ весьма медленное движеніе поѣздовъ, загроможденныхъ санитарнымъ и военнымъ матеріаломъ, я думалъ выиграть время на болѣе быстрыхъ галиційскихъ поѣздахъ. Главное же, мнѣ давно хотѣлось посѣтить городъ Галичъ и познакомиться съ его древностями, а затѣмъ дня на два, на три остановиться во

Львовѣ, повидаться тамъ съ нѣкоторыми учеными изъ Русскихъ и Поляковъ и запастись мѣстными новостями по русско-польской исторіи. Но, какъ извѣстно, въ Галичѣ я былъ арестованъ и препровожденъ въ львовскую тюрьму. Объ этомъ случаѣ теперь не буду распространяться, такъ какъ въ свое время о немъ было напечатано довольно. Прибавлю только, что испытанная отъ австрійскихъ поляковъ обида ни на волосъ не измѣнила моего представленія о Полякахъ вообще. Я все также считаю ихъ даровитымъ и симпатичнымъ Славянскимъ племенемъ, имѣющимъ богатую достойную внимательнаго изученія исторію.

Прошло около пяти лѣтъ послѣ разсказанной поѣздки подъ Плевну. Подробности ея уже начали покрываться туманомъ забвенія; какъ вдругъ неожиданная и тяжелая потеря нашего національнаго героя оживила въ памяти то время, когда я видѣлъ его въ самомъ разгарѣ блестящей воинской дѣятельности. Его кончиною вызвано мое небольшое воспоминаніе, которое его же имени и посвящаю.

Трехдневный плѣнъ у поляковъ въ Галиціи.

Во Львовской газетѣ *Слово* отъ 29-го сентября, помѣщено краткое извѣстіе объ арестѣ Д. И. Иловайскаго польскими властями въ Галиціи. Намъ сообщаютъ слѣдующія точныя подробности этого прискорбнаго факта:*

Д. И. Иловайскій въ началѣ сентября, т.-е. послѣ дѣла 30-го и 31-го августа, предпринялъ краткую поѣздку въ Болгарію, главнымъ образомъ для того, чтобы воочію видѣть положеніе нашихъ дѣлъ подъ Плевной и на самомъ мѣстѣ дѣйствія собрать свѣдѣнія объ источникахъ нашихъ неудачъ, столь тяжелыхъ для русскаго сердца. На обратномъ пути онъ направился чрезъ Галицію, желая посѣтить города Галичъ и Львовъ съ цѣлями археологическими и библіографическими. 26-го сентября, поутру, онъ вышелъ изъ вагона въ Галичѣ съ намѣреніемъ посвятить этотъ день знакомству съ древнею столицей Червонной Руси и затѣмъ продолжать свой путь съ вечернимъ поѣздомъ. (Личнаго знакомства съ этимъ древнимъ городомъ г. Иловайскій искалъ ради готовящейся къ печати второй части своей *Исторіи Россіи*). Въ настоящее время это маленькій, бѣдный городокъ, наполненный Евреями, какъ и во всѣхъ областяхъ бывшей Рѣчи Посполитой. Приставъ въ первомъ заѣзжемъ домѣ, разумѣется содержи-

---

* Москов Вѣд. 1877 г. № 244. Сообщеніе это сдѣлано съ моихъ словъ.

момъ Евреемъ и грязномъ до крайности, путешественникъ отправился къ ближайшей церкви, разыскалъ священника и обратился къ нему съ просьбой сообщить какія-нибудь свѣдѣнія о мѣстныхъ древностяхъ или указать человѣка, который могъ бы это сдѣлать. Священникъ принялъ его очень сухо; на всѣ вопросы отвѣчалъ «не знаю», и посовѣтовалъ обратиться къ священнику другой церкви, греко-уніатской. Тогда только обнаружилось недоразумѣніе: самъ того не подозрѣвая, путешественникъ попалъ на польскаго ксендза-викарія Маріона Матковскаго, который, вмѣстѣ со своимъ пробощемъ (случилось, что тотъ былъ тогда въ отсутствіи), отличается ярымъ фанатизмомъ и ненавистью ко всему русскому.

Путешественникъ отправился ко греко-уніатскому священнику, по фамиліи Марковичу, который оказался еще очень молодымъ человѣкомъ, занимающимъ мѣсто не штатнаго священника, а только администратора греко-уніатской церкви Рождества Христова. Послѣдній встрѣтилъ его радушно и предложилъ свои услуги. Шелъ проливной дождь, но такъ какъ г. Иловайскій не желалъ терять времени, то они немедленно совершили археологическую прогулку по городу, взобрались на крутой холмъ, увѣнчанный развалинами стараго замка, затѣмъ спустились внизъ и осмотрѣли самую церковь Рождества Христова, основанную еще въ княжескія времена, хотя нѣсколько разъ реставрированную. Другихъ замѣчательныхъ древностей въ городѣ не оказалось, по крайней мѣрѣ г. Марковичъ болѣе ничего почти не могъ указать. Между тѣмъ ксендзъ Матковскій успѣлъ поставить на ноги всю полицію города Галича сообщеніемъ, что въ городѣ находится опасный московскій агентъ. Когда путешественникъ возвратился въ свой заѣзжій домъ, у воротъ встрѣтили его два жандарма и пригласили слѣдовать за собой въ полицейское управленіе. Здѣсь немедленно начались допросы: кто такой, зачѣмъ пріѣхалъ въ Галичъ, и т. д. Явился бургомистръ Пшесницкій и, обрадовавшись тому, что паспортъ путешественника не былъ визированъ никакимъ австрійскимъ консуломъ, распорядился насчетъ обыска. Г. Иловайскаго отвели въ его квартиру, и тутъ какой то рыжій чиновникъ вмѣстѣ съ полицей-инспекторомъ Лясковскимъ и еще однимъ жандармомъ перерыли всѣ его вещи, затѣмъ не сняли, а почти сорвали съ него верхнее платье и сапоги; все это перетряхивали, выворачивали всѣ карманы, отыскивая какихъ-то компрометтирующихъ бумагъ. Къ полнотѣ оскорбленія, обыскъ совершался при незакрытой двери, и немедленно въ комнату набралась цѣлая толпа Евреевъ, зѣвавшихъ на эту сцену. Плодомъ поисковъ были двѣ, три дорожныя книги, карта театра военныхъ дѣйствій, два три письма, забытыя въ карманахъ, и маленькій дорожный револьверъ. Все это было отобрано и пріобщено къ дѣлу. На-

ступилъ уже вечеръ. Къ двери квартиры приставили часоваго, а на слѣдующее утро г. Иловайскій, подъ конвоемъ вооруженнаго жандарма, отправленъ по желѣзной дорогѣ назадъ въ Станиславовъ, относящійся къ Галичу какъ губернскій городъ къ уѣздному. Станиславовскій староста или губернаторъ графъ Ложъ, съ однимъ изъ своихъ секретарей, подвергъ арестованнаго тщательному допросу, при чемъ къ донесеніямъ и протоколамъ изъ Галича прибавили еще порядочное количество исписанной бумаги и, вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, опять подъ конвоемъ вооруженнаго жандарма, препроводили арестанта уже въ главный городъ Галиційскаго намѣстничества, то-есть во Львовъ.

Г. Иловайскій надѣялся, что если невѣжественныя власти маленькаго городка не могли понять возможность поѣздки по Галиціи съ научною цѣлью, то по крайней мѣрѣ въ главномъ городѣ намѣстничества онъ встрѣтитъ болѣе интеллигентныя власти, которыя поспѣшатъ положить конецъ этому тяжелому недоразумѣнію. Ничуть не бывало. По прибытіи во Львовъ, его немедленно заключили въ предварительную тюрьму. Единственное снисхожденіе, которое ему сдѣлали состояло въ томъ, что его не помѣстили въ одной камерѣ съ ворами и мошенниками, а заперли въ отдѣльную камеру, сырую и холодную какъ погребъ, съ желѣзными рѣшетками на двухъ маленькихъ окнахъ, причемъ не давали ему возможности ни телеграфировать кому либо о своемъ несчастіи, ни объясниться съ кѣмъ либо изъ лицъ авторитетныхъ. О немъ вспомнили только на другой день послѣ полудня и представили предъ лицо полицейскаго коммиссара. Новый, еще болѣе тщательный допросъ и составленіе протокола. Новыя требованія доказательствъ, что арестованный именно то лицо, за которое онъ себя выдаетъ, и что онъ не имѣлъ никакихъ зловредныхъ цѣлей по отношенію къ Галиціи. По ссылкѣ г. Иловайскаго на свое прежнее посѣщеніе Львова въ такомъ-то году, справились въ записной книгѣ отеля. Оказалось, что фамилія его и спеціальность дѣйствительно были тамъ обозначены. Найденныя при немъ письма также ясно подтверждали его личность и спеціальность. Но все это найдено недостаточнымъ. Изъ трехъ главныхъ знакомствъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ прежнія посѣщенія Львова, извѣстный польскій ученый Белёвскій, издатель *Historica monumenta Poloniae*, уже скончался; грекоуніатскій каноникъ Петрушевичъ, также извѣстный своими историческими и филологическими трудами, отсутствовалъ, будучи членомъ Вѣнскаго рейхсрата. Оставался только редакторъ галицко-русской газеты *Слово* Венедиктъ Михайловичъ Площанскій. Послѣдняго и призвали, по просьбѣ арестованнаго, чтобы засвидѣтельствовать его личность. Г. Площанскій немедленно принялъ самое теплое участіе въ

этомъ дѣлѣ. На первый разъ, однако, его свидѣтельство (какъ человѣка русской народности) также найдено недостаточнымъ. По желанію г. Иловайскаго, коммиссаръ обѣщалъ наконецъ телеграфировать въ Вѣну въ русское посольство. Арестованнаго снова отвели въ его помѣщеніе.

Дѣйствительно ли коммиссаръ телеграфировалъ и какой получилъ отвѣтъ, г. Иловайскому осталось неизвѣстнымъ. Скорымъ своимъ освобожденіемъ онъ считаетъ себя обязаннымъ все тому же В. М. Площанскому. Этотъ почтенный дѣятель Галицкой Руси поспѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы разъяснить львовскимъ властямъ всю ихъ несправедливость въ данномъ случаѣ, а также характеръ и положеніе лица, подвергшагося ихъ преслѣдованію. Результатъ его усилій былъ тотъ, что на слѣдующій день вечеромъ г. Иловайскаго, въ сопровожденіи полицейскаго чиновника, отправили по желѣзной дорогѣ изъ Львова на русскую границу. Галицко-русскіе студенты Львовскаго университета, узнавъ о несчастіи, постигшемъ г. Иловайскаго, готовились собраться на станціи желѣзной дороги, чтобы выразить ему свое сочувствіе, но не могли своевременно узнать о часѣ его отъѣзда.

Польскія власти мотивировали свои поступки съ путешественникомъ тѣмъ, что его паспортъ не имѣлъ визы, хотя онъ нѣсколько разъ уже бывалъ въ Австріи и никогда никто не спрашивалъ его ни о какой визѣ. Не только тѣ Поляки съ которыми онъ имѣлъ случай разговаривать дорогой во время своихъ пересылокъ, но и сами полицейскіе чины не скрывали отъ него, что виза служитъ только предлогомъ, и что съ нимъ поступили такъ просто потому, что онъ Русскій. Конечно, ему была хорошо извѣстна антипатія галицкихъ Поляковъ къ Русскимъ, но, вступая на Галицкую территорію, онъ полагалъ что по крайней мѣрѣ его личная свобода гарантирована, съ одной стороны, конституціонными учрежденіями Австріи, а съ другой—покровительствомъ нашей дипломатической миссіи. Оказывается, что русскій человѣкъ въ Галиціи ничѣмъ не гарантированъ отъ произвола и насилія. Если наши дипломатическіе агенты не въ состояніи предотвратить подобные случаи, то желательно, чтобъ они по крайней мѣрѣ печатно предупреждали своихъ соотечественниковъ о томъ, какую громадную важность для нихъ пріобрѣло вдругъ визированіе паспортовъ въ связи съ польскимъ туркофильствомъ. То же отчасти можно сказать и о русскихъ газетныхъ корреспондентахъ изъ Австріи. Описанный прискорбный случай далеко не единственный. Въ томъ же самомъ помѣщеніи, въ которомъ былъ заключенъ г. Иловайскій, за нѣсколько времени до него содержался одинъ русскій майоръ, точно также подъ предлогомъ невизированнаго паспорта. Онъ подвергался тѣмъ же мытарствамъ въ теченіе

двухъ недѣль, пока полиція наводила справки о его личности. Галицко-польская полиція, хватая русскихъ путешественниковъ и пересылая ихъ съ мѣста на мѣсто подъ военнымъ конвоемъ, тѣмъ самымъ распространяетъ между галицкими Поляками толки о многочисленныхъ московскихъ агентахъ и шпіонахъ. Публика обыкновенно остается въ невѣдѣніи объ окончаніи дѣла, а видитъ только конвоируемыя лица, и вотъ разстроенному воображенію галицкихъ Поляковъ представляется, что вся Галиція кишитъ московскими агентами, которые или занимаются съемкой стратегическихъ пунктовъ, или волнуютъ русское населеніе края и возбуждаютъ его къ революціи. А нѣмецко-жидовскимъ органамъ, въ родѣ *Deutsche Zeitung*, въ каждомъ русскомъ путешественникѣ мерещится «панславистскій агитаторъ». (См. телеграмму *Международнаго Агенства* изъ Вѣны, отъ 2 октября).

Письмо къ издателю *.

М. г.—Слѣдовало ожидать, что руссофобская и туркофильская печать Австріи непремѣнно поусердствуетъ въ оправданіи того насилія, которое недавно было мнѣ учинено въ Галиціи. Но что нѣкоторые органы русской печати будутъ имъ охотно помогать, на это хотя и можно было разсчитывать тому, кто нѣсколько знакомъ съ данною стороной нашей общественной жизни, однако дѣйствительность начинаетъ превосходить ожиданіе.

Сегодня, благодаря указанію одной московской газеты, я узналъ, что два петербургскіе органа уже отличились помѣщеніемъ какихъ-то корреспонденцій изъ Вѣны, разсказывающихъ какъ несомнѣнный фактъ, что я ѣздилъ въ Галицію пропагандировать панславизмъ, и таковое помѣщеніе одинъ изъ этихъ органовъ сопровождаетъ въ высшей степени грубымъ и нелѣпымъ поученіемъ, обращеннымъ какъ ко мнѣ лично, такъ и къ панславистамъ вообще. Я думалъ, что только невѣжественныя власти маленькаго городка не въ состояніи понять возможности посѣтить Галицію съ научною цѣлью. Оказывается, что это невѣжество раздѣляютъ съ ними и нѣкоторыя отечественныя редакціи. Лица, арестовавшія меня, судя по нѣкоторымъ ихъ вопросамъ, кажется, приняли меня за переодѣтаго русскаго офицера, изучающаго стратегическіе пункты. Потомъ, когда достаточно выяснилась моя личность, пущена была въ ходъ клевета о какой-то панславистской пропагандѣ. Сегодня изъ цитаты московской газеты

---

* Москов. Вѣдом 1887 г. № 254.

(самихъ корреспонденцій не читалъ) узнаю, что я сдѣлался эмиссаромъ Славянскаго Комитета и далъ католическому ксендзу тысячу рублей на цѣли этой пропаганды. На дняхъ, можетъ быть, прочту извѣстіе, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, которые я провелъ въ Галиціи свободнымъ человѣкомъ, я успѣлъ совершить разныя тяжкія преступленія. Что можно отвѣчать на подобныя нелѣпости?

И возможно ли серіозно говорить съ людьми, ослѣпленными невѣжествомъ или ненавистью ко всему русскому? Пускаться въ какія либо оправданія въ такомъ случаѣ было бы униженіемъ. Относительно своей поѣздки черезъ Галицію я подтверждаю только, что подробности, сообщенныя въ № 244 вашей газеты, вполнѣ точны и достовѣрны. Въ сентябрѣ 1874 года я также былъ проѣздомъ въ Галиціи; причемъ точно также ознакомился съ древнимъ русскимъ городомъ Перемышлемъ при помощи мѣстнаго священника. Конечно, почему же ради науки иногда не претерпѣть и нѣкоторыя страданія; но я не знаю, избралъ ли бы свой обратный путь черезъ Галицію, еслибы вѣдалъ, что въ настоящее время личность русскаго путешественника въ этой странѣ гораздо менѣе обезпечена нежели посреди дикарей Средней Азіи и Новой Голландіи, хотя тамъ и нѣтъ русскаго представительства. По крайней мѣрѣ наши соотечественники, Пржевальскій и Миклуха-Маклай, благодареніе Богу, пока живы и невредимы.

Пользуюсь случаемъ сказать нѣсколько словъ о панславизмѣ. Уже съ прошлаго года, то-есть со времени Сербо-Турецкой войны, въ иностранныхъ руссофобскихъ и туркофильскихъ газетахъ печатались ядовитыя статьи и выходки противъ русскихъ панславистовъ; причемъ повторялся и обычный пріемъ руссофобовъ: съ извѣстною, всѣмъ понятною цѣлью увѣрять, что внутреннему спокойствію Россіи грозитъ страшная опасность отъ этихъ панславистовъ. Въ числѣ вожаковъ этой ужасной партіи нерѣдко приводилось и мое имя, конечно на основаніи нѣсколькихъ моихъ писемъ о восточномъ или собственно Балканскомъ вопросѣ. На подобныя выходки можно было не обращать вниманія. Но вотъ злоба идетъ дальше и пользуется первымъ попавшимся предлогомъ, чтобъ обвинить уже въ личной и непосредственной пропагандѣ. Любопытно было бы узнать отъ этихъ обвинителей, что̀ именно разумѣютъ они подъ словомъ *панславизмъ*, и на какихъ основаніяхъ причисляютъ, напримѣръ, меня къ его вожакамъ? Панславизмъ вѣроятно означаетъ славянское единство, со включеніемъ австрійскихъ Славянъ. Но, сколько помнится, объ австрійскихъ Славянахъ я ровно ничего не говорилъ, а о какомъ либо политическомъ единеніи Славянъ ничего не было и въ цѣлой русской публи-

цистикѣ. Мои письма относились только къ жизненному для Россіи Восточному вопросу, къ необходимости освободить нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ отъ гнуснаго мусульманскаго ига и къ враждебной намъ въ этомъ вопросѣ политикѣ Англійской и Нѣмецко-Мадьярской. Что же касается практическихъ задачъ столь ненавистнаго туркофиламъ Славянскаго благотворительнаго Общества, то, къ сожалѣнію, при всемъ сочувствіи и уваженіи къ его дѣятельности, я доселѣ не могу похвастать, чтобы былъ дѣятельнымъ его членомъ.

Если въ послѣдніе два года я думалъ и чувствовалъ наравнѣ со всѣми русскими людьми и урывалъ время отъ своихъ историческихъ занятій, чтобы говорить русскому обществу о нашихъ задачахъ по отношенію къ Балканскому вопросу, то, надѣюсь, мнѣ не будетъ поставлена въ упрекъ эта часть моей литературной дѣятельности. Для знакомыхъ съ нею позволю себѣ напомнить, что она относилась по преимуществу къ періоду Сербо-Турецкой войны, и что всѣ существенныя опасенія, мной тогда высказанныя, оправдались на самомъ дѣлѣ.

Въ заключеніе, пользуюсь также случаемъ, при посредствѣ вашего изданія, засвидѣтельствовать свою глубокую благодарность Венедикту Михайловичу Площанскому. Безъ его усердной помощи я, вѣроятно, и доселѣ сидѣлъ бы во Львовской предварительной тюрьмѣ, и это становится теперь еще вѣроятнѣе въ виду указанной выше гнусной клеветы, пущенной въ ходъ извѣстною частью австрійской публицистики и подхваченной нашими туземными пособниками ея въ данномъ случаѣ. *

---

* Съ однимъ изъ этихъ пособниковъ, именно съ г. Полетикой, издателемъ петербурской газеты *Молва*, по означенному поводу дѣло должно было дойти до извѣстныхъ результатовъ; но не дошло вслѣдствіе его отказа. Говорю объ этомъ фактѣ потому, что въ свое время онъ былъ оглашенъ въ печати. За тѣмъ любопытно, что легенда о моей агитаціонной миссіи въ Галиціи такъ и осталась безъ опроверженія во враждебныхъ нѣмецко-мадьярскихъ сферахъ. Еще недавно я въ какой-то заграничной книжкѣ встрѣтилъ упоминаніе объ этой миссіи какъ объ извѣстномъ, положительномъ фактѣ. *Позднѣйше прим.*

IV.

ОТРЫВКИ ИЗЪ РАЗНЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ.

Воспоминаніе о Галичѣ на Днѣстрѣ *.

Къ сожалѣнію, обстоятельства помѣшали мнѣ надлежащимъ образомъ обставить мое воспоминаніе съ городомъ Галичемъ, и я могу сообщить только немногія впечатлѣнія, которыя вынесъ изъ бѣглаго обзора города и его важнѣйшихъ древностей.

Во-первыхъ, меня занимала самая топографія его, или мѣстоположеніе. Въ этомъ отношеніи онъ отчасти напоминаетъ нашъ Кіевъ, только не въ такихъ величественныхъ размѣрахъ. Представьте себѣ возвышенный правый берегъ Днѣстра, пересѣченный оврагами и ложбинами нѣсколькихъ впадающихъ въ него рѣчекъ. Долина, образуемая устьемъ одной изъ нихъ, именно Луквы, занята небольшимъ бѣднымъ городкомъ, т.-е. современнымъ Галичемъ; а господствующій подъ нею крутой холмъ увѣнчанъ развалинами старой крѣпости. Слѣдовательно мы тутъ видимъ нѣчто въ родѣ кіевскихъ Подола и Верхняго Города, съ тою только разницею, что послѣдній теперь необитаемъ. Судьба послала мнѣ проводника для прогулки по Галичу въ лицѣ молодаго уніатскаго священника Марковича, проводника очень радушнаго и любезнаго, но который, естественно, не могъ во многихъ отношеніяхъ удовлетворить моему историко-археологическому любопытству. Сначала мы взобрались на холмъ, но тамъ кромѣ полуразвалившихся стѣнъ и башенъ я ничего и никого не нашелъ **. За

---

* Древняя и Новая Россія. 1878 г. № 2. Хотя эта статья имѣетъ болѣе археологическое значеніе; однако я привожу ее здѣсь, вслѣдствіе ея тѣсной связи съ предыдущимъ расказомъ о моемъ Галицкомъ приключеніи.

** Прибавляю и никого. Одна изъ версій, сообщенныхъ относительно меня изъ Вѣны, помнится, разсказывала, что на этомъ холмѣ я произнесъ какую-то рѣчь къ народу о временахъ Галицкаго княжества. Любопытно, что на улицахъ Галича я видѣлъ народъ только Еврейскій. А самая прогулка совершалась подъ проливнымъ дождемъ.

то отсюда открывается широкій кругозоръ на городъ, его окрестности и рѣку Днѣстръ, слѣдовательно это превосходный пунктъ для того, чтобы получить понятіе о мѣстоположеніи. Далѣе за холмомъ на слѣдующемъ возвышеніи находится небольшое селеніе, котораго имени теперь не могу припомнить.

Самый замокъ принадлежитъ къ эпохѣ уже польскаго владычества; но безъ сомнѣнія онъ устроенъ былъ на мѣстѣ древняго галицкаго кремля или дѣтинца, въ которомъ помѣщался и княжескій теремъ. Изъ Ипатьевской лѣтописи извѣстно, что при этомъ теремѣ находилась придворно-княжеская церковь во имя св. Спаса и что она была соединена переходомъ съ самымъ теремомъ. Владимірко, идя къ вечернѣ, съ переходовъ увидалъ уѣзжавшаго ни съ чѣмъ кіевскаго посла, боярина Петра Бориславича, и посмѣялся надъ нимъ. А возвращаясь послѣ вечерни, князь на томъ же самомъ мѣстѣ былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ. Такъ какъ съ означеннаго холма весь нижній Галичъ былъ видѣнъ какъ на ладони; а вмѣстѣ съ нимъ и дорога черезъ Днѣстръ въ Кіевъ, то это обстоятельство говоритъ въ пользу предположенія, что тутъ дѣйствительно находились и княжій теремъ, и храмъ св. Спаса. На возвышенное положеніе этого терема и вообще галицкаго кремля можетъ быть намекаетъ также извѣстное выраженіе «Слова Полку Игоревѣ», относящееся къ сыну Владимірка: «Ярославъ Осмомыслъ Галицкій! высоко сидишь на своемъ златокованномъ столѣ, подперъ горы Угорскія своими желѣзными полками». А вторая половина этого выраженія пожалуй соотвѣтствуетъ береговымъ холмамъ, составляющимъ отроги Карпатъ, и полки, стоявшіе на этихъ отрогахъ, представляются какъ бы подпирающими самыя Карпаты. Въ такомъ случаѣ вотъ новое доказательство того, какъ хорошо зналъ поэтъ современную ему Русь, особенно южную.

Съ холма мы опять спустились въ городъ, и г. Марковичъ показалъ мнѣ уніатскую приходскую церковь, при которой онъ состоитъ администраторомъ, т.-е. временнымъ священникомъ. Церковь эта, не знаю почему переименованная въ честь Рождества Христова, въ древности была соборнымъ храмомъ Богородицы. (Извѣстно, что въ стольныхъ русскихъ городахъ соборные храмы были преимущественно или Софійскіе, или Богородичные). Такъ какъ этотъ храмъ представляетъ главную святыню древняго Галича и единственный его архитектурный памятникъ, то я и сосредоточу на немъ свое воспоминаніе.

Впервые Кіевская лѣтопись упоминаетъ о немъ подъ 1187 годомъ, по поводу кончины князя Ярослава Осмомысла, который былъ погребенъ именно въ церкви св. Богородицы. Отсюда можно заключить, что онъ былъ

и ея основатель. Но въ такомъ случаѣ лѣтопись обыкновенно прибавляла: «юже бѣ создалъ». А такъ какъ подобной прибавки нѣтъ, то думаютъ, что вѣроятнѣе ея основатель или начинатель былъ его отецъ Владимірко. Слѣдовательно возникла она приблизительно въ половинѣ XII вѣка. Построеніе и украшеніе этого храма конечно совершены греческими мастерами или подъ ихъ руководствомъ. Галицкій край лежалъ ближе къ Византійской имперіи чѣмъ другія русскія области и находился съ нею въ дѣятельныхъ сношеніяхъ—торговыхъ, политическихъ и особенно церковныхъ. Кромѣ того галицкіе князья того времени состояли въ дружественныхъ и родственныхъ связяхъ съ императорской фамиліей Комненовъ, о чемъ имѣемъ слѣдующія данныя. По извѣстію Кіевской лѣтописи дочь Володаря, сестра Владимірка, въ 1104 году была отдана за византійскаго царевича Олексинича (т.-е. сына императора Алексѣя Комнена). Владимірко былъ союзникомъ императора Мануила Комнена противъ угровъ (Cinnamus. Lib. III). Ярославъ Осмомыслъ былъ также его союзникомъ, и только на короткое время возбудилъ противъ себя неудовольствіе Мануила, когда далъ убѣжище бѣжавшему изъ темницы, знаменитому своими приключеніями, принцу Андронику, двоюродному брату императора, въ 1165 г. Весьма возможно, что Андроникъ былъ сынъ упомянутой галицкой княжны, тетки Ярослава, слѣдовательно приходился ему также двоюроднымъ братомъ. Неудовольствіе вскорѣ уладилось, и, примиривъ Андроника съ Мануиломъ, Ярославъ отпустилъ принца въ Византію съ торжественнымъ посольствомъ (Ипат. лѣт. Cinnamus. Lib. V. Nic. Choniata. Lib. IV).

Второе извѣстіе о соборномъ храмѣ Богородицы относится къ 1205 г., по тому поводу, что въ немъ былъ погребенъ знаменитый Романъ Галицкій, убитый поляками подъ Завихостомъ. Въ третій разъ лѣтопись поминаетъ его, спустя три года, по поводу посаженія Даніила Романовича на галицкій столъ: обрядъ этого посаженія совершился въ храмѣ Богородицы. Но самое любопытное упоминаніе о немъ—это слѣдующее, четвертое. Въ 1220 или 21 г. Мстиславъ Удалой пришелъ освобождать Галичъ, которымъ владѣлъ тогда угорскій королевичъ Коломанъ. Начальникъ угорскаго гарнизона Фильній вышелъ на встрѣчу Мстиславу; но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Воины Мстислава вломились въ городъ, но тутъ они встрѣтили еще одно препятствіе. Остатокъ угровъ съ Коломаномъ заперся въ соборномъ храмѣ Богородицы. Фильній заранѣе обратилъ его какъ бы въ укрѣпленный замокъ. Угры вбѣжали на комары, т.-е. на своды или верхи храма, и оттуда метали камни и стрѣлы на осаждающихъ. Они сдались только тогда, когда изнемогли отъ жажды. Отсюда можно сдѣлать

заключеніе о массивности и прочности храма. Извѣстно, что Десятинная церковь въ Кіевѣ при нашествіи Батыя также послужила послѣднимъ убѣжищемъ оборонявшихся гражданъ; но верхъ ея не выдержалъ тяжести и рухнулъ. Впрочемъ тамъ вѣроятно толпа была гораздо многочисленнѣе, и спасалась она со многимъ имуществомъ.

Оборона осажденныхъ съ верхней части храма возбуждаетъ вопросъ о самомъ устройствѣ этой верхней части. Невозможно предположить, чтобы Угры просто влѣзли на кровлю и оттуда защищались камнями и стрѣлами. Это было бы очень неудобно, потому что обыкновенно кровля отъ главнаго купола шла скатами, хотя бы волнообразными и уступчатыми. Для разъясненія даннаго вопроса обращусь къ Кіевской Софіи. Нынѣ приведено въ извѣстность, что вокругъ ея верхней части съ трехъ сторонъ— сѣверной, южной и западной, шли открытыя галлереи или балконы, которые въ свою очередь покоились на наружныхъ портикахъ или притворахъ, окружавшихъ храмъ съ тѣхъ же трехъ сторонъ (Лебединцева— О св. Софіи Кіевской, въ Трудахъ третьяго археологическаго съѣзда). Впослѣдствіи эти балконы подведены подъ одну кровлю съ храмомъ и наружныя арки портиковъ обращены въ глухія стѣны, что въ свою очередь измѣнило основной планъ Кіевской Софіи: вопреки всѣмъ древнимъ русско-византійскимъ храмамъ, ширина ея получила протяженіе несоразмѣрное съ длиною. Обратите еще вниманіе на то, что въ лѣтописи мы находимъ ясный намекъ на существованіе наружныхъ портиковъ или притворовъ и въ суздальскихъ соборныхъ храмахъ XII вѣка. Именно, по поводу убіенія Андрея Боголюбскаго. Когда Кузьма Кіевлянинъ взялъ изъ огорода тѣло князя и принесъ его въ Боголюбскую церковь Рождества Богородицы, построенную и чудно украшенную убитымъ княземъ, то клирошане не отперли ему храма, а сказали: «положи пока тутъ въ притворѣ». Слѣдовательно данный притворъ былъ наружный, открытый. Можетъ быть эти открытые притворы походили на тѣ портики, которые мы видимъ при храмѣ Марка въ Венеціи. Но у насъ они были не по климату, и потому вышли изъ употребленія. На верхніе балконы или галлереи Кіевской Софіи всходили по круглымъ каменнымъ лѣстницамъ, устроеннымъ внутри двухъ башенъ или вежъ, которыя доселѣ сохранились въ западной сторонѣ собора, за исключеніемъ своего зубчатаго верха. Подобныя древнія вежи, только по одной, а не по двѣ, мы находимъ въ Черниговскомъ Спасскомъ соборѣ, и въ Новгородской Софіи. Галицкій храмъ по всей вѣроятности имѣлъ двѣ или одну такую же вежу, которая вела на верхнія открытыя галлереи. И Фильній конечно не построилъ тутъ какую-либо особую крѣпость, а просто приспособилъ эти галлереи къ обо-

ронѣ, придѣлавъ что-либо въ родѣ зубцовъ или бойницъ: «созда градъ на церкви», какъ выражается лѣтопись.

Хотя городъ Галичъ при взятіи его Татарами сильно пострадалъ, подобно другимъ городамъ, но соборный храмъ Богородицы повидимому былъ только разграбленъ; а самый храмъ уцѣлѣлъ, не только храмъ, но и верхнія его укрѣпленныя галлереи. На это указываетъ извѣстіе Ипатьевской лѣтописи подъ 1255 г. Одинъ изъ южно-русскихъ князей, Изяславъ, захватилъ Галичъ въ отсутствіе Даніила: тотъ послалъ на него сына Романа съ войскомъ. Когда Романъ ворвался въ городъ, то Изяславъ съ своею дружиною убѣжалъ на тѣ самыя комары церковныя, гдѣ оборонялись когда-то Угры. Здѣсь онъ три дня выдерживалъ осаду, а на четвертый сдался—также вслѣдствіе нестерпимой жажды. Затѣмъ мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній о судьбахъ этой церкви. Она конечно пришла въ упадокъ вмѣстѣ съ упадкомъ самаго Галича, а послѣдній началъ терять свое значеніе уже въ XIII вѣкѣ. Даніилъ оставилъ его и проживалъ болѣе въ своемъ любимомъ Холмѣ. Онъ покинулъ Галичъ отчасти вслѣдствіе татарскаго разоренія, а главнымъ образомъ вѣроятно потому, что этотъ городъ былъ ему непріятенъ своими крамольными боярами, столь часто возмущавшимися противъ князя. Послѣ Даніила столица Галицкой Руси перешла въ новый городъ Львовъ. Окончательный упадокъ знаменитаго храма Богородицы совершился во времена уніи. Онъ пострадалъ отъ пожаровъ, но еще болѣе отъ передѣлокъ, которыя сдѣлали его неузнаваемымъ, такъ что въ настоящее время онъ походитъ скорѣе на польско-католическій костелъ, чѣмъ на древне-русскій храмъ. Онъ имѣетъ видъ продолговатаго неуклюжаго зданія съ однимъ алтарнымъ полукружіемъ и двускатною черепичною кровлею, а по бокамъ его идетъ родъ низенькихъ придѣловъ. Можетъ быть эти придѣлы образовались изъ боковыхъ нефовъ, которыхъ верхнія части разрушились; а самый теперешній храмъ вѣроятно есть ни что иное какъ средній или главный нефъ древняго храма съ передѣланнымъ верхомъ. Изслѣдованіе кладки стѣнъ и самыхъ кирпичей могло бы разъяснить подобные вопросы. Но все это пока скрыто подъ толстымъ слоемъ штукатурки, а изустныхъ свѣдѣній мнѣ не удалось получить. Равнымъ образомъ не могъ я узнать, гдѣ находился Галицкій монастырь св. Іоанна, о которомъ лѣтопись упоминаетъ подъ 1189 годомъ.

Надобно замѣтить, что я пріѣхалъ въ Галичъ съ юга, прямо изъ Румыніи, и не имѣлъ случая запастись предварительными свѣдѣніями, указаніями, и пособіями. Все это я надѣялся найдти во Львовѣ, куда намѣренъ былъ проѣхать изъ Галича, и гдѣ разсчитывалъ видѣть нѣкото-

рыхъ знатоковъ мѣстной археологіи. Но судьба, или точнѣе галицкая полиція уничтожила эти разсчеты.

Во всякомъ случаѣ русскія древности не ограничиваются выше указаннымъ. Съ вершины замковаго холма видны въ окрестностахъ Галича остатки земляныхъ валовъ. Они вѣроятно принадлежатъ еще къ тѣмъ валамъ, которыми древняя Русь имѣла обыкновеніе окружать свои главные города на случай непріятельскаго нашествія, для убѣжища сосѣднихъ сельскихъ жителей съ ихъ стадами и хлѣбными запасами. Съ той же вершины видны многочисленные могильные курганы, разсѣянные въ этой мѣстности. Въ числѣ ихъ должна находиться и Галичина могила. Лѣтопись упоминаетъ о ней по слѣдующему поводу. Въ 1206 году, когда Галичанъ угнетали Угры, нѣкоторые граждане призвали князя Мстислава Пересопницкаго; но ему не удалось прогнать Угровъ. Тогда одинъ изъ бояръ возвелъ его на курганъ и сказалъ въ насмѣшку: «князь, ты посидѣлъ на Галичинѣ могилѣ: это все равно, что княжилъ въ Галичѣ». Лѣтописецъ прибавляетъ, что послѣ скажетъ о Галичинѣ могилѣ и начатіи Галича; но потомъ или онъ забылъ о своемъ обѣщаніи, или неисправный переписчикъ опустилъ его разсказъ. Вѣроятно съ этимъ курганомъ была связана какая-нибудь легенда или домыселъ о князѣ—основателѣ Галича, подобно тому какъ съ Черной могилой въ Черниговѣ связался домыселъ о князѣ Черномъ, основателѣ города, какъ Аскольдова и Дирова могилы въ Кіевѣ подали поводъ къ миѳу объ Аскольдѣ и Дирѣ. Львовскій каноникъ Петрушевичъ въ одномъ археологическомъ изслѣдованіи предполагаетъ, что большая продолговатая могила въ сажень высоты, находящаяся въ лѣсу около деревни Сокола, въ разстояніи одного часа ѣзды отъ Галича, и есть эта Галичина могила (Было ли два Галича?—Науков. Сборникъ, 1865 г., вып. 1). Онъ указываетъ еще на два замѣчательные кургана на лѣвомъ берегу Днѣстра, насупротивъ города. Эти курганы, судя по старымъ актамъ, назывались «дупныя могилы». Тоже названіе дупныхъ могилъ, по указанію Петрушевича, въ грамотахъ встрѣчается у Полабскихъ славянъ еще въ XII и XIII в.в. Онъ довольно правдоподобно объясняетъ, что «дупная» значитъ «дупляная», т.-е. могила съ дупломъ или углубленіемъ на вершинѣ; а это послѣднее образовалось послѣ того, какъ бревенчатый потолокъ могильной каморы сгнилъ и обвалился. Дѣйствительно, подобнымъ образомъ устроенныя могилы встрѣчаются у насъ въ Приднѣпровьѣ. Но вообще, насколько подвергались научному изслѣдованію могильные курганы вокругъ Галича, мнѣ пока неизвѣстно. Кажется, тутъ предстоитъ еще нетронутая почва, которая обѣщаетъ обильную жатву будущимъ русскимъ изыскателямъ, если впрочемъ

къ тому времени галиційская полиція на столько цивилизуется, что перестанетъ хватать таковыхъ изыскателей и препровождать ихъ куда не слѣдуетъ.

Муравьевская премія и моя поѣздка въ Вильну *.

Нѣсколько времени тому назадъ прочелъ я въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе отъ Московскаго университета о томъ, что возобновляется соисканіе на Муравьевскую премію за составленіе особаго руководства по русской исторіи для Сѣверо-Западнаго края. Около 23-хъ лѣтъ прошло отъ учрежденія этой преміи и, понятно, какимъ анахронизмомъ отзывается настоящее о ней объявленіе. Въ свое время я печатно высказалъ свой взглядъ на нее. И теперь повторю сказанное мною, въ виду нѣкоторыхъ обращенныхъ ко мнѣ запросовъ. Я просто отрицалъ самую мысль, самый поводъ для означенной преміи. Покойный графъ Муравьевъ, столько потрудившійся надъ внутреннимъ *объединеніемъ* края съ общимъ русскимъ отечествомъ, затѣялъ ввести въ его школы *отдѣльный* учебникъ, съ преобладаніемъ фактовъ мѣстной исторіи. Едва ли эта мысль была имъ самимъ придумана; вѣроятнѣе полагать, что она была ему подсказана кѣмъ-либо изъ усердствующихъ мѣстныхъ дѣятелей; а онъ усвоилъ ее себѣ, не долго надъ ней думая, увлекаясь впечатлѣніями и заботами данной минуты и будучи лицомъ мало компетентнымъ въ дѣлѣ школьной педагогіи и общественнаго образованія. Главный, основной принципъ послѣдняго составляетъ слѣдующее положеніе: въ странѣ, пользующейся государственнымъ единствомъ, сумма *обязательныхъ* школьныхъ или общеобразовательныхъ свѣдѣній должна быть одинакова для всѣхъ частей государства. А иначе, если Сѣверо-Западный край получитъ особое историческое руководство, то и Юго-Западный въ правѣ потребовать для себя таковое же, также и Малороссійскія губерніи, и Новгородско-Псковская область, и Новороссія, и Казанско-Астраханскій край. Тогда въ Московскомъ учебномъ округѣ долженъ быть учебникъ съ преобладаніемъ Московскаго періода русской исторіи, въ Петербургскомъ съ преобладаніемъ Петербургскаго періода и т. д. Я же высказывалъ, что мысль Муравьева была бы вѣрна, если бы она обратилась не на учебникъ собственно, а на учебное пособіе, на книгу для чтенія, т.-е. на научно-популярные очерки изъ исторіи Сѣверо-Западной или вообще Западной Руси. И если,

---

* Новое Время. 1887 г. 23 Апрѣля.

судя по объявленію Московскаго университета, въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ не явилось ни одного отдѣльнаго и удовлетворительнаго руководства, то есть еще время исправить указанную ошибку.

По поводу означенной преміи припоминаются мнѣ впечатлѣнія моей первой поѣздки въ Западную Россію. Это было осенью 1864 года, когда мятежъ уже потухалъ подъ энергическими мѣрами Муравьева. Я остановился на нѣсколько дней въ Вильнѣ. Разумѣется, о всѣхъ пріѣзжихъ въ городъ доносилось генералъ-губернатору. Тотъ пожелалъ видѣть меня на своемъ утреннемъ общемъ пріемѣ. На слѣдующій день прихожу. Вижу толпу гражданскихъ и военныхъ чиновъ, почтительно ожидающихъ выхода. Въ опредѣленный часъ облеченный чрезвычайною властію начальникъ края торжественно появляется въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ и совершаетъ довольно скорый обходъ предстоящихъ. Доходитъ очередь до меня; тутъ начальникъ останавливается и разговариваетъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Во-первыхъ, онъ заговорилъ именно о помянутой своей преміи и выражалъ нѣкоторое неудовольствіе на то, что Московскій университетъ, которому была предоставлена разработка условій конкурса, медлилъ своимъ отвѣтомъ. Затѣмъ разговоръ продолжался на тему о положеніи края вообще. Причемъ начальникъ собственно моего мнѣнія не спрашивалъ, а высказывалъ свои сужденія авторитетнымъ тономъ и неоднократно повторялъ, что это край русскій, русскій и русскій. Нѣсколько лишнихъ минутъ оказаннаго мнѣ вниманія, конечно, не остались незамѣченными. По окончаніи пріема меня, тогда еще молодого человѣка, немедленно окружили и осыпали разными любезностями. Особенно остался у меня въ памяти генералъ Ратчъ, который взялъ съ меня слово заѣхать къ нему, обѣщая показать какіе-то любопытные документы. Оказалось, что ему оффиціально поручено было сочинять исторію послѣдняго польскаго мятежа. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ скончался, успѣвъ издать только вступительныя работы.

Относительно преміи я тогда чуть ли не впервые узналъ о ней, и во время разговора съ Муравьевымъ не могъ хорошо взять въ толкъ, чего онъ желаетъ. Относительно же народности края хотя и соглашался съ нимъ на основаніи своихъ историческихъ свѣдѣній, но потомъ, познакомясь съ краемъ поближе, убѣдился, что бывши когда-то вполнѣ русскимъ, теперь это край русско-польско-еврейскій. Любопытно, какъ въ то время, при горячей борьбѣ съ польскимъ элементомъ, совершеннымъ молчаніемъ обходился элементъ еврейскій. А между тѣмъ меня, при непосредственномъ знакомствѣ съ краемъ, болѣе всего поразила гнетущая масса еврейства. Впечатлѣнія первой поѣздки потомъ только утвержда-

лись и умножались въ томъ же направленіи послѣдующими поѣздками. Да гдѣ же тутъ русскіе-то города?—спрашивалъ я себя, посѣщая когда-то знаменитые и цвѣтущіе центры западно-русской жизни, какъ Полоцкъ, Витебскъ, Владиміръ-Волынскій, Галичъ и т. д. Никакимъ русскимъ духомъ тутъ почти не пахнетъ. Это все города жидовскіе; о менѣе значительныхъ и говорить нечего. А такъ называемыя мѣстечки въ Западной Россіи—это какія-то непріютныя гнѣзда, въ которыхъ кишитъ сплошной еврейскій пролетаріатъ. Русскій элементъ отодвинутъ на самыя нижнія ступени. Онъ представляется только крестьянствомъ. Но, Боже мой, какой это забитый, угнетенный элементъ, и угнетенный по преимуществу все тѣмъ же жидовствомъ, для котораго онъ служитъ предметомъ безпощадной эксплоатаціи и у котораго находится какъ бы въ экономической кабалѣ. Русская государственная власть освободила крестьянство отъ крѣпостной зависимости польскимъ панамъ; но когда и кто освободитъ его отъ жидовской кабалы? А безъ такого освобожденія какой смыслъ получаетъ троекратный возгласъ Муравьева о томъ, что этотъ край русскій, русскій и русскій? Я помню, какъ подъ напоромъ тяжелыхъ впечатлѣній улетучивались у меня космополитическія идеи о еврействѣ, и мѣсто ихъ занимало сознаніе, что эти идеи распространились въ интеллигентномъ русскомъ обществѣ главнымъ образомъ благодаря наивному невѣдѣнію: оно совсѣмъ не знало, что такое представляетъ еврейство въ дѣйствительности и что оно сдѣлало изъ Западной Россіи. Около того же времени была пущена въ ходъ несчастная идея, будто допущеніемъ переселенія въ Восточную Россію можно разрѣдить ихъ массу и тѣмъ облегчить Западную Россію. Послѣдней оттого не будетъ нисколько легче, а Восточная Россія современемъ подвергнется той же участи. (Нагляднымъ примѣромъ служатъ собственно польскія области, которыя передали жидовство въ Западную Россію, но сами тѣмъ своего бремени не облегчили.) Извѣстно, что въ этомъ смыслѣ начались уже разныя мѣры; начались и печальныя ихъ послѣдствія. Только познакомясь ближе съ Западной Россіей, я понялъ, какимъ благодѣяніемъ для насъ являлась антиеврейская политика Петра Великаго, Елизаветы Петровны и Николая I, тщательно охранявшихъ Восточную Русь отъ вторженія въ нее польскаго и западно русскаго жидовства. Въ городахъ польскихъ и западно-русскихъ коренное среднее сословіе было, такъ сказать, съѣдено еврействомъ, откуда образовалась пустота между высшимъ и низшимъ слоями населенія. Эту пустоту наполнилъ чуждый элементъ, который конечно послужилъ не связью между ними, а разобщеніемъ, и произвелъ параличное состояніе государственнаго организма. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ паденія

Польши. Подобную же участь пріуготовляютъ намъ люди лже-либеральнаго или собственно анти-національнаго направленія.

Post-scriptum. Пока дѣло касалось одной западной окраины, зло еще не было такъ чувствительно. Но теперь, когда оно доходитъ до средоточія, вопросъ получаетъ иной характеръ. Напримѣръ, на нашихъ глазахъ въ послѣднія двадцать лѣтъ Москва, это сердце Россіи, замѣтно начала, такъ сказать, жидовѣть. И начало это совершилось не безъ попустительства со стороны мѣстныхъ авторитетовъ, слишкомъ податливыхъ къ еврейскимъ заискиваніямъ. Видимъ нѣчто напоминающее старую Польшу, только съ прибавленіемъ раутовъ и другихъ утонченныхъ приманокъ. Такъ мѣстные авторитеты охотно посѣщаютъ поляковскіе рауты, а мѣстное дамское общество восхищается отличнымъ канторомъ въ поляковской синагогѣ. Если случится дочери Родшильда, супругѣ одесскаго банкира, посѣтить нашу первопрестольную, то мѣстными авторитетами ей оказываются высокія почести, и т. п. Городское представительство относится къ ожидовленію своего города вполнѣ индифферентно. Года четыре назадъ была произведена въ Москвѣ однодневная перепись, на счетъ городской казны. Я тогда былъ гласнымъ въ думѣ, и при обсужденіи программы переписи пытался обратить вниманіе собранія на рубрику вѣроисповѣданія, но тщетно; ясно проглядывала задняя мысль, что въ наше время вопросъ о вѣроисповѣданіи можетъ интересовать только людей отсталыхъ. И вотъ перепись произведена повидимому очень подробная и тщательная, а настоящее количество евреевъ въ Москвѣ остается для насъ почти также неизвѣстнымъ какъ и до переписи *.

Москва 14 апрѣля 1887 г.

---

* Вскорѣ послѣ, того какъ было напечатано это письмо, появился „Статистическій Атласъ города Москвы“ (Приложеніе къ VIII выпуску *Извѣстій* М. Г. Думы за 1887 годъ), представляющій результаты означенной однодневной переписи. Число всего населенія исчислено въ 753.000. Справляемся, сколько же Евреевъ? Оказывается, только 15.000! Вотъ вамъ и статистика. Ясно, что или это завѣдомо тенденціозная цифра, или слишкомъ небрежное отношеніе къ дѣйствительности, благодаря извѣстному искусству Евреевъ скрывать свое настоящее число. Разные заслуживающіе довѣрія люди говорятъ, что дѣйствительное ихъ количество въ Москвѣ, по меньшей мѣрѣ, вчетверо болѣе показаннаго. Евреи составили здѣсь уже значительный домовладѣльческій и лавковладѣльческій элементъ, и при очень простомъ обходѣ закона. Сей послѣдній позволяетъ пріобрѣтать осѣдлость, недвижимую собственность и торговыя заведенія Евреямъ—купцамъ первой гильдіи, къ сожалѣнію неограничивая ихъ однимъ домомъ или магазиномъ и неопредѣляя maximum ихъ служащихъ. И вотъ на имя нѣсколькихъ купцовъ первой гильдіи записывается масса домовъ, магазиновъ, прикащиковъ и т. д.

Изъ путевыхъ замѣтокъ по Силезіи и Познани. *.

Это было въ Маѣ 1870 года, въ ясную весеннюю погоду. Направляясь изъ Кракова въ Познань, раннимъ утромъ я переѣхалъ Австрійскую границу и очутился въ Прусской Силезіи. Переѣздъ этотъ былъ мнѣ особенно памятенъ по слѣдующему обстоятельству. Я находился тогда подъ впечатлѣніемъ всего польскаго, преимущественно Польскаго языка, а также подъ впечатлѣніемъ тѣхъ сѣтованій, которыя слышалъ въ небольшомъ кружкѣ русскихъ дѣятелей, продолжавшихъ бороться съ ополяченьемъ Галицкой Руси. Австрійская внутренняя политика, вѣчно лавирующая между своими народностями, вступила на ту пору въ періодъ самыхъ любезныхъ отношеній къ Полякамъ, и отдала въ ихъ руки почти все управленіе края. Поляки, конечно, высоко подняли голову и принялись за обычную свою пропаганду возстановленія Рѣчи Посполитой. Бѣднымъ Русскимъ, разумѣется, приходилось плохо. Мнѣ случилось даже отъ самихъ Галицкихъ Нѣмцевъ слышать жалобы на высокомѣрное съ ними обращеніе мѣстныхъ чиновниковъ изъ Поляковъ.

Еще полчаса назадъ въ ушахъ у меня звучала Польская носовая рѣчь, и между прочимъ слышались наивныя восклицанія какой-то дамы изъ Кіевской губерніи. Эта дама выражала восторгъ по поводу того, что она свободно можетъ теперь наслаждаться звуками своего роднаго языка, который по ея словамъ подвергался несносному гоненію на ея родинѣ. Но съ перемѣной вагоновъ на границѣ перемѣнилась и публика. Кругомъ по большей части серьезныя лица, съ неизбѣжными сигарами въ зубахъ; изрѣдка пассажиры перекидывались нѣмецкими фразами. Уже ни единаго польскаго звука, хотя мы ѣхали по Силезіи, т.-е. по землѣ, двѣ трети населенія которой сохраняютъ еще свою народность (если вѣрить показаніямъ Поляковъ).

Ближайшимъ моимъ сосѣдомъ былъ пожилой господинъ, который своею живостію и разговорчивостію замѣтно выдѣлялся изъ окружающей публики; но на вопросы и замѣчанія свои онъ получалъ короткіе, отрывистые отвѣты. Заговоривъ о чемъ-то со мною, онъ видимо оживился, когда узналъ, что я не Нѣмецъ, а Русскій. Самъ онъ оказался единственнымъ Полякомъ въ нашемъ вагонѣ. Онъ тотчасъ съ удовольствіемъ перешелъ на родную рѣчь; я же, проведя нѣсколько недѣль въ Варшавѣ, Львовѣ и Краковѣ, могъ отъ литературнаго Польскаго языка сдѣлать переходъ

* Русскій Архивъ. 1878, № 3. Путешествіе въ Гродно, Варшаву, Львовъ, Краковъ и Познань было совершено мною ради монографіи о Гродненскомъ сеймѣ 1793 г.

и къ разговорному. Словоохотливый старикъ не замедлилъ сообщить мнѣ, что онъ родомъ изъ нашего Привислянскаго края, гдѣ у него было помѣстье. Послѣ мятежа онъ поспѣшилъ продать это помѣстье и купить имѣніе въ Австріи, около Кракова, гдѣ и поселился. «Я хотя съ убыткомъ продалъ прежнее имѣніе, замѣтилъ онъ; но по крайней мѣрѣ теперь я спокойно владѣю тѣмъ, что мнѣ принадлежитъ».

При всемъ своемъ хозяйственномъ направленіи, сосѣдъ мой очевидно принадлежалъ къ польскимъ патріотамъ и не скрывалъ своей антипатіи къ Нѣмцамъ. Эта антипатія однако не мѣшала ему воспитывать своего старшаго сына не въ Краковѣ, а въ Оппельнѣ (какъ называется понѣмецки Ополе, главный городъ Верхней Силезіи). Старикъ слѣдовательно былъ человѣкъ практичный и понималъ превосходство прусскихъ гимназій передъ австрійскими. Впрочемъ, по его замѣчанію, Ополе вѣдь собственно польскій городъ. Сынъ его въ это самое время оканчивалъ гимназическій курсъ, и старикъ именно ѣхалъ за нимъ въ Ополе.

Между тѣмъ поѣздъ подвигался довольно медленно по причинѣ слишкомъ короткихъ станцій и безпрерывныхъ остановокъ. Сіи послѣднія производились потому, что нельзя было миновать многочисленные промышленные пункты, мимо которыхъ пролегалъ желѣзный путь. Мы проѣзжали по весьма замѣчательной мѣстности. Почва Верхней Силезіи славится изобиліемъ каменнаго угля и разныхъ металлическихъ рудъ, особенно желѣзныхъ. Разработка этихъ естественныхъ богатствъ идетъ чрезвычайно дѣятельно. По обѣимъ сторонамъ дороги разсѣяны дымящіяся фабрики, заводы и плавильные горны. Дымъ отъ каменнаго угля застилалъ собою солнечный свѣтъ, и ясный день превратился въ сѣрый. Повсюду виднѣлся рабочій людъ въ синихъ и темныхъ блузахъ. Большая часть пассажировъ на каждой станціи подкрѣпляла себя неизбѣжною кружкою пива. Вотъ напитокъ (думалъ я), по истинѣ благодѣтельный для Нѣмецкой націи! Онъ представляетъ одно изъ ея важныхъ преимуществъ передъ другими народами, въ особенности передъ Русскимъ простонародьемъ. Между тѣмъ какъ нашъ народный напитокъ часто омрачаетъ разсудокъ Русскаго человѣка, заставляетъ его пропивать послѣднее достояніе и ослабляетъ его рабочую способность, Нѣмецъ въ своемъ питательномъ напиткѣ почерпаетъ новую бодрость и новыя силы къ работѣ. По своему качеству пиво веселитъ его, а не одуряетъ; а по дешевизнѣ оно не угрожаетъ ему разореніемъ, не смотря на огромное потребленіе.

Но вотъ мы наконецъ пріѣхали въ Ополе. Едва поѣздъ остановился, и мой сосѣдъ вышелъ изъ вагона, какъ его встрѣтилъ молодой человѣкъ словами: Du kommst lieber Vater!

Старикъ весело обнялъ сына и, повидимому, не замѣтилъ, что привѣтствіе было произнесено не на родномъ языкѣ.

На этомъ и остановились мои воспоминанія. По возвращеніи домой я вздумалъ записать впечатлѣнія поѣздки; но послѣ приведеннаго начала что-то отвлекло меня отъ нихъ. Въ настоящее время подробности уже трудно возстановить съ памяти. Я именно полагалъ свои воспоминанія сосредоточить на впечатлѣніяхъ поѣздки по Прусской части бывшихъ Польскихъ земель, потому что особенно занимала та машинообразная система, посредствомъ которой эта часть подвергается постепенному, неотразимому онѣмеченію. Очевидно тутъ нѣтъ мѣста никакимъ колебательнымъ движеніямъ со стороны Нѣмецкаго правительства и Нѣмецкаго общества. То и другое дѣйствуютъ за одно безъ дальнѣйшихъ разсужденій, послабленій, уступокъ и т. п. Политическая зрѣлость достигла той степени, на которой ясно сознанныя цѣли и средства вѣрнымъ и твердымъ шагомъ ведутъ къ конечнымъ результатамъ. Замѣчательна въ особенности Нѣмецкая исключительность въ отношеніи къ языку. Помнится, въ сумерки того же дня поѣздъ проѣзжалъ по Познанской провинціи, гдѣ-то около Русской границы. Тутъ въ одинъ со мною вагонъ помѣстилась польская дама изъ Калиша, которая отправлялась къ роднымъ въ Познань. У этой дамы вышло какое-то недоразумѣніе относительно билета; на бѣду она не говорила по-нѣмецки, а кондукторъ не понималъ ея польскихъ объясненій. Мало того, въ цѣломъ вагонѣ никто не отозвался по-польски и не помогъ ей выйдти изъ затрудненія, такъ что нижеподписавшемуся пришлось пустить въ ходъ свой небольшой запасъ Польскаго разговорнаго языка. Какой контрастъ съ восторгомъ кіевской дамы, которую я встрѣтилъ поутру!

Познань съ ея прекрасною крѣпостью, въ которой порядокъ и чистота соблюдается до мелкихъ подробностей, произвела на меня впечатлѣніе нѣмецкаго города. Польское населеніе, хотя и представляетъ еще значительную цифру, но говоритъ на родномъ языкѣ по преимуществу въ своей семьѣ; а на улицѣ, въ канцеляріяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ слышится языкъ Нѣмецкій *. Помню, что на другой день моего пріѣзда въ городѣ происходилъ парадъ и смотръ войскамъ. И вообще, проѣзжая по Прусскимъ землямъ, я видѣлъ въ разныхъ пунктахъ какое-то движеніе войскъ; мнѣ сказали, что происходилъ обычный сборъ, не помню какого

* Пользуюсь случаемъ съ благодарностью вспомнить о радушномъ пріемѣ, который я нашелъ въ Познанскомъ Обществѣ Любителей Наукъ (Towarzystwo Przyjaciół Nauk), именно у секретаря его г. Фельдмановскаго. Онъ сообщилъ мнѣ всѣ изданія своего Общества.

призыва. Однако по дорогѣ въ Россію, когда поѣздъ двигался по Западно-Прусской (бывшей Польской) провинціи, сосѣдъ мой Нѣмецъ былъ на столько откровененъ, что высказалъ ожиданіе большихъ событій: «въ воздухѣ пахнетъ войною, замѣтилъ онъ; но съ кѣмъ именно будетъ война, съ Франціей или съ Россіей, я не знаю». Помню, около вечера мы ѣхали по зеленой низменной равнинѣ, и тотъ же сосѣдъ указалъ мнѣ вдали мѣстность, гдѣ находится Варцинъ, извѣстное помѣстье Бисмарка.

Дѣйствительно, не прошло послѣ того и полутора мѣсяцевъ, какъ разразилась страшная борьба Германіи съ Наполеоновой Франціей.

Поѣздка на р. Іорданъ *.

Недавно нашъ почтенный историкъ, Д. И. Иловайскій, у себя дома, въ кружкѣ своихъ знакомыхъ, посвятилъ два вечера разсказамъ о путешествіи на Востокъ, которое онъ совершилъ въ теченіи осени истекшаго (1886) года. Кромѣ Константинополя, онъ посѣтилъ Египетъ, гдѣ поднимался вверхъ по Нилу до развалинъ Ѳивъ и созерцалъ великолѣпные памятники древней Египетской цивилизаціи; а потомъ изъ Александріи отправился въ Іерусалимъ обычнымъ путемъ черезъ приморскій городъ Яффу. Не будемъ говорить о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ Святаго Града и его окрестностей, а остановимся на одномъ лишь эпизодѣ этого путешествія, именно на поѣздкѣ къ Іордану. Постараемся передать разсказъ путешественника приблизительно его собственными словами:

«Раннимъ утромъ, часа въ четыре (это было около половины нашего октября) мы выступили изъ Іерусалима, съ Русскихъ построекъ, небольшимъ караваномъ. Насъ было четверо путешественниковъ: я, одинъ молодой человѣкъ (сынъ А. С. Суворина) и одинъ почтенный черниговскій помѣщикъ съ дочерью (И. И. Ханенко). Мы ѣхали верхомъ на ослахъ; былъ еще пятый оселъ, навьюченный разнымъ багажемъ и припасами; при немъ шелъ ослиный погонщикъ. Конвой нашъ составляли: конный консульскій кавасъ и два пѣшихъ заптія или турецкихъ жандарма. Сіи послѣдніе были изъ мѣстныхъ арабовъ и имѣли видъ какихъ-то оборванцевъ; они шли почти босые, а все вооруженіе ихъ состояло изъ старинныхъ чуть ли не кремневыхъ ружей, заряженныхъ дробью. За то нашъ молодой кавасъ, родомъ Черногорецъ (Н. И. Чизмаревъ), былъ

---

* Газета А. Гатцука. 1886, № 52. Привожу изъ этой газеты настоящій отрывокъ, такъ какъ онъ былъ записанъ съ моихъ словъ.

вполнѣ надежнымъ спутникомъ по своей расторопности, смѣтливости и отчаянной храбрости. Мы выступили такъ рано, еще въ ночномъ мракѣ, для того, чтобы хотя первую половину пути сдѣлать до наступленія солнечнаго зноя; такъ какъ погода стояла очень жаркая. Ощупью спустились мы въ глубокую, сухую ложбину Кедрона или такъ наз. Іосафатову долину и поднялись по склонамъ Елеонской горы. Между тѣмъ разсвѣло, скоро скрылись изъ виду стѣны и башни Іерусалима. Дорога, или собственно крайне изломанная каменная тропа, пролегала посреди скалъ и крутыхъ обрывовъ, почти лишенныхъ растительности. По мѣрѣ движенія впередъ, природа болѣе и болѣе получала характеръ дикой, безпріютной пустыни. Солнце уже сильно пекло, когда мы, часовъ около девяти, добрались до какого-то одиноко стоявшаго огороженнаго каменнымъ заборомъ двора или хана, и сдѣлали здѣсь привалъ. Тутъ подъ тѣнью стѣны разостлали свои ковры и пледы, позавтракали изъ своихъ запасовъ, дали животнымъ время немного отдохнуть, и часа черезъ полтора двинулись далѣе. Слѣдующій переѣздъ былъ уже тягостенъ, потому что происходилъ при весьма знойной температурѣ; дорога была еще хуже; она извивалась то у подошвы, то по бокамъ и вершинамъ совершенно голыхъ скалъ; утомленіе росло, жажда одолѣвала; горло совершенно пересохло. Мѣстами съ вершины горъ вдали показывалась темносиняя полоска Мертваго моря.

Часамъ къ двумъ пополудни мы спустились съ высокаго горнаго плато въ сухую песчаную равнину. Налѣво, въ числѣ послѣднихъ отроговъ, возвышалась такъ наз. Сорокадневная гора, названная такъ по времени, проведенному на ней Спасителемъ. Еще часть утомительнаго пути по песку и камнямъ, и мы достигли мѣстечка Іерихона, представляющаго группу тощихъ оливковыхъ садовъ и тамъ-сямъ разбросанныхъ построекъ. Между ними выдавался бѣлый двухъэтажный каменный домъ; это—Русскій пріютъ для паломниковъ одинъ изъ тѣхъ пріютовъ, которые возникли въ Святой землѣ трудами и попеченіями настоятеля Русской миссіи въ Іерусалимѣ, всѣми уважаемаго Архимандрита Антонина. Найденный здѣсь и вывѣшенный на солнце термометръ показалъ 40 градусовъ по Реомюру. Верхній этажъ пріюта заключаетъ въ себѣ нѣсколько опрятныхъ номеровъ, снабженныхъ чистыми постелями. Приставленная къ нему русская сердобольная женщина оказала намъ всевозможное радушіе. Но мы пока попросили только подать самоваръ; освѣжились чаемъ, утолили нѣсколько свою нестерпимую жажду, и, заказавъ къ вечеру обѣдъ-ужинъ, немедля отправились снова въ путь, чтобы до заката солнца достигнуть цѣли своего похода, т.-е. рѣки Іордана, до котораго отъ Іерихона считается верстъ

10—12 (а отъ Іерусалима до Іордана полагаютъ отъ 50 до 60 верстъ). Сначала шли той же песчаной равиной, а потомъ какими-то кустами, которые далѣе переходили въ мелколѣсье и лужайки съ тощею травою. Тамъ-сямъ бродили пасшіеся верблюды и виднѣлись ихъ погонщики—арабы, каждый съ ружьемъ за плечами. Намъ сказали, что именно эти-то арабы и занимаются при случаѣ грабежомъ путешественниковъ. Естественно, при видѣ опасности, мы насторожились. Но вотъ миновали верблюдовъ съ ихъ погонщиками, и углубились въ пустынное мелколѣсье. Вдругъ при какомъ-то поворотѣ видимъ группу пѣшихъ арабовъ, человѣкъ 12, которые съ ружьями въ рукахъ идутъ какъ будто на насъ. Сердце конечно забилось усиленно, рука схватилась за револьверъ. Но минута тревожнаго ожиданія, и арабы также внезапно исчезли за кустами, какъ и появились. Такъ и осталось неразъясненнымъ: дѣйствительно ли арабы хотѣли на насъ напасть или это намъ только показалось. Послѣ говорилось, что вѣроятно они оставили свое намѣреніе, когда увидали каваса, который ѣхалъ позади; что на турецкихъ заптіевъ грабители обыкновенно не обращаютъ большаго вниманія, зная, что они первые дадутъ тягу; но арабы очень не любятъ имѣть дѣло съ консульскими кавасами. Въ послѣднемъ случаѣ консульство энергически вступается; а турецкое правительство обыкновенно имѣетъ у себя заложниками шейковъ отъ разныхъ арабскихъ племенъ, и эти шейки собственною особою отвѣчаютъ за своихъ соплеменниковъ. Но, повторяю, вопросъ о нападеніи остался для меня открытымъ.

Наконецъ, когда солнце уже садилось и наступали сумерки, добрались мы до священной рѣки. Послѣ обнаженной, безпріютной страны пріятно было увидать довольно живописную мѣстность, покрытую густою древесною и тростниковою зеленью, посреди которой струились рѣчныя воды. Іорданъ по ширинѣ, на глазомѣръ, уступаетъ нашей Москвѣ рѣкѣ. Онъ имѣетъ быстрое теченіе; правый берегъ его, на которомъ мы находились, отлогій; а противуположный наоборотъ крутой; тамъ въ одномъ пунктѣ виднѣлась даже отвѣсная каменная скала, а неподалеку вверхъ по теченію слышенъ былъ шумъ порога. Только масса неотвязныхъ комаровъ нарушала пріятность этого мѣста. Нѣкоторые члены каравана поспѣшили искупаться въ священной рѣкѣ. Но наступила ночь; надобно было спѣшить назадъ въ Іерихонъ. Этотъ переходъ происходилъ уже въ полной вечерней темнотѣ. Тутъ поразило насъ новое явленіе: вечерній воздухъ былъ не только душенъ; но и время отъ времени насъ обвѣвало какимъ-то жаркимъ дыханіемъ, какъ будто изъ горячей печи: это подулъ *хамсинъ* изъ раскаленныхъ аравійскихъ пустынь. Было уже около десяти часовъ вечера, когда мы воротились въ Іерихонскій пріютъ. Тутъ, разумѣется, мы болѣе занялись бла-

годѣтельнымъ русскимъ самоваромъ, нежели приготовленнымъ для насъ обѣдомъ-ужиномъ, ибо при крайнемъ утомленіи чувствовалась только страшная жажда. Не смотря на это утомленіе и чистую постель, я въ теченіи ночи почти не сомкнулъ глазъ: чему причиной были духота, насѣкомыя и громкій, похожій на дѣтскій плачъ, вой шакаловъ въ окрестностяхъ.

На слѣдующее утро часовъ въ семь мы тронулись изъ Іерихона въ обратный путь. Сей послѣдній совершился точно такимъ же образомъ какъ и наканунѣ, т.-е. при той же знойной температурѣ, съ такою же остановкою въ уединенномъ ханѣ, съ такою же жаждою и усталостію. Часу въ 5-мъ пополудни мы тихо подъѣзжали къ Русскимъ постройкамъ въ Іерусалимѣ. Тутъ турецкіе заптіи насъ покинули; а нашъ кавасъ Никола Черногорецъ пришпорилъ коня и быстро скрылся за поворотомъ улицы; когда же мы въѣхали на дворъ, тотъ же кавасъ встрѣтилъ насъ и принялъ у подъѣзда. Послѣ консулъ (Д. Н. Бухаровъ) разсказывалъ, что онъ сидѣлъ за бумагами въ своей канцеляріи, какъ вдругъ влетаетъ Никола, и, взявъ подъ козырекъ, быстро проговорилъ: «Честь имѣю доложить В. Пр-ву, караванъ вернулся благополучно».

ПУБЛИЦИСТИКА

ПО

ВОСТОЧНОМУ ВОПРОСУ.

I.

ПИСЬМА О СЕРБО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНѢ.

Всю жизнь занимаясь историческими судьбами Отечества, я конечно съ живѣйшимъ интересомъ слѣжу и за его исторіей современной, и въ особенности за событіями первостепенной важности. А въ ряду этихъ событій безспорно важнѣйшее значеніе принадлежитъ послѣднимъ фазисамъ въ развитіи великаго Восточнаго вопроса. Въ 1870 году, когда Нѣмцы послѣ своихъ блестящихъ побѣдъ надъ Французами осадили Мецъ и Парижъ и когда съ увѣренностью можно было думать, что война не кончится ранѣе сдачи этихъ городовъ, я счелъ такой моментъ самымъ удобнымъ для насъ, чтобы подвинуть впередъ разрѣшеніе Восточнаго вопроса въ благопріятномъ для Россіи смыслѣ. А потому послалъ въ Московскія Вѣдомости письмо, въ которомъ указывалъ на необходимость добиваться не одного только права вновь имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ, но и нѣкоторыхъ перемѣнъ въ положеніи Балканскихъ Славянъ, а именно: главнымъ образомъ автономіи, хотя бы только административной, для Болгаріи, и, если возможно, нѣкотораго расширенія границъ Черногоріи и Сербіи. Я думалъ развить эти мысли въ цѣломъ рядѣ писемъ; но и первое изъ нихъ осталось не напечатаннымъ. При свиданіи спрашиваю М. Н. Каткова о причинѣ. Оказывается, что онъ былъ совсѣмъ инаго мнѣнія. По его мнѣнію не только совсѣмъ не слѣдовало тогда возбуждать Восточный вопросъ, но и пусть Балканскіе Славяне спокойно живутъ и развиваются подъ верховенствомъ Султана. Мои возраженія, что мы пропускаемъ удобный моментъ и что дорого поплатимся за это впослѣдствіи, мои указанія на примѣръ Италіи, которая спѣшила докончить свое объединеніе, пользуясь именно этимъ удобнымъ моментомъ—ни къ чему не повели. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ обыкновенія оставлять копіи съ своихъ политическихъ разсужденій, адресованныхъ въ ту или другую газету, а потому не могу привести теперь означеннаго письма. Но ссылку на него

и на приведенный разговоръ съ издателемъ Моск. Вѣд. читатель можетъ найти въ газетѣ Русскій Міръ, № 203, за 1876 г., слѣдовательно напечатанную еще при жизни М. Н. Каткова (см. эту ссылку ниже въ настоящей книгѣ). Какъ бы то ни было, удобный моментъ былъ пропущенъ. Можетъ быть, и даже по всей вѣроятности, наши своевременныя указанія тоже не имѣли бы практическихъ послѣдствій; по крайней мѣрѣ Русская печать исполнила бы свой долгъ передъ отечествомъ, вмѣсто того, чтобы служить для Русской публики только эхомъ тѣхъ громкихъ событій, которыя совершались тогда на европейскомъ Западѣ.

Прошло не болѣе пяти лѣтъ, какъ разразилось новое Герцеговинское возстаніе, и кровавый призракъ Восточнаго вопроса выступилъ на сцену въ то именно время, когда всѣ пять европейскихъ державъ (исключая Россію, но включая только что объединенное Итальянское Королевство) имѣли развязанныя руки и могли въ совокупности дѣйствовать противъ освобожденія Славянъ и противъ Россіи. Я былъ одинъ изъ тѣхъ, которые сознавали, что дѣло на сей разъ не ограничится одной Герцоговиной, что событія неизбѣжно примутъ широкіе размѣры и что Россіи невозможно будетъ уклониться отъ дѣятельнаго въ немъ участія. А потому тяжело было бы оставаться празднымъ зрителемъ этихъ событій, и я рѣшился по мѣрѣ своего разумѣнія способствовать уясненію политическихъ обстоятельствъ и нашихъ задачъ въ предстоявшей борьбѣ. Съ этою цѣлью я помѣстилъ въ петербургской газетѣ Русскій Міръ довольно длинный рядъ писемъ (около тридцати, съ октября 1875 по августъ 1877 года). Почему же въ Русскомъ Мірѣ, который не пользовался ни распространеніемъ, ни вліяніемъ?—можетъ быть, спроситъ меня читатель. Дѣло въ томъ, что нелегко было имѣть дѣло съ издателемъ Московскихъ Вѣдомостей: онъ считалъ себя глубокимъ политикомъ и ревниво оберегалъ свою газету отъ всякаго нераздѣляемаго имъ мнѣнія. Примѣръ чему мы сейчасъ видѣли. Къ тому же незадолго передъ симъ мои статьи о Классической школѣ (помѣщенныя въ Русскомъ Архивѣ 1874 года) не могли не произвести холодности въ отношеніяхъ. Изъ другихъ крупныхъ органовъ также каждый имѣлъ свои особыя воззрѣнія или свои капризныя личныя отношенія, не говоря уже о тѣхъ, которые прямо держались антипатріотическаго направленія. Русскій Міръ, редактируемый Ѳ. Н. Бергомъ, представлялъ собою скромный, патріотическій органъ, болѣе другихъ подходившій къ моимъ требованіямъ. Поэтому я и направилъ туда свои политическія письма. Какъ бы введеніемъ къ нимъ послужило мое посланіе къ высокоуважаемому Сербскому архипастырю.

Чтобы не занимать въ настоящей книгѣ слишкомъ много мѣста моими политическими письмами и не утомлять ими вниманіе читателя, я долженъ

прибѣгнуть къ нѣкоторымъ сокращеніямъ, т.-е. иныя опустить, а изъ иныхъ привести наиболѣе существенное. Впрочемъ значительную часть все-таки привожу почти дословно.

Въ Бѣлградъ сербскому митрополиту Михаилу *.

Высокопреосвященный Владыко!

Узнавъ о томъ, что ваше высокопреосвященство находитесь во главѣ благотворенія бѣдствующимъ семействамъ доблестныхъ герцеговинцевъ и босняковъ, спѣшу препроводить къ вамъ сто рублей изъ собственныхъ средствъ на это святое дѣло. Не могу при этомъ случаѣ не прибавить нѣсколько словъ о томъ, на что въ настоящую минуту обращено вниманіе цѣлой Европы.

Я принадлежу къ тѣмъ русскимъ людямъ, у которыхъ, послѣ Россіи, болѣе всего болитъ сердце о славянахъ, подавленныхъ мусульманскимъ игомъ, а равно и къ тѣмъ, которые не вѣрятъ возможности развиваться подъ этимъ игомъ, т.-е. не вѣрятъ турецкимъ реформамъ, о которыхъ возвѣщаетъ намъ западная печать. Послѣднія событія въ Герцеговинѣ показываютъ, что славяне въ этихъ областяхъ насильственно задерживаются на такой низкой общественной ступени, которая близка къ дикому состоянію. Они вопіютъ только о тяжести налоговъ и невыносимыхъ злоупотребленіяхъ сборщиковъ податей; они до того бѣдны и подавлены, что молчатъ о такой насущной потребности, какъ народныя школы, не говоря уже о другихъ благахъ гражданственности, имъ недоступныхъ. Во время своего четырехмѣсячнаго отсутствія изъ Россіи, я, разумѣется, съ величайшимъ интересомъ слѣдилъ за всѣмъ, что говорилось въ западной печати по поводу герцеговинскаго вопроса. Въ Англіи, конечно, есть благородные люди, которые сочувствуютъ славянамъ, и даже нѣкоторые органы печати, которые по крайней мѣрѣ имъ невраждебны. Но большинство публицистовъ проповѣдуетъ, что якобы для славянъ не настало еще время думать объ освобожденіи, что Европа нуждается въ мирѣ, и ни одна изъ великихъ державъ не желаетъ войны. Англійскіе публицисты съ видимымъ удовольствіемъ передавали заявленіе отечественной дипломатіи, что она въ настоящемъ вопросѣ будетъ слѣдовать своей традиціонной политикѣ. (Да, Турція при угнетеніи славянъ тоже слѣдуетъ своей традиціонной политикѣ!). Тамъ общественнымъ мнѣніемъ въ данномъ

* Русскій Міръ. 1875, № 189. Эта газета воспроизвела мое письмо, посланное изъ Берлина въ Бѣлградъ, отъ 3 октября того же года, при возвращеніи моемъ съ Парижскаго географическаго конгресса.

случаѣ заправляетъ по преимуществу многочисленный классъ заинтересованныхъ торговцевъ и владѣтелей турецкихъ заемныхъ бумагъ, т.-е. публика, для которой наивысшимъ интересомъ служатъ проценты. Если не въ такой же степени, то все-таки значительное туркофильство или равнодушіе къ страждущимъ нашелъ я и во французской печати, когда изъ Лондона переѣхалъ въ Парижъ; въ ней, также какъ въ англійской, явно преувеличиваютъ значеніе мусульманскаго элемента въ населеніи Босніи и Герцеговины, чтобы уменьшить справедливость христіанскихъ требованій. Вотъ отвѣтъ на то сочувствіе, съ которымъ всѣ славяне относились къ бѣдствіямъ Франціи въ 1870—71 годахъ. Очевидно, ни эти бѣдствія, ни это сочувствіе не могли еще исправить политику французовъ въ Восточномъ вопросѣ. Но въ настоящее время Франція по своему внутреннему и внѣшнему положенію имѣетъ незначительное вліяніе въ данномъ вопросѣ. Если не вполнѣ сочувственное, то болѣе благодушное отношеніе къ угнетеннымъ славянамъ нашелъ я здѣсь въ сѣверогерманской печати (но на долго ли?).

Вамъ, конечно, извѣстно, что русское образованное общество и большинство русской печати горячо относятся къ бѣдствіямъ сербскихъ земель. Что же касается до русской дипломатіи, то, судя по разсказамъ западныхъ газетъ, она употребляетъ всѣ усилія, чтобы помирить Порту съ герцеговинцами и удержать Сербское княжество отъ войны съ турками. Хотя въ иностранныхъ газетахъ много толкуютъ о русской политикѣ, но толкуютъ по большей части пристрастно. Не надобно забывать, что дипломатія хранитъ трактаты, имѣя главною своею задачею поддержаніе мира и дружественныхъ отношеній между народами; на то дипломаты и существуютъ. Они придерживаются русской пословицы: «худой миръ лучше доброй брани». Но всему должны быть предѣлы; излишнее усердіе нежелательно. Есть впрочемъ и другія русскія пословицы, напримѣръ: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай», или «подъ лежачій камень и вода не течетъ». (Послѣдняя вполнѣ сбывается на болгарахъ). Дипломатія имѣетъ еще одну общеизвѣстную черту; она съ трудомъ распутываетъ вопросы, но легко признаетъ совершившійся фактъ.

Западная печать повторяетъ, что теперь не время Сербскому народу думать объ освобожденіи отъ турецкаго ига, потому что Европа нуждается въ мирѣ, и ни одна великая держава не желаетъ войны. Но любопытно было бы знать: когда же Европа не нуждалась или не будетъ нуждаться въ мирѣ? Когда же война не будетъ наносить временнаго ущерба торговымъ и разнымъ другимъ интересамъ? А если ни одна изъ великихъ европейскихъ державъ не желаетъ теперь войны изъ-за восточнаго во-

проса, то это именно то, что нужно сербамъ. Пяти или шестимилліонный сербскій народъ настолько силенъ, что можетъ освободиться собственными средствами—только при одномъ условіи: если вожди его будутъ дѣйствовать единодушно. Со стороны державъ ему нужно собственно невмѣшательство, т.-е. чтобы онѣ не мѣшали его освобожденію. Хотя въ западной печати еще продолжаютъ повторяться фразы о какихъ-то интригахъ Россіи на юго-востокѣ и ея завоевательныхъ стремленіяхъ; но это все предлогъ и едва ли кто теперь серьезно вѣритъ такимъ стремленіямъ. А въ Россіи никто и не думаетъ о какихъ либо присоединеніяхъ славянскихъ земель. Русскіе желаютъ свободы для славянъ, прежде всего по своему родственному чувству глубокаго состраданія, безъ всякихъ эгоистическихъ разсчетовъ. Но требованія сердца въ этомъ случаѣ совпадаютъ и съ требованіями здравой политики. Сербы пали предъ турецкою силою, главнымъ образомъ вслѣдствіе измѣнъ, разъединенія и ренегатства своихъ властителей; одно только единодушіе и можетъ возвратить имъ независимость. Этотъ мужественный, энергичный народъ никогда не мирился съ мусульманскимъ игомъ, и почти вся его исторія со времени паденія Сербіи наполнена героическою борьбою съ азіатскими завоевателями; вотъ что особенно и привлекало къ нему наши сердца, преимущественно предъ другими соплеменниками. Единая и независимая Сербія не должна и не можетъ быть противна истиннымъ интересамъ христіанской Европы. Такая Сербія есть важный и настоятельный шагъ въ постепенномъ разрѣшеніи великаго восточнаго вопроса, полная развязка котораго, конечно, принадлежитъ будущему. Тѣ, которые по поводу настоящаго сербскаго движенія говорятъ о немедленномъ якобы раздѣлѣ Турціи и спрашиваютъ, кому же достанется Константинополь, употребляютъ весьма нехитрый пріемъ, чтобы еще болѣе запутать, затемнить вопросъ и устрашить всѣхъ призракомъ огромнаго европейскаго пожара. Но именно настоящее согласіе трехъ императорскихъ кабинетовъ и подаетъ надежду на сохраненіе европейскаго мира, т.-е. на воздержаніе европейскихъ націй отъ вооруженнаго вмѣшательства. Единственная держава, со стороны которой можно ожидать въ настоящее время препятствія освобожденію Сербіи, — это Австро-Венгрія, и особенно вторая ея половина. Но большая часть ея населенія состоитъ изъ славянскихъ народовъ. Эти славяне нерѣдко упрекаютъ Россію въ томъ, что она не помогаетъ имъ воротить утраченную самостоятельность; но они живутъ въ христіанскомъ государствѣ и пользуются разными благами гражданственности; положеніе ихъ невозможно сравнивать съ безотраднымъ состояніемъ славянъ подъ турецкимъ игомъ. И вотъ, когда Австро-Венгрія вздумаетъ

вооруженною рукою мѣшать освобожденію и объединенію сербовъ, на ея славянахъ лежитъ долгъ употребить всѣ усилія, чтобы удерживать ее отъ этого вмѣшательства.

Въ 1867 году, когда былъ съѣздъ славянскихъ гостей въ Москвѣ, вскорѣ послѣ очищенія сербскихъ крѣпостей отъ турецкихъ гарнизоновъ, по предложенію пишущаго эти строки, съѣздъ отправилъ привѣтствіе покойному князю Михаилу, чтобы выразить наше сочувствіе его усиліямъ къ постепенному освобожденію сербскаго народа. Хотѣлось бы дожить до той минуты, когда можно будетъ привѣтствовать его преемника съ новымъ еще болѣе важнымъ шагомъ на пути, который указанъ ему славными предшественниками. Пусть только всѣ сербы будутъ за одно съ своимъ княжескимъ домомъ Обреновичей, съ нимъ переживаютъ и всѣ радости, и тѣ горести, которыми Провидѣнію угодно будетъ испытать сербскій народъ. Ничего нѣтъ хуже для страны, какъ частыя династическія перемѣны и существаніе династическихъ партій.

Вотъ, высокопреосвященный владыко, въ короткихъ словахъ то, что въ настоящую минуту занимаетъ и волнуетъ не меня одного, но и многихъ, многихъ русскихъ людей!

Съ глубокимъ почтеніемъ и искреннею преданностію вашего высокопреосвященства остаюсь покорный слуга.

Письмо къ редактору Русскаго Міра отъ 20 октября 1875 года. *

Я сказалъ, что образованное русское общество и большинство русской печати горячо относятся къ бѣдствіямъ нашихъ соплеменниковъ, подавленныхъ варварскимъ игомъ. Да, къ сожалѣнію, далеко не вся наша печать единодушна въ этомъ случаѣ. Что дѣлать? Въ семьѣ не безъ урода. И у насъ нашлись туркофильскіе органы печати, хотя для такого направленія, повидимому, нѣтъ серьезныхъ основаній. Мы даже не можемъ указать на существованіе у себя турецкихъ кредиторовъ, чтобы ратовать за продолженіе мусульманскаго ига.

Между прочимъ публицисты, о которыхъ идетъ рѣчь, съ чужаго голоса повторяли, что сербскій народъ избралъ время будто бы неблагопріятное для своего движенія, и постоянно твердили о какой-то высотѣ, на которой съумѣло удержаться сербское правительство въ критическую минуту. Объ этой-то мнимой высотѣ я и желаю сказать нѣсколько словъ.

---

* Русскій Міръ, 1875 г. № 202.

Въ настоящее время печать упорно повторяетъ мнѣніе, что герцеговинское возстаніе продлится до весны, и тогда обстоятельства могутъ повернуться въ пользу славянъ. Нѣтъ, того благопріятнаго момента, который былъ недавно, воротить уже невозможно. Говорятъ, Сербія можетъ между тѣмъ осмотрѣться, приготовиться къ борьбѣ и склонить на свою сторону часть европейской дипломатіи; но забываютъ, что турки и другіе враги славянства (имъ же нѣсть числа) тоже успѣютъ осмотрѣться и приготовить всѣ средства, чтобы задушить всякую попытку въ пользу нашихъ несчастныхъ соплеменниковъ. А то патріотическое одушевленіе, которое овладѣло бы всѣмъ сербскимъ народомъ? Это одушевленіе есть сила; оно не только уравновѣшивало численное неравенство, но и давало великое преимущество сербамъ передъ турками. Но эта сила уже парализована, и надъ ея уничтоженіемъ трудилось между прочимъ само сербское правительство.

Если бы, вмѣсто игры въ дипломатію, оно объявило, что не можетъ сложа руки, смотрѣть на гибель своихъ братій и, положась на Бога и на свой народъ, поспѣшило бы къ нимъ на помощь, то завоевало бы себѣ уваженіе и сочувствіе даже и тамъ, гдѣ его пока нѣтъ. И въ настоящее время Европѣ приходилось бы помирить воюющія стороны и признать совершившійся фактъ, то-есть освобожденіе еще нѣкоторой части сербскихъ земель, хотя бы и оставляя ихъ до времени въ вассальной зависимости отъ султана, и страшный восточный вопросъ былъ бы значительно подвинутъ къ благополучному разрѣшенію. Самая неудача военная нисколько не грозила гибелью сербскому княжеству. Турецкое иго и турецкая необузданность поддерживаются увѣренностію въ помощи европейскихъ державъ. Сербы должны противопоставить этой увѣренности сознаніе, что Европа ни въ какомъ случаѣ не допуститъ уничтоженія ихъ княжества.

Европейскія обстоятельства сложились было довольно счастливо для Сербіи. Франція парализована; Англія безъ коалиціи обыкновенно и не рискуетъ на вооруженное вмѣшательство; да и она въ послѣднее время сдѣлалась какъ бы равнодушнѣе къ судьбѣ Турціи. Европейскій міръ по всей вѣроятности не былъ бы нарушенъ. Въ противномъ случаѣ, что же могъ бы означать союзъ трехъ сѣверныхъ державъ? Если бы Австро-Венгрія вздумала послать свою армію на помощь туркамъ, достаточно было бы простаго нейтралитета Германіи и дружественнаго нейтралитета Россіи, чтобы удержать ее отъ этого вмѣшательства. Я даже не думаю, чтобы она рѣшилась на послѣднее въ виду могущаго произойти славянскаго движенія въ ея собственныхъ предѣлахъ. Но если бы и

Германія присоединилась къ Австріи, тогда должно было бы прійдти къ мысли, что ихъ союзъ съ нами имѣлъ въ виду только эксплоатировать Россію и уединить ее отъ всякаго сближенія съ ея соплеменниками и естественными союзниками. Мы, однако, желаемъ думать, что для насъ миновали времена Меттерниховъ и Шварценберговъ.

Я сказалъ, что сербы должны держаться дома Обреновичей и не давать мѣста династическимъ партіямъ, при которыхъ неизбѣжны внутреннія смуты, а слѣдовательно и внѣшнее безсиліе страны. Но домъ Обреновичей еще не настолько древенъ и проченъ, чтобы представители его могли предаться безпечности въ этомъ отношеніи. А укрѣпить его лучше всего могутъ патріотическій образъ дѣйствія и готовность всѣмъ жертвовать для блага своего народа и для его освобожденія. Coups d'etat вродѣ Наполеона III могутъ, пожалуй, увѣнчаться тою же развязкою, какая постигла этого дѣятеля. Равно и всякое торжество, хотя бы и брачное, въ то время, когда льется сербская кровь, производитъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Означенные выше политики, толковавшіе о высотѣ положенія, сравнивали роль Сербскаго княжества съ ролью Пьемонта и указывали на Кавура, который *умѣлъ выжидать*. Да, Кавуръ умѣлъ выжидать, но онъ еще лучше умѣлъ дѣйствовать, когда выдавалась благопріятная минута. Преемники его держались той же системы. Они не пропустили событій 1870—71 гг. и не ограничились ролью зрителя, а воспользовались ими, чтобы докончить дѣло своего объединенія; между тѣмъ какъ славяне все это время просидѣли сложа руки. Если же они будутъ ждать оффиціальнаго разрѣшенія отъ европейскихъ державъ для всякаго своего движенія, то они никогда не будутъ свободны. Чрезвычайныя обстоятельства требуютъ и людей недюжинныхъ. Въ наше время событія стали совершаться такъ быстро, что мы не всегда можемъ говорить: aprés nous le deluge. Насильственное задержаніе патріотическаго движенія принесетъ свои плоды: мѣсто общаго воодушевленія заступятъ неудовольствіе и внутренній разладъ. Между прочимъ, въ Сербію, какъ извѣстно, проникли тѣ нелѣпыя соціальныя теоріи, которыми увлекается и нѣкоторая часть нашей молодежи. Общее патріотическое увлеченіе и борьба съ исконнымъ національнымъ врагомъ могли очистить, освѣжить атмосферу и укрѣпить государственный порядокъ. А теперь эта атмосфера насыщается еще бо́льшими міазмами. Дай Богъ, чтобы опасенія наши не сбылись, чтобы явились люди и обстоятельства, которые предупредили бы грозу. Мы, конечно, вѣримъ, что рано или поздно славяне сбросятъ съ себя постыдное иго; но на этомъ основаніи не можемъ равнодушно относиться къ настоящему времени. Мало того: если бы наше

поколѣніе относилось къ нему равнодушно, тогда дѣйствительно можно было бы усомниться въ будущности славянскихъ народовъ.

Отъ 23 іюня, 1876 г. *.

« М. Г. Ваша уважаемая газета неизмѣнно остается истинною представительницею русскихъ интересовъ и симпатій въ дѣлахъ Турецкаго Востока. Къ ея посредству обращаюсь я вновь съ тѣми же мыслями и чувствами, о которыхъ говорилъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

«Теперь, когда военныя дѣйствія между сербами и турками начались, надѣюсь, нѣтъ болѣе мѣста длившимся доселѣ пререканіямъ о томъ образѣ дѣйствій, которому мы должны слѣдовать по отношенію къ сербскимъ княжествамъ. Русская дипломатія сдѣлала все, что могла, чтобы въ теченіе цѣлаго года, удерживать ихъ отъ войны, и доказать Европѣ миролюбіе нашего правительства и его уваженіе къ трактатамъ. Для многихъ давно было ясно, что вся европейская дипломатія, вмѣстѣ взятая, не въ состояніи улучшить и обезпечить положеніе христіанъ, угнетенныхъ турецкимъ игомъ; что къ вопросу о турецкихъ реформахъ невозможно относиться серьезно, и что безъ отчаянной, геройской борьбы славяне никогда не добьются обезпеченія своихъ самыхъ первыхъ человѣческихъ правъ. Пора убѣдиться, что такъ называемая опека всѣхъ великихъ европейскихъ державъ надъ Турціей не только не лишаетъ ее возможности угнетать христіанскія населенія, а напротивъ — такая опека есть главный источникъ этой возможности. Всякая держава преслѣдуетъ на Востокѣ свои особые интересы, имѣетъ свои особыя симпатіи и антипатіи. Для турокъ, конечно, весьма выгодно соперничество великихъ державъ за такъ называемое вліяніе, и азіатская орда отлично умѣла эксплоатировать это соперничество въ свою пользу, т.-е. для продленія своего варварскаго господства надъ христіанами въ самой Европѣ. Пришла пора если не оставить, то отодвинуть на второй планъ эту дипломатическую борьбу за непрочное вліяніе, основанное на временныхъ личныхъ отношеніяхъ. Уже не только здравая политика, но и простое состраданіе къ несчастнымъ христіанскимъ населеніямъ заставляетъ горячо желать имъ освобожденія, хотя бы на первое время и съ вассальными отношеніями къ Портѣ.

---

* Русскій Міръ, 1876 г., № 175. Написано по поводу начавшейся войны Сербіи и Черногоріи съ Турками.

Враги славянъ, чтобы мѣшать ихъ освобожденію, постоянно выдвигали вопросъ о Константинополѣ и пугали общественное мнѣніе призракомъ общаго европейскаго пожара, великой европейской войны. Дѣйствительно, для европейской дипломатіи, и для русской въ особенности, насталъ теперь самый трудный подвигъ: удержать отъ вооруженнаго вмѣшательства слишкомъ ярыхъ защитниковъ магометанскаго ига и устранить всякій вопросъ о какихъ либо территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ на Балканскомъ полуостровѣ со стороны сосѣднихъ великихъ державъ. Будемъ надѣяться, что дипломатія совершитъ этотъ подвигъ. Будемъ надѣяться, что Англія наконецъ, образумится, и вспомнитъ, что она еще недавно была великой націей, которая уничтожила торговлю черными невольниками. Пріобрѣтенную на этомъ поприщѣ славу она потеряла своимъ образомъ дѣйствія на Востокѣ, гдѣ явилась самою усердною защитницею рабства цѣлыхъ христіанскихъ народовъ. Такимъ образомъ, изъ великой націи она превращается въ націю безсердечныхъ торгашей, для которыхъ купоны турецкихъ займовъ выше всякихъ высшихъ человѣческихъ интересовъ. Неужели въ Англіи не найдется ни одного Вильберфорса для восточныхъ христіанъ? Пора понять, что ей нѣтъ существенной выгоды враждовать съ Россіей; что, напротивъ, дружескія отношенія къ послѣдней лучше всего могутъ обезпечить за ней спокойное обладаніе Остъ-Индіей. Что касается до Франціи, то, къ сожалѣнію, недавнія великія бѣдствія, по всѣмъ признакамъ, не вполнѣ еще отрезвили ея внѣшнюю политику: она все еще не можетъ разстаться съ своимъ туркофильствомъ и въ восточныхъ дѣлахъ слишкомъ легко поддается внушеніямъ владѣльцевъ турецкихъ бумагъ. Но должна же эта нація понять наконецъ, что если въ трудную минуту она очутилась одинокою, то виной тому была ея внѣшняя политика, и что турецкая орда для нея—плохая союзница. Итальянская нація, еще недавно освободившаяся и объединившаяся при сочувствіи всего славянскаго міра, не имѣетъ никакой политической нужды мѣшать освобожденію балканскихъ христіанъ. Мы, русскіе, не только съ теплымъ участіемъ относились къ страданіямъ Италіи, и желали ей освобожденія,—мы добродушно и сочувственно отнеслись и къ успѣхамъ германскаго единства, *хотя оно и не было въ нашихъ политическихъ интересахъ.* Мы въ правѣ надѣяться, что Германія интересы христіанскаго міра и европейской цивилизаціи поставитъ выше узкаго племеннаго эгоизма и также не будетъ усердствовать для поддержанія турецкаго ига. Подобнаго усердія можно опасаться только со стороны Австро-Венгріи; но не всегда можно безнаказанно удивлять міръ своею неблагодарностью; не всегда безнаказанно можно

возбуждать племенную вражду между своими населеніями, и не даромъ же, наконецъ, 45% этихъ населеній состоитъ изъ славянъ!

Итакъ, помоги Богъ князьямъ Милану и Николаю! Пусть ваша газета передастъ сердечный привѣтъ соотечественниковъ генералу Черняеву. Будемъ надѣяться, что правое дѣло восторжествуетъ.

Отъ 12 іюля *.

«Трудно опредѣлить въ настоящую минуту: насколько русское общество понимаетъ всю важность для себя событій, совершающихся на Балканскомъ полуостровѣ. Насколько оно оцѣниваетъ тѣ неисчислимыя послѣдствія, которыя наступятъ для Россіи и для всего Славянскаго міра, въ случаѣ неудачнаго исхода геройской борьбы, предпринятой сербами? Этотъ вопросъ невольно приходитъ въ голову въ виду той слишкомъ незначительной матеріальной помощи, которую наше общество оказало доселѣ святому дѣлу. Я полагаю, впрочемъ, что такая незначительность происходитъ отнюдь не отъ недостатка желанія, а скорѣе отъ недостаточныхъ способовъ и пріемовъ дѣйствія, отъ нашей непривычки, отъ нашего неумѣнья, отъ нашей нерѣшительности. Тѣмъ болѣе уваженія и признательности заслуживаютъ такіе русскіе люди, какъ Орловскій преосвященный Макарій, обращающійся къ своей паствѣ съ призывомъ о пожертвованіяхъ, какъ докторъ Молловъ, отправляющійся во главѣ врачебной экспедиціи, и лица, снабдившія ее денежными средствами, какъ доблестный полковникъ Кирѣевъ, павшій на полѣ битвы за нашихъ братьевъ, и другіе, имена которыхъ извѣстны каждому русскому...

Борьба, которую подняла горсть славянъ противъ своихъ угнетателей, очень трудна, и безъ нашей дѣятельной помощи они устоять не могутъ. Если бы они имѣли дѣло съ одними турками, мы могли бы быть спокойны за его исходъ. Но Англія и Австро-Венгрія открыто помогаютъ турецкой ордѣ всѣми возможными средствами, хотя торжественно обязались нейтралитетомъ. Во всѣхъ послѣднихъ войнахъ, какъ мы видѣли, воюющія стороны снабжали себя въ сосѣднихъ невоюющихъ земляхъ всякаго рода припасами и оружіемъ. И не только воюющія государства, но и простые мятежники, какъ напримѣръ, Карлисты, опирались на сосѣднюю Францію и получали боевые снаряды изъ Англіи, при полномъ нейтралитетѣ послѣднихъ. Что же дѣлаетъ Австро-Венгрія? Она снабжаетъ

---

* Русскій Міръ. 1876 г., № 194.

турокъ всѣмъ, чѣмъ угодно, и герметически запираетъ свою границу для сербовъ, чтобы отнять у нихъ средства для борьбы. Мало того, она не пропускаетъ давно уже купленный черногорцами запасъ оружія и снарядовъ. Скажите пожалуйста: неужели это называется нейтралитетомъ, а не блокадой? Съ русскимъ народомъ при этомъ не находятъ нужнымъ соблюдать какія бы то ни было приличія, хотя оффиціально мы считаемся въ дружбѣ и союзѣ. И такъ, съ сѣвера и запада горсть славянъ содержится въ тѣсной блокадѣ, а съ юга на нее подвигаются силы чуть ли не всего мусульманскаго міра. Между прочимъ, Египетъ также шлетъ на нее свои регулярныя войска, хотя бы, казалось, ему совершенно нѣтъ дѣла до славянъ, и дипломатія могла бы пригласить его къ невмѣшательству. (Непріятно теперь напоминать о старыхъ ошибкахъ; но какъ не сказать при этомъ: вѣдь сами же мы когда-то помѣшали ему сдѣлаться независимымъ отъ Турціи!).

Событія уже рѣзко намѣтили результаты, къ которымъ должна привести настоящая борьба: присоединеніе Герцеговины къ Черногоріи, а Босніи къ Сербскому княжеству и полная внутренняя автономія Болгаріи, хотя бы и при вассальной зависимости отъ Порты. Ни наше поколѣніе, ни наши потомки никогда не простятъ намъ, если славяне не добьются этихъ результатовъ. Мы говоримъ о томъ, чего они должны добиваться при европейскомъ нейтралитетѣ. Если же покровители азіатской орды, чего Боже сохрани, вызовутъ на войну и самую Россію, тѣмъ хуже для нихъ. Мы еще не вели войны непосредственно для освобожденія славянъ: такая война была бы для насъ священною, настоящимъ Крестовымъ походомъ. Однако будемъ надѣяться, что до этой крайности въ настоящее время дѣло не дойдетъ. Одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ предупредить войну: доказать, что мы ея не боимся и что мы готовы къ ней. Для Англіи у насъ, конечно, въ нужную минуту, найдется каперская эскадра въ океанѣ; найдутся и союзники въ Азіи для того, чтобы облегчить движеніе экспедиціонной арміи въ Остъ-Индію. Что же касается до Австро-Венгріи, то, разжигая борьбу насъ, она рисковала бы болѣе чѣмъ своимъ существованіемъ какъ великой державы, если бы, въ случаѣ войны съ нею, Россія подняла славянское знамя. Но она конечно и не рѣшится на войну съ Россіей безъ помощи Германіи. Однако и Германія должна тысячу разъ подумать, прежде чѣмъ рѣшиться на войну съ Россіей, имѣя въ тылу Францію. Германія и Австро-Венгрія не могутъ имѣть тѣхъ выгодъ, которыми пользовался въ борьбѣ съ нами англо-французскій союзъ. Въ то время Англія и Франція были для насъ *неуязвимы*, и обстоятельства принудили насъ вести войну только оборони-

тельную. Другое дѣло Германія. Недаромъ же предѣлы наши далеко внѣ врѣзываются и подходятъ почти къ самому Берлину. При энергичныхъ предводителяхъ, которые съумѣютъ воспользоваться выгодами нашего положенія и повести войну наступательную, мы можемъ причинить противной сторонѣ громадныя потери и потрясенія, при какомъ бы то ни было исходѣ борьбы. Итакъ, если враги славянъ и пугаютъ насъ возможностью европейской войны, не думаемъ, чтобы державы дѣйствительно рискнули на эту крайную мѣру для поддержанія мусульманскаго ига надъ христіанскимъ населеніемъ. Наконецъ, и цѣлъ эта была бы слишкомъ безнравственна и жестока, чтобы Европа не сознавала такой жестокости и безнравственности, чтобы она не постыдилась проливать кровь за варварство противъ цивилизаціи. Слѣдовательно, политика наша, по отношенію къ настоящимъ событіямъ, имѣетъ полную возможность быть рѣшительною и дѣятельною.

Отъ 19 іюля *.

Печать Австро-Венгріи откровенно говоритъ, что она не можетъ допустить на своихъ южныхъ границахъ образованіе славянскаго государства въ два милліона жителей (т.-е. присоединенія къ Сербскому княжеству Босніи и Старой Сербіи), а потому пусть пропадаетъ десять милліоновъ южныхъ славянъ, лишь бы австрійскіе нѣмцы, евреи и мадьяры могли спокойно властвовать надъ славянами западными; пусть поголовно вырѣзывается цѣлый болгарскій народъ, лишь бы не нарушалось столь любезное status duo на Востокѣ. И это не какія-нибудь фразы или предположенія: близкій намъ по крови и по вѣрѣ болгарскій народъ, дѣйствительно, вырѣзывается поголовно. Вотъ до какого status quo мы дожили! Если дѣла еще нѣсколько времени пойдутъ такимъ образомъ, то истребленіе этого народа будетъ совершившимся фактомъ, и европейской дипломатіи только останется его признать. Говорятъ, дипломатія обезпечила существованіе Сербскаго и Черногорскаго княжествъ на случай полной побѣды турокъ. При этомъ, само собою разумѣется, что, въ случаѣ вторженія въ княжества варваровъ (которые даже военноплѣннымъ рубятъ головы), отъ сербскихъ городовъ и селъ останутся однѣ дымящіяся, окровавленныя развалины. И это—Европа XIX вѣка! Въ свое время фразы нѣкоторыхъ нашихъ славянофиловъ (теперь уже покойныхъ) о мораль-

---

* Рус. Міръ. 1876, № 203.

номъ гніеніи Запада подвергались осмѣянію. А настоящія событія, право, заставляютъ задуматься надъ этими фразами!

Не далѣе какъ въ 1864 г. вся Германія, въ соединеніи съ Австро-Венгріею, ополчилась на маленькую Данію, чтобы освободить горсть нѣмцевъ, будто бы угнетенныхъ датскимъ владычествомъ, хотя цивилизація Даніи нисколько не ниже германской. Россія не вмѣшалась въ это дѣло. Прошло нѣсколько лѣтъ, и Германія, раздавивъ Францію, сложилась въ могущественную 40-милліонную имперію, грозную для всѣхъ своихъ сосѣдей. Міръ давно уже неиспытывалъ подобнаго нарушенія политическаго равновѣсія, и мы нисколько бы о томъ нежалѣли, если бы это нарушеніе совершилось подъ условіемъ освобожденія славянъ отъ варварскаго ига. (Къ слову вспомнить: тотчасъ послѣ Седана я попытался было высказать эту мысль въ печати посредствомъ одного вліятельнаго органа; но онъ въ то время еще вѣрилъ въ возможность мирнаго развитія христіанскихъ племенъ подъ верховнымъ владычествомъ Порты, т.-е. раздѣлялъ господствовавшій взглядъ дипломатіи; теперь этотъ органъ выступилъ достойнымъ и энергичнымъ борцомъ за святое дѣло). Въ настоящее время уже ясно обозначилось, къ чему должно привести поддержаніе такъ называемаго status duo на Балканскомъ полуостровѣ. Если движеніе будетъ снова подавлено, и Сербія, до крайности истощенная и разоренная, возвращена въ свои тѣсные предѣлы, то съ южными славянами дѣло можетъ считаться почти оконченнымъ. Уничтоженіе православнаго славянства и замѣщеніе его мусульманскими элементами въ турецкихъ областяхъ пойдетъ еще быстрѣе, чѣмъ оно шло со времени Крымской кампаніи. Конечный же результатъ подобнаго status puo предвидѣть не трудно.

Въ маѣ прошлаго года мнѣ случилось быть въ Берлинѣ. Въ числѣ иллюстрацій, выставленныхъ на окнахъ магазиновъ, одна особенно обратила на себя мое вниманіе. Колоссальная фигура Бисмарка въ мундирѣ стоитъ подъ руку съ человѣкомъ во фракѣ (Кн. Горчаковымъ), и внизу подпись въ такомъ смыслѣ: «Когда мы вмѣстѣ, цѣлый міръ у нашихъ ногъ»!—«Недурно, подумалъ я, хотя ужъ слишкомъ не хитро: стало быть, мы, въ настоящую минуту, нужны»? И дѣйствительно, въ это время у Германіи возникли натянутыя отношенія съ Франціей, а между тѣмъ ожидался проѣздъ русскаго канцлера черезъ Берлинъ на воды. По отношенію къ Франціи, кажется, Германія не въ правѣ на насъ пожаловаться. Теперь пришла наша очередь испытать ея дружбу.

Однако, пока въ европейской печати идутъ безсердечныя разглагольствія о восточномъ вопросѣ и пока нѣкоторая часть ея обнаруживаетъ

робкія попытки поднять голосъ противъ неслыханныхъ злодѣйствъ,—событія не ждутъ. Съ одной стороны, избіеніе и продажа въ рабство болгарскаго народа продолжаются безпрепятственно, съ другой—телеграфъ ежедневно можетъ принести извѣстіе о вторженіи всеистребляющей орды въ предѣлы Сербіи, или съ сухопутной границы, или со стороны мнимо нейтральнаго Дуная. И въ Болгаріи, и въ Сербіи помощь нужна серьезная и скорая; иначе будетъ поздно.

Отъ 2 августа *.

Въ августѣ прошлаго 1875 года я былъ въ Парижѣ на географическомъ конгрессѣ. Въ то время только что началось возстаніе въ Герцеговинѣ, и газеты стали наполняться разсужденіями о Восточномъ вопросѣ. Преобладающее направленіе французской печати оказалось туркофильское. Прежде чѣмъ покинуть Парижъ, я вознамѣрился напечатать письмо въ какой либо газетѣ, съ цѣлью коснуться отношеній Франціи къ славянству и указать, что, дѣйствуя противъ славянъ, она работаетъ не на себя, а на нѣмцевъ. Изъ тѣхъ газетъ, которыя я просматривалъ, одна показалась мнѣ менѣе пристрастною, чѣмъ другія; по крайней мѣрѣ она помѣщала довольно дѣльныя корреспонденціи съ театра дѣйствія. Чтобы предупредить о своемъ намѣреніи, захожу въ редакцію. Главный редакторъ оказался въ отсутствіи; ко мнѣ вышелъ его товарищъ, еще молодой человѣкъ, фигура довольно незначительная. Онъ принялъ меня сухо и оффиціально. Я началъ говорить о предметѣ моего посѣщенія. «Но позвольте, прервалъ меня публицистъ, Россія объявила, что она не намѣрена нарушать status quo на Балканскомъ полуостровѣ; я надѣюсь, что она останется нейтральною». Какой, однако, высокій тонъ у этого маленькаго господина!—подумалъ я, и продолжалъ свои объясненія. «М. г., опять торжественнымъ тономъ прервалъ меня публицистъ, я долженъ васъ предупредить, что наша газета считаетъ своимъ долгомъ поддерживать Турцію». Мнѣ оставалось только встать и раскланяться; но, уходя, я не утерпѣлъ, чтобы не проворчать: «Всякая, съ позволенія сказать, мелочь считаетъ своимъ долгомъ поддерживать турецкую орду и угнетать славянъ! Мало, мало васъ учили нѣмцы; много еще въ васъ сидитъ прежней фанаберіи!»

Послѣ того я не возобновлялъ попытки обратиться въ какую либо

---

* Русскій Міръ. 1876, № 214.

французскую газету; да притомъ настоящее положеніе Франціи не позволяло ей имѣть видное вліяніе на событія, развивавшіяся на Балканскомъ полуостровѣ. Мнѣ не случилось близко наблюдать, на сколько сохранились или измѣнились съ того времени туркофильскіи тенденціи французской печати; но, къ сожалѣнію, она, повидимому, все еще не уяснила себѣ, какую роль въ катострофѣ 1870—71 гг. играла политика Франціи по отношенію къ Восточному вопросу. Рутина въ ея политическихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ все еще такъ сильна, что она неясно различаетъ XIX вѣкъ отъ XVI и XVII, когда Турція дѣйствительно могла оказывать ей помощь въ столкновеніяхъ съ Германіей. Но, при всемъ туркофильствѣ, Франція еще находится подъ живымъ впечатлѣніемъ своихъ тяжкихъ потерь, и я полагаю, что, въ случаѣ европейской войны, она легко можетъ войти съ нами въ соглашеніе съ цѣлью воротить утраченныя провиціи.

Война все-таки сдѣлалась неизбѣжною; но началась она въ минуту, менѣе благопріятную. Враги успѣли принять свои мѣры, и, между прочимъ, какія мѣры! Прежде чѣмъ Сербія двинулась, Болгарія была уже терроризована и замучена. Мы можемъ сколько угодно изливаться въ своихъ филиппикахъ и, грустно сказать, напоминать басню о «котѣ и поварѣ»; но тѣмъ не менѣе турки своей цѣли достигли, правда варварскимъ, тамерлановскимъ способомъ, но короткимъ и вѣрнымъ. Исторія съ ужасомъ разсказываетъ повѣсть о Варѳоломеевской ночи; но она не можетъ не сознаться, что въ концѣ концовъ эта ужасная ночь сдѣлала свое дѣло: она нанесла такой ударъ все болѣе и болѣе развивавшемуся французскому протестантизму, послѣ котораго онъ пошелъ подъ гору. Исторія съ удивленіемъ будетъ расказывать, что подобныя событія, и еще въ гораздо большихъ размѣрахъ, могли совершаться въ Европѣ во второй половинѣ XIX вѣка, и совершаться безнаказанно!

Итакъ Болгарія лежитъ окровавленная и терроризованная. Въ то же время въ Стамбулѣ враги славянства успѣли совершить переворотъ, который, повидимому, еще не вполнѣ оцѣненъ нашимъ общественнымъ мнѣніемъ. Султанъ (Абдулъ-Азисъ), имѣвшій неосторожность внимать нѣкоторымъ совѣтамъ Россіи, сверженъ и убитъ (будемъ говорить прямо); а вмѣсто него явился султанъ-миѳъ (Мурадъ). Я нахожу, что печать слишкомъ много посвящаетъ вниманія разнорѣчивымъ слухамъ относительно этой султанской тѣни и ея здоровья, а также разнымъ предположеніямъ о новой близкой перемѣнѣ царствующаго лица. Пока часть вниманія занята этими искусно пущенными въ ходъ слухами и толками, ловкіе люди заправляютъ дѣлами, и энергически, безпощадно, подвигаютъ впередъ подавленіе сла-

вянства. Очевидно, они нашли себѣ такого именно султана, который имъ былъ нуженъ, который бы имъ не мѣшалъ.

Кромѣ того, я нахожу, что печать наша, а слѣдовательно и наше общественное мнѣніе, слишкомъ много занимаются англійскою политикою и парламентскими разговорами въ Лондонѣ. Пора убѣдиться, что не слова, а только событія могутъ образумить этихъ лицемѣрныхъ торгашей (преобладающая тамъ партія вполнѣ заслужила такое названіе); современемъ событія ясно укажутъ имъ, что они не только были безчеловѣчны, но и не понимали своихъ истинныхъ интересовъ на Востокѣ и работали здѣсь не на себя, а на кого-то другаго. Да, Англія совсѣмъ для насъ не такая страшная противница, какъ это можетъ казаться. Сухопутное войско ея незначительно; а флотъ со времени изобрѣтенія торпедъ уже потерялъ часть своего значенія въ береговой войнѣ, какъ это ясно показала Франко-прусская кампанія. Говорятъ, Англія можетъ занять Дарданеллы, Константинополь. Пусть займетъ, если другія морскія державы это допустятъ. Во всякомъ случаѣ, это не Гибралтарская скала. Отсюда всегда будетъ возможно выжить, лишь бы были освобождены славяне.

Нѣкоторые органы нашей печати уже предлагаютъ прибѣгнуть поскорѣе къ европейской конференціи. Но что бы Россія стала дѣлать на этой конференціи, имѣя противъ себя нѣсколько враждебныхъ голосовъ, при индиферентномъ отношеніи остальныхъ? Дѣло кончилось бы возвращеніемъ къ status quo, хотя бы на время и замаскированному разными бумажными реформами и обѣщаніями. Нѣтъ, только одно твердое и рѣшительное слово Россіи можетъ развязать Гордіевъ узелъ. Намъ угрожаютъ европейскою войною. Но съ кѣмъ-же? Союзъ турко-австро-англійскій намъ не страшенъ. Да мы и сомнѣваемся, чтобы Англія и Австрія рѣшились на войну съ нами, при нейтральномъ положеніи Германіи. *Слѣдовательно, вотъ куда въ настоящее время должно направиться наше вниманіе, вотъ гдѣ главный узелъ вопроса.* Обѣщаетъ ли намъ Германія свой нейтралитетъ? Отплатитъ ли она Россіи тою же монетою за 1870—71 гг. Ограничится ли одними дипломатическими ходатайствами за Австро-Венгрію?

А между тѣмъ твердое, рѣшительное слово, конечно, должно быть подкрѣплено явными доказательствами что оно серьезно и непреложно. Въ числѣ таковыхъ доказательствъ кромѣ соглашенія съ румынами и греками, внушительное значеніе могла бы имѣть подготовка того земскаго ополченія которое составляетъ одну изъ существенныхъ статей устава 1874 года. Молодые люди, не попавшіе въ армію, могли бы по праздникамъ, не отвлекаясь отъ своихъ занятій и отъ своего мѣстожительства,

собираться для военныхъ упражненій; потребные для того расходы могутъ быть возложены на мѣстныя общества, чтобы не обременять государственнаго казначейства ничѣмъ, кромѣ снабженія оружіемъ. Я уже имѣлъ случай указывать на эту статью устава; возвращаюсь къ ней, въ виду грядущихъ событій.

Во всякомъ случаѣ, мы, русскіе, возблагодаримъ своего Верховнаго Вождя за двадцать лѣтъ глубокаго и плодотворнаго мира, и будемъ готовы на все, чего отъ насъ потребуютъ жизненные интересы, честь и достоинство Россіи.

Отъ 9 августа *.

Затрудненіе въ сообщеніяхъ.—Русск. общ. парох. и тор.—Впечатлѣніе турецкихъ звѣрствъ на Европу.—Проекты и предположенія.

Извѣстно, какимъ затрудненіямъ подвергаются въ настоящее время сухопутныя сообщенія Россіи съ Сербіей. Эти сообщенія находятся въ рукахъ намъ недружественныхъ. Даже Румынія, и та старается не облегчить, а затруднить намъ путешествія въ Сербію. Признаться, мы и не разсчитывали на сочувствіе румынъ къ дѣлу освобожденія турецкихъ славянъ. Хотя румыны своимъ освобожденіемъ болѣе всего обязаны Россіи; но извѣстно, что они не выказываютъ къ ней чувства благодарности. Впрочемъ, съ занятіемъ турками сѣверовосточнаго угла Сербіи, само собою прекращается сообщеніе черезъ Румынію. Остается только путь на враждебную славянамъ Австро-Венгрію. Вотъ почему въ настоящую минуту особое прискорбіе должно возбуждать въ насъ поведеніе «Русскаго общества пароходства и торговли», которое прекратило свои рейсы изъ Одессы въ Бѣлградъ именно въ то время, когда Россія въ нихъ болѣе всего нуждается. Любопытны тѣ доводы, которые были представлены на этотъ счетъ администраціей Общества, въ лицѣ его директора г. Чихачева (см. «Голосъ» № 215). Онъ ссылался только на коммерческіе разсчеты и на доходность! Но развѣ громадныя казенныя субсидіи, потраченныя на это Общество, не имѣли никакого политическаго значенія? Стало быть Общество забыло и самую причину своего возникновенія? Любопытно было бы узнать настоящій составъ администраціи этого, такъ называемаго *Русскаго* Общества. Право, не знаешь, что и подумать, въ виду такого порядка вещей на нашемъ югѣ. Дунай, именно отъ устья до Бѣлграда, представ-

---

* Русскій Міръ. 1876, № 222.

ляетъ еще свободный, нейтральный путь—и мы имъ не пользуемся! Русскіе пароходы на Дунаѣ не только могли бы облегчать страданія славянъ, спасая тѣхъ несчастныхъ, которые успѣваютъ уйти отъ турецкаго звѣрства; они въ настоящую минуту необходимы тамъ уже потому, что въ Сербіи находится теперь много нашихъ соотечественниковъ въ качествѣ медиковъ, сестеръ милосердія, дипломатическихъ агентовъ и проч. Необходимы не только частыя почтовыя сообщенія между Одессой и Бѣлградомъ; необходимо, чтобы подъ Бѣлградомъ стояло нѣсколько русскихъ пароходовъ для покровительства русскимъ подданнымъ. Чѣмъ же иначе обезпечена ихъ жизнь и честь, и куда они могутъ укрыться въ случаѣ дальнѣйшаго вторженія варварской орды? Не говорю уже о томъ, что это прямое сообщеніе должно поставить въ независимость отъ Австро-Венгріи наши непосредственныя дипломатическія сношенія съ Сербіей и регулярную доставку точныхъ, подробныхъ извѣстій.

Въ нашей печати нерѣдко встрѣчаешь теперь разсужденія о томъ, что неслыханныя звѣрства турокъ въ Болгаріи произвели сильное впечатлѣніе на Европу и что даже во враждебныхъ славянству странахъ общественное мнѣніе начинаетъ склоняться на сторону угнетенныхъ. Признаюсь, я плохо этому вѣрю, и полагаю, что если тамъ и замѣтно нѣкоторое пониженіе тона, то его скорѣе можно приписать настоящему сдержанному положенію Россіи. Доселѣ мы все усиливались доказывать наше миролюбіе и безкорыстіе. Однако, чѣмъ болѣе показывали мы уступчивости, тѣмъ болѣе возрастали требованія и задоръ въ противномъ лагерѣ. Но вотъ, послѣ неслыханныхъ злодѣйствъ, совершенныхъ надъ нашими единовѣрцами и единоплеменниками, русское народное чувство громко заговорило, а русская политика пока хранитъ внушительное молчаніе передъ Европой, и враги славянства едва ли спокойно ждутъ того момента, когда она выскажется. Что, если угрозы европейскою войною ея не испугаютъ? Что, если она настоятельно потребуетъ освобожденія славянъ—не бумажнаго только, а дѣйствительнаго? Придется или уступить, или воевать; а серьезно воевать никому не хочется. Да и время для того еще не совсѣмъ благопріятное: еще Россія недостаточно изолирована; у нея еще длинныя руки и въ Европѣ, и въ Азіи...

Еще славяне южные и западные не подавлены окончательно; а южно-европейскимъ приморскимъ націямъ, т.-е. итальянцамъ, испанцамъ, грекамъ и тѣмъ же французамъ, нѣтъ никакого интереса поддерживать преобладаніе надъ собою англичанъ въ Средиземномъ морѣ. Еще не созрѣлъ вопросъ о Босфорѣ и Дарданеллахъ, и всякая нація, которая вздумала бы теперь захватить ихъ, нажила бы себѣ хлопотъ и непріятелей несрав-

ненно болѣе, чѣмъ выгодъ. Притомъ далеко не всѣ пограничные съ Россіей мусульмане готовы ополчиться за Турцію. Персы, какъ шіиты и какъ народъ, имѣющій свои счеты съ турками по поводу пограничныхъ областей, я полагаю, легко могутъ быть поощрены къ своему расширенію съ этой стороны. Наконецъ, и народное русское одушевленіе и русское сознаніе святости своего дѣла даютъ ему явный моральный перевѣсъ надъ защитниками мусульманской орды и угнетателями христіанъ.

Итакъ, если враги славянъ надѣются, что Россія опять вернется къ чему либо въ родѣ проекта г. Андраши, какъ будто ничего особаго и не случилось со времени этого проекта, то они или сами очень наивны, или считаютъ насъ таковыми. Какъ будто можно признать только совершившимся фактомъ нѣсколько десятковъ тысячъ невинно избіенныхъ болгаръ, ихъ женъ и дѣтей! Какія же турецкія реформы могутъ предупредить повтореніе этихъ злодѣйствъ и окончательное истребленіе цѣлаго народа? Для этого существуетъ только одно средство: образовать изъ Болгаріи особое княжество съ собственною вооруженною силою и, пожалуй, съ европейскимъ принцемъ во главѣ *. Если бы Австро-Венгрія могла не только гуманно, но и безпристрастно обсудить свои отношенія къ южнымъ славянамъ, то она убѣдилась бы, что ея спокойствіе совсѣмъ не обусловливается безконечными страданіями и рабствомъ турецкихъ христіанъ. Самое существованіе не одного, а двухъ сербскихъ княжествъ, т.-е. Сербско-боснійскаго и Черногорско-герцеговинскаго, достаточно гарантируетъ ей спокойствіе съ этой стороны; ибо ей легко будетъ поддерживать нѣкоторое соперничество между ними. Къ этому непремѣнно присоединится еще болѣе сильное соперничество между сербами и освобожденными болгарами. Не говорю объ отношеніяхъ южныхъ славянъ къ грекамъ, румынамъ и туркамъ. Такимъ образомъ, всѣ эти княжества будутъ только поставлены въ возможность мирно развивать свою гражданственность и едва получатъ настолько силы, чтобы охранять свою самостоятельность; они не будутъ имѣть угрожающаго значенія для Австріи. Правда, послѣдней придется сдѣлать нѣкоторыя уступки собственнымъ славянамъ и не слишкомъ давать ихъ въ обиду другимъ народностямъ. Но такая политика была бы для Австріи самою мудрою. Тогда ея славяне перестали бы искать поддержки внѣ ея, т.-е. тяготѣть въ Россіи

* Въ европейской печати встрѣчаются иногда предположенія о какихъ-то автономныхъ христіанскихъ общинахъ, которыя должны быть образованы на Балканскомъ полуостровѣ. Мы не понимаемъ системы этихъ воображаемыхъ общинъ. Мы понимаемъ только три Славянскихъ княжества и греческое королевство, увеличенное Ѳессаліей и Эпиромъ.

или обращать взоры на Сербію. Мадьяры, по своему легкомыслію, не замѣчаютъ того, что они только орудіе для подавленія славянства; а когда подавленіе совершится, то они будутъ германизованы безъ всякой церемоніи. Слѣдовательно сущность дѣла сводится къ стремленіямъ тѣхъ австрійскихъ нѣмцевъ, которые взираютъ на Германію, какъ на свое великое отечество, и желаютъ ему возможно скорѣйшаго расширенія на югѣ. Послѣднее обстоятельство невольно возбуждаетъ вопросъ объ отношеніяхъ Габсбургской династіи къ этимъ тремъ главнымъ элементамъ монархіи, т.-е. къ нѣмцамъ, мадьярамъ и славянамъ. Она могла бы держать ихъ въ равновѣсіи, занимать почетное положеніе между міромъ германскимъ и славянскимъ, и долго еще сохранять значеніе Австріи какъ великой европейской державы. А вмѣсто того династія эта явно поддается узкимъ племеннымъ антипатіямъ и не замѣчаетъ, что *разрывъ съ славянами бросаетъ ее исключительно въ руки нѣмцевъ*: Габсбурги сами стараются ускорить тотъ моментъ, когда они должны будутъ сдѣлаться не болѣе какъ покорными вассалами Гогенцоллерновъ, а въ противномъ случаѣ, пожалуй, испытать судьбу ганноверскихъ Вельфовъ.

Изъ письма отъ 15 августа *.

Въ нашей печати встрѣчаются иногда проекты о посредничествѣ: одни совѣтуютъ воспользоваться для этого услугами Италіи, другіе указываютъ на Германію, третьи на Францію. Я не понимаю такого какъ бы систематическаго устраненія Россіи отъ всякой иниціативы въ вопросѣ, для нея столь близкомъ и существенномъ. Я не понимаю, почему Россія не могла бы прямо и непосредственно обратиться къ Портѣ съ своими требованіями относительно балканскихъ славянъ. Развѣ нѣмцы, вырывая Шлезвигъ-Гольштейнъ изъ рукъ Даніи или переустраивая Германію на другихъ основаніяхъ, опирались на посредничество или на какія либо коллективныя ноты европейскихъ державъ? Нѣтъ, они просто объявили это дѣло своимъ собственнымъ, хотя оно противорѣчило трактатамъ и совершенно измѣнило существовавшую дотолѣ систему политическаго равновѣсія въ Европѣ. Освобожденіе балканскихъ славянъ — есть наше русское дѣло. Такъ поставила его исторія, и никто не въ силахъ поставить его иначе. Отъ нѣмцевъ мы отличаемся, однако, тѣмъ, что имѣемъ въ виду одно только освобожденіе славянъ и дарованіе имъ возможности жить

---

* Русскій Міръ. 1876, № 227.

своею историческою жизнію, а отнюдь не присоединеніе ихъ къ Россіи, и, слѣдовательно, остальныя державы не имѣютъ никакихъ разумныхъ основаній препятствовать намъ въ дѣлѣ этого освобожденія. Да и вообще, возможно ли взаимное согласіе всѣхъ шести европейскихъ державъ въ такомъ вопросѣ, къ которому каждая изъ нихъ относится по своему?

Относительно формы освобожденія, повидимому, все еще не выработалось яснаго сознанія. По крайней мѣрѣ, иногда встрѣчаемъ въ нашей печати разсужденія о какихъ-то отдѣльныхъ автономныхъ общинахъ въ Босніи, Герцеговинѣ, Старой Сербіи и Болгаріи. Но, помилуйте, что же это за общины; какія могутъ быть тогда гарантіи спокойствія на Балканскомъ полуостровѣ? Какія у нихъ будутъ средства самозащиты? Какая, наконецъ, возможность исторической жизни? Нѣтъ, только образованіе трехъ славянскихъ княжествъ, Сербо-боснійскаго, Черногоро-герцеговинскаго и Болгарскаго, можетъ обезпечить и европейскій міръ съ этой стороны, и дальнѣйшее культурное развитіе благодатной придунайской полосы. Можно было бы прибавить сюда и дарованіе Греческому королевству болѣе естественныхъ предѣловъ. Но вольно же грекамъ смотрѣть, сложа руки, на геройское предпріятіе единовѣрныхъ имъ народовъ!

Напрасно было бы настоящія обстоятельства относить къ отдѣлу одной внѣшней политики, и предоставлять ихъ на усмотрѣніе одной дипломатіи. Нѣтъ, они находятся въ тѣсной связи съ нашею внутреннею народною жизнію. Когда, годъ тому назадъ, появились незначительные отряды добровольцевъ и раздались первые выстрѣлы въ горахъ Герцеговины, затрепетало русское сердце, и съ тѣхъ поръ оно слѣдило за развивающеюся драмою съ возрастающимъ вниманіемъ и сочувствіемъ. И прежде раздавались тамъ выстрѣлы, и прежде лилась славянская кровь; однако не то было вниманіе, не та степень сочувствія. Великій историческій народъ всегда обладаетъ и великимъ политическимъ инстинктомъ. Онъ понялъ, что на этотъ разъ тамъ началось что-то рѣшающее, что-то близко связанное съ его собственными судьбами; что дѣло, столь долго подавляемое, созрѣло; что наступаетъ развязка. Тотъ же инстинктъ вѣрно указываетъ ему и на самый способъ рѣшенія и на необходимость принести для него всѣ жертвы, которыхъ оно потребуетъ. Русскій народъ въ эту торжественную минуту оказывается на высотѣ своего положенія. Противники славянства, между прочимъ, указываютъ на наши финансовыя затрудненія въ случаѣ войны. Они не знаютъ Россіи. Я говорю, конечно, о настоящемъ высокопатріотическомъ настроеніи народа; это настроеніе есть великая историческая сила, и къ нему надобно относиться съ тѣмъ уваженіемъ и вниманіемъ, которыхъ оно заслуживаетъ.

Какъ высоко одушевленіе и патріотическое настроеніе русскаго народа въ настоящее время, также горько было бы разочарованіе и такъ же глубокъ былъ бы упадокъ его духа въ томъ случаѣ, если бы враги славянства помѣшали дѣлу освобожденія только одною ловкою своей дипломатіей, одними софизмами и обѣщаніями. Въ самой внутренней нашей жизни почувствовался бы нѣкоторый разладъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе такого разочарованія.

Изъ письма отъ 21 сентября. *

Любопытно то обстоятельство, что нѣкоторые публицисты все еще вѣруютъ въ соглашеніе между шестью великими державами по обезпеченію человѣческихъ правъ для Балканскихъ христіанъ. Я предложилъ бы пригласить къ участію въ этой опекѣ еще и седьмую державу, напримѣръ, Испанію; тогда по крайней мѣрѣ буквально исполнялась бы русская пословица: у семи нянекъ дитя всегда безъ глазу **. Но если говорить серьезно, то нѣтъ въ мірѣ такого генія, который съумѣлъ бы согласить, по данному вопросу, всѣ шесть державъ между собою, и въ то же время доставить христіанскимъ народамъ возможность жить по-человѣчески, т.-е. освободить ихъ отъ варварскаго ига. Поведеніе Англіи и Австро-Венгріи продолжаетъ ежедневно оправдывать это положеніе. Чего еще можно ожидать отъ страны, въ которой глава кабинета произноситъ шутовскія рѣчи по поводу чудовищныхъ злодѣйствъ, совершаемыхъ надъ христіанскими народами, а публика отвѣчаетъ смѣхомъ и рукоплесканіями? Способна ли жидовско-мадьярская политика добровольно отказаться отъ своего интимнаго союза съ мучителями славянъ? Нѣтъ, только твердое и рѣшительное согласіе Германіи съ Россіей можетъ понудить къ существеннымъ уступкамъ анти-христіанскую политику и положить предѣлъ позорному для Европы варварскому игу.

Мы сказали, что великіе люди Германіи держатъ въ настоящее время вѣсы европейской цивилизаціи. Куда они потянутъ: въ пользу христіанской культуры на юго-востокѣ Европы или въ пользу магометанскаго варварства? Дружба двухъ великихъ монарховъ повлечетъ ли за собой и дружбу двухъ великихъ націй? Вотъ вопросы, которые силою обстоятельствъ выдвинулись теперь на передній планъ. Если же вѣрить нѣко-

---

* Русскій Міръ. 1876. №. 232.

** Къ слову спросить: долго ли еще Испанія будетъ переносить тотъ постоянный укоръ для ея національной чести, который называется Гибралтаромъ!

торымъ извѣстіямъ, будто и Германія подаетъ свой голосъ въ пользу status quo для Сербіи и Черногоріи и такъ назыв. *административныхъ* реформъ для остальныхъ славянскихъ провинцій,—что въ сущности означаетъ также status quo или продолженіе варварскаго ига — если это правда, тогда надежды на прочный европейскій миръ болѣе немыслимы. Обратимся къ общественному мнѣнію Германіи, и спросимъ: мыслимо ли оставить Болгарію подъ владычествомъ магометанской орды, послѣ столькихъ тысячъ замученныхъ жертвъ, изнасилованныхъ женщинъ и дѣтей? Если въ мнимолиберальной Англіи живутъ и управляютъ такіе лорды, которые называютъ эти гнусныя дѣла простымъ кровопусканіемъ; если тамъ снаряжаютъ статистическія коммиссіи и отправляютъ слѣдователей на мѣсто ужасовъ, и эти слѣдователи потомъ самодовольно докладываютъ, что въ такой-то мѣстности избито не 25,000 жертвъ, а всего только 15 или 12 тысячъ—то неужели общественные дѣятели Германіи способны поддерживать своимъ авторитетомъ защитниковъ такого порядка вещей?

Положимъ, врагамъ славянства и православія удастся какъ нибудь затушить, замять настоящую борьбу и обратить пока въ ничто потоки пролитой крови, даже замаскировать status quo новыми бумажными гарантіями равноправности содержимыхъ въ одномъ помѣщеніи овецъ и волковъ. Но что же затѣмъ? Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать послѣдствія. Подобныя мѣры дадутъ только небольшую отсрочку, послѣ которой, при первомъ удобномъ моментѣ, произошли бы такія ужасныя войны, передъ которыми поблѣднѣютъ и 1870—71 годы. А слѣдовательно вмѣсто разоруженія державы должны будутъ еще усилить свои вооруженія. Подтвердитъ ли тогда исторія, что передъ нами истинное величіе? Или она скажетъ, что то были просто ловкіе люди которые съумѣли воспользоваться нѣкоторыми обстоятельствами и личными отношеніями, чтобы достигнуть своихъ ближайшихъ цѣлей, но которые съ весьма узкой точки зрѣнія смотрѣли на будущее какъ своего народа, такъ и своихъ сосѣдей и преемникамъ своимъ оставили весьма нелегкое положеніе между романскимъ и славянскимъ міромъ, возбудивъ сильную вражду того и другаго и понудивъ ихъ къ взаимному сближенію для общей борьбы съ міромъ германскимъ.

Въ настоящее время отдаленные политическіе разсчеты всего менѣе занимаютъ русскій народъ. Скажу болѣе, стремясь совершить свой подвигъ, онъ не долженъ разсчитывать на какую либо особую и вѣчную благодарность со стороны своихъ меньшихъ братій. Онъ имѣетъ въ виду только разбить ихъ оковы и поставить ихъ на собственныя ноги. Это для него святое дѣло, священный долгъ, который онъ долженъ уплатить

своей исторіи и всему человѣчеству. Въ такомъ дѣлѣ, для націи собственное моральное удовлетвореніе выше и дороже всякихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній; да послѣднія намъ и совершенно ненужны. Только совершивъ этотъ подвигъ, мы можемъ спокойно и безъ помѣхи обратиться къ своимъ внутреннимъ заботамъ. Если бы Австрія относилась дружелюбно къ святому для насъ дѣлу, то одно уже дружелюбіе обезпечило бы надолго спокойное и мирное существованіе ея, какъ великой державы. А еслибъ ей и пришлось во внутренней своей политикѣ отъ настоящаго дуализма возвратиться къ системѣ федерализма, то для общихъ ея интересовъ въ томъ конечно не было бы никакого ущерба. Но, руководимая мадьярскою нетерпимостью, она увлекается на очень скользкій путь. Мало того: судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, она намѣрена, въ отвѣтъ на благотворительныя усилія русскаго народа, снова вызвать на сцену призракъ польскаго вопроса, т.-е. сдѣлать поляковъ орудіемъ для достиженія собственныхъ мелкихъ цѣлей. Весьма будетъ прискорбно, если поляки, послѣ всѣхъ уроковъ исторіи, и на этотъ разъ пойдутъ на удочку. Вопросъ можетъ окончиться новымъ передѣломъ земель бывшей Рѣчи Посполитой. Отъ соглашенія Россіи и Германіи будетъ зависѣть изъятіе Австро-Венгріи изъ владѣнія доставшеюся ей частью этихъ земель; а вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ воспослѣдовать исправленіе русской границы со стороны Галиціи, а прусской—со стороны Привислянскаго края. Къ подобнымъ результатамъ для Австріи можетъ привести мадьярская нетерпимость не только на сѣверо-восточныхъ ея предѣлахъ, но также и на юго-восточныхъ. Ибо въ случаѣ ея враждебнаго столкновенія съ нами никто не мѣшаетъ намъ поощрить Румынію къ округленію своей границы со стороны Трансильваніи. Слѣдовательно, Австро-Венгрія должна бы очень и очень подумать прежде чѣмъ рѣшиться на войну. Что касается до Румыніи, то она, повидимому, начинаетъ понимать, гдѣ ея настоящія выгоды и откуда ей должно ждать помощи для дальнѣйшаго своего развитія. Уже одно дружественное содѣйствіе намъ на случай столкновенія съ турками даетъ ей надежду на достиженіе полной независимости и королевскаго достоинства.

Одно почти единодушно повторяющееся заявленіе русской печати, что не нужно намъ никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, что вопросъ о Константинополѣ еще не созрѣлъ, что мы не можемъ только оставлять долѣе своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ подъ гнуснымъ игомъ варварской орды—одно это настойчивое заявленіе замѣтно выбиваетъ враговъ славянства изъ ихъ прежнихъ позицій. Имъ уже не такъ удобно теперь, какъ прежде, поднимать на насъ общественное мнѣніе Европы,

указывая на наши якобы ненасытныя завоевательныя стремленія, на замышляемый нами захватъ проливовъ и вообще на наше противодѣйствіе дѣлу прогресса и свободы. До чего, до какихъ нелѣпостей, доводитъ ихъ потеря прежнихъ позицій, ясно обнаруживаетъ упомянутая выше рѣчь пресловутаго англійскаго премьера. Хотя, по рутинѣ, онъ еще упоминаетъ о державахъ, будто бы стремящихся къ территоріальному расширенію, но главнымъ образомъ хочетъ пугнуть публику какими-то тайными обществами. Вотъ какъ роли начинаютъ мѣняться! Англійскіе премьеры устрашаютъ Европу тайными обществами, если она перестанетъ поддерживать турецкое иго! Въ параллель съ подобными эволюціями можно поставить только откровенную мадьярскую нетерпимость, которая прямо заявляетъ, что для ея паразитнаго благополучія необходимо держать балканскихъ славянъ въ вѣчномъ рабствѣ и лишать ихъ всякихъ способовъ къ самобытному существованію, а слѣдовательно и къ участію въ европейской христіанской цивилизаціи.

Изъ письма отъ 26 сентября *.

Если справедливы были извѣстія, что первоначальный толчекъ общественному мнѣнію въ Англіи данъ былъ корреспондентомъ «Daily News», изобразившимъ яркую истину о турецкихъ неистовствахъ, то выходитъ, что Макъ-Гаганъ явился въ нѣкоторомъ родѣ Колумбомъ, который хотя отчасти открылъ глаза своимъ соотечественникамъ на истинное значеніе турецкаго ига для балканскихъ христіанъ. Нелестный, однако, для британской націи выводъ слѣдуетъ изъ этого открытія. Раждается неизбѣжный вопросъ: какой же прокъ для европейской и вообще христіанской цивилизаціи отъ великаго числа англійскихъ агентовъ, разсѣянныхъ на Востокѣ, а также отъ огромной массы англійскихъ путешественниковъ и путешественницъ, которые снуютъ тамъ на каждомъ шагу? Въ послѣднее десятилѣтіе это снованіе отчасти приняло характеръ уже не единичныхъ и даже семейныхъ или товарищескихъ поѣздокъ, а постоянныхъ нашествій цѣлыми многочисленными партіями. Извѣстно, какая участь постигла и постигаетъ иногда скромнаго проѣзжаго на нашихъ почтовыхъ станціяхъ, если случай наталкиваетъ его на проѣздъ какого либо высокопоставленнаго лица, забирающаго подъ себя всѣхъ лошадей. Нѣчто подобное случается иногда и съ путешественниками на Востокѣ. Помню,

---

* Русскій Міръ. 1876, № 236.

какъ въ Аѳинахъ (весною 1871 года), сойдя съ парохода, я часа три ѣздилъ по городу и толкался во всѣ гостинницы, тщетно отыскивая себѣ пріютъ. Оказалось, что прибыла партія, состоящая изъ нѣсколькихъ десятковъ англичанъ обоего пола, и все заполонила. Каждый членъ такой партіи платитъ извѣстную сумму антрепренерной компаніи и затѣмъ уже ни о чемъ ни заботится. Компанія развозитъ партіи по Египту, Сиріи, Греціи и Балканскому полуострову, размѣщаетъ ее по гостинницамъ, кормитъ и *показываетъ* ей все достопримѣчательное. Каковы, однако, результаты этого, такъ сказать, стадообразнаго поверхностнаго знакомства съ Востокомъ—ясно обнаруживается въ настоящее время. Оказывается, что нигдѣ въ мірѣ не распространены столь наивныя понятія о значеніи турецкаго владычества, какъ въ Англіи. Нельзя также сказать, чтобы тамъ были распространены и гуманныя понятія о женской чести. Между тѣмъ какъ поголовное турецкое насилованіе христіанскихъ женщинъ и дѣтей вызывало въ русскихъ женщинахъ безпредѣльное негодованіе, ничего подобнаго пока еще не слышно со стороны англичанокъ; хотя во главѣ націи тамъ находится достойная представительница ихъ пола, въ прошломъ году принявшая живѣйшее участіе въ судьбѣ одной миссъ, на которую какой-то крупный джентельменъ сдѣлалъ покушеніе въ вагонѣ. Какой толчекъ для угнетеннаго христіанства будетъ отъ «митинговъ негодованія»—пока неизвѣстно. Мы видимъ только, что сообщничество Англіи въ этомъ угнетеніи продолжается. Мало того, все болѣе и болѣе выясняется, что сэръ Эллiотъ не даромъ стяжалъ себѣ въ исторіи славу Герострата: онъ оказывается главнымъ подстрекателемъ, а слѣдовательно и главнымъ виновникомъ болгарской рѣзни, которая, по понятіямъ англійскихъ государственныхъ людей, была только подавленіемъ возможнаго въ будущемъ мятежа, небольшимъ кровопусканіемъ.

Но каковы бы ни были магометанскія симпатіи этихъ государственныхъ людей, для насъ, русскихъ, немыслимо оставлять послѣ того Болгарію подъ турецкимъ владычествомъ. Если бы мы это сдѣлали, то *насъ Богъ накажетъ*,—такъ выразился одинъ простой человѣкъ въ письмѣ, которое онъ приложилъ къ своему пожертвованію, присланному въ нашъ Славянскій благотворительный комитетъ. И въ этихъ словахъ простаго русскаго человѣка несравненно болѣе историческаго смысла, чѣмъ въ разглагольствіи иныхъ публицистовъ и дипломатовъ.

Изъ письма отъ 1 октября *.

«Если вы требуете продолжительнаго, по крайней мѣрѣ шестинедѣльнаго, перемирія—отвѣчаетъ Порта, руководимая гг. Эллiотомъ и Зичи,—то мы сдѣлаемъ для васъ гораздо болѣе, и, чтобы окончательно васъ облагодѣтельствовать, даемъ вамъ перемиріе *шестимѣсячное*». (Но почему же не шестилѣтнее?). Это все тотъ же ловкій пріемъ, посредствомъ котораго она отклонила скромно заявленное державами приглашеніе даровать нѣкоторыя реформы своимъ славянскимъ провинціямъ. «Почему же однимъ славянскимъ провинціямъ?—говоритъ она—я сдѣлаю болѣе того: я облагодѣтельствую реформами всѣхъ своихъ подданныхъ». По поводу этого послѣдняго отвѣта, позволю себѣ маленькое замѣчаніе о нашей печати. Нѣкоторые ея органы обнаруживали большое негодованіе на дерзость Порты: какъ это она осмѣливается отвѣчать отказомъ на англійскія предложенія, поддержанныя всею Европою! Подобное негодованіе, если оно искренно, было бы наивно. Неужели существуютъ такіе интеллигентные люди, которые не понимаютъ, что за этими оффиціальными представленіями и приглашеніями стоятъ интимныя сношенія съ Портой англійской и австро-мадьярской дипломатіи, и что ими сообща сочиняются всѣ оффиціальные отвѣты и всѣ важнѣйшія мѣры, направленныя къ подавленію и истребленію православнаго славянства.

Войну угнетенныхъ славянъ съ турецкой ордой я понимаю только какъ войну въ высшей степени энергичную, войну безпощадную, безъ колебаній и безъ устали. А иначе не слѣдовало совсѣмъ и начинать ее. Вотъ почему на русскихъ патріотовъ производили и производятъ тяжелое впечатлѣніе слухи о колебаніи въ Бѣлградѣ и постоянные переговоры о перемиріяхъ. Не рѣшаемся, впрочемъ, винить исключительно сербовъ, въ виду извѣстій о томъ, что на нихъ производятъ давленіе въ этомъ смыслѣ не одни враги славянства. Система пріостановокъ и толки о перемиріяхъ уже начали обнаруживать свои плоды. Вожди арміи вмѣсто того, чтобы всецѣло отдаться своимъ стратегическимъ боевымъ задачамъ, принуждены бороться съ политикой колебаній и пріостановокъ. Отсюда раждаются новыя затрудненія. Чтобы протестовать противъ всякой попытки къ постыдному миру, армія выдвигаетъ вопросъ о королевскомъ достоинствѣ.

Говорятъ, будто продолжительное перемиріе необходимо въ виду имѣющей открыться европейской конференціи по Восточному вопросу. Но во-

---

* Русскій Міръ. 1876, № 240.

первыхъ, одно другому не мѣшаетъ. Мало того: энергическая борьба только и можетъ ускорить какое либо дипломатическое рѣшеніе; разъ борьба прекращена,—и именно въ то время, когда сербы даже не изгнали еще враговъ съ своей почвы,—конференція, конечно, послужитъ только простою формальностію для возстановленія status quo. А во-вторыхъ, въ виду продолжающихся кровавыхъ истязаній Болгаріи, вопіющихъ о немедленномъ вмѣшательствѣ, предлагаемая конференція, очевидно, имѣетъ своею дѣйствительною цѣлью только устранить это вмѣшательство и оттянуть дѣло въ долгій ящикъ. Если бы вопросъ и впредь пошелъ такъ, какъ онъ, отъ имени Европы, поставленъ англо-австрійскою политикой, то мы не ошибемся предсказывая славянской борьбѣ такой же исходъ, какой имѣло критское возстаніе, тянувшееся цѣлые два года. Высказывая свое мнѣніе, что съ турками не слѣдуетъ заключать никакого перемирія, а слѣдуетъ добиваться во что бы то ни стало—мира, *обезпечивающаго славянамъ человѣческія права*, я надѣюсь, что высказываю только общее мнѣніе друзей святаго дѣла.

Отъ 7 октября *.

На этотъ разъ я имѣю въ виду сдѣлать только небольшое дополненіе къ своимъ предыдущимъ письмамъ, такъ какъ всему есть предѣлъ. Ежедневной печати, по крайней мѣрѣ отчасти, свойственно увлекаться впечатлѣніями минуты, и иногда въ теченіе одной недѣли нѣсколько разъ переходить то къ опасеніямъ европейской войны, то къ надеждамъ на мирный исходъ вопроса. Она могла придавать серьезное значеніе «митингамъ негодованія» и толковать о рѣшительномъ поворотѣ общественнаго мнѣнія въ Англіи. Она можетъ все еще разсуждать о переговорахъ, которые происходятъ между Турціей съ одной стороны и Европой — съ другой; какъ будто въ данномъ случаѣ существуетъ Европа, противоположная Турціи. Для людей же, наблюдающихъ общій ходъ и направленіе событій, выяснилось самое главное—вопросъ достигъ своего критическаго момента. Отъ рѣшеній, которыя будутъ приняты недалѣе какъ въ теченіе ближайшаго мѣсяца, зависитъ исходъ. Если упомянутое общее направленіе остается то же какъ и прежде, то по всей вѣроятности произойдетъ слѣдующее. Турція (собственно Англія и Австро-Венгрія) широко воспользуется системою переговоровъ, конференцій и пріостановокъ, чтобѣ выи-

---

* Русскій Міръ. 1876 г., № 246.

грать наступающее для нея критическое время. Недаромъ она запросила сначала шестимѣсячное перемиріе. Она знала, что едва ли на этотъ срокъ получитъ согласія; но она разсчитываетъ, что если выторгуетъ хотя половину или около того, то ей достаточно, чтобы пережить критическій моментъ. Уже самое время, которое будетъ употреблено на достиженіе перемирія, есть для нея чистый выигрышъ; чѣмъ оно позднѣе будетъ заключено, тѣмъ для нея выгоднѣе. Притомъ перемиріе это она, конечно, постарается обставить такими условіями, которыя опять-таки будутъ выгодны только ей одной. Впрочемъ, и короткій срокъ по истеченіи своемъ можетъ быть продолженъ, какъ уже почти ей и обѣщано. Слѣдовательно, осень и зима, т.-е. самое благопріятное время для успѣховъ сербской борьбы, а также и для вооруженнаго занятія и устройства злополучной Болгаріи, это время можетъ истечь въ переговорахъ и конференціяхъ. Хорошо, если они приведутъ къ какимъ-нибудь соглашеніямъ. Въ противномъ случаѣ въ февралѣ или мартѣ враги славянства могутъ уже съ любезною откровенностью объявить: «теперь, если вамъ угодно воевать съ уменьшенными шансами на успѣхъ, извольте начинать; вы приготовились, но вѣдь и мы время не теряли».

Итакъ, въ случаѣ передвиженія центра тяжести съ осени на весну, я считаю своимъ долгомъ сказать, что такъ далеко мои надежды не простираются. Впрочемъ, поднимая свой слабый голосъ въ пользу того, что мы *должны* дѣлать, я, конечно, не имѣлъ и не имѣю притязанія единолично и категорически рѣшать вопросъ о томъ, что мы *можемъ* сдѣлать. Да и самая разработка программы дѣйствія не всегда удобна для печати въ подобнаго рода вопросахъ, а тѣмъ болѣе, если эта программа неизвѣстна намъ даже въ своихъ общихъ чертахъ; ибо мы имѣемъ дѣло собственно съ разнообразными извѣстіями и слухами.

Отъ 13 октября *.

Въ виду того, что и въ настоящее критическое время общее направленіе и характеръ событій остаются все тѣ же, я не только не считаю удобнымъ продолжать свои письма въ прежнемъ тонѣ, но и думаю совсѣмъ ихъ прекратить. Большая часть сомнѣній и опасеній, выраженныхъ нами, слишкомъ скоро оправдывалась на дѣлѣ. Между прочимъ, недаромъ возражали мы противъ толковъ о перемиріи, именно въ настоящую минуту,

* Русскій Міръ 1876 г. № 255.

когда нужны или миръ, или немедленная война. Отчаянныя усилія сломить сербовъ, которыя дѣлаетъ теперь турецкая орда, руководимая англо-мадьярскою дипломатіей, эти усилія, безъ всякаго сомнѣнія, ускорены. Орда пользуется превосходствомъ своихъ силъ, и спѣшитъ нанести рѣшительный ударъ прежде, нежели согласиться на эту пріостановку, которая, въ свою очередь, будучи продолжена на тотъ же срокъ, обезпечитъ за варварской ордой ея побѣду и ея иго надъ славянами. Англо-мадьярскіе дипломаты, очевидно, не такъ близоруки, какъ нѣкоторые наши публицисты, которые продолжаютъ увѣрять, будто успѣхи или неуспѣхи сербовъ не будутъ имѣть вліянія на исходъ вопроса. Приведу другой примѣръ. Едва мы высказали увѣренность, что, въ виду наступающаго критическаго момента, союзники орды широко воспользуются податливостію своихъ противниковъ на переговоры о пріостановкѣ, какъ уже встрѣчаемъ заявленія, будто Австрія не намѣрена отдѣляться отъ союза трехъ императоровъ и будто Англія почти готова предоставить Турцію ея собственной судьбѣ. И у насъ уже нашлись публицисты, которые начинаютъ серьезно говорить о совершающемся поворотѣ въ австрійской политикѣ! Едва ли я ошибусь, если напередъ скажу, что дружелюбіе къ намъ Австріи будетъ идти crescendo до декабря включительно, лишь бы мы не двигались съ мѣста, не занимали бы Болгаріи и дали бы ордѣ возможность пережить критическое время. Въ концѣ декабря, или началѣ января, дружелюбіе къ намъ Австро-Венгріи достигнетъ своего апогея; а затѣмъ пойдетъ diminuendo, такъ что къ апрѣлю мѣсяцу едва ли отъ него останутся какіе слѣды.

Какъ бы ни были велики усилія русскаго общества подать помощь погибающимъ братьямъ частнымъ образомъ,—очевидно, эти усилія могли только продлить борьбу на нѣкоторое время; но они не могутъ достигнуть какихъ-либо рѣшительныхъ успѣховъ и не помѣшаютъ торжеству орды, которую поддерживаютъ западныя державы, и притомъ не частнымъ образомъ, а всѣми возможными средствами: дипломатіей, печатью, офицерами, оружіемъ и милліонами фунтовъ стерлинговъ, взятыхъ прямо изъ государственнаго казначейства! Что же значитъ, въ сравненіи съ этою поддержкою, наши партіи добровольцевъ и наши денежныя пожертвованія? Мы даже не могли доставить имъ оружія въ необходимомъ количествѣ. Драгоцѣнное время проходитъ въ безплодныхъ переговорахъ, твердая почва готова уйти изъ-подъ нашихъ ногъ, враги славянства близки къ своему торжеству. Въ такую критическую минуту позволимъ себѣ напомнить русскому народу нѣкоторыя изъ основныхъ чертъ его характера,—это: терпѣніе при всѣхъ испытаніяхъ, покорность Промыслу, пре-

данность своимъ вождямъ и вѣра въ свое великое будущее. А пока жива Россія—не погибнетъ славянство.

Изъ всѣхъ предлагаемыхъ писемъ общій выводъ слѣдуетъ тотъ, что авторъ ихъ стоялъ за дѣятельную энергичную политику въ тѣ дни, когда драгоцѣнное время тратилось на безплодные дипломатическіе переговоры. Когда ясно обнаружилась для Сербовъ невозможность выдти побѣдителями изъ борьбы, онъ указывалъ на необходимость немедленнаго вмѣшательства, не дожидаясь катастрофы. Послѣднее письмо было написано за 5 дней до разгрома сербской арміи на высотахъ Джуниса. Если бы нашъ ultimatum послѣдовалъ не послѣ этой катастрофы, а прежде нея, когда сербская армія еще не была сломлена, то по всей вѣроятности, событія приняли бы нѣсколько иной ходъ. Можетъ быть, во-время предъявленный ultimatum заставилъ бы Порту согласиться на миръ, болѣе или менѣе сносный для Балканскихъ Славянъ, и предупредилъ бы нашу собственную войну съ Турціей. Но что-то такое мѣшало намъ выступить своевременно; какіе-то совѣты и вліянія постоянно парализовали нашу энергію. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ укажу читателямъ на свои намеки относительно той рѣшающей роли, какую должна была играть Пруссія въ нашихъ отношеніяхъ къ Австро-Венгріи и Англіи. Только что приведенныя письма, а также и дальнѣйшія доказываютъ, что отъ наблюденій автора не укрылась та двусмысленная политика, которой уже тогда держался по отношенію къ намъ знаменитый Германскій премьеръ и на которую русская печать еще слишкомъ мало обращала вниманія.

Послѣ Джуниса я въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ воздерживался отъ политическихъ писемъ. Но продолжавшійся жгучій для насъ вопросъ и сдѣлавшаяся неизбѣжною наша собственная война съ Турками побудили меня начать новую серію писемъ въ томъ же Русскомъ Мірѣ.

II.

ПИСЬМА О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНѢ.

8 февраля 1877 г. *.

Возвышенное настроеніе общества, когда оно живетъ скорымъ, усиленнымъ пульсомъ, какъ состояніе напряженное, конечно, не можетъ длиться цѣлые годы. За этимъ напряженіемъ наступаетъ неизбѣжная реакція, т.-е. желаніе спокойствія и переходъ къ мелкимъ ежедневнымъ интересамъ. Наша старая столица служитъ тому живымъ примѣромъ. Реакція отражается и на ея органахъ печати. Итальянская опера (продолжающая заѣдать Русскую), концертныя собранія, балы и банкеты снова вступили въ свои полныя права. Извѣстно, что русское общество въ настоящее время нуждается въ урокахъ экономіи, и печати никоимъ образомъ не слѣдуетъ поощрять и безъ того укоренившуюся у насъ привычку къ роскоши. Вмѣсто того, чуть ли не въ передовыхъ статьяхъ, мы читаемъ восторженныя описанія какого нибудь «завтрака-обѣда», послѣ котораго дамы успѣваютъ замѣнить свои утренніе туалеты еще болѣе великолѣпными вечерними, со множествомъ бриллiантовъ, и т. п. Или передъ вами панегирикъ какому нибудь дорогому, лукулловскому вечеру съ трактирнымъ оттѣнкомъ. А между тѣмъ нѣкоторые выдающіеся факты изъ умственной или научной дѣятельности, напримѣръ, университетскіе диспуты, проходятся абсолютнымъ молчаніемъ. Но это только къ слову. И въ великомъ, и въ маломъ каждое общество остается вѣрно той степени цивилизаціи, на которой оно стоитъ въ данную минуту. Возвращаясь снова къ тому же сложному вопросу, который продолжаетъ омрачать политическій горизонтъ Европы, увы!—въ концѣ концовъ, надобно сознаться, что и здѣсь ярко отразились всѣ наши достоинства и

* Русскій Міръ, 1877 г. № 39.

недостатки, а главнымъ образомъ обиліе сердечной теплоты и готовности на всѣ жертвы, на ряду съ недостаткомъ политической зрѣлости.

Что касается до насъ лично, то мы были въ числѣ тѣхъ, которые стояли за энергическую политику, пока борьба длилась, пока движеніе было въ полной силѣ. А затѣмъ мы просто повторяемъ общее положеніе, столь единодушно выраженное во всеподданнѣйшихъ адресахъ: Русскій народъ мужественно и самоотверженно исполнитъ то, что будетъ указано ему Верховнымъ Вождемъ.

Общій смыслъ усилій иностранной дипломатіи для меня не подлежитъ сомнѣнію: воспрепятствовать своевременному вооруженному движенію Россіи на Балканскій полуостровъ. Напомню русской публикѣ недавнюю миссію пресловутаго маркиза Салисбери, отъ которой и значительная часть нашей печати, вслѣдъ за своей западной руководительницей, ожидала какихъ-то благъ для несчастныхъ христіанъ. Сколько разъ читали мы извѣстія объ особенной дружбѣ англійскаго и русскаго представителей на конференціи. Въ настоящее время маска уже сброшена, и тотъ же Салисбери принимаетъ поздравленія съ успѣхомъ своей миссіи, т.-е. съ достиженіемъ не оффиціально объявленной тогда, а истинной ея цѣли: выиграть время и поддержать status quo на Балканскомъ полуостровѣ. Напомню также неосновательныя надежды на либеральную оппозицію въ Англіи. Уже самые пріемы ея въ данномъ случаѣ должны были указать на полную ея неосновательность. Либеральные ораторы на митингахъ выражали свое сочувствіе къ христіанамъ общими, ничего не заключающими въ себѣ фразами. Престарѣлый Гладстонъ даже читалъ что-то въ родѣ публичныхъ лекцій, чтобы познакомить англійскую публику съ положеніемъ восточныхъ христіанъ. (Какова же эта публика, доселѣ незнакомая съ ихъ положеніемъ!). А между тѣмъ всѣ эти ораторы тщательно избѣгали прикасаться къ самому корню вопроса: къ турецкимъ тарифамъ и къ безпощадной матерьяльной эксплоатаціи христіанскихъ населеній мнимогуманной націей. Открывшаяся парламентская сессія ясно показываетъ, какой жалкій для христіанъ результатъ дала эта либеральная агитація. И тѣ же самые публицисты, которые старались усыпить насъ ложными надеждами, теперь просто совѣтуютъ намъ разыграть людей наивныхъ, удивленныхъ результатами конференціи и возлагающими призрачную отвѣтственность за ея неуспѣхъ на какую-то миѳическую Европу, тогда какъ дѣйствительная Европа довольна этими результатами.

Много разнорѣчія и перемѣнчивости въ воззрѣніяхъ обнаружила европейская публицистика въ теченіе послѣдняго года. Отсюда на первый взглядъ можно заключить, что она также страдаетъ недостаткомъ поли-

тической зрѣлости. Увы, такое заключеніе было бы несправедливо. Всѣ эти противорѣчія и перемѣны взглядовъ только кажущіеся; все это были только сообразные съ обстоятельствами пріемы, непреклонно ведущіе къ одной цѣли: къ statu quo на Востокѣ, къ недопущенію дѣятельнаго русскаго вмѣшательства. Говорю преимущественно о державахъ, наиболѣе заинтересованныхъ. Преуменьшенія, преувеличенія, запугиванія, измышленія всевозможныхъ комбинацій, — все это направлялось въ одну сторону, въ надеждѣ на нашу недостаточную политическую зрѣлость. Посмотрите на образъ дѣйствій Австро-Венгріи. Держава, которая дрожитъ при одной мысли о серьезномъ столкновеніи съ Россіей, эта-то именно держава является самою неуступчивою. Всякая попытка къ облегченію участи балканскихъ славянъ встрѣчаетъ съ ея стороны непреклонное veto. Даже геройская Черногорія, послѣ всѣхъ тяжкихъ жертвъ и блестящихъ побѣдъ своихъ, не можетъ добиться морскаго порта и расширенія микроскопической территоріи, потому что этого не позволяетъ Австрія. И такихъ великолѣпныхъ для себя результатовъ Австрія достигаетъ не могуществомъ своимъ и не какимъ либо матерьяльнымъ напряженіемъ, а только искусною, хотя бы и безсердечною политикой, умѣньемъ пользоваться тѣми комбинаціями и отношеніями, которыя существуютъ въ данную минуту. Извѣстно, что значительная часть русской публицистики, въ теченіе цѣлаго года, изъ силъ выбивалась, увѣряя Европу въ нашемъ миролюбіи и безкорыстіи. Австрія (вмѣстѣ съ Англіей, конечно) превосходно воспользовалась этими увѣреніями, чтобы направлять событія въ своихъ интересахъ. Учитесь, гг. публицисты, у своихъ противниковъ, учитесь политическому искусству и политической зрѣлости.

---

1 марта 1877 г. *.

Телеграфъ приноситъ тревожныя извѣстія: Турція не приняла протокола! Россія готова слѣдовать энергической политикѣ. Но эти извѣстія тревожны для враговъ славянства; а его друзья могутъ только привѣтствовать энергическую политику. Мы совсѣмъ не сторонники войны во всякомъ случаѣ. Мы постоянно сѣтовали на тѣхъ публицистовъ и дипломатовъ, которые своими слишкомъ усердными увѣреніями въ нашемъ крайнемъ миролюбіи содѣйствовали неуступчивости противниковъ; а тѣмъ самымъ уменьшали шансы наиболѣе мирнаго исхода, т.-е. дѣлали его

* Русскій Міръ, 1877 г. № 86.

несовмѣстнымъ съ нашими интересами, съ нашимъ достоинствомъ. Враги разсчитывали безконечными проволочками утомить насъ и привести въ упадокъ нашъ духъ. Нѣтъ, духъ великаго историческаго народа нельзя сломить въ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ воспрянетъ съ новою силою, при первомъ призывѣ своего Верховнаго Вождя.

Если наша доблестная армія будетъ призвана къ рѣшенію своей настоящей великой задачи, мы всегда останемся на сторонѣ самаго энергическаго образа дѣйствій. Заранѣе хорошо разсчитанные удары конечно будутъ исполнены быстро и рѣшительно, не озираясь на каждомъ шагу по сторонамъ, какъ это было на Дунаѣ въ 1854 г. Враги пугали насъ новымъ избіеніемъ славянъ при первомъ движеніи русской арміи. На это можно отвѣчать только одно: новое избіеніе сниметъ съ насъ всѣ бывшія дипломатическія обязательства по данному вопросу. Чѣмъ болѣе прольется крови беззащитныхъ населеній, тѣмъ радикальнѣе должно быть ихъ освобожденіе и очищеніе ихъ земли отъ мусульманъ. Кромѣ того, большую пользу могутъ оказать летучіе конные отряды, которые истребляли бы (буквально) шайки черкесовъ и башибузуковъ на самомъ мѣстѣ ихъ звѣрства. Впрочемъ, мы говоримъ все это только на случай; ибо возможно и то, что сегодня же или завтра телеграфъ принесетъ намъ извѣстія уже другаго свойства. Могутъ завязаться новые переговоры; а между тѣмъ, пока черногорцы остаются въ выжидательномъ положеніи, Орда успѣетъ подавить миридитовъ и затѣмъ принудить Черную Гору къ миру, на основаніяхъ statu quo. Англо-австрійскіе друзья Орды конечно не дремлютъ.

Удаленіе отъ дѣлъ, хотя бы и временное, князя Бисмарка не могло, конечно, не обратить на себя вниманіе европейскаго общества. Весьма понятны знаки сожалѣнія, заявленные по этому поводу, многочисленные, но далеко не всеобщіе. Не говоря о французахъ, славяне также не имѣютъ доселѣ данныхъ для того, чтобы питать это сожалѣніе. Пока князь Бисмаркъ стоялъ во главѣ германской политики, со стороны Германіи не было сдѣлано ни единаго серьезнаго шага на поддержку святаго для насъ дѣла. Мы нисколько не умаляемъ великаго историческаго значенія, которое эта грандіозная личность получила въ новѣйшихъ судьбахъ Европы. Его ставятъ выше Кавура. Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что у Кавура не было подъ рукою милліонной и превосходно-организованной арміи. Онъ съумѣлъ воспользоваться временнымъ союзомъ съ Франціей; но у него не было такого вѣрнаго, надежнаго союзника, какъ Россія. Всѣмъ хорошо извѣстно, что присоединеніе Шлезвигъ-Гольштейна, Садовая и сдача Парижа были бы сомнительны, не смотря на

милліонную армію, при другихъ отношеніяхъ съ Россіей. Казалось бы, Россія имѣла нѣкоторое право на сочувствіе, въ свою очередь. Что же сказалъ о нашихъ отношеніяхъ князь Бисмаркъ въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ въ своей парламентской рѣчи? Онъ распространился о томъ, что Пруссія въ Крымскую кампанію сохранила нейтралитетъ, не смотря на всѣ приглашенія присоединиться къ врагамъ Россіи и объявить ей войну. Оказывается, слѣдовательно, что мы еще остались въ долгу у своей сосѣдки; по крайней мѣрѣ отчасти, такъ можно было понять это напоминаніе, если только оно не намекало на нейтралитетъ настоящій. Выиграютъ ли что нибудь балканскіе христіане съ перемѣною въ германскомъ министерствѣ,—я не знаю; фактъ тотъ, что до сихъ поръ съ этой стороны они не имѣли никакой серьезной поддержки. А только такая поддержка и могла бы укрѣпить прежнюю дружбу, не въ одномъ прошедшемъ плодотворную для Пруссіи.

У насъ нашлись досужіе публицисты, которые усердствовали въ своихъ примирительныхъ увѣщаніяхъ по отношенію къ Германіи; она якобы только и ждетъ усложненій на Востокѣ, чтобы снова наброситься на Францію и доканать ее. Во-первыхъ, прежде надобно было справиться, на сколько слухи о подобныхъ намѣреніяхъ серьезны и не составляютъ ли они тоже какого либо маневра. А во-вторыхъ, какая намъ необходимость, скажу болѣе, какая выгода являться примирителями прежде времени! Да и самое настоящее затруднительное положеніе наше не есть ли отчасти слѣдствіе того, что мы, начиная съ конца XVIII вѣка, усердное вниманіе посвящали чуждымъ интересамъ? А что касается до замысловъ доканать Францію, то я позволю себѣ нѣкоторое сомнѣніе. Въ настоящее время, она лучше вооружена и приготовлена, чѣмъ въ 1870 г. Весьма рискованъ былъ бы разсчетъ найти тамъ повтореніе Седана и Меца. Не все же имѣть дѣло съ такими полководцами какъ Базенъ!

---

5 апрѣля, 1877 г. *.

Теперь, когда высокомѣрное упорство Орды дѣлаетъ войну неизбѣжною, теперь мы можемъ съ полною откровенностію сказать о томъ, что руководило нами въ предыдущихъ письмахъ. Во-первыхъ, съ самаго начала дѣйствовавшее сознаніе, что для Россіи наступаетъ великой важности историческій моментъ, устраниться отъ котораго она не можетъ,

* Русскій Міръ, 1877 г. № 91.

еслибы и хотѣла. А во-вторыхъ, вытекавшее отсюда горячее желаніе своевременной энергической политики. Повидимому многіе считали насъ въ числѣ самыхъ усердныхъ сторонниковъ войны. А въ дѣйствительности мы прежде всего были сторонниками энергичныхъ и своевременныхъ мѣръ. Великая держава всегда должна быть готова къ войнѣ, т.-е. всегда готова оружіемъ отстаивать свою честь и свои интересы, моральные и матеріальные, и въ крайнемъ случаѣ мы должны были имѣть ее въ виду. Народъ, который въ теченіе одного полустолѣтія выдержалъ двѣ борьбы съ двумя громадными коалиціями, во главѣ которыхъ стояли два Наполеона,—такой народъ не могутъ запугать ни британскіе торгаши, ни австрійскіе нѣмцы, жиды и мадьяры.

Но энергичныя мѣры еще не означаютъ войны. Иногда бываетъ наоборотъ: своевременно принятыя, онѣ предупреждаютъ ее. Та самая Орда, которая въ настоящую минуту высокомѣрно отвѣчаетъ отказомъ на самыя ничтожныя требованія, на какія уступки не пошла бы она въ прошломъ августѣ или сентябрѣ мѣсяцѣ, въ случаѣ энергическаго образа дѣйствій! Но тогда было время глашатаевъ крайняго миролюбія. Напомню читателямъ, что послѣ Дюниша, если я и написалъ еще нѣсколько писемъ, то главнымъ образомъ въ качествѣ наблюдателя текущей исторіи, а не проповѣдника какихъ либо мѣръ. Пришлось уже просто ждать развитія событій въ томъ направленіи, которое они получили, благодаря такъ называемому европейскому концерту. А они развивались съ замѣчательною послѣдовательностію и правильностію. Та фальшь, которая лежала въ основѣ этого концерта, неизбѣжно должна была привести дѣла къ ихъ настоящему положенію. Теперь, когда враги выиграли то время, какое имъ было нужно, и приготовились, теперь и бывшіе друзья крайняго миролюбія заговорили воинственнымъ тономъ. Считаю для себя не лишнимъ указать на все это, въ виду той путаницы и того тумана, который въ данномъ случаѣ умѣютъ напускать нѣкоторые органы ежедневной печати. Конечно, Промыслъ ведетъ народы путями многообразными и часто неисповѣдимыми, и иногда обращаетъ имъ во благо самыя ихъ ошибки. Но это не избавляетъ насъ отъ сознательнаго отношенія къ своему образу дѣйствія и къ своимъ задачамъ.

Если разъ война рѣшена, то мы опять-таки будемъ на сторонѣ самой энергичной политики, по отношенію не только къ военнымъ дѣйствіямъ, но и къ нашей готовности на всѣ возможныя случайности и усложненія. Если у насъ нѣтъ надежнаго союзника, который бы обезпечивалъ намъ такой же нейтралитетъ, какой былъ обезпеченъ нами въ 1870 г., то необходимо было бы заранѣе усилить наши военныя средства. А въ числѣ

этихъ усиленныхъ средствъ, конечно, самое главное есть своевременная подготовка земскаго ополченія, на основаніяхъ устава 1874 г. Мало того, чѣмъ болѣе и своевременнѣе развернемъ мы свои силы и свою энергію, тѣмъ менѣе будетъ и вѣроятностей на европейскую войну.

Да, подумаешь, какъ неуклонно совершается историческое движеніе! Какихъ уступокъ, казалось, не дѣлала Россія, чтобы добиться мирнаго исхода? Ничто не помогло. Кому суждено быть Освободителемъ, Тотъ исполнитъ свою миссію до конца.

---

8 мая 1877 г. *.

То, что предсказывалось нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, сбывается теперь съ буквальною точностью. Я говорю о непосредственномъ участіи Англіи въ нашей войнѣ съ турецкою ордою. Наиболѣе благодушная часть нашей публики можетъ утѣшаться резолюціями Гладстона о восточномъ вопросѣ; но люди серьезные, отдавая справедливость благороднымъ, хотя и безплоднымъ усиліямъ маститаго государственнаго человѣка, не могутъ закрывать глазъ на истинныя отношенія къ намъ Британіи. Во-первыхъ, она не только приготовила Орду къ войнѣ, выиграла нужное для того время, но снабдила ее и продолжаетъ снабжать деньгами, боевыми снарядами, офицерами и даже генералами. Самая война возникла главнымъ образомъ вслѣдствіе поджигательства Орды кабинетомъ Биконсфильда; въ этомъ едва ли теперь можетъ кто сомнѣваться. Какихъ нелѣпостей не распускала туркофильская печать! Между прочимъ толковалось, будто Порта не можетъ распустить свои полчища, за неимѣніемъ средствъ уплатить имъ жалованье. Война требуетъ несравненно громаднѣйшихъ издержекъ, и однако онѣ покрываются. Положимъ, полчища свои Орда прежде всего содержитъ грабежемъ христіанскихъ населеній; но затѣмъ все-таки нужно еще много денегъ. Ихъ доставляютъ ей всесвѣтные торгаши. Далѣе, они принуждаютъ Египетъ отправлять его войска противъ насъ. Они держатъ огромныя морскія силы въ турецкихъ водахъ для устрашенія греческихъ провинцій и предупрежденія всякой попытки съ той стороны. Эта фактическая военная охрана турецкаго владычества даетъ возможность Ордѣ устремить почти весь свой броненосный флотъ въ Черное море для разоренія нашихъ береговъ. Они употребляютъ всѣ усилія застращать Персію, чтобы обезпечить Орду и съ той стороны. Они

---

* Русскій Міръ, 1877 г., № 125.

направляютъ не только политику послѣдней, но и руководятъ ее въ стратегическомъ отношеніи. Ихъ явно враждебное положеніе препятствуетъ намъ употребить въ дѣло наши главныя морскія силы, которыя принуждены бездѣйствовать въ Балтійскомъ морѣ, тогда какъ они необходимы въ Архипелагѣ. Другая часть этихъ силъ принуждена пока бездѣйствовать въ океанѣ.

Британская политика, кромѣ того, старается всѣхъ и все возбуждать противъ насъ и вездѣ сѣять намъ затрудненія. И все это совершается подъ именемъ нейтралитета! Мы не сомнѣваемся, что ея дѣятельность въ этомъ направленіи будетъ все болѣе развиваться вмѣстѣ съ развитіемъ Русско-турецкой войны. При такихъ условіяхъ, т.-е. при такой усердной и широкой помощи, Орда можетъ оказать серьезное сопротивленіе, т.-е. война можетъ затянуться. Весьма вѣроятно, чтобы принудить враговъ къ миру, придется идти на Константинополь. А въ такомъ случаѣ, судя по заявленіямъ британскихъ торгашей, открытое столкновеніе съ ними окажется неизбѣжнымъ. Отсюда самъ собою является вопросъ: не будетъ ли благоразумнѣе заранѣе принять соотвѣтствующія мѣры? Въ числѣ этихъ мѣръ я разумѣю и своевременное подготовленіе русско-индійской экспедиціи. То, что считалось неисполнимымъ въ концѣ прошлаго столѣтія, въ настоящее время можетъ быть уже предметомъ серьезнаго вопроса, благодаря инымъ условіямъ.

Въ настоящее время умѣстнѣе всего воскрешать суворовскія правила, геніальность которыхъ подтверждена всѣми войнами послѣдняго времени. Во-первыхъ, рѣшительное преимущество наступательнаго образа дѣйствій; а во-вторыхъ, гдѣ по обстоятельствамъ мы вынуждены къ оборонѣ, то Боже упаси отъ обороны пассивной. Говорю это въ виду молодецкаго поиска, предпринятаго пароходомъ «Константинъ» со стороны Ріона. Признаюсь, меня лично этотъ неудавшійся поискъ порадовалъ болѣе, чѣмъ удачное взорваніе турецкаго монитора передъ Браиловымъ. Послѣднее событіе не можетъ оказать какого либо значительнаго вліянія на ходъ войны; тогда какъ активная оборона нашихъ черноморскихъ береговъ болѣе чѣмъ желательна.

Изъ письма отъ 13 мая 1877 г. *.

Продолжаю рѣчь о томъ же, о чемъ говорилъ въ предыдущемъ письмѣ. Наша печать, а слѣдовательно и общественное мнѣніе, кажется, слишкомъ мало обращаютъ вниманія на мнимый британскій нейтралитетъ. Я предлагаю назначить громадную премію тому, кто доказалъ бы его существованіе. Напротивъ, объявляя нейтралитетъ оффиціально, Британія фактически ведетъ съ нами войну самую ожесточенную. Для полноты этой войны недостаетъ только одного: ея военнаго флота въ Балтійскомъ морѣ. Ибо въ Черномъ морѣ мы уже имѣемъ дѣло съ частью морскихъ силъ Англіи, только подъ турецкимъ флагомъ. По послѣднимъ извѣстіямъ даже на Дунаѣ оказалось присутствіе англійскихъ канонирокъ. На сухомъ пути англійскіе инженеры и офицеры участвуютъ въ войнѣ на всѣхъ пунктахъ. Англійскіе боевые снаряды, направляемые этими офицерами, уже вырвали не мало и будутъ все болѣе и болѣе вырывать жертвъ изъ нашихъ рядовъ. Попытки возмутить противъ насъ кавказскія племена совершаются подъ очевиднымъ руководствомъ британцевъ. Спрашиваю: что же могутъ они еще прибавить къ этому, если бы мы объявили имъ войну? Отъ 20 до 30 тысячъ десанта, что для нашей доблестной арміи не составило бы большаго разсчета! Появленіе англійскихъ броненосцевъ въ Балтійскомъ морѣ, если этому появленію не воспрепятствуетъ возможный союзъ Россіи, Пруссіи и Даніи? Но, при системѣ подводныхъ минъ и минныхъ катеровъ, едва ли непріятельскій флотъ можетъ имѣть большое вліяніе на исходъ борьбы. За то враги наши рисковали бы громадными потерями въ океанѣ, гдѣ нашимъ крейсерамъ было бы полное раздолье. Кто же мѣшаетъ намъ для усиленія крейсеровъ, т.-е. для вящшаго нанесенія удара непріятелю, купить въ Сѣверной Америкѣ десятокъ или два легкихъ на ходу пароходовъ и посадить на нихъ часть осужденнаго на бездѣйствіе Балтійскаго экипажа, часть Каспійскаго и произвести наборъ моряковъ на нашихъ прибрежьяхъ, особенно между отважными Поморами? Слѣдовательно, даже безъ индійской экспедиціи открытая война съ нами была бы слишкомъ невыгодна. Поэтому встрѣчающіеся газетные толки о намѣреніи Англіи немедленно и формально объявить войну вѣроятно возбуждаются съ задними мыслями. Она объявитъ ее только въ случаѣ, если ей удастся составить большую коалицію; но таковую составить весьма и весьма трудно. А до того времени

Русскій Міръ, 1877 г., № 181.

она будетъ продолжать свой настоящій образъ дѣйствія, при которомъ ничѣмъ не рискуетъ, кромѣ извѣстныхъ денежныхъ расходовъ. Но то, что выгодно нашимъ врагамъ, для насъ составляетъ конечно совершенно обратную сторону.

Никогда мы не говорили о легкости предстоявшей намъ борьбы; мы говорили только о ея неизбѣжности, о развитіи надлежащей энергіи и своевременныхъ мѣръ (куда относимъ и государственное ополченіе). Напоминаемъ о томъ возможнымъ еще въ нашемъ обществѣ благодушнымъ людямъ, которые на освобожденіе славянъ смотрятъ какъ на военную прогулку за Дунай. Нѣтъ, мы имѣемъ дѣло съ врагами многочисленными, а главное ловкими и ехидными.

Въ виду британскаго non possumus странными являются толки о какой-то демаркаціонной линіи между русскими и англійскими интересами. Наши интересы въ настоящей борьбѣ—святые и человѣческіе; тогда какъ англійскіе такого свойства, что въ парламентѣ о нихъ совѣстно говорить громко, и они только подразумѣваются. У насъ все еще повторяются иногда опасенія захватовъ, которые имѣются въ виду Британіей. Повторяемъ снова о томъ, что Британія прежде всего старается отстоять на востокѣ status quo, которое даетъ ей возможность эксплуатировать рабство многихъ христіанскихъ населеній, стонущихъ подъ варварскимъ игомъ. И только въ крайнемъ случаѣ, т.-е. если ей не удастся отстоять мусульманское иго, она намѣрена произвести захваты Египта, Крита, Дарданелъ и пр. Но объ этихъ захватахъ мы можемъ не особенно безпокоиться, такъ какъ они затрогиваютъ интересы почти всей Европы. Для насъ важны только Дарданелы. А въ такомъ случаѣ мы принуждены будемъ добиваться пункта на другомъ концѣ проливовъ, т.-е. при выходѣ изъ Босфора въ Черное море, чтобы обезпечить себѣ свободный путь черезъ проливы и предупредить на будущее время варварское разореніе нашихъ Черноморскихъ береговъ,—разореніе, которое совершается въ настоящее время подъ руководствомъ англійскихъ моряковъ. Пока мы будемъ находиться подъ угрозою подобнаго варварства, развитіе и процвѣтаніе нашихъ южныхъ окраинъ весьма затруднительно.

Всякіе переговоры съ Англіей о какой-то демаркаціонной линіи могли бы имѣть только одно послѣдствіе: ослабить нашу энергію на театрѣ войны, затянуть борьбу съ Ордою и свести наши усилія и жертвы къ ничтожнымъ результатамъ. Несравненно практичнѣе, разумнѣе и цѣлесообразнѣе заняться разработкою вопроса объ экспедиціи въ Индію. Умно задуманный и молодецки выполненный походъ на Хиву въ этомъ случаѣ послужилъ для насъ отличнымъ опытомъ. Я полагалъ бы, что и

въ Индію ведетъ точно также не одинъ путь. Если конвенція съ Афганистаномъ откроетъ намъ доступъ туда съ сѣверо-запада, то конвенція съ Китаемъ можетъ открыть намъ путь съ сѣверо-востока. Доселѣ мы не пользовались своимъ положеніемъ въ Азіи для борьбы съ британскими торгашами. Ихъ непримиримая вражда должна же наконецъ обратить наше вниманіе въ эту сторону и побудить насъ къ соглашеніямъ съ элементами имъ не симпатичными, какъ въ самой Индіи такъ и внѣ ея. Не повторимъ же мы ошибокъ прошлой кампаніи, когда ограничились одной пассивной обороной, не подозрѣвая того, что въ это время уже скоплялась гроза надъ нашими врагами въ самомъ ихъ чувствительномъ пунктѣ, и что, можетъ быть, при болѣе дальновидной политикѣ съ нашей стороны, гроза разразилась бы годами полутора ранѣе. Если подготовлять экспедицію, то теперь самое время, чтобы приготовить ее приблизительно къ августу, когда можетъ быть начатъ походъ, а не позднѣе октября, когда надобно уже быть на мѣстѣ дѣйствія. Я говорю все это въ полной увѣренности, что событія оправдаютъ мои слова, если мы рѣшились хотя бы только на половину подвинуть Балканскій вопросъ къ благополучному разрѣшенію. Если Богъ благословитъ наше предпріятіе въ Остъ-Индію, то контрибуція, которую мы можемъ взять съ Британіи, съ лихвою вознаградитъ наши издержки.

Ожидаемъ дальнѣйшихъ поисковъ противъ непріятельскихъ броненосцевъ, со стороны удалыхъ русскихъ моряковъ. Факты сами указываютъ намъ средство для успѣшной борьбы не только съ турецкою армадою, но и съ британской (съ послѣдней, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ). Легкіе на ходу пароходы и миноносные катера оказываются самымъ пригоднымъ орудіемъ для активной обороны; наше морское вѣдомство, конечно, поведетъ это дѣло систематически и дастъ ему надлежащее развитіе, а русское молодечество обѣщаетъ ему хорошую будущность.

Счастливая Румынія начинаетъ свое военное поприще подъ могущественною эгидою Россіи, и потому ей не грозитъ такой ударъ, который постигъ Сербію. Но стремленіе послѣдней держать себя въ уровень съ сосѣдкой и также получить полную независимость совершенно естественно и справедливо. Она тяжелыми жертвами купила себѣ это право. Впрочемъ, пока мы не совѣтовали бы и той, и другой безъ крайней надобности тратить свои силы: ихъ небольшія арміи могутъ намъ пригодиться. Другое дѣло греки, которые, вмѣсто страха передъ Британіей, могли бы уничтожить ея торговлю на Средиземномъ морѣ. Если они и теперь останутся зрителями, то пусть послѣ пеняютъ только на самихъ себя.

———

22 мая 1877 г. *.

Какъ быстро и радикально мѣняются нѣкоторыя симпатіи въ послѣднее время! Еще недавно англоманія была въ значительной степени распространена въ нашемъ обществѣ и всякій несочувственный отзывъ объ Англіи подвергался глумленію. Любопытно, что эта англоманія распространилась въ нашей средѣ преимущественно послѣ Крымской кампаніи. Явное доказательство, какъ мало еще русское общество было посвящено въ тотъ механизмъ, который заправляетъ восточнымъ вопросомъ съ береговъ Альбіона. А между тѣмъ, пружины его остались тѣ же самыя и дѣйствуютъ онѣ точно также. Но общество русское въ то время еще не было призвано къ живому участію въ политическихъ вопросахъ первой важности, и понятно, что нѣкоторыя ихъ стороны оставались для него не разъясненными. Теперь же, когда наши противники на Востокѣ увидали передъ собою не одну правительственную силу, но и общественную, естественно, такая перемѣна возмущаетъ ихъ желчь. Отсюда ядовитые намеки на внутреннюю опасность, якобы грозящую намъ отъ благотворительныхъ комитетовъ, отъ недостаточно стѣсненной печати и т. п. И это проповѣдуютъ тѣ самые люди, которыхъ мы въ простотѣ души такъ еще недавно считали верхомъ просвѣщенія, либерализма и гуманности! Извѣстно, что наши прежнія ошибки въ Восточномъ вопросѣ проистекали, главнымъ образомъ, отъ усердія въ охранительномъ направленіи, которымъ съумѣли ловко воспользоваться наши мнимые союзники. Отсюда военная поддержка Турецкой имперіи въ 1833 г., когда она готова была расколоться на двѣ враждебныя другъ другу половины. Отсюда военное вмѣшательство для сохраненія распадающейся Австро-Венгріи въ 1849 году. Тѣ легкіе лавры, которые мы стяжали тогда, дорого обошлись намъ въ Крымскую кампанію, и продолжаютъ обходиться до сихъ поръ. Кромѣ прямаго усиленія собственныхъ враговъ, мы дали лишній поводъ нашимъ западнымъ ненавистникамъ при всякомъ удобномъ случаѣ выставлять насъ какими-то противниками прогресса и свободы. Для всѣхъ очевидно, что въ настоящее время роли перемѣнились: обновленная Россія ведетъ войну за христіанство, прогрессъ и свободу; а высоко-цивилизованные противники наши упорно отстаиваютъ рабство христіанъ подъ гнуснымъ мосульманскимъ игомъ. Однако, они все еще пытаются играть на старой струнѣ и затягивать старую пѣсню

Русскій Міръ, 1877 г., № 138.

о завоевательныхъ, разрушительныхъ, ретроградныхъ и т. п. стремленіяхъ Россіи. Но святое дѣло громко говоритъ само за себя, и какъ ни изощряются въ своемъ ехидствѣ наши противники, а въ уваженіи они отказать намъ не могутъ, и какими пышными названіями ни прикрываютъ они своего бездушнаго эгоизма, онъ слишкомъ рѣзко выступаетъ наружу.

Британское торгашество до такой степени подорвало еще недавно процвѣтавшую у насъ англоманію, что теперь мы видимъ явленія обратнаго свойства. Въ настоящую миниту ничто такъ не антипатично русскому обществу, какъ какой либо газетный слухъ о новыхъ переговорахъ съ Англіей. Въ этомъ случаѣ оно обнаруживаетъ только свою чуткость, и показываетъ, что уроки прошлаго не пропали даромъ. Наше общественное мнѣніе уже хорошо понимаетъ, что могутъ означать эти переговоры и къ чему они приведутъ. Встрѣчаются еще такіе наивные корреспонденты, которые думаютъ доставить намъ большое удовольствіе, напримѣръ, сообщая изъ Берлина слухъ о томъ, что посредничество въ этихъ переговорахъ взялъ на себя самъ князь Бисмаркъ. Подобный корреспондентъ очевидно не подозрѣваетъ, что этимъ онъ только усиливаетъ непріятное впечатлѣніе. Другое дѣло, если бы онъ сообщилъ намъ слухъ о готовящейся энергической политикѣ противъ Англіи. Любопытенъ, по этимъ слухамъ, первый условный пунктъ мнимаго англійскаго нейтралитета: чтобы Россія не нападала на Суэзскій каналъ! Будь вмѣсто Суэзскаго канала здѣсь поставлена Остъ-Индія—мы нашли бы такой пунктъ естественнымъ, а каналъ дѣлаетъ его курьезнымъ.

Относительно политическаго положенія Европы въ настоящее время мы отнюдь не можемъ пожаловаться на судьбу: взаимныя роли расположились довольно для насъ выгодно, и вотъ дипломатія спѣшитъ поскорѣе лишить насъ этой выгоды, и, вмѣсто энергическаго отношенія къ Британіи, втянуть въ военные переговоры съ нею. А затѣмъ, конечно, враги наши постараются повторить исторію зимней конференціи: сначала примутся чуть ли не дѣлить Турцію на части, а впослѣдствіи, когда много времени будетъ потеряно, объявятъ, что мы можемъ ограничиться и тѣми трофеями на Дунаѣ, которые уже получили, т.-е. двумя флагами съ двухъ мониторовъ, пожалуй, съ прибавкой румынской независимости и еще какой либо между-народной коммиссіи. Нѣтъ, время дипломатовъ старой школы миновало; теперь время государственныхъ людей.

29 мая 1877 года *.

То, на что мы намекали нѣсколько разъ въ своихъ прежнихъ письмахъ, послѣдними извѣстіями повидимому вполнѣ подтверждается. *Наши внѣшнія отношенія не мало усложняетъ политика Берлина.* Подтверждается и то, что мы говорили на счетъ лишнихъ опасеній за Францію, которой будто бы грозитъ новый разгромъ. Случилось нѣчто совершенно обратное: министерскій переворотъ въ Парижѣ произвелъ чуть ли не панику въ Берлинѣ. Казалось бы: откуда же такой перепугъ? Вѣдь Германія пока въ дружбѣ съ Россіей; а берлинская публицистика уже заявляла, что пока мы вмѣстѣ—весь міръ у нашихъ ногъ. Къ Германіи и Россіи на этотъ разъ примыкаетъ и объединенная Италія. Повторяю: что же означалъ этотъ переполохъ и почему первымъ дѣломъ князя Бисмарка было мирить Россію съ Англіей? Откуда эта заботливость о насъ и объ Англіи? По нашему крайнему разумѣнію, руководящая идея тутъ заключается въ стремленіи оградить собственное (нѣмецкое) благополучіе, но такимъ образомъ, чтобы Россія не слишкомъ воспользовалась благопріятными обстоятельствами для полнаго освобожденія Балканскихъ Славянъ и обезпеченія своихъ жизненныхъ интересовъ на юго-востокѣ Европы. Одни только наивные люди не подозрѣваютъ, что дружба съ нами со стороны сосѣдей есть прежде всего предметъ эксплуатаціи. Намъ, въ свою очередь, то же оказываютъ разныя услуги, но съ великимъ разсчетомъ, т.-е. или услуги излишнія (въ родѣ помянутаго посредничества), или услуги такого рода, которыя могутъ быть намъ пріятны, но отъ которыхъ сущность нашей задачи можетъ выиграть очень немного. Факты говорятъ сами за себя. Румынія безъ всякихъ почти условій добилась независимости, и навѣрное, если будутъ протесты, то не сильные. Напротивъ, Сербія не смѣй и думать о такомъ же благополучіи, не смотря на всѣ свои жертвы. Черногорія по прежнему одерживаетъ побѣды и по прежнему довольно безплодныя, такъ что часть Герцеговины и можетъ быть морскаго берега она навѣрное не получитъ. И все это потому, что Австро-Венгрія на то не согласна! *А за послѣднюю является ходатаемъ все тотъ же услужливый Берлинъ, хлопочущій о поддержаніи тройственнаго союза.* Уже исторія пресловутаго Берлинскаго меморандума заставляла подозрѣвать многое. Недаромъ также въ «Синей Книгѣ» опущена бесѣда Салисбери съ германскимъ канцлеромъ. А настоящее посредни-

---

* Русскій Міръ. 1877, № 145.

чество въ нашихъ переговорахъ съ Англіей вполнѣ оправдываетъ Славянъ, которые не обрадовались возвращенію Варцинскаго ветерана къ дѣятельному участію въ европейской политикѣ. И вотъ Англія, отъ которой можно всего добиться только энергической политикой, вновь готовится стать между Россіей и ея святой задачей. Впрочемъ, отдадимъ справедливость и нашимъ открытымъ противникамъ, и нашимъ разсчетливымъ друзьямъ: почему же они не должны пользоваться для своихъ цѣлей дипломатіей старой школы, когда представляется къ тому удобный случай? Почему имъ не пользоваться податливостью этой дипломатіи и посольскою услужливостью? Тотъ же князь Бисмаркъ или покойный Кавуръ навѣрно перевернулъ бы вверхъ дномъ Европу и Азію, чтобы освободить своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, имѣя въ своемъ распоряженіи такія громадныя средства и такую доблестную армію, какъ русская.

Обращу кстати вниманіе нашего общества на постоянно повторяющіяся въ послѣднее время извѣстія западной печати объ отчаянномъ положеніи Турціи: народъ мятется; султанъ въ постоянномъ за себя страхѣ; въ Константинополѣ полное уныніе; войска терпятъ страшныя лишенія и теряютъ духъ; въ Карсѣ уже обнаружился недостатокъ съѣстныхъ припасовъ; греки то же не сегодня—завтра возстанутъ. Зданіе Оттоманской имперіи, молъ, рушится само собою, и вамъ останется только подбирать его обломки. Поэтому не спѣшите наступательными дѣйствіями: зачѣмъ дѣлать усилія тамъ, гдѣ и такъ достигните всего, что вамъ нужно. Потолкуемъ лучше пока о томъ, какъ намъ распорядиться наслѣдіемъ умирающаго. Но для кого же теперь не ясно, что за этимъ «повремените» стоитъ задняя (и въ то же время руководящая) идея: пока мы будемъ заниматься «обмѣномъ мыслей», авось удастся поддержать и подкрѣпить излюбленное status quo на Востокѣ, и, если допустить какія-нибудь измѣненія, то самыя незначительныя.

---

5 Іюня 1877 г. *.

Конечно, мы очень благодарны нашимъ сосѣдямъ за разрѣшеніе *неоффиціальнымъ путемъ* собирать пожертвованія въ пользу нашихъ раненыхъ, и за покровительство русскимъ подданнымъ въ предѣлахъ Турецкой имперіи. Впрочемъ, дѣло искренней частной благотворительности, какъ извѣстно, зависитъ отъ степени общественныхъ симпатій (иногда же оно слу-

* Русскій Міръ. 1877 г., № 154.

житъ орудіемъ политическаго разсчета, какъ напримѣръ у англичанъ въ Сербіи); а что касается до помянутыхъ русскихъ подданныхъ, то между ними всего менѣе собственно русскихъ людей: это греки, армяне, жиды и вообще разные инородцы, снабженные русскими паспортами. Въ настоящее время мы нуждаемся въ услугахъ болѣе существенныхъ, чѣмъ наружное примиреніе съ Англіей. Русское общество очень хорошо понимаетъ, что такое примиреніе въ дѣйствительности означаетъ уступки только съ одной стороны и, при томъ, уступки, которыя могутъ привести къ неудобнымъ результатамъ. Другое дѣло, если бы дипломатія, считающаяся намъ дружественною, постаралась внушить Британскому кабинету обязанности дѣйствительнаго нейтралитета и прекратить оффиціозную войну противъ Россіи. Ибо кому же неизвѣстно, что Англія усердно ведетъ эту войну подъ турецкимъ знаменемъ, оффиціально оставаясь державою нейтральною. Этотъ офиціальный нейтралитетъ есть такая же дипломатическая ложь, какъ и оффиціальный европейскій концертъ, и точно также выгоденъ нашимъ врагамъ. Въ нашей печати время отъ времени довѣрчиво повторяются извѣстія о какихъ-то воинственныхъ приготовленіяхъ британскихъ торгашей, и уже намѣченъ предводитель сухопутныхъ силъ, который таинственно сидитъ въ Гибралтарѣ и ждетъ только приказа выступить. Подобныя извѣстія еще менѣе серьезны, чѣмъ недавно распространявшіеся подъ рукою слухи о намѣреніи Германіи раздавить Францію, если Россія пойдетъ освобождать славянъ. Напротивъ, едва только со стороны Франціи показалась небольшая тучка, какъ обнаружилось, что германскіе государственные люди одержимы въ настоящее время самыми миролюбивыми намѣреніями. Но этотъ маленькій испугъ былъ бы ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ переполохомъ, который произойдетъ въ средѣ англичанъ, если вдругъ получится извѣстіе, что Россія круто повернула свои отношенія съ ними, что она готовится объявить имъ войну, вооружаетъ большое количество крейсеровъ и снаряжаетъ армію для похода въ Остъ-Индію.

Нѣтъ, безъ огромной коалиціи Англія сама не начнетъ противъ насъ открытую войну, а будетъ до конца вести офиціозную, при которой она ничѣмъ не рискуетъ. Если князь Бисмаркъ желалъ отвлечь ее отъ союза съ двумя католическими державами противъ Германіи, то, кажется, естественнѣе всего было бы погрозить ей своимъ тѣснымъ союзомъ съ Россіей и помянутымъ крутымъ поворотомъ въ политикѣ послѣдней. Экспедиція въ Остъ-Индію совсѣмъ не есть праздная мечта. Еще въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣка о ней серьезно думалъ такой военный геній, какъ Наполеонъ I. И если бы она не была возможна, то не

служила бы постояннымъ кошмаромъ для британскихъ торгашей и они не окружали бы насъ въ Азіи паутиной всевозможныхъ предосторожностей въ этомъ отношеніи. *Однако, германскій канцлеръ предпочелъ хлопотать о какомъ-то примиреніи*, и вновь посыпались толки объ англійскихъ интересахъ. На передній планъ былъ выдвинутъ вопросъ объ огражденіи Суэзскаго канала отъ воюющихъ сторонъ, и этотъ для насъ въ сущности курьезный вопросъ сдѣлался серьезнымъ предметомъ дипломатическаго обмѣна мыслей. Англичане главнымъ образомъ оправдываютъ свою безсердечную политику тѣмъ, что, нарушая цѣлость Турціи, мы угрожаемъ ихъ сообщеніямъ съ Остъ-Индіей. Подобное оправданіе есть такая же оффиціальная ложь, какъ и другія, на которыя мы указываемъ. Освобожденіе балканскихъ славянъ отъ варварскаго ига не грозитъ никакимъ сообщеніямъ съ Остъ-Индіей. Нѣтъ, англичане просто не хотятъ выпустить изъ своихъ эксплуататорскихъ когтей десять милліоновъ христіанскаго населенія. И достопочтенный Гладстонъ, по нашему крайнему разумѣнію, былъ бы ближе къ цѣли, если бы, вмѣсто обще-либеральныхъ рѣчей, постарался до очевидности раскрыть ту язву лицемѣрія, корысти и хищныхъ стремленій, которыя руководятъ дѣйствіями его соотечественниковъ; если бы онъ указалъ имъ, что Божій міръ великъ, и что на земномъ шарѣ есть еще много странъ и народовъ, которые представили бы для британской промышленности и предпріимчивости болѣе достойное поприще, чѣмъ поддержка гнуснаго ига надъ христіанскимъ населеніемъ.

Но положимъ, ни г. Гладстонъ не въ состояніи усовѣстить большинство своихъ соотечественниковъ, ни германскій канцлеръ не въ силахъ внушить имъ обязанности дѣйствительнаго нейтралитета. Совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ находится другой нашъ неоффиціальный противникъ, Австро-Венгрія. Во время Франко-Прусской войны вѣдь мы же съумѣли настоять на ея дѣйствительномъ нейтралитетѣ. А въ настоящее время ея нейтралитетъ болѣе чѣмъ сомнителенъ. Негласная поддержка турецкой орды всѣми способами точно также ни для кого не тайна. Давленіе на Сербію и угрозы занятіемъ въ случаѣ какого либо движенія сербовъ противъ турокъ даже производятся оффиціальнымъ путемъ. А геройская Черногорія совершенно стѣснена въ своихъ движеніяхъ. Австрія не дозволила ей вести наступательную войну въ Герцеговинѣ—и послѣдствія уже обнаруживаются. Безопасные съ этой стороны, турки собрали всѣ свои гарнизоны и обрушиваются на Черногорію. Не смотря на все геройство, при такихъ условіяхъ ей можетъ грозить нѣчто подобное Дюнишу. Очевидно, руководимая британцами и австрійцами, Орда спѣшитъ

воспользоваться временемъ, пока русскія войска остаются на другомъ берегу Дуная. И все это совершается въ то время, когда Черногорія ведетъ войну совмѣстно съ нами, а Австро-Венгрія оффиціально находится съ нами въ тройственномъ союзѣ. Между тѣмъ наши *разсчетливые друзья* хлопочутъ не о дѣйствительномъ нейтралитетѣ своей близкой сосѣдки, а объ ея оффиціальномъ пребываніи все въ томъ же тройственномъ союзѣ. Благодаря подобнымъ оффиціальнымъ отношеніямъ и такъ называемой *локализаціи*, она дѣйствуетъ противъ насъ съ одинаковою безнаказанностію, какъ и Англія. Будемъ ждать того меча, который разсѣчетъ эти Гордіевы узлы.

---

26 іюля 1877 года *.

Въ прошломъ году, въ разгаръ Сербско-турецкой войны, когда обнаружилась для сербской милиціи невозможность одолѣть орду, имѣющую многочисленную армію и поддержанную двумя великими державами, мы были въ числѣ тѣхъ, которые высказывались въ пользу немедленнаго и энергическаго дѣйствія. Но факты показали, что не друзья, а враги славянскаго дѣла управляютъ событіями. Все шло согласно съ желаніями послѣднихъ. Орда желала имѣть пять мѣсяцевъ сроку для своихъ приготовленій противъ насъ. Благодаря услугамъ дипломатіи, она получила семь мѣсяцевъ (мы считаемъ съ половины сентября, долѣе чего наши надежды не простирались, если читатели припомнятъ), и успѣла еще заручиться разгромомъ Сербіи. То, чего мы ожидали, исполнилось. Орда, съ помощью своихъ друзей, приготовилась какъ нельзя лучше. Сверхъ означенныхъ семи мѣсяцевъ, она получила еще два мѣсяца льготныхъ уже послѣ начала войны, и, руководимая своими ловкими покровителями, съумѣла воспользоваться нашимъ пребываніемъ по сю сторону Дуная, чтобы въ это время разгромить Черногорію и повернуть иначе наши дѣла за Кавказомъ. Мы перешли Дунай и совершили быстрое движеніе за Балканы, заслуживающее полнаго удивленія. Но наши враги многочисленны и ехидны. Съ замѣчательною быстротою австрійскіе и англійскіе пароходы втихомолку перевезли войска изъ Азіи, Египта, Албаніи и проч. По Митровицкой желѣзной дорогѣ они доставлены въ западную Болгарію, стянуты гарнизоны отъ границъ Сербіи, и все это брошено на нашъ правый флангъ. Подобная же операція совершается и противъ нашего лѣваго фланга. У насъ нашлись добродушные люди, ко-

* Русскій Міръ. 1877, № 203.

торые полагали, что мы будемъ вести войну только съ турками. Нѣтъ, мы имѣемъ дѣло со всѣми силами Англо-Турецкой имперіи и со всѣмъ ехидствомъ Австро-Венгріи. Послѣ перваго сильнаго впечатлѣнія отъ нашихъ успѣховъ, наши открытые враги и мнимые союзники, очевидно, быстро оріентировались, и ловко повели дѣло. Замѣчательно взаимное отношеніе гласности на обѣихъ сторонахъ. Изъ русскихъ армій всюду летятъ извѣстія о всякомъ даже малѣйшемъ движеніи; арміи наши окружены цѣлымъ роемъ шпіоновъ, къ числу которыхъ можно причислить нѣкоторыхъ военныхъ агентовъ и корреспондентовъ. Между тѣмъ о движеніяхъ турецкихъ до насъ доходятъ только самыя неясныя свѣдѣнія. Повторяется то же явленіе, какое было замѣчено въ прошлую Сербско-турецкую войну.

Но если турки и ихъ союзники умѣютъ не только сохранять въ тайнѣ свои движенія, но и сбивать противника умышленно-ложными извѣстіями, то, казалось бы, есть другія средства предохранять себя отъ сюрпризовъ. Мы не сочувствуемъ стараніямъ нѣкоторыхъ органовъ печати все оправдать, всему придать какое-то стратегическое значеніе, даже пораженіямъ. Такія старанія не могутъ быть полезны дѣлу. Нѣтъ, доблесть нашей арміи выше похвалъ, ея беззавѣтное мужество и самоотверженіе удивительны; но развѣдочная часть и самая тактика не всегда имъ соотвѣтствуютъ. Пруссаки въ послѣднюю войну не взяли ни одного города приступомъ; они брали бомбардированіемъ и голодомъ. Ардаганъ и Никополь показали, что съ турками можно быть рѣшительнѣе. А Зивинъ и въ особенности Плевна напомнили, что нельзя же, не собравъ достаточно войска, не развѣдавъ непріятельскихъ силъ и позицій, не подготовивъ успѣха бомбардировкой, не сдѣлавъ обхода, прямо штурмовать ихъ съ фронта. Нѣкоторые органы печати начали сваливать отвѣтственность на какую-то румынскую дивизію Ману. Наши отцы и дѣды выигрывали кампаніи у турокъ безъ всякой посторонней помощи. Румынская армія, такъ же какъ и сербская пока могутъ быть только въ запасѣ, на случай расширенія театра войны. А основывать серьезныя операціи противъ турокъ на румынской помощи,—этого мы не совсѣмъ хорошо понимаемъ. Другое дѣло, если бы румынская армія, совмѣстно съ русскимъ отрядомъ, занялась осадою Виддина, тогда и самое движеніе Османъ-паши, конечно, не было бы возможно. Но если, съ одной стороны, допускается, чтобы дѣйствія румынскаго войска были предметомъ постоянныхъ соглашеній между нашею и Австрійскою дипломатіей, а съ другой—князь Гогенцоллернъ все еще поддерживаетъ щекотливый вопросъ о командованіи, то какой же можетъ быть разсчетъ на это войско?

Конечно, мы глубоко вѣримъ въ силу праваго дѣла, и въ русскій народъ, и въ русскую армію. Но при случаѣ говорить правду, хотя бы жесткую, считаемъ долгомъ честнаго патріота. Во всякой войнѣ бываютъ неудачи, во всякой арміи найдутся неискусные исполнители превосходныхъ плановъ полководца. Уроки, несомнѣнно, намъ пойдутъ впрокъ. Только тяжело получать ихъ въ настоящемъ случаѣ и не вполнѣ оправдывать довѣріе нашего возлюбленнаго Монарха, отечески соболѣзнующаго о каждой каплѣ русской крови.

---

28 іюля 1877 г. *.

Въ хвалебныхъ, и восторженныхъ возгласахъ, какъ извѣстно, у насъ не было недостатка по поводу всякой, даже самой незначительной, удачи. Беремъ на себя непріятную задачу: говорить о нашихъ неудачахъ. О Баязидѣ у насъ писалось довольно; а Зивинъ почти пройденъ молчаніемъ въ нашей печати; конечно, онъ не произвелъ большаго впечатлѣнія потому, что общественное мнѣніе не придавало событіямъ въ Азіи рѣшительнаго значенія, главное его вниманіе устремилось на Балканскій полуостровъ. Но Зивинъ могъ бы послужить весьма чувствительнымъ предостереженіемъ для образа дѣйствій за Дунаемъ! Мы не обратили на него должнаго вниманія, и получили второе, еще болѣе чувствительное, предостереженіе въ видѣ Плевны. Судя по этому острому впечатлѣнію, которое оно произвело, будемъ надѣяться, что теперь употребятъ всю энергію и всѣ способы избѣжать третьяго предостереженія. Тѣ же вооруженія, тѣ же усилія, годъ тому назадъ имѣли бы, конечно, другіе результаты, и мы питали надежду, что при своевременномъ энергическомъ образѣ дѣйствія дѣло не дойдетъ, можетъ быть, до пролитія крови. Дипломатія рѣшила иначе. А если бы и тогда ультиматумъ повелъ за собой немедленную войну, то 200,000 человѣкъ были бы достаточны для нанесенія надлежащихъ ударовъ. Дипломатія дала Турецкой ордѣ почти годъ срока, и затѣмъ уже открытіе войны сдѣлала для насъ неизбѣжнымъ. Съ помощью Англіи и Австро-Венгріи въ этотъ срокъ Орда успѣла сокрушить Сербовъ и приготовить противъ насъ, кромѣ большаго флота, по крайней мѣрѣ 500,000 войска, въ изобиліи снабженнаго отличнымъ оружіемъ, всѣми военными припасами, а также европейскими офицерами, и даже генералами. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ годъ тому назадъ доста-

---

* Русскій Міръ 1877 г., № 205.

точно было двѣсти или двѣсти пятьдесятъ тысячъ, теперь потребовалось для наступательной войны не менѣе пяти сотъ, т.-е. не менѣе того, что выставилъ непріятель, защищающійся въ сильныхъ крѣпостяхъ или въ крѣпкихъ, почти неприступныхъ позиціяхъ. Слѣдовательно, разбрасывать свои силы на большое пространство на томъ и другомъ театрѣ войны мы можемъ только тогда, когда затѣмъ все еще остается значительная свободная армія, которую частями или массой во всякое время можно бросить на любой угрожаемый пунктъ. Если не ошибаемся, въ настоящую минуту въ этомъ именно смыслѣ и совершаются вновь принятыя мѣры. Равнымъ образомъ, будемъ надѣяться, что не повторятся болѣе такіе тактическіе и такъ дорого стоющіе промахи, какъ при Зивинѣ и Плевнѣ; равнымъ образомъ и развѣдочная часть, конечно, получитъ большее развитіе.

Но самая настоятельная нужда заключается въ томъ, чтобы устранить отъ нашихъ военныхъ операцій и отъ нашей арміи всякое вмѣшательство дипломатіи. Правда, князь Бисмаркъ и въ 1866 и въ 1870—1871 гг. неотлучно находился при прусской арміи. Но вѣдь его дѣятельность состояла въ томъ, чтобы оградить для арміи полную свободу ея операцій, и не только оградить ея свободу, но и найти ей союзниковъ.

Телеграммы говорятъ о какихъ-то предложеніяхъ мира на основаніи административной автономіи и христіанскихъ губернаторовъ. Въ свое время, эти условія, конечно, были бы приняты и предупредили бы войну. Но теперь, когда уже потрачено столько дорогой русской крови, когда Государь Императоръ сказалъ свое слово въ извѣстной прокламаціи къ Болгарамъ,—теперь уже поздно. Это не какія-нибудь разглагольствія или двухсмысленныя заявленія гг. Биконсфильда и Андраши. Слово Русскаго Государя священно; за нимъ—весь Русскій народъ.

Пароходъ Константинъ Кауфманъ на Волгѣ. 4 августа, 1877 г. *.

Пишу на пароходѣ по пути въ Казань, гдѣ въ настоящую минуту собрался четвертый археологическій съѣздъ (надобно отдать ему справедливость, минуту выбралъ неудобную). Но отъ послѣднихъ событій и впечатлѣній, отъ тѣснящихся думъ и опасеній никуда не уѣдешь. Продолжаю говорить о нашихъ неудачахъ, пока еще есть время и возможность поправить дѣло. Если выставленныя силы оказались недостаточны, чтобы вездѣ дѣйствовать подавляющимъ образомъ, то болѣе всего требо-

---

Русскій Міръ, 1877 г., № 214.

валось умѣнье держать ихъ во взаимной связи, умѣнье сосредоточиваться, а не разбрасываться; требовалось удвоить военныя предосторожности и обратить вниманіе на развѣдочную часть. А у насъ съ самаго начала обнаружилось какое-то пренебреженіе къ непріятелю, какая-то безпечность и излишняя самоувѣренность. Мы вообразили, что наша задача только занимать Болгарію, а не вести серьезную, тяжелую войну. Мы начали занимать множество пунктовъ, вмѣсто того, чтобы занять важнѣйшіе, и, главное въ нихъ укрѣпиться. Являлся потомъ непріятель въ превосходныхъ силахъ и вытѣснялъ насъ въ свою очередь, какъ это было, напримѣръ, въ Ловчѣ, довольно важномъ пунктѣ. А еще болѣе важный, Плевну, совсѣмъ забыли занять вовремя. А когда вспомнили, то на сцену выступили такіе генералы, которые оказались незнакомыми съ состояніемъ военнаго искусства, какъ оно выработалось послѣдними европейскими войнами. Не соблюдены были даже самыя элементарныя предосторожности. По этому поводу обращу вниманіе также на фактъ злоупотребленія парламентарнымъ флагомъ подъ Шипкой, гдѣ мы потеряли до полутораста человѣкъ только потому, что довѣрчиво отнеслись къ этому флагу. У насъ много возмущались турецкимъ вѣроломствомъ, но я прежде всего упрекаю тѣхъ ротныхъ и батальонныхъ командировъ, которые хотя бы на одну минуту допустили ослабленіе предосторожности между своими частями. Развѣ они все еще не знали, съ какимъ непріятелемъ имѣютъ дѣло! А что сказать о тѣхъ, которые съумѣли попасть въ западню, устроенную для насъ въ Плевнѣ самымъ грубымъ, незатѣйливымъ способомъ? Затѣмъ возьмемъ послѣдующій штурмъ. На сценѣ два генерала, дѣйствующіе независимо другъ отъ друга и безъ тѣсной, взаимной связи. На полѣ битвы не оказалось общаго начальника, который бы все предусмотрѣлъ, все скомбинировалъ, всему далъ единство и своевременность. Изъ двухъ самостоятельныхъ генераловъ одинъ отличается медлительностію, а другой—излишнею горячностью. Вмѣсто того, чтобы бомбардировать два дня, артиллерійская подготовка продолжалась только два часа, и наша превосходная пѣхота пущена въ адскій огонь на крѣпкія позиціи, занятыя болѣе многочисленнымъ непріятелемъ. Зивинъ и Плевна, болѣе 10,000 русскихъ жизней для того только, чтобы получить уроки! Пусть обвиняютъ меня въ излишнемъ пессимизмѣ, въ излишней откровенности, а я все-таки скажу: «Пошли, Господи, поболѣе хорошихъ предводителей нашей доблестной арміи». Тотъ не любитъ Россіи и ея Государя, кто въ настоящую минуту не творитъ этой молитвы.

Равнымъ образомъ, отъ совершающихся теперь усилій будетъ зависѣть исходъ настоящей войны, и авось мы не услышимъ болѣе фразы

о «превосходныхъ силахъ непріятеля». Россія безъ особаго напряженія могла бы выставить на театръ войны вдвое большую армію, чѣмъ турецкая орда, и энергически подавить ея сопротивленіе. Но если употреблять свои силы по частямъ, тогда можно истратить и милліонную армію прежде, нежели добьемся какого нибудь благопріятнаго результата. Во всякомъ случаѣ, я не вижу достаточной причины пріостанавливать намъ наступательный образъ дѣйствій за Дунаемъ хотя бы и на короткое время. Въ такомъ случаѣ мы рискуемъ потерять Балканскіе проходы: тогда пришлось бы начинать кампанію снова. Занятіе этихъ проходовъ должно считать самымъ блистательнымъ дѣломъ, разрѣшившимъ самую трудную задачу. Безъ сомнѣнія, всѣ усилія нашихъ враговъ, явныхъ и лицемѣрныхъ, въ настоящую минуту направлены именно къ возвращенію проходовъ.

Удивляетъ меня также продолжающаяся незрѣлость значительной части нашей публицистики по отношенію къ политикѣ Австро-Венгріи. Эта публицистика безпрерывно возвѣщаетъ о поворотахъ въ данной политикѣ, и повидимому, наивно вѣритъ имъ. Теперь намъ говорятъ о благопріятной для насъ перемѣнѣ съ этой стороны, т.-е. о вновь возвѣщенномъ намѣреніи сохранять нейтралитетъ, и чуть ли еще не дружественный нейтралитетъ. А между тѣмъ, вотъ уже два года, какъ вновь загорѣлся Восточный или Балканскій вопросъ, и съ того времени ни въ политикѣ, ни въ отношеніяхъ къ намъ другихъ державъ ровно ничего не измѣнилось. Употребляются разные маневры, разные повороты; а цѣли ихъ остаются однѣ и тѣ же. Цѣли эти сводятся къ слѣдующему: сохранить варварское иго и не дать ходу славянамъ, не дать Россіи возможности къ развитію своихъ морскихъ силъ на югѣ, и разобщить ее съ единоплеменными народами. Не только Австро-Венгрія, теперь и самая нація торгашей заявляетъ о своемъ нейтралитетѣ. Механизмъ тутъ очень простой: когда мы имѣемъ успѣхи, идемъ впередъ, тогда пускаются въ ходъ всевозможныя запугиванія и даже угрозы, чтобы парализовать наше вниманіе и нашу энергію. Когда же мы потерпѣли серьезныя неудачи, тогда выступаютъ заявленія о строжайшемъ нейтралитетѣ и даже соболѣзнованія, опять-таки для того, чтобы парализовать нашу энергію; ибо враги ничего такъ не опасаются, какъ быстрыхъ и рѣшительныхъ усилій. Притомъ же, у нихъ теперь есть надежда вполнѣ выиграть дѣло съ помощью той оффиціозной войны, которую они ведутъ, и имъ нѣтъ нужды выступать открыто съ своимъ тройственнымъ союзомъ. Европейская печать все толкуетъ о возможности Турко-Англо-Австрійскаго союза, тогда какъ этотъ союзъ фактически уже

существуетъ, и не только существуетъ, но и со времени герцеговинскаго возстанія не переставалъ дѣйствовать ни на одну минуту. Вольно же было его игнорировать!

Разумѣется, письма мои постоянно отвѣчали на тѣ моменты, которые мы тогда переживали, и въ настоящее время полное пониманіе ихъ, полагаю, довольно затруднительно безъ справокъ съ соотвѣтствующими по времени обстоятельствами и извѣстіями. Но общее ихъ содержаніе, надѣюсь, еще доступно тѣмъ, кто помнитъ главные фазисы прошлой войны. Для примѣра, какъ почти всѣ заранѣе выражаемыя мною опасенія сбывались, укажу на то, что говорится въ послѣднемъ письмѣ, отъ 4 августа, о вѣроятныхъ усиліяхъ непріятеля воротить Балканскіе проходы. И дѣйствительно, спустя пять дней, послѣдовали отчаянные штурмы Сулеймана-паши на Шипкинскій проходъ, который, какъ оказалось, былъ занятъ съ нашей стороны незначительнымъ отрядомъ, и который намъ на сей разъ удалось отстоять съ чрезвычайнымъ трудомъ, пока подоспѣли подкрѣпленія. Мало того, высказывая свои мысли о второй Плевнѣ и русскихъ генералахъ, я какъ бы предчувствовалъ, что вслѣдъ за нею послѣдуетъ третья еще болѣе гибельная Плевна, 30 августа. Выше изъ моей «Поѣздки подъ Плевну» читатель уже знаетъ, что послѣ того я не выдержалъ и предпринялъ путешествіе на театръ войны. На время письма мои прекратились. Они возобновились только по окончаніи военныхъ дѣйствій, когда Русскіе уже стояли подъ Константинополемъ и когда возникли толки объ условіяхъ мира. Эти послѣдующія письма я направилъ въ Московскія Вѣдомости.

III.

ПО ОКОНЧАНІИ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Къ издателю Московскихъ Вѣдомостей отъ 17 января 1878 г. *.

Печать наша дѣлаетъ несомнѣнные успѣхи зрѣлости, но сколько однако встрѣчается еще въ ней юношескаго увлеченія! Русскія войска перешли Дунай,—и поднялись голоса объ изгнаніи Турокъ изъ Европы; разыскали какія-то предсказанія о немедленномъ возвращеніи христіанамъ Царьграда. Повторилось то же, что̀ было въ началѣ Крымской кампаніи, когда пошли въ ходъ пророчества Мартына Задеки. Плевна на время прекратила эти сангвиническіе порывы. Но вотъ Русскіе перешли Балканы, полонили и разсѣяли почти послѣднія непріятельскія арміи и заняли Адріанополь. И снова потокъ самыхъ смѣлыхъ ожиданій: Русскіе въ Константинополѣ, Турецкая орда навсегда удаляется въ Азію, Восточный вопросъ разрѣшенъ! Нѣтъ, господа, исторія такихъ скачковъ не дѣлаетъ. Дѣйствительность конечно не замедлила обдать холодною водой горячія головы. Враждебныя христіанству и человѣчности, темныя силы работаютъ и будутъ до конца работать противъ насъ, и очень возможно, что вмѣсто изгнанія Турокъ изъ Европы, намъ приходится крѣпко подумать о томъ, какъ бы не окончить святое дѣло только христіанскимъ губернаторомъ Болгаріи. Условія мира самыя разнообразныя, самыя противоположныя изобрѣтаются со всѣхъ сторонъ. Пусть враги сулятъ намъ и (лишнюю) часть Арменіи, и ненадежную контрибуцію (подъ залогъ Египта), и (ничѣмъ не обезпеченную для насъ) свободу Проливовъ, и пр. Но мы-то никакъ не должны забывать главную и священную цѣль нашей войны, нашихъ громадныхъ жертвъ: освобожденіе Болгаріи отъ ига

* Москов. Вѣд. 1878, № 19.

постыднаго не для Болгаръ только, а и для насъ самихъ. Исходнымъ пунктомъ мирныхъ условій остаются слова нашего Монарха, обращенныя къ Болгарскому народу при переходѣ черезъ Дунай. А затѣмъ уже должны слѣдовать другіе пункты, достиженіе которыхъ будетъ зависѣть сколько отъ искусства и твердости нашей политики, столько же и отъ степени поддержки со стороны державъ намъ дружественныхъ. Если бы даже сосѣдняя держава (т.-е. Пруссія) измѣнила намъ въ рѣшительную минуту, что̀ жъ, Богъ съ ней. Въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы нѣсколько сократить свои законныя требованія; но за то наша будущая политика получила бы полную свободу дѣйствія по отношенію къ сосѣдямъ и несосѣдямъ.

Мы можемъ сокращать свои требованія въ чемъ угодно, но, повторяю, только не относительно Болгаріи, Черногоріи, Сербіи. На насъ лежитъ священный долгъ обезпечить человѣческое существованіе своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ. Только по исполненіи этого долга мы будемъ въ правѣ считать себя такими же Европейцами какъ и другіе народы и смотрѣть этимъ народамъ прямо въ лицо. Что же касается собственныхъ выгодъ, то, во-первыхъ, эти выгоды иногда бываютъ только кажущіяся, а во-вторыхъ, мы слишкомъ богаты землей и водой, чтобы какія либо территоріальныя уступки въ Азіи могли отвлечь насъ отъ священныхъ задачъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Къ числу увлеченій можно пожалуй отнести и желаніе побывать въ Константинополѣ, только для того, чтобы сказать потомъ: мы тамъ были! Нѣтъ, войти въ Константинополь силой оружія и въ его стѣнахъ предписать условія мира—это должно быть дѣйствительнымъ нашимъ стремленіемъ, и, если оно возможно, пусть осуществится. Но ставить въ условія мира, чтобы нашему отряду дозволено было нѣсколько дней погостить въ Константинополѣ, это былъ бы тріумфъ эфемерный *если бъ онъ не сопровождался достиженіемъ нашихъ главныхъ цѣлей.* Едва ли мы въ такомъ случаѣ пріобрѣтемъ какое либо особое обаяніе у невѣжественныхъ мусульманскихъ народовъ Азіи. Если и дойдетъ туда вѣсть, то конечно въ такомъ видѣ: могущественный падишахъ даровалъ миръ Русскимъ гяурамъ и въ своей неизреченной милости дозволилъ имъ придти въ его столицу чтобы поклониться его величію. Точно также и въ своихъ собственныхъ глазахъ мы немного выростемъ если въ Константинополѣ побываемъ, а Балканскихъ христіанъ не освободимъ. Только сознаніе исполненнаго долга дастъ намъ новыя силы и вѣру въ свое высшее призваніе.

Занятіе, хотя и временное, Константинополя конечно для національ-

наго чувства лестно и весьма желательно какъ вѣнецъ нашихъ побѣдъ, какъ достойная награда нашей геройской, нашей несравненной арміи. Но для нашего обезпеченія и для достиженія нашихъ главныхъ цѣлей въ настоящее время также желательно было бы и занятіе Галлиполи.

Отъ 5 февраля *.

Превосходное наше положеніе на Балканскомъ полуостровѣ, созданное геройствомъ арміи и условіями перемирія, страдаетъ однимъ весьма чувствительнымъ недостаткомъ: мы ничѣмъ пока не обезпечены со стороны моря. Не увлекаетъ ли многихъ изъ насъ идея о Константинополѣ болѣе чѣмъ требуетъ благоразуміе? Положимъ, что мы займемъ и Константинополь; но чѣмъ же это занятіе увеличиваетъ наши шансы на заключеніе именно такого мира, какой намъ нуженъ? Говорятъ о вступленіи Прусаковъ въ Парижъ; но забываютъ, что Прусакамъ никто не мѣшалъ и не угрожалъ. Кому же неизвѣстно, что теперь мы имѣемъ дѣло уже не съ Турціей, а съ двумя враждебными державами. Вотъ съ этой-то стороны и нужны нѣкоторыя матеріальныя обезпеченія. Признаюсь, окрестности и наружные верки Константинополя я бы охотно промѣнялъ на одинъ только пунктъ въ Дарданеллахъ, т.-е. въ самыхъ Дарданеллахъ, а не тамъ, гдѣ уже начинается открытое море. При заключеніи перемирія, я полагаю, можно было бы добиться временнаго занятія Галлиполи. И если мы не заняли его изъ уваженія къ протестамъ Британіи, то случилось то, чего и слѣдовало ожидать: торгаши воспользовались нашею уступчивостью и ввели свой флотъ въ Проливы. Слѣдовательно они уже заручись однимъ важнымъ ходомъ на случай возможныхъ событій. Нѣкоторые наши публицисты начали уже толковать о существованіи русско-турецкаго союза, направленнаго противъ притязаній Британіи. Толки эти преждевременны. Турція не воспрепятствовала входу британскаго флота, хотя якобы и не дала на это своего согласія. Нѣтъ сомнѣнія, что эта змѣя теперь болѣе чѣмъ когда либо воспользуется антагонизмомъ извѣстныхъ державъ съ Россіей для сохраненія своего положенія въ Европѣ. При всей своей дикости и варварствѣ, Порта очевидно лучше иныхъ нашихъ политиковъ понимаетъ сущность дѣла. Гдѣ нельзя взять силой, она прибѣгаетъ къ ласкательствамъ, старается ублажить насъ *будущимъ* нашимъ исключительнымъ на нее вліяніемъ, и, по слухамъ, уже готовитъ

---

* Москов. Вѣд. 1877 г., № 35.

для насъ казармы въ Царьградѣ; слѣдовательно не особенно пугается его временнаго занятія: ограничьтесь только христіанскимъ губернаторомъ въ Болгаріи и легкимъ исправленіемъ границъ Сербіи и Черногоріи.

Временное занятіе Галлиполи нисколько не мѣшало бы движенію торговыхъ судовъ. Оно не мѣшало бы пожалуй и приходу двухъ-трехъ военныхъ кораблей, назначенныхъ для покровительства христіанамъ на случай возможныхъ смутъ въ Константинополѣ. Но въ томъ-то и дѣло что это покровительство есть только предлогъ; а главная-то цѣль англійскаго флота, подступившаго къ Царьграду, и есть самый Галлиполи, какъ это вѣрно замѣчено во вчерашнемъ № *Московскихъ Вѣдомостей*. Вмѣстѣ съ Дарданеллами, конечно, враждебный намъ флотъ имѣетъ въ виду обезпечить себѣ и движеніе по Босфору. Теперь намъ предстоитъ весьма существенный вопросъ: какія будутъ приняты мѣры (дѣйствительныя, а не дипломатическія), чтобы воспрепятствовать появленію этого враждебнаго намъ флота въ Черномъ морѣ? Во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ когда либо мы должны быть на все готовы.

Изъ письма отъ 11 февраля, 1878 г. *.

Что для насъ въ особенности было бы весьма тяжело, это хозяйничанье англійскихъ военныхъ кораблей въ Черномъ морѣ. Намъ кажется, что возбужденный дипломатіей вопросъ о свободѣ для насъ проливовъ поставленъ не совсѣмъ вѣрно. Ближайшая и важнѣйшая наша задача состоитъ въ томъ, чтобы ни одинъ иностранный военный корабль не проникъ въ Черное море безъ нашего позволенія. Для достиженія этой цѣли мы должны заручиться матеріальными обезпеченіями (а не бумажными трактатами). Враги наши ловко воспользовались такою постановкой вопроса; они согласны, и даже болѣе того: они согласны на свободу проливовъ для всѣхъ военныхъ кораблей! Въ результатѣ такой свободы получилось бы постоянное присутствіе англійскаго флота въ Черномъ морѣ, якобы для покровительства своей торговлѣ, а въ сущности для того, чтобы постоянно держать наши берега и корабли подъ угрозой своихъ пушекъ при малѣйшемъ недоразумѣніи съ нами по какому бы то ни было вопросу. Отрѣзанные Румыніей отъ Балканскаго полуострова съ суши, мы тогда были бы отрѣзаны отъ него и съ моря. Природа настолько къ намъ благосклонна, что, давая нашему югу полную возможность принимать

---

* Моск. Вѣдом. 1878 г., № 41.

участіе во всемірной морской торговлѣ, она въ то же время даетъ ему и возможность оградить себя отъ непріятельскихъ погромовъ съ моря. Мы говоримъ о проливахъ. Если не входъ въ Дарданеллы, то по крайней мѣрѣ входъ въ Черное море долженъ быть предметомъ нашего обезпеченія и нашихъ заботъ въ настоящую минуту. И тѣмъ болѣе, что враждебный флотъ уже сталъ между проливами и ждетъ только дальнѣйшей уступчивости, чтобы ворваться въ Черное море.

Ежедневной европейской печати свойственно переживать всѣ тѣ перипетіи, которымъ подвергаетъ ее телеграфъ: одинъ день говорить о надеждахъ на мирный исходъ настоящихъ переговоровъ, а на слѣдующій указывать на собирающіяся тучи. Но тому, кто не придаетъ особой цѣны словамъ, а слѣдитъ за фактами, ясно, что наше положеніе въ настоящее время требуетъ большой обдуманности и энергичной готовности на все. Опасенія, сопровождавшія прекращеніе военныхъ дѣйствій, начинаютъ постепенно сбываться. Британскій флотъ уже въ Мраморномъ морѣ, и слѣдовательно уже одинъ флангъ Румелійской арміи открытъ. Въ англійскихъ арсеналахъ продолжается усиленная работа; они уже выслали милліоны патроновъ и всякихъ снарядовъ, которыми убили нѣсколько десятковъ тысячъ русскихъ людей *не выходя изъ нейтралитета*; заготовляются новые милліоны для новой бойни. А между тѣмъ турецкая орда ободрилась и собираетъ новыя полчища. Гарнизоны, выпущенные изъ крѣпостей съ оружіемъ и багажомъ, послужатъ хорошими кадрами для этихъ полчищъ. Торгаши дерзко нарушили трактаты и ворвались въ Мраморное море, *по прежнему не выходя изъ нейтралитета*. Можетъ быть вскорѣ они прорвутся въ Черное море, *опять-таки не выходя изъ нейтралитета*. А выйдутъ изъ него только тогда, когда вовлекутъ Австрію въ войну съ нами. Повторяю, наше положеніе на Балканскомъ полуостровѣ, а слѣдовательно и подписанныя основанія мира не прочны, пока мы не обезпечили себя въ проливахъ. Мало того, это необезпеченіе служитъ едва ли не главнымъ препятствіемъ избѣжать или европейской войны или унизительныхъ уступокъ. Пока у враговъ существуетъ надежда съ обоихъ фланговъ дѣлать высадки и дѣйствовать на наши сообщенія, до тѣхъ поръ мы едва ли добьемся такого мира, какой намъ нуженъ. Теперь, когда вопросъ идетъ уже не о парадномъ только вступленіи въ Царьградъ, а о занятіи существенныхъ стратегическихъ пунктовъ, необходимо, въ виду уже совершеннаго противъ насъ угрожающаго шага, съ другой стороны, когда мы уже достаточно заручились Дунайскою линіей и приготовленія на западной границѣ достаточно подвинулись, теперь, я полагаю, насталъ моментъ стать твер-

дою ногой на Босфорѣ, *хотя бы для этого нужно было временно занять Константинополь*. Высказываемъ свое крайнее разумѣніе. Но, надобно полагать, на верху, откуда всѣ обстоятельства дѣла еще виднѣе, все главное уже взвѣшено и предусмотрѣно.

Отъ 14 февраля *.

Едва мы успѣли выразить опасеніе за Босфоръ, какъ узнаемъ, что Англичане уже обезпечили себѣ этотъ проливъ малыми военными судами. Слѣдовательно и большіе ихъ броненосцы могутъ во всякое время войти въ Черное море; вѣдь они стоятъ отъ него въ какихъ-нибудь пяти шести часахъ плаванія. Впрочемъ и турецкая Черноморская эскадра не только не перешла въ наши руки, но кажется, и неудалена изъ Чернаго моря въ моментъ прекращенія военныхъ дѣйствій. А эта эскадра во всякое время можетъ явиться авангардомъ англійскаго флота, и тѣмъ болѣе что корабли турецкіе будто бы заложены Англіи. По какому международному праву, если это вѣрно, подобные заложенные корабли участвовали въ войнѣ противъ насъ, этого мы не знаемъ; но вѣрно то, что въ такомъ случаѣ они прежде всего подлежали бы выдачѣ въ наши руки. Съ другой стороны, судя по газетнымъ слухамъ, султанъ на требованіе выдачи шести главныхъ броненосцевъ отвѣчалъ, что онъ скорѣе ихъ уничтожитъ чѣмъ выдастъ. Изъ устъ нашихъ заклятыхъ враговъ такой отвѣтъ понятенъ. Но я полагаю, что и самаго требованія не было предъявлено; ибо оно не могло бы удовлетвориться этимъ отвѣтомъ. «Если не выдашь корабли и уничтожишь ихъ, то послѣ за нихъ заплатишь вдвое по оцѣнкѣ; а намъ все таки будетъ легче въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій» — вотъ было бы единственное возможное для насъ разсужденіе.

Общественное чутье, обнаружившееся по поводу прекращенія военныхъ дѣйствій, условій перемирія и основаній мира не обманулось. Его вниманіе постоянно было обращено на проливы. «Все это прекрасно, но проливы, проливы, намъ нужно матеріальное обезпеченіе въ проливахъ» — слышалось отовсюду. Въ настоящій моментъ, когда положеніе и обоюдный образъ дѣйствія оттѣняются весьма рельефно, какъ-то самъ собой представляется ходъ событій въ недалекомъ будущемъ. Телеграфъ извѣщаетъ, что миръ на дняхъ будетъ подписанъ. Очень возможно, что Порта подпишетъ всѣ предъявленныя ей условія и подпишетъ очень скоро. По

---

* Москов. Вѣд. 1878 г., № 44.

заключеніи *Константинопольскаго* мира, разумѣется, насъ попросятъ удалиться изъ окрестностей Константинополя и Дарданельскаго пролива; пожалуй посадятъ часть нашихъ войскъ на свои суда, чтобъ отвезти ихъ въ отечество. Попросятъ насъ также и очистить Румынію, ту самую Румынію, которую ловкіе люди изъ союзницы теперь искусно обращаютъ въ нашего злѣйшаго врага. Не знаю, будемъ ли мы имѣть достаточно основаній не очистить ея; вѣдь миръ заключенъ! А между тѣмъ въ сущности это не окончательный миръ; это собственно проектъ, который долженъ быть представленъ на разсмотрѣніе какой-то конференціи или конгресса. Извѣстно, что въ западной и средней Европѣ какія бы ни совершались въ послѣднее время перемѣны, онѣ обходились безъ конгрессовъ, а въ восточной безъ нихъ теперь дѣло не рѣшается; только здѣсь будто бы и затрогиваются интересы *всей* Европы! Берлинскій конгрессъ нашихъ условій не утвердитъ, о чемъ мы уже предупреждены весьма внушительно. Слѣдовательно, или ступай шагъ за шагомъ, пока нечего будетъ уступать, или начинай вновь войну, но уже со значительно уменьшенными шансами, то-есть съ разными впередъ данными ходами противнику. Словомъ, буквальное повтореніе прошлогодней Константинопольской конференціи и ея результатовъ. Вновь собравшаяся съ силами турецкая орда сошлется на недавній примѣръ Сербіи и снова выступитъ противъ насъ, но уже не одна, а въ коалиціи. Каково будетъ положеніе нашей оккупаціонной арміи въ Болгаріи, съ моря отрѣзанной англо-турецкимъ флотомъ, а съ суши австрійскими войсками съ Румыніей?

Но нѣтъ, этому, надѣемся, не бывать; кровь нашихъ героевъ не пропадетъ даромъ. Еще русскіе полки не ушли изъ окрестностей Босфора. Если торгаши такъ нагло нарушили трактаты и наше перемиріе, если они и сообщники ихъ такъ дерзко намъ угрожаютъ, то Порта должна дать намъ матеріальныя доказательства въ ея искреннемъ, твердомъ намѣреніи соблюдать подписанный миръ. Мы въ полномъ правѣ потребовать этихъ доказательствъ, въ особенности послѣ того, какъ она нарушила перемиріе, пропустивъ англійскіе броненосцы сквозь Дарданеллы (не могла она имъ воспрепятствовать или не хотѣла—это все равно). Форты, Босфорскіе форты, на все время пока русская армія остается въ Болгаріи, и немедленная выдача хотя части броненоснаго флота — вотъ наши необходимыя обезпеченія. Если Порта откажетъ, то обнаружитъ тѣмъ, что заранѣе считаетъ недѣйствительными имѣющія быть подписанными мирныя условія. Въ такомъ случаѣ мы должны сами взять форты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и занять временно Константинополь. Только рѣ-

шительный шагъ, только энергическій тонъ могутъ положить конецъ опасной для насъ дипломатической игрѣ и разсѣять тотъ густой туманъ, который эта игра создаетъ, а рѣчи сфинксовъ поддерживаютъ.

Отъ 18 февраля *.

Въ 1864 году, во время Датско-Нѣмецкой войны, часть прусской пѣхоты посажена была на лодки, переплыла узкій проливъ и послѣ небольшаго сраженія овладѣла островомъ Альзеномъ. Кажется подвигъ не изъ самыхъ трудныхъ. Но когда, по окончаніи войны, Данія, лишенная половины своихъ владѣній на материкѣ, ходатайствовала о возвращеніи ей маленькаго острова, что получила она въ отвѣтъ? «Какъ, чтобъ я отдалъ назадъ Альзенъ, такъ молодецки завоеванный Прусаками? Ни за что!» Вотъ какими словами отвѣчалъ король Вильгельмъ дипломатическимъ ходатаямъ.

Приведеннымъ примѣромъ мы хотимъ поставить на видъ нашимъ врагамъ, а также и ходатаямъ ихъ, до какой степени нелѣпы ихъ требованія и притязанія. Неужели они серьезно надѣются, что потоки русской крови, гигантскіе подвиги нашей арміи, наше народное одушевленіе, наши усилія и громадныя жертвы, все это можно низвести къ тѣмъ ничтожнымъ результатамъ, которыхъ они добиваются? И кто же эти враги, которые съ такою наглостью предъявляютъ свои претензіи и хотятъ предписывать намъ законы?

Существуетъ еще великая нація, наполнившая міръ славой своихъ подвиговъ, своихъ открытій, своими колоніями, произведеніями своей промышленности и славой своихъ учрежденій. Но, увы, эта великая нація въ послѣднія времена, какъ обыкновенно бываетъ въ исторіи, политически живетъ уже большею частію на средства, вліяніе и блескъ, добытые предками. Уже не видно того истиннаго мужества, того созидательнаго начала, которыми отличались предки. Безсердечное, чисто формальное отношеніе къ религіи и безграничное поклоненіе золотому тельцу, вотъ характеристическія черты большей части этого общества. Современная Англія во многихъ отношеніяхъ можетъ уяснить намъ, что такое былъ древній Карѳагенъ въ эпоху своей борьбы съ Римомъ. Вѣками развитое политическое искусство и опытность идутъ теперь на достиженіе самыхъ неблаговидныхъ цѣлей и растрачиваются на интриги вмѣстѣ съ вѣками

---

* Москов. Вѣдом. 1878, № 48.

накопленнымъ золотомъ. Разумѣется, тамъ живутъ еще свѣтлые умы и нѣкоторыя добрыя преданія; но мы говоримъ о массѣ общества и ея вожакахъ. Торгаши очень осторожны тамъ, гдѣ предвидятъ энергическій отпоръ; но за то гдѣ надѣются его не встрѣтить, гдѣ разсчитываютъ на свое золото и интриги, тамъ нѣтъ предѣловъ ихъ дерзости и наглымъ претензіямъ. Для наблюдателя все это признаки несомнѣннаго моральнаго паденія. И чѣмъ могутъ они серьезно угрожать намъ въ настоящее время? Какой еще большой вредъ могутъ они причинить намъ послѣ того какъ своими снарядами и оружіемъ посредствомъ Турокъ убили у насъ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ? Намъ нужно только запереть предъ ними Босфорскія двери, чтобы злобу ихъ сдѣлать безсильною; тогда мы для нихъ почти неуязвимы. Это будетъ начало разсчета и самое естественное, неотразимое слѣдствіе дорогой пролитой крови.

Есть другая держава, не нація, а держава, составленная изъ разныхъ народностей. Она не прочь была бы выступить противъ насъ въ открытой коалиціи съ торгашами; но тому препятствуютъ многія и весьма серьезныя основанія. Она для насъ слишкомъ уязвима. Не знаю, насколько въ самомъ дѣлѣ воинственные порывы господствуютъ въ средѣ Мадьярскаго народца; но вѣрно то, что большинство славянскихъ населеній было бы очень радо столкновенію Австро-Венгріи съ могущественнымъ сосѣдомъ, разумѣется, руководясь совершенно другими надеждами чѣмъ Мадьяры. Въ концѣ-концовъ такой противникъ своими демонстраціями можетъ напугать только людей недальновидныхъ и малодушныхъ. Онъ опасенъ только своимъ испытаннымъ дипломатическимъ искусствомъ.

Дѣйствительная и серьезная опасность прочному миру существуетъ все тамъ же, гдѣ она и всегда была: со стороны турецкой орды. Попробуйте выпустить ее изъ желѣзныхъ объятій и возвратить ей свободу дѣйствія, то-есть не взять надежнаго обезпеченія, и военному, тяжкому напряженію не будетъ конца. Повторяю, что теперь нѣтъ въ Европѣ другаго Наполеона III, и потому я не вѣрю въ коалицію. Британія боится за свою торговлю въ Океанѣ, Австро-Венгрія дрожитъ за собственную цѣлость въ случаѣ войны съ Россіей. Но есть государство, такъ сказать, безшабашное: человѣческая кровь, своя и чужая, для него не имѣетъ никакой цѣны; оно всегда готово лить ее какъ воду. Это Оттоманская орда. Терять ей болѣе нечего, а на приманку возвратить потерянное она конечно будетъ весьма податлива. Деньгами, оружіемъ, снарядами, инженерами и пр., ее опять снабдятъ въ изобиліи. Для обороны Константинопольскаго полуострова, какъ уже вычислено, требуется не менѣе 100.000 человѣкъ, слѣдовательно именно столько, сколько ей будетъ возвращено

изъ русскаго плѣна. Да тысячъ полтораста, а пожалуй и двѣсти она можетъ приготовить сверхъ того. Да флотъ, который по прежнему будетъ господствовать па морѣ. Можно представить себѣ какъ будетъ проченъ миръ, если мы не возьмемъ себѣ обезпеченія на берегахъ Босфора съ приличнымъ количествомъ броненосцевъ. А взять это обезпеченіе намъ не можетъ помѣшать никто въ мірѣ, разумѣется пока время еще не ушло.

Само собой разумѣется, что всѣ эти указанія на необходимость взять обезпеченіе на Босфорѣ, т.-е. занять тамъ какой либо пунктъ, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Не далѣе какъ на слѣдующій день, т.-е. 19 февраля, былъ заключенъ Санъ-Стефанскій миръ, оказавшійся *предварительнымъ*, и притомъ безъ всякихъ обезпеченій со стороны проливовъ. Это обстоятельство имѣло конечно самое вредное для насъ вліяніе на дальнѣйшее развитіе вопроса. Мы принуждены были продолжать свое тягостное Санъ-Стефанское стояніе, пока шли переговоры объ окончательномъ мирѣ и пока предварительныя условія, добытыя такими трудами и жертвами, подвергались всѣмъ возможнымъ урѣзкамъ и сокращеніямъ со стороны европейскаго Ареопага въ Берлинѣ. То скрытое вліяніе, на которое я постоянно отчасти намекалъ, отчасти прямо указывалъ въ своихъ письмахъ, въ настоящее время перестало быть тайною. Всѣмъ теперь извѣстно также, какъ на Берлинскомъ конгрессѣ дѣйствовалъ его предсѣдатель, а нашъ благопріятель—германскій канцлеръ, столь много потрудившійся надъ тѣмъ, чтобы парализовать нашу энергію и продвинуть Австро-Венгрію на раскрытый нашимъ оружіемъ Балканскій полуостровъ.

Вмѣстѣ съ Санъ-Стефанскимъ договоромъ мои письма о гарантіяхъ и условіяхъ мира собственно прекратились. Приходилось молча наблюдать дальнѣйшій ходъ событій. Но вотъ въ сентябрѣ или началѣ октября того же 1878 года я узнаю изъ петербургскихъ газетъ, что въ нашу сѣверную столицу прибыло авганское посольство для переговоровъ о союзѣ противъ Англіи. Газеты эти усердно принялись вызывать Авганъ на войну съ англичанами и напоминать имъ о гибели англійскаго отряда въ Кабулѣ въ 1842 году. Я тогда написалъ письмо въ Московскія Вѣдомости, и въ этомъ письмѣ укорялъ нашу публицистику въ легкомысленномъ подзадориваніи Авганъ и въ возбужденіи ихъ тщетной надеждой на нашу помощь. Письмо осталось не напечатаннымъ. Слѣдовательно, издатель Московскихъ Вѣдомостей не сочувствовалъ моему укору и самъ раздѣлялъ легкомысленные взгляды петербургской публицистики въ данномъ случаѣ. Авганскій эмиръ Ширъ-Али дѣйствительно рѣшился на войну съ Англіей; но извѣстно, какъ покинутый

нами на произволъ судьбы, онъ погибъ во время этой войны. Когда авганское посольство уѣхало и столкновеніе эмира съ англичанами сдѣлалось неизбѣжно, я попытался указать на необходимость помочь ему (хотя и мало надѣялся на вниманіе), и адресовалъ письмо конечно уже не въ Московскія Вѣдомости, а въ другое изданіе. Русскій Міръ тогда (если не ошибаюсь) уже прекратилъ свое существованіе. Письма свои я сталъ направлять теперь въ Петербургскія Вѣдомости, которыя выходили подъ редакціей В. В. Комарова и отличались вполнѣ патріотическимъ характеромъ.

Два слова объ авганскомъ вопросѣ *.

Телеграфное извѣстіе о выѣздѣ авганскаго посланца изъ Петербурга въ Кабулъ побуждаетъ меня высказать нѣсколько мыслей объ авганскомъ вопросѣ. Хотя, по моему убѣжденію, настала пора для русской печати отъ вопросовъ внѣшней политики значительную часть своей энергіи перенести на дѣла внутреннія, особенно на самую насущную теперь потребность въ уменьшеніи количества денежныхъ знаковъ,—однако помянутый вопросъ пріобрѣлъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, для насъ неожиданную важность и требуетъ большой обдуманности. Посланецъ «въ теченіе пребыванія своего въ Петербургѣ, изучалъ отзывы русской печати по авганскому вопросу»—гласитъ телеграмма. Вотъ объ этой-то постановкѣ вопроса въ нашей печати и желаю сдѣлать небольшое замѣчаніе.

На сколько мнѣ извѣстно, суть разсужденій, объясненій и желаній нашей публицистики клонится къ тому, что мы должны въ отношеніи къ эмиру соблюдать такой же дружественный нейтралитетъ, какъ Англія соблюдала въ отношеніи Оттоманской Порты. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что основная мысль вполнѣ вѣрна и справедлива. Но затѣмъ, относительно ея выполненія, существуютъ разногласія и замѣтенъ недостатокъ полноты въ опредѣленіи бывшаго англійскаго нейтралитета. Англія не только снабжала турокъ деньгами, оружіемъ, снарядами, инженерами и всякаго рода техниками, но она дѣятельно поддерживала ихъ всѣми своими дипломатическими агентами, всѣмъ своимъ политическимъ вліяніемъ. Мало того, она держала свой военный флотъ въ турецкихъ водахъ, а, наконецъ, вопреки всѣмъ трактатамъ, ввела его въ проливы и поставила въ виду Константинополя. Но, что всего важнѣе, ея дипломатія не огра-

---

* Петербургскія Вѣдомости, 1878 г. № 308. Ноября 8.

ничилась ходатайствами за Турцію при всѣхъ кабинетахъ и вмѣшательствомъ на пользу Турціи въ самый способъ нашего веденія войны. Англія съ самаго начала стала заявлять о сферѣ своихъ интересовъ и проводить для нихъ демаркаціонныя линіи. Слѣдовательно, отвѣчать на все это офицерами-добровольцами и торговцами разнаго матеріала, какъ высказалось большинство нашей печати, по моему убѣжденію было бы весьма недостаточною мѣрою. Опытъ Сербо-турецкой войны, кажется, ясно показалъ, что подобная поддержка можетъ только продлить борьбу на нѣсколько мѣсяцевъ, а не помѣшать ея вѣроятному исходу. Наконецъ и самая усердная широкая помощь Англіи развѣ спасла ея кліентовъ отъ разгрома? Обращу вниманіе на добродушное отношеніе британской публицистики къ отзывамъ нашей печати. Эта публицистика, вообще столь враждебная намъ, весьма мало обезпокоена нашими отзывами по данному вопросу; я увѣренъ, что она даже очень довольна такимъ нейтралитетомъ, какой мы ей возвѣщаемъ. Но дѣло въ томъ, что англійская политика опасается, чтобы мы не пошли далѣе.

Признаюсь, разнообразныя недоумѣнія и заключенія нѣкоторыхъ нашихъ органовъ по поводу нерѣшительности и медлительности, которыя англійская политика обнаружила послѣ своего неудачнаго посольства, возбуждаютъ иногда невольную улыбку. Главная причина колебанія и нерѣшительности англійскаго кабинета, конечно, лежитъ не въ боязни его передъ арміей эмира или другими мѣстными обстоятельствами, а въ этой относительной неизвѣстности, которою пока облечена политика Россіи по данному вопросу. Биконсфильдъ и его товарищи, безъ всякаго сомнѣнія, хлопочутъ теперь о томъ, чтобы обезпечить себя отъ тяжеловѣснаго вмѣшательства Россіи въ авганскій вопросъ. И когда они этого достигнутъ, то, повѣрьте, съ эмиромъ они справятся или открытою силою, или смутою, возбужденною въ его собственной землѣ, или просто застращаютъ его, убѣдивъ, что достаточной помощи ему не будетъ ни откуда. Напрасно у насъ начали свысока отзываться о Биконсфильдѣ и его товарищахъ. Это люди далеко не геніальные и политики узкіе, но, безспорно, очень ловкіе и находчивые, и борьба съ ними совсѣмъ нелегка. Я нисколько не удивлюсь, если они восторжествуютъ надъ настоящими затрудненіями. Очень можетъ быть, что они надѣятся восторжествовать надъ ними съ нашею помощью, т.-е. насъ самихъ сдѣлать посредниками для достиженія какихъ либо примирительныхъ шаговъ со стороны эмира. И, пожалуй, отчего не взять на себя такое посредничество за приличный компромиссъ на Балканскомъ полуостровѣ?

Если бы мы дали кому слѣдуетъ понять, что, въ случаѣ серьезнаго

покушенія на Авганистанъ, беремъ его подъ свое покровительство, подобное англійскому надъ Малой Азіей; если бы мы объявили сферу своихъ интересовъ, со включеніемъ въ нихъ столицы эмира, горныхъ проходовъ, и другихъ пунктовъ, которыхъ занятія мы не потерпимъ; если-бы, въ слѣдствіе того, расположили на авганской границѣ наблюдательный отрядъ или даже поставили бы его въ виду Кабула, разумѣется, заключивъ конвенцію съ эмиромъ, по примѣру англійской армады, которая вторглась въ проливы и стала въ виду Константинополя, то, я увѣренъ, Англія подняла бы нѣкоторый шумъ, но тѣмъ бы и ограничилась. А на Балканскомъ полуостровѣ ея агенты сильно поубавили бы свое нахальное къ намъ отношеніе. Наше частое напоминаніе о судьбѣ англійской экспедиціи, въ началѣ сороковыхъ годовъ какъ бы заставляетъ ожидать повторенія такого же исхода и слѣдующей экспедиціи. Напрасно. Англійскіе государственные дѣятели не таковы, чтобы опыты прошлаго для нихъ пропадали даромъ. Безъ сомнѣнія, если только они рѣшатся на походъ въ Авганистанъ, то не повторятъ тѣхъ же ошибокъ, а также выберутъ болѣе способныхъ предводителей; притомъ, съ помощью золота и извѣданнаго искусства въ политической интригѣ, навѣрное постараются произвести измѣны и мятежи въ средѣ вассаловъ и подданныхъ эмира. Не беру на себя смѣлости давать какой либо совѣтъ государственнымъ людямъ; имъ извѣстнѣе существующія обстоятельства и политическія отношенія; ихъ дѣло взвѣсить прежде всего степень важности для насъ авганскаго вопроса, затѣмъ опредѣлить нашъ образъ дѣйствія и степень нашего государственнаго участія. Говорю только объ участіи печати въ данномъ вопросѣ. При высказанномъ ею желаніи о способахъ нейтралитета, мой совѣтъ не возбуждать большихъ надеждъ въ обществѣ, чтобы не подготовить тѣмъ разочарованія, на случай другаго исхода событій. И вообще, не слишкомъ ли много называть эмира мстителемъ за Россію? Вѣдь онъ относится къ ней, какъ слабый ребенокъ къ могучему великану, и самъ ждетъ отъ нея спасенія.

Изъ письма отъ 12 декабря *.

Когда намъ нуженъ былъ авганскій вопросъ, онъ какъ-то прозябалъ въ тѣни, и самое движеніе нашего отряда къ границамъ Авганистана, остановленное на полдорогѣ, не принесло намъ облегченія на Балкан-

* Петерб. Вѣд. 1878, № 347.

скомъ полуостровѣ. Но вотъ британскимъ торгашамъ понадобилось подвинуть тотъ же самый вопросъ къ рѣшенію въ свою пользу, и они смѣло, ловко повели дѣло; надобно отдать имъ справедливость. Въ особенности любопытно искусство, съ которымъ они насъ, своихъ опасныхъ соперниковъ въ Азіи, стараются поставить въ положеніе людей отвѣтственныхъ за настоящую войну, будто бы вызванную нашимъ нарушеніемъ принятыхъ на себя обязательствъ. Французскіе органы отечественной дипломатіи въ настоящую минуту усердно стараются доказать торгашамъ, что съ нашей стороны посольство въ Кабулъ было только обмѣномъ вѣжливости, что серьезнаго нарушенія обязательствъ не происходило и т. п. Конечно, это-то и нужно нашимъ врагамъ, т.-е. имъ нужно вызвать оправданія, чтобы еще болѣе принять на себя видъ стороны якобы обиженной, и пока противники будутъ оправдываться, привести дѣло къ вожделѣнному результату. Назойливый, высокомѣрный тонъ, который позволяютъ себѣ въ этомъ случаѣ британскіе дипломаты, имѣетъ мало подобныхъ въ новой европейской исторіи. При этомъ насъ занимаетъ слѣдующій вопросъ: какимъ путемъ и на какихъ основаніяхъ возникла нейтральная полоса въ Азіи въ данной формѣ и какія обоюдныя выгоды она могла представить? Не имѣя точныхъ свѣдѣній о побужденіяхъ и условіяхъ, мы только ставимъ историческій вопросъ, и въ настоящую минуту не беремъ на себя смѣлости отвѣчать на него. Напомню по этому поводу недавній и довольно горячій въ нашей печати споръ о каперахъ. Я не думаю проповѣдывать каперство для будущаго времени; однако осталось пока исторически неразъясненнымъ самое участіе наше въ парижской декларацiи: было ли оно только слѣдствіемъ гуманныхъ воззрѣній русской дипломатіи или къ тому же вынуждалось и обстоятельствами? Говорю объ этой части дипломатической дѣятельности особенно въ виду того, что послѣднія событія пока не завершились окончательными договорами, и намъ вѣроятно предстоятъ еще разные трактаты, конвенціи и декларацiи. Тѣ самыя обязательства, которыя иногда заключаются съ весьма гуманными и успокоительными побужденіями, могутъ потомъ затруднить насъ самихъ или слѣдующее поколѣніе, и потому не лучше ли придержаться только обязательствъ, вынужденныхъ крайнею необходимостію? Искать естественныхъ союзниковъ и повсюду оставлять за собою свободу дѣйствія, этотъ простой принципъ достается иногда путемъ тяжелаго опыта. Особенно слѣдуетъ наблюдать осторожность съ торгашами, которые умѣютъ въ Европѣ нейтрализовать проливы для того, чтобы ввести въ нихъ свой военный флотъ, а въ Азіи проводить нейтральную полосу для того, чтобы вторгнуться въ нее во-

оруженною силою и при этомъ не только нарушить трактаты, но и взвалить отвѣтственность за ихъ нарушеніе на противную сторону.

Воображаю себѣ чувства авганскаго эмира, которому его посланецъ сообщилъ о надеждахъ, возлагавшихся на него большинствомъ русской печати, и сообщилъ уже послѣ того, какъ началось побѣдоносное англійское вторженіе! Новый урокъ этому большинству, которое столь долгое время настойчиво возбуждало ожиданія какихъ-то благъ для Восточнаго вопроса отъ либеральной британской оппозиціи съ Гладстономъ во главѣ.

Изъ Москвы *.

Та жалкая роль, которую играетъ въ настоящую минуту соединенный европейскій флотъ у береговъ Албаніи, неизбѣжно наводитъ на многія поучительныя размышленія и воспоминанія. Съ одной стороны, никогда еще концертъ европейскихъ великихъ державъ не подвергался такому униженію и глумленію отъ Порты. А съ другой, поведеніе ея вполнѣ естественно, ибо она не хуже другихъ знаетъ, что европейскаго концерта въ восточномъ вопросѣ нѣтъ и быть не можетъ, и что, наоборотъ, есть соперничество и даже вражда. Мы усматриваемъ, однако, одну или двѣ хорошія, хотя и отрицательныя, стороны въ этомъ дѣлѣ. Во-первыхъ, на будущее время, т.-е. для будущаго поколѣнія дипломатовъ, всякая рѣчь о подобныхъ концертныхъ предпріятіяхъ будетъ вызывать только ироническіе отвѣты; всякая держава будетъ искать себѣ естественныхъ союзниковъ, а не полагаться на мнимое общее соглашеніе. Во-вторыхъ, мы, русскіе, воспользуемся урокомъ, чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ очищеніе непріятельской территоріи ставить въ непосредственную связь съ немедленнымъ исполненіемъ мирныхъ условій, какъ по отношенію къ намъ самимъ, такъ и по отношенію къ нашимъ союзникамъ. Впрочемъ, при всѣхъ извѣстныхъ пріемахъ Порты и ея европейскихъ доброжелателей, не трудно было предвидѣть настоящія затрудненія. При своевременной настойчивости, въ настоящую минуту Черногорскаго вопроса не было бы на сценѣ, а на другія неисполненныя статьи Берлинскаго договора мы могли бы взирать съ большимъ хладнокровіемъ и вполнѣ воспользоваться мирнымъ временемъ для своихъ внутреннихъ дѣлъ.

Любопытно наблюдать въ восточномъ вопросѣ за поведеніемъ главныхъ двигателей современной исторіи. Англія доказываетъ, что въ ней еще не

---

* Петерб. Вѣдом. 1880 г., № 266. Сентября 27.

совсѣмъ заглохло чувство исторической правды и государственное чутье, и что великіе государственные умы еще могутъ уравновѣшивать тамъ давленіе узкихъ торгашескихъ интересовъ. Австро-Венгрія продолжаетъ свое обычное балансированіе, уже въ ясно очерченномъ анти-славянскомъ направленіи. Въ этомъ направленіи она все болѣе и болѣе подпадаетъ вліянію Германіи, *которая не можетъ долѣе скрывать своего дѣятельнаго и пристрастнаго участія въ Восточномъ вопросѣ.* Франція, при всѣхъ обстоятельствахъ и при всякой формѣ правленія, остается неисправимою въ своемъ туркофильствѣ. Я и прежде не соглашался съ тѣми органами нашей печати, которые прославляли Гамбетту какъ великаго государственнаго человѣка. Надѣюсь, въ послѣднее время онъ достаточно показалъ свою недальность въ этомъ отношеніи. Считая его душею настоящаго правительства Франціи, мы видѣли въ дѣлѣ Гартмана только новое доказательство того, какъ неосновательны опасенія Германіи относительно франко-русскаго союза, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ. И вдругъ послѣ этого доказательства, пресловутая шербургская рѣчь Гамбетты, произнесенная, что называется, ни къ селу, ни къ городу; ибо безъ могущественныхъ союзниковъ Франція несомнѣнно была бы вновь побита, если бы вздумала теперь возвращать утраченныя провинціи. Въ то же время Гамбетта поддерживаетъ полную амнистію коммунистамъ и возбуждаетъ преслѣдованіе духовныхъ конгрегацій. А затѣмъ, въ новой фазѣ восточнаго вопроса, опять Франція тянетъ на сторону нѣмцевъ противъ славянъ! Нѣтъ, это не государственный человѣкъ, это только ловкій человѣкъ и краснобай.

Если новыя фазы восточнаго вопроса возбуждаютъ у насъ только нѣкоторыя бойкія передовыя статьи въ газетахъ и не пользуются вниманіемъ общества, то и это явленіе совершенно естественно. Уже такихъ событій, какъ Санъ-стефанское стояніе и Берлинскій конгресъ, было совершенно достаточно, чтобы, хотя временно, охладить интересъ къ этому вопросу. А послѣдующія затѣмъ обстоятельства сосредоточили наше вниманіе исключительно на внутреннихъ дѣлахъ. Кромѣ многихъ другихъ послѣдствій, война, между прочимъ, какъ это всегда бываетъ, выдвинула нѣкоторыя лица на передній планъ и указала на людей, владѣющихъ дѣйствительнымъ государственнымъ умомъ или талантами полководцевъ. Иныхъ же она сдѣлала непопулярными. Въ числѣ послѣднихъ видное мѣсто принадлежитъ изобрѣтателю дорогихъ и ни къ чему непригодныхъ судовъ (адмиралу Попову). Заставить забыть о себѣ есть самый благоразумный способъ дѣйствія въ подобныхъ случаяхъ. И, наоборотъ, неблагоразумно возвѣщать міру, посредствомъ телеграммъ, о продолженіи

своей убыточной для Россіи строительной дѣятельности на иноземныхъ верфяхъ. И тѣмъ болѣе неблагоразумно, что экономическій вопросъ въ настоящую минуту для насъ самый живой, самый чувствительный.

Уже одна все возрастающая дороговизна способна подорвать всякій интересъ къ вопросамъ внѣшней политики, хотя бы это и было несовмѣстимо съ достоинствомъ великой націи, великаго государства. Недавно, мнѣ привелось читать извѣстіе о происходившихъ въ петербургской городской думѣ преніяхъ, по поводу необычайной дороговизны. Много тамъ указано было разныхъ отягчающихъ обстоятельствъ и предложено болѣе или менѣе хорошихъ мѣръ. Не упомянули только о главной причинѣ: о продолжающемся упадкѣ нашего кредитнаго рубля.

Изъ Москвы *.

Признаюсь, меня удивляетъ всегда та довѣрчивость, съ которою наша печать въ большинствѣ случаевъ относится къ разнаго рода слухамъ и заявленіямъ въ политической сферѣ. Напримѣръ, сколько разъ нѣкоторые наши органы возвѣщали о перемѣнахъ въ политикѣ Австріи! Или, князь Бисмаркъ, откровенный только тогда, когда это находитъ выгоднымъ, въ самый разгаръ восточнаго вопроса заявилъ, что не пожертвуетъ для него костями даже одного померанскаго гренадера, и эту фразу у насъ долго и довѣрчиво повторяли въ печати, пока слишкомъ очевидные факты не обнаружили совсѣмъ иного отношенія къ вопросу. Еще наивнѣе было хотя одну минуту повѣрить недавнему и внезапному заявленію Порты, что она немедленно и безусловно произведетъ сдачу Дульциньо, и не увидать въ этомъ обычной уловки для выигрыша времени.

Нѣтъ, печати слѣдовало своевременно предупредить общественное мнѣніе, что нельзя очищать непріятельскую территорію, пока наши союзники не получили всего того, что было имъ присуждено хотя бы Берлинскимъ трактатомъ. Если неудобно и дорого было продолжать и безъ того во всѣхъ отношеніяхъ тягостное Санъ-Стефанское стояніе, то Эрзерумъ и Баязидъ все-таки могли служить залогомъ до окончательнаго выполненія статей, относящихся къ нашимъ союзникамъ. Теперь вошло въ моду ссылаться на мнимый европейскій концертъ; но и самая эта ссылка есть ничто иное какъ фикція. Напрасно мы говоримъ, будто вся Европа несетъ оскорбленіе отъ Порты. Ни одна иностранная держава не

---

* Петерб. Вѣдом., 1880 г., № 297. Октября 28.

принимаетъ этого оскорбленія на свой счетъ и именно потому не принимаетъ, что увеличеніе Черногоріи относитъ къ интересамъ одной Россіи. Другое дѣло греческій вопросъ. Его мы могли бы въ настоящую минуту вполнѣ предоставить европейскому концерту, такъ какъ греки не были нашими союзниками въ послѣднюю войну.

Другое замѣчаніе, которое я позволю себѣ высказать, относится къ недавно возникшимъ пререканіямъ о постройкѣ яхты «Ливадія». Пререканія эти тоже слѣдовало бы прекратить, ибо они невольно возбуждаютъ въ умѣ русскихъ читателей рядъ недоумѣній. Во-первыхъ, почему адмиралъ, торжественно провалившійся съ своимъ изобрѣтеніемъ круглыхъ броненосцевъ, все еще продолжаетъ строить русскіе корабли. А во-вторыхъ, почему строеніе этихъ кораблей продолжаетъ обогащать англійскіе заводы, вмѣсто того, чтобы развивать и поощрять собственное кораблестроеніе и собственную промышленность, хотя бы съ большею экономіей и съ меньшею роскошью. Не мѣшало бы нашей печати, когда она разсуждаетъ о русскомъ кораблестроеніи, почаще обращаться къ примѣру, завѣщанному намъ Петромъ Великимъ. Я говорю, конечно, о великомъ преобразователѣ Россіи, а не объ извѣстномъ кораблѣ, который такъ неудачно носитъ его имя.

ПУБЛИЦИСТИКА

по

ВНУТРЕННИМЪ ДѢЛАМЪ.

I.

О КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛѢ.

Взглядъ на русскую печать за послѣднія 18 лѣтъ *.

Въ какіе бы отдаленные вѣка ни углублялся человѣкъ, изучающій историческую науку, современныя событія сохраняютъ для него самый живой интересъ. Мало того: наблюденія надъ ними необходимы для уясненія соотвѣтственныхъ явленій прежняго времени, равно какъ изученіе прошедшаго уясняетъ намъ, почему такъ, а не иначе совершается настоящее. Особенно глубокій интересъ вызываютъ конечно событія изъ современной жизни отечества. Мы имѣемъ передъ собою примѣры князя Щербатова и безсмертнаго Карамзина, которые, роясь въ пыли старыхъ рукописей и свитковъ, близко принимали къ сердцу и то, чему были сами свидѣтелями; а они были свидѣтелями важныхъ событій и современники блистательныхъ царствованій. Не намъ завидовать имъ, ибо мы живемъ въ эпоху, не менѣе важную. Въ самомъ дѣлѣ, какія великія и разнообразныя событія пережило наше поколѣніе въ послѣднія 18 лѣтъ! На нашихъ глазахъ обновляется почти вся Европа. И не одна Европа: движеніе охватываетъ и далекія страны земнаго шара, и онѣ начинаютъ принимать дѣятельное участіе въ быстромъ коловоротѣ всемірной исторіи. Громъ оружія и мирныя завоеванія науки, объединеніе двухъ великихъ націй и униженіе третьей, наиболѣе тщеславной и самопадѣянной; глубокія гражданскія реформы и рядомъ съ ними болѣзненныя слѣдствія прошлыхъ ошибокъ и неблагопріятныхъ условій; желѣзные пути, готовые охватить всю землю, сблизить и переплести взаимными интересами самые разнообразные и отдаленные другъ отъ друга народы—да, обширное и въ высшей степени поучительное поле для наблюдательныхъ умовъ.

---

* Русскій Архивъ. 1874, № 1.

Но всего живѣе для насъ картина нашего собственнаго отечества, открывающаяся геройскою защитою Севастополя и освобожденіемъ громаднаго крестьянскаго населенія. Чье перо будетъ въ состояніи изобразить все значеніе новыхъ реформъ, а также все разнообразіе и всѣ переходы явленій, ихъ сопровождавшихъ? Будущій историкъ, отрѣшенный отъ непосредственныхъ впечатлѣній, конечно спокойнѣе и безпристрастнѣе отнесется къ этому незабвенному періоду, чѣмъ наше поколѣніе. Сіе обстоятельство однако нисколько не мѣшаетъ намъ подводить итоги прожитыхъ лѣтъ, дѣлать имъ посильную оцѣнку и воздавать должное общественнымъ дѣятелямъ — разумѣется, на сколько это возможно при данныхъ условіяхъ: ибо всякій добрый гражданинъ прежде всего долженъ подчиняться отечественнымъ учрежденіямъ и дѣйствовать на пользу общую не иначе, какъ въ предѣлахъ законности. Это конечно старая истина; но всѣ подобныя истины должны быть повторяемы возможно чаще.

Имѣя въ виду время отъ времени сообщать свои наблюденія надъ важнѣйшими общественными явленіями нашей новѣйшей исторіи, мы предлагаемъ на первый разъ нѣсколько краткихъ замѣтокъ о Русскомъ печатномъ (а именно газетномъ и журнальномъ) словѣ, какъ представителѣ нашей образованности и нашихъ потребностей. Постараемся указать его заслуги предъ обществомъ, равно какъ и его ошибки. Эта сторона общественнаго развитія конечно болѣе, чѣмъ другія стороны, доступна наблюденію автора; но и тутъ мы ограничимся пока лишь немногими чертами.

Начало новаго царствованія и конецъ Крымской кампаніи составляютъ, какъ извѣстно, эру въ исторіи Русской цивилизаціи. Эта эра съ особою силою отразилась въ печатномъ словѣ: въ нѣсколько лѣтъ Русская печать выросла до высоты почти Европейской, — явное доказательство, что предыдущая эпоха прошла далеко не безслѣдно для нашего умственнаго развитія и что, напротивъ, она накопила нѣкоторый запасъ интеллигентныхъ силъ. Но между тѣмъ какъ въ правительственныхъ сферахъ начались дѣятельныя приготовленія къ кореннымъ преобразованіямъ, какая самая живая общественная потребность выразилась въ нашей текущей литературѣ вслѣдъ за паденіемъ Севастополя? Это была потребность самообличенія. Явленіе столь понятное, что оно почти не требуетъ объясненія: естественно, кто жаждетъ исправленія, тотъ прежде всего долженъ уяснить себѣ свои недостатки. И первый органъ, взявшійся удовлетворить этой потребности, съ разу пріобрѣталъ такую извѣстность, которая иногда порождала въ немъ великое самообольщеніе. Здѣсь не можемъ не коснуться того остроумнаго, но не глубокаго и чрезъ мѣру увле-

кавшагося литературнаго дѣятеля, который процвѣталъ за границей въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ (т.-е. Герцена). Его изданія имѣли нѣкоторый успѣхъ именно своею обличительною стороною; а издатель не понялъ своего значенія и вообразилъ себя вѣстникомъ новыхъ идей, которымъ стóитъ осуществиться, чтобы облагодѣтельствовать любезное отечество. Но масса общественная совсѣмъ не такъ податлива и легкомысленна, какъ представлялъ себѣ «неисправимый идеалистъ». Она не пошла за его ученіемъ, и весь успѣхъ его пропаганды ограничился нѣсколькими неопытными юношами, да и то до тѣхъ только поръ, пока они не пріобрѣли опытности. Были конечно при этомъ и нѣкоторые жертвы поздняго раскаянія. Польскій мятежъ далъ сильный толчекъ общественному сознанію въ направленіи болѣе трезвомъ, болѣе національномъ, и указалъ ему на недостатки слишкомъ общаго, слишкомъ отвлеченнаго либерализма. Означенный литературный дѣятель увидалъ тогда, что онъ жестоко ошибался, думая руководить общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи. Между тѣмъ все болѣе расширявшіяся льготы Русской печати (особенно новый цензурный уставъ 6 Апрѣля 1865 года), и ея успѣхи при обсужденіи общественныхъ вопросовъ постепенно отодвинули на самый задній планъ нашихъ заграничныхъ публицистовъ.

Первыя и самыя важныя услуги Русскаго печатнаго слова относятся къ великой крестьянской реформѣ. Идея и починъ ея, какъ извѣстно, принадлежатъ самому правительству; но лица, которымъ было поручено выполненіе Высочайшихъ предначертаній по этому дѣлу, со вниманіемъ отнеслись къ указаніямъ печати, и дѣло конечно отъ того только выиграло. При этомъ гласномъ обсужденіи крестьянскаго вопроса возникла замѣчательная борьба двухъ мнѣній: объ общинномъ и личномъ владѣніи землею. Защитники втораго мнѣнія опирались на принципы личной эмансипаціи, на примѣры цивилизованныхъ странъ и на задержки, которыя могутъ возникнуть со стороны общиннаго владѣнія и круговой поруки для успѣховъ сельскаго хозяйства и успѣховъ образованности вообще. Въ борьбѣ съ этимъ мнѣніемъ подали другъ другу руки двѣ литературныя группы, совершенно несходныя по своему характеру и основнымъ стремленіямъ: именно группа *славянофильская* и (если можно такъ выразиться) *соціально-демократическая*. Первая группа, согласно съ своими идеалами, отправлялась отъ древнерусской и древнеславянской общины, возводя ее при этомъ на такую высоту развитія, до которой въ дѣйствительности она никогда не достигала. Вторая группа, отправляясь отъ западноевропейскаго пролетаріата, пугала будущимъ обезземеленіемъ крестьянскаго сословія и превращеніемъ его въ сословіе батраковъ, хотя

поземельныя условія Россіи, ея обширность и малонаселенность далеко не походили на условія западноевропейскихъ странъ. Правительство, какъ извѣстно, рѣшило вопросъ въ пользу общиннаго крестьянскаго владѣнія; но для внимательнаго наблюдателя ясно, что оно въ этомъ случаѣ не руководствовалось ни идиллическими возрѣніями первой группы, ни соціально-демократическими второй. Оно руководствовалось просто принципомъ осторожности и постепенности: сельская община съ ея круговой порукой издавна внѣдрилась въ нашъ государственный организмъ; она представляла болѣе надежности въ исправномъ отбываніи государственныхъ податей и повинностей. Быстрый переворотъ съ этой стороны казался неудобнымъ въ разныхъ отношеніяхъ, и правительство предоставило будущему постепенно вырабатывать окончательную эманципацію крестьянства, имущественную и личную.

Всѣмъ памятна та энергія, съ которою Русская печать, одушевленная идеею объ улучшеніи быта нашего чернаго народа, боролась противъ системы винныхъ откуповъ. Правительство въ своихъ попеченіяхъ, направленныхъ къ той же цѣли, вняло голосу общественнаго мнѣнія и отмѣнило означенную систему, замѣстивъ ее системою акцизною. Послѣдняя безспорно представляетъ шагъ впередъ сравнительно съ своею предшественницею; но дѣйствительность показала, что печать преувеличивала значеніе той или другой системы по отношенію къ народному благосостоянію, т.-е. къ успѣхамъ трезвости и бережливости. Привычки и злоупотребленія, сложившіяся вѣками, не могутъ быть искоренены въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ одною перемѣною въ системѣ взиманія какого либо налога. Наше поколѣніе, въ числѣ другихъ историческихъ условій, унаслѣдовало отъ прошлыхъ временъ и ту замѣчательную черту общественнаго склада, по которой налогъ на спиртные напитки составилъ самую крупную статью государственныхъ доходовъ. Понятно, что государство не можетъ вдругъ отказаться отъ подобной статьи или произвести въ ней большое сокращеніе, безъ сильнаго потрясенія въ своихъ финансовыхъ средствахъ. Нужны постепенныя и глубоко обдуманныя мѣры, подготовляющія измѣненія въ цѣлой системѣ государственныхъ доходовъ на началахъ, существующихъ въ странахъ болѣе цивилизованныхъ. (Каковыя мѣры подготовляются, напримѣръ, по отношенію къ податной системѣ). Это съ одной стороны; а съ другой довольно быстрый переходъ къ болѣе свободному состоянію не могъ конечно, хотя на первое время, не отозваться нѣкоторыми неправильностями быта, еще не установившагося, еще не вошедшаго въ извѣстную колею. Въ этомъ отношеніи, рядомъ съ мѣрами экономическими, необходимы мѣры обра-

зовательныя, т.-е. школа, школа и школа. Надобно отдать справедливость нашей печати: она посвятила послѣднему вопросу все то вниманіе, котораго онъ заслуживаетъ. Но и помимо указаній печати, народныя школы сдѣлались предметомъ особой заботливости настоящаго царствованія.

Чтобы улучшить нравственную сторону нашего народа, печать указывала и на другія образовательныя средства. Тутъ на первомъ планѣ стоитъ степень развитія ближайшихъ народныхъ наставниковъ, т.-е. нашего сельскаго духовенства. Правительство не упустило изъ виду и этой общественной потребности: часть своего времени оно посвятило заботѣ о духовныхъ училищахъ и вообще объ улучшеніи быта православнаго духовенства.

Съ вопросомъ о матеріальныхъ и нравственныхъ успѣхахъ Русскаго простаго люда незамѣтнымъ образомъ началъ связываться и вопросъ Еврейскій, вызванный на сцену Польскимъ мятежемъ въ началѣ 60-хъ годовъ. Руководимая отвлеченно-гуманными идеями, Русская печать съ жаромъ принялась проповѣдывать полную эмансипацію для огромной массы Еврейскаго населенія въ Западной Россіи, а также совершенную отмѣну его корпоративной отдѣльности отъ другихъ сословій. Независимо отъ этой проповѣди, почти одновременно съ усмиреніемъ мятежа, послѣдовало и начало эманципаціи. Указомъ отъ 16 іюля 1865 года дозволено Евреямъ-ремесленникамъ переселяться изъ западныхъ губерній на жительство въ другія области Имперіи. Впослѣдствіи упомянутый жаръ нѣсколько охладѣлъ у нашихъ публицистовъ, когда вопросъ этотъ сдѣлался предметомъ болѣе серьезнаго вниманія. Послышались голоса, которые указывали преимущественно на эксплуататорскій характеръ Еврейскаго элемента, а также на примѣры покойной Рѣчи Посполитой и современной Австріи, въ которыхъ еврейство явилось однимъ изъ элементовъ разложенія: въ первой оно втѣснилось между высшимъ и низшимъ классами и порвало между ними живыя связи; во второй оно на нашихъ глазахъ захватило въ свои руки финансовыя операціи, значительную часть печати, торговли, землевладѣнія и т. п. Увидали, что истинный вопросъ заключается въ слѣдующемъ: какимъ образомъ по отношенію къ этому тяжелому наслѣдію, доставшемуся намъ отъ Рѣчи Посполитой, гуманные принципы согласовать съ интересами собственнаго народа и оградить его отъ Еврейской эксплуатаціи, особенно въ тѣхъ отрасляхъ, которыя имѣютъ непосредственное вліяніе на народную экономію (какъ напр. продажа крѣпкихъ напитковъ). Изъ Западной Россіи не замедлили двинуться многочисленные колонисты. По своимъ видамъ всѣ эти пролетаріи оказались ремесленниками; но въ дѣйствительности они умножили число излишнихъ посредниковъ въ тор-

говлѣ, ростовщиковъ, корчмарей, наполнили штаты разныхъ акціонерныхъ обществъ, принялись снимать подряды на желѣзныя дороги, что не замедлило отразиться на качествѣ работъ, и т. д. На эту сторону Еврейскаго вопроса Русская печать, какъ я сказалъ, не замедлила обратить свое вниманіе. Лихорадочныя банковыя операціи въ Австріи, наступившія затѣмъ банкротства и разореніе множества семействъ должны были усилить это вниманіе. Извѣстно, что Россія съ ея громадными естественными богатствами болѣе всего нуждается въ рабочихъ рукахъ, а не въ милліонахъ посредниковъ между производителями и потребителями.

Пока въ правительственныхъ сферахъ разработывались проекты судебныхъ уставовъ на началахъ, Высочайше утвержденныхъ 29 Сентября 1862 года, печать, на сколько имѣла силы, помогала изученію и этой столь важной стороны Европейскаго государственнаго быта. Съ 1866 года судебная реформа начала постепенно приводиться въ исполненіе. Благодаря своему основному принципу, т.-е. гласности, процессы стали совершаться при постоянномъ контролѣ общественнаго мнѣнія, и надобно отдать справедливость нашимъ новымъ судебнымъ учрежденіямъ: они, можно сказать, сразу заняли подобающее имъ положеніе въ Русскомъ государственномъ механизмѣ. Люди, наклонные къ пессимизму, могутъ указывать, и дѣйствительно указывали, на разные ихъ недостатки; но они не берутъ въ разсчетъ многихъ привычекъ и условій нашей жизни, оторваться отъ которыхъ невозможно съ такою скоростію. Въ послѣднее время напримѣръ, часть печати обратила вниманіе на нѣкоторые приговоры присяжныхъ, несогласные съ принципами справедливости. Но отсюда еще не слѣдуетъ дѣлать рѣшительнаго заключенія о судѣ присяжныхъ вообще. Кромѣ недостатковъ со стороны предварительнаго слѣдствія, продолжающейся медленности процессовъ и не всегда энергичнаго обвиненія, печати слѣдовало бы обратить болѣе вниманія на организацію собственно института присяжныхъ, напримѣръ, на возможность подбора со стороны защиты, при помощи широкаго пользованія правомъ отвода, и на излишнюю таинственность, которою облечены присяжные, такъ что и самыя имена ихъ почему-то не обнародываются. Такимъ образомъ они ускользали отъ общественнаго контроля, а потому и не вполнѣ выражали общественную совѣсть. Замѣчательно, что слабая сторона именно сказывается тамъ, гдѣ кончается гласность и начинается таинственность. Мы, можетъ быть, иногда слишкомъ буквально стараемся подражать западнымъ образцамъ въ самыхъ подробностяхъ, не принимая въ разсчетъ различія жизненныхъ условій. Намъ кажется, что печать кромѣ того недостаточно обращала вниманія на подготовку и ораторскіе пріемы нашей

адвокатуры. Послѣдняя, сколько мы могли замѣтить, вмѣсто того, чтобы усвоить себѣ дѣловое направленіе адвокатовъ англійскихъ и нѣмецкихъ, слишкомъ часто сбивалась на фразеологію и стремленіе къ эффектамъ адвокатуры Французской.

Почти одновременно съ судебною реформою открыты были новыя земскія учрежденія на началахъ всесословнаго избирательнаго состава. Объ этихъ учрежденіяхъ мы не можемъ повторить того же, что сказали сейчасъ о судебныхъ. Русское дворянство дало намъ передовыхъ дѣятелей почти на всѣхъ путяхъ нашей обновленной исторической жизни. Естественно было ожидать, что свою долю опытности, пріобрѣтенную въ дѣлѣ самоуправленія, оно примѣнитъ и къ новымъ земскимъ учрежденіямъ, чтобы вести ихъ по настоящему пути. Но, къ сожалѣнію, первые шаги на этомъ поприщѣ не вездѣ отличались должнымъ тактомъ и благоразуміемъ. Вмѣсто того, чтобы строго держаться экономическаго круга дѣйствій, имъ отведеннаго, нѣкоторыя земскія собранія уклонились на дорогу политическую, и тѣмъ нѣсколько повредили успѣшному развитію самого учрежденія. Вдобавокъ, оно было почти изъято изъ контроля общественнаго мнѣнія. Поэтому для человѣка, слѣдящаго за современною исторіей по преимуществу изъ своего кабинета, трудно составить себѣ ясное понятіе о томъ, на сколько прививается и преуспѣваетъ данное учрежденіе и какое именно значеніе получило оно въ сложномъ государственномъ механизмѣ.

Только въ послѣднее время, судя по нѣкоторымъ признакамъ, дѣятельность земскихъ собраній получаетъ болѣе гласный характеръ. Почти то же можно сказать и о городскомъ хозяйственномъ самоуправленіи, преобразованномъ также на началахъ всесословности. Относительно городскихъ и земскихъ учрежденій укажу еще на одну черту, на которую наше печатное слово доселѣ слишкомъ мало обращало вниманія: это недостатокъ стойкости или практической выдержки, который нерѣдко встрѣчаемъ со стороны наиболѣе интеллигентныхъ силъ, когда дѣло касается общественнаго служенія: малѣйшее непріятное столкновеніе, и мы тотчасъ выходили въ отставку. Благодаря этому обыкновенію, да еще нашей до излишества доведенной привычкѣ процвѣтать въ Парижѣ, скитаться по Рейну или предаваться созерцанію Альпійской природы, многія важныя отрасли Русской жизни переходили въ руки или менѣе интеллигентныя, или даже не совсѣмъ Русскія.

У всѣхъ великихъ націй военныя учрежденія играютъ чрезвычайно важную роль въ системѣ государственнаго механизма. Наше отечество въ этомъ отношеніи не отставало отъ другихъ народовъ и зорко слѣдило за всѣми движеніями военнаго искусства, особенно со времени Крымской кам-

паніи. Австро-Прусская война, какъ извѣстно, дала новый толчекъ военному дѣлу. Но при этомъ произошло любопытное явленіе: Европейская печать не только прежде не замѣчала возрастанія Прусскаго могущества, но и теперь не вдругъ оцѣнила его успѣхи, и тайну ихъ искала сначала въ самомъ наглядномъ превосходствѣ, т.-е. въ превосходствѣ игольчатаго ружья. Правда, послышались голоса, что при Садовой побѣдилъ прусскій народный учитель; но народное образованіе трудно подвинуть разомъ впередъ; гораздо легче ввести новую систему оружія, и вотъ всѣ Европейскія государства дѣятельно принялись за перевооруженіе своихъ армій. Жребій жестокаго разочарованія въ этомъ отношеніи выпалъ на долю Франціи, т.-е. на долю той державы, которая считалась дотолѣ самою воинственною. Наполеонъ III снабдилъ свою армію скорострѣльными ружьями, еще болѣе усовершенствованными чѣмъ прусскія, приготовилъ картечницы, и думалъ, что настала минута разгромить Нѣмцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить свой колеблющійся тронъ. Европейская публицистика по этому поводу снова показала свою близорукость. Еще наканунѣ Франко-Прусской войны она настойчиво повторяла, что все обстоитъ благополучно, и Европейскій миръ обезпеченъ болѣе чѣмъ когда либо. Да, при всѣхъ огромныхъ услугахъ, которыя ежедневная печать оказываетъ дѣлу цивилизаціи, нельзя не замѣтить, что она нерѣдко является несостоятельною въ политическихъ вопросахъ первостепенной важности. Это совершенно естественно. Газетное слово есть отраженіе текущей общественной жизни; оно также впечатлительно, какъ сама эта жизнь. Въ ежедневныхъ толкахъ и спорахъ сущность дѣла часто ускользаетъ изъ виду, и мелкіе поверхностные интересы заслоняютъ въ глазахъ публики болѣе глубокія теченія исторіи. Когда война была объявлена, то по обыкновенію нашлись органы, которые увѣряли, что войну эту они предвидѣли и даже предсказали. Между тѣмъ, въ ожиданіи рѣшительныхъ дѣйствій, печать принялась взвѣшивать и обсуждать взаимныя отношенія силъ между противниками, и тутъ, на основаніи повидимому самыхъ точныхъ вычисленій, перевѣсъ явно клонился на сторону Французовъ. И съ этой стороны ее ожидало жестокое разочарованіе. Новое доказательство, что Европейская ежедневная печать, со включеніемъ своего корифея, т.-е. печати Англійской, во многихъ отношеніяхъ скользитъ по поверхности явленій и мало проникаетъ въ ихъ глубину. Двадцать слишкомъ лѣтъ она поклонялась государственному уму и политической ловкости Наполеона III и ловила фразы этого новаго сфинкса. Она считала Францію болѣе могущественною, чѣмъ когда либо, и не замѣчала, что рядомъ съ нею выросла новая сила, еще болѣе могущественная, т.-е.

Пруссія. Въ критическую минуту раскрылся истинный характеръ Наполеона III; оказалось, что онъ дѣйствительно великъ—но только на поприщѣ мелкихъ политическихъ интригъ; оказалось, что возвѣщенная Европейскою печатью милліонная Французская армія (включая мобилей) существовала только на бумагѣ; тогда какъ у Пруссаковъ она явилась дѣйствительностію. Даже военная французская доблесть оказалась въ отсутствіи; арміи и крѣпости наперерывъ спѣшили сдаться непріятелю. Частые политическіе перевороты и династическія перемѣны принесли свой плодъ: Французскій главнокомандующій, достойный сотрудникъ своего патрона, вмѣсто энергической обороны занялся политикой, вошелъ въ переговоры съ непріятелемъ, позволилъ себя кругомъ опутать и довелъ до сдачи единственную регулярную армію Франціи.

Русская ежедневная печать во время этихъ потрясающихъ событій, конечно, не отдѣлялась отъ печати Европейской; она оказалась столь же застигнутою врасплохъ великими событіями и, можетъ быть, еще болѣе впечатлительною. Она довольно вѣрно отражала симпатіи и антипатіи нашего общества; но подняться выше, оцѣнить всю важность минуты для интересовъ своего отечества и указать способы воспользоваться случаемъ, который можетъ быть никогда или очень не скоро повторится—въ этомъ отношеніи печать наша явилась неподготовленною. Да и невозможно въ данную критическую минуту требовать глубокихъ политическихъ соображеній отъ публицистики, занятой почти исключительно собираніемъ и передачею ежедневныхъ новостей. Когда серьезно подумать? Когда углубиться въ какой либо вопросъ и обсудить его со всѣхъ сторонъ?

Русское правительство не пропустило удобной минуты, чтобы начать возобновленіе нашего Черноморскаго флота, столь необходимаго для будущаго рѣшенія Восточнаго вопроса. Въ то же время начались приготовительныя работы для введенія въ Россіи общеобязательной военной службы. Франко-Прусская борьба показала Европѣ, что въ предыдущей войнѣ (съ Австріей) Пруссія развернула свои силы въ половину и теперь только обнаружила ихъ во всемъ поражающемъ величіи; что дѣло заключалось не въ одномъ улучшенномъ оружіи, а въ военной организаціи и прежде всего въ общей повинности. Такимъ образомъ примѣръ Франціи съ особою ясностію указалъ значеніе событій въ исторіи. Тамъ не было недостатка въ голосахъ, которые предостерегали общество и пытались вразумить его на счетъ самообольщенія и всякаго рода заблужденій; но эти голоса терялись въ суетѣ мелкихъ ежедневныхъ интересовъ, и, чтобы отрезвить общество, нужны были великія событія. Да, послѣднія играютъ главную воспитательную роль въ исторіи народовъ.

Русская печать съ обычнымъ усердіемъ приняла участіе и въ обсужденіи предстоящей военной реформы, при чемъ разногласія касались только второстепенныхъ пунктовъ; а по вопросу самому существенному, т.-е. по вопросу объ общей повинности, мы не замѣтили никакого особаго разномыслія; слѣдовательно всѣ слои Русскаго общества, съ большею или меньшею готовностію, встрѣтили эту обязанность защищать свое отечество. Но интересны продолжавшіеся въ нашей печати толки о причинахъ столь блистательныхъ успѣховъ Прусской арміи. Послѣ школьнаго учителя и усовершенствованнаго оружія, какъ мы сказали, Европейская печать, съ Русскою включительно, первая обратила серьезное вниманіе на общую военную повинность въ Пруссіи, т.-е. на ея способность во время мира содержать армію самую меньшую сравнительно съ другими великими державами на континентѣ, а во время войны выставлять армію самую громадную. За этою главною стороною послѣдовало обсужденіе другихъ сторонъ. Между тѣмъ какъ нѣкоторые военные публицисты строили болѣе или менѣе неудобные проекты (въ родѣ того, чтобы покрыть Россію массами кавалеріи), болѣе серьезные теоретики начали постепенно развивать поучительныя подробности Прусской военной организаціи. Они указывали на подготовку и устройство общества офицеровъ, на организацію унтеръ-офицеровъ, устройство штаба, умно разсчитанную систему обученія рекрутъ, даже цѣлесообразную выдержку артиллерійскихъ упряжныхъ лошадей и пр., и пр. Все это прекрасно и совершенно вѣрно. Но, слѣдя за всѣми этими подробностями, Русское общество, т.-е. Русское печатное слово, не должно упускать изъ виду, что причиною прусскихъ успѣховъ есть сумма всѣхъ указанныхъ сторонъ съ присоединеніемъ многихъ другихъ; а главное, что всѣ усовершенствованія и успѣхи истекали изъ слѣдующихъ основныхъ началъ: глубокій разсчетъ во всѣхъ начинаніяхъ, энергія и стойкость въ ихъ исполненіи и строгая во всемъ экономія. Особенно обращаемъ вниманіе Русскаго общества на послѣднюю, и смѣло утверждаемъ, что Пруссія изъ маленькаго государства, которымъ она была за сто съ небольшимъ лѣтъ, развилась въ столь цвѣтущее и могущественное прежде всего посредствомъ своей экономіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не должны упускать изъ виду другой важнѣйшей стороны, а именно ея чисто Нѣмецкой политики. Пруссія, особенно въ послѣднія 50 лѣтъ, безъ крайней нужды не выдвигалась впередъ и не мѣшалась въ разныя политическія комбинаціи; она не разбрасывала своихъ силъ, и средства свои тратила только тамъ, гдѣ это могло принести ей дѣйствительную пользу; однимъ словомъ, она представляла образецъ политики чрезвычайно разсчетливой и вполнѣ національной. И такъ, экономія,

народныя училища и строго національная политика—вотъ краеугольные камни, на которыхъ утвердились могущество и образованность Пруссіи. Ея политика достигла той зрѣлости и устойчивости, которыя умѣютъ различать существенное отъ скоропреходящаго; она не такъ легко поддается впечатлительности, а слѣдовательно и колебаніямъ, которыя мы видимъ иногда въ другихъ странахъ. Напримѣръ, еще въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, Прусское общество, наравнѣ съ другими, придавало большое значеніе разнымъ выходкамъ со стороны бурливой молодежи. Но оно давно уже оцѣнило ихъ по достоинству, и въ наше время никакія болѣзненныя явленія съ этой стороны не заставили его уклониться отъ послѣдовательнаго, ровнаго движенія къ исполненію своихъ великихъ задачъ. Въ свою очередь и молодежь Прусская, не возбуждаемая никакими обобщающими репрессивными мѣрами, не имѣла поводовъ воображать себя политическою силою и серьезнѣе относилась къ своимъ школьнымъ обязанностямъ.

Выше мы упомянули о соціально-демократическомъ направленіи, которое проникло въ нѣкоторую часть Русской печати. Если въ странахъ болѣе цивилизованныхъ существовали и существуютъ мечтатели, которые проповѣдуютъ переустройство общества на началахъ, ведущихъ къ дикому состоянію, то естественно, при нашихъ все еще подражательныхъ отношеніяхъ къ Западу, и эти идеи находили у насъ прозелитовъ. Но тотъ жестоко ошибется, кто приписалъ бы этому направленію серьезное значеніе или дѣйствительную опасность для консервативныхъ началъ. Нѣсколько времени упомянутое направленіе имѣло какъ будто успѣхъ, такъ что органы его пользовались нѣкоторымъ, если не авторитетомъ, то по крайней мѣрѣ вниманіемъ. Но успѣхъ этотъ былъ довольно эфемерный. Причина его была отчасти та же, какая способствовала успѣху упомянутыхъ выше заграничныхъ изданій, т.-е. моментъ, когда общество находилось въ періодѣ самообличенія и стремленія къ улучшенію; а потому все, что подходило подъ это настроеніе, привлекало вниманіе, хотя большинство читающей публики часто не понимало и даже не подозрѣвало сущности тѣхъ ложныхъ ученій, которыя лежали въ основѣ подобной пропаганды. Эта пропаганда пріобрѣтала послѣдователей преимущественно между молодежью, но послѣдователей, конечно, весьма ненадежныхъ. Молодежь обыкновенно не имѣетъ еще ни семейства, ни собственности, ни серьезныхъ гражданскихъ обязанностей; а потому въ ея средѣ всегда можно найти людей, которые готовы легкомысленно относиться къ этимъ основнымъ началамъ человѣческаго общества. Такое отношеніе скоропреходяще: стоитъ только молодому человѣку потомъ окунуться въ житей-

ское море, чтобы почувствовать свои заблужденія. Конечно могутъ быть упорные фанатики и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ; но они, повторяемъ, существовали и существуютъ въ странахъ болѣе насъ цивилизованныхъ, и даже въ такихъ консервативныхъ, каковы напримѣръ Англія и Германія; однако отъ нихъ общество не падаетъ и не разрушается, а наоборотъ, принципы семьи и собственности все болѣе и болѣе укрѣпляются съ успѣхами образованности. Ко всѣмъ подобнымъ фанатикамъ масса общества относится какъ къ оригиналамъ — не болѣе. Эфемерному успѣху соціально-демократическаго направленія способствовало еще слѣдующее обстоятельство. Большинство стараго поколѣнія не нашло въ себѣ достаточной подготовки, чтобы отвѣчать на софизмы молодежи; оказался недостатокъ логики, энергіи и моральнаго авторитета. (Если вышеупомянутый успѣхъ еще отчасти не прекратился, то это потому, что еще не перестали дѣйствовать и его причины). Между тѣмъ жалобы стараго поколѣнія на молодое очень скоро перешли въ печать. Часть этой печати начала преувеличивать значеніе упомянутыхъ софизмовъ и пугать читателей великими опасностями, грозящими общественному порядку отъ такъ наз. нигилизма или отрицанія. Она провозгласила знаменитое «videant consules». Раздались голоса, которые настойчиво требовали объявить общество въ осадномъ положеніи. Результаты были именно тѣ, которыхъ слѣдовало ожидать. Нигилизмъ въ глазахъ публики вдругъ выросъ въ общественное явленіе громадной важности, въ такое явленіе, для борьбы съ которымъ нужны быстрыя и чрезвычайныя мѣры. Это еще болѣе подстрекало молодежь, т.-е. самую легкомысленную ея часть; она почувствовала себя политическою силою, да и не могла не почувствовать, потому что ее усердно увѣряли въ томъ и друзья, и противники. Такой оборотъ дѣла какъ нельзя болѣе оказался благопріятенъ для тѣхъ скрытыхъ агитаторовъ, которые имѣли въ виду конечно не переустройство общества на другихъ началахъ, а цѣли гораздо болѣе близкія и осуществимыя. Напримѣръ, эти агитаторы, по нѣкоторымъ своимъ соображеніямъ, желали остановить какое-нибудь непріятное для нихъ движеніе, отвлечь отъ чего-нибудь вниманіе, однимъ словомъ произвести замѣшательство (Россія же, къ сожалѣнію, имѣетъ много враговъ), и вотъ они съ особой энергіей обращали свои усилія въ среду наивной молодежи, чтобы подбить ее на какую нибудь выходку: ибо напередъ были увѣрены, что послѣдней будетъ придана большая важность. И дѣйствительно, значительная часть общества приходила въ волненіе, ожесточалась противъ своей молодежи, требовала чрезвычайныхъ мѣръ. Повидимому, выходка не достигала своей цѣли. Нѣтъ, вполнѣ достигала; ибо

истинный, скрытый ея смыслъ былъ совсѣмъ не тотъ, который слышался въ устахъ какого нибудь фанатизованнаго недоучки; послѣдній не подозрѣвалъ, что онъ былъ слѣпымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ.

Тѣ наши публицисты, которые особенно усердно эксплуатировали общественное мнѣніе при помощи искусственной паники, обнаружили по этому случаю недостатокъ исторической подготовки для своего дѣла *. Во первыхъ, поворотъ къ лучшимъ, болѣе прогрессивнымъ порядкамъ никогда не совершается безъ нѣкоторыхъ аномалій или безъ всякихъ жертвъ, и просвѣщенная, патріотически-настроенная публицистика должна, вмѣсто паники, проповѣдывать обществу извѣстную долю терпѣнія и мужество, именно для того, чтобы уменьшить количество жертвъ и противодѣйствовать замѣшательствамъ. Во-вторыхъ, эти консервативные публицисты слишкомъ мало изучили Русскую общественную массу, которая по отношенію къ охранительнымъ и легитимнымъ инстинктамъ не только никому не уступитъ, а можетъ быть превзойдетъ и Нѣмцевъ, и Англичанъ. Въ-третьихъ, нигдѣ и никогда молодежь не подвергала серьезной опасности общественный порядокъ и не совершала переворотовъ; а если и принимала въ нихъ какое участіе (какъ это случалось у Поляковъ), то причина ихъ лежала не въ легкомысліи собственно молодежи. Все, что могли сами по себѣ сдѣлать недозрѣлые юноши или тупоумные ихъ вожаки, это—произвести какую-нибудь вздорную демонстрацію, подбросить нелѣпую прокламацію или совершить какое либо преступленіе, въ родѣ убійства изъ за угла. Но было бы достаточно, если бы всякое подобное преступленіе подвергалось заслуженной карѣ законовъ. А если публицистика станетъ придавать ему огромное общественное значеніе, то не значитъ ли это обыкновенныхъ преступниковъ возводить на степень мучениковъ идеи? Не подстрекнетъ ли такое значеніе и другихъ легкомысленныхъ людей?

Публицисты, столь много трактовавшіе о пожарѣ, яко бы охватившемъ умы чуть ли не всей Русской молодежи, можетъ быть, недостаточно обращали вниманія на дѣйствительные пожары, которые съ замѣчательнымъ постоянствомъ ежегодно опустошаютъ наши города и села. Эта продолжительная и неослабѣвающая эпидемія безъ всякаго сомнѣнія требуетъ скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, ибо грозитъ консервативнымъ началамъ не мнимою, а серьезною опасностію. Голодъ, постоянные пожары и тому подобныя бѣдствія охватываютъ цѣлыя населенія; а извѣстно, что обнищалыя массы могутъ представить матеріалъ, весьма при-

* Рѣчь идетъ объ издателяхъ Московскихъ Вѣдомостей.

годный для людей злонамѣренныхъ, матеріалъ дѣйствительно опасный для общественнаго порядка. Печати нашей вмѣсто благодушныхъ ссылокъ за неосторожное обращеніе съ огнемъ, слѣдовало бы обратить на этотъ предметъ болѣе серьёзное вниманіе и поискать, нѣтъ ли тутъ систематической и настойчивой подготовки упомянутаго матеріала, а слѣдовательно обсудить возможно лучшія мѣры къ скорѣйшему пресѣченію зла. Публицистика наша никогда не должна упускать изъ виду, что самый вѣрный способъ укрѣплять охранительныя начала заключается не въ Донъ-Кихотской борьбѣ съ вѣтряными мельницами, а въ экономическихъ и вообще гражданскихъ мѣрахъ, болѣе и болѣе обезпечивающихъ личную и имущественную безопасность. Въ этомъ отношеніи возрастающая дороговизна, которая тяжело падаетъ на бѣдные классы, и рядомъ съ нею продолжающаяся наклонность къ непомѣрной роскоши высшихъ слоевъ общества (наклонность, которая распространяла привычку жить сверхъ своего состоянія и входить въ долги) представляли для печати болѣе достойный предметъ вниманія, чѣмъ многое другое; хотя бы, напримѣръ, тщательное наблюденіе надъ всѣми перипетіями внутренней Австрійской политики, представляющей безконечную борьбу централизма, дуализма и федерализма.

Что касается до молодаго поколѣнія, то разумѣется, главная обязанность общества по отношенію къ нему, это забота о его образованіи, т.-е. образованіи возможно болѣе солидномъ. Будущій историкъ Русскаго развитія отдастъ полную справедливость и этой отрасли правительственныхъ заботъ нашего времени. Одушевленная истинно отеческими чувствами, государственная власть употребляетъ всѣ средства и всѣ усилія, чтобы поставить наше среднее и высшее образованіе на прочную общеевропейскую основу и освободить его отъ тѣхъ колебаній, которымъ оно доселѣ подвергалось. Болѣе благихъ попеченій и болѣе энергическихъ усилій невозможно и желать съ этой стороны. Здѣсь мы должны хотя немного коснуться тѣхъ публицистовъ, которые посвятили этому вопросу много труда, и проводили свои мысли съ замѣчательнымъ талантомъ и энергіей. Но странное дѣло! Отчего же въ столь благомъ дѣлѣ они не встрѣтили себѣ достаточно сочувствія, и мало-по-малу заняли такое, можно сказать, одинокое положеніе въ нашей печати? Неужели наше общество не цѣнитъ, неспособно оцѣнить пользу того солиднаго образованія, которое они проповѣдывали? Утверждать что либо противное было бы несправедливо. Приписывать такую безтолковость Русскому обществу значило бы клеветать на него. Чтобы быть справедливымъ въ данномъ случаѣ, надобно строго отличить сочувствіе къ сущности дѣла отъ несочувствія къ тѣмъ

пріемамъ, которые были пущены въ ходъ охранительными публицистами. Борьба съ противнымъ мнѣніемъ, довольно слабымъ по своимъ аргументамъ, хотя и не представляла особой трудности, требовала однако нѣкоторой доли терпѣнія и возможно-разносторонняго объясненія вопроса. Поборники солиднаго образованія,* дотолѣ столь высоко стоявшіе въ общественномъ мнѣніи, явившіеся столь достойными сотрудниками нашего умственнаго движенія, бывшіе представителями консервативно-либеральнаго направленія, къ прискорбію наиболѣе образованной части публики, не сохранили того достоинства и той спокойной силы убѣжденія, которыхъ требовали важность и великое общественное значеніе самаго предмета. Они дали излишнюю волю своему самолюбію; въ пылу раздраженія послышались невѣрныя ноты и въ самой системѣ доказательствъ,—такія ноты, которыя негармонично отзывались на инстинктахъ общества. Они незамѣтно для себя уклонились отъ прямаго пути, и вмѣсто того, чтобы раскрывать передъ публикой истинное и высокое значеніе общеевропейской школы, постарались придать ей оттѣнокъ какой то чрезвычайной и (если можно такъ выразиться) осадной мѣры. Для публициста мало того, чтобы онъ проводилъ какое либо благое начинаніе; надобно, чтобы онъ проводилъ его съ тактомъ, съ достоинствомъ и съ чувствомъ мѣры, а иначе вмѣсто того, чтобы облегчить наилучшее и прочное осуществленіе этого благаго начинанія, можно искусственно умножить для него разныя затрудненія. Охранительные публицисты безспорно показали много ловкости въ достиженіи ближайшихъ цѣлей; но, повторяемъ, въ такомъ важномъ воспитательномъ дѣлѣ требовалось болѣе просвѣщеннаго отношенія къ нему, болѣе терпимости, гуманности и достоинства. Да, по отношенію къ этимъ высоко стоявшимъ публицистамъ, нельзя не вспомнить старой исторической истины: легче достигнуть извѣстной высоты, чѣмъ на ней удержаться. Не рѣдко люди, одушевленные самою благою идеею, не встрѣчали у своихъ современниковъ достаточно сочувствія только потому, что не сохранили мѣры и обнаружили излишекъ самолюбія.

Тѣмъ не менѣе Русское общество никогда не должно забывать многихъ услугъ, оказанныхъ этими публицистами дѣлу Русской цивилизаціи. Стоитъ только вспомнить ихъ неослабную борьбу со всякаго рода ложными ученіями, ихъ завоеванія на поприщѣ нашего печатнаго слова, постоянную защиту экономическихъ интересовъ общества, героическую борьбу съ Польскими притязаніями и тщательную разработку вопроса по обрусѣнію западныхъ окраинъ, необычайную энергію въ вопросѣ о желѣзныхъ

* Т.-е. Катковъ и Леонтьевъ.

путяхъ, и многое другое. Наконецъ послѣдняя, и едвали не самая важная, ихъ услуга — это постановка и обработка вопроса о Европейской школѣ. И то надобно сказать: не ихъ вина, если въ Русской печати не нашлось ни одного органа, который бы съумѣлъ, исходя отъ тѣхъ же началъ, смягчить то, что было шероховатаго и односторонняго въ дальнѣйшей обработкѣ этого вопроса. А извѣстно, что какъ бы ни былъ уменъ человѣкъ, горячо преданный какой либо идеѣ, онъ неизбѣжно впадаетъ въ односторонность, если не встрѣтитъ себѣ надлежащей сдержки.

Послѣднее, довольно громкое событіе нашего времени—это Хивинскій походъ. Тщательно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, подготовленный планъ экспедиціи былъ исполненъ съ замѣчательной энергіей и стойкостью. Главная задача экспедиціи заключалась въ томъ, чтобы преодолѣть всѣ трудности, представляемыя природою, и дойти до Хивы. Эта задача была рѣшена такъ, что возбудила удивленіе всего образованнаго міра. Чего нельзя сдѣлать съ такими войсками! Неукротимыя племена Средней Азіи оказали такое отчаянное сопротивленіе, которое даже превзошло ожиданія; но всѣ усилія восточныхъ варваровъ разбились о наши колонны. Однако, утѣшаясь подвигами своей арміи, не будемъ забывать примѣры изъ древней и новѣйшей исторіи, которые доказываютъ, что, какъ ни трудна иногда бываетъ побѣда надъ природою, но еще труднѣе побѣдить того противника, который съ мужествомъ соединяетъ хорошую организацію. Слѣдовательно, будемъ преуспѣвать въ организаціи, ни въ чемъ не уступающей нашимъ западнымъ сосѣдямъ. Русская печать съ должнымъ сочувствіемъ отозвалась на военные успѣхи въ Азіи, и съ большимъ успѣхомъ принялась обсуждать тѣ выгоды, которыя можно извлечь изъ нихъ, и тѣ мѣры, которыя должны обезпечить эти выгоды. Ибо, едва экспедиція кончилась, какъ стало ясно, что у насъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, готова повториться исторія Кавказской войны, при чемъ малодоступные скалы и лѣса смѣнились еще менѣе доступными пустынями и песками. Но наше время сравнительно съ прошедшимъ имѣетъ превосходство опытности и болѣе систематическаго отношенія къ дѣлу; а всестороннему обсужденію послѣдняго по мѣрѣ силъ будетъ помогать и Русская печать.

Итакъ,—каковы бы ни были временныя уклоненія отъ прямой дороги, случавшійся иногда недостатокъ осторожности, такта, или просто ложное направленіе того или другаго органа,—въ итогѣ исторія все-таки отдастъ полную справедливость заслугамъ Русскаго печатнаго слова за послѣднія осьмнадцать лѣтъ. Эти заслуги получатъ еще большую цѣну, если возьмемъ въ разсчетъ относительную молодость и малую опытность нашей публицистики. Остается пожелать, чтобы на будущее время для борьбы

со всякою ея фальшью, со всякою крайностію и односторонностію нашлось достаточно интеллигентныхъ силъ и энергіи въ средѣ самого же печатнаго слова. Впрочемъ, какіе бы ни появлялись время отъ времени туманы, навѣянные на поверхность Русскаго общества крайними направленіями съ той и другой стороны, они разсѣятся при первыхъ лучахъ свѣта и правды; они не поколеблятъ ни здраваго смысла Русскаго народа, ни его безграничной преданности къ своему Верховному вождю и соединенныхъ съ нею упованій.

Уроки исторіи. *

Въ первой книжкѣ Русскаго Архива за текущій годъ мы предложили вниманію публики обзоръ Русской печати въ новѣйшій періодъ нашей исторіи. Такъ какъ Русское печатное слово за это время касалось почти всѣхъ важнѣйшихъ сторонъ общественной жизни, то авторъ естественно долженъ былъ высказать свой взглядъ на эти стороны, по крайней мѣрѣ на тѣ, которыя наиболѣе доступны его наблюденію. При своемъ общемъ обзорѣ онъ не входилъ въ подробности и ограничился только краткими замѣтками. Между тѣмъ два-три высказанныя имъ положенія, затрогивающія наиболѣе живыя воспоминанія изъ недавняго прошедшаго, требуютъ болѣе полнаго объясненія. Если не печатно, то изустно нѣкоторыя уважаемыя нами лица заявляли это требованіе, и мы вполнѣ признаемъ его справедливость. Рѣчь идетъ преимущественно о той части нашего обзора, которая касается отношенія общества къ своему молодому поколѣнію.

Охотно продолжаемъ нашу бесѣду съ читающею публикою, избирая для этой цѣли историческое изданіе именно потому, что свои положенія и объясненія мы основываемъ преимущественно на урокахъ исторіи. Возобновляемъ бесѣду тѣмъ съ бо́льшею готовностію, что въ этотъ короткій промежутокъ времени обнародовано два акта великой важности, и при томъ относящіеся къ той сторонѣ общественнаго развитія, о которой ведемъ нашу рѣчь. Я разумѣю Высочайшій рескриптъ 24 Декабря 1873 года, данный на имя министра народнаго просвѣщенія графа Димитрія Андреевича Толстаго, и Высочайшій манифестъ 1 Января 1874 года о всесословной воинской повинности. Оба эти акта имѣютъ между собой тѣсную внутреннюю связь. Въ первомъ, т.-е. въ рескриптѣ 25 Декабря, Верхов-

---

* Русскій Архивъ. 1874, №№ 2 и 3.

ная Власть вновь подтверждаетъ свое рѣшеніе вопроса о средне-учебныхъ заведеніяхъ,—рѣшеніе, произнесенное въ пользу обще-европейскаго солиднаго образованія. Въ виду такого подтвержденія, по нашему крайнему разумѣнію, Русская печать могла бы прекратить дальнѣйшія пререканія о господствѣ того или другаго начала въ учебной системѣ, и тѣмъ болѣе, что рескриптъ кромѣ классической школы, необходимой для тѣхъ, которые готовятъ себя къ высшему образованію, указываетъ и другой родъ средне-учебныхъ заведеній, имѣющій въ виду «приспособленіе къ полезной практической дѣятельности». Для печати нашей было бы дѣломъ истиннаго патріотизма общими, соединенными силами помогать наилучшему осуществленію Державной воли. Извѣстно, что вслѣдствіе жаркихъ споровъ каждая сторона неизбѣжно впадаетъ въ крайность и односторонность, чему яркій примѣръ представила наша публицистика по отношенію къ учебной реформѣ.

Далѣе въ этомъ актѣ выражаются особыя попеченія Монарха о распространеніи просвѣщенія въ низшихъ слояхъ Своего народа. Рескриптъ прямо указываетъ намъ на «потребности времени и замѣчаемое въ настоящую пору повсемѣстное въ Имперіи стремленіе къ образованію». При этомъ въ немъ говорится о необходимости вести дѣло народнаго образованія въ такомъ направленіи, которое долженствуетъ «распространить въ населеніяхъ, вмѣстѣ съ грамотностью, ясное разумѣніе божественныхъ истинъ ученія Христова съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго долга». Уже и теперь число народныхъ училищъ въ Россіи достигло значительныхъ размѣровъ; какая же ихъ масса предстоитъ еще впереди, когда постепенно будетъ осуществляться Высочайше выраженное желаніе относительно ихъ «размноженія!» Понятно, что эти школы и ихъ цѣлесообразное направленіе, въ духѣ религіи и нравственности, требуютъ неусыпнаго надзора со стороны государственныхъ органовъ. Но спеціальный органъ нашего школьнаго образованія, т.-е. министерство народнаго просвѣщенія, не имѣетъ въ своемъ распоряженіи столько наличныхъ средствъ, чтобы вполнѣ удовлетворить такой обширной потребности. Ближайшимъ сотрудникомъ его въ этомъ священномъ дѣлѣ конечно было и будетъ духовенство. Но и его настоящія средства не стоятъ въ уровень съ потребностью. Отсюда вполнѣ естественна мысль призвать къ участію въ дѣлѣ народнаго образованія «всѣ просвѣщеннѣйшія силы страны», и тутъ на первомъ планѣ является конечно Русское дворянство. Поэтому призывъ, обращенный къ «вѣрному дворянству» стать на стражѣ народной школы, чтобы наряду съ спеціальными органами охранять ее отъ всякихъ тлетворныхъ вліяній, этотъ призывъ есть

актъ государственной мудрости и вмѣстѣ Высочайшаго довѣрія къ сословію, которое пользовалось доселѣ и большими гражданскими правами, и большею политическою опытностію сравнительно съ другими сословіями.

Въ виду громадной важности народныхъ школъ естественно желать еще одного контроля—со стороны общественнаго мнѣнія, т.-е. печати. До послѣдняго времени какъ самое земство, такъ и заведенныя имъ школы стояли почти въ сторонѣ отъ этого контроля. Такимъ образомъ благія начинанія не получали должнаго поощренія, а факты, заслуживающіе неодобренія, проходились молчаніемъ. До общества доходили только неясные слухи съ одной стороны объ усердіи нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей къ народному образованію, съ другой о томъ, что въ такой-то губерніи два-три народныхъ учителя обнаружили легкомысліе и вредное направленіе, или что такое-то земство, послѣ перемѣнъ въ своемъ личномъ составѣ, вмѣсто размноженія школъ принялось подъ разными предлогами закрывать и тѣ, которыя были имъ открыты. Недостатокъ гласности всегда покровительствуетъ злонамѣренности и всякаго рода недоразумѣніямъ, которыя ведутъ потомъ къ невѣрнымъ толкованіямъ и преувеличеннымъ представленіямъ. Общество такимъ образомъ не имѣло возможности своевременно замѣчать и устранять какія либо неправильности. Однимъ словомъ, для наилучшаго выполненія державной воли необходимо употребить всѣ наличныя средства и всѣ возможныя старанія.

Относительно рескрипта 25 Декабря мы позволимъ себѣ предложить вопросъ: вполнѣ ли наше общество поняло и оцѣнило его значеніе? Беремъ смѣлость предложить этотъ вопросъ въ виду того обстоятельства, что въ послѣднее время нельзя было не замѣтить нѣкотораго ослабленія той духовной энергіи, которая была вызвана важными преобразованіями настоящаго царствованія. Вмѣстѣ съ этимъ ослабленіемъ замѣчалась и какая-то наклонность къ разнаго рода недоумѣніямъ. Такая наклонность поддерживалась отчасти тѣми крайними, односторонними толкованіями, которыя мы слишкомъ часто встрѣчали въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати, имѣющихъ привычку свои комментаріи направлять болѣе или менѣе въ извѣстную, имъ любезную, сторону. Будемъ надѣяться, что никакое толкованіе не дерзнетъ коснуться акта 25 Декабря, помимо его прямаго, буквальнаго смысла *.

---

* Въ этомъ актѣ прямо и положительно указаны „учительскіе институты и семинаріи для приготовленія наставниковъ народныхъ училищъ“. Содержаніе рескрипта не оставляетъ сомнѣнія, что, въ виду громадной потребности въ учителяхъ, эти заведенія должны постепенно размножаться. Поэтому мы не совсѣмъ понимаемъ тѣ комментаріи, которые приходятъ къ противоположному выводу. Авторъ ихъ признаетъ,

Переходимъ теперь къ Высочайшему манифесту 1 Января 1874 года. Этотъ великій историческій актъ, возвѣстившій намъ о новомъ уставѣ воинской повинности, по своему содержанію, ясному какъ день, не можетъ подлежать разнорѣчивымъ истолкованіямъ. Вниманію нашего общества особенно указываемъ на драгоцѣнныя слова манифеста: «Мы не имѣемъ намѣренія отступить отъ началъ, которымъ неуклонно слѣдовали во все Наше царствованіе. Мы не ищемъ, какъ не искали до сихъ поръ, блеска военной славы, и лучшимъ жребіемъ ниспосланнымъ Намъ отъ Бога почитаемъ вести Россію къ величію путемъ мирнаго преуспѣянія и всесторонняго внутренняго развитія». Эти слова, произнесенныя съ высоты Престола, прямо и успокоительно отвѣчаютъ на нѣкоторыя недоумѣнія, возникшія въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ. И пусть замолкнутъ тѣ голоса, которые пытались отвлечь насъ отъ упомянутыхъ началъ, т.-е, отъ *всесторонняго* внутренняго развитія.

Что касается до самаго устава о воинской повинности, то мы не имѣемъ въ виду входить въ его разсмотрѣніе. Печать русская уже поспѣшила оцѣнить эту реформу и указать на ея государственное значеніе. Но мы не можемъ не привѣтствовать тѣ два положенія, которыя вошли въ новый уставъ, какъ его главнѣйшія основанія: это, во-первыхъ, повинность всесословная, а во-вторыхъ, недопущеніе денежнаго выкупа и замѣны охотниками. Численный составъ нашей арміи конечно немногимъ увеличится отъ обязанности всесословной. Но это условіе должно возвысить ея моральную силу. Недопущеніе выкупа и найма охотниковъ есть собственно неизбѣжный выводъ изъ перваго, главнаго условія, т.-е. всесословности. Безъ этого втораго условія и первое было бы значительно ослаблено, и въ дѣйствительности вся тяжесть повинности пала бы опять

что „учительскія семинаріи составляютъ въ настоящее время неоспоримую потребность“, но въ то же время ему *кажется*, „что значительныя суммы, которыя требуются на содержаніе этихъ учительскихъ семинарій, тратились бы съ большею пользою на улучшеніе быта сельскихъ учителей, получившихъ образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ и ожидающихъ очереди священства“ (*Москов. Вѣд.*). Учительскія семинаріи и въ настоящее время не могутъ удовлетворить и сотой доли потребности въ сельскихъ учителяхъ; а что же будетъ впослѣдствіи, съ разможеніемъ народныхъ школъ? Совершенно справедливо и очень полезно привлечь къ преподаванію какъ можно болѣе воспитанниковъ духовныхъ семинарій, окончившихъ курсъ (каковыхъ найдется слишкомъ незначительное количество сравнительно съ потребностью); но слѣдуетъ ли отсюда тотъ выводъ, что надобно закрыть учительскія семинаріи, чтобы средства ихъ обратить на воспитанниковъ духовныхъ семинарій? И какъ согласить этотъ выводъ съ „неоспоримою потребностію“ въ учительскихъ семинаріяхъ? А что послѣднія должно вообще привести въ болѣе тѣсную связь съ церковью, противъ этого едва ли кто будетъ возражать.

на тотъ же низшій слой. Кромѣ того не должно упускать изъ виду и наши многочисленные инородческіе элементы. При допущеніи выкупа или найма охотниковъ, значительная часть этихъ элементовъ (и въ особенности самый многочисленный изъ нихъ, Еврейскій) могли ускользать отъ личной повинности, и наши военныя потери отражались бы преимущественно на коренномъ Русскомъ населеніи, оставляя спокойно размножаться населенія инородческія.

Интересы средняго и высшаго образованія сохранены въ уставѣ по мѣрѣ возможности. Что же касается до образованія элементарнаго, то пунктъ устава, позволяющій увольнять отъ дѣйствительной службы ранѣе срока, какъ нельзя лучше можетъ быть примѣненъ именно къ людямъ грамотнымъ, согласно съ указаніемъ Манифеста. А послѣднее обстоятельство въ свою очередь сильно поощритъ распространеніе грамотности въ нашемъ крестьянскомъ сословіи. Если можно было бы предложить какой вопросъ, такъ это относительно жребія, т.-е. на сколько онъ соотвѣтствуетъ потребностямъ государства и принципу уравнительности вообще. Вопросъ этотъ конечно находится въ связи съ срокомъ дѣйствительной службы. Пятнадцать лѣтъ общей службы и шесть лѣтъ дѣйствительной—это въ сущности то же, что было до сихъ поръ: и прежде солдатъ оставался подъ знаменами около того же количества лѣтъ, а за тѣмъ увольнялся въ безсрочный отпускъ. Вполнѣ уважаемъ причины, которыя побудили правительство оставить тѣ же сроки для ближайшаго будущаго (мы именно считаемъ себя въ числѣ сторонниковъ осторожности и постепенности въ государственныхъ начинаніяхъ великой важности). Съ вопросомъ о срокѣ дѣйствительной службы находится по всей вѣроятности въ тѣсной связи вопросъ объ образованіи для арміи хорошихъ унтеръ-офицеровъ. Впослѣдствіи, при удовлетворительномъ его разрѣшеніи, срокъ дѣйствительной службы можетъ быть постепенно сокращенъ, и это обстоятельство позволитъ значительно большему количеству нашей молодежи пройти черезъ практическую военную школу, столь полезную для поддержанія и укрѣпленія общественной дисциплины. Далѣе, новый уставъ пока не даетъ намъ полныхъ свѣдѣній о государственномъ ополченіи. Можетъ быть, статья эта еще подлежитъ законодательной обработкѣ. Государственное ополченіе созывается Высочайшими манифестами въ случаѣ надобности, т.-е. конечно въ военное время. Но вопросъ въ томъ, будутъ ли ратники являться подъ знамена съ такою же совершенною неподготовкою въ военномъ отношеніи какъ доселѣ, или молодые люди на извѣстные короткіе сроки будутъ собираться въ ближайшихъ пунктахъ для упражненій въ искусствѣ владѣть оружіемъ и ознакомленія съ воен-

ными пріемами, или для достиженія той же цѣли будутъ приняты иныя мѣры *. Новый уставъ воинской повинности представляетъ вообще великое улучшеніе въ томъ отношеніи, что онъ будетъ падать почти исключительно на молодежь, слѣдовательно на людей свѣжихъ, еще неослабленныхъ физическими и моральными недугами, на людей, которымъ труды, лишенія и вліяніе нашего суроваго климата менѣе чувствительны, чѣмъ возрасту болѣе пожилому. Молодежь обыкновенно не успѣла еще обзавестись собственнымъ семействомъ; а потому осиротѣлыя семьи и несчастные, оторванные отъ нихъ, отцы отнынѣ будутъ гораздо болѣе рѣдкимъ явленіемъ.

Во вступительной части Манифеста прямо указано на новѣйшія событія и на примѣръ другихъ державъ, какъ на главнѣйшія побужденія къ уставу всесословной воинской повинности. Въ настоящихъ замѣткахъ мы именно желали бы напомнить Русскому обществу о той доли вліянія, которую оказываютъ и должны оказывать на наше развитіе Европейскіе событія и примѣры. Разъ вступивъ въ семью Европейскихъ народовъ и занявъ между ними такое важное мѣсто, мы уже не можемъ отказаться отъ ихъ вліянія и отъ участія въ ихъ общемъ прогрессивномъ движеніи, если желаемъ не только сохранить это мѣсто, но и сравняться съ ними въ дѣлѣ цивилизаціи. Военныя учрежденія составляютъ одну изъ первѣйшихъ сторонъ государственнаго быта, и отсталость въ этомъ дѣлѣ ведетъ къ жестокимъ испытаніямъ въ послѣдствіи. Не говоримъ о другихъ историческихъ примѣрахъ; укажемъ на самый крупный, т.-е. на покойную Рѣчь Посполитую, которая погибла потому, что не послѣдовала за движеніемъ своихъ сосѣдей, т.-е. за развитіемъ абсолютной центральной власти и регулярныхъ армій. Можетъ быть, намъ приведутъ примѣръ Англіи, которая уже нѣсколько столѣтій процвѣтаетъ и занимаетъ столь почетное мѣсто между великими державами міра почти безъ всякой военной повинности. Но именно Англія въ данномъ случаѣ и не можетъ служить примѣромъ для континентальныхъ державъ. Ея исторія прежде всего обусловилась тѣмъ, что она островъ. Разъ объединивъ подъ одною короною населенія Великобританіи и Ирландіи, Англія уже не имѣла

---

* Въ этомъ отношеніи впослѣдствіи устроенные земствами маленькіе лѣтніе лагери или зимніе манежи, въ которыхъ однѣ группы молодыхъ людей постоянно смѣнялись бы другими, были бы очень полезны. Далѣе, по отношенію къ военной подготовкѣ, укажемъ на ту пользу, которую можетъ принести повсемѣстное распространеніе гимнастики отъ сельской школы до университета. А чтобы оживить ея однообразіе, рекомендуемъ обратить особое вниманіе педагогіи на введеніе и распространеніе разныхъ игръ.

нужды содержать значительную регулярную армію; ей некуда было расширяться; въ то же время для нея почти не существовало внѣшняго давленія со стороны сосѣдей. Предоставленная самой себѣ, она въ послѣдніе два-три вѣка могла такимъ образомъ почти безъ помѣхи предаваться внутреннему развитію. Сильный флотъ и искусная политика, поддержанная золотомъ, доселѣ ограждали ее отъ непріятельскихъ вторженій. Но совсѣмъ другія условія, а слѣдовательно и другую исторію мы видимъ на континентѣ, гдѣ народамъ постоянно приходилось отстаивать или терять не только свои границы, но часто и свою самобытность. Отсюда понятно возрастаніе сильной центральной власти и сильной арміи, какъ необходимое условіе самобытнаго, національнаго развитія. Но исторія не останавливается долго на одной ступени. Съ теченіемъ времени, при новыхъ изобрѣтеніяхъ и при успѣхахъ цивилизаціи вообще, и самыя географическія условія могутъ оказаться не столь состоятельными въ дѣлѣ защиты какъ прежде. Что же будетъ тогда съ Англіей? Общество Англійское нечуждо сознанія грядущихъ опасностей. Недавнія потрясающія событія на континентѣ замѣтно встревожили его спокойствіе и самоувѣренность. Въ немъ также возникъ было вопросъ о военной повинности, но повидимому заглохъ слишкомъ скоро, и дѣло не пошло далѣе отмѣны нѣкоторыхъ слишкомъ устарѣлыхъ обычаевъ, въ родѣ покупки чиновъ въ арміи. Съ этимъ вопросомъ связанъ другой, болѣе существенный: на сколько въ Англіи сильна центральная власть? Необходимо при этомъ сдѣлать оговорку: мы разумѣемъ собственно силу, а не форму центральнаго правительства. Въ античныхъ республикахъ, напримѣръ, оно по своей формѣ не походило на новыя Европейскія государства; тѣмъ не менѣе оно было абсолютно, и эпохи высшаго процвѣтанія этихъ республикъ совпадаютъ съ высшимъ развитіемъ правительственнаго авторитета. Въ Англіи центральная власть раздѣлена между правительствомъ и двухкамерною палатою. Но и при полномъ ихъ согласіи, въ состояніи ли эта власть въ настоящее время подготовить и выполнить, напримѣръ, такую коренную реформу какъ всеобщая воинская повинность, если бы она рѣшилась заблаговременно обезопасить націю отъ случайностей въ будущемъ? Мы позволяемъ себѣ сомнѣваться, и судьба Кареагена невольно приходитъ намъ на память.

Заговоривъ о вліяніи, какое имѣютъ на наше развитіе событія и примѣры другихъ Европейскихъ народовъ, мы предложимъ весьма нелишній вопросъ: всегда ли наше общество — а слѣдовательно и наша печать — вѣрно понимали и оцѣнивали значеніе этихъ событій и примѣровъ? Не поддавались ли они излишней впечатлительности въ этомъ отношеніи и

не приходили ли часто къ слишкомъ поспѣшнымъ сравненіямъ и выводамъ? Не истекали ли отсюда иногда преувеличенныя представленія и ложные страхи?

Чтобы недалеко ходить за объясненіями, возьмемъ для примѣра недавно совершавшееся передъ нашими глазами движеніе на крайнемъ Западѣ Европы. Что такое всѣ эти революціонныя движенія во Франціи и Испаніи? Откуда эта упорно возвращающаяся идея республики, несмотря на постоянное въ ней разочарованіе? Отчего же ихъ неудовлетворяетъ монархія, окруженная народными представителями, процвѣтающая въ средней и сѣверной Европѣ? Главная причина такого явленія, по нашему крайнему пониманію, коренится въ различіи этнографическихъ типовъ и исторической почвы. Романскіе народы сложились на той почвѣ, гдѣ древній Римъ дѣйствовалъ, вліялъ и созидалъ непосредственно; кромѣ того они сложились при явномъ преобладаніи Кельтическихъ элементовъ въ своемъ составѣ. А Кельтическіе народы обнаружили особую воспріимчивость по отношенію къ Римской цивилизаціи. Со времени Эпохи Возрожденія, когда началось восторженное поклоненіе древнему міру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постепенное его изученіе или знакомство съ античными писателями и поэтами, въ сознаніи Романскихъ народовъ (т.-е. ихъ интеллигенціи) мало-по-малу начали пробуждаться или воскресать образы древнихъ республикъ, каковы Спарта, Аѳины; но особенно ихъ идеалы и симпатіи обратились конечно къ республикѣ Римской. Съ тѣхъ поръ на Романской почвѣ постоянно носился этотъ неотвязный призракъ, привлекательности котораго много способствовали пылкое воображеніе южныхъ народовъ и недостаточно глубокое пониманіе древняго міра. Да, знакомство съ древними языками и вообще съ древнимъ міромъ было одною изъ многихъ причинъ Французской революціи 1789 года. Мы были бы несправедливы и неискренни, если бы приняли сторону того мнѣнія, которое отрицало такое положеніе *. Однако посмотрите, въ теченіе какого

* Это почти единственный пунктъ, въ которомъ я не могу согласиться съ запискою покойнаго Т. Н. Грановскаго относительно классическаго элемента въ гимназіяхъ. Признаться, даже трудно себѣ представить, чтобы историкъ могъ совершенно отрицать приведенное нами положеніе. Очевидно, данный пунктъ не былъ подвергнутъ надлежащему анализу. Въ противномъ случаѣ раждается вопросъ: былъ ли въ этомъ пунктѣ вполнѣ откровененъ нашъ незабвенный профессоръ? Не забудемъ, въ какое время составлялъ онъ свои замѣтки. Можетъ быть, онъ предпочелъ обойти такой щекотливый пунктъ изъ опасенія не быть хорошо понятымъ. Его замѣтки относятся къ концу того періода, когда граждане, близко принимавшіе къ сердцу общественные интересы, чтобы сказать свое слово, прибѣгали къ формѣ записки, назначаемой для того или другаго высокопоставленнаго лица. Мы несравненно счастли-

долгаго періода подготовлялись слѣдствія этой идеи: отъ Эпохи Возрожденія до конца XVIII столѣтія, т.-е. почти два съ половиной вѣка. Притомъ нужно было стеченіе многихъ обстоятельствъ и соединеніе многихъ условій, чтобы революція 1789 года сдѣлалась возможною. А прежде всего нужно было такому слабому и непослѣдовательному королю какъ Людовикъ XVI явиться именно въ то время, когда страна нуждалась въ твердомъ, энергичномъ правителѣ, чтобы рядомъ постепенныхъ и неуклонныхъ мѣропріятій, безъ сильныхъ потрясеній, обновить свою общественную жизнь и выдти на путь дальнѣйшаго историческаго развитія. Съ тѣхъ поръ Франція мятется, и до нашихъ дней не находитъ себѣ выхода изъ безконечной перемѣны правительственныхъ лицъ и формъ; а порядокъ общественный неизбѣжно ищетъ себѣ спасенія только въ военной диктатурѣ.

Другая Романская страна, Испанія, подпала вліянію тѣхъ же идей со времени Бурбонской династіи и особенно со времени Французскаго владычества при Наполеонѣ I. Идеалы, заимствованные изъ Римской исторіи, пали здѣсь на такую же благодарную почву. Въ Испаніи также сохранились многочисленные древніе города, въ которыхъ воскресли преданія Римскихъ муниципій. Здѣсь точно также суждено было явиться такимъ недальновиднымъ правителямъ, каковы были послѣдніе Испанскіе Бурбоны, чтобы сдѣлать привлекательными мечты о так. наз. республиканской свободѣ. Но и тутъ точно также вмѣсто преословутой свободы мы видимъ пока постоянное обращеніе къ военной диктатурѣ, чтобы спасти общество отъ разрушительной анархіи *.

вѣе, ибо живемъ въ эпоху, когда подобные граждане имѣютъ возможность безпрепятственно высказывать свое мнѣніе въ печати, не утруждая правительство своими записками.

* По поводу Испанскихъ событій послѣдняго времени мнѣ приходитъ на память одинъ разговоръ. Въ Апрѣлѣ 1871 года я плылъ на Французскомъ пароходѣ изъ Константинополя въ Аѳины. Въ числѣ пассажировъ находились два Испанца, повидимому принадлежавшіе къ весьма зажиточному классу: живой бодрый старикъ съ головой, украшенной сѣдинами, и его сынъ, очень молодой человѣкъ. Въ то время всѣ мы конечно находились подъ впечатлѣніемъ еще продолжавшихся событій во Франціи, и разговоръ неизбѣжно склонился на политику. Въ Испаніи уже водворилось тогда правительство Амедея; но старикъ, спутникъ мой, оказался отчаяннымъ республиканцемъ; да это и естественно, ибо онъ былъ изъ Барселоны. Когда же я спрашивалъ, что онъ имѣетъ сказать противъ Амедея, честно исполнявшаго конституцію, то Барселонецъ ничего не могъ отвѣчать кромѣ фразъ, смыслъ которыхъ былъ слѣдующій: за чѣмъ же мы будемъ тратить деньги на короля и его дворъ, когда можемъ обойтись и безъ нихъ? Событія показали, что республика съ ея неизбѣжными анархическими явленіями обходилась Испаніи несравненно дороже монархіи Амедея, что предвидѣть было очень не трудно и на что, помнится, я указывалъ Испанцу, но безъ успѣха. Таково вліяніе исторической почвы.

Если обратимся къ третьей Романской странѣ, къ Италіи, то здѣсь почва конечно еще болѣе способна поддерживать идеалы, заимствованные изъ временъ Римской республики. Кромѣ этихъ временъ, Итальянскіе города имѣютъ въ своихъ воспоминаніяхъ и другую блестящую республиканскую эпоху, именно вторую половину Среднихъ вѣковъ. Слѣдующій за тѣмъ продолжительный періодъ, ознаменованный гнетомъ со стороны сосѣднихъ націй и домашнихъ тирановъ, не истребилъ этихъ воспоминаній. Онѣ оживились при первомъ удобномъ случаѣ, а именно подъ вліяніемъ Французскаго господства въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія. Съ тѣхъ поръ и для Италіи также насталъ періодъ революціоннаго броженія. Но рядомъ съ республиканскими идеалами дѣйствовала другая еще болѣе сильная идея, это потребность въ самобытномъ развитіи, т.-е. потребность въ національномъ объединеніи, безъ котораго самобытность оказывалась почти невозможною. Послѣ неудачныхъ движеній 48 и 49 годовъ стремленіе къ единству окончательно взяло верхъ, и сдерживало республиканское направленіе революціи. Теперь, когда единство наконецъ осуществилось, народные вожди понимаютъ, что всѣ усилія націи должны быть устремлены на поддержаніе этого драгоцѣннаго пріобрѣтенія, а потому должны пока замолкнуть внутреннія распри. Кромѣ опасностей, угрожающихъ извнѣ, тутъ еще дѣйствуетъ одно весьма счастливое для Италіи условіе—это Савойскій домъ, а точнѣе сказать его настоящій представитель, король Викторъ Эммануилъ. * Онъ не только не упустилъ ни одного благопріятнаго обстоятельства для объединенія Италіи, но онъ съумѣлъ умиротворить ее и доселѣ поддерживать ея внутреннее спокойствіе, не прибѣгая ни къ какимъ реакціоннымъ мѣрамъ. Мы упомянули о главномъ условіи, вліяющемъ на умиротвореніе, т.-е о внѣшнихъ опасностяхъ, грозящихъ самобытности и единству Италіи; но и при этомъ условіи надобно знать, до какой степени трудно поддерживать внутренній миръ въ странѣ, изобилующей столькими горючими матеріалами, чтобы оцѣнить вполнѣ мудрую, дальновидную политику короля. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какою посредственностію считали иноземцы Виктора Эммануила сравнительно съ его Французскимъ союзникомъ! А событія показали, что Наполеону III, въ отношеніи государственнаго ума и личнаго мужества, далеко до Виктора Эммануила. Его умѣренность, ровность, даже наружная безпечность и простота явились качествами, соотвѣтствующими потребностямъ времени; оказалось, что эти качества отлично уживаются съ тонкою, дальновидною политикою.

* Читатель долженъ имѣть въ виду, что это писано въ 1874 г. *Поздн. примѣч.*

То, что мы сказали о вліяніи античныхъ идеаловъ на исторію новыхъ временъ, никоимъ образомъ не должно быть истолковано въ смыслѣ неблагопріятномъ для водворенія классической школы гдѣ бы то ни было, а тѣмъ болѣе у насъ. Направленіе новѣйшей исторіи въ Романской Европѣ, какъ мы сказали, находится въ непосредственной связи съ ея исторической почвой. Кромѣ того оно тѣсно связано съ этнографическими элементами, изъ которыхъ сложились Романскіе типы, и преимущественно съ элементомъ Кельтическимъ. Другія страны не имѣютъ этихъ условій. Напримѣръ, въ государствахъ средней и сѣверной Европы, т.-е. въ государствахъ Тевтонскихъ, мы не видимъ никакого особаго стремленія къ республиканскимъ формамъ, хотя изученіе древнихъ языковъ и древняго міра пользуется въ Германіи и Англіи еще бо́льшимъ вниманіемъ, нежели въ Романской Европѣ. Что значитъ почва въ этомъ отношеніи, показываетъ намъ еще одна страна, именно Греція. Едва выходящая изъ варварства, безсильная, она мечтаетъ уже воскресить времена Аѳинъ и Спарты и объединить всѣ земли, въ которыхъ слышенъ Греческій языкъ. Довольно жалкіе ораторы Аѳинской палаты депутатовъ, всходя на подмостки, воображаютъ себя на Пниксѣ и пародируютъ Демосѳена. А студенты Аѳинскаго университета считаютъ себя прямыми потомками Греческихъ героевъ и стремятся составить особый легіонъ, подражая священному отряду Пелопидову.

Вообще объясненіе историческихъ событій и того или другаго направленія въ жизни народовъ представляетъ чрезвычайную сложность, и совсѣмъ не такъ легко дается, какъ это многіе думаютъ. Въ настоящихъ замѣткахъ мы указываемъ преимущественно на одну изъ сторонъ; но всякая исторія народа имѣетъ весьма разнообразныя стороны и условія, и каждое важное событіе имѣетъ многія причины. Въ этомъ отношеніи замѣчательно поверхостными являются иногда историко-этнографическіе очерки Бокля. Напримѣръ, у него едва ли не вся Испанская исторія объясняется вліяніемъ католическаго духовенства. Ему не пришелъ въ голову простой вопросъ: а это вліяніе-то откуда взялось, и почему же у Испанцевъ оно было сильно, а у Нѣмцевъ слабо? Да и вообще иностранные писатели, разсуждавшіе о вліяніи папства и католицизма, сколько мы замѣтили, недостаточно уловили тѣсную связь между этимъ явленіемъ и этнографическими типами. Почему, напримѣръ, церковная реформація въ средней и западной Европѣ увлекла преимущественно Тевтонскіе элементы, а границы католической реакціи опредѣлились приблизительно границами Романскихъ, Кельтическихъ и отчасти Славянскихъ населеній? Такимъ образомъ не одна дальность или близость къ Риму обусловила прочность

католицизма и папства. Ирландія и Польша далѣе отъ него, чѣмъ Германія; однако тамъ католицизмъ устоялъ, не смотря на всѣ опасности и бури, которымъ онъ подвергался. Но возвратимся къ предмету своей бесѣды.

Поклоненію античнымъ республиканскимъ формамъ въ Романскихъ странахъ не мало способствовало и слишкомъ одностороннее, поверхностное отношеніе къ древнему міру. Въ этомъ дѣлѣ значительную долю участія имѣло классическое (собственно псевдоклассическое) направленіе Французской литературы XVII и XVIII вѣковъ, которое пропитывало цѣлыя поколѣнія преувеличенными и розовыми картинами изъ древняго міра. Это направленіе не прекращалось отчасти до послѣдняго времени, и мѣшало трезвому взгляду на античную цивилизацію. Не только поэты, но и историки, напримѣръ, часто упускали изъ виду, что развитіе античной цивилизаціи было основано на рабствѣ и что въ этомъ отношеніи она далеко уступаетъ цивилизаціи новой, христіанской. Во Французскихъ школахъ до послѣднихъ временъ древняя исторія по своимъ размѣрамъ слишкомъ преобладала надъ исторіей новыхъ Европейскихъ народовъ, и притомъ излагалась такъ, что существенное не выдѣлялось изъ массы мелочныхъ фактовъ. Это чрезмѣрное преобладаніе древней исторіи надъ новою обусловилось и политическими видами, т.-е. считалось въ числѣ якобы консервативныхъ мѣръ. Послѣдствія показали несправедливость подобной тенденціи. Германская школа, наоборотъ, въ XIX вѣкѣ, выработала болѣе равновѣсія между частями исторіи. Вообще къ историческому преподаванію Нѣмцы относились болѣе добросовѣстно и очень хорошо оцѣнили вліяніе исторической науки на развитіе юношества. Въ то же время и научная разработка античнаго міра въ Германіи и Англіи стала гораздо выше, чѣмъ въ Романской Европѣ. Нѣмецкое юношество изъ этого міра поучается законамъ историческаго развитія народовъ и государствъ и черпаетъ примѣры гражданскихъ доблестей; но оно повидимому уже не увлекается политическими формами древнихъ республиканскихъ городовъ, неприложимыми къ великимъ государствамъ новаго міра. Да это увлеченіе едва ли можетъ имѣть мѣсто при возможно-добросовѣстномъ изученіи среднихъ и новыхъ вѣковъ и при хорошемъ знакомствѣ съ исторіей своего отечества *.

---

* Считаю нужнымъ оговориться, что изъ нашихъ словъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ дѣлать какого либо преувеличеннаго вывода. Нѣтъ, главнымъ основаніемъ Европейской школы остаются все таки древніе языки. Но мы желаемъ напомнить о томъ значеніи, какое имѣетъ исторія какъ предметъ школьныхъ занятій; желали бы также предупредить относительно вредной для дѣла крайности и излишней односторонности въ ея преподаваніи.

Итакъ весьма несправедливы были тѣ, которые западно-европейское вліяніе на нашу исторію преувеличивали до крайности, и которымъ чудилось немедленное и серьезное повтореніе у насъ всякаго броженія и всѣхъ движеній, которыя совершались въ Западной Европѣ. Эти поверхностные мыслители совсѣмъ упускали изъ виду различіе исторической почвы, этнографическихъ типовъ, географическихъ условій, общественнаго и вообще государственнаго склада. Мы можемъ довольно скоро перенимать военное искусство, улучшенныя пути сообщенія, болѣе совершенныя формы печати, школъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій и т. д. Но и всѣ подобныя улучшенія, перенимаемыя цѣлымъ обществомъ и притомъ по иниціативѣ или съ разрѣшенія верховной власти, весьма медленно вліяютъ на наши привычки, почти не измѣняя коренныхъ чертъ народнаго характера. Вообще же политическія и экономическія идеи могутъ легко распространяться только тамъ, гдѣ для нихъ существуетъ соотвѣтствующая почва; во всякомъ случаѣ вліяніе ихъ на складъ народной жизни пока можетъ измѣряться только столѣтіями. Да, легкомысленно поступали тѣ, которые на основаніи какихъ либо скоропреходящихъ эфемерныхъ явленій поспѣшно провозглашали videant consules и старались нагнать панику на общество, чѣмъ повергали его только въ недоумѣніе и рисковали произвести уже не эфемерныя, а серьезныя замѣшательства. Если на нашей почвѣ и могли возникать какія либо прискорбныя событія, то, во-первыхъ, исторія показываетъ, что отъ подобныхъ событій не можетъ быть свободенъ ни одинъ народъ; а во-вторыхъ, они имѣли свои условія, свой характеръ, пока представлявшій мало общаго съ Западной Европой. Для примѣра укажу на великое внутреннее бѣдствіе Россіи во второй половинѣ прошлаго столѣтія, т.-е. на Пугачевщину. Есть ли какая-нибудь связь между этимъ событіемъ и Французской революціей 1789 года? Но мы увѣрены, не препятствуй тому хронологія, нашлись бы такіе мыслители, которые объяснили бы намъ Пугачевщину прямымъ слѣдствіемъ Французской революціи.

Затѣмъ, не входя въ разсмотрѣніе военностоличныхъ переворотовъ XVIII вѣка, которые не имѣли никакого отношенія къ формамъ государственнаго быта, а связаны были непосредственно съ вопросомъ о престолонаслѣдіи и совершались большею частію во имя легитимнаго начала,—перейдемъ къ пресловутой попыткѣ 14 Декабря. Справедливо ли то мнѣніе, которое приписываетъ это прискорбное событіе почти исключительно вліянію западныхъ революціонныхъ идей? Исторія не можетъ упускать изъ виду, что эти идеи получили у насъ нѣкоторый временный успѣхъ, именно въ ту эпоху, которая преимущественно характери-

зуется именами Аракчеева, Магницкаго и т. п., и которая послѣдовала за прогрессивною половиною царствованія Александра I. Но и это обстоятельство еще не главная причина событія. Нужно было случиться значительному государственному замѣшательству, чтобы легкомысленные заговорщики могли увлечь за собой часть гвардіи, т.-е. нужно было случиться междуцарствію. Да, мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что вина 14 Декабря отчасти падаетъ на тѣ довѣренныя лица, которыя знали о рѣшеніи своего Государя произвести перемѣну въ наслѣдованіи престола и не предупредили его о необходимости обнародовать эту перемѣну заблаговременно. Величайшая тайна, въ которой хранилось это рѣшеніе, конечно объясняется деликатностью въ отношеніи августѣйшихъ братьевъ; но въ политическомъ отношеніи, смѣемъ думать, это была ошибка: въ интересахъ государственнаго спокойствія слѣдовало заранѣе объявить народу истиннаго наслѣдника. Извѣстно, что заговорщики для своихъ фантастическихъ замысловъ воспользовались днями междуцарствія, чтобы обмануть солдатъ; послѣдніе конечно не имѣли никакого понятія объ этихъ замыслахъ и думали остаться вѣрными только что данной присягѣ; слѣдовательно ихъ недоразумѣнія истекали изъ того же легитимнаго начала. Твердость и рѣшительность молодаго Государя въ нѣсколько часовъ поправили дѣло, и всѣ замыслы легкомысленной группы разсѣялись какъ дымъ. 14 Декабря вновь и самымъ нагляднымъ образомъ показало всю прочность нашего государственнаго порядка; тѣмъ не менѣе впечатлѣнія этого дня имѣли свою долю вліянія на послѣдующую исторію.

Къ политическимъ движеніямъ западной Европы въ нашъ вѣкъ стали примѣшиваться идеи экономическія или соціальныя. Подобныя идеи естественно возникли тамъ, гдѣ для нихъ подготовилась и самая почва. Мы разумѣемъ западный пролетаріатъ, который главнымъ образомъ выросъ изъ ненормальныхъ отношеній между массою населенія и количествомъ земли. У насъ эти отношенія совершенно обратны: мы имѣемъ изобиліе въ землѣ, громадныя естественныя богатства и недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Тѣмъ не менѣе въ нашей печати возникла цѣлая школа, которая принялась пугать Русское общество западнымъ пролетаріатомъ. Эта мнимо-либеральная школа, изъ подражанія нѣкоторымъ крайнимъ теоретикамъ Запада, породила и у насъ нѣчто въ родѣ соціальнаго вопроса, хотя мы совсѣмъ не имѣемъ для него почвы. На подобный вопросъ мы можемъ смотрѣть какъ на пустой призракъ. Къ несчастію послѣднія событія во Франціи сообщили этому призраку еще большіе размѣры. Мы говоримъ о Парижской коммунѣ 1871 года или т. наз. красной республикѣ и ея международной пропагандѣ. Но откуда эта коммуна получила

такую силу въ 1871 году? Извѣстно, что Наполеонъ III, какъ узурпаторъ, прибѣгалъ къ разнымъ изворотамъ, чтобы поддерживать свой тронъ. Одною изъ наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи онъ и его сотрудники считали грозный призракъ красной республики, который долженъ былъ держать въ страхѣ богатую Французскую буржуазію. Въ настоящее время несомнѣнными документами доказано, что Наполеоново правительство само поддерживало существованіе красной партіи и даже тратило на этотъ предметъ значительныя суммы. А благодаря въ особенности затѣянной имъ перестройкѣ Парижа, масса рабочихъ въ этомъ городѣ весьма умножилась. При такихъ обстоятельствахъ красная партія получила нѣкоторую организацію и имѣла въ своемъ распоряженіи значительную матеріальную силу, когда вдругъ представился ей случай выступить на сцену. Послѣ Седана Франція, хотя и объявила себя республикой, но, вопреки своему древне-римскому идеалу, въ минуту крайней опасности, не избрала диктатора. Власть и дальнѣйшая судьба обороны фактически сосредоточились преимущественно въ рукахъ трехъ лицъ: Базена, Гамбетты и Трошю. И ни одинъ изъ нихъ не исполнилъ своего долга. Наиболѣе виновный, Базенъ, позабывъ объ отечествѣ, показывалъ видъ, что онъ остается вѣренъ имперіи и потому не хочетъ имѣть ничего общаго съ временнымъ правительствомъ. Гамбетта, какъ и слѣдовало ожидать, оказался не государственнымъ человѣкомъ, а республиканскимъ фанатикомъ; онъ хлопоталъ не столько объ отечествѣ, сколько о республикѣ, на что ясно указываетъ его вѣроломный образъ дѣйствія по отношенію къ Бретонцамъ, которые собрались идти на врага подъ девизомъ: Богъ и родина! Трошю, возбудившій столько надеждъ при своемъ назначеніи, оказался замѣчательно неспособнымъ полководцемъ. Все время осады, вмѣсто активной обороны, онъ занимался организаціей вновь набранной, многочисленной Парижской арміи, и все готовился перейти къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ, но такъ при этихъ приготовленіяхъ и остался. Онъ-то и есть непосредственный виновникъ послѣдующаго появленія Парижской коммуны. Во-первыхъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ ни одинъ сколько-нибудь здравомыслящій дѣятель не возьметъ на себя отвѣтственности за оборону, не потребовавъ для того диктаторской власти въ осажденномъ городѣ, т.-е. безусловнаго единства дѣйствія и, если Трошю ссылается на вмѣшательства другихъ членовъ временнаго правительства, то напрасно онъ допускалъ такую аномалію. Затѣмъ, въ началѣ осады, Парижское населеніе дѣйствительно было одушевлено энтузіазмомъ въ пользу отчаянной борьбы съ иноземнымъ нашествіемъ; энергичный, даровитый вождь искусно бы воспользовался этимъ энтузіазмомъ

и совершилъ бы славныя дѣла. Только геройскія усилія и подвиги могли поддержать это одушевленіе и увлечь на путь чести даже самые ненадежные, въ гражданскомъ смыслѣ, элементы Парижской арміи, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить имъ духъ истинной военной дисциплины. Даже въ случаѣ все-таки неудачнаго окончанія обороны, армія эта, гордая сознаніемъ, что она исполнила свой долгъ и утомленная безпрерывными битвами, спокойно и охотно возвратилась бы къ мирнымъ занятіямъ; а главное, она сохранила бы уваженіе къ своимъ предводителямъ. Вмѣто того, Трошю держалъ въ праздности подъ оружіемъ сотни тысячъ людей и далъ почти полную свободу развиваться въ этой массѣ вооруженнаго пролетаріата духу своеволія и мятежа. Оружіе было ему оставлено даже и по окончаніи осады. Послѣдствія извѣстны. Но господство коммуны, какъ нелѣпость, не могло долго продолжаться. Храбрая защита національныхъ гвардейцевъ противъ регулярной Французской арміи наглядно показала, что энергія и кровь, потраченныя на междоусобную войну, могли бы съ большею пользою для отечества быть употреблены на борьбу съ внѣшнимъ непріятелемъ.

Объясняя ближайшія причины упомянутыхъ событій, мы однако нисколько не должны упускать изъ виду всю неполноту подобныхъ объясненій и всю сложность причинъ вообще. Съ перваго взгляда обыкновенно кажется, что вся бѣда произошла отъ того или другаго лица. Но въ томъ то и дѣло, что, если въ критическую минуту нація не выставила достойныхъ вождей—вѣрный признакъ, что эта нація находилась въ глубокомъ моральномъ упадкѣ и что ей нуженъ сильный урокъ.

Могутъ ли имѣть какое-либо серьезное отношеніе къ намъ всѣ эти интернаціоналки и коммуны? Никакого, кромѣ возможности дѣлать поучительныя наблюденія и уяснять себѣ уроки исторіи. Но съ одной стороны, при помощи пылкаго воображенія, съ другой при помощи коварныхъ агитацій можно и у насъ открывать нѣчто подобное. Такъ напримѣръ, Одесскіе антиеврейскіе безпорядки 1871 года, имѣвшіе своимъ источникомъ инородческій вопросъ, почему не истолковать вліяніемъ Парижской коммуны, такъ какъ хронологія это позволяетъ? Кстати можно подвести подъ вліяніе тѣхъ же идей и Харьковскіе безпорядки 1872 года, и тѣмъ болѣе, что нѣкоторая quasi благонамѣренная часть печати пыталась примѣшать къ нимъ учащееся юношество. А что касается до агитаторовъ всякаго рода, частію безсмысленныхъ, частію коварныхъ, то они по всей вѣроятности, не преминутъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы создать у насъ призракъ рабочаго вопроса и такимъ образомъ отвлекать общественное вниманіе отъ другихъ болѣе существенныхъ интересовъ. Будемъ

надѣяться, что гласность вообще и въ особенности гласный судъ парализуютъ усилія этихъ агитаторовъ. Мы уже имѣли случаи испытать благодѣтельное вліяніе гласнаго суда въ подобныхъ обстоятельствахъ; хотя это вліяніе въ свою очередь было парализовано преувеличенными суждеціями той quasi благонамѣренной печати, о которой я упомянулъ. Напримѣръ, общество наше не мало было взволновано слухами и толками о какой то обширной шайкѣ заговорщиковъ, которая обнаружилась по поводу одного убійства. Сложный и тщательно веденный судебный процессъ раскрылъ передъ нами всю незначительность этой шайки. Четверо недоучившихся юношей (изъ которыхъ одинъ по лѣтамъ собственно не юноша, но уже давно извѣстный за человѣка полупомѣшаннаго) были увлечены пятымъ безумцемъ въ какіе-то фантастическіе замыслы или какіе-то дѣтскіе протесты, очевидно для нихъ несовсѣмъ понятные; а кончили тѣмъ, что убили бывшаго шестаго товарища своихъ ребяческихъ фантазій. Все дѣло собственно сводилось къ этому преступленію, хотя по числу молодыхъ людей, привлеченныхъ къ суду, оно получило довольно обширные размѣры. Привлеченіе это основывалось большею частію на томъ, что тотъ или другой юноша велъ знакомство съ преступниками или съ ихъ знакомыми, что тогда то онъ произносилъ такія-то легкомысленныя фразы (а кто въ молодости уберегся отъ неудачныхъ знакомствъ или не грѣшилъ по части фразъ?) и т. п. Судъ тщательно разобралъ степень виновности каждаго, и сообразно съ нею постановилъ приговоръ; а часть привлеченныхъ лицъ призналъ совершенно невинными. Однимъ словомъ, читающая публика имѣла возможность наглядно убѣдиться, что приписывать упомянутымъ жалкимъ убійцамъ какую-либо серьезную опасность для общественнаго порядка и возводить ихъ на пьедесталъ великихъ политическихъ преступниковъ было бы плодомъ весьма пылкаго воображенія. Тѣмъ не менѣе нашлись органы, которые истолковали факты именно въ такомъ смыслѣ, и потомъ старались поддерживать вытекавшія отсюда недоумѣнія, настойчиво ратуя за общія репрессивныя мѣры. Толкованія ихъ принесли и другой плодъ: онѣ немало затруднили иностранному правительству выдачу главнаго убійцы (Нечаева). Гласный судъ разоблачилъ передъ обществомъ всю ничтожность и этого послѣдняго.

Всѣ подобные безумцы съ ихъ ребяческой пропагандой о переустройствѣ общества какъ нельзя лучше напоминаютъ Архимедовъ рычагъ. Этотъ рычагъ могъ бы повернуть весь міръ; недостаетъ только бездѣлицы—точки опоры. Упомянутые прискорбные факты сами по себѣ неважны для общественнаго порядка; но они получаютъ важность, смотря

потому, какъ относится къ нимъ общественное мнѣніе, а слѣдовательно и печать, претендующая быть представительницею этого мнѣнія. Наши гласные процессы прежде всего раскрывали передъ нами все ту же неутѣшительную черту, полуобразованіе, а также неизбѣжно соединенную съ нимъ нѣкоторую грубость нравовъ. Главнымъ средствомъ къ поднятію нашей цивилизаціи и укрѣпленію нравственности должны служить мѣры для того *всесторонняго* внутренняго развитія, на которое указываютъ намъ слова возлюбленнаго Монарха; и въ числѣ этихъ мѣръ первое мѣсто конечно принадлежитъ солидной Европейской школѣ. Исторія показываетъ, что и эта школа еще не предупреждаетъ возможности какихъ либо безумныхъ попытокъ. Разница состоитъ въ томъ, что общество болѣе развитое знаетъ имъ цѣну; оно караетъ преступленія, но не спѣшитъ обобщать отдѣльные факты и мѣшать всестороннему внутреннему развитію воззваніемъ къ общимъ репрессивнымъ мѣрамъ. Оно знаетъ также необходимость мужества и твердости со стороны передовыхъ дѣятелей какъ для успѣховъ этого развитія, такъ и для поддержанія общественнаго спокойствія. Мы сомнѣваемся, чтобы публицистика, проповѣдующая разные страхи и, на основаніи отдѣльныхъ случаевъ, обильно изливавшая свою желчь на все молодое поколѣніе, благотворно вліяла на его духъ и на поддержаніе консервативныхъ началъ вообще. Образцы гражданскихъ доблестей, заимствованные изъ Плутарха, Ливія и другихъ писателей древности, должны имѣть свою долю участія въ развитіи молодаго поколѣнія; но оно нуждается также и въ живыхъ примѣрахъ; оно нуждается въ уваженіи къ старшему поколѣнію и въ его моральномъ вліяніи. А для этого вліянія передовымъ дѣятелямъ или считающимъ себя таковыми необходимо обнаруживать болѣе твердости и болѣе вѣры. Публицистамъ нашимъ, любящимъ кстати и некстати ссылаться на Европейскіе образцы, мы рекомендуемъ примѣръ одного изъ государственныхъ людей нашего времени, князя Бисмарка. Этотъ могущественный министръ, выдержавъ нападеніе молодаго фанатика Блинда, развѣ поспѣшилъ обобщить съ нимъ всю Германскую молодежь и потребовать для нея осаднаго положенія? Нѣтъ, онъ только заявилъ, что всегда готовъ умереть за отечество, будетъ ли то на полѣ брани или отъ руки презрѣннаго убійцы. Подобныя мужественныя слова благотворно дѣйствуютъ на молодое поколѣніе.

Въ предыдущей статьѣ мы коснулись нѣкоторыхъ Русскихъ публицистовъ, которыхъ назвали *охранительными* изъ уваженія къ ихъ прежнимъ заслугамъ. Таковыми ихъ можно назвать собственно по отношенію къ порядкамъ, существовавшимъ до нашего, реформаціоннаго періода; а

по отношенію къ послѣднему они безспорно представляютъ возвратное движеніе, такъ какъ къ нѣкоторымъ сторонамъ нашей обновленной общественной жизни они начали относиться съ явнымъ пристрастіемъ *. (Для примѣра укажемъ на земскія учрежденія, мировой институтъ, университетскій уставъ и гласное обсужденіе текущихъ вопросовъ). Такое посягательство на славный періодъ, который долженъ составлять нашу національную гордость, не могло не вызвать замѣтныхъ недоумѣній въ массѣ читающей публики. Да, не всегда то, что проповѣдуется подъ видомъ охранительныхъ началъ, соотвѣтствуетъ именно началамъ и укрѣпляетъ правительственный авторитетъ. Та же публицистика представила тому и примѣръ. Между прочимъ она начала указывать на нѣкоторыя чувствительныя неправильности въ условіяхъ нашей сельской жизни; но эти неправильности произошли главнымъ образомъ не потому, что новыя учрежденія неудовлетворительны, а потому что послѣднія невполнѣ примѣняются и требуютъ тщательнаго за ними наблюденія. Замѣчательно, что упомянутыя неправильности усилились именно въ то время, когда quasi-охранительная публицистика старалась занимать общественное вниманіе борьбою съ вѣтряными мельницами. Если бы дать полную вѣру ея внушеніямъ, то обществу неизбѣжно пришлось бы, вмѣсто твердой политики и постепеннаго, всесторонняго развитія, вступить на путь мрачной подозрительности и сильныхъ колебаній; а этотъ путь несравненно опаснѣе того нигилизма, который якобы охватилъ всю нашу молодежь. Такія-то внушенія были обращены противъ добраго, стойкаго, преданнаго Русскаго народа! Если дать имъ вѣру, то прощай спокойствіе: ибо мы живемъ ни болѣе, ни менѣе какъ на волканѣ, ежеминутно готовомъ залить насъ потоками лавы!

Перейдемъ теперь къ вопросу о Европейской школѣ, возникшему послѣ удара, нанесеннаго ей впечатлѣніями 1848 и 1849 годовъ.

Разнаго рода страхи, навѣваемые на наше общество революціонными движеніями Западной Европы, съ особою наглядностію проявились послѣ событій 1848 и 1849 г.г. Начались усиленныя, чрезвычайныя мѣры предосторожности въ видахъ спасенія существующаго порядка, хотя никакая сколько-нибудь серьезная опасность не угрожала этому порядку. Можно ли, напримѣръ, придавать какое-нибудь серьезное значеніе кружку молодыхъ людей, извѣстному подъ именемъ Петрашевцевъ? Подобные

* Напомню, что рѣчь идетъ объ издателяхъ Московскихъ Вѣдомостей.

кружки, предоставленные самимъ себѣ, обыкновенно кончались распаденіемъ и приходили къ сознанію своей полной ничтожности. Но, захваченные въ моментъ своей отрицательной, не скажу дѣятельности, а точнѣе болтливости, они съ помощью разныхъ сближеній и преувеличеній получали нѣкоторое значеніе въ глазахъ общества и обыкновенно вызывали чрезвычайныя мѣры. Замѣчательно, что въ подобныхъ призракахъ никогда не было недостатка въ тѣ минуты, когда общество настроивалось на извѣстный ладъ, и по всей вѣроятности они не истощатся до тѣхъ поръ, пока подобное настроеніе будетъ возобновляться. Явленіе это почти періодически повторялось у насъ со второй половины прошлаго столѣтія, т.-е. прогрессивное и возвратное направленіе почти періодически смѣняли другъ друга. Даже эпоха, отличавшаяся по преимуществу охранительнымъ характеромъ, имѣла свой возвратный періодъ, наступившій послѣ Февральской революціи въ Парижѣ: до такой степени общество наше было наклонно преувеличивать вліяніе на насъ западно-европейскихъ движеній. Печать и школа служили обыкновенно главнымъ поприщемъ, на которомъ упражнялось возвратное направленіе.

По уставу 1828 года, въ программѣ нашихъ гимназій видное мѣсто получило преподаваніе древнихъ языковъ. Особенно въ теченіе семнадцатилѣтней министерской дѣятельности графа Уварова, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ государственныхъ людей Россіи, программа эта успѣла мало-по-малу привиться къ нашему общественному воспитанію, и даже начала приносить свои благія послѣдствія, которыя отразились преимущественно въ сферѣ государственной службы, науки и литературы. (Не забудемъ, что въ этотъ именно періодъ получило свое образованіе большинство дѣятелей, съ помощію которыхъ проводились реформы настоящаго царствованія). Наступило время, когда классическій элементъ могъ быть усиленъ въ школахъ, не производя никакихъ потрясеній въ нашей учебной системѣ, какъ вдругъ вмѣсто усиленія онъ подвергся чрезвычайному ослабленію. Съ 1849 г. началось ограниченіе древнихъ языковъ; а вскорѣ потомъ Греческій языкъ былъ почти совсѣмъ исключенъ изъ гимназической программы. И этотъ ударъ, нанесенный классическому элементу, не имѣлъ никакой другой цѣли кромѣ того отдаленнаго соображенія, по которому древніе языки являлись опасными для общественнаго порядка: ибо классическій міръ былъ по преимуществу міръ республиканскій. Выше мы говорили объ отношеніи этого вопроса къ различнымъ Европейскимъ народамъ. Ограниченіе древнихъ языковъ въ системѣ преподаванія не можетъ служить къ достиженію помянутой цѣли уже потому, что знакомство съ классическимъ міромъ давно начало распространяться въ

Русскомъ обществѣ при помощи многочисленныхъ переводовъ изъ Греческихъ и Римскихъ писателей и особенно при помощи многихъ иностранныхъ сочиненій, касавшихся древности. Мы говорили о томъ, что главнымъ средствомъ противъ ложныхъ представленій и выводовъ въ этомъ отношеніи должно служить не ограниченіе, а наоборотъ основательное знакомство какъ съ древними языками, такъ и съ античнымъ міромъ вообще. Но въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ Русское общество было далеко отъ сознанія этой истины. Какъ бы то ни было, сильный ударъ былъ нанесенъ нашему среднему образованію, а вмѣстѣ съ нимъ и образованію высшему, для котораго первое должно служить необходимою подготовкою. Прошло уже болѣе 20 лѣтъ съ того времени; а ударъ этотъ произвелъ такое замѣшательство въ Русской учебной системѣ, отъ котораго мы и доселѣ никакъ не можемъ оправиться. Подобное явленіе подтверждаетъ ту истину, что нерѣдко мѣры, принимаемыя въ видахъ охранительныхъ, ведутъ прямо къ противоположнымъ результатамъ. На мѣсто древнихъ языковъ, какъ извѣстно, въ нашихъ школахъ поставлено было естествовѣдѣніе, долженствовавшее служить противоядіемъ тлетворнымъ политическимъ идеямъ. Да, въ теченіе послѣдняго столѣтія Русской исторіи много было принесено жертвъ, чтобы отвратить распространеніе этихъ идей; а между тѣмъ ихъ призракъ, время отъ времени, возникаетъ съ новою силою и будетъ вліять до тѣхъ поръ, пока общество не начнетъ мужественно и прямо смотрѣть ему въ лицо; т.-е. пока общественное мнѣніе не перестанетъ предаваться мрачной подозрительности, робости и крайнимъ преувеличеніямъ; пока не научится различать опасности серьезныя отъ скоропреходящихъ, причины дѣйствующія постоянно отъ явленій, навѣваемыхъ модою и страстью къ подражанію. (Извѣстно, что на идеи и тенденціи также бываетъ временная мода, какъ и на все другое; напрасно крайнія идеи называютъ иногда новымъ ученіемъ: онѣ стары какъ міръ, т.-е. какъ человѣческое общество, и послѣднее однако отъ нихъ не разрушается). Противъ всѣхъ золъ главное средство есть солидное образованіе и вообще многостороннее внутреннее развитіе; а между тѣмъ именно это-то средство до сихъ поръ у насъ и неиспытано.

Мы сказали, что общество Русское было далеко отъ правильнаго взгляда на значеніе классическаго элемента въ системѣ школьнаго образованія. Слова эти относятся къ общественной массѣ; но въ средѣ ея былъ кружокъ просвѣщенныхъ людей, которые понимали значеніе этого элемента, скорбѣли о его ослабленіи и предвидѣли вредныя послѣдствія. Представителемъ такого кружка явился одинъ изъ профессоровъ Московскаго университета, покойный Т. Н. Грановскій, который и составилъ извѣст-

ную записку о классическомъ элементѣ въ преподаваніи. Эта отрадная личность конечно слишкомъ извѣстна нашему поколѣнію, чтобы о ней распространяться; ограничимся нѣсколькими словами. На чемъ главнымъ образомъ основывалось обаяніе Грановскаго? Онъ былъ чрезвычайно даровитъ, владѣлъ словомъ, былъ преданъ научнымъ и общественнымъ интересамъ. Но встрѣчаются иногда люди, которые въ той или другой степени имѣютъ эти качества и однако не пользуются большимъ моральнымъ вліяніемъ; они даже не всегда возбуждаютъ къ себѣ симпатіи со стороны своихъ современниковъ. Дѣло въ томъ, что съ упомянутыми качествами онъ соединялъ въ высшей степени благородный характеръ. Это одинъ изъ тѣхъ ровныхъ, свѣтлыхъ характеровъ, которые не способны ни къ какимъ превращеніямъ, ни къ какимъ крупнымъ сдѣлкамъ съ своими убѣжденіями, одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ высшее Европейское образованіе и Европейская наука сами по себѣ служили цѣлью, а не средствомъ для достиженія какихъ либо постороннихъ цѣлей. Просвѣщенный гуманный взглядъ на человѣческое общество и на всѣ его явленія обыкновенно становится второю натурою подобныхъ людей. Ихъ отличительная черта—это голубиная кротость въ соединеніи съ непреклонною твердостію относительно основныхъ своихъ убѣжденій. Подобные люди съ прискорбіемъ смотрятъ на явленія ненормальныя; при случаѣ они высказываютъ свое прискорбіе, но безъ желчи и безъ бурныхъ порывовъ негодованія. Такіе люди не способны склоняться передъ скоропреходящимъ духомъ времени и измѣнять своему направленію, своему гуманному, просвѣщенному взгляду: къ этому не въ состояніи побудить ихъ никакая чечевичная похлебка (а послѣдняя, какъ извѣстно, можетъ принимать весьма разнообразныя формы). Можно смѣло сказать, что нравственный уровень всякой среды опредѣляется большимъ или меньшимъ количествомъ подобныхъ характеровъ. Таланты, знанія, энергія — все это нерѣдко встрѣчается въ нашемъ обществѣ; но характеры, стойкіе характеры, соединенные съ просвѣщеннымъ взглядомъ—вотъ въ чемъ мы особенно нуждаемся.

Извѣстно, что Грановскій не пользовался большимъ сочувствіемъ въ сферахъ вліятельныхъ; мало того, онъ былъ даже предметомъ несовсѣмъ лестнаго вниманія, а особенно въ тотъ ультра-охранительный періодъ, который наступилъ послѣ 1848 года. Его считали едва ли не крайнимъ либераломъ, и служебное положеніе его было довольно шаткое; но такова обаятельная сила подобныхъ характеровъ: открытый, ровный, благородный образъ дѣйствія сдерживалъ и самихъ недоброжелателей. Въ виду этихъ отношеній, упомянутая записка о классическомъ элементѣ полу-

чаетъ особый интересъ. Человѣкъ, въ которомъ подозрѣвали чуть ли не революціонное направленіе, является въ той запискѣ поборникомъ консервативныхъ началъ, но поборникомъ умѣреннымъ, гуманнымъ и разсудительнымъ. Да инымъ не могъ и быть человѣкъ, горячо преданный исторической наукѣ, углублявшійся въ прошедшее и вникавшій въ событія современныя. Это именно та наука, которая умѣряетъ обѣ крайности: она равно противудѣйствуетъ какъ застою и направленію возвратному, такъ и стремленію революціонному; она научаетъ цѣнить движеніе прогрессивное, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма постепенное. Вотъ почему обыкновенно ни радикалы, ни реакціонеры не жалуютъ добросовѣстныхъ, серьезныхъ отношеній къ этой наукѣ.

Съ замѣчательной ясностью и послѣдовательностію Грановскій развилъ въ своей запискѣ борьбу между классическимъ и реальнымъ направленіемъ въ западно-европейской школѣ и указалъ всю неосновательность нападокъ на древніе языки. Извѣстно, что ихъ обвиняли въ распространеніи опасныхъ идей о республиканской свободѣ. «Вліяніе античныхъ политическихъ теорій—отвѣчаетъ на это авторъ записки—могло быть опасно при незнакомствѣ съ исторіей; но въ настоящее время и эта опасность прошла, или по крайней мѣрѣ грозитъ уже совсѣмъ не съ той стороны». Онъ указалъ также на односторонность и излишнюю самоувѣренность реальнаго направленія; это направленіе исходило отъ ложно понятаго изрѣченія non scholae, sed vitae discendum (надобно учиться не для школы, а для жизни). Реалисты думали, что школа должна сообщить молодому человѣку какъ можно болѣе разнородныхъ свѣдѣній, имѣющихъ непосредственное приложеніе къ практической дѣятельности; тогда какъ (объясняетъ авторъ) идеалъ средняго заведенія есть приготовленіе воспитанника къ жизни «не чрезъ поверхностное многознаніе, а чрезъ основательное и всестороннее развитіе способностей». Грановскій возставалъ собственно противъ рѣшительнаго преобладанія естественныхъ наукъ въ воспитаніи: «какъ всякая односторонность, оно вредно и опасно». Это преобладаніе обыкновенно вело къ матеріальному направленію; тогда какъ «не о единомъ хлѣбѣ сытъ человѣкъ». «Задача педагогіи состоитъ въ равномѣрномъ (гармоничномъ) развитіи всѣхъ способностей учащагося, изъ которыхъ ни одна не должна быть принесена въ жертву другой». Но—прибавляетъ онъ—«сохрани насъ Богъ отъ намѣренія заподозрѣвать въ дурномъ какую либо науку. Наукъ вредныхъ нѣтъ и быть не можетъ». Однако между ними школа должна дѣлать строгій выборъ. Здравая педагогія, «ограничивая по мѣрѣ возможности число предметовъ преподаванія, ставитъ на первомъ планѣ древнюю филологію,

какъ незамѣнимое никакимъ другимъ средство нравственнаго, эстетическаго и логическаго образованія». Записку свою, составленную лѣтомъ 1855 года, Грановскій представилъ А. С. Норову, незадолго вступившему въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія. Послѣдній вообще показалъ много вниманія къ Грановскому и пригласилъ его въ Петербургъ для совѣщанія объ учебныхъ вопросахъ. Означенная записка составлена профессоромъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти. Она оставалась неизвѣстною публикѣ до 1861 года, когда впервые была напечатана въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Тутъ Русское общество наглядно могло убѣдиться въ томъ, что человѣкъ, который во время ультра-охранительнаго періода считался едва не радикаломъ, ратовалъ за истинно-охранительныя начала; а противники его своими внушеніями, направленными противъ классической школы, яко бы враждебной существующему порядку, произвели только смуту и потрясенія въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ общественное образованіе.

Когда наступила послѣдняя эпоха Русской исторіи, эпоха нашего внутренняго обновленія, въ числѣ другихъ государственныхъ вопросовъ сталъ на очереди и вопросъ о Европейской общеобразовательной школѣ. Уже въ 1856 г. министерство народнаго просвѣщенія поручило ученому комитету главнаго правленія училищъ пересмотрѣть уставъ 1828 года. Въ 1860 году былъ готовъ проектъ новаго устава и напечатанъ для предварительнаго обсужденія его литературою. Затѣмъ онъ подвергся разнымъ передѣлкамъ. Исторія должна будетъ отдать справедливость лицамъ, стоявшимъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія въ началѣ 60-хъ годовъ: они пошли къ рѣшенію вопроса путемъ его всесторонняго разсмотрѣнія. Проектъ былъ сообщенъ для замѣчаній педагогическимъ совѣтамъ гимназій, совѣтамъ университетовъ и кромѣ того многимъ лицамъ, которые могли быть компетентны въ этомъ вопросѣ. Даже обратились за совѣтами къ иностраннымъ педагогамъ и ученымъ. Памятникомъ дѣятельности по данному вопросу служитъ большая масса матеріала, напечатаная въ особомъ сборникѣ подъ заглавіемъ: З а м ѣ ч а н і я н а п р о э к т ъ у с т а в а о б щ е о б р а з о в а т е л ь н ы х ъ у ч е б н ы х ъ з а в е д е н і й. Въ этомъ изданіи, посреди разнообразныхъ и нерѣдко весьма поверхностныхъ сужденій, разсыпано множество болѣе или менѣе дѣльныхъ замѣчаній почти по всѣмъ отраслямъ учебно-воспитательнаго дѣла. Собранный матеріалъ впрочемъ едва ли имѣлъ время подвергнуться тщательной разработкѣ. Новый проектъ устава среднеучебныхъ заведеній былъ утвержденъ въ 1864 году. Уставъ этотъ имѣлъ свои несомнѣнныя достоинства, и представлялъ значительный шагъ впе-

редъ сравнительно съ предыдущею эпохою. Но въ немъ былъ важный недостатокъ, именно недостатокъ руководящей идеи, которая была бы доведена до надлежащей степени ясности и служила бы исходнымъ пунктомъ для всей системы; типы классической и реальной школы не выступали съ достаточной полнотою и опредѣленностію. Впрочемъ составители устава ссылались на то, что они имѣли въ виду избѣжать крайняго направленія въ ту или другую сторону и что время постепенно могло уяснять и исправлять недостатки ихъ системы.

Между тѣмъ нѣкоторая часть Русской печати начала возвышать голосъ въ пользу водворенія Европейской школы, построенной на рѣшительномъ господствѣ древнихъ языковъ. Логика и энергія, съ которыми въ началѣ проводилась эта мысль, обратили на себя общее вниманіе и нашли себѣ не мало сочувствія. Это сочувствіе безспорно должно было потомъ усилиться и распространиться, если бы означенная печать продолжала болѣе и болѣе разъяснять вопросъ и обработывать разныя его стороны, не останавливаясь постоянно на одной и той же формулѣ (на концентраціи и гимнастикѣ ума); а главное, если бы она не поспѣшила связать учебный вопросъ съ тѣми эфемерными явленіями, о которыхъ мы уже говорили. Безъ сомнѣнія, въ различныхъ выходкахъ молодежи отражался недостатокъ солидной школы; но тутъ еще болѣе вліяло стеченіе разныхъ другихъ обстоятельствъ. Мы уже говорили, что переходъ къ новымъ, болѣе прогрессивнымъ порядкамъ (въ особенности послѣ періода ультра-охранительнаго) нигдѣ не обходится безъ нѣкоторыхъ аномалій, безъ ошибокъ и жертвъ; но все это не существенно и скоропреходяще. Исторія показываетъ намъ, что не слѣдуетъ преувеличивать значеніе подобныхъ явленій и приписывать имъ серьёзную опасность для общественнаго порядка. Поэтому та часть Русской интеллигенціи, которая сочувствовала водворенію классической школы, съ недоумѣніемъ смотрѣла, какъ публицисты, бывшіе дотолѣ поборниками прогресса, въ борьбѣ съ противнымъ (реальнымъ) направленіемъ все болѣе и болѣе уклонялись отъ прямой, основательной разработки вопроса на скользкую дорогу впечатлѣній дня и временныхъ политическихъ интересовъ. Классическая школа не успѣла еще освободиться отъ обвиненій въ своемъ яко бы революціонномъ направленіи, какъ поборники этой школы принялись увѣрять, что въ древнихъ языкахъ только и заключается спасеніе отъ всѣхъ опасностей, грозящихъ обществу со стороны тлетворныхъ ученій. Однимъ словомъ, водвореніе этихъ языковъ они пытались связать съ такимъ способомъ дѣйствія, который не имѣетъ ничего общаго съ Европейскою школою; мало по малу они сбились на столь знакомую дорогу, по которой

издавна слѣдовали у насъ противники внутренняго прогресса. Съ обычною своею настойчивостью эти публицисты начали дѣйствовать на ту-же чувствительную струну нашего общества, на которой съ успѣхомъ упражнялись ихъ предшественники въ дѣлѣ запугиванія. Не мы конечно будемъ отрицать обязанность передовыхъ дѣятелей стоять на стражѣ, чтобы охранять общество отъ вліянія вредныхъ ученій. Но для этого, какъ мы уже замѣтили, надобно мужественно и прямо смотрѣть имъ въ лицо, а не создавать разнаго рода призраки. Солидная Европейская школа сама по себѣ есть главное средство для борьбы съ вредными вліяніями. Но возможно ли ея процвѣтаніе основывать на искусственно-возбуждаемой паникѣ, т.-е. на томъ же способѣ дѣйствія, который употребляли противники этой школы послѣ 1848 года? Согласно ли было съ требованіями здравой политики и здравой педагогіи придавать ей оттѣнокъ какой-то чрезвычайной, осадной мѣры? Вмѣсто возможно спокойнаго обсужденія и разносторонняго изученія, вопросъ объ этой школѣ сдѣлался предметомъ жгучей и весьма односторонней полемики; при чемъ нетерпѣливый, раздраженный тонъ, сопровождаемый всякаго рода ядовитыми намеками и замѣчаніями, конечно немного способствовалъ уясненію этого вопроса и возбужденію сочувствія со стороны Русской публики. Здѣсь-то и выразилась та разница между защитою Европейской школы въ упомянутой запискѣ историка и образомъ дѣйствія его преемниковъ по этому вопросу.

Означенному тону соотвѣтствовала и самая система доказательствъ. Историкъ утверждалъ, и совершенно справедливо, что наукъ вредныхъ нѣтъ, что вопросъ только заключается въ выборѣ наиболѣе цѣлесообразнаго научнаго матеріала для школы. А теперь мы узнали, что напротивъ науки раздѣляются на полезныя и вредныя. Затѣмъ чуть ли не всякое современное событіе, внутреннее или внѣшнее, начало разсматриваться со стороны его отношенія къ древнимъ языкамъ, хотя бы оно въ дѣйствительности не имѣло къ нимъ никакого отношенія. Дошло до того, что погромъ Франціи и блистательное торжество надъ нею Германіи объяснились по преимуществу вліяніемъ древнихъ языковъ, которыми въ послѣднее время Нѣмцы занимались основательнѣе, чѣмъ Французы. А между тѣмъ каждому образованному человѣку должны бы быть извѣстны многоразличныя причины упадка Франціи и возвышенія Германіи,—причины, имѣющія мало общаго съ преподаваніемъ древнихъ языковъ. Какимъ образомъ публицисты, претендующіе на объясненіе великихъ событій, не знали того, что поднятію національнаго духа у Нѣмцевъ болѣе всего способствовало именно не классическое, а романтическое направленіе,

возобладавшее съ конца XVIII и начала XIX вѣка, т.-е. со времени униженія, претерпѣннаго ими отъ Французовъ? Послѣдовавшая за тѣмъ эпоха въ исторіи Германской образованности ознаменована по преимуществу обращеніемъ къ своей старинѣ и необыкновенно дѣятельнымъ ея изученіемъ. Извѣстно, что Пруссія шестьдесятъ лѣтъ готовилась къ послѣдней борьбѣ и развивала по возможности всѣ стороны своей общественной жизни, всѣ силы (и умственныя, и физическія) своего народа. Она заботилась о широкомъ распространеніи образованія до самыхъ низшихъ его слоевъ, причемъ давно уже оставила политику колебанія и подозрительности. И въ Пруссіи мы находимъ ультра-консервативную публицистику; но это публицистика традиціонная, представляющая извѣстную партію, т.-е. извѣстные интересы; она имѣла свое значеніе въ общей системѣ разнообразныхъ органовъ. Она уже не опасна для послѣдовательнаго, спокойнаго развитія общественной жизни тамъ, гдѣ существуютъ другіе еще болѣе могущественные органы для выраженія разнообразныхъ интересовъ и потребностей государственныхъ. Тамъ уже давно прекратилась возможность основывать свое личное возвышеніе на устрашеніи общества призраками опасныхъ ученій. Пруссіи, и по близкому сосѣдству съ центрами подобныхъ ученій, и по ея политико-экономическому состоянію, уже приходится начинать съ ними дѣятельную борьбу; но ея передовые люди предпочитаютъ вести эту борьбу съ помощію свѣта и широко распространеннаго образованія, а не съ помощію ядовитыхъ внушеній и искусственно-нагоняемой паники *.

---

* По отношенію къ вопросамъ внѣшней политики любопытно между прочимъ отношеніе нашей ультра-охранительной публицистики къ той знаменательной борьбѣ, которая возникла между Прусскою государственною сферою съ одной стороны и католическимъ ультрамонтанствомъ съ другой: она неодобрительно смотритъ на эту борьбу. Бываютъ столкновенія, уклоняться отъ которыхъ иногда невозможно безъ ущерба для наиболѣе существенныхъ интересовъ общества. Католицизмъ и папство конечно имѣли свое великое значеніе въ исторіи Европейской цивилизаціи. Но извѣстно также, что духовенство католическое, считающее своимъ непосредственнымъ главою папу, нерѣдко являлось въ исторіи элементомъ, враждебнымъ государственному началу. Германія въ своемъ стремленіи къ болѣе полному внутреннему объединенію не можетъ избѣжать борьбы съ ультрамонтанами, и надобно отдать справедливость государственнымъ людямъ Пруссіи, что они повидимому понимаютъ все серьезное значеніе предпринятой борьбы и всю ея трудность; отсюда ихъ осторожность и постепенность. Вообще это борьба долгая и по всей вѣроятности не разъ будетъ возобновляться, прежде нежели придетъ къ конечнымъ результатамъ. Исторія показываетъ намъ замѣчательную живучесть папства и вообще католицизма; но съ другой стороны государственное начало и идея церковной эмансипаціи отъ папскихъ притязаній также работаютъ постоянно. А потому наши quasi-охранительные публицисты могли бы не безпокоиться за исходъ помянутой борьбы.

Упомянутыя натяжки и искаженія въ пользу классической школы,— натяжки, въ которыхъ она совсѣмъ не нуждалась для доказательства своей полезности, а главное, искусственная связь съ возвратнымъ направленіемъ, какъ мы сказали, поставили вопросъ объ этой школѣ въ не совсѣмъ нормальныя отношенія къ общественному мнѣнію и не могли возбудить къ этому вопросу того сочувствія, котораго онъ заслуживалъ и въ которомъ безспорно нуждался для своего удовлетворительнаго разрѣшенія. Публицистика не пропускала ни одного явленія, сколько нибудь касающагося молодежи, чтобы не связать его съ вопросомъ о школѣ, а вмѣстѣ и съ призраками грозящихъ намъ опасностей. Особенно усердно эксплуатировала она нѣкоторые прискорбные случаи, толкуя ихъ чуть не исключительно вліяніемъ школы, хотя подобные случаи передъ нашими глазами совершались и въ странахъ, гдѣ классическое образованіе издавна господствуетъ. Вообще она много вредила вопросу своею неумѣренностію и тѣмъ рвеніемъ, которое не знаетъ терпимости, а слѣдовательно отзывается фанатизмомъ. Дѣло воспитанія и фанатизмъ! Гуманная классическая школа и возвратное движеніе съ проповѣдью репрессивныхъ мѣръ! Педагогія и до крайности раздражительное самолюбіе! Что можетъ быть неестественнѣе связи этихъ явленій? И къ чему обыкновенно сводилась вся эта бурная агитація? Къ тому, чтобы завоевать нѣсколько лишнихъ часовъ на древніе языки. «Да намъ необходимо еще приготовить учителей», возражали сторонники постепенности. «Это ничего не значитъ—отвѣчали противники,—мы ихъ выпишемъ». И такъ—толковали они—назначимъ самое большое число часовъ, призовемъ учителей изъ Австріи, и у насъ произойдетъ нѣчто въ родѣ Возрожденія наукъ и искусствъ. Помнится, даже назначенъ былъ десятилѣтній срокъ до начала этой эпохи возрожденія. Какое простое и вмѣстѣ легкое отношеніе къ дѣлу! Какое невѣдѣніе историческихъ законовъ развитія, между тѣмъ какъ условія Русскаго общества въ этомъ отношеніи требовали именно осторожности и постепенности. Извѣстно, что на Западѣ классическая школа развивалась въ связи съ церковью, орудіемъ которой былъ языкъ Латинскій. Эта школа развилась и укрѣпилась тамъ въ теченіи многихъ столѣтій; она внѣдрилась въ самую жизнь и срослась съ нею, такъ сказать, органически. У насъ не было этого условія. Тѣмъ не менѣе мы нисколько не должны сожалѣть о томъ, что языкъ нашей церкви былъ родственный Славянскій, а не Латинскій или Греческій. Доказательствомъ тому служитъ покойная Рѣчь Посполитая, въ которой Латинскій языкъ былъ языкомъ церкви, господствовалъ въ школахъ и даже былъ разговорнымъ языкомъ шляхты. Это обстоятельство однако не отвратило паденія Поль-

ской націи. Интересно, напримѣръ, слѣдить за дипломатическими сношеніями Россіи и Польши въ XVII вѣкѣ. Какими варварами считались тогда наши Московскіе бояре, не имѣвшіе понятія о древнихъ языкахъ, въ сравненіи съ Польскими панами, изящно выражавшимися по-латыни и побывавшими въ Европейскихъ университетахъ! А между тѣмъ въ вопросахъ государственной важности эти паны нерѣдко оказывались дѣтьми въ сравненіи съ Московскими варварами. Слѣдовательно древніе языки еще не играютъ главной роли въ судьбѣ государствъ и народовъ. Отсюда конечно не слѣдуетъ дѣлать какого либо вывода, неблагопріятнаго для классической школы: если мы желаемъ сдѣлаться вполнѣ Европейцами, то непремѣнно должны усвоить себѣ эту школу. Но исторія не можетъ раздѣлять увлеченій публицистики; она должна напоминать послѣдней, что несоблюденіе мѣры обыкновенно вело не къ искомымъ результатамъ, а наоборотъ иногда ихъ отдаляло.

По отношенію къ нашему обществу вопросъ о языкахъ не такъ простъ, какъ это казалось означенной публицистикѣ. До сихъ поръ Русское общество училось болѣе новымъ языкамъ чѣмъ древнимъ, и при его подражательныхъ отношеніяхъ къ Западу это было совершенно естественно. Но теперь безспорно настало время болѣе самостоятельнаго развитія своей образованности и большаго сближенія съ самыми источниками Европейской цивилизаціи. Однако можемъ ли мы въ настоящее время уже пренебречь изученіемъ новыхъ языковъ? Не думаю; по крайней мѣрѣ рѣзкій переходъ въ этомъ отношеніи былъ бы опытомъ довольно рискованнымъ. А тамъ есть и другіе предметы, которые тоже предъявляютъ свои неоспоримыя права гражданства въ системѣ общаго образованія. Слѣдовательно, удовлетворительная организація этого образованія требовала тщательнаго и разносторонняго обсужденія. Въ основу его конечно должны быть поставлены древніе языки; но количествомъ часовъ этотъ вопросъ еще далеко не рѣшается (и тѣмъ болѣе, что публицистика, налегавшая на количество, до сихъ поръ оставляла въ сторонѣ вопросъ о качествѣ). Мы говорили о нашей неподготовленности къ усвоенію классическихъ языковъ. Отъ этой неподготовленности происходитъ конечно и трудность ихъ изученія, а отъ этой трудности и неохота. Но побороть эту неохоту можно только помощью послѣдовательной, твердой и вмѣстѣ гуманной системы, а никакъ не посредствомъ того террора, который означенная публицистика стремилась внести въ учебное дѣло. Неужели униженіе другихъ предметовъ и другихъ преподавателей сравнительно съ преподавателями древнихъ языковъ, погромъ того или другаго заведенія, наличный составъ котораго заподозрѣнъ въ недостаточномъ уваженіи, не скажу къ

классическому элементу, а собственно къ публицистамъ, его проповѣдующимъ, и т. п. пріемы суть наилучшія средства къ распространенію классическаго духа въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ? Это по отношенію къ преподавателямъ; а по отношенію къ дѣтямъ, вѣрно ли понято нашими публицистами значеніе концентраціи и гимнастики ума, о которыхъ они такъ много толковали? Въ этомъ отношеніи мы только и слышали реторическія разсужденія, что тутъ не можетъ быть мѣры, что чѣмъ больше тѣмъ лучше, такъ что и отведеннаго новымъ уставомъ времени на эту концентрацію, по ихъ мнѣнію, все еще мало. Этотъ недостатокъ чувства мѣры, повторяемъ, служилъ однимъ изъ важныхъ препятствій къ тому, чтобы вызвать общественное сочувствіе въ данномъ вопросѣ. Мы не поборники многопредметности и вообще работы не по силамъ. Напротивъ, мы думаемъ, что общественная школа (и не у насъ однихъ) большею частію страдаетъ недостаткомъ осмотрительности при обремененіи работой. Отъ этого происходитъ обыкновенное слѣдующее явленіе. Большинство учениковъ, будучи не въ силахъ побороть трудности, начинаетъ мало по малу отставать и постепенно выбываетъ изъ заведенія еще за долго до окончанія курса. Меньшинство же, т.-е. наиболѣе способные и усердные, съ помощью большаго умственнаго напряженія, успѣваютъ одолѣть курсъ и дойти до его окончанія; но это напряженіе не осталось безъ слѣда: оно было сдѣлано на счетъ будущей способности къ работѣ, т.-е. на счетъ нервной системы, разстройствомъ которой такъ страдаютъ наши поколенія. *

Русскій народъ — а слѣдовательно и Русское юношество — безспорно одинъ изъ самыхъ даровитыхъ въ мірѣ; онъ владѣетъ замѣчательною способностію воспріятія; но оттого никакъ не слѣдуетъ злоупотреблять этою способностію. Сильно ошибаются тѣ педагоги, которые думаютъ, что достаточно учебные пріемы вполнѣ, до мелочей, взять отъ одного народа и перенести на другой, чтобы достигнуть тѣхъ же результатовъ. У каждаго народа есть свой типъ, свои условія, которыхъ никакъ нельзя упу-

---

* По этому поводу предлагаемъ обратить вниманіе общественной педагогіи также и на наши женскія учебныя заведенія, гдѣ подобное обстоятельство еще чувствительнѣе: дѣвочки обыкновенно серьезнѣе и прилежнѣе мальчиковъ, а между тѣмъ организмъ ихъ слабѣе. Вообще ощущается потребность въ томъ, чтобы существующіе для того органы дѣйствительно регулировали занятія учениковъ и учениць, т.-е. наблюдали бы за возможно-цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ работы и сдерживали бы увлеченіе нѣкоторыхъ педагоговъ, въ особенности еще молодыхъ и неопытныхъ. Разумѣется, наблюденіе за такимъ щекотливымъ дѣломъ должно быть деликатное и дружеское: ему долженъ помогать и педагогическій совѣтъ всякаго заведенія.

скать изъ виду. Въ настоящей статьѣ мы только напоминаемъ объ этой сторонѣ педагогическаго дѣла, которая сама по себѣ требуетъ особаго вниманія. Что́ же касается до упомянутой концентраціи учебнаго курса надъ формами древнихъ языковъ, то она не только не можетъ быть безгранична, а наоборотъ, вопросъ главнымъ образомъ заключался въ той степени, до которой она должна простираться при данномъ курсѣ. Конечно счастливыя и богато одаренныя натуры все преодолѣютъ и разовьются, вопреки неблагопріятнымъ условіямъ; но общественные курсы должны быть разсчитаны на средній уровень способностей, т.-е. на огромное большинство. Поэтому другіе учебные предметы, входящіе въ програму классической школы, получаютъ важное значеніе. Гармонія или соразмѣрность въ ихъ распредѣленіи, а также характеръ ихъ преподаванія играютъ весьма видную роль въ умственномъ развитіи молодаго поколѣнія, въ его подготовкѣ и къ жизни, и къ высшему образованію. Все это такія истины, которыя не должны подлежать и вопросу; а между тѣмъ приходится о нихъ напоминать въ виду той крайности и односторонности, которую публицистика пыталась внести въ наше воспитательное дѣло. По поводу односторонне понимаемой концентраціи и гимнастики ума, для примѣра, укажемъ на господствовавшую доселѣ учебную систему въ нашемъ Еврейскомъ населеніи. Образованіе его сосредоточено на изученіи древнееврейскаго языка и тонкостей Талмуда. Упражняясь надъ этими предметами, Еврейскій умъ достигаетъ замѣчательной гибкости и изворотливости. Мы однако не желали бы для нашего юношества такихъ же результатовъ: доселѣ наше Еврейское населеніе доказало по преимуществу большую способность эксплуататорскую и малую способность къ дѣятельности производительной; очевидно въ его моральномъ развитіи существуютъ значительные пробѣлы. Снова напомнимъ и примѣръ Польской шляхты, умственное развитіе которой, особенно въ Іезуитскихъ школахъ, было сосредоточено надъ языкомъ Латинскимъ; однако результаты также не оказались особенно счастливыми. (Толкованіе нашихъ публицистовъ, что главная сила развитія обусловливается изученіемъ не одного древняго языка, а именно двухъ, и что умственныя способности отъ упражненій надъ формами одного языка отдыхаютъ на формахъ другаго—это толкованіе по меньшей мѣрѣ оригинально).

Не замѣчательное ли, въ самомъ дѣлѣ, явленіе? Люди, которые болѣе всего хлопотали о водвореніи у насъ солидной Европейской школы, они то и постарались придать ей неблаговидный, политическій оттѣнокъ въ глазахъ общества. Они пытались запугать его опасностями отъ т. наз. тлетворныхъ ученій, а въ самомъ дѣлѣ запугивали неумѣренными тре-

бованіями и возвратнымъ направленіемъ. Не странно ли: общество, съ покорностію и преданностію встрѣчавшее всесословную воинскую повинность для своихъ дѣтей, съ недоумѣніемъ и нѣкоторымъ соболѣзнованіемъ о тѣхъ же дѣтяхъ относилось къ вопросу объ общеевропейской школѣ! И мы не говоримъ о какихъ либо низшихъ слояхъ, которые не въ состояніи оцѣнить пользу Европейскаго образованія. Извѣстно, что нужна была могучая Державная воля, чтобы покончить съ этимъ недоумѣніемъ и рѣшить вопросъ въ пользу солидной школы. Исторія отдастъ должную справедливость такой рѣшимости и просвѣщенной заботливости о нашемъ внутреннемъ развитіи; съ этой стороны мы и не могли желать лучшаго оборота дѣлу. Она отдастъ справедливость и тѣмъ государственнымъ людямъ, которые способствовали такому обороту. Въ настоящей замѣткѣ мы желали указать только на тѣ обстоятельства, при которыхъ этотъ вопросъ получилъ свое рѣшеніе,—обстоятельства, которыя необходимо имѣть въ виду для оцѣнки дальнѣйшей его судьбы. Повторяемъ, Русское общество совсѣмъ не такъ безтолково, чтобы не могло оцѣнить пользу Европейской школы. Если бы печать вела это дѣло съ должнымъ тактомъ и благоразуміемъ, то она возбудила бы не только сочувствіе, но и сильное желаніе классическаго образованія. Мы говоримъ тѣмъ съ большею увѣренностію, что время благопріятствовало этому начинанію какъ нельзя лучше. Никогда Русское общество, до самыхъ низшихъ его слоевъ, не ощущало такой потребности просвѣщенія, какъ въ послѣднюю эпоху. Число учебныхъ заведеній, несмотря на постоянное свое возрастаніе, все еще очень далеко отъ возможности удовлетворить этой потребности. Напрасно думаютъ, что всесословная воинская повинность съ ея льготами въ пользу образованія обусловливаетъ столь быстро возрастающій на него запросъ. Это несправедливо и невѣрно хронологически. Сильное стремленіе къ просвѣщенію началось ранѣе, чѣмъ возникъ вопросъ о воинской повинности; оно непосредственно вызвано благими преобразованіями настоящаго царствованія. Можно себѣ представить, какой успѣхъ ожидалъ бы солидную Европейскую школу, если бы близорукая публицистика не поспѣшила сообщить ей неблаговидный оттѣнокъ. Съ помощью послѣдняго она также оттолкнула отъ содѣйствія въ этомъ важномъ дѣлѣ значительную часть Русской интеллигенціи.

Будучи сторонниками прогресса послѣдовательнаго, мы и относительно классическаго элемента держались того мнѣнія, что онъ долженъ забирать силу постепенно, дѣйствуя систематически, расчитанно, безъ рѣзкихъ переходовъ и крайностей и подготовляя средства для своихъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Но отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, чтобы мы выражали

какое либо несочувствіе къ тому объему, въ которомъ онъ осуществился въ настоящее время. Притомъ Боже насъ сохрани относиться безъ должнаго уваженія къ какой либо реформѣ на другой день послѣ ея санкціи. Въ данномъ случаѣ мы можемъ только привѣтствовать ее и желать ей прочнаго успѣха. Но послѣднее желаніе заставляетъ насъ указывать на тѣ внушенія публицистовъ и на ту систему доказательствъ, которымъ никакъ нельзя было сочувствовать. Мы напоминаемъ имъ о необходимости просвѣщеннаго, гуманнаго отношенія къ тому дѣлу, руководить которымъ они претендуютъ. На какихъ законныхъ основаніяхъ возникла эта претензія, мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ желали бы ей болѣе Европейскихъ способовъ дѣйствія: ибо отъ послѣднихъ весьма много зависитъ успѣшное выполненіе всякаго благаго начинанія. Можетъ быть нигдѣ личные характеры не оказываютъ такого непосредственнаго вліянія на ходъ дѣла, какъ въ педагогіи. А потому всякое личное самолюбіе, наклонное къ излишней раздражительности, должно было бы въ такомъ священномъ дѣлѣ себя обуздывать. Далѣе, публицистика, занятая самыми разнообразными и безпрерывно смѣняющимися новостями, живущая интересами и впечатлѣніями дня, обо всемъ разсуждающая и не имѣющая времени изучать что нибудь основательно, вникать, наблюдать, провѣрять, по нашему мнѣнію, едва ли можетъ быть хорошею руководительницею такой спеціальной и обширной отрасли, какъ педагогія, которая требуетъ постоянной и всецѣлой сосредоточенности. Чтобы хорошо направлять подобную отрасль общественной жизни, мало одной діалектической способности и ловкости по части устраненія ложными идеями. Послѣдній пріемъ является обоюдуострымъ, и налегать на него значило поддерживать дѣло воспитанія на скользкой и несвойственной ему политической почвѣ. Если бы по прошествіи десятилѣтняго срока, вмѣсто обѣщаннаго возрожденія наукъ и искусствъ, въ средѣ недоучившейся молодежи повторились какія либо неблаговидныя явленія (что весьма возможно, особенно если имъ будетъ придаваться все то же преувеличенное значеніе), то слѣдовательно классическая школа окажется несостоятельною? * Стало быть ее опять надобно разгромить какъ послѣ 48 года? Къ сожалѣнію, означенная публицистика не разумѣетъ или не желаетъ разумѣть уроковъ исторіи. Пытаясь связать дѣло воспитанія съ своимъ возвратнымъ направленіемъ, она, кажется совсѣмъ упустила изъ виду, что нашъ авторитетъ не простирается на будущія поколѣнія, и что мы должны дѣйствовать обдуманно и разсуди-

---

* Обращаю вниманіе читателей на эти слова, къ сожалѣнію оказавшіяся пророческими. *Позд. примѣч.*

тельно, не поддаваясь временному настроенію, если желаемъ прочности своимъ начинаніямъ. Дай Богъ, чтобы впослѣдствіи, когда насъ не будетъ, не пришлось кому-нибудь повторить извѣстныя слова: «въ Западной Европѣ все мѣняется, даже самая форма правленія; только школа остается на незыблемыхъ основаніяхъ; а у насъ..» и т. д.

Но что говорить о будущихъ поколѣніяхъ. Та именно публицистика, которая изъявляла претензію на руководство въ дѣлѣ воспитанія, въ это же самое время какъ бы сама не признавала высшаго авторитета, и пыталась колебать довѣріе къ нему дѣятельною агитаціей противъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе благихъ и свѣтлыхъ дѣяній этого авторитета. И какой нехитрый пріемъ употребляла она доселѣ для этой агитаціи! Она указывала разныя неудачныя стороны нашего быта и отыскивала разные печальные случаи; тогда какъ, при старыхъ, до-реформенныхъ, порядкахъ, этихъ сторонъ и этихъ случаевъ было несравненно болѣе, только они проходились молчаніемъ. Да и вообще, какъ будто человѣческія учрежденія могутъ быть совершенны и въ нихъ нельзя отыскать недостатковъ? Публицисты очевидно не разумѣютъ того, что вся сумма государственныхъ учрежденій имѣетъ для народа гораздо болѣе воспитательное значеніе, чѣмъ школа въ тѣсномъ смыслѣ; но развѣ возможно на основаніи нѣсколькихъ лѣтъ судить о результатахъ этого воспитанія для цѣлаго народа? Если брать въ разсчетъ отдѣльные случаи (которые доказываютъ только необходимость лучшаго надзора за новыми учрежденіями и болѣе дѣятельной имъ поддержки), то придется отрицать и пользу желѣзныхъ путей; извѣстны частыя жалобы на нашу желѣзно-дорожную неурядицу, поэтому не воротиться ли намъ къ прежнимъ способамъ передвиженія?

Публицистика, предпринявшая подкопы подъ наши улучшенныя учрежденія, усвоила себѣ привычку подъискивать для своихъ доказательствъ соотвѣтствующіе ея цѣли примѣры изъ быта западноевропейскихъ народовъ, при чемъ она проводила иногда параллели совершенно невѣрныя и прибѣгала къ явнымъ натяжкамъ. Между прочимъ она обнаружила претензію считать свое направленіе истинно охранительнымъ и ссылаться на примѣръ Англіи. По поводу новыхъ парламентскихъ выборовъ, она увѣряла, будто бы въ Англіи консерваторы «не заботятся охранять безопасность жизни и собственности, а берегутъ и защищаютъ отъ нападокъ учрежденія государственныя». Во-первыхъ, какимъ образомъ вопросъ о безопасности можно отдѣлять отъ государственныхъ учрежденій, когда первѣйшая задача послѣднихъ состоитъ именно въ огражденіи личной и имущественной безопасности, безъ которой невозможенъ не только какой

либо прогрессъ, но и простой общественный порядокъ? Во-вторыхъ, что можетъ быть общаго между торійскою реакціею въ Англіи и нашимъ возвратнымъ направленіемъ? Тори и Виги, т.-е. консервативная и прогрессивная партіи, эти два начала присущи жизни всякаго историческаго народа; мало того, вѣчная борьба между этими двумя великими началами и составляетъ его внутреннюю исторію. Если бы одна партія возобладала исключительно и борьба прекратилась, тогда общество неизбѣжно впало бы въ крайность: оно или подвергнется мертвенному застою, или предастся опасной страсти къ перемѣнамъ. Поэтому-то правительство, которое стоитъ выше всѣхъ партій и представляетъ свой народъ въ совокупности, имѣетъ неоспоримый интересъ поддерживать эти два начала въ равновѣсіи. Каждому образованному человѣку должно быть извѣстно, что Англійскій государственный механизмъ въ этомъ отношеніи уже давно достигъ замѣчательной степени развитія и служитъ образцомъ для государствъ континентальныхъ, часто страдающихъ неровностью своего историческаго движенія. (Выше было замѣчено, что островное положеніе болѣе всего способствовало нормальному развитію Англійскаго общественнаго быта). Мало того, Англія, какъ мы сказали, едва ли не близка къ самой границѣ возможнаго въ этомъ отношеніи развитія. Всякая законодательная мѣра, сколько-нибудь имѣющая государственную важность, должна проходить тамъ сквозь цѣлую массу согласій и одобреній, прежде нежели получить окончательную санкцію. Тамъ со стороны гражданскихъ правъ едва ли что остается желать, и никакая перемѣна министерства въ настоящее время не можетъ угрожать англійскому Habeas Corpus. Не только какое либо возвратное политическое движеніе, тамъ сдѣлалось затруднительнымъ осуществленіе и такихъ мѣръ, которыя полезны для обновленія экономическихъ условій. Для примѣра, напомнимъ хотя вопросъ о хлѣбныхъ законахъ: даже и такая мѣра, какъ сбавка пошлины на привозный хлѣбъ, необходимая для бѣдныхъ классовъ, встрѣтила столь сильное сопротивленіе со стороны богатыхъ, что разрѣшеніе этого вопроса сопровождалось волненіемъ, уже грозившимъ спокойствію государства. Печать, разсуждающая о консервативныхъ началахъ, поняла ли хорошо смыслъ послѣдней торійской реакціи въ Англіи? Передавая газетные толки о разныхъ обстоятельствахъ и вопросахъ, сопровождавшихъ паденіе министерства Виговъ, она въ этихъ-то вопросахъ и видитъ причину самаго паденія. А между тѣмъ настоящее недовольство Вигами, мы думаемъ, коренится глубже. Оно находится въ связи съ послѣдними великими событіями на континентѣ. Англичане продолжаютъ еще увѣрять и себя и другихъ въ своемъ могуществѣ и своей первенствующей роли на

земномъ шарѣ. Но инстинктивно они чувствуютъ, что въ этомъ отношеніи совершается переворотъ; что обаяніе ихъ могущества сильно поколеблено; что роль, которую они играли въ послѣднихъ событіяхъ, не особенно почетна; что матеріальные интересы, представителемъ которыхъ служитъ по преимуществу Вигская партія, слишкомъ возобладали надъ интересами моральными, и что такое преобладаніе осуждаетъ ихъ на своего рода политическій застой. И такъ, по отношенію къ консервативнымъ началамъ въ Англіи различіе между Торіями и Вигами до того ничтожно, что въ настоящее время оно представляетъ только нѣкоторые оттѣнки; въ сущности обѣ эти партіи консервативны и, если что угрожаетъ будущему этого народа, то никакъ не Вигская политика, а скорѣе застой его общественнаго механизма, обусловленный преобладаніемъ частныхъ и меркантильныхъ интересовъ надъ интересами государственными, и въ особенности никакимъ высшимъ авторитетомъ неумѣряемый эгоизмъ плутократіи. Повторяемъ, что же можетъ быть общаго между Англійскими Торіями и нашими публицистами, проповѣдующими уже не остановку реформъ, обновившихъ Русскую общественную жизнь и двинувшихъ ее на путь всесторонняго развитія, а ихъ отмѣну и возвращеніе къ порядкамъ прежняго времени?

Публицисты эти очевидно не подозрѣваютъ, что отношенія ихъ къ консервативнымъ началамъ уже измѣнились. Въ послѣднее время истинныхъ консерваторовъ конечно представляетъ у насъ та часть интеллигенціи, которая исполнена признательности къ авторитету, даровавшему намъ улучшенныя учрежденія, которая дорожитъ ихъ сохраненіемъ и желаетъ имъ полнаго примѣненія къ Русской жизни. Эта часть сознаетъ конечно, что многое требуетъ дополненія и исправленія въ подробностяхъ, согласно съ указаніями опыта; но возставать противъ самыхъ началъ, положенныхъ въ основу этихъ учрежденій и требовать коренной ихъ передѣлки—такой способъ дѣйствія, надѣемся, никоимъ образомъ не означаетъ консервативнаго направленія, въ лучшемъ, благородномъ значеніи этого слова. Колебать довѣріе къ высшему авторитету—это не есть охранительное начало. Увы, состояніе нашей цивилизаціи отразилось на публицистикѣ еще нагляднѣе, нежели на чемъ либо другомъ. Въ обществахъ, болѣе развитыхъ, каждое направленіе имѣетъ свой твердый, опредѣленный органъ печати; разнообразіе ихъ мнѣній, ихъ взаимная борьба поддерживаютъ равновѣсіе этихъ направленій, столь необходимое для основательнаго обсужденія и разъясненія общественныхъ интересовъ. Но гдѣ же (а тѣмъ болѣе въ Англіи) возможно такое явленіе, чтобы одна и таже публицистика такъ быстро и непослѣдовательно мѣняла свои взгляды?

Сегодня она гласитъ о необыкновенномъ подъемѣ народнаго духа, а завтра вѣщаетъ, что этотъ народъ находится въ періодѣ чрезвычайнаго моральнаго растлѣнія. Сегодня она находитъ искомое учрежденіе прекраснымъ; а завтра, когда оно осуществится, становится къ нему во враждебныя отношенія. Сегодня заботится о единеніи сословій, а завтра сѣетъ сѣмена разъединенія. То подвизается она за расширеніе гласности, то обнаруживаетъ нетерпимость мнѣній и хлопочетъ о закрытіи гласнаго обсужденія по какому либо общественному вопросу. То изобличаетъ мнимоохранительныя тенденціи отжившихъ дѣятелей, то идетъ по ихъ слѣдамъ, и т. п.

Относительно борьбы прогрессивныхъ и консервативныхъ стремленій мы имѣемъ любопытные примѣры изъ эпохи императора Александра I. Карамзинъ, какъ извѣстно, явился поборникомъ охранительнаго начала; онъ не сочувствовалъ дѣятельности Сперанскаго. Магницкій, бывшій сотрудникомъ Сперанскаго въ періодъ прогрессивный, впослѣдствіи перешелъ въ противный лагерь, и сдѣлался также консерваторомъ. Однако какая огромная разница въ консерватизмѣ Карамзина и Магницкаго!

Въ предъидущей статьѣ мы говорили, что молодежь, помимо школьнаго развитія, нуждается въ живыхъ примѣрахъ для подражанія. Къ прискорбію, нельзя сказать, чтобы наша общественная среда, считающая себя передовою, обиловала мужественными, упругими характерами, хорошо развитыми въ гражданскомъ смыслѣ, т.-е. готовыми на необходимыя уступки существующимъ условіямъ нашего быта, но неспособными, ради личнаго самолюбія и честолюбія, жертвовать своимъ моральнымъ авторитетомъ. Къ тому же и литературное творчество наше все еще не можетъ выдти изъ своего обличительнаго характера, слишкомъ въ немъ преобладающаго. Этотъ характеръ, обусловленный неоспоримо временною потребностію, оказалъ обществу свою долю пользы. Но нельзя не замѣтить, что въ послѣднее время уже чувствуется нѣкоторое пресыщеніе фотографическими снимками съ самыхъ пошлыхъ сторонъ нашего быта и нашихъ мелкихъ обыденныхъ типовъ. Молодое поколѣніе нуждается въ болѣе здоровой духовной пищѣ: ему нужны идеалы. Когда-то Гоголь говорилъ, что литература наша до костей заѣздила хорошаго человѣка. А теперь пришла пора сказать талантливымъ писателямъ: Долго ли еще вы будете питать насъ пошлыми людьми? Дайте намъ хорошаго человѣка!

II.

АНАРХИЧЕСКІЯ ДВИЖЕНІЯ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ.

Алармисты и анархисты *.

Мы живемъ въ эпоху остроумныхъ политическихъ откровеній. Бисмаркъ назвалъ себя «честнымъ маклеромъ», Биконсфильдъ придумалъ «научную» границу въ Азіи; Тисса объявилъ, что пятимилліонный мадьярскій народецъ можетъ побѣдить осьмидесятимилліонное русское племя, но, къ сожалѣнію, не можетъ его истребить, и т. д. Какъ ни забавна послѣдняя фанфаронада, но она бездѣлица въ сравненіи съ нашими внутренними алармистами, которые грозятъ Россіи погибелью отъ какой-то кучки анархистовъ и всякій печальный случай возводятъ на степень едва не общественнаго переворота. И надобно отдать справедливость ихъ обоюднымъ усиліямъ; благодаря запугиваніямъ тѣхъ и другихъ, дѣйствительно въ обществѣ распространяется нѣсколько тревожное настроеніе, плодятся разныя ожиданія и опасенія. Подумаешь, что мы живемъ на какомъ-то вулканѣ, что нашъ общественный порядокъ непроченъ, что у насъ вопіющій недостатокъ въ консервативныхъ началахъ.

По этому поводу припоминается одинъ разсказъ изъ эпохи послѣдней Франко-прусской войны. Какая-то довольно большая прусская колонна, проходя мимо лѣса, была встрѣчена частыми выстрѣлами; она ускорила шагъ; но непрерывные выстрѣлы сопровождали ее все время, пока тянулись кусты и деревья. Пруссаки нѣсколько оробѣли; опасаясь засады, они не рискнули войти въ лѣсъ, наполненный непріятелемъ, и были довольны, когда миновали его, отдѣлавшись сравнительно небольшою потерею. А между тѣмъ, всю эту тревогу и потерю произвели всего девять вольныхъ стрѣлковъ. Каждый изъ нихъ, сдѣлавъ выстрѣлъ, быстро пере-

* Петербургскія Вѣдомости. 1878 г. № 332. Декабря 2.

бѣгалъ впередъ, стрѣлялъ, и перебѣгалъ снова; такимъ образомъ, они искусно изобразили лѣсъ, наполненный непріятелемъ. Вольные стрѣлки тогда только что выступали на сцену дѣйствія и пруссаки еще не успѣли съ ними освоиться. Въ послѣдствіи они расправлялись съ ними ловко и рѣшительно.

Рядъ самыхъ дерзкихъ, самыхъ гнусныхъ покушеній произвелъ подавляющее впечатлѣніе чуть ли не на всю Европу. Прусскіе государственные люди, съ свойственною имъ энергіей, принялись давить гидру соціализма; примѣру ихъ начинаютъ слѣдовать и нѣкоторыя другія правительства. Но тутъ самымъ естественнымъ представляется вопросъ: почему же соціализмъ выбралъ именно настоящее время для осуществленія своихъ цѣлей? Не есть ли онъ, въ данныхъ случаяхъ, только острое орудіе въ рукахъ другихъ, чисто политическихъ дѣятелей? Нѣтъ ли людей, которымъ нужны теперь замѣшательства на европейскомъ континентѣ? Для меня кажется весьма замѣчательнымъ слѣдующее обстоятельство. Гедель и Нобилингъ, оба явились въ тотъ сравнительно небольшой промежутокъ времени, который заключался между произнесеніемъ рыцарственныхъ словъ: «Я не оставлю безъ помощи своего племянника» и открытіемъ Берлинскаго конгресса. Не удался одинъ, тотчасъ же выступилъ другой: ясно, что надобно было поскорѣй и во что бы ни стало устранить (императора Вильгельма), и дѣйствительно устранили, хотя бы только на самое нужное время. Сколько мнѣ извѣстно, нѣмецкая печать не старалась обратить вниманіе на это обстоятельство, что, по моему мнѣнію, можетъ свидѣтельствовать о ея дисциплинѣ. Въ Германіи соціализмъ имѣетъ почву въ экономическихъ ея условіяхъ и развился подъ покровительствомъ ея учрежденій; какъ оказывается, самъ канцлеръ не совсѣмъ былъ чуждъ этого покровительства. Въ Италіи и Испаніи онъ уже слабѣе; но за то тамъ дѣйствуютъ сильныя республиканскія стремленія, которыя всегда могутъ доставлять фанатиковъ тѣмъ, кому нужно ихъ поджечь въ данную минуту. Въ Италіи, особенно южной, кромѣ того, существуютъ еще областныя партіи и антипатіи, которыя также представляютъ всегда готовые элементы смуты. Однимъ словомъ, я подозрѣваю, что въ обѣихъ этихъ странахъ, какъ и въ Германіи, гнусныя покушенія были подстроены прежде всего политическими интригами, а потомъ уже соціальными вожаками. Провѣркою этихъ соображеній можетъ, до нѣкоторой степени, послужить слѣдующее обстоятельство. Во время Геделя и Нобилинга печатались нѣкоторые слухи объ опасности, грозившей наслѣдному принцу, тогда пребывавшему въ Англіи. Я позволялъ себѣ сомнѣваться въ этихъ слухахъ. Недавно были извѣстія о предупрежденіяхъ, которыя, будто бы,

получили императоръ австрійскій и король бельгійскій. Конечно, Боже сохрани ихъ жизнь и здоровье, но я питаю надежду, что государю Австріи не угрожаетъ серьезная опасность отъ соціалистовъ. Беру при этомъ въ разсчетъ ея настоящія политическія отношенія, внутреннія и внѣшнія, хотя въ тѣхъ и другихъ указывается много тревожнаго. Во всякомъ случаѣ, въ какіе либо близкіе соціальные перевороты не вѣрю. Настоящая эпоха есть разгаръ по преимуществу національныхъ, слѣдовательно, политическихъ стремленій.

Что касается до нашего отечества, для меня нѣтъ сомнѣнія, что кучка нашихъ анархистовъ есть только слѣпое орудіе въ рукахъ политической интриги, т.-е. въ рукахъ враговъ русскаго племени, русскаго государственнаго могущества. Отдѣльные случаи гнусныхъ преступленій возможны. Но въ массахъ серьезной почвы для соціальной пропаганды нѣтъ. Государственный нашъ организмъ крѣпокъ и преданность власти глубока; слѣдовательно, общественный порядокъ покоится на надежныхъ основаніяхъ. Нужна только нѣкоторая доля твердости и вѣры. Весьма желательно было бы умѣрить зловѣщіе крики алармистовъ, которые иногда для общественнаго спокойствія бываютъ опаснѣе самихъ анархистовъ. Слово Монарха о «законномъ, постепенномъ развитіи» должно быть лозунгомъ всѣхъ истинно русскихъ людей. Другаго развитія и быть не можетъ.

Помѣщая это письмо мое, редакція Петербургскихъ Вѣдомостей сопроводила его руководящею статьею. Она высказала «нѣсколько пояснительныхъ словъ, въ видахъ предустраненія одностороннего истолкованія (моихъ) мыслей въ томъ ограниченномъ смыслѣ, въ какомъ многіе у насъ рады понимать современныя явленія, дорожа своимъ безмятежнымъ спокойствіемъ и потому охотно закрывая глаза на нѣкоторыя темныя стороны нашего положенія».

О томъ же предметѣ *.

Я весьма благодаренъ редакціи за ея поясненія къ моему прошлому письму, предупреждающія одностороннее его пониманіе. Если я говорилъ о прочности нашего государственнаго порядка и полной невѣроятности близкихъ соціальныхъ переворотовъ, то, конечно, не въ томъ смыслѣ, что мы можемъ совершенно успокоиться на этой увѣренности и сложить

---

* Петерб. Вѣд., 1878 г., № 338. Декабря 8.

руки. Напротивъ, болѣе чѣмъ когда либо мы должны работать надъ усовершенствованіемъ своего общественнаго организма; при этой работѣ мы только не должны смущаться нѣкоторыми болѣзненными явленіями, которыя пытаются помѣшать законному, постепенному развитію, внести смуту въ отношенія общества къ представителямъ власти и набросить тѣнь на крѣпость консервативныхъ началъ. Не закрывать глаза на подобныя явленія, а смотрѣть имъ прямо въ упоръ, установить трезвое къ нимъ отношеніе и всякій разъ встрѣчать ихъ энергическимъ отпоромъ, правительственнымъ и общественнымъ, вотъ въ чемъ заключается одна изъ нашихъ ближайшихъ задачъ.

Когда я писалъ прошлое письмо, то не зналъ еще подробностей послѣдней Харьковской исторіи; а Петербургская произошла послѣ того. Пользуюсь случаемъ вновь высказать мое убѣжденіе, относительно тѣхъ волненій, которыя, вотъ уже скоро двадцать лѣтъ, такъ настойчиво повторяются все въ тѣхъ же пунктахъ, въ средѣ учащейся молодежи. Нѣсколько лѣтъ назадъ я имѣлъ случай высказать свой взглядъ на это явленіе, по поводу вопроса объ учебной реформѣ. Будучи сторонникомъ классическаго образованія, я, однако, не былъ согласенъ съ тѣми публицистами, которые старались привести эту реформу въ непосредственную связь съ различными выходками молодежи и выставляли ее главнымъ, чуть ли не единственнымъ средствомъ прекратить вліяніе вредныхъ ученій, а слѣдовательно, прекратить и самыя волненія. Я желалъ поставить на видъ, что, въ случаѣ ихъ повторенія, пришлось бы вновь подвергнуть вопросу учебную систему,—отъ чего насъ Боже избави, по крайней мѣрѣ на долгое время. Я утверждалъ, что неумѣстныя и даже дикія выходки будутъ повторяться до тѣхъ поръ, пока онѣ будутъ достигать своихъ цѣлей. А эти цѣли совсѣмъ не тѣ, которыми обыкновенно одушевляется масса молодыхъ людей; послѣдняя оказывается только наиболѣе сподручнымъ и почти слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ закулисныхъ агитаторовъ, которые преслѣдуютъ иныя, свои собственныя задачи. Эти агитаторы ловко умѣютъ смущать недозрѣлые умы словами: *народъ*, *деспотизмъ*, *община*, *свобода*, *равенство*, *развитіе*, *идея* и т. п. Имъ дѣла нѣтъ до того, сколько будетъ жертвъ, сколько погибнетъ силъ. Безпорядокъ произведенъ; пошли розыски, аресты; въ перспективѣ показанъ миражъ революціи; общество смущено, обезпокоено; отвлечено вниманіе отъ болѣе важныхъ дѣлъ, и слѣдовательно настоящая цѣль достигнута. Злостная агитація со стороны внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ Россіи облеклась въ такую постоянную систему и дѣйствуетъ съ такой назойливостью, что, по моему мнѣнію, только близорукіе люди не могутъ уразумѣть этой сис-

темы. Совершается ли какая насущная гражданская реформа, напримѣръ, крестьянская, поднимается ли вопросъ Польскій, или Россія приступаетъ къ разрѣшенію великаго Восточнаго вопроса, ужъ непремѣнно жди какихъ либо нелѣпыхъ выходокъ со стороны нашихъ недоучекъ, претендующихъ на политическое значеніе. Въ послѣднее время, къ восточному присоединился еще авганскій вопросъ, отъ котораго тоже понадобилось отвлечь наше вниманіе воинственными демонстраціями Австріи извнѣ и волненіями молодежи внутри. Злостные агитаторы отлично пользуются распущенностію, податливостію или легкомысліемъ нѣкоторой части молодежи, и ни за что не оставятъ ее въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока чрезъ нее не будутъ достигать своихъ цѣлей. Отсюда прямой выводъ, что пока мы будемъ пугаться этихъ выходокъ, пока при каждой изъ нихъ алармисты будутъ бить набатъ, до тѣхъ поръ онѣ и будутъ повторяться; тупоумные, легкомысленные и фанатичные люди найдутся во всякой странѣ, во всякой націи, даже самой развитой. Какія же мѣры—спросятъ меня—нужно принять для противодѣйствія этому злу? Если главная и ближайшая причина опредѣлена мною близко къ истинѣ, то и мѣры опредѣляются сами собою. Каждый разъ строгое разслѣдованіе дѣла и наказаніе виновныхъ, а вмѣстѣ ясныя доказательства того, что прискорбныя явленія не оказали ни малѣйшаго вліянія на текущіе вопросы государственной политики, внутренней и внѣшней; что они ни на минуту не отвлекли государство отъ исполненія тѣхъ задачъ, которыя выдвинулись на очередь. Когда закулисные агитаторы увидятъ всю тщету своей дѣятельности съ этой стороны, наиболѣе легкомысленная часть молодежи убѣдится, что она не есть политическая сила, и что государственная среда слишкомъ высоко поставлена, чтобы съ нею считаться, только тогда и можно ожидать нѣкотораго успокоенія отъ этой болѣзни, успѣвшей сдѣлаться хроническою. Я говорю теперь конечно о ближайшихъ причинахъ болѣзни; но затѣмъ является другой вопросъ: почему же злостные политическіе агитаторы нерѣдко находятъ въ нашей молодежи удобную для себя почву? Разумѣется и тому есть свои причины. *

Итакъ, пора убѣдиться, что ни риторическіе возгласы и плачи алармистовъ, ни пустословіе, напоминающее басню о «Котѣ и поварѣ», не спасутъ насъ отъ излишнихъ безпокойствъ и волненій тамъ, гдѣ нужны твердость и простыя дисциплинарныя мѣры. Да, простыя, но разумныя дисциплинарныя мѣры могли бы много ослабить, если не вполнѣ уничтожить зло. Десятки милліоновъ мирно трудящагося населенія въ правѣ

* См. предыдущую главу „О классической школѣ“.

сказать: «пожалуйста не дѣлайте насъ отвѣтственными за выходки харьковскихъ ветеринаровъ, дѣйствительныхъ или самозванныхъ слушателей того или другого заведенія; введите надлежащую дисциплину въ этихъ заведеніяхъ, отдѣлите самыхъ безпокойныхъ, наиболѣе строптивыхъ и лѣнивыхъ, и дайте возможность остальнымъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ; это будетъ и справедливо, и гуманно, и не Богъ знаетъ какъ трудно; власть и всѣ средства въ вашихъ рукахъ». Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, алармисты не ограничиваются раздуваніемъ яко бы ужасныхъ, грозящихъ государству опасностей, а уже начали громить и самую науку, какъ будто есть что нибудь общаго между наукою и данными явленіями. Возможно ли представителей полуобразованія и легкомысленнаго отношенія къ наукѣ смѣшивать съ самою наукою? Посмотрите на Германію. Никакіе Беккеры, Блинды и Нобилинги тамъ не вызываютъ уже нарѣканій на университетскую науку вообще. Тамъ очень хорошо сознаютъ, что этой наукѣ по преимуществу Германія обязана своимъ настоящимъ величіемъ и длиннымъ рядомъ славныхъ дѣятелей во всѣхъ сферахъ государственной жизни, и что въ семьѣ не безъ урода. Наоборотъ, должно жалѣть, что высшее образованіе у насъ распространено еще такъ мало, и что многіе дѣятели, занимающіе видные посты, къ нему непричастны. Да, если бы меня спросили, въ чемъ наша ближайшая и самая насущная потребность, я бы отвѣтилъ: въ просвѣщенныхъ, талантливыхъ, энергичныхъ и патріотическихъ государственныхъ людяхъ.

Возвратимся, однако, къ прискорбнымъ явленіямъ въ средѣ нашей учащейся молодежи. По моему мнѣнію, редакція вѣрно указала на одно изъ условій, облегчающихъ агитаторамъ ихъ зловредную дѣятельность, т.-е. на отсутствіе единства въ администраціи, надзорѣ и руководствѣ высшими учебными заведеніями. Это обстоятельство заслуживаетъ серьезнаго вниманія и исправленія. Не лишены нѣкотораго основанія и замѣчанія тѣхъ, которые сожалѣютъ о совершенной отмѣнѣ формы у слушателей университетскихъ и ослабленіи какъ моральной, такъ и дисциплинарной связи между университетами и ихъ слушателями. Между послѣдними водворилась распущенность, а лица совершенно постороннія получили возможность выдавать себя за студентовъ, гдѣ имъ вздумается, и нерѣдко бросать на послѣднихъ тѣнь незаслуженную или втираться въ ихъ среду для своихъ агитаціонныхъ цѣлей. Не лишнимъ считаю оговориться, что, возражая противъ алармистовъ, раздувающихъ значеніе данныхъ явленій и забывающихъ, что историческое движеніе великаго государства не можетъ всегда совершаться какъ по маслу, я не согла-

сенъ и съ тѣми, которые всякій разъ стараются заминать дѣло и все объяснять какими либо случайностями или недоразумѣніемъ. Нѣтъ, пора же отнестись къ нимъ съ должною трезвостію, не пугаться, но и не закрывать глаза. А что касается до тѣхъ гнусныхъ покушеній, которыя взволновали все европейское общество, то они всегда и вездѣ возможны. Тутъ прежде всего мы должны противопоставить имъ мужество и готовность пострадать за родину. Бисмаркъ, хотя и весьма сомнительный нашъ союзникъ, однако великій мужъ по отношенію къ своей странѣ. «Можетъ быть нѣкоторые изъ насъ падутъ,—сказалъ онъ,—но общественный порядокъ устоитъ». Онъ говорилъ такъ, проводя новые законы, направленные противъ анархистовъ. Мы въ этомъ отношеніи не нуждаемся въ какихъ либо особыхъ законахъ, такъ какъ у насъ не было учрежденій, подъ защитой которыхъ могла бы дѣйствовать явная пропаганда анархистовъ.

Заканчивая это письмо, посвященное печальнымъ явленіямъ въ средѣ учащейся молодежи, напомню, что дѣло идетъ только о незначительной ея части, попадающей въ руки ловкихъ агитаторовъ, преимущественно въ двухъ, трехъ центрахъ, что огромное ея большинство, разсѣянное по необъятной Россіи, жаждетъ серьезной науки. Наконецъ, доброкачественность свою русская молодежь блистательно заявила въ послѣднее время на поляхъ битвъ, въ лазаретахъ, въ самоотверженномъ уходѣ за больными и ранеными, въ горячемъ увлеченіи высокимъ освободительнымъ призваніемъ Россіи и въ готовности на всѣ жертвы. Слѣдовательно, Боже избави насъ отъ огульныхъ оплеваній и заушеній своего молодаго поколѣнія.

Объемъ и значеніе анархическихъ движеній въ средѣ учащейся молодежи преувеличивала по преимуществу публицистика Московскихъ Вѣдомостей, чѣмъ нагоняла немалую панику, не предлагая однако никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ для борьбы со зломъ. Любопытно, что подтвержденіе моимъ указаніямъ на численное ничтожество русской анархической шайки впослѣдствіи является въ другомъ изданіи той же редакціи. (См. изслѣдованіе Щербаня «Политическій развратъ», въ Русскомъ Вѣстникѣ 1887 г. № 9 и слѣдд.)

Изъ письма отъ 12 декабря *.

Къ тому, о чемъ я говорилъ въ прошломъ письмѣ, прибавлю указанія еще на одно обстоятельство, которымъ подтверждаю свою давно высказанную мысль: что позади агитаціи безсмысленныхъ анархистовъ, скрывается ловкая политическая интрига. Извѣстно, какъ пылкая молодость склонна къ благороднымъ порывамъ, къ увлеченію возвышенными задачами, и особенно задачами освободительными. Что же можно было найти болѣе возвышеннаго, болѣе увлекательнаго для русской молодежи, какъ не освобожденіе единоплеменниковъ отъ варварскаго ига, которое камнемъ лежало на русскомъ сердцѣ? И дѣйствительно, увлеченіе этой освободительной задачей глубоко охватило наше юношество, и высказалось въ безчисленныхъ примѣрахъ самоотверженія. Опасность повидимому могла бы грозить со стороны излишней пылкости, излишняго рвенія и нетерпѣнія въ виду разныхъ препятствій и колебаній. Съ этой стороны естественнѣе всего можно было бы ожидать прискорбныхъ случаевъ нарушенія дисциплины въ средѣ учащейся и всякой другой молодежи. Мы говоримъ «прискорбныхъ», ибо не оправдываемъ ихъ ни въ какомъ случаѣ: дисциплина прежде всего; безъ нея невозможно никакое движеніе впередъ, никакое національное развитіе. Разумѣется, рѣчь идетъ о дисциплинѣ разумной, въ особенности основанной на уваженіи къ старшему возрасту. Заносчивая, своевольная, дерзкая молодежь всегда и вездѣ противна. Но что же мы однако видимъ въ данномъ случаѣ? Совсѣмъ обратное явленіе. Происходятъ какія-то движенія, нисколько не сочувственныя той высокой и трудной задачѣ, которою занято русское государство и общество,—движенія, въ которыхъ никто не можетъ добраться смысла; а въ числѣ ближайшихъ поводовъ къ нимъ служитъ такое неблаговидное побужденіе, какъ лѣнь, не желающая подчиниться репетиціямъ! (И объ этихъ репетиціяхъ, какъ поводѣ къ волненіямъ, мы слышимъ уже не въ первый разъ). Закулисные агитаторы знаютъ, гдѣ найти подходящій къ ихъ цѣлямъ матеріалъ. Они знаютъ, что въ средѣ учащейся молодежи существуетъ значительный инородный и полуинородный элементъ, и умѣютъ имъ пользоваться; умѣютъ также найти легкомысленныхъ фразеровъ и среди кореннаго племени.

---

* Петерб. Вѣдом. 1878., № 347.

Изъ письма отъ 11 марта *.

Да простятъ мнѣ тѣ ревнители, которые едва ли не все наше общественное вниманіе желаютъ исключительно поглотить борьбою съ такъ называемымъ нигилизмомъ. Мы, какъ и прежде, отказываемся придавать этому явленію слишкомъ широкое значеніе, и даже полагаемъ, что, преувеличивая его объемъ и смыслъ, помянутые ревнители не мало поднимали явленіе въ его собственныхъ глазахъ и тѣмъ поддавали ему, такъ сказать, пару. Да иначе не могло и быть: если при каждой нелѣпой или злодѣйской выходкѣ, вмѣсто напоминанія о самообладаніи, мы будемъ теряться и кричать: горимъ! погибаемъ! и т. п., то естественно какъ таковой эффектъ долженъ поощрять и шайку тупоумныхъ исполнителей, которые служатъ орудіемъ адской интриги, и самихъ мастеровъ этой интриги, имѣющихъ въ виду мѣшать нѣкоторымъ начинаніямъ и отвлекать наше вниманіе въ другую сторону. Уже въ качествѣ человѣка, занимающагося историческою наукою, я не могъ раздѣлять подобной паники. Государство наше нисколько не менѣе прочно, чѣмъ другія, а пожалуй и прочнѣе многихъ другихъ. Для меня лично вопросъ заключается только во временныхъ затрудненіяхъ и потрясеніяхъ, или собственно въ томъ, какъ избѣжать какихъ либо общественныхъ потрясеній? И тутъ на первомъ планѣ представляется мнѣ необходимость выдвигать такіе государственные умы, которые могли бы вполнѣ понимать планы и способы нашихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, съумѣли бы всегда находить дѣйствительныя средства для борьбы, смотрѣть далеко впередъ, строго сохранять русскіе интересы и высоко держать русское знамя.

Мы, т.-е. старшее поколѣніе, слишкомъ много тратимъ словъ на разсужденія о нашей молодежи, слѣдовательно, разыгрываемъ басню о котѣ и поварѣ, вмѣсто того, чтобы изъ среды себя выдвигать впередъ людей мужественныхъ и энергичныхъ, которые съумѣли бы поставить молодыхъ на свое мѣсто или по крайней мѣрѣ ввести надлежащую, разумную дисциплину въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и оградить свободу преподаванія отъ всякихъ поползновеній терроризовать его снизу. Наши органы печати тратятъ свои силы въ безконечныхъ взаимныхъ пререканіяхъ о тенденціяхъ, направленіяхъ и личностяхъ, и тѣмъ парализуютъ другъ друга. Нѣтъ той благой идеи, нѣтъ той истины, высказанной въ какомъ либо органѣ, которая не встрѣтила бы ожесточеннаго воз-

---

* Новое Время. 1880 г., № 1454.

раженія. Съ другой стороны нѣтъ такой нелѣпости, которая не нашла бы себѣ поддержки въ какой либо части печати. Напримѣръ, существуютъ даже цѣлые большіе органы русской печати, которые при всякомъ удобномъ случаѣ ратуютъ противъ національнаго движенія, противъ тарифнаго покровительства русской промышленности, противъ нашего государственнаго достоинства; есть и такіе, которые на бумажныхъ деньгахъ предлагаютъ основать наше экономическое благосостояніе. Нужны государственные умы, которые нашлись бы въ этомъ хаосѣ, и не только нашлись бы, но и силою своего моральнаго авторитета внесли бы политическій тактъ и послѣдовательность хотя въ нѣкоторую часть русской печати, какъ это мы видимъ въ другихъ странахъ. Въ послѣднее время мы много толкуемъ о необходимости самому обществу принять непосредственное участіе въ борьбѣ со всякимъ политическимъ зломъ и оказывать дѣятельную помощь правительственнымъ лицамъ. Но для того, чтобы эти толки перешли въ дѣло, нужны свѣтлые, патріотичные умы, которые укажутъ пріемы и способы общественнаго участія и будутъ искусно, смѣло руководить общественными силами. Наконецъ, таковые умы нужны для того, чтобы оживить самые органы власти и возбудить въ нихъ чувство строгаго отношенія къ своимъ обязанностямъ.

Conditio sine qua non для успѣшнаго дѣйствія государственныхъ людей, это ихъ единство дѣйствія и направленія. Гдѣ каждый, завѣдуя отдѣльною частію, можетъ имѣть свой отдѣльный взглядъ на общее дѣло, свою особую систему, тамъ естественно не можетъ быть дружнаго дѣйствія, а слѣдовательно и настоящаго успѣха.

Изъ письма отъ 8 октября *.

«Напечатанное въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опроверженіе неточнаго извѣстія газеты «Новости» о подачѣ петиціи студентами Московскаго университета г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, породило нѣкоторыя недоразумѣнія. Студенты дѣйствительно приготовили петицію и желали подать ее при посредствѣ ректора. Но, вопервыхъ, она заключала въ себѣ такія притязанія, что ректоръ не рѣшился о ней докладывать. Напримѣръ, суденты требовали себѣ, между прочимъ, ни болѣе ни менѣе какъ права участвовать въ выборѣ профессоровъ. Во-вторыхъ, г. управляющій министерствомъ пред-

* Петерб. Вѣдом. 1880 г., № 280.

упредилъ ректора, что коллективныхъ, а слѣдовательно незаконныхъ петицій онъ принять не можетъ. А потому, о формальной подачѣ ему петиціи не могло быть и рѣчи. Достовѣрно только то, что въ бесѣдѣ съ ректоромъ онъ словесно высказался не противъ возможности студентамъ вступать въ бракъ, но подъ условіемъ матеріальнаго ихъ обезпеченія на время университетскаго курса. Между тѣмъ, упомянутое категорическое опроверженіе не осталось безъ вліянія на юныя головы. Съ ихъ стороны начались непріятныя объясненія съ ректоромъ о судьбѣ петиціи. Любопытно, что старшіе курсы держатъ себя спокойно и явно не сочувствуютъ подобнымъ движеніямъ. Первый же курсъ, особенно многочисленный на медицинскомъ факультетѣ, обнаруживаетъ наклонность къ волненіямъ, къ сходкамъ. Только вчера вступившіе въ стѣны университета, эти неопытные молодые люди легко подпадаютъ вліянію злостной шайки агитаторовъ, которая, очевидно, дѣлаетъ отчаянныя усилія вызвать гдѣ нибудь какія нибудь безпокойства и замѣшательства, чтобы отвлекать правительство и общество отъ дѣлъ болѣе важныхъ. Во всякомъ случаѣ, придавать подобнымъ движеніямъ серьезное значеніе было бы крайне непрактично: этого именно и добивается злостная агитація. Плохую услугу русскому обществу оказываютъ тѣ русскія газеты, которыя дѣлаютъ явное поощреніе студенческой распущенности и волненіямъ, относясь съ особымъ сочувствіемъ къ проекту помянутой курьезной петиціи. Пора бы, давно пора твердыми и разумными мѣрами оградить свободу университетскаго преподаванія отъ нелѣпыхъ волненій и зловредной агитаціи. Въ числѣ этихъ мѣръ не послѣднее мѣсто, конечно, должна занимать хорошо организованная инспекція, отдѣленная отъ профессорской корпораціи на все время, пока окончатся всѣ эти смуты учащейся молодежи».

Изъ Москвы *.

Наконецъ то, о чемъ мы давно толковали, кажется, начинаетъ совершаться, такъ сказать, само собой, силою обстоятельствъ. Сколько разъ мы принимались объяснять, что не слѣдуетъ слишкомъ много обращать вниманія на волненія и безпорядки въ средѣ учащейся молодежи, что это вопросъ только дисциплины, что придавать имъ великое политическое значеніе въ высшей степени неблагоразумно; что такимъ взглядомъ поддерживаются и

* Петерб. Вѣдом. 1880, № 341. Декабря 11.

плодятся эти волненія; ибо въ этомъ-то и состоитъ главная цѣль агитаціи. Если бы высшія сферы относились къ подобнымъ волненіямъ какъ можно проще и не обнаруживали излишней нервности или чувствительности, если бы онѣ при всякомъ случаѣ доказывали, что эти жалкія событія не имѣютъ никакого вліянія на текущую политику, то агитація, убѣдившись въ безплодности своихъ хлопотъ, давно принуждена была бы оставить въ покоѣ недоучившуюся молодежь. Къ сожалѣнію, у насъ существовали цѣлые органы печати, которые старались напротивъ раздувать значеніе помянутыхъ волненій и пугать ими общество, преимущественно ради особыхъ личныхъ цѣлей. Извѣстно, что съ помощію этого пугала у насъ, между прочимъ, постарались доказать необходимость классицизма. А потомъ, и такую прекрасную вещь, какъ классическое образованіе, тоже съумѣли сдѣлать пугаломъ для общества. Но ложное основаніе незамедлило себя обнаружить: продолжающіяся волненія въ свою очередь подрываютъ вѣру въ цѣлительную силу чисто формальнаго классицизма. Мы видимъ, что самымъ безпокойнымъ и неблаговоспитаннымъ элементомъ въ университетѣ оказываются именно первокурсники, т.-е. юноши, только вчера окончившіе свою классическую школу.

Но, какъ я сказалъ, жизнь и опытъ наконецъ берутъ свое. Двадцатилѣтнія волненія учащейся молодежи такъ всѣмъ надоѣли, что общество перестаетъ придавать имъ какую либо цѣну и начинаетъ смотрѣть на нихъ какъ на явленіе очень скучное, которое пора бы прекратить простыми дисциплинарными мѣрами. Вотъ что можно сказать о общемъ впечатлѣніи, которое произвели послѣдніе безпорядки на первомъ курсѣ медицинскаго факультета въ Москвѣ. Мы, признаться, съ удивленіемъ смотрѣли на это неумѣнье ввести дисциплину даже въ такомъ заведеніи, какъ Медико-хирургическая академія въ Петербургѣ; хотя она принадлежитъ военному вѣдомству и слѣдовательно могла бы имѣть даже военную дисциплину. Вмѣсто того, чтобы водворить таковую дисциплину, закрыли первые курсы. Отсюда небывалый наплывъ медиковъ въ университеты и преимущественно въ Московскій; такъ что здѣсь медицинскій факультетъ получилъ размѣры просто подавляющіе сравнительно съ другими, и недаромъ раздаются голоса объ отдѣленіи этого факультета и образованіи изъ него особаго медицинскаго института. И дѣйствительно, зачѣмъ страдаютъ теперь другіе факультеты по винѣ медиковъ? Въ нелѣпой демонстраціи, 5 декабря, участвовало изъ нихъ отъ 300 до 400 человѣкъ. Слѣдовательно, болѣе 2.000 студентовъ оставались спокойны и даже не знали объ этой выходкѣ. А между тѣмъ, совѣтъ университета не придумалъ ничего болѣе разумнаго, какъ прекратить на время чтеніе

лекцій въ цѣломъ университетѣ, т.-е. прямо перешелъ къ крайней мѣрѣ.

Я принадлежу къ поборникамъ университетскаго самоуправленія; но далеко не считаю его безупречнымъ, особенно въ отношеніи къ способамъ самопополненія профессорской корпораціи. Между прочимъ, признаться, не раздѣляю и ректорскихъ стремленій на полное подчиненіе себѣ инспекціи именно въ настоящее время. Этотъ принципъ есть достояніе мирнаго, нормальнаго теченія университетской жизни, каковымъ мы въ настоящее время не пользуемся. Я бы сказалъ: введите пока какую угодно инспекцію, только оградите свободу и спокойствіе преподаванія; поставьте временно хоть роту солдатъ на караулъ въ стѣнахъ университета—только избавьте высшее преподаваніе отъ всякихъ попытокъ терроризовать его снизу, воспрепятствуйте вздорнымъ выходкамъ и сходкамъ и оградите личность профессоровъ отъ оскорбленій. Мы помнимъ время, когда въ университетахъ господствовалъ терроръ сверху; но терроръ снизу, надѣюсь, гораздо противнѣе; тамъ все-таки была возможность заниматься наукою и преподаваніемъ; а тутъ чуть не ежедневно профессорамъ, не ищущимъ ложной популярности, приходится бороться за самую эту возможность.

Изъ Москвы *.

Студенческіе безпорядки въ Москвѣ успѣли уже вызвать цѣлую литературу въ нашей печати. Всѣ органы поспѣшили отозваться на это печальное явленіе: много было высказано умнаго и дѣльнаго. Но много ли выяснилось дѣло, т.-е. его источники? Указаны ли дѣйствительныя средства предупредить подобныя явленія на будущее время? Сколько я могъ замѣтить, всякій пишущій о томъ прежде всего заявилъ себя другомъ молодежи; затѣмъ, нѣкоторые старались свести событіе на маленькое недоразумѣніе, на невинное желаніе студентовъ объясниться съ ректоромъ; другіе, если и высказывались противъ поведенія молодыхъ людей, то большею частію робко и нерѣшительно. Общій же голосъ однако сводится къ тому, что надобно подумать о мѣрахъ и правилахъ, съ помощію которыхъ безформенную, распущенную толпу этихъ молодыхъ людей должно обратить въ хорошо организованную корпорацію. Мысль совершенно вѣрная. Но пока придумаютъ хорошую организацію, пока эта организація привьется къ жизни, пройдетъ много времени. А между

---

* Петерб. Вѣдом. 1880 г., № 348. Декабря 18.

тѣмъ событія не ждутъ; общественное спокойствіе и высшее образованіе должны быть обезпечены отъ повторенія помянутыхъ волненій. Въ теченіе ихъ двадцатилѣтняго періода мы видѣли столько нецѣлесообразныхъ мѣръ, что первымъ моимъ движеніемъ, выраженнымъ въ прошломъ письмѣ, былъ рѣшительный протестъ противъ всякой попытки придать событію важное политическое значеніе. Пріостановка реформъ, традиціонное стѣсненіе печати и преподаванія, усложненіе системы паспортовъ, или вновь изобрѣтенныя мѣры въ родѣ дежурства дворниковъ и т. п. вотъ чѣмъ обыкновенно отзывались таковыя событія на массѣ мирныхъ гражданъ. По моему крайнему разумѣнію, слѣдуетъ, оставя въ сторонѣ мирныхъ гражданъ, прямо и непосредственно дѣйствовать на водвореніе порядка и дисциплины въ средѣ распущенной, недоучившейся молодежи.

Въ русскомъ обществѣ, къ сожалѣнію, въ послѣднюю эпоху развился какой-то культъ, какое-то поклоненіе передъ всѣмъ тѣмъ, что молодо и незрѣло; такое поклоненіе сдѣлалось особенною принадлежностію нашихъ либераловъ извѣстнаго пошиба, свидѣтельствуя, конечно, прежде всего объ ихъ собственной политической незрѣлости и безхарактерности. Поэтому въ прошломъ письмѣ я, такъ сказать, поставилъ ребромъ вопросъ о дисциплинѣ. Никакая общественная организація безъ нея невозможна. Я сказалъ, что если дѣло дошло до открытаго оскорбленія ректора и профессоровъ, то примите хотя бы самыя крайнія мѣры, только оградите свободу и спокойствіе высшаго преподаванія. Только одной мѣрѣ я не сочувствую: это закрытію университета на болѣе или менѣе продолжительное время. Виновные въ подобныхъ случаяхъ составляютъ въ сущности незначительное меньшинство; зачѣмъ же мы будемъ огромное большинство лишать возможности учиться? Ненормальность положенія въ томъ и состоитъ, что меньшинство, при настоящихъ условіяхъ, можетъ производить такія смуты. Я сказалъ, что въ самомъ крайнемъ случаѣ поставьте хоть временный военный караулъ. Разумѣется, я напередъ очень хорошо зналъ, чѣмъ у насъ рискуетъ тотъ, кто рѣшится поднять голосъ за государственную и общественную дисциплину, и притомъ заявленный въ такой рѣзкой формѣ. Я не ошибся.

У васъ въ Петербургѣ есть одна убогая газета, отличающаяся въ особенности грубостію своихъ литературныхъ нравовъ, нетерпимостію къ чужимъ мнѣніямъ и антинаціональнымъ направленіямъ. Редакторъ ея, носящій инородческую фамилію, замѣчательнымъ образомъ напоминаетъ блаженной памяти Ѳадея Булгарина. Онъ необыкновенно храбръ наединѣ съ самимъ собою, но какъ огня боится встрѣчи съ своимъ противникомъ лицомъ къ лицу. Я имѣлъ случай убѣдиться въ томъ года

три тому назадъ. Въ послѣднее время этотъ курьезный и мало образованный редакторъ вновь и назойливо сталъ заявлять мнѣ о своемъ существованіи. По поводу моего прошлаго къ вамъ письма онъ разразился ругательствами съ обычною своею грубостію и невѣжествомъ, и къ тому же представилъ мои мысли своимъ читателямъ (если только оные существуютъ) въ превратномъ видѣ. По его изложенію выходитъ, что профессора стремятся къ закрытію университетовъ и прекращенію науки; они желаютъ даромъ получать свое жалованье; а вашъ покорнѣйшій слуга, если и согласенъ продолжать свои лекціи, то развѣ передъ ротою солдатъ. Между тѣмъ, надѣюсь, многимъ извѣстно, что я писалъ свое письмо въ качествѣ бывшаго студента и бывшаго профессора Московскаго университета. Слѣдовательно личнаго интереса въ полученіи даромъ жалованья я ужъ никакъ не могъ имѣть. Напротивъ, непринадлежность моя къ университетской корпораціи въ настоящее время и даетъ мнѣ возможность высказаться съ полною рѣшительностію и откровенностію о прискорбномъ событіи въ нашей alma mater. Новый Булгаринъ также заявляетъ себя другомъ молодежи, производящей безпорядки. Поздравляю ее съ такимъ другомъ *.

Изъ Москвы **.

Вотъ уже цѣлая недѣля прошла со времени страшнаго извѣстія, а мы, москвичи, все еще не можемъ опомниться. Настроеніе въ высшей степени удручающее и унылое. При такомъ настроеніи даже мысль о будущемъ не такъ много всѣхъ занимаетъ, какъ бы этого можно было ожидать. Скорбь, стыдъ, позоръ подавляютъ эту мысль. Только одно интересуетъ всѣхъ: это все болѣе и болѣе раскрывающіяся подробности о той адской сѣти, которая раскидывалась по цѣлой столицѣ, чтобы какъ можно вѣрнѣе поразить свою жертву. Дѣло съ сырной лавкой возмутило всѣхъ до чрезвычайности и увеличило непопулярность полиціи. И какъ же не возмущаться? Въ то время, какъ представители административнаго произвола еще такъ многочисленны въ провинціяхъ, чины столичной администраціи простерли свою деликатность до того, что не рѣшались произвести скорый и серьезный осмотръ подозрительной лавки, даже послѣ такихъ уроковъ, какъ 19 ноября и 5 февраля! Ужъ не повліяла

---

* Рѣчь идетъ о петерб. газетѣ „Молва“ и ея редакторѣ Полетикѣ.

** Петерб. Вѣдом. 1881 г., № 70. Марта 13. Послѣ гнуснаго цареубійства.

ли на ихъ энергію разслабляющимъ образомъ лже-либеральная часть нашей прессы, т.-е. передовыя статьи и фельетоны сей послѣдней? Пожалуй, молъ, въ лавкѣ ничего важнаго не найдется, а какая нибудь «Молва», за излишнее усердіе, обругаетъ тебя ретроградомъ и злѣйшимъ врагомъ гражданской свободы. Увы, въ наше время такое предположеніе возможно.

Мы всегда высказывали убѣжденіе, что дѣятельностью гнусной шайки цареубійцъ и анархистовъ руководятъ цѣли политическія, цѣли антирусскія; что соціализмъ и нигилизмъ тутъ только средства, а тупоумные фанатики изъ русскихъ недоучекъ суть безсмысленныя орудія. При такомъ убѣжденіи и остаемся. Можетъ быть, дѣятельные розыски и судебное слѣдствіе, наконецъ, раскроютъ сколько нибудь руководящія нити адской интриги, насъ опутавшей. Хорошо то, что правительство въ настоящую минуту ничего не скрываетъ, и всѣ факты обнародуетъ во всеобщее свѣдѣніе. Богъ дастъ, общими силами органы правительства и патріотическая часть печати съ помощью точнаго, подробнаго анализа фактовъ, доберутся и до источниковъ.

Вамъ извѣстно, что наша городская дума 3 числа, въ экстренномъ собраніи, рѣшила немедленно отправить депутацію для поклоненія гробу Царя-Мученика. Но распоряженіемъ свыше отправка этой депутаціи пріурочена ко дню погребенія. Депутаты отъ крестьянскихъ артелей оказались счастливѣе насъ: они уже съѣздили и возложили свой вѣнокъ. Впрочемъ, они и права больше имѣли, такъ какъ чтили своего непосредственнаго Благодѣтеля и Освободителя. Не могу также не высказать горячаго сочувствія заявленному московской печатью желанію: чтобы Государь Императоръ начало своего царствованія провелъ въ Москвѣ. Конечно, здѣсь политическая атмосфера чище и національнѣе, впрочемъ за нѣкоторыми исключеніями.

Въ Петербургѣ *.

Теперь, когда тѣло Царя-Мученика уже предано землѣ, теперь на насъ, Русскихъ, прежде всего лежитъ священный долгъ доискаться до источниковъ той темной силы, которая отняла его у Россіи. Неужели предстоящій судъ надъ гнусными цареубійцами откроетъ также мало, какъ и въ предшествующіе годы, когда всѣ наши свѣдѣнія обрывались

---

* Петерб. Вѣдом. 1881 г., № 74. Марта 17.

на непосредственныхъ участникахъ преступленія и случайно захваченныхъ лицахъ? На первомъ планѣ каждый разъ являлся нигилизмъ и соціализмъ; все дѣло обыкновенно сводилось къ зловреднымъ ученіямъ; на томъ оно и кончалось. А между тѣмъ такъ ли въ дѣйствительности? Очень можетъ быть, что самая эта невѣрная постановка вопроса не мало содѣйствовала дальнѣйшему развитію зла. Я всегда высказывалъ убѣжденіе, что русскіе нигилисты и соціалисты тутъ—только грубое, нерѣдко безсознательное орудіе; что ихъ направляютъ на преступленія цѣли политическія, т.-е. не столько враги собственности и общественнаго порядка, сколько внутренніе и внѣшніе враги Русскаго государства, Русской національности. Въ настоящую минуту постараюсь высказаться болѣе опредѣленнымъ образомъ.

Одна московская газета, послѣ 1 марта, прямо назвала ужасное событіе дѣломъ поляковъ (Москов. Вѣдомости). Было бы нелѣпостью обвинять въ немъ польскую народность вообще; но нѣтъ основанія отвергать участіе польской революціонной партіи. Хотя въ числѣ политическихъ преступниковъ за послѣдніе годы польскій элементъ не выдавался, однако мимо насъ проскользнуло нѣсколько личностей, въ родѣ Мирскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Затѣмъ, организація подпольныхъ шаекъ и весь образъ ихъ дѣйствія сильно напоминаютъ польскую справу шестидесятыхъ годовъ. Такимъ образомъ главное, заграничное и скрытое отъ глазъ руководство едва ли не принадлежало именно этому элементу. Второй элементъ, ясно выдающійся и даже бьющій въ глаза, это революціонеры изъ евреевъ. Въ послѣднихъ процессахъ, убійствахъ, покушеніяхъ и университетскихъ безпорядкахъ они выступаютъ едва ли не самымъ дѣятельнымъ элементомъ. Третій элементъ это русскіе нигилисты и соціалисты. Но смѣшеніе всѣхъ участниковъ русскаго происхожденія въ одну безразличную массу, по моему мнѣнію, было важной ошибкой. Въ одномъ изъ прежнихъ своихъ писемъ я указалъ на то раздраженіе, какое вызвали между украйнофилами извѣстныя мѣры по отношенію къ малорусскому нарѣчію и закрытію югозападнаго отдѣла географическаго общества; указалъ и на малорусскія фамиліи, постоянно встрѣчавшіяся въ числѣ самыхъ ярыхъ политическихъ преступниковъ за послѣдніе годы, начиная Ковальскимъ и Лизогубомъ и кончая такими, какъ Желяба, Тригоня, Колотковичъ и т. п.

Обращу вниманіе на слѣдующія обстоятельства. Въ 1866 году, вслѣдъ за усмиреніемъ польскаго возстанія и за надѣломъ землею польскихъ крестьянъ, совершается покушеніе Каракозова. Слѣдственная коммиссія не съумѣла добраться до его корней; но русское общественное мнѣніе сильно заподозрило тутъ участіе польской революціонной партіи, и дѣй-

ствительно, въ слѣдующемъ году эта партія обнаружила себя съ покушеніемъ Березовскаго. Затѣмъ покушенія прекратились было на цѣлыя двѣнадцать лѣтъ. Они возобновились въ 1879 году. А вообще, революціонная агитація усилилась съ 1877 года, одновременно съ тою освободительною войною, которую тогда предприняла Россія. Что же такое произошло въ этотъ промежутокъ, что возбудило анархистовъ? Ничего болѣе, какъ помянутыя мѣры 1875 и 1876 годовъ. Я бы ни за что не уступилъ украйнофиламъ малорусскій языкъ въ школахъ; это означало бы прямое посягательство на наше національное и государственное единство. Но вышеназванныя мѣры и гоненіе, воздвигнутое на нѣкоторыя отдѣльныя личности, считаю важною ошибкою. Чтобы парализовать ихъ сепаратическую агитацію, требовался болѣе гуманный и болѣе искусный образъ дѣйствія. Но тутъ сказался обычный недостатокъ въ истинныхъ государственныхъ людяхъ, хорошо знающихъ Россію, и взаимное отношеніе ея областей. Самая ярая часть украйнофиловъ если не совершенно бросилась въ объятія польской революціонной партіи, то, по крайней мѣрѣ, заключила съ ней союзъ противъ Россіи; причемъ сія послѣдняя партія, конечно, пообѣщала возлюбленное федеративное устройство. Извѣстно, что мечта украйнофиловъ это не совершенное и полнѣйшее сліяніе съ Россіей, а федерація въ родѣ Австро-Венгріи. Такъ я понимаю это дѣло и едва ли ошибаюсь. Я лично зналъ нѣкоторыхъ малорусскихъ дѣятелей, эмигрировавшихъ за границу; они выдавали себя за соціалистовъ; можетъ быть, отчасти они были дѣйствительно заражены соціальными бреднями; но главнымъ образомъ это были просто украйнофильскіе фанатики. Если бы кто-нибудь взялъ на себя трудъ составить статистику лицъ, принимавшихъ участіе въ политическихъ движеніяхъ и преступленіяхъ послѣднихъ лѣтъ, и распредѣлилъ ихъ по губерніямъ, тогда наше общество наглядно убѣдилось бы, какой, едва ли не преобладающій въ русскомъ элементѣ, процентъ приходится на долю уроженцевъ западныхъ и юго-западныхъ губерній, преобладающій въ отношеніи наиболѣе активныхъ ролей. Одна московская газета указала въ подпольной прокламаціи на фразу объ «исторической справедливости» какъ на признакъ польской редакціи. Эта фраза одинаково можетъ указывать и на редакцію украйнофильскую.

Разумѣется, либеральная часть нашей печати по поводу такихъ указаній возопіетъ объ инсинуаціяхъ, о возбужденіи вражды противъ извѣстныхъ частей населенія и т. п.

Для меня это все равно. Такіе возгласы пусть смущаютъ и запугиваютъ людей робкихъ или равнодушныхъ къ судьбамъ отечества.

Для меня прежде всего—возстановленіе исторической истины при помощи анализа фактовъ. Лжелибералы и люди антинаціональнаго направленія, для затемнѣнія истины, обыкновенно стараются при этомъ поставить вопросъ на почву обобщенія и огульнаго обвиненія; тогда какъ, въ данномъ случаѣ, дѣло идетъ только о крайнихъ революціонныхъ партіяхъ и преимущественно о вожакахъ. Лично я никоимъ образомъ не могу быть причисленъ къ врагамъ Польской народности; напротивъ, чѣмъ болѣе углубляюсь въ ея исторію, тѣмъ болѣе нахожу въ ней симпатичныхъ сторонъ. А что касается до Малорусской народности, то я люблю ее не менѣе, чѣмъ Великорусскую; но я совсѣмъ бы не желалъ ихъ раздѣлять другъ отъ друга, и не моя вина, если украйнофильскіе кружки ихъ раздѣляютъ.

Наконецъ, я нисколько не желаю умалять участіе въ политическихъ преступленіяхъ со стороны уроженцевъ великорусскихъ губерній, но въ нихъ-то я и вижу собственно такъ называемое панургово стадо. Во всей этой подпольной шайкѣ только наши недоучки и составляютъ элементъ соціальный или анархическій по принципу,—элементъ, не имѣющій національныхъ мотивовъ. Каракозовы, Соловьевы и Рысаковы суть именно тѣ грубыя, безсмысленныя орудія, которыя дѣйствительно уловлялись въ сѣти съ помощью соціальной пропаганды, которыя сами не знали, для какого дѣла, для какихъ цѣлей они служили орудіемъ. Мало того, откровенія Гольденберга подтвердили и прежде существовавшую догадку, что для совершенія цареубійства систематически выбирались люди съ чисто русскими, т.-е. великорусскими фамиліями, конечно, для того, чтобы придать всему дѣлу яко бы исключительно русскій характеръ, и притомъ исключительно соціалистическій.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ слѣдующій главный мой выводъ. Подпольная шайка цареубійцъ и анархистовъ съ ея заграничными руководителями представляетъ коалицію четырехъ элементовъ, четырехъ крайнихъ или революціонныхъ группъ: польской, еврейской, украйнофильской и собственно русской. Изъ нихъ сія послѣдняя представляетъ элементъ наиболѣе пассивный, наиболѣе соціалистическій, выставляющій безсознательныхъ исполнителей для тѣхъ группъ, которыя руководствуются цѣлями болѣе политическими или національными. Внѣшніе враги Россіи не прочь пользоваться при случаѣ этими элементами также для своихъ политическихъ цѣлей; чему мы видѣли наглядные примѣры во время Русско-турецкой войны за освобожденіе Балканскихъ славянъ. Наши соціалисты и нигилисты много шумятъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Швейцаріи, братаются съ представителями всесвѣтной интернаціоналки; но, можетъ

быть, не всегда именно тамъ куются главныя ковы противъ Россіи. Не смѣю утверждать положительно, но сколько мнѣ лично извѣстно, непримиримѣйшіе враги русской народности обитаютъ въ австрійской Галиціи, хотя опять-таки въ той же Галиціи въ средѣ польской интеллигенціи есть отрадныя исключенія, есть личности, высказывающія желаніе войти въ компромиссы и въ единеніе съ Россіей на почвѣ общихъ славянскихъ интересовъ. Наконецъ, и вообще въ польской средѣ существуютъ разныя политическія группы и фракціи, существуетъ и непримиримая съ нами крайняя революціонная партія.

Что касается до цареубійцъ и анархистовъ, то напрасно многіе считаютъ эту партію представительницей какихъ-то конституціонныхъ стремленій. Я этого не вижу. Можетъ быть, ея главные вожаки и прибѣгаютъ иногда къ подобной фикціи; но заднюю ихъ цѣль составляетъ не конституція, а просто разложеніе Россіи, съ помощью всякаго рода замѣшательствъ и безпорядковъ; конечно, не послѣднее мѣсто въ числѣ такихъ средствъ занимаетъ возбужденіе черни противъ имущихъ или интеллигентныхъ классовъ съ кровавою перспективою избіенія послѣднихъ.

Въ международную солидарность противъ соціалистовъ и анархистовъ я тоже плохо вѣрю. Этому помѣшаютъ національныя отношенія и всякаго рода политическій антагонизмъ европейскихъ державъ между собою, а въ особенности обиліе враждебныхъ Россіи элементовъ. Ближайшее наше спасеніе я вижу просто въ строго національной политикѣ и въ возстановленіи сильно расшатанной государственной дисциплины. Какъ человѣкъ, преданный историческимъ занятіямъ, я не могу раздѣлять ни крайнихъ или утопическихъ воззрѣній на реформу нашего государственнаго строя, ни крайнихъ или реакціонныхъ тенденцій, осуждающихъ этотъ строй на китайскую неподвижность. Свои мысли о возможномъ улучшеніи правительственной организаціи и вопіющей нуждѣ въ патріотичныхъ государственныхъ людяхъ я уже высказалъ въ предыдущихъ письмахъ. *

---

* См. выше стр. 345 и слѣдующую главу, стр. 369-374.

III.

О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ.

О флотѣ *.

Вполнѣ сочувствуемъ попыткѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей» обратить общественное вниманіе на такъ называемый «новый подвигъ нашихъ моряковъ», т.-е. посадку яхты «Держава» на мель въ самомъ Кронштадскомъ рейдѣ. Нашлись органы печати, которые изъ этого прискорбнаго случая сдѣлали чуть ли не предметъ достойный особой похвалы, и это послѣ гибели такого дорогаго судна, какъ Ливадія!

Въ числѣ другихъ моральныхъ пріобрѣтеній, которыя принесла намъ послѣдняя война, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ вопросъ о состояніи и направленіи нашего флота и нашего военно-морскаго кораблестроенія. Отвага нашихъ моряковъ во время этой войны вновь высказалась въ блистательномъ свѣтѣ. Но одной отваги недостаточно для процвѣтанія флота; нужны еще искусство, знанія и точное отправленіе обязанностей; нужна хорошая школа, воспитательная и служебная. Нужны руководители, которые любятъ морское дѣло и любятъ Россію такъ, какъ ихъ любили представители славныхъ временъ нашего флота, отъ Петра Великаго до Нахимова и Корнилова включительно.

Во время войны намъ естественно и простительно было не только прославлять нѣкоторые подвиги нашихъ моряковъ, но и преувеличивать ихъ значеніе. Совсѣмъ другое дѣло теперь, во время мира, когда наступила очередь трезваго, серьезнаго отношенія къ дѣлу. Поэтому не безъ удивленія читали мы въ нѣкоторыхъ газетахъ рѣзкіе упреки извѣстному

---

* Петерб. Вѣдом. 1879 г., № 178. Іюля I.

лейтенанту, дерзнувшему заявить наконецъ, что дѣло, въ которомъ онъ съ такою честію участвовалъ, совсѣмъ не было побѣдой, а только удачнымъ спасеніемъ деревяннаго крейсера отъ непріятельскаго броненосца. Ни крейсеры, ни миноноски не нанесли никакого существеннаго вреда непріятелю на Черномъ морѣ, и это море все время оставалось въ его рукахъ. Единственный нашъ призъ—захватъ Мерсины—показалъ, до какой степени турки считали себя господами моря: они даже не всегда конвоировали броненосцами тѣ деревянныя суда, которыя постоянно перевозили массы войскъ изъ Азіи въ Европу и обратно. Хотя этотъ молодецкій захватъ и не имѣлъ никакого существеннаго вліянія на ходъ морской войны,—мало того, вслѣдъ за нимъ явились только два непріятельскіе броненосца и безпрепятственно бомбардировали наши города,—однако мы тогда болѣе писали о первомъ событіи, чѣмъ о второмъ. И это опять-таки совершенно естественно для той минуты. Но теперь, повторяю, наступило время трезваго, серьезнаго отношенія къ тому дѣлу, которому безспорно суждено еще играть великую роль въ нашихъ судьбахъ, т.-е. къ нашему флоту.

Въ качествѣ неравнодушнаго наблюдателя отечественныхъ событій, въ прошломъ своемъ письмѣ въ «Петерб. Вѣдом.» мы высказали нѣсколько мыслей объ общемъ направленіи, которое эти событія указали дальнѣйшему развитію флота, по нашему крайнему разумѣнію. Такое обстоятельство, какъ настоящее военное господство англо-турокъ на Черномъ морѣ, на томъ внутреннемъ морѣ, которое еще недавно могли считать русскимъ озеромъ, такое великой важности обстоятельство, конечно, заслуживаетъ и соотвѣтственной обдуманности относительно средствъ возстановить утраченное преобладаніе, затѣмъ энергическаго осуществленія этихъ средствъ. Судя по нѣкоторымъ газетнымъ извѣстіямъ, можно заключить, что послѣдняя война какъ будто недостаточно доказала непригодность круглыхъ, мало-подвижныхъ судовъ. Положимъ, удастся нѣсколько уменьшить высокую температуру этихъ черепахъ; но вѣдь, если онѣ не будутъ имѣть сильнаго конвоя изъ броненосцевъ, то при первомъ выходѣ въ море доставятъ непріятелю весьма цѣнный призъ. А подъ охраной береговыхъ баттарей или торпедъ можетъ тѣ же услуги оказать и самое обыкновенное судно. Трудно исправить что либо такое, въ самую основу чего легла не совсѣмъ вѣрная идея. Въ то время, когда все и вездѣ старается увеличить скорость, если мы выберемъ противоположное качество, то непремѣнно останемся въ проигрышѣ; что дѣйствительность и не преминула подтвердить на югѣ поповками, а на сѣверѣ—«Петромъ Великимъ». (Не звучитъ ли нѣкоторая иронія въ этомъ названіи?).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, пока мы будемъ обогащать своимъ кораблестроеніемъ иностранные заводы и поддерживать иноземную промышленность, до тѣхъ поръ не разовьемъ своей собственной, и нашъ военный флотъ—одна изъ необходимѣйшихъ опоръ государства—будетъ находиться въ зависимости отъ всевозможныхъ политическихъ комбинацій. Я говорю съ полною откровенностью о такомъ важномъ дѣлѣ именно потому, что оно очень важно, во-первыхъ; а во-вторыхъ, потому, что мы теперь, слава Богу, пользуемся вожделѣннымъ миромъ и можемъ обдуманно, основательно готовить средства для своего дальнѣйшаго національнаго развитія.

Бумажныя деньги и фритредерство *.

Одна изъ нашихъ газетъ едва не открыла у насъ новую эру общественнаго процвѣтанія, на сей разъ однако не моральнаго, а чисто экономическаго свойства. Оказывается, что вновь выпущенная масса бумажныхъ денегъ не только не ухудшаетъ финансы, а напротивъ, служитъ какимъ-то живоноснымъ источникомъ по отношенію къ русскимъ производительнымъ силамъ. Нѣкоторые публицисты высказываютъ, что эта масса явилась неизбѣжнымъ налогомъ на военныя издержки, и тѣмъ болѣе справедливымъ, что само общественное мнѣніе способствовало возникновенію войны. Съ этимъ мы не будемъ спорить; не можемъ только согласиться съ тѣмъ, чтобы такой налогъ падалъ на всѣхъ равномѣрно. Неизбѣжное его слѣдствіе есть дороговизна жизни; а отъ этой дороговизны будутъ страдать всѣ люди, живущіе опредѣленнымъ жалованьемъ, преимущественно состоящіе на государственной службѣ, и всѣ рабочіе классы, для которыхъ плата за трудъ обыкновенно далеко не возвышается съ такой быстротой, съ какой увеличивается дороговизна жизни, тогда какъ фабриканты и торговцы немедленно начинаютъ возвышать цѣны на свои товары. Слѣдовательно, налогъ падаетъ по преимуществу на бѣдные классы. Во всякомъ случаѣ, примѣры цивилизованныхъ странъ показываютъ, что, по миновеніи войны, обыкновенно стараются возможно скорѣе изъять изъ обращенія лишнюю массу бумажныхъ денегъ и перевести этотъ военный налогъ на другіе источники. Такая масса не только производитъ разнообразные перевороты во всѣхъ цѣнахъ и разстраиваетъ нормальное те-

---

* Петерб. Вѣдом. 1879 г., № 30. Января 30. По поводу мнѣній „Московскихъ Вѣдомостей“.

ченіе экономической жизни, но, что особенно важно, весьма ослабляетъ бережливость, то-есть народное и государственное благосостояніе въ самомъ его корнѣ. Если дѣла нѣкоторыхъ купцовъ и фабрикантовъ оживились, благодаря стеченію разныхъ обстоятельствъ, то отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ заключать о какомъ-то внезапномъ, удивительномъ подъемѣ народнаго благосостоянія и отрицать научные выводы политической экономіи относительно бумажно-финансоваго хозяйства.

Есть въ этой наукѣ положенія прочно установленныя; не признавать ихъ—значитъ идти противъ здраваго смысла. Но есть другія положенія или, собственно, мнѣнія, не достигшія степени прочныхъ выводовъ, мнѣнія спорныя, положенія условныя, съ которыми можно бороться, не выходя изъ сферы научныхъ пріемовъ. Къ нимъ принадлежитъ фритредерство. Въ этомъ отношеніи отдаемъ справедливость сейчасъ помянутой печати за то, что она, съ свойственною ей энергіей и ловкостью, напала на недавнее увлеченіе этимъ принципомъ, обошедшееся весьма дорого континентальнымъ державамъ и доставившее громадные барыши только всесвѣтнымъ торгашамъ. Отнынѣ менѣе, чѣмъ кто либо, Россія можетъ позволять себѣ подобное увлеченіе. Она имѣетъ неистощимыя средства развивать почти всѣ отрасли промышленности внутри своихъ предѣловъ; между тѣмъ, новѣйшая исторія ясно показала, въ какой промышленной зависимости она находится доселѣ отъ западныхъ странъ; а промышленная зависимость обусловливаетъ и финансовую. Недостатокъ хорошо разсчитаннаго покровительства задержалъ отечественное развитіе многихъ и многихъ отраслей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обществѣ развилась легкомысленная страсть имѣть все заграничное. Носить заграничныя сукна и другія ткани, употреблять иностранныя металлическія издѣлія, даже украшать свои изданія иноземными гравюрами—все это сдѣлалось уже какою-то потребностью, тогда какъ слѣдовало бы начать съ другаго принципа: хоть немного хуже—да свое. А слѣдствіемъ этого было бы то, что и свое современемъ вышло бы не хуже; ибо для всякихъ улучшеній, кромѣ умѣренной иноземной конкурренціи, должна служить и внутренняя конкурренція; вредны только монополіи. Петръ Великій хлопоталъ о томъ, чтобы европейскую промышленность, искусство и науку привить къ Россіи, а не о томъ, чтобы выписывать какъ можно болѣе предметовъ потребленія изъ-за границы. Прошло болѣе полутораста лѣтъ послѣ него, а, напримѣръ, наше кораблестроеніе—это страстно любимое имъ дѣло—все еще находится въ полной зависимости отъ англійскихъ заводовъ. Да проститъ мнѣ артиллерійское вѣдомство, но я даже не убѣжденъ въ необходимости имѣть непремѣнно артиллерію отъ Круппа, вмѣсто того,

чтобы совершенствовать свою собственную. Подобныя условія ставятъ насъ въ зависимость отъ своихъ сосѣдей и всевозможныхъ политическихъ комбинацій, и нерѣдко въ самое тяжелое время. Слава Богу, что въ послѣднюю войну мы не нуждались въ иноземномъ вооруженіи пѣхоты, и тульскія берданки съ честью соперничали противъ заморскихъ мартинокъ. Слѣдовательно, можно производить и свое не хуже чужаго. Я потому особенно упираю на эти факты, что за государствомъ обыкновенно слѣдовало и общество въ своей привычкѣ нужное и ненужное выписывать непремѣнно изъ-за границы. Дошло до того, что, положимъ, въ Москвѣ строится одно монументальное зданіе въ «русскомъ» стилѣ (Историческій Музей); по теоріи кого либо изъ строителей, надобно всѣ наружныя стѣнки его выложить изразцами, а эти изразцы заказать не иначе, какъ на англійскомъ заводѣ Минтона. (Впрочемъ, послѣдняя мысль, кажется, теперь оставлена).

И такъ, разумное покровительство съ уменьшеніемъ страсти ко всему заграничному, поможетъ развить наше внутреннее производство и должно ослабить нашу экономическую зависимость отъ Западной Европы; вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно увеличить и нашъ таможенный доходъ. Въ виду настоящихъ нашихъ нуждъ, особенно сокращенія бумажныхъ знаковъ, послѣднее обстоятельство пріобрѣтетъ большую важность. Но, конечно, если по прежнему будутъ практиковаться разнообразныя изъятія въ пользу безпошлиннаго провоза, хотя бы и подъ благовидными предлогами, то увеличеніе этого дохода окажется незначительное. Я небольшой поклонникъ прошлаго финансоваго вѣдѣнія; но его золотую пошлину считаю весьма умною мѣрою, если только она практикуется строго и безпристрастно, а также если мы и впредь не пожертвуемъ ею нашему мнимому союзнику. Именно эта золотая пошлина и есть одно изъ главныхъ условій того оживленія внутренней торговли, которое помянутая выше публицистика ошибочно приписала громадному выпуску бумажныхъ денегъ. Печать, которая поощряла бы безконечную и безконтрольную дѣятельность государственнаго банка въ этомъ отношеніи, въ сущности, направляла бы дѣло къ тому, чтобы низвести нашъ кредитный рубль на степень турецкихъ каиме; что, въ концѣ концовъ, можетъ вызвать замѣшательства, гораздо поважнѣе какихъ-нибудь волненій недоучившейся молодежи. Въ такомъ случаѣ даже едва ли можно было бы сказать après nous le déluge, если принять во вниманіе современныя условія общественной жизни. Предположимъ, что подобная публицистика имѣетъ добрую цѣль—поддержать нашъ кредитъ и получить болѣе выгодныя условія при какой-либо операціи. Напрасно мы будемъ обманывать только

самихъ себя. Нашъ государственный кредитъ покоится на гораздо болѣе надежныхъ основаніяхъ: на прочности самого государства. И все это всѣмъ извѣстно, и нашимъ недругамъ лучше, чѣмъ намъ самимъ. Мы не проповѣдуемъ какого либо быстраго сокращенія массы денежныхъ знаковъ искусственными средствами, въ родѣ убыточныхъ внѣшнихъ займовъ, въ чемъ совершенно раздѣляемъ мнѣніе редакціи. Напротивъ, сокращеніе должно быть постепенное, распредѣленное на извѣстное число лѣтъ. Только приступить къ этой постепенности нужно немедля, пока означенная масса еще не расплылась по всѣмъ каналамъ экономическаго быта въ нашемъ обширномъ отечествѣ и не произвела своего окончательнаго давленія на этотъ бытъ. Для постепеннаго же сокращенія нужно, съ одной стороны, всѣми разумными способами усиливать отечественную производительность и доходныя статьи; а съ другой — ввести строгую экономію въ расходахъ и по возможности отказаться отъ расходовъ непроизводительныхъ. Для послѣдней цѣли, какъ извѣстно, учреждена особая коммиссія. Дай Богъ, чтобы ее не постигла участь многихъ другихъ коммиссій, составленныхъ съ благими цѣлями. Въ развитіи же производительности главную роль играютъ теперь желѣзныя дороги. Тѣ же дороги необходимы и для государственной обороны: извѣстно, что, въ настоящее время, вопросъ о мобилизаціи сталъ на первомъ планѣ въ международныхъ столкновеніяхъ.

Нельзя пожаловаться, чтобы новое ученіе о бумажномъ хозяйствѣ не встрѣтило серьезнаго отпора въ нашей печати. Однако оно продолжается и въ настоящую минуту, и вызываетъ въ обществѣ несовсѣмъ успокоительныя догадки по отношенію къ настоящей системѣ. Вотъ почему, всегда отдавая должную справедливость почтенному органу по другимъ отраслямъ политики, позволяю себѣ рѣшительно не согласиться съ нимъ въ данномъ случаѣ. Но то, что онъ говоритъ о фритредерствѣ, мы раздѣляемъ вполнѣ.

О томъ же *.

«Какъ ослабѣвающія силы бойца древней бытовой басни крѣпли и возстановлялись отъ соприкосновенія съ матерью-землей, такъ, чувствую я, и мои силы окрѣпли и возстановились отъ соприкосновенія съ ма-

---

* Петерб. Вѣд. 1880 г., № 327. Ноября 27.

терью Россіей» *. Вотъ что, между прочимъ, говорилось 18 сентября 1879 года, на роскошномъ обѣдѣ, въ залѣ московскаго благороднаго собранія, посреди умиленныхъ представителей биржеваго купечества, послѣ шестинедѣльнаго проѣзда «съ сѣвера до юга нашей широкораскинувшейся земли». А какъ высоко стоялъ нашъ кредитный рубль во время этого банкета? 266½ сантимовъ. Прошелъ послѣ того годъ съ мѣсяцемъ; новый Антей удалился съ финансоваго поприща, и какова же иронія судьбы! Кредитный рубль, въ моментъ этого удаленія, оказался ровно на десять сантимовъ ниже предъидущаго числа. Впрочемъ, если вѣрить нѣкоторымъ московскимъ публицистамъ, то надобно полагать, что торговля наша за это время процвѣла. Прежде, бывало, новые выпуски бумажныхъ денегъ производились для подкрѣпленія государственнаго казначейства; теперь же для таковыхъ выпусковъ измышленъ новый, болѣе благовидный, терминъ (хотя бы еще менѣе вѣрный), а именно: на нужды торговли. Въ этомъ смыслѣ заботы о нуждахъ торговли были несомнѣнныя и усердныя. А какіе успѣхи—спросите вы—сдѣлало за то же время покровительство, т.-е. на сколько повысились тарифы, а также отмѣнены ли разнообразныя изъятія? Увы, никакихъ? Подобныя трудныя задачи превышаютъ силы даже Антея, и въ пору только длинному ряду коммиссій. Да и времени было слишкомъ мало; тутъ нуженъ не годъ и не два, а развѣ двадцать, тридцать лѣтъ, и пожалуй, цѣлое столѣтіе. Къ тому же, весьма заразителенъ и примѣръ предшественника-друга, который съумѣлъ построить 20.000 верстъ желѣзнаго пути такъ искусно, что окончательно подорвалъ развитіе собственнаго желѣзнаго дѣла. Да покровительствуютъ ли по крайней мѣрѣ желѣзнодорожные тарифы внутренней торговлѣ и промышленности? А вотъ какъ они покровительствуютъ: если вы, положимъ изъ Орла, отправляете хлѣбъ на Либаву, т.-е. къ русскому порту, то съ васъ возьмутъ за провозъ дороже; если же вы посылаете на Кенигсбергъ, т.-е. къ прусскому порту, то заплатите дешевле. Разумѣется, съ желѣзнодорожными дѣятелями управляться тоже нелегко; это не какіе-нибудь 10.000 дворниковъ, безропотно и безъ особой нужды мерзнущіе на улицѣ; но все-таки ужъ больно велики желѣзнодорожная распущенность и пренебреженіе къ отечественнымъ интересамъ.

Мы ведемъ свою рѣчь къ тому же, о чемъ заговаривали не разъ,—къ насущной потребности въ государственныхъ людяхъ, а слѣдовательно и къ тѣмъ условіямъ, которыя ихъ выдвигаютъ. Предоставляемъ другимъ политикамъ открывать новыя и разнообразныя Америки, въ родѣ слѣдую-

* Слова С. А. Грейга.

щихъ. Одни, напримѣръ, проповѣдуютъ все какія-то диктатуры, такъ что въ настоящую минуту не прочь были бы учредить особаго диктатора для хлѣбной торговли. Другіе, ни съ того, ни съ сего, предлагаютъ созвать земскій соборъ. Третьи — отрицаютъ нашу послѣ-петровскую исторію и приглашаютъ заняться изобрѣтеніемъ уѣздной клѣточки. Имѣющіе открыться въ слѣдующемъ году новые органы, вѣроятно, въ свою очередь, произведутъ еще нѣсколько новыхъ открытій. Мы же, повторяю, видимъ ближайшую и самую насущную потребность въ людяхъ. Глубоко и безкорыстно любящіе отечество и Государя, просвѣщенные, даровитые, мужественные государственные люди—вотъ кого должны мы искать и выдвигать на первый планъ. Что касается до условій, помогающихъ выдвигать государственные таланты, объ нихъ поговоримъ въ другой разъ.

О провинціальной печати. *

Къ какимъ заключеніямъ придетъ Высочайше назначенная коммиссія о печати, мы не знаемъ. Но любопытно, что вопросъ о печати собственно провинціальной, повидимому, впередъ не подвигается. А между тѣмъ развитіе интеллигентныхъ интересовъ и возбужденіе самодѣятельности въ нашихъ провинціяхъ принадлежитъ къ самымъ настоятельнымъ потребностямъ. Въ то время, когда въ цивилизованномъ мірѣ немыслимъ почти ни одинъ, сколько-нибудь значительный, городъ безъ своего мѣстнаго органа, безмолвное прозябаніе нашихъ губернскихъ городовъ, не говоря уже объ уѣздныхъ, производитъ удручающее впечатлѣніе на всякаго свѣжаго человѣка. Я понимаю, что большія столичныя газеты не особенно усердствуютъ въ вопросѣ о провинціальной печати: съ развитіемъ ея можетъ уменьшиться если не количество подписчиковъ, то степень собственнаго вліянія этихъ газетъ на провинціи. Правительству же, наоборотъ, конкурренція провинціальной печати со столичною не только не должна принести какой либо ущербъ, а скорѣе должна представлять желательную для него сторону.

Съ періодическою печатью у насъ вообще повторилось то же явленіе, какъ съ желѣзными дорогами. На западѣ постепенное улучшеніе путей сообщенія, въ видѣ шоссейныхъ и тому подобныхъ дорогъ, предшествовало изобрѣтенію и распространенію паровоза; а мы перешли къ нему почти прямо, безъ этихъ постепенныхъ улучшеній (принимая въ раз-

---

* Петерб. Вѣд. 1880, № 337. Декабря 7.

счетъ всю нашу территорію). На западѣ развитіе періодической печати имѣло долгую предшествовавшую исторію; а у насъ оно обязано только реформамъ настоящаго царствованія. Заслуги, оказанныя юною русскою печатью дѣлу общественнаго самопознанія и государственнаго прогресса, велики и несомнѣнны. Нельзя, однако, не замѣтить, что при своемъ быстромъ развитіи она не удержалась на той же высотѣ, которой достигла въ первую половину даннаго періода. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ ея объема и значенія развилось и частое злоупотребленіе печатнымъ словомъ; вслѣдствіе чего, въ свою очередь, оно утратило часть своей авторитетной силы. Съ одной стороны существующіе въ обществѣ остатки грубыхъ нравовъ и невысокій уровень просвѣщенія нашли себѣ многихъ представителей въ органахъ печати; съ другой стороны, она сдѣлалась удобнымъ орудіемъ въ рукахъ анти-національныхъ и анти-государственныхъ интересовъ, которые скоро освоились съ новымъ фазисомъ нашей общественной жизни для проведенія своихъ тенденцій. Предварительная цензура и другія препятствія для развитія печати въ провинціяхъ искусственно способствуютъ излишней ея централизаціи въ столицахъ; а послѣдняя, въ свою очередь, поддерживаетъ и развиваетъ здѣсь то, что можно назвать литературнымъ пролетаріатомъ. Только недостаткомъ въ проницательныхъ, энергичныхъ государственныхъ людяхъ можно было бы объяснить дальнѣйшую систему искусственной централизаціи печати и невѣдѣніе той роли, которую началъ играть въ нашей политической жизни этотъ столичный литературный пролетаріатъ—элементъ сомнительно консервативный. Довѣрія, какъ можно болѣе довѣрія къ областному земству и его дѣйствительно консервативнымъ силамъ, которыя должны составлять противовѣсъ всякаго рода пролетаріату въ его безпокойныхъ и часто безотчетныхъ стремленіяхъ.

Заговоривъ о печати, позволю себѣ указать еще на одинъ отдѣлъ предварительной цензуры, именно на цензуру иностранныхъ книгъ. Въ этомъ отношеніи въ послѣднее время мы не только не замѣтили прогресса, а напротивъ какъ бы возвращеніе къ старому времени. Ради наглядности, приведу примѣръ изъ собственной практики. Побывать заграницей и не привести чемоданъ или сундукъ съ книгами для своей библіотеки было бы просто грѣхомъ для иного человѣка. Еще въ шестидесятыхъ годахъ начальникъ какой либо таможни могъ по собственному усмотрѣнію пропускать эти книги черезъ границу. Въ семидесятыхъ годахъ ихъ уже отбираютъ и отсылаютъ въ иностранную цензуру; но дѣлаютъ еще нѣкоторыя снисхожденія; напримѣръ, по просьбѣ собственника посылаютъ съ нимъ въ томъ же поѣздѣ въ столицу. Теперь же отбираютъ безъ вся-

кихъ снисхожденій и препровождаютъ въ столицу, когда вздумается. Сколько хлопотъ и времени нужно бываетъ иногда, чтобы выручить несчастный чемоданъ, наполненный хотя бы самыми невинными научными сочиненіями! А для жителей не столичныхъ, я полагаю, полученіе его является просто невозможнымъ. Такіе порядки привели къ тому, что масса нашихъ путешественниковъ обыкновенно никогда и не возвращается съ запасомъ полезныхъ книгъ. Тѣ же почти затрудненія встрѣчаетъ и ихъ выписка изъ-за границы. Понятно, почему у насъ такъ рѣдки порядочныя частныя библіотеки, эти умственные капиталы, столь же необходимыя орудія и принадлежности цивилизаціи, какъ и другіе капиталы. А между тѣмъ извѣстно, что наши таможенные и цензурные порядки въ отношеніи книгъ нисколько не гарантировали насъ отъ зловредной пропаганды.

Еще о бумажныхъ деньгахъ *.

Низменный уровень нашей цивилизаціи сказывается и въ такомъ простомъ, ясномъ вопросѣ, какъ упадокъ кредитнаго рубля. Гдѣ же въ другой сколько-нибудь цивилизованной странѣ возможно, напримѣръ, серьезно и печатно увѣрять читающую публику въ слѣдующемъ: «Вредъ существующихъ размѣровъ денежнаго обращенія до сихъ поръ не доказанъ». «На лицо пока только огромная польза, которая была принесена государству вызванными войной бумажно-денежными выпусками. Благодаря имъ, страна благополучно вышла изъ того общаго экономическаго кризиса, который тяготѣлъ надъ нею предъ войной» и т. д. въ томъ же родѣ. И такія увѣренія смѣло повторяются даже при настоящемъ нашемъ экономическомъ положеніи, до крайности тяжеломъ. Вездѣ, гдѣ существуютъ бумажныя деньги, финансовая система стремится къ ихъ альпари, т.-е. къ сохраненію или возстановленію металлическаго обращенія въ странѣ. Американскіе Штаты уже достигли этой цѣли; Австро-Венгрія почти достигла; даже Италія дѣлаетъ успѣшныя усилія въ томъ же направленіи и близка къ той же цѣли. Одна Россія будто бы еще не созрѣла не только до альпари, но даже до сознанія, что государство никоимъ образомъ не можетъ спокойно взирать на утраченные сорокъ процентовъ своего кредита. Кажется, всякому, имѣющему самыя элементарныя свѣдѣнія въ

---

* Петерб. Вѣд. 1880 г., № 353. Декабря 23.

ариѳметикѣ, ясно, что, если деньги упали на 40%, то предметы потребленія, покупаемые на эти деньги, необходимо вздорожаютъ покрайней мѣрѣ на столько же. Но означенные теоретики утверждаютъ, будто «прямой связи» между этими явленіями нѣтъ, и ссылаются на какія угодно другія причины дороговизны, только не на упадокъ курса. Между тѣмъ причины иногда могутъ быть сложныя, и все-таки упадокъ курса занимаетъ главное мѣсто. Тѣ, которые внимательно и безпристрастно наблюдаютъ экономическія явленія, давно уже замѣтили, что отъ упадка денежныхъ знаковъ дороговизна возрастаетъ даже не въ одинаковой съ этимъ упадкомъ пропорціи, а въ гораздо большей. Это весьма естественно; какъ скоро подобные знаки теряютъ свою цѣну и невозможно предвидѣть, гдѣ остановится ихъ паденіе, такъ уже невозможны точные разсчеты на нихъ въ торговомъ мірѣ; тогда начинаются колебанія и великая путаница въ цѣнахъ на товары и личный трудъ.

Поборники бумажно-денежной распущенности свои ложные выводы обыкновенно пытаются подкрѣплять какими-то цифрами, какими-то яко бы статистическими данными. Но какою статистикой могутъ они вычислить тотъ неизмѣримый вредъ, который эта система наноситъ общественной бережливости—главному источнику народнаго богатства. Положимъ, кто-нибудь сберегъ одну тысячу рублей и положилъ ихъ въ банкъ на умѣренные проценты. Но проходитъ нѣсколько лѣтъ, и оказывается, что онъ положилъ не тысячу, а только шестьсотъ рублей; въ будущемъ предвидится еще меньшая сумма. При такомъ порядкѣ вещей, когда трудовыя, кровныя сбереженія сами собой таютъ, какъ воскъ, можетъ ли устоять самая бережливость? Не устремится ли все возможное на путь расточительности и легкой наживы? Путаница и неравномѣрность въ повышеніи цѣнъ на товары сравнительно съ цѣною на личный трудъ обыкновенно всею тяжестью падаютъ на низшіе слои, т.-е. на крестьянство и еще на все служащее сословіе, получающее опредѣленное жалованье. Государство вслѣдствіе того принуждено время отъ времени измѣнять штаты, т.-е. возвышать жалованье чиновниковъ; но и это измѣненіе совершается обыкновенно несвоевременно и несоразмѣрно. Лучшія, энергическія силы большею частію бѣгутъ изъ государственной службы; администрація по неволѣ остается съ порядочною долею бездарности или недобросовѣстности. Кромѣ неизбѣжнаго повышенія штатовъ, государство, постоянно должно увеличивать свои расходы на армію, флотъ, дворъ и всѣ тѣ учрежденія, которыхъ хозяйство ведется непосредственно на государственный счетъ. Слѣдовательно, по мѣрѣ умноженія количества бумажныхъ денегъ, еще въ большей пропорціи растутъ и государственные

расходы. Съ какой стороны ни посмотри, вездѣ видишь вредъ отъ бумажно-денежнаго разстройства.

Только одна разница цѣны бумажныхъ денегъ съ золотою пошлиною оказываетъ нѣкоторое покровительство нашей внутренней промышленности, и органы печати, служащіе въ этомъ вопросѣ органами нѣсколькихъ заводчиковъ и фабрикантовъ, готовы утопить Россію въ бумажныхъ деньгахъ, только бы спасти выгоды своихъ патроновъ. Но государственные люди, конечно, должны двигать обѣ статьи параллельно, т.-е. въ одно и то же время усиливать таможенное покровительство и сокращать количество бумажныхъ денегъ. Какъ безъ таможеннаго покровительства, такъ и безъ правильной денежной системы равно невозможно развитіе внутренней промышленности и благосостоянія. Недавно существовавшій недостатокъ въ истинныхъ, патріотичныхъ государственныхъ людяхъ оказывается теперь на каждомъ шагу. Наша дипломатія старой школы привела къ тому, что мы какъ будто утратили часть своей національной независимости. Такъ на востокѣ мы обязательно отдаемъ Англіи отчетъ почти во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, о намѣреніяхъ по отношенію къ Средней Азіи; хотя Англія никогда не спрашиваетъ нашего мнѣнія въ своихъ азіатскихъ дѣлахъ. А на западѣ, какъ оказывается, мы не можемъ сдѣлать ничтожнаго, въ смыслѣ покровительства, повышенія тарифовъ на 10%, не рискуя, чтобы германскій канцлеръ не вмѣшался въ это дѣло; хотя самъ онъ, повышая свои таможенные тарифы, всего менѣе обращаетъ вниманія на наше удовольствіе или неудовольствіе. Вмѣшательство свое, какъ извѣстно, онъ не ограничиваетъ таможенными пошлинами, но простираетъ оное и на наши внутренніе желѣзнодорожные тарифы, и простираетъ небезуспѣшно.

Съ другой стороны, прошлое финансовое управленіе, какъ извѣстно, въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ не только не сдѣлало серьезнаго шагу къ исправленію нашего курса, но уронило его еще болѣе, и тѣмъ какъ бы обнаружило свою солидарность съ помянутыми публицистами во взглядѣ на бумажныя деньги. (Тогда какъ гораздо полезнѣе была бы солидарность съ ними во взглядѣ на покровительственную систему). Его антигосударственное хозяйство выразилось, между прочимъ, въ отношеніяхъ къ желѣзнодорожному дѣлу. Придумано было наложить пошлину на пассажирскіе билеты, чтобы получить нѣсколько милліоновъ для бюджета, стѣсняя тѣмъ пассажирское движеніе и доходность дорогъ. А между тѣмъ десятки милліоновъ легкомысленно раздавались изъ того же бюджета не только по гарантіямъ, но и по разнымъ другимъ требованіямъ желѣзнодорожниковъ, подъ предлогомъ, напримѣръ, усиленія подвижнаго состава

и т. п. Фактъ этотъ еще рѣзче бросается въ глаза, если вспомнимъ, что желѣзныя дороги, построенныя и существующія, главнымъ образомъ, на государственныя деньги, своими тарифами нерѣдко оказывали покровительство иноземной промышленности въ подрывъ отечественной.

И вездѣ-то все заднія цѣли и личные интересы съ явнымъ разсчетомъ на недостатокъ проницательныхъ и твердыхъ государственныхъ людей! Когда, напримѣръ, понадобится доказывать пользу древнихъ языковъ, тутъ мы самые отчаянные европейцы. Тутъ призываются на помощь и древнія, и новыя времена, и всѣ цивилизованные народы. А когда на очередь выступитъ вопросъ объ исправленіи сильно пошатнувшейся денежной системы, тутъ яко бы Россія совсѣмъ иная статья, она существуетъ будто бы на особыхъ основаніяхъ, и другія націи ей не указъ. Нѣтъ, неправда, экономическіе законы одинаковы для всѣхъ націй. Нигдѣ народное благосостояніе не созидалось на разстройствѣ денежной системы; такіе примѣры невозможны. Наоборотъ, самыя богатыя и цивилизованныя націи тщательно оберегаютъ свою денежную систему, и въ случаѣ какого колебанія, стараются немедленно возстановить равновѣсіе. Тамъ государство можетъ имѣть огромные долги (впрочемъ, не внѣшніе, а внутренніе); но оно не смѣшиваетъ этихъ долговъ съ упадкомъ денежныхъ знаковъ; ибо понимаетъ, что правильная денежная система есть необходимое условіе для развитія народнаго благосостоянія; а это развитіе въ свою очередь даетъ возможность погасить и всѣ государственные долги.

Защитники денежнаго разстройства приводили, между прочимъ, и такой курьезный аргументъ: зачѣмъ, молъ, мы будемъ возстановлять цѣну кредитнаго рубля; явится опять какая либо особая нужда, напримѣръ, въ случаѣ новой войны, опять произойдутъ новые выпуски, и вновь рубль упадетъ. Это все равно, что сказать: зачѣмъ мы сегодня будемъ обѣдать; вѣдь завтра все равно проголодаешься. Не говоря о тлетворномъ вліяніи на внутреннюю экономію и производительность, кто же не видитъ подавляющаго вліянія разстроенной денежной системы на наши внѣшнія отношенія? Кому же неизвѣстно, что, пока она не поправится, мы не можемъ имѣть энергической политики, не рискуя конечнымъ разореніемъ и серьезными анархическими явленіями? Представьте себѣ возможность въ случаѣ новой войны, при сорока процентахъ потери, упадокъ бумажнаго рубля еще на 40 проц., далеко ли мы будемъ до нуля, т.-е. до банкротства, соединеннаго обыкновенно съ сильными потрясеніями и даже переворотами? Нѣтъ, и подумать объ этомъ страшно.

У насъ все какъ-то легко относятся къ такимъ вопросамъ, имѣя въ виду, что и прежде случались подобныя обстоятельства. Но обыкновенно

не берутъ въ разсчетъ великую разницу въ эпохахъ. Мы живемъ не во времена такого близорукаго авантюриста, какимъ былъ Наполеонъ I. Никогда національные вопросы и отношенія не стояли такъ на очереди, какъ теперь. У Россіи много всякаго рода враговъ, и недалеко то время, когда потребуется отъ нея напряженіе всѣхъ силъ, чтобы отстоять свое мѣсто и значеніе. Горе ей, если она окажется неготовою.

Или возвратимся къ тѣмъ же желѣзнымъ дорогамъ. Еще двадцать пять, тридцать лѣтъ назадъ мы могли ограничиться умѣренными таможенными пошлинами для покровительства внутреннему производству: неудобные, длинные и дорогіе пути сообщенія до нѣкоторой степени охраняли всю среднюю полосу и востокъ Россіи отъ иностранной конкурренціи. Теперь не то; теперь въ короткое время почти вся Европейская Россія можетъ быть наводнена массами иноземныхъ товаровъ. Теперь требуется неустанная и непрерывная таможенная борьба, чтобы завоевать намъ необходимое промышленное развитіе и экономическую независимость отъ иноземцевъ. И не только требуется неустанная пограничная борьба, но и строгій надзоръ за внутренними желѣзнодорожными тарифами, чтобы они не парализовали таможенныхъ мѣръ и не вступали въ союзъ съ иноземцами противъ собственной страны. Одно финансовое вѣдомство само по себѣ было бы не въ состояніи поправить наши финансы и охранить наши экономическіе интересы; ему дѣятельно должны содѣйствовать и вѣдомство путей сообщенія, и наша дипломатія, и военно-морское вѣдомство съ многомилліонными заказами пушекъ и кораблей за границей, и другія отрасли государственнаго вѣдѣнія. Да не только въ отношеніи финансовъ, торговли и промышленности, но и куда бы мы ни обратились, хотя бы къ вопросу о дисциплинѣ и такому анормальному явленію, какъ студенческіе безпорядки или происки анархистовъ, вездѣ чувствуется потребность въ однородномъ, тѣсно сплоченномъ составѣ высшихъ правительственныхъ органовъ.

О государственныхъ людяхъ *.

Продолжаю свою рѣчь, начатую въ прошломъ письмѣ. Въ извѣстныхъ мнѣ проектахъ и запискахъ о нашемъ экономическомъ и финансовомъ

* Петерб. Вѣдом. 1881 г., № 1. Напомню, что эти письма относились къ тому времени, когда съ одной стороны въ обществѣ шли толки о какихъ-то конституціонныхъ проектахъ, а съ другой слышались голоса о созывѣ земскаго собора. Въ отпоръ и тѣмъ, и другимъ, я указывалъ на то, что желательно и достижимо, безъ противорѣчія съ своей исторической почвой и основнымъ отечественнымъ строемъ.

положеніи болѣе или менѣе проглядываетъ фискальная точка зрѣнія. На первомъ планѣ все бюджетныя соображенія. И даже незначительная прибавка 10% къ таможеннымъ пошлинамъ (теряющая всякое значеніе даже при маленькомъ улучшеніи курса) является только въ видахъ замѣны солянаго налога въ бюджетѣ. Но когда же мы придемъ къ убѣжденію въ необходимости и неотложности тѣхъ мѣръ, которыя должны поднять уровень народнаго благосостоянія широкимъ развитіемъ отечественной промышленности и улучшенной организаціей гражданскихъ отношеній? Надобно энергически дѣйствовать на усиленіе самыхъ источниковъ государственнаго бюджета. Мы имѣемъ громадную территорію, надѣленную всѣми естественными произведеніями, нужными для нашего самостоятельнаго экономическаго процвѣтанія; мы можемъ сами производить дома все необходимое и не быть въ зависимости отъ иноземцевъ. А между тѣмъ зависимость эта въ послѣднюю эпоху еще усилилась. Дѣло въ томъ, что въ наше время безъ усерднаго таможеннаго покровительства, безъ патріотическаго отношенія высшихъ сферъ къ данному вопросу, народы, опередившіе насъ на поприщѣ промышленности и торговли, не допустятъ никакого внутренняго экономическаго развитія и самостоятельности. Мы какъ бы осуждены только на производство сырья и на то, чтобы служить предметомъ эксплоатаціи для другихъ. Мало того, мы видимъ усилившееся стремленіе высшихъ сферъ къ самой широкой выпискѣ всевозможныхъ предметовъ изъ чужихъ странъ и къ заграничнымъ заказамъ, т.-е. къ поощренію не отечественной, а иноземной промышленности.

Возьмемъ для примѣра морское вѣдомство. Уже Петръ Великій строилъ корабли у себя дома изъ собственныхъ матеріаловъ, а за границу ѣздилъ самъ и посылалъ другихъ только учиться кораблестроенію и морскому дѣлу. Онъ успѣлъ создать сильный флотъ и даже покрыть его славою побѣдъ. Нужно же было случиться, чтобы празднованіе двухсотлѣтняго юбилея Преобразователя, страстно любившаго морское дѣло, какъ разъ совпало съ періодомъ упадка нашего флота и съ построеніемъ такихъ непригодныхъ судовъ, какъ поповки. Правда, общество во время праздника еще не отдавало себѣ яснаго отчета въ этихъ явленіяхъ. Но война незамедлила ярко обнаружить то и другое. Если на Черномъ морѣ у насъ оказались только броненосныя поповки, то мы могли разсчитывать, по крайней мѣрѣ, на свой балтійскій флотъ. Но этотъ флотъ даже не выставилъ крейсерской эскадры въ океанѣ; пришлось наскоро покупать иноземные корабли подъ названіемъ «добровольнаго флота» и собирать по рублямъ пожертвованія; тогда какъ десятки милліоновъ были истрачены на мониторы, которые пріобрѣли себѣ извѣстность только своими ава-

ріями и безконечными починками. Замѣчательнѣе же всего то, что неудачный изобрѣтатель и сомнительный морякъ остался и послѣ того во главѣ русскаго (производимаго, впрочемъ, за границей) кораблестроенія; его дѣятельность еще расширилась: онъ принялся строить пловучіе (но плохо плавающіе) дворцы, продолжая обогащать на русскія деньги англійскіе заводы и подрывать какъ отечественное кораблестроеніе, такъ и отечественные финансы. Еще въ началѣ настоящаго столѣтія русскіе моряки принимали участіе въ дальнихъ плаваніяхъ и даже открытіяхъ новыхъ земель. А теперь мы дожили до того, что наши собственные берега служатъ предметомъ изслѣдованій и открытій чужеземнымъ морякамъ; а на нашу долю осталось только чествовать и прославлять новыхъ Колумбовъ. Читатель уже понялъ, конечно, что я веду рѣчь на обычную свою тему о государственныхъ людяхъ. Ясно, какъ день, если морское дѣло и кораблестроеніе останутся подъ тѣмъ же руководствомъ, съ тою же безотвѣтственностію, и съ тою же обособленностію отъ другихъ вѣдомствъ, то и результаты будутъ тѣ же. Точно также пушки отливались въ Россіи уже задолго до Петра Великаго. А въ послѣднюю эпоху мы начали заказывать ихъ у Круппа. Такимъ образомъ, относительно флота и артиллеріи, т.-е. необходимыхъ принадлежностей государственной обороны, мы рискуемъ попасть въ зависимость отъ иноземцевъ, и, разумѣется, при первомъ же европейскомъ столкновеніи очень дорого поплатились бы за эту зависимость.

Кто-то высказалъ мысль, будто правительственная организація есть вѣнецъ государственнаго зданія. Это несправедливо: она есть краеугольный камень. Въ государствахъ сильно централизованныхъ она всему даетъ движеніе и направленіе; въ непосредственной ея зависимости совершаются всѣ жизненныя явленія національнаго организма. Слѣдовательно, ближайшая и самая насущная потребность состоитъ въ улучшеніи этой организаціи. Въ прошломъ письмѣ мы сказали, что высшее управленіе должно быть однородно и тѣсно сплочено; безъ этого условія многое будетъ идти въ рознь или перепутывать и мѣшать другъ другу. За такимъ первымъ и важнѣйшимъ условіемъ слѣдуетъ второе, почти столь же необходимое для нормальной государственной жизни, какъ въ политической сферѣ, такъ и въ экономической. Это второе условіе есть хорошо организованная система отвѣтственности. Гдѣ существуетъ недостатокъ ея, недостатокъ цѣлесообразнаго, хорошо организованнаго контроля, тамъ и дѣла не могутъ идти успѣшно. Напримѣръ, безъ такого контроля не можетъ быть благоустроенныхъ финансовъ. Да не подумаетъ читатель, что я разумѣю какое либо радикальное и формальное

подражаніе иноземнымъ образцамъ. Нѣтъ, я слишкомъ далекъ отъ такой мысли; я желаю стоять на исторической почвѣ и указывать на то, что вырабатывается нашею собственною исторіей, въ органической связи съ исторіей общеевропейской. Прежде всего мы должны беречь ту могучую верховную власть, которую получили въ наслѣдіе отъ своихъ предковъ. Она, конечно, священна и неприкосновенна. Мы имѣемъ въ виду только лучшую организацію отвѣтственности передъ нею со стороны ея исполнительныхъ органовъ. Читатели моихъ писемъ, надѣюсь, согласятся со мною, что по своимъ политическимъ убѣжденіямъ я, кажется, могу причислить себя къ довольно строгимъ государственникамъ и къ поборникамъ твердой, національной политики.

О томъ же. *

Новый годъ, пока еще не принесъ съ собою какого либо существеннаго облегченія для провинціальной печати, и усердный цензоръ продолжаетъ налагать свое veto даже на простую перепечатку изъ столичныхъ газетъ. А столичное общество попрежнему узнаетъ что либо о провинціяхъ отъ случайныхъ, не всегда точныхъ и безпристрастныхъ корреспондентовъ своей сравнительно привилегированной прессы. Такимъ образомъ, эта столичная пресса остается пока единственнымъ органомъ общественнаго мнѣнія страны, единственнымъ гласнымъ посредникомъ между земствомъ и государствомъ. Но сама столичная печать не есть какое либо правильно и соразмѣрно устроенное представительство русскаго общественнаго мнѣнія. Въ ней много случайнаго, много личнаго и промышленнаго элемента и слишкомъ много инородческихъ тенденцій сравнительно съ интересами чисто русскими. А между тѣмъ все это выдаетъ себя за русскіе органы. И новый Булгаринъ, этотъ греко-нѣжинскій отпрыскъ, нечуждый постройки дорогихъ, негодныхъ мониторовъ, отличающійся дикою ненавистью къ поборникамъ русской національной политики, печатно и храбро осыпающій ихъ ругательствами, но трусливый на открытую встрѣчу съ ними, и тотъ выдаетъ свою убогую газету за органъ русскаго общественнаго мнѣнія! Много разныхъ нареканій поднимается на русское общество и большею частію совершенно несправедливо.

Такъ, въ нѣкоторыхъ газетахъ мы читаемъ о томъ равнодушіи, ко-

---

* Петерб. Вѣд. 1881, № 15. Января 16.

торое наступило у насъ по отношенію къ Балканскимъ славянамъ вслѣдъ за періодомъ сильнаго движенія въ ихъ пользу. Но, во-первыхъ, наше настоящее экономическое положеніе такого свойства, что энергическая внѣшняя политика была бы теперь несвоевременна. А во-вторыхъ, такія событія, какъ томительное Санъ-стефанское стояніе у самой цѣли, насъ одушевлявшей, и пресловутый Берлинскій конгрессъ слишкомъ были достаточны, чтобы надолго охладить всякое народное одушевленіе. Можно даже опасаться, что, когда внѣшнія обстоятельства сложатся благопріятнымъ образомъ для дальнѣйшаго разрѣшенія вопроса въ русскомъ смыслѣ, то государство, пожалуй, не найдетъ необходимой для того доли общественнаго возбужденія. Слышатся также горькіе упреки нашему обществу на тяжелое положеніе западно-русской окрайны, которая въ послѣднее время сдѣлала успѣхи не въ сближеніи съ центромъ, а въ противуположномъ направленіи. Но при чемъ же тутъ наше общество? Между нимъ и русскою окрайною прошли такіе примирительные дѣятели, какъ генералъ Потаповъ. Не говоря о Привислянской провинціи, тамъ, особенно въ Завислянскомъ краю, подготовка въ смыслѣ германизаціи сдѣлала не малые успѣхи при графѣ Бергѣ. Не говорю также о привилегированномъ, обособленномъ положеніи Финляндіи и Балтійскихъ провинцій. По всей вѣроятности, нашему ближайшему поколѣнію придется своею кровью вновь завоевывать себѣ море и естественныя границы съ этой стороны. Въ виду такихъ примирительныхъ отношеній къ западнымъ окрайнамъ по всей ихъ линіи, особенно бросаются въ глаза суровыя мѣры, постигшія малорусскую литературу и малорусское нарѣчіе. Языкъ школы, языкъ судопроизводства, администраціи, оффиціальной и полуоффиціальной печати, конечно, долженъ быть общерусскій. Но полное запрещеніе малорусскаго языка въ печати и на драматической сценѣ, закрытіе мѣстнаго отдѣла Географическаго общества и тому подобныя крайнія мѣры придали дѣлу видъ гоненія, отнюдь не приносящаго пользы національному единству. Напрасно было бы кривить душею и увѣрять, будто сепаратистскихъ тенденцій тамъ нѣтъ и быть не можетъ. Но борьба съ ними требуетъ патріотическихъ государственныхъ людей, искусной и вмѣстѣ гуманной системы, а не гоненія и крайнихъ запретительныхъ мѣръ. По всей вѣроятности, не безъ связи съ этими мѣрами обнаружился значительный малорусскій контингентъ въ средѣ нашихъ анархистовъ, между которыми встрѣтились даже такія родовитыя фамиліи, какъ Лизогубы.

До какой степени всякая общегосударственная мѣра въ дѣлѣ народнаго образованія должна быть глубоко обдумана и взвѣшена со всѣхъ

сторонъ, яркій примѣръ представляютъ рѣзкіе переходы въ направленіи нашей школы. Въ то самое время, какъ мы посылали свою армію возстановлять нисколько не драгоцѣнную для насъ цѣлость Габсбургской монархіи, мы уничтожили у себя только что начинавшую прививаться классическую систему, и вотъ до сихъ поръ не можемъ вывести нашу школу на прямую, настоящую дорогу. Укажу еще на одну подробность. Въ то же время и подъ тѣми же впечатлѣніями западноевропейскихъ переворотовъ было изъято изъ системы университетскаго курса преподаваніе философіи. И этимъ изъятіемъ были достигнуты совершенно противные результаты: оно не мало способствовало развитію грубаго матеріальнаго направленія въ средѣ нашей молодежи. Вотъ что значитъ излишняя впечатлительность въ дѣлахъ государственной важности!

Посмотрите на современное затруднительное положеніе Англіи. Дѣла индо-афганскія, южно-африканскія, ирландскія — все это разомъ выступило на сцену. А Гладстонъ съ своимъ кабинетомъ не только не обнаруживаетъ какого либо смущенія, но нисколько не считаетъ нужнымъ объявить Ирландію въ осадномъ положеніи, отмѣнить тамъ Habeas corpus и т. п. Онъ понимаетъ, что одинъ видъ твердаго, спокойнаго, увѣреннаго въ себѣ правительства есть уже начало побѣды надъ затрудненіями, и онъ навѣрно справится съ ними. Если же власть перейдетъ въ другія руки, то и преемникъ его, хотя бы принадлежащій къ другой партіи, будетъ, по всей вѣроятности, дѣйствовать подобнымъ же образомъ, и точно также, несмотря на всѣ внутреннія затрудненія, не отступится отъ дѣятельнаго участія въ постепенномъ развитіи Восточнаго вопроса. Но вѣдь тамъ такая государственная зрѣлость, что не можетъ быть даже и вопроса о національной политикѣ. Гладстонъ, очевидно, готовъ поступиться нѣкоторыми привилегіями англійскихъ лордовъ землевладѣльцевъ въ Ирландіи и установить болѣе гуманныя отношенія ихъ къ туземному кельтическому населенію, но за предѣлы національныхъ англійскихъ интересовъ онъ навѣрно не пойдетъ, и его не собьютъ съ этого пути сердобольные о чужихъ дѣлахъ публицисты. Нѣкоторые изъ нашихъ органовъ уже успѣли высказаться противъ установленія у насъ перваго министра, приравнивая его къ великому визирю; тогда какъ ими же желаемое однородное министерство eo ipso предполагаетъ существованіе премьера, на котораго главнымъ образомъ и падаетъ тяжелая отвѣтственность передъ верховною властью и передъ цѣлою страною. Да, всякой націи желательно было бы имѣть такихъ великихъ визирей, какъ Гладстонъ, какъ Бисмаркъ и т. п.

Высшее женское образованіе *.

Считаю своимъ долгомъ со всѣмъ моимъ сочувствіемъ отозваться на то движеніе, которое происходитъ въ московскомъ и петербургскомъ обществѣ въ пользу поддержанія женскихъ врачебныхъ курсовъ. Только великимъ недоразумѣніемъ и невѣрными взглядами на высшее женское образованіе могу объяснять себѣ то обстоятельство, что самое существованіе этихъ курсовъ подверглось вопросу. Что касается до извѣстныхъ разсужденій на тему о семейномъ призваніи женщины, о ея назначеніи быть женою и матерью, никто изъ серьезныхъ людей конечно не будетъ оспаривать подобныхъ истинъ. Но съ другой стороны невозможно же отрицать нужды и требованія дѣйствительности. Во-первыхъ, высшее образованіе не только не мѣшаетъ помянутому назначенію женщины, но еще помогаетъ сознательному его исполненію и ея просвѣтительному вліянію на семью. А во-вторыхъ, пора же наконецъ обратить вниманіе и общества, и государства на тотъ не малый процентъ женщинъ, который остается внѣ брачныхъ узъ и хочетъ быть полезнымъ обществу, который не желаетъ служить бременемъ для небогатой семьи и стремится жить собственнымъ трудомъ. Только однимъ романистамъ свойственно постоянно фантазировать на счетъ молоденькихъ и хорошенькихъ женщинъ, окруженныхъ извѣстнаго рода поклоненіемъ, и забывать объ огромномъ большинствѣ остальныхъ, угнетенныхъ всякаго рода тяжелыми условіями дѣйствительной жизни. Не стѣснять, не запирать выходы изъ этого положенія должны руководящія сферы, а наоборотъ помогать и облегчать ихъ всѣми возможными способами. И что же можетъ быть болѣе подходящаго, болѣе полезнаго и примѣнимаго для женщинъ, ищущихъ какой либо высшей, научной спеціальности, какъ не занятіе медициной? Не говоря уже о медицинѣ вообще, стоитъ имѣть въ виду только обширный отдѣлъ женскихъ (и дѣтскихъ) болѣзней, чтобы понять, какая огромная потребность существуетъ именно во врачахъ-женщинахъ, въ интересахъ самой женской стыдливости.

Скептики обыкновенно ссылаются на примѣры нигилистокъ, на женевскихъ студентокъ и т. п. Но позвольте, если нигилисты встрѣчаются между молодыми людьми, посѣщавшими университетскіе курсы, то на такомъ же основаніи можно отвергать и высшія школы для мужчинъ. Затѣмъ, репутація женевскихъ студентокъ составилась не тѣми дѣвицами,

* Новое Время, 1882 г., Ноября 4.

которыя дѣйствительно искали тамъ научнаго образованія, а тѣми, которыя несправедливо присвоивали себѣ званіе студентокъ, преслѣдуя совсѣмъ иныя цѣли. Если бы дѣло высшаго женскаго образованія было какъ слѣдуетъ устроено въ отечествѣ, еслибы русскія дѣвицы у себя дома находили исходъ своимъ высшимъ стремленіямъ, то не было бы имъ никакой нужды скитаться по чужимъ угламъ и подвергаться тамъ всѣмъ соблазнамъ; нигилистическія жертвы этого соблазна были бы гораздо малочисленнѣе (принимая конечно процентное отношеніе). Напротивъ, этимъ упорнымъ и все возрастающимъ стремленіемъ русскихъ женщинъ къ высшему образованію достаточно доказана необходимость его правильной отечественной организаціи. По моему крайнему разумѣнію пришла пора, чтобы само правительство взяло на себя организовать это дѣло на прочныхъ и по возможности широкихъ основаніяхъ. Существовавшіе доселѣ врачебные петербургскіе курсы и такъ называемые бестужевскіе, представляютъ для того достаточно готовый матеріалъ. Я не стою за совмѣстное высшее образованіе мужчинъ и женщинъ въ одномъ и томъ же заведеніи. Нѣтъ, тутъ всякіе софизмы надобно отбросить и сознаться, что такое совмѣстное обученіе много будетъ мѣшать обѣимъ сторонамъ. Но неужели же въ Русскомъ государствѣ не найдется средствъ на организацію самостоятельнаго высшаго женскаго заведенія? Необходимо въ ближайшемъ будущемъ устроить его не только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ. Дѣло руководства и контроля, разумѣется, всецѣло принадлежитъ государству; а что касается до изысканія матеріальныхъ средствъ, то государство и земство должны дѣйствовать сообща.

Я не знаю, въ какой окончательной формѣ выразится участіе въ этомъ дѣлѣ городскаго общественнаго управленія у васъ въ Петербургѣ. У насъ же въ Москвѣ едва ли можно сомнѣваться въ сочувствіи и поддержкѣ со стороны нашей думы. Я даже указалъ бы на одну уже рѣшенную статью въ нашемъ городскомъ бюджетѣ, которую съ большой пользой и болѣе цѣлесообразно можно обратить именно на высшее женское образованіе и прежде всего на врачебные женскіе курсы. А именно, года два или два съ половиной тому назадъ состоялся приговоръ думы основать и содержать на городскія средства реальное училище въ память двадцатипятилѣтія покойнаго Государя Императора. Я тогда еще не былъ въ составѣ гласныхъ и не знаю, почему остановились именно на реальномъ училищѣ. Полагаю, что тутъ сказался антагонизмъ, возбудившійся между реальнымъ и классическимъ направленіемъ. А между тѣмъ пригодность и польза нашихъ реальныхъ училищъ доселѣ остаются вопросомъ, и самый типъ этихъ училищъ, какъ извѣстно, не выработался. Любопытно, что

дума остановилась не на какомъ либо спеціальномъ или техническомъ заведеніи, въ которомъ есть дѣйствительная потребность, а на какомъ-то межеумочномъ реальномъ училищѣ, котораго типъ и задачи никто объяснить не въ состояніи. Такъ какъ это училище пока существуетъ въ проектѣ и самое зданіе пока не построено (а оно сбойдется по смѣтѣ около полумилліона), то я полагалъ бы, что еще есть время исправить первоначальную ошибку, обративъ назначенныя для того суммы на высшую женскую школу, повторяю, прежде всего на школу врачебную, въ которой настоитъ существенная потребность. Польза отъ нея была бы несомнѣнна, въ особенности для женскихъ и дѣтскихъ болѣзней.

По поводу выборовъ въ московскіе городскіе головы. *

Тяжелое время переживаетъ московское городское самоуправленіе, и всякій изъ гласныхъ думы не можетъ не принять близко къ сердцу вновь поставленный на очередь вопросъ: кому быть городскимъ головой? По Городскому Положенію голова является въ сущности не болѣе какъ уполномоченнымъ думы и отвѣтственнымъ передъ нею исполнителемъ ея рѣшеній. Но не такъ слагается это въ дѣйствительности. На дѣлѣ городской голова, будучи въ одно и то же время предсѣдателемъ и управы, и думы, т.-е. органовъ исполнительнаго и контролирующаго, имѣетъ полную возможность вести дѣла въ огромномъ большинствѣ случаевъ по своему личному усмотрѣнію. При весьма неудовлетворительной организаціи думы, состоящей изъ многихъ членовъ, въ сущности ни передъ кѣмъ неотвѣтственныхъ, почти ничѣмъ между собою не связанныхъ и нерѣдко индиферентныхъ, предсѣдатель собранія опять-таки имѣетъ всѣ средства подготовлять и направлять думскія рѣшенія въ ту или другую сторону. Онъ ставитъ на очередь вопросы; ему принадлежитъ почти вся иниціатива. Когда же предсѣдатель самъ относится индиферентно къ какому либо вопросу и представляетъ его свободному теченію по волнамъ думскихъ преній и разныхъ препирательствъ, а затѣмъ формулируетъ его безъ строгой послѣдовательности, то рѣшенія по большей части являются совершенно случайными и подъ часъ неожиданными. Чтобы недалеко ходить за примѣрами, приведу состоявшійся надняхъ приговоръ о размѣщеніи новыхъ военныхъ частей.

Правительство сочло нужнымъ увеличить нѣсколько гарнизонъ города

---

* Новое Время. 1888 г., Сентября 27.

Москвы, именно однимъ батальономъ пѣхоты, двумя батареями артиллеріи и однимъ казачьимъ полкомъ, и предложило городу озаботиться ихъ размѣщеніемъ на три года, пока будутъ построены новыя казармы. Въ теченіе двухъ засѣданій дума разсуждала объ этомъ предложеніи. Батальонъ и батареи кое-какъ прошли, но четыре казачьи сотни подверглись безпощадному остракизму. Тутъ пошли ссылки на Городовое Положеніе, на указъ императора Павла 1797 года, на невозможность вести при семъ правильное хозяйство, а въ заключеніе рѣшено ходатайствовать о размѣщеніи ихъ по окрестнымъ селамъ. Нѣкоторые гласные указывали на верховное распоряженіе, на то, что казаки доселѣ мерзнутъ въ зданіяхъ промышленной выставки, на то, что бѣдные крестьяне будутъ обременены постоемъ и уже жалуются на него. Ничто не помогло: когда дѣло дошло до голосованія, огромнымъ большинствомъ рѣшено отклонить помѣщеніе казаковъ въ городѣ и ходатайствовать о расквартированіи ихъ по деревнямъ; причемъ, какъ я замѣтилъ, во время голосованія къ большинству пристали и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые говорили противъ такого рѣшенія. Но тутъ, кажется, повліяло то обстоятельство, что при постановкѣ вопроса принципъ не былъ отдѣленъ отъ расходовъ. Управа по обычаю выставила широкія цифры на наемъ помѣщенія и его приспособленія и вотъ вмѣсто того, чтобы озаботиться болѣе экономнымъ помѣщеніемъ, большинство заодно отвергло вмѣстѣ съ этими цифрами и самый вопросъ. На сей разъ возобладали финансовыя соображенія. Но въ томъ-то и бѣда, что какъ нарочно такія соображенія торжествуютъ въ неважныхъ или неподходящихъ случаяхъ. Вогнать построеніе Александровскихъ казармъ почти въ два милліона; истратить милліонъ шестьсотъ тысячъ на одну набережную у Храма Спасителя; ни къ селу, ни городу пожертвовать милліонъ на военныя издержки, когда отечество совсѣмъ не было въ опасности; убить 700,000 на постройку моста, безъ котораго еще можно было обходиться; затѣять (вмѣсто профессіональнаго) не особенно нужное реальное училище, которое потребуетъ по крайней мѣрѣ полмилліона на устройство и тысячъ пятьдесятъ на ежегодное содержаніе; взять на шею города какое-нибудь, тоже не особенно необходимое, благотворительное заведеніе съ сорокатысячнымъ бюджетомъ (Рукавишниковскій пріютъ), завершить финансовое разстройство города разрѣшеніемъ трехмилліоннаго займа—все это проходило какъ-то очень благодушно. А вотъ четыремъ сотнямъ казаковъ съ ихъ лошадьми не нашлось мѣста въ первопрестольной Москвѣ съ ея почти восьмисотъ тысячнымъ населеніемъ! Едва ли и къ непріятельскому вторженію можно было бы отнестись болѣе сурово.

И такъ, личныя качества городскаго головы всегда играли и будутъ играть весьма видную роль въ ходѣ нашего городскаго самоуправленія, при настоящихъ его условіяхъ.

Какъ извѣстно, послѣ долгаго перерыва или такъ наз. *безголовья*, въ 1885 году, на должности Московскаго городскаго головы снова утвердилось лицо изъ купеческаго сословія. По этому поводу замѣчу слѣдующее. Любопытно то обстоятельство, что разореніе городскихъ финансовъ произошло именно въ періодъ городскихъ головъ, принадлежащихъ къ богатому Московскому купечеству. Отлично устраивая свое собственное финансовое хозяйство, эти лица оказываются замѣчательно тароватыми насчетъ городской казны, и по части общественной экономіи далеко уступаютъ прежнимъ головамъ изъ дворянскаго сословія, которое у насъ вообще не отличается строгой экономіей въ собственныхъ дѣлахъ. Первые московскіе головы преобразованной, всесословной Думы, князья Щербатовъ и Черкасскій, вели такъ разсчетливо городское хозяйство, что послѣ себя оставили запасный капиталъ; а преемники ихъ изъ богатаго купечества не только растратили этотъ капиталъ, но и ввели городъ въ большіе долги; сдѣдствіемъ чего было умноженіе городскихъ налоговъ. Чѣмъ, какъ не желаніемъ отличиться на чужой счетъ, можно объяснить, напримѣръ, такую непроизводительную трату, какъ пожертвованіе изъ упомянутаго запаснаго капитала цѣлаго милліона рублей на военныя издержки въ 1877 году? Государство въ этомъ пожертвованіи не нуждалось, а городъ себя обездолилъ. Рядомъ съ этимъ является притязаніе городскаго головы брать прямо въ свое распоряженіе дорогія общественныя постройки, подъ видомъ хозяйственнаго способа. Эти постройки въ настоящее время завершаются огромнымъ предпріятіемъ новыхъ городскихъ водопроводовъ. Въ концѣ 1884 года (во время помянутаго безголовья) дума основательно обсудила вопросъ о водопроводахъ и рѣшила его въ пользу способа концессіоннаго. А вновь выбранный затѣмъ голова заставилъ слѣдующую думскую сессію перерѣшить въ пользу излюбленнаго имъ способа хозяйственно-подряднаго, да еще съ тѣмъ, чтобы эта постройка была поручена ему самому лично и безконтрольно. Несмотря на возраженія печати и кассацію со стороны Губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, голова, подъ фирмою Городской управы, постарался всетаки не выпустить изъ своихъ рукъ это дорогое предпріятіе, основанное на многомилліонныхъ займахъ; а займы для города онъ предпочитаетъ дѣлать заграничные (напримѣръ его трехъмилліонный заемъ въ Берлинѣ для городскихъ боенъ); точно также онъ предпочитаетъ и заграничныхъ инженеровъ; что не мѣшаетъ ему при случаѣ сказать фразу о возсіяніи православнаго креста на св. Софіи въ Константинополѣ.

Объ этихъ предметахъ я въ свое время высказывался печатно (преимущественно въ московской Газетѣ Гатцука), а теперь упоминаю вкратцѣ, чтобы обратить общественное вниманіе на самый источникъ ненормальнаго и совершенно пассивнаго отношенія гласныхъ къ своему предсѣдателю, т.-е. на выборы гласныхъ въ Городскую думу.

Мало-по-малу, вслѣдствіе неудобнаго способа этихъ выборовъ, ими завладѣла группа богатыхъ купцовъ, и потому настоящая Городская Дума, подобно старой до-реформенной, сдѣлалась учрежденіемъ собственно купеческо-мѣщанскимъ. Къ сему привела система выборовъ, по разрядамъ, сосредоточенная въ одномъ мѣстѣ. Въ первомъ разрядѣ купеческіе воротилы сами распоряжаются; а на выборы втораго и третьяго разрядовъ посылаютъ своихъ прикащиковъ, кліентовъ и вообще людей болѣе или менѣе отъ нихъ зависимыхъ, которые и выбираютъ заранѣе намѣченныя лица. Избиратели изъ другихъ сословій и классовъ общества рѣдко идутъ въ эту сплоченную толпу, гдѣ они суть чужіе люди *. Поэтому приблизительно изъ 12.000 избирателей въ выборахъ принимаютъ непосредственное участіе не болѣе 1200 или 1500 человѣкъ, т.-е. около 10%. Главное средство устранить такую аномалію состоитъ въ томъ, чтобы, вмѣсто выборовъ по тремъ имущественнымъ разрядамъ, устроить выборы съ однимъ общимъ цензомъ, но распредѣленные по городскимъ участкамъ. Въ каждомъ участкѣ болѣе или менѣе знаютъ другъ друга; населеніе участковъ разнообразно по отношенію къ сословіямъ, и тутъ невозможно одному какому либо сословію захватить всѣ городскіе выборы въ свои руки; а избирателямъ легко и удобно принимать въ нихъ непосредственное участіе. Только такіе выборы и могутъ дать приблизительно лучшихъ людей, т.-е. настоящихъ представителей города. Вообще по моему крайнему разумѣнію должна быть назначена извѣстная норма для собранія городскихъ избирателей. Напримѣръ, если городъ имѣетъ менѣе 50.000, то избиратели легко могутъ собираться въ одномъ помѣщеніи; но если болѣе, то избиратели должны дѣлиться на участки. А для Москвы съ ея почти 800.000 населеніемъ настоящій порядокъ выборовъ въ гласные является неудобнымъ въ высшей степени. Конечно, настоящая Московская Дума, de jure всесословная, а de facto купеческо-мѣщанская, сама по всей вѣроятности не наложитъ на себя рукъ и хлопотать о болѣе нормальной системѣ городскихъ выборовъ не будетъ. Это вопросъ чисто правительственный.

---

* При семъ не надобно забывать еще и то, что купцы, мѣщане и ремесленники имѣютъ свои особыя учрежденія или *управы*, гдѣ они могутъ заранѣе сплачиваться для городскихъ выборовъ; тогда какъ остальные обыватели таковыхъ учрежденій не имѣютъ.

Замѣтки о судѣ присяжныхъ *.

Уже нѣсколько разъ случалось мнѣ отбывать повинность присяжнаго засѣдателя. Сообщу вкратцѣ выводы изъ своихъ наблюденій и впечатлѣній.

Первыя впечатлѣнія были самыя выгодныя для нашего преобразованнаго судопроизводства. Исполненная внушительнаго достоинства обстановка, торжественность присяги, мягкія, гуманныя формы, которыми обусловлено веденіе процесса и положеніе подсудимыхъ, любопытные перекрестные допросы, краснорѣчивая, подчасъ жаркая борьба защиты съ обвиненіемъ, импонирующая гласность и наконецъ товарищескія, ничѣмъ нестѣсняемыя совѣщанія присяжныхъ засѣдателей—все это вселяло уваженіе, обѣщало надежныя гарантіи для правосудія и рѣшительно располагало въ пользу новыхъ судебныхъ уставовъ. Только потомъ, мало-по-малу вникая въ сущность самаго дѣла и слѣдя за справедливостью приговоровъ, я чувствовалъ, что первыя впечатлѣнія значительно ослабились, но впрочемъ отнюдь не утратились. Нельзя сказать, чтобы количество несправедливыхъ оправдательныхъ приговоровъ преобладало надъ приговорами обвинительными. Главное дѣло заключается не въ количественномъ, а въ качественномъ отношеніи, т.-е. въ степени ихъ важности. Вотъ что я постоянно замѣчалъ. Пока идетъ вопросъ о мелкихъ ворахъ и мошенникахъ, съ ихъ назначенными отъ суда защитниками,—дѣло не представляетъ затрудненій; приговоры постановляются скоро и довольно добросовѣстно. Но какъ только является на сцену крупный воръ или убійца, начинаются всякаго рода извороты и затрудненія. Хорошо оплаченный и слѣдовательно весьма заинтересованный, защитникъ употребляетъ всѣ зависящія отъ него средства склонить вѣсы правосудія на сторону оправданія: съ помощью отвода подтасовываетъ присяжныхъ, старается сбить съ толку непріятныхъ для него свидѣтелей, выставить на показъ ихъ якобы противорѣчія, разжалобить присяжныхъ и публику въ пользу подсудимаго, и, если невозможно доказать его полную невинность, то свалить главную вину на среду, изъ которой онъ вышелъ, или въ которой дѣйствовалъ и т. п. Всѣ эти уловки болѣе или менѣе достигали своей цѣли въ большинствѣ случаевъ, ибо обыкновенно не встрѣчали себѣ достаточнаго отпора со стороны обвиненія. Представитель обвинительной власти, получающій опредѣленное жалованье отъ казны и слѣдова-

* Записано въ 1886 году и оставалось пока въ портфелѣ автора.

тельно въ матеріальномъ отношеніи незаинтересованный исходомъ дѣла, отправляетъ свои обязанности болѣе или менѣе добросовѣстно съ формальной стороны, и только. Такъ я замѣтилъ, напримѣръ, что обвинитель почти не пользовался своимъ правомъ отвода (и не устранялъ иногда такихъ присяжныхъ, которые состояли въ родственной связи съ подсудимымъ); а защитникъ, наоборотъ, отводилъ изъ состава присяжныхъ почти все то количество, которое предоставлено было обвиненію и защитѣ вмѣстѣ, т.-е. 12 человѣкъ (впрочемъ обыкновенно онъ отводилъ 11 человѣкъ). Такимъ образомъ происходилъ явный подборъ; а такъ какъ крупныя дѣла большею частію шли въ концѣ сессіи, когда изъ 36 человѣкъ по разнымъ причинамъ оставалось менѣе 30, то въ урну опускалось иногда не болѣе 18 или 17 билетиковъ, изъ которыхъ предстояло вынуть по жребію 14 именъ (вмѣстѣ съ запасными). Прибавлю также, къ серединѣ и концу сессіи составъ присяжныхъ настолько выяснялся, что защитнику не предстояло особаго труда сообразить, кого надобно удалить изъ этого состава, чтобы выиграть дѣло. Въ послѣднее мое засѣдательство, когда право отвода было уже значительно сокращено, ощущалось нѣкоторое улучшеніе въ ходѣ дѣла и процентъ несправедливыхъ приговоровъ несомнѣнно уменьшился, но не настолько, чтобы можно было успокоиться за дѣло правосудія.

Пока еще самъ не былъ присяжнымъ засѣдателемъ, я раздѣлялъ распространяемое газетами мнѣніе о сильномъ вліяніи адвокатскихъ рѣчей на приговоры присяжныхъ. Газеты, приводя эти рѣчи, иногда весьма ловко составленныя и блещущія остроуміемъ, естественно придавали имъ рѣшающее значеніе. Наблюденія въ совѣщательной камерѣ присяжныхъ привели меня къ нѣсколько иному заключенію. Дѣйствительно, случалось иногда выслушать защитительную рѣчь, произведшую впечатлѣніе и на присяжныхъ; но это впечатлѣніе не было настолько сильно, чтобы присяжные до конца остались подъ его давленіемъ. Обыкновенно войдя въ камеру для совѣщаній, они начинали тотчасъ обмѣниваться своими мнѣніями; причемъ нерѣдко завязывались оживленные споры, вновь перебирались всѣ обстоятельства дѣла, и адвокатская рѣчь отходила совершенно на задній планъ, почти забывалась. Тутъ я убѣдился, что широкое право отвода или подборъ присяжныхъ для адвоката значило болѣе нежели его краснорѣчіе. Но тутъ же я могъ воочію наблюдать свойства самаго института присяжныхъ, и пришелъ къ такому выводу, что въ нихъ самихъ заключается явная наклонность къ оправданію преступниковъ. Всегда найдутся такія сердобольныя личности, которыя стараются склонить своихъ товарищей къ прощенію преступника. Тутъ выступаютъ

наружу и русское чувствительное сердце, и полный недостатокъ гражданскаго сознанія. Присяжные часто забываютъ, зачѣмъ они призваны и прямо присвоиваютъ себѣ верховное право помилованія. Къ чувствительности часто примѣшивались еще и разныя лже-либеральныя тенденціи со стороны людей полуинтеллигентныхъ или собственно полуобразованныхъ. Въ этомъ отношеніи мѣщане и мелкіе купцы московскіе, чуждые знакомства съ нашею лже-либеральною прессою, отличались обыкновенно болѣе трезвымъ взглядомъ на дѣло, и нерѣдко являлись противовѣсомъ людямъ, имѣвшимъ претензію на образованіе. Но если въ составѣ совѣщающихся не встрѣчалось двухъ, трехъ человѣкъ изъ образованнаго класса, незараженныхъ лже-либеральными тенденціями, то обыкновенно малограмотная часть присяжныхъ не могла устоять противъ разныхъ софизмовъ, высказываемыхъ авторитетнымъ тономъ. Отсюда понятно, почему сокращеніе права отвода принесло небольшую пользу дѣлу правосудія. Недостатокъ ясно сознаваемаго гражданскаго долга и своихъ обязанностей передъ обществомъ и явная сердечная наклонность къ всепрощенію служатъ со стороны присяжныхъ постояннымъ препятствіемъ для успѣшнаго отправленія своихъ обязанностей. Для дѣла правосудія, конечно было бы полезнѣе не вдругъ вводить въ жизнь это чуждое намъ учрежденіе, а въ теченіе нѣкотораго періода ограничиться главнымъ и несомнѣнно благимъ условіемъ новаго судопроизводства, т.-е. гласностію, предоставивъ рѣшеніе коронным судьямъ. Теперь же и самый институтъ коронныхъ судей поставленъ въ положеніе несовсѣмъ нормальное. Ни за что не отвѣчая, играя какую-то страдательную роль и закрываясь приговорами присяжныхъ, онъ тѣмъ не менѣе чувствительно вліяетъ на эти приговоры, и часто не въ пользу правосудія, вліяетъ посредствомъ предварительнаго слѣдствія, системы допросовъ, руководства присяжными, посредствомъ той или другой постановки для нихъ вопросовъ и т. д.

Изъ моихъ наблюденій надъ судомъ присяжныхъ укажу еще на излишнее обремененіе ихъ дѣлами маловажными, въ особенности мелкими кражами, хотя бы и вторичными; эти дѣла легко могли бы быть отнесены къ мировому институту. Есть также категоріи дѣлъ совсѣмъ неподходящія къ компетенціи присяжныхъ, напримѣръ, дѣла о многоженцахъ, которыхъ присяжные постоянно оправдываютъ; чѣмъ подрываютъ общественное уваженіе къ святости брачнаго союза и оставляютъ беззащитными нагло обманутыхъ женщинъ. Но таковыя дѣла должны подлежать собственно вѣдѣнію каноническому. Показалось мнѣ также, что присяжные слишкомъ часто присягаютъ, передъ каждымъ дѣломъ, и иногда по нѣскольку разъ въ день; отъ такого частаго повторенія присяга не выигрываетъ

въ своей внушительности. Мнѣ кажется, достаточно было бы приносить всѣмъ одну присягу передъ началомъ сессіи на всѣ предстоящія ей дѣла.

Относительно изложенныхъ наблюденій надобно имѣть въ виду, что онѣ сдѣланы въ такомъ многолюдномъ и чисто-русскомъ центрѣ какъ Москва. Въ иныхъ пунктахъ вопросъ можетъ усложняться еще нѣкоторыми своими, мѣстными, условіями.

Прибавлю два слова о столь обычной ссылкѣ защитниковъ на общественную среду, которая будто бы въ значительной степени оправдываетъ преступника. Пора бросить подобный софизмъ. Судъ для того и существуетъ, чтобы отрезвлять общественные нравы и очищать среду отъ зловредныхъ элементовъ. Его задача въ томъ и состоитъ, чтобы охранять общество отъ мошенниковъ, воровъ и убійцъ; безнаказанность несомнѣнно ихъ поощряетъ и размножаетъ; а слѣдовательно въ свою очередь весьма вредно вліяетъ на народную нравственность и еще болѣе ухудшаетъ среду. Существуютъ такіе софисты, которые несогласны съ этими непреложными истинами и совѣтуютъ ждать всего отъ болѣе высокаго уровня гражданственности. Но эти псевдолиберальные мыслители не понимаютъ еще и той простой истины, что правосудіе составляетъ одно изъ необходимыхъ орудій для развитія гражданственности или такъ наз. цивилизаціи; что правосудіе должно дѣйствовать одинаково для богатыхъ и бѣдныхъ, для знатныхъ и простыхъ людей. А при указанныхъ мною недостаткахъ суда присяжныхъ довольно трудно добиться правосудія для людей богатыхъ или знатныхъ и вообще для преступниковъ крупныхъ.

О

ПОСЛѢДНЕМЪ ФАЗИСѢ

ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА.

I.

БОЛГАРІЯ И ПАНГЕРМАНИЗМЪ.

Извѣстно, что 9 августа 1886 года принцъ Батенбергъ былъ лишенъ престола и удаленъ изъ Болгаріи, къ немалой радости русскихъ патріотовъ. Когда же вскорѣ телеграфъ извѣстилъ, что онъ снова возвращается въ Софію, призываемый партіей болгарскихъ нигилистовъ и отщепенцевъ, радость смѣнилась чувствомъ горечи. Въ эту минуту я на всякій случай послалъ въ Московскія Вѣдомости письмо, въ которомъ прямо указывалъ, что главное зло для насъ заключается не въ Батенбергѣ собственно, а въ политической интригѣ, направляемой противъ Россіи изъ Берлина извѣстнымъ государственнымъ мужемъ, и вотъ съ кѣмъ мы должны бороться. Письмо мое осталось ненапечатаннымъ (по обыкновенію, я не оставилъ съ него копіи, но можетъ быть оно еще сохранилось въ портфелѣ редакціи). Покойный М. Н. Катковъ очевидно въ то время еще не раздѣлялъ сего моего мнѣнія, и еще находился къ князю Бисмарку въ отношеніяхъ, такъ сказать, дипломатическихъ. Только спустя полгода или болѣе, уже подъ давленіемъ фактовъ, онъ пришелъ къ тому же взгляду и началъ въ своемъ органѣ развивать тѣ же мысли.

Между тѣмъ событія шли быстро. Батенбергъ вторично вынужденъ былъ покинуть Болгарію; но оставилъ тамъ глубокій слѣдъ въ видѣ учрежденнаго имъ лжерегенства. Миссія генерала Каульбарса, осенью того же года, окончилась совершеннымъ удаленіемъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ изъ Болгаріи, послѣ чего лжерегенство, покровительствуемое цѣлою группою державъ, упрочилось тамъ съ своими палочными командами. Зимой 1886—87 гг. вдругъ въ германской печати и въ германскомъ парламентѣ поднятъ былъ шумъ о предстоявшей яко бы войнѣ съ Франціей. Наша періодическая печать увлеклась этою фальшивою тревогою; а наша дипломатія по сему поводу объявила выжидательную политику съ своей стороны. Тогда я рѣшилъ снова выступить съ результатами своихъ политическихъ наблюденій. Слѣдующія письма мои нашли пріютъ въ петербургской газетѣ *Новое Время*.

Желаетъ ли Бисмаркъ войны съ Франціей? *

А. Вы, конечно, читали сообщенія изъ Петербурга въ «Politische Correspondenz« и въ «Nord», читали одобрительный отзывъ нѣкоторыхъ русскихъ органовъ относительно выжидательной политики, и на сей разъ, надѣюсь, согласитесь съ этимъ отзывомъ.

Б. Менѣе, чѣмъ когда либо.

А. Почему же?

Б. Да просто потому, что я никогда не вѣрилъ и не вѣрю въ искренность германскихъ толковъ о предстоящей теперь же войнѣ съ Франціей.

А. Какъ, неужели вы не считаете положеніе серьезнымъ въ то время, когда всѣ почти державы тратятъ огромныя суммы на вооруженія и когда Европа чуть ли не наканунѣ всеобщей мобилизаціи?

Б. Повторяю то же, что говорилъ вамъ и прежде: чѣмъ болѣе въ Германіи газеты и парламентскіе ораторы кричали о близости войны съ Франціей и о своихъ къ ней приготовленіяхъ, тѣмъ я болѣе и болѣе убѣждался, что все это несерьезно, что это только дѣлается для того, чтобы отвлечь наше вниманіе отъ Восточнаго вопроса кровавымъ призракомъ какой-то страшной европейской войны. Посудите сами: откуда вдругъ, совершенно внезапно начались толки о новой Франко-германской войнѣ въ то время, когда на сценѣ былъ только одинъ болгарскій кризисъ, и ничего болѣе? Эти толки начались въ германской печати какъ бы по данному камертону. А между тѣмъ только слѣпому не ясно, что Франція нисколько не думала нападать на Германію; она только будетъ защищаться, если на нее нападутъ. Слѣдовательно, починъ въ этой шумихѣ всецѣло принадлежитъ Германіи. Но и Германія не думаетъ нападать на Францію, по всѣмъ признакамъ. А главный признакъ заключается въ томъ, что она въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ кричитъ о войнѣ. Кто дѣйствительно намѣренъ воевать, тотъ не будетъ заблаговременно извѣщать о томъ своего противника и побуждать его къ приготовленіямъ. Шумъ, поднятый въ парламентѣ объ увеличеніи болѣе милліонной германской арміи на 40,000 человѣкъ, служилъ для меня вѣрнымъ признакомъ, что въ Берлинѣ отнюдь не думаютъ воевать съ Франціей. А когда появились со стороны нѣмцевъ предупрежденія, что въ случаѣ войны они, для избѣжанія укрѣпленныхъ французскихъ линій, пройдутъ черезъ Бельгію и нарушатъ ея нейтралитетъ, то заднія мысли

---

* Новое Время. 1887 № 3943.

Берлина и нежеланіе его воевать съ Франціей мнѣ просто били въ глаза.

А. Позвольте, но если бы это дѣйствительно было такъ, то зачѣмъ же Пруссія сама стала бы тратиться на военныя приготовленія?

Б. Всмотритесь хорошенько и вы увидите, что именно Пруссія менѣе своихъ сосѣдей тратится на эти приготовленія. Сколько я могъ понять, почти всѣ тѣ мѣры, которыя она теперь принимаетъ (въ родѣ магазиновъ), были бы приняты ею во всякомъ случаѣ; но только не въ ея характерѣ громогласно доводить о нихъ до свѣдѣнія Европы. И если она считаетъ нужнымъ выставлять ихъ на показъ, то опять-таки это-то и служитъ доказательствомъ, что разсчитываетъ не на войну, а на извѣстное впечатлѣніе.

А. Да на кого же собственно разсчитано это впечатлѣніе?

Б. Отчасти на ту же Францію, а главнымъ образомъ на Россію. Вы видите, что порохъ потраченъ не даромъ; маневръ удается, и Берлинъ близокъ къ своей цѣли. Если бы мы дѣйствительно объявили, что въ виду предстоящей войны между Франціей и Германіей желаемъ сохранить свои руки свободными, оставимъ въ сторонѣ Болгарію и будемъ выжидать событій, то это именно то, что Берлину нужно было доказать. Тутъ вся сила въ томъ, чтобы оттѣснить насъ отъ Балканскаго полуострова и, отвлекши наше вниманіе въ другую сторону, обработать въ это время собственныя, т.-е. германо-австрійскія, дѣла на этомъ полуостровѣ.

А. Но въ такомъ случаѣ почему же Берлинъ выдвигаетъ на сцену свою угрозу съ Франціей? Почему же онъ не обратится съ угрозами прямо къ Россіи? Наконецъ, развѣ князь Бисмаркъ не заявилъ, что у Германіи нѣтъ никакихъ собственныхъ интересовъ на Востокѣ?

Б. Да, есть наивные люди, которые все еще довѣряютъ подобнымъ заявленіемъ и забываютъ извѣстную поговорку дипломатовъ, что языкъ намъ данъ для того, чтобы скрывать наши мысли. Они забываютъ, что послѣ словъ о костяхъ померанскаго гренадера происходилъ печальной для насъ памяти Берлинскій конгрессъ. Что же касается до прямыхъ угрозъ Россіи, а тѣмъ болѣе до войны Германіи съ нею, то каковъ бы ни былъ исходъ ея, она произвела бы такой переворотъ въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, который для нѣмцевъ менѣе всего желателенъ. Тогда былъ бы конецъ ихъ политическому вліянію, ихъ финансовой и промышленной эксплоатаціи, конецъ ихъ колонизаціи въ западной полосѣ, а, пожалуй, конецъ и дальнѣйшимъ родственнымъ связямъ. Вы знаете, что къ русско-германскимъ отношеніямъ можно приложить поговорку, сказанную о старой Австріи: «Alii bella gerant, tu felix Germania nube».

А. А что вы думаете о воинственныхъ приготовленіяхъ Австріи противъ Россіи?

Б. Это такая же фикція, какъ и приготовленія Пруссіи къ войнѣ съ Франціей. Никогда Австрія не пойдетъ войною противъ Россіи безъ Германіи, которую, въ настоящее время по крайней мѣрѣ, все-таки сдерживаетъ Франція. Посреди европейскаго мира Франція одна на Германію не нападетъ, въ этомъ я увѣренъ, но если Германія увлечется въ войну съ Россіей, то нельзя поручиться, чтобы французы упустили такой благопріятный случай для реванша. Вотъ почему для Германіи весьма важно выиграть еще нѣсколько времени, пока во Франціи произойдетъ новая перемѣна обстоятельствъ, въ родѣ возвращенія къ власти Ферри и паденія Буланже или какой либо другой комбинаціи. Когда же настоящія благопріятныя для Россіи обстоятельства минуютъ и мы вновь останемся одни, тогда, само собой разумѣется, Германія и Австрія окончательно овладѣютъ теченіемъ дѣлъ на Востокѣ.

А. Почему же вы все говорите о Германіи, слегка упоминаете Австрію и совсѣмъ умалчиваете объ Англіи?

Б. Англія несомнѣнно играетъ роль запѣвалы въ данномъ случаѣ и несомнѣнно принимаетъ самое дѣятельное участіе въ анти-русскихъ интригахъ. Но не въ ней главная сила. Главный очагъ дипломатической коалиціи противъ насъ находится въ Берлинѣ.

А. Что же по вашему мы могли бы въ настоящую минуту предпринять, не рискуя вооружить противъ себя коалицію военную?

Б. Ну, объ этомъ можно побесѣдовать въ другой разъ.

Москва, 16 февраля.

Что намъ дѣлать? *

А. Что вы скажите о послѣднихъ болгарскихъ событіяхъ? **

Б. Напомню вамъ то, что говорилъ и прежде по поводу надеждъ, возлагавшихся на болгаръ, будто они сами могутъ свергнуть шайку узурпаторовъ. Разъ Россія удалилась оттуда и предоставила свободное поле враждебнымъ державамъ, эти державы конечно поспѣшили завладѣть полемъ, и сама Болгарія безсильна отъ нихъ освободиться. Что же стоитъ

---

* Новое Время. 1887, № 3951.

** Т.-е. неудавшемся возстаніи противъ лжерегентовъ въ Рущукѣ и Силистріи.

Англіи своимъ золотомъ закупить небольшую болгарскую армію, которая служитъ теперь отличнымъ орудіемъ въ рукахъ шайки. Разумѣется, лжерегенты суть только точные исполнители того, что подсказываютъ имъ агенты Англіи, Австріи и Германіи. Германскіе консулы при томъ облечены двойнымъ авторитетомъ, какъ чиновники, принявшіе на себя яко бы защиту русскихъ подданныхъ! Въ хвостѣ этого тройственнаго давленія идетъ самъ сюзеренъ Болгаріи, т.-е. Высокая Порта. Гдѣ же кучкѣ болгарскихъ патріотовъ бороться съ такими противниками! Съ одной стороны все, что нужно и можно было купить—куплено; а съ другой—въ уши народу на всѣ лады постоянно и печатно, и словесно внушается, что Россія хочетъ его поработить, что она его главный врагъ. Можно ли требовать отъ неопытнаго, темнаго народа, чтобы онъ хотя отчасти не поддался этимъ внушеніямъ? Вотъ почему я постоянно говорилъ, что безъ нашей поддержки всякое возстаніе будетъ подавлено. Послѣднія силистрійскія и рущукскія событія показали, что безкорыстный патріотизмъ еще не умеръ среди болгарскихъ офицеровъ. Гнусныя казни и варварскія мѣры лжеправителей, руководимыхъ нѣмцами и англичанами, остаются безнаказанными и кровь мучениковъ вопіетъ къ небу.

А. Неужели сами болгаре дѣйствительно не могутъ освободиться?

Б. Что они могли сдѣлать, то уже сдѣлано. Извѣстно, какъ шатко и неправильно была поставлена ихъ организація на Берлинскомъ конгрессѣ. Эти неправильности сводятся къ тремъ пунктамъ, изъ которыхъ логически и неизбѣжно должны были вытекать дальнѣйшія смуты на Балканскомъ полуостровѣ, а также интриги и безпокойства, угрожающія европейскому миру. А именно: во-первыхъ, неестественное раздѣленіе освобожденной Болгаріи на двѣ части, состоящія подъ разными правленіями; во-вторыхъ, князь нѣмецъ, взятый изъ прусскихъ поручиковъ и, разумѣется, отдавшійся немедленно анти-русскимъ махинаціямъ (тогда какъ уже одно допущеніе нѣмецкаго принца въ сосѣднюю Румынію служитъ и будетъ служить для насъ источникомъ не малаго зла); въ-третьихъ, такая конституція, которая открыла широкое поприще для всякаго рода честолюбцевъ и агитаторовъ и оказалась весьма сподручною для нашихъ нигилистовъ и анархистовъ. Болгаре сами устранили два первые пункта. Они соединили обѣ освобожденныя части; а потомъ взяли князя-нѣмца и отвезли его къ тѣмъ, отъ кого получили. Чѣмъ же они виноваты, если мы пропустили этотъ моментъ, а враждебная намъ дипломатія трехъ державъ не упустила ни одной благопріятной минуты для того, чтобы овладѣть движеніемъ? Что же касается конституціи, то въ настоящее время, когда водворился самый варварскій деспотизмъ и самый гнусный тер-

ръ, о ней не можетъ быть болѣе рѣчи, и при возстановленіи порядка она несомнѣнно должна быть исправлена.

А. И такъ, что же по вашему мнѣнію мы могли бы теперь предпринять?

Б. Вы знаете, что я сторонникъ рѣшительной политики; но рѣшительная политика еще не означаетъ войну; мало того, нерѣдко она ее предупреждаетъ, и наоборотъ, политика уступокъ и медленія прямо приводитъ къ войнѣ, потому что въ концѣ концовъ ставитъ въ безвыходное положеніе, чему примѣръ мы видѣли въ недавнемъ прошломъ. Если хотите знать мое мнѣніе, то сколько я ни думалъ надъ этимъ вопросомъ, а другаго исхода не вижу, какъ посылка небольшаго корпуса для водворенія порядка и спокойствія; затѣмъ должно быть созвано законное народное собраніе, которое утвердило бы русскаго кандидата, если это князь Мингрельскій, то именно его, и во всякомъ случаѣ человѣка православнаго исповѣданія Послѣднее, по моему, conditio sine qua non. Событія ясно показываютъ, къ какимъ бѣдствіямъ ведетъ пренебреженіе религіозными потребностями. Чтобы не возобновлять самаго начальнаго источника настоящихъ смутъ, т.-е. раздѣленія Болгаріи, новоизбранный болгарскій князь можетъ быть признанъ Портою въ качествѣ генералъ-губернатора Румеліи. Устроивъ положеніе князя и гражданскій порядокъ, реорганизовавъ болгарскую армію и водворивъ въ ней снова извѣстный процентъ русскихъ офицеровъ, нашъ оккупаціонный корпусъ можетъ немедля удалиться изъ Болгаріи; но при семъ необходимо оставить смѣшанные русско-болгарскіе гарнизоны въ трехъ пунктахъ: Рущукѣ, Варнѣ и Софіи, если сія послѣдняя останется княжеской резиденціей. Эти три смѣшанные гарнизона и именно въ трехъ названныхъ пунктахъ необходимы для прочности порядка, лѣтъ на 10 или на 20, смотря по обстоятельствамъ. Если бы такая въ сущности небольшая мѣра была принята нами при организаціи Болгарскаго княжества, то по всей вѣроятности она предупредила бы послѣдовавшія смуты. Признаюсь, послѣ Берлинскаго конгресса я никакъ не могъ понять нашихъ отношеній къ Болгаріи и положенія тамъ русскихъ офицеровъ, необезпеченнаго никакою матеріальною опорою.

А. Позвольте, вы говорите о временномъ занятіи Болгаріи, какъ будто намъ не угрожаетъ въ такомъ случаѣ вооруженная коалиція? Бисмаркъ сказалъ, что хотя у Германіи нѣтъ своихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ, но что у Австріи они есть, а Германія другъ и союзникъ Австріи, ergo... Да наконецъ мы, кажется, дали обѣщаніе не занимать Болгарію.

Б. Не знаю, давали ли мы такое обѣщаніе, но если и давали, то, конечно, условное, напримѣръ, не занимать, пока не будутъ истощены всѣ дипломатическія средства къ возстановленію и упроченію порядка. Но русская дипломатія въ настоящее время имѣетъ полное право заявить, что всѣ подобныя средства истощены и дальнѣйшія ожиданія грозятъ еще болѣе опасными осложненіями. Конечно, нѣмцы, австрійцы и англичане поднимутъ страшный газетный крикъ, будутъ сыпать нотами, будутъ смущать насъ всѣми возможными призраками, внутренними и внѣшними; но, повѣрьте, войны намъ не объявятъ. Я говорю о настоящихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Англіи мы можемъ отвѣтить, пусть она очиститъ Египетъ и захваченную ею часть Афганистана, прежде чѣмъ говорить о Болгаріи. Австріи можемъ указать на Боснію и Герцеговину, которыя она пусть тоже предварительно очиститъ. Германія, какъ я говорилъ, теперь связана Франціей; а если она вздумаетъ грозить нападеніемъ на послѣднюю, мы отвѣтимъ ей: «хорошо, нападайте; у насъ всегда найдется (даже въ случаѣ войны съ Австріей) полмилліона штыковъ, чтобы въ нужную минуту двинуть ихъ куда слѣдуетъ». И будьте увѣрены, ни одна держава не тронется съ мѣста. Пожалуй, онѣ могутъ возбуждать опять Турцію. Но и это имъ не удастся. Турки отлично понимаютъ, что разъ Болгарія для нихъ потеряна, имъ нѣтъ никакого разсчета воевать съ Россіей; наоборотъ, только будучи съ нею въ мирѣ, они могутъ спокойно владѣть своими остальными областями. Думаютъ, что Австрія въ случаѣ войны можетъ отрѣзать нашъ оккупаціонный корпусъ. Наоборотъ, этотъ корпусъ въ такомъ случаѣ можетъ поднять сербовъ, низложить Милана какъ австрійскаго вассала, поднять Боснію и Герцеговину и войти въ связь съ геройской Черногоріей. Угрожаемая въ то же время нашимъ вторженіемъ со стороны Галиціи Австрія попадетъ между двухъ огней, будучи притомъ связана внутри симпатіями къ Россіи своихъ славянскихъ народовъ. Если предположить, что Австрія объявитъ намъ войну прежде, нежели оккупаціонный корпусъ успѣетъ занять Болгарію, все равно, почти ту же самую диверсію на первыхъ порахъ можетъ или вызвать, или поддержать казацкая вольница, которая на свой страхъ и рискъ съумѣла пробраться въ Абиссинію и тамъ сдѣлать диверсію англичанамъ и итальянцамъ. У Англіи также существуютъ больныя стороны: для укрощенія ея достаточно пустить десятокъ крейсеровъ въ океанъ и завязать дѣло въ Афганистанѣ. У насъ все еще имѣютъ въ виду коалицію временъ Крымской кампаніи. Во-первыхъ, тогда былъ Наполеонъ III, который преслѣдовалъ не французскіе интересы, а свои, династическіе; теперь никакого Напо-

леона III нѣтъ и не можетъ быть въ Европѣ. Во-вторыхъ, и это главное, коалиція состояла тогда изъ державъ, для насъ неуязвимыхъ. Теперь относительно Англіи этого ужъ никакъ нельзя сказать, а Франція изъ врага обратилась въ естественнаго союзника. Германія же и Австрія, какъ сосѣди, слишкомъ уязвимы, и потому войны съ нами будутъ избѣгать до послѣдней крайности. Взгляните на карту. Россія можетъ терпѣть неудачи, можетъ потерять лѣвый берегъ Вислы, который намъ не только не нуженъ, но и почти составляетъ для насъ бремя (съ его густымъ еврейскимъ населеніемъ, которое своимъ широко-развитымъ контрабанднымъ промысломъ, вмѣстѣ съ размножающимися нѣмецкими фабриками, все болѣе и болѣе подрываетъ наши финансы и нашу отечественную промышленность). Но, вообще, для внѣшнихъ враговъ Россія неодолима въ силу своихъ географическихъ и этнографическихъ условій. Германія же, наоборотъ, открыта со всѣхъ четырехъ сторонъ и, въ случаѣ неудачи, можетъ быть пройдена непріятелемъ изъ конца въ конецъ. И пока лѣвый берегъ Вислы въ нашихъ рукахъ, пока граница подходитъ близко къ Берлину, при рѣшительности съ нашей стороны, онъ подвергается великой опасности, если бы вздумалъ воевать съ нами. Да, нѣтъ, повторяю, нѣмцы кричать будутъ, но войны намъ теперь не объявятъ. Вы видите, миръ обезпеченъ тѣмъ, что сумма невыгодныхъ условій пока находится на противной намъ сторонѣ. Вся сила берлинской политики или, точнѣе, берлинскихъ интригъ заключается въ томъ, чтобы безъ войны оттѣснить насъ отъ Балканскаго полуострова, все далѣе и далѣе продвигая туда Австрію, которую Берлинъ, очевидно, старается обратить въ свою подручницу и въ передовой форпостъ германизаціи на юго-востокѣ Европы. А что для него конечную и пока затаенную цѣль составляетъ германизація и эксплуатація едва ли не всего Балканскаго полуострова, это для меня не подлежитъ сомнѣнію.

А. Какъ хотите, а, предпринимая временное занятіе, не слишкомъ ли мы будемъ рисковать изъ-за Болгаріи, для которой и безъ того принесли уже много жертвъ?

Б. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что дѣло идетъ только о Болгаріи. Нѣтъ, теперь уже прямо затронуты существенные государственные интересы Россіи. Вы знаете, что я причисляю себя къ безусловнымъ государственникамъ, къ людямъ, преданнымъ строго національному направленію и отечественному строю. Вы знаете, что для такихъ людей ни меттерниховскій, ни бисмарковскій періоды вліянія отнюдь не кажутся согласными съ русскими государственными интересами.

А. Еще одинъ вопросъ: развѣ вы несогласны съ тѣмъ, что шумъ,

поднятый изъ-за септената, имѣлъ главною цѣлью новые парламентскіе выборы?

Б. Тутъ Бисмаркъ, очевидно, думалъ, какъ говорится, однимъ камнемъ зашибить двухъ зайцевъ. Но вообще у насъ слишкомъ много вниманія обращаютъ на эти парламентскіе маневры и забываютъ о собственныхъ дѣлахъ. Я все-таки полагаю, что отвлеченіе насъ отъ восточнаго вопроса теперь составляетъ главную заднюю мысль Бисмарка. Полагаю, что и папа понадобился ему не для однихъ парламентскихъ выборовъ. Надѣюсь, что событія оправдаютъ мои слова.

Москва, 23 февраля.

Сомнительный союзъ съ Италіей *.

А. Вы, конечно, читали извѣстіе о заключенномъ союзѣ Италіи съ Германіей и Австріей противъ Россіи и Франціи. Вотъ вамъ и новый Наполеонъ III въ лицѣ короля Гумберта.

Б. Это извѣстіе я не считаю вполнѣ серьезнымъ. Для меня оно служитъ только подтвержденіемъ того, что наши западные сосѣди не только не намѣрены воевать съ Россіей, а боятся войны, и употребляютъ всѣ возможныя усилія, чтобы запугать насъ коалиціями. И когда подумаешь, что всѣ эти берлинскія махинаціи, распространяющіяся на Европу, Азію и Африку, поднимаются только для того, чтобы отвратить временное занятіе Болгаріи русскими, тогда поймешь, какое огромное значеніе Берлинъ придаетъ этому занятію и какъ несправедливо было его заявленіе, будто у него нѣтъ собственныхъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ, а слѣдовательно поймешь и всю важность этого занятія для русскихъ государственныхъ интересовъ. Теперь начинаетъ обнаруживаться и та роль, которая предназначена папѣ въ данныхъ махинаціяхъ и которая, какъ я вамъ говорилъ, не ограничивается воздѣйствіемъ на парламентскіе выборы. Очевидно, кромѣ его враждебнаго Россіи вліянія на католическихъ славянъ, имѣется въ виду примирить папство съ объединенной Италіей и съ его помощью взять послѣднюю на буксиръ. Положимъ, при томъ могуществѣ, которое представляетъ теперь естественный франко-русскій союзъ, итальянскія вспомогательныя войска большаго разсчета не составятъ; но я все-таки плохо вѣрю въ прочность такого противоестественнаго союза, какъ австро-итальянскій. Конечно, для Австріи

---

* Новое Время. 1887 г., № 3928.

онъ былъ бы очень полезенъ, чтобы прикрыть ея тылъ со стороны балканскихъ славянъ; но для Италіи-то какой прокъ воевать съ Россіей или Франціей? Напротивъ, естественнымъ является ея союзъ съ ними; ибо съ помощью Франціи она можетъ получить Триполи, а съ помощью Россіи—итальянскій Тироль, и, главное, Тріестъ. Не понимаю, что дѣлаютъ въ Италіи наши представители. Почему же они не дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ и не парируютъ берлинскія интриги? Вотъ что значитъ установившійся со времени Нессельроде космополитическій характеръ нашей дипломатіи и ея переходы то къ меттерниховскому, то бисмарковскому періоду. Кромѣ непосредственныхъ дипломатическихъ дѣйствій, тамъ существуетъ широкая возможность вліять на общественное мнѣніе путемъ свободной печати и раскрывать ему, куда ведутъ англо-нѣмецкія махинаціи еще не окрѣпшее итальянское единство.

А. Все это такъ. Но опять спрашиваю, можно ли при подобныхъ обстоятельствахъ рискнуть на оккупацію, хотя бы и временную?

Б. Повторяю, что не только можно, но и должно. Повторяю также, что въ виду этой оккупаціи намъ непремѣнно будутъ грозить всѣми возможными призраками, внѣшними и внутренними; ибо безъ всякой войны хотятъ отбросить насъ отъ Балканскаго полуострова. Вотъ посмотрите, въ одно прекрасное утро мы, вѣроятно, прочтемъ, что къ помянутой коалиціи приступилъ Китай, а можетъ быть и еще кто-нибудь. Въ отпоръ этимъ страшиламъ, намъ было бы небезполезно и съ своей стороны выдвинуть нѣкоторыя перспективы. Напримѣръ, въ родѣ того, что, въ случаѣ войны противъ насъ Австріи, мы уже прямо будемъ добиваться образованія изъ Сербіи, Босніи, Герцеговины и Черногоріи единаго Сербскаго королевства съ Черногорской династіей во главѣ, а также возстановленія королевствъ Хорватскаго и Чешско-моравскаго; при чемъ освобожденіе Галиціи разумѣется уже само собою. Любопытно было бы послушать, что скажутъ вѣнскіе и берлинскіе дипломаты объ этой программѣ, на которую они прямо толкаютъ насъ своими махинаціями? Но я вновь и вновь говорю, что все это не серьезныя намѣренія, а только интриги, имѣющія цѣлью отвлечь наше вниманіе отъ восточнаго вопроса. Посмотрите, какъ съ одной стороны показывая намъ намалеванныхъ драконовъ съ отверстою пастью, съ другой стороны германскій канцлеръ расточаетъ любезности. Не удивляюсь, если, между прочимъ, намъ будетъ обѣщано (конечно, въ туманной перспективѣ) обладаніе проливами; наконецъ, пожалуй, вновь будутъ повторять, что Германія ничего не имѣетъ противъ русской оккупаціи, но только для этого необходимо подождать болѣе благопріятной минуты. Главный припѣвъ пѣсни будетъ за-

ключаться въ томъ, что безъ нѣмецкаго принца Болгаріи нѣтъ спасенія! Но какъ ни искусно раскидывается паутина, а вспомнимъ старую поговорку, встрѣченную мною въ польскихъ актахъ XVI вѣка: muchy powiezli a bąk sie przebył (мухи завязали въ паутинѣ, а оводъ пробился). Русское государство—это слишкомъ большой оводъ, чтобы увязнуть въ берлинской паутинѣ.

Москва, 4 марта.

Эти письма мои, изложенныя въ формѣ разговора, имѣли главную цѣль разъяснить настоящія отношенія Берлина къ Восточному вопросу и указать на махинаціи пангерманизма. Еще въ то время, когда наша печать далека была отъ разумѣнія задней мысли его, я прямо указалъ, что послѣ изгнанія Батенберга задняя мысль австро-германской политики въ томъ и состоитъ, чтобы оттѣснить насъ отъ Балканскаго полуострова и снова водворить въ Болгаріи подручнаго ей нѣмецкаго принца. Когда я помѣстилъ эти письма, еще продолжались благопріятныя для насъ обстоятельства (со стороны франко-германскихъ отношеній), и мнѣ сдавалось, что рѣшительный образъ дѣйствія могъ бы повернуть иначе положеніе Болгарскаго вопроса; говоря объ оккупаціи, я желалъ показать, что въ данный моментъ она едва ли вызоветъ европейскую войну; въ сущности же я полагалъ, что достаточно было бы одной серьезной угрозы ею. Самая рѣчь объ этомъ предметѣ въ русской печати могла бы послужить лучшимъ отвѣтомъ на заднія мысли германской прессы и признакомъ того, что онѣ разгаданы. Когда же удобный моментъ миновалъ, оставалось только наблюдать за дальнѣйшими подходами Австро-Германіи къ ея главной цѣли, т.-е. къ водворенію нѣмецкаго принца въ Болгаріи. Мои дальнѣйшія наблюденія въ этомъ смыслѣ и предостереженія изложены въ слѣдующихъ письмахъ, помѣщенныхъ отчасти въ Новомъ Времени, отчасти въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, которыя въ это время уразумѣли истинную политику Берлина. Такъ какъ событія достаточно оправдали мои разъясненія и предупрежденія, то, надѣюсь, едва ли кто упрекнетъ меня въ излишнихъ притязаніяхъ. Сіи разъясненія, повторяю, и составляли главную цѣль моихъ писемъ.

По поводу юбилея королевы Викторіи *.

Въ іюнѣ текущаго года исполнится пятидесятилѣтіе со дня вступленія на англійскій престолъ королевы Викторіи. На сколько англичане

---

* Новое Время. 1887 г., № 4010.

въ правѣ прославлять это царствованіе и какъ они будутъ оцѣнивать его результаты для своей страны, о томъ пока предоставимъ слово имъ самимъ. Мы же, русскіе, имѣемъ всѣ основанія отнестись къ этому юбилею весьма сдержанно. Извѣстно, что означенное пятидесятилѣтіе ознаменовано для насъ постоянною и жестокою враждою Англіи противъ Россіи на юго-востокѣ Европы, въ средней Азіи и—прибавимъ—на Кавказѣ, враждою, которая вызвала двѣ русско-турецкія войны и цѣлый рядъ русскихъ военныхъ предпріятій вглубь Азіи. Такъ какъ вражда эта доселѣ не прекращается и угрожаетъ новыми войнами, то, наконецъ, пора и намъ, и англичанамъ серьезно обсудить ея настоящій смыслъ или, употребляя французское выраженіе, ея raison d'être, и подумать о способахъ ея прекращенія къ обоюдной выгодѣ двухъ великихъ народовъ.

Для означенной вражды существуютъ со стороны Англіи два главные источника: во-первыхъ, традиціонное поддержаніе Оттоманской имперіи въ Европѣ, и во-вторыхъ, постоянное опасеніе за свое владычество въ Остъ-Индіи.

Относительно перваго источника вражды, послѣ освобожденія болгаръ, мы вправѣ сказать, что онъ почти кончился. Если для насъ и остается еще pium desiderium съ этой стороны, то оно касается только ключа къ Черному морю, который желательно имѣть въ своемъ, а не въ чужомъ карманѣ. Но чтобы имѣть этотъ ключъ и сдѣлать Черное море недоступнымъ для вражескихъ флотовъ, нѣтъ никакой нужды занимать самый Константинополь. И разъ, если вражда Англіи къ Россіи прекратится, то первой не будетъ никакой надобности угрожать своимъ флотомъ нашему югу. Что же касается политической и промышленной эксплоатаціи собственно Балканскаго полуострова, то неужели англичане не видятъ, что ихъ преобладаніе въ этомъ отношеніи приходитъ къ концу и что, дѣйствуя противъ Россіи, они уже работаютъ тамъ на другихъ, т.-е. на Австро-Германію? Если въ эпоху Крымской кампаніи у насъ начали говорить, что путь въ Константинополь лежитъ чрезъ Вѣну, то послѣдняя Русско-турецкая кампанія и Берлинскій конгрессъ съ ихъ эпилогомъ, т.-е. баттенбергіадой, ясно показываютъ, что этотъ путь уже передвинулся на Берлинъ. Разграниченіе сферы вліянія между Россіей и Австріей на восточную и западную часть Балканскаго полуострова оказывается мнимымъ: Австрія или собственно стоящая за нею Германія хотятъ получить въ свое вѣдѣніе весь полуостровъ; я говорю о вѣдѣніи политическомъ и экономическомъ. Въ нашей печати нерѣдко можно встрѣтить предположеніе о томъ, что германскій канцлеръ не прочь при случаѣ приступить къ раздѣлу Австріи, чтобы присоединить ея нѣмецкія

провинціи къ Германской имперіи. Какъ еще мало понимаютъ у насъ руководителя берлинской политики! Нѣмецкія провинціи Австріи и только? А затѣмъ что? Нѣтъ, онъ менѣе всего намѣренъ отнять у нея эти провинціи, которыя, вмѣстѣ съ Габсбургскою нѣмецкою династіей, необходимы какъ орудія для германизаціи и австрійскихъ, и балканскихъ славянъ. Зачѣмъ же ему часть Австріи, когда онъ можетъ пользоваться всею Австро-Венгріей въ совокупности и когда, по его плану, цѣлямъ германизма должны служить не одни нѣмцы: подъ австрійскимъ знаменемъ для этихъ цѣлей утилизуются силы мадьяръ и австрійскихъ славянъ; а теперь онъ заставляетъ служить тѣмъ же цѣлямъ и румынъ, и турокъ, и балканскихъ славянъ. Нѣтъ, Австрія такое удобное и такое сподручное орудіе для нѣмецкаго Drang'а на востокъ и юго-востокъ Европы, лучше какого нельзя было бы и придумать. Теперь уже поздно говорить о томъ, что присоединеніемъ новыхъ славянскихъ провинцій Австрія сама себя ослабляетъ. Одна Австрія, да; но Австро-Германія безъ труда съ ними справится. Мало того, Германія толкаетъ и будетъ толкать Австрію къ дальнѣйшимъ захватамъ на Балканскомъ полуостровѣ уже потому, что, благодаря имъ, Австрія все болѣе и болѣе будетъ впадать въ зависимость отъ Германіи. Я полагаю, что объ оккупаціи Босніи и Герцеговины на берлинскомъ конгрессѣ Бисмаркъ въ сущности болѣе хлопоталъ, чѣмъ самъ Андраши. (Если нѣмцы при настоящемъ болгарскомъ кризисѣ не склоняютъ турокъ на оккупацію Восточной Румеліи, то, конечно, они это дѣлаютъ не изъ любви къ Болгаріи, но потому, что не кого другого, а именно себя самихъ считаютъ наслѣдниками Турціи на Балканскомъ полуостровѣ). Теперь на сцену выступаетъ движеніе Австріи къ Салоникамъ; но мы отнюдь не должны думать, что это движеніе есть конечная цѣль Австро-Германіи съ той стороны. Слѣдующая затѣмъ цѣль будетъ уже захватъ проливовъ. Да, захватъ проливовъ и возможность запереть Россіи не только выходы въ Средиземное море, но и угрожать ей въ самомъ Черномъ морѣ. А между тѣмъ, если вмѣсто Америки нѣмецкая колонизація направится на юго-востокъ Европы (на юго-западъ Россіи она уже отчасти направилась), то его германизація не представитъ большаго затрудненія. Впослѣдствіи, когда удастся ослабить Россію и занять прочныя приморскія позиціи, тогда Германія сброситъ съ себя личину; тогда турки и англичане узнаютъ, чего стоила имъ нѣмецкая дружба. Можетъ быть мои предвѣщанія многимъ покажутся гаданіями о слишкомъ отдаленномъ будущемъ. Нѣтъ, въ наши времена нельзя разсчитывать на большую отдаленность. Стоитъ только вспомнить, какое скромное положеніе занимала въ Европѣ Пруссія съ небольшимъ двадцать лѣтъ назадъ, и срав-

нить съ настоящимъ ея значеніемъ. Это именно тѣ люди, которые куютъ желѣзо, пока оно горячо.

Неужели англійскіе государственные дѣятели и публицисты, имѣющіе репутацію опытныхъ, предупредительныхъ политиковъ, не видятъ и не понимаютъ своей подчиненной роли на Балканскомъ полуостровѣ? Дѣйствительно, едва ли они ее понимаютъ. Для примѣра, укажемъ хотя на статьи Чарльза Дилька и Эдуарда Дайсея. У нихъ мы не находимъ именно яснаго, здраваго взгляда на отношенія Россіи къ Англіи и къ своимъ сосѣдямъ, Германіи къ Австріи и отношенія нѣмцевъ къ славянамъ.

Еще не очень давно Англія, заодно съ Россіей, боролась противъ излишняго преобладанія Франціи въ Европѣ (конецъ прошлаго и начало настоящаго столѣтія), и, можетъ быть, недалеко то время, когда та же Англія на самой себѣ почувствуетъ всю тяжесть таковаго же преобладанія нѣмцевъ,—преобладанія, которому она же сама теперь способствуетъ своею галлофобскою и въ особенности руссофобскою политикою. Въ этомъ отношеніи немалое участіе принадлежитъ именно королевѣ Викторіи, пятидесятилѣтній юбилей которой Англія собирается праздновать. Ея руссофобія въ значительной степени коренится не въ государственныхъ англійскихъ интересахъ, а въ ея полунѣмецкомъ происхожденіи и чисто нѣмецкихъ симпатіяхъ, какъ извѣстно, усиленныхъ вліяніемъ покойнаго ея супруга Альберта, нѣмецкаго принца и ультра-нѣмецкаго патріота. Надѣемся, что такіе государственные люди, какъ Гладстонъ, понимаютъ англійскіе интересы на Востокѣ отнюдь не хуже Биконсфильдовъ и Салисбюри; но такъ какъ онъ не хочетъ быть орудіемъ въ рукахъ Германо-Австріи, то понятно, почему королева всегда предпочитала ему политическихъ его соперниковъ. Вообще у насъ доселѣ какъ-то мало обращали вниманія на постоянное распространеніе нѣмецкихъ династій въ другихъ, не нѣмецкихъ странахъ, и на солидарныя дѣйствія этихъ династій, иногда прямо противуположныя интересамъ ихъ народовъ. Кромѣ Англіи укажу на примѣры Бельгіи и Румыніи. Почему Бельгія въ борьбѣ Франціи съ Германіей склоняется болѣе на сторону послѣдней и, повидимому, предпочитаетъ быть поглощенной скорѣе нѣмцами-протестантами, чѣмъ единоплеменными и единовѣрными французами? Конечно, нѣмецкая династія тутъ имѣетъ немалую долю вліянія. Еще нагляднѣе дѣйствуетъ такая же династія въ Румыніи. Чтобы достигнуть своего національнаго единства и образовать болѣе прочный государственный организмъ, Румыніи необходима Трансильванія, а слѣдовательно союзъ съ Россіей противъ Австріи; въ дѣйствительности выходитъ наоборотъ: политика ея, получающая направленіе изъ Берлина, подчинена

австрійскимъ интересамъ и враждебна Россіи. (Благодаря бездѣтности князя Гогенцоллерна, Россія впослѣдствіи получаетъ возможность исправить эту аномалію). Къ чему повело водвореніе Баттенберга въ Болгаріи, слишкомъ извѣстно. Понятно, что теперь вся политика Австро-Германіи, при дѣятельномъ участіи англійской королевы, направлена къ тому, чтобы поддержать возникшее усиліями Баттенберга враждебное отношеніе Болгаріи къ Россіи и снова водворить тамъ нѣмецкаго принца. Но тѣмъ менѣе Россія можетъ на это согласиться, не можетъ она также пренебречь интересами православія на юго-востокѣ Европы и вновь допустить тамъ неправославнаго князя. Напомнимъ еще попытку Берлина посадить одного изъ Гогенцоллерновъ на испанскій престолъ,—попытку, вызвавшую Франко-прусскую войну 1870—71 гг. Наполеонъ III поплатился своимъ трономъ, но все-таки помѣшалъ водворенію нѣмецкой династіи въ сосѣдней странѣ. Впрочемъ впослѣдствіи Альфонсъ XII, воспитанный въ Вѣнѣ и вступившій въ бракъ съ австрійской эрцгерцогиней, все-таки подпалъ нѣмецкому вліянію; а теперь, когда нѣмка сдѣлалась регентшею въ Испаніи, тамъ еще яснѣе для Франціи сказывается это вліяніе.

Итакъ со стороны королевы Викторіи трудно ожидать какой либо перемѣны относительно восточной политики и тѣмъ болѣе, что къ ея нѣмецкимъ симпатіямъ присоединились еще родственныя связи съ берлинскимъ дворомъ. (А мы знаемъ, какъ мастерски пользуется Бисмаркъ родственными связями). Къ счастію для насъ, королева въ Англіи не абсолютна и не можетъ слишкомъ явно идти въ разрѣзъ съ истинными интересами государства. Вотъ тутъ-то и получаетъ большую важность второй источникъ англійской вражды, т.-е. опасеніе за Индію. Сами англичане, какъ извѣстно, своимъ вѣчнымъ страхомъ за нее и своими дѣйствіями въ восточномъ вопросѣ, такъ сказать, постоянно толкали насъ къ Средней Азіи и заставляли все далѣе и далѣе двигаться, по направленію именно къ Индіи. И вотъ теперь насъ раздѣляетъ одинъ Афганистанъ. Россіи стоитъ только активно поддержать тамъ анти-британскія партіи, и первый ударъ уже готовъ. Настоящее же время для того довольно удобное. Мнѣ не совсѣмъ ясны тѣ условія, въ силу которыхъ англичане размежовываютъ насъ съ афганами. Почему сами они опредѣляютъ свои границы съ ними безъ всякаго посредства, а мы этого не можемъ? Признала ли Россія оффиціально Афганистанъ англійскимъ вассальнымъ владѣніемъ, на этотъ счетъ я не помню, чтобы были обнародованы какіе либо документы. Надобно надѣяться, что г. профессоръ Мартенсъ современемъ эти документы издастъ, если они существуютъ. Во всякомъ случаѣ позволительно желать, чтобы Россія пришла къ какимъ либо соглашеніямъ съ

этой стороны только подъ условіемъ англійскаго союза съ нею въ восточномъ вопросѣ. Говорю о союзѣ, даже англійскаго нейтралитета было бы слишкомъ мало за спокойное обладаніе Индіей. Конечно надобно разумѣть не простыя обѣщанія будущихъ благъ, а немедленную и радикальную перемѣну образа дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ, и первымъ дѣломъ при выборѣ болгарскаго князя. Франція служитъ нагляднымъ примѣромъ, какъ обстоятельства заставили ее понять наконецъ, что Россія ея естественный союзникъ. Если Россія сдѣлаетъ еще одинъ рѣшительный шагъ въ Средней Азіи, то и Англія тоже пойметъ наконецъ, что только въ союзѣ съ Россіей ей некого бояться. Тогда образуется тройственный англо-франко-русскій союзъ, который положитъ предѣлъ чрезмѣрнымъ притязаніямъ германизма и надолго обезпечитъ за Европою миръ и спокойствіе. Здравая выжидательная политика не есть политика бездѣйствія. Какъ въ военномъ дѣлѣ пассивная оборона всегда оканчивается полнымъ проигрышемъ, такъ и пассивная политика въ концѣ концовъ терпитъ пораженіе. По моему крайнему разумѣнію, если и въ настоящее время не воспользоваться Средней Азіей, послѣ пожалуй будетъ поздно. Не пришлось бы потомъ, по мѣткому выраженію покойнаго Скобелева, заключить о нашихъ затратахъ тамъ, что «овчинка не стоила выдѣлки».

Москва, 26 апрѣля.

По поводу ареста Шнебеле *.

Въ виду тревожныхъ симптомовъ, вызванныхъ этимъ вопіющимъ арестомъ, позволю себѣ высказать свое соображеніе или точнѣе предостереженіе для русской читающей публики. Насколько я понимаю это дѣло, отнюдь не слѣдуетъ придавать ему опасный для европейскаго мира характеръ. Въ другомъ мѣстѣ, истекшею зимой, я уже высказалъ мнѣніе, что парламентскій шумъ, поднятый въ Берлинѣ по вопросу о септеннатѣ, и сопровождавшіе его крики нѣмецкихъ газетъ о войнѣ между Германіей и Франціей, были только маневромъ для отвлеченія нашего вниманія отъ Восточнаго вопроса. Но вотъ септеннатъ достигнутъ, и толки о войнѣ умолкли; въ то же время Россія освободила себя отъ трехъ-императорскаго союза. Однако наступившее затишье, позволяющее намъ снова обратить свое вниманіе на юго-востокъ Европы и на дѣла Средней Азіи, не въ

* Москов. Вѣдом. 1887 г., № 106.

видахъ руководителя берлинской политики. Надобно было подогрѣть толки о войнѣ съ Франціей, но въ то же время устроить такой поводъ, который къ дѣйствительной войнѣ не поведетъ. Является казусъ со Шнебеле, но это не casus belli, и, когда онъ достаточно сослужитъ свою службу, тотчасъ же исчезнетъ со сцены. Тутъ политическая и довольно азартная игра основана на тщательномъ изученіи противниковъ. Великій берлинскій маэстро отлично знаетъ, что можно позволить себѣ безнаказанно и чего нельзя. Конечно это еще не послѣдній его фокусъ по Восточному вопросу и трехъ-императорскому союзу. Поживемъ, увидимъ.

Москва, 18 апрѣля.

Еще предостереженіе *.

Недавно пришлось мнѣ сдѣлать въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* предостереженіе читающей публикѣ о томъ, чтобъ она не слишкомъ обращала вниманіе на инцидентъ Шнебеле, такъ какъ онъ очевидно былъ затѣянъ съ тою же цѣлью отвлекать наше вниманіе отъ нѣмецкаго Drang'а на Балканскій полуостровъ, съ какою вообще поднимался въ теченіе прошлой зимы шумъ о предстоящей яко бы войнѣ между Германіей и Франціей. Но случилось такъ, что предостереженіе мое появилось вмѣстѣ съ телеграммой о прекращеніи этого инцидента, который все-таки недѣли три служилъ для означенной цѣли. Прошлую свою замѣтку я закончилъ словами что это, конечно, не послѣдній фокусъ германскаго канцлера для достиженія его видовъ на востокѣ Европы. И дѣйствительно, едва онъ окончился, какъ начались мнимыя разоблаченія изъ исторіи печальной для насъ памяти Берлинскаго конгресса. И вновь вниманіе печати занято на нѣсколько недѣль. Какого сорта эти разоблаченія, показываютъ уже однѣ ссылки на оффиціальные протоколы конгресса, хотя развѣ ребенку неизвѣстно, что на засѣданіяхъ вопросы и резолюціи по нимъ только формуловались, а ихъ подготовка и рѣшенія слагались заранѣе, въ интимныхъ переговорахъ и соглашеніяхъ. Не думаю, чтобы Бисмаркъ дѣйствительно считалъ насъ настолько наивными, что мы можемъ убѣдиться его мнимыми разоблаченіями. Тутъ дѣло въ выигрышѣ времени для обработки своихъ интересовъ на юго-востокѣ Европы. Нѣсколько недѣль пройдетъ въ жаркой полемикѣ о настоящихъ виновникахъ Боснійско-Герцеговинской оккупаціи, а между тѣмъ навѣрное подыскивается какой-ни-

* Моск. Вѣдом 1887 г., № 128

будь новый, и вѣроятно болѣе серьёзный фокусъ для дальнѣйшаго отвлеченія насъ какъ отъ Балканскаго полуострова, такъ и отъ Средней Азіи. У насъ готовы вѣрить тому, что Бисмаркъ не прочь втянуть Россію въ войну съ Англіей, чтобы устремить наше вниманіе въ Среднюю Азію вмѣсто юго-восточной Европы. Это такое же заблужденіе, какъ и встрѣчавшееся прошлою зимой мнѣніе, будто онъ желаетъ втянуть насъ въ войну съ Австріей. Какая же была бы выгода для Нѣмцевъ, если бы мы энергическимъ ударомъ въ Афганистанѣ заставили Англичанъ повернуть иначе свою политику въ Восточномъ вопросѣ, то-есть если бы вмѣсто служенія Нѣмцамъ они сдѣлались бы тамъ нашими союзниками? * Хотя Бисмаркъ и пугаетъ войной съ Англіей и даже берется уладить наши отношенія съ нею, но кто же не знаетъ что Англичане никогда въ одиночку и не рѣшатся на войну съ нами. Повторяю, если мы теперь не воспользуемся Среднею Азіей, послѣ будетъ поздно. Представьте что въ теченіе слѣдующихъ 10—15 лѣтъ дѣла пойдутъ въ томъ же направленіи, причемъ въ Болгаріи снова засядетъ одинъ изъ нѣмецкихъ принцевъ; въ результатѣ будетъ полное господство Нѣмцевъ на юго-востокѣ Европы и почти полное безсиліе тамъ Англичанъ. Тогда въ Восточномъ вопросѣ союзъ съ Англіей принесетъ намъ столько же пользы сколько въ настоящее время могъ бы принести, примѣрно, союзъ съ Голландіей.

Москва, 5 мая.

Не новый ли фокусъ? **

Для человѣка, привыкшаго къ историко-критическимъ пріемамъ, при всякомъ явленіи прежде всего возникаетъ вопросъ: откуда оно? Какія причины его породили? Такъ и относительно перемѣны министерства въ Сербіи, означающей яко бы освобожденіе ея отъ австрійской опеки и возвращеніе къ русскому вліянію. Но что же такое произошло въ высшихъ политическихъ сферахъ Европы, что послужило бы толчкомъ къ такой рѣзкой перемѣнѣ? Ищу, и ничего новаго въ этихъ сферахъ не нахожу. Поэтому рѣшаюсь опять предостеречь патріотическую часть русской печати противъ извѣстныхъ махинацій, имѣющихъ цѣлью снова уловить

---

*) Подобно тому какъ Пруссія, побивши свою старую соперницу Австрію, заставила ее идти у себя на буксирѣ.

** Москов. Вѣд. 1887 г., № 164.

Россію въ союзъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ парализовать ея дѣйствія на юго-востокѣ Европы и въ Средней Азіи. Насколько прочно руссофильское министерство Ристича, конечно никто изъ насъ не знаетъ. Но что́ если оно понадобилось только на время, для того чтобы произвести нужное впечатлѣніе или достичь какой-нибудь спеціальной цѣли? А затѣмъ, когда его признаютъ болѣе не надобнымъ, то устранятъ безо всякихъ церемоній. На будущемъ свиданіи во Франценсбадѣ можетъ быть берлинскій премьеръ опять первымъ сдѣлаетъ визитъ (русскому министру). Но развѣ это какая-нибудь существенная уступка со стороны тѣхъ, которые ни одного лишняго шага не ступятъ даромъ? Если австрійская публицистика мечетъ громы противъ новаго сербскаго министерства, а берлинская читаетъ нравоученія австрійской политикѣ по отношенію къ Сербамъ, развѣ это не отзывается извѣстнымъ распредѣленіемъ ролей? Точно также въ Болгаріи теперь позволяется (а пожалуй и внушается) печати дѣлать нападки на Нѣмцевъ; отчего, конечно, ихъ нисколько не убудетъ. Вотъ когда на болгарскомъ престолѣ водворится православный князь съ необходимыми матеріальными гарантіями для Россіи, тогда и намъ можно будетъ вздохнуть свободнѣе за предстоящее разрѣшеніе Восточнаго вопроса. А до того времени мы ни на одну минуту не должны забывать, qualis artifex держитъ въ своихъ рукахъ нити европейской политики. *

Москва, 11 іюня.

---

* Обращаю вниманіе читателей на это мое предположеніе о непрочности руссофильскаго (яко бы) министерства Ристича. Въ декабрѣ того же 1887 года, при возникшихъ натянутыхъ отношеніяхъ между Россіей и Австро-Венгріей, министерство Ристича уже покончило свое существованіе.

II.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЯ РѢЧИ.

По поводу Тырновскаго выбора *.

Около трехъ недѣль тому назадъ, когда совершилась перемѣна министерства въ Сербіи, въ *Моск. Вѣд.* напечатана была моя замѣтка (озаглавленная «Не новый ли фокусъ?») въ которой я намекнулъ на вѣроятную связь этой перемѣны съ готовящимся избраніемъ болгарскаго князя. Въ настоящую минуту эта вѣроятность, по моему крайнему разумѣнію, уже сдѣлалась фактомъ. Спрашиваю опять: почему же благопріятная для русскаго вліянія перемѣна въ Сербіи понадобилась именно передъ выборами въ Болгаріи?—выборами, въ результатѣ которыхъ заранѣе не было никакого сомнѣнія для тѣхъ, кто наблюдаетъ дѣйствительныя, а не показныя пружины современной намъ европейской политики. Въ *Московскихъ* же *Вѣдомостяхъ* была помѣщена чья-то совершенно справедливая жалоба на то, что иностранныя телеграфныя агентства принуждаютъ русское общество постоянно слѣдить за препровожденіемъ времени и болтовней болгарскихъ лжеправителей. Въ самомъ дѣлѣ, какое намъ дѣло до того, что изрекъ Стамбуловъ, куда поѣхалъ Муткуровъ, что думаетъ Радославовъ и т. п. Къ этой жалобѣ прибавлю слѣдующее. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ мы чуть ли не каждую недѣлю читали извѣстія о какихъ-то возникшихъ распряхъ между лжеправителями и даже о томъ, будто нѣкоторые изъ нихъ настаиваютъ на необходимости примириться съ Россіей. Все это скорѣе похоже на тенденціозныя сплетни, имѣющія цѣлью выиграть время для упроченія враждебнаго Россіи порядка. Еще разъ напомню для русской печати, что распоряжающаяся въ Болгаріи шайка не состо-

* Москов. Вѣд. 1887 г., № 180.

итъ изъ дѣятелей самостоятельныхъ, что это простыя маріонетки въ рукахъ англо-австро-германскихъ дипломатическихъ агентовъ, вполнѣ завладѣвшихъ теченіемъ дѣлъ послѣ того, какъ русскіе агенты удалились изъ страны. Нѣкоторые наивные люди даже повторяютъ отзывы нѣмецкихъ и англійскихъ газетъ, что регенты съумѣли до сихъ поръ поддержать общественный порядокъ; но, во-первыхъ, та ловкость, съ которою предупреждаются и подавляются всякія руссофильскія движенія, не ихъ ума дѣло, а тѣхъ, кто ими руководитъ и подсказываетъ имъ, то-есть помянутыхъ агентовъ; во-вторыхъ, порядокъ, основанный на палочной командѣ и вообще на системѣ гнуснаго террора еще не есть порядокъ. Вотъ и теперь тырновское лжесобраніе изволило выбрать нѣмецкаго принца на болгарскій престолъ. Но развѣ мы не знаемъ, что объ этомъ выборѣ уже давно шли переговоры въ Вѣнѣ, конечно при замаскированномъ участіи Берлина? Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что посредствомъ тырновскаго лжесобранія герцогъ Кобургскій выбранъ въ сущности все тѣми же англо-австро-германскими агентами. Причемъ же тутъ Болгарскій народъ, когда закупленные лжеправители продаютъ его Нѣмцамъ?

Для австро-германскихъ видовъ на полное подчиненіе себѣ Балканскаго полуострова весьма желательно поставить Нѣмца во главѣ Болгаріи, тогда какъ для русскихъ интересовъ и для самобытнаго развитія православныхъ балканскихъ народовъ ничего не можетъ быть вреднѣе иновѣрныхъ Нѣмцевъ-правителей. Не говоря о прежнихъ примѣрахъ, эту истину слишкомъ наглядно подтвердили Баттенбергъ въ Болгаріи и Карлъ Гогенцоллернъ въ Румыніи. При томъ Россія заранѣе объявила незаконнымъ настоящее Тырновское собраніе, а слѣдовательно и всякое его рѣшеніе. И вотъ какъ разъ передъ выборомъ Кобурга, чтобы позолотить сію пилюлю, какъ бы по мановенію жезла, въ Сербіи является руссофильское министерство (да еще съ перспективой какого-то событія въ королевской семьѣ для вящаго нашего вниманія). Не будетъ ничего удивительнаго если намъ предложатъ такую курьезную комбинацію: такъ какъ Сербія вступила теперь въ сферу русскаго вліянія, то Болгарію вы должны предоставить австрійскому вліянію, то-есть признать выборъ Кобурга. Разумѣется, все это одна фикція: во-первыхъ, прочность новаго министерства въ Сербіи ничѣмъ не гарантирована, а, во-вторыхъ, главная суть Восточнаго вопроса для насъ заключается именно въ Болгаріи; вмѣстѣ съ Румыніей она совершенно отрѣзываетъ отъ насъ Сербію. Едва ли мы будемъ далеки отъ истины, если въ общихъ чертахъ заранѣе обозначимъ тѣ пріемы, съ помощію которыхъ берлинскій магъ и волшебникъ будетъ вести это дѣло далѣе. Сначала онъ покажетъ нѣкоторое *явное* неодобре-

ніе тому, что Болгары осмѣлились выбрать князя безъ согласія Россіи и что князь принялъ такой выборъ. Затѣмъ онъ снисходительно возьметъ на себя *трудную* задачу быть посредникомъ въ переговорахъ, конечно не столько съ принцемъ, сколько съ покровительствующими ему державами, то-есть Австріей и Англіей. Въ результатѣ получится сообщеніе, что Болгары настаиваютъ на своемъ избранникѣ и несправедливо было бы идти противъ народнаго желанія; что посему принцъ упорствуетъ, Австрія же и особенно Англія рѣшительно его поддерживаютъ; поэтому Россіи необходимо де войти въ *соглашеніе*, причемъ она получитъ яко бы разныя гарантіи добрыхъ къ ней отношеній. А можетъ быть найдется и такое внушеніе: предоставьте молъ принцу самому расплачиваться за свое неблагоразуміе; такъ какъ по всей вѣроятности его постигнетъ участь Баттенберга. Это будетъ въ родѣ извѣстной фразы, обращенной къ русскимъ дипломатамъ на Берлинскомъ конгрессѣ, по поводу австрійской оккупаціи Босніи и Герцеговины: «почему бы вамъ не дать Австріи зарваться?» Главный же припѣвъ всѣхъ подобныхъ переговоровъ будетъ все тотъ же, то-есть: только де признаніемъ совершившагося факта Россія докажетъ свое миролюбіе и обезпечитъ европейскій миръ (хотя Австро-Германія, а тѣмъ менѣе Англія воевать съ нами теперь отнюдь не намѣрены. Любопытно было бы узнать, почему не эти державы, а одна только Россія должна постоянно доказывать свое миролюбіе). * Между тѣмъ время будетъ все идти, и можетъ наступить такой моментъ, когда мы, утомленные безплодною дипломатическою канителью или по другимъ какимъ причинамъ, махнемъ рукой и на Кобурга, и на всѣхъ Балканскихъ Славянъ. Вотъ, по моему мнѣнію, на что разсчитываютъ Нѣмцы и вотъ какъ въ нашъ вѣкъ они обдѣлываютъ свои дѣла. Мы же думаемъ, что въ данномъ случаѣ, какъ и въ прошломъ августѣ, со стороны Россіи было бы достаточно одного сказаннаго вовремя Quos ego!

Москва, 29 іюня.

Азартная политическая игра **.

Напомню читателямъ «Новаго Времени» то, что я говорилъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ о берлинскихъ махинаціяхъ и о томъ, что главная, хотя и скрытая, ихъ цѣль—это устройство нѣмецкихъ дѣлъ

* Опять обращаю вниманіе читателей на то, что эти мои предваренія потомъ сбылись почти буквально. Германскій канцлеръ даже за-одно съ русской дипломатіей *протестовалъ* противъ прибытія Кобурга въ Болгарію.

** Новое Время. 1887, № 4103.

на Балканскомъ полуостровѣ, вопреки неоднократному заявленію Бисмарка, будто у Германіи тамъ нѣтъ прямыхъ интересовъ. Въ разгаръ газетныхъ и парламентскихъ толковъ о близкой войнѣ съ Франціей я взялъ на себя смѣлость утверждать, что это только *фокусы* для отвлеченія нашего вниманія отъ юго-востока Европы. Въ виду якобы грозившей франко-германской войны, мы объявили выжидательную политику. Толки о войнѣ, однако, прекратились не вдругъ; понадобился еще фокусъ со Шнебелемъ, который и ускорилъ перемѣну французскаго министерства, съ удаленіемъ Буланже; что и требовалось доказать, чтобы парализовать дальнѣйшій подъемъ духа во Франціи и охладить слишкомъ громко проявлявшіяся симпатіи между французами и русскими. При семъ случаѣ гг. Греви и Гербетъ явились усердными пособниками германскаго канцлера. Затѣмъ призракъ мнимой войны устраненъ, пока въ немъ не представится новая надобность; оставалося еще нѣкоторое время его хвостъ въ видѣ процесса о французскихъ шпіонахъ. * Берлинскія махинаціи видимо начали повертываться въ сторону Болгаріи, но не прямо, а разными извилинами; таковы: газетная полемика, старавшаяся доказать невинность германскаго канцлера въ дѣлѣ австрійской оккупаціи Босніи и Герцеговины; внезапная (и едва ли прочная) перемѣна сербскаго министерства въ лестномъ для Россіи смыслѣ; газетная агитація противъ русскаго государственнаго кредита, и пр. Всѣ эти маневры завершаются теперь новымъ избраніемъ нѣмецкаго принца на болгарскій престолъ (на каковую конечную цѣль Берлина я имѣлъ честь постоянно указывать въ своихъ письмахъ). Однако и этому фокусу еще предстоятъ разные фазисы.

Началось съ порядочной путаницы въ телеграфныхъ извѣстіяхъ и даже съ полемики между германскою и австрійскою печатью: то глава семьи Кобурговъ уже далъ свое согласіе, то еще не давалъ; по однимъ— новоизбранный есть австрійскій принцъ, по другимъ—германскій, отсюда вопросъ: какой императоръ долженъ дать ему санкцію, Францъ-Іосифъ или Вильгельмъ? Бисмаркъ пока не высказывается положительно; по всей вѣроятности онъ предварительно выразитъ неодобреніе тырновскому выбору въ виду положенія, занятаго Россіей по отношенію къ настоящему лже-правительству Болгаріи. Между тѣмъ, только наивные люди могутъ

*) Только инцидентъ съ нѣмецкимъ лѣсничимъ Кауфманомъ, который застрѣлилъ французскаго офицера близъ пограничной линіи, очевидно былъ не преднамѣренный, а случайный. За то какого переполоху онъ надѣлалъ! И какъ поспѣшило Германское правительство дать всѣ нужныя объясненія и удовлетвореніе. Это то и показало, что оно въ дѣйствительности было далеко отъ намѣренія воевать. *Поздн. прим.*

разсуждать объ этихъ лже-правителяхъ, какъ о дѣятеляхъ самостоятельныхъ. Повторяю сказанное прежде: они суть не болѣе какъ послушное орудіе въ рукахъ англо-австро-германскихъ дипломатическихъ агентовъ. И все, что доселѣ дѣлалось въ Болгаріи, все это исходило отъ тѣхъ же агентовъ, съ системой палочнаго террора включительно. Ихъ искусству въ политической интригѣ принадлежитъ въ особенности дѣло усмиренія и предупрежденія всѣхъ руссофильскихъ движеній въ странѣ, а отнюдь не Стамбуловымъ, Муткуровымъ, Радославовымъ и прочей шайкѣ, продающей свое отечество нѣмцамъ. Выборъ Кобурга давно уже подготовлялся Вѣною и Лондономъ, при несомнѣнномъ участіи Берлина, и выборъ этотъ произведенъ въ тотъ моментъ, который въ Берлинѣ сочтенъ наиболѣе удобнымъ, т.-е. по окончаніи всѣхъ помянутыхъ маневровъ и не дожидаясь какого либо непредвидѣннаго осложненія. Но такъ какъ Берлинъ изъ-за болгарскаго князя отнюдь не желаетъ открытаго разрыва съ Россіей, то онъ и не выступитъ сразу и рѣшительно за признаніе выбора, а будетъ добиваться этого признанія отъ Россіи разными, извилистыми путями. Опять начнетъ дѣйствовать якобы безкорыстное посредничество между Россіей и Англо-Австріей; при чемъ искусно будутъ выдвигаться разныя затрудненія со стороны будто бы самихъ болгаръ; а въ концѣ концевъ будетъ предложено соглашеніе, подкрѣпленное разными обѣщаніями и льстивыми увѣреніями. Разумѣется, вся эта политическая игра съ передержками основана на знаніи характеровъ и направленій и на увѣренности, что Россія не выйдетъ изъ своего чисто выжидательнаго положенія. Чтобы укрѣплять ее въ этомъ положеніи, будутъ постоянно повторяться старые припѣвы: что она докажетъ свое миролюбіе и обезпечитъ европейскій миръ (признаніемъ Кобурга), что этотъ пресловутый миръ зависитъ теперь только отъ воли одного человѣка.... и т. д. Конечно, Россія могла бы немедленно повернуть дѣло совсѣмъ иначе, заявивъ, что теперь очередь Австро-Германіи доказывать свое миролюбіе и, отказавшись отъ всякой поддержки незаконнаго тырновскаго выбора, не препятствовать выбору православнаго князя; что Россія рядомъ съ нѣмецкимъ принцемъ въ Румыніи, и послѣ Баттенберга, не можетъ допустить таковаго же принца въ Болгаріи безъ вопіющаго нарушенія, какъ собственныхъ своихъ интересовъ, такъ и интересовъ православныхъ балканскихъ народовъ. Прибавлю, что разсчеты на содѣйствіе Турціи должны быть отброшены: Турція будетъ лавировать, но въ сущности останется пока на буксирѣ у нѣмцевъ и англичанъ.

Хорошо въ нужный моментъ имѣть руки свободными отъ неестественныхъ союзовъ; но если всѣ удобные для дѣйствія моменты пропускать

съ цѣлью имѣть постоянно свободныя руки, то несомнѣнно враги постараются широко эксплоатировать такую политику. Посмотрите на ту же Англію: никакія затрудненія въ Ирландіи, Египтѣ, Афганистанѣ и т. п. не связываютъ ея руки для дѣйствія одновременно въ самыхъ разнообразныхъ пунктахъ, и при самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ.

Москва, 14 іюля, 1887 г.

Вскорѣ затѣмъ Кобургскій принцъ прибылъ въ Софію и возсѣлъ на Болгарскомъ престолѣ, не дожидаясь оффиціальнаго признанія со стороны Европейскихъ державъ и самой Порты. Тогда сами собой прекратились и мои письма, такъ какъ они имѣли своею задачею предупредить, что задняя цѣль австро-германской политики состоитъ въ новомъ водвореніи нѣмецкаго принца въ Болгаріи, а сіе послѣднее отдаетъ весь Балканскій полуостровъ въ руки пангерманизма и окончательно вытѣсняетъ оттуда русское вліяніе. Эти письма мои явились одиночною попыткою противодѣйствовать тому вліянію на дальнѣйшій ходъ событій, которое должна была оказать откровенно объявляемая русскою печатью политика выжиданія. Надѣюсь, послѣдующіе факты достаточно подтвердили мою главную мысль, что поднятый нѣмецкими газетами шумъ о войнѣ Германіи съ Франціей былъ разсчитанъ именно на то, чтобы произвести перемѣны во Французскомъ правительствѣ (собственно удалить генерала Буланже изъ министерства), а въ то же время отвлечь наше вниманіе отъ Балканскаго полуострова и побудить къ выжиданію, и что симъ выжиданіемъ австрогерманская политика отлично воспользуется для устройства своихъ дѣлъ на этомъ полуостровѣ. За одно съ нѣкоторою частью нашей публицистики, пытался я возражать и противъ англо-русской разграничительной коммиссіи въ Афганистанѣ. По сему поводу укажу на фактъ, въ свое время не замѣченный нашею печатью. Выбранный Тырновскимъ лжесобраніемъ, Кобургъ почти цѣлый мѣсяцъ медлилъ прибытіемъ въ Софію, яко-бы колеблясь въ виду несогласія Россіи на его избраніе. Но какъ только была заключена англо-русская разграничительная конвенція, онъ тотчасъ отправился въ Болгарію. Для меня по крайней мѣрѣ, ясно было что между Берлиномъ, Лондономъ и Вѣною по сему поводу какъ бы существовало какое-то соглашеніе: Берлинъ и Вѣна выжидали съ отправкою Кобурга, чтобы не помѣшать своимъ лондонскимъ друзьямъ.

Почему на сей разъ выборъ остановился на Фердинандѣ Кобургѣ, а не на комъ-либо изъ многочисленныхъ протестанскихъ принцевъ Германіи, также не трудно догадаться. Какъ австрійскій принцъ, онъ являлся будто бы постороннимъ человѣкомъ для Берлина и давалъ сему послѣднему возмож-

ность отклонять русскіе протесты въ сторону Австріи; а какъ католикъ, онъ находитъ поддержку въ Римской куріи, которую, какъ извѣстно, Бисмаркъ старается привлечь къ союзу съ пангерманизмомъ противъ славянства. Наконецъ какъ родственникъ по матери французскимъ Орлеанамъ, Кобургъ далъ Бисмарку возможность объяснять его водвореніе въ Болгаріи какою-то орлеанскою интригою. Уже тотчасъ за прибытіемъ его въ Софію появились въ нѣмецкой печати намеки на эту миѳическую интригу. А потомъ, когда обнаружены были документы, касающіяся предварительныхъ тайныхъ сношеній Кобурга съ германской дипломатіей, со стороны сей послѣдней документы эти объявлены подложными, т.-е. произведеніемъ все той же миѳической интриги Орлеановъ. Вотъ къ чему приводитъ иногда азартная политическая игра! Только благодаря деликатности Русскаго правительства, согласившагося считать эти документы подложными, игрокъ вышелъ изъ своего затрудненія.

Какъ прошлой зимой нѣмецкая печать подняла шумъ о предстоявшей яко бы немедленной войнѣ съ Франціей, такъ съ начала настоящей зимы (т.-е. съ ноября 1887 года) она опять, какъ бы по данному знаку, заговорила о близкой войнѣ, которую Россія будто бы намѣрена начать противъ Австро-Венгріи, и по моему крайнему разумѣнію, опять съ заднею мыслію запугать наше общественное мнѣніе и нашу печать кровавыми призраками, отвлечь серьезное вниманіе отъ Балканскаго полуострова, заставить насъ оправдываться и снова увѣрять въ своемъ миролюбіи; а между тѣмъ выиграть время для упроченія своихъ германизаторскихъ тамъ начинаній. Рядомъ съ призракомъ Австро-Русской войны, та же нѣмецкая печать стала выдвигать и призракъ Польскаго вопроса. И нельзя сказать, чтобы эти повторительные маневры пока недостигали своей цѣли. Русская публицистика, по своей малой зрѣлости, и на сей разъ поддалась подобнымъ маневрамъ; она слишкомъ усердно опровергала обвиненія противниковъ; тогда какъ ей слѣдовало ихъ самихъ выставлять нарушителями европейскаго мира и виновными въ могущихъ произойти важныхъ событіяхъ. Кто оправдывается, тотъ уже невольно уступаетъ, и кто раскрываетъ свои карты противнику, конечно большею частію будетъ въ проигрышѣ. Впрочемъ положеніе русской прессы въ отношеніи къ германской политикѣ довольно затруднительно, если взять въ разсчетъ, что усилія германскаго канцлера стѣснить патріотическую часть нашей печати не всегда бывали безъуспѣшны.

Въ письмахъ своихъ я уже говорилъ о тѣсныхъ взаимныхъ связяхъ Германіи и Австро-Венгріи, о томъ, что Австрія въ рукахъ Германіи представляетъ такое удобное орудіе германизаціи на юго-востокѣ Европы, отъ котораго Берлинъ ни за что въ дѣйствительности не откажется. И чѣмъ болѣе

Австрія будетъ дѣлать захватовъ на Балканскомъ полуостровѣ, тѣмъ менѣе она одна можетъ съ ними справиться и тѣмъ въ большую зависимость отъ Германіи она будетъ впадать. Посему странно мнѣ иногда читать въ русской печати толки о томъ, что Берлинъ ради сближенія съ Россіей готовъ пожертвовать Австріей. Если подобные толки исходятъ оттуда же, то понятно съ цѣлью того же уловленія насъ въ свои сѣти. А отказъ отъ Австріи въ такомъ случаѣ былъ бы неискренній, слѣдовательно обманчивый—только выигрышъ времени, не болѣе. Отличнымъ оселкомъ для всѣхъ этихъ отношеній служитъ все тотъ же принцъ Кобургскій. Германія заявляетъ, что она не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Австро-Венгрія, положимъ, тоже на словахъ откажется отъ всякой ему поддержки. Пожалуй онѣ напишутъ за одно съ нами коллективную ноту. А онъ все-таки остается пока въ Болгаріи, разумѣется тайно къ сему поощряемый. Такимъ образомъ явныхъ поводовъ къ столкновенію съ сосѣдними державами вѣроятно мы имѣть не будемъ, и насъ конечно ожидаетъ еще долгая дипломатическая кампанія.

---

10 августа того же 1887 года въ Ярославѣ на обѣдѣ, который данъ былъ городомъ седьмому Археологическому съѣзду, мною былъ предложенъ повторительный тостъ за здоровье Государя Императора; при чемъ я сказалъ слѣдующее:

«Позволю себѣ продолжить этотъ священный для насъ тостъ. Во первыхъ, напомню вамъ, что Государь Императоръ, по извѣстной всѣмъ своей любви къ Русской старинѣ и ко всему Русскому, является верховнымъ покровителемъ русской археологической науки, во имя которой мы здѣсь собрались. Во-вторыхъ, я позволю себѣ выразить пожеланіе, которое вы конечно раздѣлите со мною единодушно, ибо оно затрогиваетъ ваши патріотическія чувства. Въ виду настоящихъ обстоятельствъ, также всѣмъ извѣстныхъ, пожелаемъ, чтобы Господь Богъ помогъ нашему Державному Вождю охранить честь и интересы Россіи, какъ великой, православной и славянской державы, и побороть иноземную интригу, которая въ послѣднее время достигла такой степени коварства, которую можно назвать по-истинѣ небывалою. Еще разъ высоко поднимемъ бокалъ за драгоцѣнное здоровье Государя Императора!» (Новое Время. 1887 года, № 4118).

Этимъ краткимъ словомъ, имѣвшимъ отношеніе къ послѣднему фазису Восточнаго вопроса, закончу свои о немъ разсужденія.

1887 г. Декабрь

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе III

По вопросамъ о преподованіи исторіи.

I. Русскіе учебники по всеобщей исторіи 3

Учебная книга всеобщей исторіи Зуева. Краткая всеобщая исторія Н. Берте. Курсъ всеобщей средней исторіи В Шульгина. Курсъ всеобщей исторіи Георга Вебера. Курсъ исторіи древняго міра В. Шульгина.

II. Замѣтки о нѣмецкихъ школахъ 31

Берлинъ. Дрезденъ. Утро въ вѣнской Академической гимназіи

III. Французское преподаваніе исторіи сравнительно съ русскимъ 43

Учебный планъ. Лицей Людовика Великаго. Лицей Фонтанъ. Выводы о французской и русской системахъ. Изъ записной книжки о московскихъ школахъ.

IV. Нѣсколько примѣчаній о примѣрной программѣ историческаго курса 61

Въ дополненіе къ нимъ: Нѣсколько мыслей о преподаваніи исторіи.

V. Культурный и политическій элементы въ учебно-исторической литературѣ 77

Разборъ четырехъ сочиненій.

Путевыя замѣтки и воспоминанія.

I. Прогулка по берегамъ Оки..... 97

II. Давнія и недавнія поминки..... 129

Изъ воспоминаній студента. Воспоминаніе объ А. Н. Костылевѣ. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ. Памяти С. М. Соловьева. Памяти графа А. С. Уварова.

III. Поѣздка подъ Плевну..... 159

Въ дополненіе: Трехдневный плѣнъ у поляковъ въ Галиціи и письмо къ издателю Московскихъ Вѣдомостей.

IV. Отрывки изъ разныхъ путешествій..... 188

Воспоминаніе о Галичѣ на Днѣстрѣ. Муравьевская премія и моя поѣздка въ Вильну. Изъ путевыхъ замѣтокъ по Силезіи и Познани. Поѣздка на р. Іорданъ.

Публицистика по Восточному вопросу.

I. Письма о сербо-турецкой войнѣ. 207

Вступленіе. Письма въ 1875 г. къ Сербскому митрополиту и въ газету Русскій Міръ. Въ 1876 г. въ ту же газету отъ 23 іюня, 12 іюля, 19 іюля, 2 августа, 9 августа, 15 августа, 21 сентября, 26 сентября, 1 октября, 7 октября, 13 октября.

II. Письма о русско-турецкой войнѣ..... 239

1877 годъ: Отъ 8 февраля, 1 марта, 5 апрѣля, 8 мая, 13 мая, 22 мая, 5 іюня, 26 іюля, 28 іюля, 4 августа.

III. По окончаніи военныхъ дѣйствій..... 263

1878 годъ: Въ Московскія Вѣдомости: отъ 17 января, 5 февраля, 11 февраля, 14 февраля, 18 февраля. Въ Петербургскія Вѣдомости объ Афганскомъ вопросѣ и пр.

Публицистика по внутреннимъ дѣламъ.

I. О классической школѣ 283

Взглядъ на русскую печать за послѣднія 18 лѣтъ. Уроки исторіи.

II. Анархическія движенія среди молодежи 336

Алармисты и анархисты. О томъ же предметѣ. Отъ 2 декабря 1878 года; 11 марта 1880 г., 8 октября, 11 декабря, 18 декабря; 13 марта 1881 г., 17 марта.

III. О разныхъ предметахъ 357

О флотѣ. Бумажныя деньги и фритредерство. О томъ же. О провинціальной печати. Еще о бумажныхъ деньгахъ. О государственныхъ людяхъ. О томъ же. Высшее женское образованіе. По поводу выборовъ въ московскіе городскіе головы. Замѣтки о судѣ присяжныхъ.

О послѣднемъ фазисѣ Восточнаго вопроса.

I. Болгарія и пангерманизмъ 387

Желаетъ ли Бисмаркъ войны съ Франціей? Что намъ дѣлать? Сомнительный союзъ съ Италіей. По поводу юбилея королевы Викторіи. По поводу ареста Шнебеле. Еще предостереженіе. Не новый ли фокусъ?

II. Заключительныя рѣчи 406

По поводу Тырновскаго выбора. Азартная политическая игра. Послѣдняя замѣтка и слово 10 августа 1877 года.

Д. И. ИЛОВАЙСКАГО

МЕЛКІЯ СОЧИНЕНІЯ, СТАТЬИ И ПИСЬМА.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

[1888 — 1895]

По вопросамъ національной политики и экономіи.

Еврейско-нѣмецкій Drang nach Osten.

Поборники нашей отсталости въ дѣлѣ культуры.

Отвѣтъ противникамъ моего главнаго труда.

По тѣмъ же и другимъ вопросамъ исторіи, политики и культуры.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвер. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1896.

Продолжая постепенно подводить итоги своей учено-литературной дѣятельности (теперь уже сорокалѣтней), издаю второй выпускъ своихъ Мелкихъ Сочиненій. (Первый вышелъ въ 1888 году). Въ настоящей книгѣ я собралъ воедино статьи и письма, посвященныя нѣкоторымъ общественнымъ и политическимъ вопросамъ, помѣщенныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ за послѣднія 7—8 лѣтъ. Весь смыслъ этихъ статей и писемъ можетъ быть выраженъ слѣдующими словами: *проповѣдь строго національнаго направленія во всѣхъ общественныхъ сферахъ*. И, разумѣется, эта проповѣдь касалась наиболѣе важныхъ предметовъ, выдвигаемыхъ на передній планъ самою современной исторіей.

Содержаніе книги по преимуществу сосредоточивается на вопросѣ о покровительственной системѣ.

Часто размышляя о причинахъ нашей культурной отсталости сравнительно съ Европой, которую мы все еще далеко не догнали, несмотря на двѣсти лѣтъ, протекшія со времени реформъ Петра Великаго, я убѣдился, что важнѣйшей причиной того былъ недостатокъ постояннаго и неуклоннаго покровительства русской обрабатывающей промышленности и техникѣ, отъ развитія которыхъ непосредственно зависитъ усвоеніе европейской матеріальной культуры вообще. Эта неразрывная связь успѣховъ культуры съ покровительственною системой, или точнѣе ихъ зависимость отъ сей послѣдней, въ данномъ сборникѣ является плодомъ личныхъ моихъ наблюденій. Доселѣ она ускользала не только отъ общественнаго вниманія, но и отъ вниманія самихъ спеціалистовъ въ политической экономіи и даже въ исторіи. Вотъ почему легкомысленныя фритредерскія тенденціи нашихъ профессоровъ и публицистовъ не находили себѣ должнаго отпора и вносили великую путаницу въ общественныя понятія и представленія, а чрезъ нихъ вліяли и на самыя мѣропріятія.

Однако недостаточно было найти тѣсную связь культуры съ покровительственною системой вообще; надобно было еще придти къ вопросу: чему же мы должны покровительствовать по преимуществу, чтобы сократить нашу отсталость отъ Европы и поднять нашу культуру? Бывали иногда у насъ періоды покровительства, но культурное ихъ вліяніе какъ то не особенно замѣтно. Возьмемъ, напримѣръ, извѣстную протекціонную политику графа Канкрина въ бытность его русскимъ министромъ Финансовъ. Въ отношеніи чисто финансовомъ она несомнѣнно принесла большую пользу и двинула впередъ нашу мануфактуру; но происшедшій вскорѣ Севастопольскій погромъ воочію обнаружилъ всю нашу отсталость отъ Европы въ дѣлѣ матеріальной культуры, и всю нашу отъ нея зависимость въ этомъ отношеніи. Тутъ—опять вслѣдствіе моихъ собственныхъ историческихъ наблюденій—я пришелъ къ тому положенію, что недостаткомъ покровительства у насъ страдали тѣ именно отрасли промышленности, которыя я называю „основными" и развитіе которыхъ необходимо для успѣховъ у насъ европейской техники и всякой культуры. Эти основныя отрасли суть: *машины и химическіе продукты, вмѣстѣ съ добычею желѣза и каменнаго угля.* Способы покровительственной системы, выработанные европейскою практикой, бываютъ довольно разнообразны. Но изъ той же практики я убѣдился, что самые дѣйствительные и прямые способы это, во-первыхъ, охранительные тарифы или покровительство таможенное, а во-вторыхъ, государственные и общественные заказы, неуклонно производимые внутри своей страны, а не заграницей. Вопросъ о новомъ торговомъ договорѣ съ Германіей, возбужденный въ нашей печати года четыре назадъ, послужилъ мнѣ поводомъ выступить съ проповѣдью сейчасъ изложенныхъ выводовъ и вступить въ довольно горячую борьбу со сторонниками противуположнаго направленія. Не знаю, насколько эта моя борьба, почти единоличная, затронула русское общественное сознаніе; но видимымъ практически успѣшнымъ результатомъ я пока не могу похвалиться; хотя нѣкоторыя предупрежденія мои уже подтверждаются самою жизнію. На сколько оправдались тарифныя уступки, сдѣланныя въ видахъ покровительства сельскому хозяйству, надѣюсь, у всѣхъ на глазахъ.

Такъ называемый сельскохозяйственный кризисъ все еще про-

должается, и будетъ продолжаться, ибо не прекращается путаница въ общественныхъ понятіяхъ, представленіяхъ и мѣропріятіяхъ. Главнымъ образомъ, смѣшиваются въ одномъ котлѣ дѣйствительный кризисъ обремененнаго задолженностію дворянскаго землевладѣнія съ безпорядочнымъ хозяйствомъ крестьянскимъ и другихъ сословій; недостатокъ сбыта урожаевъ черноземной полосы съ недостаткомъ урожая въ другихъ полосахъ Россіи; съ одной стороны видимъ какъ бы перепроизводство хлѣба, съ другой стремленіе увеличить это производство помощію улучшенныхъ орудій и воспособленій. Въ тоже время многіе сельскіе хозяева, требуя пониженныхъ пошлинъ на эти предметы и заботясь только о хлѣбномъ экспортѣ за границу, идутъ противъ успѣховъ русской обрабатывающей промышленности и техники, т.-е. культуры вообще, и въ концѣ концовъ противъ интересовъ сельскаго же хозяйства въ Россіи. Означенный кризисъ связанъ также съ экономическими и финансовыми мѣропріятіями, какъ совершившимися, такъ и проектируемыми, и притомъ невсегда удачными. У нашихъ западныхъ сосѣдей тоже существуетъ сельско-хозяйственный кризисъ, но по другимъ причинамъ: тамъ собственнымъ хлѣбомъ страна не можетъ прокормиться и поневолѣ цѣны привознаго хлѣба должны угнетать туземное производство. Но тамъ немыслимо заключить сначала торговый договоръ ради хлѣбнаго экспорта, а потомъ открыть Америку, т.-е. узнать о существованіи подавляющей конкуренціи хлѣбовъ, вывозимыхъ изъ Сѣверной и Южной Америки.

И такъ на практикѣ, какъ видимъ, возобладали не тѣ два главныхъ непосредственныхъ способа покровительства, на которые я указывалъ, а другіе, болѣе косвенные или посредственные, т.-е. система казенныхъ ссудъ, казенныхъ субсидій, премій, нормировокъ, конверсій, съѣздовъ, выставокъ и т. п. Исторія, конечно, не замедлитъ отвѣтить на вопросъ: догонимъ ли мы Западную Европу въ культурномъ отношеніи съ помощію только этихъ косвенныхъ и дорого стоящихъ казнѣ поощреній, безъ строгаго проведенія двухъ выше названныхъ (т.-е. охрагельныхъ внѣшнихъ тарифовъ и исключительно внутреннихъ ıазовъ)?

Че только русское общество, но и люди, занимающіе профессор-ᵃ каѳедры, доселѣ еще не сознаютъ ясно, до какой степени недо-ᵍокъ чисто русскихъ машино-строительныхъ и химическихъ

заводовъ поддерживаетъ нашу сравнительную бѣдность капиталами и техническую отсталость, нашу культурную и экономическую зависимость отъ иностранцевъ, и не даетъ даровитому Русскому народу возможности принимать самостоятельное, равноправное участіе въ европейскомъ прогрессѣ. При такихъ условіяхъ мы не можемъ участвовать въ европейскихъ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ; мы только ихъ покупаемъ и выписываемъ изъ-за границы на продукты нашего сельскаго хозяйства, также осужденнаго на отсталость при неразвитости техники и культуры. Помянутые люди, занимающіе профессорскія каѳедры, сами служатъ нагляднымъ образцомъ нашей отсталости и въ умственной культурѣ; такъ какъ они, повидимому, все еще не понимаютъ тѣсной связи умственной культуры съ матеріальной или собственно технической, сей послѣдней съ покровительственною системою, а этой системы— съ національнымъ направленіемъ. Существуетъ у насъ и такое мнѣніе, что для успѣховъ русской техники достаточно учрежденія технологическихъ институтовъ, безъ строгаго покровительства русскимъ заводьмъ и фабрикамъ! Точно также въ нѣкоторыхъ сферахъ возобладала тенденція къ быстрому росту бюджета при постоянной помощи новыхъ и увеличенія старыхъ обложеній на томъ основаніи, что они еще не достигли уровня западноевропейскаго; но при семъ забывается, что намъ пока далеко до того уровня, на которомъ стоитъ матеріальное благосостояніе Западной Европы. Отсюда вновь и вновь вытекаетъ необходимость строгаго покровительства промышленности, и прежде всего основнымъ ея отраслямъ, чтобы поднять нашу культуру и слѣдовательно наше благосостояніе на ту же ступень.

За немногими исключеніями, настоящій, второй выпускъ сборника моихъ *Мелкихъ Сочиненій* имѣетъ полемическій характеръ, который образовался естественнымъ путемъ изъ постепенной борьбы съ антинаціональными теченіями, на сколько они отражались въ нашей періодической печати. Нѣкоторую часть этого сборника занимаетъ полемика съ противниками моего главнаго труда, т.-е. *Исторіи Россіи*. Эта полемика тѣсно связана съ вышеназванною борьбою; ибо въ сущности и на этомъ полѣ моими противниками большею частью явились тѣ же антинаціональные или легкомысленные органы нашей печати; а къ нимъ въ данном случаѣ примкнули и нѣкоторые изъ другихъ моихъ антагон

стовъ, въ которыхъ также нѣтъ недостатка. Не разъ приходилось мнѣ слышать мнѣніе, что напрасно я иногда печатно отвѣчаю своимъ хулителямъ, и что лучше было бы презрительнымъ молчаніемъ обходить ихъ ребяческія выходки, клеветы и всякаго рода инсинуаціи. Можетъ быть это мнѣніе до нѣкоторой степени и справедливо; но каждый дѣйствуетъ сообразно со своими убѣжденіями и своимъ характеромъ. Я же полагаю, что если серьезные люди совсѣмъ не будутъ давать отпора всякаго рода недобросовѣстности, партійности и грубости нравовъ, то эти элементы рѣшительно возобладаютъ въ печати, а чрезъ нее крайне вредно будутъ вліять и на общество; что и осуществилось у насъ въ значительной степени. А затѣмъ, если уже вести какую-либо борьбу, то, по мнѣ, слѣдуетъ вести ее энергично и открыто, безъ излишнихъ извиненій и расшаркиваній передъ своими антагонистами, всего менѣе отличающимися вѣжливостію и любезностію.

До какой бы степени ни обострились отношенія ко мнѣ противниковъ строго національнаго направленія во всѣхъ общественныхъ сферахъ, и какъ бы ни были они многочисленны при моей—въ данный моментъ почти одиночной — борьбѣ съ ними посредствомъ печатнаго слова, я твердо уповаю, что въ концѣ концовъ историческая правда восторжествуетъ; хотя бы лично мнѣ и не пришлось дожить до этого торжества. Впрочемъ, безпристрастную оцѣнку данной борьбы можно ожидать только отъ будущихъ русскихъ изслѣдователей современной намъ эпохи, которые будутъ имѣть передъ собою не только совершившіеся факты, но и готовыя ихъ послѣдствія.

Москва. Декабрь 1895 г.

ПО ВОПРОСАМЪ

НАЦІОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

и

ЭКОНОМІИ.

Близка ли война? *).

Уже нѣсколько лѣтъ сряду нѣмецкая печать твердитъ о предстоящей европейской войнѣ, чѣмъ поддерживаетъ постоянную тревогу и заставляетъ всѣ европейскія державы тратить громадныя суммы на вооруженія и перевооруженія. Русской арміи также предстоитъ теперь задача перевооруженія. Пошли уже толки о томъ, что такъ какъ дѣло это спѣшное, не терпящее отлагательствъ, то могутъ ли русскіе заводы своевременно исполнить заказы и не слѣдуетъ ли немедленно обратиться къ заводамъ заграничнымъ. Такимъ образомъ, въ данную минуту вопросъ, на сколько времени обезпечено настоящее мирное состояніе Европы, ставится прямо на практическую почву, является уже предметомъ отнюдь не празднаго любопытства, а весьма серьезнаго обсужденія. Позволю себѣ здѣсь высказать результаты своихъ наблюденій и размышленій, не входя въ подробности, которыя при томъ и невсегда удобны для печатнаго разсмотрѣнія.

Около трехъ лѣтъ назадъ я высказалъ свой взглядъ на общее положеніе европейскихъ дѣлъ по поводу тревоги, поднятой въ Берлинѣ, относительно предстоявшей якобы войны съ Франціей, и по поводу объявленной тогда выжидательной русской политики. Я утверждалъ, что никакой войны съ Франціей въ близкомъ будущемъ не предстоитъ, а что со стороны Берлина это не болѣе какъ маневръ, имѣющій цѣль отвлечь наше вниманіе отъ Восточнаго вопроса или собственно отъ Балканскаго полуострова, въ частности отъ Болгаріи, куда, по моимъ догадкамъ, германская политика, совмѣстно съ австрійской, задумала вновь посадить нѣмецкаго принца на вакантный княжескій престолъ. Потомъ я указывалъ на дальнѣйшіе маневры, направленные къ той же цѣли и вообще къ захвату въ свои руки политической и экономической эксплоатаціи Балканскаго полуострова. Полгода спустя, въ Софіи дѣйствительно водворился нѣмецкій принцъ въ лицѣ Кобурга. Я тогда прекратилъ свои

*) „Русскій Вѣстникъ". 1889. Декабрь.

письма, заявивъ увѣренность въ томъ, что съ нимъ предстоитъ теперь долгая и дипломатическая борьба, что отдѣлаться отъ него будетъ очень не легко, главнымъ образомъ потому, что его будутъ поддерживать тайно Берлинъ, а явно—Вѣна. Что же касается европейской войны въ близкомъ будущемъ, то я постоянно ее отрицалъ. Надѣюсь, мои разъясненія, мнѣнія и опасенія достаточно оправданы самими событіями (См. первый выпускъ моихъ «Мелкихъ сочиненій»). Относительно приводимыхъ мною намековъ, въ чемъ должна состоять суть нашего образа дѣйствій, чтобы предотвратить это новое водвореніе нѣмецкаго принца въ Болгаріи, скажу только, что они отчасти не были замѣчены, отчасти слишкомъ просто и буквально истолкованы (и безъ связи съ бывшею тогда во Франціи министерскою комбинаціей); а яснѣе я не считалъ возможнымъ говорить печатно и такимъ образомъ предупреждать противную сторону. Главная же моя мысль заключалась въ томъ, что выжидательная политика со стороны дипломатіи можетъ быть двоякая: активная и пассивная. Я отдавалъ рѣшительное преимущество первой и ставилъ въ примѣръ образъ дѣйствій Австро-Германіи. Ея политика также выжидательная, но активная, а потому достигающая своихъ цѣлей, достигающая ихъ безъ всякой войны и при явномъ желаніи ея избѣжать. Я полагалъ и полагаю, что съ этой политикой слѣдуетъ бороться ея же оружіемъ.

Въ послѣднее время въ нашей газетной печати не рѣдко встрѣчаются похвалы результатамъ выжидательной политики. Но при семъ иногда смѣшивается съ пассивнымъ образомъ дѣйствія дипломатіи та мудрая политика свободной руки и то воздержаніе отъ всякихъ стѣснительныхъ союзовъ и соглашеній, которыя дѣйствительно приносятъ Россіи большую пользу и такъ непріятны нашимъ западнымъ сосѣдямъ. Вообще недостатокъ нашей политической печати за послѣдніе годы сказывался именно въ томъ, что она болшею частью принимала за наличную монету разныя тревоги, возбуждаемыя нѣмецкими рептиліями, и простодушно увѣряла Европу въ русскомъ миролюбіи; тогда какъ иниціаторы этихъ тревогъ посредствомъ нихъ добиваются извѣстныхъ цѣлей, а въ миролюбіи нашемъ не сомнѣваются. Съ другой стороны, органы печати, даже и патріотическіе, слишкомъ довѣряли всякому слуху, напримѣръ, о жалкомъ положеніи принца Кобурга въ Болгаріи и его скоромъ неизбѣжномъ удаленіи. Мнѣ всегда наивными казались корреспонденціи какого-то «Болгарина» въ одной московской газетѣ. Едва ли не на другой день послѣ прибытія принца, сей корреспондентъ началъ увѣрять, что положеніе Кобурга невозможное, и что онъ скоро долженъ уйти во-свояси.

Проходятъ мѣсяцы, и вдругъ изъ писемъ того же корреспондента узнаемъ, что престижъ Кобурга въ Болгаріи начинаетъ падать. Какой престижъ?—спрашиваетъ удивленный читатель.—Да развѣ Кобургъ все еще въ Болгаріи? Но подобныя противорѣчія не смущаютъ наивнаго корреспондента: онъ продолжаетъ свою Сизифову работу и, забывая, что Кобургъ опирается на австро-германскую поддержку, выдаетъ за дѣйствительность свои pia desideria, въ родѣ невозможности софійскому лжеправительству заключить внѣшній заемъ и т. п. Въ результатѣ оказывается, что русская читающая публика довольно плохо бываетъ освѣдомлена объ истинномъ положеніи касающихся насъ европейскихъ дѣлъ, а потому и смотритъ на нихъ какъ-то легко. Точно также при всякомъ удобномъ случаѣ, тотъ или другой органъ нашей печати склоняется къ мысли, что ради русской дружбы, Пруссія готова пожертвовать Австріей. Я уже и прежде говорилъ, что такая мысль доказываетъ полное невѣдѣніе дѣла. Развѣ Пруссія можетъ серьезно пожертвовать своею главною подручницею и столь удобнымъ орудіемъ германизаціи на юго-востокѣ Европы?

Но возвращусь къ тому вопросу, который поставилъ въ началѣ своей замѣтки: долго ли удержится настоящій европейскій миръ?

Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что въ томъ образѣ дѣйствія, который, такъ сказать, налаженъ руководителемъ австро-германской политики, произойдетъ какая-либо существенная перемѣна, пока онъ живъ и пока сохраняетъ свое преобладающее вліяніе. Слѣдовательно, и въ ближайшіе годы предстоятъ тѣ же періодически возбуждаемыя тревоги и толки объ опасностяхъ, якобы угрожающихъ европейскому миру со стороны Россіи или Франціи, тѣ же военныя приготовленія, то же исканіе союзниковъ для пресловутой Лиги мира и жениховъ для нѣмецкихъ принцессъ въ средѣ царствующихъ европейскихъ фамилій. Въ австро-германскихъ оффиціозахъ будетъ продолжаться та же агитація противъ Россіи, ея развивающейся промышленности, хлѣбнаго отпуска и кредита; а рядомъ съ сей агитаціей будутъ повторяться попытки уловленія въ свои сѣти словесными заявленіями о томъ, что законныя желанія Россіи подлежатъ удовлетворенію, трогательными воспоминаніями о старой дружбѣ, разными услугами и уступками, болѣе или менѣе несущественными, въ связи съ инсинуаціями противъ, такъ называемыхъ, панславистовъ, т.-е. противъ русскихъ патріотовъ, которые, якобы и составляютъ угрозу европейскому миру. Будутъ продолжаться тѣ же подземныя работы во Франціи, то же ухаживаніе за Англіей и Турціей и попытки подчинить Австро-германскому вліянію не только балканскія народности, но также Бельгію, Швейцарію, Испанію, Грецію, Скандинавію, и все это болѣе

или менѣе подъ предлогомъ сохранить европейскій миръ, а въ дѣйствительности для того, чтобы никто не препятствовалъ успѣхамъ германизма на юго-востокѣ и на востокѣ Европы.

Послѣднее время въ военной европейской литературѣ вошло въ обычай разсуждать о будущей войнѣ между Австро-Германіей и Россіей, взвѣшивать ихъ силы, опредѣлять театръ военныхъ дѣйствій, сравнивать средства мобилизаціи и т. п. Напрасный трудъ, если рѣчь идетъ о ближайшемъ будущемъ. Россія нисколько не намѣрена напасть на Германію, но и Пруссія тоже не объявитъ войну Россіи. Положимъ, всѣ шансы болѣе быстрой мобилизаціи и захвата Привислянской провинціи на сторонѣ Пруссіи. Но тамъ, по всей вѣроятности, предвидятъ слѣдующую опасность: пока мы владѣемъ Привислянскимъ краемъ и вдаемся клиномъ въ Прусскую землю, мы можемъ при самомъ объявленіи войны во многихъ пунктахъ перебросить легкіе кавалерійскіе отряды на непріятельскую территорію, чтобы разрушать дороги и мосты, произвести погромы и панику, замедлить вторженіе и тѣмъ выиграть время для собственной мобилизаціи. А затѣмъ, даже при успѣшности военныхъ операцій, Нѣмцы, во всякомъ случаѣ, понесутъ громадныя потери и наживутъ отъ этой войны разныя бѣдственныя послѣдствія. Поэтому, на войну тамъ рѣшатся еще не скоро. Вся эта Лига мира и всѣ исканія новыхъ союзниковъ направлены, главнымъ образомъ, на устрашеніе Россіи и достиженіе цѣлей германизма безъ пролитія германской крови. Если впослѣдствіи Россія дѣйствительно будетъ вызвана на войну, то весьма понятно, что Германія для сего постарается употребить союзную ей коалицію, состоящую изъ Австріи, Турціи, Италіи и, можетъ быть, Англіи съ частью балканскихъ государствъ, не говоря о возможныхъ другихъ союзникахъ и диверсіяхъ со стороны азіатскихъ сосѣдей. А сама Германія, слѣдя, на западѣ, за теченіемъ дѣлъ во Франціи и поддерживая тамъ борьбу партій, постарается занять на востокѣ рѣшающее положеніе, чтобы выступить въ критическій моментъ и пожать обильные плоды на пользу германизма. Возможно даже, что при первомъ столкновеніи и Австрію не выставятъ въ первую линію, а помѣстятъ ее въ резервѣ; на передній же планъ выдвинутъ все ту же несчастную Турцію. Но и вся эта вѣроятная комбинація произойдетъ еще не такъ скоро. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, Пруссія производитъ обширныя затраты на свои вооруженія? — спроситъ недоумѣвающій читатель. Да это единственная держава, затраты которой на вооруженіе съ лихвою окупаются тѣми выгодами, которыхъ она достигаетъ, благодаря всеобщей тревогѣ и опасеніямъ за миръ, ею же самой возбужденнымъ.

Итакъ, повторяю, пока живетъ и дѣйствуетъ иниціаторъ и руководитель среднеевропейской лиги, войны, по всей вѣроятности, не будетъ, но толки о ней и военныя приготовленія будутъ продолжаться. Считаю даже возможнымъ предположить приблизительно не менѣе пяти лѣтъ для сего смутнаго и въ то же время мирнаго состоянія. Это еще не значитъ, чтобы, по истеченіи пяти лѣтъ, тотчасъ началась война; нѣтъ, періодъ сей, вѣроятно, продолжится и долѣе; но за пять лѣтъ можно поручиться. Отсюда слѣдуетъ прямой выводъ, что *Россія можетъ спокойно развивать свое собственное ружейное, пушечное, пороховое, машинное и судостроительное производство, а не отдавать средства своей обороны въ иноземныя руки, что угрожало бы ей великою и непоправимою опасностію* *).

Любопытный читатель въ правѣ спросить, какой же историческій смыслъ всей этой политической путаницы, которую мы переживаемъ? Для всякаго историка, наблюдающаго и современныя ему событія, смыслъ ея долженъ быть ясенъ. За разрѣшеніемъ вопросовъ объ италіанскомъ и германскомъ единствѣ, въ Европѣ выступаетъ на очередь вопросъ славянскій, вопросъ гораздо болѣе сложный и трудный для рѣшенія—тѣмъ болѣе сложный, что съ нимъ тѣсно переплетаются вопросы и великій восточный (о турецкомъ наслѣдствѣ), и собственно русскій (касающійся слишкомъ открытыхъ дверей въ Черное море). А близкое сожительство Славянъ съ Нѣмцами въ средней Европѣ, старыя притязанія Нѣмцевъ господствовать надъ Славянами и подвергать ихъ онѣмеченію, тѣснота германской территоріи, выпирающая массы колонистовъ на востокъ и юго-востокъ Европы—все это еще болѣе запутываетъ и обостряетъ отношенія. У Россіи и вообще у Славянъ много враговъ, число которыхъ еще увеличено искусствомъ и энергіей нѣмецкой дипломатіи, которая сумѣла привлечь на свою сторону и часть такихъ естественныхъ нашихъ союзниковъ, какъ романскія расы. При семъ, вопреки тенденціознымъ увѣреніямъ Нѣмцевъ, никакіе панслависты не думаютъ о такомъ же славянскомъ единствѣ, какого достигли Италія и Германія. Вопросъ идетъ только о славянскомъ союзѣ; ибо государственному и національному объединенію рѣшительно препятствуютъ географическая разбросанность, обособленность языковъ, разность религіи и культуры, существованіе отщепенцевъ въ самой славянской семьѣ, традиціонный духъ розни

*) До настоящаго времени (истекающій 1895 годъ) прошло уже шесть лѣтъ мирнаго времени. Слѣдовательно ручательство мое вполнѣ оправдалось. Но, не могу похвалиться тѣмъ, чтобы оно обратило на себя какое-либо вниманіе современниковъ и имѣло бы какой-либо практическій результатъ.

и т. д. Единой Славянской націи нѣтъ и не предвидится. Но вообще вопросъ этотъ будетъ еще долго назрѣвать; хорошо, если рѣшеніе его увидитъ XX-е столѣтіе.

Во всякомъ случаѣ страшное столкновеніе русскаго міра съ германскимъ въ будущемъ почти неизбѣжно, но не въ настоящее время. Нѣмцы очень хорошо знаютъ, что Россія, при національномъ характерѣ своей верховной власти и при извѣстныхъ качествахъ Русскаго народа, а также при своемъ исключительномъ географическомъ положеніи, пока для внѣшнихъ непріятелей, можно сказать, неодолима. Поэтому наши противники такъ усердно и хлопочутъ о томъ, чтобы изолировать ее извнѣ и постепенно ослабить внутри. Впослѣдствіи, если всюду проникающее еврейство успѣетъ подточить самое ядро нашей государственности, а широкая нѣмецкая колонизація успѣетъ охватить значительныя пространства въ южной и западной полосахъ Россіи и измѣнить въ нихъ самый составъ населенія, тогда исторія можетъ принять другой оборотъ. Но если Нѣмцы говорятъ, что никого не боятся кромѣ Бога, то мы, Русскіе, съ своей стороны, возложимъ на Него наши упованія и постараемся соревновать имъ въ сохраненіи и всестороннемъ развитіи своей національности.

Москва, 1889 г., ноября 4.

Caveant consules *).

На дняхъ должна собраться въ Берлинѣ конференція по рабочему вопросу.

Что означаетъ сія конференція? Какіе практическіе результаты можно отъ нея ожидать? Дѣйствительно ли она имѣетъ только экономическую задачу, не болѣе?

Эти вопросы раздаются въ европейской (не нѣмецкой) печати съ самаго появленія на свѣтъ извѣстныхъ рескриптовъ молодаго Германскаго императора. Не буду входить въ какія-либо подробности. Выскажу прямо результаты своихъ наблюденій.

Съ самаго начала я нисколько не сомнѣвался, что созываемая конференція имѣетъ цѣли чисто политическія. А по мѣрѣ того какъ имперское правительство настойчиво старалось привлечь къ участію въ ней и Францію, для меня становилось все яснѣе что главный политическій

*) „Московскія Вѣдомости". 1890. № 58.

объектъ въ семъ дѣлѣ составляетъ именно Франція. Это просто благовидный предлогъ вовлечь ее въ дружескіе переговоры и совѣщанія, а, пожалуй, и нѣкоторыя соглашенія. Это первый практическій шагъ къ политическому сближенію, а слѣдовательно и къ разъединенію интересовъ французскихъ и русскихъ.

Россія въ конференціи не участвуетъ; да ей тамъ нечего было бы и дѣлать, потому что никакого рабочаго вопроса у насъ пока не существуетъ. Но это обстоятельство нисколько не означаетъ, что дѣло насъ не касается. Напротивъ, привлеченіе Франціи и есть дальнѣйшій шагъ въ той работѣ, которая въ теченіе послѣднихъ лѣтъ такъ усердно практикуется Берлиномъ и которая преслѣдуетъ ясно намѣченную цѣль: полное изолированіе Россіи.

По сему поводу укажу на кажущуюся перемѣну тактики Германіи въ отношеніи къ Россіи.

Послѣ финансовыхъ походовъ и разныхъ демонстративно-враждебныхъ дѣйствій наступило какъ бы затишье или перемиріе, даже нѣкоторая любезность и заискиваніе. Но именно этотъ способъ уловленія обязываетъ насъ усилить свою осторожность. Цѣли несомнѣнно остаются однѣ и тѣ же, только средства и способы ихъ достиженія разнообразятся. И самое разногласіе всемогущаго канцлера съ короной, разногласіе, подтверждаемое даже канцлерскими органами, и показываемая въ перспективѣ полная отставка руководителя германской политики—все это не есть ли одинъ изъ способовъ достиженія все тѣхъ же цѣлей?

Если взять въ разсчетъ предыдущіе пріемы и успѣхи названной политики, то естественна ея надежда, что и настоящія цѣли и способы не останутся втунѣ. Сумѣла же она, являясь усерднымъ другомъ Порты, въ то же время династически связать съ собою Грецію.

Возвращаясь къ Берлинской конференціи, я укажу русской публикѣ на только что помѣщенный въ № 57 «Москов. Вѣд.» Запросъ г. Лора, сдѣланный во французской палатѣ депутатовъ 6 марта. Г. Лоръ прямо протестовалъ противъ участія Франціи въ конференціи, которую онъ считаетъ «лишь предлогомъ для конференціи политической» или просто «ловушкой». Слѣдовательно, во Франціи нѣтъ недостатка въ людяхъ проницательныхъ; но что̀ они могутъ сдѣлать при господствующемъ тамъ режимѣ? И французскіе делегаты по всей вѣроятности отправятся въ Каноссу.

Москва, 1890 г. 27 февраля.

Дополнительная замѣтка *).

Недѣли три или четыре тому назадъ, когда Берлинская конференція о рабочемъ вопросѣ только имѣла собраться и только что появились слухи о намѣреніи князя Бисмарка оставить свой постъ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» была напечатана моя замѣтка, озаглавленная «Caveant Consules». Само собою разумѣется, что никакіе консулы на свой счетъ ее не приняли.

Что Берлинская конференція имѣла политическую подкладку, едва ли возможно теперь отрицать. Отставка же князя Бисмарка послѣдовала еще скорѣе чѣмъ я предполагалъ; изъ чего заключаю, что съ нею спѣшили, что надобно было устранить кажущееся препятствіе для достиженія важной цѣли, что нужно было ковать желѣзо, пока оно горячо. Всѣ толки и догадки европейской печати о причинахъ этой отставки мало имѣютъ значенія для того, кто наблюдаетъ историческія явленія въ ихъ постепенномъ развитіи и внутренней связи.

Въ самый разгаръ воинственныхъ кликовъ и приготовленій, я бралъ на себя смѣлость утверждать что это только маневры для достиженія извѣстныхъ цѣлей и что никакой европейской войны въ близкомъ будущемъ намъ не предстоитъ. Точно также и теперь, съ удаленіемъ канцлера, на котораго въ концѣ концовъ стали смотрѣть какъ на гарантію мира, я опять беру на себя смѣлость говорить, что европейскому миру въ настоящее время не угрожаетъ никакой опасности. Мало того: въ теченіе трехъ истекшихъ лѣтъ Германія своими толками о войнѣ, своими союзами и вооруженіями заставляла всѣ державы вооружаться; а теперь весьма возможно, что та же Германія будетъ предлагать державамъ систему разоуруженія, если только ей удастся уловить Россію. А если не удастся—толки о войнахъ можетъ быть возобновятся, но эти толки не серьезны. Тутъ самое любопытное для историка явленіе—это пассивное подчиненіе европейской политики безпокойной германской иниціативѣ.

Итакъ, съ моей точки зрѣнія даже и князь Бисмаркъ въ свою очередь послужилъ козломъ отпущенія, вѣроятно по преимуществу ради возобновленія тѣхъ прусско-русскихъ отношеній, благодаря которымъ Пруссія такъ долго эксплуатировала Россію въ сферѣ политической и экономической. И Нѣмцы, негодующіе на его отставку, могутъ утѣшиться...

Есть и у насъ люди, которые говорятъ о какихъ-то благахъ, ожидающихъ Россію отъ новаго тѣснаго союза съ Пруссіей, несмотря на прош-

---

*) „Московскія Вѣдомости". 1890. № 83.

лые и настоящіе уроки исторіи, несмотря на то, что усиленіе русской національной политики, обновленіе русской промышленности и подъемъ патріотическаго настроенія какъ разъ совпали съ періодомъ охлажденія къ Берлину. А это такія блага, предъ которыми въ глазахъ Россіи блѣднѣютъ всѣ лиги мира и всѣ скоро преходящія политическія комбинаціи.

Кстати по вопросу о штундѣ. Послѣ многихъ и серьезныхъ разъясненій нашей печати, особенно послѣ статей о. Стрѣльбицкаго въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», только близорукіе или прямо неблагонамѣренные люди могутъ утверждать, что за симъ явленіемъ не скрываются политическія цѣли опаснаго для Россіи свойства.

Со своей стороны прибавлю указаніе на слѣдующій фактъ, доселѣ какъ-то не обращавшій на себя вниманія. Штунда распространяется именно на малорусской почвѣ, которая и безъ того составляетъ предметъ вожделѣній со стороны извѣстной украйнофильской группы. Есть прямая опасность, что впослѣдствіи, при удобномъ случаѣ, стремленія нѣмецкой штунды войдутъ въ связь съ сепаратистскими стремленіями этой группы.

Москва, 23 марта, 1890.

Письмо къ издателю *).

Итакъ, сербскіе регенты, поставленные нѣмецко-мадьярскимъ клевретомъ Миланомъ, совершили то, что вчера еще казалось невѣроятнымъ: силой удалили королеву-мать изъ предѣловъ Сербіи. Напрасно они ссылаются на постановленіе скупщины: послѣдняя въ семъ случаѣ только подтвердила то, на чемъ настаивалъ Ристичъ съ компаніей. Тщетны старанія оправдать подобное безобразіе борьбой мѣстныхъ партій: русскому обществу до нихъ нѣтъ дѣла; оно видитъ только одно: торжество нѣмецко-мадьярскихъ интригъ въ славянской странѣ. Любопытно, что сербскіе правители, показавшіе было нѣкоторое одушевленіе въ свиномъ вопросѣ (о вывозѣ свиней въ Австрію), оказались жалкими орудіями той же Австріи въ вопросѣ о королевѣ Наталіи. Очевидно, они не особенно высоко цѣнятъ сочувствіе или несочувствіе великой Россіи къ маленькой Сербіи, если такъ легко рѣшились оскорбить русское чувство.

---

*) „Московскія Вѣдомости". 1891. № 135.

Итакъ, Ристичъ вступилъ на тотъ же путь, на которомъ подвизается Стамбуловъ, и отнынѣ является достойнымъ его сподвижникомъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Пользуюсь случаемъ при посредствѣ вашей уважаемой газеты напомнить глубокочтимому митрополиту Михаилу то, что я говорилъ ему два года тому назадъ, наканунѣ его отъѣзда изъ Москвы въ Сербію, послѣ пресловутаго отреченія Милана. Я говорилъ тогда, что не слѣдуетъ думать будто зловредная роль сего человѣка окончилась вмѣстѣ съ его отреченіемъ; что, напротивъ, онъ еще долго будетъ служить орудіемъ въ рукахъ враговъ Славянства, злымъ геніемъ для несчастной Сербіи вообще и для собственной династіи въ частности.

Нельзя не сознаться, что враги Россіи и всего Славянства въ послѣднюю эпоху довольно часто подвергаютъ испытанію русское патріотическое чувство.

Въ особенности вызываетъ на тяжкую думу недавнее, благодареніе Богу неудавшееся, покушеніе на драгоцѣнную жизнь Государя Наслѣдника. И гдѣ же? На крайнемъ востокѣ, въ Японіи. Но почему такое прискорбное событіе случилось именно въ Японіи, правительство и населеніе которой показали намъ несомнѣнныя симпатіи? Въ самомъ ли дѣлѣ тутъ не было никакого политическаго мотива, а дѣйствовалъ одинъ мѣстный фанатизмъ? Сознаюсь, грѣшенъ въ томъ, что не вполнѣ вѣрю такому объясненію преступленія. Газеты по сему поводу указывали на случай бывшій съ прусскимъ принцемъ Генрихомъ. Нѣтъ, опытный глазъ историческаго изслѣдователя не такъ легко отуманить. При тщательномъ сличеніи фактовъ, я не нахожу близкой аналогіи, а только отдаленную. Это не случайно возникшее столкновеніе и оскорбленіе какъ тамъ. Тутъ заранѣе было подготовлено орудіе преступленія. Можетъ быть, самое орудіе это было не просто подкуплено, а вмѣстѣ и фанатизовано. Это вѣроятно. Возможно, что его выставила мѣстная нигилистическая или оппозиціонная организація. Но кто поджегъ эту организацію и зачѣмъ? Полагаю, что двигателемъ тутъ была не Азія, а Европа. Существуютъ такіе эгоистичные островитяне, которые борятся съ Россіей, можно сказать, на всѣхъ возможныхъ для того пунктахъ земного шара, которые своими интригами вездѣ стараются ей дѣлать препоны и затрудненія; они готовы на все, чтобы спасти свои громадныя стяжанія, пріобрѣтенныя правдами и неправдами.

При чемъ тутъ, однако, Японія?—спроситъ читатель.— А вотъ при чемъ. Японія, это наша естественная союзница на крайнемъ востокѣ. Кому-то нужно поссорить ее съ Россіей. Желательно было бы, чтобы рус-

ское общественное мнѣніе, въ своемъ справедливомъ негодованіи, не упускало изъ виду этого важнаго обстоятельства.

16 мая.

По поводу неурожая и фритредерства *).

Надобно отдать справедливость нашей періодической печати по отношенію къ настоящему народному бѣдствію. Въ этомъ случаѣ ясно сказывается та государственная польза, которая получается отъ болѣе свободнаго обсужденія общественныхъ вопросовъ, чѣмъ въ старое, дореформенное время. Отрадно видѣть усилія лучшей части общества и печати идти объ руку съ правительствомъ и, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать ему въ такомъ трудномъ и сложномъ дѣлѣ, какъ помощь голодающему населенію цѣлыхъ пятнадцати губерній. Эти дружныя усилія до нѣкоторой степени смягчаютъ упрекъ въ той безпечности, съ которою мы жили въ послѣдніе годы, и которая явилась послѣдствіемъ цѣлаго ряда урожайныхъ лѣтъ.

Бѣдствіе застало насъ неподготовленными и слишкомъ увлеченными массой текущихъ интересовъ и злобъ дня. Можно надѣяться, что тяжелый урокъ не пропадетъ даромъ, что отнынѣ заботы о сельскомъ хозяйствѣ займутъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей внутренней политикѣ, и что такая важная натуральная повинность какъ запасные магазины не будетъ болѣе перелагаема на денежную.

Что же касается до запрета, наложеннаго на вывозъ разнаго хлѣба, то на будущее время я предложилъ бы въ подобныхъ случаяхъ не запрещеніе собственно, а вывозную пошлину, прогрессивно увеличивающуюся по мѣрѣ увеличенія нужды. Съ одной стороны, эта мѣра остановила бы излишній отливъ зерна изъ Россіи; а съ другой — пошлина доставила бы капиталъ спеціально назначенный на помощь голодающимъ, вмѣсто займовъ и новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ.

Въ настоящее время нѣкоторыми органами печати настойчиво проповѣдуется правительственная экспропріація всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ въ цѣлой Имперіи или въ неурожайныхъ ея частяхъ. Это вопросъ требующій большой осторожности и тщательнаго обдумыванія. Боюсь, что такая мѣра была бы слишкомъ энергична. Едва ли возможно огромную страну въ подобномъ случаѣ приравнивать къ осажденному городу. А что ка-

---

*) „Московскія Вѣдомости". 1891. № 333.

сается историческихъ справокъ, то онѣ слишкомъ неполны, чтобъ изъ нихъ можно было выводить положительныя заключенія. Мало привести какой-нибудь указъ или распоряженіе: надо еще въ точности знать какія были его послѣдствія.

Иногда благое съ виду рѣшеніе при недостаткѣ всесторонней обдуманности, ведетъ прямо къ противоположнымъ результатамъ. Для примѣра, возьмемъ такъ называемое осушеніе Припетьскаго Полѣсья. Казалось бы, съ перваго взгляда дѣло полезное. А результаты получились плачевные, имѣющіе прямое отношеніе къ наступившимъ неурожаямъ. Мнѣ, впрочемъ, это дѣло представлялось въ иномъ свѣтѣ: я думалъ, что имѣется въ виду такая система каналовъ, которая обратила бы безчисленныя болота въ сѣть озеръ. Вмѣсто того воду угнали въ Черное море, лѣса вырубили, и древнее Полѣсье, служившее резервуаромъ влаги для огромнаго района, обратили въ безводную степь. Въ данномъ вопросѣ гораздо лучше направить правительственную энергію на нашу желѣзнодорожную сѣть, на ея расширеніе и упорядоченіе. Вѣдомство путей сообщенія окажется на высотѣ своей задачи, когда не будетъ имѣть мѣста задержка въ движеніи хлѣбныхъ грузовъ, и горы зерна будутъ помѣщаться на крытыхъ платформахъ, а не подвергаться порчѣ подъ дождемъ и снѣгомъ.

Печать наша за послѣднее время сдѣлала массу полезныхъ указаній, благодаря которымъ бѣдствія, происходящія отъ неурожая, могутъ быть уменьшены въ настоящее время и предупреждены на будущее. Только на одно важное условіе она, по моему мнѣнію, пока мало обращала вниманія: это на распространеніе сельскохозяйственнаго образованія. Напомню наши многочисленные толки и заботы объ упадкѣ дворянскаго землевладѣнія. Главною, и чуть ли не единственною, панацеей противъ него выставляли удешевленіе кредита. Правительство вняло этимъ жалобамъ и создало новые банки на возможно льготныхъ основаніяхъ. Помѣщики стали еще усерднѣе закладывать свои имѣнія. Какія были отъ того благія послѣдствія для дворянскаго землевладѣнія и для сельскаго хозяйства вообще, остается вопросомъ, а пока мы видимъ длинные списки имѣній, которыя, несмотря на разныя льготы, неуклонно объявляются въ продажѣ съ аукціона. Едва ли не болѣе цѣлесообразною была бы забота о распространеніи между землевладѣльческимъ классомъ сельскохозяйственнаго образованія. Для сего требуется устройство и широкое распространеніе соотвѣтствующихъ школъ. Какого типа и въ какихъ мѣстностяхъ, это спеціальный вопросъ, обсужденіе котораго предоставляю людямъ болѣе меня компетентнымъ. Я только напоминаю о

томъ, что сей предметъ заслуживаетъ самаго серьознаго вниманія со стороны правительства и общества.

Затѣмъ, приходится отмѣтить въ нѣкоторыхъ органахъ текущей печати еще слѣдующую, по моему крайнему убѣжденію, вполнѣ невѣрную тенденцію. Неурожай какъ бы далъ новый толчокъ тѣмъ, которые любятъ повторять, что Россія есть страна земледѣльческая, крестьянская, что на первомъ планѣ должны быть заботы о земледѣліи, а о фабричной и заводской промышленности на второмъ или даже на третьемъ; что надобно разрѣшить чуть ли не безпошлинный привозъ сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ изъ-за границы и т. д. Всѣ подобные толки очень на руку нашимъ сосѣдямъ Нѣмцамъ, которые именно желаютъ чтобы Россія служила постояннымъ огромнымъ рынкомъ для ихъ промышленности, а сама бы только землю пахала и доставляла имъ дешевый хлѣбъ. Нѣтъ и нѣтъ. Уже для того, чтобы не бояться неурожаевъ мы должны быть богаты; а богаты мы можемъ сдѣлаться только при помощи строго покровительственной системы.

Одному Богу извѣстно, во сколько милліярдовъ рублей нужно оцѣнить тѣ убытки, которые причинила Россіи фритредерская система, вмѣстѣ съ ея глашатаями, профессорами политической экономіи. Не будь у насъ этого повѣтрія 50-хъ и 60-хъ годовъ, развитіе русской промышленности, а слѣдовательно и народнаго богатства, стояло бы теперь на иной, гораздо высшей ступени. Корень даннаго зла заключается въ томъ, что означенная система проникла къ намъ и водворилась подъ именемъ науки; а въ дѣйствительности она доказываетъ только далеко недостаточную научную подготовку ея глашатаевъ. Но молодежь не можетъ, конечно, сама собою уразумѣть въ чемъ состоитъ ложь этой, якобы, научной системы и волей-неволей пропитывается ея тенденціями. Отсюда происходитъ великій сумбуръ въ общественныхъ идеяхъ и понятіяхъ. Я помню какъ самъ окончилъ университетскій курсъ фритредеромъ, подъ вліяніемъ лекцій покойнаго профессора Вернадскаго. Только въ послѣдствіи, благодаря своимъ историческимъ занятіямъ, собственнымъ наблюденіямъ и размышленіямъ, я убѣдился въ томъ, какая смѣсь истины съ ложью предлагалась намъ подъ видомъ науки политической экономіи. А между тѣмъ, со времени Вернадскаго и по-нынѣ московская каѳедра сдѣлалась пріютомъ неосмысленнаго фритредерства.

Фритредерская система, выработанная въ Англіи, имѣла тамъ полный смыслъ: благодаря строгому покровительству прежнихъ временъ, промышленность англійская развилась до такой степени, когда она не боялась уже конкурренціи и не нуждалась болѣе ни въ какой охранѣ. Она

нуждалась теперь только въ рынкахъ. И вотъ теорія свободной торговли, распространившаяся изъ Англіи въ другія страны, подоспѣла очень кстати, чтобы доставить ей эти рынки.

Самое видное мѣсто въ числѣ этихъ странъ заняла Россія, не задолго до того времени учредившая у себя каѳедры политической экономіи. Профессора сей науки, легко и быстро усвоившіе себѣ разсужденія Адама Смита, теоріи Рикардо, Мальтуса, Сея, Бастіа и друг., сдѣлались главными піонерами системы, воображая, что они вполнѣ обладаютъ знаніемъ законовъ, на основаніи которыхъ развивается народное богатство. Но чужія теоріи и разсужденія не могутъ замѣнить истиннаго научнаго отношенія къ дѣлу и самостоятельнаго основательнаго его изученія.

Наши экономисты обыкновенно и не подозрѣвали существованія вопроса о томъ, какое отношеніе имѣетъ то или другое положеніе политической экономіи къ національному развитію. И вообще національное развитіе является для нихъ какимъ-то постороннимъ предметомъ, а въ немъ-то и заключается главная сила. Еслибъ они основательно были знакомы съ исторіей, то поняли бы, что развитіе англійской промышленности шло объ руку и помогало развитію англійской національности, что уже въ первой четверти XIX столѣтія то и другое развитіе почти достигло своего кульминаціоннаго пункта, а предыдущіе вѣка именно отличались строгими мѣрами, охранявшими это развитіе. Еслибъ они были знакомы съ исторіей не поверхностно, то увидали бы, что одинъ Навигаціонный актъ 1651 года, запретившій иностраннымъ кораблямъ привозить чужіе товары, далъ сильнѣйшій толчокъ развитію англійскаго торговаго флота. Одинъ этотъ актъ ниспровергаетъ всѣ ихъ фритредерскія бредни.

Если наши экономисты плохо знаютъ европейскую исторію, то объ отечественной и говорить нечего. Чтобы кто-нибудь изъ нихъ потрудился надъ научною разработкой какого-либо экономическаго вопроса изъ прошлыхъ столѣтій русской жизни, я и примѣровъ такихъ не знаю.

Рядомъ съ профессорами экономистами, игнорирующими уроки исторіи, у насъ встрѣчаются и такіе историки, которые обнаруживаютъ замѣчательный недостатокъ критики по отношенію къ той же фритредерской системѣ.

На-дняхъ прочелъ я любопытную статью профессора Бильбасова *Никита Панинъ и Мерсье де Ларивьеръ* («Русск. Стар.» 1891, ноябрь). Тутъ авторъ, между прочимъ, разсказываетъ, какъ Ларивьеръ, будучи назначенъ интендантомъ на островъ Мартинику, разоренный Англичанами въ Семилѣтнюю Войну, возродилъ благосостояніе сего острова, разрѣ-

шивъ всѣмъ иностраннымъ кораблямъ безпошлинный привозъ съѣстныхъ припасовъ, строевого лѣса и негровъ (которые покупались какъ рабочая сила). Такое примѣненіе «принциповъ свободной торговли на практикѣ», по мнѣнію г. Бильбасова, дало блестящее доказательство въ защиту фритредерской теоріи и посрамило тѣхъ негодовавшихъ на нее французскихъ негоціантовъ, которые имѣли монополію торговли съ островомъ Мартиникой.

Почтенный авторъ по сему поводу сѣтуетъ на то, что «принципъ свободы торговли и въ концѣ XIX столѣтія не понимается многими умами, смѣшивающими государственные интересы торговли съ частными интересами торговцевъ».

А по моему мнѣнію, любопытно то, что въ концѣ XIX вѣка профессоръ всеобщей исторіи на этомъ примѣрѣ обнаруживаетъ свое игнорированіе важнѣйшихъ условій національнаго и экономическаго развитія такой страны, какъ Франція. Очевидно ему и въ голову не приходили слѣдующіе простые вопросы: во-первыхъ, далеко ли ушло бы это развитіе безъ покровительственной системы Кольбера и его послѣдователей? А во-вторыхъ, какое значеніе въ этомъ развитіи имѣла вообще колоніальная политика тѣхъ временъ?

Островъ Мартиника, по своей относительной незначительности, конечно, могъ временно воспользоваться разными льготами, въ томъ числѣ безпошлинною покупкой негровъ-рабовъ, не нарушая національнаго развитія Франціи и не представляя никакихъ данныхъ для своего собственнаго національнаго развитія. Но возьмемъ примѣръ покрупнѣе. Тѣ же Англичане, которые, по словамъ г. Бильбасова, своими кораблями запрудили всѣ порты Мартиники съ разрѣшенія Ларивьера, въ свою очередь, строго охраняли собственныя колоніи ото всякой свободной торговли, чѣмъ и вызвали знаменитое возстаніе Сѣверо-американскихъ колонистовъ. А послѣдніе, какъ только пріобрѣли самобытность, такъ и стали употреблять тѣ же способы для своего національнаго развитія. Извѣстно, какъ въ недавнее время Сѣверо-Американскіе Штаты свое благосостояніе, потрясенное междоусобною войной, возстановили при помощи строго покровительственной системы для своей промышленности.

Напомню при семъ, что колоніальная политика западно-европейскихъ державъ имѣла дѣло съ островами и странами, лежавшими за морями и океанами. А попробуйте мѣры Ларивьера на Мартиникѣ повторить хотя бы на одной изъ нашихъ инородческихъ окраинъ, и увидите, какъ эти якобы благодѣтельныя мѣры въ корнѣ подорвутъ наше экономическое, а слѣдовательно и національное развитіе. Уже одинъ примѣръ финлянд-

скихъ привилегіи и сосновице-лодзинскихъ послабленій служитъ нагляднымъ тому подтвержденіемъ.

Если профессора политической экономіи вмѣсто того, чтобы послѣдовательно, исторически изучать пути и способы, которыми передовые культурные народы достигли своего національнаго благосостоянія, проповѣдуютъ, ничто же сумняся, одностороннія и подчасъ крайне поверхностныя теоріи нѣкоторыхъ западныхъ мыслителей, часто къ намъ неприложимыя, и притомъ добродушно полагаютъ, что они преподаютъ науку о народномъ богатствѣ (точнѣе, о народномъ разореніи), то для профессоровъ исторіи должно бы быть обязательно знакомство съ основными условіями всякаго національнаго развитія.

Считаю необходимымъ при семъ оговориться, что я не касаюсь тѣхъ немногихъ ходячихъ истинъ, которыя повторяются экономистами и которыя доступны всякому здравомыслящему человѣку; каковы, наприм., условія раздѣленія труда, разныя ассоціаціи, отношеніе спроса и предложенія и т. п. Я имѣю въ виду болѣе всего громкія фразы о свободномъ обмѣнѣ цѣнностей на міровомъ рынкѣ, о безпрепятственномъ движеніи ихъ по лицу земного шара, о якобы естественномъ распредѣленіи народныхъ богатствъ, о прелестяхъ безграничной конкурренціи и т. п.; причемъ о какихъ-либо національныхъ интересахъ, объ интересахъ русской промышленности обыкновенно нѣтъ и помину.

Нельзя не обратить, наконецъ, серьезнаго общественнаго вниманія на такое явленіе: нѣкоторыя иноземныя теоріи, хотя бы и не вполнѣ научныя, но по крайней мѣрѣ имѣющія тамъ свой raison d'être, будучи перенесены на русскую почву, получаютъ у насъ догматическій и вмѣстѣ антинаціональный характеръ, благодаря нашимъ доморощеннымъ адептамъ, мало подготовленнымъ къ пониманію сути этихъ теорій. И вотъ, обездоленная русская промышленность, лишенная научной защиты со стороны своихъ, казалось бы, прямыхъ союзниковъ, то-есть политико-экономовъ спеціалистовъ, начинаетъ получать ее въ лицѣ такихъ представителей точныхъ наукъ, какъ извѣстнѣйшіе русскіе химики Д. И. Менделеевъ и В. В. Марковниковъ.

Возвращаясь къ настоящимъ обстоятельствамъ, повторяю, что неурожай нисколько не даетъ намъ права дѣлать какія-либо бреши въ только-что начинающейся у насъ (благодареніе Богу), національной покровительственной политикѣ по отношенію къ нашей заводской и фабричной промышленности. Справедливыя заботы о сельскомъ хозяйствѣ не только не требуютъ безпошлиннаго ввоза машинъ и орудій изъ-за границы; а напротивъ, заставляютъ усиленно покровительствовать этой отрасли про-

изводства. Если мы не разовьемъ ее у себя, то стало-быть и наше сельское хозяйство будетъ постоянно находиться въ иностранной зависимости и никогда не достигнетъ надлежащей высоты. Это то же самое, что заграничные заказы оружія и кораблей. Мыслимо ли въ наше время прочное, безопасное существованіе великой націи, которая не выработала собственныхъ средствъ для приготовленія у себя дома наиважнѣйшихъ предметовъ государственной обороны?

Но объ этихъ вопросахъ надѣемся еще поговорить въ другой разъ.

29 ноября.

По поводу торговыхъ договоровъ и толковъ о войнѣ *).

Ровно пять лѣтъ тому назадъ, послѣ удаленія принца Батенбергскаго изъ Болгаріи и учрежденія тамъ лжерегенства, начались толки въ нѣмецкой печати о предстоящей европейской войнѣ; тогда была поднята рѣчь о войнѣ Германіи съ Франціей, и толки эти долгое время занимали общественное вниманіе Европы.

Тогда же, а именно въ теченіе первой половины 1887 года, я имѣлъ честь въ цѣломъ рядѣ писемъ, помѣщенныхъ въ «Новомъ Времени» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», объяснять русской публикѣ, что никакой европейской войны такъ скоро не предстоитъ, что со стороны Нѣмцевъ, точнѣе Бисмарка, это просто маневры (съ инцидентомъ Шнебеле включительно), которые должны отвлечь наше вниманіе отъ Восточнаго вопроса, и что съ этой стороны что-то затѣвается. Мнѣ удалось даже угадать, что имѣется въ виду снова водворить въ Болгаріи *нѣмецкаго принца*. (См. стр. 367 401, 404 и 409 перваго выпуска моихъ *Мелкихъ сочиненій*).

Само собой разумѣется, что мой голосъ затерялся въ массѣ ежедневныхъ газетныхъ толковъ и мои объясненія повидимому ни къ чему не послужили.

Съ тѣхъ поръ почти каждую зиму періодически возобновляются въ европейской печати толки объ европейской войнѣ, возбуждаемые обыкновенно нѣмецкою печатью. Для меня по крайней мѣрѣ всегда очевидно было, что эти толки суть простой маневръ для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей, а что европейской войны собственно не предстоитъ. И любопытно, что подобный не хитрый маневръ, если не вполнѣ, то до извѣстной степени достигалъ своихъ цѣлей. Пытался я нѣсколько разъ гово-

*) „Московскія Вѣдомости". 1891. № 349.

рить противъ призраковъ близкой войны и противъ происходящаго отсюда нервнаго возбужденія въ обществѣ; но, кажется, тщетно. А между тѣмъ эти призраки и это возбужденіе неизбѣжно отражаются на важныхъ текущихъ дѣлахъ, и прежде всесо сказываются спѣшными мѣрами вооруженія. Все кажется, что мы не успѣемъ приготовить улучшенное вооруженіе собственными средствами; отсюда возобновляются заграничные заказы, подрывающіе развитіе нашихъ заводовъ и увеличивающіе нашу внѣшнюю задолженность.

Вотъ и теперь, откуда вдругъ посыпались толки о близкой войнѣ? Что́ такое случилось?

А случилось то, что Германія заключила новые торговые договоры съ Австріей и Италіей. Да Богъ съ ней; пусть себѣ заключаетъ; только бы насъ-то оставила въ покоѣ. Но въ томъ-то вся сила, что именно насъ она никакъ не желаетъ оставить въ покоѣ. Отсюда горячія статьи о политическомъ значеніи заключенныхъ договоровъ, которые должны якобы укрѣпить Среднеевропейскую лигу мира, расширить ее разными второстепенными государствами и сдѣлать ее еще болѣе грозною для Россіи и Франціи. А тутъ кстати случился большой неурожай, причинившій голодовку во многихъ нашихъ губерніяхъ. Какъ же не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ! Съ точки зрѣнія бисмарковской политики это было бы непростительною ошибкой. Я говорю о политикѣ князя Бисмарка, ибо, оставшись не у дѣлъ, онъ могъ сколько угодно увѣрять русскихъ и французскихъ корреспондентовъ въ своей любви къ Россіи и Франціи; но исторіи-то онъ не проведетъ, и она скажетъ, что настоящіе маневры—это продолженіе того что было такъ ловко налажено самимъ главнымъ мастеромъ политической интриги. Графъ Каприви даже усвоилъ себѣ тотъ же парламентскій пріемъ: заявлять о своей якобы несолидарности съ газетчиками, производящими въ данный моментъ травлю на все русское.

Итакъ, съ одной стороны, большой неурожай въ Россіи, а съ другой—новозаключенные торговые договоры между членами Среднеевропейской лиги. Какъ же не связать два столь близкія событія! Газетныя рептиліи и связываютъ ихъ въ такомъ смыслѣ, что лига, молъ, укрѣпилась и усилилась; а Россія отъ голода такъ ослабѣла, что въ случаѣ войны ее ожидаетъ ужасный разгромъ, а потому она должна смириться предъ лигой, то-есть, собственно, передъ Германіей и сдѣлать сей послѣдней всевозможныя уступки.

Да какія же именно уступки?

Хотя печатно объ этомъ пока не говорится или говорится глухо, но

мы легко можемъ догадываться. Уступки главнымъ образомъ потребуются тарифныя, для облегченія къ намъ германскаго ввоза, для сбыта нѣмецкаго перепроизводства; послѣдствіемъ чего, конечно, должно быть угнетеніе русской обрабатывающей промышленности. Не будучи посвященнымъ въ тайны дипломатическихъ переговоровъ, я, однако, позволю себѣ предполагать, что домогательства сего рода если не начались, то непремѣнно начнутся. Именно, въ виду такихъ и подобныхъ имъ подкоповъ подъ развитіе нашей промышленности и нашей національной политики вообще, я уже имѣлъ случай высказать свои опасенія въ прошломъ письмѣ («По поводу неурожая и фритредерства»). Нѣмецкіе газетные толки, послѣдовавшіе за утвержденіемъ торговыхъ договоровъ, вполнѣ подкрѣпляютъ эти опасенія. А приключеніе съ французскимъ корреспондентомъ въ Софіи, то-есть насильственная высылка изъ Болгаріи г. Шадурна, что-то очень напоминаетъ инцидентъ Шнебеля, и, по всѣмъ признакамъ, болгарскіе заправилы тутъ являются покорнымъ орудіемъ въ рукахъ австро-германской дипломатіи. Всѣ эти маневры нужны для извѣстнаго впечатлѣнія или, точнѣе, извѣстнаго давленія на Россію и Францію, чтобы подготовить почву для дальнѣйшаго безкровнаго Drang'а Германіи на Востокъ.

Съ тѣми же цѣлями, конечно, появилась и воинственная статья генерала Лещинскаго, грозящая намъ страшными бѣдами въ предстоящей европейской войнѣ. Эта манія запугиванія получаетъ, наконецъ, дѣтски-наивный характеръ. Война дѣйствительно произойдетъ, но еще не скоро, и мы будемъ имѣть достаточно времени, чтобы приготовиться къ ней серіозно, систематически, между прочимъ развить собственные заводы для выдѣлки орудій, ружей, боевыхъ снарядовъ и для постройки собственныхъ кораблей.

На основаніи газетной передачи, въ статьѣ Лещинскаго мнѣ бросилась въ глаза одна подробность: это его стараніе увѣрить насъ что система набѣговъ русской кавалеріи на германскую территорію при самомъ началѣ войны и въ теченіе ея якобы для насъ будетъ и безполезна, и гибельна. Очевидно, такіе набѣги являются для Нѣмцевъ очень непріятнымъ обстоятельствомъ. А потому можно рекомендовать его особому вниманію со стороны офицеровъ нашего Генеральнаго Штаба. Я говорю о современной и тщательной разработкѣ плана.

Итакъ, мы можемъ спокойно заниматься своимъ національнымъ развитіемъ. Пока Россія сама не желаетъ войны, миръ обезпеченъ.

15 декабря.

По поводу антинаціональной печати *).

Въ числѣ испытаній, посылаемыхъ судьбой Россіи, есть одно, которое въ послѣднюю эпоху нашей исторіи пріобрѣло характеръ хроническаго бѣдствія. Это—антинаціональная часть нашей печати. Она пользуется у насъ названіемъ либеральной. Но такое названіе уже давно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и остается только по недоразумѣнію.

Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ либералами назывались собственно сторонники предпринятыхъ тогда реформъ. Эти реформы нисколько не препятствовали ихъ сторонникамъ оставаться добрыми гражданами и патріотами. Но съ пресловутаго польскаго мятежа 1863 года начался явный расколъ среди нашей интеллигенціи, которая тогда поголовно болѣе или менѣе считала себя либеральною. Постепенно стало выясняться, что подъ знаменемъ либерализма у насъ выступили на сцену и забрали силу теченія антирусскія, антинаціональныя; интересы инородческіе и даже иностранные стали отодвигать на второй планъ интересы собственно русскіе, помощью разныхъ красивыхъ фразъ по части гражданской свободы, европеизма, гумманности, братства народовъ и т. п. На полуобразованную массу публики, особенно на молодежь, эти фразы, конечно, дѣйствовали.

Теченіе забрало такую силу и такъ овладѣло нашею печатью, что истиннымъ патріотамъ и кореннымъ русскимъ людямъ, понявшимъ, наконецъ, куда ведетъ насъ такой либерализмъ, потребовалось большое гражданское мужество и много энергіи, чтобы выступить открыто противъ сего теченія. Разумѣется, имъ пришлось выдерживать яростные нападки съ противной стороны; ихъ начали обвинять въ крайней отсталости, въ мракобѣсіи и чуть ли не въ людоѣдствѣ; тутъ мнимые сторонники европейскаго прогресса дали полную волю своимъ шарлатанскимъ пріемамъ, грубости своихъ нравовъ и своему неуваженію къ человѣческой личности; такъ что на многихъ людей, робкихъ или нетвердыхъ въ убѣжденіи, ихъ многочисленные печатные органы наводили положительный терроръ. Однако, начавшаяся борьба съ ними мало-по-малу выяснила и продолжаетъ выяснять ихъ истинное значеніе, то-есть ихъ антинаціональныя стремленія; оказывается, что и самый правовой порядокъ, которымъ они старались плѣнять простодушныхъ Россіянъ, имѣетъ для нихъ второстепенное, подчиненное антирусскимъ интересамъ, значеніе. Многое въ этомъ, съ перваго взгляда какъ бы странномъ, явленіи (то-

*) Москов. Вѣд. 1892. № 3[illegible].

есть, откуда у насъ такое сильное антирусское теченіе) объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что наша интеллигенція въ значительной степени пропитана инородческими или не вполнѣ обрусѣвшими элементами, а съ другой — малоразвитымъ національнымъ сознаніемъ въ самомъ русскомъ обществѣ и происходящимъ отсюда обиліемъ тайныхъ или явныхъ отщепенцевъ. Въ этотъ разрядъ особенно легко переходятъ люди съ радикальною и нигилистическою, а также украинофильскою закваской.

Въ послѣднее время, благодаря Бога, расчеты со стороны означенныхъ органовъ дѣйствовать на правительственныя сферы едва ли могутъ имѣть мѣсто; но сумбуръ и туманъ, вносимые ими въ сферы общественнаго мнѣнія, къ сожалѣнію, все еще не прекратились. Особенно вредно ихъ вліяніе тамъ, гдѣ они свои антинаціональныя тенденціи пытаются прикрывать знаменемъ науки. Такъ, въ настоящую минуту ихъ усилія, между прочимъ, устремлены противъ покровительства народному труду, то-есть, противъ самобытнаго національнаго развитія русской промышленности, въ пользу излюбленнаго фритредерства, которое они обыкновенно обставляютъ ссылками на сомнительные политико-экономическіе авторитеты и невѣрные или ложно толкуемыя статистическія данныя. Нашъ неурожай прошлаго лѣта послужилъ для этого первымъ поводомъ, а недавніе торговые договоры, заключенные Германіей, — вторымъ. Но неурожай—бѣдствіе временное и, дастъ Богъ, скоро преходящее, а пониженные тарифы и невыгодные торговые договоры, въ которые насъ стараются вовлечь, остались бы для Россіи бѣдствіемъ на долгое время. Во всякомъ случаѣ наши фритредеры дѣйствуютъ съ усердіемъ, достойнымъ хорошаго вознагражденія со стороны иностранныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ.

Запѣвалой въ данномъ случаѣ является, какъ и слѣдовало ожидать, петербургскій «Вѣстникъ Европы». Въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ за прошлый 1891 годъ онъ помѣстилъ любопытный трактатъ г. Слонимскаго, подъ заглавіемъ: «Промышленные идеалы и дѣйствительность». Трактатъ сей направленъ противъ «Толковаго тарифа» Д. И. Менделѣева. Въ началѣ, какъ водится, онъ проливаетъ крокодиловы слезы по поводу нашего неурожая и отсутствія правительственныхъ заботъ о земледѣліи, при излишнихъ заботахъ о промышленности. А затѣмъ идутъ въ полномъ своемъ составѣ обычные аргументы противъ покровительственной системы. И доктрина-то протекціонизма будто бы вездѣ падаетъ. И Тенгоборскій съ Безобразовымъ, столь много потрудившіеся на пользу фритредерства, будто были очень хорошіе эконо-

мисты. И свеклосахарная наша промышленность идетъ въ примѣръ излишняго покровительства; хотя именно за такое излишество, сколько мнѣ извѣстно, никто въ печати не стоитъ, и для страны было бы несравненно выгоднѣе, если бъ оно обратилось на желѣзо и каменный уголь. Затѣмъ идутъ разсужденія о вредныхъ для народа фабричныхъ порядкахъ и нравахъ, какъ будто они не подлежатъ улучшенію и оздоровленію, о мнимой опасности оставить наши поля безъ обработки и увлечься фабричнымъ перепроизводствомъ—разсужденія, подкрѣпленныя извращенными ссылками на примѣры Франціи и Англіи. Есть также сѣтованія на возможное при покровительствѣ уменьшеніе таможенныхъ доходовъ, то-есть обращеніе къ узко-фискальнымъ интересамъ. Не забыто и обычное пуганіе усиленіемъ контрабанды, какъ будто противъ нея нельзя принять болѣе серьезныхъ мѣръ. Забота о развитіи фабрикъ и заводовъ выставляется заботой не о народномъ обогащеніи, а о частномъ, то-есть обогащеніи заводчиковъ и фабрикантовъ. Это тоже самый любимый пріемъ нашихъ фритредеровъ, хотя никто изъ нихъ еще не указалъ такой страны, гдѣ бы фабрично-заводская промышленность развилась и обогатила населеніе помимо заводчиковъ и фабрикантовъ; слѣдовательно, потребляя заграничные товары, мы во всякомъ случаѣ обогащаемъ фабрикантовъ, только не своихъ, а чужихъ.

И вотъ, послѣ такихъ мнимонаучныхъ аргументовъ, въ слѣдующей, январской книжкѣ «Вѣстника» 1892 года, въ «Иностранномъ обозрѣніи» (столь благосклонно принятомъ нѣмецкою печатью) восхваляются послѣдніе германскіе торговые договоры, основанные на «принципѣ взаимности»; а русскій протекціонизмъ и націонализмъ выставляются пугалами, подлежащими, конечно, уничтоженію.

Ту же ноту тянетъ въ унисонъ съ «Вѣстникомъ Европы» его московскій сколокъ, то-есть «Русская Мысль». Вслѣдъ за «Вѣстникомъ», сей журналъ въ своей январской книжкѣ даетъ такое же обозрѣніе прошедшаго года въ «политическомъ отношеніи» (благо и выходитъ-то онъ значительно позже своего образца). Авторъ сего обозрѣнія, г. Гольцевъ, тоже «имѣетъ основаніе думать, что протекціонизмъ отцвѣтетъ еще до начала XX вѣка»; онъ также сочувственно относится къ торговымъ договорамъ, заключеннымъ канцлеромъ Каприви, и также толкуетъ о якобы близкомъ паденіи покровительственной системы во Франціи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Кстати, вмѣстѣ съ ненавистнымъ протекціонизмомъ, по соображеніямъ сего политика, долженъ пасть и другой ненавистный нашимъ антинаціоналамъ предметъ: «обветшалая классическая система» средняго

образованія; а на развалинахъ ея будутъ процвѣтать новые языки вмѣстѣ съ естествознаніемъ. На развалинахъ же протекціонизма онъ сулитъ намъ процвѣтаніе русской торговли въ Персіи: стоитъ только провести туда рельсовый путь, чтобъ успѣшно тамъ конкурировать съ Англичанами. Для всякаго здравомыслящаго человѣка ясно, что при свободной торговлѣ Англичане и другіе иностранцы убьютъ нашу промышленность, такъ что и у себя дома мы будемъ потреблять чужія произведенія (и обогащать чужихъ фабрикантовъ); а политикъ антинаціональной школы полагаетъ, что при свободной торговлѣ мы будемъ успѣшно конкурировать съ западноевропейцами въ чужихъ странахъ. Гдѣ же тутъ логика? А между тѣмъ г. Гольцевъ, сколько мнѣ извѣстно, состоитъ усерднымъ членомъ Московскаго Психологическаго Общества.

Любопытно и вмѣстѣ прискорбно наблюдать, какъ приведенныя выше измышленія Стасюлевиче-Пыпинскаго органа и его Лавро-Гольцевскаго подражанія сбиваютъ съ толку и нѣкоторые органы, держащіеся, повидимому, національнаго направленія.

Если прежде у насъ слишкомъ мало обращали вниманія на земледѣльческую культуру и предоставляли ее рутинному способу дѣйствія, то отсюда только слѣдуетъ, что надобно впредь усилить заботы о сельскохозяйственной промышленности. Но отсюда же никакъ не слѣдуетъ, что надобно бросить покровительство обрабатывающей или заводско-фабричной промышленности. Развѣ эти двѣ заботы исключаютъ одна другую? Напротивъ, въ такомъ государствѣ, какъ Россія, народное благосостояніе можетъ идти впередъ не иначе, какъ на двухъ этихъ ногахъ. Россія—земледѣльческая страна. А Сѣверо-Американскіе Штаты развѣ тоже не земледѣльческая страна, вывозящая свой хлѣбъ за Океанъ, въ Европу? Однако, она въ то же время страна съ высокоразвитою заводско-фабричною промышленностью, и, несмотря на это высокое развитіе (до котораго намъ еще очень далеко), продолжаетъ охранять его строгимъ протекціонизмомъ. Наши антинаціоналы ссылаются не на самый, громадной важности, фактъ этого протекціонизма, а на разные оппозиціонные ему возгласы. Положительно, они разсчитываютъ на безмѣрное простодушіе и умственную ограниченность своихъ русскихъ читателей. Что касается до угрозъ тарифною войной, во время которой сосѣди запрутъ свои границы для нашего хлѣба,—опять дѣтское пуганіе. Подобная война окажется для нашихъ западныхъ сосѣдей слишкомъ разорительною.

Въ только что полученной февральской книжкѣ «Вѣстника Европы» помѣщенъ новый политико-экономическій трактатъ г. Слонимскаго (о

торговомъ балансѣ), страдающій все тѣми же ненаучными предвзятыми идеями, недомолвками, противорѣчіями и все тою же игрой въ статистическія цифры. Во-первыхъ, выставляя на видъ цѣлый рядъ годовъ съ выгоднымъ торговымъ балансомъ, не принесшимъ намъ замѣтнаго обогащенія, онъ забываетъ о громадныхъ суммахъ, которыя мы платили иностранцамъ по внѣшнимъ займамъ, заказамъ и покупкамъ кораблей, пушекъ и т. п., не говоря еще о путешествіяхъ и проживаніяхъ за границей. Все это превышало пользу отъ выгоднаго баланса, а заграничные заказы и покупки, кромѣ того, подрывали развитіе собственной промышленности и техники. Во-вторыхъ, указывая на примѣры Франціи и Англіи, не всегда имѣвшихъ торговый балансъ въ свою пользу, авторъ не беретъ въ расчетъ того, что онѣ не платятъ процентовъ и погашенія другимъ странамъ, а, наоборотъ, съ нихъ получаютъ; упускаетъ также изъ виду ихъ колоніальные доходы, особенно по отношенію къ Англіи. Въ-третьихъ, игнорируетъ ихъ болѣе упорядоченную финансовую систему вообще, ихъ, въ теченіе долгаго времени накопленные отъ своей превосходно развитой промышленности, капиталы, благодаря которымъ, онѣ многое могутъ себѣ позволить и даже безъ особой тягости, напримѣръ, заплатить пять милліардовъ контрибуціи; игнорируетъ и многое другое. Въ-четвертыхъ, авторъ подобнаго трактата прежде всего долженъ себѣ уяснить состояніе внутренней производительности и внутреннихъ торгово-промышленныхъ оборотовъ, по отношенію къ которымъ обороты внѣшніе составляютъ только небольшую часть общаго цѣлаго. А наша внутренняя производительность еще такъ слаба, что для своего развитія требуетъ защиты отъ непосильнаго для нея гнета конкуренціи иностранной и полуиностранной (Сосновице-Лодзинской). Есть, однако, и немногіе вѣрныя, хотя и не новыя, указанія въ данномъ трактатѣ. Кромѣ упомянутаго выше ненормально поставленнаго свеклосахарнаго дѣла, слѣдуетъ обратить вниманіе на хищническую эксплуатацію нѣкоторыхъ естественныхъ богатствъ, напоминающихъ истребленіе нашихъ лѣсовъ. Напримѣръ, усиленный вывозъ за границу нашей нефти, которая намъ самимъ нужна, и которая отнюдь не можетъ быть названа неистощимою. Вывозъ такихъ продуктовъ долженъ быть обложенъ пошлиной, что ослабитъ ихъ отливъ и въ то же время дастъ значительный плюсъ къ таможеннымъ доходамъ, уменьшеніемъ которыхъ г. Слонимскій такъ пугаетъ нашъ фискъ, стараясь отвратить его отъ покровительственной системы.

Москва, 5 февраля.

По поводу вопроса о войнѣ и мирѣ *).

«Война или миръ»? спрашиваетъ профессоръ международнаго права, въ началѣ своей публичной лекціи, читанной въ пользу голодающихъ и затѣмъ всю эту лекцію посвящаетъ разсужденіямъ, склоняющимся самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу мира. Прекрасно. Но не ломится ли онъ собственно въ отверстую дверь? Гдѣ онъ видитъ у насъ въ настоящую минуту такое воинственное настроеніе общества, которое надобно было бы умѣрять и охлаждать? Стоитъ только простымъ, невооруженнымъ глазомъ посмотрѣть вокругъ себя и убѣдиться, что никакого особаго шовинизма въ нашемъ обществѣ налицо не имѣется. Если въ данномъ случаѣ оно чѣмъ интересуется, то именно вопросомъ, произойдетъ ли въ ближайшемъ будущемъ война или сохранится всѣмъ желанный миръ. Мнѣ пришлось встрѣтить людей, которые пошли на лекцію узнать, какъ профессоръ рѣшаетъ сей вопросъ, и воротились разочарованные; оказалось, что нисколько не касаясь шансовъ войны, онъ убѣждалъ самыхъ мирныхъ людей усердно желать мира и тѣмъ воздѣйствовать на правительство. Но всѣмъ извѣстно, что и правительство у насъ въ настоящее время самое миролюбивое; стало быть, въ какомъ же смыслѣ должно происходить это воздѣйствіе?

Отвѣтомъ на послѣдній вопросъ служатъ слѣдующія слова лектора: «ему (т.-е. миру) болѣе всего угрожаютъ: одностороннее и суровое проведеніе государствами въ своей внутренней жизни принципа національности, а въ сферѣ экономической—протекціонизма; низкій уровень политической нравственности; чрезмѣрный, все болѣе и болѣе разростающійся милитаризмъ». Двѣ послѣднія причины затѣмъ развиваются въ чертахъ туманныхъ и мало уловимыхъ, а главное, къ намъ мало приложимыхъ. Напримѣръ, по поводу низкаго уровня политической нравственности говорится о какихъ-то «воинствующихъ публицистахъ»; у насъ въ настоящее время таковыхъ совсѣмъ невидно; зато ихъ много въ австро-германской печати, именно въ ея субсидированномъ или «пресмыкающемся» отдѣлѣ. Точно также іереміады о милитаризмѣ, выражающемся въ страшныхъ, дорого стоющихъ вооруженіяхъ, должны быть отнесены собственно на счетъ ихъ иниціатора, т.-е. Германіи; а мы вооружаемся уже по необходимости, въ видахъ обороны.

Слѣдовательно, по русскому адресу направлены собственно дальнѣйшія разсужденія о мнимыхъ излишествахъ *національизма* и *протекці-*

*) Новое Время. 1892. № 5761.

онизма — двухъ государственныхъ факторовъ, столь ненавистныхъ нѣкоторымъ органамъ печати (лекція помѣщена въ февральской книжкѣ «Русской Мысли» за текущій годъ) и въ этомъ отношеніи требуются отъ насъ уступки и уступки, конечно подъ благовиднымъ предлогомъ обезпечить долгій миръ. Въ сущности профессоръ международнаго права, ради процвѣтанія сего права (онъ такъ и предлагаетъ насущные интересы государственные или *интересы политическіе* замѣнить какими-то *началами международнаго права*), прямо проповѣдуетъ политику дряблости и трусости, вмѣсто того, чтобы внушать нашему обществу мужество и готовность въ случаѣ нужды постоять за родину.

Очевидно, профессоръ университета не постигаетъ той простой истины, что именно эти мужество и готовность болѣе всего могутъ способствовать сохраненію мира. Старая латинская поговорка si vis pacem para bellum и въ наше время остается такъ же вѣрна, какъ и прежде. Вообще его разсужденія о значеніи войнъ и дорогихъ вооруженіяхъ построены не на научныхъ основаніяхъ. Подобныя, такъ сказать, банальныя разсужденія должны быть менѣе всего свойственны людямъ, изучающимъ политическія науки. Оригинальны между прочимъ его проекты о томъ, какъ можно уладить между Франціей и Германіей Эльзасъ-лотарингскій вопросъ. Подобные близорукіе политики не видятъ того, что именно сей вопросъ и служитъ въ настоящее время однимъ изъ главныхъ шансовъ для сохраненія мира. Почему? Надѣюсь, людямъ сколько-нибудь смышленнымъ сообразить не трудно. Точно также излишенъ для Россіи его совѣтъ оставить въ покоѣ балканскіе народы, чтобы не вызывать на сцену восточнаго вопроса. А сосѣди наши, конечно, останутся глухи къ подобнымъ совѣтамъ.

Ненаучное отношеніе къ предмету обнаруживаетъ гр. Комаровскій и въ заключеніи своей лекціи, гдѣ онъ увѣряетъ, что «между народами Европы Русскій принадлежитъ къ наиболѣе миролюбивымъ» или по-просту сказать: къ наиболѣе робкимъ. Но вѣдь это вопіющая клевета на нашъ народъ. И объяснять далѣе его многочисленныя войны только внѣшними причинами, въ родѣ «равнинности» страны, отсутствія «естественныхъ» границъ и т. п.—значитъ совсѣмъ не знать характеръ народа и не понимать его исторіи. Правда, нашъ народъ «религіозенъ, а по своей натурѣ добродушенъ и незлопамятенъ». Но если бы онъ обладалъ только этими свойствами, то другіе народы давно стерли бы его съ лица земли, именно при данныхъ условіяхъ, т.-е. равнинной странѣ и недостаткѣ естественныхъ огражденій. Нѣтъ, это свойство собственно мирнаго времени; а въ пору общей опасности и тревоги онъ способенъ одушевляться

сильнымъ воинственнымъ жаромъ, и рѣдко можно въ исторіи встрѣтить другой народъ, который бы въ такую пору обнаруживалъ столько мощной, стихійной силы для борьбы съ врагами.

Разумѣется, здѣсь идетъ рѣчь о томъ основномъ слоѣ народности, до котораго ни означенная лекція, ни мои слова не дойдутъ. А что касается до болѣе культурнаго слоя, то съ этой стороны въ ближайшемъ будущемъ скорѣе можно опасаться индиферентизма и даже апатіи, подъ вліяніемъ событій новаго времени. Положимъ, теперь нѣтъ вѣроятности, чтобы Россія стала вести войну за чужіе и даже непріязненные интересы, каковы войны, бывшія въ эпоху Наполеона I, за Австрію и Пруссію или ради созданія Финляндскихъ привилегій, а также венгерскій походъ 1849 года для спасенія цѣлости Австріи или экспедиція 1832 года для поддержанія цѣлости Турціи. Однако и освободительная война 1877 года, окончившаяся, какъ ближайшимъ результатомъ, созданіемъ новаго престола для нѣмецкихъ принцевъ и новыхъ областей для нѣмецкой эксплоатаціи; а главное, мирный, но ничѣмъ несдерживаемый и менѣе всего фиктивнымъ подданствомъ, потокъ нѣмецкой колонизаціи, все болѣе и болѣе захватывающій русскую территорію, пріобрѣтенную многимъ потомъ и кровью нашихъ предковъ—едва ли могутъ благотворно вліять на наше общественное настроеніе и возбуждать къ новымъ подвигамъ, если въ нихъ представится надобность. Я говорю, конечно, о воодушевленіи, а что Русскіе всегда исполнятъ свой долгъ и бодро пойдутъ всюду, куда укажетъ имъ Державная воля, о томъ говорить было бы излишнимъ.

Такой бьющій въ глаза фактъ, какъ мирный, безпрепятственный захватъ русской территоріи, разумѣется, нисколько не кажется страннымъ для публицистовъ антинаціональной школы, и они противъ него, какъ и противъ финляндскихъ или всякихъ инородческихъ привилегій, ничего не имѣютъ. Точно также проповѣдники дряблой, трусливой политики нисколько не интересуются вопросомъ о важнѣйшихъ источникахъ и средствахъ нашей національной обороны. Такъ, они апатично относятся къ тому, что русское кораблестроеніе и сталелитейное дѣло нуждаются въ усиленныхъ мѣрахъ покровительства и поощренія; что, напримѣръ, Добровольный флотъ все еще покупаетъ свои суда заграницей, а русскіе броненосцы заказываютъ свои машины и другія необходимыя части на заводахъ въ Англіи, Франціи и Германіи. Такимъ образомъ наша техника, а слѣдовательно и наши оборонительныя средства не соотвѣтствуютъ потребностямъ времени. Вотъ о чемъ долженъ заботиться и говорить въ настоящую минуту человѣкъ, претендующій на роль политика

и публициста, а не проповѣдывать систему тряпичности и ротозѣйства подъ предлогомъ сохраненія мира.

Москва, 9-го марта.

По поводу особой комиссіи*).

На-дняхъ появилась въ русскихъ газетахъ любопытная телеграмма, гласящая «что сдѣланныя Германіей предложенія относительно улучшенія взаимныхъ торговыхъ сношеній съ Россіей подвергнуты были разсмотрѣнію особой комиссіи. Результаты получились не отрицательнаго характера».

Телеграмма эта проскользнула какъ-то незамѣтно, подъ шумокъ разныхъ болѣе эффектныхъ извѣстій, и, повидимому *неотрицательные* результаты *особой* комиссіи не обратили на себя особаго вниманія русской публики. Подобное явленіе повторяется нерѣдко: межъ тѣмъ какъ публика занимается, напримѣръ, толками о пѣвцахъ, артистахъ, анархистахъ, юбилеяхъ, Пухертѣ, Дрейфусѣ, Вл. Соловьевѣ, гр. Толстомъ и т. д., — гдѣ-нибудь въ тиши канцеляріи или особой комиссіи подготовляются чрезвычайно важныя мѣры, способныя потомъ удивить міръ своими неотрицательными результатами по отношенію къ Германіи, а слѣдовательно отрицательными по отношенію къ Россіи.

За означенною телеграммой послѣдовали слухи о совѣщаніи вліятельныхъ лицъ по вопросу о заключеніи торговаго договора съ Германіей. Напомню читателямъ мои предыдущія письма, въ которыхъ я пытался обратить общественное вниманіе на то, что антинаціональная часть нашей печати усердно помогаетъ нѣмецкой прессѣ въ походѣ противъ русской покровительственной системы, и что неурожай прошлаго года послужилъ для этого похода внушительнымъ, хотя и вполнѣ неосновательнымъ предлогомъ.

Что внѣшніе и внутренніе враги русскаго экономическаго и техническаго развитія воспользуются неурожаемъ, въ томъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но что имъ стали помогать и нѣкоторые органы національнаго направленія, усердно повторявшіе кликъ: «Россія—страна земледѣльческая, а не промышленная!»—это уже явленіе не совсѣмъ нормальное и не логичное, ибо національная политика и покровительственная система суть два понятія, неразрывно связанныя по отношенію къ Россіи, при ея слишкомъ еще недостаточно развитой обрабатывающей

*) Москов. Вѣд. 1892. № 86.

промышленности. Для меня совершенно естественное является фритредерская пропаганда въ органѣ Стасюлевиче-Пыпинскомъ и въ его Лавро-Гольцевскомъ подражаніи; но нѣсколько страннымъ кажется критическій этюдъ г. М—скаго «О протекціонизмѣ» въ мартовской книгѣ «Русскаго Вѣстника». Авторъ, видите ли, «считаетъ умѣстнымъ предостеречь читателей отъ увлеченій крайностями протекціонизма, столь же гибельными, какъ и laissez faire, laissez passer».

Охъ, ужъ эти миѳическія крайности! Можно было бы назначить хорошую премію тому, кто ихъ укажетъ въ нашей только что начинающейся покровительственной системѣ (исключая, конечно, свеклосахарную промышленность). А затѣмъ всѣ возраженія критика Листу и Менделѣеву лишены всякаго историческаго смысла, хотя онъ и говоритъ: «исторія учитъ, что, разоривъ земледѣліе, не создашь и промышленности». Выходитъ такъ: или земледѣліе, или промышленность, покровительство промышленности какъ будто сопровождается разореніемъ земледѣлія. Откуда взялась подобная нелѣпость? И при чемъ тутъ ссылка на Мавровъ, изгнанныхъ изъ Испаніи? Какъ будто русское правительство, вводя покровительственную систему, намѣрено изгнать изъ Россіи русскихъ крестьянъ! Вотъ до какого nonsens'а договариваются наши фритредеры. А главный-то ихъ грѣхъ заключается въ маломъ знаніи и плохомъ пониманіи историческихъ фактовъ. Благосостояніе Испаніи упало прежде всего вслѣдствіе упадка ея промышленности, на который вліяли разнообразныя причины, а земледѣліе тутъ не при чемъ. Фридрихъ Листъ совершенно вѣрно замѣтилъ «что культурное земледѣліе можетъ явиться только вслѣдствіе развитія фабрично-заводской промышленности, создающей силу государствъ» (конечно, экономическую). И г. М—скій совершенно напрасно возражаетъ ему, ссылаясь на Голландію, съ ея сельдянымъ промысломъ и міровою торговлей, и на Англію, съ ея морскимъ и колоніальнымъ могуществомъ. Цвѣтущее состояніе сельскаго хозяйства въ той и другой странѣ развилось въ тѣсной связи съ ихъ заводско-фабричною промышленностью. А еще въ большей зависимости отъ этой промышленности развилось ихъ морское и колоніальное дѣло. Справедливость положенія, высказаннаго Листомъ, еще нагляднѣе подтверждаютъ болѣе къ намъ подходящіе примѣры Германіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ цвѣтущее состояніе земледѣлія въ новѣйшую эпоху возникло въ непосредственной связи или прямо въ зависимости отъ высокоразвитой заводско-фабричной промышленности.

Сколько требуется смѣлости и софистической изворотливости, чтобы совсѣмъ игнорировать или явно извращать столь крупные и общеизвѣст-

ные факты! Еще поразительнѣе, когда подобные кривотолки, близкіе почти съ научнымъ невѣжествомъ, исходятъ отъ представителей университетской науки. По моимъ личнымъ наблюденіямъ, нѣкоторыя каѳедры какъ бы сдѣлали своею задачей проводить антинаціональныя тенденціи тамъ, гдѣ русскіе интересы сталкиваются съ иностранными или инородческими. Таковы особенно каѳедры политической экономіи, международнаго права и всеобщей или западно-европейской исторіи. Конечно, встрѣчаются и отрадныя исключенія;—но я говорю о большинствѣ тѣхъ случаевъ, которые были доступны моимъ наблюденіямъ. Относительно всеобщей исторіи мнѣ извѣстно не менѣе десятка такихъ экземпляровъ; да оно и понятно, такъ какъ преподавателей сего предмета по нѣсколько въ каждомъ университетѣ. Отсюда можно себѣ представить, какой сумбуръ возникаетъ въ головѣ молодежи, а потомъ и въ общественномъ сознаніи. И все на основаніи якобы научныхъ авторитетовъ! Нѣкоторые изъ сихъ преподавателей въ настоящее время усердно подвизаются въ печати именно на пользу фритредерства, обыкновенно приводя изъ исторіи примѣры, или самые неподходящіе, или ложно ими толкуемые. При семъ объ общихъ историческихъ законахъ, дѣйствующихъ при развитіи государствъ и національностей и вполнѣ обязательныхъ для Россіи, они не имѣютъ никакого опредѣленнаго представленія.

Если Петръ Великій основывалъ фабрики и заводы, посылалъ русскихъ людей учиться разнымъ мастерствамъ въ чужія земли и самъ учился тамъ кораблестроенію, то все это онъ дѣлалъ для того, чтобы Россія могла все нужное для себя производить у себя дома, собственными руками и изъ собственныхъ матеріаловъ, а не покупать и заказывать за границей. Можно себѣ представить, на какой высотѣ стояли бы наша заводско-фабричная промышленность и наша техника, если бъ его примѣру слѣдовали неуклонно до нашего времени, и въ особенности если бы не разорительное фритредерское повѣтріе, свирѣпствовавшее отъ 50-хъ до 80-хъ годовъ настоящаго столѣтія, т.-е. въ теченіе почти тридцатилѣтняго періода.

Въ 1872 году въ Москвѣ торжественно праздновали 200-лѣтіе со времени рожденія Петра, для чего привезли сюда и его ботикъ или «дѣдушку русскаго флота»; а между тѣмъ, такова иронія судьбы: именно въ это время русскіе корабли заказывались преимущественно на англійскихъ заводахъ, а русскія пушки отливались у нѣмца Круппа, тогда какъ еще при Иванѣ III и Василіи III прекрасныя орудія изготовлялись на Московскомъ заводѣ. Вотъ на эту-то нашу непослѣдовательность и податливость и разсчитываютъ наши западные сосѣди; они не вѣрятъ въ прочность

начавшейся въ 80-хъ годахъ покровительственной системы, потому и дѣйствуютъ съ такою назойливостью. Если они сдѣлали нѣкоторыя уступки въ недавнихъ торговыхъ договорахъ съ Австріей и Италіей, то надѣются съ лихвой вознаградить себя въ томъ торговомъ договорѣ, котораго добиваются отъ Россіи. Любопытно, что, хотя многіе Нѣмцы ворчатъ на свои уступки, наши политики антинаціональной школы съ радостью, поистинѣ дѣтскою, привѣтствовали названные договоры и провозгласили ихъ какою-то новою экономическою эрой, а въ доказательство ихъ благодѣтельнаго значенія для Германіи указывали на титулъ графа, пожалованный канцлеру Каприви императоромъ Вильгельмомъ. Но они слишкомъ скоро забыли пресловутое и неудачное открытіе доктора Коха, котораго Вильгельмъ II тоже поспѣшилъ наградить какимъ-то очень большимъ орденомъ. Надобно подождать по крайней мѣрѣ лѣтъ десять, чтобы судить о результатахъ означенныхъ договоровъ. Вотъ если графу Каприви удастся обойти Россію и подорвать ея промышленность новымъ торговымъ договоромъ, тогда нѣмецкое графство будетъ имъ вполнѣ заслужено *).

26 марта 1892.

О покровительствѣ народному труду **).

Прочное благосостояніе всякаго сколько-нибудь крупнаго государства можетъ быть основано, конечно, не на финансовыхъ или, точнѣе, биржевыхъ операціяхъ, какъ бы онѣ ни были блистательны, не на новыхъ и новыхъ займахъ (особенно внѣшнихъ), подъ какимъ бы благовиднымъ предлогомъ они не заключались, равно не на прогрессивно возрастающемъ обложеніи всего, что доступно обложенію, а главнымъ образомъ на покровительствѣ и поощреніи народнаго труда во всѣхъ его возможныхъ отрасляхъ и видахъ, то-есть, на разработкѣ самихъ источниковъ народнаго богатства. Вотъ въ чемъ должно заключаться основное, исходное положеніе науки о государственномъ и народномъ хозяйствѣ, или, какъ принято ее называть, политической экономіи. Я бы предложилъ болѣе точное названіе: *національная экономія*. Россія обладаетъ такимъ даровитымъ, способнымъ къ высшей культурѣ, племенемъ и такою громадною, изобильною естественными богатствами, территоріей, что она можетъ все ей нужное производить у себя дома и еще многими избытками своими снабжать другія страны. Если доселѣ мы этого не

*) Потомъ оно было имъ заслужено.

**) Москов. Вѣд. 1892. № 90.

достигли, виною тому былъ недостатокъ строгаго, послѣдовательнаго покровительства, обусловленный то неблагопріятными политическими вліяніями, то ложными экономическими теоріями. Но, благодареніе Богу, въ 80-хъ годахъ Россія воротилась къ началамъ здравой національной экономіи, и будемъ надѣяться, что она болѣе не сойдетъ съ этого прямого пути.

Къ сожалѣнію, какъ съ назойливыми политическими поползновеніями извнѣ, такъ и съ ложными экономическими тенденціями внутри далеко не покончено, и благомыслящая, патріотическая часть печати должна давать имъ энергическій отпоръ.

Россія издавна была страною по преимуществу земледѣльческою; тѣмъ не менѣе, голодные годы посѣщали ее нерѣдко, и еще въ тѣ времена, когда она не имѣла ни заводовъ, ни фабрикъ. И вдругъ теперь раздаются крики: намъ нужно покровительство земледѣлію, а не промышленности; долой промышленность, да здравствуетъ земледѣліе! Никакой логики, никакого смысла тутъ нѣтъ, а есть только задняя фритредерская мысль, внушенная внѣшними и внутренними врагами русскаго національнаго развитія.

Во-первыхъ, какъ бы ни былъ великъ нашъ неурожай, онъ никогда не бываетъ повсемѣстный, и 1891 годъ доказалъ это какъ нельзя лучше. Главное затрудненіе оказалось въ доставкѣ, то-есть въ путяхъ сообщенія. Не говоря уже о западной и отчасти центральной полосахъ Имперіи, хлѣба уродилось въ Прикавказьѣ и въ Сибири столько, что его некуда было дѣвать. Благодаря энергическимъ мѣрамъ правительства, наша желѣзнодорожная сѣть сдѣлала, что могла, и перевезла огромные запасы въ неурожайныя губерніи. Но, къ сожалѣнію, эта сѣть оказалась далеко недостаточною. Съ кавказскимъ хлѣбомъ еще удалось кое-какъ справиться, а сибирскій хлѣбъ такъ и не пошелъ въ Европейскую Россію; ибо мы до сихъ поръ еще не собрались построить крайне необходимый сибирскій желѣзный путь. Слѣдовательно, ближайшая и насущная наша потребность, выясненная прошлогоднимъ неурожаемъ, это — расширеніе, дополненіе и упорядоченіе нашей желѣзнодорожной сѣти. Итакъ, государственная нужда указываетъ прямо на усиленное покровительство желѣзодѣлательной, машиностроительной и вагоностроительной промышленности, то-есть на тѣсную связь этой промышленности съ земледѣліемъ.

Во-вторыхъ, полагаю, излишне было бы доказывать невыгоды и прямую невозможность для Россіи оставаться долѣе на примитивныхъ способахъ обработки земли. Давно пора перейти къ болѣе культурной европейской системѣ, которая требуетъ помощи разнообразныхъ и сложныхъ машинъ. Слѣдовательно, и тутъ опять улучшенное земледѣліе находится

не только въ тѣсной связи, но и въ прямой зависимости отъ заводско-фабричной промышленности. Но возможно ли, чтобъ оно продолжало оставаться въ прямой зависимости отъ заводско-фабричной промышленности *иностранной, то-есть нѣмецкой?* И въ такой зависимости, что если у дорогой заграничной машины перетрутся какіе-нибудь винты, испортится какая-нибудь часть механизма, то ближайшими мѣстными средствами ее некому поправить и она дѣлается безполезною.

Для успѣховъ земледѣлія нужны не одни механическіе заводы и машинная техника, нужны также заводы и техника химическіе. Наприм., количество животнаго удобренія становится все болѣе и болѣе недостаточнымъ и наступаетъ потребность въ удобреніи искусственномъ, для котораго у насъ найдутся всѣ необходимые матеріалы. Напомню еще необходимость постоянныхъ химическихъ анализовъ почвы, зерна и пр., откуда нужда въ повсемѣстномъ распространеніи химическихъ станцій, наряду съ распространеніемъ сельскохозяйственныхъ школъ.

Недавно случилось мнѣ быть на засѣданіи Сельскохозяйственнаго Общества и выслушать тамъ рефератъ о способахъ обводненія и облѣсенія. Референтъ коснулся при семъ положенія нашего земледѣлія вообще и указалъ на его разныя потребности и нужды. Мнѣ бросилась въ глаза односторонность его сужденій и выводовъ (повидимому, такая же, какая существуетъ въ Петербургскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ). О тѣсной связи культурнаго земледѣлія съ обрабатывающей промышленностью не было сказано ни слова. Наприм., говоря объ истребленіи лѣсовъ, онъ указывалъ какъ на главную и неизбѣжную ихъ причину на умноженіе населенія, игнорируя желѣзные дороги, фабрики и хищный сплавъ за границу на нашихъ западныхъ окраинахъ. Но отчего же въ Германіи, Франціи и Англіи сохраняются лѣса при населеніи гораздо болѣе густомъ? А количество желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ тамъ не можетъ быть и сравниваемо съ нашимъ. Но тамъ процвѣтаетъ каменноугольная промышленность. Вотъ на что мы должны обратить самое дѣятельное вниманіе и покровительство. Да еще должны беречь нашу нефть, какъ запасъ топлива, отъ хищной эксплуатаціи и усиленнаго вывоза за границу. Искусственное облѣсеніе обнаженныхъ пространствъ, конечно, полезно и даже необходимо; но одно оно, безъ обрабатывающей промышленности, еще не дастъ намъ цвѣтущаго сельскаго хозяйства.

Желѣзо и каменный уголь послужили и продолжаютъ служить главными основами промышленнаго благосостоянія наиболѣе культурныхъ странъ, и мы должны усердно слѣдовать ихъ примѣру. Положимъ, про-

стымъ сельскимъ хозяевамъ отчасти простительно смотрѣть на дѣло односторонне, съ ихъ узкой точки зрѣнія; но это непростительно людямъ науки, а тѣмъ менѣе государственнымъ людямъ, которые должны обладать широкимъ кругозоромъ и понимать тѣсную связь всѣхъ отраслей народнаго хозяйства между собой, а также съ условіями государственными и съ потребностями самобытнаго національнаго развитія.

Въ-третьихъ, уже не разъ и подробно было говорено въ печати о томъ, что Россія, по своимъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, только наполовину, или съ небольшимъ наполовину, можетъ быть страной земледѣльческою, и что огромныя сѣверныя ея пространства, а отчасти и срединныя, по необходимости должны быть промышленными. Справедливо указывали также и на продолжительность русской зимы, осуждающей земледѣльца на бездѣйствіе, которое можетъ быть замѣнено только промышленною дѣятельностью. Слѣдовательно, возгласы о нашемъ якобы исключительно земледѣльческомъ характерѣ ложны въ самомъ основаніи своемъ. Указано также неоднократно на то, что изъ черноземныхъ областей мы стремимся вывозить нашъ хлѣбъ за границу, между тѣмъ какъ въ другихъ краяхъ нашъ народъ живетъ въ проголодь, а мѣстами никогда не ѣстъ чистаго хлѣба. Съ развитіемъ заводско-фабричной промышленности въ послѣднихъ, разовьется въ нихъ зажиточность, и населеніе получитъ возможность покупать въ достаточномъ количествѣ хлѣбъ изъ другихъ мѣстъ Россіи, конечно, при непремѣнномъ расширеніи и развѣтвленіи нашей желѣзнодорожной сѣти. Тогда за границу можетъ идти только дѣйствительный избытокъ хлѣба, а не фиктивный, какъ было доселѣ.

Нѣмцы предлагаютъ намъ торговый договоръ, якобы на основаніи обоюдныхъ и безобидныхъ уступокъ. Они отмѣнятъ пошлину на нашъ хлѣбъ; а мы должны понизить тарифъ на ихъ фабрикаты. Но эта обоюдность весьма сомнительна. Мы въ ихъ фабрикатахъ почти не нуждаемся, потому что можемъ и должны производить ихъ у себя дома, если установится прочное покровительство. А они безъ нашего дешеваго хлѣба не всегда могутъ обойтись. Да еслибъ они заупрямились и рѣшили совсѣмъ не пускать къ себѣ нашего хлѣба, то дѣйствительный излишекъ его всегда найдетъ себѣ мѣсто въ другихъ странахъ, особенно, если мы обратимъ вниманіе на развитіе собственнаго торговаго флота.

И какіе все старые, знакомые пріемы! Не удалась система запугиванія, пошла въ ходъ система умасливанія. Появились и благопріятные отзывы о нашихъ финансахъ, о видахъ на будущій хорошій урожай, и портреты во весь ростъ и т. п. А главный-то разсчетъ, по всей вѣроятности,

основанъ на помощи лжелиберальныхъ или антинаціональныхъ тенденцій и вліятельныхъ антирусскихъ элементовъ. Не ослаблять только что начавшееся тарифное покровительсаво, а напротивъ, укрѣплять его и усиливать—вотъ наша ближайшая національная задача.

29 марта.

По поводу антинаціональной логики *).

Крайне любопытно наблюдать за тѣмъ, какъ нѣкоторые органы нашей печати пытаются иногда оправдать свое антинаціональное направленіе. Для примѣра укажу на таковую попытку Лавро - Гольцевской *Мысли* въ мартовской книжкѣ. Тутъ г. Гольцевъ пытается защитить свое направленіе ни болѣе, ни менѣе какъ *началомъ справедливости*. Если, разсуждаетъ онъ, вы съ негодованіемъ относитесь къ попыткамъ нѣмецкихъ централистовъ «стѣснить свободу національнаго развитія Богеміи», то съ вашей стороны несправедливо «требовать уничтоженія самостоятельныхъ особенностей устройства Великаго Княжества Финляндскаго». Это очень рельефный, характерный примѣръ.

Во-первыхъ, Россія менѣе всего желаетъ сдѣлаться Австріей, то-есть, конгломератомъ разныхъ государствъ и народностей, имѣющихъ распасться на свои составныя части при первомъ сильномъ толчкѣ какъ извнутри, такъ и, въ особенности, извнѣ; слѣдовательно, наши антинаціоналы хотятъ искусственно сдѣлать изъ Россіи подобіе Австрійскаго конгломерата, возникшаго естественнымъ путемъ.

Во-вторыхъ, приравнивать права Финляндіи къ правамъ Чехіи значитъ совсѣмъ не знать ихъ исторіи. Чехія считаетъ почти тысячелѣтнее существованіе своей политической самобытности и своей культуры, причемъ послѣдняя выдвигалась иногда на передовой европейскій планъ. Чехія не была завоевана нѣмецкимъ оружіемъ; корона Св. Венцеслава перешла къ Габсбургской династіи по наслѣдству, посредствомъ браковъ и на извѣстныхъ условіяхъ. Естественно, что Чехи не могутъ помириться съ нарушеніемъ своихъ историческихъ правъ, съ послѣдующимъ угнетеніемъ и онѣмеченіемъ своей земли. И если они борются за свою народность съ поглощающими ее Нѣмцами, то естественно, что наши симпатіи на сторонѣ Славянъ, а не Нѣмцевъ. Между тѣмъ симпатіи г. Гольцева и другихъ антинаціоналовъ всегда оказываются на сторонѣ инородцевъ противъ Русскихъ. И какихъ инородцевъ?!

---

*) Москов. Вѣд. 1892. № 100.

Финляндія никогда не жила самобытною государственною жизнію. Культура тамъ чужая, шведская. Финляндія была завоевана нами постепенно и стоила Русскому народу много крови. И вдругъ послѣднее, окончательное завоеваніе ея въ 1809 году завершилось вполнѣ искусственнымъ созданіемъ особаго, автономнаго княжества, съ чрезвычайными, небывалыми правами—созданіемъ, которое не было вынуждено никакой политическою нуждой, никакими историческими потребностями; оно обусловилось единственно успѣшными антирусскими интригами, которыя ловко воспользовались недостаткомъ національной политики у русскихъ государственныхъ людей того времени. При семъ завоеванныя прежде части этой земли, успѣвшія уже органически слиться съ Русимъ государствомъ и наполовину обрусѣть, были оторваны отъ Россіи и отданы вновь созданному княжеству. Старинная русская святыня, Валаамскій монастырь,—и тотъ поступилъ подъ лютеранское шведо-финское владычество!

Ни древняя, ни новая исторія, ни Европа, ни иная часть свѣта не представляютъ намъ примѣра подобнаго національнаго самоуниженія, подобнаго привилегированнаго положенія окрайны по отношенію къ кореннымъ государственнымъ областямъ. Гдѣ же можно встрѣтить такую аномалію, чтобы покоренные русскимъ оружіемъ Финляндцы de jure и de facto пользовались всѣми правами гражданства въ цѣлой Россійской имперіи, а Русская (якобы господствующая въ Имперіи) народность являлась безправною и de facto угнетенною въ Финляндіи? Возможно ли тутъ какое-либо сравненіе съ Чехами, которые угнетены въ собственной землѣ,—и угнетены до такой степени что даже не смѣютъ праздновать память своихъ былыхъ цѣятелей, какъ это случилось недавно съ трехсотлѣтнимъ юбилеемъ Коменскаго? А между тѣмъ Финляндцы спокойно и торжественно, на глазахъ у представителей Русской власти, воздвигали памятники своимъ сомнительнымъ побѣдамъ надъ Русскими!

Вотъ какія начала справедливости проповѣдуютъ наши антинаціоналы по отношенію къ Русскому народу, который, по ихъ мнѣнію, долженъ заботиться главнымъ образомъ не о собственномъ развитіи и усиленіи, а о развитіи и привилегированномъ положеніи инородцевъ въ ущербъ самому себѣ.

Да, если русскіе патріоты желаютъ, чтобы въ наше время были исправлены прошлыя ошибки,—исправлены въ смыслѣ русскаго національнаго направленія,—то они стоятъ именно на почвѣ исторической справедливости.

То что г. Гольцевъ, въ той же книжкѣ, говоритъ противъ покрови-

тельственной системы по отношенію къ промышленности, показываетъ, что онъ совершенно не понимаетъ о чемъ идетъ рѣчь и совсѣмъ незнакомъ съ общими законами національнаго развитія. Такъ, онъ всуе приводитъ имена нѣкоторыхъ французскихъ и англійскихъ фритредеровъ, каковы Леонъ Сэ, Кобденъ и Брайтъ, говоря что ихъ никто не упрекнетъ въ антинаціональныхъ тенденціяхъ. А между тѣмъ и я, и другіе сторонники покровительства именно указывали на извѣстныя степени экономическаго развитія. Англо-французскія промышленность и техника достигли такой высокой степени развитія, что тамъ принципъ фритредерства вообще не только не можетъ повредить національнымъ интересамъ а, напротивъ, является имъ полезнымъ; тамъ вопросъ можетъ идти только о подробностяхъ, о нѣкоторыхъ отрасляхъ, тогда какъ наше самобытное экономическое и промышленное развитіе находится еще въ полной зависимости отъ таможеннаго покровительства. Наивное отношеніе къ серьезному вопросу доказываетъ и ссылка г. Гольцева на Каткова и Леонтьева, которые когда-то, молъ, стояли за свободную торговлю. Но вѣдь они еще при жизни успѣли сознать вредъ ея для Россіи; въ послѣдніе свои годы М. Н. Катковъ выступилъ энергическимъ противникомъ фритредерства.

Какъ ни далеко заходитъ въ антипаціональномъ направленіи Стасюлевиче-Пыпинскій органъ, однако, и онъ все-таки нѣсколько хитрѣе своего Лавро-Гольцевскаго подражанія. Напримѣръ, въ своей апрѣльской книжкѣ, по поводу «Славянскихъ Извѣстій» А. С. Будиловича, онъ выражается такимъ категорическимъ образомъ: «Жаловаться на то, что Австрія дѣйствуетъ въ духѣ австрійскихъ интересовъ, а Венгрія заботится объ интересахъ венгерскихъ,—не есть ли это чистѣйшее ребячество?» Мысль до извѣстной степени вѣрная. Мы можемъ, напримѣръ, сочувствовать Славянамъ въ ихъ борьбѣ съ германизаціей; но не можемъ отказать Австріи въ государственной логикѣ и въ чувствѣ самосохраненія; ибо она не желаетъ умереть, то-есть распасться на свои составныя части, а хочетъ жить и для этого въ нѣмецкой половинѣ германизуетъ, а въ венгерской мадъяризуетъ Славянъ. Только жаль что эту логику названный органъ не распространяетъ на насъ самихъ: нелѣпо также жаловаться на Россію, если она дѣйствуетъ въ русскихъ интересахъ.

Въ той же апрѣльской книжкѣ встрѣчается продолженіе фритредерскихъ разсужденій г. Слонимскаго (озаглавленное «Лжепротекціонизмъ»), исполненное также неподходящихъ сравненій и парадоксальныхъ выводовъ. Напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ, несмотря на высокія

ввозныя пошлины, получается такой избытокъ таможенныхъ доходовъ, что государственное казначейство не знаетъ куда его дѣвать и употребляетъ, между прочимъ, на преміи для поощренія нѣкоторыхъ отраслей промышленности. Этотъ избытокъ доказываетъ только до какой степени страна разбогатѣла: съ одной стороны, хотя промышленность тамъ уже не нуждается въ строгомъ таможенномъ покровительствѣ, но государство все-таки продолжаетъ это покровительство; а съ другой, какъ ни возвышаютъ тамъ пошлины на привозные предметы роскоши, все-таки находится масса богачей, которые покупаютъ ихъ въ большомъ количествѣ. Намъ до такой ступени еще далеко. Но относительно системы денежныхъ премій г. Слонимскій высказываетъ нѣсколько справедливыхъ мыслей. Пользуюсь случаемъ заявить, что лично я стою за покровительство собственно тарифное, а никакъ не за систему денежныхъ премій, обременительныхъ для государственнаго казначейства, и въ особенности не могу согласиться съ принципомъ поощренія таковыми преміями нашего вывоза за границу. Вывозъ долженъ развиваться естественнымъ путемъ, отъ избытка собственнаго производства, а никакъ не искусственными и дорогими поощреніями.

Послѣ тарифа наиболѣе дѣйствительнымъ способомъ покровительства отечественной промышленности и техникѣ должны служить казенные заказы, вмѣсто заграничныхъ заводовъ обращенные исключительно на русскіе. Будемъ надѣяться, что нѣкоторыя относящіяся сюда печальныя явленія навсегда отойдутъ въ область прошедшаго. Какъ-то случилось мнѣ быть на одномъ пушечномъ пріуральскомъ заводѣ (Пермскомъ). Вялость и ограниченность производства, вслѣдствіе недостатка заказовъ, бросались въ глаза. Когда я освѣдомился о причинахъ, мнѣ объяснили явленіе очень просто: какіе же проценты можно получить при заказѣ или пріемкѣ съ казеннаго завода? Вотъ заграничные частные заводы, тѣ на этотъ счетъ очень щедры *).

10 Апрѣля.

По поводу анархизма **).

Европа переживаетъ динамитный періодъ. Посреди глубокаго мира разрывные снаряды дѣйствуютъ и производятъ страшное опустошеніе. Отсюда начинаютъ раздаваться крики о томъ, что политическіе и націо-

*) Это поанглійски называется return commission (возвратная коммиссія). Доходитъ иногда до 25% номинальной стоимости заказа.

**) Москов. Вѣд. 1892. № 111.

нальные вопросы должны отойти на второй планъ, а на первый выдвинуться заботы о спасеніи самихъ общественныхъ основъ, о спасеніи европейской цивилизаціи, о союзѣ и единеніи всѣхъ государствъ для борьбы съ анархистами, соціалистами и нигилистами. Факты какъ будто на сторонѣ такого заключенія. И тѣмъ не менѣе мы съ бо́льшею увѣренностью чѣмъ когда-либо продолжаемъ стоять на томъ, что преобладающая черта нашей эпохи—это сильнѣйшее развитіе національныхъ интересовъ. И тотъ народъ, который окажется не на высотѣ своихъ современныхъ задачъ, готовитъ себѣ великія бѣдствія въ будущемъ.

Газетные корреспонденты и репортеры могутъ, сколько имъ угодно, занимать читающую публику сообщеніемъ всѣхъ подробностей о взрывахъ, о личности Равашоля и ему подобныхъ, о жалкой судебной болтовнѣ, оканчивающейся смягченіемъ наказанія или полнымъ оправданіемъ изверговъ (какъ будто такія преступленія можно предоставлять ненадежному и случайному приговору присяжныхъ) — для человѣка, привыкшаго отыскивать суть явленій, все это предметы относительной важности. На передній планъ самъ собою выступаетъ вопросъ: что или кто скрывается за сими ужасами? Что нѣсколько сотенъ и даже тысячъ анархистовъ якобы могутъ разрушить или повернуть вверхъ дномъ весь европейскій общественный порядокъ—это такая очевидная нелѣпость, о которой не стоило бы и говорить, если бы за нею не скрывались другія, дѣйствительныя цѣли.

Почему именно въ послѣднее время рядъ динамитныхъ ужасовъ обрушился на Францію? Почему въ нихъ главными подстрекателями явились не природные Французы, а либо люди сомнительной національности, либо прямо иностранцы? Почему эта шайка иностранныхъ анархистовъ устремилась теперь именно во Францію? Ясно, для меня по крайней мѣрѣ, что кому-то все это очень понадобилось, что кто-то вызвалъ движеніе въ данный моментъ и направилъ его въ данные пункты.

Въ параллель къ извѣстному выраженію «ищите женщину», при раскрытіи частнаго преступленія, теперь въ крупныхъ политическихъ злодѣяніяхъ можно смѣло сказать: «ищите коварнаго Альбіонца». Казалось бы, какое отношеніе могутъ имѣть какой-нибудь полу-Нѣмецъ, полу-Французъ Кенигштейнъ-Равашоль и его товарищи къ вопросамъ Восточному, Остындскому, Египетскому, къ сближенію Россіи съ Франціей и т. п. А между тѣмъ, навѣрное, это только болѣе или менѣе слѣпыя орудія для достиженія извѣстныхъ политическихъ цѣлей.

Когда что-нибудь угрожаетъ въ такомъ-то пунктѣ или что-нибудь затѣвается, то нужно вниманіе отвлечь въ другую сторону и не только

отвлечь, но и порядкомъ напугать — это обычный пріемъ людей, привыкшихъ дѣйствовать противъ сильнѣйшихъ себя съ помощію интриги и золота. Что Англія примкнула къ тройственному союзу и заодно съ нимъ орудуетъ противъ Россіи и Франціи—въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Предоставляя Германіи обрабатывать Россію въ свою пользу на почвѣ политико экономической, Англія очевидно взяла на себя обработку Франціи, съ одной стороны, чтобы та не мѣшала ей въ Египтѣ и вообще на Востокѣ, а съ другой, чтобы Россія не разсчитывала на союзъ съ такою страной, которая находится якобы на краю анархической бездны.

Вотъ почему всѣ толки о единеніи европейскихъ правительствъ для борьбы съ угрожающею всѣмъ анархіей я позволяю себѣ считать нетолько безплодными, но и отчасти вредными для насъ, т.-е. могущими отвлечь насъ отъ насущныхъ національныхъ задачъ. Англія можетъ вести переговоры по вопросу объ анархистахъ, даже пообѣщать что-нибудь; но она по всей вѣроятности ничего серьезнаго не предприметъ противъ нихъ (за исключеніемъ развѣ своихъ собственныхъ). Это ея союзники для борьбы съ континентальными державами. Вообще, пока существуетъ подобная эгоистичная нація, съ ея многосложными, широко разбросанными интересами и съ ея чудовищными интригами, продолжительное спокойствіе на Европейскомъ континентѣ едва ли возможно, и мы постоянно должны находиться въ ожиданіи всякаго рода катастрофъ и преступленій.

Конечно, каждый хозяинъ долженъ наблюдать въ своемъ домѣ осторожное обращеніе съ огнемъ, чтобы предупредить пожары. Но одна эта осторожность не ограждаетъ его отъ злонамѣренныхъ поджигателей.

Итакъ, анархизмъ самъ по себѣ былъ бы неваженъ; но онъ важенъ какъ орудіе политическихъ и національныхъ цѣлей. Въ дѣйствительности главнымъ двигателемъ событій все-таки остается націонализмъ. Не мѣшало бы нашимъ антинаціоналамъ эту истину зарубить у себя на носу. Разумѣется, тутъ мы имѣемъ дѣло съ націонализмомъ, до того исключительнымъ и безпощаднымъ что не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо сравненіи съ нашимъ обществомъ, которое представляетъ другую крайность, то-есть слишкомъ слабое развитіе національнаго сознанія. А затѣмъ, благодареніе Богу, Россія настолько сильна, что не имѣетъ ни малѣйшей нужды прибѣгать къ какимъ-либо интригамъ и кознямъ для охраненія своихъ насущныхъ интересовъ.

21 апрѣля.

По поводу толковъ о торговомъ договорѣ *).

Оказывается, недаромъ существуетъ повѣрье, что бѣда не приходитъ одна, а обыкновенно ведетъ за собой другую и третью. Въ прошломъ году Россію посѣтилъ неурожай, охватившій 17 губерній; въ настоящемъ году она испытываетъ холерную эпидемію, хотя не особенно сильную, но все же распространившуюся отъ Каспійскаго моря до Финскаго залива. Это два бѣдствія физическія, застигшія насъ почти врасплохъ и во всякомъ случаѣ трудно предотвратимыя. Но вотъ намъ грозитъ третье бѣдствіе, виной котораго, если оно совершится, будутъ уже не атмосферическія явленія и не болѣзнетворныя запятыя, а та моральная неустойчивость, или та бацилла безхарактерности и непослѣдовательности, за которыя справедливому упреку подвергаются русскіе люди формаціи 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годовъ. Я разумѣю подрывающій русскую промышленность торговый договоръ съ Германіей, котораго такъ назойливо добиваются наши сосѣди, и навстрѣчу которому будто мы пошли сами, если повѣрить ликующимъ извѣстіямъ нѣмецкой печати.

Напомню читателямъ «Московскихъ Вѣдомостей» мои указанія на то, какіе нелѣпые толки появлялись во многихъ органахъ русской и quasi-русской печати по поводу прошлогодняго неурожая. Извѣстно, что онъ былъ слѣдствіемъ засухи, а сія послѣдняя все чаще и чаще стала посѣщать насъ вслѣдствіе лѣсоистребленія. Отсюда, кажется, прямой выводъ, это—потребность въ энергическихъ мѣрахъ для сохраненія оставшихся лѣсовъ и для облѣсенія обнаженныхъ пространствъ. Но означенные органы, преимущественно анти-національнаго направленія, не на эту причину обратили свою проповѣдь, а всею силой обрушились на только что начинающуюся у насъ (послѣ тридцатилѣтняго фритредерства) покровительственную систему русской промышленности, и на нее взвалили чуть ли не главную вину хлѣбнаго недорода. Поистинѣ, такое чудовищное явленіе возможно только въ нашей «прессѣ», переполненной, съ одной стороны, инородческими элементами, которые знаютъ чего хотятъ, а съ другой — доморощенными хлыщеватыми политиками, которые безсознательно идутъ за иностранною и инородческою публицистикой.

Но если сіи непризванные политики безсознательно и безотвѣтственно дѣлаютъ дѣло, близко граничащее съ національною измѣной, то еще менѣе легальный оттѣнокъ получаетъ оно въ рукахъ людей, состоящихъ на государственной службѣ. А если, повторяю, повѣрить извѣстіямъ нѣмецкой пе-

*) Москов. Вѣд. 1892. № 223.

чати, то рѣчь идетъ уже о сей послѣдней категоріи. Далѣе, если повѣрить имъ, то предрѣшеніе государственнаго вопроса громадной важности поручается какой-то комиссіи со случайнымъ составомъ и случайными вліяніями: комиссія сія якобы ставится въ пассивное положеніе отвѣтчика, а иностранная делегація въ активное положеніе истца; при чемъ даже и русскіе биржевые комитеты останутся въ сторонѣ. Нѣтъ, воля ваша, а подобныя извѣстія нѣмецкой печати просто невѣроятны.

Любопытенъ главный мотивъ выставленный анти-національною частью русской печати въ пользу тарифныхъ уступокъ нашимъ западнымъ сосѣдямъ: взамѣнъ сихъ устпокъ получить сбавку пошлины на русскій хлѣбъ; при чемъ выставлялось опасеніе совсѣмъ потерять германскій рынокъ для нашего хлѣба. Но во-первыхъ, безъ нашего дешеваго хлѣба Германія стала бы страдать отъ дороговизны, и если нашъ хлѣбъ не пойдетъ туда прямымъ путемъ, то можетъ пойти чрезъ другія страны. Во-вторыхъ, если бы мы вздумали непремѣнно добиться пониженія нѣмецкой пошлины на нашъ хлѣбъ, то средство къ тому отнюдь не подрывъ нашей обрабатывающей промышленности, т.-е. не пониженіе тарифовъ на германскіе фабрикаты, а мѣра совершенно противоположная: еще большее повышеніе тарифовъ хотя бы до степени запретительной. Тарифная борьба очевидно неравная; всѣ выгоды ея на нашей сторонѣ: мы не только можемъ обойтись безъ нѣмецкихъ фабрикатовъ, но и прямо должны къ тому стремиться посредствомъ развитія собственной промышленности до того же уровня. А могутъ ли Нѣмцы совсѣмъ обойтись безъ нашего хлѣба, это еще вопросъ. Въ-третьихъ, наконецъ, нашъ отпускъ въ Германію занимаетъ совсѣмъ не такое важное мѣсто въ суммѣ общаго отпуска, а тѣмъ болѣе въ суммѣ общаго народнаго хозяйства, чтобы можно было пожертвовать для него развитіемъ русской промышленности и русской техники, вообще великими національными интересами.

Если намъ стараются внушить мысль о необходимости улучшить вообще отношенія къ западнымъ сосѣдямъ, то развѣ мы можемъ поступиться нашими кровными интересами для того, чтобы пріобрѣсти ихъ ненадежное и не особенно намъ необходимое расположеніе? Наоборотъ, тридцатилѣтняя податливость и уступчивость въ сферахъ экономической и политической только избаловали ихъ и сдѣлали чрезмѣрно требовательными, а намъ принесли неисчислимый вредъ. Странно покажется съ перваго взгляда, а между тѣмъ совершенная правда, что только при сухихъ, натянутыхъ отношеніяхъ къ западнымъ сосѣдямъ, наша промышленность стала поправляться и вздохнула свободнѣе. Да и не одна промыш-

ленность; нѣкоторыя другія сферы національнаго развитія тоже вздохнули свободнѣе. Нуженъ еще по крайней мѣрѣ тридцатилѣтній періодъ такихъ же дипломатически-вѣжливыхъ, но сухихъ и твердыхъ отношеній, чтобъ упрочить наше самобытное промышленное и политическое развитіе и отучить сосѣдей отъ ихъ чрезмѣрныхъ притязаній.

Нѣмцы грозятъ намъ еще репрессаліями на почвѣ государственнаго кредита. Но прекращеніе нѣмецкихъ и вообще внѣшнихъ займовъ, прекращеніе нашей финансовой зависимости отъ Берлина каждый русскій патріотъ долженъ считать не бѣдствіемъ, а благомъ для своего отечества. И тѣ общественные дѣятели, которые не на словахъ только, а на дѣлѣ осуществятъ такую програму, будутъ поставлены въ ряду великихъ государственныхъ людей. Но для этого мало быть человѣкомъ даровитымъ, хорошимъ техникомъ или ловкимъ биржевикомъ; надобно еще обладать широкимъ, государственнымъ кругозоромъ, а главное—мужественнымъ, твердымъ характеромъ и энергичнымъ патріотизмомъ, не подверженнымъ никакимъ колебаніямъ.

Говорятъ, мы не можемъ обойтись безъ внѣшнихъ займовъ, потому что въ Россіи недостатокъ капиталовъ и отсюда слишкомъ высокій процентъ. Вопросъ о процентѣ спорный, а что касается капиталовъ, то вездѣ они создавались широкимъ развитіемъ промышленности и, слѣдовательно, строгимъ ея покровительствомъ. Безъ этого условія мы навсегда останемся при той же бѣдности и при той же зависимости отъ иностранцевъ.

Не говорю о политическихъ мотивахъ, которые въ настоящее время могли бы побудить насъ къ разорительнымъ экономическимъ уступкамъ. Такіе мотивы можно только придумывать или выдвигать искусственно; въ дѣйствительности ихъ нѣтъ. Восточный вопросъ поднимать во всемъ его грозномъ объемѣ страшатся равно всѣ державы. А Стамбуловская Болгарія не заслуживаетъ никакихъ дальнѣйшихъ жертвъ съ нашей стороны. Во всякомъ случаѣ, что Нѣмцы не союзники наши, а естественные противники въ этихъ вопросахъ, это они доказали слишкомъ очевидно.

Какъ изъ настоящаго, такъ и изъ подобныхъ ему прошлыхъ моихъ писемъ, пожалуй, многіе выведутъ заключеніе, что я принадлежу къ германофобамъ. Такое заключеніе было бы совершенно несправедливо. Напротивъ, я большой почитатель нѣмецкой науки, нѣмецкой культуры, нѣмецкаго патріотизма и германскихъ Нѣмцевъ вообще. Я только желаю, по мѣрѣ силъ и способностей, защищать перомъ самобытное русское развитіе отъ нѣмецкой безпощадной эксплуатаціи и отстаивать свой руководящій принципъ: Россія для Русскаго народа.

10 августа.

Нѣкоторыя общественныя недоразумѣнія.

I.

Государственная оборона *).

Въ настоящее, не легкое для Россіи, время считаю не лишнимъ указать на два важныя недоразумѣнія, которыя часто встрѣчаются какъ въ нашемъ обществѣ и печати, такъ и въ сферахъ офиціальныхъ, и которыя въ значительной степени мѣшаютъ нашему національному развитію.

Первое недоразумѣніе касается государственной обороны. Независимость Россіи и ея величіе покоятся на доблестной арміи, за которою стоитъ весь Русскій народъ, готовый въ случаѣ нужды пополнить ея ряды. Но мы живемъ въ такую эпоху, когда усовершенствованное оружіе играетъ, можно сказать, почти рѣшающую роль, и когда соотвѣтственное обстоятельствамъ вооруженіе арміи составляетъ первѣйшую заботу всѣхъ правительствъ. Отсюда сама собою вытекаетъ тѣсная связь военнаго дѣла съ развитіемъ пушечныхъ и оружейныхъ заводовъ; а сіи послѣдніе, какъ извѣстно, состоятъ въ тѣснѣйшей связи съ развитіемъ желѣзодѣлательной промышленности и техники вообще. Слѣдовательно, и самая государственная оборона находится въ полнѣйшей зависимости отъ сего развитія. А потому, заграничныя покупки оружія и снарядовъ, вмѣсто ихъ домашняго изготовленія, пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе характеръ анормальнаго явленія, которое при случаѣ можетъ поставить насъ не только въ затруднительное, но и крайне опасное положеніе. Предъ нами даже не времена Крымской кампаніи, когда мы могли покупать оружіе и снаряды извнѣ, при посредствѣ Германіи. Объединившаяся съ нашею помощію, Германія теперь сама угрожаетъ намъ войной въ недалекомъ будущемъ, и притомъ въ союзѣ съ Австро-Венгріей. А морскіе пути, по всей вѣроятности, отрѣжутъ у насъ англо-австро-германскіе флоты. Такимъ образомъ, въ будущемъ мы должны разсчитывать только на собственныя средства по части снарядовъ и вооруженія.

Еще въ большей степени чѣмъ армія, съ развитіемъ фабрично-заводской промышленности и техники связанъ военный флотъ. Можно ли флотъ отдѣлять отъ кораблестроенія? Полагаю, что нельзя. А потому ни одна великая держава не можетъ безнаказанно обойтись покупными кораблями и даже покупными ихъ частями, въ видѣ брони или машинъ.

---

*) Москов. Вѣд. 1892. № 228.

Тотъ военный флотъ, который не опирается на отечественное кораблестроеніе и отечественную технику, существуетъ только до первыхъ серьезныхъ столкновеній съ сильнымъ противникомъ на морѣ; а затѣмъ онъ долженъ очутиться въ весьма незавидномъ положеніи, въ томъ же положеніи, въ какомъ часто оказывались у насъ дорогія земледѣльческія орудія, выписанныя изъ-за границы и потерпѣвшія какую-либо порчу въ своемъ сложномъ механизмѣ. Положимъ, такая большая держава, какъ Турецкая имперія, существуетъ покупными броненосцами и оружіемъ, но отъ подобнаго существанія Россія слишкомъ далека, чтобы возможно было какое-либо сравненіе.

Постройка военныхъ судовъ теперь такъ усложнилась, что требуетъ высоко развитой промышленности и техники. Въ свою очередь, военный флотъ не можетъ существовать безъ тѣсной связи съ коммерческимъ. Оба они равно заинтересованы въ развитіи отечественнаго морскаго судостроенія. Вотъ почему пишущаго эти строки нисколько не радуютъ время отъ времени появляющіяся какъ бы пріятныя извѣстія о новыхъ заказахъ или покупкахъ въ Англіи кораблей со стороны такихъ учрежденій, какъ полуказенное Общество Пароходства и Торговли и вполнѣ казенное Общество Добровольнаго Флота. Ибо каждая тысяча рублей, уходящая на эти заказы, составляетъ прямую потерю, задерживающую развитіе отечественнаго кораблестроенія и отечественной техники.

Нѣмцы, добивающіеся пониженія пошлины на желѣзо и желѣзныя издѣлія, не только грозятъ подорвать, едва-едва начинающуюся у насъ, желѣзодѣлательную промышленность и технику, но и прямо посягаютъ, такимъ образомъ, на самые источники нашей государственной обороны. Точно также немыслимы съ нашей стороны никакія уступки и относительно каменнаго угля. Это насущнѣйшій и основной матеріалъ для всякаго фабрично-заводскаго производства; отечественную добычу его мы должны усиливать и распространять елико возможно. Повторяю, желѣзо и каменный уголь во всѣхъ новыхъ культурныхъ странахъ послужили и продолжаютъ служить главными основами ихъ промышленнаго развитія и экономическаго благосостоянія. А потому вполнѣ понятны домогательства нашихъ сосѣдей, отнюдь не желающихъ допустить, чтобы наше національное богатство строилось на собственномъ прочномъ фундаментѣ. Голоса же, вторящіе имъ изъ русской среды, могутъ быть объясняемы только или круглымъ историко-экономическимъ невѣжествомъ, или отщепенствомъ.

Итакъ, часто встрѣчающееся у насъ недоразумѣніе заключается въ томъ, что въ головѣ многихъ любезныхъ соотчичей политическая неза-

висимость нашего великаго отечества представляется сама по себѣ, а промышленная его зависимость отъ иностранцевъ сама по себѣ. Но, помилуйте, какъ же не видать тѣсной связи между фабрично-заводскою промышленностію и средствами государственной обороны? Какъ же не понимать, что тѣмъ труднѣе оборона, тѣмъ болѣе надобно дѣлать усилій и терять людей, чѣмъ менѣе развиты у насъ собственныя механическія средства и собственная техника. Словомъ: возможно ли такой первостепенной важности предметъ, какъ государственная оборона, ставить въ зависимость отъ иностранныхъ заводовъ и иноземныхъ техниковъ? Только великимъ недоразумѣніемъ и можно объяснить относительное игнорированіе подобнаго вопроса. Сама неумолимая сила вещей предъявляетъ намъ неотложную необходимость усиленно покровительствовать обрабатывающей промышленности и энергически развивать собственную технику; а извѣстная часть нашей «печати» и даже нашего чиновничества все еще занимается фритредерскимъ пустословіемъ, или проливаетъ крокодиловы слезы о русскомъ земледѣліи, отнюдь не желая его культурнаго процвѣтанія и очень мало обращая вниманія на фальсификацію нашего зерна, столь вредно отзывающуюся на русской хлѣбной торговлѣ.

Второе, почти господствующее, недоразумѣніе относится къ русскому торгово-промышленному классу. О немъ поговоримъ въ слѣдующій разъ.

16 августа.

II.

Торгово-промышленное сословіе *).

Въ прошломъ своемъ письмѣ я указалъ на то, что политическое могущество какой-либо великой державы въ наше время не можетъ процвѣтать, если рядомъ съ нимъ существуетъ промышленная и техническая зависимость отъ иностранцевъ, если самыя средства государственной обороны находятся въ той же зависимости. Слѣдовательно, отдѣлять промышленное развитіе націи отъ ея политическаго значенія было доселѣ великимъ недоразумѣніемъ (чтобы не сказать болѣе) со стороны многихъ представителей общественныхъ и оффиціальныхъ сферъ. Укажу теперь на нѣкоторыя ложныя идеи, преобладающія въ тѣхъ же сферахъ по отношенію къ русскому торгово-промышленному сословію и находящія себѣ отголосокъ въ разныхъ органахъ нашей печати.

---

*) Москов. Вѣд. 1892 № 235.

Въ этихъ органахъ нерѣдко—особенно въ послѣднее время—можно было встрѣтить по адресу русскихъ торговцевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ, преимущественно московскихъ, упреки въ ихъ инертности, непредпріимчивости, недобросовѣстности, привычкѣ къ большимъ барышамъ и т. п., откуда выводилось прямое заключеніе, что они плохо воспользовались дарованною имъ таможенною охраной отъ иностранной конкурренціи, а слѣдовательно и не заслуживаютъ дальнѣйшей охраны. Между прочимъ, подобными качествами нѣкоторые поверхностные публицисты объясняютъ сильный подрывъ Московскаго фабричнаго района со стороны Лодзи и Сосновицъ.

Рѣдкій народъ обладаетъ способностью къ торгово-промышленной дѣятельности въ той же степени, какъ русскіе. Это наглядно показываетъ намъ исторія. Еще до эпохи такъ-называемаго, и притомъ мнимаго, призванія небывалыхъ Варягоруссовъ, а именно въ первой половинѣ IX вѣка, по неоспоримымъ историческимъ свидѣтельствамъ, мы находимъ русскихъ торговцевъ въ отдаленныхъ странахъ Востока и Запада, на берегахъ нижняго Тигра и Евфрата, въ Багдадѣ, и на берегахъ верхняго Дуная, въ Регенсбургѣ. Еще чаще встрѣчаются они, конечно, въ сосѣднихъ странахъ, каковы: Камская Болгарія, Хазарія, Балтика, Польша и Византійская имперія. Затѣмъ нахлынувшія татарскія орды отрѣзали насъ отъ Востока, а враждебные западные сосѣди—отъ Европы. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ иностранцы, посѣщавшіе Россію, все-таки удивляются русскимъ торговымъ способностямъ. Но въ эти времена Русскіе почти отучились отъ внѣшнихъ торговыхъ предпріятій, особенно на Западѣ: иностранцы всѣми мѣрами мѣшали Русскимъ торговцамъ за границей, предпочитая самимъ пріѣзжать въ Россію и дешево закупать здѣсь сырье; имъ помогало въ этомъ случаѣ само Московское правительство, подозрительно смотрѣвшее на поѣздки своихъ людей въ европейскія страны.

А Петербургскій періодъ нашей исторіи, какъ извѣстно, сопровождался сильнымъ нѣмецкимъ вліяніемъ и особымъ покровительствомъ Нѣмцамъ. При такихъ условіяхъ русскій торгово-промышленный классъ большею частію находился, можно сказать, въ загонѣ. Когда же онъ могъ опериться и развиться какъ слѣдуетъ? Вѣдь только въ самое послѣднее время начался благодѣтельный поворотъ въ отношеніяхъ руководящихъ сферъ къ торгово-промышленному классу. Тѣмъ не менѣе, если вы внимательно присмотритесь, то убѣдитесь, что нашъ народъ сохранилъ вышеупомянутыя способности и что онъ болѣе склоненъ къ торговлѣ и обрабатывающей промышленности, чѣмъ къ земледѣлію, на ис-

ключительное занятіе которымъ осуждаютъ его доморощенные фритредеры.

Мнѣ, какъ Москвичу, довольно близко извѣстны хорошія и дурныя стороны нашего крупнаго купечества, особенно современной формаціи, какъ переходной ступени отъ невѣжества и полуобразованія къ истинному европеизму. Но пока нельзя требовать отъ него всѣхъ тѣхъ качествъ, которыми обладаетъ, напримѣръ, англійскій торгово-промышленный классъ. Тамъ эти качества воспитаны и развиты вѣками почти ни чѣмъ не стѣсняемой дѣятельности и строгаго покровительства. Я разумѣю не одни тарифы, а покровительство въ самомъ широкомъ его значеніи.

Попробуйте затронуть или нарушить интересъ какого-либо англійскаго торговца или промышленника: весь дипломатическій персоналъ къ его услугамъ, и вамъ не дадутъ покоя, пока не добьются удовлетворенія. Тутъ нѣтъ ничего похожаго на знакомое намъ дипломатическое far niente.

Но если европейскій торговецъ или промышленникъ находитъ дѣятельное покровительство даже въ чужихъ земляхъ, то въ собственной землѣ онъ еще болѣе обезпеченъ ото всякаго подрыва со стороны иноземной конкурренціи. Вопреки фритредерскимъ теоріямъ, тамъ на практикѣ, какъ мы видимъ, иноземная конкурренція допускается постольку, поскольку она не нарушаетъ внутреннихъ интересовъ; въ противномъ случаѣ она подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ устраняется, не взирая ни на какіе фритредерскіе принципы. Мыслимо ли въ какой-либо европейской странѣ, напримѣръ, такое анормальное явленіе, какъ нѣмецкіе передѣлочные заводы и фабрики Привислянскаго края?

Нѣкоторые наивные господа обращаются къ великорусскимъ производителямъ и говорятъ: «извольте бороться; таможенныя пошлины повышены, слѣдовательно, для васъ все сдѣлано; а если Лодзь и Сосновицы васъ побѣждаютъ, то вы сами виноваты, не умѣете дѣла вести какъ слѣдуетъ». Да, помилуйте, какъ же бороться съ промышленнымъ производствомъ, цѣликомъ пересаженнымъ въ наши предѣлы вмѣстѣ съ иностранными машинами, мастерами, рабочими и всякими ухищреніями? Развѣ вы дали намъ время укрѣпиться настолько, чтобы подобная конкурренція насъ не подрывала? Развѣ дѣло идетъ о благополучіи только самихъ фабрикантовъ, а не огромной массы русскаго рабочаго люда? А затѣмъ—и это главное—развѣ государству все равно въ какомъ районѣ и въ какомъ направленіи будетъ развиваться у него промышленность? Всякое государство охраняетъ свое ядро, откуда и распространяется

національное развитіе на другія его области. А если инородческая окраина беретъ верхъ надъ кореннымъ русскимъ производствомъ, то послѣдствія могутъ быть только плачевныя.

Еще болѣе печальными послѣдствіями грозитъ водвореніе нѣмецкихъ передѣлочныхъ заводовъ уже не на окраинѣ, а внутри государства. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, таковой заводъ намѣрена устроить въ Екатеринославской губерніи фирма Круппа. Это имя принадлежитъ къ самымъ непопулярнымъ въ Россіи, на ряду съ именемъ Бисмарка. Съ фирмой Круппа связана память о подрывѣ и задержкѣ русскихъ пушечныхъ и вообще сталелитейныхъ заводовъ. Въ свое время, какой-либо, нелегальнымъ способомъ заинтересованный, докладчикъ подавалъ искусно составленную записку о томъ, какъ сравнительно дешевле, лучше и скорѣе будутъ отлиты для насъ пушки на германскомъ заводѣ Круппа, чѣмъ на нашемъ казенномъ заводѣ. При семъ онъ, конечно, умалчивалъ о томъ, какъ въ послѣдствіи дорого придется расплачиваться намъ за эту дешевизну и скорость, и какъ требуемыя отъ современныхъ орудій качества могли быть достигнуты у себя дома при дѣятельномъ о нихъ попеченіи.

Говорятъ, будто Круппъ, вмѣстѣ съ устройствомъ завода, хлопочетъ даже о безпошлинномъ привозѣ машинъ и матеріаловъ. Положительно эти господа считаютъ насъ, если не совсѣмъ идіотами, то по крайней мѣрѣ людьми низшей расы, не способной къ высшей европейской культурѣ (это Русское-то племя, превосходящее ихъ своею даровитостію?). А между тѣмъ, въ дѣйствительности, мы совсѣмъ не нуждаемся въ томъ, чтобъ иностранцы производили хищническую эксплуатацію нашихъ естественныхъ богатствъ и чуть не даромъ вывозили ихъ изъ Россіи. Разработать эти богатства мы должны и сумѣли бы сами. Для этого нужно только національное покровительство, покровительство и покровительство.

Что при мирномъ обычномъ теченіи жизни не такъ замѣтно, а ярко бросается въ глаза при всякомъ его нарушеніи,—это именно наша тяжелая зависимость отъ иностранцевъ въ промышленномъ отношеніи. Случилась холерная эпидемія, понадобились санитарныя, дезинфекціонныя средства, — и пошла спѣшная выписка ихъ изъ-за границы. Какую-нибудь карболовую кислоту, и ту, оказывается, мы не производимъ дома; вотъ до чего еще не развиты у насъ химическіе заводы! Что же будетъ во время большой европейской войны? Но, слава Богу, до наступленія ея еще можно поправить дѣло, если не будемъ болѣе терять времени, и если, между прочимъ, на пресловутыя боевыя пошлины отвѣтимъ дальнѣйшимъ возвышеніемъ тарифовъ на нѣмецкіе товары.

Нѣмцы, съ такимъ злорадствомъ отнесшіеся къ двумъ постигшимъ насъ физическимъ бѣдствіямъ, вообразили, что Россія чуть ли не на краю гибели, и что теперь они не встрѣтятъ энергическаго отпора своимъ назойливымъ домогательствамъ. Но именно во время сихъ бѣдствій русское правительство проявило такую дѣятельную заботу о своемъ народѣ, которая служитъ самымъ нагляднымъ доказательствомъ того, что отнынѣ не чуждые намъ, а собственные національные интересы на первомъ планѣ, и національная политика едва ли будетъ подвержена прошлымъ недоразумѣніямъ и колебаніямъ. А какой же можетъ быть лучшій залогъ нашего будущаго преуспѣянія, если не полнѣйшее единеніе правительства со своимъ народомъ?

23 августа.

Нѣчто о новыхъ способахъ заговаривать зубы *).

Возвращаюсь къ тому же и тому же предмету. Гдѣ въ другой странѣ можно встрѣтить интеллигенцію способную поддерживать такой абсурдъ, что политическая независимость націи имѣетъ безъ конца существовать рядомъ съ ея экономическою зависимостью отъ другихъ народовъ? Гдѣ въ другой странѣ можетъ произойти такая нелѣпость, чтобы неурожаи, повлекшіе за собой *сокращеніе* хлѣбнаго *вывоза*, вдругъ послужили поводомъ для возбужденія вопроса объ *усиленіи ввоза* фабричныхъ товаровъ? Тарифныя уступки, которыхъ добиваются западные сосѣди при помощи нашихъ антинаціоналовъ, конечно, должны еще шире растворить ворота для продуктовъ промышленности нѣмецкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ подорвать нашу собственную. Нѣтъ, такое глумленіе надъ здравымъ смысломъ возможно только среди нашей интеллигенціи, взлелѣянной и пропитанной антинаціональными элементами.

Я не слѣжу постоянно за «Русскими Вѣдомостями», особенно во время внѣгородского пребыванія. Антинаціональная часть нашей печати такъ велика, что слѣдить за нею не хватитъ никакого времени. Но, съ одной стороны, нѣкоторыя полемическія ссылки «Московскихъ Вѣдомостей», съ другой—радостныя ссылки нѣкоторыхъ нѣмецкихъ людей на союзный имъ органъ, понудили меня взять «Русскія Вѣдомости» за нѣсколько послѣднихъ недѣль и просмотрѣть, что такое онѣ говорятъ въ пользу торговаго договора съ Германіей, то-есть тарифныхъ ей уступокъ съ нашей стороны. Не ожидая встрѣтить никакихъ новыхъ серь-

*) Московскія Вѣдомости. 1892. № 257.

езныхъ мотивовъ, я все-таки думалъ найти хотя ловкую группировку старыхъ, избитыхъ аргументовъ. Но даже и того не оказалось. А оказалось самое обыкновенное и очень неискусное заговариваніе зубовъ, которое повторяется каждый разъ, какъ скоро въ этой газетѣ заходитъ рѣчь о торговомъ договорѣ съ Германіей.

Во-первыхъ, говорится о томъ, что «путемъ взаимныхъ уступокъ» водворится «прочность мирныхъ отношеній», и можно будетъ разсчитывать «на болѣе или менѣе продолжительное сохраненіе мира» (№ 219). Еще прошлою зимой мнѣ приходилось указывать, какъ наши антинаціоналы, якобы для сохраненія мира, навязываютъ намъ дряблую или, точнѣе, бабью политику податливости и уступчивости, которая неминуемо привела бы насъ къ банкротству не только экономическому, но и политическому. До сихъ поръ, сколько извѣстно, Германія не грозила намъ войной изъ-за высокихъ пошлинъ на желѣзо и машины; а если бы вздумала угрожать, то намъ оставалось бы только мужественно принять вызовъ и оружіемъ отстоять свою независимость. Но я полагаю, что до войны съ Нѣмцами дѣло дойдетъ еще не такъ скоро, какъ это можетъ казаться. Что же касается желѣза и машинъ, то въ томъ же нумерѣ «Русскія Вѣдомости» сочувственно относятся къ пониженію на нихъ тарифа, такъ какъ возвышенная (еще до И. А. Вышнеградскаго) пошлина вызвала сильное сокращеніе ихъ ввоза. По поводу такого результата русскіе люди сказали бы: слава Богу, значитъ желѣзо и машины мы начали производить сами у себя дома. А «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ о семъ фактѣ печальнымъ тономъ и пугаютъ насъ тѣмъ, что Россія ежегодно теряетъ нѣсколько милліоновъ рублей вслѣдствіе нѣмецкихъ дифференціальныхъ пошлинъ на нашъ хлѣбъ. Но онѣ умалчиваютъ о тѣхъ милліардныхъ убыткахъ, которые причинилъ бы намъ вновь усилившійся ввозъ означенныхъ предметовъ, неизбѣжно подрывающій развитіе собственныхъ желѣзодѣлательныхъ и машинныхъ заводовъ. При томъ дѣйствительность ясно показываетъ, что хлѣбный вывозъ зависитъ отъ урожая, котораго можетъ и не быть, такъ что иной годъ этотъ вывозъ самъ собой упадетъ или прекратится; тогда какъ по отношенію къ продуктамъ заводско-фабричной промышленности Германія постоянно страдаетъ перепроизводствомъ, которое неминуемо будетъ душить нашу собственную промышленность.

Далѣе, заговариваніе зубовъ практикуется насчетъ мнимой обоюдовыгодности договора и мнимой заботливости о нашемъ сельскомъ хозяйствѣ. «Отъ торговаго договора съ Германіей мы ждемъ пользы для нашего земледѣльческаго хозяйства, и не видимъ ущерба для Россіи отъ

ослабленія нашего промышленнаго протекціонизма» (№ 241). Мы только сейчасъ указали какія это были бы страшно неравныя уступки. Надобно быть человѣкомъ или слѣпымъ, или коварнымъ, чтобъ увѣрять въ ихъ равномѣрности. И какая вдругъ трогательная заботливость о русскомъ земледѣліи проявилась у нашихъ антинаціоналовъ! А между тѣмъ тутъ же газета сообщаетъ, что Германія нуждается въ нашемъ хлѣбѣ, и что «сама она признала уменьшеніе пошлинъ на (русскій) хлѣбъ необходимымъ въ интересахъ собственнаго своего населенія». Чѣмъ болѣе мы будемъ развивать собственную желѣзодѣлательную промышленность, тѣмъ менѣе будутъ намъ нужны нѣмецкія издѣлія; а въ Германіи, наоборотъ, съ умноженіемъ населенія потребность въ привозномъ хлѣбѣ все будетъ возрастать. Гдѣ жэ тутъ обоюдная выгода? Затѣмъ, у насъ самихъ потребность въ хлѣбѣ, съ умноженіемъ населенія и развитіемъ промышленности, то-есть благосостоянія, будетъ увеличиваться; а возможные излишки найдутъ себѣ сбытъ и помимо непосредственнаго ввоза въ Германію. Къ чему же мы, для благополучія Нѣмцевъ, свяжемъ по рукамъ и по ногамъ собственныя производительныя силы и вновь закабалимъ себя въ качествѣ нѣмецкаго рынка? Наконецъ, если мы сами долгое время жертвовали Нѣмцамъ развитіемъ собственной промышленности и пріучали ихъ къ непомѣрнымъ притязаніямъ на нашъ счетъ, то наступила пора желѣзной необходимости прекратить подобныя данническія отношенія и позаботиться о собственныхъ нуждахъ и потребностяхъ,—хотя бы перемѣна отношеній и была сопряжена съ нѣкоторыми временными потерями, повторяю, далеко не равняющимися огромнымъ выгодамъ отъ сей перемѣны. Во всякомъ случаѣ, ввозъ нѣмецкихъ издѣлій еще такъ великъ, что если бы мы захотѣли добиться отмѣны боевыхъ пошлинъ на хлѣбъ, то слѣдовало бы назначить сосѣдямъ извѣстный срокъ или для сбавки этихъ пошлинъ, или, въ противномъ случаѣ, для введенія запретительныхъ пошлинъ съ нашей стороны на важнѣйшіе предметы германскаго ввоза. Вотъ въ какомъ тонѣ должны говорить мужественные и патріотичные люди; а не заговаривать зубы мнимою взаимностью и лицемѣрною заботливостью о сельскомъ хозяйствѣ.

Къ подобнымъ способамъ заговариванія зубовъ принадлежитъ и мнимое безпристрастіе газеты, практикуемое ею въ томъ же № 241. Полемизуя противъ «Московскихъ Вѣдомостей», которыя якобы преувеличиваютъ выгоды Германіи и убытки Россіи отъ торговаго договора, «Русскія Вѣдомости» принимаются также оспаривать мнѣнія *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, которая пыталась доказывать, будто бы Германія заинтересована въ договорѣ меньше чѣмъ Россія, т.-е. будто бы она

можетъ легко обходиться безъ русскаго хлѣба. Вмѣсто того, чтобы поймать на словѣ органъ графа Каприви и сдѣлать заключеніе о полной и обоюдной ненужности договора, наша газета старается показать, что онъ неправъ и съ фальшивымъ безпристрастіемъ настаиваетъ на равной заинтересованности обѣихъ сторонъ. Въ результатѣ получается, конечно, все тотъ же подрывъ русской промышленности безо всякой пользы для русскаго земледѣлія, и не только безъ пользы, но и прямо ему во вредъ.

Чтобы наглядно подтвердить сію послѣднюю мысль, приведу примѣръ изъ тѣхъ же «Русскихъ Вѣдомостей».

Въ № 242 корреспондентъ газеты, г. Прянишниковъ, даетъ плѣнительную картину какъ сельско-хозяйственной опытной станціи въ Бернбургѣ, такъ и сельскаго хозяйства въ прусскихъ имѣніяхъ Кунроу и Люпицъ, гдѣ болота и голые пески превращены въ роскошныя поля, производящія свекловицу, клеверъ, рожь, пшеницу, картофель и пр., благодаря «грядовой культурѣ болотъ» и удобренію песковъ искусственными средствами, въ видѣ азота, кали и фосфора. Очевидно, газета при семъ питаетъ заднюю мысль: показать въ перспективѣ тѣ блага, которыя ожидаютъ Россію, если она оставитъ заботу о заводско-фабричной промышленности и посвятитъ себя всецѣло сельскому хозяйству. Но вотъ тутъ-то и возникаетъ рѣзкое противорѣчіе самимъ себѣ,—противорѣчіе, котораго не замѣтили ни корреспондентъ, ни редакція. Дѣло идетъ о сельско-хозяйственной культурѣ, которая достигла тамъ замѣчательной степени развитія, благодаря именно высокоразвитой обрабатывающей промышленности, техникѣ и химіи. Корреспондентъ не разсказываетъ всего процесса сельско-хозяйственной культуры и при этомъ совсѣмъ не упоминаетъ о роли разныхъ и подчасъ очень сложныхъ машинъ. Но онѣ подразумѣваются сами собою; подразумѣваются, конечно, и многочисленные заводы ихъ выдѣлывающіе. Онъ только мимоходомъ касается участія въ этой культурѣ нѣкоторыхъ искусственныхъ видовъ удобренія, каковы: азотъ, кали и фосфоръ. Но самыя названія ихъ краснорѣчиво говорятъ намъ о томъ громадномъ и плодотворномъ значеніи, какое въ культурномъ земледѣліи имѣютъ широко распространенные химическіе заводы. Такимъ образомъ, выходитъ, что, плѣняя насъ картиной прусскаго земледѣлія, наши антинаціоналы въ то же время отрицаніемъ покровительственной системы для химическихъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ осуждаютъ русское земледѣліе на вѣчное примитивное состояніе. Вотъ къ какимъ безысходнымъ противорѣчіямъ приходятъ доморощенные экономисты фритредеры, не усвоившіе себѣ научныхъ прі-

емовъ. И это тѣмъ болѣе странно, что означенная газета слыветъ органомъ извѣстной группы московскихъ профессоровъ и ученыхъ.

Казалось бы, гдѣ ученые, тамъ и научное обращеніе съ предметомъ, то-есть добросовѣстное его изученіе и разностороннее обсужденіе, завершенныя строго-логическими выводами. Вмѣсто того, не находимъ и самаго простого здраваго смысла. Ясно, что для культурнаго земледѣлія необходимо сильное развитіе въ странѣ техники и химіи, слѣдовательно, размноженіе механическихъ и химическихъ заводовъ; а безъ покровительственной системы, при подавляющей иностранной конкурренціи, они существовать не могутъ. Приведенная выше картина напоминаетъ намъ другой живописный эскизъ, набросанный инымъ авторомъ: это изображеніе народныхъ дворцовъ, служащихъ народу для поученія и вмѣстѣ пріятнаго времяпровожденія. Дворцы сіи авторъ созерцалъ въ Англіи, странѣ самаго высокаго промышленнаго развитія. Къ чему же соблазнять нашъ народъ разсказами о подобныхъ чудесахъ культуры и въ то же время препятствовать ему въ достиженіи хотя приблизительно такого же развитія?

Приведу еще примѣръ подобнаго противорѣчія въ газетѣ гг. Соболевскаго и Постникова.

Въ № 227 газета трактуетъ о нефтяномъ синдикатѣ и, между прочимъ, говоритъ о плохомъ состояніи нефтяного дѣла. Американцы перегнали насъ на всемірномъ рынкѣ, потому что «наши нефтепромышленники не сумѣли идти въ уровень съ усовершенствованіями *современной техники*». Далѣе говорится, что Американцы очищаютъ керосинъ содой и моютъ его водой, а мы не умѣемъ его очищать какъ слѣдуетъ. Ясно опять, какъ неудобно намъ безъ химіи и усовершенствованной техники являться на всемірный рынокъ съ подобными продуктами. Повторяю, со всѣхъ сторонъ выдвигается желѣзная необходимость въ развитіи собственной техники и химіи; сами же антинаціоналы на эту необходимость указываютъ; а когда такому развитію грозитъ серьезная опасность, они заговариваютъ намъ зубы вышеприведенными способами.

Въ концѣ концовъ нельзя не сознаться, что, Богъ вѣсть зачѣмъ поднятый, вопросъ о новомъ торговомъ договорѣ съ Германіей представляетъ одно изъ самыхъ неудобныхъ наслѣдій, оставленныхъ предыдущимъ финансовымъ управленіемъ (И. А. Вышнеградскаго) настоящему; ибо удовлетворить, хотя бы и отчасти, требованіямъ Германіи все-таки значило бы нанести тяжелый ударъ собственнымъ интересамъ. Если отсталые въ наукѣ экономисты могли доселѣ спокойно—и съ каѳедръ, и въ газетахъ — проповѣдывать свои антинаціональныя доктрины, это было

только недоброе слово; а когда нѣкоторые государственные люди пытались имъ слѣдовать, это было уже дѣло способствовавшее нашей явной отсталости въ европейской культурѣ,—что, въ свою очередь, вызвало желѣзную необходимость не терять ни минуты въ колебаніяхъ, но строгимъ, неуклоннымъ покровительствомъ народному труду во всѣхъ его видахъ, елико возможно наверстать потерянное время.

14 сентября.

Оригинальный тостъ *).

На дняхъ, а именно 14 сентября, происходило любопытное торжество въ Петербургѣ на Охтенскомъ вокзалѣ. Праздновалось открытіе узкоколейнаго Ириновскаго подъѣзднаго пути, проложеннаго къ селенію Ириновкѣ, гдѣ находится имѣніе барона П. Л. Корфа (если не ошибаюсь, предсѣдателя Вольнаго Экономическаго Общества). Владѣлецъ имѣнія и былъ иниціаторомъ постройки сего пути, который имѣетъ своимъ главнымъ назначеніемъ перевозку и утилизацію продуктовъ его торфяно-брикетнаго завода.

Церемонію открытія почтили своимъ присутствіемъ разные чины, особенно прикосновенные къ желѣзнодорожному вѣдомству. Прокатились на семь верстъ по новому пути въ «миніатюрномъ, похожемъ на хорошенькую игрушку, подвижномъ составѣ», вернулись обратно и сѣли за веселый завтракъ. Тутъ баронъ П. Л. Корфъ, сказавъ о постройкѣ дороги и ея будущемъ значеніи, «предложилъ тостъ за развитіе желѣзнодорожнаго и техническо-промышленнаго дѣла въ Россіи». Затѣмъ послѣдовали другіе тосты; при чемъ «было сказано много теплыхъ словъ и добрыхъ пожеланій». Но суть дѣла, конечно, заключалась въ первомъ и главномъ тостѣ, на нашъ взглядъ очень оригинальномъ.

Въ чемъ же состоитъ его оригинальность? спроситъ любопытный читатель.

Отвѣтъ на сей вопросъ заключается въ слѣдующихъ словахъ, взятыхъ изъ описанія торжества: «Постройка дороги и снабженіе ея подвижнымъ составомъ производились *берлинскою фирмою Артуръ Копель*». Сія почтенная фирма присутствовала на торжествѣ открытія; причемъ «преподнесла барону Корфу роскошный альбомъ видовъ. Копіи этихъ альбомовъ раздавались гостямъ» («Новое Время», № 5944).

Итакъ, рельсы, вагоны, мастера—все это нѣмецкое и спеціально бер-

---

*) Московскія Вѣдомости. 1892. № 260.

линское. Отсюда возникаетъ другой вопросъ: при чемъ же тутъ былъ тостъ за развитіе *русскаго* желѣзнодорожнаго дѣла, русской промышленности и *русской* техники? Мы не думаемъ, чтобы въ петербургскомъ промышленномъ районѣ не нашлось способовъ осуществить небольшой подъѣздный путь собственными средствами. Если и оказался въ чемъ недостатокъ, то развѣ въ патріотизмѣ и твердости характера. Любопытно, что на завтракѣ ни одинъ голосъ не поднялся, чтобъ указать на противорѣчіе слова съ дѣломъ: для русской промышленности—добрыя пожеланія, а заказы для иностранной... Нѣтъ, господа, когда будете строить желѣзныя дороги и подвижной составъ у себя дома изъ *русскихъ* матеріаловъ и *русскими* руками, тогда и поднимайте бокалы за процвѣтаніе желѣзной и всякой другой русской промышленности и техники.

По сему поводу пришелъ на память слѣдующій фактъ.

Лѣтомъ, живя за городомъ, мнѣ нерѣдко случается проходить около полотна Николаевской желѣзной дороги. И вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ наблюдаю слѣдующее: первое время я на рельсахъ читалъ все *Шеффильдъ*, а потомъ возобладала надпись *Крёзо*. Да, предшествующіе заправилы финансоваго вѣдомства оставили послѣ себя довольно прочные монументы, но только съ иностранными письменами. Придется ли дожить до русскихъ письменъ?

17 сентября.

Фритредерскіе курьёзы *).

Въ прошломъ году какъ-то въ клубѣ беру газету «Новости» и встрѣчаю тамъ политико-экономическую статью г. Г., одного изъ доморощенныхъ столповъ фритредерскаго, то-естъ антинаціональнаго направленія въ вопросахъ государственнаго хозяйства. Авторъ статьи начинаетъ съ горькой жалобы на то, что у насъ всякій считаетъ себя компетентнымъ судить и рядить объ этихъ вопросахъ, откуда происходитъ, молъ, великая и вредная путаница въ общественныхъ понятіяхъ; тогда какъ правильно разсуждать о такомъ дѣлѣ могутъ только спеціалисты, научно къ тому подготовленные. Предупредивъ такимъ образомъ читателей о себѣ, какъ о научномъ авторитетѣ, сей спеціалистъ затѣмъ уже, ничѣмъ не стѣсняясь, бойко и широко разглагольствуетъ о прелестяхъ свободной торговли и страшныхъ невыгодахъ протекціонизма.

*) „Московскія Вѣдомости". 1892. № 330.

Подобныя разглагольствованія только и могутъ быть разсчитаны на читателей некомпетентныхъ, ничего непонимающихъ въ политикѣ и экономіи; а сами-то они и представляютъ верхъ ненаучнаго, крайне-поверхностнаго отношенія къ предмету, основаннаго на совершенно ложной исходной точкѣ зрѣнія. Ибо что же можетъ быть ненаучнѣе, какъ не знать или забывать о томъ, что покровительство народному труду во всѣхъ его видахъ составляетъ conditio sine qua non для всякаго національнаго развитія, и что Россія имѣетъ свои собственныя государственныя задачи, а не есть какая-то некультурная международная страна, долженствующая служить только предметомъ эксплоатаціи и обогащенія для всѣхъ, за исключеніемъ своего хозяина, то-есть Русскаго народа. Самъ по себѣ г. Г., по всей вѣроятности, очень почтенный человѣкъ, и мнѣ крайне непріятно указывать на его въ высшей степени отсталое, поверхностное отношеніе къ тому предмету, въ которомъ онъ считаетъ себя спеціалистомъ.

Предъ нами курсъ политической экономіи другого, несомнѣнно хорошаго человѣка, но имѣвшаго несчастіе подпасть вліянію доморощенной фритредерской школы. И вотъ пока идетъ рѣчь объ иныхъ сторонахъ предмета, книга читается легко и не безъ пользы. Но дошла очередь до главы «Свободная торговля и протекціонизмъ», и тутъ начинается замѣчательное умопомраченіе. Государство противополагается народу, такъ что протекціонизмъ является какимъ-то непрошеннымъ «вмѣшательствомъ государства въ экономическую жизнь» народа; покровительство національной промышленности это есть *путь запрещеній и стѣсненій, посредствомъ пошлинъ*, привоза иностранныхъ товаровъ». Ясно, что уже самый способъ выраженій направленъ къ тому, чтобы настроить бѣдныхъ русскихъ читателей противъ протекціонизма какъ противъ ихъ злѣйшаго врага. Да и какъ имъ не возненавидѣть это чудовище, если протекціонизмъ *«нарушаетъ интересы однихъ лицъ даннаго общества въ пользу другихъ*, интересы потребителей въ пользу производителей». Слѣдовательно, опять одна часть націи противупоставляется другой части, потребители производителямъ, хотя въ дѣйствительности невозможно провести между ними никакой опредѣленной черты, и успѣхами отечественной промышленности пользуются всѣ классы населенія. Далѣе примѣры другихъ странъ несомнѣнно указываютъ намъ, что громадные капиталы создались тамъ вслѣдствіе чрезвычайнаго развитія промышленности. А наши доморощенные экономисты иронически замѣчаютъ, какъ о какомъ-то курьезѣ о мнѣніи, «что законы и правительства могутъ создавать промышленность, не создавая капитала». Выходитъ, что

прежде надо создать капиталъ, а потомъ развивать промышленность, мнѣніе прямо противоположное дѣйствительности.

«Проведите пути сообщенія въ горнозаводскую мѣстность, станьте на уровень западно-европейской техники, и наше желѣзо не допуститъ иностраннаго во всѣ внутреннія и восточныя губерніи». Во-первыхъ, западныя губерніи стало быть во всякомъ случаѣ обязаны потреблять иностранное желѣзо. А во-вторыхъ, какъ же наша техника станетъ на уровень западноевропейской безъ собственной заводско-фабричной промышленности? Развѣ техника тамъ развилась сама по себѣ, а промышленность сама по себѣ?

Въ концѣ-концовъ, сія политическая экономія снисходительно указываетъ намъ тѣ отрасли обрабатывающей промышленности, которыми можетъ заниматься Русскій народъ; это: «поташъ, деготь, скипидаръ, салотопенное производство, кожевенное, мельничное, льняное, пеньковое» и тому подобное сырье. Такъ вотъ каковы должны быть наша культура и наше міровое назначеніе! Поташъ, деготь, скипидаръ? А, напримѣръ, о производствѣ карболовой кислоты, столь необходимой при эпидеміяхъ, стало-быть, мы не можемъ и мечтать и должны въ этомъ отношеніи навсегда сохранить свою зависимость отъ Германіи.

Извѣстно, что возвращающіеся изъ-за границы наши путешественники, въ томъ числѣ и политико-экономисты, всѣ уши намъ прожужжали о чудесахъ западно-европейской цивилизаціи или культуры и о нашей сравнительно съ нею ужасной отсталости. Но любопытно, что почти единственную причину этой отсталости досслѣ видѣли обыкновенно въ одномъ политическомъ строѣ Россіи, а не замѣчали слона, то-есть недостатокъ именно покровительственной системы и строго-національнаго направленія, безъ которыхъ мы не только никогда не сравняемся съ передовыми культурными народами, но и все болѣе и болѣе будемъ отъ нихъ отставать. Вѣдь, высшую культуру нельзя получить въ обмѣнъ за поташъ и деготь. Надо усиленно работать и развивать у себя дома всѣ доступныя намъ отрасли промышленности и техники, и только этимъ путемъ мы можемъ догнать другіе народы на поприщѣ культуры. А безъ покровительственной системы это развитіе невозможно; иностранная конкуренція задушитъ всѣ болѣе сложныя производства, и намъ останется дѣйствительно только гнать деготь, пока лѣса не окончательно истреблены, топить сало, пока еще существуютъ травяныя пространства и возможно скотоводство, и т. п. Слѣдовательно, именно сѣтующіе на нашу отсталость въ культурѣ и задерживаютъ ея развитіе своимъ невѣдѣніемъ или ложными представленіями объ ея прямыхъ источникахъ.

И такія простыя истины съ трудомъ даются не только массѣ публики, но даже ученымъ и профессорамъ. Недавно на одномъ изъ засѣданій сельско-хозяйственнаго общества пришлось мнѣ услышать разсужденія профессора агрономическаго института. Онъ былъ въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ и въ восторгѣ отъ ихъ культуры, но тутъ же началъ высчитывать, какъ золотая пошлина на земледѣльческія машины тяжело отзывается на нашемъ сельскомъ хозяйствѣ. И при томъ умолчалъ о такомъ громадной важности фактѣ, что Соединенные Американскіе Штаты всѣ земледѣльческія машины выдѣлываютъ у себя дома. Неужели же мы недостойны никакой культурной самостоятельности и даже въ сферѣ земледѣлія должны навсегда оставаться въ зависимости отъ другихъ народовъ? А если независимость нельзя пріобрѣсти помимо золотой пошлины, то какъ же можно на нее сѣтовать?

До какой степени наши фритредеры очутились теперь безъ почвы, видно изъ ихъ стремленія хвататься за соломенки, то-есть за такіе факты, которые они пытаются обратить въ свою пользу помощію самыхъ превратныхъ толкованій.

Правительство рѣшило обуздать зарвавшихся сахарозаводчиковъ, и вотъ вамъ якобы аргументъ противъ покровительственной системы; хотя покровительство въ семъ случаѣ развило такое производство, которое совершенно обезпечило Россію своимъ собственнымъ сахаромъ. Слѣдовательно, фактъ прямо говоритъ противъ фритредеровъ, и вопросъ тутъ можетъ быть только объ излишествѣ. Жаль, что подобное покровительство своевременно не обратилось на желѣзо и каменный уголь; Россія стояла бы теперь на иной, болѣе высшей степени культуры.

Въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ демократическая партія побѣдила республиканскую на выборахъ президента, и отсюда грозитъ опасность высокому тарифу Макъ Кинлея. Мы можемъ съ любопытствомъ слѣдить за дальнѣйшею борьбой партій на этомъ поприщѣ; но собственно намъ нѣтъ прямого дѣла до исхода этой борьбы. Мы стоимъ слишкомъ далеко назади въ промышленномъ отношеніи сравнительно съ Соединенными Штатами. И тѣмъ не менѣе, фритредерскіе органы ребячески агитируютъ по сему поводу: какъ будто Русское правительство обязано слѣдовать примѣру американскихъ демократовъ, хотя бы для того пришлось въ конецъ подорвать собственную промышленность.

26 ноября.

По поводу общественныхъ работъ *).

Пишу непосредственно подъ впечатлѣніемъ двухъ прослушанныхъ мною засѣданій Общества Сельскаго Хозяйства, посвященныхъ вопросу объ общественныхъ работахъ и происходившихъ въ Георгіевской залѣ Дворянскаго Собранія.

Засѣданія эти были чрезвычайно интересны и содержательны. Люди науки, по преимуществу геологи, метеорологи, инженеры и агрономы, обладающіе большими спеціальными свѣдѣніями и запасами опыта, сдѣлали массу любопытныхъ и полезныхъ сообщеній, связанныхъ съ насущною потребностью обводненія и облѣсенія — тою потребностію, которую выдвинулъ на первый планъ печальной памяти неурожайный 1891 годъ. Изо всѣхъ этихъ сообщеній богатствомъ фактовъ и наблюденій выдался особенно рефератъ самого иниціатора дѣла, М. Н. Анненкова, въ живомъ, талантливомъ изложеніи и, при помощи волшебнаго фонаря, представившаго характеристику своихъ опытовъ и работъ по обводненію верховьевъ Дона.

Прослушавъ сдѣланныя на этихъ засѣданіяхъ сообщенія, невольно приходишь къ такому общему выводу: да, въ чемъ мы не нуждаемся— это въ талантахъ; можно сказать талантливости у насъ изобиліе. Ахъ, если бы было столько же трезвости, практичности и устойчивости! Если бы точность и исполнительность соотвѣтствовали широтѣ и картинности идей и замысловъ.

Все это прекрасно. Но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о многомилліонныхъ затратахъ, можно и должно пожелать всесторонней и тщательной разработки того плана общественныхъ работъ, сѣть которыхъ предполагается распространить на огромную площадь Европейской Россіи. Мнѣ кажется въ такомъ важномъ вопросѣ государственнаго хозяйства менѣе всего допустимо увлеченіе и требуется строго научная его постановка.

А между тѣмъ, что говорилъ по сему поводу на вечернемъ засѣданіи 21 декабря представитель науки о государственномъ хозяйствѣ или такъ называемой политической экономіи?

А. И. Чупровъ замѣчательно красно восхвалилъ иниціаторовъ дѣла, и затѣмъ высказалъ такую оригинальную мысль: многомилліонныя затраты на осуществленіе всего грандіознаго плана общественныхъ работъ должны быть отпущены изъ Государственнаго Казначейства, а на покрытіе ихъ могутъ быть изобрѣтены новые налоги и подати.

---

*) „Московскія Вѣдомости". 1892. № 355.

И это столь нехитрое рѣшеніе самой затруднительной стороны вопроса (о денежныхъ средствахъ) встрѣчено было собраніемъ, можно сказать, съ энтузіазмомъ, какъ нѣчто поистинѣ геніальное. Вотъ тутъ то, признаюсь, мое общее впечатлѣніе нѣсколько пострадало, и я подумалъ: да, у русскихъ интеллигентовъ таланту много, но иногда творчества мало; а подчасъ пышное ораторство скрываетъ за собой положительную скудость мысли и недостатокъ самостоятельной, плодотворной работы надъ собственною спеціальностію.

Какъ представитель заморской фритредерской школы, ораторъ не преминулъ выразить слѣдующее соболѣзнованіе. «Очень, молъ, русское общество виновато предъ сельскимъ хозяйствомъ; ибо долгое время оставляло его безъ вниманія, посвящая свои заботы другимъ отраслямъ народнаго хозяйства, а именно постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, обрабатывающей промышленности» и т. д. Извѣстно, что съ желѣзными дорогами мы запоздали, и потому пришлось ихъ строить спѣшно, и постройку эту откладывать долѣе было бы преступленіемъ. Но спрашивается: какія такія усиленныя заботы посвящались обрабатывающей, т.-е. фабрично-заводской промышленности до недавняго времени? Если съ конца пятидесятыхъ до второй половины восьмидесятыхъ годовъ мало заботились о земледѣліи, то о промышленности фабрично - заводской заботились не болѣе того; это именно былъ періодъ, когда въ нашей промышленной и торговой политикѣ господствовало столь разорительное фритредерство. Вотъ почему мы такъ бѣдны культурой и капиталами сравнительно съ передовыми націями, и эта бѣдность особенно сильно сказалась въ ту годину, когда намъ измѣнилъ и другой источникъ народнаго благосостоянія, т.-е. земедѣльческая промышленность.

Политико-эконому болѣе свойственно было бы преподать указанія и примѣры изъ теоріи и практики культурныхъ странъ. Полагаю, что не разъ слышанныя нами ссылки на Египетъ и Среднію Азію менѣе подходятъ подъ условія и задачи Европейской Россіи, чѣмъ образцы, взятые изъ жизни Сѣверной Германіи и Сѣверной Америки, у которыхъ мы могли бы поучиться культурному земледѣлію. А таковое земледѣліе было бы тамъ немыслимо безъ процвѣтанія фабрично-заводской промышленности, съ помощію которой, какъ извѣстно, и безплодныя песчаныя пространства тамъ умѣютъ обращать въ плодородныя нивы и пажити.

22 декабря.

Г. профессоръ политической экономіи въ помянутой рѣчи своей между прочимъ высказалъ и такое мнѣніе: пусть даже произведенный опытъ общественныхъ работъ окажется неудачнымъ и не дастъ никакихъ положительныхъ результатовъ, и въ такомъ случаѣ иниціаторы его все-таки заслуживаютъ признательности, ибо мы обогатимся познаніемъ того, какъ не слѣдуетъ производить сіи работы. Слова эти оказались пророческими. Вешнія воды снесли обводнительныя запруды; нарубленный лѣсъ не былъ вывезенъ своевременно и также пропалъ, увеличивъ только сумму лѣсоистребленія. Милліоновъ двѣнадцать рублей истрачено было для добычи приведеннаго выше отрицательнаго результата. А между тѣмъ если бы подобный капиталъ былъ употребленъ на добычу каменнаго угля и желѣза или на основаніе машиностроительныхъ и химическихъ заводовъ, результаты получились бы положительные и высокополезные.

ЕВРЕЙСКО-НѢМЕЦКІЙ

DRANG NACH OSTEN.

Московскія письма о евреяхъ.

I *).

Предстоящая французская выставка въ Москвѣ возбудила не мало толковъ какъ въ газетахъ, такъ и въ частныхъ разговорахъ. Слышатся разные доводы и за, и противъ нея. Признаюсь, для меня вопросъ пока недостаточно ясенъ. Можетъ быть и хорошее предпріятіе; но я какъ-то не могу взять въ толкъ тѣ выгоды, которыя намъ сулятъ. Не знаю, вѣрно ли я понимаю дѣло; а насколько я его понимаю, подъ именемъ выставки открывается собственно французскій базаръ, т.-е. промышленность французская пріобрѣтаетъ въ Москвѣ новый рынокъ. И для нея (для французской промышленности)—это несомнѣнная выгода. Но что выигрываетъ наша отечественная промышленность—это пока остается для меня вопросомъ. Въ газетахъ мы уже читали, что пріѣзжалъ недавно распорядитель выставки и любезностью своею очаровалъ всѣхъ нужныхъ ему людей, и даже многихъ сверхъ того. Одно только московское купечество какъ-то все не приходитъ въ восторгъ отъ предстоящей выставки, чѣмъ навлекаетъ на себя отъ ея сторонниковъ упрекъ въ узкомъ эгоизмѣ и даже въ тупости. Въ самомъ дѣлѣ, странно, что ему не улыбается мысль о томъ, какъ московская молодежь будетъ процвѣтать въ кафешантанахъ и на другихъ выставочныхъ увеселеніяхъ, а московскія барыни, подкрѣпленныя пріѣзжими изъ провинціи, вмѣсто своихъ туземныхъ пасажей, толпами устремятся на Ходынское поле, чтобы созерцать и раскупать произведенія изящнаго французскаго вкуса. Московскихъ же фабрикантовъ и купцовъ не трогаютъ, показываемыя пока въ перспективѣ, облегченія ввоза русскаго сырья и скота во Францію. Наконецъ, ихъ не утѣшаетъ и такой вѣскій аргументъ, что предстоящій базаръ поможетъ на-

*) Новое Время. 1890. № 5275.

шему рынку хотя отчасти, взамѣнъ плохихъ нѣмецкихъ фабрикацій, подвергнуться наплыву французскихъ, болѣе утонченныхъ.

Я не особенный сторонникъ именитаго московскаго купечества, ибо знаю невысокую степень его образованности и его малую предпріимчивость. Въ большихъ капиталахъ у него пока недостатка нѣтъ; по части роскоши оно тоже не ударитъ лицомъ въ грязь: нѣкоторыя семьи буквально ѣдятъ на золотѣ, и кушаютъ свѣжую икру отъ пяти рублей за фунтъ и выше. Но именно потому-то я и взираю на него съ сожалѣніемъ: владѣя пока большими средствами, оно страдаетъ недостаткомъ просвѣщеннаго и дѣятельнаго патріотизма. Тамъ, гдѣ нужны находчивость и энергія, оно способно болѣе или на пассивное выжиданіе, или на безполезныя жалобы; а вести активную борьбу, защищать свои и вмѣстѣ отечественные интересы европейскими средствами оно не умѣетъ. (Разумѣю массу, оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя отдѣльныя личности) *). Вотъ потому-то я позволяю себѣ смотрѣть на этотъ классъ обывателей, какъ на нѣчто такое, что обречено на постепенное уничтоженіе, точнѣе говоря, на потопленіе все выше и выше поднимающеюся волною *еврейства*.

Московскому еврейству по справедливости слѣдуетъ праздновать двадцатипятилѣтній юбилей своего размноженія и успѣшнаго подрыванія русскаго торговопромышленнаго элемента, вообще ожидовленія первопрестольнаго города. Уже теперь нѣкоторыя отрасли торговли и промышленности перешли здѣсь въ руки евреевъ. Для примѣра укажу хотя бы на торговлю готовымъ платьемъ, которую легко можетъ провѣрить всякій. Частное банковое дѣло также цѣликомъ переходитъ въ ихъ руки; о мелкомъ ростовщичествѣ нечего и говорить. Сѣть ссудныхъ еврейскихъ кассъ продолжаетъ расти и множиться. Если бы ежегодно велась точная статистика еврейской колонизаціи, то мы имѣли бы передъ собою весьма наглядную таблицу, на основаніи которой можно было бы хотя приблизительно сдѣлать выводъ, въ какомъ десятилѣтіи наступающаго XX вѣка произойдетъ окончательное потопленіе коренного московскаго торгово-промышленнаго класса. Къ сожалѣнію, какъ извѣстно, точная статистика къ еврейству неприложима. Въ 1882 году, когда въ Москвѣ готовилась послѣдняя однодневная перепись, при разсмотрѣніи инструкціи, я сдѣлалъ попытку обратить вниманіе городской думы на вѣроисповѣдную рубрику; но это былъ голосъ вопіющаго въ пустынѣ. Именно вѣроисповѣдная рубрика, какъ слѣдовало ожидать, дала самые

*) Почему сложился такой типъ, отчасти указано выше на стр. 49—50, гдѣ говорится о торгово-промышленномъ сословіи.

неудовлетворительные результаты. Евреевъ насчитали только 15,000, тогда какъ въ дѣйствительности, по всѣмъ признакамъ, ихъ было по крайней мѣрѣ вчетверо болѣе. Теперь ихъ количество, конечно, близится уже къ сотнѣ тысячъ; но предстоящая перепись навѣрно насчитаетъ не болѣе двадцати. Большая часть еврейства или попрячется, или на это время уѣдетъ въ другія мѣстности, или вообще дастъ ложныя показанія. Спросятъ, можетъ быть: какія же мѣры надобно принять противъ такого уклоненія? Пусть тѣ, кому будетъ поручено, придумаютъ болѣе дѣйствительные и удобные способы; а пока, примѣрно, я предложилъ бы слѣдующее: независимо отъ необходимой и нерѣдко повторяемой провѣрки правъ на жительство, заранѣе должно быть объявлено и потомъ строго выполнено такое постановленіе, по которому всякій еврей, не попавшій въ перепись, навсегда лишенъ возможности появленія въ городѣ Москвѣ, а вновь прибывшихъ болѣе допускаемо не будетъ ни подъ какимъ видомъ, даже и подъ видомъ поляковскихъ приказчиковъ, кучеровъ, поваровъ и т. п. Этою мѣрою въ то же время былъ бы прекращенъ дальнѣйшій приливъ хищнаго и голоднаго еврейскаго пролетаріата изъ западныхъ губерній въ сердце Россіи. Разумѣется, успѣхъ подобной мѣры всецѣло зависитъ отъ исполнительныхъ органовъ. А если съ этой стороны и впредь будутъ проектироваться послабленія въ ущербъ коренному населенію, то всякія мѣры, конечно, сведутся къ нулю. Напротивъ, вообразимъ себѣ, что какое-либо дѣйствующее лицо въ ремесленной управѣ займется пріумноженіемъ своего частнаго достатка, игнорируя общественное благо; а въ это время масса евреевъ, никакого ремесла не знающихъ, припишется къ ремесленному цеху. Или, предположимъ, полицейское вѣдомство на законномъ основаніи арестуетъ нѣсколько сотенъ безпаспортныхъ, неимѣющихъ права на жительство евреевъ, чтобы отправить ихъ на родину, а какое-либо авторитетное лицо, отличающееся симпатичнымъ, добрымъ характеромъ, сжалится надъ ними и освободитъ ихъ отъ ареста.

Вообще наши толки о чертѣ еврейской осѣдлости получили характеръ чисто академическій; ибо на практикѣ никакой такой черты не оказывается, и еврейство неудержимо распространяется по лицу Русской земли, безпощадно эксплоатируя вездѣ мѣстное населеніе и возбуждая въ немъ къ себѣ страстную антипатію, которая уже дала себя знать, а въ будущемъ грозитъ еще горшими бѣдствіями. Напомню послѣдній еврейскій погромъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Казалось бы, онъ прежде всего долженъ былъ возбудить вопросъ: какимъ образомъ это мѣсто главнаго русскаго торжища попало въ черту еврейской осѣдлости? Однако, вопросъ возбуж-

денъ не былъ. Возможно ли какое-либо національное развитіе безъ собственнаго многочисленнаго и зажиточнаго средняго или городского сословія, съ жидовствомъ, поставленнымъ на его мѣсто—это весьма наглядно показала намъ исторія покойной Рѣчи Посполитой. А потому вопросъ еврейскій такъ чреватъ послѣдствіями и такъ важенъ, что, можно сказать, важнѣе его въ настоящее время для Россіи никакого другого нѣтъ. Правда, съ одной стороны есть много русскихъ вліятельныхъ людей, придерживающихся принципа aprés nous le déluge; а съ другой есть у насъ и такіе доморощенные философы, которые возстаютъ противъ излишествъ націонализма. Вотъ ужъ поистинѣ можно сказать: risum teneatis amici. Общество наше, точнѣе наша интеллигенція, какъ разъ наоборотъ страдаетъ недостаткомъ націонализма. Ни въ какой европейской странѣ нѣтъ сравнительно столько индифферентовъ или отщепенцевъ въ вопросахъ національныхъ, какъ у насъ. Оттого такъ туго и подвигается наше политическое и экономическое развитіе: оттого кровные русскіе интересы и встрѣчаютъ такъ много всякаго противодѣйствія. Я говорю только о русской части нашей интеллигенціи; объ инородческой ея части нечего и говорить.

Москва, 1890 г., ноября 1-го.

P. S. Только что прочелъ корреспонденцію «Новаго Времени» о сильномъ ожидовленіи Кіева—этой колыбели русской государственной жизни—доселѣ почитавшагося святымъ мѣстомъ въ глазахъ Русскаго народа. Г. Бродскій является такимъ же жидовскимъ королемъ въ Кіевѣ, какимъ г. Поляковъ въ Москвѣ—этомъ другомъ доселѣ священномъ русскомъ городѣ. Вотъ каковъ въ дѣйствительности нашъ націонализмъ! Вѣроятно преизбытокъ сего націонализма и заставилъ нѣкоторыхъ московскихъ интеллигентовъ въ настоящее время агитировать въ пользу петиціи о такъ называемой еврейской равноправности, а въ сущности, конечно, о безпрепятственномъ и скорѣйшемъ порабощеніи кореннаго населенія. Тутъ подъ русскими именами скрываются философы-космополиты; благодушные индифференты или люди слабохарактерные, поддающіеся вліянію своихъ кружковыхъ пріятелей; экономисты, владѣющіе даромъ слова, но страдающіе крайними фритредерскими теоріями, столь убыточными для Россіи; даже превосходныя и высоконравственныя личности, но отъ продолжительнаго пребыванія за моремъ нѣсколько отставшія отъ руской жизни и увлекающіяся завидными плодами заморской цивилизаціи, въ родѣ народныхъ дворцовъ, которые для насъ, русскихъ, увы, пока напоминаютъ испанскіе замки. Въ заключеніе предложу

еще одинъ вопросъ: въ какой мѣрѣ можно считать русскимъ человѣкомъ или представителемъ русской интеллигенціи лицо, которое, примѣрно, по происхожденію семитъ, а по религіи—лютеранинъ?

II *).

«Мы такіе же подданные, какъ и вы», хоромъ восклицаетъ еврейство. «Мы платимъ подати и несемъ повинности, какъ и прочіе обыватели Россіи, а потому должны имѣть равныя права гражданства», повторяетъ оно при каждомъ удобномъ случаѣ. Какъ еврейство отправляетъ военную повинность—это фактъ общеизвѣстный; но не въ этой частности суть дѣла. Только что приведенный доводъ вполнѣ понятенъ въ устахъ еврея; но любопытно при этомъ наблюдать политическую и національную незрѣлость многихъ русскихъ интеллигентовъ, которые становятся втупикъ передъ подобнымъ аргументомъ и готовы на семъ основаніи выдать головою православный Русскій народъ всякимъ инородцамъ и иновѣрцамъ. Нѣтъ, господа, такъ легко нельзя относиться къ національному вопросу первѣйшей важности, скажу болѣе, къ вопросу о самомъ существованіи Русскаго государства, а слѣдовательно и Русской націи.

Сколько поту и какіе потоки своей крови пролилъ нашъ народъ, созидая Русское государство и отстаивая свое самобытное существованіе—о томъ крупными неизгладимыми чертами записано на скрижаляхъ исторіи. На ея глазахъ онъ болѣе тысячи лѣтъ неутомимо и самоотверженно работалъ надъ пріобрѣтеніемъ и обезпеченіемъ этихъ важнѣйшихъ благъ и необходимыхъ условій общечеловѣческаго развитія. Въ то же время путемъ долгаго историческаго процесса онъ выработалъ верховную неограниченную власть, которая и стала во главѣ нашего государственнаго зданія, на стражѣ всего того, что дорого русскому народу и что необходимо для его дальнѣйшаго самобытнаго развитія и преуспѣянія.

Пока Восточная Русь (точнѣе Великорусское племя) трудилась надъ освобожденіемъ и собираніемъ земли, укрѣпляла политическую самобытность и воздвигала прочное государственное зданіе, еврейство заполонило Польшу и соединенную съ нею Западную Русь, гдѣ, благодаря покровительству властей, племенной розни Поляковъ съ Русскими и вообще анархическому складу Рѣчи Посполитой, совершенно подорвало

---

*) Новое Время. 1890. № 5283.

существованіе коренного городского населенія и легло тяжкимъ бременемъ на крестьянское сословіе. Но вотъ Западная Русь возсоединилась съ Восточною, и объединительная работа почти завершилась. Теперь когда Русскій народъ вообще, а Великорусскій въ особенности, могъ бы, наконецъ, возблагодарить Создателя за все ему дарованное и спокойно пользоваться плодами своихъ трудовъ и подвиговъ, теперь изъ той Западной Россіи, которую онъ освободилъ и возсоединилъ, двигается на него хищная еврейская орда и начинаетъ въ его домѣ ту же работу термитовъ, которую она такъ успѣшно выполнила въ бывшей Польской и Литовской Руси. Эти термиты назойливо заявляютъ, что они такіе же подданные, какъ и мы, а слѣдовательно, имѣютъ такія же права на Россію, какъ и сами Русскіе. Они приходятъ жать тамъ, гдѣ не сѣяли, и собирать плоды на почвѣ, которую не они воздѣлывали, выживать хозяевъ изъ ихъ собственнаго дома или обращать въ своихъ батраковъ. Нѣтъ, господа московскіе антинаціоналы, если мы къ евреямъ будемъ относиться съ такою же близорукостію, съ какою относились Поляки, то докажемъ только, что у насъ такъ же мало развито чувство народнаго самоохраненія, какъ это было у нихъ, а слѣдовательно, и наше государственное самобытное существованіе подвергнется подобной же участи.

На тему о личномъ подданствѣ, какъ извѣстно, доселѣ съ успѣхомъ разсуждали и тѣ наши западныя окрайны, которыя не желаютъ слиться съ Россіей, а хотятъ ее только эксплоатировать, т.-е. Балтійскіе нѣмцы и Финляндскіе шведы. Они только подданные общаго Монарха, а съ Россіей и Русскимъ народомъ не желаютъ жить одною жизнію, какъ будто Русскаго Монарха можно отдѣлять отъ Россіи и Русскаго народа.

Почти во всякой великой странѣ существуютъ и господствующая народность, и инородческое населеніе; но нигдѣ мы не видимъ, чтобы коренная или господствующая народность позволяла себя заѣдать инородческимъ элементамъ и не принимала самыхъ рѣшительныхъ мѣръ для обезпеченія своихъ полныхъ правъ и своего національнаго развитія. Самый яркій примѣръ тому представляетъ Англія или, принимая ее въ обширномъ смыслѣ, Англо-Индійская имперія. Извѣстны отношенія англійскихъ ландлордовъ къ туземному ирландскому населенію, хотя расовое различіе ихъ осталось только въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, а по языку они уже давно составляютъ одинъ народъ. Еще рѣзче выступаютъ господство Англійской народности и безцеремонная эксплоатація многочисленныхъ туземныхъ племенъ въ Индіи. Какъ цвѣтущая англійская промышленность можетъ равнодушно смотрѣть на пониженіе

тарифовъ, не опасаясь подрыва отъ иностраннаго ввоза, такъ и самая Англійская нація, при столь высокомъ общественномъ развитіи своемъ казалось бы, могла совершенно спокойно относиться къ какому-либо чуждому или пришлому элементу. Однако, мы видимъ, какъ при первыхъ же извѣстіяхъ о готовящейся эмиграціи евреевъ органы общественнаго мнѣнія тамъ подняли тревогу. И если тѣ же органы кричатъ объ угнетеніи евреевъ въ Россіи, то, конечно, потому, что желаютъ ей всякихъ золъ, въ числѣ которыхъ особенно разсчитываютъ на жидовство, отлично сознавая его разлагающую роль въ государственномъ организмѣ или его значеніе камня, введеннаго въ общественный желудокъ.

Наши фритредеры, пробавляющіеся по преимуществу британскими своекорыстными теоріями свободной торговли, ничтоже сумняся, предлагаютъ своимъ слушателямъ и читателямъ эти теоріи подъ видомъ науки политической экономіи, причемъ (по недостатку ли основательныхъ историческихъ свѣдѣній и сравнительно историческаго метода, или по чему другому) почти умалчиваютъ о томъ, какимъ строгимъ покровительствомъ національной промышленности и торговли Британія довела ихъ до такого блестящаго состоянія. А другіе англоманы, стараясь плѣнить русскую публику картиною народныхъ дворцовъ, съ ихъ воспитательно увеселительнымъ значеніемъ, ни слова не говорятъ о томъ, что британская цивилизація достигла такой высокой степени развитія по преимуществу путемъ строго національной политики, исключительно оберегавшей права и привилегіи господствующаго племени. Подобные теоретики, очевидно, не сознаютъ слѣдующей простой истины: всѣ передовыя европейскія націи тѣмъ и сильны, тѣмъ и притягиваютъ къ себѣ (ассимилируютъ) инородческіе элементы, что въ ихъ пользу отнюдь не поступаются своимъ господствующимъ значеніемъ. Вотъ почему эти элементы и стремятся въ одной странѣ офранцузиться, въ другой—онѣмечиться, въ третьей — англизоваться и т. д. Противоположный тому примѣръ встрѣчается именно у насъ, по недостатку національнаго направленія въ нашемъ обществѣ. Этотъ недостатокъ доселѣ поддерживаетъ и питаетъ сепаратныя тенденціи нашихъ западныхъ окраинъ. Мы даже видѣли многіе примѣры тому, что еврей, переходящій въ христіанство, но желающій при семъ сдѣлать карьеру, принимаетъ не православіе, т.-е. не религію коренной народности, а лютеранство, сближающее его съ инородческимъ нѣмецкимъ элементомъ въ Россіи. Не служитъ ли это признакомъ, что сей элементъ пользуется болѣе привилегированнымъ положеніемъ, чѣмъ само такъ называемое господствующее племя? И вотъ, если такія личности получаютъ какую-либо возможность вліять съ высокаго поста или про-

пагандировать съ каѳедры, понятно, въ какомъ анти-національномъ или антирусскомъ духѣ онѣ вліяютъ, какъ онѣ ревностно поддерживаютъ теорію равнаго для всѣхъ подданства и какъ сбиваютъ съ толка мало развитую среду, въ особенности незрѣлую молодежь. Выходитъ, такимъ образомъ, что Русь, создавшая свое государство, и еврейство, разорившее и поработившее экономически коренную народность въ Западной Россіи, ставятся на одну доску, на степень одинаковаго подданства. Говорю не о нашихъ только или его предкахъ. Мы не гуси, предки которыхъ Римъ спасли. Русскій народъ продолжаетъ неустанно служить государству и ради него не щадить своей крови. Примѣръ тому послѣдняя Русско-турецкая война, какъ извѣстно, ознаменованная подвигами другого рода со стороны жидовскаго продовольственнаго товарищества.

У насъ даже люди съ виду интеллигентные, не говоря уже о неопытной мало свѣдущей молодежи, нерѣдко повторяютъ такой парадоксъ, будто для народа русскіе кулаки нисколько не предпочтительнѣе жидовскихъ эксплоататоровъ. Во-первыхъ, у всякой націи есть свои кулаки или люди, всѣ способы устремляющіе къ наживѣ насчетъ ближняго. Но все, что они наживаютъ, принадлежитъ ихъ же національности, а дѣти ихъ часто являются дѣятелями другого характера, тогда какъ всѣ капиталы, попадающіе въ руки еврейства, идутъ на его собственное усиленіе и на дѣло порабощенія христіанъ, а для національнаго русскаго развитія пропадаютъ безвозвратно. Во-вторыхъ, можно ли проводить параллель между такими отдѣльными единицами, какъ русскіе кулаки и милліонами евреевъ, изъ которыхъ 99 проц. суть безпощадные эксплоататоры христіанъ? Наконецъ, разсуждающіе такъ о русскихъ кулакахъ забываютъ самую простую истину, выраженную поговоркой: въ семьѣ не безъ урода. Какой же благоразумный, попечительный отецъ или хозяинъ семьи на семъ основаніи допуститъ въ нее и сравняетъ съ нею пришлыхъ чужихъ людей? Эти пришлые люди, грозящіе разорить и подорвать семью, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, подкапываютъ значеніе и достояніе самого хозяина. Вотъ къ какому логическому и неизбѣжному выводу должна привести ложная теорія о равномъ подданствѣ. Вотъ къ какимъ результатамъ стремятся нѣкоторые антинаціональные, хотя и доморощенные, философы, фантазирующіе о какихъ-то излишествахъ русскаго націонализма.

Москва. 1890 г., ноября 9-го.

III *).

Со стороны поборниковъ безпощадной еврейской эксплоатаціи послѣ подданства (якобы равнаго съ нами) приводится обыкновенно еще два аргумента: во-первыхъ, принципъ человѣчности или такъ называемой гуманности; во-вторыхъ, христіанская любовь къ ближнимъ. Эти аргументы, очевидно, смѣшиваютъ частныя, личныя отношенія съ общественными и государственными; точнѣе, они являются у насъ слѣдствіемъ недостатка основательныхъ историческихъ свѣдѣній и правильныхъ политическихъ представленій въ обществѣ или собственно въ интеллигентной средѣ. Странное дѣло: высшее преподаваніе обставлено у насъ, кажется, довольно полно; между прочимъ существуютъ каѳедры историческія, государственнаго права, международнаго права, политической экономіи и статистики—всѣ науки, имѣющія прямою своею задачей разсматривать государственную жизнь съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ ея функціяхъ. А между тѣмъ здравыя понятія о государствѣ и національномъ развитіи въ интеллигентныхъ сферахъ распространены такъ мало, что едва не являются какими-то исключеніями изъ общаго правила. Конечно, гораздо легче плѣнять молодежь дешевыми фразами о гуманности, высшей культурѣ, гражданской свободѣ и равноправности и тому подобныхъ хорошихъ вещахъ, чѣмъ серьезно работать надъ наукою, вдумываться въ ея основныя истины, критически относиться ко всякимъ, хотя бы съ виду привлекательнымъ, соціальнымъ теоріямъ и пріучать себя къ научнымъ сравнительнымъ наблюденіямъ надъ явленіями общественной и государственной жизни народовъ. Съ своей стороны по сему поводу сообщу нѣкоторыя собственныя наблюденія.

Вотъ, напримѣръ, оригинальное явленіе, не встрѣчающееся въ иныхъ странахъ. Каѳедры Русской и Всеобщей исторіи иногда разобщаются между собою до такой степени, что русское направленіе, русскій патріотизмъ и православная точка зрѣнія какъ бы составляютъ принадлежность только каѳедры Русской исторіи, а для Всеобщей они не обязательны; напротивъ, для нея какъ бы обязательнымъ дѣлается самый неосмысленный космополитизмъ. Разумѣется, говорю это отнюдь не о всѣхъ таковыхъ каѳедрахъ, а только о тѣхъ, которыя были доступны моимъ наблюденіямъ. Подобное явленіе даже какъ бы признавалось нормальнымъ, что и выражалось въ самыхъ назначеніяхъ или выборахъ. Представьте себѣ, примѣрно, такой случай. Каѳедру Всеобщей исторіи

*) Новое время. 1890. № 5296.

въ коренномъ русскомъ университетѣ занималъ полякъ-католикъ, при семъ ревностный поклонникъ и пропагандистъ англійской парламентарной системы. Волна польскаго мятежа 1863 года унесла его въ эмиграцію. Преемникомъ его явился еврей-лютеранинъ. Понятно, въ какомъ индифферентномъ духѣ должно было вестись преподаваніе. О томъ, что такое государственность и національное направленіе, каковы въ исторіи ихъ взаимныя отношенія—юношество едва ли получало надлежащія понятія. Развитіе европейскихъ учрежденій, папство, реформація, великая революція и т. п.—все это, конечно, вещи необходимыя и почтенныя; но столь же необходимо выдвигать на первый планъ условія и обстоятельства, дѣйствовавшія при постепенномъ развитіи передовыхъ европейскихъ націй, и ту роль, какую въ этомъ развитіи играли государственность и національное направленіе. А главное, выдвигать на передній планъ сравнительный методъ, чтобы юношество не привыкало безусловно преклоняться передъ всѣмъ иноземнымъ и съ пренебреженіемъ смотрѣть на все отечественное. Результатъ приведенныхъ примѣровъ иногда получается въ такомъ родѣ: молодой человѣкъ, уже чисто Русскій по имени и происхожденію, готовящійся также на каѳедру Всеобщей исторіи, возвращается изъ Германіи и оказывается очень недоволенъ нѣмецкими профессорами: они не понравились ему тѣмъ, что съ каѳедры открыто и нисколько не стѣсняясь проповѣдуютъ нѣмецкое національное направленіе, вмѣсто того, чтобы относиться къ своему дѣлу отвлеченно, индифферентно, т.-е. научно, по понятіямъ сего будущаго ученаго. Ясно, какая закваска тутъ дѣйствуетъ. Ясно также, что подобные ученые совсѣмъ не понимаютъ роль національнаго направленія въ исторіи народовъ и государствъ. Что же это за историки, которые смотрятъ на событія и слоновъ не примѣчаютъ? Они и не подозрѣваютъ того, что мы живемъ какъ разъ въ эпоху наибольшаго развитія національныхъ интересовъ и наибольшаго запроса на строго національную политику; группа историко-политическихъ наукъ никоимъ образомъ не можетъ игнорировать современныя потребности. Что же это за историки, которые не понимаютъ слѣдующаго: какъ государственный организмъ, въ эпоху сильнаго развитія централизаціи не послѣдовавшій за симъ движеніемъ, долженъ былъ разложиться и прекратить свое существованіе (Рѣчь Посполитая), такъ и въ эпоху наибольшаго развитія націонализма народъ, отставшій отъ другихъ въ этомъ движеніи, подвергаетъ свое дальнѣйшее самобытное преуспѣяніе и даже существованіе величайшимъ опасностямъ.

Гуманность и заботливость каждаго просвѣщеннаго гражданина пре-

жде всего должны быть обращены на собственный народъ, на его защиту и охрану отъ всякихъ вредныхъ или опасныхъ элементовъ; а къ чуждому народу гуманное отношеніе возможно только въ той мѣрѣ, въ какой оно не противорѣчитъ нуждамъ и пользамъ собственной народности. Въ противномъ случаѣ это уже не гуманность, а нѣчто противуположное; отдавать свой народъ на съѣденіе другому народу—такая тенденція пусть получитъ то названіе, котораго она заслуживаетъ. Но курьезно то, что интеллигенты, проповѣдующіе во имя гуманности полную свободу хищному инородческому элементу эксплоатировать коренную народность, воображаютъ, будто бы они стоятъ на научной почвѣ. Нѣтъ, господа, не мните быть умнѣе Нѣмцевъ въ этомъ отношеніи, и прежде, нежели выступать съ своими антинаціональными тенденціями, займитесь изученіемъ вопроса о значеніи государственности и націонализма въ исторіи. Тогда вы увидите, что эти два неразрывныя между собою начала составляли и составляютъ важнѣйшее и необходимое условіе въ развитіи всемірной цивилизаціи, въ общемъ прогрессѣ человѣчества. Тогда никому изъ васъ не покажется страннымъ, какъ императоръ Вильгельмъ II по поводу новооткрытаго средства противъ чахотки заявилъ, что прежде всего онъ привѣтствуетъ это открытіе потому, что оно сдѣлано *Нѣмцемъ!* Такое привѣтствіе для историка имѣетъ гораздо болѣе смысла, чѣмъ пресловутая похвальба князя Бисмарка, что Нѣмцы боятся только Бога и никого болѣе. Если бы бывшій канцлеръ справился съ исторіей, то узналъ бы, что подобная похвальба очень стара. Напримѣръ, еще въ древнія времена послы одного галльскаго племени дали подобный отвѣтъ Александру Македонскому; а въ XVII вѣкѣ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, Калмыки на требованіе изъ Москвы очистить государевы земли за Волгой отвѣчали: «Мы никого не боимся, кромѣ Бога». Открыто выражаемыя національныя стремленія и преподавателей, и государственныхъ людей привели къ тому, что нѣмецкое юношество проникнулось тѣмъ же духомъ и, если позволяетъ себѣ какія движенія или демонстраціи, то не иначе, какъ патріотическія. А у насъ все еще возможны агитаторы, производящіе безсмысленныя движенія во имя кассы и кухмистерской, во имя свободы не учиться, не подчиняться извѣстнымъ правиламъ или лицамъ и т. п.

Наши ужъ слишкомъ не глубокіе философы, ратующіе противъ націонализма, очевидно, и не подозрѣваютъ, что они-то именно и стоятъ на почвѣ анти-исторической и вообще анти-научной. Точно также тѣ экономисты, которые пустозвонныя фразы о свободномъ обмѣнѣ цѣнностей на всемірномъ рынкѣ выдаютъ за научныя истины, не подозрѣва-

ютъ того, что политическая экономія, какъ наука о народномъ богатствѣ, должна тщательно и сравнительно-историческимъ путемъ изучать экономическое развитіе передовыхъ націй. А изъ этого изученія они увидятъ, что въ семъ развитіи покровительство народному труду, вообще національной промышленности и торговлѣ, играло первую роль и что свободный ввозъ иностранныхъ произведеній совершенно подорвалъ внутреннее экономическое развитіе не одной страны. Примѣромъ тому опять-таки можетъ служить покойная Рѣчь Посполитая. Да и странно возражать противъ покровительства именно теперь, когда вредныя послѣдствія фритредерскихъ вѣяній и принципа laissez faire laissez passer 60 и 70 годовъ такъ наглядно отразились на нашей промышленности и торговлѣ. Нѣкоторые сторонники этого принципа обыкновенно указываютъ на нашу сахарную промышленность съ ея нормировкой. Но извѣстно, что въ этомъ случаѣ покровительство носитъ слишкомъ исключительный характеръ и перешло нормальные предѣлы; а потому противнымъ аргументомъ служить не можетъ.

Что касается до тѣхъ поборниковъ жидовства, которые взываютъ къ христіанскимъ чувствамъ любви и милосердія, то подобно помянутымъ выше мнимымъ гуманистамъ, они также впадаютъ въ большое недоразумѣніе и въ прямое противорѣчіе съ этими чувствами. Разъ мы видимъ, что христіанамъ грозитъ сильная опасность отъ евреевъ, опасность неопровержимо доказанная какъ исторіей, такъ и современной дѣйствительностью, то наши заботы и усилія должны быть прежде всего обращены на защиту и спасеніе своего собственнаго христіанскаго народа. А если стать на точку зрѣнія таковыхъ радѣтелей, то окажется, что Русскій народъ поступилъ не гуманно и не христіански, вступивъ въ отчаянную кровавую борьбу съ бывшими своими угнетателями Татарами, свергнувъ съ себя ихъ иго и самихъ ихъ подчинивъ своему господству. Въ тѣ времена Москва освободила Россію отъ татарскаго порабощенія; а теперь возникаетъ неотложный вопросъ: кто самоё Москву защититъ отъ жидовскаго порабощенія? Татарское завоеваніе совершилось силою оружія, физическою силою; а еврейское завоеваніе совершается иными путями и способами, зато совершается постепенно и неуклонно. Поэтому борьба съ нимъ должна вестись конечно не огнемъ и мечомъ, а путемъ систематическихъ неуклонныхъ мѣропріятій.

По поводу взыванія къ чувствамъ гуманности и христіанской любви въ отношеніи евреевъ, необходимо напомнить, что за этимъ взываніемъ нерѣдко скрываются мотивы иного рода, напримѣръ, неоплаченные векселя, субсидіи и вообще разныя денежныя отношенія, въ которыя такъ

легко позволяютъ запутывать себя многіе Россіяне, иногда даже безъ крайней нужды, а просто по своей безалаберности. Таковые Россіяне являются уже плохими патріотами и волею-неволею становятся въ ряды антинаціоналовъ.

20-го ноября, 1890 г.

IV *).

У насъ есть и такіе мыслители, которые говорятъ, что никто не мѣшаетъ желающимъ бороться съ еврейскою эксплоатаціей; что эта борьба должна быть предоставлена волѣ и умѣнью каждаго отдѣльнаго человѣка или каждой отдѣльной группы людей; что еврейство не виновато, если оно выработало такую сплоченность и такую солидарность своихъ членовъ, при которыхъ оно въ борьбѣ съ христіанами дѣйствуетъ, какъ одинъ человѣкъ; пусть Русскіе вырабатываютъ такую же солидарность и сплоченность; а правительство пусть въ эту борьбу не вмѣшивается. Обращаю вниманіе читателей на сей доводъ: онъ часто повторяется и при другихъ случаяхъ нашей борьбы съ тѣми иноземцами и иновѣрцами, которые дѣйствуютъ хорошо организованными общественными силами.

Но такой доводъ есть одно громадное недоразумѣніе.

Позвольте, господа, напомнить вамъ слѣдующее. А для чего же Русскій народъ въ теченіе столѣтій вырабатывалъ свою могучую государственность и свою неограниченную правительственную власть, какъ не для того, главнымъ образомъ, чтобы быть сильнымъ во всякаго рода борьбѣ съ иноземными и инородными элементами; чтобы подъ руководствомъ этой власти защищать свою самостоятельность не только на полѣ битвъ, съ оружіемъ въ рукахъ, но и на поприщѣ мирной гражданской дѣятельности. Государства существуютъ равно и для внѣшней защиты, и для внутренняго преуспѣянія. А у насъ, повторяю, процвѣтаютъ такіе мыслители, которые съ чужого голоса начинаютъ отдѣлять правительство отъ народа, которые на долю перваго оставляютъ только право взимать солдатъ и подати и вести внѣшнюю политику. Нѣтъ и нѣтъ. Неправы тѣ, которые упрекаютъ Русскій народъ въ недостаткѣ сильной организаціи. Напротивъ, онъ выработалъ ее, и только инородческіе разъѣдающіе элементы, съ помощью собственнаго недомыслія, пытаются ослабить ее, ослабить крѣпкую связь русскаго правительства съ Рус-

---

*) Новое Время 1890. № 5309.

скимъ народомъ, проповѣдуя теорію еще какой-то особой общественной организаціи, которая бы дѣйствовала сама собою безъ высшаго руководства и дѣятельной правительственной поддержки. Да возможно ли это? Если бы въ самомъ дѣлѣ русское общество занялось подобною организаціей въ видахъ самообороны и для защиты русскихъ интересовъ, при чемъ же осталось бы правительство? Такого явленія мы не встрѣчаемъ даже и въ странахъ республиканскихъ. Вотъ какое громадное недоразумѣніе оказывается среди извѣстной группы нашихъ интелигентовъ! Вотъ куда завели ее своекорыстныя чужія внушенія.

Свою мысль поясняю еще болѣе нагляднымъ примѣромъ. Нашъ югъ или юго-западъ, какъ извѣстно, въ послѣднее время сдѣлался излюбленнымъ поприщемъ для нѣмецкой колонизаціи. А такъ какъ это мирное завоеваніе русской территоріи совершается нашими западными сосѣдями, то въ сущности происходитъ фактическое расширеніе границъ Нѣмецкаго племени на востокъ на счетъ Русскаго государства. Необходимы быстрыя и энергическія мѣры противъ такого бѣдствія. А нѣкоторые мыслители наши говорятъ, что если сами русскіе землевладѣльцы продаютъ свои земли Нѣмцамъ, то кто же виноватъ. Тутъ, молъ ничего не подѣлаешь. Опять-таки, позвольте, господа, развѣ это такое дѣло, которое можетъ быть предоставлено усмотрѣнію частныхъ лицъ? Развѣ Русскій народъ многими трудами и кровью пріобрѣлъ свою обширную территорію не для себя и не для собственнаго потомства? Эта территорія составляетъ наше главное богатство и мы обязаны ревниво оберегать его. Западная Европа настолько обильна денежными капиталами, что если предоставить частнымъ владѣльцамъ право продавать ихъ земли иноземцамъ, то почти вся территорія Еропейской Россіи можетъ быть куплена сими послѣдними въ самое короткое время; Русскій народъ, такимъ образомъ, очутится въ качествѣ безземельнаго батрака или долженъ будетъ выселиться въ пустыни Азіи (что отчасти онъ и началъ дѣлать, благодаря неправильнымъ, безтолковымъ переселеніямъ послѣдняго времени). Повторяю: при чемъ же оказалась бы могучая правительственная организація, которую этотъ народъ выработалъ многими вѣками своего историческаго существованія и въ которой онъ долженъ находить свое спасеніе? Въ томъ-то и дѣло: враги его убѣдились, что открытой войной такой народъ сломить невозможно; но возможно надломить его, ослабить и подготовить себѣ побѣду другими средствами, въ числѣ которыхъ жидовство и нѣмецкая колонизація играютъ главную роль. Итакъ, вотъ какія опасности скрываются въ тѣхъ коварныхъ совѣтахъ, которые пытаются разъединить общество отъ государства.

На сей разъ нить своихъ мыслей прерву отступленіемъ въ сторону по слѣдующему поводу.

Мои разсужденія о національномъ направленіи вообще и еврейскомъ вопросѣ въ частности, само собой разумѣется, не преминули вызвать разныя отповѣди и возраженія со стороны жидовскихъ и антинаціональныхъ органовъ печати; при чемъ широкою рукой пускаются въ ходъ софизмы, искаженія исторіи и современности, даже указанія на какія-то мои противорѣчія. Что эта публицистика отстаиваетъ свободу безпощадной еврейской эксплоатаціи, а я пытаюсь защищать Русскіе интересы — все это въ порядкѣ вещей, и входить въ пререканія съ еврейскими органами было бы для меня чистою потерею времени. Но вотъ что показалось мнѣ оригинальнымъ и достойнымъ вниманія. Одинъ почтенный и даже патріотичный журналъ, посвященный русской исторіи, весьма сочувственно отозвался о недавно вышедшемъ третьемъ томѣ моей «Исторіи Россіи» (за что, конечно, приношу ему свою благодарность), но при семъ, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу, высказалъ соболѣзнованіе, что публицистика отнимаетъ у меня слишкомъ много времени и, пожалуй, помѣшаетъ мнѣ довести названный трудъ до позднѣшихъ эпохъ. На сіе могу замѣтить слѣдующее. Данныя письма берутъ времени не болѣе того, сколько нужно для обыкновенной переписки, положимъ съ какимъ-либо пріятелемъ, ибо онѣ представляютъ только результаты моихъ историческихъ занятій и наблюденій. Страннымъ является то обстоятельство, что русскій историческій журналъ жидовскую и жидовствующую публицистику, вносящую не мало смуты въ руссіе умы, считаетъ дѣломъ, такъ сказать, нормальнымъ, а голосъ человѣка, пытающагося противодѣйствовать этой смутѣ, предупредить русское общество о грозящихъ опасностяхъ и предлагающаго выводы, основанные на тридцатипятилѣтнихъ занятіяхъ и наблюденіяхъ, считаетъ чѣмъ-то излишнимъ. Въ свою очередь могу сдѣлать ему упрекъ по меньшей мѣрѣ въ равнодушіи къ судьбамъ дорогого отечества.

V *).

Недавно одинъ еврейскій органъ печати напомнилъ русской читающей публикѣ о литературномъ протестѣ 1858 года, случившемся въ Москвѣ по тому поводу, что какой-то врачъ-литераторъ изъ евреевъ

*) „Новое Время". 1890. № 5324.

былъ печатно названъ *жидомъ* въ одномъ петербургскомъ сатирическомъ изданіи. Еврейскій органъ сдѣлалъ такое напоминаніе въ укоръ современнымъ юдофобамъ или, точнѣе, руссофиламъ. А между тѣмъ, этотъ фактъ настолько курьезенъ и знаменателенъ, что заслуживаетъ особаго вниманія съ нашей стороны.

Я былъ въ то время начинающимъ свое учено-литературное поприще, и мое имя только случайно не попало въ число протестантовъ. А протестовать казалось такъ легко и благородно; подписывавшіеся подъ симъ протестомъ воображали тогда, что они совершаютъ чуть ли не актъ гражданской доблести! Не забудемъ, что это было время: съ одной стороны возвышенныхъ, гуманныхъ стремленій, съ другой — дѣтски-наивныхъ увлеченій. На ряду съ идеей освобожденія русскихъ крестьянъ, выступили на сцену идеи о переустройствѣ чуть ли не всего государственнаго строя, а также идеи освобожденія всего страдающаго и угнетеннаго—въ особенности угнетеннаго непопулярной тогда администраціей; а таковымъ по преимуществу представлялось, дотолѣ невѣдомое намъ, еврейство. Да, именно невѣдомое для русской интеллигенціи того времени.

Центральная и восточная Россія, какъ извѣстно, были ограждены отъ наплыва еврейства мудрою политикою московскихъ царей и ихъ преемниковъ въ Императорскій періодъ до царствованія Александра II. Коренная Русь потому и сохранялась по возможности въ чистотѣ, что дотолѣ она не знала этой язвы; особенно строго ограждало отъ нея правительство Николая I. Къ сожалѣнію, рядомъ съ этою благодѣтельною стороною существовали строгія мѣры и другого рода, замыкавшія русскую мысль или русское умственное развитіе въ тѣсныя рамки, которыя далеко не способствовали расширенію нашего кругозора, своевременному обмѣну мнѣній и свѣдѣній въ сферѣ текущей исторіи и политики, вообще нашей политической и соціальной зрѣлости.

Неподвижность и невѣдѣніе въ этой сферѣ были такъ велики, что интеллигенція центральной Руси не знала такого, громадной важности, предмета, какъ главныя условія быта и дѣйствительное состояніе Руси Западной. Въ эпоху помянутаго протеста еврейскій вопросъ у насъ еще не существовалъ. Это его отсутствіе можно объяснить только нашимъ глубокимъ невѣжествомъ по отношенію къ тому, что было у насъ подъ бокомъ, т.-е. къ сосѣдней части Россіи, къ той части, которую мы возсоединили съ собою въ прошломъ столѣтіи. Мы утѣшались этимъ возсоединеніемъ, а не знали, въ какомъ жалкомъ, искалѣченномъ видѣ воротилась къ намъ Западная Русь.

На самомъ себѣ я испыталъ то гнетущее чувство и тотъ коренной

переворотъ въ своихъ воззрѣніяхъ на еврейство, которое произвело во мнѣ личное знакомство съ западными губерніями во время неоднократныхъ туда поѣздокъ, предпринятыхъ для ознакомленія съ историческими городами и памятниками, начиная съ 1864 или собственно съ 1868 г. Боже мой, что это за край?—спрашивалъ я самъ себя.—Да гдѣ же тутъ русскіе города, о процвѣтаніи которыхъ въ былое время говорятъ намъ многія историческія свидѣтельства и о существованіи которыхъ доселѣ сообщаютъ намъ учебники географіи? Сплошное, непроходимое жидовство и подавленное имъ крестьянство, съ полонизованнымъ слоемъ на верху—вотъ что представилось моимъ глазамъ. Русское торговопромышленное сословіе, какъ оказалось, совсѣмъ съѣдено жидовствомъ; а между тѣмъ, судя по офиціальной статистикѣ, можно было предполагать, что количество того и другого элемента приблизительно равное. Но это фикція, возникающая изъ того обстоятельства, что евреи какъ огня боятся точной статистики, и цифры ея набираются Богъ вѣсть изъ какихъ источниковъ. Такъ вотъ что ожидаетъ всю Россію, когда эта масса паразитнаго пролетаріата двинется на востокъ!—думалось мнѣ все болѣе и болѣе. А она уже начинала тогда двигаться, вслѣдствіе извѣстнаго разрѣшенія къ переселенію евреевъ-ремесленниковъ и съ помощью вновь открытыхъ желѣзнодорожныхъ линій. Само собой разумѣется, что сотни тысячъ переселенцевъ явились къ намъ подъ именемъ ремесленниковъ.

Разъ вы попали въ Западный край, васъ всюду и неотступно преслѣдуетъ одно и то же явленіе: это жидъ, жидъ и жидъ. Вы неизбѣжно очутитесь въ его рукахъ и остаетесь въ нихъ до самаго выѣзда изъ края. Въ деревнѣ васъ принимаетъ жидовская корчма, въ городѣ или мѣстечкѣ жидовскій заѣзжій домъ. Тутъ вы воочію можете наблюдать тѣ свойства, которыя сдѣлали этотъ элементъ разорителемъ и бичемъ всякой страны, гдѣ онъ внѣдрился. Въ помѣщеніи всюду соръ, грязь и густые слои пыли, неисправныя окна и часто незапирающіяся двери. Благодаря послѣднему обстоятельству, къ вамъ постоянно врываются и не даютъ вамъ покою факторы съ предложеніемъ разныхъ услугъ, начиная покупками и кончая такими, о которыхъ въ порядочномъ обществѣ говорить не принято. А что вамъ дѣйствительно понадобится, того добиться очень трудно, и настоящую прислугу приходится идти разыскивать на улицу, гдѣ она стоитъ и глазѣетъ или бѣгаетъ и суетится безъ всякаго дѣла. При всей кажущейся дѣятельности своей или собственно суетливости, евреи замѣчательно лѣнивый, тунеядный народъ, производительный только въ смыслѣ необычайной плодовитости или саморазмноженія. Вотъ почему, обладая великою способностью эксплоати-

ровать и разорять другія народности, онъ въ то же время представляетъ огромную массу хищнаго голоднаго пролетаріата.

Города и мѣстечки кишатъ евреями. Но вотъ вы пріѣзжаете въ село, и думаете хотя здѣсь познакомиться съ русскимъ населеніемъ. Не тутъ-то было: между нимъ и вами всегда жидъ; помимо него, непосредственно обратиться къ русскому крестьянину почти нѣтъ возможности. Только въ праздничные дни, проѣзжая по селу, видите группы крестьянъ и крестьянокъ у жидовскаго кабака. Или на дорогѣ, положимъ, чинится мостъ, и вы можете наблюдать, какъ нѣсколько мужиковъ, работаютъ, а съ палкой стоитъ и надзираетъ за ними жидъ, самъ подрядчикъ или его подручный. Итакъ во всякой работѣ, какую встрѣчаете въ Западномъ краѣ, русскаго подрядчика или русскаго приказчика вы никогда не увидите; до такой степени коренной элементъ порабощенъ жидовствомъ и находится у него въ услуженіи. Вотъ что угрожаетъ и всей остальной Россіи съ распространеніемъ жидовства по ея лицу.

Интеллигенты внутренней Россіи, подписавшіе помянутый выше протестъ, повторяю, понятія не имѣли о томъ, что такое еврейство и какова его роль въ Западномъ краѣ. Эти интелигенты, отправляясь въ обѣтованную землю, т.-е. *заграницу*, или возвращаясь изъ нея, конечно, проѣзжали черезъ Западный край; мимоходомъ замѣчали и ощущали, что здѣсь что-то не ладно; передъ ними мелькали все антипатичныя, не русскія физіономіи. Но они спѣшили скорѣе миновать этотъ непріютный край, стряхнуть съ себя дурныя впечатлѣнія и менѣе всего останавливались надъ вопросомъ о дѣйствительномъ его состояніи и причинахъ упадка. Самый вопросъ о томъ въ нашей литературѣ не затрогивался. Названные протестанты большею частью отошли въ вѣчность; но немногіе изъ нихъ успѣли сознать, какое бѣдствіе помогали они накликать на родную землю своимъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ жидовству вообще. По сему поводу само собою возникаетъ слѣдующее недоумѣніе. Положимъ, московскіе и петербургскіе (т.-е. великорусскіе) интелигенты не были достаточно знакомы съ еврействомъ и его значеніемъ въ западной Россіи. Но что же смотрѣли и почему молчали о немъ русскіе ученые и литераторы, рожденные и воспитанные въ тѣхъ краяхъ, слѣдовательно близко знакомые съ предметомъ? Такое оригинальное явленіе можно объяснять разными причинами. Между прочимъ: во-первыхъ, цензурными условіями прежняго времени, во-вторыхъ, съ малыхъ лѣтъ привычкою къ данной обстановкѣ, которая производитъ рѣзкое впечатлѣніе только на непривычный глазъ, а въ-третьихъ, все тѣми же либеральными (т. е. псевдо-либеральными) теченіями времени, идти противъ

которыхъ не хватало гражданскаго мужества. Такимъ образомъ, всѣ историки малорусскіе, и вообще западно-русскіе, описывая судьбы своей родины, менѣе всего останавливались надъ жидовствомъ, а обыкновенно увлекались традиціонною борьбою съ полонизмомъ и уніей. Наконецъ, существуетъ и такая группа (украйнофильская), которая, подъ предлогомъ облегченія Западной Руси, въ душѣ своей даже желаетъ наградить тѣмъ же бѣдствіемъ и Великую Россію.

Только когда язва жидовства стала проникать во всѣ края Россійской имперіи и вездѣ производить одни и тѣ же послѣдствія, когда самое сердце Россіи, Москва, подверглась постепенному и явному ожидовленію, тогда только еврейскій вопросъ предсталъ предъ русскимъ обществомъ во всемъ своемъ грозномъ значеніи.

Москва. 1890 г. 20-го декабря.

VI *).

Недавно я былъ въ Петербургѣ, и, разумѣется, не мало имѣлъ разговоровъ по поводу моихъ «Московскихъ писемъ» въ «Новомъ Времени». Встрѣчались собесѣдники, вполнѣ трезво относящіеся къ еврейскому вопросу; но попадались и такіе, которые удивляли меня своими воззрѣніями на этотъ предметъ. Помилуйте — говорили они—мы ожидали отъ Москвы гораздо большаго; какъ же это она такъ легко подчиняется ожидовленію и не даетъ ему никако отпора? Чего же ожидать отъ другихъ городовъ, если сама Москва, ядро Великорусской народности, хранительница національныхъ преданій, промышленный центръ имперіи, и пр., и пр. — если она склоняетъ свою выю подъ жидовское ярмо? Нѣкоторые были до того наивны, что прямо указывали на отсутствіе какого-либо жидотрепанія, какъ на признакъ моральнаго упадка москвичей. Конечно, я спорилъ и доказывалъ, что легальное поведеніе моихъ согражданъ и страдательное положеніе первопрестольной столицы заслуживаютъ совсѣмъ иного отношенія; что за все совершающееся отвѣтственность падаетъ не на Москву, а на Петербургъ. Такимъ образомъ, изъ обвиняемаго я переходилъ въ обвинителя. Что же касается до страннаго упрека въ отсутствіи жидотрепаній, то цѣль моихъ писемъ именно и заключается въ томъ, чтобы своевременно указать на опасности, грозящія въ будущемъ, когда наплывъ жидовства и происходящій

*) „Новое Время“. 1891. № 5351.

отъ него гнетъ достигнутъ еще большихъ размѣровъ; а пока самая громадность нашего города не даетъ вполнѣ ихъ чувствовать.

Возможно ли упускать изъ виду такой общеизвѣстный фактъ, что Москва, создавшая русскую государственную централизацію, давно передала ее Петербургу, и теперь никакой самостоятельной политической единицы не представляетъ? Она пользуется еще нѣкоторымъ внѣшнимъ почетомъ, сравнительно съ другими городами имперіи, но въ сущности никакими особыми правами отъ нихъ не отличается и, какъ всѣ другіе, находится въ полномъ подчиненіи Петербургу. Разумѣю не правительственное только подчиненіе, но также и образовательное или культурное вліяніе, дѣйствующее путемъ обычая, школы, литературы, публицистики и пр. Московская администрація и судоустройство исходятъ изъ Петербурга; а московская интеллигенція есть только отдѣленіе интеллигенціи петербургской. Конечно, въ среднемъ классѣ и простонародьѣ еще сохраняются нѣкоторые остатки стариннаго склада жизни и міровоззрѣнія; но вѣдь не они обсуждаютъ и рѣшаютъ текущіе общественные вопросы: послѣдніе составляютъ достояніе правящихъ и интеллигентныхъ сферъ.

Напомню читателямъ «Новаго Времени» мое IV письмо. Въ немъ я разсуждалъ о томъ, что Русскій народъ давнымъ-давно выработалъ свою организацію, съ помощью которой онъ доселѣ побѣждалъ и впредь долженъ побѣждать враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ: я разумѣлъ правительственную организацію со всѣми ея атрибутами и развѣтвленіями. Если русскіе люди въ какомъ-нибудь краю своего отечества уступаютъ напору инородцевъ или иноземцевъ, то не потому, чтобы они нуждались въ особой или новой общественной организаціи, а по другимъ причинамъ, между прочимъ, по бездѣйствію подлежащихъ авторитетовъ или по ихъ личнымъ отношеніямъ къ дѣлу.

Объяснюсь примѣрами.

Предположимъ, въ какомъ-либо важномъ пунктѣ главный авторитетъ, облеченный полномочіемъ, обладаетъ высокими качествами, но снисходительно относится къ еврейству, чѣмъ, конечно, оно и пользуется. Что же можетъ сдѣлать коренное населеніе, неизмѣнно преданное высшему правительству и покорное поставленному отъ него начальству? Возьмемъ другой примѣръ. Мѣстное русское сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, наконецъ, взялось за умъ, подняло энергическую борьбу противъ ожидовленія своего сословія и, на основаніи собственныхъ правилъ, исключило изъ списковъ многихъ адвокатскихъ помощниковъ-евреевъ. Идетъ апелляція въ подлежащее судебное учрежденіе. А сіе послѣднее, вмѣсто поддержки русскому элементу, принимаетъ нейтраль-

ное положеніе и дѣлаетъ такой приговоръ: конечно, вы можете постанавливать свои правила и даже приводить ихъ въ исполненіе, но такъ какъ въ данномъ случаѣ вы не соблюли нѣкоторую, хотя и неважную формальность, то ваше постановленіе отмѣняется. Благодаря казуистикѣ, исключенные помощники возвращаются назадъ, и число ихъ даже увеличивается сравнительно съ прежнимъ. Русскіе продолжаютъ бороться; но такъ какъ между ними всегда находятся не только индифференты, а и прямые юдофилы, евреи же дѣйствуютъ какъ одинъ человѣкъ, то исходъ борьбы въ пользу послѣднихъ не подлежитъ сомнѣнію, особенно если и впредь юридическая казуистика будетъ приходить къ нимъ на помощь.

Предположимъ, что нѣкоторые москвичи, движимые патріотизмомъ, вздумали бы учредить большое и хорошо организованное общество или лигу, назначенную спеціально для борьбы съ наплывомъ жидовства и съ его эксплоатаціей. Во-первыхъ, самое существованіе подобной лиги едве ли было бы допущено; а во-вторыхъ, какими же средствами она могла бы остановить наплывъ или очистить Москву отъ этой язвы помимо правительственной власти, отъ которой одной зависитъ и разрѣшеніе, и запретъ. Важнѣйшая часть вопроса, т.-е. черта осѣдлости, подлежитъ рѣшенію не общества, а всецѣло правительства. Отсюда ясно, что помимо его никакая другая общественная организація немыслима и никакая легальная борьба невозможна съ противникомъ, столь крѣпко сплоченнымъ и безгранично назойливымъ. Безъ помощи нашей могучей правительственной организаціи борьба неизбѣжно приняла бы насильственный, кровавый и вмѣстѣ безпорядочный характеръ, и вѣроятно, все-таки не освободила бы насъ отъ жидовства, какъ это было въ Юго-Западной Руси при польскомъ владычествѣ. Вотъ мой отвѣтъ тѣмъ наивнымъ политикамъ, которые, вмѣсто систематическихъ и твердыхъ мѣропріятій, ждутъ разсѣченія Гордіева узла отъ такихъ дикихъ средствъ, какъ жидовскіе погромы, доселѣ служившіе только симптомами болѣзни, а не ея лѣченіемъ. Не дай Богъ дожить до нихъ намъ, москвичамъ.

Что касается до тѣхъ легковѣрныхъ Россіянъ, которые возлагаютъ надежды на коренныя реформы въ самомъ еврействѣ, то, конечно, они имѣютъ о немъ весьма смутныя понятія. Они не знаютъ такой простой истины, что жидовство представляетъ среди насъ не какое-либо сословіе, а совершенно чуждый намъ народъ, съ другою религіей, съ инымъ міровоззрѣніемъ, съ совершенно иными понятіями о чести, правдѣ и гуманности, чѣмъ понятія наши, христіанскія — народъ, который не

только не можетъ съ нами слиться, пока онъ исповѣдуетъ юдаизмъ и талмудъ, но и прямо старается насъ поработить.

Въ прошломъ письмѣ своемъ я говорилъ, какъ наглядное знакомство съ Юго-Западной Русью перевернуло во мнѣ прежнія воззрѣнія на еврейство. Въ настоящее время тѣмъ, которые хотятъ ближе изучать его характеръ и пріемы порабощенія, нѣтъ особой нужды ѣздить въ западныя губерніи. Теперь процессъ заѣданія русскаго торгово-промышленнаго класса жидовствомъ можно наблюдать въ самомъ центрѣ Россіи, напримѣръ, въ Москвѣ. Люди, имѣющіе офиціальныя отношенія къ этому классу, съ удивленіемъ говорятъ о слѣдующемъ явленіи. Существуетъ какое-либо русское торговое или промышленное заведеніе, и вотъ въ числѣ его отнюдь не близкихъ участниковъ или агентовъ замѣшалось два-три еврея. Проходитъ немного времени; смотришь: русскихъ совсѣмъ уже нѣтъ—одни евреи. Какъ они ловко это дѣлаютъ, съ перваго взгляда даже и понять трудно. Теперь почти ни одно коммерческое, ни одно акціонерное предпріятіе въ Москвѣ не устраивается безъ участія евреевъ. По большей части они и никакихъ капиталовъ не вносятъ, а примазываются, какъ говорится, съ боку припека, съ предложеніемъ разныхъ услугъ, но съ вѣрнымъ разсчетомъ потомъ захватить предпріятіе въ свои руки и стать его полными хозяевами. На службу ихъ гешефтовъ идутъ не только легкомысленные наслѣдники старомосковскаго купечества, но и знатныя, иногда титулованные, фамиліи, принадлежащія лицамъ, которыя съ помощью своей широкой натуры разстроили свое состояніе, а теперь надѣются поправить его съ жидовскою помощью.

Вотъ еще нѣкоторыя данныя къ вопросу о жидовской статистикѣ. Недавно, какъ извѣстно, въ Петербургѣ производилась однодневная перепись. Любопытно узнать сколько насчитали у васъ жидовъ. Въ это время, говорятъ, въ Москвѣ чувствовался особый ихъ приплывъ; можно отсюда заключить, какъ много ихъ спасалось къ намъ и въ другія мѣста отъ этой переписи. Относительно жидовъ собственно московскихъ оказывается, что масса ихъ пользуется подгородными слободами и предмѣстьями, особенно такъ называемой Марьиной рощей, т.-е. пребываетъ яко бы за чертой города на территоріи земства, хотя съ ранняго утра и до поздняго вечера они толкутся въ городѣ и ведутъ здѣсь свои гешефты; очевидно никакая усовершенствованная статистика съ ними ничего не подѣлаетъ. Только охранительныя для коренного населенія правительственныя мѣры, опирающіяся на строгихъ и точныхъ исполнителей, могутъ предупредить грозящія намъ бѣдствія.

Москва, 14 января 1891.

VII *).

На дняхъ былъ у меня одинъ интеллигентный еврей, который отрекомендовалъ себя человѣкомъ, спеціально занимающимся литературой, и велъ со мною бесѣду все о томъ же важномъ вопросѣ, т.-е. о еврейскомъ. Такъ какъ разговоръ нашъ имѣлъ принципіальное или общественное значеніе, то я полагаю, онъ можетъ служить не лишнимъ комментаріемъ къ вопросу, если я постараюсь сущность его передать въ печати, въ болѣе систематическомъ изложеніи, чѣмъ это было въ оживленномъ обмѣнѣ мыслей.

— Скажите, пожалуйста, г. Иловайскій, за что вы такъ на насъ напали? Что вамъ сдѣлали евреи? За что вы не любите нашъ народъ?

— Увѣряю васъ, что лично я не имѣю ничего противъ евреевъ и ничего дурного собственно мнѣ они не сдѣлали. Я только ратую въ качествѣ русскаго за Русскій народъ, за его цѣлость и самобытность, за то, чтобы инородцы не эксплоатировали его такъ безпощадно и не выживали бы хозяина изъ его собственнаго дома.

— Если лично вы ничего не имѣете противъ нашего народа, то и не зачѣмъ вамъ было такъ жестоко насъ обижать.

— Да поймите, м. г., что если бы я продолжалъ молчать, то кто же съ большимъ правомъ и съ большею настоятельностью могъ бы выступить въ данномъ случаѣ съ печатнымъ словомъ въ защиту Русскаго народа? Представьте себѣ человѣка, который 35 лѣтъ занимается изученіемъ прошлыхъ судебъ этого Русскаго народа, не слѣдитъ, а можно сказать, самъ переживаетъ всѣ фазисы современной его исторіи и постоянно думаетъ о дальнѣйшемъ ея направленіи, человѣка, который внѣ мысли о Русской націи, о Русскомъ государствѣ и русскихъ интересахъ и представить себя не можетъ—какимъ же образомъ онъ будетъ равнодушно относиться къ такой великой важности внутреннему національному вопросу? Мало того, соотечественники могутъ меня упрекнуть въ томъ, что я слишкомъ долго медлилъ открыто и рѣшительно высказать свои мысли по этому вопросу. Но оправданіемъ моимъ можетъ служить то обстоятельство, что я высказался, когда вопросъ достаточно назрѣлъ и слѣдовательно могъ быть болѣе доступенъ пониманію русской читающей публики.

Но, г. И., вѣдь ваши письма въ «Новомъ Времени» произвели на насъ впечатлѣніе просто ужасное. Дотолѣ мы уважали васъ какъ исто-

---

*) „Новое Время". 1891. № 5415.

рика, а теперь, конечно, относимся иначе. Напримѣръ, ваша Русская исторія была любимымъ чтеніемъ моего сына. А когда появились ваши письма, онъ съ удивленіемъ спрашиваетъ меня: «Папаша, неужели это тотъ И., который авторъ исторіи?» Я самъ сначала не хотѣлъ вѣрить и говорилъ, что есть еще коннозаводчикъ съ этимъ именемъ и фамиліей. Когда же мы убѣдились, что это вы, то сынъ мой бросилъ вашу книгу подъ столъ и сказалъ, что онъ ее болѣе не читаетъ.

— Мнѣ это очень прискорбно слышать, но что же дѣлать? Свои историческія сочиненія я писалъ собственно для Русскихъ, а какъ отнесутся къ нимъ другія народности, это вопросъ для меня второстепенный.

— Что касается до меня, то я и прежде васъ уважалъ, и даже теперь постоянно васъ защищаю. Когда васъ другіе бранятъ, я говорю, что г. И. во всякомъ случаѣ человѣкъ честный; онъ пишетъ такъ не за деньги, а по убѣжденію.

— Очень благодаренъ за то, что вы считаете меня честнымъ человѣкомъ; но любопытно, что вы, гг. евреи, какъ-то вездѣ видите денежную сторону; даже и тамъ, гдѣ о ней рѣчи быть не можетъ, а особенно въ данномъ случаѣ. Можно представить примѣры тому, что люди съ русскими именами за плату или вообще за матеріальныя выгоды отстаиваютъ анти-русскіе интересы; но чтобы у насъ платили деньги тѣмъ русскимъ писателямъ, которые берутъ на себя смѣлость защищать русскіе интересы противъ инородцевъ, такихъ примѣровъ я не знаю. Наоборотъ, подобные писатели болѣе рискуютъ нажить себѣ разныя непріятности отъ своихъ же соотечественниковъ антинаціональнаго направленія.

— Катковъ и Аксаковъ, хотя извѣстные русскіе патріоты, однако, они не нападали такъ на нашъ народъ.

— Это вѣрно; но какой собственно взглядъ имѣли они на еврейскій вопросъ, мнѣ въ точности неизвѣстно. Полагаю, что они по тѣмъ или другимъ причинамъ мало имъ занимались и недостаточно его уяснили себѣ. Для меня же онъ выяснился на столько, т.-е. на столько выяснились тѣ опасности, которыя угрожаютъ съ этой стороны Россіи, что я считалъ бы себя положительно виновнымъ, если бы не предупредилъ о нихъ своихъ соплеменниковъ. Да и что же такое историческія занятія, какая же была бы отъ нихъ польза отечеству, если бы теорія о томъ, что исторія есть великая наставница общественныхъ дѣятелей, не переходила на практику? Катковъ и Аксаковъ или мало знали значеніе евреевъ для западной Россіи, или мало обращали на этотъ предметъ вниманія. Для меня же, наоборотъ, знакомство съ Западной Россіей про-

извело радикальный переворотъ въ воззрѣніяхъ на еврейскій вопросъ и послужило исходнымъ пунктомъ въ дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ нему. Я страшусь такой же судьбы для внутренней и остальной Россіи въ виду того, какая масса голоднаго и хищнаго еврейскаго пролетаріата двигается сюда изъ Западной Россіи. Пока вы занимали окраинную полосу, еще кое-какъ можно было терпѣть. Но теперь вы распространяетесь по лицу всей Русской земли и затронули уже самое ядро нашей національности. Вся суть вопроса заключается въ томъ, что вы съ нами не сливаетесь и при настоящихъ условіяхъ не можете слиться, а остаетесь посторонимъ тѣломъ въ нашемъ организмѣ.

— Да, помилуйте, мы русскіе и желаемъ быть русскими; но чѣмъ же нашъ народъ виноватъ, если ему не только не даютъ равноправности, а его гонятъ, обижаютъ? Нашъ народъ — великій народъ; онъ много вытерпѣлъ и еще много будетъ терпѣть, но самъ Богъ за него и никто его не сломитъ, не уничтожитъ.

— Вотъ видите, вы все говорите: нашъ народъ, нашъ великій народъ. А въ этомъ-то вся сила, что вы составляете особый народъ. Какъ же на одной и той же территоріи, въ однихъ и тѣхъ же городахъ и селахъ будутъ существовать два великіе народа, Русскій и Еврейскій, силою вещей поставленные въ неизбѣжный антагонизмъ? Взаимные браки между ними не имѣютъ мѣста, слѣдовательно, и сліяніе ихъ въ одинъ Русскій народъ невозможно, а безусловно повторится то же самое явленіе, какое предсттвляетъ Западная Россія, гдѣ русскій торгово-промышленный классъ совсѣмъ съѣденъ еврействомъ, крестьянство находится у него въ порабощеніи, землевладѣльцы также въ денежной отъ него зависимости.

Собесѣдникъ мой, очевидно, уклонялся отъ разговора о Западной Россіи, а равнымъ образомъ не могъ объяснить, какимъ образомъ еврейскій народъ сольется съ нами, если ему дать равноправность, оставаясь крѣпко сплоченнымъ, отдѣльнымъ народомъ, съ своимъ талмудомъ, кагальнымъ устройствомъ и религіознымъ фанатизмомъ массы. Относительно взаимныхъ браковъ онъ говорилъ, что это дѣло законодательства. Но и законодательству разрѣшить этотъ вопросъ мудрено при данныхъ условіяхъ. Самый лучшій исходъ для евреевъ, конечно, былъ бы переходъ въ православіе. Къ сожалѣнію, доселѣ этотъ переходъ совершается только единичными, а не массовыми случаями. Когда я бывалъ въ западныхъ краяхъ Россіи, то часто, смотря на эти два непріязненные другъ другу міра, христіанскій и еврейскій, думалъ: какъ было бы хорошо, если бы они могли слиться, какая бы прекрасная раса

вышла изъ этого сліянія! Съ одной стороны—излишняя косность, простодушіе и безпечность; съ другой—излишняя, безпокойная подвижность и страшно развитыя эксплоататорскія способности. Середина получилась бы такая, какая именно нужна для процвѣтанія страны. Даравитое, предпріимчивое еврейское племя влило бы новую струю въ русскій организмъ, струю, которая дала бы сильный толчокъ къ его дальнѣйшему развитію. Вотъ почему я съ особымъ удовольствіемъ всегда смотрю на евреевъ, принявшихъ православіе, и въ этомъ отношеніи отнюдь не сочувствую тѣмъ ревнителямъ, которые предлагаютъ разныя стѣснительныя мѣры для вновь обращающихся, напримѣръ, для поступающихъ въ учебныя заведенія, говоря, что такое обращеніе неискренне. Какое намъ дѣло залѣзать въ чужую душу и разбирать, искренне это обращеніе или неискренне. Еврей, принимающій православіе, сливается съ нами; его дѣти будутъ уже вполнѣ русскіе люди. Этого довольно. Однимъ словомъ, мы должны всѣми способами поощрять переходъ евреевъ въ православіе.

Собесѣдникъ мой не возражалъ противъ сихъ мыслей, и заявилъ, что хотя самъ онъ останется при старой религіи, но относительно своихъ дѣтей даже желаетъ, чтобы они приняли православіе. Я полагаю, такое отношеніе со стороны интеллигентныхъ евреевъ было бы вообще самое благоразумное. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ жаловаться на страшныя притѣсненія, которымъ будто бы подвергается еврейскій народъ въ Россіи: говорилъ, что весь этотъ народъ будто бы уйдетъ, покинетъ Россію, и она тщетно будетъ потомъ звать его назадъ, какъ теперь якобы зоветъ его Испанія. Подъ страшными притѣсненіями, конечно, разумѣются нѣкоторыя попытки къ исполненію закона о чертѣ осѣдлости.

— Что мы умный, добрый народъ—прибавилъ онъ,—доказательствомъ тому служитъ отношеніе къ вашей личности. Вы свободно выходите на улицу, и никто изъ евреевъ васъ не оскорбляетъ, не трогаетъ. Вотъ и я пришелъ къ вамъ безъ оружія, мирно, дружески побесѣдовать съ вами.

Я поблагодарилъ его за то, что евреи пока не препятствуютъ мнѣ существовать. Но замѣтилъ, что всякое насиліе съ ихъ стороны дало бы поводъ къ возмездію и особенно поощрило бы тѣ безобразныя явленія, которыя извѣстны подъ именемъ еврейскихъ погромовъ. Я именно и голосъ свой поднялъ въ виду того, что настоящія отношенія не должны продолжаться, что должны быть приняты энергическія мѣры для огражденія русскихъ отъ еврейской эксплоатаціи, такъ какъ сліяніе этихъ двухъ элементовъ въ одинъ Русскій народъ, повидимому, невозможно. Иначе будущее наше чревато грозными внутренними событіями и кровавыми расправами.

Уходя, мой посѣтитель просилъ меня, по крайней мѣрѣ, не называть ихъ «жидами», не употреблять рѣзкихъ эпитетовъ и не относиться къ нимъ такъ неуважительно. Я охотно ему обѣщалъ. Да такую просьбу исполнить и не трудно: стоитъ только не заглядывать въ еврейскіе органы печати вообще и въ «Новости» г. Нотовича особенно.

Эти «Московскія письма о евреяхъ» вызваны были сильнымъ наплывомъ въ Москву еврейскаго пролетаріата изъ западныхъ губерній. Толчкомъ къ такому движенію еврейства въ Восточную Россію вообще, какъ извѣстно, послужило раскрытіе черты осѣдлости для евреевъ ремесленниковъ. Размноженіе еврейства въ нашемъ первопрестольномъ городѣ совпало съ двадцатипятилѣтнимъ генералъ-губернаторствомъ благодушнѣйшаго князя В. А. Долгорукаго. Но именно въ 1891 году его замѣнилъ Августѣйшій братъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, и вопросъ получилъ иное направленіе.

Нѣмецкій фатерландъ въ сердцѣ Россіи *).

Начатый новымъ финансовымъ управленіемъ и весьма полезный по своей цѣли пересмотръ формальностей, стѣсняющихъ возникновеніе и развитіе промышленныхъ предпріятій внутри Россіи, успѣлъ уже вызвать разнообразные толки въ нашей печати; а ея антинаціональный отдѣлъ прямо истолковалъ эту мѣру въ желательномъ для себя смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ ослабленія покровительственной системы. «Московскія Вѣдомости» въ № 285 справедливо указали на зловредное значеніе подобнаго толкованія и необходимость оговорки, что облегченіе должно относиться только къ предпринимателямъ чисто русскимъ. Въ противномъ случаѣ получились бы результаты какъ разъ противорѣчащіе несомнѣннымъ правительственнымъ заботамъ о поощреніи и защитѣ народнаго труда.

Если до сихъ поръ, при существовавшихъ стѣснительныхъ формальностяхъ, въ Россіи стали быстро распространяться филіальныя отдѣленія германскихъ заводовъ и фабрикъ, а также иностранныя или полуиностранныя акціонерныя общества для хищнической эксплуатаціи нашихъ естественныхъ богатствъ, путей сообщенія, разныхъ отраслей промышленности и коммерціи, то нѣтъ сомнѣнія, что при болѣе облегченныхъ

---

*) Москов. Вѣд. 1892. № 288.

условіяхъ нашъ народный трудъ окончательно поступилъ бы въ кабалу къ инородцамъ и иноземцамъ. Слѣдовательно, задача предпринятаго пересмотра прямо должна идти въ разрѣзъ съ вожделеніями нашихъ антинаціоналовъ. Сущность ея заключается не столько въ облегченіи формальностей вообще, сколько въ огражденіи русскихъ предпринимателей отъ подавляющей конкурренціи иностранцевъ и инородцевъ, а также въ устраненіи такихъ предпріятій, которыя прикрываются русскими именами или русскимъ подданствомъ, но въ дѣйствительности являются совсѣмъ не рускими и точно также отнимаютъ кусокъ хлѣба у коренного населенія, какъ и названныя выше филіальныя отдѣленія германскихъ заводовъ.

Къ какимъ плачевнымъ результатамъ привела прежняя система попустительства иностранному элементу вмѣстѣ съ эластичною теоріей русскаго подданства, нагляднымъ примѣромъ можетъ служить нашъ первопрестольный городъ, такъ называемое сердце Россіи. Это названіе, увы, теперь уже невполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣлъ, если возьмемъ въ разсчетъ то значеніе и тѣ размѣры, которые пріобрѣла здѣсь нѣмецкая колонія, особенно въ послѣднюю эпоху. Не легко исчислить всѣ акціонерныя учрежденія и торгово-промышленныя предпріятія, захваченныя Нѣмцами въ нашемъ національномъ центрѣ и на нашихъ глазахъ. При семъ не только какія-либо новыя коммерческія учрежденія, ими или при ихъ участіи основанныя, но и многія старыя, по происхожденію чисто-русскія, перешли въ ихъ руки и совершенно онѣмечились.

Чтобы не быть голословнымъ, остановлюсь на одномъ яркомъ примѣрѣ, а именно на страховыхъ обществахъ.

Гдѣ же, въ какой другой европейской странѣ можно встрѣчить такое явленіе, чтобъ изъ числа четырнадцати страховыхъ обществъ, главнымъ образомъ резидирующихъ въ Москвѣ, только одно («Сѣверное», основанное покойнымъ Кокоревымъ) пока еще сохраняетъ свой русскій характеръ, а всѣ остальныя по составу вѣдающаго и служащаго персонала сдѣлались совершенно нѣмецкими? И какъ все это просто и безцеремонно дѣлается! Нуженъ, положимъ, управляющій. Никакой геніальности или особыхъ чрезвычайныхъ качествъ для сей должности не требуется, и множество русскихъ людей могли бы занять ее съ пользой для дѣла. Такъ нѣтъ, для сего выписывается изъ Магдебурга или другого германскаго города какой-либо ничѣмъ не замѣчательный мелкій чиновникъ при страховомъ учрежденіи, становится во главѣ, казалось бы русскаго, предпріятія и оплачивается огромнымъ окладомъ. Но если бы только дѣло въ окладахъ; нѣтъ, оно гораздо серьезнѣе. Нѣмецъ-управляющій посте-

пенно создаетъ составъ служащихъ изъ своихъ компатріотовъ или изъ русскихъ Нѣмцевъ; а коренной русскій элементъ постепенно вытѣсняется. Для виду оставляется 5 или 6%, и то на мелкихъ должностяхъ, при томъ не иначе, какъ владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ и подъ условіемъ свою русскую національность запрятать какъ можно тщательнѣе, чтобъ о ней не было и помину. Боже сохрани, если бы таковой служащій при случаѣ вздумалъ наглядно проявить свое русское чувство и сердечное, а не казовое вѣрноподданничество, его ждетъ неумолимый остракизмъ. Въ подобныхъ случаяхъ можно указать не одинъ примѣръ расовой нетерпимости Нѣмцевъ по отношенію къ Славянамъ.

Въ своемъ германскомъ фатерландѣ Нѣмцы конечно могутъ безпрепятственно проводить эту нетерпимость, никто въ ихъ внутреннія дѣла не вмѣшивается. Но такой образъ дѣйствій въ сердцѣ Россіи, въ самой Москвѣ, является чѣмъ-то въ высшей степени ненормальнымъ и невѣроятнымъ, а между тѣмъ это историческій фактъ какъ и господство нѣмецкаго языка въ письмоводствѣ этихъ учрежденій. Конечно, для виду, т.-е. для контрольныхъ ревизій, имѣются книги на русскомъ языкѣ; но до какой степени онъ считается чужимъ, видно изъ того, что, наприм., тотъ же выписанный изъ Германіи управляющій, живя много лѣтъ въ Москвѣ и обогащаясь на русскій счетъ, не считаетъ нужнымъ выучиться русскому языку и все, что здѣсь пріобрѣтаетъ, обращаетъ въ недвижимое имущество на своей нѣмецкой родинѣ. А въ то же время сына своего, запаснаго прусскаго офицера, онъ устроилъ своимъ помощникомъ и разсчитываетъ свою должность оставить ему въ наслѣдство, т.-е. проводитъ династическую тенденцію. Что касается до офицеровъ прусскаго ландвера, то ихъ не малое количество служитъ въ тѣхъ же акціонерныхъ обществахъ и даже на должности страховыхъ инспекторовъ, при своихъ разъѣздахъ по Россіи имѣющихъ не только возможность изучать ее съ разныхъ сторонъ, но и право требовать при семъ изученіи содѣйствія мѣстныхъ властей въ качествѣ офиціальныхъ органовъ учрежденія, разрѣшеннаго правительствомъ.

При такихъ условіяхъ, само собой разумѣется, наше страховое дѣло впало въ тѣсное общеніе и даже въ зависимость отъ иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, страховыхъ обществъ. Извѣстно, что попытки основать чисто русское перестраховочное общество доселѣ не удаются: ибо онѣ не соотвѣтствуютъ нѣмецкимъ интересамъ и не встрѣчаютъ сочувствія со стороны нѣмецкаго состава московскихъ страховыхъ учрежденій.

Гдѣ же искать главный источникъ для онѣмеченія сихъ учрежденій? Почему же масса русскихъ акціонеровъ не воспрепятствовала ему? Раз-

умѣется, здѣсь суть дѣла въ мѣстныхъ коммерческихъ воротилахъ изъ Нѣмцевъ и въ пассивности, въ равнодушіи русскихъ капиталистовъ. Обыкновенно въ числѣ директоровъ, для отвода глазъ, имѣется нѣсколько русскихъ именъ, ограничивающихъ свое участіе полученіемъ дивиденда; а главными дѣятелями являются самыя крупныя коммерческія фирмы изъ русскихъ Нѣмцевъ, которыя и содѣйствуютъ онѣмеченію подобныхъ учрежденій; онѣ то и выписываютъ изъ Германіи или съ Балтійской окрайны своихъ соплеменниковъ.

Въ послѣднее время замѣтенъ особый приливъ нѣмецкаго элемента изъ Балтійскихъ провинцій. Правительственныя мѣры, направленныя къ объединенію сихъ провинцій съ Русскимъ государствомъ, побуждаютъ многихъ Балтовъ переселяться въ Москву. Здѣсь они находятъ предупредительный пріемъ со стороны своихъ сородичей и такія хорошо оплаченныя мѣста, на которыхъ совсѣмъ не требуется знаніе ненавистнаго имъ русскаго языка. Мало того, здѣсь они находятъ и всю обстановку своего любезнаго нѣмецкаго фатерланда. Не говоря о собственныхъ храмахъ, церковныхъ общинахъ, училищахъ, нѣмецкой газетѣ, клубѣ, нѣмецкихъ пивныхъ, тутъ къ ихъ услугамъ разнообразные излюбленные нѣмецкіе ферейны. Таковы, напримѣръ: Turnverein, Jünglingsverein, Evangelihsch Lutherischer Verein, Liedertafelverein, Deutscher Gesangverein, Verein der deutschen Reichsangehörigen, Oesterreicher-Hilfsverein etc.

Словомъ, нѣмецкій фатерландъ въ полномъ составѣ, и устроенный такимъ образомъ, что не только проживающіе и прибывающіе Германцы не рискуютъ подвергнуться обрусенію, но и туземныя нѣмецкія семьи, бывшія уже близкими къ обрусенію, теперь, вмѣстѣ съ возвеличеніемъ Германіи, вновь почувствовали себя Нѣмцами, укрѣпленными для борьбы съ кореннымъ элементомъ, т.-е. для его экономическаго обездоленія.

Вотъ каковъ въ дѣйствительности тотъ избытокъ русскаго націонализма, о которомъ проповѣдуютъ наши антинаціоналы, въ родѣ г. Вл. Соловьева.

15 октября.

По поводу замѣтки мирнаго обывателя*).

Мое письмо «О нѣмецкомъ фатерландѣ въ сердцѣ Россіи» вызвало «Замѣтку» *Мирнаго Обывателя*, помѣщенную въ № 289 «Московскихъ Вѣдомостей». Эта остроумная замѣтка, въ свою очередь, вызываетъ меня сказать нѣсколько словъ въ дополненіе и разъясненіе сказаннаго прежде.

*) „Москов. Вѣд.“ 1892 № 293.

Во-первыхъ, типъ описаннаго имъ Нѣмца-управляющаго вѣренъ дѣйствительности, и теперь, послѣ того, какъ онъ управляетъ русскимъ страховымъ обществомъ уже не шестнадцать лѣтъ, а дважды шестнадцать, онъ точно также русскаго языка не знаетъ и точно также строго охраняетъ нѣмецкій составъ управленія. Но «Мирный Обыватель» упомянулъ при семъ о пресловутой «нѣмецкой аккуратности». Это упоминаніе можетъ подать поводъ къ нѣкоторому недоразумѣнію: могутъ подумать, что Нѣмцы-управляющіе необходимы намъ уже въ силу самой аккуратности. Нѣтъ, добросовѣстности (то-есть, болѣе чѣмъ аккуратности) мы должны требовать прежде всего отъ своихъ, Русскихъ дѣятелей, особенно отъ занимающихъ подобныя мѣста. А затѣмъ, совершенный вздоръ говорятъ тѣ, которые утверждаютъ, будто нѣтъ или очень мало аккуратныхъ людей между Русскими: кто серіозно будетъ ихъ искать, всегда найдетъ достаточное количество. «Сѣверное» Общество нашло же таковыхъ. Но, къ сожалѣнію, ихъ не ищутъ, а первымъ дѣломъ выписываютъ изъ-за границы Нѣмцевъ. Но и въ семъ случаѣ попадаютъ нерѣдко на людей недобросовѣстныхъ и даже неаккуратныхъ. Для примѣра укажемъ на то, какъ московскіе коммерческіе воротилы-Нѣмцы выписали для другого страхового общества тоже Нѣмца-управляющаго, который считался мастеромъ страхового дѣла. Но его аккуратности хватило только на то, чтобъ обезпечить себя контрактами съ неустойками и нажить себѣ значительное состояніе. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ онъ хозяйничалъ такъ хорошо, что акціонеры совсѣмъ перестали получать дивиденды, и только въ текущемъ году, послѣ многихъ хлопотъ, удалось сего мастера сбыть обратно за границу, разумѣется вмѣстѣ съ нажитыми имъ сотнями тысячъ *русскихъ* рублей.

Что касается до коммерческой добросовѣстности Нѣмцевъ вообще, наглядной иллюстраціей къ ней могли бы послужить, во-первыхъ, разные казусы контрабанднаго свойства въ русскихъ таможняхъ, а во-вторыхъ, разные способы фальсификацій, съ помощью которыхъ нѣмецкія филіальныя фабрики въ Россіи подрываютъ чисто русскихъ фабрикантовъ. Въ видахъ сего подрыва и въ пользу филіаловъ систематически дѣйствуютъ и нѣкоторыя московско-нѣмецкія фирмы, особенно монополисты по части хлопка. Такимъ образомъ систематичность и аккуратность Нѣмцевъ столь полезныя въ германскомъ отечествѣ, въ Россіи, наоборотъ, могутъ служить намъ во вредъ, будучи обращены противъ русскихъ интересовъ. Такъ, управляющіе Нѣмцы, въ родѣ вышеупомянутаго систематично и аккуратно обратили русскія страховыя общества въ филіальныя отдѣленія обществъ заграничныхъ, и систематически противо-

дѣйствуютъ развитію всякаго чисто-русскаго страхового дѣла, то-есть земскаго, взаимнаго, перестраховочнаго и т. д.

Далѣе, «Мирный Обыватель», пока не настаиваетъ на требованіи, «чтобы крупными коммерческими предпріятіями завѣдывали исключительно русскіе подданные», а желаетъ только, «чтобъ иностранцы, живя въ Россіи и занимаясь русскими торговыми дѣлами, *не смѣли* говорить съ русскими людьми иначе, какъ по-русски». Примѣненіе этой мысли на практикѣ могло бы повести къ разнымъ фикціямъ. Въ случаѣ крайности, пожалуй, тотъ же управляющій заговоритъ ломанымъ или невозможнымъ русскимъ языкомъ, и формальность до нѣкоторой степени будетъ соблюдена; но сущность дѣла отъ того не измѣнится. Необходимо, чтобы во главѣ такихъ учрежденій, какъ русскія страховыя общества, стояли Русскіе люди, а не германскіе патріоты, которые безпощадно изгоняютъ изъ нихъ сколько-нибудь самостоятельный по характеру русскій элементъ и заставляютъ русскіе капиталы служить нѣмецкимъ интересамъ. При такихъ условіяхъ, гдѣ же могутъ вырабатываться чисто-русскіе практическіе дѣятели, хотя бы по тому же страховому дѣлу, если ихъ терпятъ только на мелкихъ служебныхъ мѣстахъ, да и то не болѣе извѣстнаго процента?

При такихъ же условіяхъ дѣло получаетъ характеръ тормаза не только для нашего экономическаго развитія, но также и политическаго; ибо страховыя общества имѣютъ прямо государственное значеніе. И развѣ какимъ-либо крупнымъ недоразумѣніемъ можно объяснить существовавшій доселѣ широкій доступъ въ нихъ иностранному элементу? Для нагляднаго примѣра возьмемъ тѣхъ же страховыхъ инспекторовъ, о которыхъ я говорилъ въ прошломъ письмѣ. Положимъ, вышеупомянутый Нѣмецъ-управляющій обставилъ свое общество такимъ образомъ, что въ число одиннадцати инспекторовъ только одинъ Русскій случайно попалъ, благодаря нѣкоему ходатайству, а изъ остальныхъ десяти пять мѣстъ приходится на русскихъ Нѣмцевъ и пять на заграничныхъ. До какой степеня при своихъ разъѣздахъ по Россіи инспекторъ долженъ изучать всѣ подробности относящіяся къ мѣстностямъ и ихъ населенію, о томъ могутъ свидѣтельствовать и одни печатные бланки съ массой вопросныхъ пунктовъ. Въ результатѣ получаются такія детальныя географическія карты, топографическіе планы и статистическія таблицы, которыми, навѣрное, не владѣетъ и нашъ Генеральный Штабъ. Да если припомнимъ, что надъ Нѣмцами-инспекторами стоитъ еще прусскій уланъ, въ качествѣ помощника управляющаго, то, повторяю, подобные факты могутъ быть

объясняемы только какими-либо крупными недоразумѣніями со стороны правительственнаго надзора.

Что дѣло, кромѣ экономическаго, получаетъ и значеніе политическое, укажу еще на одинъ фактъ. Страховые инспектора-Нѣмцы служатъ, между прочимъ, живымъ звеномъ, связующимъ онѣмеченныя московскія страховыя общества съ многочисленными нѣмецкими колоніями, особенно въ юго-западной Россіи, и эта связь весьма наглядно отразилась на страховомъ тарифѣ, черезчуръ льготномъ для нѣмецкихъ колонистовъ. Хотя общества и оправдываютъ сіе пониженіе лучшимъ состояніемъ построекъ и противопожарныхъ условій въ колоніяхъ; но такое обстоятельство могло понизить тарифъ развѣ на 5, много на 10%, а при пониженіи почти на 50%, воля ваша, тутъ ужъ явно дѣйствуетъ мотивъ не экономическаго, а скорѣе нѣмецко-патріотическаго свойства, въ прямой ущербъ массѣ русскихъ страхователей. Повторяется то же самое, что желѣзнодорожныя общества продѣлывали со своими тарифами для облегченія германскаго ввоза.

Въ заключеніе скажу слѣдующее. Нѣмцы могутъ за мои указанія бранить меня, какъ имъ угодно. Но не могутъ же они серіезно оспаривать нашу равноправность. Не только чего-либо подобнаго вышеприведеннымъ фактамъ, но даже и тѣни ихъ не допустили бы они у себя въ Германіи. А я проповѣдую только національную равноправность, то-есть, чтобы Русскіе были точно такими же полными хозяевами у себя дома, какими состоятъ Нѣмцы въ своемъ германскомъ фатерландѣ.

20 октября.

Еще о національномъ покровительствѣ *).

Въ виду постоянно возобновляющихся въ печати толковъ о войнахъ вообще, о возрастающихъ германскихъ вооруженіяхъ и Среднеевропейской лигѣ въ частности, позволю себѣ возвратиться къ вопросу о государственной оборонѣ.

Не буду входить въ подробное разсмотрѣніе тѣхъ сужденій, которыя отрицаютъ самую необходимость войнъ и предлагаютъ всѣ международные вопросы путемъ какихъ-то конгрессовъ и соглашеній. Все это пока праздныя и даже небезвредныя мечтанія, поскольку они могутъ отвлекать наше общество отъ предстоящихъ ему серьезныхъ національныхъ

*) „Москов. Вѣд.“ 1892. № 299.

задачъ и насущныхъ потребностей. О значеніи войнъ, какъ чрезвычайно важнаго и даже необходимаго фактора въ развитіи человѣчества, поговорю когда-нибудь въ другой разъ.

Почти такъ же безплодны въ наше время протесты противъ громадныхъ армій, которыя въ недалекомъ будущемъ грозятъ включить въ свой составъ все населеніе, способное носить оружіе, то-есть, буквально представлять собою уже не арміи собственно, а вооруженные народы, какъ это было въ началѣ Среднихъ Вѣковъ. Предсказанія о томъ, какъ явится какой-нибудь Наполеонъ I, или Фридрихъ II, или Суворовъ, и, съ небольшимъ, но хорошо обученнымъ войскомъ, разобьетъ современныя милліонныя арміи, — эти предсказанія преждевременны, и, если исполнятся, то еще не скоро. Теперь мы присутствуемъ только при возникновеніи такихъ армій, и пока онѣ не совершили полнаго круга своего развитія, пока исторія не выработала новыхъ пріемовъ и средствъ, способныхъ съ ними бороться, великій Наполеонъ, при своихъ прежнихъ размѣрахъ, будетъ ими раздавленъ и стертъ съ лица земли. Несправедливо такъ же, по отношенію къ нашему времени, высказываемое иногда мнѣніе о томъ, будто солдатъ все болѣе и болѣе обращается въ машину, въ скорострѣльнаго автомата. Наоборотъ, вѣрно разсуждаютъ тѣ, которые указываютъ на невозможность полководцу вліять непосредственно на войска во время боя и лично распоряжаться частями, какъ въ былое время: военная громада растетъ, разсыпной строй, при дальнобойномъ и скорострѣльномъ оружіи, все расширяется; является необходимость предоставлять болѣе иниціативы и самостоятельности начальникамъ не только крупныхъ, но и мелкихъ единицъ.

Съ своей стороны прибавлю, что въ наше время менѣе чѣмъ когда-либо солдаты могутъ считаться автоматами. Наоборотъ, теперь болѣе, чѣмъ прежде исходъ войны зависитъ отъ общаго духа или настроенія войскъ, отъ ихъ вооруженія и общей организаціи. Въ настоящее время при столкновеніи народовъ, главнымъ двигателемъ еще сильнѣе должно являться національное сознаніе или патріотическое чувство. Развить и укрѣпить эти качества можетъ только строго національная политика или полнѣйшее единеніе правительства со своимъ народомъ. А потому всякое уклоненіе въ сторону, всякая поблажка инородцамъ или иноземцамъ въ ущербъ коренному населенію грозитъ великими государственными бѣдами, и прежде всего дѣлу національной обороны.

Военнымъ сферамъ свойственно увлекаться своею спеціальностію и думать, что количественный ростъ арміи и снабженіе ея усовершенствованнымъ, хотя бы купленнымъ за границей, оружіемъ означаютъ готов-

ность къ войнѣ. Но подобное мнѣніе могло имѣть мѣсто только по отношенію къ нашимъ войнамъ съ Турками. А теперь, когда предъ нами объединенная и съ головы до ногъ вооруженная Германія, условія этой готовности значительно усложнились. Теперь на ряду съ патріотическимъ духомъ арміи должны будутъ развивать свою патріотическую дѣятельность пушечные, оружейные, пороховые и всякіе другіе заводы, снабжающіе ее боевымъ матеріаломъ. При тѣхъ размѣрахъ, которые неизбѣжно приметъ будущая европейская война, невозможно заранѣе опредѣлить и приготовить потребное количество этого матеріала, во-первыхъ, а во-вторыхъ, при частыхъ видоизмѣненіяхъ въ системахъ вооруженія и постоянныхъ его техническихъ усовершенствованіяхъ, чтобы не отставать отъ нихъ, необходимо имѣть собственные заводы и собственную технику на соотвѣтствующей степени развитія. А состояніе сихъ заводовъ и техники невозможно выдѣлять изъ общаго состоянія отечественной техники и заводско-фабричной, въ особенности желѣзодѣлательной, промышленности. Вотъ почему, въ одномъ изъ предыдущихъ своихъ писемъ, строго-покровительственную систему и усиленное стараніе наверстать потерянное (во фритредерствѣ) время я назвалъ дѣломъ желѣзной необходимости. Конечно, я указываю здѣсь только на одну сторону промышленности для доказательства этой необходимости, но сторону чрезвычайно важную, ибо она неразрывно связана съ Государственною обороной. Отечественное желѣзо и каменный уголь, какъ основа всякой заводской фабричной производительности, получаютъ такимъ образомъ для насъ значеніе предметовъ первой необходимости.

Но одного таможеннаго покровительства еще недостаточно для нашей промышленности и вообще для нашего національнаго развитія. Попустительства прежнихъ временъ привели къ необходимости вести борьбу не только со внѣшними враждебными притязаніями, но и съ внутренними антинаціональными элементами, которые, при будущемъ неизбѣжномъ столкновеніи съ Германіей, могутъ принести намъ неисчислимый вредъ и значительно затруднить государственную оборону. Положимъ, прошлыя попустительства могли еще оправдывать себя тѣмъ, что при раздробленной, не сильной для наступленія Германіи широкій доступъ нѣмецкому элементу внутрь Росеіи могъ казаться не особенно опаснымъ. Но за послѣднія двадцать пять лѣтъ обстоятельства круто измѣнились, и дальнѣйшія поблажки въ этомъ отношеніи сдѣлались крайне опасными. Не говоря о множествѣ другихъ фактовъ, я на-дняхъ имѣлъ случай указать, на примѣрѣ Москвы, къ чему привела прежняя система. Одно только, своевременно не предупрежденное, появленіе заграничныхъ Нѣм-

цевъ на мѣстахъ управляющихъ страховыми обществами обратило эти общества изъ русскихъ въ нѣмецкія и повлекло за собой немаловажныя политическія послѣдствія. А какими бѣдами грозитъ заполоненіе Юго-западныхъ губерній нѣмецкими колонистами, о томъ и подумать страшно.

26 октября.

Мои корреспонденты *).

Недавно помѣщенныя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» два письма мои о Нѣмцахъ въ Москвѣ и объ онѣмеченныхъ страховыхъ обществахъ очевидно затронули наболѣвшую сторону нашей, то-есть русской, жизни; съ разныхъ сторонъ получилъ я по сему поводу сочувственные отзывы отъ людей мнѣ лично незнакомыхъ, — отзывы, исходящіе изъ довольно разнообразныхъ точекъ зрѣнія, но сводящіеся болѣе или менѣе къ одинаковымъ выводамъ. Не имѣя возможности отвѣчать каждому отдѣльно, но и не желая остаться у нихъ въ долгу, позволю себѣ печатно сказать нѣсколько словъ по поводу ихъ писемъ.

Одинъ корреспондентъ, повидимому, не только любитель сценическаго искусства, но и самъ авторъ нѣсколькихъ пьесъ, пишетъ между прочимъ слѣдующее: «Меня всегда поражало, что нашъ русскій театръ, при всей пестротѣ допускаемыхъ на свою публичную арену вопросовъ, до всѣхъ степеней современнаго адюльтера включительно, почему-то закрываетъ свои двери разъясненію или постановкѣ чисто русскихъ вопросовъ и тѣхъ жгучихъ, существующихъ у всѣхъ на глазахъ, отношеній, которыя гораздо интереснѣе выставляемыхъ на видъ предметовъ физіологическаго свойства». Развивая далѣе ту же мысль объ отчужденности русской сцены отъ русской жизни и отъ русскихъ интересовъ, авторъ письма вспоминаетъ извѣстный стихъ: «Съ кого они портреты пишутъ? Гдѣ разговоры эти слышутъ?»

Второй изъ корреспондентовъ оказывается служившимъ въ одномъ страховомъ обществѣ, петербургскомъ. «Тѣмъ русскимъ», — пишетъ онъ, — «которые хорошо знакомы какъ со страховыми операціями въ существѣ дѣла, такъ и со всѣми махинаціями нѣмцевъ и евреевъ, но состоятъ подъ ихъ командой, пикнуть нельзя, а ужъ напечатать что нибудь и подавно! По одному подозрѣнію уволятъ отъ службы». «Крайне хотѣлось бы избавиться отъ нѣмецкаго плѣна, чтобъ имѣть возможность поработать надъ страховыми вопросами и уяснить русскому обще-

*) Москов. Вѣдом. 1892. № 307.

ству существо дѣла и каверзы страховщиковъ, а также политико-экономическій вредъ для Россіи отъ размноженія въ ней иноземцевъ-шпіоновъ подъ именемъ агентовъ, инспекторовъ и т. п.

Третій корреспондентъ тоже Петербуржецъ, а по профессіи педагогъ. Онъ горько жалуется на отрицательное вліяніе инородческаго, особенно нѣмецкаго, элемента въ нашемъ педагогическомъ персоналѣ вообще и на занятіе имъ инспекторскихъ и директорскихъ мѣстъ въ частности, а также на излишнее поклоненіе нѣмецкимъ образцамъ въ дидактикѣ и кахететикѣ. По сему поводу онъ указываетъ на одно руководство, озаглавленное «Дидактика русскаго языка», въ которомъ «на пятистахъ страницахъ ни разу не упоминается слово *Россія*; а все обученіе совершается въ какомъ-то пространствѣ, безъ отношенія къ вѣрѣ, церкви и русскому чувству».

«Аще соль обуяетъ, чимъ осолимся!»—восклицаетъ этотъ патріотически настроенный педагогъ.

Четвертый корреспондентъ, по всѣмъ признакамъ хорошо ознакомленный съ положеніемъ и дѣятельностью у насъ Нѣмцевъ, указываетъ на ихъ систематичный образъ дѣйствія по отношенію къ Россіи: «Во-первыхъ, они, елико возможно, захватываютъ *землю*, строго соблюдая при томъ свою обособленность. Во-вторыхъ, въ центрѣ русско-православной жизни, всѣми способами стремятся ко *власти* и *вліянію*, по достиженіи которыхъ сейчасъ же окружаютъ себя своими земляками, однако не изъ личной любви къ нимъ, а во исполненіе какого-то зрѣло обдуманнаго и до мельчайшихъ подробностей предусмотрѣннаго плана. Въ-третьихъ, всѣми правдами и неправдами эксплуатируютъ насъ экономически, особенно въ промышленномъ отношеніи, и успѣли громадное количество *денегъ* препроводить въ свои карманы, пуская ихъ въ оборотъ въ Россіи же, но уже подъ видомъ иностранныхъ капиталовъ».

Конечно, всѣ сіи три положенія совершенно вѣрны; но любопытно, что первыя два болѣе или менѣе извѣстны, послѣднее же доселѣ какъ-то ускользало отъ нашего общественнаго вниманія. А между тѣмъ если мы ближе присмотримся къ дѣйствительности, то убѣдимся, что масса вращающихся и у насъ, и за границей якобы нѣмецкихъ капиталовъ наживалась и наживается въ Россіи же, или отъ Россіи. Нажившіеся въ Россіи или отъ Россіи капиталисты не только дѣлаются потомъ крупными коммерсантами, банкирами, фабрикантами и т. п., но и преславленными покровителями наукъ и искусствъ, только, конечно, не русскихъ. Напримѣръ, столь извѣстный разными открытіями классическихъ древностей нѣмецъ Шлиманъ, откопавшій даже мнимые остатки

дворца Пріамова, насколько мнѣ извѣстно, всѣ эти открытія, обогатившія заграничные музеи, произвелъ на русскіе капиталы, которые онъ пажилъ своими недобросовѣстными поставками на наше военное вѣдомство во время Крымской кампаніи; за что ему былъ запрещенъ въѣздъ въ Россію и о чемъ Нѣмцы-біографы и панегирики его доселѣ благоразумно умалчивали.

Пятымъ корреспондентомъ является одинъ изъ Чеховъ, переселившійся въ юго-западную Россію и служащій тамъ по земскимъ учрежденіямъ. Онъ еще у себя на родинѣ узналъ значеніе нѣмецкихъ захватовъ и характеръ нѣмецкой политики по отношенію къ сосѣдямъ; а въ юго-западныхъ нашихъ губерніяхъ хорошо ознакомился съ громаднымъ вредомъ отъ нѣмецкой колонизаціи. По вопросу объ онѣмеченіи страховыхъ обществъ онъ разсказываетъ изъ своихъ дѣтскихъ воспоминаній случай, имѣвшій мѣсто въ эпоху Австро-Прусской войны 1866 года. Одинъ вращавшійся въ Чехіи передъ войной агентъ страхового общества, какъ оказалось потомъ, былъ прусскій шпіонъ, и по заключеніи мира авторъ письма встрѣтилъ его уже въ чинѣ майора прусской арміи. Этотъ разсказъ, любопытный по своимъ подробностямъ, заслуживаетъ быть переданнымъ въ цѣлости *). «Какъ видите,—заключаетъ авторъ,— захватъ страховыхъ обществъ имѣетъ для Нѣмцевъ колоссальное значеніе не только въ матеріальномъ отношеніи, но и въ военномъ, а потому ясно, что нетолько Русскіе, но и вообще Славяне систематически устраняются отъ участія въ этомъ дѣлѣ».

Наконецъ, есть такія письма, которыя имѣютъ болѣе личный характеръ, заключая въ себѣ личныя жалобы или просьбы о помощи, о ходатайствахъ все по тому же поводу. Извѣстно, что издали лица, какъ и вещи, нерѣдко представляются не въ своихъ дѣйствительныхъ размѣрахъ. Такъ и въ данномъ случаѣ, выражая своимъ корреспондентамъ глубокую благодарность за сочувствіе, я долженъ разочаровать нѣкоторыхъ относительно собственнаго значенія и вліянія.

Лично нижеподписавшійся считаетъ себя только членомъ той небольшой группы, которая работаетъ надъ развитіемъ національнаго самопознанія и надъ пробужденіемъ русскаго сознанія, русскаго чувства въ нашемъ обществѣ. И эта, казалось бы, довольно скромная, задача на дѣлѣ оказывается далеко не легкою, вслѣдствіе той массы противорѣчія и противодѣйствія, которыя она встрѣчаетъ.

Во избѣжаніе могущихъ быть недоразумѣній, считаю не лишнимъ

---

*) Онъ былъ сообщенъ въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ „Моск. Вѣд.“.

прибавить еще два слова, чтобы точнѣе указать читателямъ «Московскихъ Вѣдомостей» противъ кого собственно я ратую въ данномъ вопросѣ: такъ какъ существуютъ Нѣмцы свои, т.-е. русскіе подданные, и существуютъ Нѣмцы иностранные. Въ моихъ письмахъ рѣчь идетъ пока главнымъ образомъ о вредѣ, происходящемъ для насъ отъ Нѣмцевъ второй категоріи. Что же касается своихъ, то, какъ извѣстно, есть многія семьи, которыя вполнѣ обрусѣли и вошли въ составъ Русской народности иногда не только по языку и чувству, но и по религіи, такъ что только одна фамилія напоминаетъ объ ихъ нѣмецкомъ происхожденіи. Изъ ихъ среды выходило и выходитъ не мало прекрасныхъ общественныхъ дѣятелей. Иначе, конечно, должны мы относиться къ тѣмъ русскимъ подданнымъ, которые не сдѣлались доселѣ, по языку, духу и симпатіямъ, русскими людьми и даже не желаютъ ими сдѣлаться, каковы въ особенности Балты. Но и между послѣдними могутъ встрѣчаться отрадныя исключенія. По вопросу объ отношеніи подданства къ національному направленію я намѣренъ поговорить какъ-нибудь особо. А въ настоящемъ случаѣ, повторяю, имѣю въ виду преимущественно Нѣмцевъ иностранныхъ подданныхъ, которымъ не подобаетъ хозяйничать у насъ вообще, а въ качествѣ заводчиковъ и управляющихъ страховыми обществами въ частности.

3 ноября.

Союзъ антинаціональной логики и мнимокультурной миссіи*).

У нашихъ анти-націоналовъ оказывается замѣчательно курьезная логика, когда они говорятъ о русскихъ интересахъ и народныхъ нуждахъ.

Въ ноябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» помѣщена статья г. Вл. Соловьева, озаглавленная «Мнимыя и дѣйствительныя мѣры къ подъему народнаго благосостоянія». Авторъ ея изображаетъ печальную картину земледѣльческаго, собственно крестьянскаго хозяйства вслѣдствіе обезлѣсенія страны и происходящаго отсюда высыханія почвы, а также вслѣдствіе крестьянскаго малоземелья.

Послѣ такой картины естественно было ожидать разсужденій о необходимости сохранить остающіеся лѣса, облѣсить и обводнить опустошенныя пространства; не лишними казались бы и сожалѣнія о томъ, что мѣстами лѣса продолжаютъ противозаконнымъ образомъ истребляться, не-

*) Москов. Вѣдом., 1892, № 315.

смотря на новыя охранительныя правила. Если крестьянство земледѣльческихъ губерній дѣйствительно страдаетъ малоземельемъ, то самъ собою возникаетъ вопросъ о болѣе культурномъ хозяйствѣ, о болѣе правильной, систематической русской колонизаціи мѣстъ незаселенныхъ или малонаселенныхъ, а также о совершенномъ прекращеніи нѣмецкой колонизаціи въ русскихъ предѣлахъ.

Но г. Соловьевъ ничего подобнаго не предлагаетъ; отчасти отъ такихъ мѣръ онъ не ожидаетъ никакого улучшенія, а отчасти и совсѣмъ ихъ игнорируетъ. Напримѣръ, противъ захвата Нѣмцами юго-западныхъ и другихъ земель онъ совсѣмъ ничего не говоритъ; противъ германскихъ притязаній подрывать нашу обрабатывающую промышленность и, слѣдовательно, не допускать у насъ развитія культурнаго хозяйства онъ также ничего сказать не имѣетъ. Наоборотъ, корень зла онъ видитъ въ стремленіи оградить Россію отъ эксплуатаціи со стороны иностранцевъ и инородцевъ, приписывая это стремленіе «воображаемымъ, несуществующимъ опасностямъ и основаннымъ на нихъ нелѣпымъ предположеніямъ». Извѣстно, что Россія принуждена вооружаться, потому что ея сосѣди вооружаются и не скрываютъ даже противъ кого они вооружаются; но г. Соловьевъ считаетъ наши вооруженія и затраты нами производимыя плодомъ разстроеннаго воображенія, а патріотическая часть интеллигенціи, по его мнѣнію, «одержима ложными идеями, граничащими съ маніей величія и маніей вражды къ нему (къ русскому народу) всѣхъ и каждаго».

Словомъ, по г. Соловьеву, въ постигшихъ насъ «стихійныхъ бѣдахъ» (и чуть ли не съ холерой включительно) виновато начинающееся національное направленіе; въ виду такой, по его мнѣнію, ужасной, болѣзни онъ предлагаетъ свои услуги, чтобы лѣчить наше общество путемъ убѣжденій, т.-е. путемъ логики. Но такъ какъ его настоящая статья основана на полномъ невѣдѣніи элементарныхъ историческихъ и экономическихъ законовъ и условій національнаго развитія, на совершенномъ непониманіи современныхъ обстоятельствъ и отличается яркимъ недостаткомъ логическаго мышленія, то она невольно вызываетъ восклицаніе: «врачу, исцѣлися самъ!»

Только въ подобное исцѣленіе я плохо вѣрю. Недостатокъ основательныхъ историческихъ и политико-экономическихъ свѣдѣній еще мож ъ быть устраненъ, если человѣкъ, отбросивъ самомнѣніе и помня, что учит я никогда не поздно, будетъ изучать факты, сравнивать ихъ и вдумыва я въ нихъ, т.-е. серьезно займется наукой. Но если есть недостатокъ зд ваго мышленія, если у кого между исходнымъ пунктомъ, посылкам и

выводами нѣтъ логической связи, если засуха, лѣсоистребленіе и малоземелье объясняются излишествомъ національнаго направленія, — такой субъектъ мало подаетъ надежды на выздоровленіе. А если онъ при семъ еще мнитъ поучать другихъ и пророчествовать, то онъ просто безнадеженъ.

Любопытно наблюдать какъ наши анти-націоналы-фритредеры, несмотря на благопріятный для русской промышленности исходъ вопроса о новомъ торговомъ договорѣ съ Германіей, все еще не теряютъ надежды повернуть дѣло въ ея пользу и во вредъ Россіи, и въ этомъ отношеніи являются усердными союзниками Нѣмцевъ. Въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ на выборахъ будущаго президента одержала верхъ партія демократическая. И вотъ наши ревнители чужихъ интересовъ заранѣе торжествуютъ отмѣну строго-покровительственнаго тарифа Макъ-Кинлея, почему-то усматривая въ сей отмѣнѣ обязательный примѣръ для подражанія.

Но они жестоко ошибаются.

Во-первыхъ, сомнительно, чтобъ и въ Америкѣ означенный тарифъ былъ вполнѣ отмѣненъ, хотя о томъ и хлопочетъ сильная партія аграріевъ. А во-вторыхъ, еслибъ и дѣйствительно случилось что-либо подобное, то къ намъ оно не имѣетъ никакого отношенія по коренному различію въ условіяхъ. Когда наша заводско-фабричная промышленность достигнетъ такой же высокой степени развитія, какъ и сѣверо-американская, тогда и будетъ возможно заводить рѣчи о сколько-нибудь пониженныхъ тарифахъ, а до того времени эти рѣчи являются только вреднымъ пустословіемъ. Вотъ еслибъ означенные ревнители указали намъ хотя одну націю, достигшую высокаго промышленнаго развитія безо всякой покровительственной системы въ ея прошломъ, тогда другое дѣло, тогда мы готовы отказаться отъ ея защиты. Но этого они никогда не укажутъ.

Даже и такой простой фактъ, какъ извѣстный приказъ Военнаго министра по поводу недобросовѣстнаго отношенія къ заказу фугасовыхъ бомбъ со стороны трехъ русскихъ заводовъ, наши фритредеры пытаются обратить противъ покровительственной системы. Извращая значеніе сего приказа, они уже толкуютъ его въ слѣдующемъ смыслѣ: военное вѣдомство, молъ, готово было оказать покровительство внутреннимъ заводамъ, т. е. давать имъ заказы боевыхъ снарядовъ, но такъ какъ сіи заводы не заслуживаютъ довѣрія, то впредь едва ли можно будетъ продолжать подобные заказы. Вотъ къ какимъ вопіющимъ софизмамъ прибѣгаетъ анти-національное направленіе! Система двухъ пакетовъ, одного съ высо-

кими, другого съ умѣреными цѣнами, насколько извѣстно, вошла въ обычай при подрядныхъ торгахъ какъ злоупотребленіе, на которое, къ сожалѣнію, прежде смотрѣли сквозь пальцы. Отрадно видѣть, что правительство рѣшило положить конецъ подобнымъ злоупотребленіямъ и начало съ того, что виновныхъ подвергло гласности, т.-е. суду общественнаго мнѣнія. И кромѣ сего послѣдняго оружія у правительства всегда найдется достаточно средствъ обуздать внутреннее хищничество; была бы только непреклонная рѣшимость. А если бы кто вздумалъ привести въ извѣстность всѣ недобросовѣстныя продѣлки прежняго времени со стороны Нѣмцевъ, поставлявшихъ намъ вооруженіе, и со стороны Англичанъ, строившихъ для насъ корабли, то предъ ними означенный фактъ показался бы невиннымъ недоразумѣніемъ. Но главная суть дѣла заключается въ томъ, что такая держава какъ Россія не должна и не можетъ зависѣть отъ другихъ народовъ въ изготовленіи предметовъ государственной обороны.

Слѣдовательно, возраженія противъ покровительственной системы по сему поводу просто не имѣютъ смысла.

Наши анти-націоналы, столь непріязненные Русскому народу, очевидно, ничего не имѣютъ противъ его безцеремонной эксплуатаціи инородцами и иноземцами, а также противъ ихъ захвата финансовыхъ и торгово-промышленныхъ операцій въ самомъ центрѣ Россіи. Очевидно, они, заодно съ Нѣмцами, полагаютъ, что сіи послѣдніе не просто эксплуатируютъ и тѣснятъ коренное населеніе, а въ нѣкоторомъ родѣ насаждаютъ здѣсь высшую культуру.

По поводу сего мнѣнія позволю себѣ привести одинъ характерный эпизодъ изъ жизни все тѣхъ же нашихъ онѣмеченныхъ страховыхъ обществъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ выписанный изъ Германіи управляющій одного изъ столичныхъ страховыхъ обществъ праздновалъ двадцатипятилѣтіе своего управленія. Въ юбилейномъ пиршествѣ участвовалъ весь персоналъ страхового общества, а въ числѣ гостей находился дипломатическій представитель Пруссіи. Число присутствовавшихъ простиралось до 160. Въ свое время газеты дали отчетъ объ этомъ юбилеѣ и признали за нимъ характеръ общественнаго событія. Только онѣ не сообщили русской публикѣ произнесенныхъ тутъ рѣчей; а въ нихъ-то и заключалась главная соль празднества. Особенно любопытна обращенная къ юбиляру рѣчь другого Нѣмца-управляющаго, который своимъ пятнадцатилѣтнимъ хозяйничаньемъ довелъ было одно страховое общество до ликвидаціи. Свой горячій панегирикъ заслугамъ юбиляра онъ началъ такими

словами. «Wir feiern heute einen glänzenden Sieg der deutschen Kultur und des deutschen Genies!» (Мы празднуемъ сегодня блестящее торжество нѣмецкой культуры и нѣмецкаго генія).

Въ своей отвѣтной рѣчи юбиляръ, не отрицая собственныхъ заслугъ, замѣтилъ, что культурную миссію онъ успѣшно исполняетъ благодаря тому, что ему удалось преобразовать составъ общества и набрать хорошій персоналъ сотрудниковъ. Въ чемъ заключалось сіе преобразованіе, краснорѣчивымъ отвѣтомъ на это служатъ цифры: при вступленіи въ управленіе обществомъ онъ нашелъ въ немъ только *троихъ* Нѣмцевъ, а спустя двадцать пять лѣтъ оказалось слишкомъ *семьдесятъ* Нѣмцевъ, и при томъ на половину иностранныхъ. Ярый германскій патріотизмъ и усердное руссофобство сего управляющаго обратили на себя благосклонное вниманіе Прусскаго правительства, и дипломатическій представитель его на томъ же празднествѣ, объявилъ юбиляру, что сынъ его, служащій въ прусскихъ уланахъ, произведенъ въ офицеры!

Недурную иллюстрацію къ сему празднеству представляетъ слѣдующій происшедшій на немъ инцидентъ. Одинъ изъ русскихъ служащихъ (конечно, мелкихъ) вздумалъ удивиться исключительно нѣмецкому характеру торжества и напомнить присутствующимъ, что они находятся въ центрѣ Россіи. Онъ подошелъ къ какой-то группѣ и обратился къ ней съ русскою рѣчью; но поднявшіяся шиканье и глумленіе сконфузили его и заставили замолчать. «Вы поступили очень неосторожно, — замѣтилъ ему другой изъ русскихъ,—нѣмцы вамъ этого не простятъ». И дѣйствительно, начались разныя придирки по службѣ, а чрезъ два мѣсяца г. П. былъ уволенъ.

Итакъ, въ сущности праздновалось не торжество какой-либо культурной миссіи, а просто торжество нѣмецкой назойливости и нетерпимости надъ русскимъ попустительствомъ и долготерпѣніемъ.

12 ноября.

Дополнительныя замѣтки *).

I.

Мои письма въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о томъ ненормальномъ положеніи, которое заграничные Нѣмцы заняли въ нашемъ первопрестольномъ городѣ и вообще въ Россіи, повидимому, совпали по времени

*) Москов. Вѣд. 1892. № 340.

съ нѣкоторыми административными мѣрами въ томъ же смыслѣ, а именно относительно паспортовъ. Отрадно видѣть, что правительственныя сферы начинаютъ обращать серьезное вниманіе на означенное ненормальное положеніе.

Но практика иногда такъ видоизмѣняетъ мѣры, что онѣ направляются совсѣмъ не противъ того элемента, который имѣлся въ виду.

Такъ, я имѣю свѣдѣнія, что проживающіе въ Москвѣ заграничные Славяне стали испытывать большія затрудненія при полученіи или возобновленіи паспортовъ и, главнымъ образомъ, со стороны консульскаго персонала. Сей послѣдній дѣлаетъ все возможное, чтобъ облегчить проживательство въ Россіи для заграничныхъ Нѣмцевъ, но не Славянъ; эту разницу онъ отлично понимаетъ; межъ тѣмъ русская администрація, конечно, имѣетъ дѣло просто съ «иностранными подданными», и ей довольно затруднительно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разбирать, къ какой народности принадлежитъ тотъ или другой изъ этихъ подданныхъ. Однако мы не можемъ игнорировать такое важное обстоятельство.

Предпринимая свои письма, я менѣе всего думалъ о паспортной системѣ, которая въ вопросахъ національной политики почти не при чемъ. Заранѣе можно быть увѣрену, что у нѣмецкихъ эксплуататоровъ паспорты окажутся всегда въ порядкѣ и что въ собственномъ правительствѣ они найдутъ всякую помощь и поддержку въ семъ отношеніи. Примѣры европейскихъ странъ показываютъ, что тамъ, гдѣ дѣло коснется національныхъ интересовъ, на паспорты не обращаютъ никакого вниманія; у насъ въ особенности предъ глазами современный примѣръ Пруссіи, которая преспокойно изгоняетъ изъ своихъ предѣловъ массу русскихъ подданныхъ на томъ основаніи, что они дѣлаютъ конкурренцію собственнымъ, нѣмецкимъ рабочимъ. Какая-нибудь, состоящая подъ прусскимъ вліяніемъ, Румынія, и та ужъ слишкомъ не церемонится у себя съ русскими людьми; она даже норовитъ не давать имъ дороги мимо своихъ предѣловъ, для чего пускаетъ въ ходъ артиллерію.

II.

Изъ моихъ писемъ, кажется, ясно вытекало, что говоря о страховыхъ обществахъ въ частности, я ратовалъ вообще противъ всякаго руководящаго или начальническаго положенія заграничныхъ Нѣмцевъ въ Россіи.

Возвращаясь къ тому же предмету, не лишнимъ считаю сдѣлать слѣдующую оговорку.

Существуютъ такія скромныя занятія и безобидныя профессіи, которыя никого не тѣснятъ, никого не германизуютъ и потому могутъ быть

оставлены въ покоѣ. Таковы, напримѣръ, часовщикъ, дрогистъ, кондиторъ, мебельщикъ, химикъ, механикъ, оптикъ, содержатель гимнастическаго заведенія или мансжа и т. п. Послѣднія двѣ категоріи представляютъ даже несомнѣнную пользу, пока между русскими людьми разовьется любовь къ спорту и физическимъ упражненіямъ, а вмѣстѣ съ нею и направленная въ эту сторону предпріимчивость.

Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ управленіе страховымъ обществомъ, находящееся въ рукахъ заграничнаго Нѣмца. Я уже имѣлъ случай указать на тѣ важныя послѣдствія, къ которымъ привело подобное попустительство съ нашей стороны. Ни въ одной передовой странѣ нельзя найти такихъ примѣровъ, чтобъ общественныя учрежденія, имѣющія государственное значеніе, находились въ рукахъ иностранцевъ. Слѣдовательно, вотъ куда должны быть направлены наши предупредительныя и неотложныя мѣры.

Любопытно наблюдать, до какой степени Нѣмцы привыкли широко пользоваться этимъ прежнимъ попустительствомъ. Напримѣръ, въ данномъ случаѣ, сколько мнѣ извѣстно, они думаютъ не о томъ, чтобы неподобающіе имъ посты очистить для русскихъ людей; они даже не намѣрены отказаться отъ принципа наслѣдственности, и просто затѣваютъ якобы «исправленіе устава» страхового общества.

Суть предполагаемаго исправленія заключается въ томъ, чтобъ учредить верховный санъ директора-распорядителя.

А когда настоящій управляющій сдѣлается директоромъ-распорядителемъ, тогда онъ можетъ собственною властію назначить своего сына управляющимъ якобы «по найму», не прибѣгая къ рискованному теперь выбору общимъ собраніемъ. Такимъ образомъ остается надежда спасти принципъ наслѣдственности и провести назначеніе прусскаго офицера своимъ преемникомъ. Разсчитываютъ, конечно, на то, что сія задняя мысль ускользнетъ отъ вниманія русской администраціи при утвержденіи измѣненнаго устава, а о томъ и не думаютъ, что Русское правительство можетъ отнестись съ національной и государственной точки зрѣнія къ самому пребыванію заграничныхъ Нѣмцевъ во главѣ русскихъ общественныхъ учрежденій или къ занятію ими такихъ щекотливыхъ должностей, какъ страховые агенты и инспекторы *).

*) Приходится констатировать слѣдующій фактъ. Спустя два года съ небольшимъ, Нѣмецъ-управляющій даннымъ страховымъ обществомъ умеръ, и сынъ его, запасный прусскій офицеръ, сдѣлался его преемникомъ, согласно (указаннымъ мною) заранѣе составленному плану и принципу наслѣдственности. Сохраняется строго нѣмецкій составъ администраціи этого учрежденія.

Я какъ-то замѣтилъ, что сихъ послѣднихъ изъ десяти приходится пятеро; по провѣркѣ ихъ оказывается *семеро*, то-есть иностранцы рѣшительно преобладаютъ въ составѣ инспекторовъ.

6 декабря.

Защитники фиктивнаго подданства и чужеземныхъ захватовъ *).

Хорошо западноевропейскимъ ученымъ мирно, спокойно предаваться своимъ научнымъ трудамъ и съ большимъ или меньшимъ благодушіемъ слѣдить за текущими общественными вопросами. Тамъ эти вопросы могутъ затрогивать интересы той и другой общественной группы и въ самомъ крайнемъ случаѣ вызывать нѣкоторыя болѣзненныя явленія, порождаемыя соціальными ученіями или, точнѣе говоря, возрастающимъ отъ густоты населенія пролетаріатомъ. Но тамъ не подвергаются спорамъ и опасностямъ самыя основныя начала національнаго существованія и развитія. Администрація отъ министра до послѣдняго чиновника и печать всѣхъ оттѣнковъ равно проникнуты сознаніемъ долга и обязанностей по отношенію къ своему народу; поэтому нѣтъ и не можетъ быть самаго вопроса о національномъ направленіи; политическія и экономическія мѣры постоянно и неуклонно дѣйствуютъ въ одномъ этомъ направленіи; отчего и получилось такое блистательное развитіе западноевропейской культуры.

Не то у насъ. Отсталость наша прежде всего сказывается въ томъ, что мы должны еще тратить силы и время на упорную внутреннюю борьбу со всякаго рода антинаціональными элементами и тенденціями. И за что только не цѣпляются сіи послѣдніе! Въ особенности злоупотребляютъ они знаменемъ гуманности и равноправности, чтобы предать Русскій народъ безпощадной эксплуатаціи инородцевъ и иноземцевъ. Гуманнымъ надобно быть прежде всего къ собственному народу и помогать ему въ борьбѣ съ эксплуататорами, а не держать ихъ сторону противъ него. Гдѣ же у передовыхъ культурныхъ народовъ толкуютъ нынѣ о равномъ подданствѣ? Тамъ идетъ рѣчь только о національныхъ интересахъ, и все, что нарушаетъ ихъ, подвергается неуклонному устраненію; если и самое законодательство оказывается не въ уровень потребностямъ времени, страдаетъ отсталостію отъ нихъ и въ какомъ-либо случаѣ мало оказываетъ защиты этимъ интересамъ, его немедленно исправляютъ и дополняютъ. А у насъ, чтобы сохранить такое бѣдствіе

---

*) „Московскія Вѣдомости". 1893. № 53.

какъ широкій захватъ югозападныхъ земель нѣмецкими колонистами, находятся считающіе себя русскими органы печати (напр. «Гражданинъ»), которые говорятъ, что Нѣмцы эти такіе же подданные какъ и мы.

Какъ *такіе же* подданные?

Мои дѣды и прадѣды, мои предки (говорю отъ имени Русскаго народа) развѣ для того проливали свою кровь, завоевывали территорію и созидали Русское государство, чтобы сосѣди, болѣе меня богатые и ловкіе, мирно, денежнымъ путемъ, отнимали у меня мое кровное наслѣдство и лишали меня земли, то-есть того именно блага, которое у всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ можно отнимать только силою оружія? Нѣтъ, вчерашній пришлецъ, сегодня наружнымъ образомъ принявшій русское подданство, завтра можетъ быть снова имѣющій оказаться чужимъ гражданиномъ и во всякомъ случаѣ сотни лѣтъ не поддающійся обрусенію—это совсѣмъ не *такой же* подданный (точнѣе вѣрноподданный) какъ я.

Кромѣ того, гдѣ же въ Европѣ возможно такое явленіе, чтобъ огромный непріятельскій авангардъ заранѣе допускался и безпрепятственно укрѣплялся на территоріи своего сосѣда, съ которымъ завтра же можетъ у него возникнуть отчаянная борьба? Только политическою отсталостію, легкомысліемъ и халатнымъ отношеніемъ къ судьбамъ собственной націи можно объяснить подобную проповѣдь равноправности со стороны тѣхъ органовъ, которые считаютъ себя русскими и даже выражаютъ претензію на патріотизмъ. О тѣхъ же, которые явно держатся антинаціональнаго направленія, нечего и говорить.

Далась тоже нѣкоторымъ органамъ столичной печати пѣсня объ инертности и косности московскаго промышленнаго люда, который де не умѣетъ побороть конкурренцію нѣмецкихъ заводовъ и фабрикъ, тоже беззаконно и безцеремонно вторгшихся въ предѣлы Россійской Имперіи и подрывающихъ производительность внутренняго, коренного русскаго района. Эти органы при всякомъ удобномъ случаѣ повторяютъ свой излюбленный упрекъ чисто русскимъ производителямъ, что они непредпріимчивы, что они только хлопочутъ о высшихъ тарифахъ, любятъ получать большіе барыши и т. п.; что поэтому лодзинскія и сосновицкія отдѣленія германской фабричной промышленности берутъ надъ ними верхъ, и подѣломъ!

Право, можно подумать, что петербургскіе публицисты и чиновники, какъ разсуждающіе, принадлежатъ къ какому-либо другому государству, не Русскому: они явно не считаютъ себя солидарными съ коренною русскою промышленностью, и эта промышленность представляется имъ

существующею не для пользы Русскаго народа и государства, а только для обогащенія самихъ фабрикантовъ. Они повидимому не знаютъ, какимъ стѣсненіямъ и путамъ въ теченіе долгаго времени подвергалась дѣятельность чисто русскихъ купцовъ и промышленниковъ, которые ни одного шагу не могли предпринять безъ разныхъ дозволеній, разрѣшеній паспортовъ и т. п. у себя дома, а тѣмъ болѣе въ сношеніяхъ съ иноземцами; слѣдовательно, когда же могла развиться ихъ предпріимчивость и вообще ихъ богатыя отъ природы способности? И у кого же они должны искать поддержки въ борьбѣ съ иноземцами, какъ не у своего правительства?

Межъ тѣмъ эти иноземцы приходятъ къ намъ искусившіеся во всякаго рода опытности и промышленныхъ ухищреніяхъ, а главное всегда и усердно поддерживаемые всѣми правительственными и общественными органами своей страны. Если эти органы горячо поддерживаютъ своихъ соотечественниковъ въ предѣлахъ чужого государства, то у себя дома, само собой разумѣется, они не допустятъ никакой иностранной конкурренціи ни въ сферѣ землевладѣнія, ни въ сферѣ промышленности. Никакой наплывъ иностранныхъ колонистовъ, захватывающій территорію, никакой Лодзи и Сосновицъ, подрывающихъ туземную промышленность. Нѣмцы не потерпѣли бы ни одной минуты, и на всякаго публициста, вздумавшаго защищать подобные захваты, стали бы смотрѣть какъ на предателя, а если бы таковымъ оказался чиновникъ, то подвергли бы его суду какъ государственнаго измѣнника. Нѣтъ, гг. столичные халатники, такъ служить отечеству нельзя. Если вы хотите быть настоящими его гражданами, то учитесь у нашихъ противниковъ Нѣмцевъ.

21 февраля.

О нѣкоторыхъ явленіяхъ въ столичной печати*).

Западный или Юго-Западный край собирается праздновать столѣтній юбилей своего возсоединенія съ Русскимъ государствомъ. Дѣло доброе и притомъ могущее оживить въ населеніи края сознаніе принадлежности и чувство преданности къ общему отечеству. Но нельзя не сознаться, что пришелся этотъ юбилей въ трудное время; ибо онъ прежде всего потребуетъ подвести итоги тому, что сдѣлано нами для укрѣпленія и развитія въ краѣ русской національности, для болѣе тѣсныхъ его связей съ ея ядромъ. Дѣйствительно, сдѣлано было довольно много, но оста-

*) „Москов. Вѣд.“ 1893. № 61.

валось сдѣлать еще больше, и вдругъ, въ послѣднюю эпоху, этотъ край подвергся быстрому отчужденію отъ государственнаго центра вслѣдствіе устремившагося туда потока германской колонизаціи, уже успѣвшей захватить значительную часть нашей территоріи и назойливо продолжающей свои захваты. Это обстоятельство въ значительной степени омрачаетъ названный юбилей.

Нѣмецкая колонизація и сплошной захватъ ею русской территоріи, наконецъ, слава Богу, вызвали патріотическое ходатайство Екатеринославскаго дворянства. Казалось бы, всякій русскій органъ могъ только радоваться этому доброму мѣстному почину и всѣми силами его поддерживать. Не тутъ-то было. Петербургская печать отчасти замолчала этотъ отрадный фактъ, отчасти отнеслась къ нему несочувственно.

Еслибъ и нарочно придумывать, то невозможно было бы сочинить болѣе краснорѣчивое подтвержденіе того умственнаго сумбура, нравственной шатости и тѣхъ антинаціональныхъ тенденцій, въ которыхъ уже давно обвиняется большинство нашей столичной интеллигенціи.

Какое-нибудь сравнительно очень неважное обстоятельство трактуется столичными органами съ гораздо большимъ усердіемъ, чѣмъ подобные насущные вопросы. Напримѣръ, они не прочь засвидѣтельствовать о своемъ участливомъ отношеніи къ дѣлу государственной обороны, когда представляется случай поговорить о воздушныхъ шарахъ, сторожевыхъ псахъ, почтовыхъ голубяхъ, лыжникахъ, о стрѣльбѣ съ коня и т. п. Но чтобы серьезно подумать и поработать надъ такими важными предметами, отъ которыхъ зависитъ исходъ будущихъ страшныхъ столкновеній, а слѣдовательно и судьбы отечества,—на это не находится ни досуга, ни охоты, ни достаточной подготовки. Самое большее, до чего они могутъ подняться,—это до какихъ-либо хитроумныхъ политическихъ комбинацій весьма сомнительнаго качества, или до игры въ сравнительныя статистическія таблицы съ выводами подобнаго же качества.

Любопытныя данныя въ этомъ родѣ представляетъ «Русскій Вѣстникъ» въ своей февральской книжкѣ.

Извѣстный финансовый дѣятель и варшавскій купеческій старшина, г. Бліохъ, помѣстилъ здѣсь свое разсужденіе, озаглавленное «Будущая война, ея экономическія причины и послѣдствія». Онъ бросаетъ общій взглядъ на европейскія войны, начиная съ 1859 года; въ цифрахъ изображаетъ постепенное разростаніе армій и развитіе скорострѣльнаго, дальнобойнаго оружія; сравниваетъ численность европейскихъ вооруженныхъ силъ въ мирное и военное время; а отсюда прямо переходитъ къ предпочтенію для Россіи оборонительнаго образа дѣйствій предъ насту-

пательнымъ. Цитуя при семъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ военныхъ писателей, онъ перечисляетъ разныя преимущества оборонительной войны: «единство высшаго управленія сохраняется легче», «снабженіе войска боевыми припасами и резервами облегчается», «продовольствіе и подвозъ всякихъ потребностей болѣе обезпечены», «оборона требуетъ отъ солдатъ боевыхъ качествъ въ гораздо меньшей степени», и т. д. и т. д.

Исчисляя всѣ эти второстепенныя удобства оборонительной войны, г. Бліохъ упустилъ изъ виду нѣсколько огромныхъ ея неудобствъ: во-первыхъ, непріятельское вторженіе весьма дурно вліяетъ на общее настроеніе и производитъ массу всякихъ пертурбацій въ обычныхъ отправленіяхъ государственной и общественной жизни; во-вторыхъ, всѣ естественныя средства захваченной непріятелемъ территоріи не только уже потеряны для обороняющейся стороны, но поступаютъ прямо въ распоряженіе и пользу врага; въ-третьихъ, постигнутыя вторженіемъ области подвергаются раззоренію и опустошенію, тогда какъ земля непріятельская остается цѣлою и невредимою, причемъ спокойно, безъ торопливости и смущенія, организуетъ и посылаетъ подкрѣпленія по мѣрѣ надобности. Въ особенности неудачна и невѣрна ссылка г. Бліоха на Плевну. Дѣло не въ томъ, что Плевна хорошо оборонялась, а въ томъ, что она была взята, и хорошо, что мы съ самаго начала предприняли не оборонительную, а наступательную кампанію. Нѣтъ, ужъ если Нѣмцы такъ хорошо описываютъ выгоды оборонительнаго образа дѣйствій, то пусть они и держатся его въ будущей своей кампаніи, вопреки собственнымъ недавнимъ примѣрамъ.

То, что г. Бліохъ далѣе говоритъ о планѣ финансовыхъ операцій, который долженъ быть заранѣе выработанъ на случай войны — этотъ планъ можетъ быть подвергнутъ обсужденію людей компетентныхъ. Но самый главный недостатокъ статьи г. Бліоха заключается въ игнорированіи качествъ вооруженія и ихъ вліянія на будущія наши войны, то-есть, въ совершенномъ умолчаніи о необходимости развить собственные заводы и собственную технику. Точно также онъ совершенно молчитъ о той опасности, которою грозитъ намъ масса сплошныхъ нѣмецкихъ колоній въ случаѣ войны съ Германіей. А это такіе важные предметы, предъ которыми блѣднѣютъ всѣ цифры и всѣ соображенія г. Бліоха.

Но въ той же книгѣ «Русскаго Вѣстника» встрѣчаемъ оригинальныя разсужденія г. Татищева о послѣднемъ, весьма грустномъ, фазисѣ Болгарскаго вопроса. Онъ хотя и не говоритъ прямо, но довольно ясно намекаетъ на то, что для разрушенія направленныхъ противъ Россіи дипломатическихъ козней, она должна войти въ соглашеніе непосредственно

со Стамбуловымъ и компаніей. Такой совѣтъ показываетъ только упорство г. Татищева въ его заблужденіи: какъ и во время своей пресловутой поѣздки въ Софію, онъ все еще считаетъ компанію болгарскихъ палочниковъ самостоятельною политическою силой, а не простымъ и грубымъ орудіемъ въ рукахъ австро-германской политики. Переговоры съ этою шайкой были бы не только унизительны для Россіи, но и безполезны.

Вообще въ послѣдніе годы названный журналъ представляетъ довольно назидательный примѣръ того, какъ изданіе съ хорошимъ прошлымъ и строго патріотичнымъ направленіемъ, попавъ въ иную, менѣе благопріятную, среду и подъ иныя вліянія, постепенно утрачиваетъ прежній характеръ. Еще недавно этотъ журналъ ратовалъ за русскіе интересы и печаталъ въ высокой степени полезныя наблюденія г. Велицына надъ германскою колонизаціей въ юго-западной Россіи. А теперь замѣтны уже нѣкоторое охлажденіе къ этимъ интересамъ и переходъ къ инымъ воззрѣніямъ. Такъ, въ прошломъ году журналъ помѣстилъ цѣлый рядъ статей противъ покровительственной системы русской промышленности и въ защиту разорительнаго для насъ торговаго договора съ Германіей (№№ 3, 5, 11). А въ январьской книжкѣ текущаго года онъ, въ лицѣ г. Бѣлова, хотя и готовъ пожертвовать Сосновицами, но усердно отстаиваетъ Лодзинское отдѣленіе германской промышленности. Словомъ, обнаруживается явное наклоненіе въ сторону фритредерства, то-есть «Вѣстника Европы».

И рядомъ съ этимъ наклоненіемъ вдругъ является противоположная крайность. Такъ, въ своихъ историко-филологическихъ разсужденіяхъ, представляющихъ любопытную мозаику дѣльныхъ мыслей съ недѣльными, г. Розановъ договорился въ той же февральской книжкѣ до того, что можно назвать, если не совсѣмъ обскурантизмомъ, то чѣмъ-то довольно къ нему близкимъ.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько мыслей изъ статьи, озаглавленной «Сумерки просвѣщенія».

Г. Розановъ совѣтуетъ въ нашихъ школахъ, между прочимъ, отбросить историческіе учебники, съ ихъ простымъ русскимъ языкомъ, а воротиться къ «Синопсису» XVII вѣка, написанному неудобопонятною смѣсью церковно-славянскаго съ русскимъ. Эту смѣсь онъ находитъ «изложеніемъ строго культурнымъ» и даже художественнымъ, болѣе всего подходящимъ для «крестьянскаго воспитанія». Но если онъ говоритъ собственно о сельскихъ школахъ, то при чемъ тутъ укорительныя ссылки на мой учебникъ Русской исторіи, имѣвшій въ виду старшіе классы среднеучебныхъ заведеній?

Г. Розановъ полагаетъ, что Карамзинъ написалъ свою Русскую исторію, потому что учился по «Синопсису», а что читатели моего учебника «не раскроютъ ни одной книги по Русской исторіи». Во-первыхъ, объясненіе, почему Карамзинъ написалъ Русскую исторію, напоминаетъ простонародныя объясненія въ родѣ того, что земля покоится на трехъ китахъ. А во-вторыхъ, если теперь читающая публика не читаетъ собственно книгъ, то г. Розанову оказывается неизвѣстнымъ такое общеизвѣстное обстоятельство, какъ періодическая печать, почти убившая книгу, въ томъ числѣ и исторію Карамзина, болѣе не читаемую. Ему неизвѣстно, что въ Европѣ немного осталось людей которые, подобно Гладстону, еще борются съ наплывомъ газетнаго чтенія и продолжаютъ читать книги. У насъ обыкновенно получаютъ распространеніе среди читающей публики только тѣ книги, которыя усердно рекламируются все тою газетною прессою. Да и самъ г. Розановъ не представляетъ исключенія изъ общаго правила: онъ, повидимому, читалъ нѣкоторыя страницы моего учебника; но совсѣмъ не знакомъ съ моимъ главнымъ трудомъ, то-есть съ нѣсколькими томами моей «Исторіи Россіи», чему даетъ ясныя доказательства въ своихъ журнальныхъ трактатахъ, претендующихъ на историко-философское значеніе. Затѣмъ, при своей явной непріязни къ среднему и высшему образованію, г. Розановъ, очевидно, не въ состояніи вполнѣ уразумѣть и оцѣнить заслугу г. Рачинскаго, хотя и много о ней толкуетъ. Ему бы слѣдовало прежде всего задать себѣ вопросъ: не высшее ли европейское образованіе и было главнымъ двигателемъ въ подвигѣ г. Рачинскаго?

28 февраля.

Типичный представитель современной петербургской интеллигенціи и печати *).

Переименованіе Дерпта и Динабурга въ Юрьевъ и Двинскъ, само собою разумѣется, вызвало вопросъ о переименованіи нашего главнаго города, то-есть Петербурга, котораго нѣмецкое названіе доселѣ рѣжетъ русское ухо. Предлагаются разные способы сего переименованія, какъ-то: *Петроградъ*, *Петрославъ* и *Петровскъ*; можемъ прибавить еще варіанты: *Петрополь*, *Свято-Петровскъ* и *Петровъ-Городъ* (если не нравится слово «градъ»). Но для меня собственно любопытно было наблюдать, какъ отнеслось большинство петербургскихъ органовъ къ подоб-

*) „Московскія Вѣдомости". 1893. № 71.

ному переименованію. По обыкновенію, они или промолчали, или нашли его неудобнымъ. И тутъ сказался ихъ трогательный консерватизмъ по отношенію ко всякому не-русскому или антирусскому факту. Если уже одно переименованіе не встрѣчаетъ въ нихъ сочувствія, то нечего и говорить о перенесеніи столицы въ болѣе центральный и національный пунктъ, въ Москву. Противъ такого переноса петербургская печать несомнѣнно будетъ стоять усердно и единодушно: ибо для нея первой этотъ переносъ оказался бы крайне неудобенъ и рискованъ.

Съ своей стороны въ настоящее время я никакого переноса столицы не проповѣдую, а позволяю себѣ говорить только о необходимости усилить и укрѣпить въ ней національное направленіе. Эта реформа, конечно, должна начаться сознаніемъ своихъ грѣховъ передъ Русскимъ народомъ, то-есть покаяніемъ со стороны большинства столичной интеллигенціи и печати. Но, увы, и на такой шагъ она едва ли способна, какъ это ясно показали ея послѣдніе толки о великихъ своихъ заслугахъ предъ отечествомъ и высокихъ преимуществахъ Петербурга сравнительно съ Москвой, — толки, отчасти встрѣчавшіеся и прежде, а отчасти вызываемые вопросомъ о переносѣ столицы. Присемъ по адресу Москвы обыкновенно высказываются упреки въ косности, отсталости, неумѣньи самой защитить себя отъ наплыва Евреевъ или Нѣмцевъ и т. п. Но забывается главное: Москва не есть какая-либо самостоятельная, независимая сила; какъ и всякій другой городъ, она вполнѣ находится во власти Петербурга, а потому и за всякое крупное явленіе, совершающееся въ Россіи, отвѣтственъ предъ исторіей, въ томъ или другомъ смыслѣ, прежде всего Петербургъ. И въ сферѣ культурной или образовательной Москва состоитъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ сѣверной столицы и во многомъ идетъ по ея стопамъ.

Древняя Москва выполнила свои историческія задачи: она освободила Россію отъ татарскаго ига, объединила ее, выработала плотное, могучее ядро Русской народности, въ неразрывной связи съ Православною Церковью и неограниченною Царскою властью. Получивъ отъ Москвы такое богатое наслѣдіе, Петербургъ взялъ на себя пересадить въ Россію европейскую культуру, докончить объединеніе русскихъ областей, расширить государственную территорію до ея естественныхъ предѣловъ и обрусить ея окраины. Исполнилъ ли онъ эти задачи? Да, отчасти исполнилъ, но еще слишкомъ далекъ отъ ихъ окончанія. Собственно исполненною можно считать только задачу относительно территоріи. Съ этой стороны намъ желать болѣе почти нечего. Но другія стороны?

По поводу сихъ вопросовъ любопытно взглянуть, какъ къ нимъ относятся представители петербургской интеллигенціи и печати современной намъ формаціи. Однимъ изъ самыхъ типичныхъ ея представителей является г. Пыпинъ въ его безконечныхъ критико-историко-философическо-соціально-публицистическихъ трактатахъ, которыми онъ издавна наводняетъ «Вѣстникъ Европы»,—тоже характерный образецъ того обширнаго отдѣла петербургской печати, который можетъ быть названъ псевдо-прогрессивнымъ или точнѣе антинаціональнымъ.

Предъ нами четыре тома, заключающіе въ себѣ сборникъ статей г. Пыпина по изученію народности, окончившійся печатаніемъ въ прошломъ 1892 году и озаглавленный «Исторія Русской Этнографіи». Изъ сей Исторіи собственно о движеніи и состояніи русской этнографіи вы узнаете не особенно много, и по этой части встрѣтите большіе пробѣлы. За то прочтете тенденціозныя біографіи и характеристики многихъ администраторовъ, учёныхъ, писателей, имѣвшихъ хотя бы очень далекое отношеніе къ русской этнографіи, начиная съ Петра Великаго, Ломоносова, Тредьяковскаго и юриста Десницкаго, и кончая Пушкинымъ, Добролюбовымъ, Успенскимъ, Златовратскимъ, Рѣшетниковымъ, гр. Толстымъ и т. д. Но болѣе всего найдете здѣсь публицистики. Авторъ усердно защищаетъ реформу Петра отъ какихъ-то опасныхъ враговъ ея (разумѣй кучку славянофиловъ, уже отошедшихъ въ вѣчность) и европейскую науку отъ воображаемыхъ ея противниковъ. Онъ много толкуетъ о пробужденіи національнаго самосознанія, и тутъ же рядомъ бранитъ всякаго непреклонявшагося предъ нѣмецкими притязаніями. Словомъ, фразы о развитіи національной идеи у сего этнографа-публициста какъ-то мирно уживаются съ его явными антинаціональными тенденціями. Да оно и понятно, если взять въ разсчетъ, что онъ совсѣмъ не потрудился надъ вопросами: что такое національность, какое ея значеніе въ исторіи человѣчества и въ чемъ собственно заключается идея русской національности? При такомъ поверхностномъ quasi-научномъ отношеніи къ исторіи, не представляется никакой трудности нагромождать факты, лица, цитаты и самыя противорѣчивыя сужденія. Въ концѣ концовъ раждаются вопросы: причемъ же тутъ собственно этнографическая наука? Гдѣ ея задачи и предѣлы? И какое ея отношеніе къ другимъ наукамъ? На эти вопросы вы не найдете удовлетворительныхъ отвѣтовъ у автора «Исторіи Русской Этнографіи».

Собственно говоря, подъ этимъ заглавіемъ г. Пыпинъ пытается въ нѣкоторомъ родѣ изобразить намъ чуть ли не исторію русскаго просвѣщенія съ начала XVIII вѣка до нашихъ дней. Но тутъ опять мы натал-

киваемся на слѣдующій неизбѣжный вопросъ, который, однако, не пришелъ въ голову автору и его многочисленнымъ единомышленникамъ.

Непріязненно относясь къ Московской Руси, то-есть совсѣмъ не понимая ея историческаго значенія, г. Пыпинъ, какъ я сказалъ, усердно защищаетъ Петровскую реформу въ смыслѣ насажденія европейской культуры; противъ чего едва ли раздаются у насъ какіе-либо серьезные голоса. Затѣмъ изъ его изложенія вытекаетъ, что дальнѣйшій ходъ Петербургскаго періода совершался правильно, то-есть европейская культура и наука все насаждались и постепенно у насъ прививались, и если съ Нѣмцами кто-либо, въ родѣ Ломоносова, боролся за національную идею, то обыкновенно былъ не правъ. Хорошо. Но черезъ десять лѣтъ Петербургъ будетъ праздновать свой 200-лѣтній юбилей. Отъ начала же реформы двухсотлѣтіе уже исполнилось. Неужели Русскій народъ такъ обиженъ Богомъ и судьбой, такъ оказался неспособенъ къ европейской культурѣ, что въ теченіе 200 лѣтъ не могъ догнать своихъ сосѣдей на этомъ пути? Я полагаю, что Русскій народъ не только не обиженъ, а напротивъ, очень даровитъ. Стало-быть, не способности его виноваты, а что-либо другое.

Это другое есть, конечно, недостатокъ именно послѣдовательнаго неуклоннаго національнаго направленія, того самаго направленія, противъ котораго такъ усердно всегда боролись «Вѣстникъ Европы» и его главный сотрудникъ г. Пыпинъ, типичнѣйшіе продукты экзотической петербургской культуры и печати. Они и доселѣ не понимаютъ, что корень дѣйствительнаго, а не наружнаго только прогресса прежде всего заключается въ строго національномъ направленіи, политическомъ и экономическомъ; что нѣмецкое вліяніе если въ началѣ какъ будто способствовало насажденію европейской культуры, то въ послѣдствіи явилось дѣйствительно не малою для него задержкой и отклоняло насъ отъ задачъ, завѣщанныхъ Петромъ. Вотъ почему къ концу даннаго періода и дѣлались возможными такія явленія, какъ флотъ, отчужденный отъ собственнаго кораблестроенія, артиллерія, несвязанная тѣсно съ домашнимъ изготовленіемъ пушекъ, земледѣліе, не опирающееся на собственныя усовершенствованныя орудія и машины, мануфактура безъ собственныхъ химическихъ матеріаловъ, желѣзныя дороги безъ собственныхъ рельсовъ и вагоновъ, лѣсоистребленіе и привозный каменный уголь, при громадныхъ его залежахъ у себя дома, и т. п. Разумѣется, если мы стали покупать все готовое вмѣсто того, чтобы развивать собственное производство и собственную технику, то наша отсталость въ культурѣ вполнѣ естественна, несмотря на двухсотлѣтнюю давность Петровской

реформы. А такъ какъ недостатокъ въ покровительствѣ національной промышленности и фритредерскія тенденціи явились въ непосредственной связи съ нѣмецкимъ вліяніемъ Петербургскаго періода, то ясно отсюда, что это вліяніе было значительнымъ тормазомъ въ усвоеніи нами европейской культуры. Точно также и всѣ органы петербургской печати, поддерживающіе эти тенденціи и съ особою наглядностію выдвинувшіе ихъ въ послѣднее время по поводу пресловутаго домогательства Германіи, суть прямые враги водворенія европейской культуры въ Россіи.

Поелику въ Москвѣ имѣется значительное отдѣленіе петербургской интеллигенціи и печати, то и здѣсь это домогательство нашло себѣ ревностныхъ поборниковъ. Между прочимъ, одинъ университетскій приватъ-доцентъ, питомецъ петербургской ученой коллегіи, награжденный ею за свою плохую диссертацію степенью магистра исторіи (г. Безобразовъ), недавно прочелъ публичную лекцію, въ которой доказывалъ, что главное назначеніе образованныхъ русскихъ женщинъ, это—идти въ деревню и учить русскихъ крестьянъ земледѣлію! Такое курьезное открытіе, конечно, находится въ связи съ подобнымъ же открытіемъ петербургской печати, которая, по нѣмецкому внушенію, увѣряетъ насъ, что Россія есть страна исключительно земледѣльческая и навсегда должна остаться на сей примитивной ступени.

То же нѣмецкое вліяніе Петербургскаго періода, поддержанное большинствомъ петербургской интеллигенціи и чиновничества, явилось главнымъ тормазомъ въ обрусеніи западныхъ окраинъ и виновникомъ совершеннаго отчужденія такихъ областей, какъ Финляндія. (Разумѣю нѣмецкое вліяніе вообще, балтійское въ частности).

Благодареніе Богу, при томъ отрадномъ поворотѣ высшей политики, который въ настоящее время переживаемъ, мы наконецъ можемъ прямо указывать на корни нашей культурной отсталости и на истинные тормазы нашего національнаго развитія.

8 марта.

Нѣкоторыя историческія справки и сравненія *).

Старая Москва строила Русское государство основательно и прочно. Что было пріобрѣтено русскою кровью, не только присоединялось къ государственной территоріи, но и усвоивалось русской народности. Москов-

*) „Москов. Вѣд.“ 1893. № 74.

скіе государственные люди и книжники не блестѣли поверхностнымъ европейскимъ образованіемъ; но ихъ здравый смыслъ не поддавался никакимъ политическимъ или экономическимъ софизмамъ; никакая эластичная теорія равнаго подданства или свободнаго обмѣна цѣнностей не могла сбить ихъ съ толку. Разъ что было пріобрѣтено, то принадлежало намъ не номинально, а дѣйствительно, и могло быть отчуждаемо у русской народности только жребіемъ войны; никакія иноземныя или инородческія интриги, никакая игра въ политическое великодушіе не могли имѣть рѣшающаго значенія въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ.

Въ іюлѣ 1558 года Русскіе завоевали Дерптъ, которому немедленно возвратили его старое имя Юрьева; а въ февралѣ 1582 года они должны были его очистить, вслѣдствіе неудачной войны со Стефаномъ Баторіемъ. И въ эти двадцать четыре года Юрьевъ Ливонскій успѣлъ обрусѣть болѣе чѣмъ потомъ въ теченіе безъ малаго двухъ столѣтій, то-есть со времени завоеванія его Петромъ Великимъ до нашихъ дней.

Еще поучительнѣе судьба другого пункта сѣверозападной окраины.

На западной сторонѣ Ладожскаго озера лежитъ городъ Кексгольмъ, извѣстный у насъ подъ своимъ шведскимъ именемъ; а древне-русское его названіе было *Корела*. Этотъ городъ, переходившій то въ русскія, то въ шведскія руки, въ концѣ XVI вѣка утвержденъ былъ за Москвой. Наступила Смутная эпоха. Царь Василій Шуйскій искалъ помощи у шведскаго короля Карла IX и, по договору, заключенному съ нимъ, за эту помощь обязался уступить Шведамъ городъ Корелу съ уѣздомъ, то-есть съ западнымъ прибрежьемъ Ладожскаго озера. Шведскій наемный отрядъ, подъ начальствомъ генерала Делагарди, дѣйствительно соединился съ сѣвернорусскимъ ополченіемъ и помогъ Москвѣ освободиться отъ осады ея Тушинскимъ воромъ. Однако, напрасно Шведы настойчиво требовали передачи имъ Корелы. Московское правительство ссылалось на разныя нарушенія договора со стороны Шведовъ, на неполное очищеніе земли отъ воровъ, и, несмотря на критическое состояніе государства при начавшейся тогда войнѣ съ Сигизмундомъ III, все еще не хотѣло урѣзать свою сѣверозападную окраину. Василій Шуйскій былъ сверженъ; наступило междуцарствіе; но временное боярское правительство не соглашалось отдать городъ и уѣздъ Шведамъ, послѣ ихъ измѣны въ Клушинской битвѣ. Наконецъ, въ 1611 году въ бѣдственную эпоху Московскаго разоренія, Корела, предоставленная собственнымъ средствамъ, послѣ долгой и мужественной обороны, была взята силой оружія. Вотъ какъ строго охраняла Москва свои области, не взирая ни на какія трудныя обстоятельства! Нечего говорить о томъ, что Корела, когда попа-

дала въ московскія руки, то становилась русскимъ городомъ, не только de jure, но и de facto.

При Петрѣ Корельскій уѣздъ вновь былъ отвоеванъ вмѣстѣ съ Выборгскимъ. При Елизаветѣ отвоевана еще часть Финляндіи, до рѣки Кюменя, и эти двѣ части составили Выборгскую губернію, которая быстро начала русѣть. А при Александрѣ I, когда была завоевана и остальная Финляндія, она составила какъ бы отдѣльное отъ Россіи автономное княжество, включая сюда и Выборгскую губернію; при чемъ ей отдана значительная часть Ладожскаго озера, съ православнымъ Валаамскимъ монастыремъ въ добавокъ. Это, небывалое въ лѣтописяхъ всемірной исторіи, добровольное отчужденіе завоеваннаго края совершилось въ эпоху сильнѣйшаго нѣмецкаго вліянія въ Петербургѣ; да только симъ вліяніемъ и можетъ быть объяснено. Извѣстно, что съ того времени финляндскіе сепаратисты употребили энергическія усилія, чтобы истребить русскіе элементы въ Выборгской губерніи вообще и въ Кексгольмскомъ уѣздѣ въ особенности; что имъ и удалось вполнѣ, при помощи вліятельныхъ столичныхъ сферъ.

Наша сѣверная столица, очутившаяся географически между двумя сепаратизмами, Балтійскимъ и Финляндскимъ, подпала ощутительному ихъ вліянію, и это обстоятельство замѣтно отразилось на ходѣ внѣшней и внутренней политики. Вездѣ, во всѣхъ государствахъ міра столица служитъ обыкновенно центромъ національнаго или патріотическаго направленія, фокусомъ народныхъ и государственныхъ интересовъ, моральныхъ и матеріальныхъ. А наша столичная интеллигенція и чиновничество, изъ своего прорубленнаго въ Европу окна, равнодушнымъ окомъ взираютъ на судьбы отечества и на взаимныя отношенія частей государства, нерѣдко оказывая явное предпочтеніе инородческимъ окраинамъ и ставя ихъ въ привилегированное положеніе сравнительно съ коренными русскими областями. Россія для инородцевъ и иноземцевъ! — вотъ ихъ лозунгъ. Этотъ свой лозунгъ большинство петербургской печати недавно очень наглядно обнаружило предъ нами, когда изъ глубины Екатеринославской губерніи раздался патріотическій вопль русскаго дворянства противъ иноземнаго и крайне опаснаго захвата территоріи, невозможнаго ни въ какой истинно-европейской странѣ. А между тѣмъ именно хлыщеватое большинство петербургской интеллигенціи и чиновничества воображаетъ себя главнымъ представителемъ европеизма въ Россіи!

Изъ сказаннаго ясно вытекаетъ, какимъ контрастомъ является это, пропитанное тлетворнымъ нѣмецкимъ вліяніемъ большинство, рядомъ съ патріотическими намѣреніями и начинаніями высшей правительственной

власти, которая сознаетъ великія опасности, грозящія государственному кораблю отъ иноземныхъ подводныхъ скалъ и инородческихъ мелей и постепенно вводитъ его въ русло русскихъ интересовъ и національнаго направленія. Но, оказывается, какую еще массу энергіи надобно истратить для того, чтобы побороть, съ одной стороны, упорное противодѣйствіе инородческихъ элементовъ, а съ другой—застарѣлую косность и халатное отношеніе къ русскому дѣлу самой quasi-русской интеллигенціи и чиновничества.

Эти господа способны только разъѣзжать на русскія деньги по всемірнымъ выставкамъ и сочинять панегирики тѣмъ чудесамъ промышленности, которыя производятъ культурныя страны. А дома у себя они являются первыми тормазами тому, чтобы даровитый Русскій народъ могъ правильно развиваться и выступить достойнымъ участникомъ въ міровой культурной конкурренціи. Недурною иллюстраціей къ подобнымъ тормазамъ можетъ послужить недавній фактъ изъ области судостроенія. Извѣстно, что техника военно-морскаго кораблестроенія не можетъ развиваться безъ участія коммерческаго. Какъ-то, по поводу якобы радостныхъ телеграммъ о спускѣ парохода «Ярославль», построеннаго въ Англіи по заказу Общества Добровольнаго Флота, мы выражали свое сѣтованіе. Въ отвѣтъ на это сѣтованіе, и какъ бы въ утѣшеніе, спустя нѣсколько дней, опять появилась телеграмма изъ Думбартона о томъ, что Петербургское Общество Добровольнаго Флота заказало тамъ еще новый корабль, подъ названіемъ «Тамбовъ»!

Возвращаясь къ параллели между политикой Московскаго и Петербургскаго періодовъ, приведу слѣдующее наглядное сравненіе. Старая Москва, еслибъ имѣла въ своемъ распоряженіи балтійскихъ Нѣмцевъ, то воспользовалась бы ими когда и гдѣ было кстати, но никакъ не во вредъ національнымъ интересамъ, и особенно осторожно отнеслась бы она къ назначенію Балтовъ-администраторовъ. Такъ, она еще могла допустить ихъ, напримѣръ, въ Пензенской или Владимірской губерніи, но никакъ не въ Волынской, Екатеринославской или вообще такой губерніи, въ которой существуетъ нѣмецкій вопросъ, — при томъ въ самой острой, самой опасной для государства формѣ,—и изъ которой раздаются вопли русскаго дворянства. Служилые чины старой Москвы могутъ быть обвиняемы въ какихъ угодно недостаткахъ, но только не въ отношеніи вѣрности и усердія къ Государеву дѣлу, которое они исполняли «не щадя своего живота». А Государево дѣло на окраинахъ тогда не отдѣлялось отъ *русскаго дѣла*.

Въ заключеніе напомню читателямъ тоже одного изъ типичныхъ

представителей петербургской интеллигенціи и печати, именно поэта Некрасова, по поводу тѣхъ его стихотвореній, въ которыхъ онъ является мнимымъ печальникомъ за Русскій народъ. Любопытно, что г. Пыпинъ въ своей «Исторіи Русской Этнографіи» (о ней я говорилъ въ прошломъ письмѣ) отвелъ цѣлый отдѣлъ подобнымъ писателямъ—«народникамъ»; но именно въ этотъ отдѣлъ онъ не помѣстилъ Некрасова и, со свойственною ему непослѣдовательностію, не далъ его характеристики. Я укажу только на одно стихотвореніе, озаглавленное «Кому на Руси жить хорошо?» Задавъ себѣ этотъ вопросъ, покойный народникъ сначала разсуждаетъ, какъ будто и дѣльно; но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе слышится фальшивыхъ нотъ, а кончаетъ онъ какимъ-то сумбурнымъ, отвлеченнымъ разглагольствіемъ о хмѣлѣ. Между тѣмъ, еслибы Некрасовъ дѣйствительно любилъ Русскій народъ и еслибъ имѣлъ несомнѣнное поэтическое чутье, то, принимая въ расчетъ, что онъ писалъ въ эпоху, когда вліяніе и благополучіе Нѣмцевъ въ Россіи достигли своего апогея, можемъ только удивляться его недогадливости. Отвѣтъ на данный вопросъ напрашивался ему самъ собою: *нарочито хорошо живется на Руси Нѣмцу.*

14 марта.

Насущныя государственныя нужды и лже-патріотичный органъ печати*).

Боже мой, какъ европейская техника, а съ нею и культура зашагали впередъ! Приходится все читать о новыхъ и новыхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, имѣющихъ оказать огромное вліяніе на дальнѣйшія судьбы народовъ; особенно это надобно сказать о техническихъ успѣхахъ послѣдней эпохи въ сферѣ военнаго искусства. Такимъ образомъ, разстояніе между прогрессирующими культурными народами и отставшими отъ нихъ постепенно увеличивается, и борьба послѣднихъ съ первыми становится все труднѣе; ибо техническіе успѣхи военнаго искусства не совершаются отдѣльно отъ общаго развитія техники и промышленности, а напротивъ, находятся въ полной отъ него зависимости.

И вотъ, рядомъ съ сими извѣстіями, нерѣдко приходится читать сообщенія другого рода. Возьмемъ хотя бы сегодняшнія телеграммы. Во-первыхъ, въ числѣ конкуррентовъ на полученіе концессіи на Лодзинскую круговую дорогу, на ряду съ товариществомъ московскимъ, выступаютъ лодзинскіе капиталисты и правленія Привислянскихъ желѣзныхъ дорогъ;

*) „Москов. Вѣд.“ 1893. № 84.

по каковому вопросу учреждена спеціальная комиссія. Во-вторыхъ, въ Англіи заказаны два парохода и одна баржа для ихъ топки; пароходы имѣютъ своимъ назначеніемъ доставку матеріаловъ къ устью Енисея и вверхъ по Енисею (конечно, для будущей Сибирской дороги). Читающая публика, по всей вѣроятности, наскоро пробѣжитъ эти двѣ телеграммы и остановится на другихъ, болѣе интересныхъ, особенно на новой перемѣнѣ министерства во Франціи. Но человѣкъ, которому дороги интересы отечества, и который привыкъ отыскивать истинный смыслъ подобныхъ извѣстій, найдетъ ихъ очень краснорѣчивыми. Изъ первой телеграммы онъ усмотритъ, что лодзинское отдѣленіе германской промышленности въ Россіи не только не собирается ликвидировать свои дѣла, а напротивъ, надѣется еще болѣе упрочиться и еще сильнѣе подрывать коренную русскую промышленность. Вторая же телеграмма возбуждаетъ прямо слѣдующій вопросъ: да существуетъ ли въ Россіи вообще коммерческо-морское судостроеніе, или его совсѣмъ нѣтъ? Почему же подобные пароходы не могутъ быть построены, напримѣръ, въ Архангельскѣ? А наконецъ, для чего же собственно Петръ Великій съ топоромъ въ рукахъ работалъ на Саардамской верфи и потомъ созидалъ флоты, если спустя 200 лѣтъ послѣ него, мы свои карабли заказываемъ въ Англіи. Стало-быть, въ этомъ отношеніи, сравнительно съ Европой, въ концѣ двухсотлѣтняго Петербургскаго періода мы находимся въ болѣе отсталомъ положеніи чѣмъ были при кончинѣ Петра Великаго? А если мы такъ отстали въ техникѣ и промышленности, то какими же средствами будемъ защищать свою самобытность и свое значеніе великой державы въ предстоящей и неизбѣжной борьбѣ съ западными сосѣдями, въ борьбѣ, которую можно болѣе или менѣе отсрочить, но избѣжать которой невозможно. Положимъ, Русскій народъ могучъ и исполнитъ свой долгъ; но чтобъ отстоять себя онъ долженъ будетъ поплатиться лишней утратой многихъ сотенъ тысячъ жизней въ борьбѣ съ сосѣдями, стоящими на высотѣ всѣхъ техническихъ усовершенствованій и всѣхъ новѣйшихъ машинныхъ приспособленій!

Отъ массы публики нельзя, конечно, ожидать чтобы, при чтеніи мелкихъ ежедневныхъ извѣстій, ей сами собой представлялись подобныя соображенія. Но для меня-то эти истины вѣдь ясны какъ Божій день; а потому я буду говорить и повторять что положеніе, дѣлъ серьезное, очень серьезное, и что всякій истинно Русскій человѣкъ долженъ всѣми силами поддерживать и помогать благимъ начинаніямъ высшаго правительства при его поворотѣ на путь строго національной политики. Въ этой политикѣ, въ освобожденіи ея отъ тлетворнаго нѣмецкаго вліянія,

кроется вся суть дѣла и разрѣшеніе всѣхъ тѣхъ затрудненій и препятствій, которыя мы испытываемъ; только она одна и можетъ двинуть впередъ такіе настоятельные и громадной важности вопросы, какъ прочное, самобытное развитіе національной промышленности и обрусеніе западныхъ окраинъ отъ береговъ Торнео до береговъ Прута. Безъ этихъ двухъ условій мы рискуемъ рано или поздно быть отброшенными не только за Днѣпръ, но и за Волгу.

Свою рѣчь я обращаю, конечно, къ общественнымъ и государственнымъ дѣятелямъ, сознающимъ свою великую отвѣтственность предъ отечествомъ и не руководящимся изреченіемъ aprés nous le deluge. А съ какою враждой отнесутся къ моей рѣчи дѣятели противоположнаго направленія, въ томъ я не сомнѣвался ни минуты.

Въ послѣднихъ своихъ письмахъ я указалъ на хлыщеватое большинство столичной интеллигенціи и печати, которое своимъ или антирусскимъ направленіемъ, или просто тупымъ равнодушіемъ къ русскимъ интересамъ заняло самое видное мѣсто въ числѣ главныхъ тормазовъ нашего національнаго развитія. Одинъ изъ сего большинства очевидно призналъ себя его дѣйствительнымъ членомъ и поспѣшилъ откликнуться чѣмъ-то вродѣ протестаціи противъ моихъ писемъ. Говорю о князѣ Мещерскомъ, издателѣ «Гражданина». Его безцеремонное обращеніе по моему адресу (въ № 77) даетъ и мнѣ свободу сказать нѣсколько словъ по его адресу.

Означенная протестація съ замѣчательною наглядностью отразила въ себѣ всѣ главныя качества сего столичнаго quasi-публициста; то-есть: болѣе чѣмъ легкомысленное отношеніе къ важнымъ государственнымъ вопросамъ, полное отсутствіе логики, самый беззастѣнчивый апломбъ и замѣчательное политическое невѣжество. Начать съ того, что никакихъ настоящихъ затрудненій и вопросовъ онъ не знаетъ. Вопіющая нужда въ покровительствѣ чисто русской промышленности, опасности грозящія отъ вторженія германской промышленности въ наши предѣлы, вторженія, уже совершившагося, и отъ торговаго договора, котораго Германія настойчиво теперь добивается, тяжкія для національнаго чувства финляндскія привилегіи, дерзкій и сплошной захватъ Нѣмцами земель въ юго-западныхъ губерніяхъ, заполоненіе ими промышленныхъ и финансовыхъ сферъ не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ,—все это факты для князя Мещерскаго или не существующіе, или крайне маловажные. Чтобы можно было серьезно заботиться о будущности Россіи, что надобно предупреждать политическія бѣдствія,—такія истины недоступны его пониманію. Что покойный М. Н. Катковъ выступилъ

борцомъ за русскую государственность *во время* польскаго мятежа— это для него еще понятно. Онъ забылъ прибавить, что обсужденіе политическихъ вопросовъ въ печати началось у насъ *послѣ* Севастопольскаго погрома. Отсюда, по его умозаключенію, выходитъ, что вотъ молъ когда совершится какое-либо возстаніе, или какой погромъ, ну, тогда и разсуждайте о нихъ; а теперь надо говорить, что все обстоитъ благополучно и все преуспѣваетъ, какъ это говорилось до Севастопольскаго погрома. Совершенно не понимаетъ князь Мещерскій никакихъ историческихъ параллелей, и на мои указанія строго національнаго, государственнаго направленія старой Москвы отвѣчаетъ, что съ Петербургомъ связаны имена Суворова, Карамзина, Николая I, Пушкина, Лермонтова, графа Киселева и графа Канкрина. Прошу отыскать тутъ хотя какую-нибудь логику. Точно также не имѣетъ никакого смысла его попрекъ Москвѣ самозванцами. Она допустила въ свои стѣны только перваго Лжедимитрія, потому что считала его подлиннымъ (каковая подлинность и донынѣ находитъ защитниковъ), но тотчасъ покончила съ нимъ, когда онъ сталъ вести себя не по-русски и обнаружилъ не русскія симпатіи. Петербургскій періодъ тоже имѣлъ своего Пугачова. (Имѣлъ еще и Бирона). Вообще князь Мещерскій ужъ оставилъ бы исторію-то въ покоѣ. Дѣло въ томъ, что исторія составляетъ самую больную сторону въ публицистикѣ князя Мещерскаго: онъ знакомъ съ ней развѣ по-наслышкѣ, и потому относится враждебно ко всякой исторической точкѣ зрѣнія. Слыхалъ онъ о существованіи моего учебника Русской исторіи и, конечно, не преминулъ мимоходомъ его лягнуть. Но, право, лучше бы онъ сдѣлалъ, если бы, вспомнивъ, что учиться никогда не поздно, взялъ бы да и проштудировалъ хотя бы мои учебники. Многое сдѣлалось бы тогда доступнѣе его пониманію; ибо его политическое невѣдѣніе, очевидно, происходитъ отъ крайняго недостатка исторической подготовки. Впрочемъ, заранѣе можно сказать, что совѣтъ мой упадетъ на безплодную почву. А потому, когда я исполню свое намѣреніе поговорить о тѣсной связи національнаго направленія съ упадкомъ или подъемомъ общественнаго духа, съ происходящимъ отсюда патріотичнымъ или антипатріотичнымъ настроеніемъ и съ другими явленіями, то полагаю, что это будетъ для князя Мещерскаго то же, что китайская грамота для вашего покорнѣйшаго уги.

Не могу похвалиться тѣмъ, что постоянно слѣжу за «Гражданиномъ»; о когда бываю въ клубѣ, то иногда его просматриваю, и большею астью выношу впечатлѣніе какой-то праздной, безпринципной и халатй болтовни; нахожу явное отсутствіе сколько-нибудь прочныхъ, опре-

дѣленныхъ политическихъ убѣжденій (все по тому же недостатку исторической подготовки). Какъ можно при такомъ условіи браться за изданіе политической газеты, я, въ свою очередь, не могу понять. Попадаю иногда и на курьезы, въ родѣ слѣдующаго. Сравниваетъ, напримѣръ, князь Мещерскій двѣ оперы, итальянскую и русскую, и замѣчаетъ: я, молъ, хотя и патріотъ, но предпочитаю итальянскую; послѣ нея какъ-то и самъ запоешь, а послѣ русской только зѣваешь. Размышленіе вполнѣ достойное какого-либо петербургскаго прожигателя жизни. Но суть-то курьеза здѣсь заключается въ томъ что издатель «Гражданина» самъ выдаетъ себя за русскаго патріота! И выдаетъ въ то именно время, когда онъ является поборникомъ Нѣмцевъ, нагло захватывающихъ русскую территорію. Вотъ какіе публицисты живутъ и пишутъ въ нашей сѣверной столицѣ, да еще мнятъ руководить русскимъ общественнымъ мнѣніемъ!

21 марта.

Политическій нигилизмъ столичной печати *).

Недавно одна петербургская газета, говоря о моей исторической параллели между старою Москвой и Петербургомъ, замѣтила, что въ ней заключается горькая правда, но что выражена она очень рѣзко. Замѣчаніе вѣрное, но требующее съ моей стороны нѣкоторой оговорки. Эта рѣзкость въ данномъ случаѣ естественна и необходима. Возможно ли мягкимъ, благодушнымъ словомъ подѣйствовать на хлыщеватую, антинаціональную часть петербургской интеллигенціи, печати и чиновничества? Нѣтъ, еслибъ у меня въ рукахъ было не перо, а бичъ, сплетенный изъ скорпіоновъ, напоминающій древнихъ эвменидъ, и тогда было бы трудно пробрать застарѣлую косность и недобросовѣстность этой многоглавой гидры.

Къ сожалѣнію, и сама упомянутая газета въ данномъ случаѣ не представляетъ образца послѣдовательности и устойчивости. Сегодня она какъ будто согласилась съ вами по вопросу о необходимости строго-національной политики, а завтра снова начинаетъ ратовать за нѣмецкіе захваты въ Россіи и повторять, что нельзя же противъ нихъ издавать драконовскіе законы. Подъ сими законами, конечно, разумѣется всякое ограниченіе Нѣмцевъ извѣстными предѣлами ихъ количества и дѣятель-

---

*) „Москов. Вѣдом.“ 1893, № 86.

ности въ Россіи, всякое обезвреживаніе ихъ въ политическомъ и экономическомъ отношеніи.

По мнѣнію нѣкоторыхъ столичныхъ органовъ печати, Русскіе должны у себя дома (!) бороться съ Нѣмцами посредствомъ культуры, а не правительственныхъ мѣръ, и если въ этой борьбѣ мы окажемся слабѣе, Нѣмцы въ этомъ не виноваты. Наивность и легкомысліе подобныхъ умозаключеній просто поразительны. Что культура германская гораздо развитѣе нашей, и что въ концѣ двухсотлѣтняго Петербургскаго періода мы остаемся далеко назади, — о томъ вопроса быть не можетъ. Сталобытъ, Русскому народу приходится, по этой логикѣ, или уходить въ Азію, или смиренно склонить свою выю подъ нѣмецкое ярмо? Развѣ у передовыхъ народовъ, и прежде всего у Нѣмцевъ, ихъ культура развивалась безъ усердной правительственной охраны ото всякой иноземной помѣхи и эксплуатаціи? Нигдѣ въ Еропѣ правительство не отдѣляетъ своихъ интересовъ отъ интересовъ своего народа, и только петербургскіе публицисты способны проповѣдывать, чтобы Русское правительство равнодушно смотрѣло, какъ Нѣмцы мирнымъ путемъ захватываютъ въ свои руки наши финансы, наши земли, наши торговлю и промышленность, и такимъ образомъ безпрепятственно подготовляютъ полный разгромъ русской государственности и народности, когда наступитъ для того удобная пора.

Удивительный политическій нигилизмъ, и неслыханное отсутствіе національнаго чувства въ этой столичной публицистикѣ!

Любопытно и вмѣстѣ прискорбно наблюдать безпримѣрную косность и отсутствіе русской энергіи тамъ, гдѣ прочно водворилось чуждое, и именно нѣмецкое, вліяніе. Какъ тридцать слишкомъ лѣтъ раздавались жалобы на прогрессивное обезлѣсеніе нашей страны, и нѣкоторыя мѣры стали приниматься только тогда, когда это обезлѣсеніе уже совершилось; такъ вотъ уже около тридцати лѣтъ мы слышимъ въ печати безплодные толки о пресловутомъ германскомъ Drang nach Osten. Этотъ Drang, воочію подвигаясь страшно быстрыми шагами, самымъ наглымъ образомъ дѣйствуетъ уже въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ, а большинство столичной печати старается устранить всякій русскій ему отпоръ и проповѣдуетъ бездѣйствіе власти, то-есть прямо государственную измѣну. «Россія для Нѣмцевъ»! — вотъ до какого лозунга договорилась эта печать, хотя и проводитъ его большею частію безсознательно, просто поддаваясь нѣмецкому вліянію, по своей халатности и легкомыслію.

И какое трогательное единодушіе въ семъ случаѣ обнаруживаютъ органы столь враждебные другъ другу по инымъ, гораздо менѣе важ-

нымъ, вопросамъ! Главнымъ ихъ аргументомъ, напримѣръ, въ пользу нѣмецкихъ земельныхъ захватовъ въ Екатеринославской губерніи, и противъ извѣстнаго дворянскаго ходатайства, служитъ то, что вѣдь сами же дворяне продаютъ свои земли Нѣмцамъ. Князь Мещерскій («Гражданинъ», № 83) признаетъ только одну мѣру для борьбы со зломъ: екатеринославское дворянское собраніе должно де сдѣлать *единогласное* постановленіе, чтобы никто изъ его дворянъ не смѣлъ продавать свои земли нѣмцамъ-колонистамъ подъ страхомъ большого штрафа и другихъ наказаній. Что это: нехитрый разсчетъ на чужую ограниченность, или яркое проявленіе своей собственной? Во-первыхъ, выставляя единогласіе какъ conditio sine qua non, нашъ quasi-публицистъ, самъ того не вѣдая, вводитъ къ намъ liberum veto, отъ котораго погибла Польша. А во-вторыхъ, развѣ наши губерніи — это какіе-то республиканскіе Соединенные Штаты, внутри самостоятельные и могущіе сами собой принимать важныя политическія мѣры? Огражденіе государства отъ нашествія иноплеменниковъ не есть дѣло одного сословія какой-либо губерніи; это, прежде всего, право и обязанность центральнаго правительства.

Еще курьезнѣе слѣдующій аргументъ, приводимый тутъ же въ защиту нѣмецкихъ захватовъ: безполезно будто бы правительству издавать запретительный указъ относительно покупки земель нѣмцами-колонистами, потому что его будутъ обходить посредствомъ подставныхъ лицъ. Издатель «Гражданина», конечно, не вѣдаетъ того, что подобный аргументъ давно употребляется фритредерами противъ покровительственной системы, которая вызываетъ де контрабанду; но развѣ это серьезный аргументъ? А затѣмъ утверждать, что постановленіе дворянскаго собранія у насъ есть болѣе дѣйствительная мѣра, чѣмъ указъ верховной Самодержавной власти, развѣ это не вопіющій политическій нигилизмъ, до котораго дошелъ князь Мещерскій въ своемъ ренегатскомъ усердіи къ нѣмецкимъ интересамъ въ Россіи?

Что же касается до продажи земли отдѣльными лицами, то я не могу раздѣлять мнѣніе сѣтующихъ на ту часть екатеринославскихъ дворянъ, которая поступаетъ непатріотично, продавая свои земли Нѣмцамъ за хорошую цѣну. Помилуйте, не только въ Екатеринославской, таковые охотники найдутся и въ Московской губерніи, когда до нея дойдетъ чередъ со стороны Нѣмцевъ. А, кажется, въ патріотизмѣ московскаго дворянства сомнѣваться трудно. Весьма характерное явленіе: тѣ именно столичные публицисты, которые сѣютъ въ умахъ политическій сумбуръ, а въ нѣмецкомъ вопросѣ прямо являются антипатріотами, отъ каждаго провинціала лицемѣрно требуютъ, чтобъ онъ былъ герой! Еще страннѣе

такое требованіе, предъявленное екатеринославскимъ землевладѣльцамъ, составъ которыхъ далеко невполнѣ русскій какъ по своей народности, такъ и по своимъ тенденціямъ. Вотъ, напримѣръ г. П. Синегубъ, который пишетъ въ «Гражданинѣ» (№ 82) и распинается за нѣмцевъ-колонистовъ, увѣряя, что они христіане, хорошіе земледѣльцы, въ штундѣ неповинны, присяги никогда не измѣняютъ, крестьянъ русскихъ не притѣсняютъ, словомъ, наши благодѣтели. Но является вопросъ: самъ-то означенный корреспондентъ «Гражданина»—русскій ли человѣкъ по вѣрѣ, убѣжденіямъ и симпатіямъ? Въ томъ краю, а также въ Петербургѣ, не мало и украйнофиловъ, для которыхъ девизомъ служитъ: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», то-есть чѣмъ хуже идетъ государственное и національное дѣло въ Россіи, тѣмъ вѣроятнѣе и скорѣе наступитъ желанное для нихъ ея разчлененіе.

Екатеринославская губернія помѣщается въ той обширной полосѣ, которая всецѣло находится подъ вліяніемъ и страхомъ петербургской прессы, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ и письмо предводителя дворянства г. Струкова въ № 83 «Гражданина». Почтительно и робко возражая князю Мещерскому, назвавшему извѣстное ходатайство дворянъ «большимъ вздоромъ», г. Струковъ, между прочимъ, заявилъ, что «Московскихъ Вѣдомостей» онъ не получаетъ и ихъ статей о Нѣмцахъ не читалъ.

Итакъ, несмотря на космополитическія внушенія столичной публицистики, и несмотря на смѣшанный составъ мѣстнаго дворянскаго сословія, большинство сего сословія все-таки постановило ходатайствовать объ ограниченіи нѣмцамъ-колонистамъ права пріобрѣтать земли. Стало-быть, дѣло ужъ очень плохо, и пресловутый Drang nach Osten, имѣющій столько союзниковъ въ Петербургѣ, наконецъ становится просто невыносимымъ для той части населенія, въ которой еще не заглохло русское чувство.

Любопытно, однако, наблюдать, до какой степени, рядомъ съ симъ Drang nach Osten, простирается давленіе перебургской печати на русскую провинцію: представитель сей послѣдней въ своемъ правомъ дѣлѣ робѣетъ и оправдывается даже передъ такимъ органомъ, какъ «Гражданинъ». Впрочемъ и то надобно сказать, что сей органъ вдругъ явился запѣвалой для большинства столичной печати въ такомъ громадной важности вопросѣ, каковъ для насъ вопросъ Нѣмецкій. Съ развитіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, можно было надѣяться, что Петербургъ очутится ближе къ кореннымъ русскимъ областямъ и испытаетъ на себѣ ихъ отрезвляющее вліяніе въ національномъ смыслѣ. Увы! Вмѣсто того,

мы видимъ, что, наоборотъ, при ускоренныхъ и усиленныхъ сообщеніяхъ, провинція еще болѣе чѣмъ прежде подвергается растлѣвающему вліянію большинства столичной интеллигенціи, печати и чиновничества. Правъ ли я былъ, говоря въ началѣ этого письма о бичѣ изъ скорпіоновъ?

27-го марта.

Дополнительная замѣтка *).

Не имѣя достаточно ни времени, ни охоты, чтобы входить въ подробности, я позволяю себѣ на сей разъ ограничиться немногими замѣчаніями по поводу нѣкоторыхъ газетныхъ толковъ или извѣстій.

Начну съ «Гражданина». Самъ я не читалъ, но слышалъ, что князь Мещерскій недавно, по поводу бельгійскихъ безпорядковъ, сказалъ, по моему адресу, что чего-нибудь въ томъ же родѣ я могу ожидать отъ Московскаго промышленнаго района, намекая на ту строго русскую политику, которую я проповѣдую. (Передаю, конечно, общій смыслъ). Если онъ сказалъ что-либо подобное, то снова только подтвердилъ свой политическій нигилизмъ и свое антинаціональное направленіе. Ибо возможно ли Бельгію, лишенную сильной правительственной власти, сравнивать съ ядромъ нашего крѣпкаго самодержавнаго строя?!

Недавно я нашелъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» любопытную выдержку изъ одной петербургской газеты, по поводу полемики «Гражданина» съ «Московскими Вѣдомостями»,—выдержку, сопровождаемую комментаріемъ. Разумѣется, въ нѣмецкомъ вопросѣ «Русскія Вѣдомости» на сторонѣ князя Мещерскаго. Но только почему же онѣ относятъ его къ иному сравнительно съ собою лагерю, т.-е. къ консервативному? Напрасно. Князь Мещерскій является такимъ же антинаціоналомъ, какъ и «Русскія Вѣдомости». Я уже говорилъ и доказывалъ, что въ наше время въ россійской печати нѣтъ болѣе консерваторовъ и либераловъ, а есть только націоналы и антинаціоналы.

«Русскія Вѣдомости» хотя и слывутъ профессорскимъ органомъ, однако ихъ публицистика въ научномъ отношеніи несомнѣнно страдаетъ отсталостью. Для доказательства, напомню главный предметъ нашего съ нею спора, т.-е. покровительственную систему промышленности. Нерѣдко сама толкуя о невысокомъ уровнѣ русской культуры сравнительно съ европейскою, сія публицистика обнаруживаетъ наивное невѣдѣніе того,

---

*) „Московскія Вѣдомости". 1893. № 105.

что строго-національное направленіе вообще, а усердное покровительство отечественной промышленности и техники въ частности и составляютъ главнѣйшіе факторы въ развитіи всякой національной культуры.

Эта научная отсталость находится въ связи съ нѣсколько отсталымъ направленіемъ у насъ самой исторической науки. О чемъ обыкновенно трактуютъ наши спеціалисты по Всеобщей и отчасти по Русской исторіи? Да большею частію пережевываютъ все тѣ же матеріи, каковы феодализмъ, папство, возрожденіе, реформація, революція, парламентскій режимъ и т. п. Можно встрѣтить въ печати болѣе или менѣе обстоятельныя разсужденія, напримѣръ, о роли Катарины Сіенской въ отношеніи папства, или о значеніи провинціальныхъ наказовъ депутатамъ французскаго Національнаго Собранія 1789 года, объ экономической сторонѣ англійскаго феодализма или Петровской реформы, объ источникахъ и пособіяхъ для эпохи Возрожденія и т. д. Но эта наука еще не дошла до анализа тѣхъ міровыхъ организмовъ, которые называются національностями, до ихъ значенія въ исторіи и до условій способствующихъ или задерживающихъ ихъ развитіе. Да оно и понятно; такой предметъ требуетъ самостоятельныхъ работъ и большой вдумчивости; гораздо легче идти проторенною дорожкой, широко черпать изъ заграничныхъ книжекъ, или механически нагромождать архивный матеріалъ.

Послѣднее свое замѣчаніе посвящу страховымъ обществамъ.

Недавно эти общества, по поводу вопроса объ учрежденіи надъ ними правительственнаго контроля, подали, куда слѣдуетъ, свою записку (см. «Московскія Вѣдомости», № 90). Въ этой запискѣ изглагаются любопытныя pia desideria. Она признаетъ полезность контроля только бухгалтерскаго и чисто-финансоваго; но считаетъ вреднымъ надзоръ за личнымъ составомъ, тарифами и перестрахованіемъ. Выборъ лицъ, это, молъ,—дѣло правленій самихъ обществъ.

Слѣдовательно, прусскіе патріоты въ качествѣ управляющихъ, прусскіе уланы какъ ихъ помощники, а ландверманы какъ инспекторы и агенты должны оставаться неприкосновенными? Перестрахованіе за-границей тоже оказывается дѣломъ священнымъ, а взаимное перестрахованіе обществъ будто бы крайне неудобно. Но, въ такомъ случаѣ, для какой же собственно цѣли накапливаются большіе запасные капиталы, если они не могутъ быть обращены на перестрахованіе? Дѣло то въ томъ, что германскіе патріоты, стоящіе во главѣ нашихъ обществъ, отнюдь не желаютъ прекратить русскую, болѣе чѣмъ десятимилліонную, дань, ихъ возлюбленному фатерланду. Не желаютъ также эти общества правительственнаго надзора за тарифами; ибо онъ прежде всего стѣ-

снилъ бы ихъ назначать крайне низкіе тарифы для нѣмецкихъ колоній въ Россіи сравнительно съ русскими страхователями.

Итакъ, съ какой стороны ни возьми вопросъ, личный (т.-е. нерусскій) составъ страховыхъ обществъ служитъ преградой всякому ихъ улучшенію. Къ сожалѣнію, большинство столичной печати или замалчиваетъ подобныя явленія, или держитъ сторону нѣмцевъ противъ русскихъ. Такъ, оно замолчало и означенныя pia desideria. А одна петербургская газета («Русская Жизнь») даже съ азартомъ возстала противъ правительственныхъ мѣропріятій для обрусенія нашихъ страховыхъ обществъ. Газета эта, по своей безпринципности и политическому нигилизму, можетъ успѣшно конкурировать съ самимъ «Гражданиномъ».

16 апрѣля.

Еще курьёзы антинаціональной печати *).

Кто о чемъ, а органы антинаціональной печати при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ совершаютъ грубыя вылазки противъ моихъ учебниковъ, вымещая на нихъ свою злобу за мою проповѣдь строго національнаго направленія. Между прочими и органъ семьи г. Гуревича (одного изъ моихъ конкуррентовъ на учебно-литературномъ полѣ) «Сѣверный Вѣстникъ» въ своей майской книжкѣ отозвался на полемику о нѣмецкомъ захватѣ земель въ юго-западной Россіи вылазкой подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Г. Иловайскій рекомендуетъ свои учебники». На повѣрку оказывается, что рѣчь идетъ о моемъ отвѣтѣ издателю «Гражданина» по поводу его подобной же вылазки; въ этомъ отвѣтѣ я посовѣтовалъ кн. Мещерскому, вмѣсто того, чтобы съ плеча рѣшать историко-политическіе вопросы, прежде проштудировать историческій курсъ хотя бы и по моимъ учебникамъ. И вотъ, «Сѣверный Вѣстникъ», въ лицѣ своего замѣчательно невѣжественнаго фельетониста г. Л. Прозорова, беретъ кн. Мещерскаго подъ свое покровительство въ данномъ случаѣ. Это покровительство является князю наградой за то, что онъ сталъ на сторону Нѣмцевъ противъ Русскихъ по поводу извѣстнаго ходатайства екатеринославскихъ дворянъ.

Но не одна майская книжка «Сѣвернаго Вѣстника», таковая же книжка и самого главнаго петербургскаго антинаціонала, то-есть «Вѣстника Европы», по тому же поводу одобрительно относится къ кн. Мещерскому, но третируетъ его какъ-то свысока, не на равной ногѣ, и

---

*) „Московскія Вѣдомости". 1893. № 138.

съ оговоркой, что «ему («Гражданину») случается иногда попасть безсознательно и невольно на вѣрную дорогу, обмолвиться правильною мыслію» (392). Кн. Мещерскому, повидимому, предстоитъ еще не мало потрудиться на поприщѣ антинаціонализма, чтобы добиться признанія равноправности со стороны его наиболѣе крупныхъ органовъ.

Возражая своимъ противникамъ, то-есть представителямъ національнаго направленія, «Вѣстникъ Европы» въ той же книжкѣ откровенно и рѣшительно заявляетъ, что «объ *обрусеніи* Нѣмцевъ, Поляковъ и вообще культурныхъ народностей, входящихъ въ составъ населенія Русскаго государства, нѣтъ и не можетъ быть рѣчи» (400). Очевидно, сей продуктъ современной петербургской культуры не причисляетъ насъ, Русскихъ, къ культурнымъ народамъ и воспрещаетъ Русскому государству заботиться объ органическомъ усвоеніи себѣ собственныхъ западныхъ окраинъ.

Какой, однако, недостатокъ историческаго развитія и политической зрѣлости заключается въ этихъ немногихъ словахъ! Итакъ, издателю сего журнала, г. Стасюлевичу, бывшему когда-то профессоромъ исторіи, съ одной стороны неизвѣстны самые элементарные законы, на основаніи которыхъ существуютъ прочныя государства и вырабатываются великія націи. А съ другой — ему неизвѣстны историческіе примѣры обрусенія, относящіеся къ тѣмъ же культурнымъ народностямъ; хотя мы и указывали на нихъ въ одномъ изъ своихъ прежнихъ писемъ. А именно: во второй половинѣ XVI вѣка, при Иванѣ Грозномъ, Русскіе не только завоевали часть Ливоніи, но и подвергли эту часть скорому обрусенію, которое прекратилось съ потерей завоеванія; а въ XVIII вѣкѣ обрусенію подверглась отвоеванная нами часть Финляндіи, и только искусственное созданіе особаго Великаго княжества въ XIX вѣкѣ повернуло дѣло въ обратную сторону. Слѣдовательно, вопросъ заключается въ направленіи руководящей политики, а никакъ не въ способности Русскаго народа ассимилировать себѣ другія, хотя бы и культурныя народности.

Но что особенно курьезно въ настоящей книжкѣ «Вѣстника Европы», такъ это его упрекъ русской печати по слѣдующему поводу.

Межъ тѣмъ какъ эта печать занимается, молъ, нѣмецкими захватами въ русскихъ предѣлахъ и тому подобными неважными вопросами, она слишкомъ мало обратила вниманія на такой многозначительный фактъ, какъ, опубликованный газетой «Фельдшеръ», случай съ фельдшеромъ Ракуномъ въ мѣстечкѣ Жовникъ. Врачъ прислалъ Ракуна въ это мѣстечко; а старшина «силою взвалилъ его на возъ и отправилъ къ земскому начальнику», по приказу сего послѣдняго. Оказалось, что фельд-

шеръ не снялъ шапки предъ земскимъ начальникомъ (401). Что и говорить, случай очень прискорбный; но чтобъ онъ былъ важнѣе вопроса о нѣмецкомъ Drang nach Osten, воочію совершающемся на русской территоріи при поддержкѣ петербургскихъ антинаціоналовъ—о томъ позволительно весьма и весьма усумниться. А потому подвигъ означеннаго земскаго начальника никоимъ образомъ не можетъ равняться съ подвигомъ другого такого же начальника, пресловутаго г. Синегуба, который, судя по газетнымъ извѣстіямъ, сдѣлался правителемъ губернаторской канцеляріи, конечно, за усердную защиту нѣмецкаго Drang nach Russland.

19 мая.

Антинаціональныя и лжехристіанскія теоріи *).

Въ іюньской книжкѣ «Вѣстника Европы», подъ довольно заманчивымъ заглавіемъ: «Изъ вопросовъ культуры», г. Вл. Соловьевъ вновь и вновь даетъ несомнѣнныя доказательства какъ своего маловѣдѣнія, историческаго, политическаго и религіознаго, такъ своего нелогическаго, или ненормальнаго мышленія. Тутъ, по поводу празднованія двадцатипятилѣтія Петербургскаго Славянскаго Общества, повторяется старая пѣсня нашихъ антинаціоналовъ о томъ, что строго національное направленіе политики якобы не согласуется съ христіанствомъ, и что это направленіе будто бы есть произведеніе какихъ-то «звѣриныхъ инстинктовъ». Подъ предлогомъ уваженія къ другимъ религіямъ и народностямъ, проповѣдуются въ сущности полнѣйшій религіозный индифферентизмъ и политическая распущенность, которые, по непреложнымъ историческимъ законамъ, должны повлечь за собой величайшія бѣдствія и, пожалуй, разложеніе самого Русскаго государства.

Какъ извѣстно, стремленія истинно-русскихъ людей въ сферѣ религіозной направлены, главнымъ образомъ, къ сохраненію и укрѣпленію православія и къ защитѣ его отъ тѣхъ притѣсненій, которыя оно испытываетъ со стороны иновѣрцевъ на нашихъ западныхъ окраинахъ. А по логикѣ г. Вл. Соловьева выходитъ такъ, что мы изъ уваженія къ другимъ религіямъ, должны не только не возвращать въ лоно православія какъ русскихъ сектантовъ, такъ равно западно-русскихъ католиковъ и уніатовъ, но и не мѣшать переходу къ нимъ православныхъ; далѣе, не препятствовать распространенію штундизма среди русскаго населенія, но въ то же время, въ угоду балтійскимъ баронамъ и пасто-

---

*) „Московскія Вѣдомости", 1893 г., № 157.

рамъ, препятствовать переходу въ православіе Латышей и Эстовъ, точно также и въ Финляндіи не освобождать православія отъ лютеранскаго владычества; наконецъ, помянутое уваженіе къ иновѣрію простирать до того, чтобы покинуть всякую заботу объ обращеніи въ православіе сибирскихъ язычниковъ; о мусульманахъ и Евреяхъ, понятно, и говорить нечего. Вотъ тѣ логическіе выводы, которые сами собой вытекаютъ изъ лжехристіанской теоріи г. Вл. Соловьева, хотя по своему недомыслію, онъ этихъ выводовъ ясно не сознаетъ. Въ концѣ-концовъ, по этой теоріи православіе, какъ господствующая церковь въ Русскомъ государствѣ, не только отрицается, но и ставится прямо въ положеніе униженное сравнительно съ другими исповѣданіями.

Подобные или еще худшіе выводы вытекаютъ изъ той же лжехристіанской теоріи и въ отношеніяхъ политическихъ. Тутъ прежде всего, конечно, подразумѣвается жгучій теперь вопросъ о нѣмецкихъ захватахъ въ предѣлахъ Русскаго государства. Выходитъ, что мы не должны принимать никакихъ правительственныхъ мѣръ противъ этихъ захватовъ, ибо сіи мѣры означали бы ужасное неуваженіе къ другимъ народностямъ и послужили бы выраженіемъ нашихъ «звѣриныхъ инстинктовъ». Но опять, еслибы г. Вл. Соловьевъ былъ сколько-нибудь логиченъ и послѣдователенъ, то онъ долженъ не только оплакивать объединеніе Россіи и ея расширеніе, совершенныя силой оружія, при явномъ нарушеніи всякаго уваженія къ захватамъ сосѣдей, но и горько скорбѣть объ утратѣ Татарскаго ига, которое было свержено самымъ насильственнымъ образомъ и не безъ участія «звѣриныхъ инстинктовъ».

И вотъ, съ такимъ-то маловѣдѣніемъ и недомысліемъ человѣкъ хочетъ поучать другихъ, тогда какъ ему самому слѣдуетъ учиться, учиться и учиться. Извѣстно, что учиться никогда не поздно. Тутъ можетъ быть только одно серьезное препятствіе: ненормальность мышленія.

Подобныя лжехристіанскія и ребяческія теоріи сами по себѣ не заслуживаютъ особаго вниманія, и мы не стали бы говорить о нихъ, еслибы на русскомъ общественномъ горизонтѣ не появлялись довольно часто люди власть имѣющіе, которые усердно проводятъ эти теоріи въ нашу жизнь, и тѣмъ создаютъ для Россіи неисчислимыя затрудненія. Изъ множества примѣровъ, укажу на результаты дѣятельности двухъ покойныхъ генералъ-губернаторовъ нѣмецкаго происхожденія: графа Н. В. Адлерберга въ Финляндіи и барона А. Н. Корфа въ Приамурскомъ краѣ. Первый, всѣми зависящими отъ него средствами, помогалъ стремленіямъ финляндскихъ сепаратистовъ къ возможно полному и привилегированному обособленію Финляндіи отъ Россіи; а второй — свое анти-

русское направленіе простиралъ до того, что ревниво охранялъ ламайское идолопоклонство Бурятъ отъ православныхъ миссіонеровъ, покровительствовалъ мѣстнымъ Манзамъ и пришлымъ Китайцамъ гораздо болѣе, чѣмъ русскимъ поселенцамъ, а казенные подряды отдавалъ заѣзжимъ Нѣмцамъ и Евреямъ тоже предпочтительно предъ Русскими людьми. Слѣдствія такой дѣятельности обоихъ генералъ-губернаторовъ, конечно, оказываются для Россіи самыя печальныя. (См. «Московск. Вѣдомости» №№ 150 и 152).

Нельзя не пожалѣть по сему поводу, что такой образъ дѣйствій доводится до свѣдѣнія русскаго общества только послѣ смерти дѣятелей, когда патріотическая часть печати уже безсильна помочь высшему правительству въ своевременномъ раскрытіи истиннаго характера дѣла и въ предупрежденіи дальнѣйшихъ государственныхъ ошибокъ.

Въ іюньской книжкѣ «Вѣстника Европы», на-ряду съ антинаціональными измышленіями г. Вл. Соловьева, продолжается все та же курьезная защита нѣмецкихъ земельныхъ захватовъ на нашемъ югѣ вообще и въ Екатеринославской губерніи въ частности. На сей разъ аргументы этой защиты берутся изъ харьковскаго сообщенія какого-то г. Каменскаго. Оказывается, что нѣсколько нѣмецкихъ волостей въ періодъ времени отъ 1853 до 1892 года, то-есть въ теченіе почти сорока лѣтъ, пожертвовали на дѣла русской благотворительности и ради нуждающагося населенія цѣлыхъ 116.561 руб.! Но этого мало: нашлись такіе благодѣтельные Нѣмцы, въ лицѣ гг. Беркмановъ, которые ссужали крестьянъ деньгами «за умѣренные проценты»; одинъ изъ сихъ благодѣтелей даже на свои деньги покрасилъ православную церковь въ селѣ Солененькомъ и устроилъ ограду (830 стр.). Вотъ какъ дешево Нѣмцы могутъ подкупать нашихъ антинаціоналовъ для защиты своихъ захватовъ! И неужели русское населеніе дошло до такого убожества, что принимаетъ эти жалкія подачки отъ тѣхъ самыхъ людей, которые такъ нагло и безпощадно вытѣсняютъ его изъ родной земли!

Въ прошлой, майской, книжкѣ Стасюлевиче-Пыпинскаго органа была напечатана въ томъ же родѣ слѣдующая ссылка. Въ Таврической губерніи одна нѣмецкая волость, якобы ради ея обрусенія, слита съ русскими и болгарскими селами. «И что же?» При крестьянскихъ выборахъ выбрали одного Нѣмца въ волостные старшины, а другого Нѣмца—въ волостные судьи. Выходитъ очевидное преклоненіе Русскихъ и Болгаръ предъ пришлыми эксплуататорами-Нѣмцами, преклоненіе для русскаго чувства совсѣмъ неутѣшительное, хотя и пріятное для гг. Стасюлевичей и Пыпиныхъ. Но есть основаніе думать, что или русскіе крестьяне

тутъ оказались въ меньшинствѣ, или преклоненіе ихъ въ этомъ случаѣ не было искренне. Чтобы подкрѣпить свое мнѣніе о какой-то «солидарности» русскаго и нѣмецкаго населенія, «Вѣстникъ Европы» прибавляетъ слѣдующее разсужденіе:

«Волостной старшина и волостные судьи сплошь и рядомъ являются de facto ставленниками земскаго начальника; но едва ли это такъ было въ данномъ случаѣ, разъ соединеніе волостей было предпринято въ видахъ «обрусенія Нѣмцевъ» (392).

Напомнимъ, что этотъ фактъ заимствованъ изъ «Гражданина»; а туда онъ сообщенъ, помнится, г. Синегубомъ, земскимъ начальникомъ, который стяжалъ себѣ извѣстность радѣтеля за нѣмецкіе интересы. Что если и въ указанномъ имъ случаѣ земскій начальникъ былъ одного съ нимъ направленія и повліялъ на выборы? И развѣ не можетъ быть такъ, что для отвода глазъ соединяютъ нѣмецкія волости съ русскими, а для охраненія нѣмецкой народности—во главѣ этихъ соединенныхъ волостей ставятъ старшину и судью изъ Нѣмцевъ? Слѣдовательно, прибавочное разсужденіе «Вѣстника Европы» такъ же мало подкрѣпляетъ его тенденцію, какъ и тотъ фактъ, что екатеринославскій губернаторъ, г. Шлиппе, возвелъ г. Синегуба изъ земскихъ начальниковъ въ правителя своей канцеляріи.

7 іюня.

ПОБОРНИКИ НАШЕЙ ОТСТАЛОСТИ

ВЪ ДѢЛѢ

ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

По поводу внѣшнихъ отношеній.

I *).

Разныя современныя событія и европейскіе вопросы, въ особенности Панамскій скандалъ, грозящій важными послѣдствіями для Франціи, невольно заставляютъ и насъ оглянуться на наше международное положеніе. Позволю себѣ на сей счетъ высказать нѣкоторые собственные взгляды и наблюденія.

Всматриваясь въ то, что за послѣдніе годы происходитъ во Франціи, я поражаюсь (хотя не удивленъ) обиліемъ внѣшнихъ интригъ и козней, которыя, въ соединеніи съ внутренними противообщественными элементами, такъ настойчиво преслѣдуютъ эту несчастную страну и не даютъ ей возможности успокоиться, сосредоточить свое вниманіе на важныхъ національныхъ вопросахъ. Еще не окончились динамитные взрывы и чудовищныя стачки, какъ началось панамское дѣло. И вездѣ проглядываетъ ловкое участіе сосѣдей; всякій преступникъ, спасшійся въ Англію, состоитъ уже подъ ея покровительствомъ и не выдается въ руки правосудія. Вотъ и теперь—злымъ геніемъ въ Панамскомъ дѣлѣ оказывается какой-то нѣмецкій Еврей Корнелій Герцъ, который также спасся въ Англію. По всѣмъ признакамъ, это былъ тайный агентъ заграничной интриги, работавшій, въ числѣ многихъ другихъ, противъ Франко-Русскаго союза, а слѣдовательно въ прямыхъ интересахъ Тройной или, собственно, четверной лиги. Я говорю: Четверной, по количеству участвующихъ въ ней великихъ державъ; но эту лигу можно назвать и Пятерною, если взять въ разсчетъ еще ея могущественнаго союзника въ лицѣ всюду разсѣяннаго еврейства, съ французскими Ротшильдами во главѣ.

*) Москов. Вѣдом. 1893. № 6. Не опускаемъ этихъ писемъ по тѣсной связи внѣшнихъ отношеній съ внутренними вопросами, а слѣдовательно и съ вопросомъ о нашей культурной отсталости.

Для насъ особенно важно то обстоятельство, что, одновременно съ Франціей, Лига раскидываетъ цѣлую сѣть своихъ интригъ на Востокѣ. Тамъ онѣ сосредоточиваются главнымъ образомъ въ Константинополѣ и въ Софіи, гдѣ, при помощи Кобурга, Стамбулова и компаніи, идетъ усиленная работа противъ Россіи и православія, и гдѣ сама Порта, въ этомъ отношеніи, подчинилась вліянію и руководству Лиги.

Такимъ образомъ обстоятельства и событія ясно указываютъ, какіе дипломатическіе пункты представляютъ для насъ первостепенную и огромную важность. Эти пункты: Парижъ и Константинополь. Въ Берлинѣ и Лондонѣ я считаю положеніе русской дипломатіи безнадежнымъ: тутъ мы имѣемъ дѣло съ такими ультранаціональными правительствами, что отстаивать русскіе интересы собственно дипломатическими средствами почти нѣтъ возможности. Эта задача всецѣло лежитъ на центральныхъ властяхъ и общегосударственныхъ средствахъ. А потому два означенные пункта ограничиваются потребностями представительства и требуютъ только простыхъ истинно-русскихъ людей, не способныхъ сдѣлаться адвокатами иностранныхъ интересовъ предъ отечественнымъ кабинетомъ, какъ то нерѣдко случалось въ прежнее время, когда наша полурусская дипломатія отправляла свои обязанности со свойственнымъ ей дилетантизмомъ и космополитизмомъ.

Вѣна относительно защиты русскихъ интересовъ, можно сказать, столь же безнадежна какъ Лондонъ и Берлинъ; но она представляетъ обширное поле для хорошо подготовленнаго дипломата наблюдателя, способнаго вѣрно подмѣчать и вовремя оцѣнивать разнообразныя теченія и запутанныя отношенія многоязычной Дунайской имперіи.

Другое дѣло Парижъ.

Если хотимъ упрочить свое естественное сближеніе съ Франціей и, вмѣстѣ съ ней, составить противовѣсъ Четверному союзу, то обязательно должны имѣть тамъ знающую и дѣятельную дипломатію, способную бороться съ кознями Лиги, вовремя узнавать объ этихъ козняхъ, предупреждать о нихъ кого слѣдуетъ и, по мѣрѣ силъ, противодѣйствовать имъ какъ путемъ собственно дипломатическимъ, такъ и съ помощью столь могущественнаго фактора какъ печать. Система трогательныхъ овацій и демонстрацій хороша только на первое время, а затѣмъ намъ нужно болѣе серьезное, болѣе практическое проявленіе національныхъ симпатій и обоюдныхъ интересовъ. Парижъ требуетъ отнюдь не пассивныхъ дипломатовъ, а, наоборотъ, искусныхъ, хорошо знающихъ европейскія отношенія и весьма дѣятельныхъ русскихъ представителей, которые сумѣли бы проводить ладью франко-русскаго сбли-

женія сквозь многія препоны, подводные камни и мели, которые ей постоянно угрожаютъ. Считаю нужнымъ при этомъ оговориться, что я не имѣю въ виду нашихъ настоящихъ представителей, которыхъ лично уважаю, хотя и мало знаю, а высказываю только свои взгляды и pia desideria.

Еще въ большей степени, если то возможно, указанныя качества требуются отъ русской дипломатіи въ Константинополѣ, который попрежнему составляетъ главный узелъ интригъ, направленныхъ противъ Россіи. А потому здѣсь нашъ представитель долженъ быть, во-первыхъ, особенно хорошо и своевременно обо всемъ освѣдомленъ, а во-вторыхъ, умѣло предупреждать враждебныя козни и добиваться прямого вліянія на международныя мѣропріятія и рѣшенія Порты.

Этого вліянія, какъ вполнѣ законнаго и связаннаго съ важнѣйшими русскими интересами, мы можемъ добиваться откровенно, безо всякой особой таинственности. Настоящее подчиненіе Порты вліянію Четверной Лиги можно приписать главнымъ образомъ ловкости англо-австро-германской дипломатіи и пассивности франко-русской. А между тѣмъ внѣшнія отношенія Порты могли бы въ значительной степени измѣниться теперь, когда опору своего дальнѣйшаго существованія она должна искать въ расположеніи преимущественно Россіи и отчасти Франціи.

Освободивъ единовѣрные и единоплеменные намъ народы, то-есть грековъ, румынъ, сербовъ и болгаръ, и давъ имъ возможность самобытнаго развитія, Россія исполнила свой историческій долгъ, и теперь ей отъ Порты нечего отвоевывать ни для себя, ни для другихъ. Мы долгое время могли бы жить съ нею въ мирѣ и согласіи. Теперь насъ раздѣляетъ въ сущности только вопросъ о Проливахъ. Прочное экономическое развитіе всего нашего юга почти невозможно, пока Черное море остается доступнымъ для непріятельскихъ флотовъ. Намъ необходимо имѣть въ своихъ рукахъ не Проливы собственно, а только ключъ къ Босфору, то-есть такой ключъ, которымъ можно было бы въ случаѣ нужды запереть дверь въ Черное море для флота какой-либо морской державы. Это главная и ближайшая задача нашей политики въ Восточномъ вопросѣ, а слѣдовательно и нашей дипломатіи въ Константинополѣ. Тутъ полюбовное соглашеніе съ Портой вполнѣ возможно, еслибъ удалось разъяснить ей дѣло, побѣдить ея недовѣріе и разоблачить предъ ней все коварство и всѣ интриги ея мнимыхъ друзей.

Наши враги обыкновенно пугаютъ Порту ни болѣе, ни менѣе какъ стремленіемъ Россіи не сегодня—завтра захватить Константинополь. Но никакого такого стремленія въ дѣйствительности не существуетъ. Если и найдутся какіе-либо несерьезные мечтатели, то ихъ можно прямо

спросить: зачѣмъ намъ нуженъ теперь Константинополь? И что бы мы съ нимъ стали дѣлать? И они не дадутъ никакого удовлетворительнаго отвѣта. Историческія воспоминанія о Византіи сами по себѣ, а нужды и потребности Россіи сами по себѣ.

При семъ считаю далеко не лишнимъ указать, что, благодаря легкомысленнымъ туристамъ и нѣкоторымъ политическимъ мечтателямъ, въ обществѣ несомнѣнно существуютъ преувеличенныя представленія о внѣшнихъ красотахъ и міровомъ значеніи Константинополя и Босфора; тогда какъ несомнѣнно въ нихъ есть что-то нѣжащее, разслабляющее и усыпляющее, и тотъ народъ, который хочетъ жить и развиваться, не долженъ стремиться къ ихъ исключительному обладанію. Пусть это будетъ впослѣдствіи международный городъ; повторяю, намъ онъ не особенно нуженъ, и только въ союзѣ съ Россіей Турки могли бы еще долго удерживать его въ своихъ рукахъ; а при враждѣ съ нею они его непрѣменно потеряютъ. Но, конечно, не легко втолковать имъ эту простую истину: англо-нѣмецкая дипломатія всѣми силами будетъ тому препятствовать.

У насъ, повидимому, слагается такое представленіе о будущей европейской войнѣ, къ которой всѣ столь усердно готовятся: Тройная лига непосредственно вступаетъ въ борьбу съ Россіей и Франціей, пользуясь на морѣ поддержкой Англіи.

Нѣтъ, какъ было прежде, такъ и впредь исторія будетъ двигаться не столь просто и прямо. По нѣкоторымъ прошлымъ и настоящимъ шагамъ нашихъ противниковъ, могу отчасти заключить объ ихъ будущей тактикѣ. Канцлеръ Каприви, какъ и его предмѣстникъ, при всякомъ удобномъ случаѣ толкуетъ о предстоящей войнѣ на два фронта и даже объ одновременномъ наступленіи на обоихъ фронтахъ. Не сомнѣваюсь что Нѣмцы именно такъ и сдѣлаютъ, еслибы война дѣйствительно воспослѣдовала (поэтому-то и необходимо намъ приготовить значительное количество кавалеріи ко вторженію во что бы то ни стало на непріятельскую территорію въ моментъ объявленія войны). Но подобные толки пускаются въ ходъ прежде всего для достиженія ближайшихъ цѣлей, напримѣръ, двухгодичнаго срока службы въ настоящую минуту. А въ душѣ руководители германской политики надѣются обойтись не только безъ двухъ фронтовъ, но, можетъ-быть, и безъ единаго. Францію они разсчитываютъ парализовать внутренними замѣшательствами при помощи всевозможныхъ иноземныхъ интригъ и происковъ; а противъ Россіи они почти явно приготовляютъ коалицію, чтобы попрежнему загребать жаръ чужими руками.

Приготовляя противъ насъ коалицію, Нѣмцы еще долго будутъ прятаться за нее и повторять коварныя фразы Бисмарка, въ родѣ костей померанскаго гренадера, или въ родѣ того, что Германія можетъ предоставить Россіи carte blanche на Востокѣ. Между тѣмъ какъ несомнѣнно, что Нѣмцы-то и суть наши тамъ главные враги. И приготовляемая ими, совмѣстно съ Англіей, противъ насъ коалиція, по всей вѣроятности, въ первой линіи предполагается изъ Турціи, Румыніи и Болгаріи. Конечно, съ сею цѣлію не только усиливается турецкій броненосный флотъ, но и вновь строятся броненосцы для Румыніи и Болгаріи, на которыхъ, безъ сомнѣнія, подъ чужимъ флагомъ будутъ воевать съ нами все тѣ же Англичане и Нѣмцы. Вторая линія будетъ состоять изъ Австро-Венгріи, Италіи, Швеціи и, если удастся, Англіи съ азіатскими союзниками. А въ числѣ сихъ союзниковъ, повидимому, намѣчается Небесная Имперія, гдѣ нѣмецкое вліяніе, такъ же какъ и въ Турціи, уже беретъ верхъ надъ англійскимъ, и гдѣ Нѣмцы, въ качествѣ инструкторовъ, вѣроятно будутъ готовить противъ насъ китайскую армію*). Сама же Германія будетъ сохранять наружный нейтралитетъ до послѣдней возможности, предоставляя себѣ сказать рѣшающее слово, когда для того настанетъ удобный моментъ; при чемъ Пруссаки по прежнему не прочь будутъ разыграть роль миротворцевъ и нашихъ благодѣтелей, столь дорого намъ стоившихъ. Отъ войны же съ нами они будутъ воздерживаться до послѣдней возможности, главнымъ образомъ для того, чтобы не повредить страшной нѣмецкой эксплоатаціи по отношенію къ Россіи вообще и привилегированному положенію Нѣмцевъ у насъ въ частности.

Надѣюсь, читатель пойметъ почему Константинопольская позиція требуетъ первоклассного русскаго дипломата. Я нѣсколько съ нею знакомъ и не повторяю той же оговорки, которую сдѣлалъ выше.

Что касается Италіи, то ея участіе въ Тройной лигѣ объясняется очень просто: какъ слабѣйшая изъ великихъ континентальныхъ державъ и едва сложившаяся въ единое государство, она должна къ кому-либо примкнуть и на кого-либо опереться. Естественнѣе всего было бы ей примкнуть къ Франціи и Россіи. Но постоянныя внутреннія передряги мѣшаютъ престижу Франціи и не даютъ надежныхъ гарантій. А русская дипломатія доселѣ держала себя тамъ слишкомъ пассивно и даже не пользовалась свободною итальянскою печатью для борьбы съ нѣмецкимъ вліяніемъ. Еще въ большей степени эту пассивность проявляла наша дипломатія въ Испаніи, гдѣ окончательно получила характеръ синеку-

*) Теперь англійскимъ интригамъ удалось вызвать антагонизмъ Россіи съ Японіей, а Китай еще впереди.

ры. А между тѣмъ, при искусной, дѣятельной дипломатіи, только Россія и можетъ вызвать къ жизни столь естественный союзъ трехъ Романскихъ націй въ отпоръ англо-австро-германскимъ кознямъ, постоянно угрожающимъ европейскому міру.

4 января.

II *).

Заговоривъ о внѣшнихъ отношеніяхъ, я снова напоминаю русской публикѣ, что мы живемъ въ эпоху наибольшаго развитія національныхъ интересовъ. Поэтому извѣстные толки г. Вл. Соловьева и компаніи о мнимыхъ излишествахъ русскаго націонализма, повторяю, представляются мнѣ доказательствомъ крупнаго невѣжества сей компаніи въ сферѣ историко-политической науки.

Многія явленія современной исторіи, исходящія какъ бы изъ условій чисто соціальныхъ, въ сущности вызываются стремленіями и тенденціями вполнѣ національными. Напримѣръ, возьмемъ анархическія явленія недавняго времени въ Россіи и послѣдняго времени во Франціи. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что они вызывались и вызываются иностранными происками и кознями, т.-е. въ дѣйствительности служатъ только однимъ изъ средствъ борьбы, которая имѣетъ прямою своею цѣлью національные интересы какой-либо державы. Въ настоящее время мы можемъ даже прямо разумѣть державы тройной, или, собственно, четверной лиги. Громко заявляя о своихъ вооруженіяхъ и военныхъ приготовленіяхъ, она въ то же время старается достигать намѣченныхъ цѣлей отнюдь не открытою войной, а скрытыми интригами и ловкими маневрами какъ своей искусной дипломатіи, такъ и своей строго дисциплинованной публицистики.

По поводу сей послѣдней не могу не обратить общественнаго вниманія на относительную незрѣлость и неопытность нашей собственной политической печати. Меня всегда удивляетъ ея простодушное послѣдованіе за маневрами заграничной печати и дипломатіи. Тамъ пускаются въ ходъ какія-либо сенсаціонныя извѣстія, поднимаются какіе-либо толки и даже шумъ, съ задними мыслями, для наблюдательнаго человѣка довольно прозрачными. А наша печать повторяетъ ихъ съ очевиднымъ довѣріемъ и распространяетъ въ публикѣ именно то самое впечатлѣніе, которое требуется для проведенія чужихъ интересовъ на нашъ счетъ. Недостаетъ самостоятельнаго взгляда и критическаго отношенія; а потому большинство русской печати, часто само того не подозрѣвая, становится

*) Московскія Вѣдомости. 1893. № 13.

пособницей направленныхъ противъ насъ махинацій. Не говорю объ органахъ завѣдомо антинаціональнаго характера; нерѣдко и органы, считающіе себя патріотичными, попадаютъ въ ту же колею, или, точнѣе, въ ловушку.

Въ особенности много пользовался этимъ простодушіемъ князь Бисмаркъ, съ помощію своихъ дипломатическихъ маневровъ и газетныхъ рептилій. Для примѣра напомню хотя бы пресловутое изреченіе о здоровыхъ костяхъ одного померанскаго гренадера, которыми онъ не пожертвуетъ для Восточнаго вопроса. Это изреченіе довольно долгое время у насъ повторялось, и ему вѣрили, до самой эпохи печальной памяти Берлинскаго конгресса включительно. Затѣмъ, напомню его маневры съ Франціей въ 1887 году — маневры въ родѣ инциндента Шнебеле — сопровождавшіеся шумными требованіями въ берлинскомъ парламентѣ новыхъ кредитовъ на усиленіе арміи. Наша печать и наша дипломатія были сбиты съ толку, и все свое вниманіе устремили вообще на Западъ, въ частности на Рейнъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга тогда помѣстилъ цѣлый рядъ писемъ въ «Новомъ Времени» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Я пытался разъяснить, что всѣ эти маневры имѣютъ демонстративное значеніе, а настоящая ихъ задача—отвлечь наше вниманіе отъ Балканскаго полуострова, гдѣ надобно было ожидать важныхъ событій; даже прямо указывалъ на то, что, по всей вѣроятности, готовится водвореніе *второго нѣмецкаго принца* въ Болгарскомъ княжествѣ. Мой голосъ остался вопіющимъ въ пустынѣ. Вскорѣ, дѣйствительно, на исторической сценѣ явилась Кобургіада, а на Рейнѣ ровно никакихъ событій не воспослѣдовало. Кажется, я имѣю право сослаться на первый выпускъ своихъ *Мелкихъ Сочиненій*, гдѣ названныя письма перепечатаны, и, слѣдовательно, каждый желающій можетъ меня провѣрить.

Нѣчто подобное совершается и въ настоящее время.

Нѣмцамъ крайне непріятно національное или покровительственное направленіе, которое недавно возобладало въ русской торгово-промышленной политикѣ, и они употребляютъ всѣ усилія, чтобъ его подорвать или ослабить. Начать съ того, что нѣмецкая печать постоянно толкуетъ о *желательномъ улучшеніи торговыхъ сношеній* между Германіей и Россіей. Значительная часть органовъ русской печати — одни сознательно, другіе простодушно—повторяютъ эту фразу; русская публика въ концѣ-концовъ, пожалуй, увѣритъ себя, что и въ самомъ дѣлѣ это улучшеніе очень для насъ желательно. А между тѣмъ русская обрабатывающая промышленность только и вздохнула свободно со времени *ухудшенія*

торговыхъ сношеній съ Германіей, т.-е. со времени нашего поворота въ сторону покровительства, и всякое отступленіе отъ него можетъ быть выгодно только для Германіи, для Россіи же, наоборотъ, вредно. А нашъ хлѣбъ—только бы далъ Богъ урожай—всегда найдетъ сбытъ и дома, и за границей. Слѣдовательно, гдѣ же тутъ *обоюдно желательное* улучшеніе торговыхъ сношеній? Пожелаемъ новому министру финансовъ и впредь той же энергіи, съ которою онъ началъ борьбу противъ нѣмецкихъ происковъ.

А происки эти должны быть очень сильны и назойливы. Тутъ пускаются въ ходъ и лисій хвостъ, и волчій зубъ, конечно, со стороны публицистики и дипломатіи: и напоминанія о «башнеподобной» дружбѣ (столь для насъ накладной), и призраки близкой войны, которой, очевидно, никто не желаетъ, а Нѣмцы менѣе всѣхъ. И опять берлинскія шумныя требованія новаго усиленія арміи съ неизбѣжнымъ припѣвомъ о войнѣ на два фронта, и новый, большихъ размѣровъ, инцидентъ во Франціи.

Все это, сильно напоминающее начало Кобургіады, навѣрное имѣетъ тѣсную связь и со вторымъ ея фазисомъ. Подготовляемый не столь искусною рукой какъ первый фазисъ, этотъ второй уже обозначился на политическомъ горизонтѣ довольно рѣзко и даже грубо. Дѣло идетъ уже не объ одномъ утвержденіи враждебной намъ нѣмецкой династіи въ Болгаріи, по примѣру Румыніи (гдѣ эта враждебная намъ династія успѣла въ настоящее время подкрѣпить себя родственными связями съ двумя могущественными домами Европы); тамъ уже явно посягаютъ на православную церковь, и подготовляется введеніе уніи, конечно, какъ переходной ступени къ католичеству. А на ряду съ сими кознями, очевидно, идетъ подготовка той анти-русской коалиціи, о которой я говорилъ въ прошломъ письмѣ. По всей вѣроятности, готовятся и другіе сюрпризы. Румынія и Болгарія несомнѣнно служатъ противъ насъ застрѣльщиками въ рукахъ Четверной лиги, и безнаказанность такихъ непріязненныхъ выходокъ, какъ, напримѣръ, случай съ пароходомъ *Ольга*, можетъ только поощрить ихъ къ дальнѣйшимъ подобнымъ дѣйствіямъ, которыя въ концѣ-концовъ могутъ поставить насъ въ очень щекотливое положеніе. *Тучи вновь скопляются на Востокѣ.*

Повторяю, боевой Константинопольскій постъ получаетъ теперь особенно важное значеніе для Россіи и требуетъ особенно дѣятельныхъ силъ *).

10 января.

---

*) Эти мои опасенія, высказанныя около трехъ лѣтъ назадъ, въ настоящее время (ноябрь 1895 г.) оправдываются, хотя и при иной по наружности группировкѣ (точнѣе подтасовкѣ) факторовъ. Но сущность нашихъ отношеній и важность Константинопольскаго поста остаются тѣже.

III*).

Каждый сколько-нибудь знакомый съ новѣйшею исторіей понимаетъ, что почти всѣ наши настоящія затрудненія, внутреннія и внѣшнія, унаслѣдованы нами отъ прошлаго времени, то-есть являются слѣдствіемъ прошлыхъ ошибокъ и недоразумѣній. Какъ всякое нарушеніе естественныхъ процессовъ вредно вліяетъ на живой организмъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ политическомъ всякое отступленіе отъ общихъ законовъ государственной и національной жизни влечетъ за собой неизбѣжныя осложненія и тяжелыя послѣдствія въ будущемъ. Словомъ, *за всякій промахъ надобно расплатиться;* исторія ничего не прощаетъ.

Этотъ законъ мы можемъ наблюдать повсюду. Не ходя за примѣрами къ другимъ народамъ и государствамъ, остановимся на самихъ себѣ и укажемъ нѣсколько вопросовъ, составляющихъ современныя наши затрудненія и тягости. Я не касаюсь вопросовъ, въ основѣ которыхъ лежатъ естественныя или физическія причины, я беру только такіе, которые возникли главнымъ образомъ или отъ недостатка національнаго направленія въ прошломъ, или просто отъ недостатка хорошо подготовленныхъ государственныхъ людей.

Польскій вопросъ почти всею тягостью легъ на Россію—вслѣдствіе отступленія отъ Екатерининскихъ раздѣловъ и несогласнаго съ русскими интересами образованія такъ-называемаго Царства Польскаго изъ земель, взятыхъ премущественно отъ Пруссіи. Финляндскій вопросъ возникъ изъ ненормальнаго положенія Великаго Княжества Финляндскаго, созданнаго изъ провинцій, завоеванныхъ русскою кровью и не имѣвшаго никакихъ историческихъ правъ на автономное, отдѣльное отъ Россіи существованіе. Столь великое дѣло какъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости совершено и организовано не столько на исторической и практической почвѣ, сколько на увлеченіи чужими теоріями и разными вѣяніями; въ результатѣ получились современныя неустройства русской деревни и плохое состояніе всего сельскаго хозяйства. Вопросы о Балтійскомъ краѣ, о нѣмецкой колонизаціи юго-западныхъ губерній и назойливыя притязанія Германіи на широкую торгово-промышленную эксплоатацію Россіи—вызваны продолжительною системой уступчивости, точнѣе сказать, баловства, по отношенію къ Нѣмцамъ вообще. Послѣдствія этой системы отражаются во всемъ, отъ великаго до малаго. Тарифныя и другія отступленія отъ покровительства народному труду за-

---

*) Московскія Вѣдомости. 1893. № 21.

держали развитіе русской обрабатывающей промышленности, въ пользу нѣмецкой. А затѣмъ, когда былъ сдѣланъ переходъ къ покровительственному тарифу, своевременно не было обращено вниманіе на вторженіе нѣмецкихъ фабрикъ и заводовъ въ предѣлы Россійской Имперіи,— и вотъ они такъ расплодились, что до извѣстной степени подорвали значеніе покровительственной системы. Своевременно не было замѣчено и такое ненормальное явленіе какъ заграничные Нѣмцы въ качествѣ управляющихъ русскими страховыми обществами, — и вотъ они вытѣснили русскихъ людей и онѣмечили эти общества въ самомъ сердцѣ Россіи. И т. д. и т. д.

Всякій здоровый организмъ, хотя и страдаетъ послѣ отступленій отъ нормальнаго образа жизни, однако, стремится побороть ихъ послѣдствія и возстановить правильное теченіе жизненныхъ процессовъ. Такъ и мы, сознавая свои прошлыя ошибки, никоимъ образомъ не можемъ ограничиваться однимъ сознаніемъ, а должны, по мѣрѣ силъ, стремиться къ возможному ихъ исправленію.

Одну изъ слабыхъ сторонъ нашей государственной организаціи за послѣднее столѣтіе безспорно составляла наша дипломатія. Многое въ Россіи реформировалось, а въ наше время обновляется въ національномъ духѣ; но означенная сторона въ общихъ чертахъ сохраняла и частью инородческій (точнѣе нѣмецкій) составъ, и дилетантское, космополитическое направленіе института; что, конечно, не мало участвовало въ созданіи разныхъ затрудненій и недоразумѣній, съ которыми приходится теперь бороться.

Въ настоящее время едва ли кто будетъ спорить противъ положенія что знаніе нѣсколькихъ трактатовъ, а, главное, безукоризненный французскій языкъ, отнюдь не составляютъ тѣхъ качествъ, которыя способны создавать хорошихъ дипломатовъ. Настоитъ необходимость сдѣлать изъ этой отрасли серьезную и отвѣтственную государственную службу, вмѣсто легкой, хорошо оплаченной, карьеры. Россія есть страна славянская и православная, и таковою она должна постоянно являться въ глазахъ иностранцевъ. Если наше представительство заграницей будетъ чисто-національное (то-есть русское и православное), оно будетъ тамъ пользоваться большимъ уваженіемъ или, какъ говорятъ, престижемъ, подобно тому какъ мы видимъ это у другихъ народовъ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду тотъ общій отрадный поворотъ къ національному направленію, при которомъ имѣетъ счастье присутствовать живущее теперь поколѣніе, и которое, конечно, коснется всѣхъ важныхъ сторонъ нашего государственнаго и національнаго существованія. А затѣмъ, если

между инородцами найдется дѣйствителоно политическій талантъ, соединенный съ русскимъ патріотизмомъ, то онъ пробьетъ собѣ дорогу и явится исключеніемъ изъ общаго правила; между тѣмъ какъ доселѣ исключенія и общее правило являлись въ обратномъ отношеніи.

У насъ въ подобныхъ случаяхъ слышится банальное замѣчаніе: да гдѣ же взять людей? Это не болѣе какъ одно изъ проявленій столь обычнаго нашего самоуниженія. Россія не клиномъ сошлась, и люди найдутся, какъ скоро явится на нихъ серьезный спросъ. Для того, чтобы стать хорошимъ русскимъ дипломатомъ, нужны главнымъ образомъ основательное общее образованіе и чисто-русское направленіе. Старая дипломатическая школа (Меттерниховская), основанная на системѣ эластичной неуловимой рѣчи и ловкихъ (почти шарлатанскихъ) пріемахъ, уже отжила свой вѣкъ и на положительные успѣхи разсчитывать не можетъ. Теперь въ Европѣ дипломатовъ собственно нѣтъ, а есть только государственные люди, которые равно могутъ подвизаться и во внутреннихъ, и во внѣшнихъ дѣлахъ; ибо никакой опредѣленной границы между тѣми и другими дѣлами проводить болѣе невозможно: такъ все тѣсно связывается и переплетается.

Закончу напоминаніемъ о лордѣ Беконсфильдѣ, который явился на Берлинскій конгрессъ безъ французскаго языка и преспокойно говорилъ тамъ по-англійски, что не помѣшало ему нанести чувствительное пораженіе русской дипломатіи въ лицѣ нашего покойнаго канцлера, великаго мастера по части нотнаго французскаго стиля. Положимъ, Беконсфильду много помогалъ противъ насъ князь Бисмаркъ; однако, для тѣхъ кто зналъ интересы и отношенія великихъ державъ не трудно было все существенное предвидѣть заранѣе и, слѣдовательно, если не предотвратить махинаціи противниковъ, то во всякомъ случаѣ оказать какое-либо противодѣйствіе и поискать естественныхъ союзниковъ, а не полагаться на эгоистичную прусскую дружбу или на коварное посредничество «честнаго маклера». Не забудемъ при этомъ, что нашъ канцлеръ все-таки былъ выдающеюся личностью и крупнымъ патріотомъ.

До какой степени еще недавно простирались легкомысліе и антинаціональный индифферентизмъ нашей великосвѣтской публики, яркимъ примѣромъ служитъ слѣдующее явленіе: она способна была не замѣтить или простить важный политическій промахъ какому-либо дипломату; но была бы крайне скандализована, еслибъ онъ сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ во французскомъ языкѣ, или отличился бы неправильнымъ его произношеніемъ.

---

18 января.

Сибирская желѣзная дорога и оборона Россіи *).

Всякій русскій человѣкъ, конечно, съ великою радостію прочелъ извѣстіе о томъ благопріятномъ оборотѣ, который принимаетъ дѣло построенія Сибирской желѣзни дороги: во главѣ этого дѣла Высочайшей волей поставленъ Государь Наслѣдникъ, и оно объявляется близкимъ сердцу Самого державнаго Вождя Россіи.

Да если взять въ разсчетъ то громадное значеніе, политическое и экономическое, которое долженъ получить этотъ путь, невольно приходится вздохнуть при мысли что осуществленіе его все еще лежитъ впереди, а не позади настоящаго момента. Не касаясь его выгодъ собственно экономическихъ и колонизаціонныхъ, я укажу только на его чрезвычайную важность въ политическомъ или, точнѣе, въ стратегическомъ отношеніи.

Въ виду постоянно возобновляющихся толковъ о предстоящемъ страшномъ столкновеніи европейскихъ великихъ державъ, ихъ географическія условія сами собою выдвигаются на передній планъ. Уже одинъ бѣглый взглядъ на карту дастъ ясное понятіе о томъ крайне невыгодномъ положеніи, въ которомъ находится нашъ главный противникъ, Германія, особенно въ случаѣ совмѣстнаго дѣйствія Россіи и Франціи. Открытая и доступная со всѣхъ четырехъ сторонъ, она, при своевременномъ энергичномъ наступленіи непріятельскихъ армій, можетъ подвергнуться быстрому и совершенному разгрому, подобно тому, какъ это испытала Пруссія во времена Наполеона I. Отсюда совершенно понятно, почему нѣмцы толкуютъ о своемъ будущемъ наступательномъ образѣ дѣйствій на оба фронта. Но отъ этихъ толковъ еще далеко до ихъ осуществленія. Повторяю то же, что говорилъ и прежде: не смотря на всѣ свои воинственныя рѣчи, они желаютъ войны менѣе чѣмъ кто-либо и будутъ уклоняться отъ нея до послѣдней крайности, особенно отъ войны съ Россіей. Слѣдовательно, уже одно географической положеніе даетъ намъ громадный перевѣсъ: между тѣмъ какъ Нѣмцы, въ случаѣ неудачи, не имѣютъ куда отступить, чтобы собраться съ силами, Русскіе, въ подобномъ случаѣ, могутъ отступать хотя бы до Уральскаго хребта, тамъ выждать подкрѣпленій съ сѣвера, востока и юго-востока и начать новую кампанію. Россія доступна для опасныхъ враговъ собственно съ запада, а съ трехъ другихъ сторонъ ее ограждаютъ непроходимыя моря, огромныя пустыни и высокія горныя

*) Москов. Вѣд. 1893. № 33.

пространства. Только одно намъ нужно еще для усиленія естественныхъ оборонительныхъ условій, это—развитіе рельсовыхъ путей до самыхъ отдаленныхъ концовъ Имперіи. Сибирскій желѣзный путь необходимъ не только въ виду европейской войны, но также и на случай столкновенія съ Китаемъ или съ Японіей, которыхъ неупустительно подготовляютъ противъ насъ Англичане и Нѣмцы.

Мы сейчасъ сказали о недоступности или малодоступности нашей территоріи для непріятелей съ трехъ сторонъ. Но тутъ приходится сдѣлать условное исключеніе въ пользу одной части южной окраины, именно въ пользу Чернаго моря, если къ нашимъ открытымъ врагамъ присоединится и Турція; а что ее вновь возбуждаютъ противъ насъ двѣ названныя націи и даже попытаются выставить въ первой линіи, въ томъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Отсюда, кажется, ясно и понятно, въ чемъ собственно должно состоять благопріятное для Россіи рѣшеніе вопроса о Проливахъ.

Въ прошлыхъ своихъ письмахъ я старался объяснить сущность сего вопроса, и между прочимъ, сѣтовалъ на то, что русская печать, вообще относясь не критически къ извѣстіямъ и сужденіямъ заграничной печати, часто помогаетъ ей внушать русской публикѣ мнѣнія и желанія прямо противныя нашимъ интересамъ. И вотъ, какъ нарочно, на дняхъ пришлось встрѣтить на страницахъ одного большого петербургскаго органа («Нов. Времени») рельефное подтвержденіе моихъ словъ. Его берлинскій корреспондентъ сообщаетъ содержаніе статьи Альберта Шеффле, помѣщенной въ газетѣ *Zukunft*. Сей якобы „авторитетный ученый и политикъ“, будто бы въ разрѣзъ съ господстующимъ противъ Россіи настроеніемъ, весьма благосклонно и безпристрастно признаетъ права Россіи на Востокѣ и указываетъ средство къ мирному соглашенію. Въ чемъ же должно состоять это соглашеніе, основанное на „справедливыхъ желаніяхъ“ Россіи? А вотъ въ чемъ. Такъ какъ Россія въ Черномъ морѣ якобы „заперта какъ въ клѣткѣ“ и желаетъ „прохода русскихъ флотовъ въ Средиземное море и Атлантическій океанъ во всякое время года“ и „пріобрѣтенія военнаго порта въ Эгейскомъ морѣ“, то оба эти требованія или желанія могутъ быть исполнены при слѣдующихъ „противовѣсящихъ имъ и безопасныхъ для Европы“ условіяхъ: во-первыхъ, превратить Дарданеллы и Босфоръ въ нейтральные проливы и открыть Черное море *для военныхъ судовъ всѣхъ націй*; во-вторыхъ, разрѣшить всѣмъ европейскимъ государствамъ пріобрѣсти мѣста для портовъ (конечно военныхъ) въ восточной части Средиземнаго *или Чернаго* морей! Нелѣпость подобнаго соглашенія бьетъ въ глаза, а

корреспондентъ сообщаетъ ее съ видимымъ сочувствіемъ, и старается внушить такое же сочувствіе своимъ русскимъ читателямъ!

Россіи нужно закрытіе, а не открытіе Проливовъ для военныхъ флотовъ; ей нуженъ ключъ, которымъ она могла бы запереть къ себѣ дверь своимъ врагамъ, а совсѣмъ не разрѣшеніе для броненосной Черноморской эскадры (имѣющей оборонительное значеніе) разгуливать по Средиземному морю и Атлантическому океану только въ мирное время; ибо въ военное она тотчасъ же должна или погибнуть въ неравномъ бою, или сдѣлаться дорогимъ призомъ для гораздо болѣе сильныхъ непріятельскихъ флотовъ. Имъ же достанется и нашъ уединенный военный портъ въ Эгейскомъ морѣ; наглядный примѣръ тому показала судьба Бомарзунда въ Крымскую кампанію. Теперь врагамъ, чтобы проникнуть въ Черное море, нужно участіе Турціи въ войнѣ противъ Россіи; а тогда и этого участія не потребуется; непріятельскіе флоты, и прежде всего англійскій, водворятся тутъ вмѣстѣ съ собственными военными гаванями, и вся южная окраина Европейской Россіи будетъ находиться подъ постояннымъ Дамокловымъ мечомъ. Проектируя столь невозможное для насъ мирное соглашеніе по Восточному вопросу, г. Шеффле снисходительно указываетъ намъ наши культурныя задачи въ Азіи и даже въ Азіатской Турціи! Но онъ тщательно устраняетъ Россію отъ всякихъ связей съ Балканскимъ полуостровомъ; а въ туманномъ будущемъ присуждаетъ владѣніе Проливами не кому иному, какъ «православной Болгаріи»! Очевидно, сей великій политикъ пытается однимъ ударомъ зашибить болѣе чѣмъ двухъ зайцевъ. Нѣтъ, господа, нѣмецкая публицистика не чета нашей: она и ошибкой не проговорится въ пользу русскихъ интересовъ.

Давно уже замѣчено было, что русскіе представители при иностранныхъ дворахъ нерѣдко проникались интересами именно этихъ дворовъ и служили ихъ адвокатами передъ русскимъ правительствомъ. Подобное же явленіе повторяется и по отношенію къ нѣкоторымъ корреспондентамъ. Тотъ же самый публицистъ, который сочувственно сообщилъ нелѣпѣйшій проектъ разрѣшенія Восточнаго вопроса,—разрѣшенія діаметрально противуположнаго русскимъ интересамъ,—теперь въ той же газетѣ усердствуетъ въ пользу заключенія торговаго договора между Россіей и Германіей, договора, долженствующаго подорвать развитіе нашей каменноугольной и желѣзодѣлательной промышленности. При семъ любопытно, что, за одно съ нѣмцами, нѣкоторые органы нашей печати придаютъ огромное значеніе столь обычному обмѣну любезностей между двумя царствующими домами, и особенно тосту императора Вильгельма.

Выходитъ такъ, что за этотъ тостъ и за неважную уступку въ хлѣбномъ тарифѣ мы должны заплатить, между прочимъ, будущностію нашего земледѣлія, то-есть отказаться отъ возможности производить дома земледѣльческія машины и оставить наше сельское хозяйство или въ примитивномъ состояніи, или въ безысходной зависимости отъ иностранной промышленности!

Возвращаясь къ извѣстіямъ о Сибирской желѣзной дорогѣ, всякій русскій человѣкъ, конечно, весьма порадуется объявленному намѣренію строить ее собственными русскими средствами; слѣдовательно, не только инженеры, но и рельсы, вагоны, машины и пр.,—все должно быть чисто русское. Благодареніе Богу,—авось не повторятся времена министерства Рейтерна, когда постройка русской желѣзнодорожной сѣти въ 20.000 верстъ не только не развила отечественной желѣзнодорожной промышленности и техники, а напротивъ, въ значительной степени ихъ подорвала и задержала въ пользу промышленности иностранной.

Крайне желательно, чтобы такое же патріотическое намѣреніе проявилось и въ отношеніи отечественнаго морского кораблестроенія, чтобы такія, основанныя на казенныя деньги, Общества какъ «Пароходства и Торговли» и «Добровольнаго Флота», не измѣняли своему истинному назначенію и не преслѣдовали бы однѣхъ эгоистичныхъ коммерческихъ цѣлей, вмѣсто государственныхъ и національныхъ. Вотъ почему русскихъ людей не могли особенно обрадовать недавніе новые заказы въ Англіи со стороны Общества Пароходства и Торговли, или телеграмы изъ Думбартона и Гринока о спускѣ или испытаніи стальнаго океанскаго парохода *Ярославль*, построеннаго по заказу комитета Добровольнаго Флота. Очень хорошо, что на испытаніи онъ обнаружилъ «на полъузла выше обусловленной скорости». Но еслибъ это извѣстіе относилось къ пароходу построенному не въ Англіи, а въ Россіи, русскими руками, изъ русскаго желѣза и съ русскими машинами, тогда другое дѣло: было бы чему сильно и весьма порадоваться.

Ни въ какой культурной европейской странѣ немыслимо отдѣлять свой торговый или военный флотъ отъ собственнаго кораблестроенія; тамъ эти два дѣла неразрывно связаны другъ съ другомъ, и всякая такая страна употребляла величайшія усилія, чтобы развить свое кораблестроеніе. Въ Европѣ есть только одна большая держава, которая имѣетъ покупной броненосный и вообще паровой флотъ, покупное оружіе для своей арміи, иностранные рельсы и вагоны для своихъ желѣзныхъ дорогъ и иностранныя машины для всякаго сложнаго производства. Но эта держава—Турція, государство безнаціональное и не-

культурное, самое существованіе котораго обусловлено только соперничествомъ великихъ европейскихъ державъ.

Чтобы не отстать отъ другихъ въ средствахъ государственной обороны, Россія должна употребить всю свою энергію для развитія собственныхъ заводовъ и собственной техники. Но какимъ образомъ разовьется техника собственно русская, если мы корабли и машины будемъ заказывать своимъ злѣйшимъ врагамъ англичанамъ, а миноноски строить въ нѣмецкомъ Эльбингѣ, на частной верфи Шихау?

У насъ всегда находятся такіе дѣльцы и вліятельныя лица, которыя при всякомъ удобномъ случаѣ начинаютъ высчитывать, въ какой мѣрѣ подобные заказы обойдутся дешевле, будутъ исполнены скорѣе и лучше на иностранныхъ заводахъ, чѣмъ на русскихъ. Эти то лица и суть главные виновники нашей отсталости въ культурномъ отношеніи сравнительно съ Западною Европой и, слѣдовательно, главные тормазы нашего національнаго развитія.

По поводу оппозиціи нѣмецкихъ аграріевъ *).

Толки о русско-германскомъ торговомъ договорѣ продолжаютъ быть въ числѣ тѣхъ явленій, которыя называются злобой дня.

Любопытно и поучительно начало этой злобы. Послѣ неурожая 1891 года, когда хлѣба не хватало для собственнаго прокормленія и пришлось временно запретить его вывозъ, въ нашей печати радѣтели русскаго сельскаго хозяйства подняли вопросъ объ его улучшеніи или, точнѣе, объ устраненіи тѣхъ неблагопріятныхъ условій которыя препятствовали его развитію.

Для всякаго здравомыслящаго человѣка не могло быть никакого сомнѣнія, о какихъ условіяхъ долженствовала идти рѣчь.

Съ одной стороны, истребленіе лѣсовъ, о которомъ мы слышимъ уже лѣтъ тридцать, должно же было привести къ своимъ неизбѣжнымъ результатамъ, то-есть къ изсушенію почвы и оскудѣнію влаги, какъ непосредственнымъ причинамъ неурожая; слѣдовательно, сохраненіе еще остающихся лѣсныхъ богатствъ, облѣсеніе и обводненіе пространствъ обнаженныхъ и засушенныхъ представляютъ самую насущную нашу потребность.

Съ другой стороны, нельзя же такъ долго оставлять русское земле-

---

*) „Московскія Вѣдомости“, 1893 г., № 50.

дѣліе на его примитивной ступени, тогда какъ въ культурныхъ странахъ оно достигло замѣчательнаго процвѣтанія, благодаря развитію обрабатывающей промышленности, то-есть усовершенствованнымъ земледѣльческимъ орудіямъ, искусственному удобренію, тщательному научному изученію почвенныхъ и климатическихъ условій и вліяній, вообще благодаря развитію техники и химіи, которое, конечно, немыслимо безъ широкаго распространенія механическихъ или желѣзодѣлательныхъ и химическихъ заводовъ и фабрикъ. Слѣдовательно, самъ собою вытекаетъ вопросъ о покровительственной по отношенію къ нимъ системѣ, въ связи съ распространеніемъ научно-агрономическихъ познаній.

Съ третьей стороны, необходимо было обратить вниманіе на условія соціальныя, административныя и поземельныя; каковы, напримѣръ, недостатокъ улучшенныхъ путей сообщенія, неисполненіе постановленій о запасныхъ магазинахъ, замѣна сихъ послѣднихъ денежными взносами (которыхъ тоже въ дѣйствительности не оказывалось), вредное вліяніе крестьянскаго самоуправленія и кабака на наше земледѣліе, недостатки земскихъ учрежденій и т. д.

Каково же было удивленіе здравомыслящихъ людей, когда значительная часть русской печати прежде всего заговорила не объ этихъ дѣйствительныхъ причинахъ плохого состоянія нашей агрономіи, а набросилась на нашу сравнительно скудную, едва начинающую свое самобытное развитіе, заводско-фабричную промышленность. Антинаціональные органы, главнымъ образомъ, а другіе вслѣдъ за ними, настойчиво начали увѣрять русскую публику въ томъ, что Россія есть страна земледѣльческая, а не промышленная; что покровительство промышленности вредно отзывается на земледѣліи, ибо отвлекаетъ капиталы отъ сельскаго хозяйства и обращаетъ ихъ на заводы и фабрики, что въ интересахъ земледѣлія надобно добиться пониженія германскихъ боевыхъ пошлинъ на нашъ хлѣбъ, чтобъ облегчить его вывозъ, а для того съ нашей стороны необходимо понизить ввозные тарифы на германскія земледѣльческія машины и другіе фабрикаты. И вотъ отсюда пошла агитація въ пользу новаго русско-германскаго торговаго договора.

Прошу читателей, во-первыхъ, обратить вниманіе на этотъ абсурдъ въ логическомъ отношеніи: требованіе облегчить вывозъ нашего хлѣба не въ эпоху чрезмѣрнаго его обилія, а въ годину его недостатка для собственнаго прокормленія! Право, подобные абсурды едва ли возможны гдѣ-либо въ другой печати, гдѣ нѣтъ такихъ беззастѣнчивыхъ антинаціональныхъ теченій. Во-вторыхъ, мнимые радѣтели нашей агрономіи, провозглашающіе, что Россія есть страна только земледѣльческая, оче-

видно намѣрены искусственно задержать ее на этой низшей ступени развитія и не дать Русскому народу возможности сравняться въ культурѣ съ другими передовыми народами, то-есть держать его въ черномъ тѣлѣ или въ промышленной зависимости отъ западныхъ сосѣдей. Извѣстно, что всѣ европейскіе культурные народы въ свое время были по преимуществу земледѣльческими, но не остановились на сей степени и пошли впередъ, то-есть развили у себя обрабатывающую промышленность; отъ чего выиграло и самое сельское хозяйство, которое тамъ пользуется теперь всѣми пособіями техники и химіи. Въ-третьихъ, любопытно было бы узнать, какимъ это образомъ у насъ земледѣліе приносится въ жертву промышленности и какіе такіе капиталы промышленность отвлекаетъ отъ земледѣлія? Хотя въ числѣ утверждающихъ такое положеніе оказываются и нѣкоторые профессора политической экономіи, слѣдовательно, какъ бы научные авторитеты, однако никакихъ дѣйствительно научныхъ доказательствъ его они не представили. Да и представить не могутъ; ибо капиталы создаются трудомъ, то-есть промышленностью, и фабрично заводскою еще шире и быстрѣе, чѣмъ земледѣльческою, какъ это ясно видно изъ примѣровъ другихъ націй, опередившихъ насъ на семъ поприщѣ. Если Россія сравнительно съ ними бѣдна капиталами, то именно потому, что она далеко отстала отъ нихъ въ дѣлѣ обрабатывающей промышленности.

Сама ли извѣстная часть нашей печати додумалась до вышеприведенныхъ абсурдовъ и аномалій, или получила толчокъ извнѣ, этотъ вопросъ оставляю въ сторонѣ. Но важно то, что подобныя аномаліи могли сбить съ толку даже нѣкоторыхъ представителей нашихъ государственныхъ интересовъ, и они пошли навстрѣчу германскимъ вожделеніямъ. Само собою разумѣется, что нѣмцы ловко воспользовались неустойчивостію сихъ представителей и, такъ сказать, вцѣпились въ неосторожно поднятый вопросъ. Напрасно другіе, уже болѣе дальновидные и патріотичные, представители русскихъ интересовъ стараются отклонить ихъ настоянія; они неуклонно продолжаютъ вести вопросъ о договорѣ на офиціальной почвѣ; а чтобы не дать ему заглохнуть, сопровождаютъ его возможно большимъ шумомъ и всякаго рода инсинуаціями, съ помощью разныхъ парламентскихъ ухищреній, а въ особенности съ помощью своей хорошо дисциплинованной печати.

Этихъ средствъ, однако, показалось мало, въ виду отпора, встрѣченнаго съ русской стороны. И вотъ на сцену выступила бурная оппозиція нѣмецкихъ аграріевъ.

Признаюсь, при первыхъ же извѣстіяхъ о ней я заподозрилъ, что

тутъ есть задняя мысль, и что оппозиція, въ дѣйствительности не сильная, намѣренно раздувается и закулисными путями поощряется. Съ какою цѣлью это дѣлается, кажется ясно. Надобно поддержать ту фикцію, будто бы нѣмцы не только не жаждутъ торговаго договора съ Россіей, а напротивъ, имъ приходится жертвовать важными интересами и побороть многочисленную, сильную партію для того, чтобы сбавить пошлину на русскій хлѣбъ. Выходитъ такъ, что, для полученія какой-либо незначительной сбавки, Россія должна поспѣшить договоромъ, то-есть уступками въ своемъ тарифѣ, такъ сказать, возблагодарить Германское правительство за его жертвы и помочь ему въ его столь трудной борьбѣ съ партіей землевладѣльцевъ. Насъ пытаются завлечь въ игру и опутать какъ будто малыхъ ребятъ. Меня удивляетъ не этотъ маневръ, столь не хитрый, а то, что онъ до нѣкоторой степени достигаетъ цѣли, то-есть производитъ требуемое впечатлѣніе. Часть нашей печати простодушно перепечатываетъ изъ нѣмецкихъ газетъ тенденціозныя извѣстія о якобы страшной оппозиціи аграріевъ и иногда высказываетъ при семъ явное противъ нея неудовольствіе, то-есть поджигаетъ собственное правительство къ заключенію не только ненужнаго намъ, но и крайне вреднаго договора.

Для человѣка, привыкшаго наблюдать и критически разбирать крупныя явленія современной политики, тутъ бросается въ глаза одинъ важный недостатокъ даннаго маневра. Недостаетъ главнаго: фабрично-заводской оппозиціи. При естественномъ ходѣ вещей, оппозиція аграріевъ должна была бы вызвать неминуемый отпоръ со стороны промышленниковъ, партія которыхъ въ Германіи также многочисленна, а можетъ быть еще многочисленнѣе и сильнѣе аграріевъ. Для нихъ договоръ, то-есть пониженіе тарифа на германскіе фабрикаты, представляетъ вопросъ болѣе чѣмъ насущной потребности. И если они молчатъ, значитъ оппозиція аграріевъ не такъ серьезна, и сіи послѣдніе болѣе исполняютъ заданную имъ роль, чѣмъ выражаютъ дѣйствительность. Если бы наши государственные люди вздумали поймать германскихъ на ихъ маневрахъ и объявить имъ, что, принимая во вниманіе страшную оппозицію нѣмецкихъ аграріевъ и желая ихъ успокоить, Русское правительство прекращаетъ всякіе дальнѣйшіе переговоры, Боже мой, какой бы получился тамъ афронтъ, и какъ бы вытянулись физіономіи германскихъ государственныхъ людей! Но, можетъ быть, они еще спохватятся и выставятъ для приданія естественности тѣнь контръ-оппозиціи со стороны промышленниковъ.

Въ заключеніе имѣющимъ уши снова предложу свой совѣтъ: прежде

всего и во всемъ наблюдать и взвѣшивать только собственные національные интересы и только ими руководствоваться въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ, какіе бы они тамъ маневры ни затѣвали. Тогда они или должны будутъ дѣйствовать на чистоту, или въ маневрахъ своихъ путаться, какъ въ собственныхъ сѣтяхъ.

17 февраля.

Еще о тормазахъ для русской культуры*).

Недавно въ нашей печати были опубликованы свѣдѣнія о вывозѣ изъ Москвы виноградныхъ винъ. Оказывается, что первопрестольная производитъ въ нѣсколько кратъ большее ихъ количество чѣмъ получаетъ сама. Это производство существуетъ безо всякихъ виноградныхъ плантацій и основано на однихъ химическихъ сочетаніяхъ. А петербургская печать еще разсуждаетъ о московской косности въ промышленномъ отношеніи! Положимъ, подобная предпріимчивость не дѣлаетъ чести Москвичамъ; но, во-первыхъ, во главѣ ея стоятъ болѣе или менѣе инородческія фирмы; а во-вторыхъ, эта отрасль промышленности въ Петербургѣ процвѣтаетъ отнюдь не менѣе; оттуда-то она главнымъ образомъ и поощряется. Разумѣется, такое поощреніе происходитъ не активнымъ, а пассивнымъ способомъ, то-есть бездѣйствіемъ тѣхъ органовъ, вѣдѣнію которыхъ она подлежитъ.

Любопытно наблюдать недостатокъ цѣлесообразныхъ мѣръ или ихъ энергическаго выполненія тамъ, гдѣ прочно водворилось нѣмецкое вліяніе. Укажемъ на недавнія тому примѣры. Когда вполнѣ раскрылись злоупотребленія маргариновыхъ заводовъ, обратившихъ главную свою дѣятельность на поддѣлку коровьяго масла, ясно было, что только совершенное закрытіе всякаго завода, виновнаго въ этой поддѣлкѣ, могло уничтожить зло въ самомъ его корнѣ. Вмѣсто того, изданы были правила о какой-то раскраскѣ посуды, въ которой продается маргаринъ. Въ результатѣ теперь въ обѣихъ столицахъ не только бѣдный классъ, но и средняго достатка обыватели кушаютъ подъ именемъ коровьяго масла какую-то вредную маргариновую смѣсь. Этотъ фактъ констатированъ химическими анализами, недавно опубликованными въ *Извѣстіяхъ Московской Городской Думы*. Но и сіе констатированіе тоже пока никакихъ дѣйствительныхъ мѣропріятій не вызываетъ. А между тѣмъ, еслибъ и все это новоизобрѣтенное маргариновое производство вычерк-

*) Это письмо воспроизводится съ корректурныхъ столбцовъ.

нуть изъ предѣловъ Россіи, то убытокъ былъ бы слишкомъ ничтоженъ въ сравненіи съ причиняемымъ вредомъ. Другой примѣръ представляетъ надѣлавшая столько шуму съ небольшимъ годъ назадъ, фальсифицированная мука Пухертовская и Дрейфусовская. Виновники и производители этой фальсификаціи такъ и остались не наказанными; для нихъ, яко бы, не нашлось у насъ спеціальныхъ законовъ, хотя, по нашему законодательству вообще, мошенническія дѣянія очень наказуемы. Результатомъ безнаказанности явилось, конечно, наглое продолженіе той же фальсификаціи, и еще на дняхъ гдѣ-то я читалъ, что Пухертъ и доселѣ съ успѣхомъ ею занимается.

По моимъ наблюденіямъ, главнымъ тормазомъ нашего политическаго и экономическаго развитія, повторяю, служило укоренившееся въ Петербургѣ нѣмецкое вліяніе, поддерживаемое массою чиновниковъ изъ необрусѣвшихъ балтійскихъ Нѣмцевъ, стоящихъ на всѣхъ ступеняхъ государственной службы. Усвоенный нами пріемъ учреждать по всякому вопросу особую комиссію много споспѣшествовалъ этому вліянію. По газетнымъ извѣстіямъ, напримѣръ, учреждена комиссія для устройства контроля надъ страховыми обществами. Составъ ея мнѣ неизвѣстенъ; но если бы въ немъ замѣшались два или даже хотя одинъ Нѣмецъ (особенно въ качествѣ дѣлопроизводителя), то весьма возможно, что вмѣсто устраненія заграничныхъ Нѣмцевъ, появятся только правила бухгалтерскія относительно финансовыхъ операцій страховыхъ обществъ, и ничего болѣе. Вотъ почему всѣ упованія Русскихъ людей обращаются не къ спеціальнымъ комиссіямъ, а къ высшему правительству, какъ источнику государственной правды и національной политики.

Въ подобныхъ же комиссіяхъ коренились отчасти не малые тормазы для русской промышленности. Когда-то эта многострадальная промышленность найдетъ краснорѣчиваго повѣствователя для своей мартирологіи! Сколько производствъ принималось у насъ и начинали уже процвѣтать соотвѣтствующіе заводы, какъ вдругъ, вызванное ходатайствомъ Нѣмцевъ, пониженіе ввозныхъ пошлинъ подрывало эти заводы, и они закрывались. Впослѣдствіи, когда вопіющая нужда заставляла снова обратить вниманіе на покровительство, петербургское чиновничество, пропитанное инородческими элементами, начинало отпускать этого покровительства дрожащею рукою, по золотникамъ, съ крайнимъ опасеніемъ какъ бы не пересолить въ пользу Русскихъ и въ ущербъ Нѣмцамъ.

А столичная печать въ это время разсуждала о русской непредпріимчивости и превосходствѣ германской культуры, пребывая въ наивномъ невѣдѣніи того, что строгое покровительство отечественной промышлен-

ности и техникѣ и есть главный факторъ въ развитіи всякой національной культуры. Но состояніе періодической печати обыкновенно не выдѣляется изъ общаго уровня политическаго развитія. Доказательство налицо. Уже одно то, что такой сумбурный и малокомпетентный политикъ какъ издатель «Гражданина» вдругъ явился запѣвалой въ цѣломъ хорѣ органовъ, защищающихъ нѣмецкіе захваты въ Россіи—уже одно это обстоятельство свидѣтельствуетъ о невысокомъ уровнѣ большинства нашей столичной печати.

Вотъ и теперь, какъ она держала себя въ виду неотвязчиваго домогательства Германіи заключить торговый договоръ?

Все та же косность, то же равнодушіе къ русскимъ насущнымъ интересамъ и то же непониманіе самой сути дѣла. Въ подобные моменты наглядно сказываются превосходство и патріотизмъ германской печати въ сравненіи съ нашею столичною. Тамъ всѣ органы, и государственные и общественные, понимаютъ огромную важность вопроса и дѣйствуютъ какъ одинъ человѣкъ. Даже была пущена въ ходъ комедія съ демонстраціями аграріевъ и контръ-заявленіями торгово-промышленниковъ, чтобы сбить насъ съ толку и въ то же время не дать вопросу заглохнуть. А наша столичная печать или благодушно перепечатывала нѣмецкія тенденціозныя извѣстія и толки о договорѣ, или совсѣмъ о немъ молчала, нерѣдко предпочитая занимать публику скорѣе какимъ-нибудь вопросомъ о выѣденномъ яйцѣ, чѣмъ объ опасности, грозящей намъ отъ торговаго договора.

По моимъ наблюденіямъ нѣкоторыя политическія любезности, оказываемыя Германіей въ послѣднее время (конечно чисто внѣшнимъ образомъ), навѣрное находятся въ связи съ желанными для нея уступками экономическими. Я нисколько не удивлюсь, если Германія, для достиженія своихъ цѣлей, предложитъ какую-либо сомнительную сдѣлку или дастъ какое-либо обѣщаніе, конечно условное и ни къ чему серьезному не обязывающее, въ отношеніи Болгарскаго вопроса. Но въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-либо Болгарскій вопросъ долженъ быть у насъ на второмъ планѣ. А на первомъ планѣ долженъ остаться тотъ выводъ, къ которому привела насъ историческая логика; а именно: прежде чѣмъ освобождать Славянъ отъ турецкаго ига, надобно было самимъ освободиться отъ нѣмецкаго вліянія. Вотъ это то вліяніе съ его разными внушеніями и quasi-соглашеніями и создало на Балканскомъ полуостровѣ тотъ плачевный порядокъ вещей, за который мы заплатили болѣе чѣмъ сотнею тысячъ русскихъ жизней и милліардомъ русскихъ рублей. Нѣтъ, повторяю, нужно еще по крайней мѣрѣ 30 лѣтъ дипломатически вѣжливыхъ, но су-

хихъ и никакими договорами несвязанныхъ отношеній съ Германіей, чтобы она покинула наконецъ свои несносныя притязанія на политическую и экономическую эксплоатацію Россіи и перестала смотрѣть на нее съ одной стороны какъ на самый обширный и самый обязательный рынокъ для сбыта своихъ фабрично-заводскихъ произведеній, а съ другой—какъ на самую подходящую страну для постояннаго отлива въ нее избытка своего населенія, и при томъ такого отлива, который бы не прекращалъ тѣсныхъ связей съ кореннымъ отечествомъ и образовалъ бы «Новую Германію» въ русскихъ предѣлахъ.

Что касается до германскихъ боевыхъ пошлинъ на русскій хлѣбъ и скотъ, то здѣсь дѣло именно въ той энергіи и той рѣшительности, которыя, какъ я сказалъ, доселѣ были парализованы нѣмецкимъ вліяніемъ. Этими пошлинами вѣдь Германія объявила намъ тарифную войну. Почему же не принять вызовъ? Почему не предъявить ей со своей стороны запретительные тарифы на главные предметы ея ввоза? Посмотримъ, устоятъ ли тогда ея боевыя пошлины. Во всякомъ случаѣ малѣйшія уступки въ такихъ основахъ промышленности, какъ *желѣзо*, *каменный уголь*, *машины и химическіе продукты*, снова отбросятъ назадъ нашу промышленность и технику, а слѣдовательно затормазятъ развитіе самостоятельной русской культуры и въ теченіе дальнѣйшей стадіи Петербургскаго періода. Разумѣется, если тѣмъ не менѣе, мы оставимъ какъ Лодзинское, такъ и другія отдѣленія германской промышленности (настоящія и будущія) въ предѣлахъ Россійской Имперіи, это развитіе далеко не уйдетъ. Только одна петербургская печать невѣдаетъ въ чемъ суть дѣла; а всякая европейская печать отлично знаетъ, что внѣшняя политика находится въ полной зависимости отъ внутренней, то-есть отъ внутренняго развитія и преуспѣянія. Когда, Богъ дастъ, въ промышленности и техникѣ мы хотя приблизительно подойдемъ къ своимъ западнымъ сосѣдямъ и кромѣ того остановимъ ихъ мирное вторженіе въ наши предѣлы, то внѣшніе вопросы будутъ разрѣшены нами съ гораздо большею легкостію чѣмъ въ настоящій моментъ.

3 апрѣля 1893.

По поводу тарифной войны *).

Москва, 26 іюля.

Не могу не отдать справедливости берлинскимъ руководящимъ сферамъ, хотя и враждебнымъ Россіи, за ихъ энергію и предусмотритель-

*) „Московскія Вѣдомости“, 1893, № 206.

ность въ дѣлѣ національныхъ интересовъ. Посмотрите какъ обдуманно и ловко начали онѣ таможенную войну съ нами. Во-первыхъ, готовясь къ этой войнѣ, онѣ заблаговременно предупредили о ней своихъ фабрикантовъ и промышленниковъ; а тѣ, съ помощью нѣмецкихъ торговыхъ домовъ и нѣмецкихъ агентовъ въ самой Россіи, *успѣли въ теченіе перваго полугодія ввезти къ намъ своихъ издѣлій болѣе чѣмъ за цѣлый прошлый годъ*; слѣдовательно, съ этой стороны Германія обезпечила себя впередъ по крайней мѣрѣ на полгода. При томъ, пятидесятипроцентная надбавка на германскіе фабрикаты предоставляетъ только высокій тарифъ, тогда какъ таковая же надбавка на нашъ хлѣбъ и вообще сырье дѣлаетъ его прямо запретительнымъ.

Во-вторыхъ, иниціативу войны онѣ взяли въ свои руки и объявили ее какъ разъ во время уборки нашего превосходнаго урожая, чтобы произвести возможно большее давленіе на наши экономическіе интересы. А затѣмъ означенныя сферы, не выпуская иниціативы изъ своихъ рукъ, уже назначаютъ приблизительный срокъ для окончанія войны, именно предстоящую осень, или начало зимы, разумѣется съ тѣмъ условіемъ, чтобы Россія сдѣлала требуемыя отъ нея уступки. Кстати, къ тому времени выяснится, въ какомъ количествѣ понадобится нѣмцамъ русскій хлѣбъ, какъ дополненіе къ привозу изъ другихъ странъ. Если и эта часть берлинской программы будетъ исполнена, тогда всѣ выгоды останутся на сторонѣ Германіи, а всѣ убытки отъ кратковременной таможенной кампаніи будутъ на сторонѣ Россіи, и въ концѣ-концовъ не была бы достигнута главная экономическая задача нашего поколѣнія: освобожденіе русскаго заводско-фабричнаго труда отъ назойливой, подавляющей нѣмецкой конкуренціи, и національное развитіе нашей собственной промышленности и собственной техники.

Къ крайнему сожалѣнію, эта задача нашего поколѣнія сознается весьма немногими русскими интеллигентами, если судить по тому, насколько она отражается въ нашей періодической печати. Межъ тѣмъ какъ германская печать отлично сознаетъ то громадное значеніе, которое имѣла бы для нѣмецкой промышленности потеря обширнаго Русскаго рынка, то-есть самостоятельное развитіе русской промышленности и техники, и усердно поддерживаетъ свое правительство, въ его стараніяхъ помѣшать этому самостоятельному развитію, любопытно наблюдать, какъ относятся къ настоящей экономической борьбѣ петербургскіе органы печати и ихъ московскіе отголоски? Да, все болѣе скорбятъ о нашихъ убыткахъ, происходящихъ отъ этой борьбы, и надѣются на скорое ея прекращеніе. О нашей будущности, объ успѣхахъ собственной куль-

туры и экономической независимости эти органы заботятся менѣе всего.

А самые крупные представители антинаціональной печати, тѣ еще не успѣли сказать своего слова по такому важному вопросу. Можно заранѣе себѣ вообразить, какого туману постараются они напустить на этотъ вопросъ со своей фритредерской точки зрѣнія. Но въ послѣднее время (говорю объ іюльскихъ книжкахъ) они были заняты другими, болѣе интересными, предметами. Напримѣръ, въ органѣ г. Стасюлевича, то-есть въ «Вѣстникѣ Европы», находимъ цѣлый трактатъ,—о чемъ бы вы думали? Да о томъ куда, въ какой лагерь, слѣдуетъ отнести кн. Мещерскаго съ его «Гражданиномъ». Изъ сего трактата выходитъ, будто бы кн. Мещерскій такой же консерваторъ, какъ и «Московскія Вѣдомости»; а что онъ такой же антинаціоналъ какъ и «Вѣстникъ Европы», о томъ благоразумно умалчивается. Тотъ же курьезный вопросъ о кн. Мещерскомъ и съ тѣмъ же рѣшеніемъ трактуетъ петербургское подражаніе «Вѣстника Европы»—органъ г. Гуревича «Сѣверный Вѣстникъ», въ лицѣ своего довольно невѣжественнаго фельетониста г. Л. Прозорова. Сей послѣдній къ вопросу о князѣ Мещерскомъ присоединилъ еще чрезвычайной важности вопросъ: о казанскомъ городскомъ головѣ г. Дьяченкѣ, который (о ужасъ!) обратился къ власти съ просьбой «оградить органы городского самоуправленія отъ порицаній и глумленія мѣстной печати». Подобное же строгое внушеніе г. казанскому головѣ непреминуло сдѣлать и московское подражаніе органу г. Стасюлевича, то-есть «Русская Мысль».

Между тѣмъ съ точки зрѣнія вашего покорнѣйшаго слуги, болѣе вниманія заслуживаетъ иного рода недавнее заявленіе о себѣ городского самоуправленія, хотя это заявленіе осталось совершено незамѣченнымъ со стороны русской печати.

Я уже пытался, при посредствѣ «Московскихъ Вѣдомостей», обратить вниманіе русскаго общества на крайнюю нужду развивать собственное торгово-морское кораблестроеніе и, какъ на тормазы ему, указывалъ на заказы кораблей за границей. Говорилъ же я о томъ по поводу послѣднихъ, якобы радостныхъ, извѣстій о постройкѣ въ Думбартонѣ двухъ кораблей, одного названнаго «Ярославлемъ», другого «Тамбовомъ». Недавно читаю въ газетахъ, что Тамбовская городская дума пришла въ умиленіе отъ послѣдняго названія, и постановила послать для него копію со своей мѣстно-чтимой иконы. Если бы дѣло шло о кораблѣ, построенномъ въ Россіи, русскими мастерами, изъ русскихъ матеріаловъ, я бы понялъ удовольствіе тамбовскихъ думцевъ; но восторгаться печальнымъ

актомъ нашей промышленной несамостоятельности и помощію названій поддерживать фикцію русскаго торговаго флота,—это уже явный недостатокъ національнаго чувства и государственнаго смысла, недостатокъ, въ которомъ несомнѣнно и главнымъ образомъ виновато тлетворное вліяніе столичныхъ анти-національныхъ органовъ печати на нашу провинцію. Я бы предложилъ помянутыя суда отмѣтить не именами коренныхъ русскихъ городовъ, а по мѣсту ихъ постройки: «Думбартонъ № 1-й«, «Думбартонъ № 2-й» и т. д., чтобъ ихъ названія постоянно напоминали намъ о необходимости развивать собственное морское караблестроеніе, собственную технику и культуру, а не подражать туркамъ, сіамцамъ и другимъ азіатамъ, точно также покупающимъ готовые корабли у промышленныхъ европейскихъ народовъ *).

Возвращаясь къ только что начавшейся таможенной войнѣ съ Германіей, могу только высказывать свое полное сочувствіе стойкимъ, рѣшительнымъ и разсчитаннымъ на продолжительное время мѣропріятіямъ съ русской стороны,—если мы хотимъ добиться отъ этой войны непосредственно благопріятныхъ для себя результатовъ. Рядомъ съ тарифами было бы необходимо принять и другія мѣры для успѣшной борьбы. Какъ еврейская контрабанда на нашей западной границѣ, такъ и нѣмецкіе передѣлочные заводы въ Россіи несомнѣнно усилятся одновременно съ тарифною борьбой; слѣдовательно и сюда должно быть обращено усиленное вниманіе съ нашей стороны. Потокъ нѣмецкой колонизаціи въ русскія области, вслѣдствіе экономическихъ затрудненій въ самой Германіи, будетъ дѣйствовать еще съ большею энергіей чѣмъ прежде и ему необходимо не только положить преграды, но и обратить вспять колонизацію, уже успѣвшую захватить часть русской территоріи.

При семъ невольно бросается въ глаза извѣстіе о предстоящемъ обложеніи особыми податями китайскихъ колонистовъ, чтобы прекратить ихъ приливъ въ Пріамурскій край. Полагаю, что нѣмецкіе захваты въ юго-западной Россіи представляютъ для насъ гораздо болѣе важное значеніе и гораздо большую опасность; слѣдовательно, обложеніе особыми податями какъ германскихъ колонистовъ, хотя бы и принимающихъ русское подданство, такъ и германскихъ подданныхъ служащихъ въ акціонерныхъ обществахъ, вообще чѣмъ бы то ни было промышляющихъ въ Россіи и отбивающихъ кусокъ хлѣба у русскихъ людей, было

---

*) Но есть и азіаты, достойные подражанія. Это Японцы, ревностно вводящіе у себя желѣзодѣлательное и машинное производство, вообще быстро усваивающіе европейскую технику и матеріальную культуру, и, кажется, безъ return commission.

бы только актомъ политической справедливости по отношенію къ отечественнымъ интересамъ.

Что же касается настоящаго урожая, то кромѣ усиленнаго отпуска другими путями, помимо Германіи, онъ даетъ намъ средства наполнить запасные магазины, увеличить винокуреніе, снабдить населеніе нашего сѣвера и т. п. А затѣмъ относительно возможныхъ излишковъ нѣтъ сомнѣнія, что, при настоящемъ направленіи нашей внутренней политики, правительство тѣмъ или другимъ способомъ придетъ на помощь сельскимъ хозяевамъ, о чемъ уже раздаются нѣкоторые благонамѣренные голоса въ печати и обществѣ.

У насъ, какъ извѣстно, нерѣдко повторяется мнѣніе, что въ сношеніяхъ съ азіатскими народами необходимо держаться твердой, рѣшительной политики, что малѣйшая уступчивость будетъ сочтена ими за признакъ слабости и сдѣлаетъ ихъ дерзкими. Но почему же такое мнѣніе должно быть вѣрно только по отношенію къ Азіатамъ? Полагаю, что къ нашимъ западнымъ сосѣдямъ оно приложимо въ не меньшей степени. Назойливость Нѣмцевъ и притязательность ихъ на безконечную широкую эксплоатацію Россіи являются прямымъ слѣдствіемъ прежней излишней уступчивости съ нашей стороны. И настоящая тарифная война была бы предупреждена, если бы на боевыя пошлины Бисмарка и его другія стѣснительныя противъ насъ мѣры мы своевременно отвѣтили надлежащими репрессіями и со своей стороны.

Въ заключеніе скажу слѣдующее:

Какую бы сравнительную и неблагопріятную для насъ статистику обоюдныхъ убытковъ ни представляли нѣмцы, и какъ бы они ни принимали на себя видъ сильнѣйшей стороны, никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что для нихъ идетъ вопросъ о ввозѣ предметовъ первой необходимости, потребность въ которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается по мѣрѣ умноженія населенія. Тѣмъ не менѣе Германія хочетъ поставить себя въ независимости отъ русскаго хлѣба помощію хотя бы и болѣе дорогого привоза изъ другихъ странъ; по крайней мѣрѣ она такъ намъ угражаетъ. А для насъ вопросъ идетъ о ввозѣ фабрикатовъ, которые мы можемъ и должны производить сами у себя дома. И напрасно нѣкоторые органы печати утѣшаютъ насъ тѣмъ, что произведенія германскихъ фабрикъ мы можемъ замѣнить издѣліями англійскими, французскими и бельгійскими. Нѣтъ, мы должны во что бы то ни стало поднять и упрочить собственное производство, конечно съ помощью строгой и дѣятельной покровительственной системы. Прежній недостатокъ этой системы довелъ русскую культуру до нѣкоторыхъ плачевныхъ результа-

товъ. Напримѣръ, по отношенію къ нашему пресловутому земледѣлію, мы не только пользуемся чужими сколько-нибудь сложными орудіями и машинами, но даже и такія нехитрыя вещи, какъ косы и серпы, и тѣ получаемъ изъ-за границы.

Кіевская петиція и тарифная война *).

Москва, 31 августа.

Недавно обнародованный фактъ обращенія Кіевскаго Сельскохозяйственнаго Общества къ министру Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ съ петиціей о скорѣйшемъ прекращеніи таможенной войны, то-есть объ уступкахъ съ нашей стороны германскимъ требованіямъ,— этотъ фактъ слишкомъ скоро подтвердилъ тѣ опасенія, которыя возникали у меня по поводу новаго министерства, хотя доселѣ они не были высказаны мною въ печати.

Когда еще шла рѣчь объ учрежденіи у насъ Министерства Земледѣлія, я вполнѣ сочувствовалъ сему учрежденію; но при этомъ разсуждалъ такимъ образомъ:

Въ странахъ, гдѣ одинаково развиты и сельское хозяйство, и обрабатывающая промышленность, и гдѣ онѣ опираются другъ на друга, такое особое министерство можетъ приносить только пользу и занимать нормальное положеніе въ общемъ ходѣ государственнаго хозяйства и національныхъ интересовъ. А въ Россіи, гдѣ *нѣтъ еще Министерства Торговли и Промышленности*, гдѣ заводско-фабричная промышленность еще такъ слаба сравнительно съ западно-европейскою, гдѣ даже значительная часть интеллигенціи и руководящихъ сферъ еще не сознаетъ ея важности и проповѣдуетъ такую нелѣпицу, что Россія страна только земледѣльческая и таковою должна остаться,—въ Россіи вновь учрежденное Министерство Земледѣлія, при этомъ условіи и при недостаткѣ полной, дѣятельной солидарности между отдѣльными вѣдомствами вообще,—въ Россіи такое министерство естественно можетъ сдѣлаться предметомъ интригъ для всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ русскаго промышленнаго развитія. Выдвигая на передній планъ интересы сельскаго хозяйства (на томъ основаніи, что мы де страна земледѣльческая), эти враги непремѣнно будутъ стараться привлечь къ своимъ махинаціямъ новое министерство. И еслибъ оно поддалось внушеніямъ подобныхъ радѣтелей о нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, то риско-

---

*) „Московскія Вѣдомости", 1893 г., № 241.

вало бы сдѣлаться однимъ изъ главныхъ тормазовъ для развитія русской обрабатывающей промышленности, то-есть для развитія русской культуры, а въ концѣ-концовъ и для успѣховъ самого земледѣлія; ибо безъ означеннаго развитія оно останется въ примитивномъ состояніи, или навсегда осуждено будетъ пробавляться чужими орудіями и машинами и чужими химическими воспособленіями.

Какъ была принята помянутая петиція новымъ министромъ, намъ неизвѣстно; но, повторяю, наши опасенія начали сбываться слишкомъ скоро по отношенію къ элементамъ враждебнымъ развитію русской національной культуры и народнаго богатства. На сей разъ эти элементы обнаружились въ обществѣ юго-западныхъ землевладѣльцевъ, большею частію инородческихъ, но съ русскою княжескою фамиліей во главѣ. Крайне желательно, чтобы новое Министерство на первыхъ же порахъ обнаружило строго патріотическое направленіе въ такомъ чрезвычайно важномъ и жгучемъ для Россіи дѣлѣ, какъ настоящая тарифная война съ Германіей.

Что касается сей послѣдней, то нельзя сказать, чтобы большинство русской печати по отношенію къ ней усвоило себѣ надлежащіе пріемы и совершенно правильную исходную точку зрѣнія. Относительно органовъ, пропитанныхъ инородческими элементами и антинаціональными тенденціями, нечего и говорить: тѣ прямо являются союзниками Нѣмцевъ и противниками русскихъ интересовъ, хотя и прикрываются разными благовидными предлогами, или ложными экономическими теоріями, выдавая ихъ за якобы научныя положенія. Но и нѣкоторые органы, повидимому стоящіе на русской сторонѣ въ данномъ вопросѣ, защищаютъ ее, по моему мнѣнію, вообще безъ достаточной энергіи и послѣдовательности.

Къ чему, напримѣръ, ведетъ постоянный споръ съ Нѣмцами о томъ какая сторона выказала болѣе предупредительности и любезности, или какая сторона въ настоящее время болѣе теряетъ вслѣдствіе тарифной войны? Что Нѣмцы, для достиженія своей цѣли, сильно преуменьшаютъ свои убытки, это слишкомъ очевидно. Одна за другою закрывающіяся фабрики наглядно показываютъ, что цѣлыя отрасли промышленности тамъ создались на счетъ Россіи, то-есть благодаря недостатку у насъ покровительственной системы. Съ другой стороны, все болѣе выясняется, что наши убытки представлялись прежде въ преувеличенномъ видѣ, что германскій рынокъ для нашего хлѣба не имѣетъ того громаднаго значенія, которое ему придавалось, и что, если тарифная война продолжится, излишки русскаго хлѣба найдутъ другіе пути для своего сбыта. Тѣмъ не менѣе, мы тоже терпимъ убытки въ настоящее время—это несомнѣнно.

Но что значатъ эти временные убытки въ сравненіи съ тою громадной важности задачей, которую Россія должна преслѣдовать этою войной? Вѣдь вопросъ идетъ о нашемъ національно-промышленномъ или культурномъ развитіи, о подъемѣ производительныхъ силъ и собственной разработкѣ нашихъ природныхъ богатствъ, о нашей экономической (а посредствомъ нея и политической) независимости отъ такихъ жадныхъ и безцеремонныхъ сосѣдей какъ Нѣмцы. Это даже не задача, а прямая, желѣзная необходимость, безъ немедленнаго удовлетворенія которой не можетъ быть обезпечено и самое дальнѣйшее существованіе Россіи какъ великой европейской державы. Надобно быть такими же умственно-слѣпыми и научно-отсталыми людьми, какъ нѣкоторые у насъ настоящіе и бывшіе профессора политической экономіи, всеобщей исторіи и международнаго права, чтобы не видѣть названной необходимости и въ то же время толковать о нашей культурной отсталости въ сравненіи съ другими европейскими націями. Слѣдовательно, для насъ нѣтъ смысла препираться съ Нѣмцами о количествѣ убытковъ, когда мы прямо и откровенно можемъ выставить впередъ наши неотложныя національныя нужды, которыя должны быть удовлетворены во что бы ни стало, и удовлетворенію которыхъ всякій договоръ съ Нѣмцами можетъ только помѣшать: ибо договоръ предполагаетъ уступки. А какія же уступки возможны съ нашей стороны по отношенію *къ добычѣ каменнаго угля и желѣза, къ желѣзодѣлательнымъ, машиннымъ и химическимъ заводамъ*, скорѣйшее развитіе которыхъ намъ нужно до зарѣза? Эти отрасли составляютъ основу всякаго производства въ Европѣ, слѣдовательно служатъ фундаментомъ европейской культуры и народнаго богатства.

Вотъ почему мнѣ не совсѣмъ понятна наша предупредительность и готовность поскорѣе возобновить прерванные переговоры. Уже самая посылка нашихъ делегатовъ именно въ Берлинъ на конференцію о торговомъ договорѣ невольно приводитъ на память нашу недавнюю Каноссу, то-есть Берлинскій конгрессъ 1878 года. Но тогда мы могли, по крайней мѣрѣ, сослаться на изолированное политическое положеніе Россіи, для которой наша прошлая дипломатія, вмѣсто естественныхъ союзниковъ, приготовила мнимыхъ друзей — Нѣмцевъ, да еще помогла имъ объединиться и усилиться. А теперь, когда никакая экономическая коалиція намъ не угрожаетъ, да и не можетъ угрожать, когда мы можемъ обходиться безо всякаго торговаго договора съ Нѣмцами, и когда вся суть тарифной войны заключается въ томъ кто дольше ее выдержитъ,—теперь наша предупредительность и готовность рискуютъ окончиться новою Каноссой.

Вся политика Берлина и все его упорство (соединенное съ показываніемъ въ перспективѣ призрака настоящей войны), очевидно, основываются на увѣренности, что Петербургъ не выдержитъ характера и уступитъ. Отнимите у Нѣмцевъ эту увѣренность,—и они тотчасъ перемѣнятъ планъ дѣйствій. Тогда они обратятся къ нашему великодушію и сами пожалуютъ въ Петербургъ на конференцію. А примѣры такого успѣшнаго обращенія къ петербургскому великодушію, въ ущербъ русскимъ интересамъ, прежде бывали. Но будемъ надѣяться, что на сей разъ великодушіе будетъ оказано не чуждымъ интересамъ, а своимъ кровнымъ, національнымъ.

Антинаціоналы какъ противники культуры и науки *).

Въ прошломъ своемъ письмѣ я упомянулъ о замѣчательной научной отсталости, которую обнаруживаютъ у насъ нѣкоторые бывшіе или настоящіе университетскіе профессора, какъ скоро рѣчь заходитъ о политическихъ или экономическихъ вопросахъ національнаго свойства. Чтобы не остаться голословнымъ, приведу примѣры ихъ изъ писаній настоящаго времени по поводу русско-германской тарифной войны.

Возьмемъ *Вѣстникъ Европы*, старѣйшій изъ петербургскихъ органовъ антинаціональной печати и послужившій образцомъ для другихъ органовъ того же направленія. Въ сентябрьской книжкѣ сего журнала повторяются все тѣ же банальныя фразы о покровительственной системѣ, которая будто бы «причиняетъ вредъ большинству туземнаго населенія», и о какихъ-то «несогласимыхъ противорѣчіяхъ между охраной сельскаго хозяйства и покровительствомъ крупной промышленности» (369).

Если мы обратимся къ передовымъ культурнымъ странамъ, то увидимъ, что, наоборотъ, вездѣ при покровительственной системѣ не только развилась крупная фабрично-заводская промышленность, но и сельское хозяйство достигло высокаго процвѣтанія именно въ тѣсной связи съ этимъ развитіемъ. А самымъ яркимъ тому примѣромъ въ настоящее время служатъ Сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты, которые, при строгомъ промышленномъ протекціонизмѣ, снабжаютъ Европу избытками своихъ земледѣльческихъ продуктовъ и являются наиболѣе значительнымъ нашимъ конкурентомъ на міровомъ хлѣбномъ рынкѣ. Гдѣ же тутъ «несогласимыя противорѣчія?» А такъ какъ *Вѣстникъ Европы*

*) Москов. Вѣд. 1893. № 257.

издается и редактируется г. Стасюлевичемъ, бывшимъ профессоромъ всеобщей исторіи въ Петербургскомъ университетѣ, то ясно какъ отсталъ отъ науки этотъ мнимый радѣтель объ интересахъ русскаго населенія и земледѣлія, который въ развитіи заводовъ и фабрикъ усматриваетъ только частные «барыши фабрикантовъ и промышленниковъ» (368), а не успѣхи отечественной техники и культуры и не источники національнаго обогащенія. Если же онъ ссылается на то, что продукты нашей обрабатывающей промышленности «болѣе дороги и менѣе удовлетворительны» (ibid), то кому же неизвѣстно, что моментально и безо всякихъ затратъ высокая культура не создается; что нужны для того нѣкоторое время, нѣкоторая доля послѣдовательности и настойчивости. Все это такія истины, которыя должны быть доступны простому ученику гимназіи, а не только бывшему профессору университета.

Но тамъ гдѣ *Вѣстникъ Европы*, говоря въ сущности ни съ чѣмъ несообразныя вещи, старается по крайней мѣрѣ сохранить маску серьезности, его подражатели не стѣсняются никакими приличіями и прямо договариваются до Геркулесовыхъ столбовъ антинаціональнаго мракобѣсія.

Напримѣръ, *Сѣверный Вѣстникъ*, тотъ въ своей сентябрьской книжкѣ, по поводу тарифной войны, уже открыто проповѣдуетъ экономическій союзъ съ Нѣмцами (собственно подчиненіе Нѣмцамъ) для избавленія Россіи отъ «кабалы всероссійскаго купечества», подъ которымъ разумѣется, конечно, купечество Московскаго района (106). Понятно, что сему, тоже петербургскому, органу печати въ своей яростной борьбѣ съ національнымъ направленіемъ и въ своей отсталости отъ исторической науки дальше идти некуда. А между тѣмъ *Сѣверный Вѣстникъ*, какъ извѣстно, есть изданіе семьи г. Гуревича, если не ошибаюсь, состоящаго приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи при Петербургскомъ университетѣ.

Если обратимся къ тѣмъ органамъ собственно газетной печати, которые особенно усердствуютъ теперь Нѣмцамъ въ экономической борьбѣ съ Россіей, то увидимъ то же замѣчательное явленіе, то-есть русскихъ профессоровъ не только антинаціональнаго, но и явно антинаучнаго направленія. Таковы: въ Петербургѣ *С.-Петербургскія Вѣдомости*, издаваемыя г. Авсѣенкомъ, бывшимъ профессоромъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи въ университетѣ Св. Владиміра; въ Москвѣ *Русскія Вѣдомости*, фабрикуемыя при близкомъ участіи нѣкоторыхъ настоящихъ и бывшихъ профессоровъ, особенно политико-экономовъ, даже слывущія подъ именемъ «профессорской газеты», редактируемыя гг. Соболевскимъ и

Постниковымъ, ех-претендентами на каѳедру политической экономіи; въ Кіевѣ *Кіевлянинъ*, издаваемый г. Пихно, тоже однимъ изъ мѣстныхъ профессоровъ политико-экономовъ. На сей разъ я указываю только на нѣкоторые органы, имѣющіе болѣе или менѣе тѣсную связь съ профессорскимъ званіемъ, и оставляю въ сторонѣ другія антинаціональныя изданія, особенно многочисленныя въ Петербургѣ, въ родѣ *Недѣли* г. Гайдебурова, *Русской Жизни* г. Пороховщикова и тому подобныхъ продуктовъ экзотической или хлыщеватой петербургской культуры.

Но что же представляютъ означенные газетные органы въ оправданіе своей антинаціональной экономіи? Да все тѣ же или ничего не значащіе или завѣдомо ложные толки о нашемъ значеніи яко бы только и разъ навсегда земледѣльческой, а не промышленной страны, о какихъ-то капиталахъ, которые промышленность будто бы отвлекаетъ у насъ отъ земледѣлія, о частныхъ барышахъ фабрикантовъ, яко бы наживающихся въ ущербъ населенію и т. п. Но самаго кульминаціоннаго пункта нелѣпости эти органы достигаютъ тогда, когда начинаютъ утверждать, что въ Россіи нѣтъ никакой нужды покровительствовать собственной промышленности, а нужно только пахать землю, продавать хлѣбъ иностранцамъ или собственно Нѣмцамъ, а отъ нихъ получать произведенія заводовъ и фабрикъ. Зачѣмъ молъ намъ развивать свою заводско-фабричную промышленность, когда эта промышленность уже развилась у нашихъ многоуважаемыхъ сосѣдей? Будемъ только мѣняться на хлѣбъ; это гораздо проще.

Во всѣхъ подобныхъ теоріяхъ и разсужденіяхъ тщательно умалчивается о существованіи разныхъ государствъ и націй, имѣющихъ каждая свои нужды и свои интересы. Умалчивается и о томъ, что простое земледѣліе сравнительно съ обрабатывающею промышленностію представляетъ низшую, почти первобытную ступень культуры. Умалчивается также и то подавляющей важности обстоятельство, что на этой ступени не только немыслимо существованіе великой европейской державы, но и невозможно сохраненіе своей политической независимости, особенно при настоящихъ успѣхахъ военной техники. Какъ и чѣмъ стали бы мы защищаться отъ нашествія нашихъ добрыхъ сосѣдей, вооруженныхъ всѣми усовершенствованными орудіями, всѣми механическими и химическими средствами, которыя изготовляются ими самими у себя дома? Что же, вымѣнивать усовершенствованныя средства государственной обороны на хлѣбъ у другихъ народовъ и, можетъ быть, у тѣхъ же самыхъ сосѣдей во время войны съ ними? Почему все это умалчивается: по невѣжеству или злонамѣренности?

Такъ какъ вторая причина уже есть прямая государственная измѣна, то предположимъ первую. Но въ такомъ случаѣ развѣ подобное глумленіе надъ нашею университетскою наукой со стороны людей профессорскаго званія не характеризуетъ наглядно степень ихъ собственнаго умственнаго развитія? И гдѣ же въ Европѣ, кромѣ нашихъ университетовъ, можно встрѣтить такихъ курьезныхъ профессоровъ всеобщей (культурной) исторіи, которые бы ратовали противъ успѣховъ европейской культуры въ своемъ отечествѣ?

Кромѣ названныхъ выше собственно издателей и редакторовъ, я могъ бы поименовать еще нѣкоторыхъ профессоровъ всеобщей исторіи, которые печатно выражаютъ свое наивное удивленіе тому, что въ концѣ XIX вѣка все еще существуетъ протекціонизмъ. Очевидно ихъ антиисторическому мышленію покровительственная система представляется на одномъ уровнѣ съ крѣпостнымъ правомъ, застѣнкомъ, кнутомъ и тому подобными страшилами прошлыхъ временъ.

Эти противники русскаго благосостоянія и русской національной культуры, а слѣдовательно и Русскаго народа, какъ мы видимъ, нисколько не противъ того, чтобъ иностранные промышленники наживали многіе милліоны на нашъ счетъ; но они съ ненавистью относятся ко всякому чисто русскому промышленнику, сдѣлавшемуся крупнымъ капиталистомъ. Эти историки и политико-экономы, вздыхающіе о свободной торговлѣ, не могутъ привести ни одного примѣра, чтобы какая-либо европейская нація достигла высокой культурной степени безъ строгаго покровительства своей обрабатывающей промышленности и техники. А всякій научный выводъ немыслимъ безъ цѣлаго ряда аналогичныхъ явленій и фактовъ. Слѣдовательно, пріемы ихъ прямо не научны. Ихъ очевидно все еще сбиваютъ съ толку фритредерскія теоріи школы Адама Смита. Но эта школа явилась въ Англіи именно въ то время, когда англійская промышленность опередила всѣ другія страны и нуждалась въ рынкахъ для своего сбыта; фритредерскія теоріи, распространившіяся за предѣлы Англіи, прекрасно помогли ея эксплоататорскому направленію по отношенію къ другимъ народамъ, въ томъ числѣ по отношенію къ Германіи и Россіи. Но въ Германіи уже давно взялись за умъ и выработали другую болѣе научную систему, національно-экономическаго покровительства. Блестящіе плоды этой системы для германской промышленности и культуры у всѣхъ на глазахъ.

А мы грѣшные все еще путаемся съ фритредерскою теоріей, благодаря научной отсталости нашихъ профессоровъ и экономистовъ.

Точно также теперь, когда началась тарифная борьба съ Германіей,

тѣ же профессора и экономисты пользуются нѣмецкими тенденціозными и завѣдомо лживыми выкладками, чтобъ увѣрять насъ въ чрезмѣрной убыточности этой борьбы и въ ея очень вредномъ значеніи для Россіи; тогда какъ нужно тщательно собрать и провѣрить всѣ матеріалы, необходимые для точныхъ выводовъ, и при томъ эти выводы требуютъ извѣстной продолжительности для дѣйствующихъ причинъ. Въ данномъ случаѣ требуется по крайней мѣрѣ два года таможенной борьбы, чтобы вѣрно судить о ея результатахъ для обѣихъ сторонъ. Слѣдовательно, у нашихъ фритредеровъ и тутъ пріемы не имѣющіе ничего общаго съ наукой.

А между тѣмъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе выясняется неблагопріятное вліяніе германскаго хлѣбнаго рынка не только на нашу фабрично-заводскую, но и на самую земледѣльческую промышленность. Неурожайный 1891 годъ обнаружилъ у насъ полное отсутствіе прежнихъ запасныхъ магазиновъ; оказывается, что мы не избытки только своего хлѣба стали вывозить въ Германію, а уже сбывали туда значительную часть того количества, которое нужно для прокормленія собственнаго народа. Въ настоящемъ году, когда урожай въ общемъ нѣсколько выше средняго, при первой же заминкѣ въ спѣшномъ отпускѣ сырого зерна за границу обнаружилось, что въ Россіи нѣтъ болѣе овиновъ, столь многочисленныхъ въ доброе старое время, и негдѣ сушить зерна, безъ чего трудно его хранить, такъ какъ сырое зерно скоро портится. Слѣдовательно неразсчетливыя и слишкомъ тѣсныя связи съ германскимъ хлѣбнымъ рынкомъ способны привести насъ скорѣе къ хищническому, чѣмъ культурному сельскому хозяйству. Но о такихъ обстоятельствахъ радѣтели нѣмецкихъ интересовъ обыкновенно умалчиваютъ, и вообще имъ нѣтъ никакого дѣла до развитія нашей внутренней торговли и промышленности, которое для насъ неизмѣримо важнѣе какого-нибудь германскаго хлѣбнаго рынка, сколько бы о его относительной потерѣ наши антинаціоналы фритредеры ни проливали крокодиловыхъ слезъ.

Считаю нелишнимъ напомнить, что, проповѣдуя строгую покровительственную систему, я отнюдь не разумѣю одни высокіе тарифы, хотя и считаю ихъ самымъ главнымъ условіемъ. Намъ нужно покровительство не пассивное только, а дѣятельное и предусмотрительное. Напримѣръ, къ чему бы послужили покровительственные тарифы, если бы казна, будучи въ странѣ самымъ крупнымъ и авторитетнымъ заказчикомъ, продолжала заказывать за границей рельсы, вагоны, корабли, машины, орудія и т. п.? Если бы все это производилось и строилось у

себя дома, тогда не было бы такой внѣшней задолженности и такихъ заграничныхъ платежей, какіе существуютъ нынѣ, и слѣдовательно не было бы побужденія продавать за границу даже и тотъ хлѣбъ, который нуженъ намъ самимъ.

P. S. Сейчасъ прочелъ телеграфное извѣстіе о всеподданнѣйшемъ патріотическомъ адресѣ Орловскаго губернскаго земскаго собранія, которое изъявляетъ готовность всѣхъ сословій принести всякія жертвы для благополучнаго окончанія таможенной борьбы съ Германіей. Вотъ это весьма отрадный фактъ и добрый, достойный подражанія, примѣръ для всѣхъ истинно-русскихъ людей. Орелъ оказывается не чета Кіеву.

15 сентября.

На это мое письмо между прочимъ *Кіевлянинъ* (1893 г. въ № 262) отозвался замѣткою, озаглавенною «Походъ проф. Иловайскаго на профессоровъ». Тутъ къ сдѣланному мною перечню органовъ, усердствовавшихъ Нѣмцамъ въ экономической борьбѣ съ Россіей, достоуважаемый г. Пихно прибавляетъ «Русскую Мысль», «Новости», «Русскій Вѣстникъ» и «Гражданинъ». При чемъ онъ иронизируетъ мое общее обвиненіе нашихъ профессоровъ-экономистовъ въ «научной отсталости», потому только, что они «являются противниками крайняго протекціонизма и считаютъ его вреднымъ для Россіи». Но уже самое выраженіе «крайній протекціонизмъ» указываетъ на явное уклоненіе отъ сущности спора. Не какой то общій крайній протекціонизмъ я проповѣдую, а энергичное покровительство основнымъ отраслямъ промышленности, неразвитость которыхъ обусловливаетъ нашу отсталость въ дѣлѣ европейской культуры. Выдѣленіе изъ всей промышленной области именно этихъ отраслей (*каменный уголь*, *желѣзо*, *машины и химическое производство*) и указаніе на нихъ какъ на основныя для пріобрѣтенія экономической самостоятельности и европейской культуры — это составляетъ плодъ моихъ собственныхъ изученій и наблюденій. Никто изъ русскихъ экономистовъ не додумался до тѣсной связи данныхъ основъ съ водвореніемъ европейской культуры, какъ conditio sine qua non. Да и въ западноевропейскихъ курсахъ политической экономіи я не нашелъ прямыхъ указаній на эту связь. (Можетъ быть потому, что тамъ въ этихъ указаніяхъ и надобности непредставлялось). Такая культурная точка зрѣнія на извѣстныя отрасли промышленности, которыя требуютъ преимущественнаго покровительства, точка зрѣнія, основанная на сравнительно-историческомъ методѣ, повторяю, усвоена мною какъ плодъ собственныхъ историческихъ занятій и наблюденій. Никто изъ нашихъ профессоровъ политической экономіи и исторіи доселѣ не связывалъ успѣхи или неуспѣхи нашей національной культуры съ раз-

витіемъ или неразвитіемъ именно этихъ отраслей промышленности и вообще не проводилъ строгаго историко-сравнительнаго метода въ сферѣ государственнаго и народнаго хозяйства—метода, въ наше время обязательнаго въ наукѣ. Вотъ почему я и обвиняю ихъ въ научной отсталости. Слѣдовательно, общія фразы о вредѣ какого-то крайняго протекціонизма только обнаруживаютъ нежеланіе отнестись къ вопросу съ подобающими ему научными пріемами.

Наша „культурная борьба".

I *).

Въ настоящій моментъ, въ виду начавшейся Берлинской таможенной конференціи, наши антинаціональные органы печати усилили свою защиту нѣмецкихъ интересовъ и усердствуютъ такъ, какъ будто они получаютъ за то отъ Нѣмцевъ особое вознагражденіе.

Какъ я уже говорилъ въ прошломъ письмѣ, во главѣ этого антирусскаго движенія идутъ органы такъ-сказать профессорскіе, что, повторяю, ясно указываетъ на отсталость отъ науки цѣлой группы нашихъ университетскихъ профессоровъ, особенно политико-экономовъ.

Возьмемъ, напримѣръ, *Русскія Вѣдомости*, которыя, въ своемъ радѣніи о скорѣйшемъ удовлетвореніи германскихъ требованій, уже начали взывать не болѣе, ни менѣе какъ къ русскому патріотизму! Можно подумать, что если мы не поспѣшимъ заключить невыгодный для насъ торговый договоръ съ нѣмцами, то Россія должна погибнуть. Газета при этомъ печатаетъ такія цифры нашего хлѣбнаго ввоза въ Германію, что дѣйствительно можно было бы ужаснуться при одной мысли о потерѣ такого благодѣтельнаго рынка, если бы только эти цифры и освѣщеніе ихъ были вѣрны, и если бы при семъ не умалчивалось объ истинныхъ размѣрахъ того значенія которое имѣетъ русскій рынокъ для германскаго вывоза,—однимъ словомъ, еслибы данные выводы были обставлены всестороннимъ научнымъ образомъ. Но именно послѣдняго-то условія и нѣтъ; а потому *Русскія Вѣдомости* никакъ не могутъ претендовать на политико-экономическую науку, хотя слывутъ «профессорскою» газетой и редактируются двумя ех-экономистами.

Если заглянемъ въ другой московскій органъ нашихъ доморощенныхъ фритредеровъ, въ *Русскую Мысль* (имѣющую впрочемъ почти тѣхъ же сотрудниковъ какъ и *Рус. Вѣд.*), то найдемъ тѣ же удивительные пріемы для доказательствъ направленныхъ въ пользу германскихъ

*) „Москов. Вѣд." 1893 г., № 273.

тарифныхъ вожделѣній. Въ сентябрьской книжкѣ своего изданія, напримѣръ, она называетъ тарифныя сбавки, предложенныя нашимъ Министвомъ Финансовъ въ главныхъ статьяхъ германскаго къ намъ ввоза, слишкомъ «незначительными». Почему же? А вотъ почему: съ пуда желѣза въ Германіи взимается 7—12 коп. золотомъ, въ Австро-Венгріи 6—25 коп., во Франціи 14—16 коп.; а въ Россіи 60—100 коп., съ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій въ Германіи 30 к., въ Франціи 26—53 к., въ Австро-Венгріи 55—75 коп., а въ Россіи 1 р. 70 к.—2 р. 70 к. и т. д. (153 стр.).

Чтобы судить до какой степени наивенъ такой пріемъ доказательства въ пользу русскихъ тарифныхъ уступокъ, надобно только вспомнить о покровительственной системѣ, существованія которой *Русская Мысль* какъ будто и не подозрѣваетъ. Если Германія и Франція, въ которыхъ желѣзное производсто уже достигло высокой степени развитія, все еще взимаетъ съ издѣлій пошлину въ 30 и 53 коп. золотомъ съ пуда, то спрашивается: во сколько же кратъ болѣе должна быть пошлина на нихъ въ Россіи, которая только еще начинаетъ развивать у себя дома столь важныя отрасли промышленности, прямо необходимыя для успѣховъ отечественной культуры?

Любопытно, что наши антинаціоналы и фритредеры теперь, когда потребовались отъ нихъ серьезные доводы для подкрѣпленія ихъ теорій и тенденцій, представляютъ намъ или лживую и неосмысленную статистику, или умолчанія о важнѣйшихъ сторонахъ вопроса, или указанія на какіе-либо факты второстепеннаго и третьестепеннаго значенія. Въ особенности любопытно то обстоятельство, что въ настоящее время, когда исторія выдвинула у насъ на передній планъ самую настоятельную нужду усиленно развивать фибрично-заводскую промышленность, чтобы наверстать потерянное время и возможно скорѣе уменьшить нашу отсталость отъ Европы въ отношеніи производительности, техники и вообще культуры (отсталость, которая не только не можетъ оставаться безнаказанною, но и грозитъ Россіи гибельными послѣдствіями въ будущемъ, и не особенно далекомъ),—въ это именно время наши антинаціоналы и фритредеры вдругъ начали выказывать особую заботливость о русскомъ земледѣліи, какъ будто интересы сельскаго хозяйства находятся въ какомъ-то противорѣчіи съ интересами обрабатывающей промышленности!

Во-первыхъ, по ихъ увѣреніямъ, заводско-фабричная промышленность отвлекаетъ капиталы отъ земледѣлія.

Но вѣдь это одна пустая фраза: никто изъ нихъ и никакими при-

мѣрами до селѣ не указалъ, гдѣ и какіе именно капиталы у насъ пошли или могутъ пойти на желѣзодѣлательную, химическую, механическую или машинную, каменноугольную и т. п. промышленность—въ ущербъ земледѣлію? Наоборотъ, Россія бѣдна капиталами именно потому, что въ ней не развита заводско-фабричная промышленность, не развиты въ особенноси названныя сейчасъ ея отрасли, которыя составляютъ основу всякаго культурнаго успѣха. Передовыя культурныя націи разбогатѣли и нажили громадные капиталы по преимуществу обработкой сихъ отраслей и, благодаря имъ, подняли свое сельское хозяйство на такую ступень, на которую мы не можемъ подняться, пока не разовьемъ у себя дома тѣхъ же отраслей промышленности. Стало-быть, фразы нашихъ антинаціоналовъ о какомъ-то противорѣчіи интересовъ сельскаго хозяйства съ интересами промышленности, будто бы отнимающей у перваго капиталы, это—такая нелѣпость, которая очевидна сама собою.

Во-вторыхъ, встрѣчается слѣдующій аргументъ: прежде, молъ, надобно развить земледѣліе и сдѣлать наше крестьянство зажиточнымъ, такъ какъ оно то и есть главный покупатель заводско-фабричныхъ продуктовъ; а пока оно бѣдно,—нѣтъ главной покупной силы и не для кого заводить фабрики.

Этотъ аргументъ очень напоминаетъ старыхъ крѣпостниковъ, которые въ свое время толковали, что нельзя отмѣнять крѣпостное право, пока нашъ крестьянинъ не образованъ и представляетъ темную силу, что прежде надобно его образовать, а потомъ уже дать ему свободу. Конечно, близорукіе крѣпостники упускали изъ виду такую простую истину, что пока крестьянское сословіе находится въ рабствѣ у помѣщиковъ, о его образованности не можетъ быть и рѣчи, и что рабство такимъ образомъ сдѣлалось бы вѣчно. Точно также и въ данномъ вопросѣ: пока не поднимутся у насъ вообще производительность и культура, дотолѣ и крестьянство наше останется бѣднымъ; а безъ обрабатывающей промышленности народное благосостояніе немыслимо, какъ о томъ опять-таки ясно свидѣтельствуютъ примѣры передовыхъ культурныхъ странъ.

Это, такъ сказать, общій выводъ. Если обратимся къ частностямъ, то еще яснѣе увидимъ всю фальшь второго аргумента, относящагося къ крестьянству, какъ къ главной покупной силѣ заводско-фабричныхъ продуктовъ.

Въ настоящее время, напримѣръ, нуженъ новый корабль Обществу Пароходства и Торговли или Добровольному Флоту,—и они заказываютъ его за границей; строится новый броненосецъ,—и, если не вполнѣ, то

по частямъ опять идетъ заказъ за границу въ видѣ брони, машины и т. п.; строится желѣзная дорога,—и все еще покупаются за границей въ значительной части рельсы, вагоны, паровозы; сооружается новый портъ,—потребныя для того огромныя машины (титаны) покупаются за границей; сельскій хозяинъ хочетъ имѣть усовершенствованную земледѣльческую машину,—онъ выписываетъ ее изъ-за границы; нужны дальнобойныя орудія,—и, какъ извѣстно, еще недавно они заказывались въ Германіи Крупповскому заводу; открываются новыя типографіи или пополняются старыя,—и скоропечатныя машины выписываются изъ-за границы; оттуда же получаемъ и швейныя машины; пришла холера—и мы покупаемъ за границей большіе запасы карболовой кислоты, и т. д., и т. д. Да развѣ можно пересчитать всѣ тѣ предметы (я не говорю о предметахъ роскоши), безъ которыхъ немыслимо теперь существованіе европейской націи, и которые мы все еще покупаемъ за границей, тогда какъ при строго покровительственной системѣ могли бы все это производить у себя дома. Тѣхъ огромныхъ суммъ, которыя теперь ежегодно уходятъ на подобныя покупки за границу, съ излишкомъ хватило бы для заведенія, устройства и эксплаатаціи соотвѣтствующихъ заводовъ и фабрикъ. Спрашивается: при чемъ же тутъ наше крестьянство? Какой же онъ главный покупатель всѣхъ этихъ необходимыхъ для государства предметовъ? Наоборотъ, при отечественномъ ихъ производствѣ крестьянство явилось бы главною рабочею силой и во многихъ мѣстностяхъ пользовалось бы возможностью выйти изъ своей нищеты; а русская нація не отстала бы до такой степени отъ европейской культуры.

По поводу своего второго аргумента наши антинаціоналы и фритредеры наивно смѣшивали мануфактурные обороты Нижегородской ярмарки съ задачами общерусской промышленности. Извѣстно, что въ урожайные годы спросъ на хлопчатобумажные и нѣкоторые другіе мануфактурные товары на ярмаркѣ сильнѣе чѣмъ въ иные годы. И отсюда умудрились сдѣлать прямой выводъ о томъ, что развитіе нашей заводско-фабричной промышленности мы должны оставить въ сторонѣ, пока не развилось крестьянское благосостояніе.

Доселѣ, какъ извѣстно, покровительствомъ у насъ пользовались преимущественно двѣ отрасли отечественнаго производства: свеклосахарные заводы и хлопчатобумажныя фабрики. Дѣйствительно, эти отрасли у насъ развились, и прекрасно. *Но сила и могущество всякой европейской націи основываются не на ситцахъ и сахарѣ, а на желѣзѣ и каменномъ углѣ, на машинномъ и химическомъ производствахъ.* Вотъ бы-

да должно быть теперь обращено у насъ наиболѣе строгое и дѣятельное покровительство. И тѣмъ болѣе что самыя хлопчатобумажныя фабрики наши въ значительной степени работаютъ на иностранныхъ матеріалахъ, заграничными машинами и красками.

Наконецъ, есть еще третій аргументъ, будто бы разъединяющій интересы земледѣлія съ фабрично-заводскою промышленностью. Наши антинаціоналы, вообще столь равнодушные къ судьбамъ Русской народности, теперь, когда нужно отстаивать германскія выгоды, вдругъ вспомнили о вредномъ вліяніи фабрикъ на народную, то-есть на крестьянскую, нравственность. Но всѣмъ извѣстно, что всякій прогрессъ имѣетъ и свою обратную сторону, которая, однако, его не останавливаетъ. Напримѣръ, желѣзно-паровыя дороги подвержены крушеніямъ и ежегодно губятъ не мало народу; однако, по этому поводу доселѣ немыслимо было воздержаться отъ ихъ постройки. Только графъ Канкринъ, при Николаѣ I оказавшій большую услугу Россіи покровительственною системой промышленности (къ сожалѣнію, не удержавшеюся въ послѣдующее царствованіе), явился противникомъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; происшедшая отсюда задержка въ сооруженіи нашей сѣти принесла намъ огромный вредъ и причинила неисчислимыя потери во время Крымской кампаніи. Такой же неизбѣжный результатъ долженъ произойти и вслѣдствіе задержки въ развитіи фабрично-заводской промышленности, въ особенности основныхъ ея отраслей, на которыя я постоянно указываю. А затѣмъ, развѣ нѣтъ никакихъ средствъ улучшить условія и обстановку фабричнаго быта въ нравственномъ отношеніи? Тутъ мы не связаны никакими чужими теоріями и можемъ вырабатывать собственный типъ рабочей организаціи. Нашъ просторъ, а главное, самодержавный строй, даютъ намъ въ этомъ дѣлѣ громадныя преимущества предъ Западной Европой. И профессора политико-экономы, сотрудничающіе въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* и *Русской Мысли*, вмѣсто праздныхъ толковъ о народныхъ дворцахъ въ Англіи, лучше занялись бы разработкой именно этой части вопроса, то-есть изученіемъ, съ одной стороны тѣхъ западно-европейскихъ улучшеній, которыя примѣнимы къ намъ, а съ другой тѣхъ благопріятныхъ условій, которыя свойственны нашему народу и нашему строю.

II. *)

По поводу моего письма объ антинаціональномъ направленіи и научной отсталости нѣкоторыхъ нашихъ профессоровъ, выступившихъ въ

*) Моск. Вѣд. № 271.

качествѣ издателей или сотрудниковъ разныхъ органовъ печати, я встрѣтилъ оригинальныя возраженія. Одинъ изъ сихъ органовъ оправдывается многочисленностію своихъ единомышленниковъ и съ торжествомъ указываетъ, что «въ послѣдніе дни даже кн. Мещерскій совершенно неожиданно усомнился въ пользѣ усиленнаго покровительства нашихъ заводчиковъ и фабрикантовъ». (См. указанный выше № *Кіевлянина*).

Слѣдовательно оправданіе опирается не на качество, а на количество единомышленниковъ. Но въ томъ то и дѣло, что число людей научно-отсталыхъ у насъ слишкомъ велико; потому-то и нужно энергически съ ними бороться и разъяснять общественному мнѣнію ихъ истинную цѣну. Что же касается кн. Мещерскаго, то кто же, кромѣ его самого, считаетъ его дѣйствительнымъ русскимъ патріотомъ? Онъ и его *Гражданинъ* принадлежатъ къ тѣмъ продуктамъ хлыщеватой петербургской среды, которые на словахъ провозглашаютъ принципъ «Россія для Русскихъ», а на дѣлѣ поддерживаютъ старую тенденцію: «Россія для Нѣмцевъ»,—что онъ недавно и доказалъ блистательно по поводу вопроса о нѣмецкихъ земельныхъ захватахъ въ южныхъ губерніяхъ. И если покровительство *русской промышленности* онъ сталъ истолковывать въ смыслѣ личнаго покровительства ненавистнымъ ему *русскимъ промышленникамъ*, то это вполнѣ соотвѣтствуетъ его верхоглядству и недостатку серьезной подготовки.

Другой мой возражатель, именно *С.-Петербургскія Вѣдомости*, во-первыхъ, прибѣгли къ очень устарѣлому пріему, говоря, что я обращаюсь съ доносомъ на нихъ къ цензурному вѣдомству; а во-вторыхъ, какъ на несомнѣнное доказательство патріотизма своего издателя, г. Авсѣенка, указали на то, что онъ стоитъ на сторонѣ сближенія Россіи съ Франціей; отсюда, конечно, и его поѣздка на французскія празднества въ числѣ делегатовъ петербургской печати. Какъ не трудно, однако, доказать свой патріотизмъ: стоитъ только предпринять увеселительную поѣздку въ Парижъ; а тамъ пиши что хочешь противъ интересовъ Россіи, въ пользу иностранцевъ и инородцевъ. Въ такомъ случаѣ и другой делегатъ петербургской печати, г. Нотовичъ, тоже оказывается великимъ русскимъ патріотомъ.

Да, не легко высшему Русскому правительству сохранять твердое, спокойное положеніе въ настоящей его борьбѣ за кровные русскіе интересы съ назойливымъ и ловкимъ сосѣдомъ, не находя себѣ должной поддержки даже въ своей собственной столичной печати—примѣръ нигдѣ въ другихъ европейскихъ странахъ немыслимый. А тутъ еще Финляндія своимъ предательскимъ образомъ дѣйствій старается подорвать

значеніе предпринятой нами тарифной войны. Такъ какъ пятидесятипроцентная надбавка относится тамъ не къ русскому тарифу 1891 года, а къ прежнему собственно финляндскому, болѣе низкому, то уже одно это обстоятельство дѣлаетъ порядочную брешь въ нашей таможенной охранѣ. А теперь оказывается, что финляндскія таможенныя власти (все еще отдѣльныя отъ Россіи) устроили обходъ Высочайшаго повелѣнія о максимальномъ тарифѣ: онѣ сообщили за границу, что не будутъ требовать свидѣтельствъ о происхожденіи тѣхъ товаровъ, которые идутъ не прямо изъ Германіи, и вотъ германскіе товары потянулись въ Россію черезъ Финляндію, предварительно заходя только въ какой-либо датскій или шведскій портъ.

Вообще, нельзя не отдать справедливости внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ Россіи: вопросъ о покровительствѣ русской промышленности они очень ловко повернули на вопросъ о покровительствѣ русскому земледѣлію. Хотя сему послѣднему пришлось бы испытать только временныя и незначительныя потери, тѣмъ не менѣе намъ со всѣхъ сторонъ кричатъ, что русское земледѣліе погибаетъ, потому что оно лишается германскаго хлѣбнаго рынка; что мы должны его спасать во что бы ни стало, то-есть уступить нѣмецкимъ требованіямъ. Такимъ образомъ, сторона несомнѣнно слабѣйшая въ настоящей борьбѣ, Германія, съ помощью нашихъ антинаціоналовъ и отщепенцевъ пріобрѣтаетъ тонъ стороны сильнѣйшей, готовой предписывать намъ свои условія. Не только антинаціональные органы усердно перепечатываютъ тенденціозные толки нѣмецкой прессы вмѣстѣ съ ея лживыми статистическими выводами, но и другіе органы, считающіе себя патріотичными, дѣлаютъ почти то же самое. А ихъ близорукіе корреспонденты, серьезнымъ тономъ сообщающіе якобы откровенныя мнѣнія разныхъ своихъ германскихъ собесѣдниковъ, по мѣрѣ силъ способствуютъ сгущенію тумана и увеличенію сумбура въ умахъ своихъ читателей. И самые добросовѣстные изъ Нѣмцевъ свой разговоръ съ корреспондентомъ обыкновенно кончаютъ сѣтованіями на якобы одинаковую разорительность тарифной войны для обѣихъ странъ; да еще, ради образности, напоминаютъ двухъ вцѣпившихся другъ въ друга львовъ, отъ которыхъ въ заключеніе остались одни хвосты. И публика, читая подобный вздоръ, волею-неволею, конечно, поддается впечатлѣнію чего-то очень страшнаго.

А пресловутая агитація нѣмецкихъ аграріевъ противъ договора съ Россіей! У насъ ей простодушно вѣрятъ и добросовѣстно перепечатываютъ всѣ сенсаціонныя ея заявленія. Я же остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи, что эта агитація умышленно раздута съ цѣлью возможно

болѣе насъ запугать и побудить къ уступкамъ. Какъ еще мало у насъ знаютъ Нѣмцевъ! Какъ скоро забываютъ коварную бисмарковскую политику! По отношенію къ Россіи Каприви, какъ и всякій другой нѣмецкій министръ, является только ея продолжателемъ. Поэтому я совѣтовалъ бы менѣе всего обращать вниманіе на то, что говорятъ и пишутъ Нѣмцы, а имѣть въ виду только русскіе интересы.

Да не подумаютъ читатели, что я вообще противъ всякаго договора съ Германіей. Нѣтъ. Но я не вѣрю въ заключеніе съ нею *выгоднаго для Россіи* договора въ настоящее время. У насъ многіе очевидно не понимаютъ, что дифференціальныя пошлины, а затѣмъ и тарифную войну Нѣмцы предприняли для того, чтобы невыгоднымъ для насъ договоромъ въ корнѣ подорвать русскую, недавно начавшуюся покровительственную систему, успѣхи которой грозятъ постепенно лишить германскую промышленность ея самаго крупнаго рынка и поставить Россію въ полную экономическую независимость. Единственное средство для репрессалій противъ нея представлялъ нашъ хлѣбный отпускъ, и Нѣмцы энергически ухватились за него, какъ за якорь спасенія. Главный хлѣбный отпускъ нашъ въ Германію сводится, въ сущности, къ отпуску ржи, которая составляетъ тамъ излюбленное питаніе простонародія, и на этомъ-то несчастномъ отпускѣ (составляющемъ совсѣмъ незначительную долю въ общемъ производствѣ и потребленіи русскаго хлѣба) Нѣмцамъ пришлось основывать свои храбрыя наступательныя дѣйствія! По всѣмъ признакамъ, они рѣшили потерпѣть хотя бы огромныя временныя потери, но добиться своего, то-есть не дать русской промышленности стать на собственныя ноги. Вотъ почему навѣрное они особенно будутъ упорны по отношенію къ тѣмъ отраслямъ, *которыя составляютъ основу европейской промышленности*. А что свои требованія они будутъ отстаивать и до послѣдней крайности, и съ удивительною изворотливостію, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Нѣтъ, у насъ еще слишкомъ мало знаютъ Нѣмцевъ, избалованныхъ долговременною петербургскою уступчивостію и привыкшихъ смотрѣть на Россію почти какъ на собственную дойную корову. Даже наши профессоры экономисты и историки не понимаютъ того, что настоящая тарифная война для Россіи есть не что иное, какъ борьба за развитіе собственной культуры, своего рода Culturkampf. А никакая подобная борьба не можетъ обойтись безо всякихъ жертвъ.

29 сентября.

Слонимскія тенденціи *).

Москва, 14 октября.

Это было тридцать лѣтъ тому назадъ. Я возвращался изъ своей поѣздки за границу. На дорогѣ между Кенигсбергомъ и Эйдкуненомъ сосѣдомъ моимъ оказался молодой человѣкъ, отправлявшій военную повинность; онъ имѣлъ при себѣ игольчатое казнозарядное ружье. Я попросилъ и получилъ позволеніе осмотрѣть его. На другой день, по дорогѣ между Эйдкуненомъ и Вильной, то-есть уже въ предѣлахъ Россіи, я имѣлъ однимъ изъ своихъ сосѣдей русскаго артиллерійскаго офицера; пользуясь случаемъ, я завелъ съ нимъ рѣчь о прусскомъ игольчатомъ оружіи и выразилъ недоумѣніе, почему оно до сихъ поръ не введено у насъ, при столь очевидномъ его превосходствѣ. Но офицеръ отнесся къ предмету довольно пренебрежительно и сообщилъ мнѣ, что по сему вопросу въ Петербургѣ была назначена особая комиссія изъ военныхъ чиновъ, и что она пришла къ заключенію отрицательному, на основаніи разныхъ неудобствъ, которыя представляетъ данное ружье. Онъ перечислилъ мнѣ, кажется, до десятка всякихъ неудобствъ, признанныхъ комиссіей; напримѣръ, оно скоро засоряется, разгорячается, пріучаетъ будто бы къ торопливости, почему уменьшаетъ мѣткость и т. д. Теперь всѣхъ найденныхъ неудобствъ не припомню; да и нужды въ томъ нѣтъ; ибо въ скоромъ времени событія произнесли суровый приговоръ надъ хитроумными заключеніями петербургской спеціальной комиссіи. Въ слѣдующемъ 1864 году произошла Датско-Нѣмецкая война; но такъ какъ Датчане были подавлены численностію Нѣмцевъ, то дѣйствіе прусскаго ружья прошло почти незамѣтно. За то, спустя два года, въ 1866 г., во время Австро-Прусской кампаніи, игольчатое ружье произвело переполохъ въ европейскихъ арміяхъ. Всѣ державы спѣшили перевооружаться, въ томъ числѣ и мы. Такимъ образомъ, цѣлый десятокъ неудобствъ, найденныхъ комиссіей, оказался пустякомъ сравнительно только съ однимъ, но весьма важнымъ качествомъ: скоростью новой стрѣльбы, втрое или вчетверо превосходящею прежнее ружье. Хорошо еще, что въ этомъ случаѣ мы на чужихъ бокахъ извѣдали всю силу названнаго аргумента. Изъ числа разныхъ выводовъ, вытекающихъ отсюда, я приведу только слѣдующій: слишкомъ рискованно было для государства рѣшеніе важныхъ государственныхъ вопросовъ предоставлять комиссіямъ или делегаціямъ, состоящимъ изъ чиновниковъ воен-

*) „Московскія Вѣдомости", 1893 г, № 287.

наго или гражданскаго вѣдомства, тѣмъ болѣе, что при назначеніи членовъ обыкновенно менѣе всего справлялись со степенью ихъ патріотизма, а болѣе имѣли въ виду разныя другія качества.

Разсказанный фактъ пришелъ мнѣ на память по поводу октябрьской книжки *Вѣстника Европы*, а именно по поводу разсужденій г. Слонимскаго, озаглавленныхъ: «Промышленные успѣхи и протекціонизмъ». При своей борьбѣ за нѣмецкіе интересы противъ русскихъ, органъ бывшаго петербургскаго профессора Всеобщей исторіи, г. Стасюлевича, нашелъ и подходящаго себѣ сочинителя политико-экономическихъ статей въ лицѣ названнаго сейчасъ автора, отъявленнаго врага покровительственной системы по отношенію къ русской промышленности. Подобно вышепомянутой комиссіи, онъ измышляетъ цѣлый рядъ разныхъ неудобствъ для русскаго протекціонизма, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ являются просто курьезомъ. Напримѣръ, профессоръ Менделѣевъ указываетъ на дешевизну рабочихъ рукъ въ Россіи какъ на одно изъ благопріятныхъ условій для развитія нашего заводско-фабричнаго производства, а г. Слонимскій возражаетъ, что это значило бы строить зданіе промышленнаго богатства на народной бѣдности, то-есть «на пескѣ» (756). Изъ его разсужденій выходитъ, что лучше покупать продукты иностранныхъ фабрикъ, на которыхъ рабочіе хорошо оплачены, чѣмъ давать хотя какой-нибудь лишній заработокъ нашему бѣдному крестьянину. А далѣе онъ же проговаривается, приводя такіе случаи, когда крестьянская среда готова работать чуть не даромъ, не зная «чѣмъ занять свободное зимнее время» (776). Но тутъ же, рядомъ съ указаніемъ на дешевизну рабочихъ рукъ, г. Слонимскій вдругъ начинаетъ доказывать, что машиностроительные заводы у насъ будто бы требуютъ громадныхъ затратъ, и что большею частію они не могутъ существовать безъ заказовъ «со стороны казны или желѣзныхъ дорогъ» (763). Да для кого же устраивать заводы, если самые крупные заказчики, то-есть казна и желѣзныя дороги, попрежнему будутъ поддерживать не русское желѣзное производство, а иностранное? Какъ и подобаетъ врагу русскихъ интересовъ и защитнику нѣмецкихъ, г. Слонимскій объясняетъ дороговизну и неудобства собственныхъ заводовъ и фабрикъ тѣмъ, что мы отступили отъ политики шестидесятыхъ годовъ, когда каменный уголь и машины привозились почти безпошлинно (759): ему очень желательно чтобъ эти основныя условія всякаго производства попрежнему не развивались въ Россіи и оставляли бы ее въ зависимости отъ иностранцевъ. Теперь, конечно, эти статьи обходятся намъ дороже; но когда онѣ упрочатся и разовьются, то будутъ обходиться дешевле ино-

странныхъ; а главное, наша техника и культура станутъ на собственныя ноги, что именно и не желательно гг. Стасюлевичамъ и Слонимскимъ.

Какъ извѣстно, наши антинаціоналы и фритредеры отнюдь не склонны заботиться объ интересахъ правительственныхъ вообще и фискальныхъ въ частности; но когда нужно отстаивать нѣмецкія выгоды, они вдругъ начинаютъ печаловаться, напримѣръ, о томъ, что вслѣдствіе покровительственной системы интересы нашего фиска страдаютъ по причинѣ недостаточно энергичнаго возрастанія доходовъ отъ привозныхъ пошлинъ (761). При семъ внезапномъ избыткѣ фискальнаго направленія они забываютъ, что внутреннее заводско-фабричное производство вѣдь тоже облагается разными налогами и акцизами; слѣдовательно, по мѣрѣ его умноженія будутъ увеличиваться и доходы казны, и еще въ большей степени чѣмъ могли бы увеличиваться отъ привозныхъ пошлинъ. Во всякомъ случаѣ, разбирая измышленія нашихъ антинаціоналовъ, надобно постоянно имѣть въ виду ихъ главную тенденцію: отдѣлять интересы и симпатіи Русскаго правительства отъ интересовъ и симпатій Русскаго народа.

Эта тенденція разъединенія особенно бросается въ глаза по поводу указаній на нѣмецкіе филіальные заводы, перенесенные на русскую территорію и въ корнѣ подрывающіе дѣйствіе покровительственной системы, которая при этомъ обращается въ пользу не русскихъ, а иностранныхъ промышленниковъ. Г. Слонимскій увѣряетъ, что «капиталъ имѣетъ по существу космополитическій характеръ», а потому «предупредить или ограничить дѣйствіе иноземнаго капитала на нашей территоріи — нѣтъ возможности», и нельзя де «оградить себя отъ этого *неуловимаго* вмѣшательства чужой предпріимчивости» (766). Выводъ совершенно ложный. Все это вторженіе нѣмецкихъ филіалокъ на нашу территорію основано только на петербургскомъ попустительствѣ. Ни въ какой передовой странѣ Европы и Америки, гдѣ строго охраняются національные интересы, такое вторженіе не было бы допущено, и положить ему предѣлъ всегда возможно, а тѣмъ болѣе при нашемъ самодержавномъ строѣ. Точно также не трудно обуздать и слишкомъ широкое участіе иностранцевъ въ нашихъ акціонерныхъ предпріятіяхъ, на которыя указывается далѣе, и которыя нерѣдко имѣютъ свои главныя правленія не въ Россіи, а заграницей (770—771). Г. Слонимскому слѣдовало кстати напомнить и массу всякихъ привилегій на изобрѣтенія, которыя столь легко раздавались и раздаются въ Петербургѣ иностранцамъ, преимущественно предъ Русскими, такъ что составили значительный тормазъ для отечественной

промышленности. Чтобъ устранить всѣ эти ненормальныя явленія, нужны только рѣшимость и извѣстная правительственная система. Но стараясь разъединять интересы національные и правительственные, враги русскаго развитія увѣряютъ насъ, будто тутъ ничего не подѣлаешь; ихъ нисколько не смущаетъ примѣръ Прусскаго правительства, которое безъ церемоніи выбрасываетъ за дверь всякую иностранную конкуренцію. А противъ ненужнаго намъ или фиктивнаго принятія русскаго подданства тоже могутъ практиковаться разныя мѣры; напримѣръ, можно обусловить его десятилѣтнимъ предварительнымъ пребываніемъ внутри Россіи или такимъ возрастомъ, который бы неизбѣжно отбывалъ воинскую повинность въ рядахъ русскихъ войскъ. Извѣстно, что фритредеры, въ числѣ возраженій противъ покровительственной системы, приводятъ усиленіе пограничной контрабанды, какъ будто противъ нея не могутъ быть приняты дѣйствительныя мѣры! Нѣмецкія же филіалки въ Россіи—развѣ это не та же контрабанда, только не тайная, а открытая? Слѣдовательно, устранить ее еще легче; была бы только рѣшимость.

Повторяю то же, что неоднократно говорилъ прежде: покровительственная система отнюдь не должна ограничиваться однимъ возвышеніемъ тарифовъ. Къ чему послужатъ тарифы, если отечественную промышленность будетъ душить иностранная конкуренція, перенесенная на самую русскую территорію? Но отсюда опять-таки не слѣдуетъ, чтобы наша промышленность могла развиваться безъ тарифной охраны на первомъ планѣ, какъ въ томъ увѣряютъ нѣкоторые органы печати, пугающіе насъ «гибельными» монополіями и все ссылающіеся на «наше свеклосахарное производство». (Напримѣръ, *Русскій Вѣстникъ*, октябрь. 355). Какія бы другія мѣры покровительства ни принимались, но если сосѣди могутъ свободно заполонять нашъ рынокъ своими продуктами, всѣ эти другія мѣры пойдутъ прахомъ. Въ одномъ только случаѣ я могу согласиться съ г. Слонимскимъ и прочими нашими фритредерами: въ неодобреніи вывозныхъ премій.

Г. Слонимскій довольно много распространяется далѣе на слѣдующую тему: протекціонизмъ якобы вреденъ уже потому, что поощряетъ крупныхъ промышленниковъ въ ущербъ мелкимъ и кустарнымъ промысламъ (772—776). Опять лицемѣрная забота о малоимущихъ классахъ. Тутъ приводится рядъ кустарныхъ производствъ, каковы: дубленыя овчины, полушубки, рѣзная мебель, фисъ-гармоніи, крестики и кольца изъ латуни, канитель, ножи и вилки. Хорошо; но соорудятъ ли намъ кустари броненосный, миноносный и торговый флоты, тысячи дальнобойныхъ орудій, милліоны магазинныхъ ружей, сотни милліоновъ патроновъ, по

требное для Россіи количество паровозовъ, вагоновъ, рельсовъ, движимыхъ паромъ машинъ бумагопрядильныхъ, ткацкихъ, скоропечатныхъ, и тому подобныхъ предметовъ государственной и общественной необходимости? Не правда ли, какая упорная и наглая пропаганда, направленная къ тому, чтобы держать Русскій народъ въ черномъ тѣлѣ и не дать ему возможности въ культурномъ отношеніи сравняться съ западными Европейцами?

Какъ ни мало состоятельны указанные аргументы противъ покровительственной системы, тѣмъ не менѣе наши фритредеры и антинаціоналы придаютъ имъ какое-то значеніе. Такъ, гг. Соболевскій и Постниковъ съ наслажденіемъ перепечатали въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* самыя сумбурныя мѣста изъ означенной статьи, чѣмъ и подтвердили свое антинаучное направленіе. Для меня же собственно является крайне ненормальнымъ тотъ фактъ, что у насъ даже и *невполнѣ обрусѣвшіе* слонимскіе публицисты хотятъ вліять на русское общественное мнѣніе и на характеръ всей русской экономической политики.

Въ той же книжкѣ *Вѣстника Европы*, въ редакціонномъ обозрѣніи текущихъ дѣлъ, по поводу Берлинской таможенной конференціи, нѣмецкіе интересы отстаиваются съ тою же беззастѣнчивостію и враждой къ русскимъ интересамъ. Журналъ торжественно указываетъ на то, что предсказанія русскихъ патріотовъ о вынужденной германской уступчивости доселѣ не оправдались (798). Да кто же говорилъ, что Нѣмцы не выдержатъ и двухъ мѣсяцевъ? Вотъ если они не выдержатъ не менѣе двухъ лѣтъ тарифной войны и при томъ строгой, безъ финляндскихъ и другихъ лазеекъ, тогда только и можно дѣлать выводы. Органъ г. Стасюлевича уже началъ проводить необходимость «какой-нибудь временной сдѣлки», чтобы положить конецъ якобы *безплодному* конфликту (800).

Подобная сдѣлка была бы для насъ наихудшимъ исходомъ; ибо, въ силу ея *временности*, были бы сдѣланы такія уступки, которыя вновь отбросили бы назадъ развитіе нашей промышленности, ради вывоза въ Германію незначительной, приблизительно двадцатой, доли всего количества русской ржи.

Наши фритредеры, какъ извѣстно, постоянно стараются подкрѣпить себя ссылками на заграничные авторитеты, хотя бы и очень сомнительные, или совсѣмъ къ дѣлу неподходящіе. Въ той же книжкѣ *Вѣстника Европы*, среди оберточной библіографіи, рекомендуется русскій переводъ книги американскаго экономиста Сомнера. Книга эта направлена противъ протекціонизма, но именно противъ своего американскаго протекціонизма, и къ нашимъ условіямъ она не имѣетъ никакого близкаго от-

ношенія. Вотъ когда русская обрабатывающая промышленность достигнетъ такого же высокаго уровня, какъ и сѣверо-американская, ну, тогда нѣсколько иное дѣло, — но отнюдь не ранѣе. Любопытно, однако, что правительство Соединенныхъ Сѣвероамериканскихъ Штатовъ не внимаетъ своимъ фритредерамъ и доселѣ держится строгаго протекціонизма, отлично понимая, что каши масломъ не испортишь.

По поводу средиземноморской эскадры *).

Франко-русское сближеніе, вновь скрѣпленное несравненными парижско-тулонскими празднествами въ честь нашихъ моряковъ, представляетъ такой актъ политической мудрости и такое событіе, значеніе которыхъ въ настоящую минуту еще не можетъ быть вполнѣ оцѣнено; а послѣдствія ихъ будутъ зависѣть отъ обоюднаго умѣнья ими воспользоваться въ сферѣ какъ политическихъ, такъ и экономическихъ интересовъ. Предоставляя себѣ право поговорить при случаѣ о возможныхъ политическихъ комбинаціяхъ, въ настоящую минуту продолжаю свою рѣчь о нашихъ нуждахъ экономическихъ или, собственно, культурныхъ.

Теперь, когда превосходящій всякія ожиданія пріемъ русской эскадры во Франціи сдѣлался историческимъ фактомъ, я могу высказать ту неотвязную мысль, которая сопровождала мое восхищеніе, доставляемое этимъ фактомъ, и нѣсколько нарушала полное національное удовлетвореніе. Когда французская эскадра посѣтила Кронштадтъ, она явилась вполнѣ представительницей и морской силы Франціи, и ея національной культуры. Можемъ ли сказать то же о русской средиземноморской эскадрѣ, посѣтившей Тулонъ? Конечно, моряки были русскіе. А корабли? Петербургскіе органы печати сообщали много всякаго рода свѣдѣній о нашей эскадрѣ; прилагали біографію адмирала, портреты командировъ, силуэты кораблей и т. п. Но они, по обыкновенію, ничего не сказали о томъ, когда, кѣмъ, гдѣ и какъ построены были пять судовъ нашей эскадры. Когда приходится плавать на судахъ Общества Пароходства и Торговли или Добровольнаго Флота, тамъ уже заранѣе знаешь, что въ этихъ судахъ, именуемыхъ *Царь* или *Царица*, *Ярославль* или *Тамбовъ* и т. п., кромѣ именъ ничего нѣтъ русскаго, что всѣ они цѣликомъ были заказаны за границей. Почти то же можно было недавно сказать о нашихъ броненосцахъ и вообще военныхъ корабляхъ. Въ настоящее

---

*) Моск. Вѣд. 1893. № 300.

время мы сдѣлали нѣкоторый шагъ впередъ и, сколько я могу судить, находимся въ періодѣ смѣшанной системы военнаго судостроенія; частію заказываемъ суда вполнѣ за границей; частію строимъ дома, при чемъ, однако, или мастера, или броня, или машины—заграничные. Вотъ почему, при извѣстіяхъ о нашей эскадрѣ въ Тулонѣ, меня особенно интересовалъ вопросъ: изъ пяти русскихъ военныхъ кораблей есть ли хотя одинъ вполнѣ русскій, то-есть построенный весь въ Россіи, русскими руками, изъ русскихъ матеріаловъ? Для петербургской печати съ ея мелочными ежедневными интересами, конечно, это вопросъ, можетъ-быть, третьестепенный, но для историка онъ на первомъ планѣ, ибо это вопросъ національной культуры и національнаго достоинства. Для русскаго чувства совсѣмъ не одинаково: являемся ли мы къ своимъ союзникамъ равноправными съ ними членами европейской семьи, или не вполнѣ равноправными? У Турокъ также есть броненосцы и вообще самое усовершенствованное вооруженіе; но вѣдь это не свое, покупное; а потому никто не считаетъ ихъ европейскимъ народомъ, и военно-морская сила ихъ находится въ полной зависимости отъ ихъ европейскихъ покровителей и поставщиковъ.

Изъ сказаннаго сейчасъ, надѣюсь, читатель вновь и вновь убѣдится, до какой степени мы нуждаемся въ строгомъ покровительствѣ нашей промышленности, если хотимъ быть великою европейскою націей. Военно-морское судостроеніе никоимъ образомъ невозможно выдѣлить изъ общаго состоянія промышленности и техники въ странѣ. Если не развивается собственный торговый флотъ по недостатку надлежащихъ мастеровъ, заводовъ и фабрикъ, то не можетъ развиваться и военный флотъ при тѣхъ же условіяхъ. Когда корабли были деревянные и парусные, мы строили ихъ дома; но когда въ Европѣ и Америкѣ явились броневыя и миноносныя суда, движимыя паромъ, мы стали заказывать ихъ за границей; ибо пренебрегали развитіемъ собственныхъ желѣзодѣлательныхъ и механическихъ заводовъ, и своими низкими тарифами въ этомъ отношеніи поставили себя въ тяжелую зависимость отъ иностранцевъ.

Поэтому въ сотый разъ повторяю, что всякая тарифная уступка съ нашей стороны въ пользу сосѣдей *по отношенію къ добычѣ каменнаго угля и желѣзному производству, какъ основанію промышленности*, была бы весьма плачевна и грозила бы великими опасностями въ недалекомъ будущемъ. Да и кто же изъ нашихъ государственныхъ людей возьметъ на себя такую отвѣтственность предъ Россіей и ея будущностію? Если въ сороковыхъ и шестидесятыхъ годахъ возможны были подобныя

уступки изъ-за родственной любезности, то онѣ сдѣлались невозможны въ девяностыхъ, когда исторія выяснила главныя причины нашей технической и вообще культурной отсталости сравнительно съ западными сосѣдями.

Наши антинаціональные публицисты, съ *Вѣстникомъ Европы* во главѣ, ищутъ этихъ причинъ, какъ извѣстно, не въ недостаткѣ покровительства народному труду, а въ отсутствіи парламента и конституціи на западный образецъ. Они ратуютъ и противъ покровительства, и противъ русскаго государственнаго строя, то-есть поступаютъ какъ разъ наоборотъ тому, чему учитъ насъ историческая наука, хотя и считаютъ въ своихъ рядахъ нѣсколькихъ бывшихъ или настоящихъ профессоровъ всеобщей исторіи. Нѣтъ, ошибки были допущены по неправильному взгляду на взаимныя отношенія протекціонизма и фритредерства; но будемъ надѣяться, что онѣ отошли въ область прошедшаго, и что наше національное экономическое развитіе пойдетъ впредь по прямому пути. А на этомъ пути главною его опорой и будетъ служить именно нашъ, вѣками утвержденный, самодержавный строй. Въ настоящее время строгое, неуклонное покровительство и безпрепятственный прогрессъ русской промышленности къ тому же обезпечены извнѣ европейскимъ миромъ, который покоится теперь на франко-русскихъ плечахъ, и было бы грѣхомъ не пользоваться такимъ благопріятнымъ условіемъ.

Въ высшей степени характерно отношеніе русской столичной печати къ настоящей тарифной борьбѣ и къ Берлинской конференціи. Въ Берлинѣ трактуются вопросы громадной важности для Россіи, вопросы, отъ того или инаго рѣшенія которыхъ зависитъ дальнѣйшее развитіе нашей культуры; а столичные органы или прямо защищаютъ нѣмецкіе интересы противъ русскихъ, или относятся къ дѣлу мимоходомъ, спустя рукава, широко распространяясь о всякомъ другомъ предметѣ скоропреходящаго значенія. Для историка это какъ нельзя болѣе наглядное доказательство невысокой степени петербургскаго интеллектуальнаго развитія вообще и національнаго сознанія въ частности.

29 октября.

Еще о необходимости покровительства *).

На помѣщаемыя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» мои письма по поводу тарифной войны съ Германіей я получаю иногда дорогіе для меня

*) „Моск. Вѣд." 1893. № 311.

сочувственные отзывы отъ русскихъ людей съ разныхъ сторонъ, и притомъ отъ лицъ мнѣ совершенно неизвѣстныхъ. Въ настоящемъ своемъ письмѣ позволю себѣ привести нѣсколько строкъ изъ посланія, адресованнаго мнѣ на дняхъ обывателемъ города Шуи г. О. Ж—вымъ.

«Удивительно—пишетъ онъ—какъ не дозрѣла и близорука наша политико-экономическая печать въ данномъ вопросѣ. Рѣдко, рѣдко встрѣтишь въ ней здравыя мысли, а постоянно бредъ ребяческій. Жаль, очень жаль, если Нѣмцы настоятъ на своемъ и насъ побѣдятъ».

На эти слова замѣчу со своей стороны, что трудно было бы и ожидать здравыхъ сужденій отъ поставщиковъ всякаго журнальнаго и газетнаго хлама, если въ данномъ случаѣ недостатокъ здравомыслія и научности обнаруживаютъ сами профессора всеобщей исторіи и политической экономіи. По сему поводу укажу на критическую статью г. Головина («Русск. Обозрѣніе» 1893. Октябрь), въ которой онъ довольно убѣдительно доказываетъ несоотвѣтствіе съ современнымъ состояніемъ науки въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ курса политической экономіи, недавно изданнаго московскимъ профессоромъ Чупровымъ. Это была бы еще небольшая бѣда; а важно то, что достоуважаемый А. И. Чупровъ, профессорствующій, если не ошибаюсь, съ шестидесятыхъ годовъ, успѣлъ приготовить цѣлую школу доморощенныхъ экономистовъ фритредерскаго толка, которая теперь и дѣйствуетъ на каѳедрахъ, въ журналахъ, газетахъ и на разныхъ отрасляхъ государственной службы.

Въ посланіи ко мнѣ г. Ж—въ указываетъ на одинъ историческій фактъ, который желательно сдѣлать общеизвѣстнымъ.

«Вы, можетъ быть, удивитесь, что такъ близко я принимаю этотъ вопросъ къ сердцу и подумаете, что я имъ заинтересованъ, что я или фабрикантъ или заводчикъ. Нисколько. Никогда я таковымъ не былъ и не есмь. А нечуждъ этотъ мнѣ вопросъ потому, что въ 1867—68 гг. я имѣлъ удовольствіе быть членомъ Комиссіи по пересмотру тарифа по Европейской торговлѣ отъ Владимірскаго Мануфактурнаго Комитета и высидѣлъ въ этой Комиссіи цѣлую зиму. Слабая роль моя была, конечно, защищать отечественную промышленность противъ легіона чиновниковъ-фритредеровъ. Вотъ тутъ-то я наглядѣлся на нашихъ бюрократовъ-политико-экономовъ, отъ которыхъ зависитъ участь отечественной промышленности и народнаго хозяйства. Отъ нихъ зависѣло быть или не быть отечественной промышленности. И они постановили *не быть*. Но, къ счастію, по донесенію объ этомъ покойному Государю Императору, составленъ былъ по Высочайшему повелѣнію Тарифный Комитетъ съ участіемъ въ немъ Государя Наслѣдника, нынѣ благополучно цар-

ствующаго Государя Императора, и этотъ Комитетъ нѣсколько исправилъ ставки пошлинъ, постановленныя большинствомъ Комиссіи. Конечно, и эти исправленныя ставки, какъ извѣстно, не могли охранить нашу промышленность въ достаточной мѣрѣ; но все-таки возникновеніе Тарифнаго Комитета, составленнаго изъ 7 лицъ—министра Финансовъ, членовъ Государственнаго Совѣта, съ участіемъ, какъ сказано, Государя Наслѣдника, произвело то полезное дѣйствіе, что Государь Наслѣдникъ лично изволилъ выслушать и принять къ свѣдѣнію всѣ данныя въ пользу нашей промышленности, изложенныя приглашенными въ Комитетъ экспертами отъ фабрикантовъ, и смѣю думать, что сіе обстоятельство не осталось безъ вліянія на торгово-промышленную политику настоящаго благополучнаго царствованія».

Сообщивъ этотъ историческій фактъ со словъ шуйскаго обывателя, я возвращусь къ тому предмету, о которомъ говорилъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ, то есть къ русскому судостроенію, къ чему подаетъ мнѣ прекрасный поводъ на дняхъ помѣщенная въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» корреспонденція изъ Николаева о спускѣ эскадреннаго броненосца *Три Святителя*.

Конечно, публика прочла съ удовольствіемъ картинное описаніе спуска; а равно сообщеніе о томъ, что строителемъ броненосца былъ г. Раткинъ, судя по фамиліи русскій человѣкъ, что орудія для него изготовляются на Обуховскомъ заводѣ, башенныя установки съ гидравлическими механизмами на Петербургскомъ механическомъ заводѣ, судостроительная сталь и палубная броня доставлены Брянскими заводами, канаты и якори Ижорскими заводами. Но тутъ удовольствіе, для меня по крайней мѣрѣ, и кончается. Далѣе оказывается, что «*главные судовые механизмы* съ паровыми котлами изготовлены на заводѣ Гомфрейса и К° въ Лондонѣ; броневыя стѣнныя плиты изготовляются тремя иностранными заводами, однимъ англійскимъ и двумя французскими; рулевая рама и кронштейны отлиты изъ стали заводомъ Джерзона въ Шеффильдѣ; рулевое устройство съ паровою машиной доставлены заводомъ Девиса въ Лондонѣ; *главный* рушпельсъ отливается и куется *заводомъ Круппа въ Германіи*».

Итакъ, въ сооруженіи одного русскаго броненосца участвуютъ четыре страны: Россія, Англія, Франція и Германія; при чемъ важнѣйшія его машинныя части и принадлежности относятся къ иностранной промышленности. Тутъ получаемъ мы наглядное доказательство тому, что *машины и вообще усовершенствованные механизмы составляютъ нашу Ахиллесову пяту* даже и въ такомъ громадной важности дѣлѣ, какъ

государственная оборона. Слѣдовательно, первѣйшая и настоятельнѣйшая *наша нужда состоитъ въ развитіи желѣзодѣлательныхъ и особенно машиностроительныхъ заводовъ.*

Недавно пришлось мнѣ прочесть въ одномъ петербургскомъ органѣ, съ торжествомъ переданное, заявленіе администраторовъ какого-то англійскаго судостроительнаго завода о томъ, что русскіе заказчики особенно высоко ими цѣнятся, потому что они самые исправные плательщики. Неправда ли, какой неутѣшительный аттестатъ нашей культурной незрѣлости? Тамъ мы не сами производители продуктовъ европейской культуры, а только заказчики и плательщики (но конечно съ «возвратной коммиссіей» т. е. return commission)! И это послѣ двухтысячелѣтняго историческаго существованія!

Въ 1906 году слѣдовательно черезъ 10 лѣтъ исполнится ровно двѣ тысячи лѣтъ съ того времени, какъ Русское племя впервые было занесено на скрижали исторіи (въ сторонѣ Боспора Киммерійскаго). Поэтому напрасно нѣкоторая часть петербургской печати все называетъ насъ какимъ-то молодымъ народомъ. Мы отнюдь не моложе, напримѣръ, Нѣмцевъ. А если сравнительную культурную незрѣлость или отсталость принимать за молодость, то современные Греки, Египтяне, Персы, Турки и т. п. окажутся еще моложе насъ, что исторически было бы невѣрно.

Едва ли можно оспаривать слѣдующее положеніе, на которомъ я позволяю себѣ настаивать: военно-морская сила всякой великой европейской державы опирается не на количество кораблей, пріобрѣтенныхъ цѣликомъ или частію у другихъ народовъ, а главнымъ образомъ на собственное судостроеніе, со всѣми его механическими принадлежности включительно. Другими словами: собственнаго флота не можетъ быть безъ собственнаго судостроенія и машиннаго производства. Слѣдовательно, и съ этой стороны, какъ и со всѣхъ другихъ, всякая уступка Нѣмцамъ въ торговомъ договорѣ по отношенію къ продуктамъ *желѣзодѣлательныхъ и машиностроительныхъ заводовъ* была бы новымъ и опаснымъ тормазомъ въ развитіи національной культуры вообще и средствъ государственной обороны въ частности.

Такимъ образомъ намъ приходится постоянно возвращаться къ извѣстному Катоновскому изреченію. Разница только въ томъ, что мы проповѣдуемъ не разрушеніе, а творчество. Вмѣсто *delenda* будемъ повторять: *colenda* est industria Rossica!

Скажу болѣе: энергическое движеніе впередъ обрабатывающей или заводско-фабричной промышленности, при помощи строго покровитель-

ственной системы, составляетъ одну изъ великихъ современныхъ задачъ русскаго самодержавнаго строя, непосредственно сближающую наше время съ энергическими культурно-промышленными начинаніями Петра Великаго.

9 ноября.

Два слова моимъ возражателямъ *).

Пользуюсь немногими возраженіями, которыя встрѣтилъ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ органахъ печати по поводу моего прошлаго письма о продолжающихся заказахъ за границей для нашего флота и о необходимости энергично приняться за развитіе собственныхъ *желѣзодѣлательныхъ*, *въ особенности машиностроительныхъ* заводовъ.

Одна петербургская газета замѣчаетъ, что никто въ этой необходимости не сомнѣвается, но что постройка нашего флота не можетъ ждать развитія сихъ заводовъ. Подобное возраженіе не ново; оно давно сдѣлалось стереотипною фразой въ Петербургѣ; въ этой-то фразѣ и заключается главное зло. На такомъ основаніи (что некогда ждать). мы, какъ извѣстно, въ министерство Рейтерна построили 20.000 верстъ желѣзнаго пути, при чемъ не только не развили собственнаго желѣзнаго и механическаго производства, но еще болѣе его подорвали, потому что рельсы, паровозы и вагоны постоянно покупали за границей. На томъ же основаніи мы подорвали собственные литейные заводы въ пользу нѣмецкихъ Крупповскихъ, когда пришлось изготовлять стальныя дальнобойныя орудія. Точно также и теперь спрашиваю: какимъ же образомъ будетъ развиваться у насъ корабельно-машинное производство, если машины для своего флота мы постоянно будемъ заказывать въ Англіи?

Въ прошломъ письмѣ я указывалъ на постройку *Трехъ Святителей*. Послѣ того попалось мнѣ извѣстіе о спускѣ броненосца *Адмиралъ Ушаковъ*, построеннаго въ Петербургѣ, на Балтійскомъ заводѣ. И опять читаемъ, что паровой, двухвинтовой, тройного расширенія, механизмъ въ 5.000 индикаторныхъ силъ изготовленъ въ Англіи, на заводѣ Мадслей. И снова повторяю: стало-быть *машины составляютъ нашу Ахиллесову пяту*, которую надобно какъ можно скорѣе бронировать, пока непріятель ею не воспользовался. А слѣдовательно, если съ чѣмъ невозможно долѣе ждать, такъ именно съ развитіемъ собственныхъ машиностроительныхъ заводовъ и съ образованіемъ потребнаго количества русскихъ техниковъ-машинистовъ.

---

*) „Московскія Вѣдомости". 1893. № 321.

Не нужно быть спеціалистомъ въ судостроеніи, чтобы сознавать слѣдующую истину: въ наше время главная сила морского судна заключается въ паровомъ двигателѣ; слѣдовательно, этотъ двигатель, то-есть составляющіе его паровыя машины и механизмы, и представляетъ важнѣйшую часть современнаго судостроенія. И пока эта часть у насъ не своя, а чужая, я не могу согласиться съ тѣмъ, что мы имѣемъ собственный, вполнѣ русскій, флотъ. И болѣе чѣмъ странно было бы ждать слѣдующей европейской войны, чтобы подобная истина вошла въ общее сознаніе.

Въ томъ же петербургскомъ органѣ печати нашли мы любопытныя данныя о нашемъ военномъ кораблестроеніи, начиная съ 1856 года. Авторъ этой статьи систематично и точно говоритъ о трехъ періодахъ сего кораблестроенія, о разныхъ типахъ броненосцевъ, объ ихъ стоимости, водоизмѣщеніи и т. п. Но при этомъ отечественную и заграничную ихъ постройку онъ трактуетъ безразлично и совсѣмъ не касается вопроса о необходимости полнаго собственнаго судостроеніи, а, повидимому, хлопочетъ только о количествѣ судовъ, гдѣ бы и кѣмъ бы они ни были построены. Для насъ характерна эта черта безразличія или индифферентности въ отношеніи русской промышленности, техники и вообще культуры: черта чисто петербургская. Хотя данный органъ («Новое Время») причисляетъ себя къ патріотической печати, тѣмъ не менѣе онъ платитъ очень щедрую дань тупому петербургскому космополитизму.

А вотъ и еще примѣръ того же космополитизма въ отношеніи русскаго судостроенія, взятый изъ того же органа. Въ Петербургѣ въ скоромъ времени начнутся работы комиссіи по вопросу о мѣрахъ поощренія русскаго судостроенія и мореходства. Г. Скальковскій, директоръ Горнаго Департамента, предлагаетъ оказать это поощреніе не помощію повышенія тарифовъ на суда заграничной постройки, а посредствомъ все тѣхъ же навигаціонныхъ и помильныхъ премій, благодаря которымъ наше Общество Пароходства и Торговли съ братіей почти совсѣмъ убили отечественное морское судостроеніе. При этомъ онъ проектируетъ слѣдующую мѣру: *суда купленныя за границей получаютъ премію въ половинномъ размѣрѣ*. Весьма возможно что пароходныя общества предпочтутъ спокойно довольствоваться половинною преміей вмѣсто того, чтобы хлопотать и тратиться на развитіе отечественнаго судостроенія. Гораздо дѣйствительнѣе было бы отказать во всякой преміи судамъ заграничной постройки.

Газета съ равнымъ сочувствіемъ приводитъ тутъ же и другой, дѣйствительно полезный, проектъ Д. И. Менделѣева. Для оживленія рус-

скаго кораблестроенія и мореходства, онъ предлагаетъ связать ихъ съ развитіемъ собственнаго каменноугольнаго топлива. По его мнѣнію, никакъ не слѣдуетъ уменьшать пошлины на заграничный каменный уголь,— а наши берега Балтійскаго и Бѣлаго морей надобно снабжать собственнымъ донецкимъ углемъ, привозимымъ изъ Чернаго моря *обязательно* на собственныхъ корабляхъ русской постройки, и вообще торговый каботажъ предоставить *исключительно* русскимъ судамъ. Вотъ это были бы мѣры поистинѣ европейскія. Извѣстно, что подобными мѣрами Англія развила свой торговый флотъ и свою морскую торговлю.

Но петербургская интеллигенція не отличается устойчивостію въ дѣлѣ національныхъ интересовъ. Въ настоящее время на Югѣ у насъ случился каменноугольный кризисъ. Вмѣсто того, чтобъ изыскать домашнія средства, помощію которыхъ можно его ослабить, и не желая вообще поработать надъ этимъ вопросомъ, столичная печать уже ратуетъ за временное пониженіе, а то и за прямую отмѣну пошлинъ на заграничный уголь. Если принять подобную систему борьбы съ кризисами, то мы никогда не разовьемъ у себя этой главной основы обрабатывающей промышленности и заранѣе приготовимъ себѣ неисчислимыя затрудненія, напримѣръ, въ военное время.

Теперь обращусь ко второму возражателю.

Въ прошломъ своемъ письмѣ я упомянулъ о двухтысячелѣтнемъ историческомъ существованіи Русскаго племени. Какъ и слѣдовало ожидать, нашелся въ Петербургѣ органъ (конечно, антинаціональнаго направленія), который не преминулъ поглумиться надъ симъ моимъ указаніемъ; при чемъ, въ доказательство единаго тысячелѣтія, сослался на мой же учебникъ Русской исторіи. Очевидно, данный органъ не только совсѣмъ не знакомъ съ томомъ моихъ изслѣдованій, озаглавленныхъ *Розысканія о началѣ Руси*, но и плохо ознакомленъ даже съ моимъ учебникомъ, гдѣ, рядомъ съ лѣтописною легендой о призваніи Варяговъ, изложены и главные выводы изъ этихъ изслѣдованій. Вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ какъ существуютъ эти выводы. Хотя борьба изъ-за нихъ еще продолжается, но она явно клонится къ концу, и не въ пользу противной стороны.

Впрочемъ, если нѣкоторымъ категоріямъ петербургской интеллигенціи не легко втолковать такую простую истину, что собственный флотъ долженъ быть обусловленъ полнымъ собственнымъ судостроеніемъ, то еще труднѣе заставить ихъ понять такой сложный и запутанный вопросъ какъ происхожденіе Руси. А потому, не довольствуясь борьбой печатнымъ словомъ, я не прочь и отъ борьбы устнымъ словомъ: если въ Пе-

тербургѣ найдутся компетентные противники и пожелаютъ устроить словесный диспутъ,—я къ ихъ услугамъ. Тѣмъ охотнѣе явлюсь на этотъ диспутъ, что намѣренъ пропагандировать мысль о сооруженіи къ 1906 году памятника въ Керчи на Митридатовой Горѣ, въ виду которой, какъ надобно полагать, Роксолане сражались съ войскомъ Митридата Понтійскаго въ 94 году до Р. Х. Это указаніе, принадлежащее Страбону, и есть самое древнѣйшее извѣстіе о Русскомъ племени. Тождеству Роксоланъ и Руси (и даже тождеству этихъ двухъ названій) главнымъ образомъ были посвящены мои изслѣдованія. Я собственно считаю этотъ вопросъ поконченнымъ; но если кто желаетъ вновь оспаривать меня научнымъ образомъ, — повторяю, я къ его услугамъ. Только подобный споръ отнюдь не долженъ походить на пресловутый диспутъ Погодина съ Костомаровымъ въ 1860 году, когда давался родъ спектакля съ благотворительною цѣлью, при чемъ противники заранѣе условились во взаимныхъ компромиссахъ и общемъ заключеніи, а главное,—оба они стояли на ложныхъ основаніяхъ.

18 ноября.

Начала псевдонаучной политической экономіи*).

Вводя въ русскіе университеты нѣкоторыя каѳедры политическихъ наукъ по западнымъ образцамъ, думало ли Русское правительство, что оно создаетъ не условія благопріятствующія развитію европейской культуры на отечественной почвѣ, а наоборотъ, новые для нея тормазы, по крайней мѣрѣ, для ближайшаго будущаго?

Мы уже неоднократно имѣли случаи указывать, какую роль въ этомъ отношеніи стало играть у насъ едва ли не большинство профессоровъ всеобщей исторіи, международнаго права и, въ особенности, политической экономіи. Потолкавшись въ заграничныхъ университетахъ, пропитавшись воздухомъ заграничныхъ ресторановъ и меблированныхъ комнатъ, проникшись безусловнымъ поклоненіемъ всему заграничному, менѣе всего знакомые съ отечественными условіями, интересами и потребностями, эти господа обыкновенно считаютъ себя представителями европейской науки въ Россіи, а между тѣмъ до усвоенія ея корней и ея генія они никогда не достигаютъ, и, гоняясь только за послѣдними заграничными книжками и брошюрами излюбленныхъ авторовъ, вѣчно остаются на степени подающихъ тѣ или другія надежды учениковъ,

*) Москов. Вѣд. 1894. № 23.

никогда не доростая до степени мастеровъ, а главное, своимъ поверхностнымъ, легкомысленнымъ, фразерскимъ отношеніемъ ко ввѣренной имъ каѳедрѣ портятъ цѣлый рядъ молодыхъ поколѣній, прививая имъ прежде всего антинаціональныя или анти-патріотичныя воззрѣнія.

Такое мое неутѣшительное мнѣніе еще разъ, и при томъ блистательно, подтверждаетъ г. Исаевъ, профессоръ политической экономіи и статистики при Петербургскомъ университетѣ, издавшій недавно въ свѣтъ свой университетскій курсъ подъ заглавіемъ *Начала политической экономіи*. Уже изъ самыхъ его ссылокъ на литературу своего предмета читатель наглядно убѣждается въ томъ, что г. Исаевъ состоитъ усерднымъ сотрудникомъ такихъ органовъ антинаціональной печати, какъ «Вѣстникъ Европы» и «Русская Мысль», и что его экономическія воззрѣнія вполнѣ совпадаютъ съ воззрѣніями г. Слонимскаго. Дѣйствительно, онъ является въ своей книгѣ такимъ же ревностнымъ и софистичнымъ врагомъ покровительства отечественной промышленности. Да и самъ «Вѣстникъ Европы» въ своей оберточной библіографіи (январь 1894) усиленно рекомендуетъ эту книгу за то, что ея авторъ «изложилъ ученіе *о вмѣшательствѣ государства* въ хозяйственную жизнь» и, «въ отношеніи торговой политики, убѣдительно доказываетъ несостоятельность всѣхъ извѣстныхъ доводовъ въ пользу охранительныхъ тарифовъ». Итакъ, покровительство народному труду или, что то же, національной культурѣ, по мнѣнію сихъ господъ, есть непрошенное вмѣшательство государства въ общественное и государственное хозяйство!

А что касается *убѣдительныхъ* доказательствъ противъ охранительныхъ тарифовъ, то мы уже указывали на ихъ ненаучныя основанія въ одномъ изъ прежнихъ своихъ писемъ, озаглавленномъ «Слонимскія тенденціи»: главные аргументы г. Исаева въ сущности тѣ же, что и аргументы г. Слонимскаго. Но, по моему наблюденію, г. Исаевъ какъ-то простодушнѣе, откровеннѣе своего alter ego, и потому еще нагляднѣе обнаруживаетъ несостоятельность ихъ общихъ теорій.

Такъ, возражая протекціонистамъ, онъ иногда приводитъ ихъ доводы,—и въ томъ числѣ такіе неопровержимые, противъ которыхъ сказать ничего не можетъ. Напримѣръ: «Хотя, по мнѣнію Листа, свободная международная торговля желательна, но она непригодна до тѣхъ поръ, пока различные народы стоятъ не на одномъ и томъ же уровнѣ экономическаго развитія. Такъ какъ уровень не одинаковъ, то народы отсталые должны охранять свою промышленность таможеннымъ налогомъ отъ опередившихъ ихъ сосѣдей» (стр. 450). Это сказано такъ умно и такъ вѣрно, что г. Исаевъ даже не пытается оспаривать; а по-

тому рождается вопросъ: какъ же онъ рѣшается приводить такіе противные ему аргументы, которыхъ опровергнуть не можетъ и которые, вдобавокъ, прямо подходятъ къ русскимъ условіямъ? Но, можетъ быть, слѣдующая затѣмъ большая выдержка изъ разсужденій американскаго экономиста Сомнера предназначается служить отпоромъ приведенному мнѣнію Листа?

Передадимъ сущность этой выдержки.

По мнѣнію Сомнера, очень трудно, будто бы, намѣтить какъ отрасли промышленности нуждающіяся въ покровительствѣ, такъ и предѣлы, дальше которыхъ оно не можетъ быть оправдано. Нашли нужнымъ поощрить тарифами желѣзодѣлательную промышленность. Но напрасно она радуется будущимъ барышамъ: ибо владѣльцы рудниковъ и доменныхъ печей начинаютъ осаждать правительство просьбами обложить пошлиной привозное желѣзо въ сыромъ видѣ. Едва правительство удовлетворитъ ихъ просьбы, какъ владѣльцы каменноугольныхъ копей ходатайствуютъ о возвышеніи пошлины на заграничный уголь. Удовлетворено и это ходатайство,—но поднимаются съ тѣми же просьбами фабриканты разныхъ тканей, сахаровары, кожевники и т. д. Эта перспектива еще иллюстрируется «остроумно» придуманнымъ разговоромъ, который происходитъ между *министромъ* и человѣкомъ *нашедшимъ* желѣзную руду, а потому требующимъ наложенія пошлины на привозное желѣзо.

Г. Исаевъ очевидно думаетъ, что означенною выдержкой онъ чуть ли не въ корнѣ подрываетъ всю покровительственную систему, а между тѣмъ въ дѣйствительности онъ представляетъ только образчикъ легкаго, наивнаго отношенія къ серьезному дѣлу. И придуманный Сомнеромъ разговоръ не только не остроуменъ, но просто отзывается ребяческимъ пріемомъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ подобныя разсужденія не только не опровергаютъ вышеприведенную истину, высказанную Листомъ, но наглядно ее подтверждаютъ. Если страна обладаетъ собственною рабочею силой, собственнымъ желѣзомъ и каменнымъ углемъ, то непремѣнно надобно развивать эти основныя условія всякаго производства и, слѣдовательно, тщательно охранять ихъ тарифами отъ подавленія иностранною конкуренціей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, точно также помощію покровительства развивать и всѣ другія доступныя странѣ отрасли промышленности. Въ совокупности всѣхъ этихъ отраслей и заключается развитіе національной культуры и народнаго богатства. Въ томъ-то и задача правительства, чтобы покровительствовать не одному какому-либо производству, доставляя ему легкіе барыши при помощи дешевыхъ за-

граничныхъ машинъ или привозныхъ матеріаловъ; а наоборотъ—поднять уровень всѣхъ важныхъ и возможныхъ для страны производствъ, послѣ чего каждая изъ нихъ будетъ пользоваться и отечественными машинами, и отечественными матеріалами приблизительно не дороже заграничныхъ, а главное—въ полной независимости отъ сихъ послѣднихъ. Такимъ именно покровительственнымъ путемъ развивались промышленность и культура передовыхъ европейскихъ націй, и другого пути никто еще не придумалъ.

Сравнительно-историческій методъ—въ данномъ случаѣ единственно-научный—у г. Исаева и подобныхъ ему нашихъ доморощенныхъ экономистовъ не только слабъ, но, можно сказать, совсѣмъ отсутствуетъ. Для нихъ нисколько не поучительно то обстоятельство, что такія культурныя страны какъ Германія, Франція и Американскіе Штаты, несмотря на высоко-развитую промышленность, продолжаютъ держаться покровительственной системы. Они только и умѣютъ, что ссылаться на примѣръ Англіи. По словамъ г. Исаева, «Англія, отказавшись отъ этой (покровительственной) политики, чрезвычайно увеличила свое благосостояніе за послѣднее время» (459).

Уже одна эта ссылка можетъ свидѣтельствовать о совершенномъ непониманіи, можно сказать, о невѣжествѣ по отношенію къ основнымъ законамъ экономическаго развитія. Извѣстно, что Англія на пути фабрично-заводской промышленности опередила всѣ другія страны міра и потому никакой иноземной конкуренціи ей пока нечего опасаться; не она должна огораживаться отъ иностраннаго ввоза, а наоборотъ, другія націи принуждены огораживаться отъ наплыва англійскихъ товаровъ на свои рынки. Такъ какое же это доказательство въ пользу фритредерской системы? Но самая суть дѣла заключается въ томъ,—какими способами и при какой системѣ достигла Англія своего промышленнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще культурнаго, процвѣтанія? Ясно, что необходимо изучать исторію ея промышленности, и если бы наши доморощенные фритредеры занялись своимъ дѣломъ серьезно, научно и поработали бы надъ изученіемъ культурной исторіи какъ Англіи, такъ и другихъ передовыхъ націй, то они убѣдились бы, что безъ систематическаго и вѣкового покровительства никакая культурная нація не достигла своего настоящаго развитія. Но обыкновенно наши фритредеры совершенно голословно проповѣдуютъ свои теоріи, не подкрѣпляя ихъ никакими историческими примѣрами; отличаясь крайне скудными историческими свѣдѣніями, они и не замѣчаютъ того, что не имѣютъ подъ собой никакой реальной почвы. Въ этомъ и заключается причина ихъ

легкомысленнаго, антинаучнаго направленія. А что они и не стремятся къ серьезной, научной обработкѣ своего предмета, постоянно доказываетъ дѣлаемый ими выборъ иноземныхъ авторитетовъ. Такъ, напримѣръ, дѣльнымъ, логичнымъ аргументамъ Фридриха Листа въ пользу покровительства національной промышленности они предпочитаютъ мнимоостроумную болтовню фритредерскихъ писателей, въ родѣ Сомнера.

Книга г. Исаева обильно испещрена отчасти собственными, отчасти заимствованными у этихъ болтуновъ ненаучными, точнѣе—вздорными, сентенціями. Совѣстно даже ихъ цитовать. Но чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣкоторые примѣры.

«Фабрики, заводы и рудники всего успѣшнѣе развиваются помимо правительственнаго вмѣшательства». (Стр. 453).

Покровительственную систему, какъ мы сказали, фритредеры называютъ правительственнымъ *вмѣшательствомъ* въ народное хозяйство. Но если высокіе тарифы—вмѣшательство, то и низкіе тоже вмѣшательство, только въ пользу иностранной, а не собственной промышленности; совершенная же отмѣна внѣшнихъ тарифовъ была бы еще болѣе рѣзкимъ вмѣшательствомъ для покровительства чужой производительности. Слѣдовательно, вмѣшательство есть во всякомъ случаѣ, только вопросъ—въ чью пользу: собственную или чужую? Чтобы быть логичными, фритредеры должны отрицать правительственное вмѣшательство и вообще въ видѣ каждаго финансоваго обложенія, а затѣмъ всякое вмѣшательство и въ другія сферы общественнаго быта, каковы государственная оборона, народное образованіе и т. д., то-есть, должны придти къ полному отрицанію благоустроеннаго правительства и къ возвращенію Русскаго народа на степень племенного или родового быта. А затѣмъ, повторяю, пусть они укажутъ намъ примѣръ хоть одной культурной страны, гдѣ бы фабрично-заводская промышленность развилась сама собой, помимо правительственнаго покровительства или вмѣшательства. Нѣтъ, они этого примѣра не укажутъ,—и потому такое ихъ положеніе вполнѣ ненаучно. А ихъ попытки подкрѣпить его совершенно произвольными предположеніями еще болѣе оттѣняютъ это антинаучное направленіе.

«Можно смѣло утверждать, что если бы въ Америкѣ вовсе не былъ извѣстенъ протекціонизмъ, такая обширная страна какъ Соединенные Штаты не могла бы быть исключительно земледѣльческимъ государствомъ, а развила бы у себя разныя отрасли обрабатывающей промышленности». (Стр. 454). Или: «Доводъ протекціонизма, что отказъ отъ покровительственной политики погубитъ промышленность Америки, при-

надлежитъ къ нелѣпостямъ, которымъ могутъ вѣрить только дѣти да глупцы». (Стр. 455).

Разумѣется, наши доморощенные фритредеры отлично знаютъ, что цитованные мною курьезы для Американскаго правительства, что къ стѣнѣ горохъ; но они, конечно, имѣютъ въ виду не его, а собственное правительство, къ которому и обращаются съ подобными дѣтскими аргументами.

«Протекціонисты боятся обыкновенно переполненія рынка иностранными товарами. Эта наивная боязнь можетъ вызвать только улыбку». «Думать, что страна, имѣющая кромѣ земледѣлія и мануфактуры, непремѣнно процвѣтаетъ,—равносильно убѣжденію, что всѣ люди высокаго роста пользуются и хорошимъ здоровьемъ. Задача состоитъ не въ томъ, чтобъ умножать, разнообразить отрасли промышленности, но чтобы разнообразить удобства и наслажденія жизни». (Ibid).

Полагаю, что послѣ такихъ легкомысленныхъ сентенцій, съ одной стороны прямо противорѣчащихъ дѣйствительности, съ другой долженствующихъ произвести непроходимый сумбуръ въ головахъ университетскихъ слушателей,—дальше идти некуда. На мѣсто національныхъ и патріотическихъ стремленій тутъ откровенно проповѣдуются *наслажденія жизни*, которыхъ, однако, надобно добиваться путемъ разоренія отечественной промышленности, то-есть при помощи народной бѣдности!

Не ограничиваясь произведеніемъ сего сумбура, г. Исаевъ выпустилъ свою книгу въ свѣтъ какъ разъ во время нашей тарифной войны съ Германіей, являясь, конечно, усерднымъ союзникомъ ея противъ Россіи, какъ будто онъ состоитъ на службѣ и получаетъ жалованье у Прусскаго, а не Русскаго правительства.

Каковы же должны быть уровень и направленіе высшаго образованія въ обѣихъ нашихъ столицахъ, если присяжные представители его до сихъ поръ еще не вѣдаютъ о тѣсной, неразрывной связи между культурой страны и ея промышленнымъ развитіемъ, а слѣдовательно между культурой и покровительственною системой! Развѣ это не тормазы для русской культуры?

Я говорю «въ обѣихъ столицахъ»; ибо и тамъ и здѣсь, какъ извѣстно, каѳедры всеобщей исторіи, международнаго права, политической экономіи и нѣкоторыхъ другихъ отраслей обществовѣдѣнія, за немногими исключеніями, находятся въ рукахъ сотрудниковъ «Вѣстника Европы», «Русской Мысли», «Русскихъ Вѣдомостей», «Сѣвернаго Вѣстника» и тому подобныхъ изданій антинаціональнаго направленія. По этому поводу невольно напрашивается сравненіе съ характеромъ выс-

шаго образованія у нашихъ западныхъ сосѣдей. Тамъ университетскіе профессоры въ XIX вѣкѣ стали во главѣ движенія къ національному объединенію, къ политическому и экономическому развитію Германіи; потому то тамъ учащаяся молодежъ, если и волновалась, то одушевляемая по преимуществу возвышенными патріотическими идеями и задачами, а не мелочными вопросами о столовыхъ, кассахъ, читальняхъ, курильняхъ и т. п.

20 января.

По поводу торговопромышленныхъ заявленій *).

Въ виду телеграммъ и заявленій г. Министру финансовъ отъ разныхъ торговопромышленныхъ группъ по поводу заключаемаго съ Германіей договора, полагаю, что имѣю право напомнить о своихъ предупрежденіяхъ, которыя теперь буквально подтверждаются.

«Не даромъ существуетъ повѣрье, что бѣда не приходитъ одна, а обыкновенно ведетъ за собой и третью», писалъ я 10 августа 1892 года (№ 223 «Моск. Вѣд.»). «Послѣ неурожая 1891 года и холерной эпидеміи слѣдующаго года намъ грозитъ третье бѣдствіе: я разумѣю подрывающій русскую промышленность торговый договоръ съ Германіей».

А 29 сентября 1893 года мною сдѣлана слѣдующая оговорка: «Да не подумаютъ читатели, что я вообще противъ всякаго договора съ Германіей. Нѣтъ. Но я не вѣрю въ заключеніе съ нею *выгоднаго для Россіи* договора въ настоящее время» («Моск. Вѣд.» № 274). Указывалъ я на ловкую тактику въ дѣлѣ таможенной борьбы со стороны руководящихъ берлинскихъ сферъ, на искусство, съ которымъ онѣ приняли на себя видъ сильнѣйшей стороны, и на то, что онѣ приблизительно уже намѣтили и срокъ для окончанія этой борьбы, именно начало настоящей зимы. («Моск. Вѣд., № 206). Предупреждалъ я, что въ лицѣ петербургскихъ делегатовъ-чиновниковъ русская промышленность идетъ въ Каноссу, что пресловутая агитація нѣмецкихъ аграріевъ не должна отвлекать наше вниманіе отъ самой сути дѣла, что въ этомъ отношеніи петербургская печать оказывается союзницей Нѣмцевъ противъ Русскихъ интересовъ и т. д., и т. д.

Сія печать, однако, осталась себѣ вѣрна и, надобно отдать ей справедливость,—до конца выдержала свою роль этой союзницы. Прискорбно и вмѣстѣ любопытно было наблюдать въ теченіе всей таможенной борьбы разницу двухъ культуръ: берлинской и петербургской. На одной

*) „Московскія Вѣдомости". 1894. № 26.

сторонѣ—образцовая дисциплина общественнаго мнѣнія и печати, ясно сознаваемыя цѣли и неуклонныя національныя стремленія; на противной—явный недостатокъ и того, и другого, и третьяго. Далѣе, если на одной сторонѣ находится цѣльное и жизнедѣятельное отношеніе къ вопросу, съ участіемъ заинтересованныхъ общественныхъ силъ, а на другой—бюрократическая рутина съ ея мертвенною канцелярскою тайной, то понятно, что для историка - наблюдателя исходъ вопроса былъ извѣстенъ заранѣе. Вотъ почему я бралъ на себя смѣлость утверждать что выгодный для насъ торговый договоръ не можетъ быть заключенъ въ настоящую минуту, то-есть, пока не упрочится въ нашихъ общественныхъ и руководящихъ сферахъ національное направленіе, еще только начинающее оживать подъ благотворнымъ вліяніемъ свыше.

Наша столичная печать до того лишена всякой національной чуткости, вдумчивости и сообразительности, что она доселѣ не подозрѣваетъ отсутствія вокругъ себя сколько-нибудь самостоятельной культуры и, служа образцомъ халатности въ дѣлѣ наиболѣе насущныхъ общественныхъ интересовъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ обвиняетъ Москвичей въ косности!

До какой степени петербургская культура, при всемъ наружномъ лоскѣ, несамостоятельна и непродуктивна, я уже имѣлъ случаи говорить, и указывалъ, что общеевропейскія принадлежности ея большею частью не свои, не русскія, а заграничныя, покупныя.

Для иллюстраціи, напомню мое письмо объ «Оригинальномъ тостѣ»; Петербургъ даже и небольшого подъѣзднаго желѣзнаго пути не могъ построить собственными средствами, а поручилъ это великое дѣло одной берлинской фирмѣ; что не помѣшало строителямъ, по окончаніи стройки, поднять бокалъ за здоровье русской промышленности! (См. выше стр. 57). Сообщая объ этомъ тостѣ, петербургская печать и не замѣтила его оригинальности.

Чтобы продолжить иллюстрацію, приведу еще одинъ фактъ, случившійся почти на дняхъ и разсказанный корреспондентомъ одной нѣмецкой газеты. Петербургскій финансовый сановникъ, принимая сего корреспондента, извинился, что тому пришлось подниматься по высокой лѣстницѣ: подъемная машина, заказанная въ Берлинѣ, еще не получена. При всей своей кажущейся маловажности, этотъ фактъ очень типиченъ для историка, ибо бросаетъ яркій свѣтъ на несамостоятельность петербургской культуры и ея зависимость отъ культуры берлинской. Даже и такую нехитрую вещь, какъ подъемная машина, оказывается, въ Петербургѣ сдѣлать не умѣютъ!

Та же несамостоятельность ярко отразилась на общественныхъ органахъ и преимущегвенно на органахъ печати во время таможенной борьбы. Между тѣмъ какъ одна часть столичной печати прямо ратовала за уступки, то-есть за отмѣну покровительственной системы, другая («Новое Время») вела себя крайне пассивно: она только перепечатывала изъ нѣмецкихъ газетъ тенденціозныя извѣстія о страшной оппозиціи договору со стороны аграріевъ и постоянно настраивала русскую публику на тревожное опасеніе, что этотъ договоръ, пожалуй, не пройдетъ въ Берлинскомъ рейхстагѣ. Такимъ образомъ, обѣ части нашей столичной печати какъ нельзя лучше помогали нѣмецкой тактикѣ. Эта петербургская печать, столь апатичная въ такомъ жизненномъ вопросѣ, какъ «быть или не быть» самостоятельной русской культурѣ,—эта печать въ тоже время оказалась чрезвычайно усердною по другому вопросу, сравнительно съ первымъ крайне маловажному: по вопросу о литературной конвенціи.

Тотъ же петербургскій органъ, серьезно сообщавшій о тостѣ за русскую промышленность по поводу нѣмецкой постройки, теперь пораженіе почти по всѣмъ тарифнымъ пунктамъ изображаетъ въ такомъ видѣ, будто «не сдѣлано никакихъ уступокъ несогласныхъ съ собственными торгово-промышленными интересами». Такая фикція совершенно въ духѣ этой хлыщеватой печати и бюрократическаго индифферентизма.

24 января.

Національная культура и частные барыши *).

Читатели «Московскихъ Вѣдомостей» знаютъ, что по поводу переговоровъ о торговомъ трактатѣ съ Германіей я помѣстилъ цѣлый рядъ писемъ о необходимости для Россіи строгой покровительственной системы, при чемъ старался выяснить тѣсную связь этой системы съ развитіемъ національной культуры, и нашу отсталость отъ Европы въ этомъ отношеніи объяснялъ, прежде всего, недостаткомъ покровительства для основныхъ отраслей промышленности. Письма мои были направлены въ то же время противъ главнаго положенія петербургской печати, будто Россія страна только земледѣльческая. Я доказывалъ, что она давно была бы не только земледѣльческою, но и промышленною, если бы неуклонно слѣдовала примѣру и завѣту Петра Великаго, то-есть систематически развивала бы свою заводско-фабричную промышленность. При этомъ условіи она давно бы не нуждалась въ заграничныхъ капиталахъ и техникахъ для раз-

*) Москов. Вѣдом. 1894. № 52.

работки своихъ естественныхъ богатствъ. А такъ какъ наша отсталость въ культурномъ отношеніи и сравнительная бѣдность грозятъ намъ въ будущемъ великими бѣдствіями, особенно въ случаѣ европейской войны, то я и проповѣдывалъ неуклонное, строгое покровительство, прежде всего, конечно, тарифное. Я настойчиво твердилъ, что это покровительство главнымъ образомъ должно быть обращено на тѣ отрасли, которыя составляютъ основу европейской промышленности, а именно: *каменноугольную, желѣзодѣлательную (въ особенности машинную) и химическую.*

Полагаю, что для всякаго нормальнаго читателя суть моихъ писемъ была ясна и понятна. Но петербургскіе публицисты дѣлаютъ видъ, что этой сути не понимаютъ.

Они продолжаютъ толковать въ томъ смыслѣ, что я отстаиваю ни болѣе ни менѣе какъ барыши московскихъ фабрикантовъ. Вообще ихъ отношеніе къ покровительству не какъ къ источнику національнаго богатства и культуры, а какъ къ личному обогащенію промышленниковъ,— такое отношеніе я уже не разъ называлъ его настоящимъ именемъ, то-есть невѣжествомъ; тѣмъ не менѣе, оно упорно продолжается. Но главный-то курьезъ заключается въ слѣдующемъ: между тѣмъ какъ вашъ покорнѣйшій слуга проповѣдуетъ наверстаніе потеряннаго времени и энергическое покровительство для развитія русской культуры, при чемъ защищаетъ интересы Московскаго района только тамъ, гдѣ они совпадаютъ съ общерусскими интересами,—петербургская малокультурная публицистика, какъ разъ наоборотъ, въ настоящую минуту стоитъ на сторонѣ частныхъ барышей.

Я неоднократно указывалъ на то, что покровительствомъ у насъ пользовались двѣ отрасли промышленности: свеклосахарная и хлопчатобумажная. Однако, отъ ихъ процвѣтанія русская культура и приблизительно не сравнилась съ европейскою; ибо онѣ нисколько не вліяли на развитіе основныхъ отраслей и сами пользовались заграничными машинами, заграничными химическими воспособленіями и отчасти матеріалами. По новопроектированному договору дѣло остается въ томъ же видѣ, то-есть покровительство тѣхъ же двухъ отраслей не нарушается, а хлопчатобумажному еще усиливается. Понятно, что московскіе хлопчатобумажники очень довольны, видя свои личные барыши обезпеченными и умноженными, хотя они и будутъ попрежнему работать на заграничныхъ машинахъ и краскахъ. Вмѣстѣ съ ними очень довольна договоромъ и петербургская публицистика; слѣдовательно, въ настоящую минуту она стоитъ не за русскую культуру вообще, а именно за частные барыши, хотя и продолжаетъ плакаться о личныхъ московскихъ вожделѣніяхъ.

Конечно, не особенно ловко было бы выступать прямо противъ развитія русской культуры, которое я проповѣдую. Поэтому петербургскіе публицисты обходятъ эту суть вопроса, съ помощію или замалчиванія, или забалтыванія. Князь Мещерскій, восторгаясь новымъ договоромъ, прямо призналъ меня некомпетентнымъ въ этомъ дѣлѣ (какъ мнѣ передавало лицо читающее его газету). Итакъ, въ вопросѣ о національной культурѣ издатель «Гражданина» оказывается болѣе меня компетентнымъ. Невѣжество, какъ извѣстно, отличается всегда самомнѣніемъ. А, конкурирующій въ семъ отношеніи съ кн. Мещерскимъ, издатель «Новаго Времени» въ послѣднемъ своемъ «Маленькомъ письмѣ» (изъ Берлина) попрежнему причисляетъ меня къ сонму московскихъ протестантовъ-промышленниковъ, на ряду съ С. Т. Морозовымъ. При семъ онъ даже не потрудился ознакомиться сколько-нибудь съ содержаніемъ трактата, и не подозрѣваетъ того, что г. Морозовъ, въ качествѣ хлопчато-бумажника, навѣрное еще болѣе доволенъ договоромъ, чѣмъ сами петербургскіе публицисты. Впрочемъ, гдѣ же г. Суворину заниматься такими подробностями, когда приходится спѣшить въ Берлинъ, чтобы поддержать графа Каприви въ борьбѣ его со свирѣпыми аграріями и помочь императору Вильгельму оборудовать европейскій миръ на цѣлыхъ десять лѣтъ?

18 февраля.

Европейская культура и „С.-Петербургскія Вѣдомости“ *).

Вступая въ борьбу съ антинаціональными тенденціями легкомысленной петербургской печати по поводу покровительственной системы, я, разумѣется, разсчитывалъ на всякаго рода несостоятельныя возраженія. Но дѣйствительность начинаетъ превосходить мои ожиданія. Абсурды начинаютъ сыпаться широкою рукой и, можно сказать, вполнѣ подтверждаютъ мое мнѣніе о малой культурности этой печати.

Любопытны нѣкоторые отвѣты на мое послѣднее письмо, озаглавленное «Національная культура и частные барыши». Одна петербургская газета («Новое Время») умудрилась возразить мнѣ цифрами, изъ которыхъ вытекаетъ, что русскій фабричный рабочій болѣе часовъ работаетъ и гораздо менѣе получаетъ чѣмъ рабочій въ Англіи и Америкѣ. Прекрасно, но что же изъ этого слѣдуетъ? Во всякомъ случаѣ это не возраженіе, а подтвержденіе моей проповѣди въ пользу покровительственной системы. Ясно, что гдѣ за-

*) „Московскія Вѣдомости“. 1894. № 58.

водско-фабричная промышленность высоко развита, тамъ и заработная плата выше, и вообще рабочій находится въ лучшемъ положеніи. А если промышленники Московскаго района нечужды фальсификаціи товаровъ (по примѣру Лодзинцевъ) и другихъ указанныхъ тою же газетой несимпатичныхъ сторонъ, то я-то тутъ при чемъ? Разсмотрите и устраните подобныя явленія, усильте надзоръ или инспекцію и т. д. Отбросьте вашу петербургскую апатію и ваше халатное отношеніе къ русскимъ интересамъ; изучайте какъ это дѣло устраивалось и улучшалось въ передовыхъ странахъ,—и слѣдуйте ихъ примѣру.

Хотя въ прошломъ письмѣ я, кажется, ясно подтвердилъ, что защищаю общерусскіе интересы, проповѣдую успѣхи общерусской культуры и стою за покровительство «основнымъ отраслямъ» промышленности (т.-е. *желѣзу*, *каменному углю*, *машинамъ и химическимъ продуктамъ*); тѣмъ не менѣе, петербургскіе органы, возражая мнѣ, постоянно толкуютъ о Москвѣ и упорно лжесвидѣтельствуютъ, будто я стою спеціально за московскіе хлопчато-бумажные интересы и за особую московскую культуру.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе отличилась газета г. Авсѣенка, то-есть «С.-Петербургскія Вѣдомости», наговорившая, въ своемъ № 54, разныхъ абсурдовъ по моему адресу. Между высокими пошлинами и культурой г. Авсѣенко не видитъ никакой связи и никакъ не можетъ понять, чтобы покровительственная система промышленности способствовала развитію у насъ европейской культуры. Затѣмъ, онъ очень своеобразно понимаетъ собственно московскую культуру, которая де не нуждается ни въ какомъ покровительствѣ, потому что уже достигла высокой степени совершенства въ видѣ Тѣстовскаго и Большого Московскаго трактировъ съ органами и съ потребленіемъ севрюжины и смирновки, далѣе—Хлудовскихъ мраморныхъ бань, узорчатаго миткаля, тавлинокъ съ изображеніемъ Василія Блаженнаго, носовыхъ платковъ и повойниковъ съ портретомъ генерала Скобелева и т. д. Эта ребяческая выходка ясно опредѣляетъ ту степень культурности, на которой стоитъ редакція «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Я не слѣжу постоянно за сими «Вѣдомостями», а читаю ихъ случайно. Въ одномъ изъ январскихъ нумеровъ попался мнѣ не малый курьезъ. По поводу извѣстныхъ заявленій овцеводовъ г. министру Финансовъ, газета г. Авсѣенка такъ возмутилась ими что предложила вопросъ о томъ, кто для кого существуетъ: овца для человѣка, или человѣкъ для овцы? Тутъ невольно пришло мнѣ въ голову такого рода соображеніе. А что если какой-нибудь овцеводъ отвѣтитъ слѣдующее. Г. Авсѣенко свои антирусскія тенденціи проводитъ въ «С.-Петербургскихъ

Вѣдомостяхъ» съ помощью скоропечатныхъ машинъ, обязательно выписанныхъ изъ-за границы; отсюда тоже возникаетъ вопросъ, кто для кого существуетъ, купленная за границей скоропечатная машина для г. Авсѣенка или сей послѣдній для машины?

Я не безъ намѣренія привелъ именно этотъ курьезъ. Полагаю, даже и г. Авсѣенко не будетъ отрицать того, что скоропечатная машина является однимъ изъ типичныхъ продуктовъ современной европейской культуры. Безъ покровительственной системы, мы, Русскіе, у себя дома и самостоятельно производить ее не можемъ (а послѣ договора тѣмъ болѣе), и всегда будемъ только покупать ее у другихъ европейцевъ, какъ покупаютъ у нихъ подобныя усовершенствованныя машины азіатскіе и вообще малоразвитые въ культурномъ отношеніи народы. Понялъ ли теперь достоуважаемый г. Авсѣенко (бывшій когда-то профессоромъ всеобщей исторіи) связь покровительственной системы съ успѣхами у насъ европейской культуры? Или все еще не понимаетъ? Въ послѣднемъ случаѣ—пусть поищетъ въ Петербургѣ человѣка, который растолковалъ бы ему это дѣло подробнѣе.

25 февраля.

Заключительныя слова.

I. *).

Во-первыхъ, общее замѣчаніе.

Петербургская печать всѣхъ направленій въ случаяхъ какого-либо общественнаго упущенія или пораженія любитъ сваливать его на недостатки русскаго характера и толковать о нашей неустойчивости, непослѣдовательности, недѣятельности и т. п. Это съ ея стороны великое заблужденіе, обусловленное все тѣмъ же отсутствіемъ чуткости и вдумчивости, о которыхъ я говорилъ въ прошломъ письмѣ. (См. стр. 210). Пусть она внимательно оглянется вокругъ себя и присмотрится къ вліятельнымъ сферамъ: много ли она найдетъ въ нихъ коренныхъ русскихъ элементовъ? Петербургская интеллигенція и бюрократія потому и служатъ тормазами для русскаго прогресса, что онѣ обильно насыщены инородческими, вообще антинаціональными элементами (съ украйнофильскимъ включительно), которые отнюдь не могутъ служить представителями чисто русскаго типа. Этотъ чистый типъ совсѣмъ не такъ плохъ, какъ о немъ думаютъ наши антинаціоналы, и если нѣмецкому Drang nach Osten онъ не даетъ энергическаго отпора, то потому только, что сей Drang имѣетъ силь-

*) Воспроизводится съ корректурныхъ столбцовъ.

ныхъ союзниковъ въ петербургскихъ бюрократахъ и органахъ печати. Для примѣра укажемъ хотя на данный вопросъ. Полагаю, читателямъ «Московскихъ Вѣдомостей» достаточно были выяснены политико-экономическіе абсурды гг. Исаевыхъ и Слонимскихъ; однако, проектированный торговый договоръ показалъ солидарность печати и бюрократіи именно съ этими господами, а не съ поборниками національнаго покровительства. Договоръ же сей послужитъ новымъ и очень важнымъ подкрѣпленіемъ для нѣмецкаго Drang nach Osten.

Во-вторыхъ, частное замѣчаніе, относящееся ко мнѣ лично.

Петербургская печать, какъ я неоднократно замѣчалъ, лживо выставляетъ меня поборникомъ какихъ-то спеціально московскихъ интересовъ. Я ратую за нихъ только тамъ, гдѣ они совпадаютъ съ обще-русскими интересами. Въ вопросѣ о промышленномъ покровительствѣ я стою на почвѣ національныхъ нуждъ и задачъ; съ московскими же купцами и фабрикантами никакихъ личныхъ отношеній не имѣю, и при случаѣ указываю на тѣ ихъ черты, которыя для меня несимпатичны; наприм., ихъ слишкомъ малую интеллигентность, преобладаніе между ними эгоистическихъ расчетовъ и недостатокъ взаимной солидарности въ борьбѣ съ внѣшними неблагопріятными условіями. Въ настоящее время читающимъ газеты по всей вѣроятности представляется слѣдующій вопросъ: почему же заявленія послѣдовали только со стороны овцеводовъ и фабрикантовъ суконныхъ или шерстяныхъ тканей? Почему другіе молчатъ, въ особенности фабриканты бумажныхъ тканей? Да очень просто. Я уже не разъ обращалъ вниманіе читающей публики на то, что у насъ покровительствомъ пользуются только двѣ отрасли промышленности: сахарные заводы и бумагопрядильная мануфактура. Отъ этого исключительнаго покровительства русская мануфактура конечно не процвѣла; тѣмъ не менѣе и по новопроектированному тарифу въ отношеніи сихъ двухъ отраслей опять сдѣлано исключеніе изъ общаго подрыва русской промышленности. Очевидно Нѣмцы съ этимъ отраслями уже давно примирились. Но имъ нуженъ большой рынокъ для своего обширнаго шерстяного производства, и въ угоду Нѣмцамъ эта отрасль въ Россіи обречена на погибель помощію низкихъ тарифовъ какъ для шерсти со всѣми ея суррогатами, такъ и для самихъ фабрикатовъ. Вотъ почему шерстяники и овцеводы и выступаютъ со своими слезными заявленіями.

А хлопчатобумажники потираютъ себѣ руки отъ удовольствія, считая свои будущіе барыши *). Конечно, вслѣдствіе предстоящаго под-

*) Эти мои слова потомъ вполнѣ подтвердились телеграммой (отъ 16 февраля) о благодарственномъ адресѣ со стороны 25 московскихъ фабрикантовъ и торговцевъ г. Министру Финансовъ.

рыва и безъ того крайне тощихъ производствъ желѣзодѣлательнаго и химическаго, бумагопрядильные фабриканты еще болѣе чѣмъ прежде будутъ работать на заграничныхъ краскахъ и матеріалахъ и заграничными машинами. Но какое имъ дѣло до русской національной культуры, до русской будущности? Они умѣютъ только при случаѣ сказать безсодержательное слово или бросить фразу о томъ, что Россіи «не подобаетъ платить дань заграницѣ». (Любопытно, что самые-то большіе капиталисты между этими бумажниками принадлежатъ къ расколу). Почему не подаютъ голоса обиженные фабриканты шелковыхъ матерій, мнѣ пока неизвѣстно. Что касается до желѣзодѣлательнаго производства, то оно такъ незначительно въ Московскомъ районѣ, что съ этой стороны едва ли можно было ожидать какихъ-либо заявленій. Мы уже доказывали, что развитіе желѣзной и каменноугольной промышленности какъ основъ европейской культуры должно составлять нашу особую заботу. А по вновь проектированному тарифу обѣ эти отрасли, въ особенности желѣзная, должны быть значительно подорваны.

Еще бы въ Берлинѣ не ликовали и не угощали петербургскихъ чиновниковъ-делегатовъ! Страхи союзныхъ Нѣмцамъ петербургскихъ органовъ печати насчетъ Берлинскаго рейхстага, увы, окажутся забавными, и сей рейхстагъ никакъ не окажетъ такого благодѣянія для русской промышленности, чтобы не утвердить договора. Но комедія съ аграріями будетъ конечно выдержана до конца, та самая комедія, которая должна была обморочить петербургскую печать и бюрократію, и обморочила. Надежды сихъ послѣднихъ, что вотъ мы продадимъ злополучные остатки своей ржи и разбогатѣемъ, вотъ поправимъ сельское хозяйство, а потомъ примемся и за обрабатывающую промышленность— эти надежды сильно напоминаютъ Некрасовскую *Забытую деревню*, въ которой всѣ твердили: «вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ». Но твердившіе успѣли умереть или состариться, а барина живымъ не дождались. Процвѣтаніе же сельскаго хозяйства межъ тѣмъ блистательно начинается подрывомъ двухъ его отраслей: овцеводства и хмѣлеводства. А наша агрономія теперь еще болѣе чѣмъ прежде очутится въ зависимости отъ заграничныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ. Собственное производство косъ, ножей и тому подобныхъ кустарныхъ издѣлій также будетъ подорвано; хотя наши фритредеры, вооружаясь противъ крупной заводской промышленности, и показывали лицемѣрную заботливость о развитіи именно кустарныхъ промысловъ. Итакъ, гг. Стасюлевичи и Гуревичи, Нотовичи и Михневичи, Авсеенки, Исаевы, Слонимскіе и Мещерскіе, купно съ г. Суворинымъ (который изъ пассивнаго

перешелъ въ активнаго вашего союзника), торжествуйте вмѣстѣ съ Нѣмцами и бюрократами; на вашей улицѣ праздникъ: русская культура подверглась новому тормазу, и наша отсталость отъ Европы вновь упрочена. Я же съ своей стороны ограничусь сознаніемъ, что исполнилъ свой долгъ. Недалекое будущее покажетъ, на чьей сторонѣ была правда.

«Московскія Вѣдомости» представляютъ единственный органъ печати, съ которымъ я доселѣ могъ идти объ руку въ вопросѣ о торговомъ договорѣ: въ теченіе одного года съ небольшимъ онѣ помѣстили до 30 моихъ писемъ по сему поводу. Приношу имъ искреннюю свою благодарность.

Нѣкоторые читатели можетъ быть обратили вниманіе на то, что во время пресловутыхъ франко-русскихъ празднествъ, я ни разу на нихъ не остановился, а продолжалъ свою политико-экономическую кампанію. Дѣло въ томъ, что эти великолѣпныя торжества ни на минуту не закрыли отъ меня ту темную точку, которая тогда появилась на русскомъ горизонтѣ въ видѣ петербургскихъ делегатовъ-чиновниковъ, пребывавшихъ въ берлинской Каноссѣ, и плохой былъ бы я историкъ-наблюдатель, еслибъ не предвидѣлъ, что эта точка разрастется въ огромную тѣнь, которая покроетъ горизонтъ такъ, что отъ франко-русскихъ празднествъ впослѣдствіи останется только легкій чадъ воспоминаній. Поэтому пусть гг. Мещерскіе, Исаевы, Слонимскіе и т. п. не думаютъ, что ихъ торжество является для меня какого-то неожиданностію, и если я продолжалъ кампанію, то только для того, чтобы до конца исполнить свой *домъ русскаго гражданина и вѣрноподданнаго*.

1 февраля 1894 г.

II *).

Нельзя не отдать справедливости Финансовому Вѣдомству за тѣ труды, которые оно положило на обработку статей новаго тарифа, и за его несомнѣнное желаніе принести посильную пользу какъ русскому сельскому хозяйству, такъ и русской промышленности. Къ сожалѣнію, во взглядахъ на средства къ достиженію этой пользы между нами оказывается существенное разногласіе: мои исходныя точки зрѣнія нѣсколько иныя, чѣмъ выраженныя въ настоящемъ тарифѣ и объяснительныхъ къ нему запискахъ.

Начну съ общаго впечатлѣнія. Въ итогѣ сдѣланныхъ Германіи съ нашей стороны уступокъ какъ будто получается не особенно большой средній выводъ. Но, разбирая частности, можно придти къ иному выводу. Во-первыхъ, для опытнаго въ политикѣ глаза замѣчается недо-

*) Изъ письма къ одному высокопоставленному лицу по поводу сообщенныхъ имъ объяснительныхъ записокъ къ торговому договору съ Германіей.

статокъ руководящей національно-государственной идеи, изъ которой какъ изъ клубка развивались бы и группировались подробности, соотвѣтственно своему мѣсту и значенію въ общей схемѣ русскихъ экономическихъ нуждъ и интересовъ. Во-вторыхъ, мотивировка, которою объясняются нѣкоторыя крупныя уступки, страдаетъ очевидными для меня натяжками.

Остановлюсь на тѣхъ двухъ статьяхъ, которыя, какъ извѣстно, вызвали въ нашемъ обществѣ немалыя сѣтованія и которыя въ неблагопріятномъ смыслѣ касаются русскаго сельскаго хозяйства. Я разумѣю хмѣлеводство и овцеводство. Огромное (65%) пониженіе пошлины на хмѣль объяснительная записка пытается оправдать цѣлымъ рядомъ соображеній, невыдерживающихъ критики. Напримѣръ, протесты нѣкоторыхъ владѣльцевъ пивоваренныхъ заводовъ; но какихъ владѣльцевъ, не поименовано. Безъ сомнѣнія, рѣчь идетъ о заводчикахъ, управляющихъ и мастерахъ Нѣмцахъ, которые враждебно относятся къ русскому матеріалу и желаютъ получать его изъ Германіи. Далѣе говорится, что нѣкоторые пивовары завели собственныя хмѣлевыя плантаціи, но подвергаются риску вслѣдствіе колеблющихся урожаевъ; итакъ, чтобы избавить ихъ отъ этого риска, низкая пошлина должна уничтожить и самыя плантаціи! Потомъ указывается на лучшее качество заграничнаго хмѣля; какъ будто превосходство заграничнаго вообще можетъ служить предлогомъ не къ огражденію и улучшенію, а къ подрыву своего отечественнаго? Но главная причина такой уступки, пройденная молчаніемъ, заключалась по всей вѣроятности въ настойчивости со стороны Берлина, который хотѣлъ угодить Баваріи и другимъ южно-германскимъ краямъ, производящимъ хмѣль.

Въ томъ же родѣ встрѣчаемъ натяжки, оправдывающія подрывъ отечественнаго шерстяного производства и овцеводства. По поводу пониженныхъ пошлинъ на шерсть очень слабы аргументы, приводимые профессоромъ Ланговымъ въ его запискѣ; при чемъ особенно характеристична его ссылка на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, болѣе другихъ странъ приближающихся къ нашимъ условіямъ. Онъ рекомендуетъ не покровительственный тарифъ Макъ Кинлея, а проектируемый билль Вильсона; тогда какъ еще неизвѣстно, пройдетъ ли этотъ билль и въ какомъ видѣ пройдетъ. Г. Ланговой очевидно принадлежитъ къ школѣ экономистовъ «Вѣстника Европы» и «Русскихъ Вѣдомостей». Дѣйствительная же причина излишнихъ уступокъ была конечно таже, что и въ предыдущей статьѣ, т.-е. берлинская настойчивость.

Наиболѣе нежелательныя уступки относятся къ предметамъ, имѣющимъ непосредственную связь съ развитіемъ европейской культуры въ Россіи. Цѣлымъ рядомъ писемъ, помѣщенныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»,

я старался выдѣлить основныя отросли, на которыхъ зиждется европейская промышленность, а слѣдовательно и культура; таковы: *добыча каменнаго угля и желѣза, химическіе и желѣзодѣлательные заводы.* Пока эти отросли у насъ неразвиты, наша промышленность не можетъ стать на собственныя ноги и всегда будетъ находиться въ полной зависимости отъ Западной Европы. Въ этомъ отношеніи даже тарифъ 1891 года былъ недостаточно покровительственнымъ, и все еще не давалъ надлежащаго толчка развитію у насъ основныхъ отрослей. А потому надобно ожидать дурныхъ послѣдствій отъ сбавки пошлинъ на 50% съ каменнаго угля, около 20% съ желѣза, желѣзныхъ издѣлій и машинъ и на 20, 25. 37% съ химическихъ матеріаловъ и продуктовъ. Эти статьи, какъ я постоянно указывалъ, тѣсно связаны не только съ успѣхами сельскаго хозяйства и всѣхъ отдѣловъ обрабатывающей промышленности, но и со средствами государственной обороны. Военные люди могутъ увлекаться количествомъ арміи, войсковой выправкой, маневрами и считать за серьезное приготовленіе къ европейской войнѣ заказы за границей оружія, боевыхъ снарядовъ, миноносокъ, броненосцевъ и карабельныхъ машинъ. А я въ качествѣ историка позволяю себѣ утверждать, что пока у насъ не развиты собственные химическіе, механическіе, сталелитейные и т. п. заводы, мы къ европейской войнѣ едва ли готовы; въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ нашими западными сосѣдями насъ можетъ постигнуть большой погромъ, и мы жестоко будемъ расплачиваться за свою техническую и культурную отсталость. Этому погрому не мало будутъ способствовать извѣстное попустительство нѣмецкой колонизаціи, нѣмецкихъ земельныхъ и торгово-промышленыхъ захватовъ въ самой Россіи и происходящій отсюда упадокъ русскаго духа.

Продолжающіеся казенные и общественные заказы и покупки за границей кораблей, рельсовъ, вагоновъ, локомотивовъ, всякаго рода машинъ и земледѣльческихъ орудій окончательно отнимаютъ надежду на успѣшное и скорое развитіе означенныхъ основныхъ отраслей промышленности, при настоящихъ пошлинахъ. А когда настанетъ помянутая расплата за отсталость и попустительство, тогда воочію обнаружится, сколькихъ лишнихъ милліардовъ рублей и сколькихъ сотенъ тысячъ русскихъ жизней будутъ стоить намъ тѣ ложные экономическіе разсчеты, на которые теперь опираются пониженныя пошлины и заграничные заказы.

Производство бумаго- и шерстопрядильныхъ машинъ не могло у насъ водвориться даже и послѣ предыдущихъ покровительственныхъ тарифовъ; ибо, кромѣ высокихъ пошлинъ, тутъ со стороны правительства

требуются и другія поощрительныя мѣропріятія. Ткацкіе станки только было начали прививаться; а настоящій договоръ ихъ вновь подрываетъ. То же надобно сказать о земледѣльческихъ орудіяхъ. Слѣдовательно, вмѣсто 20% скидки машинный отдѣлъ требовалъ сохраненія той 50% надбавки, которая безъ особенной нужды оставлена для хлопчато-бумажныхъ фабрикантовъ. Нѣмцы отлично поняли, что 50% скидка съ каменнаго угля, около 30% съ химическихъ продуктовъ и 20% съ машинъ совершенно достаточны, чтобы помѣшать водворенію у насъ самостоятельной, независимой отъ нихъ промышленности и культуры. Потому они такъ радуются и торжествуютъ.

Не буду говорить объ излишнихъ уступкахъ на шелковыя и кожевенныя издѣлія. Не буду также останавливаться на тѣхъ натяжкахъ и гадательныхъ соображеніяхъ, съ помощью которыхъ нашему хлѣбному вывозу въ Германію придается слишкомъ преувеличенное значеніе, а внутреннему потребленію отводится второстепенное мѣсто. Это могло бы чрезмѣрно удлиннить мое письмо. Но не могу не сказать, что съ большимъ волненіемъ смотрю я на тѣ статьи договора, которыя представляютъ *равныя* и *взаимныя* права подданнымъ обѣихъ сторонъ въ пріобрѣтеніи всякаго рода собственности, въ производствѣ торговли и промысловъ, въ судоходствѣ и т. д. Подъ этою мнимою взаимностью и равноправностью скрывается не только продолженіе, но и усиленіе того нѣмецкаго Drang nach Osten, который, не говоря о западной и южной полосѣ Россіи, уже такъ сильно чувствуется въ самой Москвѣ. Развитіе русскаго торговаго флота и морского судостроенія также снова затруднено настоящими договорами.

И. А. Вышнеградскій смѣло провозгласилъ, что торговый договоръ 29 января 1894 года составляетъ самый блестящій актъ настоящаго царствованія. Но исторія едва ли подтвердитъ его слова. Самымъ блистательнымъ актомъ былъ бы тарифъ 1891 года, если бы онъ удержался и развивался по отношенію къ основнымъ отраслямъ. Петербургская антинаціональная печать настойчиво увѣряетъ насъ, будто Россія очень довольна трактатомъ и только нѣкоторые Москвичи будируютъ. Я же констатирую тотъ фактъ, что начало таможенной войны съ Германіей огромнымъ большинствомъ Русской націи было встрѣчено почти съ восторгомъ; а окончаніе ея породило иное настроеніе. Въ Москвѣ довольна одна группа хлопчато-бумажныхъ фабрикантовъ, которымъ обезпечены огромные барыши. По Москвѣ можно судить о настроеніи всей центральной полосы. Что же касается до нѣкоторыхъ заявленій отъ биржевыхъ комитетовъ, хлопчато-бумажниковъ и т. п., то они исходятъ изъ своихъ точекъ

зрѣнія, изъ своихъ интересовъ и личныхъ отношеній; а государственный человѣкъ долженъ преслѣдовать интересы національные и культурные. Стоило намъ только подержаться еще 4—5 мѣсяцевъ, Нѣмцы не выдержали бы и этого срока и для прекращенія таможенной войны пошли бы на всѣ уступки. Исходная точка зрѣнія долженствовала быть совсѣмъ не та, что Германія можетъ обходиться безъ нашего хлѣба и покупать его у другихъ народовъ; эта возможность болѣе временная, и географическое положеніе вѣроятно потомъ взяло бы верхъ. Исходною точкой долженствовала быть увѣренность, что огромному количеству нѣмецкихъ фабрикъ и заводовъ при закрытіи русскаго рынка грозили полное разореніе и ликвидація; что уже отчасти и началось.

Когда же мы прекратили борьбу и опасность для Нѣмцевъ миновала, самъ германскій канцлеръ откровенно заявилъ въ Рейхстагѣ слѣдующую истину: этотъ торговый договоръ съ Россіей уже потому необходимъ для Германіи, что *онъ помѣшаетъ развиться русской самостоятельной фабрично-заводской промышленности!* Такимъ заявленіемъ онъ вполнѣ подтвердилъ справедливость моихъ многократныхъ предупрежденій и возраженій, написанныхъ по поводу договора и въ защиту высокаго тарифа для основныхъ, культурныхъ отраслей промышленности.

Москва 1894 г. 9 марта.

Само собой разумѣется, предсказанныя мною и незамедлившія послѣдствія договора нисколько не смутили петербургской печати и не нарушили ея халатнаго отношенія къ русскимъ интересамъ. Такъ «Новое Время», сколько помнится, даже поглумилось надъ ними: надняхъ—извѣщало оно—получилось изъ Германіи 100 съ чѣмъ то вагоновъ, нагруженныхъ машинами, ожидается еще 56; а отъ насъ отправлены только два вагона съ медвѣдями для нѣмецкихъ звѣринцевъ; «чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!». Какъ извѣстно, хлѣбъ нашъ въ послѣднее время почти нейдетъ въ Германію; а нѣмецкіе продукты болѣе чѣмъ когда-либо наводняютъ русскій рынокъ, въ особенности подрывая основныя отрасли промышленности. Нынѣ (ноябрь 1895 г.), по статистикѣ самихъ нѣмцевъ, «вывозъ каменнаго угля въ Россію увеличился на 890.000 двойныхъ центнеровъ, вывозъ желѣза и желѣзныхъ издѣлій утроился противъ 1891 г., вывозъ машинъ и инструментовъ удвоился, вывозъ кожъ увеличился на 54.000 двойныхъ центнеровъ, кожанаго товара на 184.000 и т. д. по всѣмъ статьямъ». (Моск. Вѣд. 1895 г. № 315 изъ Nation).

ОТВѢТЫ ПРОТИВНИКАМЪ

МОЕГО ГЛАВНАГО ТРУДА.

Ересь жидовствующихъ на VI археологическомъ съѣздѣ *).

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ довольно подробныхъ корреспонденціяхъ, заключающихъ отчетъ о только что оконченномъ одесскомъ археологическомъ съѣздѣ, между прочимъ разсказано мое сообщеніе о названной выше ереси и возникшихъ отсюда преніяхъ (см. № 245). Отъ составителей подобныхъ отчетовъ невозможно требовать строгой точности въ подробностяхъ, и я бы не обратилъ вниманія на нѣкоторые недостатки, если бы разсказъ вѣрно передалъ общее впечатлѣніе. Но изъ него читатель несомнѣнно выведетъ заключеніе, что по поводу моего чтенія не произошло ничего особеннаго. Между тѣмъ на дѣлѣ было совсѣмъ противное. Не говоря о нарушенныхъ по сему поводу правилахъ общественнаго приличія и ученаго достоинства, самый научный вопросъ, затронутый здѣсь, настолько важенъ, что я позволю себѣ изложить дѣло обстоятельно, насколько, разумѣется, это возможно въ размѣрахъ газетной статьи.

Я не предполагалъ знакомить съѣздъ съ выходящимъ въ свѣтъ новымъ (Вторымъ) томомъ своей Исторіи Россіи и не взялъ съ собою уже отпечатанныхъ листовъ. Типографія прислала мнѣ въ Одессу корректурные листы двухъ послѣднихъ главъ, обнимающихъ время Ивана III. Узнавъ о томъ, нѣкоторые члены съѣзда высказали желаніе, чтобы я прочелъ на съѣздѣ что-нибудь изъ своей книги. Я охотно согласился, и дѣйствительно въ засѣданіи 25 августа прочелъ одинъ отрывокъ, именно о *Ереси мниможидовствующихъ*. Приступая къ чтенію, я все-таки предварилъ публику въ чѣмъ дѣло, т.-е., что представляю не какой-нибудь рефератъ, спеціально приготовленный для съѣзда, а просто предлагаю ея вниманію отрывокъ изъ случайно оказавшихся подъ рукою корректурныхъ листовъ новаго тома моей Исторіи Россіи. Я выбралъ именно разсказъ о названной ереси и связанномъ съ нею Московскомъ соборѣ

*) „Соврем. Изв.“, 1884 г., № 253.

1503 года потому, во-первыхъ, что онъ болѣе относится къ культурной, чѣмъ политической исторіи, а во-вторыхъ, потому, что на ересь Жидовствующихъ существуютъ въ наукѣ взгляды очень разнообразные. Изъ своего знакомства съ источниками и литературою предмета, авторъ пришелъ къ тому заключенію, что въ этой ереси ничего существенно еврейскаго не было, и такой взглядъ высказываетъ въ своемъ очеркѣ. Если я разсчитывалъ на какія замѣчанія, то именно по отношенію къ этому своему основному взгляду; при чемъ былъ радъ провѣрить его бесѣдою съ учеными спеціалистами. Въ самомъ текстѣ отрывка, понятно, не было никакого обзора источниковъ и относящихся сюда сочиненій; эта сторона работы, какъ извѣстно, въ исторіографическихъ трудахъ излагается въ примѣчаніяхъ, которыя помѣщаются у меня въ концѣ книги.

Едва я окончилъ свое чтеніе, какъ на каѳедру вступилъ г. Павловъ, профессоръ каноническаго права при Московскомъ университетѣ, и началъ не говорить, а какъ-то выкрикивать свои *возраженія* весьма неспокойнымъ и рѣзкимъ тономъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ и представляя изъ себя какое-то начальственное лицо въ исторической наукѣ. По его словамъ выходило, что въ моемъ *изслѣдованіи* о ереси или *рефератѣ* онъ не нашелъ «ничего новаго», нѣтъ ни критики, ни знанія источниковъ, нѣтъ послѣдняго слова науки; это не болѣе какъ *повтореніе чужихъ задовъ* и т. д. все въ томъ же родѣ. Разбранивъ мою работу вообще, г. Павловъ перешелъ къ частности. У меня митрополитъ Зосима изображенъ тайнымъ еретикомъ, согласно съ господствующимъ о немъ мнѣніемъ въ наукѣ. Чтеніе свое я заключилъ слѣдующимъ положеніемъ: ересь доселѣ остается для насъ не вполнѣ разъясненною главнымъ образомъ потому, что мы слышимъ одну только сторону; а отъ самихъ еретиковъ не дошло до насъ никакихъ сочиненій, излагающихъ ихъ ученіе. На этихъ двухъ пунктахъ и остановился мой возражатель. Онъ объявилъ, что неправда, будто до насъ не дошли сочиненія еретиковъ; при чемъ обвинилъ меня въ незнакомствѣ съ важными документами, которые были изданы имъ, г. Павловымъ, въ VI томѣ «Русской Императорской Библіотеки» (Спб. 1880), и которые совершенно меня опровергаютъ. Эти документы суть: «Поученіе митрополита Зосимы по случаю соборнаго осужденія еретиковъ жидовствующихъ» и «Списокъ отреченныхъ книгъ», изданный тѣмъ же митрополитомъ Зосимою. Оба эти документа якобы доказываютъ, что Зосима не былъ еретикомъ. Обращаю вниманіе читателей на явное противорѣчіе. Съ одной стороны профессоръ каноническаго права говоритъ, что до насъ дошли сочиненія самихъ еретиковъ, именно митрополита Зосимы; а съ другой

утверждаетъ, что Зосима совсѣмъ не принадлежалъ къ ереси, ибо извѣстны два его сочиненія, *Поученіе* и *Списокъ* отреченныхъ книгъ, направленныя противъ еретиковъ. Итакъ, гдѣ же дошедшія до насъ сочиненія самихъ еретиковъ, излагающія ихъ ученіе? Очевидно, ихъ все-таки нѣтъ. Обращу также вниманіе на претэнзію, выраженную моимъ противникомъ, за то что не говорю о немъ, его изданіяхъ и его личныхъ мнѣніяхъ въ самомъ текстѣ моей исторіи; на каковомъ основаніи онъ отвергаетъ и самое мое знакомство съ ними. Если бы г. Павловъ былъ знакомъ съ первыми двумя частями моего труда, то конечно подождалъ бы выхода въ свѣтъ третьей части, посмотрѣлъ бы мои ссылки въ примѣчаніяхъ и тогда уже дѣлалъ бы свои заключенія. Но по всему видно, что весь этотъ трудъ ему извѣстенъ развѣ только по имени.

Посмотримъ теперь, выдерживаетъ ли сколько нибудь научную критику мнѣніе г. Павлова о православіи митрополита Зосимы. Современныя свидѣтельства говорятъ намъ, что Зосима, оставаясь по наружности православнымъ, держался ереси *втайнѣ*, и передаютъ нѣкоторыя подробности его домашнихъ бесѣдъ съ единомышленниками; а г. Павловъ, въ доказательство его православія, ссылается на два *оффиціальные* документа, подписанные Зосимою. Неужели онъ считаетъ это серьезнымъ доказательствомъ? Исторіографія приблизительно понимаетъ дѣло такъ, какъ оно представлено въ Просвѣтителѣ Іосифа Волоцкаго: тайный сторонникъ еретиковъ ихъ происками, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, поднялся на первопрестольную каѳедру конечно не для того, чтобы торжественно проповѣдывать ересь, а для того, чтобы покровительствовать ей, сохраняя личину усерднаго архипастыря. Что касается до перваго оффиціальнаго документа, т.-е. Поученія, то уже въ самомъ оглавленіи его видна тенденція со стороны редактора. Г. Павловъ назвалъ его только именемъ Зосимы, тогда какъ въ дѣйствительности это есть актъ изданный соборомъ 1490 года, на которомъ разсматривалось дѣло новгородскихъ еретиковъ. Зосима, только что возведенный на митрополію, подписался подъ соборнымъ актомъ, да иначе конечно поступить и не могъ. Далѣе, самый этотъ актъ, заключающій осужденіе ереси, сохранился далеко не вполнѣ; имѣемъ только одно его начало; какъ вновь открытый источникъ, онъ для разъясненія ереси пока не представляетъ какихъ-либо существенныхъ новыхъ данныхъ, и въ примѣчаніи къ нему г. Павловъ тщетно пытается отвергнуть господствующее мнѣніе о еретичествѣ Зосимы («Рус. Ист. Библ.», т. VI, стр. 788). Точно также ничего не доказываетъ напечатанный въ слѣдъ затѣмъ другой оффиціальный документъ: «Списокъ отреченныхъ книгъ», надписанный именемъ

Зосимы. Это только новая пополненная редакція такихъ же списковъ, существовавшихъ и прежде него. И тутъ естественно возникаетъ вопросъ: насколько послѣдняя редакція принадлежитъ собственно Зосимѣ, а не тому же собору 1490 года?

Такія-то шаткія основанія г. Павловъ противуполагаетъ положительному свидѣтельству Іосифа Волоцкаго о принадлежности Зосимы къ ереси и его тайныхъ бесѣдахъ. А между тѣмъ это свидѣтельство подкрѣпляется другими фактами. Во-первыхъ, Зосима едва занялъ каѳедру, какъ немедленно причинилъ обиду новгородскому епископу Геннадію, потребовавъ отъ него исповѣданія вѣры, хотя тотъ уже предъявилъ таковое исповѣданіе при своемъ поставленіи. Извѣстно, что Геннадій былъ первымъ обличителемъ и гонителемъ ереси. Во-вторыхъ, имѣемъ историческое извѣстіе, что на помянутомъ соборѣ 1490 года, когда большинство членовъ высказывалось за смертную казнь еретиковъ, никто другой какъ митрополитъ Зосима отстоялъ ихъ отъ этой казни. (Г. Павловъ въ помянутомъ примѣчаніи полагаетъ, будто отсюда именно и составилось ложное убѣжденіе современниковъ въ еретичествѣ Зосимы). Послѣ же собора (опять по свидѣтельству Іосифа) Зосима уже систематически началъ преслѣдовать тѣхъ священниковъ, которые усерднѣе другихъ ратовали противъ ереси. Наконецъ, внезапное и по всѣмъ даннымъ невольное оставленіе Зосимою митрополіи (т.-е. его сверженіе) также не говорятъ въ его защиту. Мы думаемъ, что обвиненія, высказанныя Іосифомъ противъ митрополита въ разныхъ крайностяхъ невѣрія и кощунства, не совсѣмъ вѣроятны и представляютъ явныя преувеличенія. Но для того, чтобы отрицать сочувствіе сего послѣдняго еретикамъ и тайныя съ ними связи, оппонентъ не привелъ никакихъ дѣльныхъ доказательствъ. Голое отрицаніе свидѣтельствъ Іосифа Волоцкаго еще не составляетъ научной критики источниковъ. Со стороны профессора каноническаго права, пожалуй, похвальною является попытка обѣлить митрополита Зосиму предъ потомствомъ; но, полагаю, это возможно сдѣлать только при научныхъ и болѣе цивилизованныхъ пріемахъ.

Если по отношенію къ Зосимѣ г. Павловъ выступилъ съ новымъ взглядомъ, то по отношенію къ новгородской ереси вообще онъ держится стараго воззрѣнія, т.-е. что она была жидовскою или по крайней мѣрѣ примыкала къ какой-либо сектѣ. По сему поводу онъ сослался на одну неизданную псалтирь, переведенную съ еврейскаго языка на русскій. Рѣчь объ этой псалтири была въ ученой литературѣ и прежде. (Отрывки изъ нея приведены въ «Учен. Зап. Акад. Н.», кн. V). Преосвященнѣйшій Макарій въ своей *Исторіи Русской церкви* (т. VII)

дѣлаетъ вопросъ: не слѣдуетъ ли приписать переводъ этой псалтири новгородскимъ ересеначальникамъ? А г. Павловъ рѣшилъ сей вопросъ положительно, не приводя для того ровно никакихъ данныхъ.

Надѣюсь, сколько-нибудь компетентные читатели согласятся, что я не имѣлъ никакихъ серьезныхъ основаній въ своемъ взглядѣ на ересь руководствоваться означенными тремя документами, на которые указалъ г. Павловъ, а тѣмъ менѣе толковать о нихъ въ текстѣ своей книги, гдѣ представлены только сжатый историческій очеркъ ереси и ея главные моменты.

Заносчивый возражатель какъ началъ свое слово, такъ и закончилъ его рѣзкими порицаніями моего труда и разными инсинуаціями насчетъ его научныхъ достоинствъ. Я слушаю, и думаю: какимъ образомъ профессоръ Московскаго университета могъ выступить публично съ такими пустыми возраженіями и съ такою грубостію нравовъ? Не такъ думали многіе другіе слушатели. Когда онъ окончилъ, раздались восторженныя рукоплесканія; хлопала значительная часть публики, съ нѣкоторыми представителями археологіи во главѣ. Чему она такъ обрадовалась, сказать трудно. Но я имѣю основаніе полагать, что на нее обаятельно подѣйствовали именно грубый тонъ и рѣзкія выраженія моего противника. Въ своемъ немедленномъ отвѣтѣ оппоненту я предложилъ объясненія, приблизительно представленныя мною выше, ограничась только фактическою стороною его возраженій и не касаясь ихъ формы. Затѣмъ профессоры И. С. Некрасовъ и Н. И. Петровъ (онъ же авторъ отчета) сказали по нѣскольку словъ о томъ же вопросѣ, оставаясь собственно въ сферѣ догадокъ и предположеній. О нихъ упомянулъ отчетъ корреспондента. Но г. Петровъ умолчалъ о замѣчаніи извѣстнаго гебраиста А. Я. Гаркави, который высказался въ пользу моего основнаго взгляда, т.-е. весьма малаго сродства ереси жидовствующихъ, насколько она извѣстна, съ еврейской религіей; по его словамъ, нѣтъ также никакой еврейской секты, къ которой могла бы примыкать эта ересь. Еще одна неточность въ отчетѣ г. Петрова. А. И. Маркевичъ въ своемъ обращеніи ко мнѣ благодарилъ меня не за мои «изданія полезныя для гимназій», а за «удовольствіе», доставленное прочитаннымъ отрывкомъ. О моихъ изданіяхъ было имъ упомянуто только къ слову. Очевидно, онъ говорилъ отъ лица другой части публики, не той, которая дѣтски обрадовалась помянутымъ выходкамъ оппонента.

Я работаю надъ общей исторіей Россіи, и тутъ изслѣдователи отдѣльныхъ вопросовъ всегда могутъ сдѣлать полезныя замѣчанія или дополненія. Однако въ данномъ случаѣ этого не произошло. Если мой

возражатель вполнѣ что-либо доказалъ — а значительная часть присутствовавшихъ археологовъ подтвердила—такъ это только то, что членамъ Шестого археологическаго съѣзда не былъ обезпеченъ возможно спокойный и вѣжливый обмѣнъ научныхъ мнѣній, который и составляетъ главную задачу таковыхъ съѣздовъ. Не лишнимъ считаю присовокупить, что на предыдущихъ археологическихъ съѣздахъ ничего подобнаго разсказанному выше не встрѣчалось; но надобно отмѣтить и тотъ фактъ, что г. Павловъ въ предыдущихъ съѣздахъ не участвовалъ.

Еще о ереси жидовствующихъ и митрополитѣ Зосимѣ *).

Въ отвѣтъ на мое письмо о препирательствѣ на Шестомъ археологическомъ съѣздѣ (см. 253 № «Современныхъ Извѣстій»), г. Павловъ въ № 266 «Современныхъ Извѣстій» помѣстилъ свои возраженія, снабдивъ ихъ на сей разъ ссылками и цитатами. Такъ какъ предметъ спора спеціаленъ, то конечно найдется весьма мало читателей, которые въ состояніи оцѣнить эту аргументацію по достоинству и дать надлежащее значеніе каждой ссылкѣ и цитатѣ. Поэтому для меня является почти обязательнымъ подвергнуть доводы моего противника критическому разбору.

Во время засѣданія съѣзда, на мое положеніе, что до насъ не дошли сочиненія еретиковъ и потому мы не имѣемъ точнаго понятія объ ихъ ученіи, г. Павловъ громко возразилъ, что неправда, дошли, и сослался на *Поученіе* Зосимы, которое однако оказалось сочиненіемъ не еретическимъ, а православнымъ. На это теперь указанное ему противорѣчіе отъ отвѣчаетъ: «Вотъ ужъ по истинѣ съ больной головы да на здоровую! Не я, а г. Иловайскій настаиваетъ на еретичествѣ Зосимы». Спрашиваю: гдѣ же тутъ собственно отвѣтъ на указанное противорѣчіе? Далѣе, я замѣтилъ, что означенное поученіе редакторъ, т.-е. г. Павловъ, въ своемъ оглавленіи назвалъ *только* именемъ Зосимы, тогда какъ это есть соборный актъ. Въ отвѣтѣ своемъ онъ, какъ бы не понявъ замѣчанія, выписываетъ оглавленіе, но не свое, а то, которое стоитъ въ самомъ спискѣ Поученія, которое именно и противорѣчитъ его собственному оглавленію. А сіе послѣднее гласитъ такъ: *Поученіе митрополита Зосимы по случаю соборнаго осужденія еретиковъ жидовствую-*

---

*) Изъ газеты *Русь* И. С. Аксакова. 1884 г. № 20.

щихъ. Надѣюсь, всякій согласится со мною, что «Поученіе митрополита по случаю соборнаго осужденія» и «Поученіе митрополита и всего священнаго собора» (какъ стоитъ въ источникѣ)—такія два оглавленія отнюдь не тождественны по своему смыслу. Относительно другого оффиціальнаго документа—«Списка отреченныхъ книгъ»—я между прочимъ написалъ: «и тутъ естественно возникаетъ вопросъ: насколько послѣдняя редакція принадлежитъ собственно Зосимѣ, а не тому же собору 1490 года?» «Неужели, спрошу я въ свою очередь, г. Иловайскій считаетъ это серьезнымъ возраженіемъ?» — отвѣчаетъ г. Павловъ. Во-первыхъ, это не есть положительное, фактическое возраженіе, а только возбуждаемый мною вопросъ. А во-вторыхъ, вопросъ этотъ отнюдь не лишній, и если я его привелъ въ связь съ соборомъ 1490 года, то имѣлъ на это основаніе. Въ только-что названномъ выше Поученіи митрополита и собора прямо говорится о еретикахъ: «и учатъ держати книги отметныя». Очевидно, на соборѣ была рѣчь объ отметныхъ книгахъ, а слѣдовательно и могъ быть возбужденъ вопросъ о новомъ пополненномъ ихъ перечнѣ. Вопросъ мой еще и потому не лишній, что самъ же редакторъ, т.-е. г. Павловъ, въ предисловіи къ сему памятнику указываетъ только на одинъ списокъ отреченныхъ книгъ, надписанный именемъ Зосимы, а въ другихъ спискахъ его имени нѣтъ.

Повторяю: эти два *оффиціальные* акта отнюдь не давали мнѣ права, по примѣру г. Павлова, отвергнуть свидѣтельство Іосифа Волоцкаго и господствовавшее доселѣ въ наукѣ мнѣніе о *тайныхъ* связяхъ Зосимы съ еретиками.

Въ посланіи Іосифа Волоцкаго къ епископу Суздальскому Нифонту есть одно мѣсто, къ которому можно прицѣпиться, но только прицѣпиться. Я заранѣе ожидалъ сей прицѣпки. Такъ и вышло. Вотъ это мѣсто: «А иные, господине, говорятъ: мы у него не слыхали ничего, и только, господине, есть на него достовѣрчые свидѣтели, ино то какъ и сами вы слышали» (Чт. Общ. И. и Др. 1847, кн. I). Изъ этихъ словъ ясно только одно, что Іосифъ производилъ, такъ сказать, добровольный негласный розыскъ и разспрашивалъ лица, бывавшія у митрополита Зосимы. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ говорили, что они ничего не слыхали, другіе, напротивъ, передавали подробности тѣхъ еретическихъ бесѣдъ, о которыхъ Іосифъ сообщаетъ въ иномъ мѣстѣ. Возможно ли отсюда вывести такое заключеніе, что обличитель въ данномъ случаѣ, вопреки свидѣтелямъ, довѣрился только своему брату Вассіану, жившему тогда въ Москвѣ. Въ помянутомъ посланіи Іосифъ говоритъ: «а сказывалъ то самому, государю моему, братъ мой Васьянъ». Ясно, что Васьянъ тутъ

только посредствующее лицо при передачѣ извѣстій, а не изобрѣтатель слуховъ объ еретичествѣ Зосимы. (Ненадобно также упускать изъ виду, что нелестный отзывъ объ этомъ Вассіанѣ написанъ подъ вліяніемъ раздраженія по поводу одного спорнаго дѣла). Г. Павловъ упираетъ на приведенную выше фразу: *мы у него не слыхали ничего*,— какъ будто она мнѣ доселѣ не была извѣстна. Но дѣло не въ этой фразѣ, а въ научной критикѣ. Можно ли назвать научною такую критику, которая для своихъ выводовъ беретъ изъ источника одну фразу, не доводя даже ее до конца (слова: «есть на него достовѣрные свидѣтели» — г. Павловъ пропускаетъ), и не сопоставляя ее съ разными другими мѣстами того же автора? Вотъ эти другія мѣста, относящіяся къ Зосимѣ: «И ови убо обличиша того отступленіе и скверная дѣла содомская. Онъ же немирную брань на тѣхъ вздвизаетъ и овѣхъ убо отъ божественнаго причащенія отлучаетъ, елицы же священницы или діаконы, сихъ отъ священства отлучаетъ, глаголаше же, яко не подобаетъ осужати ни еретика, ни отступника, глаголаше же и сіе: яко аще и *еретикъ будетъ святитель или священникъ* и аще кого отлучитъ или не благословитъ, послѣдуетъ божественный судъ его суду». Возможно ли допустить, чтобъ Іосифъ все это выдумалъ на митрополита или передалъ только ложный слухъ? Тутъ говорится о лицахъ, пострадавшихъ отъ него за свою ревность къ православію, и всякій современникъ могъ провѣрить справедливость его словъ. Но что онъ не выдумывалъ подобные факты, о томъ есть прямое свидѣтельство въ помянутомъ посланіи къ Нифонту. Оказывается, что приведенныя внушенія митрополита относительно проклятія возбудили разные толки и сомнѣнія. Нифонтъ писалъ къ Іосифу и спрашивалъ его мнѣніе о томъ, будетъ ли проклятіе дѣйствительно, если оно произнесено еретикомъ. Іосифъ даетъ отвѣтъ отрицательный. Далѣе, стоитъ только внимательно вчитаться въ *Сказаніе* Іосифа *о Новоявившейся ереси*, чтобы вынести убѣжденіе, что изданное г. Павловымъ Поученіе Зосимы въ сущности никакого открытія по отношенію къ Зосимѣ не представляетъ. Въ этомъ Поученіи осуждается ересь; но Іосифъ прямо говоритъ: «Зосима же творяшеся христіанская мудрствуя, повелѣ проклятн еретики, Новогородскаго протопопа Гаврила, и попа Дениса Архангельскаго, и попа Максима Ивановскаго» и т. д. Слѣдовательно, по прямому свидѣтельству Іосифа, Зосима, тайно держась ереси, оффиціально, когда обстоятельства требовали, подвергалъ еретиковъ осужденію и даже проклятію. Тутъ имѣется ясное указаніе, что выдаваемые Зосимою оффиціальные акты были хорошо извѣстны Іосифу. А если принять логику моего противника, то выдетъ такое умозаключеніе: Зосиму могли счи-

тать еретикомъ только до тѣхъ поръ, пока не было обнародовано его Поученіе; а такъ какъ Іосифъ считалъ его еретикомъ, то слѣдовательно ему осталось неизвѣстнымъ сіе Поученіе. Выводъ, несообразность котораго признаетъ навѣрное и самъ противникъ.

Г. Павловъ ссылается еще на такіе списки Просвѣтителя, гдѣ мѣста, относящіяся къ Зосимѣ, опущены. Какіе были мотивы такого пропуска въ XVI вѣкѣ, о томъ можно говорить особо; мы же теперь разсуждаемъ о томъ, что несомнѣнно было написано Іосифомъ Волоцкимъ. Точно также ничего не доказываетъ отсутствіе лѣтописныхъ свидѣтельствъ о еретичествѣ Зосимы. Лѣтописи вообще весьма мало и глухо говорятъ о ереси, и на то могли быть свои причины. Не забудемъ полуоффиціальный характеръ нашихъ лѣтописей того времени. Но любопытно слѣдующее сопоставленіе. Іосифъ Волоцкій, между прочимъ, пишетъ о Зосимѣ: «и объядаяся и упиваяся и свинскимъ житіемъ живый и всяко нечестіе и *претыканіе* и сблазнъ на непорочную христіанскую вѣру полагая». И эти отзывы почти буквально повторяются въ другихъ источникахъ: нѣкоторыя лѣтописи выражаются такъ: «митрополитъ Зосима остави митрополію не своею волею, но непомѣрно питія держашеся и о церкви Божіи не радяша»; а Степенная книга говоритъ, что Зосима лишенъ престола за нѣкое *преткновеніе*. Архіепископъ же Геннадій въ Повольной грамотѣ на избраніе митрополита Симона, т.-е. въ актѣ вполнѣ оффиціальномъ, даетъ дѣлу такой видъ, будто Зосима самъ сложилъ съ себя санъ «ради своей немощи». Если бы, по примѣру нашего оппонента, руководствоваться безусловнымъ довѣріемъ ко всякому оффиціальному документу, то пришлось бы современныхъ лѣтописцевъ и Степенную книгу тутъ обвинить въ явной лжи. Въ то же время было бы болѣе чѣмъ странно предположить, что наша церковная практика конца XV вѣка извѣстна г. Павлову лучше, нежели самому архіепископу Геннадію. Сей послѣдній обидѣлся тѣмъ, что при своемъ поставленіи митрополитъ Зосима не только не пригласилъ Геннадія въ Москву, а еще потребовалъ отъ него повторительнаго исповѣданія вѣры. Г. Павловъ говоритъ, что Геннадій напрасно вздумалъ обижаться, что ему стоило только справиться въ архивѣ своей архіепископіи, и онъ тамъ нашелъ бы случаи повторительнаго исповѣданія при поставленіи новаго митрополита. Нѣсколько подобныхъ грамотъ онъ указываетъ въ VI томѣ Историч. Библіотеки (№№ 94, 95, 99 и 100). Но онъ при семъ не вникъ въ слѣдующее важное обстоятельство: указанные имъ случаи являются предупредительною мѣрою со стороны Москвы, чтобъ областные архіереи Тверской и Новгородскій не входили ни въ какія связи съ литовско-кіевскимъ митропо-

литомъ Григоріемъ, котораго Москва называла лже-митрополитомъ. Теперь же, когда эти области уже были присоединены къ Москвѣ, и Геннадій самъ былъ Москвичъ, естественно ему обиднымъ показались новыя требованія о томъ, чтобы онъ не заводилъ измѣнническихъ отношеній съ Литвою, и эти требованія предъявлены были ему послѣ того, какъ онъ началъ борьбу съ ересью, которая, по его убѣжденію, пришла именно изъ Литвы. Мы имѣемъ полное право связать эту обиду съ дѣломъ о ереси, которой Зосима покровительствовалъ. Очевидно, не Геннадія слѣдуетъ обвинить въ незнаніи церковной практики того времени, а ужъ скорѣе его обвинителя въ упущеніи изъ виду нѣкоторыхъ важныхъ историческихъ обстоятельствъ и въ натянутыхъ толкованіяхъ. При семъ онъ усмотрѣлъ особое каноническое правило тамъ, гдѣ дѣло имѣло политическій характеръ и, по нашему убѣжденію, просто объясняется соперничествомъ Москвы и Литвы относительно собиранія Руси и всероссійской митрополіи.

Еще менѣе имѣютъ, на мой взглядъ, серьезное значеніе дальнѣйшія ссылки моего оппонента на колебанія Ивана III, на заволжскихъ старцевъ и другія лица, которыя не сочувственно относились къ смертной казни еретиковъ. Г. Павловъ полагаетъ, что Зосима прослылъ еретикомъ потому только, что на соборѣ 1490 года возставалъ противъ этой казни. Но извѣстно, что тѣ лица, которыя возражали противъ такой казни на соборѣ 1504 года, однако, еретиками за то не прослыли. Такая догадка моего антагониста несогласна и съ историческими фактами. На Соборѣ 1490 года Зосима, проповѣдуя умѣренность, однако показывалъ себя противникомъ ереси, о чемъ свидѣтельствуетъ, какъ я сказалъ, и самъ Іосифъ Волоцкій, помимо помянутаго выше Поученія. Его дѣйствія въ пользу ереси и даже преслѣдованіе ревнителей православія начались послѣ; они-то собственно и возбудили подозрѣніе, и людей подобныхъ Іосифу заставили доискиваться причины такого поведенія. Изъ Сказанія сего послѣдняго о ереси это совершенно ясно; вооружаясь противъ дальнѣйшаго поведенія митрополита, Іосифъ отнюдь не упираетъ на его соборныя дѣйствія 1490 года; чего никакъ не могло быть, если бы подозрѣнія въ еретичествѣ возникли именно на этомъ Соборѣ. Извѣстно, что послѣ собора Зосима около трехъ съ половиною лѣтъ оставался на святительской каѳедрѣ. Въ отвѣтѣ моего противника сквозитъ даже попытка вызвать сочувствіе къ Зосимѣ читателей указаніемъ на то, что не гуманно и даже не православно было казнить людей за ихъ образъ мыслей. Но это есть уже уклоненіе отъ исторической почвы: нашъ споръ идетъ не объ общихъ христіанскихъ принципахъ; мы рѣ-

шаемъ чисто фактическій вопросъ: былъ Зосима въ тайныхъ связяхъ съ такъ наз. еретиками или не былъ? Правду о немъ говорилъ Іосифъ, или совершенную неправду? Историческая критика въ такихъ случаяхъ должна взвѣсить каждое данное за и противъ, и потомъ дѣлать выводъ на основаніи всей ихъ суммы. Лично я ровно ничего не имѣю противъ Зосимы и охотно объявилъ бы его непричастнымъ такъ наз. ереси; но не сдѣлалъ этого въ своемъ курсѣ Русской исторіи, ибо сумма наиболѣе вѣскихъ данныхъ, по моему убѣжденію, не на сторонѣ г. Павлова, и я не могу вмѣстѣ съ нимъ назвать обвиненія Іосифа Волоцкаго совершенною клеветою. О преувеличеніяхъ была у меня рѣчь прежде; преувеличеніе или совершенная ложь — это два дѣла разныя.

Можетъ ли затѣмъ имѣть какое-либо серьезное значеніе еще ссылка на извѣстіе одной лѣтописи, что въ 1496 году Зосима причащался на орлецѣ «во всемъ святительскомъ чину»? Отсюда дѣлается заключеніе, что бывшій митрополитъ находился въ полномъ общеніи съ православною церковью и оставался въ архіерейскомъ санѣ. Но мы очень хорошо знаемъ, что Зосима былъ сведенъ съ митрополичьяго престола, не бывъ собственно лишенъ архіерейскаго сана. А что онъ наружно исполнялъ всѣ обряды православной церкви, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; еретики изъ духовныхъ не только подчинялись этимъ обрядамъ, но и продолжали священнодѣйствовать, и не только священнодѣйствовали, но и казались весьма благочестивыми. Г. Павловъ какъ бы постоянно забываетъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ явною, а съ тайною ересью, и въ этомъ заключается основа его произвольныхъ выводовъ. Онъ забываетъ, что самое открытіе этой ереси въ Новгородѣ Геннадіемъ произошло случайно и благодаря еще раскаянію одного изъ участвовавшихъ въ ней священниковъ. При томъ мы ровно ничего не знаемъ относительно убѣжденій Зосимы въ 1496 году, т.-е. продолжалъ ли онъ сочувствовать ереси или отъ нея уже отказался. Въ виду тайны, которою окружали себя еретики, а въ особенности митрополитъ, ссылка моего противника на то, что какіе-то современники не раздѣляли убѣжденій Іосифа, т.-е. не знали о еретичествѣ Зосимы, — эта ссылка ровно ничего не прибавляетъ къ суммѣ данныхъ.

Я далъ свои объясненія на всѣ аргументы г. Павлова о непринадлежности Зосимы къ ереси. Этотъ частный вопросъ въ настоящей полемикѣ, можно сказать, исчерпанъ. Но мой оппонентъ коснулся въ своихъ возраженіяхъ, и только коснулся, другого болѣе важнаго вопроса: что такое была ересь Жидовствующихъ вообще? Въ своемъ очеркѣ я высказалъ мнѣніе, что названіе жидовской дано ей не совсѣмъ справедливо,

что оно дано ей тенденціозно; я указываю на ту связь съ евреями и на тѣ обстоятельства, которыя могли подать поводъ къ этому названію или къ этой тенденціи. Въ обличеніяхъ противъ нея постоянно слышимъ слова: «жидовство», «жидовская»; а между тѣмъ когда встрѣчаются указанія на самое ученіе еретиковъ, то находимъ только отрицанія, т.-е. во что еретики не вѣрили; между прочимъ они не вѣрили въ будущую жизнь. Полагаю, что еврейская религія не есть религія отрицательная: она нисколько не отрицаетъ и будущей жизни. Далѣе, не видимъ, чтобы еретики практиковали обрѣзаніе или соблюдали субботу, вообще не видимъ у нихъ никакихъ существенныхъ чертъ іудейства. Нисколько не отвергая ихъ сношеній съ евреями (сношеній такъ сказать книжныхъ, особенно по поводу книгъ астрономическаго и астрологическаго содержанія), я въ окончательномъ своемъ выводѣ высказываюсь въ пользу того взгляда, что на возникновеніе этой ереси хотя и повліяли нѣкоторые толчки внѣшніе, но что въ сущности она явилась не заимствованіемъ какой-либо чужой религіи, а плодомъ собственнаго домашняго вольномыслія, плодомъ все того же отрицательнаго броженія, которое столѣтіемъ ранѣе обнаружилось въ ереси Стригольниковъ. Потому-то я и называю ее Мниможидовскою.

«По какому-то *непостижимому капризу* своей научной критики, нашъ историкъ Россіи, *безусловно* довѣрявшій Іосифу Волоцкому въ его показаніяхъ о еретичествѣ митрополита Зосимы, вдругъ отказывается вѣрить ему по поводу о существѣ самой ереси жидовствующихъ». Такъ пишетъ г. Павловъ въ своемъ отвѣтѣ. И далѣе: «оставивъ въ сторонѣ общеизвѣстныя и *до сихъ поръ ни въ комъ не возбуждавшія никакихъ сомнѣній* свидѣтельства Іосифа Волоцкаго о началѣ ереси» и проч. Что я не безусловно довѣрялъ Іосифу относительно Зосимы, т.-е. не безъ повѣрки его съ самимъ собою и съ другими данными, о томъ была рѣчь выше. Точно также не могу безусловно принять на вѣру и его обвиненія еретиковъ именно въ жидовствѣ. Но вотъ что особенно удивительно: критическое отношеніе къ показаніямъ Іосифа въ данномъ случаѣ г. Павловъ приписалъ ни болѣе ни менѣе какъ моему капризу, и показанія эти, по его словамъ, доселѣ ни въ комъ не возбуждали никакихъ сомнѣній. Уже во время самой филиппики его на засѣданіи относительно того, что у меня онъ не нашелъ послѣднихъ выводовъ науки и ничего новаго, я заподозрилъ своего противника въ томъ, что ему самому не вполнѣ извѣстно настоящее положеніе этого вопроса въ научной литературѣ и что онъ за нимъ не достатачно слѣдилъ. Теперь это подозрѣніе, къ сожалѣнію, подтверждается. Въ дѣйствительности со-

мнѣнія въ томъ, что ересь была жидовствомъ, начались уже давно, и взгляды на ея сущность въ наукѣ довольно разнообразные. Борьба мнѣній главнымъ образомъ и сосредоточивалась около вопроса: какую долю участія въ этой ереси можно отвести жидовству? Уже въ тридцатыхъ годахъ Рудневъ въ своемъ «Разсужденіи о ересяхъ и расколахъ» считалъ ересь эту смѣсью жидовства съ христіанскимъ раціонализмомъ (каковое мнѣніе повторяетъ и Соловьевъ въ своей Исторіи Россіи). Тотъ же основной взглядъ развиваетъ далѣе въ своемъ трактатѣ о ереси г. Пановъ; при чемъ уже даетъ въ ней явный перевѣсъ не жидовству, а христіанскому раціонализму (Ж. М. Н. Пр. 1877 г. январь—мартъ). Но еще прежде его г. Сервицкій въ своемъ весьма дѣльномъ изслѣдованіи о той же ереси (Правосл. Обозр. 1862. VIII) прямо высказываетъ, что она не была собственно жидовствомъ, что этимъ именемъ произвольно окрестили смѣсь разныхъ толковъ, не представлявшихъ ничего цѣльнаго, опредѣленнаго и бывшихъ результатомъ собственнаго броженія при вліяніи извнѣ. Въ томъ же направленіи изслѣдуетъ эту ересь и профессоръ А. И. Никитскій въ своей прекрасной монографіи «Очеркъ внутренней Исторіи Церкви въ В. Новгородѣ» (1879 г.); при чемъ онъ особенное вниманіе обращаетъ на вопросъ о Пасхаліи и книжныхъ сношеніяхъ съ еврейскими торговцами. Указанія на литературу этого предмета г. Павловъ можетъ найти въ 108 примѣчаніи моей книги.

Итакъ, относительно своего основного взгляда на ересь я болѣе всего примыкаю къ тому мнѣнію, которое по моему крайнему разумѣнію и составляетъ послѣдніе выводы науки: а г. Павловъ объявилъ этотъ взглядъ просто «непостижимымъ капризомъ моей научной критики»! Ясно, что когда на съѣздѣ онъ провозглашалъ о моей отсталости въ научной литературѣ предмета, то, употребляя его фразу, буквально сваливалъ съ больной головы на здоровую. Въ знакомствѣ съ этою литературою онъ очевидно остановился на Исторіи Русской Церкви митрополита Макарія. Преосвященнѣйшій Макарій былъ послѣднимъ крупнымъ представителемъ того мнѣнія, которое вполнѣ слѣдовало Іосифу Волоцкому и въ ереси видѣло чистое жидовство. Онъ между прочимъ пытался доказывать, что та апокрифическая псалтирь, которая найдена въ одномъ сборникѣ XV вѣка, была въ употребленіи именно у новгородскихъ еретиковъ. Г. Павловъ, въ своихъ возраженіяхъ мнѣ, почему-то сослался только на эту псалтирь, и теперь выписываетъ доказательства изъ книги Макарія. Не говоря уже о томъ, что сіи доказательства или точнѣе соображенія построены на разныхъ предположеніяхъ, на словахъ *вѣроятно* и *кажется* (см. 186—187 стр. Т. VII), самый вопросъ объ этой Псалтири для

сути нашей полемики я считаю совершенно празднымъ, о чемъ заявилъ еще на засѣданіи съѣзда и что подтверждаю теперь. Происхожденіе и значеніе ея остаются все-таки неразъясненными; ничего спеціально еврейскаго она въ себѣ не заключаетъ. Она могла употребляться и литовскими евреями, и въ то же время быть въ рукахъ православныхъ. Г. Павлову должно бы быть извѣстно, какая масса апокрифической письменности была тогда у насъ въ обращеніи. Еслибъ и дѣйствительно эти любопытные, но мнимые псалмы Давидовы перевелъ на русскій языкъ нѣкто Ѳедоръ, новокрещенный изъ Евреевъ, то отсюда отнюдь не слѣдуетъ тотъ выводъ, который дѣлаетъ мой противникъ, т.-е. что переводчикъ имѣлъ намѣреніе распространять жидовство между христіанами и что христіанство онъ принялъ притворно. Выводъ, мнѣ кажется, произвольный, вытекающій изъ предвзятой мысли. Любопытно, что тутъ же въ примѣчаніи г. Павловъ самъ подтверждаетъ мою мысль. Въ изданномъ имъ Спискѣ Отреч. книгъ говорится: «яко *ни мірскихъ составленныхъ псалмовъ* глаголати въ церкви». Ясно, что подобные апокрифическіе псалмы равно могли употребляться и еретиками, и самими православными. Въ моей книгѣ (на стр. 424) онъ найдетъ примѣръ тому, что сами іерархи иногда черпали изъ апокрифовъ. Къ чему же новокрещеннаго еврея Ѳедора Богъ вѣсть за что обвинять въ неискреннемъ обращеніи и предательскихъ дѣйствіяхъ!

Въ концѣ отвѣта мой достоуважаемый противникъ высказалъ свое воззрѣніе насчетъ общественныхъ приличій и, само собой разумѣется, съ своей стороны ни въ чемъ виновнымъ себя не призналъ. Въ его отвѣтѣ, по обыкновенію, дѣло не обходится безъ «глубоко уязвленнаго авторскаго самолюбія» и пресловутой фразы о Юпитерѣ: «ты сердишься, значитъ ты не правъ», и т. п. Полагаю, совсѣмъ ненужно быть Юпитеромъ для того, чтобы на ученыхъ преніяхъ требовать самой обыкновенной вѣжливости отъ члена профессорской корпораціи.

Москва. 1 октября 1884 г.

Прежде нежели перейти къ слѣдующимъ моимъ отвѣтамъ, которые были вызваны ожесточеннымъ походомъ на третій томъ «Исторіи Россіи», считаю не лишнимъ (чтобы оріентировать читателя) привести краткую рецензію на этотъ томъ, помѣщенную въ «Новомъ Времени» 1890 г. № 5297 и очевидно принадлежащую лицу компетентному. Опускаю изъ этой рецензіи нѣкоторые отзывы о качествахъ моего труда, и привожу только фактическія указанія, которыя всякій ревнитель истины можетъ провѣрить:

«Мы не станемъ много говорить объ общемъ планѣ постройки историческаго изложенія судебъ Россіи и ея частностяхъ, т.-е. о той способности, которая умѣетъ выдвинуть на передній планъ наиболѣе существенное и важное, даетъ каждому отдѣлу надлежащее мѣсто, значеніе и размѣръ, соблюдаетъ историческую перспективу и соотвѣтствіе частей. Скажемъ только, что г. Иловайскій построилъ этотъ планъ съ большею соразмѣрностью и выдвинулъ нѣкоторыя такія частности, которыя до него упускались изъ виду, хотя онѣ чрезвычайно важны въ общемъ планѣ исторіи. Много стараній приложилъ г. Иловайскій и къ слогу, къ языку, которымъ написана «Исторія Россіи».

Насколько историкъ овладѣлъ громаднымъ матеріаломъ, являющимся въ видѣ первоисточниковъ и литературы предмета, о томъ можно судить преимущественно по отдѣлу примѣчаній, которому въ Третьемъ томѣ онъ придалъ вдвое большій размѣръ, чѣмъ въ предыдущихъ. Эти примѣчанія часто не ограничиваются простымъ перечнемъ источниковъ и пособій, а переходятъ въ изслѣдованія. Для примѣра укажемъ на нѣкоторыя, относящіяся къ Ивану Грозному, особенно № 54, гдѣ г. Иловайскій разбираетъ, между прочимъ, разныя мнѣнія русскихъ изслѣдователей о характерѣ Ивана Грознаго. Нашъ историкъ твердо стоитъ за нравственные принципы, которыми долженъ быть проникнутъ историкъ для того, чтобы не называть бѣлаго чернымъ и чернаго бѣлымъ. Безъ этихъ принциповъ, историкъ явится одностороннимъ, пристрастнымъ. Г. Иловайскій весьма далекъ отъ попытокъ оправдывать Грознаго и объяснять его жестокость враждою боярства и проч. Чрезвычайно любопытны примѣчанія: 61-е (О смерти царевича Дмитрія), 68—70 (О Строгановѣ, Кучумѣ, Ермакѣ и его сибирскомъ походѣ), 75 (О началѣ крѣпостного права), 87 (Объ иллюстраціяхъ, относящихся къ Руси XVI вѣка) и проч. Вообще многое, что не нашло мѣста въ текстѣ, онъ высказываетъ въ примѣчаніяхъ, которыя служатъ также оправданіемъ его характеристикъ и его выводовъ.

Отдѣлъ Западной Руси по преимуществу принадлежитъ обработкѣ г. Иловайскаго. Ни Карамзинъ, ни Соловьевъ и никто другой, писавшій Русскую исторію въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ, не представилъ этого отдѣла. Большой учебникъ Устрялова и университетскій конпендіумъ Бестужева-Рюмина только отчасти касаются этого отдѣла. Въ третьемъ томѣ «Исторіи Россіи» г. Иловайскаго этотъ отдѣлъ занимаетъ почти треть книги. А послѣдняя глава всецѣло принадлежитъ ему по замыслу и по исполненію. О польщизнѣ хотя говорилось много и прежде, но говорилось въ разбродъ; а взаимное отношеніе культуръ польской и русской совсѣмъ упускалось изъ виду. Рѣчь Мелешка была извѣстна только по ссылкамъ, при чемъ его про-

славляли какъ западно-русскаго патріота. 97-е примѣчаніе представляетъ маленькое изслѣдованіе, возстановляющее историческую правду объ этомъ лицѣ.

Начало малороссійскаго казачества и первая его эпоха доселѣ были совершенно затемнены баснями лѣтописцевъ и домыслами писателей украинскихъ. Г. Иловайскій старается основать этотъ отдѣлъ на источникахъ документальныхъ, отбросивъ легенды и домыслы.

Наконецъ, исторіиЕвреевъ въ Западной Россіи доселѣ русскіе историки даже не касались. Начало этой исторіи г. Иловайскій основываетъ также на документальныхъ источникахъ, а краски для характеристики жидовства бралъ у современниковъ, особенно у польскаго поэта Кленовича, котораго русскіе историки доселѣ, можно сказать, игнорировали.

Въ отдѣлѣ собственно Московской Руси, конечно, центральную фигуру представляетъ Иванъ Грозный. Въ позднѣйшее время нѣкоторые наши профессора и писатели, изъ желанія сказать что либо новое и оригинальное, пролить якобы свѣтъ на это лицо и на его царствованіе, принялись его обѣлять и возвеличивать, а для этого должны были унижать Сильвестра и Адашева. Г. Иловайскій, какъ мы уже упоминали, приложилъ особое стараніе разсѣять напущенный этими теоретиками туманъ. Съ какой стороны ни изслѣдуй дѣло, вездѣ оказывается тиранъ и деспотъ, хотя и одаренный отъ природы большими способностями. У Карамзина такъ называемая перемѣна въ Іоаннѣ выходитъ слишкомъ рѣзкою и потому не совсѣмъ естественною. Дѣло въ томъ, что большой перемѣны въ характерѣ его и наклонностяхъ не было. То, чѣмъ онъ является въ дѣтствѣ и отрочествѣ, тѣ же черты, но уже въ полномъ развитіи, являются въ лѣта зрѣлыя. Только молодые его годы выдѣляются свѣжимъ 13-лѣтнимъ періодомъ потому, что два человѣка, пользуясь нѣкоторыми обстоятельствами, особенно его любовью къ Анастасіи, смягчавшей его характеръ, сумѣли подчинить эту необузданную натуру своему вліянію. Каковы же должны быть эти два человѣка! По истинѣ замѣчательные люди. Но необузданная натура все-таки не вытерпѣла долго этого вліянія, сбросила узду и затѣмъ ужъ, конечно, дала себя знать вполнѣ.

Въ книгѣ г. Иловайскаго вообще гораздо болѣе, чѣмъ у его предшественниковъ на этомъ поприщѣ, дано мѣста внутренней исторіи, культурной и бытовой сторонѣ. Не говоря о внутренней исторіи, которой преимущественно посвящены главы II, IV, V, VII, XIV, XV и большая часть IX-й, обзоры собственно культурно-бытовые занимаютъ четыре главы: одна посвящена Западной Руси и три Московской. Слѣдовательно, чисто политическія событія и войны занимаютъ меньшую половину книги; при чемъ такимъ ве-

ликимъ событіямъ, какъ покореніе Казани, Ливонская война и покореніе Сибири, онъ все-таки отвелъ сравнительно очень видное мѣсто.

Изъ бытовыхъ и культурныхъ сторонъ г. Иловайскій обращаетъ вниманіе на водвореніе крѣпостного права и характеристику русскаго войска и военнаго устройства, съ относящимися сюда примѣчаніями. Относительно перваго онъ пришелъ къ отрицанію предполагаемаго прежде указа 1592 года, якобы предписывающаго закрѣпленіе, а болѣе держался тѣхъ, которые говорили о постепенномъ закрѣпощеніи, и особенно напиралъ на ту роль, которую въ этомъ дѣлѣ играла писцовая книга. Укажемъ также на XIII главу, гдѣ говорится о состояніи просвѣщенія въ Московской Руси XVI вѣка. Въ этой главѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, многое введено г. Иловайскимъ и обработано для русской исторіографіи, что прежде въ нее почти не входило. Напримѣръ, иконописаніе, архитектурные церковные стили (что относится ко всѣмъ томамъ его исторіи), а также довольно подробный обзоръ нѣкоторыхъ литературныхъ явленій, еретическихъ ученій и т. д.»

Эти фактическія указанія, само собой разумѣется, нисколько не исключаютъ для другихъ компетентныхъ рецензентовъ возможности находить всякіе недостатки и недосмотры въ моемъ трудѣ. Но, казалось бы, они исключаютъ возможность обвинять мой трудъ въ несамостоятельности и тѣмъ менѣе въ плагіатѣ. А между тѣмъ нашлись именно такіе обвинители или точнѣе клеветники, какъ это читатель сейчасъ увидитъ.

Любопытная рецензія *).

Выступая на страницахъ «Новаго Времени» противъ разрушительнаго еврейскаго вліянія на русскій государственный и общественный организмъ, само собой разумѣется, я заранѣе разсчитывалъ на всякаго рода личныя противъ меня выходки со стороны еврейскихъ публицистовъ и ихъ русскихъ пособниковъ. Разсчитывалъ и на то, что вышедшій недавно третій томъ моей «Исторіи Россіи» представитъ къ тому ближайшій поводъ. А потому нисколько не удивленъ тѣмъ, что одинъ изъ группы московскихъ интеллигентовъ, подписавшихъ пресловутый жидофильскій протестъ-петицію, явился въ роли ученаго ея цѣнителя. Въ декабрьской книгѣ, редактируемаго кн. Церетелевымъ, «Русскаго Обозрѣнія» за 1890 годъ на мой трудъ помѣщена рецензія г. Безобразова.

Задача сей рецензіи самая нехитрая: доказать, что моя «Исторія

*) „Новое Время“, 1890, № 5338.

Россіи» построена на широкихъ заимствованіяхъ изъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» покойнаго С. М. Соловьева, чуть ли не составляетъ ея пересказъ. Тутъ г. Безобразовъ является, такъ сказать, въ роли двойного противника: и какъ членъ помянутой жидовствующей группы, и какъ родственникъ (зять) покойнаго историка. Послѣднее обстоятельство заставляетъ меня войти въ нѣкоторыя нелишнія объясненія.

Если кто изъ людей компетентныхъ и добросовѣстныхъ возьметъ на себя трудъ сличить три вышедшихъ тома моей «Исторіи Россіи» съ семью или восемью соотвѣтствующими томами таковой же Исторіи Соловьева, то неизбѣжно долженъ вывести слѣдующее заключеніе: нелегко найти въ исторіографіи вообще другія два сочиненія, трактующія объ одномъ и томъ же предметѣ и до такой степени не похожія другъ на друга. Не говоря уже о гораздо меньшихъ размѣрахъ моего сочиненія, оно по большей части представляетъ иную группировку матерьяла, т.-е. иное архитектурное построеніе, нерѣдко иное освѣщеніе фактовъ и лицъ, а иногда и другіе историческіе выводы. Съ одной стороны многое, о чемъ Соловьевъ широко распространяется, я прохожу вкратцѣ; а съ другой не мало есть и такихъ предметовъ, которые у Соловьева стоятъ на заднемъ планѣ или обозрѣваются коротко, у меня выдвинуты на передній планъ, излагаются подробнѣе, несмотря на меньшіе размѣры моей книги; нѣкоторые отдѣлы даже являются въ ней впервые. Такія отношенія объясняются конечно болѣе усложнившимися требованіями современности, а отчасти моими личными взглядами на задачи общаго обозрѣнія русской исторіи. Но, въ свою очередь, дальнѣйшее движеніе исторіографіи не мыслимо безъ всякой связи съ предшествующими трудами, безъ пользованія тѣмъ, что ими добыто. Возможно ли представить себѣ научное сочиненіе, игнорирующее труды своихъ предшественниковъ на томъ же полѣ?

Вполнѣ отдаю справедливость родственнымъ чувствамъ моихъ противниковъ; но эти чувства, надѣюсь, не должны слишкомъ пренебрегать фактической правдой и общественными приличіями. Нѣкоторые изъ Родственниковъ покойнаго историка предъявляютъ странную претензію, чтобы я игнорировалъ его главный трудъ; тогда какъ я могъ ожидать совсѣмъ противоположнаго сѣтованія съ ихъ стороны, сѣтованія на то, что въ своемъ сочиненіи слишкомъ мало слѣдую его пріемамъ и системѣ, а пролагаю по возможности собственные пути и веду собственную обработку. Впрочемъ, задняя мысль, скрывающаяся за сими претензіями, не только сквозитъ въ рецензіи г. Безобразова, но почти прямо обнаружи-

вается въ слѣдующихъ его словахъ: «была ли какая-нибудь надобность пересказывать еще разъ то, что всякій можетъ прочесть въ Исторіи Соловьева?». Отсюда имѣю право заключать, что нѣкоторымъ его родственникамъ нежелательна конкуренція моей книги, а желательно было бы, чтобы русская исторіографія какъ можно долѣе остановилась на «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ». При всемъ моемъ уваженіи къ сему громадному труду, разумѣется, я никакъ не могу согласиться съ такою тенденціей.

Каковы бы ни были отличія моей книги въ сферѣ научной и литературной обработки (особенно въ области культурноисторическихъ и бытовыхъ обзоровъ); но само собой разумѣется, что два историческія сочиненія, излагающія одну и ту же Русскую Исторію, необходимо должны представлять много общаго, въ особенности одну общую нить при изложеніи фактовъ собственно политическихъ или сходство въ оцѣнкѣ историческихъ лицъ. Встрѣчаются и такіе перечни фактовъ или такія характеристики, которыя неизбѣжно должны совпадать въ книгахъ самаго разнообразнаго характера. И вотъ на подобныхъ, такъ сказать, общихъ мѣстахъ г. Безобразовъ отважно строитъ свой тезисъ о моихъ яко бы широкихъ заимствованіяхъ изъ исторіи его покойнаго тестя. Было бы скучно и потребовало бы много мѣста приводить всѣ его курьезныя, ничего недоказывающія сопоставленія и параллели, или доказывающія только, что двѣ книги разсказываютъ объ однихъ и тѣхъ же фактахъ на основаніи однихъ и тѣхъ же источниковъ. Для примѣра укажу на мятежъ московской черни, возбужденный пожарами 1547 года. Г. Безобразовъ ставитъ рядомъ мою передачу событія и Соловьевскую. Разсказъ конечно очень сходенъ (содержаніемъ, а не изложеніемъ), и читателю, столь же мало свѣдущему, какъ и г. Безобразовъ, пожалуй въ самомъ дѣлѣ покажется, что я тутъ черпаю непосредственно изъ Соловьева; хотя въ такомъ заимствованіи не заключалось бы ровно никакого грѣха. Но дѣло въ томъ, что обѣ книги въ данномъ разсказѣ близко держатся общаго ихъ источника, т.-е. Царственной книги, каковой источникъ указанъ въ моемъ 31 примѣчаніи. Если бы г. Безобразовъ, взявшій на себя слишкомъ нетрудную задачу подыскать нѣсколько сходныхъ мѣстъ у меня и С. М. Соловьева, обладалъ сколько-нибудь серьезными свѣдѣніями или не былъ такъ лѣнивъ, чтобы не справляться съ источниками, мною указанными, то ему легко объяснилось бы это сходство. Точно такое же сходство онъ нашелъ бы не только съ Соловьевымъ и Карамзинымъ, но и съ Арцыбашевымъ, котораго, «Повѣствованіе о Россіи», повидимому, осталось г. Безобразову неизвѣстнымъ.

Далѣе, что другое можетъ означать приведенное имъ сходство въ опредѣленіи характера Василія III, какъ не слѣдующее: это былъ характеръ на столько несложный и такъ ясно очерченный его правительственною дѣятельностью, что трудно было бы составить о немъ два разныхъ мнѣнія. Точно также въ высшей степени наивно приводить въ примѣръ заимствованій сужденія о воспитаніи и характерѣ Ивана IV, когда эти сужденія основаны на тѣхъ же источникахъ и сдѣлались однимъ изъ общихъ мѣстъ въ Русской исторіи. Еще ранѣе Соловьева они встрѣчаются не только у Карамзина, но и въ «Исторіи русскаго народа» Полевого, съ которымъ г. Безобразовъ также не обнаруживаетъ никакого знакомства. Если употребить его способъ сравненія, то никакого особаго труда не составитъ доказать, что исторія Соловьева до XVII вѣка составляетъ пересказъ предшествующихъ исторій Карамзина, Арцыбашева и Полевого, а эти трое ничего болѣе не дѣлали, какъ пересказывали своими словами Щербатова и Татищева. Слыхалъ ли г. Безобразовъ о двухъ послѣднихъ историкахъ? Его примитивные критическіе пріемы доходятъ до смѣшного. Напримѣръ, у меня говорится, что послѣ сверженія Глинскихъ самыми приближенными къ государю и вліятельными людьми сдѣлались Сильвестръ и Адашевъ; но та же послѣдовательность оказывается у Соловьева. У меня идетъ обзоръ событій въ такомъ порядкѣ: «миръ съ Казанью, Михаилъ Глинскій и король Сигизмундъ I, возмущеніе Глинскаго» и т. д., но и у Соловьева тотъ же порядокъ: «война съ Казанью, Глинскій, смерть короля Александра» и пр. Даже хронологія и та у насъ совпадаетъ! Извѣстно, что наши взгляды на дѣятельность Грознаго сильно расходятся; тѣмъ не менѣе, по словамъ г. Безобразова, у меня «все-таки наблюдается большое сходство съ Соловьевымъ». Тутъ онъ напоминаетъ, что Карамзинъ дѣлитъ царствованіе Грознаго на двѣ эпохи, блестящую и тиранскую, и я повторяю почти то же дѣленіе. Въ чемъ же заключается большое сходство съ Соловьевымъ, осталось неизвѣстнымъ.

Г. Безобразовъ очень удачно отыскиваетъ опечатки и корректурные недосмотры. Въ этомъ случаѣ онъ могъ бы принести несомнѣнную пользу, если бы воздерживался отъ своихъ лжетолкованій. Такъ онъ беретъ у меня одно мѣсто на стр. 190, гдѣ говорится о нападеніи Девлетъ Гирея на Тулу. Это мѣсто показалось ему не совсѣмъ понятнымъ, и за разъясненіемъ его онъ обращается къ исторіи Соловьева, откуда оно будто бы заимствовано. А дѣло-то заключается въ простой опечаткѣ. Послѣ словъ «осадилъ Тулу» должна стоять не точка съ запятой, а точка, и затѣмъ слѣдуетъ читать такъ: «Когда ханъ узналъ о присутствіи московскихъ

полковъ» и пр. При семъ мой рецензентъ, очевидно, не подозрѣваетъ существованія книги, подъ заглавіемъ: «Сказанія князя Курбскаго». Ч. I. Спб. 1833. Если бы онъ тамъ заглянулъ на стр. 15—16, то увидалъ бы, что данное мѣсто у меня и Соловьева основано именно на разсказѣ Курбскаго, который указанъ мною въ примѣчаніяхъ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для описанія казанскаго похода. Но, по всѣмъ признакамъ, объ источникахъ русской исторіи г. Безобразовъ имѣетъ понятія весьма и весьма смутныя.

Въ моей книгѣ есть отдѣлъ церковно-историческій. Кто-то сообщилъ г. Безобразову о существованіи «Исторіи Русской Церкви» высокопреосвященнаго Макарія. Странно было бы, если бы въ этомъ отдѣлѣ я игнорировалъ труды такого спеціалиста и не пользовался ими тамъ, гдѣ находилъ это нужнымъ. Г. Безобразовъ думаетъ иначе. Любопытно, между прочимъ, указаніе его на слѣдующіе два случая моихъ заимствованій. У меня говорится, что для сбора милостыни пріѣзжали въ Россію греческія духовныя лица, даже архіепископы и митрополиты, но еще не было ни одного патріарха; замѣчательно, что то же сказано и у преосвященнаго Макарія. У меня говорится, что послѣ учрежденія патріаршества Русская церковь сдѣлалась вполнѣ самостоятельною церковью и независимымъ отъ Царьграда патріархатомъ; и у Макарія то же самое. Очевидно, г. Безобразовъ считаетъ эти великія истины открытіемъ нашего покойнаго митрополита. Точно также онъ приводитъ совершенно ребяческія указанія на два мѣста моей книги, будто бы прямо взятыя изъ Карамзина.

Общеизвѣстный фактъ, что Западная или Литовская Русь составляетъ одну изъ наиболѣе слабыхъ сторонъ «Исторіи» Соловьева; кое-что онъ говоритъ о ней въ разныхъ мѣстахъ; но особаго отдѣла у него нѣтъ, какъ и въ другихъ «Исторіяхъ Россіи», ему предшествовавшихъ (Устряловъ, какъ учебникъ, сюда въ счетъ нейдетъ). Сей отдѣлъ мнѣ приходилось почти вновь создавать собственнымъ трудомъ. Тѣмъ не менѣе г. Безобразовъ въ своемъ родственномъ усердіи и тутъ пытается что-то возражать и ссылаться на то, что С. М. Соловьевъ признавалъ право Юго-Западной Руси на мѣсто въ общей Русской исторіи. Но вопросъ не о томъ, кто признавалъ такое право, а о томъ, кто его осуществилъ. Напримѣръ, я счелъ необходимымъ цѣлую особую главу посвятить Люблинской уніи, какъ важнѣйшему центральному событію Западной Руси въ теченіе XVI вѣка. У покойнаго историка этому центральному событію въ его многотомномъ трудѣ посвящено ровно полстраницы. Г. Безобразовъ находитъ возможнымъ умолчать о семъ фактѣ, и въ то же

время приводитъ изъ моей книги незначительную цитату, относящуюся къ столкновенію Глинскаго съ литовскими панами; при чемъ дѣлаетъ ссылку на Соловьева, вмѣсто указанныхъ мною во второмъ примѣчаніи польскихъ историковъ Кромера, Мѣховія, Стрыйковскаго, о которыхъ рецензентъ, повидимому, не имѣетъ никакого понятія. Умалчиваетъ онъ и объ особой, впервые введенной мною, рубрикѣ, посвященной еврейству Западной Руси; предметъ отнюдь немаловажный, хотя и непріятный для нашихъ юдофиловъ.

Что касается источниковъ и литературы предмета, т.-е. моихъ ссылокъ и примѣчаній, о которыхъ г. Безобразовъ также смѣло разсуждаетъ, то судить о моей системѣ въ этомъ отношеніи предоставляю людямъ, болѣе его компетентнымъ. Заслуживаетъ вниманія только его указаніе на одно испорченное мѣсто въ примѣчаніи 48. Тутъ, по свѣркѣ съ рукописью, оказывается корректурный недосмотръ: «донесеніе Таубе и Крузе» безъ всякой нужды заключены въ скобки; а имѣющая быть въ этихъ скобкахъ ссылка на 100 прим. къ VI тому Соловьева — по поводу словъ «Древности Рос. Госуд.» — совсѣмъ пропущена. Каждый, печатавшій свои сочиненія подобнаго рода, знаетъ, какъ трудно, почти невозможно, совсѣмъ устранить изъ книги опечатки или корректурные недосмотры. За всякое такое указаніе я могу быть только благодаренъ.

Г. Безобразовъ сравниваетъ мою книгу съ византійскими компиляціями, съ ихъ мозаичною работой. То, что онъ говоритъ по сему поводу, вполнѣ подтверждаетъ его смутныя понятія объ исторіографіи вообще и обработкѣ Русской исторіи въ частности. Только въ самомъ концѣ рецензіи авторъ ея проговаривается и отдаетъ себѣ справедливость: онъ не пускается въ разборъ моей Исторіи «по существу»; это былъ бы для него трудъ «непосильный»; пришлось бы разбирать при семъ четыре тома Исторіи С. М. Соловьева; на что «не хватило бы ни свѣдѣній, ни таланта». Противъ такой истины ничего нельзя возразить.

Отсюда естественно возникаютъ вопросы: какую же научную величину преоставляетъ собою г. Безобразовъ? Какія у него данныя для того, чтобы съ такимъ апломбомъ выступать въ роли ученаго рецензента по Русской исторіи?

На сіи вопросы отвѣчу вкратцѣ.

Г. Безобразовъ состоитъ приватъ-доцентомъ при Московскомъ университетѣ по каѳедрѣ Всеобщей исторіи и ожидаетъ вакансіи, чтобы получить штатную профессуру. Единственный сколько нибудь ученый трудъ его представляетъ недавно вышедшая магистерская дисертація: *Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ.*

М. 1890 г. Сочиненіе это отличается плохимъ изложеніемъ, не научными пріемами, исполнено противорѣчій и наивныхъ выводовъ. Любопытствующихъ отсылаю къ разбору, написанному, по всѣмъ признакамъ, лицомъ компетентнымъ. Вотъ какія мнѣнія тутъ высказаны. «Вся работа производитъ впечатлѣніе какого-то памфлета, гдѣ авторъ всячески старается очертить дѣятельность и умалить заслуги лица, нравственный складъ котораго не согласуется съ этическими принципами г. Безобразова и потому совсѣмъ ему не нравится. Кромѣ такой наивности, устарѣлости и ненаучности отношенія къ трактуемому предмету, приходится отмѣтить и другіе промахи, касающіеся, главнымъ образомъ, методической стороны дѣла. Прежде всего работа загромождена массой выписокъ и переводовъ изъ сочиненій Пселла, которыя предлагаются въ большинствѣ случаевъ въ видѣ сырого матеріала» и т. д. «Приведенныхъ примѣровъ, намъ кажется, достаточно для того, чтобы отмѣтить характерныя черты работы г. Безобразова — узость и ненаучность точки зрѣнія и, въ связи съ тѣмъ, отсутствіе методологической правильности, механичность, небрежность и неуклюжесть въ обработкѣ матеріала» («Русск. Мысль». 1890. Май). Разборъ этотъ невольно возбуждаетъ недоумѣніе: какимъ образомъ за такую диссертацію можно было получить магистерскую степень? Если въ своемъ спеціальномъ отдѣлѣ (византійскомъ) онъ такъ недалекъ, то какова же должна быть его компетенція въ другихъ историческихъ отдѣлахъ, а тѣмъ болѣе въ Русской исторіи?

Кромѣ означенной дисертаціи, г. Безобразовъ успѣлъ заявить себя нѣкоторымъ количествомъ журнальныхъ статей по части критической и повѣствовательной. Образчикъ его критики я привелъ выше. Въ томъ же декабрьскомъ нумерѣ «Русскаго Обозрѣнія» находимъ и образчикъ его «историческихъ очерковъ», подъ заглавіемъ: *Марія Стюартъ*. Обнимая 32 стр., очеркъ этотъ сообщаетъ читателю отнюдь не болѣе того, что онъ можетъ найти въ любомъ сколько нибудь пространномъ курсѣ всеобщей исторіи, но только въ болѣе научномъ и болѣе связномъ изложеніи. Въ началѣ его перечислено до 17 разныхъ сочиненій и монографій, трактующихъ о данномъ предметѣ. Но какое отношеніе имѣютъ они къ «очерку», остается вопросомъ. Состояніе страны въ ту эпоху, положеніе политическихъ и религіозныхъ партій, характеръ и отношенія дѣйствующихъ лицъ—ничего этого у г. Безобразова нѣтъ. Для чего же печатаются подобные очерки? Никакого научнаго значенія они не имѣютъ. Не представляютъ они и никакихъ литературныхъ достоинствъ, которыя могли бы заохочивать публику къ чтенію историческихъ статей вообще. Напротивъ, изложеніе такое, которое способно отбить только охоту.

Впрочемъ, для любителей исторической порнографіи можно рекомендовать другой «историческій очеркъ» г. Безобразова: «Византійская Мессалина» («Наблюдатель». 1889. Сентябрь).

Возвращаясь къ его рецензіи на мою книгу, не лишнимъ считаю упомянуть, что еврейскія «Новости», конечно, ей очень обрадовались, перепечатали значительную ея часть и провозгласили мою книгу огромнымъ плагіатомъ. Такимъ образомъ, газета г. Нотовича къ безобразовской рецензіи приложила и свою спеціально жидовскую печать.

Москва, 1891 г. Января 4-го.

Рецензія-эхо или сказка про бѣлаго быка *).

Да не посѣтуютъ на меня читатели «Новаго Времени» за то, что я вновь на нѣсколько минутъ займу ихъ вниманіе почти той же рецензіей, о которой говорилъ въ № 5338, которая была подписана именемъ П. В. Безобразова, а теперь повторилась въ другомъ изданіи и подъ другимъ именемъ. Въ февральской книгѣ «Вѣстника Европы» напечатана ругательная статейка, озаглавленная: «Исторіографія и компиляція» В. Н. С—жева, т.-е. Сторожева. Эта статейка есть собственно эхо или воспроизведеніе Безобразовской рецензіи въ болѣе сокращенномъ видѣ, съ тою же основною клеветою о заимствованіи третьяго тома моей «Исторіи Россіи» изъ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева. Кто такой этотъ г. Сторожевъ? Ясный и точный отвѣтъ на сей вопросъ даетъ намъ «Памятная книжка московскаго Архива министерства юстиціи» за 1890 годъ. Къ ней приложенъ списокъ чиновниковъ архива съ обозначеніемъ ихъ службы и печатныхъ трудовъ, начиная съ управляющаго архивомъ дѣйств. стат. сов. Нила Александровича Попова и кончая регистраторомъ. Тутъ, въ числѣ младшихъ помощниковъ редактора, на стр. 231 значится: *Сторожевъ Василій Николаевичъ*, коллежскій секретарь: родился въ Москвѣ 13-го января 1866 года; изъ купеческаго состоянія, холостъ» и пр. (Окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣвъ 1888 году). При семъ указано нѣсколько незначительныхъ его работъ, архивно-описательнаго и библіографическаго характера. Такимъ образомъ, если научная величина г. Безобразова очень малая, то г. Сторожевъ (какъ и подобаетъ эху), пока представляетъ ее въ размѣрѣ равномъ нулю.

Послѣ магистерской диссертаціи, въ началѣ 60-хъ годовъ, вышли въ

---

*) „Новое Время“, 1891 г., № 5374.

свѣтъ мои «Краткіе очерки Русской исторіи», составленные отчасти по монографіямъ и трудамъ исторіографическимъ, а отчасти прямо по первоисточникамъ, т.-е. лѣтописямъ, актамъ, мемуарамъ и т. п. Покойный представитель радикальнаго направленія въ нашей печати, »Современникъ», какъ и слѣдовало ожидать, отнесся къ моей книжкѣ весьма непріязненно и первымъ дѣломъ ее обругалъ; а для вящшаго ея униженія объявилъ, что вся она основана на «Учебной книгѣ» С. М. Соловьева, которая вышла нѣсколькими мѣсяцами ранѣе. Въ подтвержденіе этой блестящей идеи онъ подыскалъ нѣсколько сходныхъ мѣстъ изъ той и другой книги, что сдѣлать было очень нетрудно, ибо въ учебникахъ, трактующихъ объ одномъ и томъ же предметѣ, даже и невозможно избѣжать общихъ мѣстъ и повтореній. «Современникъ» имѣлъ тогда большое вліяніе на общественное мнѣніе, и, вѣроятно, разсчитывалъ, какъ говорится, «убить» мою книгу. Однако ничего подобнаго не воспослѣдовало. Можетъ быть, самая доступность для публики, особенно педагогической, т.-е. самая легкость сличенія двухъ небольшихъ книжекъ, быстро устранила означенную клевету. Съ того времени прошло около тридцати лѣтъ, попреимуществу посвященныхъ работамъ по Русской исторіи. Вышелъ третій томъ моего главнаго исторіографическаго труда и вотъ вновь выступаетъ на сцену та же нелѣпая клевета, обращающаяся въ сказку про бѣлаго быка: ничего болѣе остроумнаго и болѣе правдоподобнаго противники мои не придумали. Клевета сія является въ той именно части нашей прессы, которая примыкаетъ къ идеямъ «Современника». Эта часть прессы, можно сказать, замалчивавшая мои первые два тома, открыла ожесточенный походъ противъ третьяго. Очевидно, тутъ, главнымъ образомъ, подѣйствовали антинаціональные мотивы, особенно обострившіеся въ послѣднее время по поводу еврейскаго вопроса. Нагляднымъ подтвержденіемъ моихъ словъ служитъ еврейскій органъ «Новости», принимающій жаркое участіе въ этомъ походѣ (поэтому крестовымъ его назвать ужъ никакъ нельзя). Кромѣ антинаціональныхъ, найдутся, конечно, и другіе мотивы свойства болѣе личнаго, чѣмъ принципіальнаго. Противники мои отлично сознаютъ, что они повторяютъ сказку про бѣлаго быка; но имъ очень хочется подорвать довѣріе къ моему труду и хотя временно набросить тѣнь на мою ученую добросовѣстность и на пріобрѣтенное мною самостоятельное положеніе въ русской исторической литературѣ. Разсчетъ на невѣдѣніе и легковѣріе публики на сей разъ выступаетъ еще рельефнѣе: ибо сличить мой томъ, обнимающій болѣе 700 страницъ убористой печати, съ тремя или четырьмя соотвѣтствующими томами «Исторіи» Соловьева—это работа, доступная очень немногимъ.

По жидовской теоріи г. Нотовича, подобный мнѣ авторъ вообще не долженъ защищать свой трудъ отъ журнальныхъ башибузуковъ, а тѣмъ менѣе указывать печатно на соціальное и научное положеніе своихъ противниковъ. Разумѣется, я этой теоріи не раздѣляю и думаю, что читающей публикѣ далеко не лишнее знать, какого рода индивидуумъ выступаетъ передъ ней въ роли цѣнителя исторіографическихъ трудовъ. Почему антинаціональная клика выставила противъ меня такія ничтожныя силы, не знаю. Можетъ быть, болѣе крупныя еще впереди, а возможно, что и въ данномъ случаѣ скрывается коллективное начало. Отвѣчая ниже на статейку г. Сторожева, я имѣю въ виду не его собственно, а ту клику, которой онъ служитъ, и тотъ журналъ, который эту ругательную статейку радушно принялъ подъ свою сѣнь.

Какъ вѣрное эхо, г. Сторожевъ значительно упростилъ свою работу. Г. Безобразовъ, по крайней мѣрѣ, сопоставляетъ мѣста изъ моей книги и Соловьева и тѣмъ даетъ возможность указать на источники, изъ которыхъ черпала та и другая книга. Г. Сторожевъ этого не дѣлаетъ, а сыплетъ прямо разными замѣчаніями и ссылками на страницы; пусть-молъ читатель самъ ихъ провѣряетъ. Начинаетъ онъ съ плана исторіи. Оказывается, что и этотъ планъ я заимствовалъ у Соловьева; ибо я также «веду свое изложеніе по княженіямъ и царствованіямъ, также стараюсь излагать сперва дѣла внѣшнія, потомъ внутреннія, придерживаясь хронологической послѣдовательности». Право, совѣстно и приводить такіе дѣтски-наивные аргументы; очевидно, мой юный противникъ считаетъ изобрѣтеніемъ С. М. Соловьева самый естественный порядокъ историческаго изложенія, употребляемый во всей европейской литературѣ, особенно въ исторіи народовъ съ монархическою формою правленія. Но у меня оказывается такое дѣленіе на періоды, котораго нѣтъ въ «Исторіи» Соловьева. Г. Сторожевъ въ этомъ случаѣ со мною не согласенъ. Онъ находитъ мое распредѣленіе матеріала и мою группировку, якобы производящими «большую запутанность», и отдаетъ, конечно, предпочтеніе *погодному* порядку Соловьева, тому сплошному, лишенному членораздѣльности, порядку, который вызываетъ справедливые упреки и дѣлаетъ его «Исторію» похожею на лѣтописные своды, въ родѣ Никоновскаго и Татищева. По поводу моихъ культурноисторическихъ обзоровъ, г. Сторожевъ, между прочимъ, упрекаетъ меня за то, что въ главѣ о государственномъ строѣ Московской Руси я «ухитрился помѣстить разсмотрѣніе московскихъ дворцовыхъ зданій». Изъ дальнѣйшихъ его словъ видно, что онъ подъ государственнымъ строемъ разумѣетъ исключительно юридическую его сторону и совсѣмъ не понимаетъ того значенія, которое

имѣетъ государевъ дворецъ въ самодержавной странѣ. И подобное невѣжество разсуждаетъ о томъ, какъ надобно писать исторію!

Далѣе идутъ ссылки на страницы, доказывающія якобы мои заимствованія у Соловьева и, отчасти, у Карамзина. Какъ эхо г. Безобразова, г. Сторожевъ объ источникахъ также никакого понятія не имѣетъ и употребляетъ тотъ же наглый пріемъ. Положимъ, у меня въ текстѣ говорится о крещеномъ татарскомъ царевичѣ Петрѣ или Худай-Кулѣ и въ примѣчаніи къ чему приводится ссылка на «Полн. Собр. Рус. Лѣт.» т. VI, стр. 51, 244—45. А г. Сторожевъ пишетъ: «разсказъ о царевичѣ Петрѣ, см. Карамзина, т. VII, гл. I, стр. 10». Или: говоря о построеніи Китая-Города, я указываю на такую-то лѣтопись, и прибавляю при семъ извѣстіе о строителѣ этого города, Петрѣ Фрязинѣ, взятое изъ Актовъ Ист. I. № 140—слѣдовательно, подробность еще неизвѣстную во времена Карамзина. А г. Сторожевъ пишетъ: «нѣтъ, см. Карамзина тамъ-то». И такой пріемъ повторяется имъ нѣсколько разъ: я дѣлаю ссылки на лѣтописи или другіе первоисточники, а г. Сторожевъ твердитъ свою сказку про бѣлаго быка: нѣтъ, см. тамъ-то у Соловьева или Карамзина. Помилуй Богъ, если бы я собственными глазами не видалъ такого нахальства, то съ трудомъ бы повѣрилъ въ его возможность. Неужели это кандидатъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета? Далѣе онъ приводитъ изъ моей книги какія-то отдѣльныя слова и полуфразы, толкуетъ что-то такое о «народной массѣ», «этнографической почвѣ», историческомъ «міросозерцаніи» и пр. Но это такой дѣтскій безсвязный лепетъ, котораго понять невозможно, конечно, прежде всего потому, что рецензентъ-эхо заговорилъ о вещахъ, въ которыхъ онъ разумѣетъ столько же, сколько въ китайской грамотѣ.

Г. Сторожевъ, какъ эхо г. Безобразова, повторяетъ его недоразумѣнія и промахи. Напримѣръ: «стр. 190—курьезное мѣсто о двухъ Тулахъ». Мы уже указывали, что этотъ мнимый курьезъ объясняется простою опечаткою. Но вотъ курьезъ дѣйствительный. Въ своей отповѣди г. Безобразову нѣкоторыя его замѣчанія, изъ экономіи мѣста и времени, я оставилъ безъ вниманія. И между прочимъ слѣдующее: «въ примѣчаніи 35 г. Иловайскій называетъ Александро-Невскую лѣтопись неизданною и находитъ нужнымъ ссылаться на Соловьева (во время котораго эта лѣтопись дѣйствительно была не издана), а потомъ самъ же говоритъ, что она напечатана». Г. Сторожевъ повторяетъ то же обвиненіе: «все же странно ссылаться на одинъ и тотъ же памятникъ, называя его то изданнымъ, то неизданнымъ (Александро-Невская лѣтопись)». Тутъ одно невѣжество повторяется другимъ невѣжествомъ. Въ 35 при-

мѣчаніи, по поводу болѣзни Ивана IV въ 1553 году, дѣлается ссылка на примѣчанія Карамзина и Соловьева о неизданной части Александро-Невской лѣтописи; а въ 45 примѣчаніи, по поводу опричины, указанъ отрывокъ Александро-Невской лѣтописи, обнимающій 1563—1567 гг. и напечатанный въ Рус. Ист. Библ. т. III. Если, вообще, источники Русской исторіи такъ еще мало извѣстны юному архивисту, то по крайней мѣрѣ знакомство съ изданіями Петербургской археографич. комиссіи впредь должно быть вмѣнено ему ближайшимъ начальствомъ въ обязанность. Положительно удивляюсь тому, что извѣстная группа, открывая походъ противъ моей книги, выставила впередъ такое круглое невѣжество.

Плохую услугу оказываютъ подобные господа памяти покойнаго С. М. Соловьева, принявшись трепать его уважаемое имя въ своихъ партійныхъ полемическихъ статейкахъ. Давая имъ отпоръ, волею-неволею приходится иногда указывать на важные пробѣлы его многотомного труда, пополненные въ моей книгѣ, имѣющей гораздо меньшіе размѣры, и вообще приводить такія о немъ сужденія, которыя въ сущности я совсѣмъ бы не желалъ высказывать. По поводу рецензіи г. Безобразова я указалъ на Западную Русь и культурно-историческіе обзоры. Г. Сторожевъ ставитъ мнѣ въ упрекъ нѣкоторое несогласіе съ Соловьевымъ относительно вопроса, кому принадлежитъ починъ въ сибирскомъ походѣ Ермака; но при семъ умалчиваетъ о гораздо болѣе важныхъ обстоятельствахъ, именно о томъ, что у Соловьева слишкомъ вскользь трактуются или совсѣмъ обходятся вопросы о юго-восточной колонизаціи, о Сибирскомъ царствѣ, о Кучумѣ, о московской колонизаціонной политикѣ вообще, и что эти пробѣлы пришлось мнѣ пополнять. А вотъ кто-то г. Сторожеву указалъ на недостаточно опредѣленное или неточное выраженіе въ родѣ «бояринъ» Берсень Беклемишевъ, и онъ кричитъ о семъ, какъ о весьма важномъ промахѣ; тогда какъ это выраженіе употреблено мною не въ смыслѣ извѣстнаго боярскаго сана, а въ смыслѣ принадлежности къ высшему служилому сословію. Онъ дѣлаетъ ссылку на брошюрку г. Лихачева. Получивъ эту брошюру, когда печаніе текста уже близилось къ концу, я даже не счелъ нужнымъ дѣлать въ примѣчаніяхъ поправку касательно Берсеня, предоставивъ пересмотръ подобныхъ мелочей слѣдующему изданію, если таковое понадобится. Но положимъ, что тутъ есть фактическій недосмотръ. Вопросъ въ томъ, много ли ихъ найдется въ моей книгѣ. Г. Сторожеву удалось привести единственный, а этого слишкомъ мало для такого сложнаго труда; можно предположить ихъ болѣе. Соловьевъ, предпринимая свою «Исторію», напечаталъ длинный списокъ

разныхъ промаховъ и недосмотровъ Карамзина; однако, тѣмъ не умалилъ его значенія. Въ свою очередь, если бы кто взялъ на себя задачу собрать всѣ недосмотры и промахи у Соловьева только въ тѣхъ томахъ, которые соотвѣтствуютъ моему третьему, то получился бы также порядочный реестръ и, однако, не на немъ должно основывать сужденіе о его трудѣ. По недостатку болѣе крупныхъ фактовъ, понятно, что для цѣлей, преслѣдуемыхъ тою кликой, органомъ которыхъ служитъ между прочимъ г. Сторожевъ—и какой-нибудь корректурный или мелкій фактическій недостатокъ въ моей книгѣ является истиннымъ кладомъ.

Въ предисловіи къ этой книгѣ я говорю, что въ послѣднюю эпоху на поле разработки отечественной исторіи выступило не мало молодыхъ, свѣжихъ дѣятелей, трудами которыхъ я по мѣрѣ надобности пользовался для настоящаго тома; о нѣкоторыхъ же могъ упомянуть только въ примѣчаніяхъ. Тутъ я разумѣлъ появившіяся въ послѣднее десятилѣтіе изслѣдованія и монографіи, преимущественно диссертаціи на ученыя степени. Назову труды: Архангельскаго, Багалѣя, Барсукова, Буцинскаго, Бершадскаго, Вержбовскаго, Дашкевича, Дьяконова, Веселовскаго и Смирнова (двухъ оріенталистовъ), Жмакина, Каптерева, Левицкаго, Лихачева, Любовича, Милюкова, Лаппо-Данилевскаго, Платонова, Покровскаго, Соколова, Тихомірова, Цвѣтаева, Чечулина, Ясинскаго, Эварницкаго и нѣкоторыхъ другихъ. Г. Сторожевъ усвоилъ себѣ такую наглую манеру: если на какія сочиненія я особенно или нѣсколько разъ указываю, то значитъ я по нимъ «компилировалъ», а если указываю коротко или одинъ разъ, значитъ я съ ними не знакомъ. Онъ прямо, безъ всякихъ обиняковъ, заявляетъ, что никакими новѣйшими изслѣдованіями я не воспользовался; въ доказательство чего приводитъ изслѣдованія Дьяконова, Лаппо-Данилевскаго, Чечулина и Платонова, которыя молъ не отразились въ моей книгѣ. Считаю не лишнимъ по сему случаю сказать о нихъ нѣсколько словъ, по адресу не одного г. Сторожева. Диссертація г. Лаппо-Данилевскаго «Организація прямого обложенія» (Спб. 1890) приведена г. Сторожевымъ совершенно некстати. На нее я указываю въ 79 примѣчаніи; но такъ какъ она занимается собственно XVII вѣкомъ, то болѣе близкое къ ней отношеніе впереди. Диссертація г. Платонова «Древне-русскія сказанія о Смутномъ времени» (Спб. 1888) касается отчасти настоящаго тома, и коротко упомянута въ прим. 61. О ней также рѣчь впереди; а пока я не остановился на своемъ несогласіи съ нѣкоторыми его выводами, напримѣръ, о невинности Годунова въ убіеніи царевича Димитрія; ибо высказалъ свои доводы, полемизуя преимущественно съ г. Бѣловымъ, которому г. Платоновъ слѣдуетъ въ данномъ

случаѣ*). Относительно диссертаціи г. Чечулина «Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ» (Спб. 1889), достаточно сказано въ 76 примѣчаніи. Что касается до разсужденія г. Дьяконова «Власть московскихъ государей» (Спб. 1889), о которомъ упомянуто въ 74 примѣчаніи, то читатель, судя по заглавію, можетъ быть подумаетъ, что тутъ разсматривается постепенное развитіе власти московскихъ государей въ дѣйствительности. А между тѣмъ здѣсь говорится только о развитіи теоретическомъ или письменномъ. Основной или исходный его пунктъ, что «сама идея самодержавной власти позаимствована нами изъ Византіи», я отнюдь не считаю «безспорнымъ» въ такой категорической формѣ. Всего менѣе могу согласиться съ существованіемъ какой-то «революціонной политической доктрины», которую г. Сторожевъ, на основаніи сей брошюры, приписываетъ Іосифу Волоцкому. Подробнѣе развита у г. Дьяконова, собственно, эпоха предшествующая; а слабѣе та часть его разсужденія, которая относится къ Ивану IV. Я не счелъ нужнымъ распространяться о семъ разсужденіи. Если бы для моихъ примѣчаній сдѣлать обязательными отчеты о всѣхъ упоминаемыхъ мною сочиненіяхъ и брошюрахъ, то во что бы обратилась моя книга?

Такія диссертаціи, которыя производятъ нѣкоторый переворотъ или вносятъ новый свѣтъ, крайне рѣдки. Даже не всякое изслѣдованіе, основанное на сыромъ матеріалѣ, представляетъ умѣлую его обработку. Элементъ творчества, въ соединеніи съ здравымъ критическимъ анализомъ, встрѣчается тоже очень рѣдко. Зато нерѣдки въ наше время такія диссертаціи, которыя представляютъ почти механическое нагроможденіе сырого архивнаго матеріала, что прямо свидѣтельствуетъ о недостаткѣ хорошей исторической и литературной школы или объ излишней снисходительности ученой, факультетской цензуры. Иногда прочтешь такую диссертацію, да и положишь ее къ къ сторонкѣ, а нужныя для книги детали предпочитаешь черпать прямо изъ первоисточниковъ, въ родѣ «Писцовыхъ книгъ» или «Актовъ Иридическихъ», какъ это было въ одномъ изъ данныхъ случаевъ. (Именно по поводу городовъ XVI в.). Поэтому обвиненіе г. Сторожева въ моемъ, яко бы, игнорированіи того или другого изслѣдованія является по меньшей мѣрѣ лживымъ и неумѣстнымъ.

Многое, что я не могъ по той или другой причинѣ сказать въ текстѣ, отнесено у меня въ примѣчанія, гдѣ указаны источники и литература предмета. Г. Сторожевъ совсѣмъ отвергаетъ этотъ отдѣлъ и при-

*) Въ послѣдствіи, въ примѣчаніяхъ къ *Смутному времени* у меня неоднократно говорится, о диссертаціи г. Платонова. См. стр. 274 — 276, 327 и особенно 334—335.

водитъ для того основанія, въ родѣ омаровскихъ: если, молъ, въ немъ есть то же, что у Соловьева, то онъ лишній, а если заключается то, чего нѣтъ у Соловьева, то онъ вреденъ. Такимъ образомъ сей архивный Омаръ прямо проповѣдуетъ такое же невѣжество и пренебреженіе къ наукѣ, которыми и самъ проникнутъ. Весьма забавны его разсужденія о моемъ стилѣ. По его мнѣнію, мои «языкъ и манера изложенія заимствованы у Карамзина», чему-де ясное доказательство представляютъ употребляемыя мною иногда слова *сей* вмѣсто *этотъ* и *мужъ* вмѣсто *человѣкъ*. Недоставало еще, чтобы какой-нибудь юнецъ, едва умѣющій держать перо въ рукахъ и совсѣмъ не владѣющій литературнымъ языкомъ, мнилъ преподать намъ уроки литературнаго искусства.

Какъ и подобаетъ эху, г. Сторожевъ еще слабѣе г. Безобразова въ историческихъ познаніяхъ. Зато нарочитымъ нахальствомъ онъ его превосходитъ.

Москва 9 февраля 1891 г.

Отвѣтная замѣтка г. Безобразову *).

Если Вс. С. Соловьевъ обратился ко мнѣ съ заявленіемъ о своей несолидарности съ тенденціями «любопытной рецензіи», это вполнѣ понятно. Но я не совсѣмъ понимаю, чего желаетъ отъ меня г. Безобразовъ въ своемъ открытомъ письмѣ на мое имя (№ 5348 «Новаго Времени»). Очевидно одно: онъ пытается свести мою отвѣтную статью съ научной почвы на политическую, подобно тому, какъ каждая строка его рецензіи свидѣтельствуетъ именно о личномъ, а не научномъ отношеніи къ моей книгѣ. Его принадлежности къ жидовствующей группѣ я коснулся по поводу перепечатки рецензіи въ еврейской газетѣ г. Нотовича. Рецензія сія такимъ образомъ появилась почти одновременно въ двухъ изданіяхъ, и я счелъ не лишнимъ обратить на нее особое вниманіе.

Моя отвѣтная статья въ «Новомъ Времени» главнымъ образомъ указывала на невѣжество г. Безобразова въ Русской исторіи, на его полную некомпетентность судить объ отношеніяхъ моей книги къ источникамъ, а также на его чрезвычайно слабую научную подготовку въ исторіи вообще.

«Я доказывалъ, что ваша «Исторія» не изслѣдованіе по источникамъ, а компиляція», пишетъ г. Безобразовъ. Во-первыхъ, какъ могъ онъ, совсѣмъ не зная источниковъ «Русской Исторіи», что-нибудь доказы-

*) „Новое Время“. 1891 г. № 5356.

вать? А, во-вторыхъ, всякому сколько-нибудь образованному человѣку должно быть извѣстно, что исторіографическое сочиненіе менѣе подходитъ къ понятію объ изслѣдованіи, чѣмъ къ понятію о компиляціи. Исторіи Карамзина и Соловьева суть компиляціи въ обширномъ смыслѣ, а не изслѣдованія. Но компиляціи-то бываютъ разныя. Главная разница состоитъ въ обработкѣ: напримѣръ, одна компиляція можетъ отзываться грудою сырого матеріала, а другая можетъ представлять архитектурную постройку. Элементъ изслѣдованій также присущъ исторіографическимъ сочиненіямъ, особенно по Русской исторіи, столь еще недостаточно разработанной. Этотъ элементъ г. Безобразовъ нашелъ бы въ моей книгѣ въ значительномъ количествѣ и въ связи съ источниками, если бы имѣлъ для того нужныя свѣдѣнія.

Прошлый разъ я указалъ на особый отдѣлъ Западной Россіи, который стоилъ мнѣ много труда и который остался неизвѣстенъ г. Безобразову. Теперь укажу на внутренніе или культурно-историческіе и бытовые отдѣлы—также оставшіеся недоступными его пониманію,—на которые употреблено мною еще болѣе кропотливаго труда, такъ какъ и въ этомъ отношеніи мнѣ приходилось создавать почти вновь. У Карамзина сей отдѣлъ является только въ зародышѣ; у С. М. Соловьева, какъ извѣстно, онъ представляетъ довольно хаотическій наборъ разныхъ свѣдѣній, лишенныхъ органической связи въ частяхъ и въ цѣломъ. Обращу при семъ вниманіе на слѣдующую рубрику въ моемъ сочиненіи. Слыхалъ ли г. Безобразовъ о существованіи науки, которая называется *археологія?* Есть ли археологическій элементъ у моихъ предшественниковъ и особенно въ многотомной «Исторіи» С. М. Соловьева? Есть ли у него, напримѣръ, опредѣленіе древне-русскихъ церковныхъ и иконописныхъ стилей? Пытался ли онъ объяснить хотя бы только типичный московскій храмъ Василія Блаженнаго? Возможна ли въ наше время Русская исторія безъ этого культурно-историческаго элемента? Мало того, на предложенные мною вопросы по археологіи даетъ отрицательные отвѣты и «Исторія Русской Церкви» преосвященнаго Макарія, которую г. Безобразовъ также пытается привлечь къ своимъ курьезнымъ сопоставленіямъ.

Изъ сказаннаго, надѣюсь, ясно, что нельзя браться за оцѣнку исторіографическихъ трудовъ безъ надлежащей научной подготовки.

Москва, 1891 г. декабря 19-го.

Диссертація г. Платонова и послѣднее слово науки*).

Недѣли двѣ или двѣ съ половиною тому назадъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» появилась сенсаціонная телеграмма изъ Петербурга о весьма неблагопріятномъ для моей новой книги докладѣ, который былъ сдѣланъ въ Историческомъ Обществѣ профессоромъ Петербургскаго университета г. Платоновымъ. Въ то же время и то же самое сообщено въ газетѣ «Новости» подъ курьезнымъ заглавіемъ: «Иловайскій передъ судомъ Историческаго Общества». Подобныя ребяческія выходки, выходки, сопровождающія ярый походъ извѣстной лжелиберальной клики противъ третьяго тома моей *Исторіи Россіи*, на сей разъ пожалуй можно было бы оставить безъ вниманія, если бы къ нимъ не примѣшалось слѣдующее крупное недоразумѣніе. Въ означенныхъ сенсаціонныхъ извѣстіяхъ коварно умалчивалось о какомъ историческомъ Обществѣ идетъ рѣчь. Изъ разныхъ случаевъ я потомъ убѣдился, что читающая публика поняла его въ смыслѣ С.-Петербургскаго Императорскаго Историческаго Общества, состоящаго подъ непосредственнымъ Высочайшимъ покровительствомъ. Да оно и естественно: это Общество всѣмъ извѣстно; тогда какъ въ самомъ Петербургѣ пока немногіе знаютъ о существованіи недавно возникшаго Историческаго Общества, состоящаго подъ предсѣдательствомъ г. Карѣева. Не имѣю подъ руками его устава; а слышалъ только что, своею задачей оно сдѣлало теоретическую и по возможности практическую разработку историческихъ вопросовъ, но какихъ именно, право, не знаю. Во всякомъ случаѣ, не заявивъ о себѣ еще никакими серьезными трудами, оно, какъ видите, уже дебютируетъ тенденціозными докладами въ родѣ вышеупомянутаго, и привѣтствуетъ его, по словамъ телеграммы, веселыми апплодисментами.

Поэтому считаю далеко не лишнимъ исправить недоразумѣніе и предупредить читающую публику, о какомъ собственно историческомъ Обществѣ идетъ рѣчь.

Въ названныхъ газетахъ сообщались и выводы изъ рецензіи г. Платонова. Судя по нимъ, кампанія противъ моей книги вступила во второй фазисъ дѣйствія. Тутъ уже не упоминается о сказкѣ про бѣлаго быка, которую повторяютъ гг. Безобразовы и Сторожевы, то-есть о мнимыхъ заимствованіяхъ изъ Исторіи С. М. Соловьева; а приводятся другіе обвинительные пункты. Когда рецензія будетъ напечатана, можетъ-быть, мы воротимся къ ней, если найдемъ это также не лишнимъ.

---

*) См. Московск. Вѣд. 1891 г. № 64.

А пока обратимъ вниманіе на одинъ ея пунктъ: будто бы моя книга не воспользовалась нѣкоторыми новѣйшими изслѣдованіями, въ томъ числѣ разумѣется и диссертація г. Платонова. По крайней мѣрѣ на нее мои противники указывали уже не одинъ разъ. Это обстоятельство вынуждаетъ меня сказать о ней нѣсколько словъ.

Магистерская диссертація г. Платонова озаглавлена такъ: *Древнерусскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII вѣка какъ историческій источникъ*. Уже въ самомъ заглавіи видно подражаніе извѣстной магистерской диссертаціи В. О. Ключевскаго *Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ*. Затѣмъ въ общемъ планѣ и въ частностяхъ видно желаніе брать за образецъ дѣйствительно образцовое изслѣдованіе профессора Ключевскаго. Слѣдовательно, вопросъ заключается въ томъ, насколько г. Платоновъ приблизился къ своему образцу. Во-первыхъ, разница въ полнотѣ: изслѣдованіе г. Ключевскаго въ этомъ отношеніи почти не оставляетъ ничего желать; тогда какъ г. Платоновъ обозрѣлъ не всѣ русскія повѣсти и сказанія о Смутномъ времени, въ чемъ онъ и самъ сознается въ концѣ своей книги. Далѣе отмѣтимъ неравномѣрность въ частяхъ. Довольно подробно разсмотрѣны только нѣкоторыя, каковы: «Иное сказаніе», «Временникъ» дьяка Тимоѳеева, «Хронографъ» Кубасова или Катырева-Ростовскаго и «Новый Лѣтописецъ». Со стороны собраннаго матеріала трудъ г. Платонова является довольно почтеннымъ и полезнымъ, особенно тамъ, гдѣ онъ представляетъ техническую или механическую работу, то-есть сличеніе разныхъ списковъ какой-либо повѣсти, опредѣленіе частей вошедшихъ въ ея составъ, подборъ ссылокъ и цитатъ изъ рукописей и т. п. Но дѣло получаетъ иной видъ, когда авторъ начинаетъ опредѣлять достовѣрность какихъ-либо извѣстій или собственно *историчность* памятника. Тутъ подражатель отступаетъ отъ своего образца, который держится въ сферѣ положительныхъ фактовъ. Г. Платоновъ, напротивъ, любитъ вдаваться во всякаго рода предположенія и догадки, иногда совсѣмъ неосновательныя. Тутъ-то и виденъ недостатокъ строго логическаго мышленія, а также историческаго безпристрастія. Напомню, что всѣ повѣсти и сказанія, разсмотрѣнныя г. Платоновымъ, принадлежатъ XVII вѣку, и слѣдующій томъ моей «Исторіи Россіи» конечно воспользуется собраннымъ здѣсь матеріаломъ при обозрѣніи памятниковъ словесности этого вѣка. А посему его претензія къ настоящему тому, обнимающему XVI вѣкъ, мнѣ не совсѣмъ понятна. Положимъ, можно было бы на основаніи его книги прибавить въ моихъ примѣчаніяхъ еще нѣсколько мелочей, относящихся въ концу XVI

вѣка; но ничего существеннаго. Правда, есть одинъ важный пунктъ, тоже относящійся къ этому времени: смерть царевича Димитрія. О ней г. Платоновъ въ своемъ изслѣдованіи принимается трактовать нѣсколько разъ и по поводу разныхъ памятниковъ: онъ слѣдуетъ взгляду г. Бѣлова и настаиваетъ на невинности Бориса Годунова, то-есть на самозакланіи царевича. Но именно это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ авторъ обнаруживаетъ пристрастіе и недостатокъ здравой исторической критики. Хотя въ моей книгѣ достаточно отведено мѣста разбору доводовъ г. Бѣлова, однако не безполезнымъ считаю еще разъ обратить вниманіе читающей публики на сей вопросъ, по поводу изслѣдованія г. Платонова, въ виду истекающаго трехсотлѣтія и предстоящаго церковнаго торжества.

Любопытны пріемы, которые г. Платоновъ употребляетъ для того, чтобъ устранить всѣ свидѣтельства объ участіи Годунова въ смерти царевича и настоять на его самоубіеніи. Такъ, по поводу извѣстія *Повѣсти* 1606 года онъ говоритъ, что въ разсказѣ нѣтъ ни одной черты, ни одной подробности, которая бы указывала «на очевидца событія или на близость повѣствователя къ очевидцу»; въ добавокъ тутъ сказано де что въ Угличъ ѣздилъ патріархъ Іовъ, вмѣсто митрополита Геласія (примѣръ обычной и ничего незначущей неточности въ рукописяхъ); тогда какъ слѣдственное дѣло даетъ якобы «массу фактическихъ подробностей и скрѣпляетъ ихъ подписями многихъ свидѣтелей». Вообще *Повѣсть* 1606 года у него получаетъ «характеръ пристрастнаго публицистическаго произведенія». Разсматривая Хронографъ второй редакціи, авторъ находитъ его гораздо болѣе безпристрастнымъ къ Годунову: Хронографъ даже хвалитъ Бориса и находитъ у него только одинъ порокъ — честолюбіе, но именно этотъ порокъ и привелъ его къ убіенію царевича. Дьякъ Тимоѳеевъ въ своемъ «Временникѣ» тоже утверждаетъ, что Борисъ Годуновъ былъ виновникомъ смерти Димитрія и что слѣдователи, по наущенію Бориса, донесли, будто царевичъ заклался самъ во время игры. То же говоритъ Новый Лѣтописецъ; но онъ будто бы недостовѣренъ, какъ это якобы доказано г. Бѣловымъ. И такъ далѣе въ томъ же родѣ. Положительно всѣ повѣсти и сказанія, которыя приводитъ г. Платоновъ (за исключеніемъ конечно житія Ѳедора Ивановича, написаннаго другомъ Бориса, патріархомъ Іовомъ), всѣ они единогласно обвиняютъ Годунова въ убіеніи царевича. А г. Платоновъ постоянно въ этомъ пунктѣ съ ними несогласенъ: то повѣсть недостовѣрна вообще, то она партійна, то авторъ ея не былъ самъ свидѣтелемъ, то это позднѣйшая вставка и т. п. Не бе-

ретъ онъ въ разсчетъ извѣстій современныхъ иноземцевъ, которыя сводятся къ тому же заключенію, то-есть къ виновности Бориса. И всей этой массѣ свидѣтельствъ, всей внутренней логической правдѣ, вытекающей изъ сопоставленія обстоятельствъ и событій, наши новѣйшіе изслѣдователи противупоставляютъ одно Слѣдственное дѣло, произведенное безусловно подъ давленіемъ Годунова, носящее на себѣ всѣ признаки офиціальной лжи, подтасовки фактовъ и свидѣтелей—дѣло, отъ котораго потомъ отказался самъ его главный авторъ Василій Шуйскій. И подобныя разсужденія выдаются за послѣднее слово науки! Многочисленные примѣры изъ Всеобщей и Русской исторіи показываютъ намъ, какими интригами, какими кровавыми переворотами и преступленіями честолюбцы (иногда превосходные государственные дѣятели) пролагали себѣ путь къ престолу; а гг. Бѣловъ и Платоновъ, на основаніи одного только офиціальнаго документа, не выдерживающаго никакой здравой критики, объявляютъ Бориса Годунова невинно оклеветаннымъ, а царевича Димитрія зарѣзавшимъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни во время игры въ тычку ножомъ. Сіи новѣйшіе изслѣдователи упустили изъ виду и такія свидѣтельства, по которымъ царевичъ дѣйствительно игралъ со сверстниками, но не ножомъ въ тычку, а въ орѣхи, которые онъ и держалъ въ правой рукѣ въ моментъ смерти. (См. напримѣръ, сказ. Массы и рукопись Филаретовскую).

Свое пристрастіе къ Годунову г. Платоновъ ведетъ далѣе: онъ пытается отвергать и тѣ сообщенія источниковъ, гдѣ они говорятъ о разныхъ ухищреніяхъ, помощію которыхъ Годуновъ добился своего избранія на царство. Опять у него одно свидѣтельство партійное, другое недостовѣрное и т. д. А прежде всего самъ-то изслѣдователь вноситъ въ свой трудъ партійность и пристрастіе, чѣмъ и подрываетъ его научное значеніе. Подчиняясь воззрѣніямъ г. Бѣлова, г. Платоновъ теоретическую часть своего изслѣдованія обратилъ преимущественно на оправданіе Годунова. И Богъ его знаетъ, зачѣмъ ему понадобился именно Годуновъ? А вотъ на личности Самозванца, по скольку она можетъ быть объяснена русскими источниками, онъ совсѣмъ не остановился. И это въ изслѣдованіи посвященномъ Смутному времени! Въ концѣ концовъ возникаетъ вопросъ: что же даетъ намъ изслѣдованіе г. Платонова и куда его пріурочить? Въ результатѣ получаемъ собственно мелкую справочную работу относительно разныхъ сборниковъ и списковъ. Историческое же значеніе этихъ источниковъ не мало затемнено пристрастіемъ и недостаткомъ здравой критики. А литературное ихъ значеніе совсѣмъ не опредѣлено: какое мѣсто они занимаютъ въ литера-

турномъ движеніи XVII вѣка и какое ихъ отношеніе къ современности, эти вопросы остались безъ отвѣта. При такомъ скромномъ результатѣ сама собою бросается въ глаза претензія автора и его пріятелей, что я будто бы не воспользовался симъ изслѣдованіемъ какъ послѣднимъ словомъ науки. Въ своемъ историческомъ трудѣ я менѣе всего гоняюсь за новостью взгляда, а болѣе всего преслѣдую историческую правду: новая она или старая, это для меня безразлично. Между прочимъ, личность Ивана Грознаго, какъ извѣстно, подверглась у насъ тоже разнымъ умствованіямъ и новымъ взглядамъ. Свою оцѣнку его дѣятельности я основалъ на близкомъ ея изученіи въ связи съ его эпохой, и, если въ главныхъ чертахъ эта оцѣнка напоминаетъ Карамзинскую, то упреки въ какой-то отсталости по сему поводу для меня только забавны. Развѣ историческая истина можетъ измѣниться отъ старости?

Итакъ, чѣмъ же существеннымъ я не воспользовался въ изслѣдованіи г. Платонова?

По поводу его претензіи къ моей книгѣ, укажу на упрекъ, обращенный къ нему со стороны г. Зерцалова. Г. Платоновъ представилъ небольшое изслѣдованіе объ одномъ иностранномъ документѣ. См. его *Московскія волненія 1646 года* въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1888 года, іюнь». Тутъ онъ придаетъ открытому имъ сборнику большое значеніе и говоритъ, что «русскія извѣстія о бунтѣ, несмотря на ихъ многочисленность, даютъ историку весьма мало». А г. Зерцаловъ наоборотъ доказываетъ, что сей сборникъ «не даетъ ничего такого, что не было бы уже извѣстно изъ имѣющихся у насъ подъ руками источниковъ, достовѣрность которыхъ при томъ не подлежитъ никакому сомнѣнію». («О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ». «М. 1890. Изъ Чтеній Общества Исторіи и Древностей»). Г. Зерцаловъ, между прочимъ, сѣтуетъ на то что г. Платоновъ «совсѣмъ не упоминаетъ въ своей статьѣ» о нѣкоторыхъ документахъ открытыхъ имъ (Зерцаловымъ) и опубликованныхъ въ 1887 году. Любопытныхъ отсылаю къ самой книгѣ. Я хотѣлъ только поставить г. Платонову на видъ, что онъ попытался обработать одну подробность изъ Русской исторіи, и тутъ не воспользовался всѣмъ существующимъ матеріаломъ. Что не мѣшаетъ ему предъявлять заносчивыя требованія къ труду, который имѣетъ задачей обозрѣніе всей Русской исторіи и естественно преслѣдуетъ прежде всего существенные и важные отдѣлы, а не гонится за всѣми возможными подробностями и мелочами.

Выводъ мой для молодыхъ ученыхъ такой: поболѣе скромности,

больше вдумчивости и наблюдательности; поменѣе погони за новизной взглядовъ и такъ-называемыми послѣдними (не всегда вѣрными) словами науки.

4 марта 1891 года.

Нѣчто о клеветѣ въ печати *).

Я не слѣжу постоянно за еврейскою газетой «Новости»; а когда бываю въ клубѣ, то въ числѣ другихъ, лежащихъ на столѣ, просматриваю и сей органъ столичной прессы. И всегда нахожу въ немъ что-нибудь относящееся лично ко мнѣ. Изъ чего заключаю, что, послѣ моихъ писемъ въ «Новомъ Времени» о еврейскомъ вопросѣ, для «Новостей» моя особа сдѣлалась излюбленнымъ предметомъ всякихъ бранныхъ выходокъ, болѣе или менѣе нелѣпыхъ и безсмысленныхъ.

Читателямъ «Московскихъ Вѣдомостей» уже извѣстно заключительное мѣсто о моей книгѣ изъ рецензіи г. Платонова, которая напечатана въ мартовскомъ нумерѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». Послѣ того въ «Новостяхъ» я нашелъ передачу обратной стороны этой рецензіи, то-есть собраніе всего, что сказано въ ней для меня неблагопріятнаго.

Но и эта сторона является въ такомъ противорѣчіи съ сенсаціоннымъ сообщеніемъ той же газеты (и телеграммой «Русскихъ Вѣдомостей»), по поводу чтенія въ Карѣевскомъ Историческомъ Обществѣ, что я могъ бы предъявить судебный искъ къ гг. Нотовичу, Михневичу и комп. за ихъ явно злокозненный образъ дѣйствія, то-есть за умышленное распространеніе обо мнѣ клеветы въ печати.

Между прочимъ, г. Платоновъ въ своей рецензіи опровергаетъ другую клевету (о компилированіи по Карамзину и Соловьеву), пущенную въ ходъ гг. Безобразовымъ и Сторожевымъ; при чемъ главными распространителями ея явились тѣ же еврейскія «Новости». Слѣдовательно, я могъ бы предъявить къ нимъ искъ такъ-сказать двойной. Полагаю, что я въ правѣ былъ бы привлечь къ отвѣтственности и самихъ иниціаторовъ клеветы, то-есть гг. Безобразова и Сторожева.

Но такъ какъ подобный случай, сколько мнѣ извѣстно, не имѣетъ у насъ прецедентовъ, и дѣло идетъ о клеветѣ такого свойства, которое для сторонняго глаза нелегко уловимо, то желательно было бы на этотъ счетъ узнать мнѣніе хорошихъ юристовъ. Въ чемъ заключается здѣсь нелегкая уловимость, постараюсь сейчасъ объяснить.

---

*) „Московскія Вѣдомости". № 71. 1891 г.

Возьмемъ мой послѣдній томъ «Исторіи Россіи» и соотвѣтствующіе тома С. М. Соловьева. Обѣ книги заключаютъ въ себѣ изложеніе извѣстнаго періода «Русской Исторіи». Несомнѣнно, что, при какомъ угодно различіи, въ содержаніи ихъ должно быть много общаго. Положимъ, кто-либо, желая доказать, что я составлялъ свою книгу по Соловьеву, привелъ бы изъ нея ни болѣе, ни менѣе какъ 70 страницъ, приблизительно повторяющихъ то же, что находится въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ у Соловьева, только въ болѣе краткомъ изложеніи, такъ какъ моя книга гораздо меньшихъ размѣровъ. Цѣлыхъ 70 страницъ! Конечно впечатлѣніе получилось бы удручающее; «Новости» еще съ большимъ азартомъ кричали бы о плагіатѣ.

Но дѣло принимаетъ совсѣмъ иной видъ, если обратиться къ цифрамъ. Мой томъ заключаетъ въ себѣ 712 страницъ; слѣдовательно 70 страницъ составили бы *менѣе одной десятой* части книги. Если сходство нашлось бы въ размѣрѣ одной десятой, а различія въ размѣрѣ *девяти десятыхъ*, можно ли сказать, что одна книга есть только сокращеніе другой?

Въ дѣйствительности, полагаю, невозможно найти 70 сходныхъ страницъ. За то не трудно подыскать страницъ десять и привести ихъ якобы въ примѣръ заимствованій, чтобы достигнуть извѣстнаго впечатлѣнія на массу читающей публики. Но десять страницъ составляютъ *около одной семидесятой* части тома! Такая дробь можетъ свидѣтельствовать развѣ о томъ, какъ мало общаго имѣютъ двѣ данныя книги. Но кому же изъ читателей придетъ въ голову подобное соображеніе?

На такомъ-то нехитромъ основаніи построена нелѣпая клевета гг. Безобразова и Сторожева, достаточно при семъ обнаружившихъ свое невѣжество въ Русской исторіи.

Возвратимся къ рецензіи г. Платонова.

Самую пикантную часть въ передачѣ «Новостей» конечно представляетъ указаніе на якобы большое количество важныхъ промаховъ и ошибокъ, найденныхъ въ моей книгѣ. А между тѣмъ указано счетомъ (если не ошибаюсь) всего пять или шесть мелкихъ недосмотровъ. Изъ нихъ одно указаніе, и самое крупное, оказывается невѣрнымъ; а два или три по меньшей мѣрѣ спорными. Что же остается на долю дѣйствительныхъ поправокъ, при томъ крайне не важныхъ?

Такъ какъ я не имѣю предъ собой текста рецензіи (получая журналъ не ранѣе 20 чиселъ), то и не могу вдаваться теперь въ обсужденіе ея подробностей, а намѣренъ разсмотрѣть ее потомъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ. (См. слѣдующее письмо).

Отъ приведенныхъ изъ рецензіи поправокъ общее впечатлѣніе полу-

чается такое: неужели въ цѣломъ томѣ нашлось такъ мало фактическихъ недосмотровъ, и при томъ столь незначительныхъ? Я думалъ, что ихъ болѣе. Кто сколько-нибудь знакомъ со всею сложностію и кропотливостью подобнаго труда, тотъ пойметъ, что почти невозможно вполнѣ ихъ избѣжать. Пусть кто-нибудь укажетъ мнѣ таковое идеальное сочиненіе во всей европейской исторіографіи.

А между тѣмъ враждебность извѣстной группы московскихъ интеллигентовъ лжелиберальнаго и антинаціональнаго пошиба простирается такъ далеко, что не брезгаетъ агитаціей даже среди учащейся молодежи. Вотъ примѣры. Одинъ неудавшійся магистрантъ, диссертація котораго (изъ исторіи Сѣвероамериканскихъ Штатовъ) была дважды забракована въ двухъ разныхъ университетахъ, не затруднился рѣзкою бранью моей «Исторіи Россіи» передъ своими учениками и совѣтомъ не читать ее; другой подобный индивидуумъ съ такимъ же словомъ и совѣтомъ обратился къ своимъ ученикамъ. Полагаю, что школа есть общественное учрежденіе, а не частное дѣло, и потому считаю себя въ правѣ о подобныхъ фактахъ говорить печатно.

11 марта.

Корректурная критика профессора Русской исторіи *).

Въ мартовской книгѣ журнала министерства Народнаго Просвѣщенія за 1891 годъ появилась критика профессора Платонова на третій томъ моей «Исторіи Россіи», обнимающій XVI столѣтіе. Извѣстно, что критика эта была прочитана ея авторомъ въ одномъ изъ засѣданій Историческаго Общества при Петербургскомъ университетѣ, и сдѣлалась по этому поводу предметомъ эксплоатаціи со стороны нѣкоторыхъ газетныхъ органовъ, непріязненно по отношенію ко мнѣ настроенныхъ. Въ печати хотя она и оказывается далеко не такою разрушительною, какъ изображали ее названные органы; однако по совѣсти нельзя не назвать ее мелочно-придирчивою, поверхностною и тенденціозною.

Во-первыхъ, языкъ моей книги, по его мнѣнію, «отличается нѣкоторою небрежностію»; изложеніе мое «заключаетъ въ себѣ и курьезы», чему приводится цѣлыхъ четыре примѣра. Изъ нихъ беру два образчика. «Вдругъ Іорданъ произвелъ оглушителеный залпъ изъ своей артиллеріи, и Татары въ ужасѣ побѣжали отъ стѣнъ» (стр. 39). Въ чемъ тутъ заключается курьезъ, признаюсь, для меня осталось непонятнымъ. Или:

*) „Русскій Архивъ“. 1891 г. № 5.

«Въ Кремлѣ же находилась и главная городская святыня, т.-е. соборный храмъ, съ дворами священниковъ и причетниковъ, а въ главныхъ городахъ архіерейскіе дворы» (435). Опять неясно для меня, какого рода здѣсь курьезъ? При словахъ «архіерейскіе дворы» не повторено слово «находились», которое подразумѣвается. Такъ что ли? Приводитъ г. Платоновъ также примѣръ яко бы непонятной передачи одного мѣста изъ отвѣта заволжскихъ старцевъ, гдѣ будто бы главную роль играетъ слово «руками», мною пропущенное (стр. 45). Но существенный смыслъ отвѣта, вопреки увѣренію г. Платонова, отъ этого пропуска нисколько не искажается, и смыслъ этотъ совсѣмъ не тотъ, который онъ старается ему придать искусственнымъ толкованіемъ. Тутъ, по словамъ г. Платонова, я не договорилъ, а въ другомъ мѣстѣ переговорилъ, именно тамъ, гдѣ у меня перечислены придворные чины, и затѣмъ указаны, какіе изъ нихъ новые, т.-е. невстрѣчавшіеся въ прежнюю эпоху. Что здѣсь сказано лишняго, опять для меня осталось непонятнымъ. При семъ г. Платоновъ позволяетъ себѣ явныя невѣрности. Напримѣръ, будто эти новые чины у меня прежде приведены въ числѣ «старыхъ» чиновъ. Въ книгѣ слова «старыхъ» совсѣмъ нѣтъ. По поводу ссылки на предыдущую эпоху, критикъ замѣчаетъ, будто во II томѣ перечисленія этихъ чиновъ нѣтъ. Отсылаемъ его къ 362 страницѣ сего тома, гдѣ указаны чины, вновь появившіеся въ Татарскую эпоху, а существовавшіе еще прежде указаны на стр. 297 второй части I-го тома.

Если понадобилось прибѣгать къ такимъ неточностямъ, то очевидно мы имѣемъ дѣло съ критикомъ, который безпристрастіемъ и добросовѣстностію похвалиться не можетъ.

Указавъ затѣмъ четыре опечатки или описки, критикъ приводитъ нѣсколько такихъ случаевъ, которые онъ называетъ «прямыми ошибками». Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ смерть малютки Димитрія, перваго сына Іоанна и Анастасіи. Я отозвался, что онъ просто не выдержалъ пути и умеръ (въ 1553 г.). Но есть два извѣстія (временникъ дьяка Тимоѳеева и сказаніе Массы), которыя говорятъ, что онъ во время плаванія былъ уроненъ въ воду и утонулъ. Я же собственно имѣлъ въ виду извѣстія Курбскаго и Никоновскія лѣтописи (повторяющей офиціальную лѣтопись), т.-е. извѣстія современниковъ, которыя просто говорятъ, что малютка умеръ на пути. Тимоѳеевъ и Масса писали уже въ XVII вѣкѣ, при чемъ разногласятъ: по Тимофееву, сонная кормилица уронила ребенка въ воду; а по сказанію Массы царь и царица въ разныхъ лодкахъ плыли по какому-то озеру; царь хотѣлъ взять ребенка къ себѣ, но во время передачи онъ вывернулся изъ рукъ и пошелъ ко дну, такъ что его не

могли даже найти. Это явная невѣрность: въ Никоновской прямо сказано, что онъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ. Очевидно, въ XVII вѣкѣ смерть его уже подернулась легендою. Мало того, есть разногласіе и въ самихъ современныхъ извѣстіяхъ: по Курбскому онъ умеръ на дорогѣ въ Кирилловъ монастырь на рѣкѣ Шекснѣ; а по Никоновской на обратномъ пути. Итакъ, въ сущности можно было бы сдѣлать мнѣ упрекъ развѣ за то, что я въ примѣчаніяхъ не привелъ всѣ эти варіанты. Пожалуй, приведеніе ихъ не было бы особымъ излишествомъ; но такія мелочныя подробности дѣлать обязательными для моей книги едва ли законно. Никакого существеннато значенія онѣ въ данномъ случаѣ не имѣютъ. Вѣдь это не смерть другого царевича Димитрія, въ 1591 году, которая сдѣлалась исходнымъ пунктомъ для великихъ событій, а потому требуетъ тщательныхъ изысканій и выводовъ.

Къ той же поѣздкѣ Ивана IV въ Кирилловъ монастырь г. Платоновъ относитъ другую «прямую» ошибку мою. У меня сказано, что Іоаннъ «Шексною поднялся въ Бѣлое озеро, и прибылъ въ Кирилловъ монастырь» (стр. 210). Г. Платоновъ отсылаетъ меня къ «учебному атласу» Е. Е. Замысловскаго и поучаетъ въ томъ, что этотъ монастырь на десятки верстъ отстоитъ отъ озера; что теперь ѣздятъ по Шекснѣ до Горицкаго монастыря, а отсюда верстъ шесть сухимъ путемъ въ Кирилловъ; «такъ безъ сомнѣнія ѣхалъ и Грозный». Но я придержался источника, который г. критикъ очевидно тутъ упустилъ изъ виду. Курбскій (самъ сопровождавшій царя въ этомъ путешествіи) говоритъ, что царь плылъ «Шексною вверхъ, ажъ до озера великаго Бѣлаго, на немъ же мѣсто и городъ стоитъ». Отсюда несомнѣнно, что царь посѣтилъ Бѣлоозеро; а изъ разсказа Никоновской видно, что онъ изъ Кириллова монастыря поѣхалъ въ обратный путь; можно поэтому думать, что Бѣлоозеро онъ посѣтилъ прежде Кириллова. Да и въ нашъ вѣкъ путешествія въ Кирилловъ монастырь совершаются не всегда такъ, какъ говоритъ г. Платоновъ; для примѣра укажу ему на извѣстную *Поѣздку* проф. Шевырева въ 1847 году. Поэтому слово «безъ сомнѣнія» слѣдуетъ замѣнить у него словомъ «вѣроятно». И во всякомъ случаѣ отсылать меня къ учебному атласу по поводу какого-либо мелкаго недосмотра является въ нѣкоторомъ родѣ школьничествомъ, особенно въ виду того, что на георгафическій и топографическій элементы въ своей «Исторіи Россіи» я обращалъ большое вниманіе и предпринималъ для того многократныя экскурсіи. Георгафическое же положеніе Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря у меня указано во II-мъ томѣ на стр. 396. Далѣе, у меня приведено мѣсто изъ Псковской лѣтописи подъ 1547 годомъ о томъ, что Иванъ IV,

бывъ въ Псковскомъ краю, «все гонялъ на мскахъ (на ямскихъ), а христіанамъ много проторъ и волокиты учинилъ» (169). Г. Платоновъ поучаетъ меня, что «мескъ» значитъ «лошадь» и отсылаетъ къ словарямъ Академическому и Миклошича. Напрасный трудъ; ибо сіе толкованіе мнѣ было хорошо извѣстно. Но Соловьевъ выразился иначе: «все гонялъ на ямскихъ». Критикъ очевидно не ознакомился хорошо съ лѣтописнымъ текстомъ. Дѣло въ томъ, что въ Эрмитажномъ спискѣ Псковской лѣтописи тутъ сказано «на ямскихъ». Я въ скобкахъ привелъ послѣднее чтеніе, потому что оно прямо согласуется съ жалобою на убытки населенію.

На стр. 437 у меня говорится *о гостяхъ*, составлявшихъ *особую* гостиную сотню», въ томъ смыслѣ, что они выдѣлили изъ себя эту сотню; а г. Платоновъ обвиняетъ меня въ смѣшеніи сотни съ классомъ гостей вообще. Если бы онъ указалъ на недостаточно-отдѣленное ихъ различіе или не согласился бы со мною въ вопросѣ о происхожденіи гостиной сотни, тогда другое дѣло. Но обвинять въ ихъ смѣшеніи едва ли возможно, ибо въ моихъ *Краткихъ очеркахъ Русской исторіи* давнымъ давно сказано слѣдующее: «въ столицѣ существовали особые высшіе разряды торговыхъ людей, именно: *гости*, *гостиная* сотня и *суконная* сотня» (стр. 190 по изданію 1890 года). Слѣдовательно это указаніе г. Платонова прямо невѣрное, и его желаніе отослать меня «къ старой книгѣ Плошинскаго» о городскомъ состояніи, книгѣ не однажды приведенной въ моихъ примѣчаніяхъ—опять является нѣкоторымъ школьничествомъ со стороны молодого профессора. Точно также, выражаясь о «десятняхъ», какъ отдѣлахъ помѣстнаго сословія, которому велись списки по городамъ (455), я имѣлъ въ виду происхожденіе ихъ, а оно конечно было сословное и территоріальное. Г. Платоновъ видитъ тутъ ошибку, и полагаетъ, что десятня такъ съ самаго начала и означала не что иное, какъ документъ или списокъ. Считаетъ онъ ошибкой и мое опредѣленіе *окладчиковъ*, какъ выборныхъ земскихъ людей, занимавшихся взиманіемъ и раскладкою податей (452). По его словамъ окладчики существовали только для экстренныхъ сборовъ, пятой и десятой денегъ. Очевидно, критикъ смѣшиваетъ тутъ обыкновенныхъ окладчиковъ съ тѣми, которые выбирались для взиманія экстренныхъ налоговъ; думая поправлять мнимыя ошибки, онъ самъ дѣлаетъ дѣйствительныя и довольно грубыя. У меня сказано (стр. 433), что «въ XVI вѣкѣ мы находимъ только нѣкоторые намеки на крестьянскіе передѣлы?» Г. Платоновъ спрашиваетъ, гдѣ же я нашелъ эти намеки? Но развѣ ему незнакомы разнообразныя мнѣнія по сему спорному вопросу? Отсылаю его къ извѣстному спору гг. Чичерина и Бѣляева о сельской общинѣ,

къ изслѣдованіямъ Хлѣбникова, Соколовскаго, Блюменфельда и др. Приведу для примѣра слѣдующія слова Бѣляева: «Община дѣлала раскладку податей и повинностей и надѣляла своихъ членовъ поземельными участками; слѣдовательно община же производила и передѣлы въ поземельныхъ участкахъ, смотря по надобности» и т. д. (Обзоръ историч. развитія сельской общ. въ Рос. «Русск. Бесѣда» 1857 г.). Такъ какъ подобныя сему доказательства суть косвенныя, то я и нахожу въ нихъ только «намеки». Къ этимъ сторонамъ внутренняго быта я намѣренъ возвратиться при обзорѣ XVII вѣка. Но уже самый вопросъ, обращенный ко мнѣ, показываетъ, что критикъ мой недалеко ушелъ въ литературѣ даннаго предмета.

Находитъ г. Платоновъ у меня ужасныя или какъ онъ выражется «неустранимыя» противорѣчія по отношенію къ бобылямъ: въ одномъ мѣстѣ говорится о бобыляхъ, которые владѣли половиною крестьянскаго участка; а въ другомъ и третьемъ о бобыляхъ безземельныхъ. Онъ объясняетъ это смѣшеніемъ *податнаго* отличія бобылей съ ихъ *хозяйственнымъ* положеніемъ. А въ дѣйствительности, во первыхъ, самъ г. Платоновъ смѣшиваетъ при семъ *слободскихъ* бобылей съ *сельскими*; а во вторыхъ, не вездѣ и не всегда бобыль означалъ одно и то же строго опредѣленное понятіе; напротивъ, изъ актовъ и писцовыхъ книгъ можно вывести значительное разнообразіе. Прибѣгаетъ г. Платоновъ и къ прямому искаженію моихъ словъ. Напримѣръ, у меня говорится, что крестьяне-своеземцы съ теченіемъ времени причислялись къ чернымъ волостнымъ общинамъ или къ разнымъ землевладѣльцамъ, и къ концу XVI вѣка «затерялись въ массѣ безземельнаго крестьянства, которое пользовалось землею на правахъ оброчныхъ или арендныхъ» (422). Критикъ толкуетъ это такъ, что я не признаю за черными крестьянскими общинами права собственности на землю. Да вѣдь ясно кажется, что я говорю тутъ о личной собственности, о личномъ обезземеліи крестьянъ. Что же касается до происхожденія четырехъ приказовъ-четей изъ четырехъ отдѣленій канцеляріи боярской думы, то г. Платоновъ не обратилъ вниманія на примѣчаніе 78-е, гдѣ это объясненіе, принадлежащее изслѣдованіямъ профессоровъ Загоскина и Ключевскаго, уже сопоставлено съ объясненіемъ г. Милюкова, приведеннымъ въ его диссертаціи, которою по времени я могъ воспользоваться только въ примѣчаніи.

Мы разсмотрѣли всѣ тѣ случаи, которые г. Платоновъ именуетъ «прямыми ошибками». Оказывается, что большая часть ихъ приведена совершенно невѣрно, а меньшая часть представляетъ мнѣнія по меньшей мѣрѣ спорныя. Какой-нибудь крайне-незначительный фактъ въ родѣ того, куда пріѣхалъ прежде Грозный, на Бѣлоозеро или въ Кирилловъ монастырь,

заслуживалъ быть упомянутымъ гдѣ-нибудь въ примѣчаніи, а никакъ не во главѣ критики. Полагаю, что отъ университетскаго профессора Русской исторіи можно было бы требовать и болѣе основательныхъ свѣдѣній въ наукѣ Русскихъ древностей, и болѣе серьезности при оцѣнкѣ исторіографическаго труда. Подыскать нѣсколько недосмотровъ, по преимуществу корректурнаго свойства, выдвинуть ихъ на первый планъ, умножить ихъ число недосмотрами мнимыми и спорными, и на этомъ основаніи дѣлать выводы о книгѣ—пріемъ конечно не научный, прямо свидѣтельствующій какъ о поверхностномъ, тенденціозномъ отношеніи къ моему сочиненію, такъ и о недостаткѣ ученой добросовѣстности вообще. Напримѣръ, на выясненіе начала крѣпостного права и вообще на состояніе крестьянскаго сословія я употребилъ не мало труда, посвятивъ имъ значительное число страницъ въ текстѣ и цѣлое примѣчаніе, представляющее въ сжатомъ видѣ небольшое изслѣдованіе въ связи со старыми и новыми работами, сюда относящимися. Г. Платоновъ ничѣмъ не доказалъ свою компетентность въ оцѣнкѣ этой части моей книги. Онъ просто умолчалъ о томъ, насколько удовлетворительно или нѣтъ я справился съ вопросомъ, а нашелъ возможнымъ по сему вопросу только сдѣлать не совсѣмъ вѣрныя замѣчанія о бобыляхъ и своеземцахъ. Также молчитъ онъ о томъ, на сколько удовлетворительно объяснены у меня губныя и земскія учрежденія и отношеніе къ нимъ Ивана IV, а приводитъ опять невѣрныя указанія на гостиную сотню и на терминъ «окладчики». Удачно или нѣтъ обработанъ мною отдѣлъ о боярскомъ и вообще служиломъ сословіи, въ связи съ его испомѣщеніемъ и военною службою, до этого г. Платонову тоже какъ будто нѣтъ никакого дѣла; зато онъ спѣшитъ приписать мнѣ мнимые недосмотры относительно старыхъ и новыхъ чиновъ или десятенъ. А между тѣмъ на основаніи сихъ мнимыхъ недосмотровъ онъ дѣлаетъ выводы ни болѣе, ни менѣе, какъ о «поспѣшности», о «недостаточномъ вниманіи» къ литературѣ предмета, и старается вообще умалить научное значеніе книги, хотя именно ея научной стороны онъ почти не касается. Изъ его критики даже неясно, что онъ разумѣетъ собственно подъ научною стороною или подъ историческою наукой въ строгомъ смыслѣ. Критику слѣдовало бы самому себѣ уяснить этотъ вопросъ прежде, чѣмъ разсуждать о научности. Подобныя незрѣлыя сужденія, при томъ имѣющія цѣлью поучать людей, гораздо старшихъ и давно трудящихся на научномъ поприщѣ, производятъ, на меня покрайней мѣрѣ, нехорошее впечатлѣніе Я даже способенъ при случаѣ напомнить извѣстную притчу о томъ, кто кого собирался учить.

Само собой разумѣется, что г. Платоновъ не согласенъ съ нѣкоторыми моими «историческими взглядами», особенно по отношенію къ Грозному.

Извѣстно, какимъ умствованіямъ и разнообразнымъ воззрѣніямъ подвергся Грозный въ нашей литературѣ и въ самомъ обществѣ. Въ результатѣ получилось множество особыхъ мнѣній. Дошло до того, что, встрѣчая, напримѣръ, ученика среднихъ классовъ гимназіи, я уже и не спрашиваю его о Грозномъ, изъ опасенія натолкнуться на особое по сему предмету мнѣніе. А г. Платонову, какъ профессору Русской исторіи, понятно, никоимъ образомъ не подобаетъ согласиться съ моей характеристикой. Эта характеристика оказалась такимъ жгучимъ предметомъ, что противъ нея не устояла и одна тридцатилѣтняя ученая дружба.

Признаюсь, критикъ мой съ его манерой выдергивать тамъ-сямъ отдѣльныя фразы и ничего толкомъ не развивать, не даетъ достаточно матеріала собственно для научной бесѣды или полемики. Повидимому, ему не нравится, что я называю Грознаго отраженіемъ татарщины, и онъ требуетъ какихъ-то особыхъ тому доказательствъ. Прибѣгая къ обычному искаженію моихъ словъ, онъ говоритъ при семъ о политикѣ его. Гдѣ же у меня сказано, что именно его политика была отраженіемъ татарщины? Сюда относятся его личное поведеніе и безпощадныя, часто безсмысленныя казни, доходившія до массоваго избіенія собственныхъ мирныхъ гражданъ: для болѣе полнаго сходства съ Тамерланомъ, ему не доставало только пирамидъ изъ человѣческихъ головъ. Если г. Платоновъ пожелаетъ видѣть примѣры нѣкоторыхъ татарскихъ пріемовъ у Грознаго, то отсылаю его къ стр. 271 моей книги, къ тому мѣсту, гдѣ Іоаннъ за обѣдомъ у Новгородскаго владыки вдругъ «возопилъ гласомъ веліимъ съ яростію по обычаю ясакомъ царскимъ», и затѣмъ приказалъ начать неистовый грабежъ архіепископскихъ палатъ. Развѣ это не пріемы Татарскаго хана? Или, на стр. 275, Іоаннъ собственноручно принялъ участіе въ Московскихъ казняхъ 1570 года, и окончаніе ихъ палачи-опричники его привѣтствовали татарскимъ крикомъ: *гойда! гойда!* А развитіе пресловутаго правежа, относящееся по преимуществу къ эпохѣ Грознаго, развѣ не есть отраженіе татарщины? А умноженіе царскихъ кабаковъ, имѣвшее фискальныя цѣли и поощрявшее народное пьянство? Развѣ г. Платоновъ ничего не знаетъ о Татарскомъ вліяніи, которое выразилось особенно огрубѣніемъ нравовъ и неуваженіемъ» къ человѣческой личности? Кажется, Иванъ IV-й въ этомъ отношеніи дошелъ до Геркулесовыхъ столбовъ. Полагаю, что каждому спеціалисту по Русской исторіи достаточно намекнуть на культурное Византійское или некультурное Татарское влія-

ніе, чтобы передъ нимъ встала вереница образовъ и представленій, связанныхъ съ этими вліяніями. А профессоръ Русской исторіи предлагаетъ свои «недоумѣнія о самой сущности традицій Византійскихъ и Татарскихъ», да еще спрашиваетъ при семъ: «или содержаніе ихъ было одинаково?» Любопытны разсужденія г. Платонова по поводу тайной боярской крамолы. Я этой крамолы фактически не нахожу; а г. Платоновъ указываетъ на боярскія притязанія, которыя и я признаю. Да что же изъ того? Тайной крамолы, т.-е. какихъ-либо заговоровъ и тайныхъ махинацій противъ царской власти при Грозномъ со стороны боярскаго сословія, г. Платоновъ фактически не укажетъ; а притязанія сословныя всегда были и будутъ; но развѣ они могутъ оправдывать жестокую тираннію? И развѣ эти притязанія можно называть «борьбою»? Что же это за борьба, въ которой одна сторона дѣйствуетъ топоромъ и плахой, а другая только кладетъ свои головы? По поводу митрополита Филиппа критикъ находитъ у меня какое-то противорѣчіе. По происхожденію Филиппъ принадлежалъ къ боярскому сословію, а по своему сану къ духовному: онъ палъ, «отстаивая свое архипастырское право печалованія, увѣщанія и поученія». Г. Платоновъ недоумѣваетъ теперь, въ качествѣ какого же представителя онъ боролся: боярскаго или духовнаго сословія? И если боярскаго, то вѣдь бояре же не вели борьбы? Да, дѣйствительно, противорѣчіе оказывается безвыходное, особенно при такихъ примитивныхъ пріемахъ критики.

Обращу вниманіе читателей также на сужденіе критика о Ливонской войнѣ. Тутъ опять, съ явною тенденціей искажать мои слова и мысли, онъ выставляетъ меня противникомъ войны за Ливонію вообще и сторонникомъ только войны съ Крымцами. Между тѣмъ я, во-первыхъ, указываю на упущенное благопріятное время для нанесенія рѣшительнаго удара Крымской ордѣ; а во-вторыхъ, я нигдѣ не упрекаю Грознаго за первыя попытки къ завоеванію Ливоніи. Но я упрекаю его за то, что онъ не умѣлъ остановиться во-время и упрочить за Россіей обладаніе завоеванной частью Ливоніи съ морскимъ берегомъ; а «съ тупымъ упрямствомъ» продолжалъ добиваться цѣлой Ливоніи, несмотря на измѣнившіяся обстоятельства, и потерялъ все послѣ 25-лѣтней крайне-разорительной для своего государства войны. Это такой фактъ, который никакому профессору Русской исторіи опровергнуть не удастся. Не въ состояніи онъ также отрицать и того, что Ливонская война велась удачно, пока на дѣла вліяли Сильвестръ и Адашевъ, и того, что Адашевъ принималъ въ ней дѣятельное участіе и въ качествѣ дипломата, и въ качествѣ воеводы. Слѣдовательно, эти два мужа совсѣмъ не были безусловными

противниками завоеванія Ливоніи; а по всѣмъ признакамъ они дѣйствовали въ указанномъ сейчасъ смыслѣ, т.-е. совѣтовали Іоанну остановиться во-время и не одобряли его дальнѣйшаго ничѣмъ не оправдываемаго упрямства.

Точно также указаніе г. Платонова, будто Смутное время у меня «ставится на счетъ одному Іоанну Грозному, его личной политикѣ»— есть неточная передача моихъ словъ. Въ моей книгѣ говорится, что съ одной стороны убійствомъ сына онъ самъ уничтожилъ продолженіе своей династіи, прекращеніе которой, какъ извѣстно, и послужило главнымъ поводомъ къ началу смутъ, а съ другой, своей необузданной тиранніей онъ сѣялъ «лишнія сѣмена для будущихъ смутъ». И этихъ положеній г. Платоновъ ничѣмъ не опровергнетъ; тогда какъ его сужденіе о томъ, что «подвижность земледѣльческаго класса, заставлявшая землевладѣльцевъ въ эксплоатаціи земель переходить отъ труда свободнаго къ труду зависимому, является одною изъ существеннѣйшихъ причинъ смутнаго времени»; это сужденіе не рекомендуетъ историческую логику моего критика: очевидно, онъ смѣшиваетъ причины явленія съ осложненіемъ этого явленія. Если бы династія не прекратилась, не было бы главнаго повода къ смутному времени; подвижность земледѣльческаго класса только осложнила это явленіе, а не была его причиною.

По поводу Ивана Грознаго кстати укажу на отличіе моего взгляда отъ Карамзинскаго, отличіе, которое, повидимому, ускользаетъ отъ моихъ критиковъ. Я не вижу такихъ рѣзкихъ перемѣнъ какъ Карамзинъ, у котораго въ 1547 году Іоаннъ изъ порочнаго юноши чуть ли не моментально превращается въ добродѣтельнаго государя, а въ 1560 году изъ добродѣтельнаго государя онъ вдругъ обращается въ необузданнаго тирана. Я вижу въ Иванѣ IV весьма даровитую натуру, но испорченную дурнымъ воспитаніемъ, дурными примѣрами и нравами. Благотворное вліяніе трехъ лицъ (любимой жены и двухъ умныхъ совѣтниковъ) на время сдержало дѣйствіе дурныхъ свойствъ его характера и направило его дѣятельность въ хорошую сторону. Однако злыя качества потомъ снова прорвались наружу и затѣмъ дали себѣ полную волю. А наши историческіе писатели послѣдняго времени, вмѣсто того, чтобы оцѣнить двухъ такихъ государственныхъ мужей, которые въ теченіе 13 лѣтъ умѣли сдерживать звѣря (съ помощью любимой женщины) и направлять его на добро, наоборотъ, принялись обѣлять и возвышать Ивана Грознаго, а Сильвестра и Адашева унижать. Оригинально то, что это искусственное, противунравственное обѣленіе Грознаго и съ крайними натяжками производимое ими выгораживаніе Бориса Го-

дунова въ дѣлѣ царевича Димитрія они считаютъ послѣдними словами науки!

Г. Платоновъ вообще сильно возстаетъ противъ того, что я свой трудъ называю «исторіографическимъ», и видитъ въ этомъ названіи великія притязанія съ моей стороны. А между тѣмъ я употребляю этотъ терминъ просто въ смыслѣ труда, имѣющаго своею задачею систематическое и разностороннее обозрѣніе всей Русской Исторіи—терминъ, которымъ, пожалуй, можно отличать такой трудъ отъ сочиненій «монографическихъ». Критику моему при семъ мерещится нашъ знаменитый исторіографъ Карамзинъ, и онъ боится уподобленія. Но, очевидно, онъ плохо ознакомленъ съ исторіей самаго термина. Въ противномъ случаѣ онъ бы зналъ, что Карамзинъ получилъ отъ правительства званіе исторіографа съ опредѣленнымъ содержаніемъ не послѣ того, какъ заявилъ себя историкомъ, а гораздо прежде, въ 1803 году, когда онъ только заявилъ желаніе посвятить себя Русской Исторіи. А затѣмъ, если г. Платоновъ исторіографическими трудами, повидимому, признаетъ только творенія Карамзина и Соловьева, то куда же онъ относитъ, напримѣръ, «Повѣствованіе о Россіи» Арцыбашева, «Исторію Русскаго народа» Полевого и Geschichte des Russischen Staates Штраля и Германа? Развѣ это тоже не исторіографическіе труды? Положимъ, современники Русскихъ попытокъ не особенно высоко ихъ цѣнили, особенно Полевого. Погодинъ, профессоръ Русской Исторіи, при появленіи этого труда, отзывался о немъ крайне рѣзко и даже обвинялъ его въ присвоеніи нѣкоторыхъ Погодинскихъ мыслей. Любопытствующихъ отсылаю къ прекрасной монографіи Н. П. Барсукова «Жизнь и Труды М. П. Погодина. Книга вторая»; тамъ же приведены примѣры того, какъ Арцыбашевъ и Полевой въ свою очередь нападали на исторію Карамзина. Но критика безпристрастнаго потомства, конечно, воздала должное всякому, и нынѣ никто не повторяетъ помянутыхъ рѣзкихъ отзывовъ. Что касается до С. М. Соловьева, то въ отношеніи къ современнымъ органамъ печати онъ былъ, пожалуй, счастливѣе своихъ предшественниковъ. Онъ какъ-то умѣлъ ладить со всѣми литературными партіями и участвовалъ въ органахъ самаго разнообразнаго политическаго направленія, а отъ журнальной или газетной полемики систематически уклонялся. Однако существовала цѣлая школа (Славянофильская), которая скептически относилась къ его Исторіи (особенно по поводу тома объ Иванѣ IV) и обвиняла его въ механическомъ процессѣ ея составленія. Въ свою очередь С. М. Соловьевъ не признавалъ совсѣмъ научнаго значенія за Исторіей Карамзина, считалъ его только литераторомъ и отыскивалъ у него массу

всякихъ промаховъ и недосмотровъ (см. Отечеств. Зап. за 1853—1856 гг.). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ своей статьѣ «Современное состояніе Русской Исторіи какъ науки» (Москов. Обозр. 1859 г. I) отнесся одобрительно къ исторіографической попыткѣ Полевого, а по изложенію и построенію сочиненіе его поставилъ даже выше Исторіи Соловьева. Отдавая должное ученымъ заслугамъ послѣдняго, онъ однако указалъ его пробѣлы и недостатки въ семъ отношеніи и вообще не призналъ его образцовый трудъ «окончательнымъ словомъ науки» даже для своего времени. Считаю эти историческія справки нелишними въ данномъ довольно аналогичномъ случаѣ, и въ виду того, что г. Платоновъ говоритъ о Карамзинѣ и Соловьевѣ по поводу моей книги.

Очень оригинально приведенное имъ тутъ же слѣдующее замѣчаніе: «Взгляды г. Иловайскаго иногда требуютъ простыхъ поправокъ и новинкой не являются». Какіе взгляды? Какихъ поправокъ? Какія требуются новинки? Признаюсь, не понимаю. Должно быть тутъ опять разумѣются Грозный и его татарщина, столь любезная писателямъ нѣкой исторической школы. Еще оригинальнѣе вторая половина замѣчанія: «Матеріалъ, обработанный г. Иловайскимъ, и до него составлялъ общее достояніе, ибо г. Иловайскій рукописями не пользовался». Во-первыхъ, чтобы я совсѣмъ не пользовался рукописями, этого нельзя сказать; но мы живемъ не во времена Карамзина, когда многіе важные лѣтописи и акты еще не были изданы. Теперь столько издано и постоянно издается историческихъ матеріаловъ, что дай Богъ съ ними-то справиться. А во-вторыхъ, эта груда изданнаго и только небольшими частицами изслѣдованнаго матеріала какого рода составляетъ «общее достояніе»? Кто же, кромѣ немногихъ любителей или спеціально изслѣдующихъ какой-нибудь предметъ, читаетъ, напримѣръ, многотомныя изданія Археографическихъ комиссій? И если этотъ матеріалъ является въ моей книгѣ хотя бы до извѣстной степени *обработаннымъ*, то именно съ ея помощью онъ (въ своей сути) и дѣлается de facto, а не только de jure общимъ достояніемъ. Очевидно, г. Платоновъ не даетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что говоритъ, и совершенно невѣрно отождествляетъ исторіографическій трудъ съ работою по рукописямъ. Тутъ ясно сказывается авторъ магистерской диссертаціи «Древнерус. сказанія и повѣсти о смутномъ времени», въ которой онъ не пошелъ далѣе изысканій объ ихъ составѣ и редакціи, сличенія списковъ, набора цитатъ и ссылокъ и тому подобныхъ, хотя и полезныхъ, но болѣе или менѣе механическихъ работъ. Историческое творчество, наблюдательность, историческая логика или здравая критика для выясненія лицъ и событій—къ этимъ качествамъ

высшаго порядка не видно у него особаго стремленія. Обтесываніе камней или обжиганіе кирпичей и вообще подготовленіе матеріаловъ для научныхъ историческихъ построекъ онъ принимаетъ за самыя постройки, т.-е. средства къ достиженію цѣлей за самыя цѣли. Обусловливается такое механическое направленіе личными свойствами моего критика или составляетъ недостатокъ исторической школы, изъ которой онъ вышелъ— вопросъ о томъ оставляю открытымъ *). Во всякомъ случаѣ невольно бросаются въ глаза, во-первыхъ, эта претензія молодого ученаго (пока ничѣмъ серьезно не доказавшаго ни основательности своихъ научныхъ свѣдѣній, ни зрѣлости своего историческаго мышленія) поправлять мои историческіе взгляды; во-вторыхъ, вмѣсто исканія исторической правды, его легкая погоня за какими-то новинками во взглядахъ.

Въ концѣ своей критики г. Платоновъ признаетъ за моей книгой «большія достоинства», если на нее «посмотрѣть какъ на опытъ популярнаго изложенія Русской Исторіи, разсчитанный на среду неспеціалистовъ». Онъ даже находитъ въ ней «вновь введенные» мною отдѣлы, «полнотою, ясностью и живостью изложенія не уступающіе всѣмъ прочимъ главамъ книги» и говоритъ, что въ полнотѣ своего плана я «пошелъ далѣе писателей середины нашего вѣка»; но нѣсколько строкъ ниже отрицаетъ, чтобы мой трудъ могъ «вліять на развитіе нашей исторіографіи или отражать во всей полнотѣ ея современные успѣхи». Не знаю, у кого хватитъ смѣлости и силъ отразить во всей полнотѣ современные успѣхи науки, и гдѣ найти такіе примѣры въ цѣлой Европейской исторіографіи; подобныя фразы говорятся не подумавши. Но отрицаніе вліянія моей книги на развитіе Русской исторіографіи становится въ прямое противорѣчіе хотя бы съ только что указанными вновь введенными мною отдѣлами и полнотою моего плана, съ которыми всякая послѣдующая историографическая попытка необходимо должна считаться. Я уже не говорю о моей научно-литературной обработкѣ Русской Исто-

*) Благодаря помянутымъ свойствамъ и направленію, диссертація г. Платонова посвященная Смутному времени, при всей наружной обстоятельности, почти нисколько не подвинула впередъ разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые такъ затрудняютъ историка при объясненіи событій этой эпохи. Напримѣръ, личности обоихъ Лжедимитріевъ остаются такъ же темны, какъ и до изслѣдованія г. Платонова. Подробная и лучшая оцѣнка даннаго изслѣдованія сдѣлана В. С. Иконниковымъ въ его монографіи „Новыя изслѣдованія по исторіи Смутнаго времени. Кіевъ 1889". Тутъ, при всей мягкости и снисходительности по отношенію къ диссертаціи, указаны нѣкоторые немаловажные ея промахи и даже противорѣчія въ оцѣнкѣ самихъ повѣстей и сказаній. Профессоръ Иконниковъ самъ спеціально занимался Смутнымъ временемъ, которому посвятилъ нѣсколько изслѣдованій и статей.

ріи вообще и переработкѣ ея начала въ частности; послѣднюю даже и г. Платоновъ считаетъ «не оставшеюся безъ ученыхъ результатовъ» *).

Въ заключеніе критикъ признаетъ *назидательное* значеніе моей Исторіи для «не спеціалистовъ, для читающей публики». Но любопытно узнать, когда и кто бралъ на себя трудъ обработать Исторію цѣлаго народа для спеціалистовъ, а не для публики? Ученыхъ спеціалистовъ по Русской Исторіи наберется въ Россіи, положимъ, десятка два или три. И вотъ г. Платоновъ озабоченъ тѣмъ, что эти спеціалисты, пожалуй, будутъ читать мою Исторію, а нѣкоторые находить ее и для себя назидательною. Потому онъ ихъ усердно предупреждаетъ, чтобы они таковою ее не находили.

Очевидно, для г. Платонова, какъ спеціалиста, моя книга научнаго значенія и назидательности не имѣетъ. Она для него не авторитетъ. Онъ полагаетъ, что ему поучиться у меня нечему. А вотъ чисто-любительскія экскурсіи г. Бѣлова въ область Русской Исторіи, такъ тѣ для него очень авторитетны и представляютъ послѣднее слово науки. Въ своей магистерской диссертаціи («Повѣсти и сказ. о смутн. времени») онъ такъ подчинился сему авторитету и послѣднему слову, что отвергъ извѣстія всѣхъ своихъ источниковъ объ участіи Бориса Годунова въ смерти царевича Димитрія. Мы имѣли случай указать г. Платонову на полный недостатокъ у него здравой критики въ семъ случаѣ и на подчиненіе воззрѣніямъ г. Бѣлова (Новое Время № 5374 и Моск. Вѣд. 1891 г. № 64). Г. Платоновъ на это наше указаніе отвѣчаетъ въ своей настоящей критикѣ отрицаніемъ того, будто въ его книгѣ заключается «выводъ о невинности Годунова», и прибавляетъ, что онъ «не можетъ присвоить себѣ чести считаться въ числѣ послѣдователей Е. А. Бѣлова по этому вопросу» (стр. 190). Признаюсь, такое явное запирательство со стороны молодого профессора мнѣ кажется нѣсколько страннымъ. Правду ли я

*) Мой критикъ, хотя и профессоръ Русской Исторіи, очевидно, совсѣмъ не вдумывался въ настоящее положеніе нашей исторіографіи; потому онъ такъ поверхностно къ ней относится. Ему не приходитъ въ голову простой вопросъ: отчего такъ рѣдки стали въ наше время подобныя попытки? А если были какія, то обыкновенно или останавливались при самомъ началѣ, или уходили недалеко. Едва ли ошибусь, если скажу, что моя попытка вѣроятно послѣдняя въ смыслѣ *единоличнаго* труда, т.-е. предпринятая приблизительно въ тѣхъ же размѣрахъ, при томъ же планѣ и съ тою же степенью научно-литературной обработки. Громадное накопленіе сырого матеріала, все растущая литература предмета и усложнившіяся требованія начинаютъ превышать силы одного человѣка. Слѣдующія попытки по всей вѣроятности будутъ уже *коллективныя*. Но сколько-нибудь удовлетворительное исполненіе такихъ попытокъ возможно еще не скоро: когда наростетъ достаточно ученыхъ силъ, и при томъ въ извѣстной мѣрѣ объединенныхъ.

сказалъ объ усиліяхъ автора диссертаціи устранить всѣ свидѣтельства, обвиняющія Годунова въ смерти царевича, и дать рѣшительное предпочтеніе слѣдственному дѣлу, о томъ не выписываю цитатъ по ихъ многочисленности; желающіе конечно могутъ справиться съ самой диссертаціей. Но вотъ что прямо заявлено тамъ по поводу показаній Новаго Лѣтописца: «Къ замѣчаніямъ г. Бѣлова, сводящимъ на степень простой легенды разсказъ лѣтописца о смерти царевича, мы относимся съ полнымъ сочувствіемъ. Въ дополненіе къ нимъ можемъ сказать» и т. д. (Ж. М. Н. Пр. 1888. Мартъ. Стр. 153. Отдѣльнаго изданія стр. 266).

Въ концѣ концовъ, оставя въ сторонѣ тенденцію г. Платонова находить ошибки даже и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и на ихъ основаніи бросать тѣнь на научное значеніе моей книги, я долженъ благодарить его за указаніе на нѣкоторые корректурные недосмотры, чѣмъ при случаѣ постараюсь воспользоваться. Чисто корректурное, а не научное значеніе его критики остается внѣ всякаго сомнѣнія. Только для профессора Русской Исторіи въ столичномъ университетѣ это еще небольшая заслуга.

Современный газетный Хлестаковъ *).

«Читалъ объ Иванѣ Александровичѣ Хлестаковѣ въ новой книгѣ г. Иловайскаго «Смутное время Московскаго государства»—такъ начинаетъ одно изъ безчисленныхъ своихъ «Маленькихъ писемъ» г. Суворинъ, и затѣмъ все это письмо посвящаетъ первому Лжедимитрію, въ которомъ онъ со свойственною ему изобрѣтательностью открылъ ни кого иного, а именно гоголевскаго Хлестакова—съ каковымъ открытіемъ мы его и поздравляемъ.

Вновь читалъ сегодня въ № 6537 «Новаго Времени» Ивана Александровича Хлестакова — записываетъ въ своемъ дневникѣ вашъ покорнѣйшій слуга по прочтеніи помянутаго «Маленькаго письма» г. Суворина. Да, еще одинъ лишній разъ убѣждаешься въ томъ, какой это крайне живучій и неувядаемый петербургскій типъ созданъ нашимъ геніальнымъ писателемъ въ лицѣ Хлестакова. Конечно, вообще въ Петербургѣ представители этого типа многочисленны, но въ петербургской печати пальма первенства между таковыми представителями безспорно и безъапелляціонно принадлежитъ Алексѣю Сергѣевичу Суворину, который въ своихъ «Маленькихъ письмахъ» съ неподражаемымъ искусствомъ воплотилъ

*) „С.-Петербуртскія Вѣдомости", 1894 г., № 127.

гоголевскаго, или мнимаго, «ревизора». Посмотрите, съ какимъ апломбомъ, съ какою неподдѣльною развязностью ревизуетъ онъ всевозможные въ мірѣ вопросы. Все ему понятно и доступно, все ему извѣстно; во всемъ онъ компетентенъ; каждому онъ умѣетъ указать, каждаго поучить, какъ надобно дѣло дѣлать и куда нужно идти: будь то литераторъ, ученый, медикъ, артистъ, государственный человѣкъ, фабрикантъ, сельскій хозяинъ и т. д. Даже самъ германскій императоръ Вильгельмъ II ничѣмъ не гарантированъ въ томъ отношеніи, что въ одно прекрасное утро не получитъ открытое и весьма наставительное письмо отъ нашего газетнаго Хлестакова.

Да, господа, читайте «Маленькія письма» г. Суворина и поучайтесь. Онъ всѣхъ васъ наставитъ на путь истинный. Во всѣхъ наукахъ онъ у себя дома; но особенно далась ему Русская исторія, тутъ онъ полный хозяинъ. Внимайте ему, гг. русскіе историки! Внимайте; но только не пытайтесь критически относиться къ его «Маленькимъ письмамъ». Ибо, если вздумаете отыскивать въ нихъ какой-нибудь серьезный историческій смыслъ, то вамъ угрожаетъ репутація людей наивныхъ, людей, непонимающихъ, что такое человѣкъ дня, и какъ велика, какъ возвышенна его миссія! Особенно не вздумайте провѣрять его хлесткій или хлестаковскій отзывъ о вашей новой книгѣ.

Вотъ, напримѣръ, въ означенномъ № 6537 «Новаго Времени» г. Суворинъ говоритъ, что читалъ мою книгу о Смутномъ времени. Но какъ онъ читалъ?— это иной вопросъ. «Г. Иловайскій придаетъ значеніе такимъ извѣстіямъ, что Самозванецъ везъ съ собою *настоящаго* Отрепьева, но не довезъ до Москвы, а сослалъ куда-то». И вотъ за это «сослалъ куда-то» г. Суворинъ таки порядкомъ меня пробираетъ; по его глубокомысленному разсужденію, Самозванецъ долженъ былъ бы не ссылать Отрепьева, а вездѣ его держать на переднемъ планѣ, дабы всѣ видѣли, что самъ онъ не Отрепьевъ. «На такихъ-то доводахъ основаны всѣ его (т.-е. вашего покорнѣйшаго слуги) доказательства, что Самозванецъ не Отрепьевъ». Во-первыхъ, не останавливайтесь надъ сими фразами; все равно вы ничего не поймете, какое существуетъ отношеніе между моими доводами и суворинскою передачею: «сослалъ куда-то». Во-вторыхъ, не заглядывайте въ мою книгу; потому что тамъ вы совсѣмъ не найдете суворинскаго: «не довезъ до Москвы, а сослалъ куда-то». Напротивъ, Лжедимитрій до Москвы Отрепьева довезъ, а потомъ сослалъ его, но не «куда-то», а въ городъ Ярославль (330 стр.). А почему онъ сослалъ Отрепьева, изъ моей книги тоже ясно: Отрепьевъ былъ алкоголикомъ, и притомъ невоздержанъ на языкъ. Хотя онъ и

служилъ нагляднымъ доказательствомъ того, что Лжедимитрій былъ не Отрепьевъ, но зная тайну самозванства, въ пьяномъ видѣ легко могъ пробалтываться. Слѣдовательно, держать его при себѣ въ Москвѣ было опаснѣе, чѣмъ вдали отъ нея; изъ этого понятно, что Хлестаковъ XVII вѣка былъ все-таки дальновиднѣе современнаго намъ газетнаго Хлестакова. У меня дѣйствительно сказано, что Отрепьева «спровадилъ куда-то», но не Самозванецъ, а его преемникъ, Василій Шуйскій, которому это исчезновеніе нужно было по обратной причинѣ: чтобы поддержать пущенную въ народъ молву о тожествѣ Лжедимитрія съ Отрепьевымъ.

Вотъ какъ г. Суворинъ читаетъ историческую книгу или изслѣдованіе? А какъ онъ потомъ разсуждаетъ о прочитанномъ, надѣюсь, сказаннаго на первый разъ достаточно. Знаю напередъ его оправданіе. Я, молъ, человѣкъ дня, человѣкъ разнообразныхъ и скоропреходящихъ впечатлѣній, человѣкъ живого (разумѣй: пристрастнаго) отношенія къ другимъ дѣятелямъ печати. Что-нибудь внимательно прочесть и во что-либо серьезно вдуматься мнѣ, молъ, некогда. Иванъ Александровичъ говорилъ всегда не задумываясь.

Петербургъ, 12 мая.

Г. Суворинъ, подвизающійся въ исторіи *).

Само собою разумѣется, г. Суворинъ не унимается. Да и какъ же ему не пользоваться собственнымъ органомъ, въ которомъ онъ можетъ ежедневно говорить всякій вздоръ, и забавлять своихъ читателей съ помощью своего дешеваго остроумія? Бѣда еще не велика, еслибы онъ только ихъ забавлялъ. Но представьте себѣ ихъ положеніе, когда Хлестаковъ вдругъ сдѣлаетъ серьезную мину, и съ видомъ знатока начнетъ разсуждать о самыхъ запутанныхъ и сложныхъ историческихъ вопросахъ. Можетъ быть, его разсчетъ на некомпетентность массы своихъ читателей и вѣренъ. Но вѣдь въ глазахъ наиболѣе образованной, хотя бы и немногочисленной, публики эти разсужденія должны получать надлежащую оцѣнку, а только оцѣнкою такой публики и можетъ дорожить всякій уважающій себя писатель.

Посмотрите, что такое наболталъ г. Суворинъ въ № 6540 «Новаго Времени»? Есть ли какая-нибудь человѣческая возможность найти здѣсь хотя каплю историческаго смысла? Предъ вами мелькаютъ имена: Маржеретъ, Самозванецъ, Борисъ Годуновъ, Буссовъ, Масса, Карамзинъ,

---

*) „Москов. Вѣдом.“ 1894 г., № 135.

Пушкинъ, Костомаровъ, Бѣльскій, Николай Чудотворецъ и т. д. Приводятся какіе-то quasi-аргументы, какіе-то обрывки мыслей. Но я предложилъ бы премію тому, кто сумѣетъ отыскать присутствіе логики въ этомъ непроходимомъ сумбурѣ.

Еслибы г. Суворинъ посвящалъ свои фельетоны, то-есть свои «Маленькія письма», только предметамъ обыденныхъ мелочей, пожалуй онъ былъ бы на своемъ мѣстѣ. Но трактовать въ этихъ хлыщеватыхъ письмахъ болѣе или менѣе важные общественные интересы и даже сложные, трудные историческіе вопросы—воля ваша, это ужъ чистѣйшая хлестаковщина.

А между тѣмъ, какія непомѣрныя претензіи! Какое забавное самомнѣніе! Вѣдь нашъ газетный Хлестаковъ въ самомъ дѣлѣ вообразилъ, что онъ можетъ или создавать, или разрушать литературныя и ученыя репутаціи, и что отъ его похвалъ или порицаній зависитъ судьба того или другого научнаго труда. Еслибы это было такъ, то дѣйствительно можно было бы упрекнуть наше общество въ явной некультурности.

Г. Суворинъ напоминаетъ извѣстный походъ на третій томъ «Исторіи Россіи» со стороны моихъ литературныхъ и политическихъ противниковъ, и говоритъ, что онъ тогда былъ мнѣ милъ и любезенъ, потому что хвалилъ меня и защищалъ. Это не совсѣмъ такъ. Я былъ ему благодаренъ, собственно, за помѣщеніе двухъ или трехъ моихъ писемъ, которыми я оборонялся отъ наглыхъ клеветниковъ — рецензентовъ. Но онъ ошибается, приписывая какое-нибудь значеніе именно его защитѣ. До сихъ поръ помню неудовольствіе, причиненное мнѣ этою защитою. Нѣкій рецензентъ (увы, занимающій университетскую каѳедру) нашелъ у меня цѣлый рядъ мнимыхъ фактическихъ ошибокъ. Прежде нежели я успѣлъ получить эту петербургскую рецензію и указать ошибки самого рецензента, г. Суворинъ, по своей некомпетентности принявшій всѣ его поправки за чистую монету, уже успѣлъ напутать: онъ обратился къ публикѣ съ просьбой о снисхожденіи ко мнѣ и о прощеніи мнѣ этихъ мнимыхъ ошибокъ! Нѣтъ, я предпочитаю имѣть его въ числѣ своихъ противниковъ, а не защитниковъ, и желаю быть совершенно свободнымъ отъ его нездоровыхъ похвалъ.

С.-Петербургъ, 15 мая.

P. S. Еслибы, сравнивая г. Суворина и князя Мещерскаго въ дѣлѣ пропаганды обскурантизма или неуваженія къ наукѣ, мнѣ предложили вопросъ, кто изъ нихъ выше, я бы смѣло отвѣтилъ: г. Суворинъ несо-

мнѣнно выше. Князь Мещерскій охотно помѣщаетъ крайне невѣжественныя статьи, въ родѣ «Не пора ли»? А. Владимірова; но самолично вступать въ ученую полемику онъ пока не рѣшается.

Москва, 17 мая.

Отвѣтъ г. Суворину *).

По поводу моего воспоминанія о непріятной для меня защитѣ г. Суворина, сей послѣдній, въ № 6542 «Новаго Времени», увѣряетъ, что «все это отъ слова до слова (моя) выдумка»; что онъ «ничего подобнаго никогда не писалъ и не печаталъ». Затѣмъ онъ перечисляетъ всѣ тѣ №№ 1891 года, гдѣ шла полемика о моемъ Третьемъ томѣ и останавливается надъ № 5394, въ которомъ (безъ подписи) отвѣчалъ г. Сторожеву. Г. Суворинъ полагаетъ, что теперь «рѣчь идетъ о немъ», то-есть, о г. Сторожевѣ. А въ заключеніе «категорически проситъ отвѣтить, для чего все это онъ (то-есть я) сочинилъ». При этомъ, конечно, дѣло не обошлось безъ «историческаго пріема», «ослабѣвшей памяти» и тому подобныхъ теплыхъ Суворинскихъ словъ, надъ которыми мы останавливаться не будемъ.

Не мало времени отнялъ у меня г. Суворинъ разыскиваніемъ инкриминируемой статьи. Она отыскалась въ № 5392, отъ 4 марта 1891 г., и озаглавлена «Походъ на г. Иловайскаго». Статья тоже не подписана; но, надѣюсь, г. Суворинъ отъ нея не будетъ отказываться. А въ полной солидарности съ нею онъ обязанъ согласиться даже и въ томъ случаѣ, если будетъ утверждать, что писалъ ее не самолично. Написана она не по поводу Сторожева (который пока никакой университетской каѳедры не занимаетъ), а по поводу профессора Платонова, который прочелъ въ Историческомъ Обществѣ рефератъ о моемъ Третьемъ томѣ, съ указаніемъ многихъ фантастическихъ ошибокъ. Рефератъ его напечатанъ въ мартовской книгѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за тотъ же 1891 годъ.

Разумѣется, въ предыдущемъ своемъ письмѣ, коснувшись этого эпизода, я указалъ только общій смыслъ и тонъ статьи такъ, какъ они сохранились въ моей памяти. Не буквально же г. Суворинъ испрашивалъ у публики для меня прощеніе; но кто со вниманіемъ прочтетъ сію статью, у того непремѣнно получится подобное впечатлѣніе. Особенно это впечатлѣніе утвердится послѣ слѣдующихъ словъ, помѣщенныхъ въ концѣ:

---

*) „Москов. Вѣдом.“ 1894 г., № 137.

«Прочитывая его (г. Бестужева-Рюмина) статьи въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», гдѣ онъ, разбирая какое-нибудь сочиненіе, указываетъ *массу ошибокъ* (курсивъ мой), думаешь, что вотъ онъ разразится энергическою замѣткой, по крайней мѣрѣ, къ концу. Ничуть не бывало. Напротивъ, онъ укажетъ на достоинства труда, онъ своимъ вѣскимъ словомъ ободритъ» и т. д. Развѣ въ этихъ словахъ не подразумѣвается просьба о снисхожденіи къ моимъ *ошибкамъ*? Да въ такомъ именно смыслѣ тогда же не приминули истолковать сію защиту нѣкоторые органы печати. И вообще тонъ статьи высокопокровительственный; какъ будто вопросъ шелъ объ авторѣ только начинающемъ.

Хотя въ статьѣ и говорится: «что такое рефератъ профессора Платонова—мы пока не знаемъ»; но это сказано не точно, или относится къ цѣлому реферату. Если даже авторъ статьи еще не успѣлъ ознакомиться съ книжкой «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», вышедшею перваго марта, то во всякомъ случаѣ рефератъ былъ ему извѣстенъ по газетнымъ отчетамъ, особенно изъ «Новостей», которыя главнымъ образомъ и поспѣшили съ наслажденіемъ перечислить найденныя у меня г. Платоновымъ *ошибки*. (Каковы эти ошибки, о томъ см. воспроизведенную выше мою замѣтку въ майской книгѣ «Русскаго Архива» того же года). Что г. Суворинъ въ этомъ случаѣ простодушно и вполнѣ повѣрилъ г. Платонову, это я могъ хорошо замѣтить и изъ нашихъ личныхъ сношеній. А потому общее впечатлѣніе, которое осталось у меня отъ описаннаго эпизода и которое я позволилъ себѣ выразить двумя словами въ прошломъ письмѣ, совершенно согласно съ дѣйствительностію.

Пусть г. Суворинъ еще разъ откажется отъ всего сейчасъ изложеннаго и повторитъ, что онъ не только не писалъ, но и *не печаталъ* ничего подобнаго.

Пусть еще разъ онъ станетъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собою. Ибо тѣ quasi-ядовитые комментаріи и фразы, которыми онъ сопровождаетъ вышеуказанный обзоръ моей полемики изъ-за Третьяго тома, ясно говорятъ, что сочувствіе его тяготѣетъ къ противной сторонѣ. Да и въ то время чувствовалось, что это союзникъ ненадежный и притомъ еще одержимый такими большими претензіями, которыя рѣшительно не соотвѣтствуютъ его малой компетенціи. А главное, я тогда просилъ у г. Суворина только мѣста для борьбы со своими противниками; но совсѣмъ не просилъ его во время этой полемики писать для меня покровительственныя или защитительныя статьи, которыя онъ вздумалъ теперь ставить мнѣ на видъ въ своемъ № 6540.

Возвращаясь къ сейчасъ указаннымъ quasi-ядовитымъ комментаріямъ, позволю себѣ отмѣтить тотъ курьезъ, что въ нихъ нашъ газетный Хлестаковъ поучаетъ меня: чему бы вы думали?—Скромности!

19 мая.

Еще о г. Суворинѣ *).

Такъ какъ нашъ споръ съ издателемъ «Новаго Времени» затягивается, то я, во-первыхъ, долженъ просить извиненія у читающей публики, если докучаю ей своими отвѣтами сему газетному Хлестакову; а, во-вторыхъ, покорнѣйше прошу многоуважаемаго издателя «Московскихъ Вѣдомостей» дать мнѣ столько мѣста, сколько я найду нужнымъ для того, чтобы считать споръ исчерпаннымъ. Этотъ споръ имѣетъ болѣе принципіальное и общественное значеніе, чѣмъ то можетъ показаться съ перваго взгляда.

Своимъ «маленькимъ письмомъ», посвященнымъ мнѣ въ № 6549, г. Суворинъ вновь подтверждаетъ свою хлестаковскую привычку: лгать и затѣмъ оправдываться съ помощью новой лжи. Началъ онъ съ того, что набросился на послѣдній мой трудъ; при чемъ взвелъ на меня цѣлое обвиненіе, построенное на невѣрно приведенной имъ цитатѣ. Когда я указалъ на сіе обстоятельство, онъ заговорилъ, что это пустяки и что не въ томъ дѣло; а затѣмъ напомнилъ, какъ онъ былъ мнѣ милъ и любезенъ, когда хвалилъ меня и защищалъ. Я замѣтилъ, что мнѣ его защита отнюдь не была любезна и что она меня болѣе путала чѣмъ помогала; при чемъ сослался на смыслъ одной его статьи — смыслъ, основанный на его некомпетентности. Г. Суворинъ объявилъ, что я сочиняю и выдумываю, что ничего подобнаго онъ не писалъ и не печаталъ, и перечислилъ то, что было имъ написано или напечатано по поводу полемики о моемъ третьемъ томѣ. Но онъ пропустилъ самую главную свою статью по этому поводу. Когда же я указалъ на нее, то г. Суворинъ не извиняется въ томъ что напрасно обвинилъ меня въ выдумкѣ и что онъ невѣрно утверждалъ, будто перечисленное имъ есть «все что было напечатано»; онъ только замѣчаетъ: «Боже мой, могъ ли я думать» и пр. А затѣмъ вновь подтверждаетъ, что его сочувствіе не только теперь тяготѣетъ, но и тогда уже тяготѣло къ противной сторонѣ. Ему, видите ли, не нравилось, что я въ полемикѣ своей «никогда прямо не отвѣчалъ»,

---

*) „Московскія Вѣдомости" 1894 г., № 145.

а старался охарактеризовать своего противника такъ, чтобъ его «уронить»; въ примѣръ приводитъ г. Сторожева.

И тутъ г. Суворинъ не можетъ обойтись безъ кривды. На взводимыя обвиненія я отвѣчалъ документально. Что же касается до характеристики противника, то считалъ и считаю себя въ полномъ правѣ предлагать ее или не предлагать, смотря по обстоятельствамъ, то-есть по его тону и по его добросовѣстному или недобросовѣстному отношенію къ дѣлу. Г. Суворинъ толкуетъ о критикѣ; но, очевидно, онъ не въ состояніи отличить ученую критику отъ невѣжественной, крайне тенденціозной и даже пасквильной рецензіи. Такъ, наглое обвиненіе меня гг. Безобразовымъ и Сторожевымъ въ плагіатѣ съ точки зрѣнія г. Суворина есть нормальная научная критика; а моя обязанность состояла только въ томъ, чтобы смиренно оправдываться, хотя бы меня обвиняли въ казнокрадствѣ, составленіи фальшиваго векселя и т. п.

Крайне курьезная теорія! Если ваши труды сдѣлаются предметомъ злобной клеветы или пустого зубоскальства, то вамъ г. Суворинъ позволяетъ писать только пассивныя оправдательныя статейки, но отнюдь не позволяетъ касаться степени компетентности своихъ критиковъ. Да, для литературныхъ хлыщей, въ томъ числѣ и для г. Суворина, тоже имѣющаго претензію на ученую критику, это очень удобная теорія! Вотъ почему онъ съ такою симпатіей относится и къ г. Сторожеву, о которомъ, какъ ученомъ мало или совсѣмъ неизвѣстномъ, я позволилъ себѣ привести нѣсколько свѣдѣній изъ напечатанной Памятной книжки того учрежденія, гдѣ онъ служитъ, то-есть изъ источника офиціальнаго. Изъ этого источника читающая публика узнала, что г. Сторожевъ только-что оставилъ университетскую скамью, еще никакими дѣйствительно учеными трудами себя не заявилъ, а уже занимается сочиненіемъ уголовныхъ обвиненій противъ людей и гораздо себя старшихъ, и все-таки сколько-нибудь потрудившихся.

Впрочемъ, по теоріи г. Суворина, очевидно, младшіе нисколько не обязаны относиться съ уваженіемъ къ старшимъ, а жалкіе диллетанты могутъ поучать спеціалистовъ. Что такое общественная дисциплина, нужна ли она, какое ея культурное и гуманитарное значеніе,—о томъ г. Суворинъ едва ли имѣетъ какое-либо понятіе. По его хлестаковскому разумѣнію, всякая активная самозащита отъ журнальныхъ и газетныхъ баши-бузуковъ—это есть преступное объявленіе своей непогрѣшимости!

Г. Суворинъ настолько еще наивенъ, что не считаетъ защиту равноправною съ нападеніемъ. Онъ требуетъ полной безотвѣтственности для критика, какъ бы ни былъ тотъ невѣжественъ и тенденціозенъ. Напри-

мѣръ, онъ удостоилъ вашего покорнѣйшаго слугу своимъ вниманіемъ въ отрицательномъ или порицательномъ смыслѣ и, въ свою очередь, открылъ на него газетный походъ; но, очевидно, возмущенъ встрѣченнымъ отпоромъ. Онъ, конечно, не полагалъ, что, высказывая свое личное злостное мнѣніе о моей учено-литературной дѣятельности, тѣмъ самымъ даетъ мнѣ право сказать откровенное слово объ его дѣятельности какъ газетчика, или объ его мнимой компетенціи въ научныхъ вопросахъ. Пользуюсь этимъ правомъ въ отношеніи къ нему такъ же, какъ пользовался въ отношеніи къ гг. Безобразову и Сторожеву.

Позволю себѣ охарактеризовать сего газетнаго дѣятеля двумя словами: *зазнавшійся фельетонистъ*. Когда-то подъ именемъ «Незнакомца» онъ былъ просто бойкій фельетонистъ отрицательнаго направленія. Но вотъ ему повезло: онъ сталъ собственникомъ большой, распространенной газеты и получилъ возможность честно, безкорыстно и независимо послужить своей родинѣ, тщательно и добросовѣстно относиться къ общественнымъ вопросамъ и къ національнымъ интересамъ. Что же мы теперь видимъ? Я отнюдь не намѣренъ хулить «Новое Время» вообще и безъусловно: тамъ иногда встрѣчаются дѣльныя статьи, и очевидно въ средѣ сотрудниковъ имѣются нѣкоторыя хорошія силы. Но откуда же репутація флюгерства, а подчасъ и крайняго легкомыслія? Да кто знаетъ г. Суворина, тотъ пойметъ, что иначе и быть не можетъ: во главѣ газеты стоитъ человѣкъ безъ убѣжденій, безо всякой солидной подготовки, но съ отчаяннымъ самомнѣніемъ. Понятно, какъ плохо такой дѣятель можетъ служить своей родинѣ. (Но не плохо своимъ *личнымъ* интересамъ).

Поднимается, напримѣръ, вопросъ о нѣмецкой колонизаціи въ Россіи, «Новое Время» печатаетъ рядъ статей (если не ошибаюсь, г. Велицына) важнаго и тревожнаго для насъ характера. Но въ одинъ прекрасный день г. Суворинъ заявляетъ, что, молъ, это все пустякъ: какихъ-нибудь 300.000 Нѣмцевъ вѣдь насъ не съѣдятъ. Сіе остроумное заявленіе сдѣлано было года четыре или лѣтъ пять тому назадъ; теперь ихъ уже болѣе милліона, и само правительство уже вынуждено обратить серьезное вниманіе на опасные размѣры этого зла. (Но лично г. Суворину оно неопасно). На всякій случай сдѣлаю оговорку. Если г. Суворинъ опять вздумаетъ отказываться отъ своихъ словъ и потребуетъ, чтобъ я указалъ самый № газеты, то я на розысканіе ея не буду терять времени, а утверждаю что хорошо помню его слова.

Да чтобы не было поводовъ къ подобному отказу, возьмемъ его «Маленькое письмо» въ № 6.547 (предшествующее вышеозначенному письму, вновь мнѣ посвященному). Какъ извѣстно, еще недавно г. Суворинъ

спорилъ (хотя бы со мною же) и сулилъ золотыя горы нашему земледѣлію отъ торговаго договора съ Германіей, а теперь онъ уже забылъ о томъ и съ чисто хлестаковскою развязностью пишетъ: «Надежды на хлѣбныя цѣны, вслѣдствіе русско-германскаго договора, не оправдываются до сихъ поръ, помѣщики сидятъ безъ денегъ» и т. д. Затѣмъ ведетъ рѣчь о конверсіяхъ. Кажется, эта громадная финансовая операція, затрогивающая массу государственныхъ, общественныхъ и личныхъ интересовъ), требовала бы серьезнаго отношенія со стороны того, кто берется толковать о ней. Но не таковъ г. Суворинъ: поговоривъ о ней въ смыслѣ ни то, ни сё, онъ сообщаетъ: «Лично я ни мало не заинтересованъ въ конверсіяхъ. Акцій желѣзныхъ дорогъ у меня никогда не было, конвертировать тоже что-нибудь никогда не приходилось». Словомъ, г. Суворинъ къ конверсіямъ равнодушенъ, ибо лично онѣ до него не касаются. (Торговый договоръ также не нарушилъ его личныхъ интересовъ). Очевидно, по его понятіямъ, подобная сумбурная болтовня должна быть очень интересна и поучительна для публики. И большею-то частію его «Маленькія письма» въ томъ же родѣ. Это все тѣ же произведенія стараго легкомысленнаго фельетониста, но уже сильно зазнавшагося, съ одинаковымъ апломбомъ болтающаго о чемъ угодно: Лжедимитрій или Стамбуловъ, тарифы или конверсіи—ему все равно; бумага (и публика) все терпитъ.

Положимъ, люди знающіе или понимающіе съ ироническою улыбкой пробѣгаютъ его фельетоны. Но, вѣдь, масса некомпетентныхъ читателей довѣрчиво воспринимаетъ въ себя весь этотъ сумбуръ и все это легкомысліе. Вотъ въ чемъ и заключается вредоносная, растлѣвающая сторона Суворинскаго много и борзописанія. И нѣтъ никакой надежды, чтобъ онъ когда-нибудь сдѣлался серьезнѣе и добросовѣстнѣе. Если уже необходимость общественной дисциплины мало доступна пониманію г. Суворина, то потребность дисциплины для собственной мыслительной способности навѣрное никогда его не тревожила.

26 мая.

Г. Суворинъ въ роли ученаго изслѣдователя *).

То, о чемъ я шутя говорилъ въ своемъ первомъ отвѣтѣ г. Суворину, оказывается съ его стороны совсѣмъ не шутка. При всей своей несерьезности, онъ серьезно принялся поучать нашего брата какъ надобно писать исторію и какъ производить историческія изслѣдованія.

*) „Моск. Вѣд.“ 1894. № 158.

Такимъ образомъ его «Маленькія письма» можно сказать получаютъ всемірно историческое значеніе. Смѣло рекомендую вниманію спеціалистовъ и любителей бытописанія №№ 6.559 и 6.563 *Новаго Времени*. И неужели ни одинъ изъ россійскихъ университетовъ за эти два нумера не поднесетъ ему степени «почетнаго» доктора Русской исторіи?

Отнюдь не беру на себя нелегкую задачу передать все богатство содержанія сихъ двухъ «Маленькихъ писемъ». Я позволю себѣ указать только нѣкоторые замѣчательные пріемы и умозаключенія для характеристики внезапно открывшагося на Руси и совершенно самороднаго историко-критическаго таланта.

Г. Суворину посчастливилось открыть новые и широкіе горизонты въ вопросѣ о первомъ Лжедмитріи. Оказывается, что это лицо въ одно и то же время было и Гришка Отрепьевъ, и подлинный царевичъ Димитрій. Какъ эта фантазія могла осуществиться на дѣлѣ, нашъ изслѣдователь пока не говоритъ; но онъ угрожаетъ доказать послѣ, и если не доказать, то «все-таки попробовать». Почему же и не попробовать, если, какъ я замѣтилъ, бумага (и публика) все терпитъ, а между тѣмъ другого болѣе серьезнаго дѣла нѣтъ. Но крайне поучительно какъ онъ идетъ къ этой цѣли. Для всякаго простого смертнаго понадобилось бы считаться съ историческими свидѣтельствами и фактами. Но для чего же существуютъ на свѣтѣ газетные Хлестаковы? Они уже давно изобрѣли простой и вмѣстѣ геніальный пріемъ, широко прилагаемый во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они хотятъ наставить и просвѣтить читающую публику въ желаемомъ ими смыслѣ: это съ одной стороны система замалчиванія, а съ другой—система забалтыванія. Только доселѣ никто еще не пытался приложить такую систему къ разработкѣ научныхъ историческихъ вопросовъ. А вотъ г. Суворинъ взялъ да и приложилъ.

Напримѣръ, я указалъ на то обстоятельство, что Григорій Отрепьевъ былъ по крайней мѣрѣ на 10 лѣтъ старше истиннаго царевича: во-первыхъ, онъ имѣлъ дьяконскій чинъ, а по уставамъ Русской Церкви въ дьяконы посвящали человѣка не моложе 25 лѣтъ; во-вторыхъ, Маржеретъ прямо говоритъ, что Отрепьеву было лѣтъ 35—38. Казалось бы противъ такого факта, подкрѣпляемаго свидѣтелемъ-современникомъ, и возразить нечего. Однако, г. Суворинъ храбро разглагольствуетъ о томъ, что правила церковныя вѣроятно нарушались, а свидѣтель будто бы говоритъ «голословно». Но, разумѣется, факты остаются фактами, несмотря ни на какія измышленія. Или: я указываю на то, что Самозванецъ по своемъ воцареніи могъ бы прямо и точно обозначить лица и мѣста, его охранявшія, и вообще дать о себѣ какія-либо ясныя и до-

стовѣрныя подробности за тѣ 12 лѣтъ, которыя протекли со времени углицкой трагедіи; однако онъ этого не сдѣлалъ. И этотъ непререкаемый фактъ г. Суворинъ также неукоснительно забалтываетъ.

По его совершенно произвольному умозаключенію, Самозванецъ вѣроятно и далъ требуемыя подробности; но коварный Шуйскій и его приверженцы предусмотрительно истребили всѣ оставшіяся послѣ Самозванца бумаги. Тутъ невольно вспоминается Грибоѣдовская фраза, обращенная къ Репетилову, на счетъ знанія мѣры даже и во лжи. Неужели г. Суворинъ, открывающій новые горизонты въ данномъ вопросѣ, оказывается до того блуждающимъ впотьмахъ, что не знаетъ главнаго: большую часть тѣхъ данныхъ о личности Самозванца, которыя мы имѣемъ, сохранили намъ не русскіе источники, а иноземные, и при томъ ему современные, каковы: Буссовъ-Беръ, Маржеретъ, Масса, Савицкій, ватиканскіе документы и пр., которые не имѣли никакого отношенія къ воображаемымъ бумагамъ, истребленнымъ Шуйскимъ, и которые непремѣнно бы сообщили намъ подробности о похожденіяхъ Самозванца до 1603 года, еслибъ онъ дѣйствительно ихъ разсказывалъ. Открывающій мнимые горизонты и вступившій со мною въ ученую полемику, г. Суворинъ даже никакъ не можетъ прочесть внимательно мою книгу: тамъ на стр. 337 онъ бы нашелъ указаніе на иноземца-современника, который именно подтруниваетъ надъ ничего необъясняющими разсказами о себѣ Самозванца и на его уловку ссылаться на мертвыхъ.

Если г. Суворинъ такъ хлестаковски или репетиловски относится къ прямымъ историческимъ свидѣтельствамъ, то понятно какъ грубо и безцеремонно онъ пытается затушевать тѣ черты, которыя требуютъ знанія быта, культуры и этнографическихъ типовъ. Я упираю на то, что Самозванецъ явился въ Москву представителемъ культуры польско-литовской (литовской въ смыслѣ западно-русской); что вообще его поведеніе и привычки обличаютъ складъ не велико-русскій, то-есть не Московскій. Онъ хорошо владѣетъ польскимъ языкомъ, разговорнымъ и письменнымъ; онъ отчаянный рубака, наѣздникъ, танцоръ, любитель женщинъ, пировъ и т. д. Ну могъ ли всѣмъ этимъ сдѣлаться московскій бѣглый монахъ и пьяница, то-есть Отрепьевъ, и при томъ въ теченіе приблизительно одного года (1602—1603), проведеннаго имъ въ разныхъ скитаніяхъ? По г. Суворину оказывается, что могъ. Чтобы замазать эти не московскія черты, онъ съ особымъ рвеніемъ набрасывается на слова «любитель женщинъ». Помилуйте, толкуетъ онъ, кто же изъ насъ, Русскихъ, не любитъ женщинъ? Въ этомъ случаѣ Самозванецъ (онъ же Отрепьевъ) напомнилъ только своего отца Ивана Грез-

наго; извѣстно, какъ онъ любилъ женщинъ и пиры. И пошелъ, и пошелъ на эту благодарную тему. Опять приходится повторить, что открыватель мнимыхъ горизонтовъ никакъ не можетъ внимательно прочесть мою книгу. А тамъ вмѣсто «любитель женщинъ» въ другомъ случаѣ сказано: «женскій угодникъ». Далѣе въ книгѣ нѣсколько разъ говорится не о московскихъ чинныхъ и только мужскихъ придворныхъ пирахъ, а собственно о польскихъ балахъ, то-есть о пирахъ съ дамами, музыкой и танцами, при чемъ Самозванецъ являлся именно такимъ усерднымъ танцоромъ и дамскимъ угодникомъ, который могъ воспитаться только среди ополяченной западно-русской шляхты, наполнявшей дворы знатныхъ пановъ. Трудно было бы Григорію Отрепьеву отличаться въ польскихъ танцахъ и изображать изъ себя галантнаго кавалера въ обществѣ польскихъ дамъ—труднѣе даже чѣмъ г. Суворину играть роль ученаго историческаго изслѣдователя.

Что касается той или другой культуры, того или другого этнографическаго типа, это такія тонкости, которыя едва ли доступны пониманію г. Суворина. Напомню опять недавній нашъ споръ по поводу торговаго договора. Тщетно пытался я объяснять, какія отрасли промышленности необходимо намъ развивать, чтобы усвоить себѣ европейскую матеріальную культуру, а съ нею развить и народное богатство. Г. Суворинъ такъ и не понялъ въ чемъ дѣло. И вотъ при такой-то непонятливости онъ берется разсуждать о сложныхъ историко-культурныхъ чертахъ и типахъ.

Что такое наговорилъ онъ о Лжедимитріи какъ эпилептикѣ въ № 6.563, это можетъ разобрать только одинъ Аллахъ. Видите ли, слѣдственное дѣло о смерти Царевича Димитрія настаиваетъ на его падучей болѣзни. О Самозванцѣ никто не говоритъ, чтобы онъ былъ подверженъ той же болѣзни. Тѣмъ не менѣе г. Суворинъ представляетъ кучу умопомрачительныхъ соображеній въ пользу того вывода, что онъ все-таки былъ въ сущности эпилептикъ и слѣдовательно подлинный царевичъ. По всей вѣроятности «душа Тряпичкинъ» придетъ въ восторгъ отъ этихъ соображеній своего пріятеля, хотя въ нихъ ровно ничего не пойметъ.

Вообще медицинская сторона вопроса—это одинъ изъ горизонтовъ, открываемыхъ г. Суворинымъ. Другимъ новооткрытымъ у него горизонтомъ является сторона психологическая, и за недостатокъ этой стороны онъ сильно упрекаетъ гг. историковъ, хотя едва ли самъ ясно различаетъ психологію отъ психопатіи. Во всякомъ случаѣ, гг. историки смѣло могутъ ему рекомендовать, прежде чѣмъ толковать о психологіи, хотя немного позаняться логикой.

Приводя нѣкоторые примѣры изъ системы забалтыванія, я не касаюсь обратной стороны, то-есть замалчиванія. Это повело бы далеко и было бы уже слишкомъ серьезнымъ отношеніемъ къ симъ двумъ «маленькимъ письмамъ», вполнѣ подтверждающимъ мое мнѣніе о некомпетентности г. Суворина въ подобныхъ историческихъ вопросахъ. Если я позволилъ себѣ немного остановиться на нихъ, то, во-первыхъ, потому, что ихъ авторъ не оставляетъ въ покоѣ труды вашего покорнѣйшаго слуги, а во-вторыхъ, потому еще что, можетъ быть, эти письма имѣютъ какую-нибудь связь съ тою новою попыткой (доказать подлинность названнаго Димитрія), о которой я упоминаю ни 336 страницѣ моей книги.

9 іюня.

Заключительное слово о г. Суворинѣ *).

Прошлымъ письмомъ я думалъ завершить свой споръ съ г. Суворинымъ, какъ историческимъ изслѣдователемъ. Но это не такой противникъ, съ которымъ можно скоро покончить. Имѣя подъ рукой собственный органъ, онъ можетъ ежедневно печатать въ немъ всякій вздоръ, съ одной стороны—сколько угодно лгать и клеветать на тѣхъ, кто ему не нуженъ, а съ другой—курить ѳиміамъ предъ излюбленными фетишами или предъ тѣмъ, кто ему нуженъ.

Въ № 6568 «Новаго Времени» г. Суворинъ, во-первыхъ, упрекаетъ меня за то, что я «не дождался окончанія его замѣтокъ о Самозванцѣ», а во-вторыхъ, даетъ очень курьезное толкованіе нашему разногласію по вопросу объ отношеніи промышленнаго покровительства къ развитію національной культуры. На мое замѣчаніе, что онъ тогда также не понималъ этого отношенія, какъ не понимаетъ теперь культурной разницы между Московскою и Литовскою Русью, мой противникъ не придумалъ ничего болѣе остроумнаго, какъ прятаться за г. министра Финансовъ и С. Т. Морозова. Но причемъ тутъ сей послѣдній? Не давать никогда себѣ отчета въ собственныхъ словахъ и ссылаться всегда невпопадъ—составляетъ неизбѣжную принадлежность газетныхъ Хлестаковыхъ и Репетиловыхъ. Напомню читателямъ, что въ то время г. Суворинъ, не справившись даже съ содержаніемъ проектированнаго договора, возражалъ мнѣ, при чемъ смѣшивалъ меня съ г. Морозовымъ въ одну категорію. А между тѣмъ г. Морозовъ преслѣдуетъ свои интересы хлопчатобумажнаго фабриканта, и такъ какъ договоръ не только не ослабилъ

*) „Москов. Вѣдом.“ 1894 г., № 165.

покровительства этой отрасли, но еще усилилъ его и обезпечилъ ея фабрикантамъ неслыханные дотолѣ барыши, то понятно, что г. Морозовъ въ восторгѣ отъ договора; но никакого авторитета въ культурномъ вопросѣ онъ не представляетъ. Я же стоялъ за тѣ основныя отрасли промышленности, съ которыми тѣсно связано развитіе европейской культуры; а кто же какъ не историкъ долженъ указывать своимъ соотечественникамъ ближайшіе пути къ развитію самостоятельной національной культуры? И вотъ, такой простой истины г. Суворинъ никакъ не можетъ уразумѣть. По его обскурантному воззрѣнію, историкъ тутъ не компетентенъ, такъ какъ не «спеціалистъ въ промышленности». Лично для меня онъ допускаетъ только одно «единственное право на эту спеціальность: мои якобы «торгово-промышленные учебники Русской исторіи», — учебники, конечно, крайне плохіе, по мнѣнію г. Суворина.

Прошу позволенія у своихъ читателей нѣсколько остановить ихъ вниманіе на этомъ пунктѣ.

Мои литературные и политическіе противники, какъ извѣстно, при всякомъ спорѣ со мной, когда имъ не хватаетъ аргументовъ, прямо относящихся къ дѣлу, тотчасъ начинаютъ бранить учебники, и на нихъ, такъ сказать, стараются сорвать свою злобу. Всѣ мои учено-литературные труды, въ томъ числѣ и учебники, всегда открыты для критики. Но я требую отъ нея только одного: если не безпристрастія, то, по крайней мѣрѣ, компетентности. Къ сожалѣнію, и это единственное условіе не соблюдается; дѣло ограничивается просто голословною бранью, на которую я отвѣчаю обыкновенно двумя словами: напишите лучше. Г. Суворинъ, какъ выше замѣчено, часто не знающій предмета, о которомъ онъ говоритъ, остается вѣренъ себѣ и въ этомъ случаѣ. Существованіе моихъ учебниковъ онъ объясняетъ ничѣмъ инымъ, какъ отсутствіемъ «свободной конкурренціи въ учебной промышленности»; но разъ будетъ допущена «разумная» конкурренція, тогда, конечно, мои учебники исчезнутъ съ лица земли; вотъ почему вашъ покорнѣйшій слуга, молъ, и стоитъ за тарифы запретительные. Но неужели г. Суворинъ такъ невѣжественъ, что ничего не знаетъ о свободной конкурренціи учебниковъ, уже давно существующей въ нашемъ учебномъ вѣдомствѣ, о томъ, что моимъ произведеніямъ никакой исключительной обязательности не предоставлено, и что на этомъ полѣ я только одинъ изъ разныхъ конкуррентовъ? Неужели ему совершенно неизвѣстно существованіе другихъ руководствъ и право выбора, предоставленное педагогическимъ совѣтамъ заведеній? Плохо даже вѣрится въ подобное невѣжество, и можно подумать, что умыселъ другой тутъ былъ: внушить учебному начальству недружелюб-

ное отношеніе именно къ моимъ книгамъ, и только для нихъ однѣхъ стѣснить существующую свободную конкурренцію.

Во всякомъ случаѣ, почему бы г. Суворину, въ самомъ дѣлѣ, не облагодѣтельствовать россійское юношество и не написать самому учебника Русской исторіи? Послѣ блистательнаго изслѣдованія о Лжедимитріи, это было бы дѣло достойное его искуснаго пера и его литературной отваги. Смѣю его увѣрить, что Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія не откажетъ въ одобреніи его будущему руководству, если только оно будетъ сколько-нибудь удовлетворять извѣстнымъ требованіямъ. И тѣмъ успѣшнѣе г. Суворинъ могъ бы предпринять составленіе учебника, что, по его же мнѣнію, это дѣло болѣе промышленное, чѣмъ научное. Если въ чемъ другомъ не силенъ, то въ дѣлѣ-то литературной промышленности онъ несомнѣнный «мастеръ и пролазъ». Публицистъ изъ фельетониста не вышелъ, но рекламировать и распространить свою газету онъ сумѣлъ очень ловко. А посмотрите, какъ онъ деретъ за объявленія; не хуже любого лавочника. Еще недавно мнѣ самому пришлось это узнать, по поводу своего «Смутнаго времени»: оказывается, что публикація стоитъ въ «Новомъ Времени», если не втрое, то, по крайней мѣрѣ, вдвое дороже, чѣмъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». При томъ же, будучи частнымъ изданіемъ и уже широко обезпеченнымъ, оно далеко не чуждается и крупныхъ казенныхъ объявленій.

До какой забавной степени г. Суворинъ любитъ сваливать съ больной головы на здоровую, показываетъ, въ томъ же № 6568, еще слѣдующій примѣръ. Стараясь изобразить меня любителемъ запретительной системы во всѣхъ отношеніяхъ, онъ и въ моихъ немягкихъ отвѣтахъ на его историко-критическіе этюды видитъ такую сквозящую фразу: что же это не появляется приказъ, запрещающій г. Суворину отзываться столь непочтительно о трудахъ вашего покорнѣйшаго слуги? И это говоритъ человѣкъ, который, какъ мы видѣли, въ спорѣ со мною прячется за одного министра, а другому министру пытается внушить мысль о запрещеніи моихъ руководствъ! Не знаю, кого собственно имѣетъ въ виду мой противникъ, крайне грубо нападая на мою учено-литературную дѣятельность; а я защищаю свои труды и выясняю значеніе г. Суворина предъ лицомъ русскаго общественнаго мнѣнія, которымъ не можетъ не дорожить всякій общественный дѣятель. Г. Суворинъ, не привыкшій помнить свои собственныя письма и отдавать себѣ въ нихъ отчетъ, очевидно уже забылъ, что онъ явился нападающею стороной и открылъ газетный походъ на послѣдній выпускъ моего труда. Не спорю, быть-можетъ, моя самозащита оказалась настолько активна, что г. Суворину,

при всей его писчебумажной храбрости, сдѣлалось какъ-то не по себѣ, и ему, какъ газетному Хлестакову, уже померещился Гоголевскій Держиморда, «съ пѣной у рта» призывающій на него цензурныя кары.

Что касается до историко-критическихъ опытовъ г. Суворина и новооткрытыхъ имъ горизонтовъ въ вопросѣ о Лжедимитріи, то я считаю нашъ споръ исчерпаннымъ. Въ данномъ его «Маленькомъ письмѣ» онъ съ истинно Хлестаковскою беззастѣнчивостью объявляетъ, что побѣдоносно отразилъ всѣ мои аргументы и остался при своихъ горизонтахъ. Можно только поздравить его съ сею «никогда бывшею викторіей» (пародируя историческую фразу). Но неужели онъ думаетъ, что я хотѣлъ въ чемъ-либо переубѣдить именно его, то-есть г. Суворина? Нѣтъ, такіе люди обыкновенно въ своихъ ошибкахъ не сознаются и не примѣняютъ къ себѣ правила, что учиться никогда не поздно. Я имѣлъ въ виду не его, а читающую публику, которую онъ привыкъ кормить своими легкомысленными фельетонами. Я только желалъ указать ей на его пріемы и степень его компетенціи и на то, что вообще никакой серьезный разговоръ съ нимъ невозможенъ, а тѣмъ менѣе разговоръ о научныхъ вопросахъ. Тутъ онъ просто неуловимъ (чтобы не сказать: невмѣняемъ); по системѣ забалтыванія, его выдумкамъ и лживымъ уверткамъ нѣтъ конца.

Судите сами:

Напримѣръ, я говорю, что Отрепьевъ былъ гораздо старше царевича Димитрія и привожу такія историческія данныя, какъ 25-лѣтній возрастъ, установленный *для дьяконскаго чина*; г. Суворинъ этихъ данныхъ знать не хочетъ и говоритъ, что его родственникъ былъ *постриженъ въ монахи* на 15 году. Какъ же ему растолковать, что тутъ, во-первыхъ, нѣтъ логики, а, во-вторыхъ, нельзя уравнивать двѣ совершенно разныя эпохи? Въ нашемъ столѣтіи, благодаря семинаріямъ, спеціально приготовлявшимъ церковнослужителей, перестали точно соблюдаться правила о возрастѣ; но не то было въ древней Россіи. Такъ какъ, по смыслу фактовъ, дьяконство Отрепьева надобно отнести ко времени до 1600 года, то выходило бы, что онъ получилъ этотъ чинъ ранѣе двадцатилѣтняго возраста — окончательная нелѣпость. Далѣе я указываю, что Самозванецъ не далъ никакихъ подробностей о своей жизни до 1603 г.; а г. Суворинъ сначала отвѣтилъ, что онъ вѣроятно далъ, но вѣроятно бумаги его уничтожены, а потомъ (когда я сослался на иноземцевъ) сталъ также голословно утверждать, что онъ и *не могъ* объявить подробностей. Почему не могъ, г. Суворинъ, кажется, еще не придумалъ отвѣтить; во всякомъ случаѣ, только эти подробности и могли избавить Лжедимитрія отъ обвиненій въ самозванствѣ—обвиненій, непокидавшихъ

его и окончившихся его гибелью. Я называю Отрепьева пьяницей, на основаніи положительнаго свидѣтельства, а г. Суворинъ возражаетъ, что Варлаамъ и многіе иноземцы показываютъ противное; между тѣмъ, въ дѣйствительности никакихъ такихъ показаній нѣтъ. Я говорю, что самозванецъ явился человѣкомъ другой, не московской, а польско-литовской культуры, и указываю нѣкоторыя несомнѣнныя ея черты. Г. Суворинъ отвѣчаетъ, что Иванъ Грозный тоже любилъ женщинъ и пиры, а танцамъ Русскіе скоро научались во время Петровскихъ ассамблей, что теперь очень скоро выучиваются верховой ѣздѣ даже дѣвушки, а въ Сербіи въ 1876 году онъ видѣлъ наѣздниковъ-поповъ и монаховъ, что польскому языку Отрепьевъ могъ выучиться еще во время Московскаго посольства Сапѣги, то-есть въ 1600 году, что для усвоенія польской культуры у него были еще 1604 и 1605 годы и т. д. Все это до того нелогично, произвольно и дѣтски-наивно, что можно удивляться, слыша подобныя возраженія отъ взрослаго человѣка, имѣющаго какое-нибудь отношеніе не къ наукѣ даже, а только къ литературѣ. Еслибы человѣкъ желалъ чему-нибудь поучиться, то ему можно было бы растолковать, что нельзя себя совершенно передѣлать въ нѣсколько мѣсяцевъ и усвоить чужую культуру, языкъ, привычки и весь иной складъ жизни. Но какъ растолковать это господину, который не учиться хочетъ, а (отъ нечего дѣлать) открывать новые горизонты?

Между тѣмъ невѣжество въ исторіи такое, что онъ не знаетъ условій, при которыхъ проживали въ Москвѣ иноземныя посольства и думаетъ, что Отрепьевъ могъ свободно посѣщать подворье Сапѣги, чтобы брать тамъ уроки польскаго языка. При томъ г. Суворину не приходитъ даже въ голову простой вопросъ: зачѣмъ Отрепьеву понадобилось бы такъ ревностно и предварительно учиться по-польски, если даже онъ думалъ объявить себя московскимъ царевичемъ? Чтобы воспользоваться военною помощью Поляковъ, совсѣмъ не требовалось знать польскій языкъ. Опять скажу: г. Суворинъ не потрудился внимательно прочесть мою книгу. Тамъ онъ нашелъ бы, что самозванческія дружины вербовались собственно не въ Польшѣ, а въ Западной Россіи, изъ людей по преимуществу Русской народности, хотя бы иногда и ополяченныхъ до извѣстной степени, но все-таки сохранявшихъ русскій языкъ. А для переговоровъ съ Краковскимъ дворомъ и знатными Поляками не было бы недостатка въ посредникахъ. Что 1604 и 1605 годы, проведенные большею частію въ походахъ, были не причемъ въ польской культурѣ у Самозванца, опять-таки г. Суворинъ узналъ бы изъ моей книги, еслибъ читалъ ее внимательно. Ибо изъ нея онъ почерпнулъ бы, что Самозва-

нецъ съ самаго своего объявленія вращается въ кругу польской шляхты своимъ человѣкомъ по культурѣ и привычкамъ, между прочимъ, по участію въ самборскихъ балахъ и празднествахъ. Изъ Кракова онъ пишетъ посланіе къ папѣ на польскомъ языкѣ, тогда какъ неизвѣстно, владѣлъ ли онъ письменною русской грамотой. Отрепьевъ же былъ, какъ извѣстно, московскимъ грамотѣемъ и книжникомъ. Изъ моей же книги г. Суворинъ могъ бы узнать, что сами Поляки, не посвященные въ интригу, не вѣрили въ подлинность названнаго Димитрія, и, можетъ быть, потому именно, что онъ своею рѣчью, манерами и всѣмъ складомъ походилъ не на московскаго человѣка, а на ихъ же брата, польско-литовскаго шляхтича. Изъ той же моей книги онъ могъ бы узнать, что во время своего царствованія Самозванецъ не умѣлъ скрыть своего польскаго воспитанія; онъ возбуждалъ ропотъ и подозрѣніе Москвичей именно польскими привычками и замашками. Онъ самую Боярскую Думу началъ преобразовывать по образцу Польскаго Сената, держалъ при себѣ секретарей-Поляковъ въ качествѣ самыхъ приближенныхъ людей и вообще пытался вводить нѣкоторыя стороны польской культуры въ Московской Руси. Соединимо ли все это съ понятіемъ объ Отрепьевѣ? «Вотъ я благословлю этого польскаго свистуна!»—кричалъ Валуевъ, стрѣляя въ Самозванца; ибо, по свидѣтельству современника, въ Москвѣ многіе уже заподозрили въ немъ Поляка, по его образу жизни. Пристрастіе его къ польскимъ танцамъ, музыкѣ и маскарадамъ и его усердное въ нихъ участіе также претили Москвичамъ; извѣстно, что ему мертвому совали въ ротъ дудку, а на грудь положили взятую во дворцѣ маску. Подобныя черты никакъ не должны быть игнорируемы изслѣдователемъ въ вопросѣ о личности Лжедимитрія. Если старые историки, простодушно вѣрившіе въ Самозванца-Отрепьева, упускали изъ виду культурную сторону вопроса и не спрашивали себя, откуда же у Отрепьева могли получиться закоренѣлыя польскія привычки и пренебреженіе къ русскимъ обычаямъ,—то современному историку такое упущеніе было бы предосудительно. Нельзя же Отрепьева приравнивать къ Петру Великому, который еще до поѣздки за границу успѣлъ въ Нѣмецкой Слободѣ освоиться съ иноземной культурой.

Въ № 6565 «Новаго Времени» г. Суворинъ изложилъ свою теорію Отрепьева — подлиннаго Димитрія. Но это такая галиматья, сочиненная по рецепту «не любо не слушай, а врать не мѣшай», что было бы совѣстно на ней останавливаться. Повторяю, передъ нами *зазнавшійся* и, прибавлю, *завравшійся* фельетонистъ.

16 іюня.

Какія нынѣ печатаются статьи по русской исторіи*).

Давно уже собирался я обратить вниманіе читающей публики на ту массу научной недобросовѣстности, партійности, недомыслія и подчасъ прямого невѣжества, которая широкою волной вторгается въ область научныхъ предметовъ, столь легко и свободно трактуемыхъ нашею періодическою печатью. Въ этомъ отношеніи я, конечно, слѣжу только за своею спеціальностью, т.-е. за историческими статьями; но по нимъ могу заключать и о другихъ отрасляхъ научнаго вѣдѣнія. Тутъ, какъ и во всякомъ подобномъ направленіи, запѣвалой и примѣромъ служатъ антинаціональные или легкомысленные органы Петербургской печати.

На сей разъ воспользуюсь нижеслѣдующими образцами.

Въ ноябрьской книжкѣ Суворинскаго «Историч. Вѣстн.» за 1893 г., въ отдѣлѣ критики и библіографіи, помѣщенъ разборъ вышедшей въ томъ же году книги «Иванъ Грозный и его душевное состояніе», принадлежащей г. Ковалевскому, Харьковскому профессору психіатріи и нервныхъ болѣзней. Авторъ этой книги старается доказать, что Иванъ IV-й былъ человѣкъ душевно больной, страдавшій *однопредметнымъ* помѣшательствомъ. Критикъ, скрывшій свое имя подъ буквами В. Б., несогласенъ съ нимъ и упрекаетъ автора въ слишкомъ маломъ знакомствѣ съ научной литературой объ Иванѣ Грозномъ, давая при этомъ понять, что самъ онъ, т.-е. критикъ, по этой части, такъ сказать, собаку съѣлъ, но только «не считаетъ нужнымъ» въ настоящемъ случаѣ выкладывать всѣ свои обширныя свѣдѣнія. И некомпетентный читатель, пожалуй, повѣритъ ему на слово! А между тѣмъ для компетентнаго читателя ясно, какъ день, что критикъ въ данномъ предметѣ замѣчательнымъ образомъ съ своею партійностію соединяетъ круглое невѣжество въ исторіи. Это невѣжество ярко сквозитъ почти въ каждой его фразѣ.

«Повидимому, послѣдній трудъ, которымъ воспользовался профессоръ Ковалевскій, былъ III-й томъ «Исторіи Россіи» г. Иловайскаго, составленный, какъ извѣстно, изъ Карамзина и Соловьева»: такими словами критикъ собственно и начинаетъ свой разборъ названной книги.

Прошу обратить особое вниманіе на это *повидимому* и *какъ извѣстно*. Они какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ о томъ, что съ третьимъ томомъ моей «Исторіи Россіи» критикъ едва ли знакомъ, а только читалъ клеветническія рецензіи на него гг. Безобразова (въ «Русскомъ Обозрѣніи Церетелевскаго періода) и Сторожева (въ «Вѣ-

*) Русскій Архивъ 1894. № 1.

стникѣ Европы»). Во-первыхъ, изъ книги г. Ковалевскаго совсѣмъ не видно, чтобы онъ «воспользовался» именно моимъ трудомъ; въ дѣйствительности только одинъ разъ мимоходомъ онъ упоминаетъ о моемъ третьемъ томѣ вмѣстѣ съ Русскою Исторіей Полевого, и гораздо чаще ссылается на Русскую Исторію въ жизнеописаніяхъ» Костомарова. Слѣдовательно, выраженіе *повидимому* явилось у критика безъ всякаго основанія. Далѣе выраженіе *какъ извѣстно*, указывая на сочувствіе его къ Безобразово-Сторожевской клеветѣ, доказываетъ, что, не читая моего труда, онъ игнорируетъ и мои обличенія этой клеветы, появившіяся тогда же въ «Новомъ Времени» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Тамъ, кажется, мною достаточно-наглядно было объяснено, какъ г. Безобразовъ, только что вскочившій на университетскую каѳедру, и г. Сторожевъ, только что соскочившій съ университетской скамьи, не только не дѣлаютъ чести ни этой каѳедрѣ, ни этой скамьѣ, но и бросаютъ тѣнь на нравственную сторону современнаго университетскаго образованія.

Критикъ «Историческаго Вѣстника» невольно напоминаетъ мнѣ пресловутый мой арестъ въ Галичѣ въ октябрѣ 1877 г., когда нѣкоторые Польско-Австрійскіе органы печати поспѣшили изобразить меня какимъ-то панславистскимъ агитаторомъ, пріѣзжавшимъ въ Галицію спеціально для того, чтобы возбуждать народъ къ возстанію. Хотя тогда же въ Русской печати были подробно сообщены всѣ обстоятельства и подробности этого эпизода (см. перв. часть моихъ *Мѣлкихъ Сочиненій*); однако я еще недавно встрѣтилъ въ одномъ заграничномъ изданіи повтореніе означенной басни въ видѣ общеизвѣстнаго и несомнѣннаго факта. Но это пишутъ, по крайней мѣрѣ, враги внѣшніе, для которыхъ правда совсѣмъ нежелательна. Антагонисты внутренніе, выступающіе въ изданіяхъ антинаціональнаго характера, дѣйствуютъ точно также. Если, напримѣръ, «Вѣстникъ Европы» или «Новости», т.-е. гг. Стасюлевичи и Нотовичи, печатаютъ такую клевету, что моя «Исторія Россіи» не есть трудъ вполнѣ самостоятельный, основанный на изученіи источниковъ, а только плагіатъ, взятый изъ многотомной исторіи Соловьева, то и это понятно, и на наши антинаціональные органы какъ-то привыкаешь смотрѣть какъ на изданія, немыслимыя безъ тенденціозной лжи и партійной злобы. Но почему «Историческій Вѣстникъ» въ данномъ случаѣ примыкаетъ къ нимъ, это уже не совсѣмъ понятно. Я могу себѣ объяснить подобное явленіе только некомпетентностію въ исторіи Московской Руси его редактора г. Шубинскаго, котораго симпатіи направлены преимущественно къ анекдотической исторіи XVIII столѣтія. У хорошихъ редакторовъ обыкновенно съ теченіемъ времени вырабатывается извѣстный тактъ, извѣ-

стное чутье, такъ что, не будучи сами основательно знакомы съ какимъ-либо вопросомъ, они все-таки знаютъ, на кого можно положиться, кому можно довѣрить въ такихъ то случаяхъ, и какого-либо очевиднаго вздора не напечатаютъ. А тутъ человѣкъ, уже лѣтъ двадцать занимающійся изданіемъ историческихъ журналовъ, не только доселѣ не пріобрѣлъ ни положительныхъ историческихъ свѣдѣній, ни редакторскаго такта, но, повидимому, прогрессируетъ въ противную сторону. Вотъ что значитъ пренебрегать серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу и постоянно гоняться за угожденіемъ вкусамъ публики съ помощію разныхъ картиночекъ и всякаго легкаго чтенія!

Уже одна фраза о *составленіи* моей книги *изъ Карамзина и Соловьева* обличаетъ невѣжество критика; ибо кто знакомъ съ ихъ трудами, тотъ знаетъ, что отношеніе ихъ къ Ивану IV совершенно различное. А кто ознакомился съ моимъ третьимъ томомъ, тотъ видитъ, что я не только не раздѣляю взглядовъ Соловьева на дѣятельность Грознаго, но прямо съ нимъ не соглашаюсь. По отношенію же къ Карамзину, хотя мои воззрѣнія болѣе примыкаютъ къ его характеристикѣ, но обнаруживаютъ и нѣкоторыя существенныя отличія. Всѣ эти отношенія для критика остались неизвѣстными.

По сему поводу мнѣ приходитъ на память одно новѣйшее драматическое сочиненіе объ Иванѣ Грозномъ, гдѣ авторъ дѣйствительно постарался слить вмѣстѣ черты, взятыя изъ Карамзина и Соловьева, и получились дѣйствія хотя недурныя въ сценическомъ смыслѣ, но лишенныя исторической правды. Напримѣръ, онъ беретъ изъ Карамзина эффектную сцену появленія Сильвестра (оратора передъ юнымъ царемъ при зареве Московскаго пожара) сцену, которой никогда не было и которую Карамзинъ сочинилъ на основаніи нѣсколькихъ выраженій Курбскаго, не вполнѣ имъ понятыхъ и критически не провѣренныхъ. А далѣе тотъ же драматургъ изображаетъ бурную сцену съ непослушными боярами, происходившую будто бы у *самой постели* больного Ивана IV, и, слѣдуя Соловьеву, придаетъ этой сценѣ рѣшающее вліяніе на дальнѣйшія отношенія и поведеніе царя, что опять фактически невѣрно и противъ чего я возстаю въ моей книгѣ.

Затѣмъ, повторяю, что ни фраза, то у критика «Историческаго Вѣстника» грубая ошибка и незнакомство не только съ моимъ трудомъ, но и съ твореніемъ покойнаго С. М. Соловьева. Напримѣръ, возражая проф Ковалевскому по поводу царскаго титула, встрѣчающагося у насъ до Ивана IV, онъ ссылается только на брошюру Дьяконова («Власть Московскихъ государей») и на исторію К. Н. Бестужева-Рюмина, какъ

будто это ихъ открытіе, хотя о томъ упоминалось и у другихъ, въ томъ числѣ и у меня еще во II-мъ томѣ. По поводу такъ называемой «борьбы съ боярствомъ» Грознаго, онъ ссылается только на брошюру г. Середонина о Флетчерѣ; тогда какъ на этой борьбѣ настаивалъ и преувеличивалъ ее именно С. М. Соловьевъ; а послѣдователи его только повторяли и еще болѣе раздували означенную борьбу, чтобы оправдать злодѣйства Ивана IV и придать имъ великое государственное значеніе. Игнорируя мои возраженія противъ подобной тенденціи, сія историческая школа вообразила, что она удивительно какъ двигаетъ впередъ науку своими умствованіями, неоснованными на строгой критической провѣркѣ фактовъ. Точно также критикъ «Историческаго Вѣстника», восхваляя Грознаго за то, что онъ пропустилъ удобный моментъ для ослабленія Крымской Орды, незнакомъ съ моими о томъ замѣчаніями въ III-мъ томѣ, а ссылается на проф. Бестужева-Рюмина, хотя тотъ и въ этомъ случаѣ слѣдовалъ только Соловьеву. Вообще двѣ брошюры, гг. Дьяконова и Середонина, и компендіумъ К. Н. Бестужева-Рюмина—вотъ чѣмъ и ограничивается эрудиція критика «Историческаго Вѣстника». Онъ даже не могъ указать проф. Ковалевскому, что попытки выставить Ивана IV человѣкомъ душевно-больнымъ или просто сумашедшимъ существовали и прежде. Это обстоятельство окончательно подтверждаетъ, что ни самъ профессоръ, ни его критикъ не знакомы близко съ моимъ III-мъ томомъ; ибо тамъ въ примѣчаніи 54 они нашли бы указаніе на предыдущую попытку г. Чистовича въ его «Исторіи медицины въ Россіи». Въ томъ же примѣчаніи невѣжественный критикъ «Историческаго Вѣстника» могъ бы найти обзоръ разнообразныхъ мнѣній и характеристикъ Грознаго и ихъ критическій разборъ.

Покончивъ съ критикой нѣкоего В. Б., я однако продолжу свою рѣчь объ анти-историческомъ направленіи «Историческаго Вѣстника» за послѣднее время, къ чему удобный поводъ даетъ мнѣ помѣщенный въ той же ноябрьской книжкѣ «Опытъ характеристики Бориса Годунова» г. Мерцалова. Въ началѣ авторъ сей характеристики довольно вѣрно разсуждаетъ о безтолковомъ управленіи и тиранствѣ Ивана Грознаго и печальныхъ ихъ послѣдствіяхъ, совершенно въ разрѣзъ съ только что указанною критикой (чего редакторъ не замѣтилъ). Но затѣмъ, перешедши къ Борису Годунову, онъ также почти на каждомъ шагу обнаруживаетъ недостатокъ подготовки и наклонность къ поверхностнымъ сужденіямъ.

Во-первыхъ, онъ неудачно и произвольно толкуетъ Московское движеніе 1584 года и участіе въ немъ Богдана Бѣльскаго, не подкрѣпляя себя никакими ссылками и основаніями; при чемъ назначеніе правитель-

ственной думы при Θеодорѣ Ивановичѣ невѣрно приписываетъ Годунову, тогда какъ она была приготовлена еще самимъ Грознымъ. Главный источникъ, изъ котораго г. Мерцаловъ черпаетъ матеріалъ для своего «Опыта характеристики», это Костомарова «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ»—сочиненіе только популярное, не снабженное ссылками на источники и литературу предмета и потому не имѣющее строго-ученаго характера. А начало крѣпостного права онъ излагаетъ по статьѣ Гутьяра: «Какъ объясняютъ русскіе историки происхожденіе крѣпостного права?» Статья эта была помѣщена въ томъ же «Историческомъ Вѣстникѣ» (1892, № 3) и представляетъ также работу очень легкую, поверхностную, можно сказать ученическую. Укажу при семъ на одну подробность. Г. Гутьяръ, очевидно, не знаетъ, какъ отнестись къ пресловутому указу 1592 года; а г. Мерцаловъ, ничтоже сумняся, прямо говоритъ, что Годуновъ издалъ этотъ указъ. Въ дѣйствительности современная историческая критика пришла къ тому выводу, что такого указа не существовало. (Основанія къ сему и разборъ существовавшихъ мнѣній см. въ 75-мъ примѣчаніи къ моему III-му тому, съ которымъ ни г. Гутьяръ, ни г. Мерцаловъ, очевидно, не потрудились ознакомиться).

Дальнѣйшія умствованія г. Мерцалова съ особенною очевидностію проявляются въ его разсужденіяхъ о смерти царевича Дмитрія. Тутъ онъ слѣдуетъ такому великому авторитету какъ г. Бѣловъ, доказывающій, что Димитрій закололъ самъ себя и что извѣстное слѣдственное о немъ дѣло есть верхъ судебнаго безпристрастія и правдивости. Любопытно, что на сей разъ сама редакція «Историческаго Вѣстника» сочла нужнымъ заявить о своемъ существованіи и въ подстрочномъ примѣчаніи выразила какъ бы несогласіе съ гг. Бѣловымъ и Мерцаловымъ, ссылаясь на Карамзина, Соловьева, «Русскую Мысль и Христіанское Чтеніе!» Редакція впрочемъ ограничивается только несогласіемъ относительно слѣдственнаго дѣла, но не мѣшаетъ г. Мерцалову совершенно обѣлять Годунова въ смерти царевича, и тѣмъ болѣе, что къ авторитету г. Бѣлова тутъ присоединяется еще такой огромной величины авторитетъ какъ г. Платоновъ съ его «Древнерусскими сказаніями и повѣстями о Смутномъ времени». Г. Мерцаловъ неукоснительно сослался и на статью г. Боцяновскаго, который доказываетъ, что виновникомъ убіенія царевича Димитрія былъ никто иной какъ самъ главный слѣдователь, т.-е. князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Эта курьезная статья помѣщена была опять въ томъ же «Историческомъ Вѣстникѣ» (1891, № 5 *).

*) Позволю себѣ обратить вниманіе на то, что имя и фамилія сего сотрудника „Историческаго Вѣстника“, т.-е. г. В. Боцяновскаго имѣютъ тѣ же инициа-

Но довольно объ «Историческомъ Вѣстникѣ». Надобно удѣлить нѣсколько вниманія и другимъ журналамъ, хотя не спеціально-историческимъ.

Передъ нами статья князя Н. К. Имеретинскаго, помѣщенная въ Октябрьской и Ноябрьской книжкахъ «Руссаго Обозрѣнія» за 1893 годъ, подъ громкимъ заглавіемъ «Первый періодъ столѣтней народной борьбы въ Югозападномъ краѣ». Вся октябрьская половина сей статьи представляетъ только введеніе въ нее. О чемъ же трактуетъ это введеніе? Оно наполнено преимущественно анекдотическими разсказцами о Радзивилѣ Пане-коханку, о Феликсѣ Потоцкомъ и нѣкоторыхъ другихъ Польскихъ магнатахъ того времени. Но невозможно понять, какое имѣютъ отношеніе эти анекдоты къ намѣренію автора изобразить народную борьбу въ Югозападномъ краѣ въ періодъ отъ третьяго раздѣла Польши до кончины императора Александра I. Отъ этихъ анекдотовъ и отъ XVIII столѣтія авторъ постоянно переходитъ къ другимъ столѣтіямъ, напримѣръ къ XVI и къ IX (sic), а потомъ къ XVII, и на сей разъ пускается въ жизнеописаніе жены (другого) Феликса Потоцкаго, Христины Любомирской. Это жизнеописаніе онъ беретъ изъ «Ко-

---

лы, которыми подписана вышеупомянутая критика нѣкоего В. Б.— Передо мной только что полученная декабрьская книжка „Историческаго Вѣстника“ съ окончаніемъ статьи г. Мерцалова о Борисѣ Годуновѣ. Она представляетъ продолженіе тѣхъ же умствованій, неоснованныхъ на тщательномъ изученіи и провѣркѣ фактовъ. Такъ избраніе Бориса на царство онъ выставляетъ добровольнымъ актомъ народной симпатіи, и объ избирательномъ соборѣ съ подчеркиваніемъ повторяетъ мнѣніе проф. Ключевскаго, что въ составѣ его членовъ *„нельзя подмѣтить слѣда выборной агитаціи или какой-нибудь подтасовки“*. Для историческаго писателя кромѣ эрудиціи нужна еще наблюдательная способность. Тогда высказывающіе подобное мнѣніе усмотрѣли бы, что люди, фактически имѣющіе въ своихъ рукахъ власть, могутъ устраивать тѣ именно выборы, какіе имъ нужно, и направлять ходъ дѣла по своему усмотрѣнію. Избраніе Годунова прежде всего обусловливалось тѣмъ, что *фактическая власть тогда находилась въ его рукахъ и въ рукахъ его приверженцевъ*. Относительно Лжедимитрія г. Мерцаловъ такъ любезенъ, что высказываетъ тѣже выводы, къ которымъ я пришелъ, т.-е. о нетожествѣ его съ Отрепьевымъ, и даже ссылается на мою статью, но, вѣроятно только потому, что она была напечатана въ томъ же „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1891 года). Далѣе: напрасно авторъ характеристики измѣну Басманова объясняетъ какимъ-то пустымъ разговоромъ его въ передней съ Семеномъ Годуновымъ; онъ измѣнилъ не Борису, а его сыну послѣ смерти Бориса, когда положеніе дѣлъ окончательно ухудшилось. Подъ Кромами стояла не *трехсоттысячная* царская рать, а, самое большее, пятидесятитысячная; точно также Сигизмундъ и не думаетъ назначать Лжедимитрію „изъ собственной шкатулки 40 тысячъ злотыхъ годового содержанія“, а только поручилъ Мнишку выдавать 4 тысячи изъ доходовъ Самборской экономіи. (Г. Мерцаловъ хотя и ссылается на помянутую мою статью, но, очевидно, читалъ ее невнимательно). Не вхожу въ разборъ другихъ промаховъ, а позволю себѣ только повторить, что вѣрная характеристика историческаго дѣятеля должна быть построена на вѣрной фактической основѣ.

роны Польской» ксендза-іезуита Несѣцкаго, откуда черпаетъ и разные иные отрывки, точно также безъ связи, порядка и безъ всякаго видимаго отношенія къ своей задачѣ. Любопытно взглянуть на другіе приводимые имъ источники, кромѣ Несѣцкаго. Это: устные разсказы гродненскаго помѣщика Лыщинскаго, «Украински Оповиданя» Стороженки и старый учебникъ Всеобщей исторіи Лоренца!

Князь Имеретинскій не оставилъ въ покоѣ и мои труды. Читатель подумаетъ, вѣроятно, что авторъ статьи для своего введенія воспользовался моей монографіей о Гродненскомъ сеймѣ 1793 года и о второмъ Польскомъ раздѣлѣ, и тѣмъ болѣе, что онъ какъ разъ обѣщаетъ въ заглавіи начать свое изложеніе съ 1793 года. Нѣтъ, эта монографія осталась ему неизвѣстна; точно также незнакома ему «Исторія Россіи» и другія мои книги. Онъ знаетъ меня только какъ автора учебниковъ, да и то поверхностно. Такъ, въ своей статьѣ, какъ будто посвященной спеціальному вопросу, онъ нашелъ возможнымъ коснуться моего учебника Русской исторіи и неоднократно вступать съ нимъ въ полемику. Между прочимъ онъ упрекаетъ меня за то, что въ семъ учебникѣ отсутствуютъ начальная исторія Польши и введеніе тамъ христіанства. Курьезнѣе всего то, что ему не остался неизвѣстенъ мой курсъ Всеобщей Средней исторіи, о которомъ онъ упоминаетъ въ другомъ мѣстѣ и въ которомъ говорится именно о началѣ Польскаго государства и христіанства; но авторъ статьи того не замѣтилъ. Да и вообще зачѣмъ ему понадобилось толковать о событіяхъ IX и другихъ вѣковъ и поднимать разные историческіе вопросы, къ которымъ онъ слишкомъ недостаточно подготовленъ? Ибо на Лоренцѣ вѣдь далеко не уѣдешь. Развѣ только для того, чтобы высказать свои неосновательные домыслы и надѣлать грубыхъ промаховъ въ родѣ слѣдующихъ.

Князья Коріатовичи, Корибуты и Любомирскіе произошли «отъ Рюрикова корня» (тогда какъ первые два рода были Гедиминовичи, а третій Польскаго происхожденія). Болеславъ Храбрый былъ «православный государь». Латинство утвердилось въ Польшѣ только съ конца XIII вѣка. Крѣпостное право «взялось и пошло на Руси» (и на Московской?) отъ Польскихъ магнатовъ, которымъ первые Ягеллоны стали раздавать земли «подъ вліяніемъ духовенства». Соединеніе Литвы съ Польшей на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года было «первымъ искуснѣйшимъ дѣломъ іезуитовъ» (которые, замѣтимъ мимоходомъ, въ это время только начали проникать въ Польшу и Литву и никакого существеннаго вліянія на государственныя дѣла еще не имѣли). Благодаря вліянію іезуитовъ, Баторій побѣдилъ Ивана Грознаго, а *шляхта одолѣла*

Москву (курсивъ автора) въ Смутное время; при чемъ іезуиты будто бы «пріискали и воздвигли перваго Самозванца», а «славолюбіе и гоноръ шляхты разожгли до градуса кипѣнія» и т. д. и т. д.

Надѣюсь, довольно и приведенныхъ примѣровъ, чтобы судить о степени подготовки князя Имеретинскаго для моментальнаго рѣшенія такихъ историческихъ вопросовъ, которые требуютъ и значительной эрудиціи, и вдумчивости, и критическаго таланта. До какой степени онъ мало знакомъ съ предметами, о которыхъ такъ рѣшительно судитъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и сейчасъ указанное его мнѣніе о нашествіи на Москву шляхты, разжигаемой іезуитами. Въ дѣйствительности только малая часть этихъ шляхтичей была католическая; не меньшее количество ихъ принадлежало тогда къ реформаціи, а еще большее число были православные Западноруссы.

Послѣ такого пространнаго и неудобопонятнаго введенія, авторъ въ Ноябрьской книжкѣ приступаетъ къ исполненію своей нелегкой задачи, которую тутъ же и оканчиваетъ, поговоривъ кое о чемъ и ссылаясь преимущественно на Воспоминанія Вигеля, да еще на книгу Кропотова «Жизнь графа Муравьева». Свою статью князь Имеретинскій заключаетъ наброскомъ «отчаяннаго положенія», въ которомъ находилась Россія во время кончины императора Александра I-го. Таковой его выводъ подлежитъ еще спору, а что его статья написана отчаяннымъ образомъ—это безспорно. Очевидно, авторъ любопытныхъ «Записокъ стараго Преображенца» на сей разъ взялъ на себя задачу не по своимъ силамъ и средствамъ.

Перейду теперь къ статьѣ г. Литвинова «Крестьянское сословіе въ Россіи», помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1893 г. и представляющей, повидимому, только начало монографіи. Тутъ опять встрѣчаемъ легкое, поверхностное отношеніе къ предмету и рядъ промаховъ, хотя впрочемъ въ менѣе рѣзкой формѣ и степени.

Главнымъ источникомъ для г. Литвинова послужила извѣстная монографія Бѣляева «Крестьяне на Руси»—трудъ почтенный, но односторонній, требующій многихъ поправокъ вслѣдствіе увлеченія предвзятыми идеями. Таково, напримѣръ, повторяемое его мнѣніе о полномъ распоряженіи черносошнаго крестьянина своимъ земельнымъ участкомъ «какъ собственностію». Но г. Литвиновъ мѣстами руководствуется нѣкоторыми сочиненіями несогласнаго съ Бѣляевымъ направленія, преимущественно очерками Русскаго государственнаго права Романовича-Словатинскаго и «Боярской Думой» проф. Ключевскаго. Онъ даже развитіе самодержавной власти въ Московскомъ княжествѣ подкрѣпляетъ ссылкою на Романовича-Словатинскаго, а существованіе удѣльныхъ

боярскихъ традицій—ссылкою на Ключевскаго. Кромѣ того, авторъ не прочь и отъ собственныхъ домысловъ. Такъ, у него «положеніе крестьянъ въ государствѣ и экономическое состояніе ихъ находились въ тѣсной зависимости отъ характера податной системы», тогда какъ въ дѣйствительности, наоборотъ, податная система зависѣла отъ положенія крестьянъ.

Далѣе, разсуждая о служиломъ помѣщичьемъ классѣ, г. Литвиновъ, Богъ вѣсть на какомъ основаніи, происхожденіе сего класса приписываетъ мѣрамъ Ивана Грознаго, направленнымъ противъ боярства. А, говоря о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ и закрѣпощеніи ихъ труда помѣщику, онъ увѣряетъ, что вслѣдствіе сихъ мѣръ, «крестьянское сословіе получило одинаковое съ служилымъ сословіемъ политическое положеніе» и именно подобныя мѣры дѣлали государя «въ глазахъ народа безпристрастнымъ попечителемъ и заступникомъ подданныхъ, особенно же угнетенныхъ и обиженныхъ». Какъ же это понять? Жертвуя крестьянскою свободою въ пользу служилаго сословія, правительство тѣмъ самымъ являлось въ глазахъ крестьянъ ихъ благодѣтелемъ! «Царь, давая помѣстье за службу, сталъ въ сущности давать крестьянскій трудъ», замѣчаетъ авторъ о XVI столѣтіи. А двѣ страницы спустя, разсуждаетъ: «Къ сожалѣнію, уже въ XVII вѣкѣ въ нашемъ государственномъ строѣ явились зачатки недуга, извѣстнаго подъ именемъ крѣпостного права». Выходитъ, что крѣпостное право какъ будто съ неба свалилось въ XVII-мъ столѣтіи. Еще далѣе оказывается, однако, что это право явилось не спроста, а потому что «законодатель XVII вѣка, т.-е. Боярская дума съ царемъ во главѣ», хотя и «нарушилъ основы государственнаго строя въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса», однако «возвышался до сознательнаго отношенія къ государственному строю, до сознательнаго опредѣленія *политическаго* положенія сословій». Но тутъ же нѣсколькими строками ниже говорится: «Важная по послѣдствіямъ мѣра прикрѣпленія крестьянъ была принята *не по политическимъ* соображеніямъ, но потому, что требовалось поднять доходность помѣстій, служившую фондомъ къ вознагражденію служилаго класса, и *тѣмъ поднять средства государевой казны*».

Прошу покорно разобраться во всей этой путаницѣ представленій и тенденцій! Изъ нея вытекаетъ только одно ясное заключеніе, что авторъ взялся излагать сложный историческій процессъ опять-таки безъ достаточной научной подготовки и безъ строго-логическаго мышленія.

7 декабря 1893 г.

ПО ТѢМЪ ЖЕ И ДРУГИМЪ

ВОПРОСАМЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ и КУЛЬТУРЫ.

По поводу пересмотра гимназическихъ программъ.

I.

Общіе принципы *).

Будучи рѣшительнымъ сторонникомъ классической школы, въ свое время я указывалъ на тѣ случайныя условія и шероховатости, которыя долженствовали оказать неблагопріятное вліяніе на усвоеніе ея нашими гимназіями. Въ особенности я возражалъ противъ того, чтобы школьная реформа непосредственно связывалась съ вопросомъ о прискорбныхъ политическихъ явленіяхъ послѣдняго времени, которыя имѣютъ свои собственные источники, независимые отъ школы **). Въ настоящую минуту, когда классической школѣ грозятъ серьезныя опасности, нѣтъ мѣста разногласіямъ второстепеннаго значенія, и всѣ сторонники ея должны тѣсно сплотиться, чтобы дать надлежащій отпоръ ея многочисленнымъ противникамъ.

Не стану доказывать давно и многократно доказанную истину, что, если мы хотимъ быть такими же европейцами, какъ и другіе наиболѣе культурные народы, и вполнѣ усвоить себѣ европейскую науку со всѣми лучшими сторонами цивилизаціи, то путь къ тому, помимо классической школы, еще никѣмъ не найденъ. Намъ говорятъ, что въ Западной Европѣ, въ самой Германіи, раздаются голоса противъ этой школы и даже подаются петиціи правительству. Но, вѣдь, на такомъ же почти основаніи можно предлагать намъ разныя противуобщественныя ученія, которыя находили и находятъ себѣ многочисленныхъ послѣдователей въ Западной Европѣ. Затѣмъ обращусь прямо къ той задачѣ, которую русская педагогія должна преслѣдовать при пересмотрѣ гимназическихъ программъ, въ видахъ возможнаго облегченія учащихся. Намѣчая эту

*) Изъ отдѣльной брошюры.

**) См. первую часть моихъ „Мелкихъ Сочиненій". Стр. 297, 317, 323 и слѣд.

задачу, высшее правительство однако обусловило ее сохраненіемъ основательнаго образованія, т.-е. сохраненіемъ классической системы.

Отсюда естественно возникаетъ вопросъ: какъ же достигнуть облегченія учащихся и вообще лучшихъ результатовъ гимназическаго курса, съ ломкою существующихъ плановъ и программъ или безъ ломки?

Съ своей стороны рѣшительно и усердно высказываюсь противъ всякой ломки основныхъ учебныхъ плановъ, выработанныхъ путемъ многихъ усилій и большой головоломной работы. Тутъ вынимать или перестанавливать сколько-нибудь существенныя части особенно въ фундаментахъ зданія, т.-е. въ низшихъ классахъ, значило бы уменьшать его прочность и цѣлесообразность. Въ наше общественное сознаніе очевидно вкралась ошибка, которую, къ сожалѣнію, раздѣляютъ и нѣкоторые представители ученаго и учебнаго вѣдомства. Если классическая школа на первыхъ порахъ туго къ намъ прививается и вызываетъ разныя недоумѣнія, то главная причина тому не въ самихъ программахъ, а въ ихъ исполненіи, т.-е. въ пріемахъ, методахъ и характерѣ преподаванія.

Не мало приходилось слышать нареканій по поводу преподавателей, наскоро набранныхъ изъ австрійскихъ Славянъ; большинство ихъ страдало недостаткомъ точности и правильности русскаго языка, малымъ знакомствомъ съ русскими дѣтьми и русскимъ характеромъ, излишне формальнымъ, спеціально грамматическимъ отношеніемъ къ дѣлу, и т. п. Но, во первыхъ, въ числѣ ихъ нашлись и нѣкоторые очень хорошіе наставники; а во-вторыхъ, и это самое важное, господство ихъ въ нашей классической школѣ теперь съ каждымъ годомъ будетъ отходить въ область преданій; ибо за послѣднее время успѣлъ подготовиться свой собственный русскій контигентъ преподавателей, который несомнѣнно внесетъ и свою національную живую струю въ это преподаваніе. Посему въ высшей степени несвоевременно было бы дѣлать какую-либо ломку въ гимназіи именно теперь, когда наступаютъ для нея лучшія обстоятельства. Слѣдовательно одно облегчающее условіе школы, т.-е. начальники и наставники, владѣющіе хорошимъ русскимъ языкомъ и болѣе близкіе по своей натурѣ учащемуся поколѣнію, это условіе вскорѣ должно вступить въ силу само собою.

Второе нареканіе на классическую школу относилось къ ея слишкомъ формальному, слишкомъ сухому, грамматическому направленію. Это пунктъ важный, и о немъ слѣдуетъ серьезно подумать. Необходимо, чтобы ученики еще въ школѣ успѣли ознакомиться съ классическими авторами, особенно съ лучшими поэтами, т.-е. успѣли бы вку-

сить сладкихъ плодовъ отъ горькаго корня. Едва ли однако жалобы въ этомъ отношеніи не преувеличены. И теперь съ авторами все-таки знакомятся, хотя и недостаточно; противъ же основательной грамматической подготовки для пониманія ихъ никоимъ образомъ спорить не слѣдуетъ. А посему отнять, напримѣръ, въ первыхъ двухъ классахъ нѣсколько часовъ отъ латинскаго языка и перенести ихъ на русскій было бы дѣломъ отнюдь нецѣлесообразнымъ. Приторно слушать сѣтованія на недостаточность часовъ, отведенныхъ отечественному языку, какъ будто все преподаваніе въ гимназіяхъ ведется не на русскомъ языкѣ, а на какомъ-то другомъ. Изучая грамматику классическихъ языковъ, ученикъ въ то же время совершенствуется и въ грамматикѣ языка отечественнаго. Пріучаясь къ правильнымъ, точнымъ, и по возможности изящнымъ, переводамъ (словеснымъ и письменнымъ), онъ въ то же время совершенствуетъ свой русскій стиль. Этотъ пунктъ имѣетъ тѣсную связь съ вопросомъ о преподавателяхъ; но выше мы указали, какъ долженъ разрѣшиться послѣдній вопросъ.

Слѣдовательно, необходимо, чтобы ученики въ низшихъ классахъ налегали сильнѣе на грамматику; преодолѣвъ здѣсь грамматическія трудности, они потомъ въ высшихъ классахъ уже болѣе легко и свободно будутъ справляться съ своими задачами. Поэтому количество уроковъ по древнимъ языкамъ (собственно по латинскому) въ низшихъ классахъ необходимо оставить прежнее или почти прежнее. Было бы также полезно въ этихъ классахъ соединять преподаваніе латинскаго и русскаго языковъ въ однѣхъ рукахъ.

Въ связи со вторымъ пунктомъ, т.-е. грамматическимъ, находится и третій пунктъ, не мало затрудняющій нашихъ гимназистовъ и вызывающій жалобы родителей,—это такъ наз. экстемпорали, т.-е. переводы съ русскаго на древніе языки. Они не столько трудны сами по себѣ, сколько тяготятъ своею формальною стороною, т.-е. слишкомъ рѣзко поставленными экзаменаціонными требованіями. Экстемпорали служатъ главнымъ камнемъ преткновенія на экзаменѣ зрѣлости, такъ какъ, въ случаѣ неудовлетворительной отмѣтки на сей письменной работѣ, ученикъ уже не допускается къ дальнѣйшимъ экзаменамъ. Этотъ пунктъ дѣйствительно требуетъ смягченія, и тѣмъ болѣе, что онъ-то главнымъ образомъ обусловливаетъ помянутое выше излишество грамматическаго направленія, проходящаго черезъ весь гимназическій курсъ. Понятно, что, имѣя въ виду такое грозное требованіе на экзаменѣ зрѣлости, преподаватели по преимуществу и заботились о подготовкѣ къ исполненію сего требованія. Мы слышали даже, что экстемпорали раз-

ныхъ гимназій обыкновенно представлялись въ округъ, подвергались тамъ тщательной провѣркѣ и сортировкѣ; на ихъ основаніи дѣлалась оцѣнка преподавателей и самихъ гимназій. Никто не будетъ отрицать полезности упражненій съ русскаго на классическій языкъ, и они по возможности всегда будутъ производиться хорошими преподавателями, но не слѣдуетъ давать имъ рѣшающаго значенія и дѣлать изъ нихъ такое пугало на экзаменѣ зрѣлости. Нѣкоторые опытные педагоги сообщали намъ, что баронъ Николаи, не долгое время занимавшій постъ министра Народнаго Просвѣщенія, ввелъ такое правило: если изъ трехъ письменныхъ упражненій, по латинскому и греческому языкамъ и математикѣ, только за одинъ переводъ ученикъ получитъ 2, а за остальныя работы по 3, то онъ можетъ продолжать экзаменъ. И вслѣдствіе этой небольшой мѣры уже почувствовалось облегченіе! *).

Указавъ на нѣкоторые отдѣльные пункты, доселѣ затруднявшіе учениковъ, теперь скажу нѣсколько словъ относительно общаго школьнаго недостатка, который служитъ главнымъ источникомъ такъ называемаго переутемленія. Во-первыхъ, слѣдуетъ строго регулировать тѣ занятія, которыя даются ученикамъ на домъ. Извѣстно, что преподаватели, нерѣдко увлекаясь собственною спеціальностію и забывая о другихъ учебныхъ предметахъ, слишкомъ обременяютъ учениковъ домашними занятіями. Необходимо, чтобы директоры и инспекторы, хотя бы и въ самой дружеской формѣ, слѣдили за подобными случаями; необходимо наблюдать, чтобы задаваемые на домъ уроки согласовались съ количествомъ нужнаго для нихъ времени въ смыслѣ ихъ необременительности. Но еще болѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующее и самое важное облегченіе: преподаватели вмѣсто того, чтобы играть роль инквизиторовъ, т.-е. только задавать урокъ и спрашивать его, должны достигать по возможности усвоенія слѣдующаго урока учениками въ самомъ классѣ. Это правило особенно важно для низшихъ классовъ. Преподаваніе должно быть устроено такъ, чтобы домашнія занятія учениковъ сводились только къ самому необходимому, чтобы не плодилось у насъ репетиторство въ ущербъ самостоятельному развитію мальчиковъ, и чтобы ученики къ десяти часамъ вечера обязательно ложились спать. Тогда, надѣемся, не будетъ мѣста и жалобамъ на переутомленіе уча-

*) „Въ случаѣ неудовлетворительности какой-либо письменной работы на окончательномъ испытаніи, экзаменующійся не лишается права быть допущеннымъ къ установленному устному испытанію, и окончательное заключеніе о немъ дѣлается на основаніи обнаруженныхъ имъ познаній какъ на письменныхъ, такъ и на устныхъ испытаніяхъ". (Предложеніе г. Министра Н. П. отъ 28 апр. 1885 г. за № 5196).

щагося юношества; по крайней мѣрѣ эти жалобы потеряютъ свой острый характеръ по отношенію къ школѣ. А рядомъ со школою, какъ извѣстно, на подрастающее поколѣніе вліяетъ семья, вообще домашняя и общественная среда.

Теперь перейду къ вопросу о программахъ собственно историческихъ.

II.

О правильной постановкѣ историческаго курса.

Выше я упомянулъ о сѣтованіяхъ, которыя иногда слышатся по поводу яко бы недостаточнаго числа уроковъ для русскаго языка. Нѣчто подобное я долженъ повторить и о той тенденціи, которая старается въ курсѣ классической гимназіи дать Отечественной исторіи не только преобладающее, но и почти исключительное мѣсто по отношенію къ исторіи вообще. Тенденція сія особенно нападаетъ на элементарный курсъ исторіи и желаетъ совсѣмъ устранить изъ него Всеобщую исторію, оставивъ только Русскую. Я не могу признать подобное желаніе патріотичнымъ. Что годится для народныхъ, вообще низшихъ школъ, по условіямъ которыхъ преподаваніе ограничивается небольшими отрывочными разсказами изъ Отечественной исторіи—то не можетъ быть примѣняемо къ такому обще и серьезно образовательному заведенію, какъ осьмиклассная гимназія. Ея задача заключается въ томъ, чтобы воспитанники пріобрѣтали возможно болѣе основательное и гуманитарное развитіе; чтобы объ отечествѣ своемъ они получали возможно полныя и ясныя представленія и свѣдѣнія; чтобы патріотизмъ ихъ развивался сознательно, на твердой научной почвѣ.

А развѣ всего этого можно достигнуть безъ знакомства съ исторіей другихъ народовъ?

Есть и такое мнѣніе, что въ элементарномъ курсѣ, кромѣ Русской исторіи, можно пожалуй допустить разсказы изъ исторіи Грековъ и Римлянъ, имѣя въ виду преподаваніе древнихъ языковъ или собственно раннее чтеніе древнихъ авторовъ, въ родѣ Корнелія Непота. Дѣйствительно, пониманіе этихъ авторовъ было бы очень затруднительно безъ знакомства съ Грекоримской исторіей, и трудно себѣ представить классическую школу безъ своевременнаго знакомства съ этой исторіей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ ставить исторію въ такое подчиненное, служебное положеніе; не слѣдуетъ забывать, что она имѣетъ и свои собственныя задачи и свое самостоятельное значеніе, какъ необходимый

предметъ общаго образованія. Пренебреженіе исторіей новыхъ культурныхъ народовъ можетъ вредно отозваться на общемъ развитіи и образованіи учащагося юношества. Куда же пріурочитъ ученикъ прошлое своего отечества и какое мѣсто дастъ онъ ему въ ряду другихъ народовъ, будучи совсѣмъ незнакомъ съ ихъ исторіей? А мѣсто, занимаемое Русскимъ народомъ во Всемірной исторіи, совсѣмъ не такое, чтобы мы предпочитали его игнорировать; напротивъ, оно должно быть предметомъ нашей національной гордости. Если русскій мальчикъ изъ Русской и Всемірной исторіи узнаетъ, что главные культурные народы опередили насъ на поприщѣ наукъ, искусствъ, промышленности и т. п., то это должно возбудить въ немъ желаніе, чтобы Русскій народъ сравнялся на этомъ поприщѣ съ другими европейцами, не теряя основныхъ чертъ своей національности и своей государственности, т.-е. не утрачивая своего особаго русскаго типа. И это будетъ патріотизмъ сознательный, просвѣщенный. И Китайцы хорошо знаютъ свою собственную исторію, но они не знаютъ исторіи европейскихъ и вообще другихъ культурныхъ народовъ, чѣмъ въ значительной степени поддерживается ихъ отсталость. Но столкновенія съ Европейскимъ міромъ необходимо заставятъ и ихъ изучать Всемірную исторію. Мы же въ такой необходимости давно находимся.

Наши противники возразятъ намъ, что такъ наз. Среднюю и Новую исторію они не исключаютъ совершенно изъ гимназическихъ программъ; только относятъ ихъ къ старшему или систематическому курсу исторіи. Но я ратую за то, чтобы за ними были оставлены полныя права гражданства, т.-е. ратую за существующее распредѣленіе историческихъ курсовъ, за ту систему, которая имѣетъ уже за себя продолжительный опытъ и на практикѣ не только не обнаружила какихъ-либо неудобствъ, но и оказалась наиболѣе цѣлесообразною. По существующимъ планамъ элементарный курсъ Всеобщей и Русской исторіи отнесенъ къ III и IV классамъ гимназіи, что совершенно подходитъ и къ степени развитія учениковъ, т.-е. 12—14-лѣтнихъ мальчиковъ, и къ другимъ главнымъ условіямъ общаго историческаго курса. Эти классы собственно прогимназическіе, и мы въ правѣ ожидать, чтобы хотя по нѣкоторымъ предметамъ они давали нѣсколько законченныя свѣдѣнія для тѣхъ, кто не пройдетъ полнаго курса или не дойдетъ до старшихъ классовъ, слѣдовательно—для многихъ. А главное, предварительный элементарный курсъ весьма важенъ для самихъ старшихъ классовъ.

Удовлетворительное знакомство съ элементарнымъ курсомъ Всеобщей исторіи должно весьма облегчать ученикамъ усвоеніе старшаго, болѣе

подробнаго и болѣе систематическаго курса. Такое положеніе можно выводить и a priori. Я же провѣрялъ его на практикѣ, и оно оказалось совершенно вѣрно. Лучшіе преподаватели сообщали мнѣ, что элементарнымъ курсомъ они особенно дорожатъ, что онъ безъ затрудненія усвоивается мальчиками, при ихъ еще свѣжей и болѣе или менѣе хорошей памяти; что потомъ онъ оказываетъ имъ большую пользу, т.-е. навсегда остается имъ подспорьемъ при разныхъ занятіяхъ, особенно при чтеніи; что въ старшихъ классахъ имъ уже легко справляться съ болѣе подробными курсами. Впослѣдствіи подробности могутъ изгладиться, но элементарный курсъ прочно осаживается въ головѣ и, можно сказать, на всю жизнь служитъ общей исторической схемой для массы образованной публики.

Отсюда само собою вытекаетъ слѣдующее. Напрасно нѣкоторые предлагаютъ элементарный курсъ исторіи обратить въ разсказы и бесѣды легкаго свойства, долженствующіе служить предметомъ не столько ученія и труда, сколько развлеченія. И если данный курсъ не вездѣ приносилъ надлежащіе плоды, то благодаря именно подобнаго рода ошибочному пріему. Нѣтъ, хотя курсъ этотъ долженъ быть по возможности упрощенъ и облегченъ, тѣмъ не менѣе онъ въ основѣ своей долженъ быть серьезно обдуманъ и систематиченъ, какъ и все, что преподается въ классической школѣ. Только при этомъ условіи и только при хорошемъ его усвоеніи учениками, онъ получаетъ подобающее ему мѣсто въ ряду гимназическихъ предметовъ преподаванія.

Итакъ, существующую систему двухъ концентрическихъ курсовъ исторіи въ гимназіи я рѣшительно считаю наиболѣе цѣлесообразною и наиболѣе удобною. Измѣнять ее, подъ видомъ исправленія, значило бы портить. И приблизительно лѣтъ черезъ 10—12, когда вполнѣ обнаружатся неудобства перемѣны, пришлось бы вновь пересматривать учебные историческіе планы и программы. Я говорю собственно объ общемъ распредѣленіи учебнаго историческаго матеріала въ гимназіяхъ или о рамкахъ. Но не касаюсь теперь нѣкоторыхъ желательныхъ улучшеній внутри этихъ рамокъ, т.-е. не разсматриваю существующія программы въ ихъ подробностяхъ и самые методы преподаванія, преимущественно по отношенію къ курсу старшаго возраста. О томъ достаточно распространялся въ свое время по разнымъ поводамъ. Интересующихся отсылаю къ собранію своихъ статей о преподаваніи исторіи (*Мелкія Сочиненія.* М. 1888 г.). А настоящей своей замѣткой желалъ бы обратить серьезное вниманіе въ особенности на значеніе элементарнаго курса исторіи въ русской классической школѣ.

Прибавлю два слова по поводу исторіи древняго Востока. Въ существующихъ программахъ ей отводится небольшое мѣсто только въ курсѣ элементарномъ, а въ старшемъ она совсѣмъ пропущена. Это замѣтный пробѣлъ, который желательно было бы пополнить, если не въ V классѣ, гдѣ собственно проходится Древняя Исторія, то въ VIII, при ея повтореніи. Неудобно было бы молодому человѣку, окончившему полный курсъ классической гимназіи, не имѣть никакого понятія, напримѣръ, о тѣхъ громадныхъ успѣхахъ, которые за послѣднюю эпоху сдѣлали египтологія и ассиріологія, тогда какъ имѣющая съ ними тѣсныя связи Ветхозавѣтная исторія проходится довольно подробно и составляетъ особый предметъ преподаванія.

Москва. 1890. Мартъ.

III.

Къ вопросу о классической школѣ *).

Страшно становится за судьбы русскаго просвѣщенія, а слѣдовательно и за судьбы самой Россіи, когда подумаешь, что такой первостепенной важности вопросъ, какъ среднеучебная школа, можетъ быть по нѣскольку разъ рѣшаемъ и перерѣшаемъ то въ ту, то въ другую сторону въ теченіе какого-либо полустолѣтія, смотря по разнымъ теченіямъ или по различному настроенію въ сферахъ общественныхъ и руководящихъ. Школа принадлежитъ къ такимъ же устоямъ общества и государства какъ церковь, правительство, и т. п. Частыя колебанія въ этой отрасли могутъ также вредно отражаться на всемъ государственномъ организмѣ. Поэтому въ высшей степени прискорбною является попытка противниковъ классической школы намѣченную Верховною властію задачу объ улучшеніи ея условій, объ ея упроченіи въ Россіи обратить въ средство къ ея искаженію и подрыву.

Въ своей недавно изданной брошюрѣ (*По поводу пересмотра гимназическихъ программъ*) мы указали, какія именно желательны и вполнѣ возможны улучшенія въ нашей классической школѣ безъ ея ломки и перетасовки. Повторяемъ, облегченіе и улучшеніе должны заключаться не въ замѣтномъ уменьшеніи количества часовъ, отводимыхъ на древніе языки, а въ лучшихъ методахъ и пріемахъ преподаванія, равно въ удовлетворительномъ русскомъ составѣ самихъ преподавателей и руководителей

---

*) Московск. Вѣдом. 1890. № 119.

педагоговъ. Тутъ никакого другого болѣе цѣлесообразнаго средства нѣтъ, и никто его не изобрѣтетъ. Наибольшая концентрація учебныхъ занятій на извѣстныхъ предметахъ для серьезнаго подготовленія къ высшему гуманитарному образованію есть такое необходимое условіе, отрицать которое невозможно. А разъ европейская наука уже выработала весь этотъ сложный учебный механизмъ, намъ остается только пользоваться ея вѣковыми опытами и выводами.

Развѣ не бросается въ глаза то обстоятельство, что уровень образованности въ разныхъ странахъ Европы какъ разъ совпадаетъ съ большимъ или меньшимъ развитіемъ классической школы? Безо всякаго сомнѣнія, Германія настоящимъ столь высокимъ уровнемъ своей культуры обязана тому, что въ послѣднее столѣтіе она строже другихъ странъ проводила классическую систему въ своей средней школѣ. А мы должны брать примѣръ съ нашего ближайшаго сосѣда и естественнаго антагониста, то есть съ Германіи. Нѣтъ также сомнѣнія, что лучшія черты нѣмецкой интеллигенціи, основательность и выдержка (Gründlichkeit und Ausdauer), выработались въ непосредственной связи съ классическою школой. А въ развитіи именно этихъ чертъ и нуждается даровитая русская натура.

Нѣмецкіе пріемы и нѣмецкіе учебники, съ Нѣмцами руководителями включительно, не въ русскомъ вкусѣ. Но что же дѣлать? Пока выработаемъ свое собственное лучшее, надобно пользоваться чужимъ хорошимъ. Приведу въ примѣръ нашу армію. Еще недавно раздавались у насъ жалобы на антипатичную для русскихъ людей нѣмецкую муштровку. Однако, мы прошли эту нелегкую школу, и въ результатѣ получили превосходную армію. Отнимите пріобрѣтенныя ею выправку и стройность, и вы получите опять нескладныя московскія ополченія, которымъ такъ трудно было бороться въ открытомъ полѣ съ западными не особенно сильными сосѣдями. Теперь наше военное дѣло стоитъ на собственныхъ ногахъ и можетъ вырабатывать свои собственные національные пріемы и средства на общей европейской основѣ. Подобная же выправка нужна и для русскихъ умственныхъ силъ, чтобы получить строго логичный складъ и достигнуть полной самостоятельности въ сферѣ науки и мысли.

Напрасно думаютъ нѣкоторые, что для нашей среднеучебной школы достаточно воротиться къ тѣмъ размѣрамъ классицизма, которые она получила во времена министра графа Уварова. Нѣтъ, это невѣрно. Такіе размѣры были приблизительно достаточны только для начала, а затѣмъ они подлежали дальнѣйшему развитію и усиленію, что, безъ сомнѣнія, и произошло бы, если бы не школьный погромъ 1849 года. Но

весьма важно, что даже и при этихъ слишкомъ скромныхъ размѣрахъ наши гимназіи сороковыхъ годовъ дали значительный толчокъ русскому просвѣщенію. Чего же можно было бы ожидать если бъ онѣ неуклонно продолжали идти и развиваться далѣе?

У меня мало надежды убѣдить многочисленныхъ упорныхъ противниковъ классической школы. Область софизмовъ и всякихъ натяжекъ въ подобныхъ вопросахъ не трудна и обширна. Въ помянутой выше моей брошюрѣ я ратую, между прочимъ, за сохраненіе элементарнаго го курса Всеобщей Исторіи въ гимназической программѣ. Кажется, привожу вѣскіе доводы, практическіе и теоретическіе. Однако, и въ этой столь очевидной частности я встрѣтился съ упорнымъ нежеланіемъ обратить на нее должное вниманіе.

Относительно классической школы, къ счастію для русскаго просвѣщенія, въ Россіи есть Верховная, никѣмъ не стѣсняемая, власть, къ которой русскіе люди обращаются со своими упованіями и отъ которой ждутъ спасенія всему благому въ трудныя минуты всякихъ вѣяній и колебаній.

Москва, 1 мая 1890.

Рязанскіе этюды *).

Недавно, роясь въ своей библіотекѣ, я случайно нашелъ тетрадку, которую давно считалъ утраченною и о которой успѣлъ забыть. На заглавномъ листѣ ея написано слѣдующее: «*Краткій историческій очеркъ полустолѣтняго существованія Рязанской гимназіи, приготовленный для торжественнаго акта*. Составленъ старшимъ учителемъ и секретаремъ совѣта. Д. Иловайскимъ». Въ концѣ подписано: 1856 годъ, 20 декабря.

Сей очеркъ лично для меня памятенъ, какъ мой первый самостоятельный опытъ исторіографическаго труда. Незадолго предъ тѣмъ, по окончаніи университетскаго курса, я поступилъ на службу въ Рязанскую гимназію. На меня, какъ на младшаго члена, педагогическій совѣтъ тотчасъ возложилъ обязанности своего секретаря; а затѣмъ поручилъ мнѣ составить означенный очеркъ по поводу истекшаго полустолѣтія гимназіи. Порученная работа была вскорѣ мною исполнена; при чемъ я воспользовался тѣмъ небогатымъ матеріаломъ, который заключался въ гимназическомъ архивѣ. Относительно вышеприведеннаго выраженія «старшій учитель», напомню, что предметы тогда раздѣлялись

*) „Русское Обозрѣніе“ 1893. № I.

на старшіе и младшіе; исторія была отнесена къ старшимъ. Надѣюсь, что по своему небольшому объему мой очеркъ не затруднитъ читателей; а потому рѣшаюсь напечатать его, именно, какъ свою первую исторіографическую работу, при томъ не лишенную мѣстнаго значенія для извѣстнаго края. Печатаю очеркъ безъ перемѣнъ съ нѣсколько приподнятымъ, соотвѣтствовавшимъ назначенію, тономъ.

Эта найденная случайно тетрадка вызвала у меня цѣлую вереницу воспоминаній о прошломъ, воспоминаній отчасти личнаго, отчасти общественнаго характера. Изъ нихъ выбираю одну страницу или одинъ эпизодъ, который предметомъ своимъ имѣетъ мое посѣщеніе города Рязани вообще и Рязанской гимназіи въ частности въ 1881 году.

I.

Первое полустолѣтіе Рязанской гимназіи.

Всѣмъ извѣстно, что императоръ Александръ Благословенный учрежденіемъ особеннаго министерства для народнаго просвѣщенія 24 января 1803 года отдѣлилъ эту часть отъ другихъ отраслей государственнаго благоустройства. Такая мѣра много способствовала еще болѣе стройному и широкому примѣненію началъ европейскаго образованія къ воспитанію русскаго юношества. Вслѣдъ за тѣмъ главныя народныя училища, учрежденныя въ губернскихъ городахъ при Екатеринѣ II, были преобразованы въ гимназіи, а малыя училища въ уѣздныя; кромѣ того, значительно улучшены средства для ихъ содержанія и увеличенъ самый объемъ преподаванія.

Въ Рязани торжественное открытіе гимназіи произошло 1804 года 27 ноября. Этотъ достопамятный для насъ день, по русскому обычаю, начался усердными молитвами. Послѣ божественной литургіи, совершенной архіепископомъ Амвросіемъ, учителя, ученики и вся рязанская публика собрались въ залу Благороднаго собранія, гдѣ произведенъ былъ актъ подъ предсѣдательствомъ его высокопреосвященства и господина гражданскаго губернатора Димитрія Семеновича Шишкова. Рѣчи, произнесенныя при этомъ случаѣ, вполнѣ соотвѣтствовали современнымъ обстоятельствамъ; а именно, говорили о томъ, какое вліяніе имѣютъ науки на благосостояніе гражданскаго общества, о плодахъ просвѣщенія, о воспитаніи дѣтей и проч. Не былъ упущенъ изъ виду и другой обычай нашихъ предковъ: не только успѣшное окончаніе, но и начинаніе добраго дѣла сопровождать веселымъ пиромъ. Послѣ акта начальникъ губерніи угощалъ у себя цвѣтъ Рязанскаго общества, а вечеромъ былъ

театръ и ужинъ у господина коллежскаго совѣтника и кавалера Гаврила Васильевича Рюмина. Кромѣ того, сочувствіе къ наукамъ выразилось при этомъ случаѣ и болѣе существеннымъ образомъ: губернскій предводитель дворянства Левъ Дмитріевичъ Измайловъ вмѣстѣ съ Гавриломъ Васильевичемъ Рюминымъ пожертвовали 800 рублей на основаніе гимназической библіотеки.

Во время открытія гимназіи директоромъ рязанскихъ училищъ былъ Андрей Ивановичъ Толстой. Вскорѣ потомъ онъ получилъ увольненіе по своей просьбѣ, и мѣсто его заступилъ Михаилъ Ивановичъ Клечановскій. По представленіямъ послѣдняго, рязанскіе дворяне, собравшіеся на выборы въ 1805 году, купили у г-жи Кузнецовой тотъ самый домъ, который извѣстенъ теперь подъ именемъ Старой гимназіи. Дворянство не ограничилось упомянутою суммой и внесло сверхъ того 29.000 рублей на перестройку и болѣе изящную отдѣлку зданія. Эта перестройка каменнаго корпуса и разныя прибавленія къ нему окончены уже въ 1815 году.

Между послѣдующими событіями въ исторіи нашего заведенія до 1833 года самое пріятное воспоминаніе оставили по себѣ два Высочайшія посѣщенія, которыхъ оно удостоилось.

Городъ Рязань, называвшійся прежде Переяславлемъ, очень рѣдко пользовался счастіемъ видѣть въ своихъ стѣнахъ Всероссійскихъ самодержцевъ. Сохранилось только преданіе, будто Іоаннъ Грозный, путешествуя водой въ Казань, заѣзжалъ, между прочимъ, и въ Переяславль-Рязанскій. Потомъ, въ 1695 году, Петръ Великій, отправляясь въ Азовскій походъ, останавливался противъ Переяславля въ судахъ на Окѣ, и тамъ благоволилъ принять поздравленіе отъ города. Слѣдовательно, Александръ Благословенный первый изъ императоровъ Русскихъ удостоилъ нашъ городъ своимъ присутствіемъ въ 1819 году. Впрочемъ, обозрѣніе гимназіи совершено было Государемъ уже въ третій проѣздъ его черезъ Рязань. Это событіе со всѣми подробностями записано было въ лѣтописи нашего заведенія. Извлекаемъ оттуда нѣсколько интересныхъ эпизодовъ.

Въ 1824 году, 24 августа, въ началѣ третьяго часа пополудни, Его Императорское Величество, въ сопровожденіи генералитета и многихъ чиновниковъ, изволилъ прибыть въ Рязанскую гимназію. Директоръ училищъ Иванъ Михайловичъ Татариновъ встрѣтилъ Государя у крыльца. Въ парадномъ коридорѣ ожидали Его Величество семейства учителей гимназіи съ дѣтьми, одѣтыми въ русскія платья. Государь пріостановился и спросилъ у директора: «Что это значитъ»? Директоръ

отвѣчалъ, что «семейства, живущихъ въ домѣ гимназіи, желаютъ также быть участниками въ нашемъ торжествѣ». Государь изволилъ благосклонно поклониться имъ, а дѣти изъ корзинокъ цвѣтами усыпали путь Его Величеству. Послѣ того директоръ предшествовалъ Государю въ залъ гимназіи и здѣсь представилъ ему чиновниковъ и учениковъ гимназіи; потомъ подалъ стихи, сочиненные учителемъ Милашевичемъ на прибытіе Государя въ Рязань; а учитель рисованія Кирилловъ поднесъ Его Величеству, написанное имъ, изображеніе Св. Фамиліи. Государь благосклонно принялъ, съ милостивымъ вниманіемъ разспрашивалъ о состояніи заведенія, осмотрѣлъ также кабинеты естественный и физическій. Выходя изъ гимназіи, онъ остановился и сказалъ директору: «Мнѣ очень пріятно изъявить вамъ совершенную мою благодарность за устройство ввѣренной вамъ части».

Спустя восемь лѣтъ, а именно въ 1832 году, блаженной памяти Государь императоръ Николай I, будучи въ Рязани, также удостоилъ своимъ посѣщеніемъ нашу гимназію. 19 сентября, прибывши въ 8 часовъ утра, Его Величество изволилъ обозрѣвать классы гимназіи, въ которыхъ преподаваніе происходило въ то время обыкновеннымъ порядкомъ. Государь обратилъ благосклонное вниманіе на всѣ хозяйственныя и учебныя подробности заведенія, и въ заключеніе спросилъ директора, есть ли при гимназіи пансіонъ и по старому, или по новому уставу она образована? На что директоръ отвѣчалъ Его Величеству, что хотя теперь пансіона при гимназіи нѣтъ, но за учебною и нравственною стороной учениковъ имѣется особый надежный надзоръ; а касательно устройства гимназіи доложилъ, что образованіе ея старое. Извѣстно, что нѣсколько лѣтъ прежде, именно въ уставѣ для учебныхъ заведеній, отъ 8 декабря 1828 года, Государь Императоръ ясно высказалъ свое желаніе объ учрежденіи благородныхъ пансіоновъ при гимназіяхъ. Вотъ самыя слова устава въ §§ 239 и 240: «Дабы живущимъ въ губерніяхъ дворянамъ и чиновникамъ доставить средства прилично воспитывать дѣтей безъ значительныхъ на то издержекъ, учреждаются при гимназіяхъ пансіоны. На заведеніе и содержаніе сихъ пансіоновъ опредѣляются суммы отъ добровольно дѣлаемыхъ для сего приношеній и отъ установляемой за воспитанниковъ платы».

Съ того времени директоръ училищъ Николай Николаевичъ Семеневъ ревностно принялся за это дѣло, ободряемый совѣтами товарища министра народнаго просвѣщенія (графа) Сергѣя Семеновича Уварова. Онъ обратился къ дворянскому сословію Рязанской губерніи, и въ запискѣ отъ 4 декабря 1832 года, приглашая его къ выполненію Высочайшей

воли, изложилъ свои мысли относительно средствъ и устройства предполагаемаго заведенія. Въ отвѣтъ на это приглашеніе губернскій предводитель дворянства г. Ракитинъ, по совѣту съ уѣздными предводителями и депутатами, рѣшился представить мысли господина директора на разсужденіе всему благородному сословію, собравшемуся на выборы, что и было имъ исполнено. Доброе дѣло, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтило теплое сочувствіе. Нельзя однако сказать, чтобы оно удалось безъ затрудненій. Въ главномъ, то-есть, въ необходимости учредить пансіонъ всѣ были согласны; но явились различные взгляды на самую организацію заведенія и на тѣ цѣли, которыхъ оно должно достигать. Наконецъ послѣ двухнедѣльныхъ преній дворянство 21 января 1833 года утвердило актъ объ учрежденіи благороднаго пансіона при Рязанской гимназіи. Нѣкоторыя положенія этого акта, впрочемъ, подверглись измѣненію со стороны министерства Народнаго просвѣщенія, потому что не были согласны съ упомянутымъ уставомъ объ учебныхъ заведеніяхъ. При этомъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что главною основой новаго учрежденія послужилъ подвигъ Николая Гавриловича Рюмина, который въ томъ же 1833 году началъ свое непрерывное, прекрасное служеніе въ званіи почетнаго попечителя гимназіи. Онъ пожертвовалъ въ пользу пансіона большой каменный домъ, представлявшій великолѣпное помѣщеніе для воспитанниковъ, и 25,000 руб. на первоначальное устройство. 6 декабря послѣдовало торжественное открытіе Рязанскаго благороднаго пансіона. Съ того времемени этотъ день ежегодно сопровождается благодарнымъ молебствіемъ въ пансіонскомъ залѣ.

1833 годъ начинаетъ собою вторую половину полустолѣтняго существованія нашей гимназіи. Увеличенная въ своихъ размѣрахъ, она теперь могла имѣть болѣе широкое и, слѣдовательно, болѣе благодѣтельное примѣненіе своихъ началъ къ дѣлу воспитанія.

Въ этой второй половинѣ особенно памятно для насъ посѣщеніе Рязанской гимназіи Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ престола, въ настоящее время нашимъ возлюбленнымъ государемъ, Александромъ Николаевичемъ. 16-го августа 1837 года Его Высочество въ сопровожденіи многихъ особъ своей свиты обошелъ всѣ классы гимназіи и обозрѣлъ всѣ ея подробности. Яковъ Полонскій, тогда еще ученикъ VII класса, а теперь извѣстный русскій поэтъ, сочинилъ стихи на случай прибытія Его Высочества. Эти стихи поднесены были Государю Наслѣднику его почтеннымъ наставникомъ, въ то время уже знаменитымъ ветераномъ русской поэзіи, Василіемъ Андреевичемъ

Жуковскимъ, и счастливый юноша удостоенъ былъ всемилостивѣйшей награды. При осмотрѣ заведенія Его Высочество неоднократно изъявлялъ благодарность господину директору; а предъ отъѣздомъ своимъ двукратно повторилъ незабвенныя для Рязанской гимназіи слова: «Я на пути своемъ не видалъ еще подобной гимназіи».

Въ 1843 году нашему заведенію даровано было право выпускать своихъ воспитанниковъ въ университетъ безъ вторичнаго испытанія. Въ 1845 году совѣтъ гимназіи отъ 24 генваря учредилъ третныя цензуры, которыя состоятъ въ томъ, что предъ роспускомъ учениковъ на зимнюю и лѣтнюю ваканцію, и на Свѣтлую недѣлю, послѣ предварительнаго совѣщанія начальниковъ и преподавателей, въ собраніи всѣхъ учащихся объявляется мнѣніе совѣта о каждомъ классѣ вообще, а въ частности объ ученикахъ, заслуживающихъ похвалу или порицаніе; въ заключеніе принимаются мѣры къ исправленію неуспѣшныхъ и неблагонравныхъ. Въ то же время для именъ отличившихся прекрасными успѣхами и поведеніемъ въ продолженіе всего гимназическаго курса учреждена была золотая доска. Эти мѣры до сихъ поръ продолжаютъ приносить свои плоды, постоянно поддерживая благородное соревнованіе между воспитанниками. Въ слѣдующемъ 1846 году два низшіе класса гимназіи, въ которыхъ преподаваніе по многочисленности учениковъ представляло неудобства, раздѣлены были на два отдѣленія—гимназическое и пансіонское; впослѣдствіи то же самое сдѣлано было и съ третьимъ классомъ. Въ 1849 году гимназическій курсъ дополненъ преподаваніемъ законовѣдѣнія; а въ 1852 вмѣсто греческаго языка, какъ и въ прочихъ гимназіяхъ, введены были естественныя науки.

Если обратить вниманіе на количество учащихся въ Рязанской гимназіи, то въ первый годъ ея существованія въ ней считалось 52 воспитанника. Это число потомъ постоянно возрастало съ небольшими колебаніями, и въ началѣ 1833 года оно составляло цифру 261, а въ концѣ этого года, то-есть послѣ учрежденія пансіона возрасло до 318. Въ слѣдующіе года оно нѣсколько понизилось, а съ 1843 опять начало подниматься. Въ настоящее время всѣхъ учениковъ считается 312, изъ нихъ 84 пансіонера.

Средняя цифра выпуска за послѣднее десятилѣтіе колеблется между 12 и 20. При этомъ случаѣ съ особеннымъ удовольствіемъ можно упомянуть о послѣднемъ выпускѣ въ текущемъ 1856 году: изъ семнадцати молодыхъ людей, окончившихъ курсъ, четверо отличнѣйшихъ удостоены были награды золотою медалью, вмѣсто одного обычнаго эминента.

Учебныя пособія гимназіи находятся въ очень удовлетворительномъ

состоянiи. Фундаментальная библiотека имѣетъ до 1.300 названiй и болѣе 3.000 томовъ. Физическiй кабинетъ представляетъ всѣ необходимыя принадлежности для производства опытовъ; а минералогическiй состоитъ изъ 855 NN. минераловъ и 115 NN раковинъ.

Что касается до начальниковъ гимназiи, здѣсь первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ господину почетному попечителю Николаю Гавриловичу Рюмину. Вотъ уже почти четверть столѣтiя, какъ онъ съ честiю занимаетъ этотъ важный постъ и своими многократными пожертвованiями вполнѣ прiобрѣлъ названiе благотворителя нашего заведенiя. Ему, какъ извѣстно, принадлежитъ слава быть основателемъ благороднаго пансiона. Потомъ слѣдуетъ господинъ директоръ Ѳ. И. Шилингъ. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ онъ началъ свою службу при нашемъ заведенiи въ качествѣ инспектора; а въ 1845 году вступилъ въ управленiе дирекцiей и занялъ десятое мѣсто въ ряду директоровъ, бывшихъ отъ основанiя гимназiи. Третье мѣсто занимаетъ С. Н. Мацѣйовскiй, который въ 1838 году опредѣленъ сюда старшимъ учителемъ математики, и послѣ шестнадцатилѣтняго добросовѣстнаго исполненiя своихъ обязанностей въ настоящемъ 1856 году назначенъ инспекторомъ нашей гимназiи.

Гг. преподаватели большею частiю питомцы Московскаго университета. Между ними были прежде и теперь найдутся такiе, которые первоначальнымъ образованiемъ своимъ обязаны той же самой Рязанской гимназiи. Всѣ они по мѣрѣ своихъ силъ стараются пересадить сѣмена науки на юную, нетронутую почву возрастающаго поколѣнiя. Но главное, особенное вниманiе въ трудномъ дѣлѣ воспитанiя, безъ сомнѣнiя, обращается на нравственныя начала; на то, чтобы заранѣе прiучить молодыхъ людей къ строгому исполненiю своихъ обязанностей,—къ той добросовѣстности, на которой покоится благосостоянiе всякаго образованнаго общества. Смѣемъ надѣяться при этомъ, что уже многiе молодые люди, окончившiе полный курсъ наукъ въ Рязанской гимназiи, принесли съ собою на служебное поприще прекрасное нравственное направленiе и достойнымъ образомъ оправдали усилiя наставниковъ. И въ настоящее время гимназiя между ея питомцами считаетъ довольное количество такихъ, которые обѣщаютъ впослѣдствiи поравняться со своими старшими товарищами.

Рязань, 1856 года 20 декабря.

II.

Мое не совсѣмъ удачное посѣщеніе города Рязани.

Въ августѣ 1881 года я изъ Москвы отправился на Тифлисскій археологическій съѣздъ. Городъ Рязань стоялъ на пути. Прошло уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ я покинулъ этотъ городъ, и съ тѣхъ поръ въ немъ не былъ. Думаю, нехорошо проѣхать мимо: тутъ я учился, и прошелъ полный гимназическій курсъ, тутъ же потомъ учительствовалъ и написалъ свой первый ученый трудъ или магистерскую диссертацію, посвященную мѣстной исторіи (*Исторія Рязанскаго княжества*); для чего, между прочимъ, предпринималъ пѣшеходное путешествіе по Рязанскому краю. (Очеркъ сего путешествія перепечатанъ изъ *Московскихъ Вѣдомостей* 1857 года въ первой части *Мелкихъ Сочиненій*). Рѣшилъ на сутки заѣхать и посѣтить родную гимназію.

Былъ уже вечеръ, когда я пришелъ въ столь знакомое мнѣ зданіе гимназическаго пансіона. Въ нижнемъ этажѣ сего зданія и я когда-то обиталъ. Въ томъ же этажѣ помѣщалась теперь директорская квартира. Директора не нашелъ дома. Спрашиваю объ инспекторѣ; говорятъ, что въ настоящую минуту находится въ пансіонѣ. Поднимаюсь на верхъ и вызываю его въ пріемную комнату. Инспекторъ оказался изъ учителей математики; а директоръ изъ преподавателей древнихъ языковъ и вмѣстѣ изъ австрійскихъ Славянъ. Высказанное мною желаніе на слѣдующій день посѣтить гимназію нѣсколько смутило инспектора. Видя, что онъ затрудняется, я поспѣшилъ сообщить ему, что имѣю на то оффиціальное разрѣшеніе отъ начальства Московскаго учебнаго округа. И дѣйствительно, какъ бы предчувствуя затрудненія, я передъ отъѣздомъ озаботился на всякій случай запастись таковымъ разрѣшеніемъ. Инспекторъ взялъ у меня бумагу и обѣщалъ передать директору о моемъ желаніи.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что въ Рязани еще живутъ двое или трое изъ моихъ старыхъ знакомыхъ, которыхъ и вздумалъ розыскать. Между ними первое мѣсто занималъ мой гимназическій учитель исторіи г. Р., занимавшій теперь мѣсто управляющаго акцизными сборами. Онъ жилъ въ собственномъ домѣ, гдѣ-то на окраинѣ города, и г. инспекторъ любезно вызвался отправиться къ нему со мною вмѣстѣ.

Приходимъ. Несмотря на годы, по наружности Р. мало измѣнился,— все такой же высокій, худощавый и мягкій въ обращеніи. Замѣчаю, однако, что внезапное появленіе когда-то бывшаго любимаго ученика

не особенно обрадовало хозяина. Никакихъ спросовъ и разговоровъ. Очевидно я попалъ не совсѣмъ кстати, на какія-то музыкальныя упражненія или на приготовленія къ концерту. Тутъ оказался одинъ помѣщикъ со своею приблизительно двѣнадцатилѣтнею дочерью, которая на слѣдующій день должна была участвовать въ публичномъ концертѣ. Помѣщикъ сей не преминулъ сообщить мнѣ о ея необыкновенныхъ музыкальныхъ способностяхъ. Тутъ же былъ и ея учитель музыки, молодой человѣкъ, котораго хозяинъ отрекомондовалъ мнѣ артистомъ, подающимъ чрезвычайныя надежды, и чуть ли не ученикомъ самого Листа, который предсказалъ ему блестящую будущность.

Началось разыгрываніе разныхъ пьесъ и въ двѣ, и въ четыре руки. Ничего необыкновеннаго въ игрѣ я не нашелъ, и, будучи вообще противникомъ слишкомъ ранняго появленія дѣтей на публичной сценѣ, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на дѣвочку, какъ на жертву родительскаго тщеславія. Поскучавъ такимъ образомъ часа два, я сталъ прощаться. Узнавъ, что на слѣдующій день я уѣзжаю съ послѣобѣденнымъ шестичасовымъ поѣздомъ, помѣщикъ уговаривалъ меня остаться до ночнаго трехчасоваго поѣзда, чтобы не пропустить концерта его дочери!

Что сдѣлалось съ Р., который на старости лѣтъ превратился въ отчаяннаго меломана и, повидимому, индифферентно относится ко всему остальному?—размышлялъ я дорогой. — Неужели акцизъ повліялъ на него въ эту сторону? Или заѣла среда?—какъ принято у насъ выражаться.

Припомнилось мнѣ другое время. Именно 1857—8 годы, когда по субботнимъ вечерамъ небольшой кружокъ мѣстныхъ интеллигентовъ собирался у просвѣщеннаго губернскаго предводителя дворянства А. В. Селиванова, и съ увлеченіемъ предавался бесѣдѣ о выдающихся литературныхъ явленіяхъ и начинавшихся общественныхъ реформахъ, особенно о предстоящей эманципаціи крестьянъ. Р., тогда занимавшій мѣсто губернскаго прокурора, былъ однимъ изъ усердныхъ членовъ этого кружка; онъ же меня съ нимъ и познакомилъ. Изъ другихъ членовъ его припоминаю жандармскаго полковника (если не ошибаюсь, Ивашенцева), а также брата хозяина В. В. Селиванова, въ то время совѣтникъ Палаты Государственныхъ Имуществъ, извѣстнаго своими очерками изъ сельскаго быта, озаглавленными «Годъ русскаго земледѣльца». Не малое оживленіе этимъ вечерамъ предавалъ вице-губернаторъ М. Е. Салтыковъ, только что прославившійся тогда подъ псевдонимомъ Щедрина своими «Губернскими очерками». Его своеобразная манера рѣчи и подчасъ слишкомъ безыскусственное остроуміе вызывали обыкновенно веселое настроеніе.

Да, то было время замѣчательнаго общественнаго подъема и радужныхъ надеждъ. Русское общество начинало дышать полною грудью послѣ предыдущей удушливой атмосферы. Извѣстно, что Россія испытала въ чужомъ пиру похмелье. Западныя революціи 1848—9 годовъ, столь мало насъ касавшіяся, послужили толчкомъ къ такимъ мѣрамъ, которыя усугубили давленіе и безъ того суроваго режима. Многія общественныя увлеченія и правительственные промахи послѣдующаго времени могутъ быть объясняемы именно неизбѣжною реакціей противъ слишкомъ тяжелаго режима, пытавшагося подавлять всякое свободное проявленіе мысли и чувства. Нѣсколько аналогическое явленіе переживаемъ мы и въ настоящую пору. Западная Европа, по своимъ экономическимъ условіямъ, начинаетъ страдать болѣзненными соціальными явленіями. И вотъ у насъ выступаетъ цѣлый рядъ или недозрѣлыхъ, или коварныхъ мыслителей и публицистовъ, которые подъ симъ предлогомъ, стараются отвлечь Россію отъ прямого пути насущныхъ національныхъ интересовъ, а вмѣсто того пытаются занять ее призраками грознаго рабочаго вопроса и массовыхъ соціалистическихъ движеній.

Но возвратимся къ разсказу.

Поутру явился ко мнѣ гимназическій служитель съ письменнымъ извѣщеніемъ, что къ одиннадцати часамъ я могу прибыть въ гимназію. Прихожу. Послѣ краткаго разговора, директоръ, крайне сдержанный въ манерахъ и словахъ, начинаетъ молча водить меня по классамъ. Попавъ на урокъ исторіи, мы присѣли и остались тутъ нѣсколько минутъ. Преподаватель, кажется, не получившій университетскаго образованія и переведенный сюда изъ уѣзнаго училища, объяснялъ слѣдующій урокъ довольно толково, хотя нѣсколько сухо и возвышенно. Взглянувъ на употребляемыя въ сей гимназіи руководства, я отчасти понялъ, почему директоръ и учитель нѣсколько конфузились, ученики смотрѣли на меня какъ на совершенно сторонняго посѣтителя, Богъ вѣсть откуда и зачѣмъ явившагося, а я чувствовалъ себя совсѣмъ чужимъ человѣкомъ въ стѣнахъ этой, якобы родной мнѣ гимназіи. Отъ предшествовавшаго преподавателя, одного изъ моихъ преемниковъ, навѣщавшаго иногда меня въ Москвѣ, я зналъ, что онъ держался моихъ руководствъ; но не зналъ, что послѣ его смерти мои книги были совершенно устранены. Во всякой другой гимназіи я, конечно, не имѣлъ бы никакого права обратить серьезное вниманіе на сіе обстоятельство; но въ Рязанской, каюсь, оно показалось для меня чувствительнымъ. Очевидно, всякія традиціи и связи съ прошлымъ гимназіи не имѣли никакого значенія въ глазахъ ея новаго состава.

Во время большой перемѣны директоръ привелъ меня въ хорошо памятную мнѣ актовую залу, заключавшую въ себѣ и фундаментальную библіотеку, и показалъ шкапы съ книгами, завѣщанными недавно тогда умершимъ ученымъ А. Н. Поповымъ, который также былъ когда-то ученикомъ Рязанской гимназіи. Отсюда мы пришли въ учительскую комнату; но, не останавливаясь въ ней, директоръ провелъ меня далѣе въ свой отдѣльный кабинетъ. Черезъ пять минутъ я откланялся и поспѣшилъ на воздухъ, чтобы свободнѣе вздохнуть послѣ испытанной мною натяжки и чисто оффиціальнаго пріема. Въ мое время директорствовалъ Ѳ. И. Шилингъ, изъ балтійскихъ Нѣмцевъ, человѣкъ далеко не мягкій, а всѣ въ гимназіи смотрѣли какъ-то привѣтливѣе и веселѣе; болѣе вѣяло русскимъ духомъ, съ присущимъ ему добродушнымъ и вмѣстѣ патріотичнымъ настроеніемъ. Несвойственный нашему характеру австрійскій формализмъ и недостатокъ теплаго, сердечнаго отношенія къ дѣлу вмѣстѣ съ крайнимъ грамматическимъ направленіемъ учебной реформы 1871 года, несомнѣнно, уже наложили свой отпечатокъ.

Ну, думаю, теперь пойду, отведу душу бесѣдой съ своимъ старымъ пріятелемъ С., который въ мое время былъ инспекторомъ одного скромнаго заведенія, содержимаго на счетъ дворянства. Въ эпоху реформъ онъ педагогическую карьеру перемѣнилъ на юридическую, и сдѣлался однимъ изъ звѣздъ мѣстной адвокатуры. Я нашелъ его живущимъ въ въ центрѣ города, въ собственномъ уютномъ домикѣ съ садомъ, и сначала былъ принятъ радушно. Разговорились о томъ, о семъ. Я распрашивалъ о Рязани за послѣднюю эпоху. Но вотъ рѣчь склонилась на Москву. Мой собесѣдникъ разразился цѣлою филиппикой противъ московскихъ безобразій. Подъ этими безобразіями онъ разумѣлъ главнымъ образомъ извѣстную нотасовку, которую торговцы Охотнаго ряда учинили учащейся молодежи по поводу одной изъ ея антиправительственныхъ уличныхъ демонстрацій. Но самый-то верхъ безобразія, по его мнѣнію составляли статьи Каткова, въ которыхъ тотъ будто бы сочувственно отнесся къ антидемонстраціи охотнорядцевъ.

Не оправдывая вполнѣ сихъ послѣднихъ, я въ свою очередь порицалъ недостойное поведеніе той части молодежи, которая играла роль слѣпого орудія въ рукахъ злостной агитаціи и дѣйствовала заодно съ нашими врагами въ то время, когда Россія жертвовала кровью своихъ сыновъ и матеріальными своими средствами для освобожденія Балканскихъ Славянъ.

Но когда-то скромный, умѣренный либералъ, теперь усердный читатель и почитатель петербургскаго *Голоса*, С., оказался рѣшительнымъ

космополитомъ и противникомъ *узкой*, по его мнѣнію, національной точки зрѣнія. Адвокатская практика очевидно сообщила ему значительный апломбъ и развязность языка. Я скоро убѣдился, что наши воззрѣнія успѣли сильно разойтись и что онъ слишкомъ далеко ушелъ отъ меня впередъ. Видя, что обмѣнъ мыслей принимаетъ все болѣе и болѣе нежелательное направленіе, я счелъ за лучшее проститься.

Такъ не совсѣмъ удачнымъ оказалось мое послѣднее свиданіе въ этомъ мірѣ съ двумя старыми рязанскими знакомцами, безспорно хорошими людьми и честными дѣятелями. И Р., и С. уже отошли въ вѣчность.

Послѣ полученнаго мною въ нѣкоторомъ родѣ реприманда за публицистику Каткова и поведеніе московскихъ охотнорядцевъ, я уже не пожелалъ болѣе разыскивать какихъ-либо старыхъ знакомыхъ. Закусивъ у себя въ гостиницѣ, остающееся до поѣзда время я употребилъ на то, чтобы побродить по городу и обновить нѣкоторыя впечатлѣнія юности.

Сравнительно съ протекшимъ временемъ, Рязань очень мало измѣнилась по своей внѣшности; впрочемъ замѣтны были нѣкоторые признаки бо́льшого благосостоянія, чѣмъ прежде; слѣдовательно желѣзный путь успѣлъ оказать свое экономическое вліяніе. Главную же перемѣну нашелъ я на Соборной площади. Эта площадь, лежащая между присутственными мѣстами и крутымъ берегомъ Трубежа, въ мое время была совершенно свободна; только двѣ церкви, Илья Пророкъ и Спасъ на Яру, возвышались по ея окрайнамъ. Теперь она оказалась отчасти застроенною домами и занятою вновь разведеннымъ бульваромъ.

Свою прогулку закончилъ я древнимъ Рязанскимъ кремлемъ, гдѣ стоитъ Рождественскій, Архангельскій и Успенскій соборы, Спасскій монастырь и старый Архіерейскій домъ. Тутъ опершись на береговую решетку, я долго любовался обширнымъ прекраснымъ видомъ на луга, поля, рощи и села, лежащія между Окою и ея рукавомъ Трубежомъ. День былъ ясный и теплый. Вспомнилъ, я какъ во время весенняго розлива почти все это низменное пространство покрывается водой и обращается въ огромное озеро съ выступающими изъ него тамъ и сямъ верхушками деревъ.

Съ того дня мнѣ не случилось быть въ Рязани. Знаю только, что въ послѣдніе годы, съ учрежденіемъ Архивной коммиссіи, тамъ оживился умственный интересъ, направленный на собираніе и изученіе документовъ и вообще памятниковъ старины. Секретаремъ и главнымъ работникомъ въ этой коммиссіи состоитъ А. В. Селивановъ, членъ помянутой выше интеллигентной фамиліи, сынъ В. В. Селиванова и племянника въ мое время предводителя дворянства, натуралистъ по своей

спеціальности. Подагогическій составъ гимназіи однако держится внѣ означеннаго интереса и, сколько мнѣ извѣстно, не принимаетъ никакого реальнаго участія въ трудахъ коммиссіи, находясь въ семъ отношеніи позади преподавателей семинаріи. Вообще нельзя не отмѣтить того факта, что въ періодъ до второй половины шестидесятыхъ годовъ изъ этой гимназіи вышелъ цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей на разныхъ поприщахъ: писатели, поэты, профессора, ученые, медики и т. д. А каковы результаты послѣдующихъ двадцати пяти лѣтъ, право, не знаю, и любопытно было бы подвести ихъ итоги.

Москва, 1 декабря 1892 г.

III.

По поводу восьмисотлѣтія города Рязани *).

Основаніе города Рязани или Переяславля Рязанскаго, какъ онъ прежде назывался, по времени почти совпадаетъ съ началомъ самаго Рязанскаго княжества, какъ одной изъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ Русскихъ земель. А потому восьмисотлѣтіе, которое мы собрались здѣсь праздновать, равно относится и къ городу, и къ цѣлому краю.

Рязанскій край, въ настоящее время принадлежащій къ центральнымъ мѣстностямъ Европейской Россіи, когда-то составлялъ ея юговосточную окрайну и долгое время служилъ Русскимъ оплотомъ со стороны юговосточныхъ степей съ ихъ хищными кочевыми ордами. Вообще при суровыхъ и трудныхъ условіяхъ водворялась здѣсь Славянская и христіанская культура, на Финской почвѣ, вдали отъ главныхъ просвѣтительныхъ средоточій древней Руси. Тѣмъ съ большимъ уваженіемъ мы должны вспоминать заслуги важнѣйшихъ историческихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ. Между ними особенно выдвигаются съ одной стороны Ярославъ Святославичъ, родоначальникъ Муромо-Рязанскаго княжаго дома, и знаменитѣйшій изъ его потомковъ Олегъ Ивановичъ, а съ другой Арсеній, первый епископъ Муромо-Рязанской каѳедры, и наиболѣе прославленный изъ его преемниковъ св. Василій II-й. По всѣмъ признакамъ, трудами именно князя Олега и епископа Василія главнымъ политическимъ и культурнымъ центромъ даннаго края окончательно сдѣлался Переяславль Рязанскій на мѣсто Мурома и такъ называемой Старой Рязани. Съ ихъ времени и до конца мѣстной самобытности исторія Рязанская сосредоточивается преимущественно вокругъ этого центра. А когда

*) Привѣтственное слово, сказанное въ Рязани на торжественномъ засѣданіи Рязанской Ученой Архивн. Комиссіи 21 сент. 1895 г. „Русск. Арх.“ 1895 г. № 11.

миновала политическая самобытность, тотъ же городъ продолжалъ служить административнымъ и вмѣстѣ культурнымъ средоточіемъ края. Слѣдовательно настоящимъ нашимъ празднествомъ мы, по мѣрѣ своихъ средствъ, отдаемъ должное заслугамъ Рязани не только передъ обширною областью, но и передъ общимъ нашимъ отечествомъ Россіей.

Церковной Рязанской каѳедрѣ въ послѣдній періодъ политической самобытности, т.-е. въ XV вѣкѣ, принадлежитъ одно славное имя, которое связывало Рязань съ Москвою въ духовномъ отношеніи, а эта связь въ свою очередь подготовляла и единеніе политическое. То былъ св. Іона, епископъ Рязанскій и Муромскій, впослѣдствіи митрополитъ Московскій, родомъ изъ Сѣверной Руси. Онъ много потрудился надъ обращеніемъ въ христіанство языческихъ инородцевъ этого края.

Въ первой четверти XVI столѣтія Рязанская область вошла въ составъ Московскаго государства и, благодаря искусной подготовительной политикѣ Москвы, довольно скоро сплотилась съ нею въ одинъ цѣльный народный организмъ. Уже тотчасъ за низложеніемъ своего послѣдняго князя Ивана Ивановича, Переяславль Рязанскій, имѣя во главѣ мужественнаго московскаго воеводу Хабара Симскаго, не только отбилъ нападеніе Иванова союзника, Крымскаго хана Магметъ-Гирея, но и остался вѣренъ Москвѣ, не смотря на происки того же князя Ивана, который бѣжалъ во время Магметова нашествія изъ Московскаго заключенія и нѣкоторое время скрывался въ окрестностяхъ Переяславля, за Окою, въ Шумоши, имѣніи мѣстныхъ бояръ Кобяковыхъ (1521 г.). Его попытка воротить себѣ престолъ совсѣмъ не удалась и даже не вызвала никакого движенія со стороны Рязанцевъ *). Сплоченность съ Москвою съ особою наглядностію сказалась въ началѣ XVII вѣка, въ Смутную эпоху, когда Рязанцы явились усердными защитниками и Московскаго государственнаго строя, и цѣлости Русской земли. Извѣстны подвиги знаменитаго рязанскаго воеводы Прокопія Ляпунова, ставшаго со своими Рязанцами во главѣ перваго всенароднаго ополченія для освобожденія Москвы отъ Поляковъ и сложившаго подъ ней свою буйную голову. Извѣстно также и дѣятельное участіе его современника рязанскаго архіепископа Ѳеодорита въ великой земской думѣ, умиротворившей Московское государство избраніемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова. Ѳеодоритъ находился и во главѣ торжественнаго посольства, отправленнаго великою думою въ Кострому къ Михаилу и его матери, чтобы бить ему челомъ о принятіи на себя царскаго бремени.

---

*) Подробности этихъ событій см. въ моей „Исторіи Рязанскаго Княжества".

Въ послѣдующее время на Рязанской каѳедрѣ особую историческую извѣстность пріобрѣли два архипастыря: при Алексѣѣ Михайловичѣ архіепископъ Мисаилъ, достойный продолжатель трудовъ святителя Іоны, павшій отъ Мордовской стрѣлы жертвою своей миссіонерской ревности; а при Петрѣ Великомъ митрополитъ Стефанъ Яворскій, родомъ изъ Юго-западной Руси, знаменитый духовный писатель, мѣстоблюститель патріаршаго престола и первый президентъ св. Синода.

Въ Петербургско-императорскій періодъ Русской исторіи, т.-е. въ теченіе XVIII и XIX столѣтій, Рязанскій край даетъ какъ самому себѣ, такъ и общему отечеству цѣлые ряды болѣе или менѣе выдающихся дѣятелей на разнообразныхъ поприщахъ, каковы церковь, государственная служба, наука, литература, искусства, сельское хозяйство, торговля, промышленность и т. д. Изъ этой эпохи я не буду приводить именъ по той причинѣ, что она еще не подверглась сколько-нибудь систематичной, серьезной обработкѣ и пока представляется въ видѣ сырого матеріала. Теперь не нужно разыскивать и собирать ихъ имена: этотъ трудъ уже произведенъ и напечатанъ въ изданіяхъ Рязанской Ученой Архивной Комиссіи подъ заглавіемъ «Списокъ именъ замѣчательныхъ дѣятелей и уроженцевъ Рязанскаго края». Признаюсь, такой списокъ возбуждаетъ во мнѣ слѣдующее пожеланіе. Что, еслибы какой-либо талантливый и достаточно къ тому подготовленный писатель или нѣсколько писателей вмѣстѣ выдѣлили изъ массы лицъ даннаго списка наиболѣе замѣчательныхъ уроженцевъ края и оживили бы ихъ имена хотя бы краткими біографіями и возможно безпристрастными характеристиками; тогда можно было бы сдѣлать любопытные выводы и дать отвѣтъ на слѣдующій важный вопросъ: какими отличительными чертами надобно отмѣтить духовный или моральный типъ собственно-Рязанскій и какую живую струю внесли Рязанцы въ общественный строй и характеръ всего Русскаго отечества?

До исполненія же этой задачи мы можемъ, на основаніи болѣе или менѣе извѣстныхъ историческихъ данныхъ, только заключать, что Рязанцы принадлежатъ къ Великорусскому типу, составляютъ часть могучаго Великорусскаго племени; но что отъ коренного Московскаго населенія они отличаются или отличались если не меньшею даровитостію, то меньшею гибкостію и упругостію, т.-е. болѣе жесткими чертами, большею, такъ сказать, прямолинейностію своего духовнаго склада. Во время ихъ самобытности непріязненные имъ Суздальскіе и Московскіе лѣтописцы изображаютъ Рязанцевъ людьми буйными, свирѣпыми и гордыми, легко поддающимися самомнѣнію. Безпристрастный иностранецъ Гербер-

штейнъ замѣчаетъ только, что это народъ весьма отважный и воинственный (gens audacissima bellicosissimaque). Почти тоже повторяетъ другой иностранецъ Кампензе. Если мы провѣримъ такіе отзывы по извѣстнѣйшимъ историческимъ личностямъ, то едва ли найдемъ большое съ ними противорѣчіе. Можно было бы привести достаточно примѣровъ, прежде всего, изъ Рязанскаго княжескаго дома; въ особенности укажу на двухъ типичнѣйшихъ его представителей: Глѣба Ростиславича (современника Андрею Боголюбскому) и Олега Ивановича (современника Димитрію Донскому). Укажу также на боярскую семью Басмановыхъ (временъ Ивана Грознаго) и на дворянскую Ляпуновыхъ (въ Смутную эпоху). Разумѣется, мы беремъ наиболѣе рѣзкія, основныя черты типа. Въ послѣдующіе вѣка съ успѣхами общественности и образованности эти черты должны несомнѣнно смягчаться и подвергаться разнообразной обработкѣ; при чемъ дерзость и самомнѣніе обращаются въ энергію и предпріимчивость, упрямство въ устойчивость, грубость въ прямодушіе и тому подобныя болѣе или менѣе хорошія черты.

Возвращаясь къ настоящему празднеству, я долженъ отдать справедливость современному поколѣнію мѣстной интеллигенціи за то, что она наглядно доказываетъ уваженіе къ исторіи своей области и къ памяти своихъ предковъ добросовѣстными историческими трудами и розысканіями. На этомъ поприщѣ главное мѣсто принадлежитъ Рязанской Ученой Архивной Комиссіи, которая, не смотря на свое короткое существованіе, успѣла ознаменовать себя цѣлымъ рядомъ весьма полезныхъ детальныхъ работъ, съ разныхъ сторонъ освѣщающихъ историческое прошлое ея родного края. Не только историческая, но и доисторическая эпоха въ этихъ трудахъ получаетъ свое право гражданства. Такъ очень любопытны данныя, которыя были добыты раскопками, недавно произведенными подъ самою Рязанью, около селенія Борки. Масса предметовъ, найденныхъ тамъ и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ, свидѣтельствуетъ, что берега средней Оки уже въ доисторическій періодъ имѣли довольно значительное населеніе, обладавшее степенью культуры далеко не первобытной. Когда наука съ достаточною полнотою разработаетъ эти открытія, тогда и такъ называемый доисторическій періодъ сдѣлается почти историческимъ, т.-е. исторія края отодвинется въ глубь вѣковъ. Я полагаю, что и начало здѣсь Славянорусской колонизаціи и самое начало нашего города-юбиляра придется пріурочивать не къ XI вѣку, а къ эпохѣ гораздо болѣе ранней.

Мнѣ остается отъ искренняго сердца привѣтствовать достоуважаемое собраніе, по поводу его настоящаго прекраснаго торжества, и пожелать

всему Рязанскому краю дальнѣйшаго преуспѣянія на всѣхъ поприщахъ гражданственности. Принадлежа этому краю по своему рожденію, а этому городу по своему воспитанію и начальному общественному служенію, я счастливъ тѣмъ, что на склонѣ моихъ дней Богъ привелъ мнѣ принять участіе въ вашемъ историческомъ праздникѣ, ударить челомъ Рязанскимъ святынямъ и памятникамъ и съ высоты Рязанскаго кремля еще разъ полюбоваться широкимъ раздольемъ Приокской равнины.

О ближайшихъ задачахъ нашего покровительства *).

Многимъ ли извѣстна та тѣсная, неразрывная связь, которая существуетъ между промышленностію народа и его культурой? Къ сожалѣнію, надобно признаться, что на этотъ счетъ до самаго послѣдняго времени въ русскихъ общественныхъ понятіяхъ царила замѣчательная путаница и множество недоразумѣній. Сами люди науки у насъ не были чужды этихъ недоразумѣній, и на нихъ-то собственно должна пасть отвѣтственность за то, что въ обществѣ отсутствовали ясныя представленія о помянутой связи національной культуры съ національною промышленностію. Наши политико-экономы, финансисты, историки, публицисты, юристы и т. д. обыкновенно разсматривали промышленность самое по себѣ, а культуру тоже самое по себѣ. Въ этомъ и заключалась роковая, чреватая послѣдствіями, ошибка.

Для нѣкоторой наглядности въ объясненіи этой связи, позвольте мнѣ мм. гг., прибѣгнуть къ помощи воображенія и сдѣлать небольшую экскурсію въ область будущихъ археологическихъ розысканій.

Да сохранитъ Господь Богъ нашу столицу отъ всякихъ физическихъ бѣдствій. Но, для наглядности моихъ доводовъ, предположимъ, что вслѣдствіе какого нибудь космическаго потрясенія она подверглась быстрой гибели. Подобно тому, какъ Помпея была засыпана пепломъ Везувія, Петербургъ, напримѣръ, былъ бы внезапно затопленъ нахлынувшими волнами Финскаго залива; при чемъ жители, однако, успѣли бы спастись, какъ это было при гибели Помпеи. По прошествіи многихъ столѣтій, когда море вновь отступитъ назадъ, обнажатся развалины ве-

---

*) „Русская Бесѣда“ 1895. № I. Это моя рѣчь, сказанная 11 ноября 1894 г. въ Петербургскомъ Обществѣ для содѣйствія Русской промышленности и торговлѣ, предсѣдателемъ котораго состоитъ нашъ знаменитый дипломатъ и патріотъ графъ Н. П. Игнатьевъ. Обращаю вниманіе читателей на то, что по времени рѣчь моя сказана въ первомъ мѣсяцѣ Новаго царствованія.

ликолѣпнаго города, затянутыя иломъ и пескомъ. Будущіе археологи, конечно, не преминутъ произвести раскопки и всякаго рода изысканія на данномъ мѣстѣ. На ряду съ остатками роскошныхъ зданій, они найдутъ множество предметовъ, свидѣльствующихъ о богатой культурѣ погибшаго города, о такой культурѣ, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ современному европейскому уровню.

Напримѣръ, они найдутъ разнаго рода и размѣра прекрасныя машины, паровыя, скоропечатныя, швейныя, подъемныя и т. д. На мѣстѣ сельско-хозяйственнаго музея сохранятся образцы самыхъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій. Археологи разыщутъ также разные хитроумные приборы и аппараты, каковы электро-динамическіе, телеграфные, телефонные, хирургическіе, самопишущіе, велосипедные и пр. Откроютъ остатки желѣзныхъ путей и большихъ желѣзныхъ пароходовъ съ крупно обозначенными именами чисто русскихъ городовъ, какъ Ярославль, Москва, Тамбовъ и т. п. Можетъ быть, сохранятся и нѣкоторыя произведенія печати, украшенныя художественно сдѣланными рисунками и гравюрами, и т. д. и т. д. Не буду перечислять всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые приведутъ будущихъ археологовъ къ такому заключенію, что Петербургъ обладалъ вполнѣ современною европейскою культурой. А такъ какъ обыкновенно столица сосредоточиваетъ въ себѣ лучшую производительность страны, то отсюда будетъ прямой выводъ, что Россія нашего времени по своей культурѣ нисколько не была отсталою отъ Западной Европы; что она имѣла заводы и фабрики, по своей техникѣ неуступавшіе западно-европейскимъ; слѣдовательно, ея обрабатывающая промышленность пользовалась національною самостоятельностію, была высоко развита и хорошо удовлетворяла нуждамъ и потребностямъ страны.

Но такіе выводы не могли бы оставаться долгое время. Сила науки, какъ правды, неотразима. Соединенныя усилія археологовъ, историковъ, лингвистовъ и другихъ ученыхъ постепенно раскроютъ истину. На многихъ помянутыхъ машинахъ и приборахъ они прочтутъ, хотя и полустертыя, имена заводовъ и фабрикъ совсѣмъ не русскихъ. Съ помощію тщательныхъ изслѣдованій они разыщутъ происхожденіе почти всѣхъ существующихъ теперь въ Петербургѣ предметовъ высшей европейской культуры. Они узнаютъ, что всѣ скоропечатныя, швейныя, подъемныя, усовершенствованныя сельско-хозяйственныя и другія машины выписывались изъ-за границы; что лучшіе политипажи въ иллюстрированныхъ изданіяхъ или дѣлались съ помощью иностранныхъ клише, или прямо заготовлялись въ Парижѣ; что подъ именами Ярославля и Тамбова

скрываются желѣзные пароходы, цѣликомъ построенные въ англійскомъ городѣ Думбартонѣ и т. д.

Такимъ образомъ произойдетъ постепенное развѣнчиваніе культурнаго ореола нашей сѣверной столицы. На повѣрку окажется, что наиболѣе роскошная обстановка и наиболѣе блестящая сторона ея культуры не своя, не русская, а выписанная изъ-за границы, купленная главнымъ образомъ на трудовыя средства русскаго земледѣльца; что слѣдовательно наше столичное общество обогощало и поощряло болѣе заграничные заводы и фабрики, чѣмъ свои русскіе. А если такъ дѣйствовалъ авторитетный, властный Петербургъ, то понятно что другіе города Россіи, съ Москвой включительно, болѣе или менѣе слѣдовали его примѣру. Словомъ, будущіе люди науки несомнѣнно удостовѣрятъ нашу отсталость отъ Западной Европы въ дѣлѣ матеріальной культуры и техники—также какъ мы удостовѣряемъ ее въ настоящее время.

Отъ нашей отсталости происходитъ и наша сравнительная бѣдность а бѣдность народа въ свою очередь не даетъ ему достаточныхъ средствъ для удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей, то-есть для развитія своей образованности. Изъ сихъ двухъ главныхъ положеній сама собою вытекаетъ необходимость строгаго покровительства русскому народному труду, его промышленной техникѣ и производительности, то-есть необходимость дѣятельнаго огражденія ее отъ подавляющей иностранной конкурренціи. Это огражденіе должно быть достигаемо по преимуществу съ помощью охранительныхъ таможенныхъ тарифовъ; только при этомъ условіи другія мѣры получаютъ не палліативное, а дѣйствительное значеніе, каковы: профессіональныя школы, казенные ссуды, субсидіи, преміи, заказы, поощреніе кустарныхъ промысловъ и т. д.

Можно на казенныя деньги завести техническія училища и приготовить многочисленныхъ техниковъ; но гдѣ же они найдутъ себѣ работу и будутъ примѣнять свои теоретическія познанія, если въ то же время отечественные заводы и фабрики не могутъ укрѣпиться и размножиться, находясь подъ давленіемъ непосильной иностранной конкурренціи? Тогда бѣдствующіе техники только увеличатъ собою интеллигентный пролетаріатъ. По той же причинѣ безъ пользы могутъ быть потрачены казенныя деньги на субсидіи и преміи. То же можно сказать и относительно казенныхъ заказовъ. Дѣйствительное значеніе могутъ имѣть только заказы предметовъ, находящихся въ исключительномъ вѣдѣніи правительства, каковы пушки, ружья, броненосцы, миноноски и т. п., притомъ изготовленіе ихъ все-таки зависитъ отъ общаго состоянія техники въ странѣ; а техника не можетъ развиваться помимо заводовъ и

фабрикъ. Но положимъ, напримѣръ, Министерство Земледѣлія будетъ заказывать сельско-хозяйственныя орудія для своихъ образцовыхъ фермъ на русскихъ заводахъ, а всѣ частные землевладѣльцы будутъ выписывать ихъ изъ-за границы; могутъ ли при такомъ условіи существовать и развиваться русскіе заводы? Кустарная же промышленность, при настоящей европейской техникѣ, можетъ существовать только какъ подспорье заводско-фабричной; а успѣшно соперничать съ заграницей она можетъ только при какихъ-либо исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Даже такія простыя орудія, какъ косы и серпы, и тѣ, къ стыду нашей кустарной промышленности, мы доселѣ выписываемъ изъ Австріи.

Наши фритредерствующіе публицисты и политико-экономы, самоувѣренно разсуждавшіе о благахъ европейской образованности и народнаго богатства и о нашей сравнительной отсталости—увы! и не подозрѣвали, что они служили въ числѣ наиболѣе дѣйствительныхъ тормазовъ, мѣшающихъ русскому усвоенію именно европейской матеріальной культуры и развитію народнаго благосостоянія. Тяжело, конечно, было бы имъ въ томъ признаться; но это историческая истина. Увлеченіе школой Адама Смита стоило Россіи многомилліардныхъ убытковъ. Дѣло въ томъ, что Адамъ Смитъ, вырабатывая свои положенія, имѣлъ въ виду собственную страну, т.-е. Англію, опередившую всѣ другія страны на пути промышленнаго развитія и уже нуждавшуюся не въ покровительственной системѣ, а именно въ свободной торговлѣ, которая должна была доставить рынки для сбыта ея произведеній. Но Адамъ Смитъ грѣшитъ противъ исторіи и умалчиваетъ о томъ, что высшей степени своего промышленнаго и торговаго развитія Англія достигла помощію строжайшаго покровительства. Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе примѣнима къ нашимъ условіямъ новая историко-экономическая школа Фридриха Листа, дѣйствующая въ Германіи, слѣдуя принципамъ которой, наши западные сосѣди въ свою очередь также достигли замѣчательнаго процвѣтанія ихъ промышленности. Но русскіе фритредеры доселѣ упорно пренебрегали историческимъ опытомъ и ловили всякій иностранный поводъ для своихъ возраженій противъ покровительства. Приведу примѣръ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ. Несмотря на свое высокое промышленное развитіе, эта страна нетолько не покидаетъ покровительственной системы; а напротивъ, въ послѣднее время, какъ извѣстно, еще усилила сію систему возвышенными тарифами Макъ-Кинлея. Противъ его тарифа выступилъ Вильсонъ со своимъ биллемъ, поддержанный демократической партіей, и наши фритредеры ухватились за билль Вильсона какъ за доказательство въ пользу свободной торговли. Биль хотя и прошелъ, но съ большими

уступками покровительству, и въ настоящее время, при выборахъ въ конгрессъ, народъ рѣзко высказался противъ этого билля, доставивъ полное торжество республиканской или протекціонистской партіи; причемъ Вильсонъ былъ забаллотированъ, а Макъ-Кинлей выбранъ огромнымъ большинствомъ. Слѣдовательно, примѣръ Сѣверной Америки рѣшительно опровергаетъ теорію нашихъ фритредеровъ. Я особенно обращаю ваше вниманіе на то обстоятельство, что страны, имѣющія самыя либеральныя учрежденія, допускающія у себя самую широкую политическую свободу, въ то же время крайне строги въ экономическомъ отношеніи, и тутъ стараются не допускать никакой иноземной конкурренціи, которая могла бы нанести существенный ущербъ ихъ собственной промышленности, а, слѣдовательно, и народному благосостоянію. Таковы въ настоящее время двѣ большія западныя республики—Франція и Сѣвероамериканскіе Штаты. Если такъ дѣйствуютъ народы, стоящіе на высокой степени промышленнаго или культурнаго развитія, то во сколько кратъ сильнѣе должно быть оказываемо покровительство нашей столь слабо развитой промышленности, столь еще незрѣлой сравнительно культурѣ?

Необходимость строгаго промышленнаго покровительства для Россіи является такою очевидною истиною, противъ которой дѣльныхъ возраженій быть не можетъ. И эта истина за послѣднее время повидимому начинаетъ проникать въ наше общественное сознаніе; а русскіе тарифы времени Александра III, въ особенности тарифъ 1891 года, какъ бы опередили и самое это общественное сознаніе.

Тутъ самъ собою представляется вопросъ, который, однако, доселѣ почти ускользалъ отъ общаго вниманія. Выдвинуть его на передній планъ и до нѣкоторой степени освѣтить—это уже составляетъ обязанность по преимуществу историка, потому что вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ развитіемъ отечественной культуры. А именно: чему надобно оказывать покровительство прежде всего и болѣе всего? Надобно выдѣлить такія основныя отрасли, которыя могли бы всю нашу промышленность поставить на собственныя ноги, сдѣлать ее самостоятельною и независимою отъ иностранцевъ.

По сему поводу приведу слѣдующій примѣръ. Извѣстно, что у насъ двѣ отрасли уже давно пользуются покровительствомъ и потому находятся на степени процвѣтанія: я говорю о свеклосахарныхъ заводахъ и хлопчатобумажныхъ фабрикахъ. Но какіе собственно плоды дали они для русской самостоятельной культуры? Увы, слишкомъ незначительные. По послѣднему тарифному договору съ Германіей покровительство хлопчатобумажнымъ фабрикамъ еще усилено. А между тѣмъ, что же въ

сущности самобытнаго, русскаго, представляетъ эта фабрикація? Хлопокъ большею частію привозный; бумагопрядильныя и ткацкія машины безусловно заграничныя; красильныя вещества тоже заграничныя; управляющіе фабриками и отчасти мастера иностранцы. Слѣдовательно, фабрикація эта приноситъ громадные барыши нашимъ фабрикантамъ и даетъ заработокъ нѣкоторой части населенія, но никакого самостоятельнаго производства не представляетъ и культурнаго значенія почти не имѣетъ, ибо находится въ полной зависимости отъ заграницы.

Приведу другой примѣръ. Морское кораблестроеніе у насъ было собственное, пока корабли существовали деревянные и парусные. Но вотъ выступили на сцену паровыя и желѣзныя суда, и Россія стала покупать ихъ готовыми или заказывать заграницей, потому что дома не оказалось нужныхъ для того желѣзодѣлагельныхъ и машинныхъ заводовъ, а завести ихъ немедленно не считалось крайне необходимымъ, потому что иностранцы такъ легко и скоро спѣшили удовлетворять нашимъ требованіямъ. Слава Богу, теперь хотя военные броненосцы большею частію строятся дома; но машины для нихъ обыкновенно заказываются въ Англіи по неразвитости у насъ машиннаго производства. А между тѣмъ машина составляетъ самую существенную часть броненосца, какъ и всякаго парохода, и слѣдовательно русскій военный флотъ все еще находится въ чувствительной зависимости отъ иностраннаго производства. (Если притомъ вспомнимъ, что нашъ Балтійскій флотъ снабжается исключительно англійскимъ углемъ, то можно себѣ представить въ какомъ затруднительномъ положеніи онъ окажется во время европейской войны). Появились въ Европѣ усовершенствованныя земледѣльческія орудія: мы также стали ихъ выписывать; ибо наши заводы безъ особаго покровительства не могутъ и тутъ конкурировать съ заграничными; такимъ образомъ и наше сельское хозяйство очутилось также въ зависимости отъ иностранцевъ. А до какой степени мы находимся въ зависимости отъ иностраннаго химическаго производства, наглядно, показало холерное время, бывшее два года тому назадъ. Оказалось, что въ Россіи совсѣмъ не производится такой нехитрой вещи, какъ карболовая кислота, и мы въ огромномъ количествѣ потребовали ее изъ Германіи.

Отсюда прямо вытекаетъ выводъ что въ Россіи не развиты *желѣзодѣлательные, машинные и химическіе заводы*, то есть тѣ именно отрасли, которыя составляютъ основу и орудіе всякаго производства, безъ которыхъ невозможна самостоятельная промышленность и техника, а слѣдовательно и европейская матеріальная культура вообще. Къ на-

званнымъ сейчасъ отраслямъ необходимо прибавить *каменноугольную промышленность*; ибо обильное и дешевое топливо нужно не только для нашихъ жилищъ и желѣзныхъ дорогъ, но оно есть первѣйшее условіе для всѣхъ производствъ. Если мы посмотримъ на передовыя промышленныя страны, напримѣръ, Англію и Бельгію, то увидимъ что ихъ благосостояніе развилось преимущественно на желѣзѣ и каменномъ углѣ. А что касается машинодѣлательныхъ заводовъ, то кто же не знаетъ, что мы живемъ не только въ желѣзномъ, но именно въ желѣзномашинномъ вѣкѣ. Господство машинъ выступаетъ такъ рѣзко, что незамѣчать его было бы величайшею ошибкой, гибельною для цѣлой націи, такъ какъ не только промышленность, но и самая государственная оборона теперь тѣсно связана съ машинною техникой. И народное богатство, и политическое могущество теперь немыслимы безъ усвоенія этой европейской техники. Усвоеніе же европейской культуры должно состоять не въ выпискѣ изъ-за границы, не въ покупкѣ ея произведеній намъ потребныхъ, а въ томъ чтобы мы сами дѣлали ихъ дома собственными руками и по возможности изъ собственныхъ матеріаловъ.

Такимъ образомъ весьма было бы печально, если бы и на будущее время продолжались заграничные заказы рельсъ, вагоновъ, пароходовъ, пушекъ, оружія, миноносокъ и тому подобныхъ предметовъ государственной нужды, подъ благовидными предлогами, что заграницей сдѣлаютъ все это и скорѣе, и лучше и дешевле. Въ результатѣ такихъ благовидныхъ предлоговъ получилась наша техническая и культурная отсталость и наша сравнительная бѣдность; если бы сіи послѣднія можно было перевести на деньги, то пришлось-бы оцѣнить убытки наши въ десятки милліардовъ рублей. Вотъ во что обошлась эта мнимая дешевизна, не говоря уже о происшедшей отсюда огромной внѣшней задолженности.

Слѣдовательно, не ситцы и сахаръ должны быть поставлены на первомъ планѣ въ вопросѣ о покровительствѣ, а желѣзо, каменный уголь, машины и химическіе продукты. Вотъ куда должны быть направлены наши главныя заботы и самое энергическое покровительство, если мы искренно хотимъ покончить съ нашею отсталостью и догнать Европу въ культурномъ отношеніи.

Поэтому-то вашъ покорнѣйшій слуга и позволилъ себѣ несовсѣмъ сочувственно отнестись къ послѣднимъ торговымъ трактатамъ, въ особенности къ трактату съ Германіей, который въ только что установленномъ и отнюдь нечрезмѣрномъ тарифѣ 1891 года произвелъ чувствительную брешь именно по отношенію къ названнымъ основнымъ отраслямъ промышленности. Какъ извѣстно, сія жертва принесена была въ

пользу нашего хлѣбнаго сбыта заграницу подъ предлогомъ поднятія у насъ сельско-хозяйственной промышленности. Но также извѣстно, что и этой своей цѣли она не достигла. Въ нашей печати много говорилось о томъ что Россія страна земледѣльческая, и потому главнымъ образомъ надобно заботиться о покровительствѣ нашему земледѣлію, а не промышленности. Вотъ это-то заключеніе и является совершенно неправильнымъ съ историко-культурной точки зрѣнія. Да какая же изъ передовыхъ странъ Европы не была въ свое время страною преимущественно земледѣльческою? Англія была именно таковою до XVII вѣка включительно, Франція до XVIII, а Германія еще въ началѣ XIX вѣка. Но послѣ того какъ онѣ сдѣлались по преимуществу промышленными странами, ихъ сельское хозяйство нетолько оттого не пострадало, а наоборотъ съ развитіемъ всякаго рода техники и вообще матеріальной культуры оно поднялось гораздо выше. Мы видимъ, напримѣръ, что благодаря собственнымъ усовершенствованнымъ земледѣльческимъ орудіямъ, благодаря воспособленію техники и химіи, безплодныя песчаныя пространства сѣверовосточной Германіи обращаются въ прекрасныя поля, покрытыя хлѣбными растеніями и другими злаками. Почему же Россія должна оставаться на низшей и только земледѣльческой ступени культуры, быть всегда позади Европы и даже въ дѣлѣ сельско-хозяйственной промышленности зависѣть отъ иностранныхъ орудій? Говорятъ еще о томъ, будто заводы и фабрики отвлекаютъ какіе-то капиталы отъ нашего земледѣлія. И это совершенно невѣрное положеніе. Западная Европа богата капиталами именно вслѣдствіе высокоразвитой обрабатывающей промышленности; а исключительно земледѣльческія страны наоборотъ бѣдны капиталами. (Послѣднее обстоятельство не мѣшаетъ однако иностраннымъ промышленникамъ наживать въ Россіи большіе капиталы).

Выходитъ такъ, какъ будто мы постоянно страдаемъ избыткомъ хлѣба, и не знаемъ куда дѣваться съ этимъ избыткомъ; тогда какъ сѣверная полоса Россіи въ немъ нуждается и обыкновенно платитъ за русскій хлѣбъ гораздо дороже чѣмъ обитатели Германіи. (Точно также въ Англіи нашъ сахаръ продается гораздо дешевле чѣмъ въ Россіи, такъ что тамъ имъ откармливаютъ свиней). Вмѣсто того, чтобы развивать внутренніе пути и сношенія и расширять собственный рынокъ, гдѣ мы полные хозяева и можемъ устраиваться какъ хотимъ, мы стремимся съ своимъ хлѣбомъ на міровой рынокъ, гдѣ у насъ сильные конкурренты и гдѣ мы зависимъ отъ всякихъ экономическихъ и политическихъ усложненій. (Что и подтвердилъ весьма наглядно настоя-

щій сельско-хозяйственный кризисъ). Во всякомъ случаѣ беру на себя смѣлость утверждать, что всѣ другія мѣропріятія для поднятія сельскаго хозяйства въ Россіи суть болѣе или менѣе слабые палліативы, и только поднятіе русской культуры на степень европейскую можетъ поставить его въ независимое и вполнѣ нормальное положеніе. Господь Богъ наградилъ Россію разнообразными и неисчерпаемыми естественными богатствами, которыя остаются неразработанными именно по недостатку у насъ европейской техники и культуры; а мы задерживаемъ развитіе этой культуры, чтобы облегчить сбытъ того или другого сырья на міровой рынокъ! Нашъ хлѣбъ, какъ извѣстно, именно послѣ договора, почти не пошелъ въ Германію, такъ что она даромъ получила широкій сбытъ въ Россію своихъ фабрикатовъ, въ особенности желѣза и машинъ, къ подрыву у насъ основныхъ отраслей промышленности. Наряду съ хлѣбомъ, тоже явленіе повторяется съ нефтью. Недавно заключенъ трактатъ съ Франціей, причемъ пониженъ русскій тарифъ, спеціально для сбыта нефти; но потомъ Французы также понизили свой тарифъ на американскую нефть, которая и подорвала сбытъ нашей нефти, опять таки вслѣдствіе своей лучшей обработки, т.-е. болѣе высокой техники и культуры. Въ результатѣ пониженіе тарифа съ нашей стороны оказалось почти даровымъ, причинившимъ только ущербъ собственной промышленности.

Гоняясь за невѣрнымъ міровымъ рынкомъ съ сомнительными избытками нашего хлѣба, нефти и т. п., мы въ то же время *предоставляемъ свой собственный громадный рынокъ для вѣрной эксплоатаціи иностранцамъ*, преимущественно западнымъ сосѣдямъ, которые, разумѣется, широко пользуются обстоятельствами, чтобы своею подавляющею конкурренціей не дать возможности развиться у насъ помянутымъ основнымъ отраслямъ промышленности и такимъ образомъ всю ее держать въ своей зависимости, а вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять и нашу культурную отсталость. Русскіе ситцы, сбываемые въ Персію и Среднюю Азію, представляются крайне ничтожнымъ возмѣщеніемъ за то, что собственный громадный рынокъ мы оставляемъ въ жертву иностранцамъ. А между тѣмъ, если мы будемъ развивать помянутыя основныя отрасли, то почти всѣ важнѣйшіе продукты, покупаемые теперь у сосѣдей, Россія могла бы производить у себя дома и тѣмъ обогащать и культивировать собственное населеніе.

Мнѣ пожалуй укажутъ на то, что по истеченіи десятилѣтняго обязательнаго срока, тарифы снова могутъ быть повышены. Да, но при этомъ забывается слѣдующее: во-первыхъ, задержка въ развитіи основ-

ныхъ отраслей отбрасываетъ назадъ, а не впередъ усвоеніе европейской культуры. Во-вторыхъ, прошлогодняя таможенная борьба, которая, если бы была доведена до конца, могла бы вызвать новые пути и способы для сбыта нашего хлѣба, теперь оставила ихъ въ прежнемъ состояніи, а сама она неизбѣжно должна возобновиться; ибо Нѣмцы противъ новаго повышенія тарифа безъ всякаго сомнѣнія снова выдвинутъ боевыя пошлины на русскія произведенія, и разъ начатое дѣло придется опять начинать сызнова. Въ-третьихъ, эта будущая таможенная борьба можетъ произойти уже не при столь благопріятныхъ для европейскаго мира обстоятельствахъ, каковы настоящія, и на сей разъ можетъ повести къ борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Въ-четвертыхъ, наконецъ, европейская культура не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а дѣлаетъ гиганскіе шаги, и, если въ настоящее время намъ трудно догнать Европу, то по прошествіи десятилѣтія будетъ еще труднѣе.

По поводу послѣдняго своего замѣчанія, позволю себѣ высказать общее впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ послѣдней моей поѣздки въ западную Европу, предпринятой послѣ довольно продолжительнаго промежутка времени, въ августѣ и сентябрѣ текущаго (1894) года. Чудеса европейской промышленности и техники бросались мнѣ въ глаза еще сильнѣе и наша отсталость оттѣнялась еще рѣзче чѣмъ въ прежнія поѣздки. Напримѣръ, тамъ нерѣдко можно встрѣтить какую-нибудь жалкую рѣченку, несущую на себѣ большія грузовыя суда, благодаря могучимъ машинамъ, которыя разсчистили и углубили ея русло. Благодаря подобнымъ же машинамъ, посреди непроходимаго дотолѣ морскаго мелководья, проведенъ каналъ, по которому идутъ громадные корабли. А мы въ это время не можемъ справиться съ русломъ нашей матушки Волги, и зарываемся въ ея мели и перекаты. Тамъ вы видите грандіозный двухъэтажный желѣзный мостъ, черезъ широкую рѣку; въ то время какъ нижній этажъ величественно разверзается для пропуска судовъ, движеніе продолжается по верхнему этажу. Или, добѣжавъ до морского берега, желѣзнодорожный поѣздъ помѣщается на кораблѣ, и вы переѣзжаете чрезъ морской проливъ не выходя изъ вагона. Конечно и мы можемъ построить черезъ Неву подобный же грандіозный мостъ или провести морскіе каналы и даже воздвигнуть въ Петербургѣ желѣзную башню въ родѣ Эйфеля; но только не собственными техническими и заводско-фабричными средствами, а все тѣмъ же некультурнымъ способомъ, т.-е. выпискою или покупкою этихъ средствъ заграницей.

Въ эту поѣздку между прочимъ завернулъ я въ Антверпенъ посмотрѣть

на всемірную промышленную выставку. Не имѣвъ случая посѣщать прежнія выставки, а только читая газетныя извѣстія о нихъ, я обыкновенно задавалъ себѣ вопросъ: какую собственно роль могъ играть русскій отдѣлъ на этомъ міровомъ состязаніи культурныхъ народовъ? Чѣмъ могли мы тамъ блистать при нашей сравнительно слабо развитой промышленной техникѣ, кромѣ, разумѣется, образцовъ нашихъ естественныхъ богатствъ, еще столь мало разработанныхъ? Признаюсь, я плохо довѣрялъ обычнымъ похваламъ русскому отдѣлу въ печатныхъ отчетахъ. Антверпенская выставка нетолько подтвердила мои сомнѣнія, но и превзошла ихъ. Что же я тамъ нашелъ въ Русскомъ отдѣлѣ? Нѣсколько невзрачныхъ свертковъ какихъ-то бумажныхъ и шерстяныхъ матерій, церковныя облаченія, женскіе полубоярскіе костюмы, образцы древнерусскаго шитья изъ извѣстнаго собранія г-жи Шабельской, нѣсколько старинныхъ кокошниковъ и повойниковъ, нѣкоторыя издѣлія кустарной фирмы «Работникъ» изъ рога и корельской березы, обливную деревянную посуду, дѣтскія игрушки, неизбѣжные куски малахита, мѣха Гринвальда, керосинъ Нобеля, самовары и мѣдные тазы, образцы Смоленскаго льна и пеньки, нѣсколько головъ сахару, сѣрныя спички, сапоги и другіе кожаные товары, рижскій бальзамъ, копытная мазь Иванова и т. п. Почему-то тутъ же на видномъ мѣстѣ лежала книга, озаглавленная «Что читать народу?»— книга, составленная харьковскими педагогами и приводящая къ довольно неожиданному выводу, что по этой части у насъ существуетъ богатая литература. Признаюсь, постановка императорскаго бюста посерди этого отдѣла показалась мнѣ до нѣкоторой степени профанаціей. Хотя въ газетахъ описано было посѣщеніе выставки бельгійскимъ королемъ, который будто бы расхвалилъ русскій отдѣлъ; но это обычная любезность, неимѣющая значенія. Напротивъ, я лично видѣлъ насмѣшливыя улыбки посѣтителей, особенно Нѣмцевъ, при обозрѣніи нашего отдѣла. Даже персидскій и турецкій отдѣлы куда разнообразнѣе и интереснѣе; а съ европейскими и сравненія быть не можетъ. Нѣтъ, мы еще много должны работать надъ нашею промышленностію, прежде чѣмъ являться на всемірное культурное состязаніе. Одинъ чиновникъ финансоваго вѣдомства, которому я высказалъ свое впечатлѣніе, отвѣтилъ мнѣ, что большаго сдѣлать было нельзя, такъ какъ денегъ на этотъ отдѣлъ было отпущено слишкомъ мало. Слѣдовательно, по его пониманію, главная суть дѣла не въ недостаткѣ нашей техники и производительности, а въ расходахъ на его декоративную сторону.

Итакъ, если мы хотимъ сдѣлаться истинными европейцами, усвоить себѣ европейскую культуру и поднять народное богатство, то должны

предпринять всѣ возможныя усилія, чтобы поставить нашу промышленность на собственныя ноги, дать ей самостоятельное развитіе, а русскому генію полный просторъ въ его собственномъ обширномъ отечествѣ. Этихъ результатовъ, повторяю, мы можемъ достигнуть только энергическимъ развитіемъ основныхъ частей заводско-фабричнаго производства, каковы: добыча каменнаго угля и желѣза, желѣзодѣлательные, въ особенности машиностроительные заводы и химическіе продукты, при томъ заводы главнымъ образомъ сосредоточенные не на западной окраинѣ, а въ центрально-южной полосѣ и въ Уральскомъ районѣ. *Вотъ въ чемъ заключается ближайшая и важнѣйшая задача нашего промышленнаго покровительства.* Недавно почившій, Государь Императоръ Александръ III въ свое короткое царствованіе успѣлъ сдѣлать рѣшительный поворотъ къ покровительственной системѣ вообще, и въ этомъ заключается одна изъ Его величайшихъ заслугъ предъ Россіей. Будемъ уповать, что Его Августѣйшій Преемникъ, надежда Россіи, въ этомъ отношеніи также пойдетъ по стопамъ Своего незабвеннаго Родителя и докончитъ Его благое начинаніе. Но для успѣха необходимо, чтобы само русское общество, *преимущественно столичное,* усердно помогало Ему въ такомъ великомъ дѣлѣ. Необходимо, чтобъ оно стряхнуло съ себя ту долю сонливости и апатіи, которая служитъ немалымъ тормазомъ въ нашемъ поступательномъ движеніи. Пусть наше общество проникнется страстнымъ желаніемъ возможно скорѣе поднять русскую культуру на степень культуры европейской; пусть оно увлечется могучимъ, неудержимымъ порывомъ въ этомъ направленіи. А препятствій и безъ того не мало какъ естественныхъ, такъ и искусственно воздвигаемыхъ, въ особенности настойчивостью сосѣдей и вообще стремленіями иностранцевъ удержать за Россіей значеніе огромнаго рынка для сбыта своихъ фабрикатовъ, а также для полученія изъ нея сырья. Къ чему же мы сами еще помогаемъ имъ воздвигать себѣ тормазы, въ видѣ, напримѣръ, ложнаго мнѣнія, будто Россія, будучи страной только земледѣльческою, таковою должна и остаться! Нѣтъ, все необходимое намъ мы должны производить у себя дома, собственными руками, изъ своихъ матеріаловъ и, главное, *собственными машинами.* Повторяю, вотъ наша ближайшая культурная задача.

Мм. гг.—Не знаю, легко ли вамъ представить себѣ всю громадную важность указаннаго мною сейчасъ культурнаго вопроса для Россіи? Для меня же, какъ историка, ясно какъ день, что отъ него въ значительной степени зависитъ благопріятный или неблагопріятный исходъ можно сказать, всѣхъ другихъ политическихъ вопросовъ, которые въ

настоящее время насъ занимаютъ и волнуютъ, каковы вопросы: Польскій, Финляндскій, Славянскій, Нѣмецкій, Восточный, Еврейскій, о близкихъ западныхъ и дальнихъ восточныхъ окраинахъ, объ интеллигентномъ и неинтеллигентномъ пролетаріатѣ, о дешевомъ кредитѣ, о торговомъ флотѣ, о средствахъ государственной обороны и т. д. Культурный вопросъ прежде всего и болѣе всего. Только послѣ его благополучнаго разрѣшенія Русскій народъ можетъ вздохнуть полною грудью и занять подобающее ему мѣсто среди другихъ народовъ земного шара.

Postscriptum. Эта моя рѣчь, встрѣтившая сочувствіе въ Обществѣ, гдѣ она была произнесена, очевидно не нашла его въ нашей повременной печати; одни органы ее замолчали, а другіе осыпали бранью и явились усердными защитниками культурной отсталости. Но, какъ я замѣтилъ («Моск. Вѣд.» 1894 г. № 322), отвѣчая одному изъ сихъ послѣднихъ, плохой бы я былъ историкъ, если бы разсчитывалъ на иной пріемъ, и не зналъ бы, до какой степени большинство нашихъ органовъ печати пропитано антинаціональными тенденціями, легкомысліемъ и партійностію. Да иного пріема моя рѣчь и не могла имѣть, потому что она явилась протестомъ противъ сейчасъ названныхъ качествъ quasi-русской печати и потому еще, что эта именно печать поддерживала и продолжаетъ поддерживать ту путаницу въ общественныхъ понятіяхъ и то поверхностное, ненаучное отношеніе къ экономическимъ и культурнымъ вопросамъ, о которыхъ я выше говорю. Но рано или поздно сила исторической правды должна же взять верхъ. Что историку необходимо поднять свой голосъ противъ нашей культурной отсталости, въ томъ убѣждаетъ насъ и только что обнародованный высокоинтересный офиціальный актъ, именно: «Всеподданнѣйшій докладъ министра Финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1895 годъ» (См. «Моск. Вѣд.« 1895 г. № 2). Обратимъ вниманіе на слѣдующія его цифры, относящіяся къ русской промышленности и торговлѣ. «Число бумагопрядильныхъ веретенъ составляетъ нынѣ около 6 милл., а ткацкихъ станковъ—200 тыс.; такимъ образомъ русское бумагопрядильное производство по своимъ размѣрамъ заняло первое мѣсто на европейскомъ континентѣ». Но если мы вспомнимъ, что всѣ эти милліоны веретенъ и сотни тысячъ ткацкихъ станковъ не свои, не русскіе, а купленные заграницей, то культурное значеніе всего бумагопрядильнаго производства окажется весьма незначительное. Тоже можно замѣтить объ успѣхахъ Добровольнаго флота: «въ настоящее время флотъ этотъ состоитъ изъ

10 океанскихъ судовъ съ подъемною способностію свыше 2 милл. пуд». Всѣ эти суда также не свои, не русскія, а купленныя въ Англіи. Тоже надобно подразумѣвать и тамъ, гдѣ говорится объ успѣхахъ сельскохозяйственныхъ орудій. При указаніи же на успѣхъ рельсоваго производства не упоминается, на какое еще большое количество продолжаются заказы рельсъ заграницею. Торговый балансъ въ послѣднее время склонился въ нашу сторону, т.-е. вывозъ сталъ превышать ввозъ; но не надобно забывать, что наша великая внѣшняя задолженность сильно подрываетъ значеніе этого небольшаго превышенія.

А эта задолженность произошла и происходитъ отъ нашей сравнительно малой культурности, т.-е. отъ заграничныхъ заказовъ на тѣ предметы, которые мы должны бы давно и въ избыткѣ производить сами у себя дома (заказы вагоновъ, рельсъ, кораблей, оружія, всякаго рода машинъ и пр.). Далѣе, совершенно справедливо воздается похвала покровительственной системѣ, которая возобладала у насъ въ послѣднюю эпоху. Но отзывъ объ этой системѣ не приводится въ связь съ поднятіемъ русской культуры, т.-е. не выдвигаются на передній планъ основныя ея отрасли, на которыя я имѣю честь указывать выше. А потому глухо упоминается о заключенныхъ въ прошломъ году торговыхъ договорахъ, которые произвели брешь въ означенной системѣ именно по отношенію къ основнымъ отраслямъ (только начавшимъ было у насъ налаживаться). Изъ сего я позволяю себѣ заключать, что громадное значеніе сихъ отраслей въ вопросѣ о нашей культурной отсталости еще не вошло въ твердое ясное сознаніе руководящей экономической сферы. *Исполняя свой долгъ русскаго гражданина, историка и вѣрноподданнаго, я беру на себя смѣлость подчеркнуть всѣ эти обстоятельства, въ высшей степени важныя для развитія русской культуры вообще и для Новаго благополучнаго царствованія въ особенности.*

Москва, 2 января 1895 г.

Любопытно, что спустя короткое время послѣ того, какъ моя рѣчь и Postscriptum были напечатаны въ «Русской Бесѣдѣ», я прочелъ въ газетахъ слѣдующее извѣстіе: Обществу Добровольнаго Флота ассигновано финансовымъ вѣдомствомъ около трехъ съ половиною милліоновъ рублей для заказа еще двухъ пароходовъ въ Англіи. А между тѣмъ этихъ милліоновъ достаточно было бы для основанія потребной къ сему новой верфи и завода или для расширенія и приспособленія существующихъ казенныхъ учрежденій, на которыхъ строились бы не одни военные броненосцы, но

также и желѣзные морскіе пароходы торговаго флота. Только откуда получался бы тогда return commission—вотъ вопросъ.

Нѣкоторою иллюстраціей къ моей проповѣди о покровительствѣ основнымъ отраслямъ промышленности могутъ послужить двѣ любопытныя бесѣды, которыя я имѣлъ около того же времени. Случайно я познакомился съ однимъ чиновникомъ финансоваго вѣдомства, который не чуждъ былъ переговоровъ о русско-германскомъ торговомъ трактатѣ. Когда я спросилъ, что побудило насъ сдѣлать такія уступки, если это не составляетъ канцелярской тайны, то въ свою очередь былъ спрошенъ: какія уступки? Затѣмъ я услыхалъ, что не мы, а Нѣмцы уступили, не мы, а Нѣмцы потерпѣли пораженіе въ этомъ трактатѣ. Въ доказательство высчитывался средній выводъ изъ всѣхъ сдѣланныхъ нами сбавокъ; при чемъ получалась цифра довольно умѣренная. Тщетно пытался я указывать на важныя по послѣдствіямъ уступки въ тѣхъ отрасляхъ, которыя я называю «основными» и которыя оставляютъ нашу промышленность и культуру въ зависимости отъ Германіи. Не смотря на довольно продолжительный обмѣнъ мыслей, мой собесѣдникъ, хотя хорошій человѣкъ и усердный служака, такъ и не пожелалъ стать на культурную точку зрѣнія, а остался на своей бухгалтерской. Въ другой разъ мнѣ пришлось вести бесѣду съ однимъ членомъ нашего дипломатическаго корпуса, имѣвшимъ возможность близко наблюдать переговоры о томъ же трактатѣ. Какъ и предыдущій собесѣдникъ, онъ дотолѣ не читалъ относящихся сюда моихъ писемъ, и въ началѣ дѣлалъ мнѣ нѣкоторыя возраженія. Но, выслушавъ внимательно мои главные аргументы, нѣсколько задумался, и потомъ сказалъ: «А знаете ли, въ подтвержденіе вашихъ словъ я долженъ замѣтить, что съ самаго начала и до конца Нѣмцы твердили постоянно одно: «уступите намъ на каменномъ углѣ и *на машинахъ*; мы уступимъ вамъ на хлѣбѣ». Итакъ, повторяю, германская сторона, не говоря уже объ ея твердости и настойчивости, отлично понимала культурную сторону вопроса.

Ниже я привожу отвѣтъ отчаянному антогонисту моей рѣчи 11 ноября, г. Гурьеву, занимающему непослѣднее мѣсто въ финансовой администраціи и точно также неуразумѣвшему культурной стороны вопроса, но далеко не столь цивилизованному какъ его вышеуказанный collega.

Культурный вопросъ и „Новое Время“ *).

Плохой былъ бы я историкъ и наблюдатель современности, если бы, выдвигая на передній планъ крайнюю необходимость поднять русскую

*) См. „Москов. Вѣд.“ 1894 г., № 322.

культуру на степень европейской, заранѣе не разсчитывалъ на всякаго рода пасквильныя выходки противъ себя со стороны тѣхъ элементовъ, которыхъ покойный М. Н. Катковъ такъ мѣтко обозвалъ «разбойниками пера и мошенниками печати». Свои грубость нравовъ, всякаго рода инсинуаціи и тому подобныя средства они обращаютъ нынѣ преимущественно для борьбы съ русскимъ національнымъ направленіемъ; а потому, кто хочетъ служить своей родинѣ именно въ этомъ направленіи, тотъ неизбѣжно долженъ испытывать на себѣ всю прелесть названныхъ сейчасъ факторовъ, дѣйствующихъ въ извѣстной части столичной печати. Превосходнымъ образцомъ этой прелести служитъ № 6.719 *Новаго Времени*.

11 ноября въ Петербургскомъ Обществѣ для содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ вашъ покорнѣйшій слуга держалъ рѣчь «О ближайшихъ задачахъ нашего покровительства»; при чемъ, сказавъ о необходимости покровительственой системы вообще, указалъ на тѣ отрасли, которыхъ возможно скорѣйшее развитіе должно поставить русскую промышленную производительность въ независимое положеніе отъ иностранцевъ и значительно поднять нашу матеріальную культуру. Казалось бы, если кто не согласенъ съ моими аргументами, то прежде всего долженъ точно ихъ передать, а потомъ уже опровергать, если можетъ. Но такой простой пріемъ существуетъ только для людей добросовѣстныхъ и свѣдущихъ. А гг. Суворинъ, Гурьевъ, Сыромятниковъ и компанія, помимо своего легкомыслія, партійности и маловѣдѣнія, уже въ силу того, что они выступаютъ противниками европейской культуры въ Россіи, должны прибѣгать ко всякаго рода искаженіямъ и грубымъ выходкамъ, чтобы спутать, затемнить общественное мнѣніе и не предстать предъ нимъ въ своемъ истинномъ свѣтѣ.

Чтобы возстановить истину, столь извращенную г. Гурьевымъ въ № 6719 «Нов. Времени» и познакомить читателей *Московскихъ Вѣдомостей* со своею рѣчью, я приведу изъ нея настолько большія выдержки, насколько то позволяютъ размѣры газетной статьи и условія гостепріимнаго для меня органа.

Затѣмъ передается содержаніе рѣчи «о ближайшихъ задачахъ нашего покровительства» и съ значительными изъ нея выдержками *). Ихъ мы опускаемъ, такъ какъ рѣчь сполна напечатана выше (стр. 332), а переходимъ прямо къ заключительнымъ строкамъ моего письма.

---

*) Любопытно видѣть какъ къ литературному пріему, употребленному мною ради наглядности аргументовъ (то-есть къ воображаемой научной экскурсіи на мѣстѣ сѣверной столицы) отнеслись газетные защитники нашей культурной отсталости.

Закончивъ довольно подробную передачу моей петербургской рѣчи, я долженъ прибавить, что встрѣтилъ въ Петербургѣ столько сочувствія, сколько, признаюсь, и не ожидалъ встрѣтить. Вообще изъ этой послѣдней туда поѣздки я вынесъ впечатлѣнія отличныя отъ прежнихъ своихъ впечатлѣній. Мнѣ показалось, что національное русское самосознаніе сдѣлало тамъ замѣтные успѣхи и начинаетъ замѣнять собой прежнее интернаціональное направленіе. Я вижу въ этомъ несомнѣнные плоды столь благотворнаго, хотя и краткаго царствованія въ Бозѣ почившаго Государя, и счастливъ тѣмъ, что могу указать еще на одну свѣтлую страницу Его дѣятельности въ добавленіе ко многимъ уже указаннымъ. Самое живое и сильное впечатлѣніе произвела на меня стотысячная толпа, 14 ноября съ ранняго утра и до поздняго вечера заполнявшая Невскій проспектъ передъ Аничковымъ дворцомъ и прилегающія стороны. Я смотрѣлъ на нее изъ верхнихъ оконъ сосѣдняго дома. Невозможно забыть это море головъ, то спокойное и неподвижное, то восторженно волнующееся и шумящее при всякомъ появленіи Высоконовобрачной Четы. Да, это истинно Русскій народъ, отличающійся ничѣмъ непоколебимою преданностію своему Царствующему Дому.

—

Такъ какъ поводомъ къ настоящей моей статьѣ послужило *Новое Время* съ его неприличными выходками, то не скрою отъ своихъ читателей и слѣдующій утѣшительный общественный фактъ. Въ Петербургѣ же я узналъ, что тамъ многіе интеллигенты мечтаютъ объ основаніи большого патріотическаго независимаго органа печати. Эти интеллигенты высказывали мнѣ свое прискорбіе на то, что, за неимѣніемъ подходящаго петербургскаго органа, они почти поневолѣ принуждены читать *Новое Время*, хотя имъ крайне претятъ суворинская хлестаковщина, грубость нравовъ и страсть къ рекламѣ, а равно и суворинское непониманіе важнѣйшихъ для Россіи политическихъ вопросовъ. Наконецъ-то въ самомъ Петербургѣ начали сознавать, что преобладаніе сего торгово-промышленнаго органа печати бросаетъ сильную тѣнь на духовную сторону столичной культуры.

18 ноября.

По ихъ шутовскому отзыву объ этой моей экскурсіи выходитъ такъ: когда затопленный, яко бы „ненавистный“ мнѣ, Петербургъ снова „воспрянулъ“ изъ воды, то ученые изслѣдователи первымъ дѣломъ будто бы „наткнулись на французскія и нѣмецкія вывѣски“. И затѣмъ идетъ самое невѣроятное острословіе по поводу сихъ вывѣсокъ. (См. № 6722 *Новаго Времени*).

Нѣкоторыя черты нашей общественности и печати.

I *).

Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, уже мѣсяца два открыта выставка русскаго печатнаго дѣла. По всей вѣроятности, она имѣетъ свой смыслъ и значеніе; но извольте уяснить ихъ себѣ и опредѣлить отношеніе выставки къ русской культурѣ изъ того, что сообщалось о ней въ петербургскихъ газетахъ. Судя по этимъ газетамъ, нарочитое впечатлѣніе на публику производитъ ни болѣе, ни менѣе какъ манекенъ московскаго первопечатника Ивана Ѳедорова, окруженнаго современными ему типографскими принадлежностями. Но вопросъ заключается въ томъ, какъ далеко отъ его эпохи ушло русское печатное дѣло нашего времени. На этотъ вопросъ петербургская печать не даетъ прямого отвѣта; а потому, хотя я и не видалъ выставки, позволю себѣ, однако, подсказать отвѣтъ отрицательный. Суть дѣла заключается въ слѣдующемъ: какъ при Иванѣ Грозномъ Иванъ Ѳедоровъ въ Московской печатной палатѣ работалъ иностранными инструментами и приборами, такъ точно и въ наше время петербургскія типографіи работаютъ иностранными машинами. Тѣ огромные успѣхи, которые сдѣлало книгопечатное искусство, не только всецѣло принадлежатъ Европѣ, но и технически все еще не сдѣлались нашимъ полнымъ достояніемъ. При чемъ же тутъ собственно русская культура? И не служитъ ли эта выставка только лишнимъ нагляднымъ доказательствомъ нашей культурной отсталости отъ Западной Европы? Ничего самобытнаго, оригинальнаго; простое подраженіе въ мелочахъ, и простая покупка заграницей въ главномъ, то-есть въ приборахъ и машинахъ! О какихъ-либо приспособленіяхъ и усовершенствованіяхъ, произведенныхъ русскимъ геніемъ, не можетъ быть и рѣчи. А петербургская періодическая печать этого то слона и не примѣчаетъ! Мало того что не примѣчаетъ: она мнитъ себя не тормазомъ, а важнѣйшимъ орудіемъ русскаго культурнаго прогресса!

Между тѣмъ какъ эта печать отыскиваетъ глубокій общественный смыслъ тамъ, гдѣ его нѣтъ, она часто не замѣчаетъ такихъ обычныхъ фактовъ и явленій, которые своимъ обиднымъ значеніемъ для отечественной культуры рѣжутъ глаза русскому наблюдателю. Напримѣръ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (и нѣкоторыхъ другихъ газетахъ) существуетъ цѣлый отдѣлъ, о которомъ ни одинъ петербургскій органъ никогда не заикался, а для вашего покорнѣйшаго слуги онъ въ высшей

*) „Московск. Вѣд.“ 1895 г. № 98.

степени любопытенъ и поучителенъ. Этотъ отдѣлъ находится обыкновенно на 5-й или 7-й страницѣ и представляетъ почти ежедневную публикацію отъ Департамента Торговли и Мануфактуръ. Въ чемъ же онъ состоитъ? Да обыкновенно въ простомъ объявленіи о томъ, что такого-то числа поступило прошеніе о выдачѣ такому-то *иностранцу* привилегіи на столько-то лѣтъ на такое-то изобрѣтеніе. Прошенія поступаютъ отъ русскихъ подданныхъ, купцовъ или инженеровъ, но большею частію инородцевъ, напримѣръ, купца Фосса, инженеровъ Бриджеса, Патаки и т. д. Огромное же большинство таковыхъ прошеній подписано фирмой «инженеръ-технологовъ» Каупе и Чекалова. Эти два имени положительно преобладаютъ въ каждомъ нумерѣ означенныхъ объявленій: можно подумать, что вся ихъ спеціальность въ томъ и состоитъ, чтобы доставлять иностранцамъ въ Россіи привилегіи на всевозможныя изобрѣтенія, начиная «усовершенствованіями въ устройствѣ гальваническихъ элементовъ», или «газообразователемъ высокаго давленія», и кончая «гигіеническимъ металлическимъ матрацемъ», или «усовершенствованною соской для дѣтей» (см. *Моск. Вѣд.* № 95). Посреди этой массы иностранцевъ и инородцевъ, если изрѣдка и встрѣчаются лица съ русскими фамиліями, то обыкновенно претендующія на самыя невинныя изобрѣтенія, въ родѣ колесной втулки гг. Мурашева и Мясникова (Ibid. № 93), то-есть такія изобрѣтенія, которыя не могутъ имѣть никакого существеннаго вліянія на успѣхи промышленности собственно отечественной.

Названный отдѣлъ объявленій, при всей своей простотѣ и лаконичности, очень краснорѣчивъ: онъ служитъ наглядною иллюстраціей къ состоянію русской матеріальной культуры, то-есть къ нашей отсталости отъ Европы и къ зависимому положенію русской промышленности отъ промышленности заграничной, положенію, которое нами же самими искусственно поддерживается. Но петербургская журналистика, очевидно, и не сознаетъ всей ненормальности этихъ отношеній; а петербургская наружная культура продолжаетъ рядиться въ привозныя изъ-за границы европейскія усовершенствованія и украшенія, на подобіе вороны въ павлиньихъ перьяхъ. (Прошу извинить меня за сравненіе). По моимъ наблюденіямъ, въ концѣ XIX вѣка наша культурная отсталость отъ Западной Европы въ дѣйствительности еще бо̀льшая чѣмъ была въ началѣ этого вѣка, если взять въ разсчетъ громадные успѣхи европейской культуры вообще. Вотъ одинъ изъ важнѣйшихъ выводовъ, къ которымъ пришелъ Послѣпетровскій или Петербургскій періодъ Русской исторіи. Но, мнящая себя на европейскомъ уровнѣ, столичная печать, повторяю,

такой бьющей въ глаза ненормальности совсѣмъ не примѣчаетъ, какъ не примѣчаетъ она, напримѣръ, ничѣмъ неоправданныхъ исторически и не нормальныхъ въ европейскомъ смыслѣ привилегій подъ бокомъ лежащей Финляндіи сравнительно съ коренными русскими областями.

8 апрѣля.

II *).

Самая выдающаяся и отличительная черта нашей общественности, это замѣчательный сумбуръ въ умахъ, производимый и поддерживаемый по преимуществу столичною періодическою печатью. Пальму первенства на этомъ поприщѣ надобно отдать, конечно, «Новому Времени». Можно представить себѣ умственное питаніе его читателей, которымъ объ одномъ и томъ же предметѣ сегодня газета говоритъ то, завтра другое, послѣ завтра третье и т. д. Въ одномъ нумерѣ г. Суворинъ провозглашаетъ принципъ, что Россія для Русскихъ, а въ другомъ печатаетъ статью, изъ которой вытекаетъ, что Россія существуетъ для иноземцевъ и инородцевъ, потому что Русскіе, по его воззрѣнію, очень лѣнивы и непредпріимчивы. Въ одномъ нумерѣ его органъ какъ бы стоитъ за покровительственную систему промышленности, а въ другомъ едва ея не проклинаетъ и считаетъ чуть ли не источникомъ всѣхъ нашихъ золъ, по крайней мѣрѣ сваливаетъ на нее сельскохозяйственный кризисъ.

Предъ нами статья кн. Кудашева «О сельско-хозяйственномъ кризисѣ въ южной половинѣ Россіи» («Новое Время» №№ 6887 и 6894). Читаешь—и поражаешься недостаткомъ логики, свѣдѣній и послѣдовательности. Написано хлестко, съ плеча, съ кучей цифръ и даже съ претензіями на научность; что легко можетъ сбивать съ толку простодушную, неподготовленную публику. Но для внимательнаго и сколько-нибудь разсуждающаго читателя статья представляетъ замѣчательную путаницу идей и понятій. Авторъ, подобно и другимъ своимъ единомышленникамъ, неуяснилъ себѣ вопроса: какой это кризисъ, собственно сельскаго хозяйства или сельскихъ хозяевъ, т.-е. дворянъ-помѣщиковъ? Тѣмъ не менѣе князь Кудашевъ берется обсуждать сельскохозяйственное развитіе и положеніе цѣлой Европы и даже цѣлаго міра. Онъ обвиняетъ Европу ни болѣе, ни менѣе какъ въ «близорукой экономической политикѣ», за ея будто бы «крайне одностороннее покровительство торговлѣ и фабрично-заводской промышленности». А мы будто бы «только рабски ей слѣдовали» въ этомъ отношеніи. Оказывается, что мы пренебрегаемъ «нуждами и потребностями нашего сельскаго хозяйства, преслѣдуя почти исключительно идею водворенія у насъ

*) „Москов. Вѣд." 1895. № 131.

лишь фабрично-заводской промышленности и торговли». И это положеніе относится къ періоду, когда дѣйствовалъ фритредерскій тарифъ 1868 года, сильно подорвавшій развитіе нашей промышленности!

Но главная-то препона аттестату зрѣлости заключается въ жалобахъ на дороговизну у насъ (сравнительно съ Англіей и Бельгіей!) чугуна, желѣза и стали, также на ихъ плохое качество, и въ указаніи, на высокоразвитое сельскохозяйственное машиностроеніе въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Да когда же желѣзо и машиностроеніе пользовались у насъ систематическимъ, серьезнымъ и сколько-нибудь продолжительнымъ тарифнымъ покровительствомъ? Я бы покорнѣйше попросилъ отвѣтить на этотъ вопросъ точными цифрами. Наши сельскохозяйственные кризисы, конечно, имѣютъ свои дѣйствительныя и разнообразныя причины, отчасти и мимоходомъ указанныя въ данной статьѣ, но считать главною причиной покровительство промышленности и вообще ставить въ Россіи сельское хозяйство въ антагонизмъ съ заводами и фабриками,—это въ высшей степени легкомысленно и антинаучно. А газета г. Суворина, въ редакціонной замѣткѣ, упираетъ именно на сію мнимую причину; указываетъ на якобы сплошной тридцатилѣтній покровительственный періодъ, начинающійся съ 1860 года, и съ азартомъ спрашиваетъ: «гдѣ у насъ дешевые чугунъ, желѣзо, машины, ткани, сукна»? Въ качествѣ автора, неоднократно говорившаго, что наше покровительство, обращенное по преимуществу на хлопчатобумажное и свеклосахарное производства, пренебрегало основными отраслями фабрично-заводской промышленности, я, въ свою очередь, позволю себѣ спросить издателя «Новаго Времени», гдѣ онъ былъ, когда вашъ покорнѣйшій слуга пытался разъяснять значеніе именно желѣза, машинъ, каменнаго угля и химическихъ продуктовъ въ дѣлѣ современной промышленности и европейской культуры вообще? Оно, конечно, гораздо легче и пріятнѣе болтать о томъ, о семъ, кого-нибудь обругивать, или угощать русскую публику росказнями о писаніяхъ какого-нибудь французскаго декадента, чѣмъ вникать въ насущные культурно-экономическіе вопросы и держаться истины, что учиться никогда не поздно. Но неужели изданіе большой «политической» газеты ни къ чему не обязываетъ ея издателя, въ противоположность извѣстному правилу относительно noblesse? А если такъ, то въ этомъ то изданіи и выступаетъ наружу та пресловутая халатность, которая охотно засыпаетъ на своихъ личныхъ барышахъ и о которой данная газета такъ любитъ разсуждать.

11 мая.

P. S. Въ только-что полученномъ № 6.895 «Новаго Времени», въ той непроходимой болтовнѣ, которая именуется «Маленькія письма», г. Суворинъ самолично подтвердилъ все выше о немъ сказанное. По поводу какого-то Японца онъ—съ обычнымъ своимъ de coque à l'âne—замѣчаетъ: «Читаешь о сельскохозяйственномъ кризисѣ, и волосы становятся дыбомъ. Читаешь о промышленности, и думаешь: не слишкомъ ли ужь ей покровительствуютъ?» А нѣсколько строкъ ниже говоритъ о какой-то «изумительной» логикѣ покровительства промышленности, «если она дѣйствительно способствуетъ только вздорожанію жизни и всего того, что необходимо для земледѣлія». Очевидно, статьи князя Кудашева произвели на него удручающее и вмѣстѣ импонирующее впечатлѣніе, такъ что онъ окончательно сдѣлался поборникомъ нашей культурной отсталости. Съ чѣмъ его и поздравляемъ.

Къ чести достоуважаемаго князя В. А. Кудашева я долженъ прибавить, что моя вышеприведенная замѣтка на его статью «О сельско-хозяйственномъ кризисѣ» очевидно заставила его взглянуть на вопросъ и съ другой стороны. Онъ поспѣшилъ заявить о своей несолидарности съ «приписанными и совершенно чуждыми ему взглядами и намѣреніями», и просилъ меня «повременить со своими заключеніями о его статьѣ до ея окончанія». Но окончанія не послѣдовало, и самая просьба кн. Кудашева была помѣщена уже не въ «Новомъ Времени», а въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1895. № 140). Отсюда можно догадываться, что отказъ автора отъ порицанія тарифному покровительству заводско-фабричной промышленности пришелся не по душѣ г. Суворину или г. Гурьеву, заполоняющему «Новое Время» своими рефератами по части финансовой и вообще экономической. Ихъ трогательное согласіе по этой части способно придавать сей газетѣ до нѣкоторой степени характеръ офиціоза. Согласіе сіе только изрѣдка не то чтобы нарушается, а нѣсколько затрогивается обычною непослѣдовательностію г. Суворина. Такъ, въ № 7050, отъ 14 октября 1895 г., онъ вдругъ заявилъ, что удосужился «прочитать нѣсколько статей о биржевомъ крахѣ»; а затѣмъ въ числѣ указанныхъ тамъ причинъ для биржевой спекуляціи на первомъ планѣ помѣстилъ «обширныя конверсіонныя операціи съ нашими государственными бумагами, т.-е. замѣну 6%, 5% и даже $4^1/_2$% бумагъ на 4 и $3^1/_2$%». Это легкое указаніе на наши съ ногъ сшибательныя конверсіи очевидно задѣло чувствительную струну извѣстнаго вѣдомства, и г. Гурьевъ немедля въ № 7052 помѣстилъ цѣлую ихъ апологію. Смыслъ ея онъ резюмируетъ слѣдующими словами: «конверсіи сослужили намъ огромную службу спасительнымъ пробужденіемъ энергіи, предпріимчивости и риска. Больной

взялъ купонный одръ свой и пошелъ». Такъ ли? Бумага то все терпитъ; а въ дѣйствительности выходитъ нѣчто иное. Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе уменьшенія процентовъ на фонды большая часть публики бросилась покупать акціи и тѣмъ крайне подняла ихъ цѣну; а меньшая схватилась за разныя спекулятивныя предпріятія. До серьезнаго пробужденія предпріимчивости и до развитія солидной промышленности отъ такихъ мѣропріятій еще очень далеко; пока журавль въ небѣ, а въ рукахъ многомилліонные общественные убытки.

А между тѣмъ пока гг. Гурьевы собираются облагодѣтельствовать Русскій народъ и поднять его промышленность съ помощію пониженнаго тарифа и уменьшеннаго процента, Нѣмцы вполнѣ пользуются плодами торговаго договора 29 января 1894 года. Такъ, прусскій министръ Путей сообщенія, по отчету *Политическихъ Новостей*, недавно изъ своей поѣздки въ Силезію вынесъ «отличное впечатлѣніе о положеніи Нѣмецкой промышленности». «Въ особенности изъ Россіи поступили обширные заказы, такъ что приходится пускать въ дѣло всѣ силы, чтобы только исполнить въ кратчайшій срокъ полученныя порученія. Даже Вестфальско-рейнскій промышленный округъ получилъ изъ Россіи значительные заказы». (Моск. Вѣдом. 1895. № 309). Въ виду сего краснорѣчиваго фактическаго указанія какою праздною, безсодержательною болтовней являются передъ нами разныя петербургскія политико-экономическія разглагольствія, каковы, напримѣръ, три ноябрьскія публичныя лекціи профессора Исаева, которыя онъ прочелъ въ аудиторіи Педагогическаго музея, озаглавивъ ихъ: «Настоящее и вѣроятное будущее русскаго народнаго хозяйства». *Новое Время* (1895 г. №№ 7070, 7079 и 7086) подробно и весьма сочувственно передаетъ ихъ содержаніе. Судя по этой передачѣ, лекторъ наговорилъ кучу всякихъ сентенцій и пожеланій; только не ищите у него ни историческаго, ни логическаго отношенія къ предмету, а всего менѣе патріотическаго. Такъ въ числѣ главныхъ доказательствъ нашего промышленнаго прогресса что же приводится? Свеклосахарное производство, которое въ 40 лѣтъ съ 800.000 пудовъ повысилось до 30.000.000. Но вѣдь наши экономисты, въ томъ числѣ г. Исаевъ, именно возстаютъ (и отчасти справедливо) противъ излишняго покровительства сему производству. Тѣмъ не менѣе на основаніи подобныхъ фактовъ онъ заключаетъ, что «мы не отступаемъ въ ходѣ развитія отъ Европы». Выходитъ, будто въ дѣлѣ матеріальной культуры мы отъ Европы не отстали; что явная неправда. Да и вопроса о поднятіи русской культуры собственно г. Исаевъ не касается. Зато симпатіи его обращаются преимущественно къ сельской общинѣ (съ ея неурядицами) и къ кустарной промышленности (съ ея жалкими средствами), да еще къ какимъ то народникамъ.

Но о какихъ именно народникахъ онъ говоритъ, трудно понять; все это общія мѣста и неопредѣленныя фразы. Ненавистную ему покровительственную систему онъ какъ-то обходитъ враждебными ей поверхностными замѣчаніями, совсѣмъ не касается вліянія машинъ, мимоходомъ порицаетъ крупный капиталъ, слегка и осторожно упоминаетъ о конверсіяхъ, а болѣе останавливается, и то эпизодически, на кредитѣ, банкахъ и Манифестѣ 19 февраля. Лекція пересыпается иногда такими отвлеченными истинами, которыя годятся въ прописи, въ родѣ: «люди преимущественно озабочены какъ лучше удовлетворить свои нужды»; «чѣмъ болѣе растутъ знанія, тѣмъ большій просторъ и для экономическаго творчества» и т. п. Въ концѣ концовъ мы не получаемъ никакой ясной, правдивой картины настоящаго русскаго народнаго хозяйства, а тѣмъ менѣе вѣроятнаго будущаго. По словамъ газеты, аудиторія была переполнена; особенно много стремилось въ нее учащейся молодежи, и лекторъ получилъ дружные знаки одобренія. Бѣдная русская молодежь! Какимъ сумбуромъ начиняютъ ей головы! А петербургская газета этотъ сумбуръ рекламируетъ.

На ряду съ прогрессирующей у насъ свеклосахарной промышленностью г. Исаевъ поставилъ пресловутую хлопчатобумажную и писчебумажную. Но возможные успѣхи сей послѣдней (т.-е. писчебумажной) не согласуются съ симпатіями *Новаго Времени*, которыя всецѣло оказываются на сторонѣ финляндскихъ фабрикъ. Въ № 7045, отъ 9 окт. 1895 года, Суворинская газета пробила тревогу по поводу ходатайства русскихъ писчебумажныхъ фабрикантовъ о нѣкоторомъ повышеніи тарифа со ввозимой въ Россіи изъ Финляндіи бумаги, и обвинила ихъ въ томъ, что они «не довольствуются барышомъ въ 30—40%». По обыкновенію г. Суворинъ несправился съ точнымъ положеніемъ вопроса; по справкамъ же изъ офиціальнаго органа печати оказывается, что барыши эти составляютъ 3, 4 и 8%, а на нѣкоторыхъ фабрикахъ получился убытокъ и что при существующихъ пошлинахъ русскія фабрики не могутъ успѣшно конкуррировать съ финляндскими (Моск. Вѣд. 1895. № 324). Любопытно это крайне враждебное отношеніе къ прибыли русскихъ писчебумажныхъ фабрикантовъ со стороны крупнаго писчебумажнаго потребителя, т.-е. г. Суворина; очевидно тутъ задѣты его личные барыши.

Позволю себѣ нѣсколько предупредить факты. Имѣющая открыться въ наступающемъ 1896 году Всероссійская промышленная выставка конечно найдетъ въ печати своихъ панегиристовъ. Въ ихъ числѣ и «Новое Время» по всей вѣроятности займетъ непослѣднее мѣсто, и будетъ поддерживать фикцію чисто-русскаго происхожденія лучшихъ мануфактурныхъ издѣлій. Но если разобрать основательно, то окажется, что огромное ихъ

большинство сработано съ помощью иностранныхъ техниковъ и мастеровъ, изъ иностранныхъ матеріаловъ, а главное, *иностранными машинами*. Вопросъ: причемъ тутъ будетъ собственно русская промышленность или культура?

Нѣчто о газетной рекламѣ *).

Недавно въ одномъ изъ своихъ отвѣтовъ г. Суворину я вскользь упомянулъ о томъ, что, не сдѣлавшись сколько-нибудь серьезнымъ публицистомъ, онъ, однако, ловко сумѣлъ рекламировать и распространить свою газету и вообще въ дѣлѣ литературной промышленности обнаружилъ несомнѣнныя способности. Блистательную иллюстрацію для этой истины представила его послѣдняя посылка собственнаго уполномоченнаго въ Болгарію для переговоровъ со Стамбуловымъ и Кобургомъ.

Казалось бы, какіе могутъ быть у русскихъ людей интимные разговоры съ болгарскимъ лжекняземъ или съ такимъ негодяемъ-палочникомъ, какъ Стамбуловъ? Былъ ли хотя какой бы то ни было поводъ унижать русское достоинство заискиваніемъ передъ этими врагами и ненавистниками Россіи? Разумѣется, никакого другого значенія кромѣ рекламированія *Новаго Времени* это посольство не имѣетъ и не могло имѣтъ. А что новаго мы узнали изъ сообщеній г. Амфитеатрова объ его аудіенціяхъ у того и другого? Да ровно ничего. Стамбуловъ нахально подтвердилъ, что онъ якобы охранялъ Болгарію отъ русскаго владычества; Кобургъ повторилъ то же самое, только въ болѣе мягкой формѣ, при чемъ самую интимную часть своего разговора запретилъ обнародовать, а вѣроятно поручилъ ее передать г. Суворину для руководства его дальнѣйшими газетными экскурсіями въ Болгарскій вопросъ. Въ результатѣ у нашихъ заграничныхъ антагонистовъ получился лишній поводъ набрасывать тѣнь на русско-болгарскія отношенія, чему не преминутъ порадоваться и наши внутренніе антинаціоналы. За то *Новое Время* лишній разъ цитуется въ заграничной печати, да и въ Россіи можетъ пріобрѣсти лишнихъ подписчиковъ, что и требовалось доказать. О своей извѣстности г. Суворинъ постоянно докладываетъ своимъ читателямъ въ корреспонденціяхъ изъ Парижа, изъ Антверпена и т. д. Особенно его страсть къ рекламѣ пользуется отставками первыхъ министровъ. Напомню посылку собственнаго корреспондента къ

---

*) „Московскія Вѣдомости“, 1894, № 191.

князю Бисмарку. Тогда мы отъ этого корреспондента точно также ничего не узнали, кромѣ недостовѣрныхъ заявленій Бисмарка, что онъ всегда былъ другомъ Россіи, а на Берлинскомъ конгрессѣ болѣе чѣмъ когда-либо. Разумѣется, гоняющаяся за рекламой газета въ такихъ случаяхъ служитъ въ сущности орудіемъ для проведенія въ русскую публику ложныхъ политическихъ взглядовъ, то-есть дѣйствуетъ въ интересахъ нашихъ противниковъ. Но какое до того дѣло г. Суворину, ровно въ политикѣ ничего не понимающему; лишь бы его газета рекламировалась и росло число ея подписчиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрасталъ бы и доходъ отъ объявленій. На эту связь количества подписчиковъ съ дороговизной своихъ объявленій указало само *Новое Время* въ № 6.575.

Вообще наивность издателя простирается до того, что онъ самъ почти хвастаетъ политическимъ невѣжествомъ своимъ собственнымъ и своихъ посланцевъ. Такъ, въ № 6.595 г. Суворинъ объясняетъ, что на сей разъ онъ послалъ въ Болгарію человѣка, о болгарскихъ дѣлахъ ничего не знающаго и «никогда политикой не занимавшагося», слѣдовательно, «никакими предвзятыми идеями не зараженнаго»—это, видите ли, въ интересахъ искренности и безпристрастія. А въ результатѣ, конечно, такіе, лишенные всякой подготовки, посланцы еще легче становятся въ рукахъ враговъ орудіями для проведенія ихъ тенденцій и для увеличенія сумбура въ умахъ русскихъ читателей *Новаго Времени*. Да и что другое, кромѣ путаницы и сумбура, можетъ произвести вмѣшательство во внѣшнюю политику такого легкомысленнаго фельетониста какъ г. Суворинъ?

Человѣку, конечно, свойственно окружать себя родственными или близкими себѣ по умственному складу личностями. И эта истина вполнѣ подтверждается на молодомъ поколѣніи фельетонистовъ *Новаго Времени*. По образу и по подобію газетнаго Хлестакова, они обыкновенно сплеча пишутъ обо всемъ, въ томъ числѣ и о предметахъ совершенно имъ недоступныхъ. Вотъ, напримѣръ, г. Сыромятниковъ (подписывающійся «Сигмой»). Онъ фельетоны свои такъ и озаглавливаетъ «Обо всемъ» (см. тотъ же № 6.595), и тутъ въ параллель своему патрону разсуждаетъ о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики. Онъ точно также всѣмъ и всѣми недоволенъ, всѣхъ громитъ и поучаетъ, точно также любитъ особенно разглагольствовать объ исторіи и точно также въ каждой своей фразѣ обнаруживаетъ хлыщеватое самомнѣніе, соединенное съ порядочною дозою невѣжества и скудоумія. Отъ своего патрона онъ, впрочемъ, отличается какимъ-то особымъ от-

тѣнкомъ мрачности и пессимизма и отсутствіемъ даже самаго дешеваго остроумія.

Возвращаясь къ газетной рекламѣ, мы должны отдать полную справедливость промышленной изобрѣтательности г. Суворина. Чего только онъ не предпринимаетъ въ интересахъ своей газетной фабрики? Какъ извѣстно, онъ даже снаряжалъ экспедицію для отысканія погибшаго броненосца *Русалка*. Такимъ образомъ, онъ готовъ искать вчерашняго дня, если это нужно въ видахъ рекламы; но вопросомъ о нашемъ морскомъ дѣлѣ, о нашемъ кораблестроеніи по сему поводу онъ и не подумалъ задаваться; ибо это хотя и было бы дѣло полезное въ общественномъ смыслѣ, но оно, во первыхъ, требуетъ свѣдѣній, патріотизма и серьезной работы, а, вовторыхъ, для газеты не такое выгодное, чтобы могло увеличить число подписчиковъ. Вообще тамъ, гдѣ нужно отстаивать дѣйствительные и насущные русскіе интересы, тамъ г. Суворина или совсѣмъ нѣтъ, или, еще хуже того, онъ очутится на противной сторонѣ, какъ это ясно доказалъ въ вопросѣ о торговомъ договорѣ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ онъ ничего не нашелъ лучшаго какъ голословно печатать выдержки изъ нѣмецкихъ газетъ, конечно, проводящихъ нѣмецкіе интересы. Разумѣется, нѣмецкая печать осталась очень довольна такимъ его поведеніемъ.

Вотъ и теперь г. Суворинъ въ № 6.596 напечаталъ корреспондецію изъ Берлина, возвѣщающую, что нѣмецкія газеты отнеслись весьма благосклонно къ посольству г. Амфитеатрова и къ его сообщеніямъ изъ Болгаріи, яко бы еще болѣе упрочивающимъ европейскій миръ!

Бѣдный издатель (бѣдный въ смыслѣ моральномъ, а не матеріальномъ): торгово-промышленная реклама совсѣмъ его заѣла.

12 іюля.

Около года спустя послѣ того, одинъ изъ Суворинскихъ корреспондентовъ получилъ даже ауденцію у самого папы Льва XIII. Конечно, изъ подобнаго интервью мы опять ничего не узнали кромѣ общихъ мѣстъ, всѣмъ давно извѣстныхъ; но для газеты это новая и довольно крупная реклама. А что касается г. Сыромятникова-Сигмы, то онъ благополучно продолжаетъ писать свои сумбурные фельетоны «обо всемъ», т.-е. пропагандировать продукты своего недомыслія среди читателей «Новаго Времени» и рисоваться передъ ними съ великими, но ни на чемъ неоснованными, претензіями на какого-то общественнаго благодѣтеля. До какой степени эти господа мало развиты въ моральномъ отношеніи, укажу на одинъ его фельетонъ, который, помнится, появился въ началѣ прошлаго лѣта. Фельетонистъ

разсказывалъ, какъ одинъ изъ его товарищей по профессіи вошелъ въ столкновеніе съ такимъ-то врачомъ, которому грозилъ обличеніемъ въ «Новомъ Времени», если тотъ не исполнитъ его требованія и не медля не отправится къ одному больному. Врачъ имѣлъ мужество пренебречь его угрозою; да и помощь его, какъ оказалось, не была необходимою; тѣмъ не менѣе г. Сыромятниковъ исполнилъ угрозу своего товарища, въ наивности своей и неподозрѣвая, что поступокъ ихъ довольно близокъ къ шантажу. Хорошо, когда печать преслѣдуетъ какое-либо общественное зло; но плохо, если она сама становится орудіемъ злостныхъ побужденій въ рукахъ людей мало развитыхъ и недобросовѣстныхъ. Обыкновенно подобные господа, мнимые представители гласности, въ своихъ грубыхъ выходкахъ противъ той или другой личности сами прикрываются анонимами и псевдонимами, т.-е. занимаются бросаніемъ грязи изъ-за угла. И, разумѣется, велико должно быть ихъ озлобленіе противъ вашего покорнѣйшаго слуги, который въ такихъ случаяхъ не признаетъ маски, и прямо называетъ ихъ по именамъ.

Нѣкоторые вопросы внѣшней политики.

I *).

Теперь, когда суть газетныхъ сообщеній Суворинскаго посла въ Болгарію повидимому исчерпана, можно сказать заключительное слово объ этой куріозной миссіи. Какіе же ея результаты? Несомнѣнно отрицательные: ничего путнаго посолъ тамъ не узналъ и никакихъ серіозныхъ сообщеній намъ не сдѣлалъ.

Я отнюдь не противъ посылки газетныхъ корреспондентовъ въ такіе заграничные пункты, которые въ данную минуту представляютъ политическій интересъ, какъ это дѣлаютъ большіе органы иностранной печати. Но вѣдь тамъ, кромѣ рекламы, преслѣдуются всегда крупные національные интересы, и корреспонденты не дѣлаются орудіемъ для проведенія чуждыхъ и враждебныхъ своему отечеству тенденцій. А въ настоящемъ случаѣ мы видимъ какъ разъ наоборотъ. Пусть гг. фельетонисты «Новаго Времени» занимались бы только рекламированіемъ своей газеты; но симъ они не ограничиваются, а имѣютъ еще претензію навязывать русскимъ читателямъ свое политическое невѣдѣніе и настраивать ихъ въ пользу нашихъ заклятыхъ враговъ. Г. Амфитеатровъ ровно ничего не сообщилъ объ истинномъ состояніи Болгаріи и

---

*) „Московскія вѣдомости“, 1894, № 205.

образѣ дѣйствія тамъ противной намъ дипломатіи. Онъ только съ усердіемъ достойнымъ лучшей участи передалъ всю ту болтовню, которой его удостоили принцъ Кобургъ, Стамбуловъ, Петровъ, Тончевъ и Стоиловъ. А эта тенденціозная болтовня, конечно, клонилась къ одому общему выводу: Россіи ничего не остается какъ признать совершившіеся факты, то-есть признать Кобурга и всю гнусную Стамбуловщину. Да ничего другого такія лица и говорить не могли съ посланникомъ г. Суворина, который (то-есть г. Суворинъ) прямо напрашивается имъ въ союзники. Эта союзная тенденція проглядываетъ въ тонѣ г. Амфитеатрова и въ его нескрываемомъ сочувствіи такому признанію.

Очевидно означенные фельетонисты простодушно повѣрили палочнику Стамбулову, что Кобургъ его добровольное созданіе и что сей послѣдній успѣлъ уже сдѣлаться главнымъ двигателемъ болгарской національной самобытности. Въ дѣйствительности факты сложились совсѣмъ иначе. Кабургъ есть ставленникъ Австро-Германіи, а Стамбуловъ въ сущности былъ только грубымъ орудіемъ въ рукахъ австро-германской политики. Его оставляли во главѣ болгарскаго лжеправительства, пока онъ былъ нуженъ для упроченія (точнѣе: вколачиванія) Кобурга и вящаго разъединенія Болгаріи отъ Россіи; теперь же его преспокойно отставили, когда можно и безъ него обойтись, а главное когда его отставка, по мнѣнію означенной политики, можетъ благопріятно повліять и на Болгаръ въ смыслѣ кобургской популярности, и въ Петербургѣ по отношенію къ вопросу о признаніи. Толкамъ о предстоящемъ Стамбулову будто бы судебномъ процессѣ за злоупотребленія властью мы плохо вѣрили съ самаго начала: Кобургское правительство едвали его допустило бы, ибо воронъ ворону глаза не выклюнетъ.

Г. Амфитеатровъ съ какимъ-то особымъ удовольствіемъ сообщаетъ, что отъ Болгаріи готовится петиція въ Петербургъ о признаніи законнымъ ея лжеправительства и неприкосновенности statu quo. Итакъ предполагается, что Россія можетъ довольствоваться петиціями, а экономическая и политическая эксплоатація Болгаріи должна оставаться за Австро-Германіей. На всѣ горячія заявленія софійскихъ авторитетовъ о болгарской самостоятельности импровизованный посланникъ г. Суворина не съумѣлъ возразить, что о полной самостоятельности не можетъ быть серіознаго разговора, что тутъ существуетъ только выборъ между вліяніемъ русскимъ и нѣмецкимъ и что, отвергая русское вліяніе, болгарскіе заправилы тѣмъ самымъ упрочиваютъ у себя враждебное славянству вліяніе нѣмецкое, и даже болѣе чѣмъ вліяніе, а прямо господство. Признать Кобурга значитъ утвердить нѣмецко-католическую династію въ

православной славянской странѣ, освобожденной потоками русской крови, почти отдать ее на съѣденіе своимъ врагамъ и собственными руками разрушать свое созданіе. Малосвѣдущій Суворинскій посланникъ до такой степени вошелъ въ свою роль проводника антирусскихъ тенденцій, что голословно повторяетъ легенду о якобы французской національности Кобурга и даже о томъ, что онъ при удобномъ случаѣ можетъ выступить въ числѣ претендентовъ на французскую корону. Нѣтъ, на Балканскомъ полуостровѣ это еще болѣе завзятый представитель нѣмецкаго Drang nach Osten, чѣмъ католическіе Гогенцоллерны, водворившіеся въ Румыніи.

Но довольно о семъ курьёзномъ посольствѣ.

Въ настоящую минуту происходятъ любопытныя и немаловажныя для насъ событія на дальнемъ востокѣ. Начинается борьба Японіи съ Китаемъ изъ-за Кореи. Я бы со своей стороны полагалъ, что намъ Русскимъ пока не слѣдуетъ мѣшать этой борьбѣ или вмѣшиваться въ нее, а лучше присмотрѣться, всесторонне взвѣсить тѣ наши интересы, которые могутъ быть ею затронуты, и затѣмъ въ рѣшительную минуту сказать свое вѣское слово въ пользу корейской самостоятельности. Во всякомъ случаѣ, по моему крайнему разумѣнію, нашъ благосклонный нейтралитетъ скорѣе долженъ склониться на сторону Японіи нежели Китая, съ которымъ въ будущемъ предстоятъ намъ неизбѣжныя столкновенія изъ-за Приамурскаго края. Начинающаяся Китайско-Японская война до нѣкоторой степени обезпечиваетъ намъ нѣсколько лѣтъ для безпрепятственной постройки запоздавшей Сибирской дороги и вообще для нашего укрѣпленія въ томъ краю.

На дняхъ я прочелъ пріятное извѣстіе о новыхъ мѣрахъ, клонящихся къ усиленію казачьяго элемента въ Приамурьѣ. Пользуюсь случаемъ высказать свою давнюю мысль о прямой необходимости водворить и организовать тамъ казачество въ возможно широкихъ размѣрахъ. Самымъ лучшимъ факторомъ для того могли бы послужить колонисты съ Урала и въ особенности съ Дона, гдѣ старое казачество по естественнымъ условіямъ уже отживаетъ свой вѣкъ. Здѣсь уже нѣтъ болѣе мѣста его исконному назначенію: своею грудью защищать русскую окрайну. И это свое назначеніе оно какъ нельзя лучше можетъ исполнять теперь на дальнемъ востокѣ. Казаки-колонисты могли бы послужить тамъ прекраснымъ ядромъ, около котораго организовалось бы казачество и изъ другихъ русскихъ переселенцевъ. Хорошо было бы пограничную съ Китаемъ полосу на достаточную глубину отвести для казачьяго населенія. Вмѣстѣ съ постройкой великаго желѣзнаго пути это было бы

самое дѣйствительное средство для закрѣпленія за Россіей Приамурскаго края. Притомъ нѣтъ никакой нужды, чтобы тамъ все казачество отправляло конную службу. По своему происхожденію оно было очень разнообразно и отнюдь не представлялось исключительно коннымъ. Смотря по условіямъ мѣстности, оно могло бы выставлять и конницу, и пѣхоту. Да еще хорошо было бы завести такія прибрежныя казачьи поселенія (преимущественно рыболовныя или съ морскими промыслами), которыя могли бы въ случаѣ войны выставлять многочисленную флотилію мелкихъ военныхъ судовъ или контингентъ опытныхъ, отважныхъ моряковъ.

Всѣ подобныя мѣры для нашего укрѣпленія на дальнемъ Востокѣ являются необходимостію и потому, что по всей вѣроятности война съ Японіей дастъ Китаю значительный толчекъ къ военнымъ реформамъ въ европейскомъ смыслѣ, послѣ чего борьба съ нимъ сдѣлается для насъ несомнѣнно труднѣе.

II.

Къ вопросу о китайско-японскомъ столкновеніи *).

Въ концѣ сентября 1894 года случилось мнѣ быть въ Лондонѣ. Какъ разъ въ это время появились въ англійскихъ газетахъ тревожныя телеграммы о состояніи здоровья Государя-Императора Александра III, сопровождаемыя, конечно, газетными толками. Признаюсь, несмотря на выражавшіяся въ нихъ сожалѣнія и сочувствія русскому горю, я, грѣшный человѣкъ, усмотрѣлъ нѣкоторую долю лицемѣрія и даже затаеннаго злорадства, находившихся въ связи съ современными политическими обстоятельствами, и между прочимъ съ Китайско-Японскою войною. Зная, что отъ Александра III трудно было ожидать какихъ-либо шаговъ къ англійской выгодѣ, лондонскіе наиболѣ крупные органы печати, повидимому, разсчитывали на предстоявшія перемѣны и родственныя связи. Эти свои заднія мысли, на мои глаза, они выдавали и тѣмъ, что въ то же время жадно хватались за всякій политическій промахъ петербургскихъ большихъ газетъ. Такъ изъ одной такой газеты они съ удовольствіемъ приводили планъ какого-то раздѣла Китая между Россіей, Англіей и Франціей, а изъ другой—тирады о томъ, что японскія побѣды затрогиваютъ какіе-то существенные русскіе интересы, что Россія не потерпитъ дальнѣйшаго ихъ нарушенія и должна по этому поводу войти въ соглашеніе съ другими заинтересованными державами.

---

*) „Русская Бесѣда“, 1895, № 2.

Насчетъ означеннаго плана о раздѣлѣ Китая Англичане, конечно, не хуже меня понимали его завѣдомую фантастичность; они пользовались имъ только какъ однимъ изъ средствъ замутить воду. Но особенно поощряли они ту часть нашей публицистики, которая относилась непріязненно къ Японіи, толковала о нарушеніи ею русскихъ интересовъ и слѣдовательно подстрекала наше правительство ко вмѣшательству, имѣющему положить конецъ дальнѣйшему погрому Китая. Но какіе именно русскіе интересы страдаютъ отъ этого погрома, она такъ намъ и не разъяснила. Зачѣмъ мы должны спасать враждебный намъ Китай, въ угоду Англіи, и обижать Японію, лишивъ послѣднюю заслуженныхъ ею плодовъ своихъ побѣдъ—все это остается для насъ загадкою. Если чьи интересы сильно страдаютъ отъ этой войны, то именно англійскіе, а не русскіе: Англичанамъ (т.-е. ихъ торговлѣ) она приноситъ огромные убытки; для нихъ крайне желательно поскорѣе прекратить войну, поддержать цѣлость Китайской имперіи и обуздать Японію, которая своими національными стремленіями и развитіемъ своихъ морскихъ силъ угрожаетъ сдѣлаться опаснымъ ихъ соперникомъ на дальнемъ востокѣ.

Еще недавно мы, Русскіе, безпокоились по поводу запозданія съ великимъ Сибирскимъ путемъ, и не были увѣрены въ томъ, что Китай, возбуждаемый Англичанами и Нѣмцами, дастъ намъ время безпрепятственно окончить этотъ путь. Теперь судьба устроила такъ, что съ этой стороны Россія можетъ быть спокойна по меньшей мѣрѣ лѣтъ на двадцать; а насъ приглашаютъ самихъ уничтожить благопріятныя для себя обстоятельства. Наша торговля и нашъ флотъ въ Тихомъ Океанѣ такъ еще незначительны, что мы пока не защитили себя даже отъ американскихъ пиратовъ, попирающихъ тамъ наши владѣльческія права и безнаказанно избивающихъ милліоны морскихъ котиковъ въ нашихъ водахъ. Еще мы не успѣли какъ слѣдуетъ укрѣпиться на Амурѣ, а намъ уже предлагаютъ войти во враждебныя отношенія съ Японіей изъ-за Кореи, потому что эта послѣдняя владѣетъ незамерзающими портами. Да если такіе порты намъ очень нужны, то развѣ нельзя относительно Кореи войти въ прямое соглашеніе съ Японіей, помимо Англіи?

Если кто въ будущихъ столкновеніяхъ можетъ быть нашимъ естественнымъ союзникомъ на дальнемъ востокѣ, то это именно Японія, при ея антагонизмѣ съ нашимъ ненадежнымъ сосѣдомъ, т.-е. съ Китаемъ. Другимъ естественнымъ союзникомъ тамъ является Франція съ ея тонкинскими владѣніями. Слѣдовательно, въ случаѣ нужды, мы можемъ образовать тройственный союзъ изъ сосѣдей Китая, каковы Россія, Японія

и Франція, и этотъ союзъ надолго можетъ обезпечить намъ мирное, спокойное развитіе и укрѣпленіе въ той сторонѣ. Англичане отлично это понимаютъ, и потому такъ настойчиво хлопочутъ въ пользу своего временнаго сближенія съ Россіей, конечно, съ своекорыстными, чисто эксплоататорскими цѣлями. Они желаютъ скорѣе прекратить огромные убытки, приносимые войною ихъ торговлѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ зародышѣ уничтожить возможное образованіе названнаго сейчасъ естественнаго тройственнаго союза на дальнемъ востокѣ. Имъ хочется выдвинуть Россію противъ Японіи, загрести для себя жаръ нашими руками, разрушить въ будущемъ благопріятную для насъ политическую комбинацію и въ концѣ концовъ изолировать насъ въ Азіи такъ же, какъ пресловутый союзъ съ Нѣмцами долго изолировалъ насъ въ Европѣ.

Какъ въ свое время мы не воспользовались взаимною враждою Австріи и Пруссіи и сами помогли сплоченію ихъ въ тѣсный противъ насъ союзъ, такъ точно Англія и Германія впослѣдствіи не прочь будутъ сплотить въ одинъ союзъ противъ насъ Китай и Японію. А что громадный Китай терпитъ теперь пораженія отъ сравнительно маленькой Японіи, то это еще не означаетъ разрушенія Китайской имперіи; она можетъ легко оправиться и снова сдѣлаться опаснымъ для насъ сосѣдомъ (въ особенности какъ членъ враждебнаго намъ союза). Нѣмцы и Англичане безъ сомнѣнія постараются въ изобиліи снабдить ее военными инструкторами и организовать ея арміи на европейскій образецъ. Когда-то Оттоманскую имперію едва не разрушилъ египетскій паша Мегметъ Али; спасенная русскимъ вмѣшательствомъ, имперія эта осталась нашимъ врагомъ, а Египетъ въ концѣ концовъ достался Англіи. Когда-то нами спасены были Габсбургская династія и цѣлость Австріи; а какіе плоды мы пожали? Теперь же Англичане толкаютъ насъ спасать цѣлость Китайской имперіи и ея Манжурскую династію. А петербургскіе публицисты усердно имъ въ томъ помогаютъ. Эти публицисты простодушно передаютъ намъ хитроумные толки англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ и безсознательно заставляютъ насъ смотрѣть на русскіе интересы иностранными глазами, точно также какъ во время таможенной войны они только и дѣлали, что усердно передавали толки германской публицистики и втирали намъ нѣмецкія очки. Что касается ихъ не доброжелательства къ Японіи, то нельзя ли его объяснить тѣмъ, что Японцы являются нагляднымъ примѣромъ народа, въ короткій срокъ успѣвшаго усвоить себѣ до значительной степени матеріальную европейскую культуру? Японцы грозятъ опередить насъ на этомъ пути и своими дружными стремленіями къ разъ намѣченной цѣли, своимъ патріотизмомъ

посрамить тѣхъ петербургскихъ публицистовъ, которые ревностно защищаютъ русскую культурную отсталость и дѣйствуютъ въ нѣмецкихъ интересахъ.

Обращу вниманіе читателей еще на слѣдующее наблюдаемое мною обстоятельство. Нѣкоторые органы русской печати весьма недовѣрчиво (и совершенно справедливо) отнеслись къ той внезапно наступившей англо-русской дружбѣ, о которой въ одно прекрасное утро объявили намъ англійскія газеты. И тѣ же самые органы продолжаютъ поддерживать идею совмѣстнаго англо-русскаго вмѣшательства! Слѣдовательно они именно дѣлаютъ то, что такъ желательно Англичанамъ и для чего можду прочимъ эти послѣдніе такъ усердно напрашиваются намъ въ друзья. Уже по этому одному можно судить о степени нашей политической зрѣлости!

Въ заключеніе этой замѣтки повторю то же, что я сказалъ при началѣ Японско-Китайской войны: пусть ихъ воюютъ сколько имъ угодно; Россія спокойно можетъ сохранять нейтралитетъ, и только при заключеніи мира она скажетъ, смотря по обстоятельствамъ,-свое вѣское слово.

P.S. Подъ приведеннымъ сейчасъ письмомъ редакція журнала по догадкѣ поставила 1895 годъ. Это не точно. Письмо было написано въ концѣ ноября или въ началѣ декабря 1894 года, т.-е. въ самый разгаръ Китайско-Японской войны, но оставалось ненапечатаннымъ, такъ какъ газета, для которой оно назначалось, предприняла рядъ статей въ другомъ политическомъ направленіи. Въ печать мое письмо попало только въ концѣ февраля или въ началѣ марта 1895 года, какъ разъ наканунѣ прекращенія войны, которое произошло по требованію русской дипломатіи, обращенному къ Японіи и поддержанному сначала Франціей, а потомъ и Германіей. Какія будутъ послѣдствія сего событія—исторія покажетъ. Но любопытно, что Англія, державшая дотолѣ нейтралитетъ, явно благопріятный Китаю, и усердно возбуждавшая Россію выступить противъ Японіи, тотчасъ перемѣнила фронтъ, какъ только война прекратилась и Китай былъ спасенъ отъ дальнѣйшаго погрома; тогда она стала выражать Японіи свои симпатіи и соболѣзнованія и даже играть роль ея союзника. Ближайшимъ результатомъ такой политики было обращеніе дорогихъ японскихъ всякаго рода заказовъ въ Англію. Но и Китайскій рынокъ Англичане не выпустили изъ своихъ рукъ. Не выпустили и Русскій. Право, эти политическіе фокусники умѣютъ однимъ ударомъ зашибить нѣсколькихъ зайцевъ. А дальнѣйшіе политическіе результаты, по отношенію къ Россіи, еще впереди. Хотя вышеприведенное письмо удостовѣряетъ, что заднія мысли и маневры сей политики были мною

почти разгаданы своевременно, однако не могу не отдать дани удивленія англійскимъ государственнымъ людямъ, которые такъ ловко и широко воспользовались безвременною кончиной Александра III и миссіей принца Вельскаго для достиженія своихъ цѣлей, каковы: чужими руками прекращеніе Китайско-Японской войны, принимавшей невыгодный оборотъ для британскихъ интересовъ, добровольная уступка въ ихъ пользу Малыхъ Памиръ и сочиненное ими Армянское движеніе, съ Европейскимъ концертомъ въ добавокъ. Съ одной стороны, злополучная Турція жестоко наказана за то, что намѣревалась совмѣстно съ Франціей и Россіей требовать очищенія Египта отъ англійской оккупаціи; а съ другой—передъ нами выставленъ кровавый призракъ Восточнаго вопроса какъ разъ въ то время, когда мы менѣе всего расположены къ его рѣшенію. Во всякомъ случаѣ на нашей Закавказской окраинѣ создаются немаловажныя затрудненія, и все съ помощью того же европейскаго концерта, въ которомъ мы сами участвуемъ. А наша близорукая публицистика все толкуетъ о какихъ-то неудачахъ и дипломатическихъ пораженіяхъ Англіи вмѣсто того, чтобы учиться у нея искусству отстаивать свои національные интересы одновременно на всѣхъ пунктахъ Земного шара и уловлять логическую связь какъ этихъ пунктовъ, такъ и разныхъ моментовъ между собою. По сему поводу также напомню то, что у меня сказано выше, на стр. 12, и что оказалось съ моей стороны пророчествомъ, буквально исполнившимся.

Давно уже и тщетно жалуются нѣкоторыя континентальныя державы на то, что Англія даетъ убѣжище ихъ революціоннымъ элементамъ. А теперь мы воочію видимъ, для чего она даетъ это убѣжище и какъ въ случаѣ надобности она умѣетъ пустить въ ходъ эти элементы, чтобы причинить безпокойства и затрудненія континентальнымъ державамъ. Русскіе инородцы и нигилисты, французскіе анархисты и панамисты, славяне, греки, арабы и армяне—каждому наступаетъ своя очередь служить національнымъ британскимъ интересамъ. Но верхъ совершенства это настоящій Европейскій концертъ, созданный все тою же Англіей и ею же руководимый въ своихъ видахъ. Да, это непросто искусная политика, а виртуозная, вполнѣ артистическая. Вотъ у кого надобно учиться и учиться. Не могу также не указать и на другой примѣръ близорукости нашей публицистики: она съ удовольствіемъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что на дальнемъ Востокѣ въ союзѣ съ Россіей выступила противъ Японіи не только Франція, но и Германія. А между тѣмъ это тоже очень ловкій шагъ со стороны германской дипломатіи: ничѣмъ въ сущности не рискуя, ничѣмъ не жертвуя, Нѣмцы такимъ образомъ съ одной стороны не оставляютъ Россію и Францію дѣйствовать вдвоемъ, т.-е. мѣшаютъ ихъ тѣсному, интимному сближенію, и затушовы-

ваютъ Эльзасъ-Лотарингскій вопросъ, а съ другой—въ качествѣ яко бы нашихъ союзниковъ и добрыхъ сосѣдей могутъ еще съ большею назойливостію эксплоатировать Россію въ отношеніи политико-экономическомъ, о которомъ вашъ покорнѣйшій слуга такъ много распространяется въ настоящей книгѣ. Слѣдовательно, Нѣмцы тоже разомъ зашибаютъ двухъ зайцевъ. А петербургская публицистика радуется, вмѣсто того чтобы вспомнить знаменитый стихъ изъ Энеиды: Timeo Danaos et dona ferentes. Очень хитро также ведетъ Германія свое участіе въ европейскомъ концертѣ по поводу Турко-Армянской передряги, поддерживая скрытое соглашеніе съ Англіей, но ничѣмъ не рискуя и ничѣмъ не жертвуя въ случаѣ обостренія всего Восточнаго вопроса. Тогда какъ главная отвѣтственность въ семъ случаѣ падетъ на Россію; ибо не примкни Россія къ Англіи въ ея нотахъ султану, Франція тоже вѣроятно бы не примкнула. Одна Англія не вошла бы въ открытое столкновеніе съ Оттоманской имперіей. А державы Тройственнаго союза, какъ извѣстно, вступили въ концертъ позднѣе. Въ аналогичномъ случаѣ, въ 1877 году, Англія выступила изъ европейскаго концерта, и тѣмъ его разстроила, поставивъ Россію въ необходимость воевать съ Турціей. *Нынѣ* (конецъ 1895 года) *очередь за Россіей поступить также*, и тѣмъ болѣе, что Англія наказываетъ Абдулъ-Гамида за его намѣреніе сблизиться съ Россіей и Франціей въ Египетскомъ вопросѣ, какъ около 20 лѣтъ тому посредствомъ купленной измѣны наказанъ (сверженіемъ и смертію) Абдулъ-Азисъ тоже за его попытку освободиться отъ англійскаго давленія и войти въ соглашеніе съ Россіей. А такъ какъ Англичане сверхъ того, повидимому, не прочь создать по сосѣдству съ Россіей враждебную намъ автономную область или вовлечь насъ въ дорого стоящую и вредную по своимъ послѣдствіямъ ея оккупацію, то *имѣются самыя серьезныя основанія выдти изъ концерта* и тѣмъ его разстроить. Франція по всей вѣроятностности послѣдуетъ за нами, ибо ей также нѣтъ никакого основанія служить интересамъ Англіи; а Германія и Австрія никогда не выступятъ активно въ Восточномъ вопросѣ, *если у Россіи руки будутъ свободны*. Одна Англія, и даже вмѣстѣ съ Италіей, повторяю, не дерзнетъ на открытую войну съ Оттоманской имперіей. Положимъ, она сильна политическою интригою и золотомъ; но все-таки на революціонныхъ и анархическихъ тамъ движеніяхъ далеко не уѣдетъ. При томъ же я увѣренъ, что о дѣйствительномъ раздѣлѣ этой имперіи и объ изгнаніи Турокъ изъ Европы въ настоящее время она всего менѣе думаетъ, и первая воспротивилась бы такимъ радикальнымъ мѣрамъ; ибо онѣ совсѣмъ не въ ея интересахъ.

III.

Болгарская депутація и „Новое Время“.

Само-собой разумѣется, что всякій изъ насъ могъ легко догадаться объ истинной цѣли болгарской депутаціи, которая пріѣхала въ Петербургъ— для возложенія вѣнка на могилу въ Бозѣ почившаго Государя. Теперь же, благодаря тенденціозной болтливости «Новаго Времени», эта цѣль дѣлается предметомъ общественнаго интереса и сужденія. Органъ г. Суворина въ № 6939 спѣшитъ повѣдать намъ, что «болгарскіе депутаты пріѣхали просить дружбы Россіи и забвенія прошлаго». «Но у нихъ нѣтъ никакой опредѣленной политической миссіи»—наивно прибавляетъ газета. А просьба о дружбѣ и забвеніи прошлаго—развѣ это не есть опредѣленная политическая миссія, и при томъ первостепенной важности?

Какъ и слѣдовало ожидать по прежнимъ примѣрамъ, Суворинскій органъ не ограничивается простымъ сообщеніемъ: онъ является непрошеннымъ адвокатомъ «виноватой» Болгаріи. Глава депутаціи, митрополитъ Климентъ, сказалъ г. Лялину (репортеру «Новаго Времени») слѣдующее: «*Болгарія много виновата передъ Россіей*, виновата, что повѣрила одно время той лжи, которую распускали враги—повѣрила завоевательнымъ замысламъ Россіи».

Читатель, конечно, ждетъ что же далѣе, въ чемъ же собственно выражается повинная Болгаръ, не въ отмѣнѣ ли порядка сложившагося на зло Россіи? Нисколько. Кромѣ приведенныхъ словъ ничего нѣтъ. По мнѣнію «Новаго Времени», «эти знаменательныя слова способны удовлотворить самое щепетильное самолюбіе». О какомъ самолюбіи здѣсь говорится? Если о личномъ самолюбіи издателя данной газеты, то никто спорить съ нимъ не будетъ. Но если тутъ разумѣются интересы Россіи и слава настоящаго благополучнаго царствованія, то это мнѣніе является просто ребячествомъ. Итакъ, за ничего незначущее извиненіе въ томъ, что насъ обвиняли въ завоевательныхъ замыслахъ, Россія должна признать Кобурга, то-есть утвердить въ славянской и православной странѣ нѣмецко-католическую династію? Утвердить враждебное намъ австро-германское господство? Развѣ подобный шагъ не говорилъ бы ясно, что Россія только на Востокѣ, въ Азіи, способна къ активной энергической политикѣ, а что на Западѣ, въ Европѣ, она пасуетъ передъ назойливостью своихъ сосѣдей, смиренно признаетъ ставленниковъ Бисмарка, Кальноки и Стамбулова и тратитъ «дорогую русскую кровь» на

*) „Моск. Вѣд.“ 1895. № 175.

созданіе новыхъ троновъ для нѣмецкихъ принцевъ? «Новое Время» дипломатично умалчиваетъ о Кобургѣ; но всякому понятно, что подъ словами «примиреніе», «дружба» и «забвеніе прошлаго» депутація разумѣетъ прежде всего офиціальное признаніе Кобургской узурпаціи, на каковое признаніе никакъ не соизволялъ въ Бозѣ почившій Императоръ.

Въ томъ же нумерѣ, но въ другомъ, анонимномъ, сообщеніи, газета г. Суворина усердствуетъ въ возбужденіи нашихъ симпатій къ болгарскимъ депутатамъ, описывая ихъ препровожденіе времени, наружность и умѣніе хорошо говорить по-русски (благодаря тому что образованіе свое они большею частью получили въ Россіи). Тутъ мы узнаемъ что такой то изъ нихъ «стройный брюнетъ», а другой украшенъ «выразительнымъ, чисто русскимъ лицомъ и окладистою русскою бородой». Все это въ рекламныхъ видахъ, конечно, для газеты имѣетъ свое значеніе; но когда рѣчь идетъ о такомъ важномъ вопросѣ, въ которомъ сильно задѣты наша національная честь и наши существенные государственные интересы, право намъ не до окладистой бороды; подобные пріемы только еще болѣе оттѣняютъ легкомысліе и политическій индифферентизмъ (точнѣе было бы сказать: обскурантизмъ) даннаго органа печати.

26 іюня.

IV.

Г. Суворинъ о Болгарскомъ вопросѣ *).

Болгарскій вопросъ въ настоящемъ его видѣ принадлежитъ къ тѣмъ важнымъ и наболѣвшимъ у русскихъ людей вопросамъ, къ которымъ и прикасаться то надобно съ особыми предосторожностями, чтобы не бередить глубокой раны, нанесенной нашему національному чувству (конечно, у тѣхъ, у кого это чувство достаточно развито). И вдругъ такой вопросъ, подобно всякимъ другимъ, становится предметомъ Суворинской болтовни, предметомъ такъ-называемыхъ «Маленькихъ писемъ!» Только этого еще недоставало сему злополучному вопросу.

Рекомендую вниманію читающей публики № 6944 «Новаго Времени». Для характеристики означенныхъ писемъ помѣщенное въ данномъ номерѣ очень типично. Тутъ на двухъ столбцахъ сосредоточены почти всѣ отличительныя качества ихъ автора: безусловный обскурантизмъ въ политикѣ, некультурность литературныхъ нравовъ, отсутствіе какой бы то ни было логической послѣдовательности или логическаго мышленія и

*) „Москов. Вѣд.“, 1895, № 181.

по истинѣ хлестаковское себя рекламированіе. Тутъ, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу и «далекая Абиссинія», и «золотой мостъ въ Пекинъ», «Бисмаркъ и Вирховъ», а затѣмъ «Стамбуловъ и Амфитеатровъ», наконецъ «принцъ Фердинандъ». Только у Суворина принцъ Фердинандъ выходитъ самъ по себѣ, а Болгарская депутація сама по себѣ. Онъ даже не знаетъ того, что депутація сія отправлена въ Петербургъ не кѣмъ-либо другимъ, а именно принцемъ Фердинандомъ, и во всякомъ случаѣ съ его соизволенія.

Съ высоты своего торгово-промышленнаго бюро г. Суворинъ объявляетъ своимъ подписчикамъ: «Я очень радъ болгарской депутаціи». Затѣмъ увѣряетъ, что только «Московскія Вѣдомости» неодобрительно отнеслись къ суворинскому посольству г. Амфитеатрова въ Болгарію въ прошломъ году, но что его читатели, напротивъ, «встрѣтили корреспонденціи сего послѣдняго съ удовольствіемъ» и многому изъ нихъ научились, что самъ принцъ Фердинандъ «принималъ корреспондента и излагалъ ему свои взгляды», и т. д. Тѣмъ не менѣе, онъ, т.-е. авторъ «Маленькихъ писемъ», заявляетъ: «Къ принцу Фердинанду я довольно равнодушенъ». «А выше всего я ставлю миръ». Итакъ Европа можетъ быть покойна: издатель «Новаго Времени» стоитъ за миръ. Ну не Хлестаковъ ли это въ самомъ дѣлѣ? Между прочимъ, á propos de bottes г. Суворинъ вспоминаетъ, какъ въ 1876 году онъ «участвовалъ на *тайной* (о ужасъ!) политической сходкѣ въ Букурештѣ» и потомъ (о геройство!) «вмѣстѣ съ Болгариномъ переплылъ на утлой лодченкѣ черезъ Дунай, на границѣ Болгаріи и Сербіи». Если не ошибаемся, онъ ѣздилъ тогда корреспондентомъ отъ собственной газеты; но до сихъ поръ мы и не знали, какимъ страшнымъ опасностямъ подвергалась его драгоцѣнная особа! А не сидѣлъ ли онъ еще въ австрійской тюрьмѣ?—подобно вашему покорнѣйшему слугѣ, никакъ не менѣе г. Суворина радѣвшему тогда объ освобожденіи Болгаріи и ѣздившему туда безо всякаго побужденія рекламировать чью-либо газету. Только о подобныхъ собственныхъ радѣніяхъ и вспоминать-то совѣстно въ виду величія жертвъ принесенныхъ Россіей этому освобожденію, въ виду Балканъ, усѣянныхъ русскими костями. Господи, одна Плевна стоила намъ около 50,000 русскихъ жизней! И надобно быть газетнымъ Хлестаковымъ, чтобы печатно болтать теперь о «хорошихъ минутахъ», которыя вспоминаются ему изъ того времени, и взывать къ «русскому добродушію», конечно, для того чтобы увѣнчать наши жертвы. Кѣмъ же?— Ставленникомъ Стамбулова, нѣмцемъ и католикомъ Кобургомъ, къ которому онъ якобы «довольно равнодушенъ».

Что же касается грубыхъ личныхъ выходокъ и глумленія надъ наукой, то безъ нихъ г. Суворинъ и не мыслимъ. При семъ ненадобно забывать слѣдующей истины: если какой-либо присяжный или ремесленный фельетонистъ (нигилистическаго пошиба) безъ всякой серьезной подготовки становится издателемъ большой «политической» газеты и получаетъ полную возможность съ апломбомъ разсуждать о предметахъ, въ которыхъ онъ совершенно некомпетентенъ, т.-е. пропагандировать свое невѣжество, то это нисколько неудивительно. Съ одной стороны для таковыхъ издателей у насъ не существуетъ образовательнаго ценза, а съ другой значительная часть русской читающей публики (то же что и бумага) все терпитъ; такъ еще не высока наша культура и такъ мало еще развито у насъ національное чувство.

Случилось такъ, что это письмо мое появилось въ печати наканунѣ или въ самый день убійства Стамбулова.

Итакъ сей гнусный дѣятель погибъ самымъ жалкимъ образомъ. Предварительно онъ былъ выброшенъ за бортъ тѣмъ самымъ Кобургомъ, котораго цѣлыя семь лѣтъ, подобно тупому клину, вколачивалъ въ Болгарію съ помощью шпіонства, палокъ, тюрьмы и крови. Извѣстно, какая затѣмъ пошла дипломатическая игра по поводу обѣщаннаго перехода маленькаго Кобургскаго принца Бориса въ православіе (точнѣе, не въ унію ли?). Въ настоящее время, когда Англія во главѣ европейскаго концерта тѣснитъ Турцію, возбуждая въ ней внутреннее броженіе, Болгары хотятъ поднять Македонское движеніе. Но напрасно было бы въ семъ случаѣ разсчитывать на серьезную поддержку Англичанъ. Тутъ Славянство неизбѣжно натолкнется на нѣмецко-мадьярскіе интересы, противъ которыхъ Англія не пойдетъ. Это не Великая Арменія, которую понадобилось выдвинуть противъ Россіи и которая имѣетъ включить въ намѣченные себѣ предѣлы едва ли не все наше Закавказье; а потому созданіе сей Великой Арменіи проектируется вѣроятно съ помощію русской же оккупаціи ея турецкихъ частей.

2 іюля.

Графъ Л. Н. Толстой и антинаціональное направленіе *).

Любопытно наблюдать какъ, по крайнему недостатку у насъ критики научной, литературной и политической, органы ежедневной и еже-

*) См. „Московск. Вѣд.“ 1892, № 96.

мѣсячной прессы антинаціональнаго направленія постоянно повторяютъ и распространяютъ среди читающей публики массу всякаго рода ложныхъ представленій, незрѣлыхъ мыслей и антинаучныхъ мнѣній. Отпоръ, встрѣчаемый ими со стороны немногочисленныхъ представителей противуположнаго направленія въ русской печати, слишкомъ слабъ по своему болѣе или менѣе случайному проявленію, по своей разрозненности и несистематичности, тогда какъ наши антинаціоналы дѣйствуютъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ и постоянствомъ; дѣйствуютъ не только въ печати, но также въ преподаваніи, въ искусствѣ, въ частныхъ бесѣдахъ и т. д.

Въ послѣднюю эпоху Русской исторіи антинаціоналы обрѣли значительное подкрѣпленіе себѣ въ лицѣ бывшаго высокоталантливаго художника-писателя графа Л. Н. Толстого. Я говорю *бывшаго*, ибо его художественное творчество, увы, принадлежитъ уже прошедшему времени, а его произведенія послѣднихъ 12—15 лѣтъ представляютъ несомнѣнныя доказательства постепенно упадавшаго творчества и ложно направленнаго мышленія, хотя по временамъ онѣ еще даютъ яркіе проблески таланта литературнаго и наблюдательнаго. Сіе послѣднее въ особенности можно сказать о его соціально-психологическомъ этюдѣ *Смерть Ивана Ильича*, съ котораго, по моему мнѣнію, собственно и началъ обнаруживаться помянутый упадокъ. Въ свое время газеты и журналы не мало имъ восхищались; но никто не указалъ на одну весьма существенную черту: недостатокъ гуманнаго отношенія къ самой этой смерти. Предъ нами умираетъ не какой-нибудь извергъ или злодѣй, недостойный участія и сожалѣнія; умираетъ обыкновенный смертный, заурядный чиновникъ; но это обстоятельство не даетъ намъ права относиться къ нему то съ ироніей, то съ подчеркнутою индифферентностью и предъ великимъ таинствомъ смерти носиться съ его чиновничьею обстановкой. Такое отношеніе годилось бы для заурядного писателя, а не для графа Толстого. Я смотрю въ данномъ случаѣ не съ христіанской только точки зрѣнія, а съ человѣческой вообще и съ философской въ частности. Затѣмъ *Власть Тьмы* и *Крейцерова Соната* являются въ ряду послѣдующихъ его произведеній наиболѣе выдающимися пунктами, обозначающими постепенный упадокъ творчества и яснаго мышленія.

Что касается до богословско-философско-соціологическаго ученія, съ которымъ выступилъ графъ Толстой, характеристику его я менѣе всего взялъ бы на себя, ибо не понимаю ни его исходной точки, ни его путеводной нити. Да и самъ авторъ былъ бы, конечно, въ великомъ за-

трудненія, если бы его попросили ясно и логично формулировать свое ученіе. Если тѣмъ не менѣе нашлись у него послѣдователи, то это должно быть отнесено все-таки насчетъ его прежней славы, какъ писателя-художника, и вмѣстѣ насчетъ малаго пониманія сути дѣла со стороны сихъ послѣдователей. Богословско-философско-соціологическое ученіе графа Толстого, какъ извѣстно, на глазахъ читающей публики подверглось разнымъ метаморфозамъ, а въ какомъ періодѣ оно находится въ настоящую минуту, для меня представляется вопросомъ. Напомню, что въ исторіи основатели какого-либо замѣчательнаго ученія и пророки выступали обыкновенно съ готовымъ, зрѣло обдуманнымъ и ясно обозначеннымъ міровоззрѣніемъ (хотя бы въ основѣ и не совсѣмъ правильнымъ), а не заставляли публику присутствовать при самомъ процессѣ своего мышленія, своихъ сомнѣній и выводовъ, представляющихъ въ концѣ-концовъ великую путаницу понятій, какъ бы сія путаница ни была замаскирована блестящею фразеологіей, то-есть все тѣми же проблесками присущаго автору литературнаго таланта. Ничего собственнаго, оригинальнаго въ ученіи графа Толстого мы не находимъ, а видимъ только обрывки разныхъ системъ и ученій прошедшихъ и современныхъ, такъ что извѣстный малороссійскій философъ прошлаго вѣка Сковорода въ этомъ отношеніи представляетъ болѣе оригинальности и цѣльности.

Тонкій наблюдатель и великій мастеръ въ изображеніи частныхъ психическихъ движеній и бытовыхъ, житейскихъ чертъ, графъ Толстой никогда не поднимался на высоту сложныхъ общественныхъ вопросовъ, не изучалъ ихъ серьезно и не вдумывался въ нихъ глубоко. Очевидно онъ не задумывался и надъ извѣстнымъ положеніемъ Гегеля: *что дѣйствительно, то разумно.* Конечно изъ сего положенія отнюдь не слѣдуетъ, что всякій дѣйствительный статскій совѣтникъ разуменъ, какъ насчетъ Каченовскаго сострилъ Погодинъ (по свидѣтельству его біографа Н. П. Барсукова); однако по отношенію къ основамъ, на которыхъ зиждется человѣческое общество, оно совершенно вѣрно. Не изучалъ и не задумывался графъ Толстой, напримѣръ, надъ вопросомъ о національностяхъ. Ему остались мало понятными значеніе національныхъ организмовъ въ исторіи, ихъ тѣсная связь съ государственнымъ бытомъ, главныя условія ихъ развитія и т. д. Оттого такъ легко и поверхностно относится онъ къ вопросу о русскомъ національномъ направленіи, и даже въ послѣднее время впалъ по сему поводу въ отношеніе отрицательное или антинаціональное, хотя и прикрытое дымкой филантропіи.

Уже лѣтъ десять тому назадъ, по поводу однодневной переписи въ Москвѣ, графъ Толстой, посѣтивъ ночлежные пріюты, яркими красками описывалъ встрѣченную имъ нищету и, между прочимъ, восклицалъ: «накормить одну бѣдную старуху важнѣе чѣмъ многое другое считающееся важнымъ». Вторую половину фразы я теперь не помню, а передаю ея приблизительный смыслъ. Но помню, что нѣкоторые органы печати тогда носились съ сею фразой какъ съ нѣкимъ открытіемъ. Въ настоящее время графъ Толстой, какъ извѣстно, усердно занялся дѣломъ помощи для голодающихъ, дѣломъ вообще весьма похвальнымъ и достойнымъ всякаго уваженія. Но, къ сожалѣнію, на сей разъ онъ уже не ограничился одною старухой, а обрушился на весь нашъ соціальный строй и прямо заявилъ, что крестьяне голодаютъ потому, что высшіе классы слишкомъ сыты. Какая тутъ связь съ неурожаемъ—остается совершенно непонятнымъ; за то тѣсная связь этой проповѣди съ идеями соціализма ярко выступаетъ наружу, хотя опять-таки эта связь могла явиться неожиданно для самого проповѣдника, по недостатку указанной выше вдумчивости и строгой логичности. На этотъ то коренной недостатокъ я собственно и желаю указать.

Если бы графъ Толстой серьезно и послѣдовательно наблюдалъ, изучалъ и обдумывалъ соціальные вопросы, то, при своемъ большомъ умѣ, онъ несомнѣнно понялъ бы, что какъ ни почтенна частная благотворительность, однако она не можетъ устранить бѣдствія нищеты и сдѣлать довольными, зажиточными многіе милліоны Русскаго народа. А между тѣмъ строгое покровительство народному труду и широкое развитіе всѣхъ доступныхъ отраслей національной промышленности могли бы разлить дѣйствительное благосостояніе по лицу Русской земли; тогда было бы легко не только накормить бѣдную старуху, но и цѣлымъ населеніямъ перенести бѣдствія неурожайныхъ лѣтъ. До такой простой истины не додумался графъ Толстой, и допустилъ себя безсознательно стать въ ряды нашихъ антинаціоналовъ, то-есть нашихъ внутреннихъ враговъ! Его филантропія даетъ бѣдному копейку, а въ то же время его антинаціональныя тенденціи отнимаютъ цѣлый рубль.

Вотъ къ какимъ результатамъ приводитъ избытокъ самомнѣнія, при недостаткѣ научной подготовки и строгаго мышленія.

7 апрѣля.

Къ вопросу о „деревенскомъ кулакѣ", графа Толстого *).

Въ настоящее время русская критика занята чрезвычайно важнымъ дѣломъ: она разыскиваетъ глубокій общественный смыслъ въ послѣднемъ разсказѣ графа Толстого, *Хозяинъ и Работникъ*. Но, сколько я могъ замѣтить, розыски сіи нейдутъ далѣе обычныхъ толковъ о сельскомъ кулакѣ, съ тѣмъ только прибавленіемъ, что представитель этого излюбленнаго, и въ то же время антипатичнаго, типа на сей разъ, по капризу автора, не выдержалъ своей роли и самъ замерзъ, спасая своего работника, чѣмъ какъ бы искупилъ свои эксплоататорскія прегрѣшенія.

Не желаю мѣшать досужей критикѣ въ ея дальнѣйшихъ изысканіяхъ и выскажу только свой взглядъ на политико-экономическую сторону вопроса. По моему крайнему разумѣнію, этотъ разсказъ подтвердилъ то мнѣніе, которое считаетъ гр. Л. Н. Толстого очень талантливымъ разсказщикомъ, хорошо подмѣчающимъ мелкія бытовыя черты и явленія, но отнюдь не глубокимъ мыслителемъ, проникающимъ въ самую суть и въ корень этихъ явленій. Такъ, ярко очерчивая любостяжательность своего деревенскаго кулака, авторъ, очевидно, никогда и не задавался вопросомъ: да что это, въ самомъ дѣлѣ, за явленіе? Безусловно ненормальное и противообщественное, или оно имѣетъ и другую сторону, до нѣкоторой степени оправдывающую его существованіе? Развѣ этотъ типъ не есть представитель наиболѣе дѣятельнаго и энергичнаго элемента, выдающагося изъ пассивной, непредпріимчивой и невѣжественной среды? И можетъ ли производитель обойтись всегда безъ посредника-кулака, чтобы сбыть свои произведенія (въ данномъ случаѣ сельскохозяйственные продукты) и обмѣнять ихъ на другіе предметы его потребленія? Конечно, отталкивающею чертой кулака представляется его страсть къ наживѣ, проявляющаяся въ грубой, почти первобытной формѣ. Стало быть, дѣло сводится по преимуществу къ этой чертѣ. Но для мыслителя не въ этомъ должна заключаться суть явленія, присущаго отнюдь не одной деревнѣ, а, можно сказать, всѣмъ слоямъ общественнымъ. Почему же графъ Толстой ограничился столь узкимъ и порядочно избитымъ типомъ? Почему онъ не взялъ типъ болѣе широкаго общественнаго кулачества? Напримѣръ, какой благодарный сюжетъ представило бы ему недавно вскрывшееся на судѣ кулачество одного Нѣмца,

*) См. „Московск. Вѣд." 1895, № 84.

очень крупнаго эксплоататора, сумѣвшаго послѣдовательно и систематически поработить своей фирмѣ массу русскихъ фабрикъ посредствомъ поставки заграничныхъ машинъ и хлопка (фирма Кнопа). Благодарнымъ сюжетомъ въ томъ же родѣ могло бы послужить наблюдательному писателю кулачество крупныхъ коммерсантовъ, желѣзнодорожниковъ, банкировъ, векселедержателей, а, наконецъ, и то же явленіе среди крупныхъ газетчиковъ и журналистовъ. Тутъ одна рекламная сторона представляетъ какой богатый матеріалъ для наблюдателя! Конечно, этихъ господъ трудно поставить въ такое положеніе, чтобъ они замерзли гдѣ-нибудь въ снѣгу на проселочной дорогѣ, и чтобы предъ смертью предавались тѣмъ же размышленіямъ, какія авторъ придумалъ для «хозяина». Да и кони ихъ не похожи на Мухортаго, изображеніе котораго я нахожу наиболѣе удачнымъ въ разсказѣ гр. Толстого. Впрочемъ, эту удачу, кажется, кто-то уже отмѣтилъ прежде меня.

Вообще, политико экономическія воззрѣнія гр. Л. Н. Толстого весьма своеобразны, но совсѣмъ не глубокомысленны. Передъ нами, напримѣръ, его трактатъ о «Деньгахъ», изданный въ Женевѣ въ 1890 году. Тутъ онъ всю политико-экономическую науку, такъ-сказать, перевертываетъ вверхъ дномъ. Суть этого трактата заключается въ слѣдующихъ его словахъ: «Во всѣхъ же извѣстныхъ намъ обществахъ, гдѣ есть деньги, онѣ получаютъ значеніе обмѣна только потому, что служатъ средствомъ насилія. И главное значеніе ихъ не въ томъ, чтобы служить средствомъ обмѣна, а въ томъ, чтобы служить насилію» (30). Итакъ, благо людямъ безденежнымъ: они не подвергаются насилію. Для бѣдняковъ это должно быть утѣшительно.

Воля ваша, а я при всѣхъ своихъ великорусскихъ симпатіяхъ, сравнивая двухъ россійскихъ мыслителей, долженъ отдать предпочтеніе скромному малорусскому философу прошлаго вѣка, Григорію Саввичу Сковородѣ. Кстати въ октябрѣ прошлаго года въ Харьковѣ праздновалось столѣтіе со времени его смерти. Подробности объ этомъ малорусскомъ Сократѣ, собранныя профессоромъ Багалѣемъ, желающіе могутъ найти въ послѣднихъ книжкахъ *Русской Старины* и въ изданіяхъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

24 марта.

P.S. Итакъ, своимъ послѣднимъ произведеніемъ (т.-е. «Хозяинъ и Работникъ») графъ Л. Н. Толстой еще разъ подтвердилъ, что его художественный талантъ проявился именно въ обработкѣ бытовыхъ чертъ. Хотя его

слава главнымъ образомъ началась съ историческаго романа «Война и Миръ», но и этотъ романъ блеститъ не историческими собственно картинами и лицами, а бытовыми чертами и нѣкоторыми типами частнаго характера. Такъ, вопреки отзывамъ его поклонниковъ, ему не удались ни изображеніе Наполеона и Кутузова, ни картина Бородинскаго боя. Сія послѣдняя нейдетъ въ сравненіе, напримѣръ, съ картиною Ватерлосской битвы, вставленной въ романъ Виктора Гюго Les miserables. А тамъ, гдѣ онъ принимается философствовать и объяснять жребій войны случайностями, тамъ онъ обнаруживаетъ только малое знакомство съ историческимъ ходомъ событій и вообще недостатокъ историческаго мышленія. Извѣстно, что неумѣренные поклонники продолжаютъ ставить его на высокія ходули и возводить въ геніи; но этимъ они положительно повредили талантливому писателю, возбудивъ въ немъ крайнее самомнѣніе. На дняхъ поставлена была, разрѣшенная наконецъ для сцены, его пресловутая драма *Власть Тьмы*. Нѣкоторые органы печати, съ «Новымъ Временемъ» во главѣ, своею рекламою постарались предварительно раздуть эту постановку до степени событія. Но не помогло и собственное участіе автора въ самой постановкѣ: на публику пьеса производитъ тяжелое, почти кошмарное впечатлѣніе. Разумѣется, и тутъ нѣкоторыя отдѣльныя сцены недурно оттѣнены мелкими бытовыми штрихами; но психологическая сторона сильно хромаетъ, и послѣдняя сцена, т. е. публичное покаяніе главнаго дѣйствующаго лица, пришита очень неискусно, какъ говорится, бѣлыми нитками. Вообще никакой драмы въ Шекспировскомъ родѣ не получилось, хотя пьеса разыграна лучшими артистическими силами. Напрасно слѣпые обожатели автора неуспѣхъ ея сваливаютъ на то, что наши актеры будто отвыкли изображать русскихъ крестьянъ, или что они не понимаютъ всей (мнимой) ея глубины!

Что касается заграничной славы Л. Н. Толстого, то я лично убѣдился, какъ преувеличиваютъ ее тѣ же неумѣренные доморощенные панегиристы. Французы вообще мало его читаютъ; а философствованію его совсѣмъ не сочувствуютъ. Ихъ наружный интересъ къ его произведеніямъ и личности отчасти принадлежитъ франко-русскому сближенію, т.-е. акту любезности: такъ какъ всѣхъ Русскихъ они поголовно считаютъ безусловными его поклонниками, благодаря печатнымъ увѣреніямъ все тѣхъ же панегиристовъ. Болѣе искренности можно встрѣтить въ похвалахъ Нѣмцевъ; но ихъ сочувствіе графу Толстому обусловливается прежде всего принадлежностью его къ группѣ столь полезныхъ имъ русскихъ антинаціоналовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . III—VII.

По вопросамъ національной политики и экономіи . . . . . 3— 64.

Близка ли война. 3. Cavenat consules. 8. Письмо къ издателю, 11. По поводу неурожая и фритредерства. 13. По поводу торговыхъ договоровъ и толковъ о войнѣ. 19. По поводу антинаціональной печати. 22. По поводу вопроса о войнѣ и мирѣ. 27. По поводу особой комиссіи. 30. О покровительствѣ народному труду. 33. По поводу антинаціональной логики. (37). По поводу анархизма. (40). По поводу толковъ о новомъ договорѣ. 43. Нѣкоторыя общественныя недоразумѣнія: I. Государственная оборона. 46. II. Торговопромышленное сословіе. 48. Нѣчто о новыхъ способахъ заговаривать зубы. 52. Оригинальный тостъ. 57. Фритредерскіе курьёзы. 58. По поводу общественныхъ работъ. 62.

Еврейско-Нѣмецкій Drang nach Osten . . . . . 67—141.

Московскія письма о Евреяхъ: I—64. II—71. III—73. IV—79. V—81. VI—85. VII—89. Нѣмецкій фатерландъ въ сердцѣ Россіи. 93. По поводу замѣтки мирнаго обывателя. 96. Еще о національномъ покровительствѣ. 99. Мои корреспонденты. 102. Союзъ антинаціональной логики и мнимокультурной миссіи. 105. Дополнительныя замѣтки. 109. Защитники фиктивнаго подданства и чужеземныхъ захватовъ. 112. О нѣкоторыхъ явленіяхъ столичной печати. 114. Типичный представитель современной петербургской интеллигенціи и печати. 118. Нѣкоторыя историческія справки и сравненія. 122. Насущныя государственныя нужды и лжепатріотичный органъ печати. 126. Политическій нигилизмъ столичной печати. 130. Дополнительная замѣтка. 134. Еще курьёзы антинаціональной печати. 136. Антинаціональныя и лжехристіанскія теоріи. 138.

Поборники нашей отсталости въ дѣлѣ европейской культуры 145—222.

По поводу внѣшнихъ отношеній: I—145. II—150. III—153. Сибирская желѣзная дорога и оборона Россіи. 156. По поводу оппозиціи нѣмецкихъ аграріевъ. 160. Еще о тормазахъ для

Стр.

русской культуры. 164. По поводу тарифной войны. 167. Кіевская петиція и тарифная война. 172. Антинаціоналы какъ противники культуры и науки. 175. Наша „культурная борьба“: I—181. II—185. Слонимскія тенденціи. 189. По поводу средиземноморской эскадры. 194. Еще о необходимости покровительства. 196. Два слова моимъ возражателямъ. 200. Начала псевдонаучной политической экономіи. 203. По поводу торговопромышленныхъ заявленій. 209. Національная культура и частные барыши. 211. Европейская культура и С.-Петербургскія Вѣдомости. 213. Заключительныя слова: I—215. II—218.

Отвѣты противникамъ моего главнаго труда . . . . . 225—304.

Ересь жидовствующихъ на VI археологическомъ съѣздѣ. 225. Еще о ереси жидовствующихъ и митрополитѣ Зосимѣ. 230. Фактическія указанія. 238. Любопытная рецензія. 241. Рецензія эхо или сказка про бѣлаго быка. 248. Отвѣтная замѣтка г. Безобразову. 255. Диссертація г. Платонова и послѣднее слово науки. 257. Нѣчто о клеветѣ въ печати. 262. Корректурная критика профессора Русской исторіи. 264. Современный газетный Хлестаковъ. 277. Г. Суворинъ, подвизающійся въ исторіи. 279. Отвѣтъ г. Суворину. 281. Еще о г. Суворинѣ. 283. Онъ же въ роли ученаго изслѣдователя. 286. Заключительное слово о г. Суворинѣ. 290. Какія нынѣ печатаются статьи по Русской исторіи. 296.

По тѣмъ же и другимъ вопросамъ исторіи, политики и культуры 307—378.

По поводу пересмотра гимназическихъ программъ: I. Общіе принципы. 307. II. О правильной постановкѣ историческаго курса. 311. III. Къ вопросу о классической школѣ. 314. Рязанскіе этюды: I. Первое полустолѣтіе Рязанской гимназіи. 317. II. Мое не совсѣмъ удачное посѣщеніе города Рязани. 323. III. Привѣтственное слово по поводу восьмисотлѣтія города Рязани. 328. Моя рѣчь „о ближайшихъ задачахъ нашего покровительства“. 332. Postscriptum. 344. Культурный вопросъ и „Новое Время“. 46. Нѣкоторыя черты нашей общественности и печати: I—349. II—351. Postscr. 353. Нѣчто о газетной рекламѣ. 356. Нѣкоторые вопросы внѣшней политики: I—359 (газетная миссія въ Болгарію). II. Къ вопросу о китайско-японскомъ столкновеніи. 362. Postscr. 365. III. Болгарская депутація и „Новое Время“. 368. IV. Г. Суворинъ о Болгарскомъ вопросѣ. 369. Графъ Л. Н. Толстой и антинациональное направленіе. 371. Къ вопросу о „деревенскомъ кулакѣ“ графа Толстого. 375. Postscriptum. 376.